

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

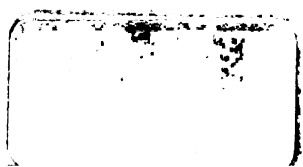
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855449 4

*QCA

* QCA

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

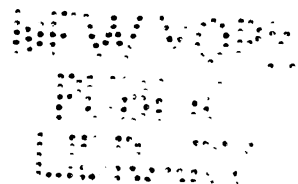

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. КРАЕВСКИМЪ и С. ДУДЫШКИНЫМЪ.

ТОМЪ СЛѢДШ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевского (Летняя, № 88).

1865.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
810916
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1916 L

Дозволено цензурою. Санктпетербургъ. 7 января 1865 года.

UNIVERSITY

УЧЕБНИКЪ
ИЗДАНИЕ
1865

И Е Д А В Н Е Е.

РОМАНЪ.

Часть первая.

I.

Было семь часовъ утра, погода прекрасная; отъ росы блестяль дернъ и еще темнѣли дорожки цвѣтника предъ небольшимъ господскимъ домомъ въ сельцѣ Надеждинскомъ. Это сельцо стоитъ довольно глухо въ сторонѣ отъ уѣздныхъ городовъ N—ской губерніи. Назадъ тому пятнадцать лѣтъ, когда происходила эта исторія, сельцо было бѣдно обстроено, и для того, чтобы не портить вида, расположено далеко отъ господскаго дома, нарядно выдвинутаго на пригорокъ, надъ тощимъ и зацвѣтшимъ прудомъ. Сельцо называлось Лоскутовщиной; но его владѣлица, Аграфена Петровна Таманова, нашла приличнѣе назвать его по имени своей старшей дочери, которой назначала его въ приданое. Переимѣна названія произвела нѣкоторую запутанность въ дѣлахъ полюбовнаго размежеванія и другихъ, потому что владѣлица никакъ не соглашалась даже соединить два имени, съ прибавкой частицы *жось*, а становые, землемѣры, посредники никакъ не умѣли взять въ толкъ этого Надеждинскаго, несуществующаго ни на какихъ планахъ; въ Надеждинское не знали дороги крестьяне окрестныхъ деревень; въ Надеждинское не вѣрилъ попъ прихода, къ которому оно принадлежало; грубые сосѣди-помѣщики еще долго терзали слухъ владѣлицы именемъ Лоскутовщины, пока, наконецъ, это обошлось и всѣ немного попривыкли. Въ іюнѣ 1849 года, Аграфена Петровна Таманова жила въ Надеждинскомъ съ дочерью и ея мужемъ, Григоріемъ Николаевичемъ Боровицкимъ, молодымъ человѣкомъ лѣтъ тридцати, гораздо моложе жены своей Надежды Сергѣевны, которая, семь лѣтъ назадъ, вышла за него замужъ по любви.

Т. CLVIII. — Отд. I.

1

Въ это утро, Боровицкій одинъ гулялъ, или, вѣрнѣе, бродилъ по двѣтнику, поглядывая на двѣты, которыхъ было много и всѣ разведенныя его работами. Половина оконъ дома была еще заперта ставнями; тамъ почивали, хотя во дворѣ была замѣтна суета, непривычная въ деревнѣ, а въ переднихъ комнатахъ—залѣ, гостиной, диванной—производилась чистка, подобная тѣмъ, которыя производятся въ барскихъ домахъ передъ праздниками. Два лакея вытащили изъ гостиной, чрезъ балконную дверь, коверъ, и принялись выколачивать его на площадкѣ предъ двѣтникомъ.

— Чтѣ вы дѣлаете? закричалъ имъ Боровицкій:—вся пыль на розаны!

— Барыня приказала, возразилъ лакей.

— Вынесите во дворъ!

— Подъ окошками у Зинаиды Сергѣевны нельзя стучать, неравно разбудишь, возразили опять, въ голосъ, оба, работая палками.

— Подальше оттащили-бы... проговорилъ, задохнувшись, Боровицкій.

Но работа была уже кончена; люди, непривычныя къ подобному труду, скоро утомились, и находя, что коверъ достаточно вымоченъ о сырой песокъ, повлекли его обратно на балконъ. Надъ мѣстомъ совершившагося дѣла поднимался столбикъ пыли, очень красивый въ чистомъ воздухѣ. Боровицкій чихнулъ и повернулъ за уголъ дома.

Домъ приходился тамъ въ два этажа, нижній и антресоля; узелки, тряпки, банки на окнахъ показывали, что это комнаты не парадныя, а жилыя, и жилыя—женскія; съ антресоля неся скриня кофейной мельницы. Когда проходилъ Боровицкій, одно окно внизу отворилось.

— Здравствуй, папа! раздалось оттуда.

Боровицкій оглянулся.

— Здравствуй, Машурка, отвѣчалъ онъ.

На его лицѣ выразилось удовольствіе, очень-понятное, если вообразить прелесть дѣтскаго голоса, который позвалъ его, и на темномъ фонѣ стараго окна, между вѣтками одичавшихъ акацій, маленькую, блѣнную дѣвочку, съ золотистыми вьющимися волосами, съ большими черными глазами, съ алыми губами, яркими какъ влажный кораллъ или листокъ только-что распустившагося мака.

— Здравствуй, моя звчочка, повторилъ Боровницкій, подходи и привставъ на фундаментъ: — что же ты сидишь, не гуляешь? давно проснулась?

— Давно, папа. Да видишь, некогда, я и не одѣта, на мнѣ только юбочка. Няня ушла, она кофей варить. Надо кофей скорѣе пить, какъ только тѣтя проснется, сейчасъ надо...

— Но развѣ кромѣ няни некому сварить? сказалъ Боровницкій.

— Всѣмъ некогда, отвѣчала Маша:— всѣ ушли. Я видѣла, какъ ты шелъ мимо. Я бы сама надѣла капотикъ, вышла къ тебѣ, да меня заперли.

— Кто жъ это распорядился?... Ну, надѣвай капотикъ, выйдй отсюда.

— Сейчасъ, папа.

Она исчезла изъ окна и чрезъ минуту явилась опять, застегивая пуговики своего капотика. Боровницкій протанулъ руки и высадилъ ее.

— Я Богу молилась, папа, сказала она:— bonjour, рара.

Ну, лучше порусски, возразилъ отецъ, между тѣмъ какъ она поцаловала, прижималась къ его лицу и душила ручонками его плечо.

— Хочешь? спросилъ онъ.

— Конечно, еще, а скоро захочу. Пойдемъ гулять куда, пойдемъ на деревню.

— Нѣтъ, душечка, на деревню нельзя—далеко.

— Отчего? мы тогда съ тобой ходили; ничего, недалеко.

— Конечно, ты не устаеть, но мнѣ нельзя: мнѣ надо быть дома. Я видѣла хозяйнѣ, Машурка. Вотъ, Петръ Иванычъ встанеть; мнѣ надо къ нему, занимать его.

— Петръ Иванычъ... Это—дядя, папа?

— Дядя. Надо говорить: mon oncle. Это мужъ тѣти Зины.

— Какой онъ толстый!

— Онъ очень хорошій человекъ.

— Чѣмъ, папа, онъ хорбшій человекъ?

— Всѣмъ, мила. Добрый.

— Я вчера вечеромъ какъ испугалась, папа! Я ужъ легла. Онъ, Петръ Иванычъ, пришелъ въ корридоръ и какъ онъ своего человека бранилъ! Ахъ, папа, какъ онъ его бранилъ, какъ кричалъ! Помнишь, бабушка на старосту тогда кричала?.. вотъ, такъ кричалъ. Помнишь, ты тогда ходилъ прощенія просить, а бабушка тогда легла...

— Хочешь розановъ, Машурка?

— Ахъ, да! да! наша, да! голубчикъ! Пойдемъ на деревню, маленький, пойдемъ, мое золото! Я кормилъ розаны отнесу. Ты поскорѣй воротись къ Петру Ивановичу... къ моему oncle, а меня оставь. Наня сказала, что нынче пошлютъ въ лѣсъ за ягодами; я пойду съ сестрицами въ лѣсъ, къ обѣду ворочусь, ягодъ тебѣ принесу...

— Съ какими сестрицами?

— Какъ, съ какими?—съ кормилицыными! съ сестрицами! объяснила Маша нетерпѣливо.

— Да!.. Я думалъ, съ кузинами. Нѣтъ, Маша, этого нельзя. Ты не одѣта, пойдешь въ лѣсъ, вся выпачкаешься—что хорошаго, съ крестьянскими дѣвочками. Вотъ, вечеромъ, если тѣтя Зина позволитъ, вы пойдете гулять съ маленькими кузинами, можетъ быть, и въ лѣсъ.

— Я съ кузинами не пойду, возразила Маша, надувъ губки.

— Почему? онѣ такія хорошенькія, умныя.

— Съ ними скучно.

— Какъ, скучно? Какая ты у меня диварка, Машурка! Онѣ только вчера пріѣхали, ты ихъ всего часъ какой-нибудь знаешь. Вотъ, познакомишься получше, будете играть...

— Нѣтъ, папа, милочка, я не хочу. Пойдемъ лучше учиться; я натошѣвъ всегда лучше учусь.

Боровицкій удмбнулся, но въ ту же минуту его лицо приняло нѣсколько озабоченное выраженіе.

— Это нехорошо, Маша, сказалъ онъ:—видишь, какая ты непостоянная. Бабушка правду говорить, что у тебя нѣтъ никакого порядка. Ты въ разныя стороны мечешься—то въ лѣсъ, то въ классъ—вѣдь это крайности...

Дѣвочка глядѣла, широко отвернувъ глазки.

— Посмотри, у всѣхъ порядоковъ, продолжалъ отецъ:—вотъ, твои маленькія кузины—теперь лѣто—онѣ и совсѣмъ не учатся, вакація...

— Это, наша, какъ ты хочешь, возразила она:—ты же самъ говорилъ, что надо учиться.

Она, казалось, огорчилась.

— Я говорю, конечно, отвѣчалъ Боровицкій:—но порядоковъ нуженъ во всемъ, Маша, у тебя порядка нѣтъ. Вакацію можно заниматься такъ, чѣмъ-нибудь, стихи учить...

— Ахъ, знаешь, веселе прервала она:—я, тѣ, что ты третью-го дня читать, выучила... спроси до точки, а тебѣ сейчасъ прочту:

O padre nostro, che ne' cieli stoi. .

Она читала молитву изъ «Чистилища». Отецъ умбался, довольный, и подсказывалъ; дѣвочка была очень счастлива, хотя сбивалась; у нея даже покраснѣли глаза отъ усилій памяти.

— *Dà, oggi a noi la cotidiana stampa...* Нѣтъ, больше не знаю, сказала она, вдругъ прервавшись, и стала целовать его и душить, что было въ ея привычкахъ.

Боровицкій опять отуманился.

— Все это хорошо, Маша, сказалъ онъ:—но надо, мой другъ, знать что-нибудь другое. Это—языкъ малозвѣстный, стихи эти старинные, серьезныя. Если тебѣ велятъ прочесть что-нибудь для гостей — ты ничего не знаешь.

— Какъ, ничего? возразила она:—я басни знаю, я пропастъ стиховъ знаю...

— *Пропастъ!* кто это такъ говоритъ? Такъ мужички говорятъ! Маша, сконфуженная, подняла голову.

— Что ты, папа?

— Ну, да, въ избахъ, мужички. Ты такъ скажешь при комъ-нибудь, тотчасъ и догадуются, что ты все въ избахъ съ ребятами.

— Я ничего, ни при комъ не буду говорить, возразила она: — я все буду молчать. Что же за бѣда, что я съ нормалной, съ сестрицами? вовсе не бѣда. Я ихъ люблю. Я съ ними всегда буду жить; а къ гостямъ не пойду...

— Вотъ еще, вздоръ какой! прервалъ, рассердился, Боровицкій.

— Не пойду! вскричала дѣвочка, рассердась тоже: — зачѣмъ къ гостямъ? Стихи читать? Вѣдь ты гостямъ стиховъ не читаешь? Что жъ, ты приведишь меня, скажешь: читай? Вѣдь это смѣшно! развѣ это театр? ты мнѣ о театрѣ рассказывалъ...

— Ну, пожалуйста, не рассуждай, сказалъ строго Боровицкій: — ступай къ себѣ домой; вотъ, дада идетъ, а ты даже и непричесана.

Но Маша не успѣла отойти, какъ къ ней приблизился господинъ, въ легкомъ сѣромъ пальто, и во всемъ остальномъ такого же изящнаго сѣраго цвѣта, и изящной матеріи. Этой матеріи должно было пойти очень много, чтобы облечь плотную, внескую фигуру, съ животою, почти несѣрознаго развѣра. Эта

фигура невольно всягла уваженіе важностью и достоинствомъ, съ которыми она занимала свое мѣсто на землѣ; она была бедра и непоколебима; и если что-либо беспокоило ее, то, казалось, одно ея собственное тяготѣніе. Господишь ступалъ медленно и легко, дышалъ сильно, отчего отдувались его круглыя щеки и подбородокъ, покоившійся на батистѣ. Его глаза были круглы, брови дугою, носъ округлялся; кисти рукъ, лишенныя возможности соединиться, были мягки и круглы, и украшались кольцами — съ печатью, обручальнымъ, и съ большой бирюзой. Пальцы, совсѣмъ барскіе, негибавшіеся ни для какого дѣла, развѣ для мягкой и плавной расыпки картъ по столу, были обременены на этотъ разъ тонкой тросточкой, взятой, конечно, для вида, потому что служить опорой такому барину — было не по силамъ тросточки. Баринъ назывался Петръ Ивановичъ Черемшневъ; онъ былъ зять Боровицкаго, женатый на сестрѣ его жены, Зинаидѣ Сергѣевнѣ.

— А, mademoiselle, произнесъ онъ, увидя Машу: — въ какомъ negligé! Чтò жъ, вланяйся-же, gut morgen, bonjour. Allez faire votre toilette... Я у тебя, братецъ, обошелъ тутъ кое-чтò, обратился онъ къ Боровицкому.

— Развѣ вы рано проснулись, Петръ Ивановичъ?

— Да, не спалось. Не на мѣстѣ. Кабинетъ твой... Комаровъ миллионы. Люди поднялись; гвалтъ.

— Васъ потревожили? спросилъ, встревожась, Боровицкій.

— Папа, теперь можно, я войду къ тебѣ въ кабинетъ, возьму «Европейскую Галлерей», сказала тихо Маша.

— Il ne faut pas somme-ça interrompre la conversation, зашѣтилъ ей дядя: — большіе говорятъ, слушать надо.

Но Маша уже ничего не слушала и, подпрыгивая, бѣжала на балконъ. Это движеніе выказывало ея тоненькія ножки, но съ длинн выѣтъ и старенькіе баннички и чулочки не нервой свѣжести, чтò было весьма прискорбно родительскому сердцу, особенно потому, что за всѣмъ этимъ наблюдалъ извѣстный дядюшка.

— Выправки вѣтъ, сказалъ Боровицкій улыбаясь, будто извиняясь.

Черемшневъ не обратилъ вниманія.

— У тебя есть оражжерей? спросилъ онъ.

— Маленькая цѣвтонная, отвѣчала Боровицкій: — я люблю цѣвты.

— Цѣвта! Цѣвтана ситъ не будешь. Это—женское дѣло, цѣвты.

У тебя и въ парникахъ ничего нѣтъ — я проходилъ. Это, братъ, не расчесть. Если самъ не ѣшь, не по средствамъ — то продавать бы могъ.

— Кому же здѣсь покупать? возразилъ, покраснѣвъ, смиренно Боровицкій: — губернскаго города — двѣсти верстъ; въ уѣздныхъ городахъ, или сосѣди...

— Свиный, братецъ, свинымъ, это я знаю. Это все рѣдкой да лукомъ питается. Это все мелкоотрачатые. Вотъ, только отстаивать ихъ надобно, а отъ нихъ за версту лукомъ, лукомъ несутъ — а отстаивать ихъ надобно!

Черемшевъ засмѣялся, что было хотя приятно для глазъ, но нѣсколько опасно при его сложеніи. Боровицкій смѣлся тоже, самъ не зная зачѣмъ.

— А отстаивать надобно? повторилъ онъ.

— Надобно, братецъ, надобно! отвѣчалъ Черемшевъ, смѣхъ котораго начиналъ переходить въ свистъ и кашель.— По обязанности надобно! Выбрали губернскимъ, ну, *maréchal de la noblesse*, такъ и рѣжесь за нихъ, что бы тамъ ни было. У меня еще съ зныи, слава-богу, покойно, ничего не вышло еще. Да вѣдь и губернаторъ у насъ человѣкъ такой... Прекрасный человѣкъ, заключилъ онъ, передохнувъ и серьёзно.

— Прекрасный? повторилъ Боровицкій.

— Прекраснѣйшій, не только прекрасный, подтвердилъ Черемшевъ.— И жена—милая женщина. Онъ въ большую играетъ, съ дрянью не связывается. Извѣстно, гдѣ же губернаторъ можетъ лучше сойтись съ обществомъ, какъ не въ клубъ? Ну, а если тамъ онъ себя выберетъ, такъ, по мелочи, какое же онъ понятіе получить о дворянствѣ? Ему честь дѣлаетъ, что онъ умѣлъ выбрать: все люди съ состояніемъ, не то что служакіе—служакіе ему въ глаза глядятъ, а съ состояніемъ, нашъ братъ, дворянинъ... Понимаешь — это не чиновникъ какойнибудь...

— Да, конечно, сказалъ Боровицкій:—чиновники, тѣ отъ него зависятъ. Помѣщикъ, неслужащій, конечно, человѣкъ образованный, съ голосомъ...

— Ну, да, ну, да, съ голосомъ. Вѣдь если онъ какуюнибудь безъ трехъ въ червахъ заломить—зависащій чиновникъ ему смолчать, а дворянинъ, равный его—предъ тѣмъ онъ не посмѣеть: вѣдь ему скажутъ и докажутъ... Это ему честь дѣлаетъ, честь дѣлаетъ Василью Васильичу...

— Вашего губернатора зовутъ Василій Васильичъ?

— Василий Васильевич Палугинъ, отвѣчалъ Черемнишевъ. — Да что жь ты это, братецъ, «вашъ губернаторъ?» развѣ онъ и не твой губернаторъ? Кажется, губернія-то у насъ съ тобой одна.

Онъ, казалось, чѣмъ-то оскорбился.

— Одна-то, одна, повторилъ Боровицкій: — но такъ-какъ у меня нѣтъ ничего въ этой губерніи... да и нигдѣ нѣтъ, прибавилъ онъ, смѣясь, но нѣсколько осторожно.

— Да-а... Но все-таки, продолжалъ Черемнишевъ: — не все-таки ты отъ жены, отъ тѣщи шаръ имѣешь. Сколько у нихъ, сто... съ чѣмъ?

— Сто... сто-четыре... сто-четырнадцать душъ, отвѣчалъ Боровицкій.

— Какъ же, шаръ. Еще мало вашъ шаръ неприятностей надѣлалъ на выборахъ, зимою. Скотина Бѣлосницинъ метилъ туда же, въ губернію. Когда стали меня баллотировать, онъ вдругъ вопросъ поднялъ: слѣдуетъ ли считать шаръ зятя, тѣщи — за дѣйствительный? Шуму надѣлалъ. Да не выгорѣло его дѣло. Всякая пядь, въ самомъ дѣлѣ, себя воображаетъ... Онъ, отроду, какъ засѣлъ у себя въ деревнѣ, да носомъ уткнулся въ разные римскіе-греческіе законы, да о семинольномъ, да о десятипольномъ... право, съ тѣхъ поръ ячницы съ саломъ дворянамъ не подалъ, не то что какое нибудь сближеніе...

Предводитель закашлялся и задохнулся. Боровицкій почувствовалъ себя неловко, когда онъ, переведа духъ, взглянулъ на часы. Было уже девять. Гость, вѣроятно, желалъ кушать.

— Одожди мнѣ, братецъ, огня, сказалъ онъ, послѣ новаго свиста и кашля, доставая сигару: — поутру, я непривыкъ...

Боровицкій доспѣшилъ къ балкону, въ домъ, за спичками, но Черемнишевъ вошелъ влѣдъ за нимъ и, закуривъ, расположился на диванѣ, въ глубинѣ гостиной. Боровицкій нашель возможнымъ уйти на минуту, узнать о хозяйственныхъ распоряженіяхъ для чая, для завтрака, для чего нибудь...

Лета юношески быстро по узенькой лѣстницѣ на антресаль, Боровицкій едва не сбилъ съ ногъ горничную, которая несла вахраманденное платье со множествомъ оборокъ. Посторонясь, онъ спросилъ:

— Что барыня, скоро?

— Встаетъ-съ, отвѣчали ему.

— Только еще встаетъ! Можно къ ней?

— Я спрошу.

Боровницкій подождаль у двери, куда скрылась горничная.

— Пожалуйте.

Надежда Сергѣевна занималась предъ вмиковизированнымъ туалетомъ. Она уступила свою спальню прїѣзжей сестрѣ, свою уборную—ея дѣтямъ и гувернанткѣ, и временно помѣщалась въ «складочной», то-есть въ удобной, красивой комнатѣ, съ высящимъ балкономъ въ садъ, но запущенной, заваленной, загрязненной какъ только возможно. Большое зеркало, которое, казалось, могло бы и висѣть, было приставлено къ стѣнѣ и придерживаемо стуломъ. Боровницкій постарался не смотрѣть на остальной безпорядокъ — въ тому же, было некогда.

— Нада, что же чай, душа моя? сказала онъ.

— Что же чай? возразила она, нетерпѣливо вынимая изъ рукъ горничной подвязную косу, и еще нетерпѣливѣе старалась укрѣпить ее сама на своей головѣ. — Что же чай? Ты видишь... некогда. Да кому же чай? Зина пьетъ кофе въ постели. Она не выходитъ раньше двѣнадцати. М-ле Луаро и дѣтямъ ужь подали молоко и котлеты...

— Но, Петръ Ивановичъ?

— А, Петръ Ивановичъ! Но развѣ ты не спросилъ Петра Ивановича? развѣ онъ ужь всталъ? Не могу же я, такъ, бѣжать, узнавать, что надо Петру Ивановичу!

— Да, но... Онъ, кажется, чай пьетъ...

— «Кажется!» Право, точно я хозяйка, что я должна обо всемъ... Наталья, иди, скажи, чтобъ няня сдѣлала, подали бы туда... гдѣ онъ?

— Въ гостиной.

— Въ гостиную бы подали. Да столъ бы накрыли, а то они, пожалуй, такъ, безъ салфетки... скажи нянѣ, гдѣ у нея левня ложечки... они, пожалуй, подадутъ обгрызенныя... Мои ложечки, съ вензелемъ, скажи! Да приходи скорѣе, мнѣ здѣсь одной... Да если куличъ готовъ, скажи, чтобъ наръвали, подали бы...

Надежда Сергѣевна бросилась отъ зеркала къ двери. Въ дверь выгнула голову, названная платочкомъ.

— Няня, да сдѣлай же милость, не бѣгай изъ мѣста въ мѣсто, дѣлайте токкомъ. Ложечки мои...

— Знаю, матушка, слышала я про ложечки. Да поваръ идетъ, который часъ ужь, сударыня, кушать что прикажете?

— Что онъ приспаетъ? обѣдать будутъ въ пять часовъ, слава-богу, успеетъ.

— Такъ, матушка, да провизія надо. Вчера съ вечера не приказали. Съѣздили бы, сударыня, за говядиной въ Паново, тамъ, село богатое, бьютъ, авось. Да пристань тамъ, рыбки бы посмотрѣли. А теперь, поваръ говоритъ, нѣтъ ничего. Цыплятъ однихъ душить, что съ нихъ возьмешь. Вотъ, о чухонскомъ маслѣ не приказали съ вечера—и нѣтъ его; Зинаида Сергѣевна къ дофеею спрашивала, а его нѣтъ...

— Господи! вскричала Надежда Сергѣевна, залившись слезами: — сестра въ десять лѣтъ въ первый разъ у меня въ домѣ, и ей нѣтъ нечего!

— Скажи повару, чтобъ сейчасъ онъ самъ ѣхалъ въ Паново, виѣшался Боровицкій

— Отецъ родной, возразила она, всплеснувъ руками: — это двадцать верстъ-то? да когда же онъ оборотитъ? Когда жъ ему готовить-то? Покуда пріѣдетъ, покуда искупитъ, да лошадку поворитъ... да найдетъ ли еще что искупить?... да самъ, грѣшнѣйшій человѣкъ, отдохнетъ, да воротится — глядишь, ужъ и вечеръ на дворѣ! Гдѣ же за всѣмъ управиться! Нѣтъ, вы извольте что другое приказать. И еще какъ маменька позволить подводу брать: сѣнокосъ. Да и народъ весь въ дуга ушелъ.

Надежда Сергѣевна рыдала.

— Пойдемъ, няня, я самъ потолкую съ поваромъ, сказалъ Боровицкій, уводя ее: — а ты покуда сдѣлай чаю для Петра Ивановича... Да сыру дайте, чего нибудь, тартинки...

Онъ пошелъ и воротился опять къ женѣ. Надежда Сергѣевна, вся расплаканная, занималась своей косою.

Надежда Сергѣевна была четыре года старѣе своего мужа, блондинка, когда-то недурна, но семь лѣтъ супружества, хотя бы и по любви, притуляютъ желаніе нравиться, и потому, въ настоящую минуту, Надежда Сергѣевна не заботилась скрывать разочаровывающихъ подробностей, въ родѣ накладной косы и легкихъ притираний, румяные слѣды которыхъ видѣлись на полотнцѣ. Слезы идутъ къ непогнѣтымъ лицамъ; въ тонкомъ, завальномъ чертамъ Надежды Сергѣевны онъ не или положительно. Къ тому же это были слезы гнѣва, столько же, сколько грусти, а гнѣвъ былъ блѣдный, безсильный, какъ блѣдна и безсильна вся блѣлая фигура Надежды Сергѣевны.

— Боже мой, какъ я несчастна! выговорила она, не оборачиваясь къ мужу, но видя его за собою, въ зеркало.

— Успокойся, Нада, я все устроилъ, сказалъ Боровицкій.

— Это—беспорядокъ, вѣтъ—нерадѣніе, вакого я и не видывала!

— Наши люди не привыкли... возразилъ Боровицкій.

— Не привыкли! Кто жъ въ этомъ виноватъ? Я думаю, чѣмъ заниматься ботаникой, ты бы могъ заняться чѣмъ нибудь въ домѣ. Я противъ моей матери идти не могу, а ты мужчина. Надо жъ имѣть хоть какую нибудь силу характера. Я вѣчно одна! Маминька, говорятъ, даже и не просыпалась, у нея и ставень не отворяла; если и проснулась, то богу молится, а это для того только, чтобы оставить меня одну въ затрудненіи...

— Ну, вотъ, затрудненія кончены, отвѣчалъ Боровицкій:— одѣнься, узнай, чѣтъ сестра...

— Одѣнься! вскричала она:—еще бы... Но, ради-бога, не мни же моего платья!

Платье, пли ворохъ оборокъ, висѣло на стулѣ, внизу рукавичками. Боровицкій имѣлъ неосторожность къ нему прислониться.

— Поиди же отсюда, оставь меня одѣться! прибавила Надежда Сергѣевна съ новыми слезами.

Боровицкій поспѣшилъ уйти. Мама позвала его внизу, въ коридорѣ, но онъ отвѣтилъ ей: некогда — и направился къ гостиную.

Тамъ завтракалъ Черемшневъ. Завтракъ устроивали няня и лакеи, люди непривычные, потому кое-что и вышло неладно. Куличъ горячій, только изъ печи, былъ нарѣзанъ толстѣйшими, неуклюжими ломтями и подавъ безъ салфетки; напротивъ, сыръ, о которомъ приказывалъ Боровицкій, былъ наструганъ очень тонко и разложенъ кружочкомъ по тарелкѣ. Лакеи, неизвѣстнаго понятія о тартинкахъ, сообразили, что къ сыру необходимы черныи хлѣбъ и водка. Видъ этихъ предметовъ покорибилъ Боровицкаго, хотя они и были уже отставлены на другой столъ, вѣроятно, по приказанію самого Черемшнева.

— Чѣмъ у тебя, братецъ, людей зовутъ? спросилъ онъ:—колокольчика нѣтъ, я и кричалъ и свисталъ — никого нѣтъ.

— Чѣтъ вамъ угодне, Петръ Ивановичъ?

— Да вотъ, чтобы это убрали.

Боровицкій пошелъ отыскивать лакеевъ. Пока онъ занимается этимъ, гувернантка ввела въ гостиную двухъ дѣвочекъ, лѣтъ восьми и шести, дочерей Черемшнева. Дѣвочки были очень нарядны, преврасно причесаны, держались чинно и, присѣдая, граціозно вертели коротенькими шелковыми юбочками.

— Bonjour, papa, сказали онъ объ въ голосъ.

— Bonjour, отвѣчалъ Черемышевъ, величественно куря сигару и отечески давая имъ цаловать свою руку.—*Bien bonjour, mademoiselle Loicot*, прибавилъ онъ, отдѣляясь отъ спинки дивана и шаркнувъ ногой не вставая.

Гувернантка присѣла тоже.

— *Promenez? Vous allez promener?* продолжалъ Черемышевъ.

— Мы не знаемъ куда идти, заговорили объ дѣвочки.

— Спросить надо, *demandez*. Эй, человекъ!

Лакей явился убирать завтракъ.

— Гдѣ тутъ, братецъ, пройти въ садъ, что ли?

— Вотъ-съ, отвѣчалъ тотъ, нѣсколько изумленный, показывая на отворенный балконъ, изъ котораго былъ видѣнъ садъ.

— Да вѣдь проводить надо, братецъ, понимаешь?

— Собагъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ лакей, поглядывая на барышень и улыбнувшись отъ удовольствія, что въ гостиной такіе нарядные гости.

— Чему ты смѣешься, болванъ? строго замѣтилъ Черемышевъ:— вынеси все и сейчасъ явись проводить. Живѣй, все, все разомъ! *Is n' ont pas d'esprit ces hommes*, прибавилъ онъ, обратясь къ гувернанткѣ.

— *Oui!* Очень неловки! отвѣчала она.

Лакей, забравшій слишкомъ много на руки, запнулся въ дверяхъ. Что-то зазвенѣло.

— Бей! закричалъ Черемышевъ, тѣмъ насмѣшливымъ тономъ, которымъ господа разнообразять свои грозы.—Что, много ли переколотивъ?

— Ничего-съ, отвѣчалъ лакей изъ залы, но было замѣтно по голосу, что онъ наклонился къ полу и черенки измѣнили, зашуршали.

— Ничего! повторилъ, засмѣявшись, Черемышевъ:— хорошо! все ничего!... Да въ этомъ домѣ *il n'y a pas beaucoup des choses pour casser, pas beaucoup des choses*.

Дѣти и гувернантка смѣялись вслѣдъ за нимъ.

— *Il ne vous plait pas le séjour ici, le séjour?* продолжалъ онъ, обращаясь къ гувернанткѣ:—ну, ненадолго. Дни три-четыре еще пробудемъ. Надо мнѣ было, наконецъ, это для моей belle-mère сдѣлать: я десять лѣтъ женатъ, и въ первый разъ у нихъ. Честь знать надо, *il faut savoir l'honneur, mademoiselle Loicot...* А что вы, *grand'maman* видѣли?

— Нѣтъ, еще не встала, отвѣчала гувернантка, за дѣтей, которые стояли, чинно сложа ручки.

Черемышевъ засмѣялся.

— Ну, allez promenez, сказалъ онъ:—въ цвѣтникѣ можно. Да тутъ у васъ кузиночка есть маленькая, видѣли вчера? Вы ей скажите, чтобъ она васъ проводила.

Боровицкій, обходившій, между тѣмъ, весь домъ за распоряженіями и приказаніями, зашелъ въ гостиную на эти слова.

— Гдѣ твоя дочка, братецъ? спросилъ его Черемышевъ:—мои гулять хотятъ; хотя бы она похозяйничала, людей у васъ не добьешься.

— Сейчасъ, сказалъ Боровицкій и отправился звать Машу.

Онъ нашелъ ее въ ея дѣтской. Надежда Сергѣевна была тамъ, одѣтая и разстроенная, наблюдая, какъ Машу причесывали. Горничная старалась пригладить и примазать вьющіеся волосы, никогда незнакомые съ помадой. Дѣвочкѣ было приказано не шевелиться; впрочемъ, и безъ того ей было трудно шевелиться во всемъ, что на ней было надѣто накрахмаленнаго, и въ бантивахъ, которыми ее украсили, въ подражаніе наряду кузинъ.

— Машу зовутъ, сказалъ входя Боровицкій:—что это, Надя! что за варварство, какъ такъ безобразить ребѣнка? Сдѣлай милость—заботься о чемъ хочешь, а это не твое дѣло!

Онъ всплилъ не на шутку.

— Снимите съ нея сейчасъ эти вздоры! продолжалъ онъ, обрывая съ дѣвочки бантики:—сейчасъ, все долой!

— Что жъ ты хочешь, чтобъ твоей дочери было стыдно показаться? выговорила Надежда Сергѣевна, вся блѣдная.

— Ну, да, этого хочу! вскричалъ Боровицкій:—воды, Наталья, намочи ей голову.

Надежда Сергѣевна вышла, хлопнувъ дверью, и остановилась плакать въ корридорѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ, мимо нея, мужъ провелъ за руку Машу въ простомъ ситцевомъ платьицѣ; золотые волоски, обрадовавшись водѣ, завились еще круче, кусочками и клубочками.

— Удивительно! сказала Надежда Сергѣевна.

— Полно, моя милая, сказалъ Боровицкій:—Маша, давай просить прощенія у мамы. Мама, душевка, [не наряжай насъ впередъ богъ-знаетъ-какъ. Это нейдетъ къ ней, Надя; это не художественно, другъ мой (онъ поцаловалъ жену). Ну, прости насъ, мама. Ты видишь, Надя, я тебѣ столько разъ говорилъ, у нея

на тотъ жанръ фзіономіи; у нея своя красота, красота для знатока...

— Э, полноте! прервала Надежда Сергѣевна, отворачиваясь.

— Ну, вѣдь этому конца не будетъ! сказалъ Воровицкій и увелъ дѣвочку.

— И это—мужъ! и это—отецъ семейства! выговорила Надежда Сергѣевна, сжавъ руки съ отчаяніемъ.

Она прошла корридормъ къ дверямъ своей спальни, которую занимала сестра, и постучалась.

— Можно войти, Зина?

— Entrez, ma chère, раздался голосъ за дверью.

II.

Зинаида Сергѣевна сидѣла въ большомъ креслѣ, придвинутомъ къ туалетному столу. Это кресло стояло прежде у огня; Надежда Сергѣевна имѣла привычку, по вечерамъ, погрузясь въ мягкія подушки, смотрѣть въ темноту и слушать ночную тишину. Она не узнала также и своего скромнаго туалетнаго стола, перенесеннаго изъ уборной: онъ былъ заставленъ серебрянымъ зеркаломъ, серебряными коробочками, хрустальными флаконами. Пятнадцать лѣтъ назадъ, въ провинціи, роскошь подробностей туалета была еще всеобщаю; дамы, даже владѣтельницы полуторы тысячи душъ, какъ Зинаида Сергѣевна, еще экономничали, хозяйничали, отговаривались, что имъ не до туалета, некогда. Но Зинаида Сергѣевна ужъ позволяла себѣ пользоваться своимъ состояніемъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ ея мужъ былъ выбранъ губернскимъ предводителемъ. Къ тому же, ей было едва тридцать лѣтъ и она была очень хороша собою; прекрасный свѣжій цвѣтъ ея лица не нуждался ни въ какихъ притираниахъ, темно-каштановые волосы были роскошны. Въ N. ее единогласно называли une belle femme, и, выбирая предводителя, ахали отъ восторга, какаа будетъ предводительша.

На Зинаидѣ Сергѣевнѣ былъ бѣлый капотъ, весь выпятый; въ то время, имѣть шитье хотя въ небольшомъ видѣ, считалось богатствомъ, но объ обладаніи такимъ капотомъ не смѣли думать многія богатыя. Надежда Сергѣевна оглянулась на узенькую оборочку собственнаго произведенія, грустно прижавшюся къ ея стѣсенной груди, и поцѣловала сестру.

- Хорошо ночевала, Зина?
 — Да. Тамъ ужъ всё встали?
 — Мужья наши, дѣти, да. Маменька еще не выходила.
 — А ты, что жъ такъ рано? хозяйничаешь?
 — О, нѣтъ.
 — Кто жъ у васъ этимъ заправляетъ?
 — Маменька... мужъ.
 — Григорій Николаичъ? будто онъ умѣетъ?

Надежда Сергѣевна была слишкомъ взволнована и потому не могла отвѣчать спокойно.

— Ровно ничего не понимаетъ... Впрочемъ, гдѣ жъ ему, сѣге аміе, прибавила она, спохватившись и удержавъ порывы своего голоса:—ты знаешь, онъ воспитанъ не въ деревнѣ, нивогда не былъ помѣщикомъ. До него, съ дѣтства же доходили эти мелочи. Въ богатствѣ, въ роскоши, въ знати...

— Что его тѣтка... тѣтка, кажется? графиня Рашиова, жива?

— У которой онъ воспитывался? жива, сѣге аміе—во Флоренціи. Дядя Зерновичъ умеръ, больше года... потому я и не въ траурѣ, прибавила Надежда Сергѣевна.

— Что жъ онъ, сдѣлалъ для Григорія Николаича что-нибудь?

— Вѣдь онъ былъ внучатный дядя, сѣге аміе, и свои дѣти... Да, онъ оставилъ Грегуару... деньги.

— Много?

Да...

Зинаида Сергѣевна осторожно промолчала.

— Впрочемъ, что я говорю? нѣтъ, немного. Судя по состоянію Зерновичей, вовсе малость. Знаешь, Зина, я это говорю не въ интереса, а такъ... Я по сердцу сужу: отъ нѣсколькихъ тысячъ, оставивъ племяннику, который росъ на глазахъ, какія нибудь шесть тысячъ серебромъ... это тоже обидно!

— Маменька, то-то, я думаю, сердилась?

— Она за все сердится, отвѣчала Надежда Сергѣевна довольно рѣзко:—ей больше всего неприятно, что Грегуаръ не отдаетъ ей въ руки этихъ денегъ... Ты вообрази, каково мнѣ между ними...

— А, сама хотѣла! за то мужъ хорошенькій, возразила Зинаида Сергѣевна, смѣясь. — Батюшки, какъ ты была въ него влюблена! Что ты, поврежнему, стихи пишешь?

— О, полно!

— Помилуй, чего «полно!» Я тогда тебя вывозила, ты моей

меньшой вдругъ сдѣлалась... Еще какія штуки дѣлала: бывало, въ собраніи, даже не садится близко ко мнѣ, чтобъ не видѣли, съ кѣмъ прѣхала, какъ-будто никто и не догадается! Тебѣ это было очень неприятно, что я замужемъ, а ты—нѣтъ. Оно и въ самомъ дѣлѣ очень неприятно, une fille de vingt-cinq ans... Тебѣ, никакъ, ужь двадцать-семь было, какъ ты вышла?

— Да...

— Вотъ, *étiez-vous amoureux, bon Dieu!* продолжала, смѣясь, Зинаида Сергѣевна:— вотъ была страсть романтическая! тебѣ, я думаю, самой теперь смѣшно?

— Не смѣшно, а грустно.

— Чѣмъ же грустно?

— Онъ... далеко не тѣ...

— Ахъ, матушка, не вѣкъ же цаловаться! да ты и старше его! Довольно, что тогда ему голову тобой набили. Вѣдь его, просто, поймали; ты сама, я думаю, помнишь. Стихи твои тогда ему подсунули, а онъ, романтическая голова... Ахъ, Господи, такая была потѣха! Старуха Деревская, молодець, все устроила. Еслибы не она, не быть бы тебѣ замужемъ.

— Да вѣдь всякое замужство трудно устроить, возразила Надежда Сергѣевна, покраснѣвъ:—и ты о себѣ немало хлопотала...

— Ахъ, матушка, что жъ я хлопотала, да развѣ такъ какъ ты? Для меня чловѣка не ловили; я только шила себѣ платья къ лицу, да выѣзжала больше... И къ тому же, было изъ чего хлопотать! Пьеръ имѣеть состояніе, слава-богу, я десять лѣтъ живу какъ должно. А ты совсѣмъ другое дѣло; ничего больше, какъ то, что тебѣ хотѣлось замужъ. Что жъ такое твой Грегуаръ? За душой ничего; родство у него, что для него сдѣлало это родство?

— Конечно, ничего, отвѣчала Надежда Сергѣевна:—но онъ и самъ странный чловѣкъ, нисколько о себѣ не заботится... такъ...

— Что онъ дѣлаетъ? спросила Зинаида Сергѣевна.

— Ничего цѣлый день... Ахъ, Зина!

Надежда Сергѣевна заплакала, обнимая сестру.

— *Vous êtes romanesque comme toujours, ma chère,* сказала Зинаида Сергѣевна, слегка прикоснувшись къ ея щекѣ своими свѣжими, тонкими губами:—но, вѣдь, я думаю, ему и дѣлать-то нечего? Имѣніе невелико, и то въ рукахъ у маменьки.

— Да, но все же... Знаешь, Зина, право, нужно что нибудь и положительное, онъ долженъ бы подумать...

— Правда, вотъ, дочь у васъ. Кто у тебя при ней?

— Нянька... отвѣчала Надежда Сергѣевна, глядя въ сторону, потому что конфузилась своего отвѣта:—кому же больше, *chère amie*? Я не имѣю возможности взять гувернантку... Но, вотъ, еще, дочь: онъ самъ ее учить; положимъ, *elle parle le français, l'allemand*, выдумалъ учить ее поитальянски...

— Да! вѣдь онъ, кажется, былъ тамъ?

— Какъ же, дѣтство провелъ въ Италіи.

— Да, да, да, у своей тѣтушки. То-то онъ и фантазируетъ. А вѣдь вы вмѣстѣ фантазировали, Дина? Ты еще въ невѣстахъ стихи писала: «*Italie, seconde patrie...*» такъ, кажется? Вмѣстѣ туда собирались, какъ обвѣнчаетесь.

Зинаида Сергѣевна смѣялась, Надежда Сергѣевна закусилла губы.

— Конечно, что жъ, если средствъ нѣтъ, продолжала Зинаида Сергѣевна. — *Il est toujours très-joli garçon, ton mari*. Но ты бы для дочери взяла когонибудь. Впрочемъ, и тутъ опять бѣда: возьмешь старуху — съ маменькой не поладить, возьмешь молодую — мужъ...

— Ахъ, Зина, я не думала, что ты станешь смѣяться! Мое положеніе ужасное, я такъ скучаю, такъ скучаю! Впервыхъ, маменька; ты знаешь ея характеръ. У нея и у Грегуара постоянныя непріятности. Маменька недовольна, что онъ ничего не дѣлаетъ, а онъ не умѣетъ ни за что взяться. У него какія-то понятія странныя; надъ нимъ мужики смѣются, его всѣ обманываютъ. Выросъ у знатныхъ родныхъ, въ богатствѣ, служилъ — ну, одному ему и доставало чѣмъ жить, а теперь, какъ пришлось жить въ семействѣ, домогъ, онъ соритъ деньгами, ничему дѣлу не знаетъ, ни о чемъ не позаботится! Цѣлый день возится съ этой дѣвочкой, балуетъ ее, а то начинаетъ и не кончаетъ картины, пейзажи... Вообрази только, нынѣшней весной послалъ на выставку свой пейзажъ!

— Куда? спросила Зинаида Сергѣевна.

— На выставку, та *chère*, въ академію, въ Петербургъ. И вообрази еще — вздумалъ продавать это тамъ, цѣну назначилъ!

— Чтò за вздоръ! воскликнула предводительша.

— Счастье, что не продалось, продолжала Надежда Сергѣевна:—но вѣдь все равно — имя свое онъ выставилъ, компрометировался. Ну, какъ послѣ этого, подумай только, покажется онъ къ своей тѣткѣ, графинѣ Рашковой, къ кузенамъ Зерновичамъ, какъ они его примутъ? Съ кѣмъ онъ ставилъ себя на одну до-

ску?... И все, вотъ такъ... Да, хуже! Вздумалъ переводить или сочинять, сочинять, кажется... un roman, que sais-je, и тоже и осылалъ, просилъ печатать...

— Что ты говоришь? Съ ума онъ сошелъ?

— Да, слава-богу, запретили. Вотъ, спроси его, онъ тебѣ самъ разскажетъ...

— Боже меня сохрани! Стану я о всякой чепухѣ спрашивать!

— И, вотъ, я тебѣ говорю, все такъ. Представь себѣ, послѣ этого, какъ идетъ у насъ день. Я вѣчно одна—то-есть, съ маменькой; маменька цѣлый день сердится, упрекаетъ меня, зачѣмъ я полюбила Грегуара, зачѣмъ за него вышла...

— Ну, вотъ когда спохватилась, прервала, смѣясь, Зинаида Сергѣевна:—а сама первая была рада тебя отдать! Что бы она стала съ тобой дѣлать? П'у avait donc plus de chances pour vous marier. Вывозить тебя—денегъ не было, да и сколько же еще лѣтъ, наконецъ? Если она надѣялась на Петра Ивановича, такъ вѣдь и того довольно, что до твоего замужства—немного, немало, три зимы—Петръ Ивановичъ дѣлалъ тебѣ весь гардеробъ для выѣздовъ... И то еще я упросила...

— Я это помню, Зина, отвѣчала смиренно Надежда Сергѣевна.

— Маменька, богъ ее знаетъ, чѣмъ и когда бываетъ довольна, продолжала спокойно Зинаида Сергѣевна.—Помнишь, какъ тебя отдали, она напрашивалась переѣхать жить къ намъ. Она тогда говорила Петру Ивановичу, что обяжетъ твоего мужа подпискою, выплачивать ей на содержаніе по смерти. Это значило, расчесть: жить у насъ на всемъ готовомъ, да и отъ своего—вотъ отъ этого—ниѣмъ пользоваться. Ты въ подробности этихъ переговоровъ, я думаю, не знала: ты вся въ своей любви была. Это было ни на что непохоже, что маменька дѣлала. Петръ Ивановичъ ей наотрѣзъ отказалъ. Помилуй, жить съ нимъ! Ты сама видишь, какво; что же за радость на себя брать? Мы тогда уѣхали къ себѣ въ ярославскую деревню, потомъ въ Москвѣ жили—помнишь? Я могу тебѣ показать письма: Петръ Ивановичъ не скрывалъ отъ меня... Маменька ему по десяти разъ въ годъ писала, все жаловалась и все денегъ просила. То хлѣбъ не родился, то хлѣбъ не проданъ, то твой мужъ ни о чемъ не заботится. Ну, смерть! Я поставила себѣ за правило—ни о чемъ, и ни о комъ не просить Петра Ивановича. Да и въ самомъ дѣлѣ, скажи, пожалуйста: ну, не вышла бы я за богатаго челоуѣка—маменька вѣдь жила бы чѣмъ нибудь? А это оттого просить,

что есть кого просить. Пьеръ меня за то и любить, что я ничего не прошу. Надо мнѣ, дѣтямъ, на туалетъ, на домъ, экипажи, это—дѣло другое, это — видимое; въ этомъ я могу отдать ему отчетъ—потому могу и просить. Да я и для мужа же обязана хорошо одѣваться. Вотъ теперь еще, съ тѣхъ поръ, какъ онъ губернскимъ предводителемъ, я издерживаю почти вдвое. Безъ этого нельзя. У насъ каждую недѣлю обѣдъ, мужской, но и я выхожу, приглашаю въ этотъ день какуюнибудь знакомую, одну, чтобы мнѣ не было неловко. Потомъ и такъ случаются обѣды. У Петра Ивановича безпрестанно дворяне. Въ царскіе дни только у насъ ничего не бываетъ: обѣдъ у губернатора, формальный — Пьеръ съ нимъ хорошъ, а потому и не перебиваетъ—а вечеромъ балъ въ собраніи. За то я сама ужъ непременно въ собраніи—вотъ, туалетъ... Вечера у насъ больше карточные, но все же бываютъ и дамы—опять туалетъ. Потомъ, въ прошлую зиму, мы сдѣлали два бала... Ah, c'était joli, Дина, не могу не похва-статься, c'était extremement joli! Для второго бала, особенно, мы залу передѣлали, соединили съ большой гостиной и эта арка была вся увѣшана виноградомъ: сначала завита плющемъ, зеленью, а потомъ виста... И въ зелени моя пунцовая мѣбель, московская, серебряные канделябры...

— Я совсѣмъ не знаю твоей мѣбели и твоего дома, Зина, ска-зала Надежда Сергѣевна: — я вѣдь шесть лѣтъ не была въ N.

— Неужто шесть лѣтъ? Это вы все здѣсь сидите? Что, у тебя есть сосѣди? У насъ, въ ярославской деревнѣ, много ихъ было. Я тамъ выучилась въ карты играть.

— Ты играешь? спросила Надежда Сергѣевна.

— А что жь?

— Молодой женщинѣ...

— Э, матушка, это ваши поэзіи! Кто жь нынче не играетъ? Что же больше дѣлать? Я-то, конечно, больше танцую. Вотъ, въ Москвѣ, я все танцевала. Нынѣшнюю зиму въ N меньше—нельзя. Я вѣдь честь дѣлаю съ бѣмъ танцую, заключила она и засмѣя-лась.

— Твой мужъ ревнивъ, Зина?

— Ma chère, это вы, романическія сердца, ревнуете. Что ему ревновать? Скажи, изъ чего я могу подать ему поводъ? Что жь, я стану дурачиться съ гѣмънибудь, на сплетни набиваться? Пу-стаканіи какія! Изъ чего? Есть у меня мужъ, есть состояніе—чего же мнѣ еще?

— Нѣтъ, но такъ... une illusion...

Зинаида Сергѣевна махнула своей маленькой, полной и прелестной ручкой почти надъ лицомъ сестры, размѣлась и встала.

— Сумасшедшая! сказала она: — все такая же, какъ была... Надо мнѣ одѣться; скоро двѣнадцать, кажется.

— Я позову; что прикажешь?

— Приказывать ничего не надо; моя Палагея знаетъ. Только отъищи ее. Она вѣдь здѣшняя, доскутовская; вѣрно, обрадовалась, чай распиваетъ съ тѣтушками, да съ дядюшками. Позови, пожалуйста.

Надежда Сергѣевна пошла отъискивать горничную.

— Дина, ma chère, встати, envoyez-moi mon mari! закричала ей вслѣдъ Зинаида Сергѣевна.

Мужья были оба въ гостиной. Черемышевъ все еще сидѣлъ на диванѣ; сидѣть было не очень покойно, но онъ приловчился къ мѣсту и потому не оставлялъ его, скрѣпя сердце. Онъ догурилъ свою сигару, постукивалъ пальцами въ столъ, поначивалъ ногою молча. Лицо его не выражало ни нетерпѣнія, ни недовольства человѣка, желающаго чѣмъ нибудь заняться; напротивъ, на немъ было начертано спокойствіе совершенное, довольство полнѣйшее: онъ жилъ, слѣдовательно, дѣлалъ дѣло. Боровицкій былъ обезноженъ не столько желаніемъ, сколько чувствомъ обязанности занимать гостя и истощалъ на это усилія, которыхъ гость даже не замѣчалъ. Дѣти были въ цвѣтничѣ. М-ле Луаро спросила шляпки своихъ воспитанницъ и свой зонтикъ. Боровицкій находилъ, что надо быть и съ ними, и время отъ времени заглядывалъ на балконъ. М-ле Луаро стояла предъ клумбой цвѣтовъ, ея воспитанницы подлѣ нея, также неподвижно. Маша бродила кругомъ и говорила одна изъ всего общества.

— Смотрите, сколько тутъ щавелю, между дерномъ, звонко закричала она, принеся нѣсколько листовъ кузиnamъ.

— Ne touchez pas à ces vilainies, замѣтила своимъ m-ле Луаро.

— Marie, fi, quelle horreur! строго сказалъ Боровицкій.

— Папа, да ты вчера самъ же говорилъ, что здорово...

Боровицкій ушелъ въ комнату.

— Вы, вѣроятно, поутру привыкли къ газетамъ, сказалъ онъ Черемышеву: — чтò дѣлать! Почта у насъ здѣсь приходитъ только разъ въ недѣлю...

— Я не получаю. Въ клубъ получаютъ «Пчелу», отвѣчалъ Черемышевъ, продолжая постукивать пальцами.

Это небольшое, ровное движеніе, при остальной неподвижности, дѣлало гостя какъ-то еще величавѣе.

— И нынѣшнія газеты! продолжалъ Боровицкій:— даже досадно, ничего толкомъ нѣтъ. Вотъ хоть бы послѣднія происшествія въ національномъ собраніи, Ледрю-Ролленъ...

— Да, въ окошко-то они полѣзли! сказалъ Черемышевъ и расхохотался до свиста.

— Выѣстъ и трагедія и комедія, продолжалъ Боровицкій, улыбувшись для компаніи: — и потомъ, эта осада Рима...

— Чтѣ у тебя, братецъ, есть сажалка? спросилъ Черемышевъ, прищурясь и вглядываясь въ балконную дверь.

— Сажалка?... нѣтъ... отвѣчалъ Боровицкій, хотя нѣсколько оторопѣвъ отъ неожиданности вопроса, но почему-то сознаваясь, что разговоръ, который онъ старался завести, былъ не кстатѣ, а этотъ въ самомъ дѣлѣ лучше.

— Для чего же нѣтъ сажалки? Ты бы выкопалъ. Гдѣ же вы рыбу держите? Матушка постница была; развѣ теперь все еушаетъ, не разбираетъ.

— Нѣтъ, она постится, отвѣчалъ Боровицкій.

— Какъ же вы безъ рыбы? Въ N., въ садкахъ зимой всегда есть; я подрядилъ для себя, чтобъ затрудненія никогда не было. Съ Столовымъ у меня непріятность вышла на прошлой масляницѣ. У меня блины были — почти официальные, потому что Василій Васильичъ общалъ; а онъ, Столовъ, вдругъ, въ тотъ же день, *folle journée* у себя назначаетъ! Мой поваръ приходитъ въ садокъ; тамъ ужъ Столова люди перекупили и тащить хотять къ себѣ, лучшее-то. Двѣ стерляди было: одна въ три четверти, а другая безъ полувершка аршинъ. Этакія! (Черемышевъ развелъ руками). Звенья янтарныя, вотъ, горы! (Онъ показалъ обѣими ладонями). Соусъ у меня подаютъ кислосладкій, особенный; я самъ составляю... А эти перекупили и тащутъ! И рыбаки-мошенники, продали... съ этими послѣ, это ужъ полицеймейстера было дѣло... Мой дуракъ прибѣжалъ домой, доложили мнѣ. Я въ Столову письмо, онъ не отвѣчаетъ, я—другое... да такъ изъ кухни у него взялъ своихъ стерлядей. За столомъ это еще предметомъ разговора послужило. Я говорю Василью Васильичу, что мы ѣдимъ съ боя взятое; смѣялись...

Онъ засмѣялся. Боровицкій былъ очень доволенъ, что гостю весело; ему даже начало казаться, что эти подробности его самого занимаютъ.

— Съ боя взятое! повторилъ онъ.

— Съ боя, съ боя! подтвердилъ Черемышевъ.

— Это кто же, Столовъ? спросилъ Боровицкій.

— Бывшій откупщикъ, братецъ; развѣ ты не знаешь? отвѣчалъ Черемышевъ съ какимъ-то негодованіемъ.—Онъ кончилъ откупъ въ милліонѣ, Столовъ. Имѣніе купилъ въ нашей губерніи, заломилъ громадиѣйшее. Милліонеръ, однако, струсилъ: на другой день во мнѣ извиняться пріѣзжалъ. Знаеть, что я, губернский предводитель, могу его очень и очень противъ шерсти погладить, коли захочу только. Очень перетрухнулъ. И въ женѣ съ любезностями—букетъ цвѣтовъ ей необыкновенныхъ изъ Москвы выписалъ; въ четырнадцать часовъ его въ пуховыхъ подушкахъ примчали, къ балу, прямо. У Василія Васильича былъ балъ на прощальное воскресенье...

— Въ N. весело живутъ, замѣтилъ Боровицкій.

— Да, дома четыре-пять есть, кому можно развернуться. Остальные такъ, мелкотравчатые, служащіе. Ты самъ служилъ, знаешь, каковы служащіе.

— Да, но я вѣдъ служилъ неженатый. Неженатому всегда есть возможность пожить.

— Какъ пожить... замѣтилъ равнодушно и вмѣстѣ значительного Черемышевъ.—А что, тѣща твоя и супруга, всегда такъ изволятъ, до двѣнадцати? или это только важности ради, при гостяхъ?

— Не знаю, сказалъ съ досадой Боровицкій, вставъ и направляясь къ двери, тоже не зная, зачѣмъ.

Ему встрѣтилась его жена; Черемышевъ немного приподнялся.

— Bonjour, сказала Надежда Сергѣевна, подавая ему руку:—надѣюсь, вы несовсѣмъ безпокойно почивали?

— Такъ давно всталъ-съ, что ужъ и забылъ, отвѣчалъ онъ, не то желая уколоть, не то желая полюбезничать.

— А Зина зоветъ васъ.

— Иду-съ.

Онъ пошелъ. Надежда Сергѣевна засуетилась, осматривая гостиную и самую себя въ зеркало.

— Матушка встаетъ или нѣтъ? спросилъ Боровицкій, которому зачѣмъ-то, казалось, нужна Аграфена Петровна, хотя онъ самъ не могъ сказать, зачѣмъ.

— Не знаю. Гдѣ дѣти?

— Въ саду, съ гувернанткой.

— Тагъ m-ле Луаро одна?

— Съ гѣмъ же ей быть? Мнѣ нельзя же было оставить Петра Иваныча.

— Никто и не просить тебя ее занимать... Чтò же обѣдъ?

Ее прервало на полусловѣ появленіе матери. Аграфена Петровна была старушка бодрая, хотя уже нѣсколько согнутая, носила темный парикъ, низко надвинутый надъ бровями, чтò усиливало суровость ея взгляда, часто морщилась, хотя бы могла этого и не дѣлать, потому что ея крупныя черты и безъ того были довольно сморщены. Ея чепецъ былъ старушечій, съ широкой оборкой, но съ большой претензіей на моду; правда, зеленые банты, нѣсколько завялые, опустились и хлопали ушами, но ленты были дорогія, французскія. Мантилья почтенной дамы была подъ горломъ заколота брошкой въ видѣ подковы.

— *Вояжюг, шатап*, сказала Надежда Сергѣевна, цалуя ея руку. Боровицкій поклонился, молча.

— Ты о столѣ спрашиваешь? сказала Аграфена Петровна дочери, между тѣмъ, какъ рѣчь назначалась для зятя:—вчера вѣдь никто объ этомъ не подумалъ. Теперь, по пословицѣ: «на охоту ѣхать—собагъ кормить.» Не безпокойтесь, сдѣлайте одолженіе: въ Панево чѣмъ свѣтъ поѣхали.

— Кого же вы послали? спросилъ Боровицкій.

Аграфена Петровна посмотрѣла на него.

— Кого послала?.. Да кто же у меня прислуги? Дѣвку свою гоняла на деревню, она велѣла мужику. Вы у меня отчета спрашиваете, кого я послала? вотъ кого—мужика. Мужикъ и поѣхалъ. Вѣдь если на васъ надѣяться — голодомъ насидишься...

— *C'est mesdames votre grand'mère*, послышался голосъ m-ле Луаро на балконѣ.

Она вошла съ своими воспитанницами; онѣ сдѣлали реверансъ и цаловали ручку бабушки. Мама подошла тоже и успѣла поцаловать эту ручку налету: бабушка была занята гостьями.

— Какія миленькія! Кушали вы, миленькія?

— *Merci, madame*, отвѣчала за нихъ гувернантка.

— Ахъ, какія миленькія! повторила бабушка:—что же, миленькія, вамъ не скучно?

Вошли Черемышевъ и Зинаида Сергѣевна. Снова начались цалованья ручки и вопросы о здоровьѣ. Зинаида Сергѣевна держала въ рукахъ какой-то ящичекъ; ея горничная принесла и положила на столъ довольно большой свертокъ. Присутствующіе,

должно быть, догадались въ чемъ дѣло, потому что Боровицкій отвернулся, Надежда Сергѣевна потупила глаза, Аграфена Петровна старалась удержать свои взгляды, увлекавшіеся то на свертокъ, то на ящичекъ.

— Ты похорошѣла, очень похорошѣла, Зина, говорила она, цалуя дочь: — и вы, Петръ Ивановичъ, знаете, какъ вы поправились, послѣ того, какъ я васъ въ послѣдній разъ видѣла.

Петръ Ивановичъ еще переводилъ духъ, наклонившись цаловать ея ручку, и потому Аграфена Петровна приподнялась-было на цыпочки, желая еще разъ поцаловать его въ лобъ, но удержалась, чтобъ его больше не тревожить.

— Мы васъ обезпокоили, маменька, сказала Зинаида Сергѣевна.

— Чѣмъ же, мой другъ, помилуй, чѣмъ же? Я съ вами душой отдохнула. Вчера не могла долго заснуть, все думаю: какъ это они со мной подъ одной кровлей? и сегодня — первая мысль... Оттого поздно и проснулась.

— Отъ дѣтей, позвольте, вамъ, маменька, проговорилъ наконецъ Черемышевъ.

— Отъ дѣтей, повторила Зинаида Сергѣевна, открывая ящичекъ:—это—отъ Софи.

— Софи! сказалъ Черемышевъ.

Зинаида Сергѣевна вложила въ руки своей старшей дочери статуэтку изъ вызолоченной и вычерненной бронзы, представлявшую рыцаря; подножіе было малахитовое.

— Это—звонокъ, людей звонить, объяснилъ Черемышевъ, и въ доказательство тронулъ пружинку: кулакъ рыцаря ударился въ щитъ и звонъ пошелъ на всю комнату.

— Ахъ, какая прелесть! воскликнула Аграфена Петровна.

Черемышевъ повторилъ опытъ.

— Вамъ кстати, сказалъ онъ:—у васъ звонка нѣтъ.

— Ахъ, какая прелесть! повторила Аграфена Петровна и еще позвонила сама; ей понравилось.

— А вотъ это отъ Жюли, сказала Зинаида Сергѣевна, развернувъ между тѣмъ свертокъ и поддерживая вмѣстѣ съ меньшей дочерью маленький вышитый коврикъ. —Dites, Julie: «pour votre table à écrire, grand'maman...»

— Pour votre table à écrire, grand'maman, повторила покорно дѣвочка.

Бабушка припала къ ней и заключила вмѣстѣ съ коврикомъ въ объятія, не выпуская, между тѣмъ, изъ одной руки рыцаря.

— Вы меня такъ утѣшили, такъ утѣшили... что, вотъ, ихъ привезли! сказала она.

— Дина, chère amie... Григорій Николаичъ... говорила Зинаида Сергѣевна, доставая изъ свертка батистовый платокъ съ кружевами и каралловый набалдашникъ для палки.

Надежда Сергѣевна припала къ ней на плечо.

— Ты такъ добра... прошептала она, разстроганная.

Боровицкій былъ и затрудненъ и доволенъ, ему было чего-то совѣстно; онъ пожалъ ручку невѣстки съ какимъ-то чувствомъ раскаянiя предъ этими добрыми людьми, которыхъ присутствiе было ему, за минуту, въ тягость, между тѣмъ, какъ они заранѣе думали доставить удовольствiе всему семейству. Боровицкій протянулъ руку и Черемышеву.

— Не за что, братецъ, не за что, возразилъ тотъ:—это жена хлопотала.

Боровицкому понравилось, что отелоняли благодарность, это показалось ему деликатно.

— Du vrai point de Bruxelles, madame, для бала! сказала съ восхищенiемъ m-lle Луаро Надеждѣ Сергѣевнѣ, стоявшей въ раздумъ съ своимъ воздушнымъ платкомъ.

— Вотъ, для Мари, заключила Зинаида Сергѣевна, доставая изъ свертка послѣднее—маленькiй розовый зонтикъ съ бахрамой и лентами:—у моихъ точно такiе.

— Ахъ, c'est mignon! сказала гувернантка.

Маша взяла подарокъ, покраснѣла отъ радости, сконфузилась, и раскрывъ свои большiе глазки, могла только выговорить:

— Ахъ, тѣтя!

— Eh bien, cela vous plait? Хорошо это? спросила Зинаида Сергѣевна.

— Очень хорошо! отвѣчала дѣвочка, стараясь распусть зонтикъ.

— Mais remerciez, au moins... сказала ей мать.

— Спасибо, тѣтя Зина! вскричала Маша, обнявъ и по своему обыкновенiю, душа тѣтку.—Папа, гляди, голубчикъ, вотъ въ лѣсъ съ тобой пойдемъ, я ужъ отъ тебя не пропаду, ты издали увидишь красненькое; пойдемъ сегодня?

— Ah, quelle petite campagnarde! замѣтила Зинаида Сергѣевна:—она у тебя совсѣмъ на свободѣ, Дина?

— Что ж дѣлать ребѣнку въ деревнѣ, какъ не расти на свободѣ? возразилъ Боровицкій, шутливо, чтобы загладить неловкость своей дѣвочки.

Маша обрадовалась, что за нее заступились, и прижалась къ колѣнамъ отца.

— Approchez votre grand'maman, къ бабушкѣ, сказала m-ле Луаро тихо своимъ.

Софи и Жюли подошли, и тихо стали по обѣимъ сторонамъ кресла бабушки, которая рассказывала Черемышеву:

— Судьба моя, или предопредѣленіе, такъ я думаю: у всѣхъ нынѣшній годъ озимой хлѣбъ отличный...

— Отличный, произнесъ Черемышевъ, сѣдя на диванѣ и постукивая по столу.

— А у меня — ничего! Вы ѣхали, могли видѣть. Нерадѣніе! кое-какъ вспахано, кое-какъ засѣяно...

— Приващика за бока, сказалъ спокойно Черемышевъ. — Нерадѣніе тоже и ваше. Приващикъ смотри какъ вспахано, какъ засѣяно, а вы смотрите за приващикомъ.

— Родной мой, кому у меня смотрѣть? еслибъ я могла... Ахъ, миленькія!

Она положила по рукѣ на плечико каждой дѣвочки.

— Еслибъ я могла сама смотрѣть... Вотъ, Петръ Ивановичъ, что у меня недавно случилось. Я могу вамъ, какъ другу, откровенно рассказать...

Зинаида Сергѣевна усаживалась тоже на маленькомъ диванчикѣ.

— Madame... замѣтила ей m-ле Луаро.

Она отцѣпила длинный листокъ травы, прильнувшій къ кружевному воротничку Зинаиды Сергѣевны; это осталось отъ объятий Маши. Гувернантка прослѣдила взоромъ отъ воротничка до ручекъ Маши, и до зонтика, который она мала, неловко держа поперекъ. Взоръ m-ле Луаро выразилъ сожалѣніе. Боровицкаго это покорбило; смутясь, онъ ласкалъ и разбиралъ волосы Маши.

— А она рыжевата, сказала Зинаида Сергѣевна.

— Да, какъ Форнаррина, отвѣчалъ, улыбувшись, Боровицкій.

— Какъ кто? переспросила Зинаида Сергѣевна.

— Ты шутишь, папа, сказала весело Мама: — будто ужъ и Форнаррина!

— Надо понимать, что говоришь, а не повторять какъ попугай, сказала ей Надежда Сергѣевна.

— Я понимаю, мама, отвѣчала дѣвочка: — Форнаррина была красавица; Рафаэль, живописецъ, говорилъ, что она — его глазки; онъ ее любилъ...

— Quelles bêtises elle dit! сказала Зинаида Сергѣевна, улыбувшись кончиками губъ: — кто это ей рассказываетъ?

— Все я, отвѣчалъ Боровицкій, и смущенный, и довольный, и съ досадою: — она у меня все читаетъ.

— Все? право? Можно бы и поменьше. А ты, Дина, позволяешь?

Надежда Сергѣевна грустно опустила глаза; она покорялась своей участи, она просила прощенія у сестры, она замѣтно страдала...

— Дина, ты что нибудь работаешь?

— Коверъ. Ты видѣла пальцы въ залѣ.

— Неужели такой большой? Я тоже шила мужу подушку, шерсть со стекларусомъ.

— Машенька тоже шьетъ, экрапъ.

— Замѣйте, что у насъ нѣтъ вамина, сказалъ Боровицкій.

— А какъ нынче шерсть вздорожала! сказала Аграфена Петровна: — я хотѣла тебѣ, Зина, въ Москву написать, чтобы ты мнѣ прислала; не дешевле ли тамъ...

— Нѣтъ-съ, въ Москвѣ еще дороже, отвѣчалъ за жену Черемышевъ.

— Право? А здѣсь, мнѣ изъ Н. присылаютъ. Здѣсь и тѣней не подберешь. Я, вотъ, покажу тебѣ, что шью.

Аграфена Петровна пошла къ пальцамъ, стоявшимъ въ углу, и открыла ихъ. Ея шитье изображало деревенскій праздникъ, со множествомъ фигуръ; кокошники на дѣвицахъ были изъ серебрянаго и золотого бисера.

— Ахъ, какъ хорошо! воскликнула Зинаида Сергѣевна: — посмотри, Пьеръ! И лица, аха, какія лица! выраженіе какое! взгляни! Черемышевъ поднялся.

— Я незнатокъ-съ, а очень хорошо, сказалъ онъ.

— Такъ прошу отъ меня принять на память, сказала нѣсколько торжественно Аграфена Петровна: — какъ кончу, такъ вамъ перешлю. И не смѣйте женѣ дарить, это — вамъ.

— Вы его балуете, маменька, сказала Зинаида Сергѣевна, между тѣмъ, какъ Черемышевъ спокойно и съ достоинствомъ подавалъ ручку тѣщи.

— Вотъ, хорошо, этакъ, имѣть маменьку, сказалъ онъ Боро-

вицкому: — сейчас и подарочекъ. Тебѣ выгодно, должно быть, братецъ; подъ бокомъ живешь, часто получаешь.

— Я до шитья неохотникъ, отвѣчалъ Боровицкій.

— То-есть, «зелень виноградъ»? То-то, и въ самомъ дѣлѣ, у тебя въ кабинетѣ ничего нѣтъ. Ну, дочь посади, чтобъ вышла. Мнѣ мои въ день рожденія эскабо подъ ноги поднесли.

— Какъ, миленькія, вы умѣете? спросила Аграфена Петровна.

— То-есть, я подозрѣваю тутъ больше Зинаиду Сергѣевну, продолжалъ Черемышевъ:— да m-lle Луаро. Сюрпризъ мнѣ сдѣлали, какъ же.

— Et rара a donné pour cela... Dites ce que rара a donné, сказала m-lle Луаро.

— Папа по золотому подарилъ, отвѣчала Софя.

— О, миленькія! сказала бабушка.

Маша, этимъ временемъ, положивъ свой зонтикъ, подошла по-смотреть на рыцаря бабушки и позвонила. Общество встрепенулось отъ неожиданнаго звука.

— Не шали! вскричала бабушка, оборачиваясь.

— Ай, ай, ай, какая непослушная! сказалъ Черемышевъ.

— Потому, надо все это убрать, нетерпѣливо сказала Аграфена Петровна.

Надежда Сергѣевна стремительно подхватила подарки и ушла съ ними.

— Мама, ты не прячь мой зонтикъ! шептала Маша, догоняя ее, но напрасно.

Черемышевъ смѣялся имъ вслѣдъ.

— Allez promener, сказалъ онъ своимъ дѣтямъ.

В. Крестовскій.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть третья.

ДВА УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛА.

I.

У СПАСА НА СѢННОЙ.

Была пятница — день постный.

На СѢнной площади торговля кончилась, ибо со спасовской колокольни давно уже пробило шесть — урочный часъ для прекращения зимней торговой дѣятельности на СѢнной.

Съ лѣвой стороны этой площади (если направиться отъ Невскаго къ Покрову) дремали какими-то безобразными глыбами навѣсы мясныхъ, зеленныхъ и посудныхъ рядовъ, укутанные на ночь грязными рогожными полостями; съ правой тянулась неопредѣленная, сливавшаяся въ одну гряду, масса розвальней съ рыбой и сѣномъ, надъ которою, подобно частоколу, торчали поднятыя вверхъ оглобли. Самая площадь, то-есть центръ торговли, давно уже спала, а вдоль Садовой улицы, разсѣвающей СѢнную на двѣ равныя половины, подобно быстрому потоку рѣки, пронизывающей своимъ теченіемъ воды большаго и тихаго озера, кипѣла неутомная дѣятельность: укутанные кое-какъ и кое во что пѣшеходы шлепали взадъ и впередъ по лужамъ; извозничьи сани глубоко ухали въ ухабы, наполненные грязной и жидкой кашцей песку и снѣгу; громыхали пронесаяся кареты, которыя направлялись къ Большому театру. По краямъ площади, въ громадныхъ, многоэтажныхъ и не менѣе улицы грязныхъ домахъ мигали огоньки въ окнахъ и фонари надъ входными дверями, означая собою цѣлый рядъ харчевенъ, трактировъ, съѣст-

ныхъ, перекусочныхъ подваловъ, винныхъ погребовъ, кабаковъ съ портерными и тѣхъ особенныхъ приютовъ, гдѣ лѣнится, причесется, болѣетъ и умираетъ всѣми отверженный развратъ, изъ котораго почти нѣтъ возврата въ болѣе чистую сферу и гдѣ знаютъ только два исхода: тюрьму да владбище. По этимъ окраинамъ Сѣнной площади тоже кипитъ своего рода жизнь и дѣятельность. Вонъ хрипящія звуки трехъ шарманокъ: одна изъ нихъ поетъ съ акомпаниментомъ слѣнца-кларнетиста безконечную «Лучинушбу»; другая сипитъ подъ бубень и разбитія выкрикиванья шарманщика развеселую пѣсню «Вдоль какъ по рѣчкѣ еще ль по Казанкѣ» — пѣсню, которая особенно нравится гуляющему люду Сѣнной; третья — итальянской конструкціи съ флейтой — вибрируетъ «Casta diva»; и всѣ эти разнородные, разнокалиберные звуки стоятъ въ мглисто-неподвижномъ воздухѣ гнилаго вечера и своимъ дивнымъ диссонансомъ — какою-то кричащею тоскою врываются въ душу: въ этихъ диссонансахъ, среди этого мрака, вамъ невольно слышится убійственный голодъ и холодъ — это какіе-то вонли отчаянія, а не музыкальные звуки... Но не однѣ шарманки оглашаютъ собою окраины Сѣнной: изъ низенькихъ подваловъ темнаго Тавровскаго переулка, какъ изъ глухой пропасти, порою вторятъ имъ то скрипка съ клавирами, отжившими мафусайловъ вѣкъ, то подобный скрипу несмазанной двери голось беззубой женщины:

Моя рушая коша-да
Вшму городу враша!

на мгновеніе донесется вдругъ оттуда съ попутнымъ порывомъ вѣтра и тотчасъ же затеряется въ закоулкахъ торговыхъ навѣсовъ да въ высокнхъ выступахъ и углахъ каменныхъ громадъ — затеряется и смолкнетъ, заглушенное громаханьемъ каретъ, ухабнымъ ухапьемъ ванекъ и другими, не менѣе выразительными, звуками. Вонъ на другомъ концѣ площади, около знаменитаго Малинника (*), раздается крупный говоръ и руготня, которые съ каждой минутой становятся все громче и крупнѣе, собираютъ кучку праздныхъ, прохожихъ зрителей; кучка растетъ, прибываетъ и превращается наконецъ въ цѣлую толпу, изъ середины которой разлетается во всѣ концы обширной площади тараторливая женская перебранка, издали очень похожая на краханье

(*) О томъ, что такое Малинникъ, читатель узнаетъ внослѣдствіи.

вспокоенныхъ утокъ. Чтò это за крики и чтò за толпа? на что она смотреть и порою раздражается такимъ поощрительнымъ риготаньемъ? — Пьяная драка... влочья... кровь... Вонъ раздается призванный свистокъ полицейскаго хожалаго, которымъ онъ зоветъ на помощь подчаска, а въ эту самую минуту съ противоположной стороны, у Полторацкаго переулка, новыя крики... «Караулъ! караулъ!» слышится оттуда и, судя по короткому, обрывавшемуся выкрику, можно съ достовѣрностью предположить, что человѣка взяли за горло и душатъ...

Вы смущены этимъ крикомъ? Онъ скверно, злобѣще подѣйствовалъ на ваше ухо и болѣзненно на ваше сердце? Но вотъ прошла минута — и его не слышать, онъ донесся до васъ только урывкомъ, на одно мгновенье, послѣ котораго успѣлъ уже, подобно всѣмъ этимъ разнороднымъ звукамъ, затеряться и утонуть въ обычномъ гулѣ городской жизни...

И вотъ надо всѣми этими звуками, надо всей этой невеселой картиной мрачной, слякотной площади — низко виситъ непроницаемо-черное сырое небо и сыплетъ легкiй снѣжокъ, который, не успѣвъ еще долетѣть до земли, превращается въ мелкiй, моросащiй дождякъ.

Вить восьмой часъ въ исходѣ.

На гауптвахтѣ шагаль по платформѣ часовой съ ружьемъ, укутанный въ свою сѣрмягу, а противъ него, съ другой стороны улицы, мокли и дрожали разнородныя группы нищихъ, на паперти Сѣннаго Спаса. Въ церкви кончалась служба. Нищихъ на этотъ разъ собралось изрядное количество: завтра родительская суббота — значить, сегодня за всеобщей изобилiе купчихъ и прочихъ модельщиковъ, щедрныхъ на подаванiе, по случаю предстоящаго пѣмина родителей и сродниковъ.

Вотъ группа простоволосыхъ, босоногихъ дѣвчонокъ и мальчишекъ, отъ пяти до двѣнадцати лѣтъ, въ лохмотьяхъ, со спущенными рукавами, въ которыхъ они отогрѣваютъ свои заоченѣлыя отъ холоду руки, то-есть одну какую нибудь руку, потому что пока лѣвая грѣется, правая остается протанутой къ вамъ за подаваньемъ. Тегуть у нихъ отъ холоду не то слезы изъ глазъ, не то изъ носу постороннiя капли; и стоять эти дѣти на холодномъ каменномъ помостѣ не полюдски, а больше все на одной ногѣ толкутся, ибо

пока одна ступня совершает свое естественное назначеніе— другая, конвульсивно съѣжась и скорчась, старается отогрѣться въ висащихъ лохмотьяхъ. Чуть выходитъ изъ щели богомолецъ—эта орава маленькихъ нищихъ навидывается на него, разомъ, всей гурьбою, не взирая на весьма чувствительные тычки и пинки нищихъ взрослыхъ, обступаетъ его съ боковъ, и спереди, и сзади, иногда теревитъ за платье и протягиваетъ вверхъ посинѣлыя ручонки, прося «христа-ради копеечку» своимъ надѣждливо-пискливымъ речитативомъ. Она мѣшаетъ ему идти, провожаетъ со ступеней паперти и часто шаговъ на двадцать отъ мѣста стоянки преслѣдуетъ по мостовой свою жертву, въ тщетномъ ожиданіи христорадной копеечки. Копеечка, по обыкновенію, выпадаетъ имъ очень рѣдко, и вся орава въ перегонку бросается снова на паперть, стараясь занять болѣе выгодныя мѣста въ ожиданіи новыхъ богомольцевъ. Это — самый жалкій изъ всѣхъ родовъ нищенствующей братіи. Не одинъ изъ этихъ субъектовъ успѣлъ уже побывать въ исправительномъ домѣ, откуда выпущенъ на поруки людей, съ которыми сходятся въ стачку по этому поводу нищіе взрослые, всегда почти эксплуатирующіе нищихъ-малолѣтнихъ. Всѣ эти мальчишки и дѣвчонки, еще съ пеленъ обреченныя на подобную жизнь, являются будущими жертвами порока и преступленія; это — либо будущіе кандидаты въ тюрьму и на каторгу, либо добыча разврата, который застигаетъ ихъ очень рано, если еще раньше разврата не застигнетъ ихъ смерть. Часто случается, что нищая дѣвочка, едва дойдя до двѣнадцати-тринадцати-лѣтняго возраста, а иногда еще и раньше, начинаетъ уже въ мрачныхъ трущобахъ Сѣнной площади, за самую ничтожную цѣну, отдаваться разврату...

Нищіе взрослые держатъ себя нѣсколько солиднѣе малолѣтковъ. Если проходитъ богомолецъ неподающій, взрослые встрѣчаютъ его только протянутой рукою и просительнымъ склоненіемъ головы. Но чуть изъявить онъ малѣйшее желаніе совершить обрядъ христіанскаго милосердія, взрослые точно такъ же обступаютъ со всѣхъ сторонъ добродотнаго дателя и нѣсколько десятковъ сморщенныхъ, грязныхъ рукъ, съ громкимъ христорадичаньемъ, жадно протягиваются къ нему во всѣ промежутки и скважины сплоченной толпы, гдѣ только можетъ протискаться промышленная пятерня пальцевъ. Часто случается, что добродотный датель, послѣ такого маневра со стороны нищей братіи, по приходѣ домой, не доискивается платка, кошелька или часовъ съ цѣпочкой.

Эти обступанія дѣлать кагаломъ производятся преимущественно за вечерними и всенощными службами, гдѣ рано наступившій мракъ зимняго вечера, по возможности, скрываетъ такія эволюціи нищей братіи отъ зоркаго ока полицейскихъ хозяиныхъ, имѣющихъ иногда обыкновеніе забирать ее въ арестантскія сбирки. Истинная бѣдность и нищета рѣдко показывается въ средѣ патентованныхъ надворныхъ и «притворныхъ» (то-есть стоящихъ въ церковныхъ притворахъ) попрошайекъ. Истинная бѣдность и нищета прежде всего совѣстлива, застѣнчива и робка; она держится одиноко, отдѣльно, и если рѣшается обратиться съ просьбою къ прохожнму, то просьба эта звучитъ прямымъ фвіологическимъ голодомъ и дѣйствительной нуждою.

Первый планъ между взрослыми попрошайками занимаютъ бабы. Тѣ же шатающіяся, какъ и у малолѣтнихъ, тѣ же, кое-какъ свитые дослутыя и расплзающіеся швы лохмотьевъ, тотъ же официально-нищенскій, какъ пѣсня выработанный и заученный речитативъ, и на рукахъ — завернутые въ тряпки младенцы, часто, въ немнѣишемъ собственныхъ, взятые напрокатъ. Вотъ стоятъ двѣ безобразныя, безносыя старухи, которыхъ, во время оно, не пощадилъ отвратительная болѣзнь, но пощадилъ смерть, дозволивъ имъ перейти лѣтами за ту грань, гдѣ на Сѣвной, по большей части, оканчивается промыселъ разврата и начинается промыселъ нищенства. Онѣ не успѣли добыть себѣ младенцевъ напрокатъ, а потому, вмѣсто ихъ, завернули въ тряпье по погнбу, и бабкаютъ его, какъ ребѣнка. Въ потьмахъ не видно, да и кто станетъ заглядывать, что тамъ такое лежитъ у старухи?

Второй планъ, ближе къ притвору, заняло все то, что посильнѣе физически. Тутъ гóрбятся и хромются попрошайки мужескаго пола съ ходящими на построение. Третій планъ, въ самомъ притворѣ, завоевала себѣ аристократія нищенства, всегда отличающаяся какими-нибудь особенностями и по преимуществу уродствомъ. Вонъ, въ самомъ мрачномъ, темномъ углу дрожить и жметса высокая, худощавая старуха, съ вытянутымъ длиннымъ носомъ и впалыми глазами, которые зорко высматриваютъ добычу; влохъ черныхъ съ сѣвною волосъ выбился ей на лобъ изъ-подъ мокраго платка и придаетъ еще болѣе дикій видъ этой, и безъ того уже дикой фвіономіи. Она тоже что-то кутааетъ въ лохмотья, но это не ребѣнокъ и не погнбу—это безобразная старуха-варлица-идіотка, которую она, какъ младенца, держитъ у себя на рукахъ для привлеченія людскаго состраданія. Идіотка очень мала и страшно-

худощава; сѣдые космы волосъ ея спутались въ беспорядкѣ и мѣшаютъ смотрѣть тупымъ бельмамъ—на выкатѣ. Трусливо-порывистыя ужимки и движенія сопровождаютъ каждый взглядъ идиотки, которая, чуть выдастся ей спокойная минута—быстро схватываетъ въ ротъ бахрому платка своей няньки, либо втянетъ туда же клокъ своихъ собственныхъ волосъ, либо, наконецъ, съ апетитомъ принимается жевать комочъ штукатурки, сколупнутый ею отъ мокрой отсырѣлой стѣны. Нищая старуха, со своей странною пошею, боится быть все время на виду; она прячется и жметса въ темномъ углу отъ людскихъ, а наипаче отъ полицейскихъ взоровъ; но это прятанье заставляетъ ее еще зорче высматривать добычу. Чуть появится въ дверяхъ добродотный датель, нищая съ идиоткой бросается, съ быстротой и ловкостью дикой кошки, въ толпу собратовъ и, продираясь впередъ, подставляетъ свою измозженную, высохшую руку. Едва эта морщинистая рука ощутитъ на закарузлой корѣ своей ладони поданную копейку, какъ уже старуха съ тою же быстротой удаляется въ темноту своего обычнаго мѣста, изъ котораго она, словно пауё изъ гнѣзда, жадно выдается на добычу.

Вотъ у внутреннихъ церковныхъ дверей расположился не человекъ, а какое-то подобіе человекъ, скорѣе намекъ на человѣческій организмъ, безотрадно представляющійся взорамъ въ видѣ кривого, горбатаго и безногаго существа, которое держится на деревянныхъ колодахъ, прикрѣпленныхъ къ бывшимъ лядвеямъ, а вынѣ обрубкамъ человѣческаго тѣла, обрубкамъ выше колѣнъ, и движется съ помощью рукъ, замѣняющихъ ему ноги. Вся фигура его необыкновенно живо напоминаетъ ежа или динобразъ, а въ маленькихъ глубоко-ушедшихъ глазахъ, которыми существо это поводитъ изъ стороны въ сторону, свѣтится что-то мышиное.—«Господи, Иисусе Христе, владычица Тифинская!» бессознательно произноситъ оно съ какимъ-то высвистомъ своимъ фальцетнымъ голосенкомъ, и правая рука его при этомъ необыкновенно быстро болтается, какъ-бы торопясь надѣлать возможно большее количество крестныхъ знаменій.—«Касьянчику-старчику Христа-а-ради!» выпѣваетъ онъ дрожащимъ козелкомъ, силась повыше вытянуть за подаваемъ свою руку—и подаанье, по большей части, благодаря выгодѣ перваго мѣста, попадаетъ прежде другихъ на ладонь Касьянчика-старчика. Касьянчику-старчику никогда не удалось бы занять лучшаго нищенскаго мѣста, еслибы у него не было сильной и близкой поддержки. Поддержка эта являлась въ образѣ сосѣда и

сотоварища его, извѣстнаго подь именемъ Омушки-блаженнаго. Радій, коренастый мужичина, лѣтъ тридцати-пяти, росту выше чѣмъ средняго, илечистый и плотный — онъ представлялъ дѣйствительно весьма внушительный и надежный оилоть для такого жалкаго существа, какъ Касьянчикъ-старчикъ. Омушка никогда не мылся и никогда не стригся. Порыжѣлая бархатная скуфейка, на манеръ монашеской, частію прикрывала спутанныя, длинныя космы его рыжихъ и жесткихъ волосъ. Одутловато-мясистыя жирныя щеки и клюквенно-пухлый носъ служили первыми характерными признаками его луноглазой, отчасти свиной фizioноміи; фizioномія эта украшалась рыжею щетинной вмѣсто усомъ и клоками неовратной бородищи, которая отдѣльными щепотами произрастала у него въ различныхъ направленіяхъ. Стальной обручъ, замѣняя собою поясъ блаженнаго, охватывалъ въ талии его черную хламиду, которая также старалась походить на монашескую ряску. Полы хламиды, вся оборваннымия ключьями, были насызовъ пропитаны обильнымъ слоемъ уличной грязи, которая, не будучи никогда счищаема, закорузла тутъ въ видѣ цѣлыхъ пластовъ, комковъ и наростовъ. Отъ этого костюма и отъ самаго Омушки разлило на три шага невыносимымъ смрадомъ. Но въ этомъ смрадѣ и въ этой грязи своей, Омушка находилъ особенную усладу, а почитатели его относили все это къ подвижничеству. Омушка бойко и независимо стоялъ себѣ на своемъ мѣстѣ, ежеминутно почесываясь и тяжело сопя носомъ на весь притворъ церковный. Вся остальная братія чувствовала достойное почтеніе къ его внушительному кулачищу, съ которымъ, въ самомъ дѣлѣ, нехорошо бы было повстрѣчаться въ пустомъ, уединенномъ мѣстѣ.

Совершенный контрастъ съ Омушкой-блаженнымъ представляла кривошейка—vis-à-vis ежа-Касьянчика, женщина лѣтъ уже за сорокъ, съ выраженіемъ благообразно-постнаго смиренія въ желтоватомъ лицѣ. Съ головы ея спускался большой черный платокъ, а остальной костюмъ, отличаясь своей опрятностью, составлялъ нѣчто среднее между костюмомъ монашенокъ и полусвѣтскимъ платьемъ мірскихъ странницъ, возлюбившихъ хожденіе по обителямъ. Особа эта, подобно Омушкѣ-блаженному, покровительствомъ котораго пользовалась наравнѣ съ Касьянчикомъ-старчикомъ, составляла своего рода авторитетъ и была извѣстна подь именемъ Магриды-странницы. Она рѣзко отдѣлялась отъ остальной братіи, къ которой ее даже и нельзя было причислить.

Макрида стояла съ внижкой—и стало бить, подвизалась добродетельными сборами на построеіе храма. Говорила, будто ей по этому поводу сонное видѣніе было. Эта Макрида-странница, купно съ Омушкой-блаженнымъ и Касьянчикомъ-старчикомъ, составляли одно цѣлое, какъ бы одну семью и преслѣдовали однѣ и тѣ же цѣли.

Позади всѣхъ этихъ группъ разнородной нищей братіи, ѣжилась отъ холоду еще одна новая личность, которая, крадучись кошачьею походкой, прохаживалась за спинами своихъ сотоварищей, видимо стараясь быть незамѣченной ими. Но нищіе вообще народъ очень зоркій: врадующая личность они встрѣчали и провожали градомъ крупныхъ насмѣшекъ, отъ которыхъ та отбивалась стопчески-терпѣливымъ молчаніемъ. Эта личность являлась въ видѣ высокаго, длиннаго, сухаго старика, въ ветхомъ халатишкѣ, подпоясанномъ дыравымъ фуляромъ. Энергически сжатія губы и брови, нависшія надъ тускло-неподвижными глазами, придавали ему какое-то странное, безсердечно-черствое выраженіе, которое сосредоточенно присутствовало безъ малѣйшей перемѣны на его нергаментно-блѣдной, выцвѣтшей и давно небритой физиономіи.

Служба кончилась; изъ церкви повалилъ народъ.

Вышелъ благочестивый блюститель порядка, и толпа нищихъ ребятишекъ, издали еще завидя приближенія врага, на время его прохода разбѣжалась въ темные закоулки, по близости церкви; а нищіе взрослые постарались притвориться не нищими, и сдѣлали видъ, будто тоже выходятъ изъ церкви. Но блюститель порядка скрылся во мракѣ — и публика паперти заняла свои прежнія роли.

Вышелъ чахоточный купецъ и сунулъ грошъ въ руку Касьянчика-старчика.

— Не плошай! ткнулъ его пальцемъ въ голову Омушка и протянулъ въ дателю свою широкую лапу. Макрида потянулась туда же съ внижкой, на переплетѣ которой «для близиру» (*) лежало нѣсколько мѣдяковъ. А въ это самое время высокій сухощавый старикъ въ халатѣ, пользуясь тѣснотою образовавшейся вокругъ дателя толпы, незамѣтно стянулъ грошъ съ Макридиной

(*) На воровскомъ argot «для близиру» — тоже, что для виду.

книги, и съ судорожной поспѣшностью сунуть его въ карманъ, протануль изъ-подъ локтей какаго-то шивцаго обѣ свои руки, въ надеждѣ, что подающій купецъ приметъ ихъ за двѣ отдѣльныя руки двухъ отдѣльныхъ личностей, и въ каждую положить по грошу. Эта проделка иногда удавалась худошавому старику; но она-то именно и вызывала безконечныя насмѣшки и покоры попрошайекъ. Едва Омушка-блаженный очутился за савною купца, какъ его тяжеловѣсная лапца легонько давнула загривокъ старика.

— Ты что, лѣшій? опять двурушничать? (*) просопѣлъ онъ ему шопотомъ.

Старикъ только окрысился, зацолювалъ зубами, да часто замгалъ въками со злости и перебрался подальше отъ блаженного.

Вышла молодая купчиха, охотница до раздачь — и на паперти повторился тотъ же самый процессъ. Старикъ въ отдаленіи отъ Омушки снова двурушничалъ.

Вышла купчиха пожилая, толстая, сонная, съ благочестиво-тупымъ и забито-апатическимъ выраженіемъ въ лоснящемся отъ поту лицѣ и, какъ къ знакомой, привѣтливо обратилась къ Макаридѣ:

— Здравствуй, Макаридушка, здравствуй, голубушка! заговорила она на полужалобный распѣвъ. — Приходитко завтра на блинни... родителей помянуть... Не побрезгуй... да вотъ — и блаженного уприси съ собою.

Омушка, при появленіи этой особи, мгновенно преобразилъ выраженіе своей физиономіи, сдѣлавъ его необыкновенно глупымъ и бессознательно улыбающимся, что означало у него вступленіе въ амплуа юродиваго.

— Раба Степанида! забормоталъ онъ, крестясь: — ангели ликуютъ, на Москвѣ колоколамъ трезвонъ... Ставь столы дубовые, пеки кулебяку съ блинами: я те, раба Степанида, къ небеси предвосхйщу!

— Предвосхйща, Омушка, предвосхйща, блаженненькій! слезно умилилась низколобая толстуха, уловивъ только звукопроизношеніе, но не понявъ значенія послѣдней фразы юродиваго, и сунула нягакъ въ его лапу.

Ободренный Омушка уже нараспѣвъ скороговоркой доканчивалъ свою мысль:

(*) Подставлятъ обѣ руки.

— Предвоскишу, мать моя, предвоскишу, идеже вси святїи упокояются; на вѣнчаныхъ красныхъ, христосскїя янца, въ лицахъ Ѳомушкина копеечка мотается — тукъ-тукъ-тукъ молоточкомъ!

При фразѣ насчетъ ушкоенїя и молоточка, бессмысленный, овечїй страхъ отразился на физиономїи толстухи. Макрида, замѣтивъ это, толкнула въ бокъ своего прїятеля Ѳомушку, и строго повела на него бровями.

— Не печалуйся, раба, не печалуйся! снова забормоталъ блаженный:—гради домой съ миромъ, хозяинъ твой пьянъ лежитъ, надо полагать, бить будетъ; а ты, раба Степанида, сто лѣтъ проживешь.

Раба Степанида успокоилась и воздыхнула.

— Это точно что, это ты правильно, голубчикъ, божью волю предсказываешь, заговорила она въ минорномъ тонѣ:—пожалуй, и въ правду бить станетъ, потому, надо быть, вѣрно хмѣльной воротился да самовару не нашель... Охъ-тихъ-тихъ! житье-то наше!

— Блаженный, мать моя, въ просвѣтленїи теперь находится, въ просвѣтленїи! благочестиво пояснила ей Макрида.—А то тоже бываетъ, что на него затмѣнїе находятъ, яко мертвъ лежитъ — это значить — душа его съ богомъ бесѣдуетъ...

— Касьянчику-старичку копеечку христа-а-ради! прерываетъ ее дребезжащїй козелокъ безногаго.

Купчиха, повторивъ свое приглашенїе на блинки, одѣлаетъ пятаками Макриду съ Касьянчикомъ и продолжаетъ свое тучное шествїе далѣе, съ такимъ же надѣломъ прочей братїи. Сухощавый старикъ, озираясь на Ѳомушку, изъ-за чьей-то дальней спины, протягиваетъ свои длинныя руки.

Изъ церкви почти всѣ уже вышли, когда на паперти появился невысокаго роста плотный стариченко, повидимому — изъ отставныхъ военныхъ, въ сѣрой шинели и въ солдатски-сѣроенной фуражкѣ съ кокардой. Чувство амбицїи и чувство самодовольства оживляли фигуру старичонки, необыкновенно ярко сочеталась между собою и высказываясь въ свинныхъ глазахъ и въ закрученныхъ кверху, нафабранныхъ щеточкахъ-усахъ.

— Осипу Захарычу — вижайшїй поклонъ! неожиданно обратился онъ къ худощавому старичку:—что подѣлываете, батенька, доброга?

— Да вотъ... страдаю все... почечуй... какъ-то глухо, ненаходчиво и болѣзненнымъ тономъ отвѣчалъ старикъ, видимо кон-

фузьясь отъ неожиданной и притомъ нежеланной встрѣчи. — Молиться вынуждѣнъ, продолжалъ онъ, стараюсь неопредѣленно глядѣть куда-то въ сторону. — Благолѣпіе — въ храмѣ-то... истинно сказать...

— Да что это вы въ такомъ легкомъ костюмѣ-то? а еще больны! и не бережетесь! укорилъ отставной, съ участіемъ покачивая головою.

Старикъ кинулъ взглядъ на полы своего халатника и окончательно сконфузился.

— Это я... табу... ничего... «не пещитесь» сказано... торопился къ моливному бѣднію... не успѣлъ...

— Да! торопился онъ! укорливо стали обличать его кое-какія бабѣнки изъ нищихъ, заторатора всѣ разомъ. — Поди чай, нарочно натануль на себя!...

— Богачей эдакой, да чтобъ одежины хорошей у него не было.

— Свареда, одно слово!

— Торопился!... А самъ промезъ нашего брата двурушничалъ — только хлѣбушки сиротскіе перебиваетъ!

— У самого-то, поди, посчитай-ка добра! сундуки, чу, ломятся... То же вѣдь, сиротское все!

— Что и говорить! Кошей-человѣкъ!

Старикъ еще въ самомъ началѣ этого потока обличающихъ замѣчаній, торопливо поклонился отставному и, стараясь ни на кого не глядѣть, бѣгомъ спустился со ступеней на площадь.

— Ну, вы, тѣтки! чего стоите?! что младенцевъ домой не несете?! поди-ко переволокли всѣ отъ холоду — маршь домой! Живо! заговорилъ самодовольный отставной, обратившись въ нѣсколько начальственномъ тоцѣ къ двумъ бабамъ съ младенцами на рукахъ.

— Пѣтра Кузьмичъ! господинъ Спица! майоръ ты нашъ милосливный! просительски закланчили бабѣнки: — ужъ уважь ты, вась, сиротъ — оставь младенцовъ-ту до завтра!... Опослѣ обѣденъ — вотъ те христокъ — принесемъ!

— Ну, ну, ладно, ладно! безъ разговоровъ! это вздоръ, этого нельзя! строго отрѣзала господинъ Спица.

— Почему жъ те нельзя? Мы вѣдь прокату твоей милости завсдады вѣрно, со всѣмъ уваженіемъ...

— Неси домой, сказано! перебилъ майоръ, начальственно топнуть ногою. — Отдайте тамъ барышѣ, женѣ моей, да скажите,

чтобъ накормила ихъ! А то вы — твари безчувственныя! на васъ положись только, такъ вы мнѣ всѣхъ младенцевъ переморите!

— Да завтра мы бы и за ранней и за поздней постояли бы... нове выручки не больно-то казисты: еле-еле гривну въ обѣдню настояшь — самъ знаешь!...

— Врете, колотовки! завтра родительская! — выручка лхая будетъ — поэтому назавтра прокату — сорокъ копейекъ съ младенца, коли кто брать хочеть! рѣшительнымъ тономъ объявилъ для всеобщаго свѣдѣнія майоръ Спица.

— Что жъ такъ дорого? Несообразно больно! завсяды по пятнадцати, много-много ужъ по двадцати брали; а монѣ — на-ка-ся! Сорокъ! возражали недовольныя выщени.

— Ну, стойте безъ младенцевъ, мнѣ все равно, заключилъ майоръ, показывая намѣреніе удалиться.

— Да ты что, батюшко, больно кочевряжешься со своими младенцами-ту? замѣтилъ ему косоглазый и криворукій слюнай. — Твой товаръ нашимъ бабамъ небожно-то еще и подходяцій. — Потому у твоихъ младенцевъ лицо чистое, а намъ на руку то, коли младенцу все лицо язва источила... За язвеннаго въ родительскую точно что, можно копеекъ тридцать-пять, а за твоихъ — больше четвертака не могли!

Майоръ отвѣтилъ слюною только юпитеровскимъ, презрительно скошеннымъ взглядомъ.

— Опять же вонъ у Мавры и не горлодѣра совѣмъ, пояснила одна изъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ бабѣнокъ.

— Такъ что не горлодѣра?! возразилъ недовольный майоръ. — Ну, щипни его, подлеца, полегоньку, или булавкой чуточку — тни — онъ тебѣ и будетъ кричать, сколько хочешь!

— Такъ какъ же, Пѣтра Кузьмичъ, возьми по четвертану со штуки! пристали опять бабѣнки.

— Тридцать-пять — и ни одной копейки меньше! морщилъ майоръ.

— Мы-те надбавимъ, ты намъ спусти — вѣстимо, дѣло торговое, полюбовное... Хочешь тридцать, да на косушку взадатокъ? Майоръ колебался. Косушка дѣйствовала соблазнительно.

— Ну, ужъ такъ и быть, черти! Право, черти! согласился Петръ Кузьмичъ, махнувъ рукою. — Себѣ въ убытокъ отдаю... Вынимай же, что ль, на косушку, да тащи ребятъ къ барынѣ... Скажи, что я скоро буду — знакомаго встрѣтилъ, чаю напиться завель...

На гауптвахтѣ барабанщикъ пробилъ повѣстку къ вечерней зо-

рѣ. Публика наперти очнулась и побрела въ разные стороны, направляясь преимущественно къ Полтарацкому кабаку и перекусочнымъ подваламъ.

II.

ПЕРЕКУСОЧНЫЙ ПОДВАЛЪ.

Въ промежуткѣ торговыхъ навѣсовъ и каменныхъ домовъ лѣвой стороны образовалось нѣчто въ родѣ переулка, который въ теченіе дня переполненъ группами закусывающего люда. Закусываютъ на ходу или стоя, передъ грязноватыми лотками со всякой всячиной. Днемъ тутъ—неугомонное, непрерывное движеніе; вечеромъ же царствуютъ тьма и пустота, ибо тѣ же самыя, вѣчно стоящія и вѣчно бродящія группы сѣраго народа передвигаются нѣсколько дальше—къ Полтарацкому дому и Таировскому переулку. Тьма перекусочнаго ряда всегда пребываетъ неизмѣнною, потому что крыши зеленныхъ навѣсовъ заслоняютъ собою свѣтъ газовыхъ рожковъ. Этотъ импровизированный переулочекъ служить для нищей братіи обычнымъ, переходнымъ путемъ отъ наперти Спаса до Полтарацкаго дома (*).

Мокрый свѣгъ пополамъ съ мелкимъ дождевомъ зарядилъ надолго. Туманъ и холодъ... Давній воздухъ, дикій вечеръ и все какое-то дѣкое, угрюмое...

Вонь потянулася нищая братія.

Впереди всѣхъ—голодною походкой, и частыми, шпировыми шагами забираетъ прямо по лужамъ высокая тощая фигура старухи. Она кое-какъ прикрываетъ дырявымъ платкомъ свою идиотку. Идетъ потупая, ни на кого не глядитъ, и только сжимаетъ въ кулакѣ нѣсколько собранныхъ грошей, словно боясь, чтобы у ней кто не отнял ихъ. Вслѣдъ за этимъ, далеко опередившимъ остальныхъ, авангардомъ, подпрыгивали мальчишки и дѣвчонки, разбрасывая ногами брызги во всѣ стороны; танулись и ковыляли убогіе кривыши, костыльники, сухорукп, нѣмтырѣ, и такъ называемые — слѣпенькіе. Салонницы—также аристократія внищенства—отдѣлились гораздо раньше и пошли въ разбродъ: кто на Вознесенскій, кто въ Гороховую; зато ходебщики «на построеніе» оставались при главномъ корпусѣ кривышей и костыльниковъ, кучно съ Оо-

(* Ничѣ одна часть принадлежитъ кн. Вяземскому, другая — Котомину; у старошмольвъ Сѣвной до сихъ поръ извѣстенъ подъ именемъ Полтарацкаго дома.

мушкой-блаженнымъ и Макридой-странницей. Шествиѣ всей этой оравы убогихъ, грязныхъ дырявыхъ заплата и вошіющаго о хлѣбѣ безобразія замыкало собою, въ видѣ арьергарда, безногое, дѣшко-ползущее существо, какое-то пресмыкающееся, скорѣе гномъ, нежели человекъ—гномъ, напоминающій чернаго большого жука, что съ тяжкимъ усиленіемъ, медленно и бочкомъ забираетъ впередъ своими неуклюжими лапами. Это былъ горбатый ёжъ, называвшій себя Касьянчикомъ-старчикомъ.

— Ома, а, Ома! пискнулъ онъ своей болѣзненно-надорванной фистулой, остановясь на краю широко-разлившейся лужи, словно тараканъ, обведенный кружкомъ воды.

Ома не слышалъ и продолжалъ шлепать сапожищами.

— Ома-чортъ! съ раздраженіемъ кривнулъ безногий, пустивъ ему вдогонку рыхлый комокъ снѣгу.

— Я-у! отозвался какимъ-то лаямъ блаженный.

— Кулькомъ хочу—чижалò ползти: лужица... отрывисто и съ передышкой пояснилъ свою надобность Касьянчикъ.

Омушка-блаженный захватилъ безногаго своего сильною лапницей, и словно кулъ муки взваливъ его сразу къ себѣ на спину, зашагалъ черезъ лужу кратчайшимъ путемъ къ главному корпусу.

— Ночуемъ нѣне какъ? По купечеству къ кому, что ли, пойдемъ, али такъ, въ ночлежныхъ? освѣдомился старчикъ за плечами.

— Нѣ! Увеселиться желаю! порѣшилъ блаженный, что означало у него всеночный загулъ въ честной компаніи. — А тебѣ только бы кочерыжки свои распаривать по хозяйскимъ лежанкамъ! презрительно укорилъ онъ безногаго, спускаясь съ нимъ въ преисподняя перекусочнаго подвала по обледенѣлой и сплошь забитой нанесеннымъ снѣгомъ лѣстницѣ.

— Сама! Сама!... Горшковъ! Молока! завопилъ Омушка продавщицинымъ речитативомъ, въ припрыжку вертясь по подвалу со своимъ кулькомъ-Касьянчикомъ.

— Продай молока! Молока давай! приступила къ нему почти вся сбродная орава дѣтей и взрослыхъ, и къ спинѣ старчика потанулось нѣсколько десятковъ рукъ и ручонокъ, при чемъ каждая поровнила дернуть, щипнуть или-болупнуть безногаго.

— Стопъ-машина! скомандовалъ Омушка, поднявъ вверхъ указательный палецъ. — Вамъ чего? Молока?

— Молока, Омушка, молока! опять приступила орава.

— Погоди, народъ! Еще не долги была! съострилъ блаженный, спуская на полъ Касьянчика—и орава дружно зарыготала.

Въ перекусочномъ подвалѣ стоялилось изрядное количество народа, такъ что становилось весьма тѣсно и душно.

Подвалъ являлъ собою низкую, почти квадратную комнату со сводами, узенькія тусклыя оконца которой приходились какъ разъ подъ потолкомъ, въ уровень съ тротуаромъ, ибо стѣны этой комнаты были выведены въ землѣ подъ уровнемъ уличнаго грунта. Правый уголъ занимала огромная русская печь, пылавшая красными языками жаряго пламени, которое замѣняло собою освѣщеніе. Тамъ нагрѣвались чугуны съ похлебкой и горохомъ, и шипѣла на сковородѣ салакушка. Паренная треска вмѣстѣ съ горькимъ запахомъ жарящагоса масла и кислой, квашеной капусты исполняли этотъ трилибнумъ такого аромата, что у голодной оравы нищихъ отъ аппетита судорожно передергивало скули. Паръ отъ печи, масла и дыханія валилъ густыми клубами въ настежь растворенную дверь, служившую съ улицы, между прочимъ, проводникомъ грязи, дождя и снѣга, которые свободно залетали свозъ нея въ этотъ пріютъ голодныхъ отребьевъ петербургской жизни. Низенькія стѣны, по которымъ убійственная сырость расписала свои темнозеленыя жилы, потѣки и цѣлыя оазисы прыщевидныхъ пуширышковъ-грибковъ, украшались, кромѣ одной естественной живописи, еще и суздальскими литографіями, гдѣ сквозь густыя слои сурика и охры съ трудомъ можно было разобрать «геенну огненную» и «царя Соломона-премудраго».

У печи возился поваръ, скорѣе похожій на парходнаго кочегара, чѣмъ на повара, и въ суровомъ молчаніи удовлетворялъ требованія своихъ потребителей, зачерпывая жестянымъ ковшомъ кому похлебки, кому гороху, при чемъ предварительно взималась условная плата—полторы копейки съ порціи. Немногія мѣста у стѣнъ на скамейкахъ были уже заняты, такъ что большинство должно было стоя лакать свою похлебку прямо изъ деревянныхъ посудинъ. Въ одномъ углу сидѣла высокая старуха и кидала огрызки своей идіоткѣ, которая, не разбирая, пожирала ихъ съ торопливой жадностію шарманочной обезьяны.

Вообще весь этотъ подвалъ представлялъ какую-то дикую берлогу, озаренную краснымъ отблескомъ мигающаго пламени—берлогу, гдѣ совершалось не менѣе дикое кормленіе голодныхъ звѣрей. Тутъ насыщали себя только парівъ нищенства, которые не

могутъ тратить на свое прощтаніе заразъ болѣе полуторы или много—двухъ копеекъ. Все же прочее забирало въ подвалѣ только перекуску, въ родѣ студея, бичачьихъ гусаковъ, да трески пареной и, завернувъ эти снѣди, если не въ бумагу, то въ полу одежды, отправлялось ужинать въ Полтарацкій, который являлъ въ себѣ несравненно болѣе комфорта, ибо, по естественному своему предназначенію, изобилуя водкой, вмѣщала пріятное общество и даже иногда оглашался звуками приватнаго гитариста.

III.

Полтарацкій.

Въ Полтарацкій надо было не спускаться въ преисподняя, но подыматься почти что въ бель-этажъ—и вотъ туда-то, подъ предводительствомъ Оумушби, направилась теперь изъ перекусочнаго подвала ватага ходебщиковъ, калѣкъ и убогихъ.

Чуть передъ этой компаніей завизжала на блокъ гостепріимная дверь кабака, чуть только обдало ее спиртуозными испареніями, какъ вдругъ свершилось великое чудо: слѣпые прозрѣвали, нѣмтыри получали прекрасный даръ слова, кривыши выпрямлялись, сухоруки, костыльники и всякіе другіе калѣки убогіе нежданно-негаданно исцѣлялись, становились здоровыми, крѣпкими людьми, и вся эта мегаморфоза, все это чудо великое совершалось вдругъ, въ одно мгновеніе ока отъ одного лишь чудодѣйственнаго вѣянія полтарацкой атмосферы. Одинъ только ёжъ—Касьяничъ-старчикъ не измѣнялъ своему убожественному горбу и безножію—и то потому, что, въ самомъ дѣлѣ, былъ человѣкъ горбатый и безногій.

— А! Грызунчики! Грызуны! Грызуны привалили! Много ль находили, много ли оконъ изгрызли? Псковскіе бары, витебскіе бархатницы! (*) Ахъ вы братія—парчовое платіе! Наше вамъ, съ бипяткомъ одинадцать, съ рѣдкой пятнадцатъ! Дибро пожаловать, грызунчики! Милости просимъ, камерцію поддержать!

(*) Грызуны—общее прованіе нищихъ. Грызть окна—просить милостыню—примѣняется преимущественно къ нищимъ, что слоняются по деревьямъ подъ окнами; но отъ нихъ перешло, какъ ироническое дразненіе, и на всѣхъ нищихъ вообще, которыми снабжаютъ Петербургъ по преимуществу губерніи Псковская и Витебская.

Таковъ былъ прївѣтственный взрывъ вослицаній, которыми полтарацкіе завсегдатаи встрѣтили нищенскую ораву, непрерывавшую одинъ за другимъ подваливать къ стойбѣ, съ лаконическими требованіями кошушекъ. Нѣкоторые изъ братіи недостававшую сумму денегъ дополняли карманными платками; одинъ даже предъявилъ очень хорошій портсигаръ, что, безъ сомнѣнія, составляло негласные трофеи «притворнаго» стоянія. Трофеи эти мгновенно исчезали за кабацкою стойкой.

Сивушный паръ; густая толпа передъ стойкой; многочисленныя группы за отдѣльными столиками; крупный, смѣшанный говоръ, женскія восклицанія, порою хлѣсть побоевъ и вопли; копоть отъ непокрытой стекляннымъ колпакомъ лампы; въ сторонѣ — маркитантъ съ гѣркой разныхъ закусокъ — преимущественно ржаныхъ сухариковъ, ржавой селедки и соленыхъ огурцовъ, раздробленныхъ на мелкіе кусочки — наконецъ, шмыганье подозрительныхъ личностей съ *тежнмъ товаромъ*; суетливая бѣготня подручныхъ да подносчиковъ, собирающихъ порожнія посудины, и обычные отвратительныя сцены въ конецъ опьянѣвшихъ субъектовъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ тутъ же гласно, всенародно обчищаютъ карманы, сдираютъ одежду и обувь — вотъ та шутная, непривлекательная картина, какою съ перваго взгляда представляеть знаменитый въ лѣтописяхъ петербургскихъ трущобъ — кабакъ Полтарацкій.

Нище расхлѣлись какъ попало: кто на подоконникѣ со своимъ студнемъ, кто, за недостаткомъ столовъ, даже и на полу, въ уголокъ приткнувшись; одна только компанія Омушки, состоявшая изъ Мабриды съ Касьянчикомъ, и криворукаго, косоглазаго слюва съ двумя нѣмтырами, заняла отдѣльный столъ для своей трапезы. Эти ужины нищей братіи возбуждали сильное неудовольствіе маркитанта, видѣвшаго въ нихъ подрывъ своей коммерціи.

Въ компаніи Омушки шелъ разговоръ о двуручничанѣ художаваго старика-халатника въ то время, какъ къ блаженному подошелъ, одѣтый въ партикулярное платье высокій, рыжій человекъ, угрюмаго выраженія въ злобныхъ глазахъ изподлобья, и безцеремонно опустился подлѣ него на скамейку, отодвинувъ для этого, словно какую вещь, Касьянчика-старичка.

— Чего тебѣ, Грѣчка? отнесся къ нему своимъ обычнымъ лаемъ Омушка.

— Ничего; звони, знай, какъ звонилось (*), а мы послушаемъ,

(*) *Звонить* — говорить.

отрѣзалъ Грѣча и разсѣлся таинивъ образомъ, что явно обнаружилъ намѣреніе слушать и присоединиться въ разговоръ.

— Надоть ему безпремѣнно ломку, чтобъ не двурушничать, продолжалъ косоглазый слюняй.

— Кому это? освѣдомился Грѣча.

— Хрычъ тутъ одинъ есть такой—богачей, сказываютъ, а самъ промежъ насъ кажинную субботу за всенощной христарадничаетъ—такъ, вотъ, говорю, ломку ему надо.

— Какой богачей?

— А вотъ—Оому спроси, онъ его знаетъ.

— Какой-такой богачей-то? повторилъ Грѣча, отнесася къ блаженному.

— Есть тутъ такой, неохотно отвѣчалъ этотъ:—Морденкой прозывается... скупердяище, не приведи богъ.

— Все это одна жадность человѣческая, любостяжаніе, замѣтила Маврида въ назидательномъ тонѣ.

— Да богачей-то онъ какъ же? добивался настойчивый Грѣча.

— А тебѣ-то что «какъ же»? дѣтей крестить хочешь, что ли? Небось, на зубокъ не положить!

— Нѣтъ, потому—любопытно, объяснилъ Грѣча.

— Любопытно... ну, въ ростъ капиталъ даетъ подъ проценту да подъ закладъ—вотъ-те и богачей!

— И много капитала имѣеть?

— Поди посчитай!

На этомъ разговоръ прекратился, и Грѣча сосредоточенно сталъ что-то обдумывать.

— Подъ-ка сюда! хлопнулъ онъ по плечу блаженнаго.

Они отошли въ сторону.

— Половину *сламу* (*) хочешь? вполголоса предложилъ Грѣча.

— За какой товаръ? притворился Оомушка.

— Ну, за вашего... какъ его... Морденку, что ли?

— А какъ шевелишь, другъ любезный: на сколько онъ ворочаетъ? прищурился нищій.

— *Косуль* (**) пять залѣжныхъ будетъ—и ладно.

— Мелко плаваешь!... Сто, а не то два ста—вонъ она штука! Грѣча выпучилъ глаза отъ изумленія.

(*) Доля добычи.

(**) *Косуля* — тысяча.

— *Труба!*... *зубы заговаривася* (!) пробурчалъ онъ.

— Вотъ те святая пятница—вѣрно! забожился Омушка.

— Ну, такъ *лады!* (**) на половину, что ли?

— *Стачка* (***) нужна, раздумчиво цмокнулъ блаженный.

— Вотъ-те и стачка, согласился Гречка. Первое:—твое дѣло—сторона; за *подводъ* половину сламу; ну, а остальное беру за себя: я, значить, съ *помадъ* (****), я и въ отвѣтъ.

— А коли на *фортунокъ* къ *Смольному замылкумъ* (*****), тогда какъ? попробовалъ огорошить его Омушка. Грѣчка презрительно спосылъ на него свои маленькіе злые глаза.

— Что, *слаба* (*****) вѣрно? усмѣхнулся онъ. — Трису празднуетъ? Не бойся, милый человекъ: свою порцію миногъ сами съѣдятъ (*****), съ тобою дѣлиться не станемъ! аппетиту хватить! Омушка подумалъ. Товарищъ казался подходящимъ и надежнымъ.

— Миноги, стало быть, за себя берешь? торговался онъ.

— Сказано, съѣмъ! огрызся товарищъ.—Мы-то еще поѣдимъ, либо нѣтъ — бабушка надвое говорила... Раньше насъ — пуцай другихъ покормить; много и безъ насъ на эту ваканцію найдется, а мы по вольному свѣту повружиса, пока богъ грѣхамъ терпитъ! рассуждалъ онъ ухмыляясь.

— Ну, коли такъ, такъ *лады!* порѣшилъ Омушка — и ладони къ соединились.

— Майора Спицу знаешь? продолжалъ онъ уже интимнымъ тономъ.—Этотъ самый майоръ, значить, первый ему другъ и пріятель... Отъ него мы всю подноготную вызнаемъ насчетъ нашего клею.

— Какъ! и ему тырбанить? (*****) съ неудовольствіемъ насу-

(!) *Труба!*—вздоръ, пустяки. *Зубы заговаривать*—сбивать съ толку, отводить глаза.

(**) *Лады* — идетъ хорошо, согласіе.

(***) *Стачка* — сдѣлка, уговоръ, условіе.

(****) *Сдѣлать подводъ*—устроить предварительную подготовку для дѣла, указать всѣ необходимыя пути, дать нити въ руки. *Помада*—самое дѣлопроизводство во время воровства.

(*****) *Промататься на фортунокъ къ Смольному замылкумъ* — на петербургскомъ арготъ означаетъ торжественный поѣздъ преступника къ эшафоту, на Конную площадь. *Фортунка* — позорная колесница.

(*****) *Слаба!*—восклицаніе, выражающее упоръ въ нерѣшительности и трусости.

(*****) *Встать миноги* — принять наказаніе плетью.

(*****) И съ нимъ дѣлиться долей добычи?

пися Грѣчка. Онъ уже считалъ деньги Морденки, въ нѣкоторомъ родѣ, своею законною собственностью.

Омушка свиснулъ и показалъ шишъ.

— Настъ съ тобой мать родная нешто дураками рокала? возразилъ онъ.—Больно жирно будетъ всякому съ дуру тырбанить—адакъ, гляди, и къ дядѣ на поруки до дѣла попадешь (*). А ми вотъ какъ: у *хѣрова* дочкаста визнаемъ, потому какъ онъ *зачи-вохмигъ*, тащъ мы ему только селяночку да штофъ померанцовой горькой — и готово (**).

— *Ходитъ!* согласился и одобрилъ Грѣчка.—А гдѣ же поймать-то его? домекнулся онъ.—Надо бы *работитъ* поживѣ (**).

— Въ секунтъ будетъ! съ убѣжденіемъ увѣрилъ блаженный.—Онъ, значить, *осюшникъ* (***) на косушку сгребалъ, за младенцевъ заручился—и теперича нигдѣ ему нельзя быть окромя какъ въ Сухаревкѣ.

— Стало быть махаемъ? предложилъ Грѣчка.

— Махаемъ! охотно согласился Омушка—и два новие друга немедленно же удалились изъ полтарацкаго.

IV.

СУХАРЕВКА.

Высокая надворная стѣна четырехэтажнаго дома, который съ уличнаго фасада смотритъ еще нѣсколько сносно, представляла почти невозможное и весьма опасное явленіе. Человѣку свѣжому и непривичному трудно было бы взглянуть безъ невольнаго ужаса на этотъ уголь, выходящій на первый изъ многочисленныхъ и лабиринтообразныхъ дворовъ Вяземскаго дома. Представьте себѣ этотъ уголь, образуемый двумя громадными каменными стѣнами, который далъ трещины во всю выпинну четырехэтажнаго зданія, вьслѣдствіе этихъ трещинъ вы видите, какъ поворобило эти двѣ соприкасающіяся стѣны, какъ одна изъ нихъ выдалась впередъ, наружу — цементъ не выдержалъ — и связь между кирпичами двухъ сосѣдокъ порвалась — того и гляди, что въ одинъ прекрасный часъ, вся эта гниль, вся эта насквозь пробрызгшая

(*) *Попастъ къ дядѣ на поруки* — угодить въ тюрьму.

(**) *Херый* — пьяный, *зачи-вохмигъ* — пьяница.

(***) *Ходитъ!* — тоже что *идеть!* согласенъ. *Работитъ* — обдѣлывать дѣло.

(****) *Осюшникъ* — двугривенный.

стѣна, рухнуть на вашу голову. Она и то разрушалась себѣ
 конемножку. Штукатурка давнымъ-давно отстала и почти вся
 отвалилась. Нѣтъ-нѣтъ, да гляди; и упадетъ откуда-нибудь но-
 вый кусище, обнаружитъ послѣ себя неопредѣленного цвѣта кир-
 пичи, которые, словно червь, источила и проѣла насквозь нрѣ-
 лам сирость. вмѣстѣ со штукатуркой валится иногда съ верховъ
 и гнилой кирпичикъ. Въ крѣпкіе морозы, вся стѣна бываетъ
 покрыта слоемъ льда, а въ оттепели — извилистыми потѣками
 воды, которую источаютъ изъ себя эти самые кирпичи, до новой
 заморозы. И вотъ въ этой-то стѣнѣ прилажена снаружи камен-
 ная лѣстница, болѣе удобная для увеселительнаго спуска на са-
 лазкахъ, чѣмъ для восхода естественнымъ способомъ, ибо вся
 была покрыта толстымъ слоемъ намерзлой и никогда несоспа-
 бливасмой грязи. Лѣстница эта, примыкавшая лѣвою стороною
 къ стѣнѣ, съ правой стороны своей не была защищена никакими
 перилами, а вела она довольно крутымъ подъемомъ во второй
 этажъ этого огромнаго дома, такъ что въ темную ночь, въ осо-
 бенности хмѣльному человѣку, не было ничего мудренаго поскольз-
 нуться или взять немного въ сторону, для того чтобы неожиданно
 грохнуться внизъ и размозжить себѣ голову о камни. Но, не-
 смотря на это видимое неудобство, по головоломной лѣстницѣ
 то и дѣло спускались и ходились разные народы, во всякое
 время дня и ночи. Лѣстница оканчивалась наверху узенькой, и
 точно также ничѣмъ неогороженной площадкой, передъ входною
 дверью, которая вела на корридоръ, въ благодатную Сухаревку.

Гниль и промозглая брѣзгость — вотъ два необходимые и при-
 томъ единственные эпитеты, которыми можно характеризовать все
 и вся этой части Вяземскаго дома. Прѣлая кислотина и здѣсь
 является необходимымъ суррогатомъ воздуха, какъ и во всѣхъ
 подобныхъ мѣстахъ, куда струя воздуха свѣжаго, неспорчен-
 наго, кажись, не проникала еще отъ самаго начала существо-
 ванія этихъ пріютовъ. Некрашенные полы точно также давно
 уже прогнили, и половицы въ иныхъ мѣстахъ раздались на
 столько, что образовали щели, въ которыхъ могла бы весьма
 успѣшно застрять нога взрослого человѣка, а ужъ ребѣнка
 и подавно. Ходить по этимъ поламъ тоже надобно умѣючи, ибо
 доски столь много покоробились, покривились, инны вдались во
 внутрь, инны выпятились наружу, что на каждомъ шагу являли
 собою каннаны и спотычки каждому проходящему неопиту. Гряз-
 нны, дыривны лохмотья и влочья какой-то матеріи замѣняли со-

бою занавѣси на окнахъ, а эти послѣднія отличались такою закоптѣлостью, что въ самый яркій солнечный день—тускло могли пропускать самое незначительное количество свѣта; по этой-то причинѣ, мутный полумракъ вѣчно господствовалъ въ Сухаревкѣ. Рванья, поотстававшія и заскрябаныя обои—неопытными полотнищами висѣли по стѣнамъ въ самомъ неулучше-безобразномъ видѣ. Вся остальная обстановка, со всеми харчевенными атрибутами, какъ нельзя болѣе гармонично соответствовала этимъ обоямъ, поламъ и занавѣскамъ.

Въ средней, то-есть наиболѣе чистой комнатѣ—если только можно примѣнить къ ней слово чистая, ибо и тутъ стояла полуразрушенная, почернѣлая отъ копоти и сажи голландская печь—воисѣдали двѣ личности, уже нѣсколько извѣстныя читателю. Это были: майоръ Спица и Иванъ Ивановичъ Зеленъковъ, сохранившій еще доселѣ свой «приличный кестричникъ» и неизмѣнно «халуиственную» физиономію. Оба знакомца разговаривали о чемъ-то, какъ видно было, весьма по душѣ. Майоръ взиралъ на Ивана Ивановича милостивымъ окомъ веселаго Юпитера, ибо Иванъ Ивановичъ угождалъ майора пивомъ.

— Доброму сосѣду на бесѣду! подойдя къ столу виѣсть съ Грѣчкой, сказалъ Омушка, обратившись къ майору: — примешь, что ль, въ компанію, ваше высокоблагородіе? Штофъ померанцовой поставлю, потому сказано—нынѣ увеселимся духомъ своимъ.

Сладостное извѣстіе о померанцовой подѣйствовало, какъ и надо было ожидать, достодолжнымъ, то-есть самымъ благопріятнымъ образомъ. Омушка съ Грѣчкой присоединились въ обществу майора. Двѣ-три рюмки еще болѣе умаслили надменно-свинные глазки господина Спицы и развязали ему языкъ. Онъ сталъ увѣрять Омушку въ своей истинной любви и дружествѣ.

— А вѣдь мы двуручника-то побьемъ — вотъ-те колъ, а не свѣчка, коли не побьемъ! сказалъ между прочимъ Омушка, ударивъ кулакомъ по столу.

Грѣчка притворился, будто не знаетъ, о комъ и о чемъ заводятъ рѣчи блаженный, и потому поинтересовался узнать, кто этотъ двуручникъ. Омушка сообщилъ. Зеленъковъ очень изумился.

— Какъ!... Такъ неужто онъ милостію собираетъ? воскликнулъ онъ.

— А ты его знаешь? спросилъ блаженный, который имѣлъ привычку *тыкать* всѣмъ и каждому безъ разбору.

— Очено даже, можно сказать, коротко, амбиціозно замѣтилъ Иванъ Ивановичъ, нѣсколько задѣтый этимъ тыканьемъ.

Өомушка налилъ ему рюмку. Амбиція господина Зеленькова смягчилась: онъ почувствовалъ даже нѣкоторую всепрощающую теплоту относительно Өомушки.

— Знакомъ, стало быть? въ видѣ поясненія свращивалъ послѣдній.

— Личнымъ пользуюсь... комиссіи всякія справлялъ, какъ значить, закладывать поручали господишки разные.

— Къ самому, стало быть, хаживалъ?

— Хаживалъ, и на фатерѣ бывалъ; а и живетъ же мерзостно—скуность-то что значить!

— Большую фатеру держить?

— Три комнаты да кухня.

— Бобылемъ живетъ, али есть кто при немъ?

— Окромѣ куфарки — ни кого; двѣ персоны, стало быть; да сынъ иногда захаживаетъ.

Өомушка слегка толкнулъ Грѣчку. Тотъ какъ бы невзначай крикнулъ: «смѣаемъ, молъ». Но отъ зоркаго глаза Ивана Ивановича это незамѣтное движеніе не ускользнуло. «Что-нибудь да не проста», сообразилъ онъ мысленно и покосился на Спицу; но захмѣлѣвшій майоръ очень благодушно почивалъ, откинувшись на спинку стула.

— А недурно бы эдакъ тово... заустягъ лапу въ сундучокъ къ Морденкѣ-то? Кабы добрый человекъ нашелся! прицмокнувъ языкомъ, схитрилъ Иванъ Ивановичъ, не относясь собственно ни къ кому изъ присутствующихъ.

— Соблазнъ! со вздохомъ и столь же безотносительно откликнулся Өомушка.

Грѣчка ни словомъ ни знакомъ не выразилъ своего участія въ мисіи Зеленькова; онъ только сдвинулъ свои брови да шнуро потупился.

Прошла минута размышленія.

— А гдѣ онъ живетъ? неожиданно спросилъ блаженный.

Зеленьковъ быстро, но пристально вскинулъ на него сообразительный взглядъ.

— Н... не знаю, право, гдѣ теперь... давно ужъ не былъ... не знаю... Слыхалъ, что переѣхалъ, нехотя отвѣчалъ онъ какимъ-то сонливо-апатическимъ тономъ, и два пущей натуральности даже зѣвнулъ.

— Омушка опять толкнулъ локтемъ своего сосѣда и наполнилъ рюмки.

— Это вы для меня-съ? Чувствительнѣйше благодаренъ и на томъ угощеніи, отказался Иванъ Ивановичъ, рѣмась быть осторожнѣе.

— Да ты пей, милый человѣкъ... будемъ мы съ тобою други называться, убѣждалъ нищій, насильно тыча ему расплесканную рюмку.

— Душа мѣру знаетъ... Какъ передъ Богомъ—не могу, вѣжливо расшаркался Зеленцовъ съ видомъ сердечнаго сожалѣнія, и застѣнчиво сталъ тереть обшлагомъ свою нуховую шляпу.

— Ну, была бы честь предложена—отъ убитыи Богъ избавилъ, полуобидчиво заключилъ блаженный и съ розмаху хлопыстнулъ одну за другой обѣ рюмки.

Иванъ Ивановичъ окончательно расшаркался и отошелъ къ китайскому бильярду, именуемому во всѣхъ заведеніяхъ этого рода «биксомъ».

— А вѣдь мухортикъ-то—штука (*), вполголоса отнесся блаженный къ своему товарищу.—Смекалку, ишь-ты, какъ живо распростираилъ... Изъ какихъ онъ?

— Надо полагать, изъ Алѣшевъ (**), сказалъ Грѣчка.

— А можетъ, и изъ Жоржей (***)?

— Гм!... Можетъ, и оно! Я его кой-когда встрѣчалъ-таки... Коли изъ Жоржей, такъ стало быть на особняки идетъ (****), размышлялъ Грѣчка.

— А ми его, милый человѣкъ, захороводимъ (*****), потому—польза.

(*) *Мухортъ, мухортикъ* — партикулярный человѣкъ.

(**) *Алѣшка* — лакей.

(***) *Жоржъ* — мошенникъ. Надо замѣтить, что мошенники наши никогда не именуютъ себя и свое сословіе мазуриками. Мазурикъ употребляется между ними только въ обидномъ, оскорбительномъ смыслѣ, какъ брань. Этимъ именемъ окрестило ихъ петербургское общество (въ Москвѣ — *жуликами*). Сами же себя мошенники называютъ *жоржами, веселыми артистами и жогами*. Последнее названіе прилагается къ мошенникамъ, временно находящимся въ крутыхъ, безденежныхъ обстоятельствахъ. *Ходитъ жогомъ* — въ нищетѣ, въ безденежьѣ, безъ пріюта.

(****) *Ходитъ на особняка* — заниматься профессіей въ одиночку, безъ товарищей, не принадлежа къ ассоціаціи.

(*****) Примемъ въ компанію, залуаемъ, подговоримъ на воровство. *Захороводитъ* — специально означаетъ — подговорить на воровство прислугу въ домѣ, преимущественно посредствомъ напоенія.

Грѣчка подумалъ и согласился на это предложеніе. Омушка пожелала повѣрить свои соображенія и узнать обстоятельнѣе, кто и что за птица сидѣвшій съ ними человекъ, для чего растолкалъ почивавшаго майора.

— Отмѣнный человекъ, полированный человекъ, хрипло про-
бормоталъ майоръ, пытаясь снова уснуть безмятежно. Остальные свѣдѣнія, кое-какъ добытыя отъ него Омушкой, заключались въ фамиліи Ивана Ивановича, да въ томъ, что Иванъ Ивановичъ— человекъ нигдѣ неслужащій, а занимающійся разными комиссіями.

— Дѣло на руку, рѣшили товарищи и отправились къ Зеленькову съ безцеремоннымъ предложеніемъ насчетъ Морденвиныхъ сундуковъ, основываясь на его же мнѣнія, что недурно бы запустить туда лапу.

Подобный опрометчивый поступокъ со стороны такихъ обстрѣ-
ленныхъ воробьевъ, для человека, незнакомаго съ нравами и бытомъ людей этого разряда, можетъ показаться болѣе чѣмъ страннымъ. А между тѣмъ, не взирая на великую свою хитрость и осмотрительность, заурядные мошенники отличаются часто совсѣмъ дѣтскою, поражающей наивностью. Но въ этомъ случаѣ не совсѣмъ-то наивность и опрометчивость руководили поступкомъ двухъ пріятелей. «Онъ насъ не знаетъ, мы его не знаемъ; деньги нужны всякому — никто себѣ не врагъ; а попадетъ да проболтается—знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ; и съ личными люди попадаютъ да вывертываются, благодаря *незнайку*, такъ и мы авось увернемся, богъ милостивъ». Такихъ, или почти такихъ образомъ формулируются соображенія мошенниковъ въ обстоятельствахъ, подобныхъ настоящему. Убѣжденіе, что смѣ-
лость города беретъ и возможность отпереться и не сознаваться, при самыхъ очевидныхъ уликахъ, помогаютъ имъ сходиться для общаго дѣла съ людьми почти имъ незнакомыми, но въ которыхъ они провидятъ извѣстную долю существенной пользы.

Иванъ Ивановичъ, никакъ неждавшій столь прямаго подхода, сначала-было опѣшилъ, даже перетрухнулъ немного: «чтой-то вы, господа, какія шутки шутите?» Потомъ, видя, что товарищи отсюда не шутятъ, а очень серьезно и обстоятельно предлагаютъ ему весьма выгодную сдѣлку, Иванъ Ивановичъ всталъ въ своего рода гамлетовское раздумье: «быть, или не быть?» рѣшалъ онъ самъ съ собою.

— Ты, милый человекъ, не бойся, ты только подводи сдѣлай, укажи да расскажи, а дѣлопроизводствомъ другіе заниматься ста-

нутъ. Наше дѣло съ тобой — сторона; мы, знай, только деньги получай, а черную работу подмастерья сварганять, убѣждалъ блаженный.

— Они въ дѣлѣ, они и въ отвѣтѣ, пояснилъ Грѣчка.

Иванъ Ивановичъ колебался. Хорошее дѣло деньги, а хороший кушъ и того лучше; брючки бы новыя сдѣлать, фракетъ, жилетку лохматую, при часахъ съ цѣпочкой, и вообще всю приличную пару... пальто съ искрой пустить, кольцо съ бриллантомъ. Въ Екатерингофъ поѣхать... вина пить... Хорошо, чортъ-возьми, все это! А попадешься? Что жъ такое, попадешься? Дурави попадаются, а умный человекъ никогда не долгонъ даже этого подумать себѣ, не то-что допустить себя до эдакова поношенія, можно сказать!»

Такия-то соображенія и картины относительно разныхъ удовольствій и костюмовъ—молніей мелькали въ головѣ Зеленькова.

«Кабы мы тебя на убивство подбивали, ну, ты тогда не ходи; а то вѣдь мы не убивать же хотимъ человекъ, а только деньги перехватить малость, стало быть, тутъ грѣха на душу нѣтъ, убѣждалъ блаженный.

«И въ самомъ дѣлѣ, согласился мысленно Иванъ Ивановичъ:— вѣдь украсть—не убить! А въ эвтимъ дѣлѣ, кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ?»

— Кабы онъ еще былъ человекъ семейный, въ потѣ лица пятайся, продолжалъ Омушка, нуская въ ходъ свое краснорѣчіе, которое обыкновенно очень умиляло людей, вѣрующихъ въ его подвижничество и юродство:—ну, тогда бы посягнуть, точно что грѣхъ: у нища и убога сиротское отъяти. А вѣдь онъ аспидъ, кровоопивца, неправимъ стяжаніемъ владеетъ; а въ писанинѣ что связано?—лихонимцы, сребролюбцы, закладчики—въ геенну огненную! Вотъ ты и суди тутъ!... Вѣдь онъ, не сегодня-завтра помреть—съ собой не возьметъ, все здѣсь же оставитъ, волкамъ на расхищеніе—такъ не все-ль одна штука выходитъ? Лучше же пушай намъ, чѣмъ другимъ достается.

— Это точно что, это вы правильно, мотнувъ головой, подкивалъ Иванъ Ивановичъ, и въ концѣ-концовъ далъ свое согласіе на дѣло. Передъ нимъ еще ярче, еще прилепательнѣе замелькали разные брючки, фракы и тому подобныя взашныя предметы.

V.

ПАТРИАРХЪ МАЗОВЪ.

Въ это время мимо вновь созданнаго триумвирата прошелъ самоувѣренно-тихою и степенно-важною поступью благообразный, маститый старикъ, въ долгополомъ кафтанѣ тонкаго сизаго сукна. Видно было челоуѣка зажиточнаго, солиднаго, который знаетъ себѣ цѣну и умѣетъ держаться съ ненарушимымъ достоинствомъ. Этотъ высокій лысый лобъ, на который падала вьющаяся прядь мягкихъ серебристыхъ волосъ, эти умные и пронизательные глаза, широкая и длинная борода, столь же сѣдая какъ и волосы, наконецъ строгій и въ то же время благодушный ликъ придавали ему какой-то библейскій характеръ—важись, такъ бы взять да и писать съ него Моисея, какого-нибудь пророка или апостола. При появленіи его, нѣкоторые изъ присутствующихъ почтительно встали и поклонились. Старикъ отвѣтствовалъ тоже поклономъ, молчаливымъ и благодушнымъ.

— А, патриархъ!... Се, патриархъ грядеть, воскликнулъ Оумушка, и скорчивъ умилъную рожу, съ ужимками подошелъ къ нему, заградивъ собою дорогу.

Старикъ крѣпостановился и медленно поднялъ на него свои полупущенные взоры.

— Что чертомелншь-то, кощунъ! дурень! тихо сказалъ старикъ внушительнымъ тономъ и строго сдвинулъ свои сѣдые, умныя брови.

— Потому нельзя, никакъ нельзя иначе, оправдывался нищій.

Старикъ болѣе не удостоилъ блаженнаго никакимъ словомъ, но слегка отстранилъ его рукою и прошелъ въ смежную комнату, откуда, сквозь затворенную дверь, слышна была циническая пѣсня, которую горлавило около десятка дѣтскихъ голосовъ.

— Ваше степенство! Провъ Викульчъ! не откажи въ совѣтѣ благомъ—дѣло есть, остановилъ его въ дверяхъ вновь подскокшій Оумушка и подалъ знакъ своимъ двумъ товарищамъ, чтобы тѣ слѣдовали за нимъ въ смежную комнату.

Въ этотъ высочомъ, самовитомъ старикѣ читатель можетъ узнать стараго знакомаго—ершовскаго буфетчика. Провъ Викульчъ, по всей справедливости, могъ носить титулъ патриарха

мазовъ (*). Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ оставилъ свою буфетческую должность и «отошелъ на покой». Извѣстно было, что онъ сколотилъ себѣ весьма изрядный капиталецъ; но гдѣ и какъ хранились его деньги—того никто не вѣдалъ. Онъ, будучи одинокимъ человѣкомъ, занималъ со своею кухаркой небольшую, но опрятную квартиру въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ и главнымъ украшеніемъ жилища его служило божіе милосердіе въ серебряныхъ окладахъ, съ вербными херувимами, страстными свѣчами, фарфоровыми ящиками и неугасимой лампадой. На полкѣ присутствовали избранныя книги, служившія постояннымъ и любимымъ чтеніемъ хозяину. Тутъ были святцы, четин-миней въ корешковыхъ переплетахъ съ застежками, и два тома изъ свода законовъ — десятый и пятнадцатый. Провъ Викулычъ былъ отмѣнный начетчикъ, искусный диспутантъ и великій юристъ. Онъ съ полнымъ убѣжденіемъ и вѣрою исполнялъ обряды религіи, очень усердно посѣщалъ въ каждый праздникъ храмъ божій, соблюдалъ среды и пятницы и всѣ посты, а говѣлъ четырежды въ годъ, неукоснительно. И это—по чистой совѣсти, никто изъ знавшихъ его не могъ бы назвать фарисейскимъ лицемеріемъ: все сіе творилъ онъ по внутреннимъ побужденіямъ, совершенно искренно. Великимъ грѣшникомъ также себя не считалъ, ибо въ жизнь свою не сотворилъ ничего противъ заповѣдей «не убій» и «не укради»; а перекуплю завѣдомо-краденныхъ вещей, которую съ переменною званія совѣтъ оставилъ, онъ не почиталъ подходящею подъ осьмую заповѣдь, тѣмъ болѣе, что все стяжаніе свое намѣревался по смерти завѣщать въ разные монастыри, буде самъ не успеетъ принять санъ монашескій, о чемъ всегда любилъ мечтать съ особенной усладой душевной. Любимымъ занятіемъ Прова Викулыча были религіозныя препиранія съ раскольниками; здѣсь онъ входилъ въ истинный, даже ожесточенный паеосъ, особенно когда могъ побивать противника на основаніи текстовъ писанія. Капитала своего Провъ Викулычъ не трогалъ, а жилъ, такъ сказать, на общественномъ иждивеніи. Мы уже сказали, что онъ былъ великій юристъ. Всевозможныя статьи, параграфы и пункты, особенно пятнадцатаго тома, были

* (*) *Мазами* называются мастера, опытные во всѣхъ отношеніяхъ воры, прошедшіе многообразный практическій и юридическій курсъ. Они заправляютъ, распорядятся дѣломъ во время производства воровства, дѣлятъ добычу, обучаютъ молодыхъ воровъ, стоятъ во главѣ шайки, и вообще играютъ роль главнокомандующаго, атамана.

знакомъ ему въ совершенствѣ. Знаніемъ всей казуистики, всѣхъ ходовъ и закорючекъ полицейскихъ и судебныхъ мѣстъ, владѣль онъ съ замѣчательною прозорливостію. Но «ходженій по дѣламъ» и стрипчества Провъ Викулычъ на себя не принималъ. Онъ обучалъ только проходящихъ къ нему за совѣтомъ мошенниковъ. Если который изъ нихъ попадался подъ слѣдствіе—училъ всевозможнымъ отводамъ, указывалъ тайныя лазейки и всѣ тѣ пункты закона, которне хотя мало-мальски могли послужить въ пользу подсудимаго. Слѣдую словамъ писанія, которое повелѣваетъ посѣщать въ темницѣ заключенныхъ, онъ навѣщалъ иногда знакомыхъ арестантовъ, для освѣдомленія о ходѣ ихъ дѣлъ и подачи благихъ совѣтовъ. Если арестанту хотѣлось напоруки—Провъ Викулычъ, какъ личность ни въ чемъ зазорномъ незамѣченная и подъ судомъ и слѣдствіемъ несостоящая, являлся поручителемъ, даже деньги свои давалъ иногда въ долгъ, когда подсудимый могъ отдѣлаться взяткою, а наличныхъ не имѣлъ. И кажется, не было примѣра, чтобы деньги эти впослѣдствіи ему не возвращались. Если задумывалось какое-нибудь ловкое, сложное и рискованное предпріятіе, знакомые мошенники почти всегда предварительно шли къ нему за совѣтомъ. Провъ Викулычъ сметливымъ окомъ своимъ соображалъ и обдумывалъ дѣло, давалъ опытный и умный совѣтъ, какъ ловче, тонше и безопаснѣе его обдѣлать, приводилъ закорючки и пункты, которне могутъ служить и рго и сопта, въ данномъ случаѣ, и какъ скоро предпріятіе удавалось—получалъ свою долю благодарности. Такимъ-то способомъ и жилъ онъ на общественномъ иждивеніи. Крайне осторожный и осмотрительный, онъ сохранилъ себѣ официально «честное имя» и былъ твердо увѣренъ, что никогда и ни въ чемъ не попадетса. Еслибъ вы назвали его мошенникомъ, онъ бы до глубины души оскорбился, ибо съ полнымъ убѣжденіемъ почиталъ себя честнымъ человѣкомъ и истиннымъ христианиномъ. «Возлюби ближнія своя», неоднократно повторялъ онъ, какъ свое нравственное убѣжденіе, и на этомъ основаніи помогалъ мошенникамъ, раздавалъ нищимъ милостыню. Жоржи чтили въ немъ истиннаго своего благодѣтеля и называли патриархомъ мазовъ.

Мое тѣло — тѣло было
Разгуляться захотѣло—

отхватывали синие. дѣтскіе голосенки въ отдѣльной непроход-

ной вопиать, когда за веревъ ея стунилъ Провъ Викулчъ и компанія Омушки.

Опрокинутые стулья, чайный приборъ, пивныя бутылки и водка служили признаками оргіи, происходившей въ этомъ уголкѣ. Съ десяткомъ мальчишекъ отъ десяти до пятнадцатилѣтняго возраста, въ самыхъ разнокалиберныхъ костюмахъ, наполняли небольшую горницу. Нѣкоторые изъ нихъ были положительно пьяны. Посередникъ происходила пляска. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ отхватывалъ въ присядку трепавъ передъ женщиной, еще молодой и даже недурной когда-то, на которой, однако, уже неизгладимо лежало отталкивающее клеймо разврата. Ея испитое, горящее хмѣльнымъ румянцемъ лицо, вполне гармонировало съ такими же испитыми лицами мальчишекъ. Подлѣ танцующей пары ухарски воссѣдалъ на табуретѣ одинъ взрослый и своими восклицаніями поощрялъ безобразную пляску.

— Цыцъ, вы, чертенята! Брысь подъ печку! топнулъ на нихъ Провъ Викулчъ. — У добрыхъ людей пятница, а они срамныя пѣсни орутъ!

— Бѣса плавовѣцею и скаканіемъ тѣшатъ! примолвилъ отъ себя богобоязненный Омушка.

Ревятишки немного притихли, взрослый почтительно привсталъ съ табурета, а плясунья удалилась за двери даже съ нѣкоторою робостью, потому Провъ Викулчъ бабъ не любилъ.

— Что у васъ за кагалъ тутъ жидовскій? нѣсколько благосклоннѣе спросилъ онъ, съ достоинствомъ разсѣвшись на диванѣ.

— А вотъ—звонкѣвъ (*) обучаю... Хотите — экзаментъ можно сдѣлать? съ улыбкой отозвался взрослый, красивый парень лѣтъ двадцати-пяти, въ камлотовомъ пиджакѣ.

— Не «экзаментъ», а экзаменъ; слово греческое, докторально-педантически и совсѣмъ уже благосклонно поправилъ патриархъ, любившій иногда щегольнуть своимъ знаніемъ и начитанностью.

Камлотовый пиджакъ, сознавая ученое превосходство патриарха, скромно ухмыльнулся и провелъ рукой подъ носомъ.

— Ну, дѣлай, пожалуй; а я погляжу, да вотъ съ добрыми людьми поваляю, согласился старикъ, приглашая компанію Омушки подсѣсть поближе къ дивану.

(*) *Звонокъ, звонъ, маломытокъ, жуликъ*—ученикъ мошенника. Жуликами называются уже тѣ изъ учениковъ, которые могутъ ходить на дѣло.

Омушка «сдѣлалъ уваженіе» ему рюмкой мадеры, которую всегда эти господа угощаютъ такихъ сановитыхъ людей, и котору очень любилъ Провъ Вякуличъ, хотя сначала и отказывался пригубить по случаю пятницы. Затѣмъ, представя ему Зеленькова, Омушка вполголоса приступилъ къ изложенію задуманнаго дѣла съ Морденкой, а камлотовый пиджакъ началъ звать.

Онъ поставилъ табуретъ посрединѣ комнаты и вынулъ изъ кармана ременный жгутъ.

— Вы, повички, слушай! обратился онъ къ тремъ мальчикамъ, изъ которыхъ одинъ блѣдный, худощавый ребѣнокъ, лѣтъ десяти, стоялъ позади всѣхъ у окна, и не то со страхомъ, не то съ удивленіемъ глядѣлъ на все происходившее въ этой комнатѣ.

Видно было, что онъ дичился, что все это казалось ему страннымъ и чѣмъ-то новымъ, невиданнымъ.

— Слушай! повторилъ камлотовый пиджакъ.—Вотъ Сенька будетъ у меня форточничать, а вы — чурь! — глядѣть да учиться! Когда, значить, пойдемъ на работу и случится при эфтимъ дѣлѣ въ форточку пролѣзть, такъ надо, чтобъ было аккуратно и безъ шуму. А коли шумимъ, ребятки, такъ березовой каши въ части похлебаемъ! Ну, Сенька, полѣзай! скомандовалъ онъ пласавшему мальчишкѣ:— да гляди у меня, пострѣлъ: буде чуточку только сдвинешь табуретку — жгутъ!

Сенька скинулъ сюртучонокъ и ловко полѣзъ между ножками и нижней перекладной табурета. Камлотовый пиджакъ — жгутъ наготовѣ — въ наблюдательной позѣ сталъ надъ мальчишкой.

Сдвинулъ.

Раздался ударъ по спинѣ и крикъ, слившійся со смѣхомъ мальчишекъ.

— Ахъ, ты, дѣвчонка!... Онъ еще голосить тутъ вздумалъ!

— Да вѣдь больно... не принаровишься сразу... простоналъ со слезами на глазахъ пролѣза, вскочивъ на ноги.

— Затѣмъ и бьютъ, чтобъ было больно, пояснилъ менторъ.— Дастъ-богъ, на Конной попадешься къ Кирюшкѣ въ лапы — еще больнѣе будетъ — значить, съ младости приучаться надо (*).

Мальчишъ, убѣжденный этимъ аргументомъ, полѣзъ опять, и

(*) Въ Петербургѣ былъ нѣкогда валакъ, прозванный Кирюшкой. Онъ отличался особенной ловкостью и сноровкой «въ дѣлѣ», такъ что приобрѣлъ себѣ огромную популярность въ мирѣ мошенниковъ, и даже самое имя его на петербургскомъ арготъ сдѣлалось синонимомъ валака.

опять сдвинулъ на полвершка табуретку. Новый, еще сильнѣйшій ударъ, но на этотъ разъ уже ни малѣйшаго крика.

— Молодець!... Валай съизнова да дѣлай начистоту! ободряетъ менторъ—и ученнѣе его съ изумительною ловкостью продѣзаетъ наконецъ между ножек—туда головой, а потомъ обратно ногами—ни на одну лѣнню не сдвинуть табуретки.

— Молодець, Сенька! ай-да молодець! восклицаетъ менторъ, приходя въ истинный восторгъ. — Пошелъ, налей себѣ стаканъ води въ награду!

Провъ Вибульчъ слушаетъ Омушку съ компаніей и въ то же время, самодовольно поглаживая свою прекрасную бороду, съ благоволивой улыбкой смотритъ на искусство юнаго Сеньки. Одно только не совсѣмъ-то нравится ему: «зачѣмъ мальчуга водку дуетъ?—потому пятница и опять же нравственности ущербъ, хотя, съ другой стороны, трудно и не испивать въ этакомъ положеніи.» Такъ разсуждаетъ Провъ Вибульчъ; а камлотовый пиджакъ ужъ представляетъ на его благоусмотрѣніе новыя плоды своей ланкастерско-педагогической дѣятельности. Онъ сѣлъ на табуретъ, положилъ къ себѣ въ карманъ довольно узкихъ панталонъ кошелекъ съ деньгами и кликнулъ новаго мальчишку.

— Начинаю! сказала мальчишка и, немного засучивъ рукавъ, осторожно запустилъ пальцы въ карманъ учителя.

Черезъ минуту онъ подалъ ему кошелекъ.

— Ну, братъ, чистота!... Вотъ ужъ подлинно можно сказать, золотая тырка! (*) изумился менторъ:—гляди-ко, чортъ, безъ ошмалашу (**) прямо полѣзъ, да еще говоритъ: «начинаю» и хошь бы

(*) Золотая тырка—выраженіе, довольно трудно переводимое на обыкновенный языкъ; означаетъ—очень удачно произведенное воровство. *Тырить*—воровать, красть.

(**) *Ошмалашъ*—слово, которое звучитъ очевидно не русскимъ, а восточнымъ, и скорѣе всего, кажется, татарскимъ происхожденіемъ. *Ошмалашъ*—ощупка, *ошмалашъ*—ощупать. Обыкновенно передъ тѣмъ чтобы украсть (напримѣръ, часы, бумажникъ, при застегнутой одеждѣ), мошенникъ предвѣрительно дѣлаетъ наружную рекогносцировку, слегка и очень осторожно, ощупываетъ мѣсто и соображаетъ положеніе, въ какомъ вещь лежитъ въ карманѣ. Маневръ этотъ произойдетъ съ самымъ невиннымъ видомъ, какъ-бы нечаяннымъ, машинальнымъ прикосновеніемъ руки. Сообразительность въ подобныхъ случаяхъ у опытныхъ мошенниковъ развита необыкновенно тонко: достаточно одного только легкаго прикосновенія, чтобы сообразить, въ какомъ положеніи находится вещь и какъ будетъ лучше, какъ удобнѣе можно ее украсть. Это-то называется *ошмалашъ*. Если часы или бумажникъ лежитъ но въ сверткѣ, плотно застегнутой на все пуговицы, то здѣсь уже употребляется нѣсколько болѣе рискованное средство, именно берется *жуликъ*—не малецътокъ, а небольшой, весьма острый ножикъ,

чутьку трёхнулъ!... (*) И знаю вѣдь, что тащить, бестія, а хошь убей — ничего не слыхаль!...

— Чисто! очень чисто! похвалилъ Провъ Викулычъ, который устѣлъ уже выслушать планъ задуманнаго дѣла и дать надлежащій, добрый совѣтъ, сущность котораго читатели узнають въ надлежащемъ мѣстѣ.

— Первый хорошій праздникъ, сказагь камлотовый пиджагъ молодому ворникѣ:—я тебя беру съ собой въ Казанскій. Это—словно бы ужъ и не жуликъ, а дѣлый мазь выходить. П-шель, собака, выпей водки!

— Клугинъ! обратился Сенька къ своему ментору: — скажи Прову Викулычу, что мы нынче новичка привели.

Клугинъ вывелъ изъ толпы блѣднаго ребѣнка въ пестрадиномъ халатѣ, того самаго, который озирался на все съ робкимъ изумленіемъ и подвелъ его къ патриарху.

— Какъ зовутъ? отнесся къ нему этотъ послѣдній, въ томъ солидно-благодушественномъ тонѣ, какъ относятся обыкновенно законоучители ко вновь поступившимъ гимназистамъ.

— Миколкой, чуть не задыхаясь отвѣтилъ мальчуга.

— Изъ мастеровыхъ, надо полагать? продолжалъ Викулычъ, взглянувъ на его пестрадинный халатикъ.

— Сказывалъ, у сапожника въ ученьи жилъ, да убѣгъ отъ него третѣва-дни, объяснял бойкій Сенька. — Мы нонче дрова таскать лазили и видимъ — въ пустой канурѣ собачьей сидятъ кто-то... Смотримъ—а это онъ... Ну, вытащили да и привели... Голодный былъ...

— Есть родители, али сродственники какіе? допрашивалъ новичка Провъ Викулычъ.

Мальчикъ дрожалъ и готовъ былъ разрыдаться. Нижняя губа и подбородокъ его нервно трепетали — предвѣстіе близкихъ, но сдерживаемыхъ слезъ.

— Не бойся, милый, отвѣчай... Мы худа не сдѣлаемъ, погладимъ его по головкѣ Викулычъ.—Есть, что ли, родители?

употреблений для подрѣзанія снаружи боковыхъ кармановъ, отпариванія у шубъ и салоновъ воротниковъ, рукавовъ и т. п. Главная штука въ томъ, чтобы неслышно, незамѣтно для жертвы сдѣлать наружный прорѣвъ скюртука — а тамъ уже вещь сама-собою въ рукахъ мошенника.

(*) *Трёхнутъ*—неосторожно толкнуть, дотронуться до жертвы во время самаго производства воровства.

— Нѣту... никого... съ трудомъ отвѣтилъ нѣсколько ободренный мальчикъ.

— Кто жь тебя въ ученье-то отдалъ?

— Господа отдали...

— Такъ... А зачѣмъ же ты убѣжалъ отъ хозяина?

— Билъ меня... все билъ... ѣсть не давалъ.

— Какъ же онъ тебя билъ-то?

Мальчикъ отстегнулъ халатъ и показалъ грудь, плечи и часть спины. Ременная шпандра оставила на нихъ синяки полосами. Видно было, что эта хозяйская шпандра безъ разбору и долго и часто гуляла по его щедущему тѣлу: не успѣвали сглаживаться полосы старыхъ побоевъ, какъ поперегъ ихъ накиннали новые синяки.

— За что же это онъ такъ? продолжалъ. Провъ, покачавъ голову.

— За разное... Пьяный все больше... Молочникъ вотъ разбилъ... въ лавочку долго бѣгалъ... клейстеръ переварилъ, припоминалъ онъ причины побоевъ, а слезы не выдержали и побитились.

— Ну, не плачь, малецъ, не пускай нюни! утѣшалъ его старикъ, подымаясь съ мѣста и откланиваясь присутствующимъ. — Поживешь съ нашими ребятами, поправишься, молодцомъ станешь.

— Хочешь водки? предложилъ ему Клугинъ, по уходѣ патриарха. — Хвати-ка стаканъ! веселѣ будешь!

Ребѣнокъ отиѣвивался.

— У! бабѣ какое! учи его, ребята! лей ему въ глотку! командовалъ опытный педагогъ, и мальчишки разомъ накиннулись на своего новаго товарища, схвативъ его голову и руки.

— Пей, а не то къ хозяину сведу! постращаль менторъ, у котораго однимъ изъ первоначальныхъ педагогическихъ приѣмовъ было—систематическое приученіе питомцевъ къ пьянству, разврату и праздной жизни.

Угроза насчетъ хозяина подѣйствовала сильно: несчастный мальчикъ, весь дрожа отъ наплыва столь разнообразныхъ ощущенийъ, съ отвращеніемъ проглотилъ большой стаканъ водки и безъ чувствъ повалился на полъ.

— Урра-а! закричали мальчишки — и черезъ минуту опять появилась тамъ испитая женщина и опять раздавалась прежняя пѣсня.

Такимъ-то вотъ образомъ изъ неспорченнаго ребѣнка, котораго разные хозяева ни за-что ни про-что встязали и морили голодомъ, какъ послѣднюю собаку, приуготовляется негодяй и веришка, а впоследствии, быть можетъ, кандидатъ на каторжную работу, котораго ми, въ нылу благороднаго негодования и съ утѣшительнымъ сознаніемъ своей собственной, высокой чести, будемъ клеймить своимъ презрѣніемъ, говоря, что подѣломъ во-ру мука, и что законъ еще слишкомъ снисходителенъ къ подобнымъ негодяямъ.

Я полагаю, что мы будемъ совершенно правы, сограждане! Не правда ли, и вы вѣдь полагаете то же?

VI.

Нищій-вогачъ.

На другой день, за вечернею службой, Морденко, по вчерашнему, слонялся въ притворѣ за спинами нищей братіи и по вчерашнему же двуручничалъ, съ какимъ-то волчьимъ выраженіемъ въ стеклянныхъ глазахъ, которое появлялось у него постоянно при видѣ денегъ или какой бы то ни было добычи. Омушка на сей разъ не донимала его тычками. И однако, Морденко все-таки спустился съ паперти раньше остальной нищей братіи, преслѣдуемый градомъ критическихъ и обличительныхъ замѣчаній со стороны косоглазаго слюня и бабъ-попрошакъ. Угрюмо понуривъ голову, шелъ онъ въ своемъ дрянномъ, развѣвающимся халатишкѣ, направляясь къ Средней Мѣшанской, гдѣ было его обиталище. Въ саженьяхъ десяти разстоянія за нимъ шагала высокая человѣкъ, ни на минуту не упуская изъ виду понурую фигуру старика.

У воротъ грязно-желтаго дома, того самаго, гдѣ обитала Александра Шакомовна, мнимая тѣтушка Зеленькова, и гдѣ неслыхово пахло жестяною полудой, старикъ Морденко столкнулся съ молодымъ человѣкомъ.

— Здравствуйте, папенька, сказалъ этотъ послѣдній, тѣмъ болѣзненно-несмѣльнымъ голосомъ, который служить признакомъ скрытой нужды и подавляемаго горя.

Неожиданность этихъ словъ заставила вздрогнуть старика, погруженнаго въ свои невеселыя думы. Онъ изводюбья вскинулъ

тусыные глаза на молодого человека и глухо спросил его ворчливо-недовольным тономъ:

— Что тебѣ?... чего пришелъ, чего надо?...

— Я къ вамъ... навѣстить котѣль...

→ Навѣстить... Заѣмъ навѣщать?... не къ чему навѣщать!... Я человекъ большой, одинокой... веселого у меня мало!...

— Да вѣдь все жъ... я сынъ вамъ... повидать хотѣлось...

— Повидать... а чего видать-то? — все такой же, какъ былъ! не бойсь, не позолотился!... Участіе, что ли, показывать?... Зачѣмъ мнѣ это?... Развѣ я прошу?... Не надо мнѣ этого! ничего не надо!...

— Я къ вамъ за дѣломъ...

— Да, да! знаемъ мы эти дѣла, знаемъ!... Денегъ вѣрно надо?... Нѣту у меня денегъ. Слышишь-ли, нѣту!... Самъ безъ копейки сижу!... Вотъ оно участие-то ваше! только изъ-за денегъ и участіе, а по сердцу не жди!

У молодого человека сдержанно сорвался горькій и тяжелый вздохъ.

— Хоть обогрѣться-то немного... позвольте, сказалъ онъ, тщетно кутаясь въ свое холодное, короткое пальтецо, и видно было, что ему тяжела, сильно тяжела эта просьба.

— Развѣ холодно?... Мнѣ—такъ нисколько не холодно, возразилъ старикъ:—да и дома не топлено нынче... два дня не топлено.

— Ну, богъ съ вами... Прощайте, проговорилъ юноша, и медленно пошелъ отъ старика, какъ человекъ, которому рѣшительно все равно, куда бы ни идти, ибо впереди нѣтъ никакой цѣли.

Тѣнь чего-то человѣческаго раздумчиво пробѣжала по блѣдно-желтому, неподвижному лицу Морденки.

— Иванъ!... эй, Ваня! вернися!... Я ужь, пожалуй, чаемъ тебя напою нынче, сказалъ онъ вдогонку молодому человеку.

Тотъ машинально какъ-то повернулся назадъ и прошелъ вслѣдъ за старикомъ въ калитку грязно-желтаго дома.

Высокій человекъ, неуклонно слѣдившій за Морденкой еще отъ самой паперти Спаса, сдѣлалъ видъ будто разсѣянно остановился у фонаря, а самъ между тѣмъ слушалъ происходившій разговоръ, и теперь вслѣдъ за вошедшими юркнулъ въ ту же самую калитку.

Въ глубинѣ грязнаго двора, въ самомъ послѣднемъ углу, въ который надо было пробираться черезъ закоулокъ, образуемый дровянымъ сараемъ и грязною ямой, одиноко выходила темная лѣст-

нида. Она вела во второй этаж каменного двухрусного флигеля, гдѣ находилась квартира Морденко. Низъ былъ завязъ водъ сараемъ и конюшней.

— Постой-ка .. надо вынуть ключи, сказалъ онъ, остановивсь у входа и досталъ изъ-за пазухи два ключа довольно крупннхъ размѣровъ, захвативши ихъ въ обѣ руки такимъ образомъ, чтобы они могли служить оружіемъ для удара.

— Лѣстница темна, неровнѣй часъ, легкой человѣкъ упадетъ-са, пробурчалъ Морденко, и осторожно занесъ уже было ногу на ступеньку, какъ вдругъ опять остановился...

— Ступай-ка ты, Иванъ, лучше впередъ... а я за тобою.

Молодой человѣкъ безпрекословно исполнилъ это желаніе подозрительнаго старика.

— Развѣ вы Христину отпустили? спросилъ онъ, надушивая ногами ступеньки.

— Нѣтъ, держу при себѣ... нельзя безъ человѣка; уходить со двора иной разъ приходится, пояснялъ Морденко, отискивая на двери болтъ съ висячимъ замкомъ.

— Да гдѣ жъ она у васъ теперь-то?

— А я ее запираю въ квартирѣ, пока ухожу— такъ-то вѣрнѣе выходить, по крайности знаю, что не уйдетъ... А тебѣ-то что это такъ интересно? вдругъ спросилъ онъ подозрительно.

— Такъ. Вижу, что вы съ ключами...

— То-то «такъ» ли?... У васъ все «такъ»... А на свѣтѣ «такъ»— ничего не бываетъ...

Онъ отомкнулъ сначала висячій замокъ, а потомъ другимъ ключомъ отперъ уже самую дверь, и вошелъ съ сыномъ въ темную комнату, откуда пахло на нихъ сыростью кладовой, гдѣ гниетъ всякая рухлядь.

Высокій человѣкъ, какъ кошка, неслышно все вкрадчивъ за ними, вошелъ наконецъ въ нижнія сѣни, гдѣ плотно прижался къ стѣнѣ. Сюда долетѣлъ до него и послѣдній разговоръ отца съ сыномъ.

Растрепанная, заспанная женщина внесла въ комнату сальный огарокъ.

— А ты зачѣмъ нашла свѣчку? Я развѣ зачѣмъ покупаю, чтобы она у тебя даромъ горѣла? обратилъ къ ней съ выговоромъ Морденко.

Т. СЛѢД. — Отд. I.

— Чего горѣла?... гдѣ она горѣла?... И те въ потымакъ дѣланный вечеръ сидишь, проворачивая чуронка.

— А вотъ я удостовѣрюсь, вражья дочка, я вотъ тебя поймалю! Ты думаешь, у меня не замѣчено? — нѣтъ, братъ, знаешь!...

И найдя на огнѣ бумажную ифрочку съ отиѣтвой, Морденко приложилъ ее къ огарку, привязавъ вразъ — и старикъ усвоился: Христина, точно, просидѣла въ потемкахъ.

— Поставь-ко самоваръ намъ... обогрѣться хочу, сказалъ онъ ей уже болѣе дружелюбнымъ тономъ; но Христина не оказала къ дружелюбію особеннаго расположенія: это глуноватое, скотски-терпѣливое существо пришло, наконецъ, въ нѣкоторое негодование.

У Морденки люди обыкновенно не выживали болѣе двухъ недѣль; одна только Христина какъ-то умудралась выносить свою пищу уже въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, да и у той начинало лопаться терпѣніе. Она находилась чисто въ плѣну, въ заточеніи у Морденки. Уходя утромъ за провизіей, онъ запиралъ ее на ключъ въ своей квартирѣ. То же самое было, если шелъ куда-либо по дѣлу или вечеромъ въ церковь — послѣднее въ особенности хуже всего, такъ-какъ онъ запрещалъ лежать свѣчку, и несчастная чуронка принуждена была сидѣть въ совершенной темнотѣ часа два или три сразу. Вырваться и уйти отъ него было весьма затруднительно, потому что расчетливый старикъ отбиралъ обыкновенно паспортъ, и пряталъ его въ потаенное, ему одному извѣстное мѣсто. Отходы приелуги совершались почти всегда со вмѣшательствомъ полиціи, которая вынуждала наконецъ Морденку къ расчету и отдачѣ паспорта. Оставаясь одинъ въ своей квартирѣ, онъ становился совершеннымъ мученикомъ, сидѣлъ запершись на всѣ замки, боялся, что кто нибудь войдетъ и убьетъ его, еще больше боялся отлучаться изъ дому, потому что, пожалуй, ворвутся безъ него лихо дѣви въ безлюдную квартиру и оберутъ все до-чиста. Тогда онъ сквозь форточку посылалъ дворника за майоромъ Спицой, обитающимъ въ томъ же самомъ домѣ, и умолялъ найти ему какую нибудь прислугу. Майоръ, старый однодомчанинъ съ Морденкой, былъ, кажется, единственный человекъ, сохранившій къ скупому аскету нѣсколько благопріятныхъ отношеній, въ силу особаго обстоятельства, о которомъ вскорѣ подробно узнаетъ читатель. Майоръ обыкновенно бралъ на себя порученіе Морденки, и

доставлял ему какую нибудь старую Домну или Палагею, чтобы эта ведьба через полторы смѣнилась, но майорскому же отисканію, какой нибудь Матреной или Христиной.

Итакъ, Христина не оказала особеннаго расположенія въ дружескому тому Морденко.

— Чего тутъ самоваръ!... лучше печку затопить—третій день нетоплена, протестовала она:—крысь морозимъ въ фатерѣ,.. жить нельзя... начпорть мой подавай сюда—уйду совсѣмъ!...

— Уйди, уйди; я ноглажу, какъ ты уйдешь станешь, кивая головой, полемизировалъ Морденко.

— Думаешь, не знаю, куда ты въ калиткиѣ шагаешься?—Христарядничать ходишь, милостыней побираешься!

— Дура, и видно, что дура! возразилъ Морденко.—Побираюсь... ну, точно, что побираюсь; такъ вѣдь это богоугодное и душе-спасительное дѣло, потому—униженіе приемишь! Вотъ и ты—поругайся побольше, а я со смиреніемъ выслушаю; тебѣ-то—мученіе вѣчное, а мнѣ—душѣ своей по спасенію.

Христина въ кухнѣ закопшилась съ самоваромъ; Морденко ушелъ въ другую горницу переодѣться. Халатъ служилъ ему только для вечернихъ хожденій на шапертъ Сѣннаго Спася; для дневнаго же выхода въ люди или по дѣламъ, старикъ имѣлъ костюмъ совершенно приличный, состоявшій изъ синяго сюртука стариннаго побря, узкихъ панталонъ, и стариннаго же покрою луховой шляпы съ козырькомъ, какія дѣтъ пятнадцать тому назадъ можно еще было встрѣтить на нѣкоторыхъ старикашкахъ; за то костюмъ домашній, обыденный представлялъ нѣчто совсѣмъ оригинальное. Въ него-то именно и облекся Морденко въ другой горницѣ. Это была грязная рубаха, заплатанное нижнее бѣлье, больничныя шлепанцы-туфли на босу-ногу, и какая-то морщѣлая отъ времени шелковая женская мантилья—очевидно нѣвъ заложеникъ ему когда-то и невыкупленныя вещи—которая совершенно поженски была накинута на его сутуловато-старческаго плеча.

Въ комнатѣ былъ страшный холодъ, паръ отъ дыханія ходилъ густыми клубами; но старикъ оставался какъ-то нечувствителенъ къ этому холоду, тогда какъ снѣгъ его, кудаась въ пальтишко, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ; эта затхлая сырость пронимала гораздо хуже сырости уличной. Морденко вышелъ изъ другой комнаты съ жестянымъ фонаремъ, и переставилъ въ него изъ подсвѣчника сальный огарокъ. Комната осталась въ густомъ

полумрагѣ; по стѣнамъ легли радіусами три свѣтлы волоса, на потолокѣ тускло замигали пятнами нѣсколько кружковъ — отсвѣтъ отъ дырочекъ на пришивѣ фонаря.

— Такъ-то лучше, безопаснѣе, замѣтилъ онъ:— а те, оборони богъ, заронится какъ нибудь искра — пожаръ случится — всѣ погоримъ... Что дрожнишь-то? или тебѣ въ самомъ дѣлѣ холодно? обратился онъ къ сыну.

Тотъ въ затрудненіи не отвѣтилъ ни слова.

— Жаль, затопить нельзя: вчера только что топлена, а у меня правило: черезъ день... регулярность люблю.

— Агъ врешь, не вчера, а третѣвдни! оспорила его Христина изъ кухни.

— Агъ врешь, вчера!

— Агъ третѣвдни!

— А побойсь!

— Чего бойсь — самъ безъ боѣбы знаешь!

— Вре-ешь, меня не надуешь, у меня записано... Сейчасъ справку наведемъ, говорилъ онъ, взявъ съ окна какую-то тетрадочку, и просматривая по ней свои отмѣтки.— А вѣдь и вправду третѣвдни... ошибся... Ну, такъ стало быть затопимъ.

И онъ пошелъ къ изразцовой печкѣ.

Морденко, кромѣ кухни, которая служила и прихожей, занималъ квартиру въ три комнаты. Первая, въ которой теперь находился онъ съ сыномъ, служила приемной. Это была большая горница въ три окошка, сырая, закоптѣлая и почти пустая. Посрединѣ стоялъ столъ да три стула; у окна кѣтка съ попугаемъ; по стѣнѣ, близъ печки, сложено съ полсажени сосновыхъ дровъ. Дверь съ висачимъ замкомъ вела въ смежную однооконную комнату, называвшуюся спальней; изъ этой смежной комнаты виднѣлась дверь въ третью, замкнутая большими замками на двухъ желѣзныхъ болтахъ и запечатанная двумя печатами. Это была кладовая, гдѣ хранились заложеныя вещи.

На столѣ появился, наконецъ, грязнѣйшій зазеленѣлый самоваръ; Морденко насыпалъ въ чайникъ какихъ-то травъ изъ холщоваго мѣшечка.

— Чаю я не пью, пояснилъ онъ при этомъ:— чай грудъ сушить, а у меня вотъ — настой хорошій изъ цѣлебныхъ пользытельныхъ травъ... лѣтомъ самъ собираю... оно немного терпко на вкусъ, зато для желудка здорово и грѣеть тоже — никакихъ дровъ не нужно.

Въ печкѣ между тѣмъ ватренили четыре полѣна, но сырыя дрова не загорались, а только тлѣли и вскорѣ совсѣмъ потухли. Морденко воспользовался этимъ обстоятельствомъ, и поспѣшилъ закрыть трубу. Изъ печи повалилъ ѣдкій дымъ. «Авось, послѣ чаю скорѣй уберется, какъ глаза-то заѣстъ», подумалъ старикъ, взглянувъ сквозь свои круглыя большія очки на заваливашагося сына. Въ немъ какъ-то странно боролось человѣческое чувство къ своему родному, и нелюбовь къ обществу, желаніе отдѣлаться поскорѣй отъ лишняго человѣка.

— Что дыму-то напустилъ?.. зачѣмъ трубу закрываешь?—угарь пойдетъ! огрызлась на него Христина.

— Дура, молчи!... Угарь... что жь такое угарь? Жаръ въ комнатѣ вреденъ для здоровья, а небольшой угаръ — ничего не значить, ибо комнаты большія — разойдется.

— Вотъ такъ-то и всегда!... Эва жисть-то чертовская! ворчала Христина, удаляясь въ свою холодную кухню.

Въ это время что-то странное стукнуло въ форточку, словно бы о стекло хлопнулись два птичьи крыла.

Морденко обернулся и какъ-то загадочно проговорилъ съ улыбкой:

— А!... прилетѣлъ!...

— Кто прилетѣлъ? отозвался Ваня, покосясь на окошко.

— Омъ прилетѣлъ...

И съ этимъ словомъ, старикъ, крехтя и кашляя, отворилъ форточку. Въ нее впорхнуло какое-то странное существо, и хлопая крыльями, усѣлось на плечо Морденки. Въ полумрагѣ сначала нивая нельзя было разглядѣть, что это такое. Оно поднялось на воздухъ, съ шумомъ описало нѣсколько тяжелыхъ круговъ по комнатѣ, шаргая крыльями о стѣны, задѣло попугачью клетку и снова усѣлось на плечо.

«Возносій», неожиданно правнунъ-попугай, встрепенувшись на своемъ вѣнцѣ.

Морденку очевидно утѣнило это восклицаніе.

— А ты не осуждай! съ улыбкой обратился онъ къ попугаю въ наставительномъ тонѣ. Птица, сидѣвшая у него на плечѣ, продолжала: хлопая крыльями и, какъ-бы ласкаясь, вытягивала свою странную, необыкновенную голову, пригасаясь ею къ шеѣ старика. Владѣвшій въ нее, можно было догадаться, что это голубь, у котораго совершенно не видѣлось клюва: онъ билъ отбѣлъ или отрывалъ галъ лезво, что и слѣдовъ его не оста-

лось; торчали только одинъ высунутый языкъ, и это придавало птичьей физиономии какой-то необыкновенно странный и даже неприятный характеръ.

— Это моя друзья, говорилъ старикъ, качая головой:—больше друзей у меня нѣтъ никого—только Попка да Гулька... На улицѣ птенцомъ нашелъ, самъ воспиталъ, самъ вскормилъ, а онъ теперь благодарность чувствуетъ...

И старикъ подставилъ голубю натопленную какую-то макотью чашку, въ которую тотъ окунулъ свою безклювую голову и такимъ образомъ кормился. Этотъ голубь виждѣ съ попугаемъ гуляли прежде на волѣ по всѣмъ комнатамъ; но, однажды, между ними произошла баталія и попугай откусилъ голубю клювъ, такъ что этотъ уже поневолѣ долженъ былъ за дневнымъ пропитаніемъ прилетать къ старику.

И эти три существа составляли между собою нѣчто цѣлое, совершенно замкнутое въ самомъ себѣ, изолированное отъ всего остальнаго міра; даже полудикая Христина звучала между ними какимъ-то диссонансомъ, который, несмотря на всю свою дикость, все же таки хоть какъ нибудь напоминалъ жизнь человѣческую, ближе подходилъ къ ней, чѣмъ эта странная тройца. Голубь никогда не издавалъ воргованья, ниже какого звука, хромѣ хлопанья крыльевъ; попугай, напротивъ, былъ птица образованная и любилъ иногда по-часу врать цѣлыя фразы, кониъ обучалъ его Морденко.

Временемъ старикъ начиналъ бояться даже свою Христину; чудилось ему, что она «злой умыселъ на него держитъ», и онъ запирался тогда на замокъ въ свои комнаты, не имѣя въ теченіе сутокъ никакого сообщенія съ кухней. Впрочемъ, на ночь онъ и постоянно замыкался такимъ образомъ.

И вотъ тогда-то оставаясь уже вполне принадлежащимъ своему особому міру, дѣлаясь живымъ членомъ своей собственной семьи, помѣщался онъ обыкновенно въ глубокое, старинное кресло; голубь садился ему на плечо; попугай вертелся въ клеткѣ—и былъ тутъ свои лапки, свои свои ищущіе разговоры; начиналась своя собственная жизнь.

«Разорились мы съ тобой, Морденко!» пронзительно кричала птица изъ своего заточенія.

— Разорились, пошляка, совсѣмъ разорились! со вздохомъ отвѣчалъ обыкновенно Морденко, плача и давая бедняжку Гульму. И голоса этихъ двухъ существъ до такой степени голо-

дли другъ на друга своей глухотой и хриплой дряхлостью, что трудно было отличить — который понугай, который Морденко; казалось, будто это говорить одно и то же лицо.

Человѣкъ, кажется, не можетъ зачерствѣть и одеревениться до такой степени, чтобы не питать хотя сколько нибудь *живого* чувства къ *живому* существу. Часто человѣконенавядца привязываются къ какой нибудь собацѣ; кошитъ и т. п. Я слыхалъ объ одномъ убийцѣ, который «въ тринадцать душахъ повинился, да шестъ за собой оставилъ». Этотъ человѣкъ, безъ малѣйшаго содроганія клавиши «голову на рукомойникъ» людямъ, то-есть рѣзавшій и убивавшій ихъ—во время своего заключенія «въ секретной», до такой степени привязался къ пауку, свившему свою тѣнь въ углу надъ его изголовьемъ, что когда этого убийцу погнали по Владимірьѣ—онъ затосковалъ и долго не могъ забыть своего безсловеснаго, но живаго сожителя по секретному номеру. Одну изъ подобнаго рода странныхъ привязанностей питалъ Морденко къ двумъ своимъ птицамъ. Онъ совсѣмъ не любилъ сына; иногда только мельвали у него кое-какіе проблески человѣческаго чувства къ этому юношѣ, но и тѣ мгновенно же угасали. Любилъ онъ только голубя да понугая; полюбилъ также подъ старость и денюги, къ которымъ сперва былъ почти равнодушенъ. Но привязаться къ нимъ заставило его одно исключительное обстоятельство. Впрочемъ, здѣсь отнюдь не была любовь денегъ для денегъ, своего рода искусство для искусства — нѣтъ, Морденко былъ лишень этой маніи кащей и гарпагона. Онъ въ деньгахъ видѣлъ только средство къ достиженію своей цѣли, но не самую цѣль.

Морденко во всю свою жизнь не могъ позабыть одного оскорбленія — пощенимъ князя Шакурскаго, полученной имъ въ присутствіи Татьяны Львовны—единственной женщии, въ отношеніи которой у него шевельнулось когда-то нѣчто похожее на человѣческое чувство, шевельнулось единственный разъ въ теченіе всей его жизни. Въ первую минуту онъ даже не понялъ этого оскорбленія; въ первую минуту онъ до того потерялся, до того струсилъ встрѣчи со своимъ бывшимъ бариномъ, что пощенимъ только ошеломила его и еще болѣе обезкуражила. Да и что могъ онъ сдѣлать? Отвѣтить князю тѣмъ же?—Такая мысль и въ голову не могла явиться ошеломленному Морденкѣ, который являл

хорошо еще помнить себя холопомъ, крѣпостнымъ его сіятельства, благодѣтельствованнымъ его высокими милостями до званія управляющаго. Морденко все-таки былъ рабъ въ душѣ, и въ минуту роковаго столкновенія постигалъ только то, что передъ нимъ стоитъ самъ его сіятельство.

Нравственное значеніе пощочины повялъ онъ поздне, когда все уже было покончено съ княземъ, когда переѣхавъ изъ княжескаго дома на свою собственную квартиру, сдѣлался уже вполнѣ лицомъ самостоятельнымъ. Тутъ только, въ тишинѣ да въ уединеніи, вдумался онъ въ смыслъ предшествовавшихъ обстоятельствъ — и въ душѣ его закипѣла вѣчная, жерничирующая ненависть къ Шадурскому. Это столкновеніе перевернуло верхъ дномъ всѣ планы, всю карьеру, всю судьбу. Морденки, который сколотилъ себѣ на управительскомъ мѣстѣ нѣкоторый капиталецъ, мечталъ о мирномъ преумноженіи его, мечталъ современемъ взять за себя замужъ «образованную дѣвицу дворянскаго происхожденія», дочь коллежскаго ассесора, стало-быть въ нѣкоторомъ родѣ штаб-офицера. Самолюбіе его рисовало уже привлекательныя картины, какъ разные «господа» будутъ пріятельски жать ему руку, занскивать, пріѣзжать на поклонны, потому что онъ будетъ человѣкъ богатый, денежный — капиталомъ ворочать станетъ — какъ онъ будетъ обходиться съ ними «заманибрата», даже иногда, при случаѣ, въ нѣкоторомъ родѣ третировать этихъ «господъ», онъ—бывшій лакей, вольноотпущенный человѣкъ его сіятельства. Все это были сладкія, отрадные мечты, питавшія и поддерживавшія его самолюбіе; а навѣство, что ни одно самолюбіе неспособно расширяться до такихъ безобразно-громадныхъ, невыносимыхъ размѣровъ, какъ самолюбіе холопа, пробивающагося изъ своей колени въ денежное барство. Близкія отношенія къ княгинѣ еще болѣе возвысили его высокое мнѣніе о себѣ. Хотя при посѣщеніи знакомыхъ князя—онъ и долженъ былъ почтительно подниматься съ своего мѣста и почтительно отвѣшивать имъ поклонны, чего тѣ знакомые не всегда удостоивали и замѣняли; однако это не мѣняло самолюбивому холку тѣмъ болѣе презирать ихъ, мечтать о томъ, что дескать «покажитесь и намъ когда ильбудъ пониже», не мѣняло считать себя чѣмъ-то особеннымъ, необыкновеннымъ. Онъ признавалъ только двухъ человѣкъ: себя да князя Шадурскаго, не упуская случая вставить повсюду свою любимую фразу: *мы съ княземъ*; остальное же челоѣчество втайнѣ презиралъ и игнорировалъ; хотя и не осмѣливался еще;

по положенію своему, высказывать этого въявь. «Только бы каппалишку сколотить, а тамъ ужъ я вамъ покажу себя!» злобствовалъ онъ порою.

И вдругъ, все это зданіе, воздвигаемое имъ съ такимъ прищирнымъ и долготѣрнымъ терпѣніемъ, съ такимъ ловкимъ тактомъ и осторожностью — рухнуло въ одну минуту, отъ одного взмаха княжеской руки. Прощай мечты о панибратствѣ съ господами, о всеобщемъ уваженіи и заискиваніи, о благородной и образованной дѣвицѣ! — все это растаяло яко воскъ отъ лица огня, и отъ прежняго Морденки, управляющаго и повѣреннаго князя Шадурскаго, тайнаго любовника самой княгини Шадурской — остался ничтожный мѣщанинишко, вольноотпущенный человѣкъ Морденко. Вся прислуга, вся дворня княжеская, которую онъ держалъ въ стружѣ, которая лебезила передъ нимъ, стараясь всячески угодить, и трепетала одного его взгляда, ибо могъ онъ сдѣлать съ каждымъ изъ нихъ все, что ему угодно — стоило только женнуть самому князю — теперь эта самая дворня знать его не хочетъ, шапки передъ нимъ не ломаетъ, съ наглостью смотритъ въ глаза, подсмѣивается, не упускаетъ случая сдѣлать какую-нибудь дерзость, насолить чѣмъ ни поцало — съ той самой минуты, какъ пронюхала, что онъ болѣе не управляющій. Каждая послѣдняя собака норвила теперь хотъ какъ-нибудь облять его, хотъ чѣмъ-нибудь насолить ему за прежнее долготерпѣніе и поклоны. Вся дворня ненавидѣла втайнѣ этого деснота: она не могла забыть и простить ему того, что онъ — «свой братъ-холопъ», такъ вознесся надъ прежними своими сотоварищами. Да, много пережилъ Морденко въ одни только сутки, съ минуты роковой встрѣчи! Въ волосахъ его, съ одной ночи, появилось значительное количество сѣдковъ; лицо осунулось и похудѣло, и самъ онъ весь осунулся, погнулся какъ-то. Ему неловко было поднять глаза, на людей взглянуть — боялся встрѣтить ненависть и наглую насмѣшку.

Въ тотъ же день перебрался онъ на свою отдѣльную квартиру, въ Оредаю Мѣщанскую улицу, гдѣ и подносъ проживаетъ.

Онъ думалъ, что княгиня любитъ его. Въ прежнее еще время, являясь къ ней иногда съ докладами (не болѣе, какъ управляющій), умный и сметливый хохолъ понималъ, въ чемъ проется суть настоящаго дѣла: видя тоску одиновой, погнутой мученью женщины, замѣчалъ часто слѣды невысохшихъ слезъ на ея глазахъ; онъ понималъ, что у нея есть свое скрытое горе; причина котораго проется въ стѣнной невнимательности князя. Онъ по-

наль, что эта женщина оскорблена—оскорблена въ своемъ чувствѣ, въ своей молодости, въ своей потребности жить и любить. Ему стало жалко ея. Княгиня, провѣряя отчеты, часто замѣчала остановившійся на ней сострадательно-симпатичный, грустный взглядъ управляющаго. Ей некому было высказаться, вылить свое горе, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить душу. Жаловаться роднымъ или пріятельницамъ—княгиня была слишкомъ горда и слишкомъ самолюбива для этого. Однажды только намекнула она матери своей о холодности мужа.

— Ну, что же, мой другъ, это—пустяки! кто изъ нихъ не вѣтреничается?—Они всѣ такіе, на это не надо обращать вниманія... Старайся сама чѣмъ нибудь развлечься и не думай объ этомъ.

Таковъ былъ отвѣтъ ея матери, послѣ котораго Татьяна Львовна закрыла для нея свою душу. Пріятельницамъ своимъ, какъ мы говорили уже, она не рѣшилась бы сказать изъ гордости и самолюбія. Разъ какъ-то въ ея присутствіи одна изъ великосвѣтскихъ пріятельницъ открылась въ подобной же холодности своего супруга другой общей ихъ пріятельницѣ, и именно баронессѣ Дункельтъ.

— Милая, ты слишкомъ хороша собою, чтобы сокрушаться о такой глупости, отвѣчала баронесса. — Хорошенькой женщиной стыдно даже и признаваться въ этомъ: значить, она сама виновата, если не сумѣла удержать привязанности мужа. Смотри, какъ я, полегче на эти вещи: за тобой многіе ухаживаютъ въ свѣтъ—выбирай и даже вочаще перемѣняй своихъ друзей; право, будетъ недурно!

Татьяна Львовна, готовая уже было сочувственно протянуть руку оскорбленной пріятельницѣ, и сама рассказать ей свое такое же горе—прикусила языкъ послѣ практическихъ словъ баронессы Дункельтъ. Совѣту ея, однако, она не послѣдовала по той причинѣ, что о баронессѣ ходили весьма несомнительные слухи о томъ, какъ она ужинаетъ не маскерадамъ, узнаетъ оттуда съ посторонними мужчинами и даже посѣщаетъ соеа того квартиры своихъ холостыхъ друзей. Княгиня, какъ извѣстно уже читателю, слишкомъ уважала носное ея имя, и потому въ результатъ этого разговора для нея осталась прежняя важность, прежнее одинокое, безрадѣльное горе.

Однажды нравственное состояніе ея, подъ вліяніемъ этики мысли и ощущеній, дошло до нервнои почти исторической. Мери

денко явился со своими отчетами. Въ это утро она уже въ третій разъ замѣчала на себѣ его грустно-сочувственный взглядъ.

Княгиня наконецъ вскинула на него свои пристальные глаза.

— Что вы на меня такъ смотрите, Морденко?

Управляющій вздрогнулъ, покраснѣлъ и смутился.

— Скажите же, зачѣмъ вы на меня такъ смотрите?...

— Извините, ваше сіятельство... я... я ничего... я...

— Вамъ жалко меня? перебила она, взявши въ обѣ свои ладони его мускулистую, красивую руку.

Морденко опустилъ глаза. По этой жилистой рукѣ пробѣгала нервная дрожь.

— Ну, скажите прямо, откровенно, вамъ жалко меня? повторила она особенно мягко, и въ голосѣ ея дрогнули тщетно-сдерживаемыя слезы. На глазахъ показались двѣ крупныя реснички.

— Да, жалко, ваше сіятельство, съ усиліемъ пробормоталъ управляющій.

— Ахъ, жалѣйте меня!... меня ничто не жалѣетъ! зарыдала она, бессознательно припавъ головою къ своимъ рукамъ, которыя все еще держали, не выпуская, пальцы Морденки. Эти пальцы увлажнились ея истерическими слезами.

— Вы у насъ такая молодая... такая хорошая, говорилъ управляющій, почтительно стоя передъ княгиней.

Ему, въ самомъ дѣлѣ, было очень жутко и жалко ее въ эту минуту.

— Хорошая я... Вы говорите: я хорошая, я молодая? подняла она опять на него свою голову.— За что жъ меня не любите?... За что же вы оставили меня?...

— Богъ не безъ милости, ваше сіятельство... вы все-таки законная ихъ супруга... не крунитесь; все же къ вамъ вернется, полюбитъ...

— Кто полюбитъ?... Вы?...— Ну какъ полюбитъ, да а-то уже не полюбитъ его!

— Зачѣмъ такъ говорить, ваше сіятельство?

— Нѣтъ, ужъ будетъ!... довольно съ меня! Я много молчала и терпѣла, а теперь не стану!...

— Да видѣ этихъ не обретете сердца-то нѣтъ къ себѣ!

— И обращать не хочу!... Я полюблю, Морденко, да только не его!... Слышите ли вы — не его!

И она опять зарыдала истерическими слезами.

Это былъ послѣдній разговоръ, послѣдняя встреча ее сь нимъ!

сваго чувства къ своему мужу. Онъ именно съ этой минуты и могъ бы вернуть къ себѣ ея любовь, которая еще всецѣло принадлежала ему, все бы могло быть прощено и позабыто этою женщиной, еслибы только онъ обратился къ ней. Но... князь Дмитрій Платоновичъ и не додумался о той глухой борьбѣ, которая кипѣла въ сердцѣ его супруги. Она подождала, поглядѣла—видитъ, что ничто не беретъ—оскорбленіе еще пуще зацѣло въ ея душу—да со злости сама и отдалась г-ну Морденкѣ, единственному человѣку, проавившему къ ней участіе...

Морденко думалъ, что она любитъ его. Въ головѣ хохла загвоздилась мысль, что отношенія ихъ могутъ продолжаться и послѣ разрыва съ княземъ. Этимъ онъ думалъ сначала мстить своему бывшему патрону и потому, перебравшись на новую квартиру, тотчасъ по городской почтѣ увѣдомилъ княгиню о своемъ новомъ помѣщеніи. Татьяна Львовна это извѣщеніе послужило поводомъ только къ разузнанію, гдѣ находится ея ребѣнокъ. Князь Шадурскій, оставя его на время у акушерки, думалъ съѣздить туда самъ съ приказаніемъ отправить его въ воспитательный домъ. Онъ хотѣлъ только обождать нѣсколько дней, чтобы опять не столкнуться какъ нибудь съ княжной Чечевинской. Въ это время къ Морденкѣ подошло письмо и деньги княгини, вслѣдствіе чего онъ и предупредилъ князя, выгнать ребѣнка и помѣстить его въ другія, частныя руки. Послѣ этого уже все было кончено между имъ и княгиней. То маленькое чувство кровной аристократки къ кровному плебею, которое затеплилось было въ ея душѣ, разомъ угасло послѣ полученной имъ пощочки. Быть можетъ, оно бы могло еще продолжаться и впродъ, ибо она ждала; она надѣялась, что ея любовникъ отвѣтитъ на оскорбленіе тѣмъ же самымъ ея мужу. Морденко вмѣсто того струсливъ, согнулся — и съ этой минуты она уже презирала его. Ей было стыдно передъ собою за свою связь, за свое ошибочное мнѣніе, будто онъ «достоинъ ея». Вторая пощочина князя сдѣлала только то, что княгиня, оставаясь вѣрной супругой своему мужу до Морденки и немного-было полюбившая самаго Морденку, со злости вполне уже послѣдовала теперь практическому совѣту баронессы Дувальтъ и стала дарить свою привязанность каждому, кто только мало-мальски имѣлъ честь понравиться ей. Этимъ она мстила своему мужу за все, чѣмъ онъ былъ неправъ передъ нею. Таковою мы уже видимъ ее въ настоящее время — таковою и изображаемъ въ нашемъ разсказѣ. Черты довольно непривле-

кательныя; но прошу покорно каждаго изъ васъ безусловно обвинять единственно только женщину въ ея развратѣ—женщину, которая во время своей еще честной жизни видѣть добрый прихѣръ мужа, постоянно слышитъ добрыя совѣты довольно легкаго свойства, и эти совѣты даютъ ей всѣ, начиная съ родной матери и кончая пріятельницами. Бросайте послѣ этого въ нее камень!

Окончательный разрывъ съ княгиней произвелъ на Морденку сильное впечатлѣніе. Это было для него первое и послѣднее разочарованіе. Онъ инстинктивно догадывался, что причиной разрыва должна непременно служить все та же проклятая пощочина. Злость его мучила, грызла, подступала къ горлу и душила. Онъ заболѣлъ разлитіемъ жолчи. Сознавши разъ, что все старое кончено, что къ прежнему нѣтъ уже возврата, а виной всему случившемуся — одна только прихоть, капризь скучающей барыни, которая вдобавокъ не имѣетъ къ нему, «пострадавшему», ни малѣйшаго чувства—онъ возненавидѣлъ ихъ всѣхъ до послѣдней степени, на какую только способна душа человѣческая. Паче всего вопіали мечты самолюбія о панибратствѣ съ господами, о всеобщемъ почтеніи. Съ этими грезами тяжелѣе всего было разстаться.

Тогда Морденко задумалъ мстить.

Но какъ мстить? Чтò можетъ сдѣлать онъ, ничтожный мѣщанинъ, темный вольноотпущенный, раздавленный холопъ, чтò можетъ сдѣлать онъ его сіятельству князю Дмитрію Платоновичу Шадурскому? Убить его?—за это въ Сибирь пойдешь, плети примешь, да и чтò это за мщеніе убійствомъ? Хлопсъ человѣка—и все покончено мгновеніемъ! Нѣтъ, надо мстить такъ, чтобы онъ чувствовалъ, мучился, баялся, ненавидѣлъ бы, злился на тебя до бѣшенства—и все-таки ничего бы съ тобой подѣлать не могъ. Надо, чтобы онъ почувствовалъ все то, чтò я теперь чувствую—это вотъ будетъ месть, такъ ужъ месть! Не то, что убійство!

Морденко думалъ-думалъ и, наконецъ, выдумалъ.

Черезъ нѣсколько времени въ полицейскихъ вѣдомостяхъ появилось объявленіе, гласившее, что въ Средней мѣщанской, домъ такого-то, въ квартирѣ № 24, ссужаются деньги подъ залогъ золотыхъ, серебряныхъ и иныхъ вещей. Заклады принимаются съ восьми часовъ утра до двѣнадцати ночи.

VII.

БЛАГОДѢТЕЛЬ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.

Этимъ объявленіемъ Морденно, вступилъ въ новый фазисъ своей жизни, сопричтись къ многочисленному классу петербургскихъ благодѣтелей рода человѣческаго.

Кто не знаетъ этихъ благодѣтелей? кому изъ петербуржцевъ хоть разъ не приходилось имѣть съ ними дѣла? Не знаете ихъ вы, баре, питающіе себя у Дюссо и Мартена, содержащіе Бертъ и Луизъ; но не знаете потому, что у васъ есть свои собственные, особые благодѣтели, благодѣянія коихъ суть гораздо горше тѣхъ, что выпадаютъ на долю люда мелкоплавающего. Впрочемъ, одно стѣитъ другаго. Всѣ эти Бланы, Розенберги и Кохи — родные братья Бековъ, Карповичей, Алтуховыхъ и прочихъ. Разница та, что первые ареной дѣятельности избрали почву эlegantную, вторые — почву голода и холода, плача и скрежета зубнаго. Первые даютъ вамъ деньги подъ вѣрное обезпеченіе на пять и даже на десять процентовъ въ мѣсяцъ, такъ-что за тысячу рублей вы черезъ годъ уплатите двѣ тысячи-двѣсти и все-таки будете благодарны Блану или Коху за его благодѣяніе. Вторые подъ залогъ вещи, стѣющей пятьдесятъ рублей, дадутъ вамъ пятнадцать, много двадцать и возьмутъ непременно уже по десяти процентовъ въ мѣсяцъ. Для первыхъ обезпеченіе бываетъ двоякаго рода: либо это — собственность, домъ, земля, фамиліи драгоцѣнности; либо очень скверная, въ высшей степени безнравственная, воровская продѣлка, состоящая въ томъ, что корнета, занимающаго деньги, заставляютъ, *sine qua non*, подписываться на векселѣ ротмистрамъ, несовершеннолѣтняго — совершеннолѣтнимъ и т. п. Это по большей части дѣлается съ богатыми наслѣдниками, послѣ чего такой опрометчивый господчикъ совсѣмъ уже попадаетъ въ лапы ростовщика, который страшаетъ его уголовной палатой, вопіетъ о подлогѣ, съ пагостью изображаетъ себя невинной, обманутой жертвой и тянетъ уже со своего кліента сумму, какая заблагоразсудится. Бывали примѣры, что за двадцать-пять тысячъ черезъ три года отдавали сто, лишь бы выручить подложную подпись, которую заставляли ихъ дѣлать въ нетрезвомъ видѣ, благодаря ростовщицѣму завтраку съ обильными возліяніями.

Обезпеченіе ростовщиковъ второй категоріи состоитъ исключительно изъ вещей. Доброму вору — все въ пору: неси къ нему

нать, мѣхъ, бѣлье, золотую или серебряную вещьцу—благодѣтель рода человѣческаго тотчасъ же приметъ не обвинясь, оцѣнить вещь самъ, по собственному благоусмотрѣнiю, и выдастъ ничтожную сумму, часто съ вычетомъ «законныхъ» десяти процентовъ за мѣсяць впередъ. Тутъ долгихъ сроковъ не бываетъ: мѣсяць, полтора, много три и за тѣмъ — проститесь со своею вещьцею навсегда, буде не выкупите въ срокъ, опредѣленный самимъ благодѣтелемъ. Разница между ростовщиками большой и малой руки та, что первые начинаютъ дѣло съ капиталомъ въ двадцать-пять тысячъ, вторые — съ тысячи, а иногда и того меньше. Въ результатѣ черезъ пять-шесть лѣтъ у первыхъ оказывается уже капиталъ во сто, у вторыхъ въ десять тысячъ. Уличнаго ворышку, крадущаго у васъ изъ кармана платокъ или табакерку, ради голода, вы считаете негоднемъ, подлежащимъ законному наказанiю. Ростовщику—вы любезно протягиваете руку, любезно разговариваете съ нимъ, считаете, въ самомъ дѣлѣ, благодѣтелемъ рода человѣческаго и сами, давая ему связывать себя по рукамъ и ногамъ, какъ-бы говорите: ограбь меня, батюшка! будь благодѣтелемъ, обернись въ вонедь!—и благодѣтель, стоящiй внѣ закона, обираетъ васъ—да и самъ, не шутя, считаетъ себя добродѣтельнымъ и нравственнымъ человѣкомъ, ибо онъ помощь вамъ оказываетъ, богу молится, храмъ господень по праздникамъ посѣщаетъ и душу свою питаетъ назидательнымъ чтенiемъ библiи и книгъ високаго, духовно-нравственнаго содержанiя.

У Мордеки было сколочено пятнадцать тысячъ капитала. Но на первый разъ онъ началъ дѣло только съ тремя. Черезъ годъ у него было до шести, еще черезъ годъ — до десяти. Легко составляется состоянiе ростовщика, но трудно дойти до такого состоянiя и не всякiй можетъ, ибо для этого надо родиться. Морденко, можетъ быть, и не былъ рожденъ съ ростовщицкими наклонностями, но сдѣлался самымъ злѣйшимъ изъ петербургскихъ ростовщиковъ, квинт-эссенцiей этого благодѣющаго мира. Больше сухости и безсердечiя, болѣе эгоистической преданности своимъ интересамъ, въ жертву которымъ приносилось все, врядъ-ли можно бы было встрѣтить. Ни малѣйшаго человѣческаго движенiя, ни малѣйшаго состраданiя къ своему должнику — одинъ только расчетъ, расчетъ и расчетъ.

Какъ же, однако, совершается съ человѣкомъ такая рѣшанная метаморфоза?

А вотъ какъ:

Послѣ появленія въ полицейской газетѣ известнаго объявленія о принатіи въ закладъ различныхъ вещей, Морденко нѣсколько условился. Цѣль его новой жизни была уже опредѣлена; вѣрный планъ мести за пощочину расчитанъ, какъ нельзя лучше. Время должно было привести его въ исполненіе. Передъ этой задачей своей жизни — все остальное попятилось назадъ, на послѣднюю ступень, все это принималось Морденкой потопливу, поволоку могло служить его главной цѣли, быть подходящимъ для его главнаго интереса. Какъ дрогнуло его сердце, когда у дверей квартиры его раздался первый звонокъ, возвѣстившій о первой вещи, принесенной ему въ закладъ! Онъ вышелъ въ приемную; тамъ печально стояла красивая женщина, одѣтая очень бѣдно. Лицо ея показалось даже какъ будто нѣсколько знакомымъ ему. Отъ всей фигуры ея вѣяло скромнымъ, благороднымъ достоинствомъ, по лицу же нетрудно было разгадать, что на душѣ ея лежитъ какое-то большое горе.

— Вы публиковали, что принимаете вещи въ закладъ, начала она, поклонясь Морденкѣ.

— Такъ точно, сударыня, принимаемъ...

Она сняла съ шеи золотую цѣпочку, на которой висѣлъ массивной работы золотой крестикъ, и подала ее ростовщику. Морденко внимательно осмотрѣлъ пробу, принесъ изъ другой комнаты маленькіе вѣсы, въ родѣ аптекарскихъ, и бросилъ вещь на одну чашку. Женщина не слѣдила за всѣми этими эволюціями: она сидѣла на стулѣ у окна, подперши ладонью подбородокъ и неопредѣленно глядѣла въ дворъ. Морденко мимоходомъ вскинулъ на нее нѣсколько взоровъ. Лицо ея все болѣе и болѣе казалось ему знакомымъ; онъ старался припомнить, гдѣ и когда видѣлъ эту женщину.

— Я могу, сударыня, дать вамъ за эту вещь двадцать-пять рублей, вѣжливо сказалъ онъ.

— Только двадцать-пять?!... изумилась она.— Помилуйте, за нее ломбардъ дастъ семьдесятъ-пять — она заплачена двѣсти.

— Въ ломбардѣ сегодня не принимаютъ: приемъ будетъ послѣ-завтра; а я больше дать не могу.

На глазахъ ея навернулись слезы.

— Бога-ради, сказала она дрогнувшимъ голосомъ:—бога-ради,

дайте мнѣ больше... Это — все, что я имѣю... моя послѣдняя вещь...

— Надо быть, фамильная? замѣтилъ Морденко, взглянувъ изъ недобрыя на женщину. Ему было жаль ее. Онъ уже подумывалъ: «не дать-ли, въ самомъ дѣлѣ, больше? вещь она тово... стоящая».

— Это... благословеніе моего отца... съ трудомъ, наконецъ, рѣшилась выговорить женщина. — Мнѣ она очень дорога... не хотѣлось бы потерять ее...

— Такъ вы лучше ужъ снесите ее въ ломбардъ: сохранѣе будетъ, посовѣтовалъ онъ.

— Но вѣдь вы же сами говорите, что сегодня нѣтъ приему, а мнѣ необходимо сегодня же... Бога-ради, помогите мнѣ!

Тотъ тонъ, которымъ сказаны были эти послѣднія слова, сильно шевельнулъ душу Морденки: онъ понялъ, что эта женщина стоитъ на страшномъ рубежѣ, что не помощи онъ ея нуждѣ, ея голоду—быть можетъ, завтра же она на все махнетъ рукою и пойдетъ на улицу продавать самоё себя, свою красоту, свою молодость. Сердце его сжалось... «Дамъ-ка я ей безъ залога денегъ», мелькнуло въ его головѣ. Онъ уже запустилъ—было руку въ свой боковой карманъ, какъ вдругъ брови его судорожно сжались и энергическое лицо передернулось нервнымъ движеніемъ. «А моя цѣль, а мое ищеніе?» всталъ передъ нимъ роковой вопросъ. «Къ черту состраданіе! Эдакъ вѣдь допусти себя только съ перваго разу, такъ потомъ и поидеть... Всѣхъ нищихъ вѣдь не надѣлать кошачьей!»

— Больше двадцати-пяти рублей никакъ не могу, сударыня, сухо поклонился онъ.

— Она не пронадетъ у васъ? рѣшительно спросила женщина.

— Это будетъ завнѣсть отъ васъ, отвѣтилъ онъ съ прежнею сухостью.

Та стояла въ нерѣшительномъ раздумьѣ.

— Ну, нечего дѣлать!... давайте двадцать-пять.

Морденко вынулъ изъ ящика двѣ записныя книги. Въ одну внесъ онъ число, мѣсяцъ, годъ, и сдѣлалъ пометку: «№ 1-ый», при чемъ рука его нервно дрогнула. «Первый номеръ! сколько-то ихъ будетъ потомъ?... Благослови, Господи, начало!» подумалъ онъ въ эту минуту. Затѣмъ обозначилъ названіе вещи и сумму — 25 р. с.

— Пишите росписку, сударыня, предложилъ онъ, подавъ ей другую книгу и обмоченное въ чернило перо.

— Чтò же нужно писать? спросила женщина.

— Я вамъ сейчасъ продиктую... Пишите: «такого-то года, такого-то числа и мѣсяца, я, нижеподписавшаяся, заложила господину Морденкѣ собственно мнѣ принадлежащую золотую цѣпочку съ золотымъ крестомъ за двадцать-семь рублей пятьдесятъ копеекъ (пишите прописью, сударыня, словами, а не цифрами).

— Какъ, за двадцать-семь? вѣдь я... за двадцать-пять?... въ замѣшательствѣ спросила женщина.

— А законные проценты, вы какъ полагаете? улынулся онъ.— Мнѣ-то вѣдь жить чѣмъ нибудь надобно?... безъ профиту нельзя-сь.

Женщина поникла головой и опять опустила перо на бумагу.

— За двадцать-семь рублей пятьдесятъ копеекъ, продолжалъ ростовщикъ своимъ казеннымъ тономъ.—Написали-сь?

— Готово.

— Извольте продолжать, сударыня: «срокомъ на одинъ мѣсяцъ, по прошествіи коего, буде не внесу въ уплату вышеозначенной суммы, то лишаюсь всякаго права на обратное получение оной вещи»...

— Но... какъ же это такъ?... Помилуйте! изумленно вскинула она на него свою голову.

— «То лишаюсь всякаго права на обратное получение оной вещи», докторально-методическимъ и сухимъ тономъ повторилъ Морденко.

Женщина вздохнула и написала требуемое.

— Далѣе-сь!... «и обязуюсь нигдѣ не искать судомъ на такіа дѣйствія господина Морденки, признавая ихъ, со своей стороны, совершенно правильными». Теперь выставьте, сударыня, внизу, въ сторонкѣ-сь, годъ, число и часъ. Который часъ у насъ теперь? добавилъ онъ, взглянувъ на карманные часы. Безъ семнадцати минутъ одиннадцать. Итакъ, напишите-сь: «десять часовъ и сорокъ-три минуты пополуночи».

— Это для чего же? спросила женщина.

— Для того-сь, что какъ ежели черезъ мѣсяцъ явитесь въ означенный срокъ съ уплатой—то и вещьцу свою получите, объяснилъ ростовщикъ и подаль своей кліенткѣ нѣсколько ассигнацій и нѣсколько мелочи, присовокушивъ:

— Перечтите-сь!

— Вы ошиблись, сказала та, пересчитавъ врученную ей сумму.

— Никакъ вѣтъ съ, сударыня, я не могу ошибиться, улынулся

онъ, съ несокрушимымъ сознаніемъ полной своей неогрѣшимости.

— Но тутъ только двадцать-два съ полтиной?

— Такъ точно-съ: двадцать-два съ полтиной. Проценты за мѣсяцъ, вычтены впередъ.

— Но вѣдь въ роспискѣ уже написаны проценты?

— То само собою, а это для вѣрности, на тотъ ковецъ, ежели вы не выкуите вещь — такъ за что же пропадать моему закону? Согласитесь сами!..

Женщина горько улыбнулась, Морденко отвѣтилъ тоже улыбкой, только самаго ростовщищен-любезнаго свойства.

— Теперь не угодно ли вамъ подписать свое имя, фамилію и званіе, предложилъ онъ.

Женщина, очевидно, пришла въ большое затрудненіе. Она колебалась. Морденко опять подаль ей обмокнутое перо.

— Зачѣмъ же это? нерѣшительно спросила она.

— Поиудите-съ, какъ же это «зачѣмъ»? — Вѣдь это документъ... безъ того силы не имѣеть.

Женщина взяла перо, и Морденко сталъ слѣдить за ея рукою: — княжна Анна Чечвинская, прочель онъ и отшатнулся. Теперь уже онъ вспомнилъ, почему ея лицо показалось ему знакомымъ, и на губахъ его мелькнула злорадная улыбка. Морденко видѣлъ ее раза два у Шадурскихъ, и зналъ отъ Татьяны Львовны объ отношеніяхъ Анны къ своему патрону. «А!.. барская кровь!..» подумалъ онъ съ нервическою дрожью. «Это неспроста... Самъ богъ помогаетъ моей цѣли... Начало хорошее!» И онъ въ волненіи сталъ ходить по комнатѣ, не замѣтивъ даже, какъ княжна молча ему поклонилась и вышла за двери. Морденко былъ мнителенъ и суевѣренъ. Въ этой случайности онъ видѣлъ доброе предзнаменованіе, нѣчто таинственное, мистическое и съ этой минуты, уже твердо далъ себѣ клятву — до конца преслѣдовать свои цѣли. Прошелъ мѣсяцъ; княжна не явилась за выкупомъ, и цѣпочка навсегда осталась у Морденки, который хранилъ ее, какъ первый памятникъ своей индустріи, какъ начало задуманной мести. Да, ему трудно было только начало, трудно было задвинуть только первый человѣческій порывъ своего сердца, а потомъ ужъ стало все легче и легче, такъ что черезъ годъ, когда много уже довелось ему видѣть въ своей квартирѣ и скорби, и нужды, и горя, и слезъ человѣческихъ — сердце его было уже

сухо и глухо, и самъ онъ весь зачерствѣвъ, превратись въ какую-то ходячую, желѣзную машину, въ автомата, выдающаго деньги и принимающаго заклады. Теперь уже ни одинъ стонъ человѣческій не въ состояніи былъ дойти до его сердца, ни одна горькая слеза не могла прожечь черствую кору, подъ которой гнѣздилась только одна мысль, одно лихорадочное желаніе — отомстить его сіятельству, князю Шадурскому.

Привычка — дѣло великое! Но паче всего, и легче всего можно привыкнуть къ человѣческому горю и страданію. Въ подобной школѣ, человѣкъ скорѣе всего становится закоренѣлымъ циникомъ. Такъ привыкъ и Морденко къ сценамъ, почти каждодневно повторявшимся у него въ квартирѣ.

Сына своего, тотчасъ же по взятіи отъ акушерки, помѣстилъ онъ къ майору Спицѣ. Отсюда его знакомство съ Петромъ Кузьмичемъ, который имѣя свою специальную отрасль промышленности, дававшую ему кое-какой доходецъ, не приходилъ съ Морденкой въ столкновеніе по части ссудъ и закладовъ, а потому оба сіи мужа и состояли въ благопріятельскихъ отношеніяхъ. Они иногда навѣщали другъ друга, но Морденко чаще захаживалъ къ майору, подъ предлогомъ взглянуть на сына, а въ сущности затѣмъ, чтобы даромъ напиться чужого чаю. Къ сыну онъ былъ совсѣмъ равнодушенъ, даже втайнѣ находилъ, что лучше бы было, еслибъ мальчикъ носкорѣй протянулъ ноги: тогда, по крайней мѣрѣ, за воспитаніе не платить бы, и сумму, данную на этотъ конецъ нягиней, отчислить навѣки къ своему капиталу. Но мальчикъ жилъ—и, волей-неволей—приходилось его одѣвать, обучать и платить за ученье. Въ отношеніи этого ребѣнка, въ сердцѣ отца существовала какая-то странная двойственность: иногда пробивалась въ немъ теплота родительскаго чувства, голосъ крови; иногда-же безпричинно переносилъ онъ на него свою ненависть къ «барниѣ-матери», которая все-таки этого ребѣнка родила на свѣтъ, все-таки онъ сынъ ей приходился. Изъ этого источника и истекала его постоянная холодность.

Время шло—дни за днями, годы за годами—капиталъ ростовщика накоплялся и принесть уже плоды сторицею противъ своей первоначальной стоимости; а вмѣстѣ съ тѣмъ накоплялась и ненависть. Это уже было единственное живое чувство, наполнившее собою, если можно такъ выразиться, весь организмъ старика. Внѣ этого чувства и внѣ задуманнаго плана, для него ни-

чего не существовало. Капиталъ его возросъ уже до двухсотъ тысячъ, а онъ, еженедѣльно сводя свои счеты, все еще бормоталъ своими старческими губами: «мало... мало... мало», все еще считалъ его недостаточнымъ для осуществленія своей цѣли.

Это постоянное преслѣдованіе одной и той же мысли перешло у него, наконецъ, въ родъ помѣшательства. Онъ никому, никогда не высказался въ ней—и тѣмъ-то, стало быть, сильнѣе и глубже развивалась его idée fixe. Подъ вліяніемъ ея онъ состарѣлся преждевременно, погнулся, высохъ, какъ мумія, пожелтѣлъ, какъ пергаментъ. Повременамъ на него находилъ страхъ смерти, и онъ мучился, терзался, и до вступленія молился богу, чтобы не послалъ ему смерти преждевременной, ранѣе окончанія задуманной цѣли. Страшно-бы было взглянуть тогда на эти сверкающіе глаза и шевелящіяся губы посреди почти мертвенно-неподвижнаго лица полуумнаго старичишки. Думая, что денегъ все еще мало и мало, онъ сталъ отказывать себѣ во всемъ, даже въ необходимомъ—въ пищѣ, въ одеждѣ, въ теплѣ и подъ конецъ сдѣлался отчаяннымъ скрагой, даже началъ ходить по вечерамъ за христорадною милостивней, мечтая этими скудными грошами пополнить свой капиталъ.

Въ Петербургѣ есть нѣсколько особаго рода магазинчиковъ, пріютившихся большею частію по подвальныхъ этажамъ на улицу. Въ маленькихъ окнахъ этихъ магазинчиковъ, вы можете увидѣть и хорошую картинку, писанную масляными красками, и оружіе въ дорогой оправѣ, бронзу, и хрусталь съ севрскимъ фарфоромъ, женскую шляпку и мужской пиджакъ. Тутъ же лежатъ черешневый чубукъ, рядомъ съ отдѣланнымъ въ кружева зонтикомъ и биноклемъ, разбросаны всевозможныя бездѣлушки, въ родѣ яшмовыхъ пресс-папье, костяныхъ точеныхъ шахматъ, малахитовыхъ подсвѣчниковъ и тому подобныхъ вещей комфортабельнаго домашняго обихода. Войдите во внутрь такого магазинчика (дверь обыкновенно съ провизительнымъ колокольчикомъ), и вы увидите куски матеріи, лампы, статуэтки, блонды и кружева, мѣха и книги, женскія платья, нѣсколько стѣнныхъ и столовыхъ часовъ, мебель и даже цвѣты. Вы бы навѣрное не поняли, что это за сбродъ продается тутъ, еслибы не вывѣска надъ входомъ. А вывѣска эта обыкновенно гласитъ, что «здѣсь покупають, перепродаютъ и берутъ на комиссію разлчныя вещи», а иногда она ограничивается весьма остроумнымъ и лаковическимъ: «продайте и купите». Въ эти-то магазинчики преимущественно сбываютъ

ростовщицы остающіяся у нихъ за невыкупомъ вещи, которыя иногда сбываются ими и въ другія руки—ювелирамъ, портнымъ, мѣховщикамъ и тому подобнымъ ремесленникамъ. Продается вещь всегда за цѣну вдвое или втрое больше той суммы, какая была отпущена подъ ея залогъ, и все-таки покупатель остается въ барышахъ очень хорошихъ.

Морденко всѣ свои вещи точно такъ же сбывалъ въ одну изъ подобныхъ лавчонокъ, съ хозяиномъ которой велъ дѣла уже въ теченіе многихъ лѣтъ, и оба были какъ нельзя болѣе довольны другъ другомъ, ибо при взаимной помощи, сильно приумножили капиталы свои.

Пятнадцать лѣтъ спустя послѣ начала ростовщицкой дѣятельности, въ рукахъ Морденки появилось нѣсколько значительныхъ чекселей князя Шадурскаго. Долгіе годы слишкомъ роскошной жизни понизили кредитъ князя Дмитрія Платоновича. Многіе заказавцы его съ нѣкотораго времени стали весьма призадумываться въ возможности полученія съ него всей суммы сполна съ слѣдующими процентами. Морденко, неперестававшій усидоволь наблюдать за ходомъ денежныхъ дѣлъ и обстоятельствъ своего ex-патрона, ловко воспользовался минутой, раздумья этихъ заказавцевъ и повемножку сталъ скупать у нихъ по выходящей для себя цѣнѣ векселя князя. Дмитрій Платоновичъ, узнавъ объ этомъ, очень обезпоковился и послалъ къ Морденкѣ своего повѣреннаго, провѣдать, съ какою дѣлье дѣлается имъ эта скупка и что онъ намѣренъ предпринять. Морденко, во всякомъ случаѣ ожидавшій со стороны князя подобныя вопросы, принялъ на себя умилительно-огорченный видъ и съ чувствомъ вѣрнаго чистосердечія, просилъ передать своему «благодѣтелю», что онъ не забылъ, сколько много былъ выдана, во время одо, княжескими милостями, благодаря которыми имѣетъ теперь нѣкоторый капиталецъ; но что въ жизни его было нѣкоторое обстоятельство, вслѣдствіе котораго онъ сознаетъ, что безконечно виноватъ передъ своимъ благодѣтелемъ и, чувствуя угрызения совѣсти и искреннее раскаяніе, желаетъ хоть сколько нибудь загладить свою прошлую вину. — Скажите его сіятельству, пусть они не виноваты безвременно, говорилъ онъ повѣренному. — Я вознагражденъ своими требованіями не стану, а скупилъ бумаги эти по той собственности, какъ провѣдалъ и, что недоброжелатели ихъ сіятельства хотѣли было потѣснить моего благодѣтеля — такъ пускай же

лучше находятся бумажки эти въ моихъ рукахъ, чѣмъ причинять огорченіе князю. Я съ ними дѣлать ничего не хочу.

Прошло болѣе двухъ лѣтъ. Морденко, дѣйствительно, ничего не предпринималъ противъ князя: онъ былъ спокоенъ, потому что векселя передъ отходомъ въ его руки, уже протестовались прежними занмодавцами, стало-быть, для него имѣлось впереди еще десять лѣтъ полного спокойствія. Не тревожился также и Шадурскій, увидѣвшій изъ двухлѣтняго бездѣйствія своего бывшаго управляющаго—подтвержденіе словъ, сказанныхъ имъ повѣренному.

Всеволодъ Крестовскій.

РУССКІЕ ЛГУНЫ.

ОЧЕРКИ.

Люди, названные мною въ заголовкѣ, вѣроятно, знакомы читателю. Когда я встрѣчался съ ними въ жизни, они производили на меня скуку, тоску и озлобленіе; но теперь, отодвинутые отъ меня временемъ и обстоятельствами, они стали дороги моему сердцу. Въ нихъ я вижу столько національнаго, близкаго, роднаго мнѣ... Начавъ съ простѣйшихъ элементовъ, мнѣ, вѣроятно, придется перейти и къ гораздо болѣе высшимъ типамъ. Поле мое, такимъ образомъ, широко. Я только робѣю за свои силы, чтобы всѣ эти фигуры отлить изъ достойнаго металла, съ искусствомъ и точностью, достойными самаго предмета, и въ этомъ случаѣ напередъ прошу читателя обращать вниманіе не столько на тѣхъ добрыхъ людей, про которыхъ мнѣ придется разсказывать, какъ на тѣ мотивы, на которые они лгали.

Выдумывая, всякій человѣкъ, разумѣется, старается выдумать и приписать себѣ самое лучшее, и это лучшее, по большей части, беретъ изъ того, что и въ обществѣ считается за лучшее. Лгуны временъ Екатерины лгали совсѣмъ по другой модѣ, чѣмъ лгутъ въ наше время. Прислушиваясь со вниманіемъ къ тѣмъ тѣмамъ, на которыя извѣстная страна въ извѣстную эпоху лжетъ и фантазируетъ, почти безошибочно можно опредѣлить степень умственнаго, нравственнаго и даже политическаго развитія этой страны. Въ этомъ смыслѣ мы придаемъ нѣкоторое значеніе и нашему труду. Начинаемъ:

І. Конкурентъ.

Помнить ли, читатель, одного изъ моихъ дѣйствующихъ лицъ, Антона Федотыча Ступицына (*)? Я позволяю себѣ другой разъ говорить печатно объ этомъ лицѣ единственно потому, что, начавъ слово о враляхъ, рѣшительно нѣтъ никакой возможности

(*) Повѣсть «Вражь по страсти».

пройти молчаніемъ Антона Ѳедотыча. Въ прежнемъ разсказѣ можемъ я его представилъ въ періодъ полного паденія, когда его никто уже не слушалъ, когда онъ лгалъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ; но для него существовало и другое время: состояніе его тогда было далеко еще не въ такомъ разстроенномъ видѣ; посимый имъ довольно странный чинъ «штык-юнкера въ отставку» вовсе, по духу времени, не служилъ ему такимъ поворотомъ, какимъ служилъ впослѣдствіи; вралъ онъ во всевозможныя стороны самымъ свободнымъ образомъ, и только еще начиналъ заиѣчать, что слушатели отъ него какъ-то ступшевываются.

Антонъ Ѳедотычъ въ собраніи. Онъ проходитъ изъ буфета въ залу, съ удовольствіемъ втягивая въ себя запахъ накуренаго одеколона. Публики еще никого нѣтъ, и только у колонны стоятъ молодой человѣкъ, Петруша Коробовъ, закинувъ голову назадъ и вообще въ самой отчаянной позѣ. Антонъ Ѳедотычъ, находя въ немъ удобную для себя жертву, начинаетъ къ нему приближаться, но не вдругъ, а исподоволь, какъ обходятъ обыкновенно охотники дрофу. Сначала онъ сдѣлалъ довольно большой полубругъ около него, потомъ поменьше, наконецъ въ третьемъ сталъ ужъ лицомъ къ лицу съ нимъ:

— Я, вѣжета, имѣю удовольствіе видѣть Петрушу Коробова? отнесся онъ къ нему, какъ-бы совершенно еще къ мальчику.

Антону Ѳедотычу и въ голову не приходило принять въ соображеніе, что сей юный птенецъ тринадцати лѣтъ бѣжалъ безъ позволенія родителей изъ корпуса, прожилъ затѣмъ въ Петербургѣ девять лѣтъ безъ копейки денегъ и даже безъ бумагъ для свободнаго проживанія, а потому зналъ жизнь и могъ понимать людей.

— Точно такъ-съ! отвѣчалъ молодой человѣкъ совершенно развязно.

— Еще маменьки вашей пользовался расположеніемъ!...

— Ахъ, да! Очень радъ.

Антонъ Ѳедотычъ на всякій случай взялъ легонько за руку своего новаго знакомаго.

— Неудобно ли? сказалъ онъ, показывая ему другой рукой на стоявшіе два стула.

Молодой человѣкъ повиновался, и оба они усѣлись.

— Хорошенькое зальцо!... началъ Антонъ Ѳедотычъ, недоумѣвая еще, въ которую сторону ему хватить.

— Да, но паркетъ нехорошъ! замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Очень нехорошъ! подхватилъ радостно Антонъ Фодотычъ: слова эти прямо навели его на исконную имъ тѣму:—а все вѣдь, ей-богу, дворянство наше! Я предлагалъ имъ мой домъ, ничего бы съ нихъ не взялъ—вздите, танцуйте; ну, а паркетъ у меня такой, что и въ московскомъ дворянскомъ собраніи, пожалуй, такого нѣтъ.

— Это вашъ домъ на Ивановской-то? замѣтилъ ему насмѣшливо его собесѣдникъ.

— Да, на Ивановской! отвѣчалъ Антонъ Фодотычъ съ замѣчательнымъ хладнобровіемъ.

— Зачѣмъ же тамъ паркетъ? И домъ-то весь развалился.

— Случай!... отвѣчалъ Антонъ Фодотычъ, дѣлая видъ, что какъ-бы не слыхалъ послѣдняго замѣчанія:—пріѣхалъ я разъ въ Москву, и такъ-какъ у меня всегда есть свободныя деньги, я люблю, знаете, шляться по разнымъ этимъ аукціонамъ (Антонъ Фодотычъ въ жизнь свою не бывалъ ни на одномъ аукціонѣ и даже хорошенько не зналъ, какъ тамъ это дѣлается), только разъ вдругъ объявляютъ *паркетъ*: тамъ далъ кто-то какую-то цѣну, я далъ рубль больше, третій спазалъ еще рубль, я говорю два—за мной и остался. Чортъ-знаетъ, зачѣмъ и для чего купилъ паркетъ!... Ведутъ меня показывать; вижу, цѣлая комната завалена какими-то деревянными кусочками. Дѣлать, однако, нѣчего: велѣлъ я своему человѣку купить ящичковъ, собрали мы съ нимъ всю эту дрянъ, повезли восвояси... Домъ у меня тогда только еще отстраивался. Дай-ка, думаю, не будетъ ли чего-нибудь изъ моего паркета? Призываю я мастера. «Можешь ли, говорю, братецъ, ты собрать все это?» «Могу-съ!» говорить... «Ну, начинай съ Богомъ!» Только вижу, онъ работаетъ день, другой... Меня любопытство взяло; иду я къ нему. «Что же, говорю, братецъ?» «Да, батюшка, говорить, извольте посмотрѣть, какая штука выйдить!» Смотрю я: все это ужъ у него разложено и какъ-бы на самой превосходнѣйшей картинѣ изображено *бородинское сраженіе*... Лица всѣхъ извѣстныхъ генераловъ какъ живыя; все это, знаете, выдѣлано изъ дерева. «Батюшка, говоритъ паркетникъ: мнѣ за такой паркетъ рядной цѣны взять нельзя». «Да бери, говорю, братецъ, что хочешь, только увѣковѣчь ты мнѣ это сокровище».

— До сихъ поръ такъ съ генералами и стоять? спросилъ Коробовъ, нисколько, повидимому, неудивленный разсказомъ Антона Фодотыча.

— До сихъ норъ съ генералами! отвѣчалъ тотъ.

— Такъ какъ же по генеральскимъ-то лицамъ танцовать и ходить ногами—неловко!

— Очень неловко! засмѣялся Антонъ Ѳедотычъ.

Молодой человѣкъ, между тѣмъ, придавъ какъ-бы мыслящее выраженіе своему лицу, потомъ тряхнулъ кудрями и началъ:

— У меня въ Петербургѣ тоже были всегда свободныя деньги, и я разъ тоже на аукціонѣ купилъ для маменьки часы; оказалось потомъ, что они съ будильникомъ...

— Бываетъ, съ такой, знаете, особенной машиной! подтвердилъ Антонъ Ѳедотычъ и показалъ даже рукою какъ-бы нѣкоторое подобіе машины.

— Да дѣло не въ машинѣ, а въ томъ, что часы будили въ восемь часовъ, именно когда маменька привыкла вставать.

— Скажите! произнесъ Антонъ Ѳедотычъ съ нѣкоторой дозой вниманія.

— И это ничего! Но они будили не шумомъ, какъ будятъ обыкновенные часы, а выкрикивали человѣческимъ голосомъ: «вставайте!... вставайте!»...

— Скажите! произнесъ опять Антонъ Ѳедотычъ, возвысивъ на значительное число нотъ свое вниманіе и даже показывая нѣкоторое удивленіе.

— И это еще ничего! доколачивалъ его молодой человѣкъ:— будильникъ прибавлялъ: «вставайте, Клеопатра Григорьевна!» имя мамаша выговаривалъ.

— Да, это приятно! замѣтилъ Антонъ Ѳедотычъ, какъ-то насильственно улыбаясь.

Онъ поставленъ былъ въ странное положеніе. Весь его умъ и соображеніе какъ-бы подернулись какою-то туманомъ. Въ молодомъ человѣкѣ онъ видѣлъ точно двойника своего, который могъ совершенно то же дѣлать, что и онъ дѣлалъ.

— Вы вотъ справедливо сказали, началъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья:—домъ у меня точно что здѣсь старъ. Неприятна, знаете, ветхость эта, а потому я гораздо больше люблю жить въ усадьбѣ своей.

— А у васъ хорошая усадьба? спросилъ Коробовъ.

— Превосходная-съ! Насчетъ угодій расскажу вамъ только одно. Разъ, лѣтомъ, погода этакая прекрасная стояла; сижу я съ семействомъ у себя на балконѣ; вдругъ слышу колокольчикъ. «Что такой?» думаю. Оказывается, становой пріѣхалъ. Ну, очень

радъ. «Антонъ Ѳедотычъ—говорить—къ вамъ архіерей сейчасъ прїѣдетъ. Услыхалъ, что вы по близости: «Везите, везите, говорить, меня къ нему»; я нарочно прискакалъ васъ предупредить...» И точно что я со всѣми этими высшими духовными особами всегда былъ друженъ, потому что и въ молодости, и до сихъ поръ люблю заниматься этой богословіей; только дѣло въ томъ, что мы съ семействомъ, по слабости нашихъ комплекцій, всегда ѣдимъ скоромное... (Читатель, можетъ быть, не забылъ, какимъ слабымъ здоровьемъ и малымъ аппетитомъ пользовался самъ Антонъ Ѳедотычъ и все его семейство). Но вѣдь это—монахи; по званию своему, они не могутъ этого дѣлать. Призываю я управляющаго. — «Скажи, говорю, братецъ, въ городъ, плати тамъ сколько хочешь, только доставай намъ рыбы». — «Ничего-съ, говорить, и около дома найдемъ». — «Какъ около дома?» — «Да такъ ужъ, говорить, не извольте беспокоиться». Ну, я знаю, что онъ, дѣйствительно, человекъ расторопный, поуспокоился. Прїѣхалъ архіерей... сидимъ мы... тары-бары распускаемъ, а меня, между тѣмъ, все червячокъ гложетъ: «ну какъ, думаю, не найдутъ рыбы?» Вдругъ этотъ самый управляющій меня вызываетъ. — «Пожалуйте, говорить, на прудъ, да и его-то преосвященство попросите». Возвращаюсь я къ гостямъ моимъ: «Вотъ, говорю, ваше преосвященство, дуракъ мой управляющій, меня и васъ на прудъ выйти просить — тамъ что-то такое необыкновенное случилось.» «Хорошо, говорить: я очень радъ попройтись, а то все сидѣлъ». Выходимъ, и такъ-таки прямо намъ въ глаза, на берегу пруда—пуда въ два осетръ!...

— Бываетъ это! подтвердилъ его слушатель. — Разъ мы съ мамашей тоже сидимъ на балконѣ, только слышимъ вдругъ колокольчикъ... Это чиновники изъ города ѣдутъ къ намъ, а между тѣмъ среда... Мы съ матушкой, по слабости нашего здоровья, ѣдимъ скоромное, а чиновники, по ихъ сану, всегда соблюдаютъ посты... (Повѣса на этотъ разъ не стелъ даже за нужное мѣнять фразъ Антона Ѳедотыча). Только я призываю къ себѣ управляющаго: «Скажи, говорю, плати что хочешь за рыбу». — «Доставимъ, говорить, и дома, да еще и съ дичью». Я сначала и повѣрилъ ему, но потомъ, когда чиновники прїѣхали, меня, какъ и насъ, сталъ тоже червячокъ поглаживать; однако онъ вскорѣ же вѣбгаеть. «Пожалуйте, говорить, Бога ради съ гостями на прудъ, да и винтовку ужъ захватите съ собой». — «Зачѣмъ винтовку?» — «Нужно», говорить... Вѣжнимъ мы за намъ. На бе-

реку рѣки человѣкъ сорокъ мужиковъ тянуть бредень... въ него поваля медвѣдь, а бѣлуга ему въ ногу впилась!

Антонъ Федотычъ даже ужъ и не усмѣхнулся на это; но тотчасъ же всталъ и отошелъ отъ своего собесѣдника и цѣлый вечеръ былъ какъ опущенный въ воду. Онъ полагалъ, что заниматься своими разговорами молодого человѣка, а тотъ только смѣлся надъ нимъ — обидно!

II. Богатые луны и вѣднѣй.

Наклонность полгать — въ какихъ она иногда бротныхъ душахъ живетъ! Я зналъ въ В...ѣ мѣщанина Михайла Вакорина — чрезвычайно кротоваго малаго, обремененнаго огромнымъ семействомъ, неспособнаго ничего другаго дѣлать, какъ сходить за охотой, за грибами, рыбки поудить. Существовалъ онъ рѣшительно благодѣяніемъ одного подгороднаго помѣщика, Саврасова, честолюбивѣйшаго и надменнѣйшаго человѣка и въ то же время псоваго и ружейнаго охотника, который собственно и благодѣтельствовалъ Вакорину за то, что онъ выслѣживалъ ему иногда мѣста, удобныя для охоты, хоть тотъ по большей части и навиралъ въ этомъ случаѣ. Слабость поприхватъ въ Вакоринѣ, какъ въ существѣ загнанномъ, такъ умѣренно проявлялась, что ее почти никто и не замѣчалъ, а въ то же время она была и очень была: придетъ иногда и расскажетъ женѣ, что видѣлъ орла съ орлятами, да улетѣли — канальство. А между тѣмъ никакихъ орлятъ не было, да и быть не могло. А то отправится въ сосѣдній монастырь къ обѣднѣ, и тамъ будто случайно расскажетъ казначею: «Какую, ваше преподобіе, я на мельницѣ вашей шуку видѣлъ; пуда въ два, надо полагать; вся сѣдая ходитъ, мохомъ ужъ, значить, поросла!...» Разгорятся жадностью казначейскіе очи, велитъ онъ спустить омутъ — хоть бы пискарь! Начнутъ бранить Вакорина, неизмѣнно тутъ присутствующаго; крестится, божится, что видѣлъ, тогда какъ самъ очень хорошо знаетъ, что видѣлъ нѣчто гораздо болѣе похожее на палку, чѣмъ на шуку.

Разъ его благодѣтель, Саврасовъ, на одной изъ своихъ осеннихъ охотъ, убилъ лисицу съ чернымъ хвостомъ. Можете себѣ представить, какъ это подѣйствовало на его гордую и самолюбивую душу! Со шукой этой лисицы онъ сталъ по всѣмъ ѣздить,

всѣмъ ее показывать. «Видали ли вы это?» говорилъ онъ, повертывая свой трофей передъ носомъ почти каждаго, и всякій благо-разумный человѣкъ, разумѣется, придавалъ удивленное выраже- ние своему лицу и говорилъ: «Да, да».

Случилось, что около того же времени, Вакоринъ зашелъ къ исправнику, съ которымъ онъ состоялъ въ близкихъ отноше- нияхъ уже по случаю рыбной ловли, такъ-какъ всегда достав- лялъ ему отличныхъ для удочки червяковъ, а когда самъ ходилъ съ нимъ зимою удить, такъ держалъ и отогрѣвалъ этихъ чер- вяковъ у себя во рту.

Смирненно поклонясь хозяину и гостямъ его (у исправника въ это утро было человѣкъ нѣсколько изъ дворянства), Вакоринъ, въ своемъ длинномъ сюртукѣ, усѣлся въ уголку и, поло- живъ руки на колѣни, сталъ улыбаться своей доброй улыб- кой всякому, кто только на него взглядывалъ. Хозяинъ, нако- нецъ, замѣтилъ его одинокое положеніе и обратился къ нему:

— Петруша, что ты тамъ все сидишь? Поди, выпей водочки!

Вакоринъ скромно всталъ, подошелъ къ закускѣ, несмѣлой рукой сталъ наливать себѣ рюмку. Въ это время двери съ шумомъ растворились и въ гостиную вошелъ Саврасовъ съ лисьей шкурой въ рукахъ.

— Какъ вы это находите? обратился онъ прямо къ хозяину и ни съ кѣмъ почти не ваяясь.

— И словъ ужъ не нахожу, какъ это выразить! отвѣчалъ тотъ, раболѣпно склоня голову передъ гостемъ.

— Во всемъ европейскомъ ружейномъ мірѣ въ десять лѣтъ одинъ такой выстрѣлъ бываетъ! сказалъ Саврасовъ.

На этотъ разговоръ ихъ Вакоринъ, недопивъ еще рюмки, отвергъ отъ нея свои кроткіе глаза и проговорилъ довольно громко:

— Каждый годъ по три такихъ штуки бью!

Хозяинъ уставилъ на дерзкаго удивленные глаза, а Саврасовъ сначала только попятился назадъ.

— Какъ, ты бьешь каждый годъ по три? проговорилъ онъ, не могли еще придти въ себя.

— Бью-съ! отвѣчалъ, покраснѣвъ, Вакоринъ.

— Бьешь? проговорилъ опять Саврасовъ

— Бью-съ! повторилъ еще разъ Вакоринъ.

— Бьешь! заревѣлъ уже съ вспыхнувшимъ какъ зарево ли- цомъ оскорбленный честолюбецъ и схватилъ Вакорина за ши- воротокъ

Хозяинъ и гости подбѣжали къ нимъ.

— Ну, полноте, бросьте его! унимали они Саврасова.

— Дуракъ! Ну, гдѣ ты бьешь? увѣщевалъ Вакорина исправникъ.

— Бью, батюшка, повторилъ онъ и тому.

— Господа! возьмите его у меня; иначе я его задушу! сказалъ Саврасовъ, отбрасывая отъ себя Вакорина.

— Что хотите, то и извольте дѣлать, а что бивалъ, не унимался бѣднякъ, утирая съ лица катившійся потъ.

— Ну, такъ пошелъ же вонъ! крикнулъ на него ужъ и хозяинъ, выведенный изъ терпѣнія такою ложью.

— Я уйду, сударь, уйду! говорилъ Вакоринъ, и пошелъ.

— Я тебѣ теперъ, каналья, кости оглоданной не дамъ, вскричалъ Саврасовъ, выбѣгая вслѣдъ за нимъ.

— И я тоже, и я! повторялъ хозяинъ.

Вакоринъ блѣднѣлъ, дѣлалъ изъ лица препечальнѣйшую мину.

Въ лакейской его сталъ-было даже лакей уговаривать:

— Полноте, Петръ Гаврилъчъ, потѣшите господъ; скажите, что неправду сказали.

— Что мнѣ тѣшить-то? бивалъ сколько разъ! отвѣчалъ ему Вакоринъ.

Лакей на это не стерпѣлъ и плюнулъ.

— Фу-ты, Господи Боже мой! проговорилъ онъ.

Господа, между тѣмъ, разсуждали о нагломъ лжецѣ въ гостиной.

— Каковъ каналья? а? каковъ? кричалъ Саврасовъ на весь домъ.

Его мелкое самолюбьишко было страшно оскорблено. Недѣли черезъ двѣ онъ, по наружности, какъ-бы и простилъ Вакорина, сталъ даже принимать его къ себѣ въ домъ, но въ душѣ питалъ противъ него злобу. Разъ... это ужъ было у самого Саврасова, тоже собралось дворянство, въ томъ числѣ два брата Брыкина. Еще покойный отецъ этихъ господъ разсказывалъ, что поѣхалъ онъ однажды ночью черезъ Галичское Озеро — вдругъ трахъ, провалился въ прорубь; дыханье, разумъется, захватило; глаза помутнились; только черезъ нѣсколько секундъ дышать легче — глядитъ, тройка его выскочила въ другую прорубь — и полнехоньки сани рыбы зачерпнулись въ озерѣ. Другой разъ заговорили о храмѣ Петра въ Римѣ. «Что это такое за важность этотъ храмъ! воскликнулъ Брыкинъ: — говорятъ, великъ онъ очень!

Вздорь! великъ сравнительно, потому что вся-то Италия съ нашу губернію. Ну, а какъ наша матушка Россія раскинулась, такъ что ни построй, все мало. Вошь у насъ приходъ, или, лучше сказать, приходшко; выстроили церковь — такъ псаломщикъ за всеношной съ клироса на клиросъ не успѣвалъ пѣшкомъ ходить.

— Батюшка! воскликнулъ при этомъ укоризненно даже одинъ изъ сыновей.

— А длина церкви велика ли? спросилъ кто-то изъ слушателей.

— Длина? отвѣчалъ нѣсколько опѣшенный замѣчаніемъ сына старикъ:—длина сажени три.

Такъ онъ врагъ и его всѣ слушали, и даже почти вѣрили ему, потому что тысяча душъ была у него. Сынки тоже пошли по немъ. Въ настоящее собраніе одинъ изъ нихъ рассказывалъ: «Стали, говорить, мы спускаться съ Свинынской Горы—вѣдь вы знаете, это стѣна, а не гора... что-то одна изъ лошадей плохо спускала—понесли. Заднее колесо заторможено было—однако, пи, пи, пи! ничего не помогаетъ; я, дѣлать нечего, говорю брату—мы съ нимъ сидѣли на передней лавочкѣ, а жены наши на задней: «давай, говорю, тормозить переднія колеса»; нагнулись: я на одну сторону—онъ на другую, взяли колеса въ наши лапки—на одинъ камень колесо наскочить, на другой — въ рывтвину сухую попадетъ; посмотримъ, лошади наши ужъ не несутъ, а везутъ коляску».

— И я заторможу колесо, отозвался вдругъ, чортъ-знаеть съ чего и для чего Вакоринъ, тоже тутъ присутствовавшій.

Глаза хозяина загорѣлись бѣшенствомъ.

— Ты затормозишь? спросилъ онъ.

— Я-съ.

— Да ты, каналья, не только коляску, а одну лошадь, на бѣговыхъ дрожжахъ, обѣими твоими северными руками и ногами не остановишь! прошипѣлъ онъ.

— И такъ остановлю-съ.

— Остановишь? Люди! Саврасовъ хлопнулъ въ ладоши.

Вбѣжали люди.

— Сейчасъ заложить сѣраго въ бѣговныя дрожжи. Останавливай! обратился онъ къ Вакорину.

Тотъ только уже улыбался.

Лошадь была заложена и приведена къ крыльцу. Всѣ гости и хозяинъ вышли туда.

— Посмотримъ, посмотримъ! говорили самолюбиво братья-Брикны.

Вакоринъ, какъ-обреченный на казнь, шелъ впереди всѣхъ.

— Какъ же ты остановишь? спрашивали его нѣкоторые изъ гостей, которые были подобрѣе.

— А вотъ какъ, отвѣчалъ Вакоринъ, ложась грудью на дрожки, и самъ, кажется, не зная хорошенько, что онъ дѣлаетъ:— вотъ руки сюда засуну, а ноги сюда! сказалъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ, руки засунулъ въ переднія колеса, а ноги въ заднія.

— Отпускай! крикнулъ онъ какимъ-то отчаяннымъ голосомъ державшему лошадь кучеру.

Тотъ отпустилъ. Лошадь бросилась, колеса завертѣлись; Вакоринъ какъ-то одну ногу и руку успѣлъ вытащить, дрожки свернулись на бокъ, лошадь ужъ совсѣмъ понесла, такъ что посланный за нею верховой едва успѣлъ ее остановить.

Вакоринъ лежалъ подъ дрожками.

— Вставайте! сказалъ подѣхавшій къ нему верховой.

— Немного, проклятая, наскakала—остановилъ же! сказалъ Вакоринъ, и хотѣлъ-было подняться, но не могъ: у него переломлена была нога.

Лѣтъ десять тому назадъ, я встрѣтилъ его въ В... совсѣмъ уже старикомъ, хромымъ и почти нвщимъ. Онъ сидѣлъ на тротуарѣ и, мокая въ пустую воду сухую корку хлѣба, ѣлъ ее. Недалекъ отъ него стоялъ босоногий мальчишка и видимо поддразнивалъ его: «Лисичій охотникъ, лисичій охотникъ!» повторялъ онъ безпрестанно. Это было прозвище, которое Вакорину дали въ городѣ послѣ перваго, несчастнаго съ нимъ случая по поводу лисичьей шкуры. Старикъ только повременамъ злобно взглядывалъ на шалуна. Я подошелъ къ нему.

— Что это, Петръ Гаврилычъ, до чего это ты дошелъ? спросилъ я его.

— Что дѣлать, сударь? старъ сталъ ужъ!... А добрыхъ господъ, какъ прежде было, нынче совсѣмъ нѣтъ! отвѣчалъ онъ, и слезы навернулись у него на глазахъ.

Кого онъ подѣ «добрыми господами» разумѣлъ.— Богу невѣстис!

III. Кавалеръ ордена пур-ле-мерить.

Прелестное июльское утро свѣтитъ въ окна нашей длинной залы; по переднему углу ея стоятъ мѣстныя иконы, принесенныя изъ ближайшаго прихода. Священникъ, усталый и запыленный, сидитъ невдалекѣ отъ нихъ и съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ дожидается, чтобы его заставили поскорѣе отслужить всенощную; а тамъ, вѣроятно, и водку подадутъ. Матушка, впрочемъ, еще не вставала, а отецъ ушелъ въ поле къ рабочимъ. Я (очень маленький) стою и смотрю въ окно. Изъ поля и изъ саду тянетъ восхитительной свѣжестью: мнѣ такъ хочется молиться и Богу и природѣ! Тутъ же, по залѣ, ходитъ ночевавшій у насъ сосѣдъ, Евграфъ Петровичъ Хариковъ, мужчина чрезвычайно маленькаго роста, но съ густыми черными волосами, густыми бровями и вообще съ лицомъ неумнымъ, но выразительнымъ; съ шести часовъ утра онъ уже въ полной своей формѣ: брючвахъ, жилетикѣ, сюртучикѣ и *пур-ле-мерить*. Раздражающее свойство утра замѣтно дѣйствуетъ на него: онъ проворно ходитъ, подшаркиваетъ ножкою, дѣлаетъ въ лицѣ особенную мину. Евграфъ Петровичъ—чистѣйшій холерикъ; его маленькой мысли безпрестанно надо работать, фантазировать и выражать самоѣ себя. Въ настоящую минуту онъ не выдерживаетъ молчанія и останавливается передъ священникомъ.

— Вы дядю моего, Николая Степаныча, знавали? спрашиваетъ онъ какъ-бы случайно.

Священникъ поднимаетъ на него глаза и бороду.

— Нѣтъ-съ! отвѣчаетъ онъ съ убійственнымъ равнодушіемъ.

— Храбрый былъ генералъ, храбрый!...

Священникъ продолжаетъ молчать.

— Я собственно служилъ въ кавалеріи! говоритъ Хариковъ.

Онъ собственно служилъ офицеромъ въ комисаріатѣ.

— И подъ Глагау, Господи!... двинули насъ сбить непріятельскую позицію по правую, этакъ, сторону отъ города... Пошли мы сначала на рысяхъ, палаши на голод... Глядимъ, пѣхота—разъ, два—выстроились въ каре. Вы знаете, что такое каре?

— Нѣтъ-съ! отвѣчалъ и на это священникъ и, вытянувъ изъ бороды два волоска, началъ внимательно ихъ разсматривать.

— Отличная штука! четырехугольникъ изъ людей ни больше, ни меньше; штыки впередъ, задняя шеренга: «пафъ! пафъ!»—со-

вершенная щетина, съ пулками только, которыя летаютъ около васъ, какъ шмели, никакая кавалерія не возьметъ—надо сразу... Командиръ нашъ командуетъ: «маршъ назадъ!» потомъ: «налѣво кругомъ, маршъ, маршъ!». Летимъ!... Мнѣ какъ-то, ужъ это именно Богъ! между двухъ ружей удалось проскакать. Тутъ стѣдить только одному прорваться, и, кончено: весь полетъ за мной; направо саблей!... налѣво саблей!... лошади ногами топчутъ!

Евграфъ Петровичъ сталъ-было даже своими маленькими ручками и ножками представлять все это въ лицахъ и особенно живо, какъ лошади топчутъ непріятеля ногами; но въ это время вошелъ покойный отецъ, по обыкновенію мрачный и суровый, и сѣлъ тутъ же въ залѣ.

— Чтò это онъ тебѣ родписываетъ? спросилъ онъ священника, улазывая глазами на Евграфа Петровича.

— Про войну рассказываетъ-сь, отвѣчалъ тотъ.

— Про дѣло при Глагоу припоминаю, подхватилъ Хариковъ.

Онъ зналъ, что въ присутствіи отца продолжать разговора въ прежнемъ тонѣ ему не было никакой возможности, но и замолчать сразу было неловко: онъ рѣшился выбрать средину.

— Въ тотъ день, продолжалъ онъ далеко ужъ не съ такою самоувѣренностью:— послали меня съ извѣстіемъ...

— Къ кому? перебилъ его отецъ какимъ-то безстрастнымъ голосомъ.

— Не помню къ кому... почти цискнулъ Евграфъ Петровичъ.

— О чемъ?

— Кажется, что, сколько теперъ помню, что... Витгенштейнъ наступаетъ или отступаетъ...

— А!... протянулъ отецъ.

— Только поѣхалъ я-сь... Лошадь у меня была отличная, продолжалъ Хариковъ; голосъ его замѣтно дрожалъ:—только вдругъ, вижу я, отъ непріятельскаго авангарда отдѣлился польскій уланчикъ и за мной... Я какъ бы дальше отъ него, а онъ ко мнѣ все ближе; вижу и копыце отъ меня недалеко — я хватъ изъ сѣдла пистолетъ; бацъ — осѣчка! Копыце ужъ и гораздо ближе ко мнѣ; я другой разъ бацъ—осѣчка! Копыце ужъ почти у хвоста моей лошади... дѣлать нечего, перекрестился (Евграфъ Петровичъ закусилъ при этомъ злобно губы), перехватилъ пистолетъ дуломъ въ руку, пустилъ его на волю божію и прямо уладилъ молодцу въ високъ... закачался онъ на сѣдлѣ и головку загнулъ назадъ.

— Это случилось не въ 12-мъ году... перебилъ его отецъ.

— Какъ не въ 12-мъ? спросилъ Хариковъ.

— И не при Глагау, и не съ тобой, а въ польскую кампанію, дѣйствительно, одинъ нашъ кирасиръ убилъ польскаго улана холоднымъ пистолетомъ, и это я тебѣ даже и рассказывалъ...

— Съ кирасромъ, можетъ-быть, случилось само по себѣ, а со мной само по себѣ! затараторилъ Хариковъ.

— Съ тобой случилось другое, отвѣтилъ отецъ:—ты убѣжалъ изъ провіантскаго магазина отъ сорока мышей.

Евграфъ Петровичъ сильно покраснѣлъ.

— Вотъ вздоръ какой! Я бѣжалъ не отъ крысъ, а отъ неприятеля: на меня кинулись два французскіе карабинера; я схватилъ одного за шиворотокъ, другаго за шиворотокъ, треснулъ ихъ головами и ушелъ отъ нихъ.

— Ты сидѣлъ въ магазинѣ, продолжалъ отецъ тѣмъ же безстрастнымъ голосомъ:—и считалъ тамъ казенные мѣшви съ хлѣбомъ; въ это время изъ одного анбара въ другой переходило стадо крысъ; ты испугался и убѣжалъ отъ нихъ.

— Говорить все можно! произнесъ Хариковъ обпженнымъ голосомъ. — Если я убѣжалъ отъ крысъ, за что мнѣ пур-ле-мерить далъ?

— Не знаю за что! отвѣчалъ отецъ оскорбительнѣйшимъ образомъ.

Собственно говоря, Евграфъ Петровичъ и самъ хорошенько не зналъ, за что ему далъ этотъ крестъ. За какія-то успѣшныя распоряженія нашего интендантства, при Глагау, или гдѣ-то, прислано было отъ прусскаго правительства десятка два пур-ле-меритовъ, и одинъ изъ нихъ упалъ на благородную грудь моего героя.

— Вотъ онъ мнѣ за что данъ! воскликнулъ онъ и, проворно отмахнувъ рукавъ сюртука, показалъ довольно большой рубецъ.

— Э, братъ, нѣтъ! знаемъ! Это нарочно травленый! воскликнулъ, въ свою очередь, отецъ.—Боздерманъ сказывалъ намъ, какъ ты просилъ его травить тебѣ руку и непременно, чтобы рубецъ остался.

Евграфъ Петровичъ развелъ только на это руками. Выраженіе его лица какъ-бы говорило, что клевета человѣческая дальше идти не можетъ. Чѣмъ бы этотъ разговоръ кончился — неизвестно; но вошла матушка. Евграфъ Петровичъ поспѣшилъ передъ нею модно расшаркаться, поцаловалъ у нея руку и освѣдомился объ ея здоровьѣ.

Во время всепощной, онъ замѣтно молился на старинный офицерскій манеръ, то-есть, клалъ небольшіе крестики и една склонялъ голову. Затѣмъ, почему-то, съ особеннымъ чувствомъ пропѣлъ: «*Отъ юности моя мнози борють мя страсти!*»; но когда начали «*Взбранной воеводи*», онъ подперся рукою въ бокъ, какъ-бы держась за шарфъ; откуда бась у него взялся, пропѣлъ цѣлный псаломъ, ни въ одной нотѣ не сорвавшись и, кончивъ, проговорилъ: «*Прекрасная стихера! Теперь бы духовенство зади; въ воздухъ знамена; барабанщи и кларнегисты впередъ—престы!*»

Мнѣ всего разъ еще удалось, уже на смертномъ одрѣ, ~~видѣть~~ этого маленькаго храбреца въ его маленькой усадьбѣ, въ маленькомъ домикѣ и маленькой спальнѣ, въ которой не было уже никакихъ слѣдовъ здороваго человѣка: всюду былъ душливый воздухъ, вездѣ стояли баночки съ лекарствомъ, и только на столнѣ у кровати лежалъ пур-ле-мерить на совершенно свѣжей лентѣ. Когда я сѣлъ около Евграфа Петровича, онъ крѣпко сжалъ мнѣ руку.

— Вы, вѣроятно, будете у меня на похоронахъ, проговорилъ онъ совершенно спокойнымъ голосомъ: — прикажите, пожалуйста, чтобъ крестъ этотъ несли передъ моимъ гробомъ: я заслужилъ его кровью моею!

Читатель знаетъ, какою онъ его кровью заслужилъ.

Черезъ недѣлю онъ умеръ. Я долгомъ себѣ поставилъ исполнить его предсмертное желаніе и даже самъ неся крестъ на малиновой подушкѣ, которую покойникъ, задолго еще до смерти, носилъ для себя приготовить.

Слава великаго Суворова, еще свѣжо тогда витавшая надъ всѣмъ нашимъ войскомъ, задѣла своимъ обаятельнымъ крыломъ и душу Евграфа Петровича: во всѣхъ своихъ мечтаніяхъ онъ воображалъ себя и храбрецомъ, и генераломъ, и увѣшаннымъ крестами. «Отчего», думалъ я: «судьба не дала этому человѣку, вмѣсто какого-то темнаго и не для всѣхъ понятнаго пур-ле-мерита, Георгія или какую-нибудь звѣзду? Любопытно было бы видѣть ту степень нѣжности, съ какою онъ относился бы къ этимъ высокимъ наградамъ воинскихъ доблестей!»

IV. ФАНТАЗЁРКА.

Гордость такъ же свойственна женскимъ сердцамъ, какъ и мужскимъ. Тѣтка моя, Мавра Исаевна Исаева, была какъ-бы живимъ

олицетвореніемъ этого грандіознаго чувства. Признаюсь, и по самой наружности я не видалъ величественнѣе, громаднѣе и могучѣе этой дамы, или, точнѣе сказать, дѣвицы: прямой греческій носъ, открытый лобъ, строгіе глаза, презрительная улыбка, густые, серебристыя въ пучкахъ волосы, полный, но необрюзглий еще станъ, походка грудью впередъ — словомъ, какъ будто бы Господь Богъ все ей тѣло далъ для выраженія главнаго ея душевнаго свойства. Мавра Исаевна, какъ можно это судить по ея здоровой комплекціи, чувствовала сильную склонность къ замужству; но единственно, по своему самолюбію, считая всѣхъ мужчинъ недостойными себя, осталась въ самомъ строгомъ смыслѣ дѣвственницей, а побѣды были съ ея стороны и довольно блистательныя: снѣ губернатора Лампе, камер-юнкеръ и большой повѣса (это было еще до 12 года), танцовалъ съ ней на балѣ у отца мазурку и вдругъ выкинулъ какую-то ухорскую штуку—Мавра Исаевна на это только еще гордѣе подняла голову и пошла ужъ совсѣмъ грудью впередъ. Камер-юнкеръ сталъ попольски что есть силы стучать ногами—Мавра Исаевна прижала одну руку въ бокъ и начала тоже попольски довольно сильно выкидывать ноги. Камер-юнкеръ перевернулся вверхъ ногами—Мавра Исаевна сдѣлала видъ, что какъ будто бы сначала устрашилась этого, а потомъ и ничего — простила. Камер-юнкеръ наконецъ пропѣлъ пѣтухомъ — Мавра Исаевна представила, что какъ будто бы закудахтала курочкой. «Русскую!» грянулъ камер-юнкеръ, и въ мундирѣ (тогда на балы ѣздили въ мундирахъ, чулкахъ и башмакахъ) пошелъ въ присядку — Мавра Исаевна сейчасъ, какъ слѣдуетъ въ русской пляскѣ, стала поводить плечами и бровями...

Всѣ зрители были въ восторгѣ и хохотали до упаду.

Старикъ Лампе, впрочемъ, на другой же день положилъ предѣлъ этой начинавшейся страсти и отправилъ сына обратно въ Петербургъ.

— Воли родителей не было на то, и мы повиновались... объясняла Мавра Исаевна, съ покорностію въ голосъ, всю жизнь свою этотъ случай.

При всей видимой холодности, она, кажется, любила нравиться мужчинамъ и воображала, что каждый изъ нихъ, какъ только нѣсколько повнимательнѣе поговорить съ нею, такъ ужъ и очарованъ ея умомъ и красотой. Былъ у нея еще какой-то Егоръ Егоровичъ Похвиревъ, постоянный предметъ ея рассказовъ, сна-

чала когда-то безъ памяти влюбленный въ нее, а потомъ женившійся на другой, дѣвущкѣ очень богатой, но дурѣ набитой. Мавра Исаевна и начнеть при немъ вычитывать, что мужчины состояніе предпочитаютъ сердцу, уму, красотѣ женщины. Егоръ Егоровичъ будто-бы при этомъ блѣднѣлъ, краснѣлъ, зеленѣлъ, кусалъ губы; но ужъ поздно—не воротитишь!

Въ какой степени Мавра Исаевна бывала иногда *prude*, когда это хотѣла явить въ себѣ—вообразить даже трудно! Разъ ей, уже старухѣ, докторъ пускалъ кровь.

— Какая еще славная рука! проговорилъ онъ, отыскивая вену.

Когда кровь была пущена, Мавра Исаевна вдругъ обратила къ нему свой гнѣвный взоръ.

— Какъ вы смѣли себѣ позволить это сказать?.. проговорила она.—Какъ вы смѣли подумать это?

Докторъ вертѣлся-вертѣлся, едва ушелъ.

Главнымъ, отличительнымъ свойствомъ Мавры Исаевны было то, что что бы она ни дѣлала, все это лучше всѣхъ: грибы ли отварить—лучше всѣхъ, по дѣламъ ли станетъ хлопотать—тоже лучше всѣхъ. Ставила она со своего имѣнія рекрута: Машку поставила—затыловъ! Петьку—затыловъ!

— Наконецъ, говорить она:—я сама иду въ присутствіе. Брейте, говорю, меня самое; мнѣ больше ставить некого!..

— Какъ въ присутствіе? вѣдь тамъ стоять голые мужики? воскликнули ея слушатели.

— А характеръ нашъ, женщинамъ, на что данъ? отвѣчала Мавра Исаевна.

Проживая глѣтъ около тридцати въ деревнѣ, она постоянно держала у себя воспитанницъ, единственною обязанностью которыхъ было выслушивать рассказы ея о самой себѣ; но эти *неблагодарныя твари*, какъ обыкновенно называла ихъ Мавра Исаевна, когда прогоняла отъ себя, обнаруживали въ этомъ случаѣ довольно однообразное свойство: въ началѣ онѣ какъ будто бы и принимали всѣ ея слова съ должнымъ вниманіемъ; но потомъ на лицахъ ихъ замѣтно стала обнаруживаться скука, и онѣ начинали или грубить, или дурить... Пробовала-было Мавра Исаевна по этому предмету входить въ сношенія съ начальниками разныхъ монастырей, приютовъ, ѣздила къ нимъ, ласкалась, дѣлала имъ подарки, чтобъ онѣ удѣлили ей хоть какой-нибудь отростокъ изъ своего богатаго питомника—но и тутъ счастья не было: первый же взятый ею отпрыскъ вдругъ оберемѣлъ, такъ

что Мавра Исаевна, спасая ужь собственную честь, поспѣшила ее поскорѣе отправить обратно въ заведеніе. Послѣдней приживалкой Мавры Исаевны была изъ дворянъ дѣвица Фелисата Ивановна, дѣвушка богомольная и вначалѣ обнаруживавшая къ своей благодѣтельницацѣ такое почтеніе, что мыть ее въ банѣ никому не позволяла, кромѣ себя, и при этомъ еще объясняла, что у Мавры Исаевны такое тѣло, что какъ ткнешь въ него пальцемъ, такъ онъ и уйдетъ весь туда.

Разъ мы обѣдали: тетушка, съ своей обычно-гордой позой, я, всегда ее немного притрухивающій, и Фелисата Ивановна. Послѣдняя была что-то грустна и молчалива. Мавра Исаевна, напротивъ, находилась въ какомъ-то умилленномъ настроеніи.

— Когда я была въ Петербургѣ, начала она даже нѣсколько запискивающимъ голосомъ:—познакомилась я съ генеральшей Костпной. Мужъ ея, сенаторъ, вдругъ заинтересовался мной... просто этакимъ скотскимъ чувствомъ, какъ всѣ вы, гадкіе мужчины.—«Генераль, говорю я ему:—ни ваше званіе, ни мое званіе, ни ваши лѣта, ни мои лѣта не позволяютъ намъ упасть въ эту пропасть».

— Что жъ эти Костины были богатые люди, хорошо жили? поспѣшилъ я спросить, чтобъ какъ-нибудь не дать Маврѣ Исаевнѣ разговориться на любимѣйшую ея тему.

— Она была племянница свѣтлѣйшаго, только, не больше... отвѣчала она мнѣ внушительно:—каждую недѣлю балъ со дворомъ. Я говорю: «Я не могу у васъ бывать; вы знаете мой туалетъ и мои платья—разъ, два, да и обчелся».—«Да вы сдѣлайте, говорить мнѣ Костина:—форменное платье; всякая дворянка имѣеть это право!»

— Какое же это форменное? спросилъ я.

Мавра Исаевна прищурила глаза.

— Очень простенькое! начала она:—не знаю, какъ нынче, можетъ быть, ужь пережнялось, а тогда—черное гласе, на правомъ плечѣ шифръ дворянскій, на рукавахъ буфы, спереди, на отмашѣ, лопасти, а сзади—шлейфъ. Генеральша Костина тоже въ гласе, на лѣвой сторонѣ звѣзда, на правой—шифръ уже придворный... Три у нихъ дочери были... очень милыя дѣвушки... танцуютъ... Тогда только еще эта ваша дурацкая французская кадрили начала входить въ моду. Смотрю... что это такое? растопырять платья и ходить, какъ павы. Ни вкусу, ни манеръ—просто, гадко видѣть... чувствую, что внутри во мнѣ все такъ

и кипить, а старшій этотъ повѣса, Костинъ, еще съ любезностями вздумалъ адресоваться... глазками дѣлаетъ... — «Подите, говорю, прочь; видѣть васъ не могу!»—На другой день, только что еще проснулась и чувствую себя очень нехорошо, прѣзжаетъ ко мнѣ Костина. Тутъ ужъ я невытерпѣла.—«Марья Ивановна, говорю я ей:—на что это нынѣшнія дѣвнцы похожи? гдѣ у нихъ манеры, гдѣ у нихъ обращеніе, гдѣ эти умные разговоры?..»—«Душенька, душенька, говорятъ:—возьмите всѣхъ дѣтей моихъ на воспитаніе...» Скороснѣлка этакая была, все бы ей сейчасъ сдѣлать, необдумавши...—«Марья Ивановна, говорю:—правила моей нравственности вотъ въ чемъ, вотъ въ чемъ состоятъ», и этакъ, знаете, серьезно поговорила. Ну, разумѣется, не поправилось.—«Посудите, говорить, душенька, я—мать.»—«Очень, говорю, сузу и знаю; я сама мать и имѣю тоже дочь.»

— Какъ дочь? воскликнули мы оба въ одинъ голосъ съ Фелисатой Ивановной.

— Да, дочь! отвѣчала Мавра Исаевна, слегка вспыхнувъ (она, вѣжета, и сама была не совсѣмъ довольна, что такъ далеко хватила).

— Кто жъ отецъ вашей дочери? спросилъ я.

— Мужчина!

Фелисата Ивановна на этихъ словахъ не выдержала и фыркнула на всю комнату. Мавра Исаевна направила на нее свой медленный взоръ.

— Чему ты смѣешься? спросила она ее какимъ-то гробовымъ голосомъ.

Фелисата Ивановна молчала.

— Чему ты смѣешься? повторила Мавра Исаевна тѣмъ же тономъ.

— Да какъ же, матушка, какая у васъ дочь? отвѣчала Фелисата Ивановна.

— А такая же, костяная, а не лышная, говорила Мавра Исаевна попрежнему тихо; но видно было, что въ ея громадной груди бешевало цѣлое море злобы:—я дѣтей своихъ не раскидала по мужикамъ, какъ сдѣлала это ты.

Фелисата Ивановна сконфузилась; намѣкъ былъ слишкомъ ядовитъ: она, дѣйствительно, въ жизнь свою одного маленькаго ребѣночка подкинула сосѣднему мужичку.

— Не было у меня, сударыня, никакихъ дѣтей, возразила она:—

и у васъ ихъ не было; вы—барышня: вамъ стыдно на себя это наговаривать.

— А вотъ же и было; на-вотъ тебѣ! сказала Мавра Исаевна и показала Фелисатѣ Ивановнѣ кукишъ.

— Гдѣ жъ теперь ваша дочь? спросилъ я, желая испытать, до какой степени можетъ дойти фантазія Мавры Исаевны.

— Не безпокойтесь; она умерла и не лишитъ васъ наследства!... отвѣчала она мнѣ съ замѣтной ядовитостію.—О, мой миленькій, вроткій ангелъ! продолжала старушка, вскинувъ глаза къ небу: — точно теперь на тебя гляжу, какъ лежала ты въ своемъ атласномъ гробикѣ, вся усыпанная цвѣтами, а я, безумная, стояла около тебя и не плакала...

Что тутъ было говорить? Мы съ Фелисатой Ивановной потупились и молчали.

Мавра Исаевна нѣсколько разъ моргала носомъ, поднимала глаза къ небу и тяжело вздыхала, какъ-бы желая показать, что удерживаетъ накопившіяся въ груди ея слезы.

Послѣ обѣда я ушелъ къ себѣ наверхъ, но часовъ въ шесть, когда уже смерклось, услыхалъ робкіе шаги.

— Кто это? откликнулъ я.

— Это я, бабушка! отозвалась Фелисата Ивановна:—подите-ка, посмотрите, что тѣтенка дѣлаетъ.

— Что такое?

— Извольте посмотрѣть! и затѣмъ, сказавъ, чтобы я шелъ на цыпочкахъ, подвела меня къ двери въ гостиную и приложила мой глазъ къ небольшой щели. Тѣтушка сидѣла на диванѣ передъ столомъ, на которомъ свѣтло горѣли двѣ калетовскія свѣчи. Она говорила сама съ собой. «Да, это конечно!» бормотала она, дѣлая движеніе рукой, какъ-бы играя султаномъ на шляпѣ. Потомъ говорила гораздо ужъ болѣе нѣжнымъ голосомъ: «Но это невозможно, невозможно!» повторяла она неоднократно. Затѣмъ щурила глаза, поднимала плечи, врядъ ли не воображая, что на нихъ были эполеты. (Она, должно быть, въ этомъ случаѣ представляла какого нибудь военнаго) «Ваша воля, ваша воля!» говорила она.

— Бабушка, что это такое? Вѣдь это часто съ ними бываетъ! вопіяла Фелисата Ивановна.

— Ничего, успокоивать я ее:—пойдемте; пусть она себѣ пофантазируетъ.

— Да я, бабушка, очень боюсь, говорила она, и въ самомъ дѣлѣ дрожала всѣмъ тѣломъ.

На другой день поутру въ домѣ опять поднялся гвалтъ, и ко мнѣ въ комнату вбѣжала ужъ горничная.

— Пожалуйте къ тѣтушкѣ; несчастье у насъ...

— Какое?

— Фелисата Ивановна потихоньку уѣхала-съ къ родителямъ своимъ-съ.

Я пошелъ. Мавра Исаевна всею своею великолѣпной фигурой лежала еще на постели; лицо у ней было багровое, глаза горѣли гнѣвомъ, голая ступня огромной, но красивой ноги выставилась изъ-подъ одѣяла.

— Фелисатка-то, мерзавка, слышалъ—убѣжала! встрѣтила она меня.

Я придавъ лицу моему выраженіе участія.

— Вѣдь седьмая отъ меня такъ бѣгаетъ! Отчего это?

— Что жъ вамъ, тѣтушка, такъ очень ужъ гоняться за этими господами! Будетъ еще такихъ много.

— Разумѣется! проговорила Мавра Исаевна уже прежнимъ своимъ гордымъ тономъ.

— Вамъ гораздо лучше, продолжалъ я:—взять въ комнату вашу прежнюю ключницу Глафиру... (Та была глуха на оба уха, и при ней говори, что хочешь—не покажетъ никакого ощущенія) женщина она неглупая, честная.

— Честная! повторила Мавра Исаевна.

— Потомъ къ вамъ будетъ ѣздить Авдотья Никаноровна.

— Будетъ! согласилась Мавра Исаевна.

Авдотья Никаноровна хоть и не была глуха на оба уха, но за то такая была дура, что ничего не понимала.

— Наконецъ, Эпиминондъ Захарычъ будетъ постоянный вашъ гость.

— Да, Эпиминонда! Пьяница только онъ ужасный!

— Нельзя же, тѣтушка, чтобы человѣкъ былъ совершенно безъ недостатковъ.

Эпиминондъ Захарычъ, бѣдный сосѣдъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ такой пьяница, что никогда никакими посторонними предметами и не развлекался, а только и помышлялъ о томъ, какъ бы и гдѣ бы ему водки выинить.

— Всѣ они будутъ бывать у васъ, развлекать васъ! говорилъ я, помышляя уже о собственномъ спасеніи. Эта густая и непроборимая атмосфера хоть и дѣтской, но все-таки лжи, которой я

дышаль въ продолженіе нѣсколькихъ дней, начинала меня душить невыносимо.

— А теперь позвольте съ вами проститься! прибавилъ я нерѣшительнымъ голосомъ.

— Прощай, Богъ съ тобой! отвѣчала Мавра Исаевна.—Ея въ эту минуту было не до меня: ей нужна была Фелисата, которую она растерзать на части готова была своими руками. Дома я нашла плачевное и извиняющееся письмо отъ Фелисаты Ивановны:

«Ваше высокородіе, Алексѣй Филатычъ! (писала она) хоша теперича, можетъ, вы и ваша тѣтенька на меня, рабу вашу, гнѣваться изволите, но мнѣ, батюшка, Алексѣй Филатычъ, было не жить при нихъ — я сама дѣвушка нездоровая и очень этого боюсь... Пршлый годъ, Алексѣй Филатычъ, когда Господь-Богъ сподобилъ насъ быть у Феодосія Тотемскаго чудотворца и когда тѣтенька ваша стала припадывать къ рагѣ святаго угодника, такъ онѣ плакали и до того ихъ корчило, что двое монаховъ едва имѣли силы держать ихъ... Значить, онѣ, окаанный, въ нихъ сидѣлъ и трудно ему тамъ было, а они еще сѣятой себя называютъ. «Праведница, говорить, я»; это все его наущеніе; на этакой грѣхъ онѣ ихъ наводитъ, и я такъ теперь понимаю, что быть при нихъ не то что намъ грѣшникамъ великимъ, а какому развѣ священнику безмѣстному, чтобы онѣ могъ отчитать ихъ, когда врагъ ихній заберетъ ихъ во всю свою поганую силу.»

Фелисата Ивановна считала бѣдную старушку за одержимую бѣсомъ, тогда какъ все дѣло было въ томъ, что могучая фантазія Мавры Исаевны и въ сотой долѣ своей не удовлетворялась скудною дѣйствительностью.

V.

Блестящій лунъ.

Во дни, какъ и во всякомъ другомъ творествѣ, есть своего рода опьянѣніе, нѣга, сладострастіе; а то откуда же она беретъ этотъ огонь, который зажигаетъ у человѣка глаза, щови, поднимаетъ его грудь, дѣлаетъ голосъ болѣе звучнымъ?... Нѣкто N... еще въ двадцатыхъ годахъ совершившій кругосвѣтное путешествіе, былъ именно однимъ изъ такихъ электризующихъ

себя и другихъ услаждающихъ говоруновъ и лгуновъ своего времени. Маленькій, проворный, живой, съ красивыми руками и ногами, и вообще своей наружностью напоминающій нѣсколько польскаго ксенза, имѣющій привычку, когда говоритъ, закрывать глаза, и вскрикивать въ концѣ каждой фразы, какъ-бы затѣмъ, чтобы сильнѣе запечатлѣть ее въ ухахъ слушателей, N... почти дѣла двѣ зимы былъ героемъ Москвы. Князь П... (да простить господь-богъ этому человѣку его гордость, которая могла равняться одной только сатанинской гордости!), князь П... искалъ знакомства съ N... Обстоятельство это, впрочемъ, надобно объяснить вліаніемъ княгини, которое она всегда имѣла на мужа. При воспоминаніи объ этой дамѣ, авторъ не можетъ не придти въ нѣкоторый восторгъ отъ мысли, что въ Россіи была такая умная и ученая дама. Цѣлый день она, бывало, сидитъ въ своей обитой штофомъ гостиной, вѣчно съ книгой въ рукахъ; двѣ ея дочери, стройныя и пріямыя, какъ англичанки, тоже съ книгами въ рукахъ. Положимъ, къ княгини пріѣзжаетъ съ визитомъ бама-ивобудь m-me Маурова, очень молоденькая и вѣтреная жепдда.

— Avez vous lu Chateaubriand? спроситъ вдругъ княгиня, показывая глазами на книгу, которую держитъ въ рукахъ.

— Non, отвѣчаетъ та очень покойно.

— Non?.. повторитъ княгиня почти ужасающимъ голосомъ.

— Mon mari n'est pas encore allé au magasin de Gothier.

— Шатобрианъ вышелъ годъ тому назадъ! скажетъ княгиня, и, не ограничываясь этимъ, обратится еще къ одной изъ дочерей своихъ.

— Chère amie! привеси мнѣ les Metamorphoses d'Ovide.

Она очень хорошо знаетъ, что m-me Маурова и словъ такихъ: *Метаморфозы Овидія* не слыхала, а потому, по необходимости, должна растеряться и ухъать.

Я привезъ этотъ маленькій эпизодъ единственно затѣмъ, чтобы показать, какіе люди интересовались N... и дали наконецъ ему торжественный обѣдъ, къ которому все было предусмотрено: возвращенъ, былъ приглашенъ къ обѣду, какъ человѣкъ очень умный, профессоръ Марсовъ, учившій дочерей княгини греческому языку; изъ другихъ мужчинъ были выбраны по большей части савонники — друзья князя; кромѣ того, на обѣдъ налетѣло больше десятка пестрыхъ и прелестныхъ, какъ бабочекъ, молодыхъ дамъ.

Н... входитъ; но мы ловимъ его не на его официальномъ поклонѣ хозяйкѣ, не въ то время, когда онъ почти дружески пожималъ руку хозяйина, ни даже тогда, когда, сидя уже за столомъ по правую руку хозяйки, послѣ съѣденнаго супа, онъ начиналъ ей запускать кое-что о супахъ-консервахъ, ни въ тотъ моментъ, когда князь, ставъ на ноги, возвѣстилъ тостъ за здоровье Н..., какъ за здоровье знаменитѣйшаго путешественника, а княгиня, дружески пожимая ему руку, проговорила съ удареніемъ: «и я пью!» На все это Н... отвѣтилъ краткими и исполненными чувства словами, но и только! Онъ зналъ, что минута его еще не настала, и былъ цѣломудренно скромнень. Она настала, когда онъ остался въ прекрасномъ кабинетѣ, освѣщенномъ, по тогдашней модѣ, восковыми свѣчами, въ совершенно интимномъ кружку князя, княгини, профессора Марсова, и двухъ-трехъ дамъ, самыхъ искреннихъ его почитательницъ. Н... сидѣлъ на покойномъ креслѣ; безпечная голова его была завнута назадъ, коротенькія ножки утопали въ коврѣ; ощущая въ желудкѣ пріятный вкусъ высокоцѣннаго рейнвейна, онъ по крайней мѣрѣ съ частъ описывалъ разницу между Европою и затропическими странами.

— Наконецъ, женщины затропическія! воскликнулъ онъ заключеніе и поцаловалъ при этомъ кончики своихъ пальцевъ.

Княгиня на короткое мгновеніе переглянулась съ прочими дамами.

— On dit... pardon, это—московскіе слухи... on dit, que vous avez été marié à une petite negresse.

Н... стыдливо потупляетъ глаза.

— Non, на мавританкѣ, отвѣтилъ онъ вполголоса.—Это—маленькое племя, живущее около Триполя, продолжаетъ онъ, вздохнувъ и какъ-бы предавшись воспоминанію.

— Вы были, значить, и въ Африкѣ? спросилъ его съ мрачнымъ видомъ Марсовъ.

— Мой Богъ, я былъ въ Африкѣ вездѣ, гдѣ только могла быть нога человѣческая.

Говоря точнѣе, нога Н... ни на одномъ камнѣ Африки не была, и онъ только въ зрительную трубку съ корабля видѣлъ ея туманные берега.

— Я былъ, наконецъ, плѣнникъ: меня консулъ александрійскій вымѣнялъ на слова!

— Почему же александрійскій консулъ? вмѣшался въ разго-

воръ князь. Онъ всегда интересовался дипломатическимъ корпусомъ и считалъ его почему-то близкимъ себѣ.

— Очень просто! отвѣчалъ N... и въ творческой головѣ его создавалась уже дѣлая картина:—это случилось на пути моемъ къ Тунису. Я ѣхалъ съ маленькимъ караваномъ... ночью... по степи полнѣйшей... только и видно, какъ желтое море песку упирается въ самое небо, на которомъ, какъ-бы исполненной рукою, выкинуть свѣтлый шаръ луны, дающій тѣнь и отъ васъ, и отъ вашего верблюда, и отъ вашего вьюка—а тамъ вдали мелькаютъ оазисы съ зеленѣющими пальмами, которыя передъ вами скорѣе рисуются черными, чѣмъ зелеными очертаніями; воздухъ прозраченъ, какъ стекло... Только вдругъ на горизонтѣ пыль. Проводники наши, какъ увидели это, сейчасъ поворотили лошадей въ противоположную сторону и маршъ! «Что такое?» спрашиваемъ ихъ. «Бедуины», отвѣчаетъ намъ толмачъ, и представьте себѣ—мы безъ всякой защиты, въ пустынѣ, которая малѣйшимъ эхомъ не отвѣтитъ на самые ваши страшные, предсмертные крики о помощи...

— Ужасно! проговорила княгиня.

— Ужасно! повторили и прочія дамы.

N... продолжалъ:

— Пыль эта, разумѣется, вскорѣ же превратилась въ людей; люди эти насъ нагнали. У меня были съ собой золотыя часы, около сотни червонцевъ. Спросили они меня черезъ переводчика:—«Кто я такой?» Отвѣчаю: «Русскій!» Совѣтъ они между собой какой-то сдѣлали, послѣ котораго купцовъ ограбили и отпустили, а меня взяли въ плѣнъ. Толмачъ, однако, мнѣ говорить, что все дѣло въ деньгахъ: стобить только написать какому-нибудь нашему консулу, чтобы онъ меня выкупилъ. «Но какой же, думаю, консулъ на африканскомъ берегу? Самѣй ближайшій изъ нихъ александрийскій». Кромѣ того спрашиваю: «Какъ же я напишу ему?» «Ваше письмо, говорятъ, или съ нарочнымъ пошлютъ, или просто по почтѣ». Между всѣми европейскими консулами и этими разбойничьими шайками установлено прямое сообщеніе.

Проговора это, N... нѣсколько пріостановился. «Ну какъ, подумайте онъ, этого ничего нѣтъ, да и быть, вѣроятно, не можетъ!»

— Впослѣдствіи, впрочемъ, оказалось, продолжалъ онъ:—что эти самые толмачи и наводятъ караваны на шайки, а послѣ и дѣлятъ съ ними добычу...

Марсовъ при этихъ словахъ повернулся на стулѣ.

— Какъ же толмачъ можетъ навести? Его дѣло—переводить съ языка, а по дорогѣ вести—дѣло проводника! проговорилъ онъ своимъ точнымъ языкомъ.

— О, эти два ремесла всегда въ одномъ лицѣ соединены! воскликнулъ N...

— Да вѣдь вы сами же сказали, что проводники ваши ускакали, а толмачъ при васъ остался.

— То не проводники, а военная стража—только! возразилъ N...

— То военная стража! подтвердилъ и хозяинъ.

Марсовъ незамѣтно для другихъ пожалъ плечами и замолчалъ.

— Что же васъ въ плѣну держали въ тюрьмѣ, подъ надзоромъ? употребляли на какия нибудь работы? спросила княгиня съ участіемъ.

— О, нѣтъ, напротивъ! воскликнулъ N... (до какой степени онъ быстро творилъ въ этомъ разговорѣ—удивляться надо).—Я жилъ въ очень маленькомъ селеньцѣ, состоящемъ изъ глиняныхъ саклей—по загородамъ бананы растутъ, какъ наши огурцы; въ какое нибудь драгоценнѣйшее фиговое дерево, вы вдругъ видите... для чего-то воткнуто желѣзное орудіе въ родѣ нашей пѣшши, и на ней насажена мертвая баранья голова...

— Что же, къ консулу вы писали? перебилъ его князь.

— Писалъ... Съ однимъ купцомъ, дружественнымъ этому селенію, письмо мое было отправлено.

— Что жъ онъ вамъ отвѣчалъ? продолжалъ князь. Онъ рѣшительно во всемъ этомъ разговорѣ только и заинтересовался, что консуломъ и отчасти военною стражею, названною проводниками.

— Консулъ отвѣчалъ, продолжалъ N...:—что онъ для выкупа плѣнныхъ совершенно не имѣетъ суммъ; но въ то же время, принимая тамъ во вниманіе мое имя, какъ литератора и путешественника, и цѣня высоко услуги, оказанныя мною отечеству, и прочія тамъ любезности, онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ моему положенію и имѣетъ для этого одинъ способъ: есть у него казенный слонъ, подаренный однимъ сосѣднимъ беємъ. Слона этого ему предписано продать, и онъ уже отдалъ его купцу, привезшему мое письмо, а тотъ обѣщалъ за это меня выкупить. Такъ меня и обмѣняли... на слона!

— А когда же ваша женитьба состоялась? спросила княгиня. Въ противоположность мужу, ее болѣе интересовала поэтическая сторона плѣна N...

— А вотъ въ этотъ промежутокъ времени между моимъ плѣномъ и освобожденіемъ.

— Однако позвольте! возразила вдругъ княгиня, прищуривъ глаза: — тутъ для меня есть маленькое недоразумѣніе. Вы говорите, что васъ взяли въ плѣнъ бедуины, а женились вы, между тѣмъ, на мавританкѣ, тогда какъ одно племя вочующее, а другое— осѣдлое...

(Изъ этихъ словъ читатель можетъ видѣть, до какой степени княгиня была учена).

— О, Богъ мой! воскликнула ей на это N... Это по географіи вѣдь только такъ!... На самомъ же дѣлѣ, богъ-знаетъ какое племя мавританское или бедуинское, племя—только, съ тѣми же воинскими наклонностями, съ тою же дикостью нравовъ.

Марсовъ при этомъ опять незамѣтно для другихъ насмѣшливо улыбнулся; но княгиня осталась довольна этимъ объясненіемъ.

— Подробности вашего брака? спросила она уже нѣсколько лязгавымъ голосомъ.

— Подробности очень обыкновенны! протянулъ N... (онъ въ это время предумывалъ), очень даже обыкновенны! монтерилъ онъ:—приходить ко мнѣ разъ съ моимъ толмачомъ малый изъ туземцевъ, чрезвычайно красивый изъ себя, по обыкновенію, бритый, съ чупомъ на головѣ, какъ у нашихъ малороссіянъ. «Не желаешь ли, говоритъ, князь, жениться?» Я посмотрѣлъ на него. «У меня есть сестра красавица. Князь, можешь жениться на ней на мѣсяць, на два, на годъ.»

— И вы женились? замѣтила княгиня упоризненно.

— Женился!

— На мѣсяць, на два? продолжала княгиня насмѣшливо.

— Нѣтъ, на два года.

— Не вѣрю! возразила княгиня, кивнувъ отрицательно головой.

— Увѣряю васъ! сказалъ искреннимъ голосомъ N... Довольно страненъ обрядъ ихъ вѣчанья: если вы женитесь на полгода, васъ обводятъ полкруга, на годъ — цѣлый кругъ, на два — два круга.

— Кто же это вѣщаетъ у нихъ? спросилъ почти озлобленнымъ голосомъ Марсовъ.

— Мулла; они—магометане! Совершенно какъ у насъ въ Крыму: вы можете на татарѣхъ жениться на мѣсяць, даже на недѣлю, отвѣчалъ, не запнувшись, N... (Онъ собственно только и слыхалъ, что нѣчто подобное въ Крыму будто-бы существуетъ).

— Скажите, вы вашу жену тамъ на родинѣ и оставили? продолжала княгиня.

— Нѣтъ, я ее привезъ въ Европу, и надобно было видѣть восторгъ этого ребѣнка всему: и кораблю, и городамъ нашимъ, и дилижансамъ; на каждомъ почти шагѣ она вскрикивала, смѣялась, кланялась въ ладоши; въ Парижѣ передъ каждымъ дамскимъ магазиномъ она рѣшительно замирала и все мнѣ говорила: «Какъ бы хорошо это украсть!»

— Какъ, украсть? воскликнули въ одинъ голосъ оставшіяся слушать Н. дамы...

— А такъ украсть, отвѣчалъ онъ имъ съ лукавой улыбкою.

— Очень просто, я думаю, разрѣшила княгиня:—воровство у нихъ, вѣроятно, считается никакъ не порокомъ, а добродѣтелью.

— И очень большое... Старшины ихъ обыкновенно говорятъ: «Я старшина, потому что укралъ сорокъ жеребцовъ и тридцать матокъ.»

Лицо княгини, между тѣмъ, приняло опять серьезное, чтобы не сказать строгое, выраженіе.

— Гдѣ жъ теперь жена ваша? спросила она, уставя на Н. пристальный взглядъ.

— Въ могилѣ! отвѣчалъ онъ со вздохомъ и понуривъ голову.—Въ Лондонѣ мнѣ надобно было довольно долго пробить для подробнаго описанія начинающаго тамъ устроиваться пароходнаго завода; она не перенесла климата и умерла.

— Mais on dit, que vous aviez un enfant de cette femme? продолжала княгиня тѣмъ же строгимъ голосомъ. Дамы, какъ извѣстно, о всѣхъ хоть сколько нибудь вольныхъ предметахъ предпочитаютъ говорить пофранцузски, будучи твердо увѣрены, что этотъ благородный языкъ способенъ облагородить все, даже неблагородное.

— Oui! отвѣчалъ ей въ тонѣ пофранцузски Н.... но и ребѣнокъ вскорѣ вслѣдъ за матерью отправился, прибавилъ онъ опять съ печалью.

— Monsieur! начала одна изъ оставшихся его слушать дамъ, покраснѣвъ до конца своихъ хорошенькихъ ушей и видимо сжигаемая съ одной стороны любопытствомъ, а съ другой — стыдомъ: — dites moi, de quelle couleur était votre enfant?

— Café au lait! отвѣчалъ Н... и при этомъ самъ даже не могъ удержаться и засмѣялся.

Марсовъ этого ужъ не выдержалъ. Онъ всталъ, порывисто пе-

монился общими поклономъ всему обществу и, проговоривъ лаконически: «прощайте-съ!», вышелъ какой-то угрожающей походкой.

Всю Поварскую и Нивитскую онъ шель, поруженный въ глубокую задумчивость и все что-то шепталъ про себя: человекъ этотъ всю свою молодость воспиталъ въ мудромъ уединеніи, и при этомъ, имѣя отъ природы слонаобразную наружность и густой, необразованный голосъ, онъ въ обществѣ былъ молчаливъ и застѣнчивъ до дикости, но такъ-какъ отъ природы былъ наделенъ сильной фантазіей и живымъ воображеніемъ, то любилъ поговорить дома, особенно выпивши (несчастливая привычка, полученная имъ еще въ бурсѣ: Марсовъ происходилъ изъ духовнаго званія) и поговорить, попреимуществу, въ присутствіи Гани, женщины изъ простаго званія и хоть неосвященной бракомъ, но тѣмъ не менѣе вѣрной и нѣжной его подруги. Въ глазахъ ея, онъ какъ-бы постоянно хотѣлъ казаться окруженнымъ ореоломъ и-metaющимъ стрѣлы краснорѣчія на диспутахъ, которые будто-бы онъ имѣлъ съ разными господами военными и статскими (Уваженіе къ диспутамъ въ немъ тоже осталось отъ семинаріи: «они изощряютъ умъ, волнуютъ сердце благороднѣйшими страстями и укрѣпляютъ характеръ человека!» говаривалъ онъ). Последній случай у князя, конечно, послужилъ обильнѣйшимъ источникомъ для бесѣды на эту тѣму. Почтенный педагогъ, придя къ себѣ въ квартиру и едва перемѣнивъ свой синий фракъ на покойный и засаленный халатъ, сейчасъ же воскликнулъ:

— Ганя, водки!

Его вульгарный желудокъ даже и не помнилъ о тѣхъ гастрономическихъ сокровищахъ, которыя онъ сейчасъ только проглотилъ, и вовсе не считалъ за святотатство отравить все это сивухой. Ганя (претолстое и предобродушнѣйшее существо), зная хорошо привычки своего патрона, немедля поставила передъ нимъ огромный графинъ водки, пирогъ съ говядиной и лукомъ, и сама сѣла тутъ же рядомъ чай пить.

— Выпилъ бы напередъ чайку-то! сказала она.

— Выпью! отвѣчалъ профессоръ, и вмѣсто того выпилъ рюмку водки, закусилъ ее пирогомъ, потомъ еще рюмку, и еще рюмку. Впечатлѣніе лжи человѣческой на этотъ разъ очень сильно подействовало на Марсова: ротъ его перекосялся, или, какъ выражались хорошо знавшіе своего наставника студенты—застегнулся на правое ухо, что всегда означало, что этотъ добрый человекъ находился въ озлобленномъ и насмѣшливомъ расположеніи духа.

— Видѣлъ я, сударыня, путешественника знаменитаго! отнесся онъ къ Ганѣ, качнулъ затѣмъ головой и сдѣлалъ такую мину, что Ганя сразу поняла, какъ держать себя въ этомъ разговорѣ.

— Мало ли ихъ знаменитыхъ! — сказала она съ насмѣшкой.

— Именно... мало ли!... подхватилъ Марсовъ и захотѣлъ громкимъ каменнымъ смѣхомъ: — знаешь, какъ трещотка: тр-тр-тр... А я нѣтъ, погоди, баринъ, постой! и началъ ему въ колесо-то гвозди забивать — разъ гвоздь, два, три...

Читатель видѣлъ, какъ почтенный педагогъ скромно и умѣренно это дѣлалъ. Но Ганя притворилась, что всему этому вѣрить, и даже какъ-будто-бы обезпokoилась этимъ.

— Да тебѣ что за дѣло? вездѣ вьжется!...

— И вьжусь! расхорохорился Марсовъ.—Я ему сказалъ, что онъ *ажецъ!* (многоуважаемый педагогъ, можетъ быть, думалъ это; но мысли его, какъ мы знаемъ, рѣшительно не перешли въ звуки). Я диспутировать могу, продолжалъ онъ; ставь мнѣ свое положеніе, я обстрѣливаю его со всѣхъ сторонъ.— Я ставлю мое—стрѣлай и ты! А что это-то тр-тр-тръ, такъ я ихъ заторможу—стой!

— Вотъ этакъ ты и старшимъ-то тормозишь, и не даютъ до сихъ поръ генерала! возразила Ганя. Ганѣ и самому Марсову ужасно хотѣлось, чтобы онъ былъ генералъ.

— И буду имъ тормозить: — врутъ они! (въ сущности Марсовъ никому изъ начальства слова грубаго не сказалъ). Теперь Михайло Смирновъ генералъ, а чья голова вѣрнѣе—его или моя?

— Кто васъ знаетъ! возразила Ганя: — у обѣихъ вѣрнѣе, по штофу выпьете — ничего!

Старикъ улыбнулся.

— Дура! сказалъ онъ протяжно: — рѣчь Михайла Смирнова—вѣтръ палатій, на воображеніи слушателей играющій, а мое слово — молотъ желѣзный, по мозгу бьющій.

— Ой-да большій молотомъ-то, чѣмъ вѣтромъ.

— За то прочнѣй! повторилъ нѣсколько разъ старикъ.

Ганя поспѣшила подавать ужинать, но ей долго еще пришлось послушать, какъ Марсовъ гвозди вбивалъ въ рассказы путешественника.

Хорошій былъ человѣкъ, справедливый, честный, а дома все-таки прихвастнуть любилъ!

А. Писемскій.

Москва. 16 сентября 1864 года.

(Продолженіе будетъ).

МНѢНІЯ БОКЛЯ О СОЧИНЕНІЯХЪ МИЛЛЯ,

(О ФИЛОСОФІИ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ, О ТРУДѢ, КАПИТАЛѢ, РЕЛИГІИ И ДРУГИХЪ ПОУЧИТЕЛЬНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ).

(Essays, by H. T. Buckle. 1864).

Статья первая.

Предлагаемою нами, до сихъ поръ непереведенною статьею Бокля, мы намѣрены доставить великое огорченіе многимъ нашимъ русскимъ поклонникамъ англійскаго философа-историка. Но, что дѣлать, такова наша обязанность: мы первые познакомили русскую публику съ Боклемъ, мы же должны и *вплоть* познакомить съ нимъ.

Кто теперь не знаетъ Бокля въ Россіи? какой юноша не клянется и не боится имъ, какъ клялись Юпитеромъ въ классическія времена? Иностранцевъ, по правдѣ сказать, немного удвѣляетъ такая громадная у насъ репутація этого писателя; онъ пользуется и за границей почетомъ, но между почетомъ и обожаніемъ—большая разница. У насъ же именно онъ пользуется «обожаніемъ» буквально, въ институтскомъ значеніи этого слова. Вотъ это-то институтское обожаніе мы и намѣрены, съ полнымъ жестокосердіемъ, разрушить, чтобы вмѣсто обожанія окружить Бокля тѣмъ почетомъ, который долженъ пользоваться всякій добросовѣстный и преданный наукѣ ученый.

Много грѣха припала на свою душу редація «Отеч. Зап.», заговоривъ о Боклѣ (въ 1860 и 1861 годахъ) и настоячиво переводя изъ него, главу за главой, почти весь первый томъ, въ которомъ изложены общія воззрѣнія Бокля. Сочиненіе это сначала удивило многихъ, и многие не знали, какъ къ нему отнестись. Хорошо-то хорошо, говорили они, да что скажутъ вожди... И одинъ изъ нихъ сказалъ: «Я во всемъ согласенъ съ Боклемъ, во всемъ одобряю его и рекомендую всѣмъ читать его; я несогласенъ съ нимъ только въ отзывѣ о французскихъ энциклопедистахъ. Во всемъ прочемъ я согласенъ съ нимъ» (*).

(* См. «Совр.» 1861 г. *Полемиическія красоты*.

Такъ высказался авторъ «Полемиическихъ Красотъ», нападая на «Отеч. Зап.», преимущественно за то, что онѣ *рѣшились* переводить Бокля, котораго слѣдовало бы переводить въ «Современникѣ», но «Современникъ» почему-то прозѣвалъ этого писателя. И тогда же «Отеч. Зап.» признаны виновными, что печатали произведенія этого передоваго изъ передовыхъ писателей, надежду и отраду нашихъ юношей—этого писателя, который чуть-чуть не говорилъ (но ему, Боклю, подсказывали въ одной журналѣ), что кофе — произвелъ реформацію, а чай — многія революціи, ибо Бокль допускалъ вліяніе физическихъ причинъ на историческій ходъ событій. Тамъ и тогда же было объявлено кстати, что г. Антоновичъ подаетъ большія надежды. Сказано это было безъ признака сомнѣнія въ своихъ словахъ, и всѣ увѣрвали насчетъ участія чаю и кофе въ политическихъ и религиозныхъ революціяхъ Западной Европы, насчетъ г. Антоновича, насчетъ вѣрованій Бокля, перваго историка, освѣтившаго цитьемъ воды или вина, кофе или чаю, самыя трудныя задачи исторіи. Такъ у насъ поняли Бокля многочисленныя послѣдователи автора «Полемиическихъ красотъ». Отсюда, что ни шагъ дальше, то слѣдовали подобнаго же рода открытія... Тутъ все было хорошо, хотя въ 1865 году уже многому изъ этого не вѣрится. А всего три года раздѣляютъ насъ!

Наша публика очень охотно приняла все это на слово въ 1861 году, а извѣстная партія записала Бокля въ число «своихъ» и съ тѣхъ поръ не проходило мѣсяца, чтобы не говорили о Боклѣ. Довольно будетъ, если мы скажемъ, что «Искра» и до сихъ поръ защищаетъ Бокля такъ же, какъ она защищаетъ Обличительнаго поэта, отъ всякой невзгоды. Но каковъ же будетъ комизмъ, когда всѣ эти заступники Бокля прочтутъ предлагаемую статью!.. Бокль сейчасъ же будетъ приписанъ къ тѣмъ вокабуламъ (Катковъ, Аксаковъ, Тургеневъ, Писемскій и проч. и проч.), безъ которыхъ *они* не могутъ начать ни одной статьи, хотя бы то было о музыкѣ или сгржахъ. Бокль оказывается поборникомъ капитала, ренты, духовныхъ вопросовъ и высшихъ задачъ религіи. Тутъ ужъ совершенно теряешься, какъ было понимать слова «Современника», что *онъ* согласенъ во всемъ съ Боклемъ! Бокль, напримѣръ, посвятилъ свою статью восхваленію «Политической Экономіи» Милля и называетъ ее верховъ государственной мудрости, соединенной съ теоретическими выводами ученаго—«Современникъ» печаталъ цѣлый рядъ толкованій на Милля, въ которыхъ доказывалъ, что Милль рутинеръ школы Адама Смита и опровергалъ одно за другимъ всѣ положенія Милля! А между тѣмъ, и «Современникъ» и Бокль — были во всемъ между собою согласны! Въ концѣ своей статьи, говоря о свободѣ въ дѣлахъ религиозныхъ, Бокль совершенно напоминаетъ тѣ семинарскія тетрадки, которыми корили г. Юревича.

Что жъ это такое? спросить читатель! Что за мистифкація производилась съ нами въ теченіе четырехъ лѣтъ? Какъ же это

вась могли надуть такъ журналы и подмѣнить настоящаго Бокля? Намъ выдали за него Лже-Бокля? Бываетъ и это, читатель, въ нашей литературѣ; вѣдь были же въ нашей исторіи Лжедмитріи!

Пусть этотъ урокъ послужитъ публикѣ новымъ доказательствомъ старой истины: «не все то золото, что блеститъ». Ибо какъ ни блестящи такіе афоризмы, какъ, напримѣръ: «сапоги лучше Шекспира, а г. Антоновичъ лучше сапоговъ», или «знаніе вредно», или «Тургеневъ и Асоченскій одно и то же»—однакоже не слѣдуетъ и этимъ истинамъ вѣрить безъ нѣкотораго сомнѣнія. Такова мораль предлагаемой статьи. Публика нѣкоторымъ изъ блестящихъ афоризмовъ не повѣрила вполне: напримѣръ, она не сознается, чтобы сапоги были лучше Шекспира, чтобы Тургеневъ совершенно былъ равенъ Асоченскому, но она еще вѣритъ, что ученіе вредно, что г. Антоновичъ философъ, что Бокль и «Современникъ» думаютъ одинаково. На этотъ разъ мы намѣрены разубѣдить публику только въ этомъ послѣднемъ афоризмѣ, составленномъ тогда по опрометчивости и въ разгарѣ полемики.

Предлагаемую статью мы заимствуемъ изъ вышедшей въ прошломъ году книжки: *Essays by H. T. Buckle*. Другая статья, помѣщенная въ этой книжкѣ: *О вліяніи женщины на успѣхи знанія*, переведена уже въ прошломъ году, и всѣмъ извѣстна. Статья, которую предлагаемъ, написана по поводу сочиненій Милля.

Ред.

Еслибъ былъ созданъ судъ присяжныхъ изъ величайшихъ европейскихъ мыслителей съ той цѣлью, чтобы рѣшить, кто изъ современныхъ писателей содѣйствовалъ болѣе другимъ успѣхамъ знанія, то едва-ли бы судъ задумался произнести имя Джона Стюарта Милля. И, безъ сомнѣнія, потомство утвердило бы этотъ приговоръ. Никакой другой человекъ не занимался такимъ множествомъ задачъ, столь важныхъ и, въ то же время, столь сложныхъ. Исслѣдованные имъ вопросы касаются, съ одной стороны, практическихъ интересовъ каждаго члена общества, а съ другой—самыхъ тонкихъ и самыхъ сокровенныхъ отправленій человѣческаго ума. Касаясь предмета даже мимоходомъ, онъ проникаетъ, однако, въ его глубину. Между этими крайностями лежитъ безчисленное множество предметовъ, которые онъ разбираетъ всегда съ большимъ умѣньемъ, часто съ замѣчательнымъ успѣхомъ. По этимъ предметамъ, практическимъ или умозрительнымъ, на его авторитетъ безпрестанно ссылаются, и его выводы принимаются даже людьми, которые неспособны прослѣдить доводовъ, оправдываю-

щихъ его заключенія. Есть у насъ писатели, замѣчательные глубокою своею мысли; и другіе, полезныя иниціативою. Но особенность Милля состоитъ именно въ томъ, что въ немъ оба эти качества счастливѣе соединены, чѣмъ въ комъ-либо другомъ изъ современниковъ. Вотъ почему онъ такъ же искусенъ въ изслѣдованіи дѣйствія общихъ причинъ, какъ и въ прозрѣніи результата частныхъ мѣръ. Потому же его вліяніе гораздо больше, чѣмъ это было бы возможно при другихъ условіяхъ. Онъ не только указываетъ на болѣе обширную сферу интересовъ, чѣмъ это способенъ сдѣлать кто нибудь другой изъ живыхъ писателей, но своимъ полнымъ знаніемъ специальныхъ и практическихъ подробностей, доказываетъ, что, какъ бы ни были утонченны и трудны для обыкновеннаго пониманія принципы, но они могутъ быть приложены къ дѣлу съ гораздо меньшею опасностью потрясеній общественнаго порядка и существующихъ установленій, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Этимъ путемъ онъ часто обезоруживалъ противниковъ и побуждалъ практическихъ людей принимать на практическихъ основаніяхъ выводы, съ которыми согласиться не заставляли бы ихъ никакіе научные доводы, какъ бы ни были они сильны и многочисленны. Убѣждая, однимъ путемъ—отвлеченныхъ мыслителей, другимъ—политическихъ дѣятелей, онъ дѣйствуетъ на оба противоположные стана, и, такимъ образомъ, представляетъ рѣдкій, между самыми смѣлыми и оригинальными философами, примѣръ успѣха, неограниченнаго одобреніемъ небольшого кружка законодателей и администраторовъ, равнодушныхъ къ его высшимъ обобщеніямъ, придерживающихся исключительно своего ремесла и неспособныхъ возвыситься надъ осторожною рутинною ежедневнаго опыта.

Это увеличило его вліяніе во многихъ отношеніяхъ. Потому что крайне рѣдко случается встрѣтить человѣка одинаково превосходнаго, въ теоріи и практикѣ, даже трудно встрѣтить человѣка, стремящагося къ этому. Между этими двумя формами превосходства существуетъ не только различіе, но и противоположность. Практика стремится къ непосредственно-близкому, умозрѣніе—къ далекому. Первая изслѣдуетъ мелкія и частныя причины, другое—разбираетъ причины широкія и общія. Въ практической жизни самые мудрые и здравомыслящіе люди избѣгаютъ умозрѣній для обезпеченія себѣ успѣха, потому что, ограничивая сферу своей дѣятельности, они тѣмъ самымъ увеличиваютъ силу, дающую имъ власть надъ событіями. Между тѣмъ,

въ умозрительной жизни, порадогь совершенно обратный: здѣсь тѣмъ шире сфера, тѣмъ выше власть, и задача философа состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать обобщеніе возможно-широкимъ; другими словами, онъ долженъ стать какъ можно выше надъ явленіями, съ которыми имѣеть дѣло. Причина этого противорѣчія, какъ кажется, въ томъ, что непосредственное вліяніе какого-нибудь дѣйствія обыкновенно опредѣляется причинами, собственными именно дѣйствию и какъ-бы лежащими въ немъ самомъ, между тѣмъ какъ отдаленное вліяніе этого самаго дѣйствія обуславливается причинами, лежащими внѣ его, то-есть общимъ состояніемъ окружающихъ обстоятельствъ. Частныя причины дѣйствуютъ быстро; но для того, чтобы заставить дѣйствовать общія причины, требуется не только обширность сферы, но и продолжительность времени. Для философскаго ума, дѣйствія одного лица имѣють мало значенія; для практическаго ума, они—все. Человѣкъ, привышій къ обобщенію, засмѣется, услыхавъ, что Лютеръ произвелъ реформацію, что Бѣконъ низвергнулъ древнюю философію, что Вильгельмъ III спасъ свободу Англіи, что Ромвлли гуманизировалъ наши уголовныя законы, что Кларксонъ и Уильберфорсъ уничтожили рабство, и что Грэй и Врумъ даровали намъ реформу. Онъ смѣется надъ подобными утвержденіями, потому что хорошо знаетъ, что такіе люди, какъ бы они ни были полезны, могутъ быть признаваемы только орудіями дѣла, которое должно было совершиться уже по силѣ и накопленію предъидущихъ обстоятельствъ. Они были орудіями—весьма пригодными къ дѣлу, но не болѣе. Въ большинствѣ событій, отдѣльныя личности не только безсильны для добра, но, къ счастью для человѣчества, безсильны и для зла. Неронъ и Доминіанъ причинили огромный вредъ; но всякій слѣдъ его теперь исчезъ. Обстоятельства, которыя современники считаютъ наиболѣе важными, и которыя фактически, на короткое время, дѣйствительно важны, постоянно, съ теченіемъ времени, оказываются самыми незначительными. Они, какъ метеоръ, освѣщаютъ толпу своимъ блескомъ и затѣмъ исчезаютъ безслѣдно. И потому, Монтеस्कѣ, въ высшемъ смыслѣ философіи, былъ правъ, говоря, что римская республика была низвергнута, не какъ обыкновенно думаютъ, честолюбіемъ Цезаря и Помпея, но тѣмъ положеніемъ вещей, которое сдѣлало возможнымъ успѣхъ ихъ честолюбивыхъ замысловъ. Такъ оно дѣйствительно и было. Причины, долго сбравшіяся, издавна вліявшія, накопились и вѣрныя до тѣхъ поръ, пока ихъ со-

единенная сила стала неотразимой, а республика созрѣла для гибели. Она ветшала, распатывалась, была подкапываема въ основаніи, и тогда, когда все было готово и она вклонилась къ паденію, выступили Цезарь и Помпей. Но потому, что они нанесли послѣдній ударъ, неужели мы должны серьезно вѣрить, что они виновники развязки, которая стала неизбежною по ходу событій, когда Цезаря и Помпея еще не было на свѣтѣ?

Значительное большинство людей будетъ, однако, настойчиво держаться за Цезаря и Помпея, то-есть оно будетъ всегда предпочитать изученіе ближайшихъ причинъ изученію отдаленныхъ. Это связано съ другимъ, болѣе основнымъ различіемъ, въ силу котораго жизнь для людей дѣла есть—искусство, для людей мысли—наука. Мы находимъ, что каждая цивилизованная нація раздѣляется на два разряда людей, соответствующихъ этимъ двумъ группамъ. Одни люди изслѣдуютъ событія; обращая вниманіе на то, что въ нихъ есть наиболѣе частнаго; другіе смотрятъ на то, что они представляютъ наиболѣе общаго. Это — антагонизмъ существенный, обусловленный природою вещей. Дѣйствительно, онъ такъ рѣзокъ, что примирить эти два метода возможно развѣ умамъ, одареннымъ не только весьма большою силою, но силою особаго рода; овладѣть этими двумя методами возможно только человеку, въ высшей степени замѣчательному. Даже изъ величайшихъ мыслителей многіе слишкомъ извѣстны были своимъ невѣдѣніемъ житейскихъ дѣлъ и своимъ невниманіемъ къ практическимъ, будничнымъ интересамъ. Изучая науку жизни, они пренебрегали искусствомъ жить. Причина въ томъ, что подобные люди, несмотря на свой геній, въ сущности односторонни и узки, и, къ несчастію для нихъ самихъ, они неспособны или непривычны подмѣчать дѣйствіе мелкихъ и ближайшихъ причинъ. Занятые далекимъ и общимъ, они не видятъ непосредственнаго и случайнаго. Они жертвуютъ дѣйствительнымъ для идеальнаго. По ихъ мнѣнію, всё явленія подлежатъ наукѣ, то-есть тому, что можетъ быть познаваемо; между тѣмъ, на противоположный взглядъ тѣ же самыя явленія подлежатъ искусству, то-есть тому, что можетъ быть выполняемо. Совершенный умъ соединилъ бы оба воззрѣнія и опредѣлилъ бы для каждаго относительное значеніе; но таковой подвигъ — крайняя рѣдкость. Можно сомнѣваться, существовало ли болѣе одного примѣра, чтобы подвигъ этотъ былъ выполняемъ съ постояннымъ успѣхомъ. Едва-ли можно назвать, что примѣръ этотъ представляетъ Шекспиръ. Ни одинъ другой

человѣкъ не умѣлъ сочетать вполне далекаго съ ближайшимъ, общаго съ частнымъ, отвлеченнаго съ реальнымъ. Ни одинъ другой умъ не умѣлъ связать съ такимъ совершенствомъ умозрѣній высшей философіи съ мельчайшими подробностями будничной жизни. Шекспиръ овладѣвалъ обѣими противоположностями и пополнялъ все промежуточное пространство. Онъ зналъ и человѣка, и людей. Онъ думалъ такъ же глубоко, какъ Платонъ или Кантъ. Онъ наблюдалъ такъ же точно, какъ Диккенсъ или Тэккерей.

О комъ другомъ можно сказать то же самое? Другіе философы, большей частью, слѣдша достигнуть вершины, не замѣчаютъ встрѣчающагося на пути. Отсюда происходитъ ненормальное явленіе, представляемое многими самыми глубокими мыслителями, которые были невѣжды въ томъ, что для нихъ постыдно было не знать, и не умѣли управлять даже собственными своими дѣлами. Можно легко угадать, какого рода совѣты они способны были давать другимъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что еслибъ въ какой нибудь вѣкъ, была принята половина хоть тѣхъ совѣтовъ, которые могли быть поданы способнѣйшими людьми, то этотъ вѣкъ былъ бы ввергнутъ въ самое дикое смятеніе. Платонъ былъ самый глубокій мыслитель древности; а между тѣмъ, въ своей *Республикѣ* и въ своемъ *Трактатѣ о законахъ*, онъ предлагалъ вещи до того негнѣныя, что едва-ли можно ихъ читать безъ смѣха. Аристотель, немного уступающій Платону по глубинѣ и далеко превосходящій его по обширности ума, требовалъ на чисто-умозрительныхъ основаніяхъ, чтобы никто не платилъ и не бралъ процентовъ за пользование деньгами. Мысль эта, еслибъ она приведена была въ дѣйствіе, привела бы къ самымъ пагубнымъ результатамъ, остановила бы накопленіе богатства, и слѣдовательно отодвинула бы на неопредѣленное время цивилизацію міра. Въ новѣйшія, какъ и въ древнія времена, построены были философскія системы, которыя заключаютъ предположенія и насильственно выводятъ заключенія, несомвѣстныя съ практическими интересами общества. Нѣмцы — самые глубокіе философы Европы, и именно въ ихъ-то странѣ это стремленіе наиболее явственно. Кантъ, послѣ Декарта — самый всеобъемлющій мыслитель Франціи, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи обдуманно защищалъ, и желалъ организовать планъ политики, столь чудовищно и очевидно непрактическій, что еслибъ сочиненіе это было переведено на англійскій языкъ, то здравомыслящіе люди нашего острова были бы поражены изумле-

ніемъ и, вѣроятно, предложили бы, ради собственной пользы автора, покрѣпче запретить его. Да и намъ именно въ этомъ отношеніи нечѣмъ гордиться. Еслибъ былъ изданъ списокъ всѣхъ практическихъ предложеній, сдѣланныхъ нашими величайшими мыслителями, то невозможно было бы и придумать документа, который сильнѣе подрывалъ бы репутацію умозрительныхъ философовъ. Эти философы въ теоріи всегда опережаютъ вѣкъ, а въ практикѣ отстаютъ отъ него. Фридрихъ-Великій, можетъ быть, былъ ближе и короче знакомъ съ ними, чѣмъ какой либо другой столь же могущественный государь; кромѣ того, онъ восхищался ими, ухаживалъ за ними, и, какъ писатель, въ нѣкоторой степени принадлежалъ къ нимъ; но даже и онъ — и это неудивительно — высказалъ свое мнѣніе объ ихъ практической неспособности въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. «Еслибъ» — говорить, сказалъ онъ: — «я захотѣлъ разорить одну изъ моихъ провинцій, въ такомъ случаѣ, я передалъ бы управление ею философамъ».

Это пренебреженіе вышней стороною вещей обнаруживается, кромѣ того, въ особой разсѣянности, которую отличались многіе философы. Ньютонъ былъ до того забывчивъ насчетъ всего, что касалось настоящей минуты, что часто не видѣлъ или забывалъ о вещахъ самыхъ необходимыхъ: не былъ увѣренъ, обѣдалъ ли онъ, и выходилъ изъ дому полураздѣтымъ, воображая все время, что онъ прилично одѣтъ. Многіе восхищаются этимъ, какъ простодушіемъ генія. Что касается меня, то въ этомъ я вижу только несчастный и гибельный законъ устройства человеческого ума, который препятствуетъ почти всѣмъ людямъ одинаково успѣшно соображать, какъ отдаленное, такъ и непосредственно близкое. Тѣ, которые понемногу занимаютъ тѣмъ и другимъ, благодаря ограниченности своего честолюбія, иногда успѣваютъ въ соображеніяхъ того и другаго рода: Это — награда за ихъ посредственность, и они, конечно, могутъ быть ею довольны. Раздробляя всю свою энергію, они соединяютъ немножко умозрѣнія съ малой толикою дѣла, немножко науки съ малой толикою искусства. Но въ самыхъ замѣчательныхъ и сильныхъ личностяхъ, мы видимъ съ весьма рѣдкими исключеніями, что совершенство одного рода исключаетъ совершенство другаго рода. Тамъ совершенство теоріи, тутъ — совершенство практики; а между обѣими цѣла бездна; черезъ которую, дѣйствительно, очень немногіе могутъ перешагнуть. Другой, еще болѣе замѣчательный примѣръ этого несчаст-

наго свойства нашей природы, представляетъ намъ Бэконъ, который, хотя и хвасталъ, что сдѣлалъ философію практичною и заставлялъ ее жить между людьми, самъ до того былъ непрактиченъ, что не могъ справиться съ событіями, но мѣрѣ наступленія, между тѣмъ, какъ все ему благопріятствовало. Съ гениемъ самаго высшаго разряда онъ соединялъ краснорѣчіе, умъ и находчивость. У него были—хорошее родство, вліятельные друзья, ловкое обращеніе, склонность къ искательству, и даже къ нѣкоторому раболѣбію. Онъ зналъ жизнь со многихъ сторонъ, онъ обращался съ разными слоями общества; у него былъ огромный запасъ опытности, и несмотря на все это; онъ не успѣлъ извлечь изъ этихъ сокровищъ практической пользы. Оставляя въ сторонѣ философа, и судя о немъ только какъ о человѣкѣ дѣла, мы должны сказать, что дѣятельность его была радомъ ошибокъ. Чего онъ болѣе всего домогался, того менѣе всего ему удавалось достигнуть. Популярность была предметомъ самыхъ горячихъ его желаній и, чтобы пріобрѣсти ее, онъ въ двухъ намятныхъ случаяхъ, оскорбилъ дворъ, милостей котораго добывался. Такъ невѣрны были, однако, его расчеты, что въ судѣ надъ Эссексомъ, въ этомъ самомъ непопулярномъ дѣйствіи царствованія Елизаветы, онъ игралъ не только видную и безчестную, но грубо неполицитичную роль. Эссексъ — мужественный и великодушный человѣкъ—былъ любимцемъ всѣхъ сословій; слѣдовательно несомнѣнно было одно, что ожесточеніе, которое Бэконъ выказывалъ противъ него, возместится на немъ же. Всѣмъ было хорошо извѣстно, что Эссексъ былъ короткій другъ Бэкона, что онъ вслѣдствіи хлопоталъ за него, и что благодаря Эссексу, ему пожаловано было весьма значительное имѣніе. Для каждаго человѣка преслѣдовать своего благодѣтеля, осипать его ругательствами во время суда надъ нимъ и, затравивъ его на смерть, нанесть наживилъ, оскорбительный для его памяти—было безуміемъ, равно какъ и низостью. Это можетъ служить однимъ изъ многихъ доказательствъ, что въ практическихъ дѣлахъ Бэконъ судилъ нездорово. Неблагодарность, усиленная жестокостью, если она гласная, всегда—и ошибка и преступленіе, потому что она уважаетъ самую глубокія чувства нашей общечеловѣческой природы. Какъ бы ни былъ человѣкъ пороченъ, но онъ никогда не провинится въ подобномъ поступкѣ, если не будетъ столь же опрометчивъ, какъ и пороченъ. Философъ, однакожъ, не могъ предусмотрѣть тѣхъ близкихъ послѣдствій, которыя легко открылъ

бы просто здравомыслящій человекъ. Дѣло въ томъ, что соображенія Бэкона были глубокомысленны, а дѣйствія безумны. Онъ страстно желалъ составить себѣ состояніе, и дѣлалъ, что дѣлали многіе прежде и послѣ него: онъ пользовался своимъ судебнымъ мѣстомъ, чтобы брать взятки съ тяжущихся. Но и здѣсь, опять, онъ велъ дѣло такъ неловко, что съ грубой опрометчивостью принималъ взятки отъ людей, противъ которыхъ потомъ рѣшалъ тяжбу. Слѣдовательно, онъ умышенно отдавалъ себя во власть тѣхъ, кого умышенно оскорблялъ. И онъ поступалъ такъ не только потому, что былъ жаждать къ деньгамъ, но также потому, что былъ безразсудно жаждать. Онъ ошибался столько же умомъ, сколько и сердцемъ. Мало того, что онъ былъ подкупной судья, онъ былъ еще и плохой счетчикъ; вслѣдствіе этого онъ былъ уличенъ, и, бывши обличенъ, былъ и погубленъ. Когда Бэконъ достигъ вышей своей славы, когда ему были доступны всякаго рода наслажденія, чаша была отнята отъ его устъ, потому что онъ слишкомъ жадно принялъ къ ней. Сказать, что онъ палъ только потому, что былъ человекъ безъ убѣжденій — было бы ошибочно, потому что многіе люди живутъ безъ убѣжденій весь свой вѣкъ и никогда не гибнутъ. Почему судьба дурнымъ людямъ иногда улыбается, и чѣмъ исправляется эта казуальная несправедливость? Это — темный вопросъ, разбирать который здѣсь не мѣсто; но фактъ этотъ неоспоримъ. Въ практической жизни люди не имѣютъ уснѣха частью потому, что избираютъ безразсудныя цѣли, но главнымъ образомъ потому, что не обладаютъ искусствомъ примѣнять средства къ цѣли. То же было и съ Бэкономъ. Въ житейскихъ дѣлахъ онъ бывалъ разбитъ и побѣжденъ почти всякимъ, съ кѣмъ сталкивался. Подчиненные обманывали его безнаказанно, и несмотря на большія суммы, которыя онъ получалъ, онъ былъ постоянно въ долгахъ; такъ что даже когда его незаконные доходы увеличивались, онъ былъ въ небольшомъ вынгршѣ. Хотя, какъ судья, онъ красть собственность другихъ людей, онъ не умѣлъ, однакожъ, прятать концы и сохранить брачное. Могучій мыслитель, на практикѣ былъ пустой человекъ. Онъ постоянно пренебрегалъ ближайшимъ и настоящимъ. Занимательнымъ примѣромъ этой черты, можетъ служить послѣдняя сцена его жизни. При нѣкоторыхъ его обобщеніяхъ по вопросу о гніеніи, ему пришла мысль, что процессъ этотъ можетъ быть остановленъ снѣгомъ. Онъ вывелъ заключенія, какъ осторожный философъ съ широкимъ взглядомъ;

онъ приложилъ ихъ съ поспѣшностью и необдуманностью ребѣнка. Съ отсутствіемъ здраваго смысла, которое было бы невообразимо, еслибъ не было достовѣрно, онъ, забывъ всякую предосторожность, въ морозный день, выскочилъ изъ кареты и дрожа отъ холоду, набивалъ птицу снѣгомъ. Такимъ образомъ, онъ подвергалъ опасности безцѣнную для человѣчества жизнь, для исполненія того, что такъ же хорошо могъ бы сдѣлать всякій лакей. Не нужно было ума Бюкона, чтобы предсказать послѣдствія. Не успѣлъ онъ кончить дѣла, какъ внезапно почувствовалъ ознобъ: съ нимъ сдѣлалось такъ дурно, что онъ не былъ въ состояніи вернуться домой. Его истощенное тѣло не выдержало болѣзни, силы постепенно оставляли его и онъ умеръ, не дѣлю съестя послѣ перваго припадка.

Такіе факты очень грустны, но они также весьма поучительны. Я знаю, что нѣкоторые причисляютъ такихъ людей къ мученикамъ науки: нѣтъ они кажутся жертвами безумія. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что въ жизни великихъ мыслителей такихъ случаевъ было, къ сожалѣнію, немало. Это фактъ достовѣрный, что многіе люди съ самыми высокими способностями, пренебрегая изученіемъ ближайшихъ причинъ, укорачивали свою жизнь, уменьшали приносимую ими пользу и, ускоривъ для себя наступленіе старости, лишали человѣчество своихъ услугъ въ то именно время, когда ихъ опытность была наиболѣе богата и ихъ умъ достигъ полной зрѣлости. Другіе, которые невиновны въ этомъ, по милости собственнаго неблагоразумія, запутывались въ разнаго рода обстоятельствахъ; не заботились о завтрашнемъ днѣ, растрчивали свои средства, расточали свое имущество и дѣлали долги, которые не въ состояніи были уплатить. Все это есть результатъ не столько порока, сколько необдуманности. Порокъ часто хитеръ и остороженъ; но необдуманность всегда расточительна и безнечна. Явленіе это до того очевидно, что афоризмъ «геній, борющійся съ препятствіями», вошелъ въ пословицу. Къ несчастію, геній въ значительномъ большинствѣ случаевъ, создаетъ самъ для себя препятствія. Послѣдствіемъ этого бываетъ то, что не только свѣтскіе люди, но люди здравыхъ понятій и полезнаго направленія, большей частію смотрятъ на геній, какъ на какой-то странный, неправильный даръ, прекрасный на видъ, но опасный тому, кто имъ обладаетъ: блестящій огонь, который пожираетъ въ то время, какъ свѣтитъ. Они взвращаютъ на него съ любопытствомъ, даже съ интересомъ, но

качаютъ головою; они сожалѣютъ, что люди такіе умные имѣютъ такъ мало здраваго смысла; и, хвастаясь своею высшею мудростью, они обязательно напоминаютъ другъ другу, что великій умъ обыкновенно неразлученъ съ безуміемъ.

Кто можетъ этому удивляться? Бросьте только взглядъ на то, что происходило въ нашемъ королевствѣ въ короткій періодъ трехъ поволеній. Вспомните жизнь Фильдинга, Гольдсмита, Смоллета, Севеджа, Шенстона, Буджеля, Чарнова, Чёрчилля, Чаттертона, Деррика, Парнеля, Сомервилля, Уайтхеда, Кума, Дэй, Гильберта Стюарта, Оклея, Ольдиса, Хареда, Бойза, Сморта, Томсона, Гроза, Доса, Баркера, Харвуда, Порсона, Тёрриба, Бэрри, Колериджа, Фирна, Вальтер-Скотта, Байрона, Борнса, Мура и Кембелля. Въ ряду этихъ именъ находятся люди всякаго рода способностей, которые отличались всякаго рода безразсудствами. Чтò все это значить? Какая причина, что на тѣхъ, которые могли бы быть самыми высокими представителями челоувѣчества, на тѣхъ, которыхъ мы должны бы были съ гордостью принять за своихъ руководителей, каждый глупецъ теперь указываетъ пальцемъ, какъ на доказательство неспособности генія управляться съ положительной стороною жизни? Отчего это, противъ такихъ людей и ихъ собратій, каждый дрянной мальчишка можетъ махать своею шпажонкою, и каждый болванъ можетъ извергать свою упрямую злобу? Что маленькіе люди издѣваются надъ великими — это совершенно естественно; что они имѣютъ причину надъ ними издѣваться — это постыдно. Между тѣмъ, такъ всегда будетъ, пока существуетъ теперешній масштабъ для оцѣнки дѣйствія. Пока у насъ будутъ въ употребленіи выраженія, какъ «слабости генія» и другія; пока намъ постоянно будутъ напоминать, что геній по природѣ своей простодушенъ, наивенъ и неопытенъ въ житейскихъ дѣлахъ; пока будутъ существовать понятія о необходимости покровительствовать ему и защищать его; пока на писателей будутъ смотрѣть съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ сожалѣніемъ, какъ на странныя существа, отъ которыхъ слѣдуетъ ожидать нѣкотораго отсутствія разсудительности, но въ которыхъ оно должно быть терпимо; пока между нами безразсудство будетъ называться великодушіемъ и бережливостью — скупостью, пока повторяются подобные факты — до тѣхъ поръ здо, имъ соответствующее, будетъ продолжаться, и высшій разрядъ умовъ будетъ утрачивать большую долю своего законнаго вліанія.

До сихъ поръ, при раннемъ и несложившемся состояніи обще-

ства, литераторы болѣе склонны къ непредусмотрительности, чѣмъ члены какой бы то ни было другой профессіи, а такъ-какъ они въ то же время несостоятельны въ практическомъ знаніи жизни, то нерѣдко случается, что на нихъ смотрять, какъ на ученыхъ печтателей, годныхъ для того, чтобы забавлять свѣтъ, но неспособныхъ руководить имъ. Я разбираю нѣсколько подробно причины этого явленія, во первыхъ, потому, что послѣдствія ихъ весьма важны, а во вторыхъ потому, что на дѣйствіе ихъ было мало обращено вниманія. Еслибъ я не боялся быть скучнымъ, то могъ бы изслѣдовать предметъ гораздо глубже и могъ бы доказать, что эти-то самыя причины и составляютъ одинъ изъ элементовъ стараго протекціоннаго духа, что въ этомъ отношеніи онѣ тѣсно связаны съ нѣкоторыми общественными и политическими предразсудками, замедляющими развитіе общества; наконецъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ эти предразсудки наиболѣе могущественны, тамъ зло имѣетъ въ высшей степени серьезный характеръ, тамъ литература наиболѣе болѣзненна. Но продолжать это изслѣдованіе — значило бы написать не очеркъ, а цѣлый трактатъ. И потому я буду считать себя вполне удовлетвореннымъ, если мнѣ удалось хотя нѣсколько разъяснить вопросъ и опредѣлить отношеніе между этимъ зломъ и общимъ вопросомъ о философскомъ методѣ. Разномысліе между людьми теоріи и людьми практики и различіе въ точкѣ зрѣнія, съ которой тѣ и другіе смотрять на вещи, безъ сомнѣнія, поддерживаются господствомъ ложныхъ понятій относительно покровительства и вознагражденія—понятій, которыя, преобладая въ извѣстномъ сословіи, неминуемо развиваютъ въ немъ небрежливость и, слѣдовательно, непрактичность. Это — законъ человѣческаго ума, который политико-экономы всего лучше объяснили въ своей собственной области, но дѣйствіе котораго всеобщее. Какъ ни серьезно это зло, оно принадлежитъ, однакожъ, только къ весьма несовершенному состоянію общества, и современемъ, вѣроятно, исчезнетъ. Но существенная причина, и на сколько я понимаю, постоянная причина противоположности заключается въ различіи метода. Притомъ, наше знаніе складывается такъ, что, повидимому, необходимо, чтобы люди теоріи стремились къ отдаленному, люди практики — къ ближайшему. Я не вижу, какимъ образомъ можно обойти это противоположеніе. Быть можетъ, существуетъ какой-нибудь еще неоткрытый нами способъ примирить эти двѣ крайности и соединить оба враждебные метода въ одинъ, который,

будучи выше каждаго изъ нихъ, обнималъ бы оба. Въ настоящее время, однакожь, нѣтъ еще надежды на подобный результатъ. И потому мы должны довольствоваться, если отъ времени до времени, послѣ длинныхъ промежутковъ, является человекъ, умъ котораго такъ счастливо устроенъ, что онъ въ состояніи одинаково успѣшно разсматривать предметъ съ внѣшней стороны и углубляться въ него, который однимъ своимъ примѣромъ можетъ доказать, что понятія, взятая изъ самой высшей области мысли, примѣнимы къ обыкновеннымъ дѣламъ будничной жизни.

Изъ всѣхъ живыхъ англичанъ, одинъ Милль достигъ этого результата. Впервыхъ, онъ нашъ единственный спекулятивный философъ, который, въ продолженіе многихъ лѣтъ, дѣйствовалъ на попріищѣ общественной жизни. Послѣ Рикардо, ни одинъ оригинальный мыслитель не принималъ дѣятельнаго участія въ политическихъ дѣлахъ. И дѣла эти оттого шли не хуже, и мы не имѣли причины сѣтовать на нашу судьбу болѣе другихъ народовъ. Напротивъ, ни одна страна не была управляема лучше нашей; а въ настоящій моментъ, невозможно найти въ какой бы то ни было европейской націи, государственныхъ людей, болѣе способныхъ, ревностныхъ и честныхъ, чѣмъ какими обладаетъ Англія. Въ такихъ крайне рѣдкихъ примѣрахъ, какъ Брумъ и Маколей, къ этимъ качествамъ присоединяются самыя блестящія и обаятельныя дарованія; кромѣ того, они справедливо пользуются еще высшей славой: они всегда были ревностными, непоколебимыми защитниками народной свободы. Однако, нельзя утверждать, что даже эти знаменитые люди расширили кругъ нашихъ понятій; тѣмъ менѣе можемъ мы заявить подобное притязаніе въ пользу людей, стоящихъ ниже ихъ въ политической сферѣ. Они популяризовали идеи и доказывали ихъ, но никогда ихъ не создавали. Примѣняя чужія мысли, они проявили большое искусство и много мужества; но свѣжія понятія, высшія и широкія обобщенія—были не ихъ дѣломъ. Они могутъ навадать на старыя злоупотребленія; они не могутъ открыть новыхъ началъ. Мы видѣли много примѣровъ этой несостоятельности относительно высшихъ задачъ въ послѣдніе два года, когда значительное число нашихъ самыхъ дѣятельныхъ и замѣчательныхъ политическихъ людей, какъ и многихъ дѣятельныхъ, но незамѣчательныхъ, образовали общество для развитія соціальной науки. Въ бумагахъ, изданныхъ этимъ обществомъ, найдутъ много любопытныхъ фактовъ и много полезныхъ мыслей. Но соціальной

науки въ нихъ нѣтъ. Въ нихъ нѣтъ даже понятія о томъ, въ чемъ состоитъ эта наука. Ни одинъ ораторъ или писатель не пытался научно изслѣдовать законы социальной жизни и не высказывалъ, чтобы, по его мнѣнію, такого рода попытка должна быть сдѣлана. Гдѣ наука начинается, тамъ общество отступаетъ. Вся наука состоитъ или изъ физическихъ, или изъ духовныхъ законовъ; и такъ-какъ дѣйствія людей опредѣляются тѣми и другими, то единственный путь къ основанію социальной науки заключается въ томъ, чтобы изслѣдовать отдѣльно каждый рядъ законовъ, а потомъ исчисливъ ихъ отдѣльные результаты, связать ихъ проверкою въ одно ученіе. Это—единственный путь, по которому весьма сложныя явленія могутъ получить разъясненіе, но общество и не догадывалось объ немъ. Дѣйствительно, члены его пошли совсѣмъ правратнымъ путемъ: отъ конкретнаго они восходили къ отвлеченному, вмѣсто того, чтобы идти отъ отвлеченнаго къ конкретному. Причину этой ошибки объяснить легко. Руководители общества были, большей частію, политическіе дѣятели, и потому были вѣрны привычкамъ своего поприща; другими словами, они замѣчали факты, непосредственно ихъ обнаружившіе, и обращая вниманіе на современное, наблюдали за настоящими ихъ послѣдствіями съ цѣлью открыть причины, а потомъ устранить зло. Таковъ былъ ихъ планъ, и онъ естественно былъ принятъ людьми, которые, по роду своихъ занятій, пріучились обращать вниманіе на вѣшнюю сторону вещей. Но для всякаго ума, привыкшаго подниматься на извѣстную высоту *надъ поверхностью* и усвоившаго себѣ вполне духъ научнаго метода—для такого ума этотъ способъ изслѣдованія социальныхъ явленій долженъ казаться вадорнымъ. Даже въ ограниченной сферѣ политическаго дѣйствія, его результаты, по большой мѣрѣ, лишь эмпирически однообразны, а въ обширной области социальной науки лишены всякаго значенія. Когда люди соединяются въ одно общество, и ихъ страсти и интересы сталкиваются на каждой точкѣ, то все происходящее должно зависѣть отъ большаго разнообразія причинъ. Нѣкоторыя изъ этихъ причинъ будутъ противодействовать одна другой, и такъ-какъ ихъ дѣйствіе будетъ нейтрализовано, то онѣ часто будутъ исчезать въ результатъ; во всякомъ случаѣ, слѣды ихъ будутъ слишкомъ слабы, чтобы быть замѣченными. И такъ, если причина встрѣчаетъ противодействіе, то какимъ образомъ, посредствомъ изученія ея дѣйствія, можетъ быть обнаружено ея существованіе? Когда одна

только причина производить дѣйствіе, то изъ дѣйствія вы можете заключать о причинѣ. Но если многія причины соединяются для произведенія одного дѣйствія, то такое заключеніе невозможно. Самое неутомимое изученіе дѣйствія и самое близкое знакомство съ нимъ, въ этомъ случаѣ, никогда не приведетъ къ знанію причинъ. Такимъ образомъ, единственный путь, которому должно слѣдовать, состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать дедуктивно, то-есть исходить отъ причинъ—къ дѣйствію, а не индуктивно—отъ дѣйствія къ причинѣ. Предположимъ, напримеръ, что два лица ударяютъ одновременно въ мячъ съ двухъ разныхъ сторонъ. Отъ этого волучится слѣдующее дѣйствіе: мячъ отскочитъ отъ одного мѣста къ другому; но можно тысячу лѣтъ изучать это дѣйствіе, и никто не будетъ въ состояніи обнаружить причинъ принятаго мячикомъ направленія. Пусть даже напередъ будетъ извѣстно, что два лица участвуютъ въ произведенномъ дѣйствіи; все равно, невозможно будетъ опредѣлить долю участія каждаго лица въ произведеніи дѣйствія. Но, если бы вмѣсто того, чтобы изучать дѣйствіе для дознанія причины, наблюдатель изучилъ самыя причины, то не прибѣгая къ другимъ даннымъ, онъ могъ бы предсказать съ точностію мѣсто паденія мячика. Другими словами, зная причины, онъ могъ бы узнать дѣйствіе; но, зная дѣйствіе, не могъ бы узнать причины.

Предположимъ еще, что я слышу звуки музыкальнаго инструмента. Дѣйствіе ихъ зависитъ отъ разнообразныхъ причинъ, изъ которыхъ назову только свойство воздуха передавать звукъ, способность слуха воспринимать его малѣйшіе нерелввы и способность мозга ихъ слышать. Обыкновенно называютъ это условіямъ, но все это причины, на сколько причина можетъ быть опредѣлена, какъ нѣчто постоянно и безусловно предшествующее другому. Онѣ въ такой же степени могутъ быть названы причинами, въ какой рука музыканта, производящая звуки. Отсюда возникаетъ вопросъ: могли-ли быть эти причины открыты однимъ изученіемъ дѣйствія, которое музыка на меня производитъ? Разумѣется, нѣтъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что необходимо сперва изучить отдѣльно каждую причину, и затѣмъ, посредствомъ вычисленія законовъ ихъ дѣйствія, предсказать результаты ихъ взаимнаго вліанія. Въ соціальной наукѣ, эта многочисленность причинъ гораздо болѣе замѣтна, нежели въ приведенныхъ случаяхъ, и потому въ соціальной наукѣ, методъ, выходящій отъ дѣйствія къ причинамъ, еще болѣе нелѣпъ. Здѣсь онъ еще тѣмъ нелѣпѣе,

что трудность, происходящая отъ многочисленныхъ причинъ, усложняется сложившемся причинъ. Поступать съ запутанными въ такой степени вопросами, въ томъ родѣ, какъ поступаютъ съ ними политики, значило бы терять напрасно время. Основаніемъ каждой науки служить какая-нибудь извѣстная гипотеза, которую нужно принять за достовѣрную. Гипотеза, лежащая въ основаніи социальной науки, принимается, что поступки людей суть совокупный результатъ законовъ духа и законовъ матеріи, а такъ-какъ этотъ результатъ въ высшей степени сложенъ, то пока сами законы не будутъ разъяснены путемъ предварительнаго и самостоятельнаго изученія, до тѣхъ поръ мы не въ состояніи будемъ ихъ понять. Даже, если мы захотимъ основаться на опытѣ, то и тутъ результатъ окажется противный, потому-что при изслѣдованіи дѣйствія, намъ предстоитъ искусственно изолировать его, такъ, чтобы не имѣть дѣла ни съ одною изъ причинъ, которыя мы не желаемъ изслѣдовать. Но дѣло въ томъ, что въ социальной наукѣ подобныхъ опытовъ не можетъ быть: во-первыхъ, тутъ невозможно предварительное изолированіе, такъ-какъ всякое сочетаніе вносить въ строй общества безчисленное множество явленій, дѣлающихъ безплоднымъ опытъ, прежде чѣмъ онъ будетъ оконченъ. А во-вторыхъ, то, что здѣсь называется опытомъ, какъ напр. принятіе новаго принципа въ законодательствѣ, не есть опытъ въ научномъ смыслѣ слова, потому что послѣдующіе результаты зависятъ гораздо болѣе отъ общаго состоянія окружающаго общества, чѣмъ отъ самаго принципа. Состояніе окружающаго общества, въ свою очередь, обуславливается длиннымъ рядомъ предъидущихъ обстоятельствъ, тѣсно связанныхъ одно съ другимъ и образующихъ въ своей совокупности правильный и свободный ходъ вещей, который политическіе люди не въ состояніи контролировать и который для нихъ какъ-будто не существовалъ.

Это отсутствіе вронидательности въ политивахъ есть естественный результатъ обычаевъ, господствующихъ въ ихъ средѣ, и такъ-какъ те же самое постоянно замѣчается и относительно людей практическихъ, то я полагаю, что примѣръ, который я только что привелъ, не лишенъ интереса. Онъ подтверждаетъ ученіе о существенной противоположности метода, который, подобно всему создаваемому умозрѣніемъ, хотя допускаетъ отклоненія во многихъ отношеніяхъ, однако несомнѣнно существуетъ и, какъ мнѣ кажется, составляетъ для общественной классификаціи

основу болѣе полную, чѣмъ какая-либо изъ предложенныхъ прежде. Быть можетъ также, это способно предупредить общественныхъ дѣятелей отъ необдуманнхъ и самоувѣренныхъ заключеній относительно того, о чемъ они не въ состояннн составить мнѣнн, потому-что разсуждаютъ объ этомъ на основаннн неправильнаго метода. Такимъ образомъ, каждому извѣстно, что въ предсказаннн результатовъ важныхъ и широкихъ нововведеннн, даже наиболѣе дальновидные государственные люди чаще ошибались, чѣмъ были правы, и предвидѣли дурныя послѣдствнн тамъ, гдѣ на дѣлѣ имѣли мѣсто одни хорошія. Отъ подобнаго рода ошибокъ не можетъ спасти знаннн положеннн дѣлъ, какъ бы оно обширно ни было. Когда государственные люди ограничиваются однѣми частностями, или обсуживаютъ практическія мѣры, нтерпретация отлагательства, мнѣнн ихъ заслуживаютъ полнаго вниманнн. Но въ другихъ случаяхъ на нихъ рѣдко можно положиться. Очень часто и даже почти постоянно случается, что государственные люди и законодатели, посвятившіе всю свою жизнь общественной дѣятельности, ничего не знаютъ о происходящемъ вокругъ нихъ, за исключеннемъ того, чтѣ всплываетъ на поверхность, и вслѣдствнн этого они не въ состояннн даже приблизительно предугадать болѣе отдаленные и общіе результаты событнн. Кто имѣетъ случай читать государственные документы или происходившія въ разное время парламентскія преннн, а еще лучше частную корреспонденцію замѣчательныхъ политическихъ людей, тому не можетъ не броситься въ глаза подобнаго рода неспособность. Изъ этого мы видимъ ясно, что тѣ, которые, какъ мы предполагаемъ, управляютъ ходомъ дѣлъ, вовсе не знаютъ, какое направленнн дѣла примутъ въ дѣйствительности. Чтѣ передъ ними, тѣ они видятъ; чтѣ выше нихъ, тѣ ускользаетъ отъ ихъ взора. Но если въ этомъ можно обвинять политическихъ практиковъ, то съ другой стороны, надо согласиться, что и политическіе философы, въ свою очередь, также способны упускать изъ виду самые очевидные и осязаемые результаты дѣйствнн. Разница между этими двумя разрядами людей совершенно сходна съ тою, которая существуетъ между садовникомъ и ботаникомъ. Оба имѣютъ дѣло съ растенннми; но каждый смотритъ на нихъ съ противоположной точки зрѣннн. Для садовника важны красота и аромать растеннн. На эти качества, непосредственно бросающіяся въ глаза, не обращаетъ никакого вниманнн ученый ботаникъ. Онъ изучаетъ фізіологію, изслѣдуетъ законы растеннн, вникаетъ въ мель-

защія видозмѣненія его строенія и, вырываю его, жертвуетъ индивидуальности, чтобы ближе ознакомиться съ цѣлымъ видомъ. Садовникъ, какъ государственный человѣкъ, привыкъ разсматривать виднѣе и ближайшее; ботаникъ, подобно философу, изслѣдуетъ скрытое и отдаленное.—Чье занятіе важнѣе—здѣсь не мѣсто разбирать; достовѣрно одно, что счастливое сочетаніе обихъ весьма рѣдко. Складъ ума, образъ мыслей и вся обстановка мышленія тутъ диаметрально противоположны. Для того, чтобы соединить въ себѣ способность къ тому и другому роду занятій, нужна сила воли и обширность ума, какія рѣдко выпадаютъ на долю человѣка. Обыкновенно случается, что тѣ, которые желаютъ соединить обѣ крайности, не достигаютъ ни той, ни другой и бывають поверхностными философами и плохими практиками.

И потому мы должны признать замѣчательнымъ фактомъ, если тотъ, кто долженъ быть названъ, безспорно, самымъ глубокимъ изъ живущихъ мыслителей, въ теченіе многихъ лѣтъ, не только занималъ отвѣтственное мѣсто въ весьма трудной части государственнаго управленія, но даже, согласно съ мнѣніемъ компетентныхъ лицъ, исполнялъ обязанности своей должности съ отличіемъ и востояннымъ успѣхомъ. Такой примѣръ представляетъ Милль, и поэтому его мнѣнія имѣють право на особенное уваженіе, какъ мнѣнія человѣка, овладѣвшаго и теоріей и практикою. Такая двойственность дѣятельности заслуживаетъ особеннаго вниманія, и едва ли поставятъ мнѣ въ вину мое нахвреніе объяснить, какимъ образомъ эта двойственность проявилась въ сочиненіяхъ этого великаго философа. Для тѣхъ, кто находятъ наслажденіе слѣдить за развитіемъ ума, принадлежащаго къ самому высшему разряду, не покажется неестественнымъ, что прежде чѣмъ приступить къ изложенію послѣдняго сочиненія (*) разбираемаго мною автора, я предварительно сдѣлаю обзоръ другихъ произведеній, которыя до появленія послѣдняго уже доставили Миллю извѣстность, и обезпечили за нимъ обширную и неувидаемую славу.

Сочиненія эти слѣдующія: *Начала политической экономіи* и *Система логики*. Каждый изъ этихъ тщательно обработанныхъ трудовъ отличается однимъ изъ двухъ высокихъ умственныхъ качествъ автора: достоинство политической экономіи заключается въ практической приложимости истинъ, предварительно установ-

(*) «О свободѣ».

ленныхъ; достоинство логики — въ анализѣ процесса мышления, болѣе тонкомъ и болѣе полномъ, чѣмъ у кого нибудь со времени Аристотеля (*). Достаточно, если мы скажемъ о политической экономіи, что ни одинъ изъ принциповъ, представляемыхъ ея, не новъ. Съ тѣхъ поръ, какъ издано сочиненіе о «Богатствѣ народовъ», наука перестроена на совершенно другихъ началахъ, и Милль поставилъ себѣ задачей не расширить ея границы, но сдѣлать практически приложимымъ то, что было выработано двумя поколѣніями мыслителей, слѣдовавшихъ за Адамомъ Смитомъ. Блестящее открытіе теорія о рентѣ, которое, хотя не принадлежитъ Рикардо, однакожь обязано ему прочнымъ основаніемъ, придало совершенно новое значеніе экономической наукѣ. То же самое можно сказать и о существенно важномъ законѣ, на который онъ первый указалъ: о распредѣленіи драгоценныхъ металловъ путемъ обмѣна, въ точной пропорціи съ ходомъ торговыхъ оборотовъ, который бы имѣлъ мѣсто и тогда, еслибъ торговлю на деньги замѣнила вполне мѣновая торговля.

Великое сочиненіе Мальтуса о *Народонаселеніи* и споры, имъ возбужденные, выяснили свойство и границы отношеній, существующихъ между предложеніемъ труда и заработной платою, такимъ образомъ устранивъ тѣ многочисленныя затрудненія, передъ которыми въ недоумѣніи остановился Адамъ Смитъ. Между тѣмъ какъ этимъ разъяснились условія распредѣленія богатства, Рэ изслѣдовалъ другія причины, управляющія его накопле-

(*) Я не исключаю даже Канта, потому что этотъ необыкновенный философъ, который во многихъ отношеніяхъ, можетъ быть, мыслилъ глубже другихъ философовъ, бывшихъ до него или послѣ, въ своихъ разсужденіяхъ о логикѣ, до того замкнулъ границы всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, что имѣлъ смѣлость утверждать, будто мысль достиженія индуктивнымъ путемъ объективной истины, нетолько непримѣнима въ настоящемъ, но представляетъ въ себѣ противорѣчіе, которое никогда нельзя устранимъ. Каждый, кто относительно какаго нибудь предмета устанавливаетъ такимъ образомъ неподвижныя предѣлы, уже этимъ какъ нельзя лучше доказываетъ, что онъ даже не изслѣдовалъ предмета на столько, на сколько позволяютъ существующія средства науки, потому что онъ не достигъ того предѣла, гдѣ кончается область вѣроятнаго, и гдѣ является передъ нами неслѣпый обликъ дальнѣйшаго — обликъ всегда неослазаемый, но который даетъ намъ понять, что есть что-то и далѣе, и что мы неварѣтъ предрѣшать что-нибудь объ открывающейся передъ нами области неизвѣстнаго. Съ другой стороны, тотъ, кто не достигъ черты, за которою виднѣется туманный обликъ, тотъ видитъ исеѣе все передъ собою, но лишь потому, что не приблизился къ области неизвѣстнаго. Еслибъ я имѣлъ смѣлость рѣшиться судить о такой личности, какъ Кантъ, я, послѣ тщательнаго изученія его произведеній, несмотря на все мое удивленіе къ нимъ, сказалъ бы, что умъ его проникалъ глубже въ область мышленія, чѣмъ на сколько въ состояніи былъ обнять ее.

нѣмъ, и показалъ, какимъ образомъ капиталъ возрастаетъ съ различною быстротою, въ различныхъ государствахъ и въ различныхъ времена. Если, сверхъ того, мы прибавимъ, что Бен-таъ доказалъ выгоды и необходимость въ социальномъ отношеніи, полученія процентовъ съ капитала, что Бебеджъ съ замѣчательнымъ искусствомъ изслѣдовалъ причины, управляющія экономіею труда и колеблющіяся степени его производительности, и что Уэзфильдъ сдѣлалъ отвлеченную, но во всякомъ случаѣ важную попытку доказать, что такъ называемое окончательное раздѣленіе труда есть только одна сторона высшаго принципа взаимно-соудѣствія (cooperation) труда; если мы сведемъ итогъ всего этого, то увидимъ, что всѣ матеріалы были готовы для Милля, и что ему осталось только связать вмѣстѣ и обобщить выводы великихъ мыслителей, которые непосредственно ему предшествовали.

Совершенство, съ которымъ онъ выполнилъ эту задачу, по истинѣ изумительно. Его трактатъ о политической экономіи можетъ служить руководствомъ скорѣе для государственныхъ людей, чѣмъ для мыслителей, такъ-какъ не содержа въ себѣ никакихъ добавочныхъ научныхъ истинъ, онъ тѣмъ не менѣе замѣчательнъ своей практической приложимостью. Самые отвлеченные принципы объяснены въ немъ нагляднымъ образомъ, и изложены съ ясностью, убѣдительною даже для умовъ, неспособныхъ слѣдить за длиннымъ рядомъ отвлеченныхъ разсужденій—умовъ, которые не приняли выводовъ Рикардо, потому что этотъ знаменитый мыслитель, несмотря на всю тонкость своей діалектики, не успѣлъ рельефно выставить своихъ доводовъ и сдѣлать ихъ приложимыми къ обыкновеннымъ явленіямъ политическаго быта. Недостатокъ этотъ восполненъ Миллемъ, который относится къ политической экономіи даже болѣе какъ къ искусству, нежели какъ къ наукѣ. Отсюда книга его полна намековъ, которые, по своей важности, могли бы быть приняты во вниманіе законодательной властью свободной націи. Законы о завѣщаніи и о наслѣдствѣ, законы о первородствѣ, о товариществѣ, о несостоятельности и о банкротствѣ, лучшая система устройства колоній, выгоды и невыгоды налоговъ съ дохода, сравненіе способовъ покрытія чрезвычайныхъ издержекъ податью съ дохода или черезъ увеличеніе національнаго долга—вотъ, между прочимъ, нѣкоторые вопросы, разсмотрѣнные Миллемъ, касательно которыхъ онъ высказалъ предположенія, теперь все болѣе и болѣе начинающія про-

нивать въ общественное сознаніе. Тутъ вліяніе его чувствуется даже тѣми, которые не знаютъ, какъ и откуда дѣйствуетъ на нихъ это вліяніе. Кто только слѣдилъ за ходомъ политическихъ идей въ послѣднее десятилѣтіе, тотъ не могъ не замѣтить того рѣшительнаго дѣйствія, какое было оказано нашимъ мыслителемъ даже на тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые совершенно равнодушны къ его отвлеченнымъ теоріямъ, и которые тамъ, гдѣ онъ углубляется въ сферу мысли, согласны были бы оставаться въ бездѣйствіи, косиѣя въ пошлой и старой рутинѣ, еслибы отъ времени до времени, какъ-бы на зло имъ, они не были тревожимы въ просонкахъ отдаленнымъ шумомъ, и еслибы не были принуждены волею-неволею принимать участіе въ громадномъ движеніи, которое началось со всѣхъ сторонъ, колеблетъ установившійся порядокъ дѣлъ и подкапывается подъ наши прежнія убѣжденія.

О МНОЖЕСТВѢ ОБИТАЕМЫХЪ МІРОВЪ.

LA PLURALITÉ DES MONDES HABITÉS, par *Camille Flammarion*. Paris. 1864.

По достоинству своего предмета и совершенству своихъ теорій, астрономія — прекраснѣйшій памятникъ чело-вѣческаго ума.

Л. ПЛАСЬ.

Ни одному мыслящему обитателю нашей планеты, пытливо под-нимающему свои глаза отъ земли въ горнія пространства синаго зѣвря, усѣяннаго мириадами сіяющихъ звѣздъ, конечно, не довелось избѣжать вопросовъ: «Что такое эти звѣзды?—Украшеніе ли на-шихъ земныхъ ночей, какъ выражаются поэты, или же, напро-тивъ, нѣчто самостоятельное, неизмѣющее никакого послужного отношенія къ землѣ?» За этими вопросами неминуемо тянется ве-реница другихъ: «Что за роль нашей планеты среди этого неисчи-слимаго множества міровъ: они ли созданы для нея, чтобъ под-держивать и направлять ея движеніе въ пространствѣ, или же для каждаго видимаго, сіяющаго міра есть также «свой приборъ на ниву вселенной?» Что же такое, наконецъ, мы, люди, въ этомъ сонмѣ лучезарныхъ міровъ, кажется такъ равнодушно и безраз-лично смотрящихъ изъ безпредѣльнаго пространства на землю?

Всѣ эти вопросы сводятся, наконецъ, къ двумъ: *Гдѣ мы? Чтодъ мы?*—вопросамъ капитальной для насъ важности и значенія, со-ставляющимъ альфу и омегу нашего знанія о себѣ и объ окружаю-щемъ насъ мірѣ.

Согласитесь, было бы чрезвычайно полезно—мы не говоримъ уже какъ было бы пріятно—дать положительные отвѣты на эти вопро-сы—такіе, по крайней мѣрѣ, отвѣты, чтобъ погрѣшность ихъ, выражаясь математическимъ языкомъ, была, положимъ, меньше всякой данной величины. Но, къ сожалѣнію всего мыслящаго

человѣчества, несмотря на всѣ его успѣхи въ познаніи самого себя и видимаго міра, наука не отдернула еще таинственной завѣсы и человѣчество не уразумѣло истинны своего бытія и всего сущаго во всемъ ея величіи. И замѣчательно, чѣмъ дальше поднимаются наши знанія, тѣмъ мучительнѣе становится для насъ немощь сомнѣнія, тѣмъ болѣе возрастаетъ самое сомнѣніе.

Было время, когда мыслящее человѣчество казалось удовлетвореннымъ своими вѣрованіями, соответствовавшими степени его познанія самого себя и окружающаго міра; но, мало по малу, съ накопленіемъ положительныя знаній, счастливое, относительно, время это миновало. Критика, какъ знойный вихрь, осушила прежде современныя человѣкомъ источники тѣхъ наивныхъ, дѣтскихъ вѣрованій, къ которому онъ принадлежалъ повременамъ пламенными устами. Чѣмъ ближе узнавалъ онъ самого себя и чѣмъ яснѣе открывались его глазамъ тайны мірозданія, тѣмъ мучительнѣе тяготилъ его духъ сомнѣнія и тѣмъ случайнѣе и ничтожнѣе казалось ему мѣсто, занимаемое имъ въ природѣ. Ища опоры въ знаніи, человѣкъ, правда, мало по малу, расширялъ свой умственный горизонтъ, но тѣмъ далѣе лишь отодвигались предѣлы, до которыхъ стремился достигнуть его пытливый умъ. Знаніе послѣдовательно ограбило у человѣка все, въ чемъ онъ находилъ прежде свою силу и опору, и онъ стоитъ теперь на рубежѣ противорѣчій, переходя отъ одного къ другому и ища выхода. Но найдетъ ли онъ его? Если ничто въ мірѣ не повторяется, то можетъ ли повториться въ сознаніи человѣка прежнее стройное созвучіе стремленій его сердца съ познаніями и представленіями ума? Не можетъ, потому что такого стройнаго созвучія, въ строгомъ смыслѣ слова, не оказывалось никогда въ человѣчествѣ, какъ доказываетъ намъ исторія его философскихъ убѣжденій. Каждая философская система являлась какъ завершающій продуктъ извѣстной эпохи развитія, играла свою роль въ исторической драмѣ и, по мѣрѣ расширенія знаній, смѣнялась другою. Потому-то, говоря, что современный человѣкъ стоитъ на рубежѣ противорѣчій, переходя отъ одного къ другому и ища выхода, мы другими словами свазали, что у современнаго человѣка нѣтъ пока такой строгой философской системы, которая обнимала бы все его вѣдѣніе и объяснала бы всѣ противорѣчія.

«Прошлое умерло» — говоритъ авторъ книги, заглавіе которой мы выписали выше — «философія будущаго еще не народилась; она пока заключена въ многотрудныхъ мукахъ нарожденія. Душа современнаго міра въ разладѣ и непрерывномъ противорѣчій съ собою. Наука — это могучее божество дня, держащее въ рукахъ своихъ брызды прогресса, никогда еще не была такъ мало систематична въ философскомъ смыслѣ, такъ изолирована; какъ теперь. Предъ на-

ми на лицо стоящіе во главѣ ея люди; между ихъ философскими представленіями нѣтъ ничего общаго. Одни не вѣрятъ въ душу и не хотятъ ничего знать внѣ химическихъ комбинацій. Вотъ плеяда ученыхъ, которая видитъ въ мірѣ лишь два элемента: силу и матерію; общепризнанныя начала добра и блага—для нея мертвыя буквы. Эта представляетъ наши человѣческія индивидуальности ничѣмъ другимъ, какъ крошечными молекулами одного собирательнаго существа—человѣчества; та говоритъ намъ объ условномъ безсмертіи. Въ то же самое время наши католическіе богословы, оставаясь въ сторонѣ, въ своемъ *statu quo* около пяти вѣковъ, презрительно отвергаютъ науку и совершенно серьезно увѣряютъ насъ, что опасаться нечего и что все обстоитъ благополучно.

Такое нравственное состояніе современнаго намъ человѣчества, безспорно, непривлекательно; какъ шатка мысль, такъ шатка и жизнь; лучше всего живется, какъ и всегда бывало, тѣмъ, кого не искушаетъ наука; но мыслящіе люди, шатаясь отъ одного сомнѣнія къ другому и не находя твердой опоры сознанія, живутъ нелегко. Нѣтъ надобности говорить, какъ бы всѣ были благодарны тому, кто произнесъ бы такой таинственный лозунгъ, который освѣтилъ бы всѣ сомнѣнія, примирилъ всѣ противорѣчія. Г. Фламмарьонъ, профессоръ астрономіи и членъ многихъ ученыхъ обществъ, взялъ на себя трудъ—мы не скажемъ произнести такой лозунгъ, но — попробовать произнести двѣ пары словъ: *множество мировъ*, *множество существованій*, и объяснить, что изъ этого выходитъ при настоящей ступени нашихъ знаній. Авторъ провозглашаетъ, что астрономія принадлежитъ честь положить новыя начала философіи будущаго; «но не этой наукѣ — какъ справедливо замѣчаетъ онъ — принадлежитъ созидать стогны и вѣси метафизики.» «Являлись философы, бравшіе на себя исполненіе этой задачи—говоритъ г. Фламмарьонъ—явятся сборо и другіе, продолжатели начатаго дѣла, которые развѣять послѣдніе туманы, носящіеся еще надъ истинными науками, теологіей и психологіей (*vraies sciences de la theologie et de la psychologie*)» (*). Какъ оказывается, г. Фламмарьонъ не ошибся въ своемъ ожиданіи; издатель его книги о множествахъ мировъ, въ одномъ изъ примѣчаній, увѣдомляетъ публику, что въ то время, какъ начали печатать первую страницу «Множества Міровъ», адвокатъ Пеццани, лауреатъ парижскаго института, кончилъ послѣднюю страницу о «Множествѣ Существованій» и готовитъ уже это сочиненіе къ изданію.

(*) *La Plur. d. Mondes. C. 405.*

Въ ожиданіи, намъ остается заняться дѣломъ, то-есть, познаться съ книгой г. Фламмарьона, представляющей во многихъ отношеніяхъ несомнѣннымъ достоинства. Она составляетъ, какъ бы то ни было, попытку построить систему философскаго вѣрованія на данныхъ системы міра, и потому нѣтъ надобности говорить, можетъ ли еще быть интересной такая попытка. Но, можетъ быть, многіе спросятъ: какое отношеніе существуетъ между множествомъ міровъ и религіозной философіей человѣчества? По увѣренію автора, тѣ, которые думаютъ подобнымъ образомъ, должны переменить свое мнѣніе и вѣрить, что «множество міровъ — доктрина въ одно и то же время научная, философская и религіозная, и притомъ самой высокой важности».

Авторъ сознается, что доктрина о множествѣ обитаемыхъ міровъ не представляетъ пока философской достовѣрности, потому что она не утверждена на разсмотрѣніи доказывающихъ ее астрономическихъ фактовъ; но пусть вопросъ этотъ остается для однихъ вопросомъ философской важности, но обруженнымъ недостижимой тайной, для другихъ — фантазіей напраснаго любопытства прозрѣть въ непроницаемое, г. Фламмарьонъ смотритъ на него какъ на одинъ изъ основныхъ вопросовъ философіи. Но и независимо отъ того, у почтеннаго автора есть аргументы, которыми онъ оправдываетъ *raison d'être* своей книги, и которые намъ помогутъ оправдать *raison d'être* предлагаемой статьи.

Занимающій насъ вопросъ составляетъ «живую жилу», если можно такъ выразиться, астрономической науки, которая, несмотря на всѣ свои блестящія фактическія приобрѣтенія, была бы далеко не такъ полезна для развитія человѣческаго ума, если бы мы оставили безъ вниманія ея философскую сторону. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи она должна содѣйствовать, какъ и всѣ другія отрасли вѣдѣнія, къ тому, чтобъ объяснить намъ тайну нашего бытія. Внѣшній міръ, дѣйствительно, представляетъ ту великую единицу бытія, свое отношеніе къ которой мы должны опредѣлить, чтобъ узнать мѣсто, занимаемое нами въ природѣ. Внѣ такого сравнительнаго изученія, мы остаемся на поверхности невѣдомаго міра, не подозрѣвая ни гдѣ мы, ни что мы относительно всего видимаго сущаго.

Первая изъ пяти книгъ, на которыя дѣлитъ авторъ свое сочиненіе, заключаетъ весьма тщательное изложеніе исторіи утверждаемой имъ доктрины. Имъ приведено, въ подтвержденіе своей мысли, безчисленное множество авторитетовъ, раздѣлявшихъ ученіе о множествѣ міровъ; но мы полагаемъ, что въ вопросахъ чисто-научныхъ, великія имена не могутъ нисколько увеличить силы маленькихъ доводовъ. Исторія развитія знаній представ-

дествъ намъ немало примѣровъ, которые свидѣтельствуютъ, что часто простой фактъ опыта или наблюденія перевѣшивалъ воззрѣнія и преданія цѣлыхъ столѣтій. И потому-то глава, посвященная г. Фламмарьеномъ историческому обзору ученія о множествѣ мировъ, хотя и представляетъ нѣкоторый интересъ, какъ страница изъ истории развитія ума, ничего болѣе не доказываетъ. Мы узнаемъ, что идея о томъ, что луна и планеты обитаемы, принадлежитъ еще древнѣйшимъ племенамъ Индіи и Египта, что она входила въ халдейскую и орфическую космогонію, въ символизмъ кельтовъ и друидовъ и въ міеологию грековъ. Въ Грецію идея эта занесена Фалесомъ изъ Египта, и раздѣлялась всей іонической школой. Анаксимандръ, также какъ позднѣе Эпигуръ, Орigenъ и Декартъ, утверждали, что время отъ времени міры разрушаются и воспроизводятся вновь, посредствомъ новыхъ комбинацій изъ тѣхъ же элементовъ. Анаксагоръ училъ, что луна обитаема, и на ней, какъ и на нашей планетѣ, существуютъ моря, горы и долины. Пифагоръ публично училъ о неподвижности земли и движеніи звѣздъ, но наиболѣе близкимъ ученикамъ открывалъ, что вѣрнѣе въ движеніе земли, какъ и другихъ планетъ, и во множество мировъ. Основатель элейской школы, знаменитый Ксенофанъ, также вѣрилъ во множество обитаемыхъ мировъ. Петроній изъ Гимеры написалъ книгу, въ которой утверждалъ, что число обитаемыхъ мировъ есть 183 — идея, распространенная, по словамъ Плутарха, во времена самой глубокой древности между народами до самаго Индійскаго моря. Мистическое число Петронія объясняется тѣмъ, что философъ этотъ представлялъ себѣ міръ въ видѣ трехугольника, каждая изъ сторонъ котораго составлена изъ 60 мировъ, а въ углахъ еще по одному міру. Но въ числѣ особенно драгоцѣнныхъ для насъ историческихъ свидѣтельствъ въ пользу безпредѣльности творенія рукъ божіихъ, авторъ сообщаетъ, что и св. Иринеи раздѣлялъ такой взглядъ на мірозданіе; Лактанцій вѣрилъ, что луна должна быть обитаема. Намъ кажется бесполезнымъ останавливаться долѣе надъ мнѣніями, существовавшими по тому же вопросу въ средніе вѣка, и непереставшими появляться до нашего времени: все это болѣе или менѣе остроумныя догадки и аналогіи, которыя нисколько не прибавляютъ идеѣ объ обитаемости мировъ научной достовѣрности. Вотъ, для примѣра, мнѣніе знаменитаго автора Критики чистаго разума: «Я того мнѣнія — писалъ въ концѣ прошлаго столѣтія Эммануилъ Кантъ — что нѣтъ даже надобности доказывать, что всѣ планеты обитаемы, потому что отрицать это было бы нелѣпостью въ глазахъ всѣхъ или по крайней мѣрѣ большинства. Въ царствѣ природы, міры и цѣлыя системы ихъ не

болѣе, какъ солнечныя пылинки по отношенію ко всему созданному. Какая нибудь планета гораздо менѣе по отношенію ко вселенной, чѣмъ какой-либо островъ по отношенію къ земному шару. Среди столькихъ сферъ не существуетъ пустынныхъ и необитаемыхъ пространствъ какъ только тамъ, гдѣ нѣтъ благоприятныхъ условій для бытія разумныхъ существъ, составляющихъ цѣль природы. Самая наша земля просуществовала, можетъ быть, тысячу или еще болѣе лѣтъ, прежде чѣмъ ея строеніе позволило ей украситься растеніями, животными и людьми» (*).

Изъ всѣхъ этихъ строкъ несомнѣнно слѣдуетъ одно заключеніе, именно, что Эммануилъ Кантъ вѣрилъ, что бытіе разумныхъ существъ составляетъ цѣль природы. Но обязательно ли такое вѣрованіе, имѣетъ ли оно какую либо научную достовѣрность? Разумѣется нѣтъ, потому что, какъ увидимъ ниже, наша планета подчинена въ сферахъ солнечной системы многимъ, относительно другихъ планетъ, весьма несовершеннымъ условіямъ, изъ чего, полагая силы природы и ея законы равнодѣйствительными во вселенной, мы должны заключать, что разумныя существа земли не завершаютъ собою разума въ природѣ и потому не могутъ быть какой либо конечной цѣлью.

Для насъ значительно цѣннѣе соображенія по тому же вопросу о множествѣ міровъ двухъ великихъ астрономовъ, Лапласа и Джона Гершеля, и то на столько, на сколько они не сходятъ съ поч-вы научныхъ вѣроятностей.

«Благотворное дѣйствіе солнца—говоритъ Лапласъ(**)—вызвало къ бытію растенія и животныхъ, покрывающихъ землю, и по аналогіи, мы вправѣ предполагать, что оно оказало подобное же вліяніе и на другія планеты; потому что было бы неестественно думать, чтобы матерія, такъ многообразно проявляющая передъ нашими глазами свою плодovitость, оставалась бесплодной на такой громадной планетѣ, какъ, напримѣръ, Юпитеръ, которая, подобно земному шару, имѣетъ свои дни, ночи и годы, и какъ наблюденія указываютъ, перемѣны, предполагающія дѣйствіе весьма дѣятельныхъ силъ... Человѣкъ, созданный для температуры, которой пользуется на землѣ, не могъ бы, какъ кажется, жить на другихъ планетахъ. Но не должно ли существовать на нихъ безконечное разнообразіе организмовъ, соотвѣтствующихъ различнымъ температурамъ міровъ? Если единственная разница элементовъ и климатовъ опредѣляетъ столько вариаций въ зем-

(*) *Emm. Kant: Allg. Naturgesch. und Theorie des Himmels. ч. III.*

(**) *Exposition du systѣme du Monde, гл. VI.*

ныхъ произведеніяхъ, какъ многозначительнѣе должны различаться между собою произведенія планетъ и спутниковъ!»

Сэръ Джонъ Гершель отрицаетъ, будто видимые міры были созданы, чтобъ освѣщать наши ночи, потому что такая цѣль значительно лучше достигалась бы еще одной луной, которая имѣла бы лишь одну тысячную часть объема нашего спутника. Точно также онъ не допускаетъ, чтобъ звѣзды мерцали безцѣльно въ пространствѣ. Несомнѣнно, что онѣ полезны для человѣка какъ постоянные пункты, къ которымъ онъ можетъ относить все съ точностью, но то былъ бы весьма скудный плодъ отъ изученія астрономіи, по его мнѣнію, еслибы мы предположили, что человѣкъ составляетъ единственный предметъ заботливости природы. Астрономія доказываетъ намъ совершенно противное.

Намъ остается лишь обратиться къ ея указаніямъ.

Въ центрѣ нашей планетной системы помѣщается громадный шаръ солнца, въ *однѣмъ милліонѣ четыреста тысячъ* разъ большій земнаго шара. Физическое строеніе солнца составляетъ до сихъ поръ нерѣшенный вопросъ. По болѣе или менѣе утвердившемуся въ наукѣ предположенію, солнце представляетъ такой же темный шаръ, какъ и другія планеты, но окруженный двумя главными атмосферами, изъ которыхъ внѣшняя образуетъ источникъ свѣта и тепла, а внутренняя, облегающая самый солнечный шаръ, имѣетъ назначеніемъ отражать этотъ свѣтъ и это тепло во внѣшнее пространство, и предохранять отъ нихъ солнечный шаръ. По мнѣнію Келлера, солнце представляетъ гигантскій магнитъ, поддерживающій по однимъ законамъ взаимнаго притяженія всѣ другіе міры управляемой имъ группы, постоянный источникъ и очагъ электричества, приводящій въ движеніе на планетахъ этотъ невѣсомый дѣятель, играющій такую важную роль между дѣйствующими силами въ нашей солнечной системѣ.

Еслибы мы помѣстили мысленно Землю въ центръ солнца, то луна (отстоящая отъ Земли на 58,033 млн) сама собою воцѣдилась бы также внутри солнечной массы, и чтобъ отъ центра помѣщенной такимъ образомъ луны достигнуть поверхности солнца, необходимо было бы еще пройти пространство болѣе 48,000 млн. Солнце вѣситъ въ 700 разъ болѣе, чѣмъ всѣ планеты, астероиды, кометы и спутники его системы, взяты вмѣстѣ. На поверхностныхъ слояхъ его атмосферы, обыкновенно плаваютъ темныя массы, протяженіе которыхъ превышаетъ иногда протяженіе всей земли. Солнце также совершаетъ вращеніе во-

кругъ своей оси, или, правильнѣе, вокругъ центра тяжести всей системы, употребляя на это двадцать-пять нашихъ земныхъ сутокъ и 8 ч; но послѣдствія такого вращенія для солнца совершенно отличны отъ тѣхъ, которыя мы замѣчаемъ на другихъ планетахъ, потому что оно не влечетъ за собою послѣдовательную смѣну на солнечной поверхности дней и ночей, какъ на другихъ планетахъ. Мы не можемъ вычислить степени напряженности тепла и свѣта солнечныхъ, ни опредѣлить, посредствомъ какого неизвѣстнаго дѣятеля они производятся; мы знаемъ только, что несмотря на громадное разстоянiе земли отъ солнца, наша планета получаетъ отъ него ежегодно такое значительное количество тепла, что еслибы это тепло было равномерно распределено на всѣхъ пунктахъ земной поверхности, и было бы исключительно употреблено для расплавления льда, то могло бы въ одинъ годъ расплавить ледяную кору, которая обнимала бы весь земной шаръ, и имѣла бы толщины $12\frac{1}{2}$ сажень.

Неизвѣстная сила, которой дали названiе *силы всемирнаго тяготѣнiя*, вращаетъ вокругъ центральной звѣзды всю солнечную систему: планеты, спутники, астеронды, кометы, космическіе метеоры и т. д.

Первая планета, которую встрѣчаемъ мы, отправляясь отъ центра системы къ периферіи — есть Меркурій. Онъ отдаленъ отъ солнца на 8,870,040 миль; его годъ продолжается около 88 нашихъ сутокъ; свое суточное обращеніе онъ совершаетъ въ 24 часа 5' 28" — фактъ замѣчательный, что и на слѣдующихъ трехъ планетахъ: Венерѣ, Землѣ и Марсѣ, продолжительность сутокъ почти одинаковая. Шаръ Меркурія значительно менѣе земнаго; его діаметръ имѣетъ длины всего 672 мили, между тѣмъ, какъ земной — 1,719 миль; но плотность его массы почти втрое болѣе плотности Земли. Новѣйшія астрономическія наблюденія указали, что звѣзда эта окружена весьма плотной атмосферой, и покрыта дѣями возвышенностей, значительно болѣе, чѣмъ земныя. Свѣтъ и теплота солнечныя дѣйствуютъ въ семь разъ напряженнѣе на Меркурій, сравнительно съ Землею.

Венера, блестящая звѣзда, предвѣстница зари и вечера на Землѣ, отстоитъ почти вдвое далѣе Меркурія отъ солнца, и получаетъ отъ него въ два раза болѣе, чѣмъ Земля, теплоты и свѣта. Она совершаетъ свое годичное обращеніе вокругъ солнца въ 224 сутокъ; вокругъ же своей оси въ 23 ч. 21' 7"; времена года на ней гораздо болѣе характеристичны, чѣмъ наши, и продолжаются только по два мѣсяца каждое. Величина, масса, плотность Венеры и вѣсъ тѣла на ея поверхности, разнятся весьма мало отъ тѣхъ же элементовъ слѣдующей за нею по порядку планеты —

Земли. Атмосфера, окружающая Венеру, сходна съ нашей, и настолько прозрачна, что мы можем различать на этой звѣздѣ восхождение и захождение солнца. Подобно Меркурию, Венера постоянно почти покрыта облаками.

На разстояніи 22,938,000 миль отъ Солнца, движется Земля — планета, схожая съ предшествовавшей во многихъ отношеніяхъ, почти одинаковой съ тою величины и вѣса, также окруженная атмосферной жидкостью, совершающая свое суточное движеніе въ 23 ч. 56¹/₄'' и годовое — въ 365 дней, 5 часовъ, 48 минутъ. Планета наша имѣетъ спутника, Луну, совершающаго свое двойное движеніе перемѣщенія и вращенія — въ 27 дней, 4 ч., 44 м. Поверхность Луны изборозждена безчисленнымъ множествомъ высокихъ и чрезвычайно скалистыхъ горъ, обширными и глубокими кратерами, видимыми невооруженному глазу, въ видѣ темноватыхъ пятенъ на ея поверхности.

Около 12 миліоновъ миль далѣе Земли движется планета Марсъ, представляющая также во многихъ отношеніяхъ поразительное сходство съ предыдущими планетами. Она оканчиваетъ свой годъ въ 686 дн., 22 ч., 18 м., и суточное вращеніе 24 ч., 39 м., 21 сек. «Атмосферные слои, облегающіе эту и предыдущую планеты, снѣга, появляющіеся періодично на ихъ полюсахъ, и облака, покрывающія повременамъ ихъ поверхности, довольно сходное географическое очертаніе ихъ континентовъ и морскихъ равнинъ, измѣненія времени года и климатовъ, общія обонія этимъ мірамъ, даютъ намъ основаніе вѣрить — говорить г. Фламмарьонъ — что обѣ эти планеты обитаемы существами, физическая организація которыхъ должна представлять не одну сходственную черту, и что еслибы одна изъ нихъ была обречена пустынности и ничтожеству — другая, находящаяся въ тѣхъ же условіяхъ, должна была бы раздѣлить ту же участь».

На разстояніи около 60 миліоновъ миль отъ Солнца, въ междупланетномъ пространствѣ существуетъ поясъ, шириною въ 48 миліоновъ миль, бывшій прежде, какъ кажется, театромъ великой мировой катастрофы. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ регионѣ, гдѣ астрономы со времени еще Кеплера ожидали найти планету, необходимо предполагавшуюся, по законамъ тяготѣнія, между Марсомъ и Юпитеромъ, уже найдено 75 (*) планетныхъ обломковъ, совершающихъ независимо одинъ отъ другаго свое перемѣщеніе вокругъ общаго центра всей системы. Можетъ быть, эти астероиды произошли отъ раздробленія космическаго кольца, которое

(*) Это число астероидовъ между Марсомъ и Юпитеромъ насчитывалось въ 1862 г.; въ настоящее время ихъ считаютъ 80.

должно было образовать планету; может быть, это—обломки мира, существовавшего в этой части солнечной системы, разорванного внутренним геологическим переворотомъ.

Далѣ пояса этихъ астероидовъ, тяготеетъ колоссальный шаръ Юпитера по орбитѣ, удаленной отъ Солнца почти на 120 милліоновъ миль. Несмотря на скорость его суточного обращенія, которое совершается менѣе чѣмъ въ 10 часовъ, и даетъ ему, слѣдовательно, лишь 5 часовъ дѣйствительнаго дня, годъ этой планеты въ двѣнадцать разъ продолжительнѣе нашего, и потому жители ея считаютъ восемь лѣтъ въ то время, когда мы считаемъ столѣтіе. Миръ Юпитера, превышающій величиною въ 1414 разъ нашъ земной, окруженъ газообразной оболочкой, въ которой постоянно плаваютъ густыя облака, скрывающія отъ нашего вооруженнаго глаза географическое очертаніе его поверхности. На одно и то же пространство поверхности на Землѣ и на Юпитерѣ, количество теплоты и свѣта солнечныхъ падаетъ на этой послѣдней планетѣ (на Юпитерѣ) въ 22 раза менѣе, чѣмъ на Землѣ; но это количество распредѣляется на Юпитерѣ болѣе постоянно и правильно на каждомъ градусѣ широты, отъ экватора къ полюсамъ, чѣмъ на нашей планетѣ. Миръ Юпитера не подверженъ, какъ нашъ, превратностямъ времени года и быстрымъ переѣнамъ температуры; вѣчная весна обогащаетъ его своими сокровищами. Его экваторіальный діаметръ не менѣе 19,251 мили; его же масса, равняющаяся 338 земныхъ массъ, имѣетъ специфическую плотность, непревосходящую плотности дуба, такъ что при одинаковомъ объемѣ, Юпитеръ былъ бы въ 4 раза легче Земли. Четыре спутника сообщаютъ постоянный свѣтъ этой планетѣ, имѣющей относительно короткія, но всегда освѣщенные ночи.

Система Сатурна, на разстояніи слишкомъ 218 милліоновъ миль отъ Солнца, увлекаетъ въ періодъ 30-ти лѣтъ, вокругъ общаго центра, его величественный шаръ, превышающій по величинѣ нашъ земной въ 734 раза, его громаднаго кольца, діаметръ которыхъ достигаетъ до 42,600 миль, и діаметръ миръ спутниковъ, занимающій протяженія въ кругообразномъ пространствѣ слишкомъ 1,560 милліардовъ кв. миль. Каждое изъ времени года продолжается на Сатурнѣ 7 лѣтъ и 4 мѣсяца; въ теченіе долгой зимы, на полюсахъ этой планеты появляются бѣловатые пятна, точно такъ же, какъ на Марсѣ и на Землѣ. Суточное вращеніе Сатурна совершается съ необычайной скоростью, потому что продолжительность его дня, схожая съ величиною дня на Юпитерѣ, не превышаетъ 10 часовъ 16 минутъ. Такая скорость вращенія образовала на полюсахъ Сатурна значительное сплюсненіе (на одну десятую),

точно такъ же, какъ и на предшествовавшей планетѣ (на одну семнадцатую) — фактъ, свидѣтельствующій намъ еще разъ о всеобщности законовъ природы. Поочередно блестящія и темныя пояса, появляющіяся на Юпитерѣ и Сатурнѣ, и указывающія на извѣстныя пережбы въ ихъ атмосферахъ, различіе, замѣчаемое между цвѣтомъ полярныхъ и экваторіальныхъ регионовъ, наконецъ, тѣ благопріятныя условія, которыя соединены на Юпитерѣ для существованія, говорятъ намъ, по мнѣнію г. Фламмарьона, что жизнь не можетъ быть ограничена тѣмъ крошечнымъ міромъ, на которомъ мы узрѣли свѣтъ.

На разстояніи слишкомъ 439 миліоновъ миль отъ Солнца, совершаетъ свое движеніе планета Уранъ, по эллиптической орбитѣ, которую пробѣгаетъ въ 84 года и 3 мѣсяца. Его діаметръ имѣетъ 7,873 мили; плотность массы немного менѣе плотности кирпича; получаемые отъ солнца свѣтъ и теплота въ 360 разъ слабѣе, чѣмъ на земной поверхности. Уранъ сопровождаютъ восемь спутниковъ, представляющихъ замѣчательную особенность, неизбѣжную другого примѣра въ солнечной системѣ: они вращаются отъ востока на западъ, тогда какъ спутники всѣхъ другихъ планетъ движутся отъ запада къ востоку. Эта особенность послужила поводомъ думать, что и самая планета имѣетъ обратное вращеніе около оси, именно отъ востока на западъ; но телескопическія наблюденія не утвердили пока этого предположенія; значительное удаленіе отъ насъ этого міра (420 миліоновъ миль), препятствуетъ различать что нибудь на его поверхности.

Наконецъ, послѣдняя изъ извѣстныхъ планетъ солнечной системы, открытіе которой служитъ лучшимъ торжествомъ достовѣрности новѣйшихъ научныхъ данныхъ и, главныхъ образомъ, могущества аналогіи, планета, удаляющаяся отъ окраинъ планетной системы почти на 240 миліоновъ миль, и которая лишь временно замыкаетъ собою громадную сферу мировъ нашей солнечной системы, описываетъ на разстояніи слишкомъ 685 мил. миль отъ центра системы орбиту, линейное протяженіе которой превышаетъ 4 миллиарда 200 миліоновъ миль. На такомъ чрезвычайномъ удаленіи, гдѣ солнечный дискъ кажется въ 1,300 разъ меньшимъ, чѣмъ на землѣ, Нептунъ подчиненъ той же силѣ тяготѣнія, которая управляетъ его годовымъ и суточнымъ вращеніями и феноменами, происходящими на его поверхности. Годъ Нептуна равняется 164 нашимъ; каждое изъ временъ года продолжается на земь болѣе 40 лѣтъ; плотность его массы почти одинакова съ плотностью букового дерева; объемъ его превосходитъ болѣе, чѣмъ во сто разъ объемъ земной сферы. Планета эта имѣетъ одну луну,

совершающую свое двойное перемѣщеніе въ 5 дней 21 часъ, на разстояніи 60,000 миль отъ планеты.

Заканчивая обзоръ міровъ, составляющихъ нашу солнечную систему, слѣдуетъ замѣтить, что если современные намъ средства астрономическаго изслѣдованія не могли еще достигнуть далѣ Нептуна, то-есть на 600 милліоновъ миль отъ-центрального свѣтила, достовѣрно, однакожъ, что солнечная сфера не заключается этими предѣлами; многія кометы солнечной системы описываютъ еще болѣе значительныя орбиты, на прохожденіе которыхъ необходимы тысячелѣтія. Разстояніе, отдѣляющее наше солнце отъ ближайшей неподвижной звѣзды, превосходитъ въ *семь тысячъ разъ* удаленіе Нептуна отъ Солнца. И потому-то весьма вѣроятно, что въ этихъ недоступныхъ пока нашему наблюденію регіонахъ вращаются неизвѣстные намъ планетные міры, распространяя такимъ образомъ далеко за Нептуна сферу дѣйствія нашего свѣтила.

Но дромъ того, что неизвѣстныя планеты, болѣе удаленныя, чѣмъ Нептунъ, отъ центра системы, могутъ вращаться за предѣлами его орбиты, большое число кометъ, также подверженныхъ притяженію Солнца, прорѣзываютъ по всѣмъ направленіямъ пространства эира. Намъ нѣтъ надобности распространяться здѣсь о природѣ кометъ; слѣдуетъ замѣтить лишь, что онѣ представляютъ громады паровъ чрезвычайно тонкихъ, и потому не могутъ быть причтены къ числу обитаемыхъ міровъ; нѣтъ надобности также говорить подробно о ихъ громадномъ числѣ; но чтобъ дать приблизительное понятіе объ области нашего солнца по протяженію орбитъ нѣкоторыхъ кометъ, вспомнимъ, что большая комета 1811 года употребляетъ 3,000 лѣтъ на совершеніе своего пути, и что комета 1680 года оканчиваетъ свое обращеніе въ 88 вѣковъ; что первая изъ этихъ кометъ удаляется отъ Солнца на 8,190,000,000 миль, а вторая слишкомъ на 19,000,000,000 миль!

Но какъ бы громады ни были такія протяженія, *они едва могутъ быть сравниваемы*, такъ они малы, съ величинами, открываемыми въ звѣздной астрономіи. Числа, употребляемыя въ планетной астрономіи, исчезаютъ передъ числами, употребляемыми въ звѣздной. Здѣсь, если есть возможность, не считаютъ уже милями и тысячами миль, но принимаютъ *единицей* средній радіусъ земной орбиты, равный, какъ пзвѣстно, 22,938,000 миль.

Каждая звѣзда есть солнце, сіяющее собственнымъ, независимымъ свѣтомъ. Свѣтоносную силу наиболѣе близкихъ звѣздъ измѣрили и нашли, что нѣкоторыя звѣзды, какъ, напримѣръ, Сириусъ, значительно свѣтозарнѣе и огромнѣе нашего Солнца.

Всѣ эти видныя лучезарныя и громадыя солнца суть также центры планетныхъ системъ, изъ которыхъ нѣкоторыя сходны, по всей вѣроятности, съ нашей, нѣкоторыя меньше нашей, нѣкоторыя же значительно обширнѣе и богаче планетами. Ближайшая къ нашей планетной системѣ звѣзда отстоитъ на 7,500 радиусовъ этой системы, принимая радиусъ въ 688,516,800 миль, что равняется 5,161,320,000,000 миль! Что касается до удаленія другихъ звѣздъ; менѣе близкихъ, то математически невозможно избрать какую либо единицу для измѣренія ихъ разстоянія отъ нашей системы, такъ-какъ наибольшая изъ употребляемыхъ нами единицъ сравненія, диаметръ земной орбиты, оказывается неизмѣримо-малой величиной относительно удаленія этихъ звѣздъ. Но для возможности составить нѣкоторое представленіе о послѣдовательномъ удаленіи отъ насъ нѣкоторыхъ звѣздъ, принимаютъ единицей измѣренія скорость свѣта. Какъ извѣстно, свѣтъ пробѣгаетъ 42,000 миль въ секунду. Такимъ образомъ онъ употребляетъ не менѣе 3-хъ лѣтъ и 8-ми мѣсяцевъ, чтобъ достигнуть до насъ съ самой ближайшей къ намъ звѣзды, именно съ α созвѣздія Центавра, и 22 года, чтобъ дойти до насъ съ Сириуса; для послѣднихъ видимыхъ въ трехметровой телескопъ звѣздъ полетъ свѣта до земли можетъ совершиться не менѣе, чѣмъ въ 1000 лѣтъ; для послѣднихъ же, видимыхъ въ шестиметровой телескопъ, по крайней мѣрѣ, въ 2700 лѣтъ; наконецъ, есть звѣзды, свѣтъ которыхъ достигаетъ до насъ не ранѣе 5,000, 10,000, 100,000 лѣтъ, пробѣгая непрерывно 42,000 миль въ секунду.

Эти числа—какъ справедливо замѣчаетъ г. Фламмарьонъ—раскрываютъ предъ нашимъ умственнымъ взоромъ неизмѣримыя напорамы безпредѣльнаго пространства и просвѣщаютъ насъ относительно совершенно ничтожнаго значенія нашей планеты среди неисчислимыхъ мириадъ свѣтозарныхъ гигантовъ небеснаго пространства. Въ то же время, они говорятъ намъ, что гигантская исторія звѣзднаго міра развивается независимо отъ того—знаемъ ли мы хотя первое ея слово. Свѣтовые лучи, доходящіе къ намъ со звѣздъ, повѣствуютъ намъ древнюю исторію безконечнаго міра созданій, настоящая исторія которыхъ неизвѣстна для Земли. Положимъ, на примѣръ, что великолѣпный Сириусъ померкнетъ сегодня отъ какой нибудь мировой катастрофы; такъ-какъ свѣтъ достигаетъ съ этой звѣзды до насъ въ 22 года, то мы, впродолженіе еще 22-хъ лѣтъ, все будемъ видѣть эту звѣзду на томъ же мѣстѣ, на которомъ ее, въ дѣйствительности, не будетъ уже почти цѣлую четверть столѣтія. Еслибы всѣ видныя нами звѣзды исчезли теперь, тѣмъ не менѣе, онѣ еще долго будутъ

сіять надъ нашими головами, нѣсколько лѣтъ, нѣсколько вѣковъ, нѣсколько тысячелѣтій; и потому весьма возможно, что звѣзды, которыхъ природу и движеніе мы силимся изучить въ настоящее время, въ дѣйствительности *не существуютъ отъ самаго начала нашего земнаго міра!* Да, мы знаемъ лишь одну прошлую страницу міровой исторіи; всѣ наши отношенія къ свѣтоварнымъ звѣздамъ ээира ограничиваются нѣсколькими брошенными на насъ съ нихъ лучами и то съ болѣе близкихъ къ намъ; все остальное мірозданіе закрыто отъ насъ непроницаемой завѣсой пространства. Существуютъ звѣзды, блескъ которыхъ уменьшается. Есть звѣзды, свѣтъ которыхъ померкъ, и которыхъ мы не находимъ уже на занимаемыхъ ими прежде мѣстахъ. У нѣкоторыхъ уменьшается свѣтоносная сила, у другихъ блескъ измѣняется періодически и переходитъ отъ maximum'a къ minimum'у напряженности, слѣдуя одному постоянному, опредѣленному циклу. Иныя звѣзды внезапно появлялись, сіяли самымъ сильнымъ блескомъ и исчезали не возвращаясь болѣе. Такова была памятная въ лѣтописяхъ астрономіи звѣзда 1572 г., появившаяся на семнадцатъ мѣсяцевъ въ созвѣздіи Кассіопеи, превосходившая по блеску Сиріусъ, Вега, Юпитеръ — феноменъ, приводившій долгое время въ изумленіе астрономовъ и бывшій предметомъ страха слабыхъ душъ. Въ первые дни ея появленія, она была видима на землѣ даже въ самый полдень; но мало по малу блескъ ея слабѣлъ, переходя всѣ величины до совершеннаго исчезновенія. Замѣтимъ мимоходомъ, что весьма немного было историческихъ явленій на нашей планетѣ, которыя надѣляли бы столько шуму, какъ эта таинственная посланница неба. Звѣзда появилась 11-го ноября 1572 г., лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ варооломеевской ночи: всеобщее безпокойство, народное суевѣріе, страхъ кометъ и приближенія конца міру, заранѣе предсказаннаго астрологами, служили превосходной постановкой для такого явленія. Вотъ почему, лишь явилась звѣзда, тотчасъ же объявили, что она именно сонувствовала новозавѣтнымъ ролхамъ въ Внолеемъ, и что пришествіе ея предсказываетъ новое воплощеніе Богочеловѣка на землѣ, и затѣмъ страшный судъ. Въ сотый разъ, кажется, предсказателямъ пришлось устыдиться, но это обстоятельство нисколько не помѣшало, однакоже, астрологамъ пользоваться большимъ кредитомъ спустя двѣнадцать лѣтъ, именно въ 1588 г., въ которомъ они предсказали еще разъ кончину міра, но... какъ видите, читатель, мы съ вами до сихъ поръ здравствуемъ.

Попытаемся въ общемъ очеркъ рассказать о нѣкоторыхъ превращеніяхъ, происшедшихъ въ видимомъ мірѣ и замѣченныхъ съ нашей планеты; понятно, что такой очеркъ — небогѣе какъ сла-

быи намежъ на то, что происходятъ ежедневно въ безконечномъ пространствѣ небесъ, но онъ, можетъ быть, будетъ достаточно, чтобъ искоренить старшій предразсудокъ о кажущейся неподвижности безмолвнаго неба. Наша неотвратимая, впрочемъ, привычка наблюдать міры небеснаго пространства во тьмѣ нашихъ ночей, тишина и безмолвіе, охватывающія насъ въ этой дремотѣ природы и при этомъ снѣ живыхъ существъ, сообщаютъ намъ совершенно ложное впечатлѣніе о картинѣ, которая раскрывается за предѣлами Земли, и мы невольно склоняемся видѣть, что будто и звѣздное небо участвуетъ въ одно время съ нами въ окружающемъ насъ порядкѣ вещей. Но это не болѣе какъ иллюзія нашихъ чувствъ, исчезающая при первомъ прикосновеніи научнаго изслѣдованія. Каждая планета имѣетъ одно полушаріе темное и одно освѣщенное, потому что только одна сторона планеты можетъ въ данное время получать лучи; вотъ почему дни и ночи смѣняются постоянно для всѣхъ точекъ планетнаго шара, слѣдуя вращенію планеты вокругъ своей оси, и потому наша ночь есть не болѣе какъ частный феноменъ, которому совершенно чужда остальная вселенная. Темнота, безмолвіе и тишина принадлежатъ лишь тому мѣсту земной поверхности, въ которомъ мы находимся въ данное время, и не распространяются далѣе. Это не болѣе, какъ земная случайность, неоставляющая ипкаквой тѣни на остальномъ мірѣ. Неизмѣримое небо, населенное мириадами звѣздъ, не становится оттого областью безмолвія и смерти. Инерція неба исчезла вмѣстѣ съ ученіемъ школы перипатетиковъ; его непрерывная подвижность подтверждается изслѣдованіями нашего времени. «Все движется, все видоизмѣняется, все блещетъ жизнью и дѣятельностью» говоритъ г. Фламмарьонъ. «Для пытливаго взора философа—продолжаетъ онъ—отрѣшающагося отъ времени и пространства, вселенная представляется гигантской совокупностью звѣздныхъ системъ, лучезарныхъ солнца которыхъ, сіяющія планеты, выходящія кометы непрерывно пересѣкаются, перемежаются, перемѣщаются одни за другими въ непрестанномъ движеніи по небеснымъ путямъ, влекомыя мировою силою. Тамъ обитаетъ жизнь, но не смерть—дѣятельность, а не покой—свѣтъ, а не мракъ—гармонія, а не безмолвіе—последовательныя превращенія существующихъ вещей, а не неподвижность и инерція».

Чтобы легче обозначить сіяніе звѣздъ, ихъ распредѣлили по порядку величинъ, согласно тому же сіянію. Само-собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ понятіе о величинѣ не прилагается къ разнѣрамъ звѣздъ, которые намъ неизвѣстны, но только къ ихъ кажущемуся блеску, и что вообще звѣзды, кажущіяся намъ наименьшими, слѣдуетъ считать лишь наиболѣе удаленными отъ

насъ. Въ обѣихъ земныхъ полушаріяхъ насчитываютъ 18 звѣздъ первой величины, 60—второй и около 200—третьей. Какъ видимъ, прогрессія возрастаетъ весьма быстро. Четвертой величины звѣздъ считаютъ 500, пятой—1400, шестой—4000. Здѣсь пока предѣлъ числу звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ; но числа возрастаютъ далѣе въ томъ же отношеніи, но мѣрѣ того, какъ мы станемъ наблюдать меньшія звѣздныя величины. За шестымъ порядкомъ насчитываютъ еще десять величинъ звѣздъ, но различаемыхъ уже только въ телескопъ. Чтобы составить понятіе о числительномъ возрастаніи этихъ звѣздъ, замѣтимъ, что восьмой величины насчитываютъ 40,000, девятой—120,000 и десятой—360,000. Прогрессія, между тѣмъ, все продолжается... Араго считалъ 9,566,000 звѣздъ тринадцатой величины, 28,697,000—четырнадцатой и опредѣлялъ въ 43 милліона все число звѣздъ всѣхъ величинъ, видимыхъ до четырнадцатой. Звѣздъ шестнадцатой величины Лаландъ, Деламбръ и Франквѣръ насчитывали около 75 *милліоновъ*, различаемыхъ въ самые сильные телескопы; нѣкоторые астрономы полагаютъ, что число звѣздъ этой величины доходитъ до 100 *милліоновъ*.

Такова численность видимыхъ намъ звѣздъ, то-есть достаточно близкихъ къ тѣмъ областямъ пространства, въ которыхъ движется нашъ шаръ, чтобы ихъ лучи могли достигъ до насъ.

Значительное число звѣздъ—почти одна изъ сорока—кажущихся простыми невооруженному глазу или въ обыкновенный телескопъ, найдены *двойными*, когда на нихъ были направлены могучіе телескопы Гершеля, Струве и лорда Росса, и тамъ, гдѣ различали сперва лишь одну неподвижную звѣзду, теперь изучаютъ систему двухъ солнць, вращающихся вокругъ одного общаго центра тяготѣнія. Точно такъ же замѣтили существованіе сложныхъ звѣздъ трехъ и четырехъ системныхъ міровъ. Эти системы приводятся въ движеніе точно такъ же, какъ и наша система, силой притяженія, и на каждое изъ составляющихъ ихъ солнць можно смотрѣть какъ на центръ группы планетъ, условія обитаемости которыхъ должны быть весьма отличны отъ нашихъ, принимая во вниманіе присутствие въ нихъ двухъ или нѣсколькихъ теплородныхъ и свѣтоносныхъ источниковъ и болѣе сложныя комбинаціи ихъ движенія въ пространствѣ. Обращенія этихъ свѣтилъ вокругъ ихъ общаго центра тяготѣнія совершаются въ весьма различныя времена, смотря по системамъ; для нѣкоторыхъ необходимо нѣсколько тысячъ лѣтъ. «Эти бинарные группы — говоритъ г. Фламарионъ — для приближенныхъ къ нимъ міровъ, съ которыхъ могутъ быть наблюдаемы ихъ движенія, должны служить гигантскими звѣздными кадранами, указывающими вѣковые періоды, передъ

которыми годы, человеческой жизни прошли бы незамѣтно. Можетъ ли кто сомнѣваться, что невѣдомые элементы, которыми природа украсила эти удаленныя звѣзды, что условія существованія, характеризующія планеты этихъ системъ, что образъ дѣйствія космическихъ силъ, тепла и свѣта, сливающихся отъ нѣсколькихъ звѣздъ, что таинственная смѣна дней—безъ ночей, можетъ быть, и безъ опредѣленныхъ временъ года, что присутствіе нѣсколькихъ электрическихъ источниковъ, комбинаціи новыхъ и неизвѣстныхъ намъ цвѣтовъ—кто можетъ сомнѣваться, что совокупное вліяніе всѣхъ этихъ одновременно дѣйствующихъ силъ не вызываетъ на поверхности этихъ мировъ обширную и великолѣпную лѣствицу жизни, типовъ, непредставляемыхъ для насъ, знающихъ лишь одинъ, уединенный уголокъ вселенной? Можетъ ли кто сомнѣваться, спрашиваемъ, чтобы гармонія движенія этихъ сферъ, достигающая даже до нашего глаза, длилась безконечно безъ причинъ и безъ цѣли; кто осмѣлится, наконецъ, утверждать, чтобы эти громадныя солнца созданы были для того лишь, чтобы вѣчно вращаться одно вокругъ другаго?»

Наибольшая часть видимыхъ нами звѣздъ и именно тѣ, которыя принадлежатъ къ *Млечному пути* или лежатъ въ сосѣднихъ ему регионахъ, образуютъ одно цѣлое, одну группу, обозначаемую въ звѣздной астрономіи подъ именемъ *туманнаго пятна*. Наше солнце—а слѣдовательно и Земля съ другими планетами—принадлежитъ и само также къ этой громадной агломерациі звѣздъ, подобныхъ ему—агломерациі, экваторіальныя слои котораго простираются на нашемъ небѣ въ видѣ обширнаго, свѣтящагося пути, обходящаго кругомъ звѣздную сферу; Солнце помещается къ срединѣ этого наслоенія звѣздъ, неподалеку отъ того региона, гдѣ это наслоеніе раздвигается на двѣ вѣтви; оно занимаетъ такимъ образомъ центральную часть Млечнаго пути. Еслибы захотѣли узнать, сколько солнць въ одной только этой экваторіальной области, у середины которой мы находимся, скажемъ, что Уильямъ Гершель, созерцая эту часть неба при помощи своего большого телескопа, въ короткій промежутокъ четверти часа и на пространствѣ пятнадцати минутъ діаметра (равняющемся четверти кажущейся поверхности солнца), насчиталъ прохожденіе 116,000 звѣздъ; прилагая свои вычисленія къ цѣлому Млечному пути, онъ нашелъ въ немъ не менѣе *восемьдесятити милліоновъ солнць*. Таково число, даваемое лишь однимъ экваторіальнымъ слоемъ туманнаго пятна, въ которомъ наше Солнце является весьма незначительной единицей, и въ которомъ наша земля и всѣ планеты теряются совершенно незамѣтно. Что касается до формы и протяженія этого туманнаго пятна,

то его принимают астрономы какъ груду звѣздъ чечевицеобразную, сплюсненную и изолированную со всѣхъ сторонъ, въ длину отъ семи до восьмисотъ разъ болѣе разстоянія Сириуса отъ Солнца, которое равняется 1,373,000 радиусамъ земной орбиты, слѣдовательно, 31,440,000,000,000 миль!!

«Естественно, что эта звѣздоносная область намъ кажется — замѣчать г. Фламмарьонъ—болѣе богатою солнцами, чѣмъ наши земляныя мины кусками желѣза и каменнаго угля; эта безмѣрная громада звѣздъ намъ представляется прекраснѣйшимъ богатствомъ творенія, чтобъ не сказать всецѣлымъ твореніемъ; однакоже наше сужденіе въ этомъ случаѣ есть только результатъ привычки все прикидывать къ скуднымъ размѣрамъ нашего маленькаго міра. Это—иллюзія, отъ которой слѣдуетъ отрѣшиться, признавъ, что наше туманное пятно далеко не единственное въ мірѣ, что оно лишь скромный спутникъ множества другихъ, не менѣе великолѣпныхъ, которыя такъ же блистательно, а можетъ быть, и еще блистательнѣе озаряютъ другіе регіоны зѣвря. Въ небесномъ пространствѣ весьма много млечныхъ путей, подобныхъ нашему, удаленныхъ отъ насъ на такое разстояніе, что мы не можемъ различать ихъ невооруженнымъ глазомъ. Если бы спросили, на какое разстояніе долженъ быть перенесенъ нашъ млечный путь отсюда, чтобъ представить намъ картину обыкновеннаго туманнаго пятна, то Араго отвѣчаетъ, что для этого слѣдовало бы нашъ млечный путь удалить на разстояніе, равное 334 его длинамъ. Но это такая длина, что свѣтъ употребляетъ не менѣе 15,000 лѣтъ, чтобъ пробѣжать ее. На разстояніи, въ 334 раза болѣе этого протаженія, намъ представилось бы наше туманное пятно подъ угломъ въ 10 минутъ и свѣтъ, чтобъ достигнуть отъ него до насъ, употребилъ бы $334 \times 15,000$ или 5,010,000 лѣтъ!»

Пространство усыяно туманными пятнами, такъ удаленными отъ нашего, несмотря притомъ на неизмѣримыя занимаемыя ими протаженія, что свѣтъ составляющихъ ихъ солнць можетъ достигнуть до насъ только миллионы лѣтъ спустя непрерывнаго стремленія по 42,000 миль въ секунду, и что самыя усовершенствованныя телескопы открываютъ намъ ихъ въ видѣ бѣловатыхъ отблесковъ, едва мерцающихъ въ неизмѣримыхъ глубинахъ пространства.

«Когда мы припомнимъ численность звѣздъ, ихъ взаимныя разстоянія, протаженія туманныхъ пятенъ и также ихъ взаимное разстояніе; когда за этими мірами непрерывно открываются новыя міры, и даже за этими еще новыя свѣтила примыкаютъ безконечно къ предъидущимъ; когда предъ нами, атома-

ми, раскрывается безконечность... чувствуешь — говорить Фламмарьонъ — содраганіе въ глубинѣ души и невольно спрашиваешь себя съ наивнымъ и трететнымъ любопытствомъ: «Что же такое эта вселенная, которая лишь становится громадной по мѣрѣ того, какъ расширяются наши представленія, и которая, если мы исчерпаемъ всѣ доступные намъ ряды чиселъ для выраженія ея величинъ, оказывается попрежнему недоступной предѣлу и всѣ приближенія наши къ уясненію ея размѣровъ поглощаетъ, какъ океанъ брошенную въ него песчинку? Границы существуютъ лишь въ нашемъ умѣ; пространство не можетъ ихъ терпѣть».

Мы достаточно уже познакомились съ результатами астрономическихъ изслѣдованій окружающихъ насъ мировъ, по крайней мѣрѣ, на столько, на сколько даютъ намъ для того средствъ наука чиселъ и величинъ и оптика. И это изученіе, какъ оно ни ограничено, однакожъ дозволяетъ намъ сдѣлать нѣсколько выводовъ, весьма простыхъ и скромныхъ, но тѣмъ не менѣе ненуждающихся ни въ какихъ дополнительныхъ, громкихъ фразахъ, именно: мы знаемъ, что видимыя нами свѣтящіеся міры суть лишь солнца, одинаковыя или даже превосходящія наше по размѣрамъ, свѣтоносной и теплопроводной силѣ; принадлежащія къ этимъ свѣтлѣмъ планетныя системы, подобныя нашей солнечной, остаются невидимыми для наблюдателя земли, точно такъ же, какъ и всякой другой планеты, по простому физическому закону ихъ вращенія вокругъ центра системы; стоить мысленно хотя переимѣнить на планету другой системы, чтобъ обитаемый нами шаръ *пропалъ безслѣдно для насъ въ безконечности*. Наше туманное пятно, такъ называемый млечный путь, эта громада мировъ, плавающихъ въ пространствѣ, можетъ казаться *одна доступнымъ зрѣнію блговатымъ пятнышкомъ*.

Какая же должна быть роль нашей планеты въ этихъ недоступныхъ представленію человеческого ума пучинахъ пространства?

Возратимся же къ болѣе доступному папнямъ представленіямъ міру нашей солнечной системы, и приступимъ къ сравнительному изученію ея планетъ, что дастъ намъ возможность изслѣдовать и обсудить условія обитаемости и не обитаемости каждаго изъ планетныхъ мировъ. Глава, посвящаемая г. Фламмарьономъ этому предмету, составляетъ, по нашему мнѣнію, зерно всей его книги, и нагляднѣй всего знакомитъ съ положеніемъ и значеніемъ Земли въ солнечной системѣ.

Ограничивая пока данными науки число мировъ нашей системы, мы видимъ, что Земля занимаетъ по порядку отъ центра къ периферіи системы третье мѣсто (изъ девяти), принимая асте-

роиды за одну планету, и что, слѣдовательно, она не отличается ни близостію, ни удаленностію, ни среднимъ разстояніемъ отъ Солнца; она *три* далѣе отъ Солнца, чѣмъ Меркурій, и въ *тридцать-шесть* разъ ближе къ нему, чѣмъ Нептунъ; точно такъ же она не находится и посрединѣ принимаемаго радіуса системы, потому что эта середина угадываетъ между орбитами Сатурна и Урана. Отсюда мы заключаемъ, что съ этой первой точки зрѣнія Земли ничѣмъ не отличена предъ другими планетами.

Если мы посмотримъ теперь на количества тепла и свѣта, получаемыя планетными мірами отъ Солнца, то зная, что при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, напряженность свѣта и тепла измѣняется въ обратномъ отношеніи къ квадратамъ разстояній, и принимая Землю за точку сравненія, найдемъ, что Меркурій получаетъ въ 7 разъ болѣе свѣта и тепла, чѣмъ нашъ шаръ, Венера въ 2 раза, Марсъ на половину менѣе, астероиды въ 7 разъ менѣе, Юпитеръ въ 27 разъ менѣе, Сатурнъ въ 90 разъ менѣе, Уранъ въ 365 разъ менѣе и, наконецъ, Нептунъ въ 1300 разъ менѣе.

Эти относительныя разстоянія планетъ отъ свѣтоноснаго источника, по отношенію къ которымъ Земля не пользуется никакой привилегіей, опредѣляютъ постепенное уменьшеніе температуры ихъ поверхности, начиная съ Меркурія и до Нептуна. Со времени знаменитыхъ трудовъ Фурье, мы знаемъ, что внутреннее тепло нашей планеты, какъ бы высока ни была степень его напряженности, имѣетъ лишь весьма слабое вліяніе на термическое состояніе ея поверхности, относительно вліянія Солнца. Современная намъ математическая теорія тепла не допускаетъ думать, чтобъ центральный огонь имѣлъ исключительное вліяніе на температуру охлажденной коры. Существованіе высокой температуры внутри Земли и центральнаго огня узнается чрезъ постепенное возрастаніе тепла отъ поверхности къ центру нашей планеты, которое не могло бы никоимъ образомъ существовать, еслибы только одно Солнце дѣйствовало на земной шаръ. Когда разъ было доказано существованіе внутренняго тепла, можно было опредѣлить его вліяніе на поверхность почвы, измѣряя степень легкости, съ которою слои, расположенные непосредственно подъ почвой, пропускаютъ чрезъ себя это тепло; но всѣ многочисленныя наблюденія въ этомъ отношеніи указали, что вліяніе центральнаго тепла въ настоящую эпоху существованія нашей планеты почти ничтожно на ея поверхность.

Въ первобытную эпоху образованія Земли, внутренняя температура ея не могла имѣть никакого сравненія съ той, которую

ны замѣчаемъ въ ея историческія времена. Отношеніе, открытое между долгою дня и теплотою земнаго шара, говоритъ намъ, что при уменьшеніи объема Земли отъ охлажденія ея массы, вслѣдствіе пониженія температуры соотвѣствовало бы приращенію скорости вращенія; но согласно астрономическимъ наблюденіямъ, со времени Гиппарха, то-есть за 2000 лѣтъ до насъ, долгота дня не уменьшилась на одну сотую секунды, что даетъ возможность утверждать, что средняя температура земнаго шара не измѣнилась за двѣ тысячи лѣтъ на $\frac{1}{170}$ градуса. Впрочемъ, кажется уже доказано, что Земля не охладится на замѣтное количество въ теченіе 1,280,000 лѣтъ.

Эти выводы, найденные на основаніи опытовъ, сдѣланныхъ на нашей планетѣ, могутъ быть примѣнены и къ другимъ планетамъ нашей системы, такъ-какъ все доказываетъ, что онѣ имѣютъ общее съ земнымъ шаромъ происхожденіе. Преобладающая причина тепла на поверхности планетъ зависитъ отъ ихъ относительныхъ разстояній отъ дневнаго свѣтила. Не слѣдуетъ терять, однакоже, изъ виду, что наши опредѣленія вполнѣ прилагаются лишь къ одному земному шару: весьма возможно, что на нѣкоторыхъ планетахъ, центральный огонь оказываетъ еще могущественное дѣйствіе на органическія феномены, совершающіеся на ихъ поверхности; точно такъ же на другихъ планетахъ, органическая жизнь едва лишь начинаетъ обнаруживаться и «человѣкъ еще не явился на нихъ», говоритъ г. Фламмарьонъ. Для разрѣшенія вопроса о степени тепла на поверхности планетъ, намъ потребовались бы чрезвычайно сложныя данныя, которыми мы, по всей вѣроятности, никогда не будемъ обладать, но г. Фламмарьонъ, полагая, что «всемогущая природа (*) въ силахъ вызвать къ жизни существа, организованнаго соотвѣтственно нормальному состоянію планеты», думаетъ, что и въ этомъ отношеніи нашъ земной міръ ничѣмъ не отличенъ отъ другихъ планетныхъ мировъ.

Если мы посмотримъ на планетныхъ спутниковъ, какъ на тѣла, расположенныя въ небѣ не только чтобъ освѣщать ночи, но и опредѣлять приливъ и отливъ океана и атмосферы, метеорическія явленія, то замѣтимъ, что нѣкоторыя планеты имѣютъ до восьми спутниковъ, и что Земля въ этомъ отношеніи не имѣетъ никакой привиллегіи. Приверженцы конечныхъ причинъ, замѣчаетъ при этомъ г. Фламмарьонъ, упираютъ въ особенности на то, что если-

(*) Опасаясь упрека въ пантеизмъ, г. Фламмарьонъ спѣшитъ оговориться, что понимаетъ онъ подъ словомъ *природа*: «Мы смотримъ на природу, то-есть, на всемірность созданныхъ вещей и управляющіе ими законы, говоритъ онъ, какъ на *выраженіе божественной воли*».

бы луна и другіе спутники не оказывали нѣкоторыхъ услугъ своимъ планетамъ, ихъ существованіе не имѣло бы никакой цѣли, никакого *raison d'être*. «Замѣтимъ, что этотъ аргументъ можетъ быть съ большою выгодною обращенъ противу выставляющихъ его. Въ самомъ дѣлѣ, обитатели этихъ малыхъ мировъ имѣютъ болѣе очевидное право считать себя привилегированными, и утверждать, что Земля и другія планеты, отражающія на нихъ значительно болѣе свѣта, созданы нарочно для того, чтобъ освѣщать ихъ долгія ночи; этотъ взглядъ тѣмъ болѣе основателенъ, что по пространству отраженія планеты превосходятъ своихъ спутниковъ. Земля, напримѣръ, посылаетъ въ 13 разъ болѣе свѣта на Луну, чѣмъ получаетъ отъ нея; разница эта для Сатурна, Урана и Юпитера еще значительнѣе, несмотря на число ихъ спутниковъ. Съ какой бы стороны мы ни взглянули на этотъ вопросъ, Земля поставлена нетолько въ менѣе благоприятныя условія противъ другихъ планетъ, но даже и самыхъ планетныхъ спутниковъ. Замѣтимъ, вмѣстѣ съ Араго, сторонникамъ конечныхъ цѣлей, что для удометворенія ихъ взглядовъ, необходимо слѣдовало бы, чтобъ планеты имѣли тѣмъ болѣе спутниковъ для своихъ послугъ, чѣмъ далѣе онѣ удалены отъ Солнца, чего на дѣлѣ нѣтъ; вмѣстѣ съ Лапласомъ — что для непрерывнаго освѣщенія ночей нашего міра, слѣдовало бы, чтобъ Луна, всегда на противостояніи и на разстояніи, вчетверо большемъ противъ того, на которомъ она теперь находится отъ Земли, совершала бы свое движеніе по орбитѣ, обнимающей земную, и въ той же плоскости, чего нѣтъ и не можетъ быть; съ Огюсть Контонъ — что лучше всего для этой цѣли было бы имѣть двухъ спутниковъ, расположенныхъ такимъ образомъ, чтобъ восхожденіе одного совпадало съ захожденіемъ другаго, что имѣло бы мѣсто, еслибы оба эти спутника обращались по одной орбитѣ, оставаясь постоянно удаленными одинъ отъ другаго на 180° долготы, чего также нѣтъ. На наши глаза Луна имѣетъ другое назначеніе, чѣмъ пустынно вращаться вокругъ нашего шара. Или она обитаема, или была обитаема, или будетъ обитаема. Хотя телескопъ показываетъ намъ пустынность на видимомъ полушаріи Луны — это фактъ наблюденія, правда; но этотъ фактъ нисколько не уполномочиваетъ насъ отрицать, точно такъ же какъ и утверждать что-либо положительнымъ образомъ при настоящемъ состояніи нашихъ знаній. Еслибы даже было достовѣрно доказано, что на поверхности этого полушарія совсѣмъ нѣтъ атмосферы, и слѣдовательно и никакой жидкости, это еще никоимъ образомъ не давало бы намъ права заключать о необитаемости спутника. Почти половина его поверхности совершенно скрыта отъ насъ, и останется навсегда неиз-

вѣстной намъ». Такъ думаетъ г. Фламмарьонъ о вопросѣ обитаемости Луны и спутниковъ.

Онъ не отрицаетъ, впрочемъ, тѣхъ выгодъ, которыя доставляютъ планетамъ ихъ спутники. Луна весьма полезна для Земли и по отношенію къ небесной механикѣ, для колебательныхъ движеній земнаго шара, и по отношенію къ звѣздной жизни планеты; полезна и для ея обитателей, по освѣщенію ихъ ночей и по вліяніямъ, которыхъ не успѣли еще пока точно опредѣлить на экономію земныхъ существъ, растений и животныхъ. Нашъ авторъ думаетъ лишь, что было бы странной претензіей утверждать, что мы составляемъ единственную цѣль созданія Луны, и чтобъ этотъ спутникъ, «на которомъ были распределены извѣстныя біологическія условія, значительно превосходитъ тѣхъ, которыми надѣлена Земля», не имѣлъ передъ собою другихъ перспективъ бытія, какъ постоянное безплодіе и вѣчную смерть. Каковы именно были эти біологическія условія Луны, которыя *превосходимы* извѣстными намъ земными—авторъ не говоритъ объ этомъ ни слова, по крайней мѣрѣ онъ не приводитъ ни одного научнаго факта, кромѣ опредѣленія количества получаемого Луною отъ Земли отраженнаго свѣта, превосходящаго количество того же свѣта, получаемого Землею отъ своего спутника. Намъ кажется болѣе научнымъ признаться, что пока мы вовсе ничего еще не знаемъ о біологическихъ условіяхъ нашего спутника. Телескопическія наблюденія, которымъ подвергали до сихъ поръ лунную поверхность, дали нѣсколько безспорныхъ фактовъ о существованіи на ней чрезвычайно высокихъ и крутыхъ горъ и глубокихъ пронастей, послѣдовательно обозначающихся на лунной поверхности блестящими и темными пятнами, но не дали никакой возможности предполагать тамъ атмосферу, по крайней мѣрѣ, въ придаваемомъ нами этому слову значеніи. Г. Фламмарьонъ полагаетъ, что невидимая намъ полусфера Луны *можетъ* изобиловать всей роскошью органической жизни. Это можетъ быть, но можетъ и не быть. Со временъ Уильяма Гершеля, господствовало же мнѣніе объ обитаемости Солнца, но послѣдніе труды по астрономической физикѣ, какъ сознается и самъ г. Фламмарьонъ, совершенно не допускаютъ насъ принять эту гипотезу.

— Обращаясь къ вопросу о существованіи атмосферъ на поверхности планетъ, г. Фламмарьонъ полагаетъ, что и въ этомъ отношеніи нашъ міръ не имѣетъ никакого преимущества; за исключеніемъ небольшой планеты Весты и «можетъ быть» также нашей Луны, всѣ міры, къ которымъ могли быть примѣнены астрономическія изслѣдованія, найдены окруженными атмосферой. Ея существованіе на Венерѣ указываютъ сумеречные феномены и об-

лачные пятна; на Марсѣ — туманы, подвигающіеся «надъ морями и идущіе освѣжить континенты»; на Юпитерѣ и Сатурнѣ — подобныя же туманы, пробѣгающіе съ обѣихъ сторонъ экватора и прорѣзывающіе блестящими поясами оба полушарія этихъ планетъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что говоря объ атмосферѣ планетъ, г. Фламмарьонъ не подразумеваетъ при этомъ *воздухъ и воду*. Онъ говоритъ, что ничто не доказываетъ, чтобы планетныя жидкости или газы имѣли химическій составъ, подобный составу жидкостей и газовъ земнаго шара. Напротивъ, онъ того мнѣнія, что планетныя жидкости и газы существенно равняются по составу отъ нашихъ, потому что во время ихъ образованія они находились въ условіяхъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, которыя имѣли мѣсто при образованіи ихъ на Землѣ.

Заключая свой разборъ вопроса объ атмосферахъ, г-нъ Фламмарьонъ прибавляетъ, что если извѣстны намъ физико-астрономическія средства и не отрицають присутствія атмосферы на какомъ нибудь планетномъ шарѣ, то отсюда мы еще не можемъ заключать, что на этомъ шарѣ нѣтъ атмосферы. «Если мы примемъ въ соображеніе небольшіе размѣры нашего спутника и его вѣроятную природу, то согласимся, что онъ можетъ быть покрытъ атмосферой, высота которой значительно менѣе сравнительно съ высотой нашей атмосферы и что эта атмосфера можетъ навѣдывать низменность этого міра, далеко не достигая вершинъ египетскихъ горъ.»

Разсматривая отношенія планетъ солнечной системы между собою по объемамъ и величинамъ поверхностей, мы также увидимъ, что Земля ничѣмъ не отличается и въ этомъ отношеніи отъ другихъ планетъ. Объемъ Марса, напримѣръ, въ семь разъ превосходитъ объемъ Земли, и въ то время, какъ діаметръ этой послѣдней равняется 1719 милямъ, діаметръ Сатурна простирается до 15,509 милъ, а Юпитера до 19,251 милъ. Кругосвѣтное плаваніе, оканчивающееся вокругъ Земли въ три года, продолжится при равныхъ обстоятельствахъ 28 лѣтъ вокругъ Сатурна, около 35 лѣтъ вокругъ Юпитера и болѣе 110 лѣтъ вокругъ Солнца.

Сравненія планетъ нашей системы по плотностямъ и массамъ также подтверждаютъ мнѣніе, что Земля не награждена никакимъ выдающимся преимуществомъ въ этомъ смислѣ предъ другими своими собратьями. Плотность Солнца нѣсколько болѣе плотности нашего каменнаго угля, а плотность Меркурія немного меньше плотности золота. Плотность Венеры и Земли равняется окиси магнитнаго желѣза; Марсъ по плотности равняется восточному рубину; Юпитеръ нѣсколько тяжелѣе дуба; на поверхности нашей воды эта планета плавала бы, какъ кусокъ дерева;

Уранъ имѣетъ плотность лигнита (ископаемый бурый уголь), а Нептунъ—плотность бука. Такимъ образомъ, принимая плотность Земли за единицу, мы видимъ, что наименьшая плотность нашей системы (именно Сатурна) въ семь разъ меньше плотности Земли и наибольшая плотность (Меркурія) въ три раза значительнѣе плотности земнаго шара.

Чрезвычайно интересное изслѣдованіе явленій тяжести на поверхности различныхъ планетъ нашей системы показываетъ намъ, что на Солнцѣ тѣла вѣсятъ въ двадцать-девять разъ болѣе, а на Марсѣ вполтину менѣе, чѣмъ на Землѣ. Слѣдовательно тѣло, пробѣгающее 4,90 метра въ первую секунду паденія на земной поверхности, пробѣгаетъ въ то же время 143,91 метръ на Солнцѣ и только 2,16 метра на Марсѣ. Это—два крайнихъ предѣла дѣйствія тяжести на поверхности планетъ нашей системы. Что касается до сравнительнаго вѣса тѣлъ, то на Меркуріѣ этотъ вѣсъ нѣсколько значительнѣе, чѣмъ на Землѣ, на Венерѣ—нѣсколько менѣе. На Юпитерѣ онъ въ три раза сильнѣе нашего; на Сатурнѣ, Уранѣ и Нептунѣ онъ весьма мало отличается отъ земнаго. Человѣкъ, вѣсящій на землѣ среднимъ числомъ 180 фунтовъ или немножко болѣе 3 пуд.; на Юпитерѣ вѣсилъ бы 1,520 фун. или 38 пудовъ, еслибы масса этой планеты была однородна съ массой Земли; но какъ при громадной величинѣ, Юпитеръ вѣситъ всего въ 388 разъ болѣе Земли, а потому и дѣйствительный вѣсъ человека на этой планетѣ долженъ быть 360 фунт. или 9 пудовъ.

Плотность планетъ и вѣсъ тѣлъ на ихъ поверхности представляютъ безспорно весьма важные элементы между аналогіями, по которымъ мы судимъ о сходствѣ различныхъ планетъ съ Землею. Всѣ организованныя существа сформированы сообразно отношенію этой тяжести къ ихъ образу жизни; для всѣхъ нихъ необходима известная сумма тѣлесной силы. Эта сила у животныхъ соответствуетъ ихъ величинѣ, вѣсу, образу перемѣщенія и количеству движенія, которое они расходуютъ въ обыкновенныхъ жизненныхъ отправленіяхъ; еще болѣе она стоитъ въ прямомъ отношеніи къ ихъ возможнымъ потребностямъ и составляетъ для нихъ какъ-бы вспомогательную силу при ихъ защитѣ, трудѣ, вездѣ, гдѣ требуется раскрыть наибольшую сумму дѣятельности. Та же сила необходима и для растений, для того, чтобы они могли выносить собственный вѣсъ и противостоять ударамъ извнѣ, которыми они подвержены со всѣхъ сторонъ. Но эта тѣлесная сила въ соотношеніи съ тяжестью зависитъ главнымъ образомъ отъ сама притяженія планетнаго шара. Отношенію, которое существуетъ между силой и вѣсомъ животныхъ и растений, есть, слѣ-

довательно, результатъ осмысленной комбинаціи между силой организмовъ и плотностью шара, на которомъ они живутъ; малѣйшая неправильность въ этомъ соотношеніи нарушила бы видимый порядокъ и вызвала бы хаосъ тамъ, гдѣ существуетъ гармонія. Сила тяжести, дѣйствующая въ различной степени на планетахъ, указываетъ поэтому на большое разнообразіе возможныхъ на нихъ существъ и такъ-какъ земные организмы стоятъ въ гармоніи съ этой силой, зависящей отъ совершенно случайнаго состоянія матеріи, мы должны заключать, что природа не была нисколько затруднена, чтобъ вызвать на другихъ планетахъ къ жизни существа, строеніе которыхъ точно также должно быть въ гармоніи съ той же самой силой тяжести на обитаемыхъ ими мірахъ. Тамъ, гдѣ тяжесть значительно разнится отъ земной тяжести, существа должны въ этой же степени разниться по своей энергіи отъ земныхъ. На нашихъ континентахъ не могутъ существовать животныя громады слона, такъ-какъ въ этомъ случаѣ дѣятельность мускульныхъ силъ, не приращаясь въ пропорціи съ увеличеніемъ вѣса, оказалась бы недостаточной для движенія болѣе огромныхъ массъ.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ сравнительнаго изученія планетныхъ міровъ нашей системы, г. Фламмарьонъ выводитъ заключеніе, что ни вся система, ни одна изъ составляющихъ ее планетъ въ частности не могли быть созданы для послужныхъ отношеній къ обитателямъ нашего скромнаго міра, который природа не надѣлила никакимъ особымъ преимуществомъ предъ другими. Припомнимъ, что Сатурнъ и Юпитеръ, несмотря на ихъ сравнительную слабость относительно плотностей, вѣсятъ: первый—во 100 разъ, второй—въ 338 разъ болѣе Земли; точно такъ же и другія планеты превосходятъ нашу по вѣсу какъ и по объему, но что однако, всѣ эти огромныя массы, *взятая вмѣстѣ*, составляютъ не болѣе *одной семисотой* части вѣса Солнца. Одинъ геометръ (*), желая дать намъ приблизительное понятіе о земной массѣ, вычислилъ, что потребовалось бы 10 миллиардовъ упряжекъ, каждая въ 10 миллиардовъ лошадей, чтобъ повезти нашъ шаръ земной по почвѣ, подобной почвѣ нашихъ обыкновенныхъ дорогъ. Г. Фламмарьонъ, примѣняя тотъ же пріемъ къ Солнцу, вычисляетъ, что для перевозки его потребовалась бы сила, которая можетъ быть выражена 3,550,000 предыдущихъ упряжекъ. Чтобъ уравновѣсить наше Солнце на чашкѣ вѣсовъ, слѣдовало бы положить на другую чашку *триста пятьдесятъ тысячъ земныхъ шаровъ!*

Эти цифры убѣдительно всего говорятъ намъ о нашей скромной роли въ мірозданіи.

(*) Франкёръ: *Uranographie*.

Съ астрономической точки зрѣнія, Земля, какъ мы видѣли, не пользуется никакой привилегіей относительно другихъ планетъ, которыя представляютъ своего рода условія для обитаемости. Но дѣйствительно ли эти условія существуютъ для нихъ и съ физиологической точки зрѣнія? Этому вопросу г. Фламмарьонъ посвящаетъ особую книгу. Всѣ его доказательства основываются здѣсь на томъ началѣ, что жизнь видоизмѣняется согласно ея силамъ, но никогда не затанвается въ элементахъ матеріи. Онъ объясняетъ разнообразіе мировой жизни, указывая на чрезвычайное различіе произведеній нашей планеты и на видоизмѣнимость ихъ сообразно измѣняемости среды и жизненныхъ началъ. Въ подтвержденіе этого положенія, фізіологія земныхъ организмовъ представляетъ намъ дѣйствительно весьма много громкихъ доказательствъ. Мы видимъ чрезвычайное множество видовъ водныхъ животныхъ, существующихъ совершенно несовмѣстимо съ существованіемъ всѣхъ другихъ созданій земнаго шара (Кювье); амфибіи живутъ въ атмосферѣ, смертельной для человѣка и для высшихъ животныхъ (А. Гумбольдтъ). По отношенію примѣняемости организмовъ къ свѣту точно такъ же: глазъ кондоровъ и орловъ, живущихъ въ высшихъ слояхъ воздуха, выносить ослѣпительную бѣлизну снѣговыхъ горныхъ вершинъ, точно такъ же какъ и прямой свѣтъ солнца (Джорманъ). Въ Америкѣ, неподалеку отъ большихъ рѣкъ, встрѣчаются иногда подземныя озера, куда никогда не проникали солнечныя лучи, гдѣ царствуетъ постоянный, глубочайшій мракъ. Рыбамъ, живущимъ въ этихъ озерахъ, органъ зрѣнія былъ совершенно бесполезенъ и онъ дѣйствительно его потеряли; на чешуйчатой кожѣ у нихъ сохранились однѣ лишь тусклые выпуклости тамъ, гдѣ у одноименныхъ имъ видовъ находятся глаза, точно природа написала на этихъ выпуклостяхъ: «Здѣсь бывають глаза у тѣхъ, кто имѣетъ въ нихъ нужду» (Бю). Самъ человѣкъ представляетъ въ этомъ отношеніи поучительные примѣры: г. Фламмарьонъ приводитъ въ доказательство одного арестанта Бастиліи, который былъ заключенъ сорокъ лѣтъ въ подземельѣ. Кажется, онъ не могъ имѣть никакого сообщенія со свѣтомъ, но успѣлъ достигнуть искусства не только писать, но и читать въ темнотѣ. Однакожъ, глаза его сдѣлались до такой степени впечатлительными, что когда его освободили изъ заключенія, онъ сталъ просить какъ милости позволенія возвратиться въ свой казематъ, потому что для него сдѣлалось невозможнымъ вновь привыкать къ дневному свѣту. Еще примѣръ такъ же замѣчательный какъ и предыдущій, представляетъ широкая водяная плоскость подземной воды перемѣннаго уровня, которая наполняетъ

Цирклякое озеро въ Корнеліи. Эта поверхность обыкновенно поднимается во время дождей и выпускает наружу рыбъ и живыхъ утокъ. Въ тотъ моментъ, когда приливающая вода выгонитъ ихъ изъ разбѣлннъ почвы, эти утки являются совершенно слѣпыми и почти совсѣмъ голыми. Способность зрѣнія возвращается къ нимъ довольно скоро, но необходимо время по крайней мѣрѣ трехъ недѣль, чтобъ у нихъ выросли перья и дали возможность летать. Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, Джироламо Агапито, также подтверждаетъ, что на сказанномъ озерѣ водятся утки слѣпыя и безперныя: *anitre senza piume e cicche*.

То же положеніе подтверждается и по отношенію къ вліанію климатовъ, тяжести, атмосфернаго давленія и такъ далѣе. Мы знаемъ, что нѣкоторыя инфузоріи не знаютъ ни тепла, ни холода, что виды ихъ, живущіе въ Китаѣ и Японіи, были найдены въ Балтійскомъ морѣ (Дж. Россъ); діатомы, которыми кишатъ теплые источники Канады, являются также въ полярныхъ странахъ; живущіе на поверхности моря, были найдены помощью зонда на глубинѣ 1800 футовъ, гдѣ подвергались давленію 60 атмосферъ (Циммерманъ). Вообще же природа доказываетъ намъ на каждомъ шагѣ, что въ ней нѣтъ безусловныхъ холода, тепла, свѣта, тьмы, что въ ней все лишь относительно, то-есть въ гармоніи. «Когда возражающъ намъ—говорить г. Фламмарьонъ—что на извѣстныхъ планетахъ вода можетъ существовать лишь въ видѣ паровъ, а на другихъ—лишь въ видѣ льда или снѣга; что на однихъ минералы должны быть въ расплавленномъ состояніи и на другихъ въ состояніи такой твердости, что искусство и земледѣліе на нихъ невозможны, и тысячи другихъ возраженій въ томъ же родѣ—мы замѣтимъ на нихъ только, что всѣ эти доводы могутъ имѣть значеніе для земныхъ элементовъ, перевесенныхъ на эти другіе міры, и потому не имѣютъ никакого научнаго значенія».

Навонецъ г. Фламмарьонъ ищетъ послѣднихъ доводовъ своему положенію объ извѣстной солидарности планетныхъ міровъ между собою и необходимой обитаемости ихъ въ результатахъ спектральнаго анализа и разложенія аеролитовъ.

Спектральный анализъ указалъ намъ въ свѣтовомъ спектрѣ планетъ тѣ же цвѣта и тѣ же черныя промежуточныя полосы, какъ и въ солнечномъ спектрѣ; откуда мы можемъ заключить, что планеты обладаютъ элементами, которые входятъ и въ составъ Солнца. Мы знаемъ уже, что на Солнцѣ существуютъ желѣзо, натрій, магній, хромъ, никель, мѣдь; но на немъ нѣтъ золота, серебра, олова, свинца, кадмія и ртути. Предвидя возраженіе, г. Фламмарьонъ предупреждаетъ его, говоря, что докажетъ ли намъ спектраль-

нѣе анализъ звѣздныхъ лучей существованіе на другихъ звѣздахъ элементовъ, подобныхъ составляющимъ наше Солнце и нашимъ планетамъ, или же онъ указываетъ на великое разнообразіе въ элементахъ, это нисколько не должно умалить въ насъ убѣжденія, что звѣзды или, лучше сказать, вращающіяся вокругъ нѣтъ планеты, «обладаютъ элементами, которые дали начало организмамъ сообразно относительному состоянію этихъ мировъ, какова бы ни была разница, разделяющая ихъ строеніе отъ нашего». Г. Фламмарьонъ развѣиваетъ до крайнихъ предѣловъ избранное имъ положеніе объ относительномъ значеніи всего существующаго. По его мнѣнію, даже отсутствіе атмосферы на поверхности каго-либо міра, а потому и отсутствіе жидкостей, не ведетъ *необходимо* къ заключенію о невозможности жизни. «Неужели же природа бессильна создать существа по инымъ образцамъ, кромѣ тѣхъ, которые существуютъ на землѣ?» спрашиваетъ онъ. «Какая глупость предполагать, что безъ извѣстнаго числа азота и водорода и азота, всемогущая природа не умѣла породить ни животной, ни растительной жизни, или, лучше сказать, не умѣла вызвать чего-либо помимо нашихъ земныхъ трехъ царствъ».

Возможность предполагать обитаемость другихъ планетъ подтверждаетъ еще и анализъ метеорическихъ камней или аеролитовъ. Въ нихъ найдены были желѣзо, никель, кобальтъ, мѣдь и такъ далѣе, почти цѣлая *треть* извѣстныхъ намъ простыхъ элементовъ. Но самый замѣчательный, конечно, фактъ, въ этомъ случаѣ тотъ, что при обработкѣ кислотами метеорического желѣза, г. Рейхенбахъ (*) отарилъ въ немъ *углеродистое жемчужо* (графитъ). *Presse scientifique des Deux Mondes* выражается такъ объ этомъ открытіи: «эти осколки (планетные) заключаютъ въ себѣ не только обыкновенные металлы и металлоиды, но и *углеродъ*; то-есть простое тѣло, происхожденіе котораго мы всегда можемъ отнести къ существованію организмовъ, и которое должно было быть оживотворено» (**).

Всѣ научные доводы г. Фламмарьона, приведенные нами выше, составляютъ, по нашему мнѣнію, лучшую и существенную часть его книги. Въ ней онъ сгруппировалъ и, слѣдуетъ сознаться, весьма искусно и наглядно, всѣ данныя естествознанія въ подтвержденіе своего положенія о множествѣ обитаемыхъ мировъ. Мы далеко не воспользовались всѣми доводами и соображеніями автора, какъ напримѣръ, о частныхъ условіяхъ обитаемости планетъ нашей системы и о ихъ іерархическомъ порядкѣ въ системѣ.

(*) Потеодорфа *Annalen*.

(**) *Pres. scient.* 1862 г. 1-го октября. Ст. де-Фонвьелли.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о г. Фламмарьонѣ. Большой сторонникъ всеобщей относительности въ физическихъ условіяхъ бытія, онъ полагаетъ однакоже совершенно необходимымъ для всеобщаго міроваго единства безусловныя нравственныя начала. «Для того, чтобъ существовало нравственное единство—говоритъ онъ—необходимо, чтобъ всѣ умы были соединены неразрывными связями съ верховнымъ умомъ». Всѣ нравственныя представленія, напримѣръ, о прекрасномъ, истинномъ, благомъ существуютъ неизбежно въ насъ, прирождены намъ, имѣютъ безусловный, неизбежный характеръ.

«Всемирныя истины—говоритъ г. Фламмарьонъ—имѣютъ тотъ отличительный характеръ, что существуютъ необходимо, независимо отъ насъ, и не могутъ быть подвержены никакому извращенію, съ какой бы то ни было стороны. Это—непогибающія аксіомы. Нашъ разумъ прозрѣваетъ ихъ, но не изобрѣтаетъ; онъ находитъ ихъ, но не формируетъ; и если не всѣ люди въ состояніи въ одинаковой степени воспринять ихъ, это потому, что не всѣ люди стоятъ одинаково высоко въ нравственномъ и умственномъ порядкѣ»...

На тѣхъ мірахъ, гдѣ безусловныя всеобщія начала правды, прекраснаго царствуютъ нераздѣльно, тамъ разумныя существа прошли уже горнило испытанія, по мнѣнію нашего автора, и тамъ они приблизились къ послѣднему совершенству. Землю г. Фламмарьонъ отодвигаетъ въ послѣдніе ряды планетно-нравственной іерархіи, за то, что на ней преобладаетъ царство плоти, а не лучшихъ стремленій духовныхъ. Но плоть наша, какъ доказалъ самъ г. Фламмарьонъ, вполне зависитъ отъ физическихъ условій обитаемаго нами шара, который занимаетъ и по физическимъ условіямъ для обитаемости весьма незавидное въ солнечной системѣ мѣсто.

Н. Ж.

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

VII.

ДРУЖЕСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

Отношенія между мистеромъ Бофиномъ и его литературнымъ человѣкомъ, мистеромъ Сайласомъ Вегомъ, нѣсколько измѣнились съ переменъ въ образѣ жизни мистера Бофина, такъ что римская имперія теперь чаще падала и уничтожалась по утрамъ въ великосвѣтскомъ домѣ, чѣмъ по вечерамъ въ бофиновомъ павильонѣ. Впрочемъ, иногда мистеръ Бофинъ, спасаясь на мгновленіе отъ всѣхъ прелестей роскоши и моды, являлся въ сумеркахъ въ павильонъ, и остановивъ на порогѣ выходившаго Вега, усаживался на старую свою скамейку и на ней продолжалъ «даденіе» изнѣженныхъ, развращенныхъ повелителей всего міра, которые уже тогда быстро неслись къ погибели. Еслибъ Вегъ получалъ не такое хорошее содержаніе, или еслибъ онъ лучше исполнялъ свои обязанности, то, конечно, считалъ бы подобныя посѣщенія за очень лестныя и пріятныя, но обманщикъ, получившій, богъ-знаетъ за что, огромное содержаніе, напротивъ, сардился на эти посѣщенія. Это совершенно естественно: неспособный слуга, кому бы онъ ни служилъ, всегда чувствуетъ неприязнь къ своему господину. Даже благородные, высокорожденные начальники и правители, отличающіеся особенною глупостью въ исполненіи своихъ высокихъ обязанностей, почти всегда отличались неприязнью къ тѣмъ, кому они служатъ, и тѣмъ глубже эти высокопоставленныя особы, тѣмъ и неприязнь ихъ сильнѣе; то юна выражается въ обидной недовѣрчивости, то въ грубомъ нахальствѣ. Что справедливо въ отношеніи общественнаго господина и его слугъ, то такъ же справедливо и касательно частныхъ господъ и слугъ.

Когда мистеръ Сайласъ Вегъ проникъ, наконецъ, въ *нашъ домъ*— какъ онъ всегда называлъ зданіе, подлѣ котораго такъ долго сидѣлъ съ своимъ латкомъ — и когда онъ нашель, что домъ во всѣхъ подробностяхъ страшно разнился отъ плана, созданнаго имъ въ своей головѣ, этотъ дальновидный и хитрый человѣкъ, чтобъ придать себѣ болѣе значенія и, такъ сказать, заслужить большее вознагражденіе за потерю, сталъ прикидываться грустнымъ и разочарованнымъ, сталъ оплакивать прошедшее, словно домъ этотъ, и онъ вмѣстѣ съ нимъ, подверглись самой печальной участи, испытали самое горестное униженіе.

— И это, сэръ, поваривалъ Сайласъ своему патрону, печально мотая головою:—и это былъ нѣкогда нашъ домъ! Это то зданіе, въ которомъ жили на моихъ глазахъ такіа великія особы, какъ миссъ Елизабетъ, мистеръ Джорджъ, тѣтя Дженъ и дядя Паркеръ (не надо забывать, что даже эти имена были имъ самимъ вымышлены). А теперь до чего дошелъ этотъ домъ! О, жалость, жалость!

Его сѣтованія казались такъ искренни, что добрый Бофитъ сожалѣлъ его и даже иногда сомнѣвался, не оскорбилъ ли онъ жестоко бѣднаго Сайласа, купивъ этотъ домъ. Послѣ известнаго читателямъ свиданья съ мистеромъ Винусомъ, Сайласъ посѣтилъ его еще два или три, какъ будто невзначай, случайно, и наконецъ, дипломатическіе переговоры, веденные имъ съ удивительнымъ искусствомъ, привели къ ожидаемымъ результатамъ и торгъ былъ заключенъ.

— Принесите *мою-то* въ павильонъ, сказалъ Сайласъ, поладивъ окончательно съ Винусомъ:—въ будущую субботу вечеромъ, и если вы не откажетесь отъ стакана пунша, то я не пожалѣю для васъ стараго ямайскаго рома.

— Вы знаете, что я плохой товарищъ, отвѣчалъ мистеръ Винусъ:—но пускай будетъ по вашему.

Итакъ, когда наступилъ вечеръ субботы, мистеръ Винусъ явился у воротъ павильона и тихонько позвонилъ.

Мистеръ Вегъ отворилъ ему ворота, и замѣтивъ свертокъ коричневой бумаги подъ мышкой гостя, замѣтилъ очень холодно:

— О, а я думалъ, что вы могли бы пріѣхать и въ вѣзбѣ.

— Нѣтъ, мистеръ Вегъ, отвѣтилъ Винусъ:—я не гнушаюсь шести свертковъ.

— Не гнушаетесь! еще бы, замѣчаетъ съ неудовольствіемъ Вегъ и едва сдерживается чтобъ не прибавить:—но есть свертки, которые васъ могутъ гнушаться.

— Вотъ ваша покупка, мистеръ Вегъ, сказалъ Винусъ, очень

любезно, передавая ему свертокъ: — я очень радъ, что передаю его тому, кому онъ первоначально принадлежалъ.

— Благодарствуйте, отвѣчалъ Вегъ:—это дѣло покончено, и я теперь могу вамъ замѣтить, что я сильно сомнѣваюсь, могли ли бы вы удержать у себя этотъ товаръ, еслибъ я приобрѣнулъ въ помощи закона. Я только упоминаю объ этомъ съ юридической точки зрѣнія.

— Вы такъ думаете, мистеръ Вегъ? Но вѣдь я у васъ ее купилъ.

— Вы не можете покупать плоть и кровь, сѣръ, въ этой странѣ, произнесъ торжественно Вегъ: — вы не можете. Теперь вы скажете, что это кости. А что такое кости?

— Съ юридической точки зрѣнія? спросилъ Винусъ.

— Да, съ юридической точки зрѣнія.

— Я не могу говорить о томъ, чего не знаю, мистеръ Вегъ, отвѣчалъ Винусъ, покраснѣвъ и возвышая голосъ:—но я чувствую себя совершенно способнымъ говорить о фактѣ, и потому съ точности зрѣнія факта, смѣю васъ увѣрить, что я не отдалъ бы своего товара; вы позволите мнѣ продолжать?

— Еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, то не продолжалъ бы, замѣтилъ Вегъ, стараясь успокоить раздраженіе своего гостя.

— Я бы не отдалъ своего товара прежде, чѣмъ вы положили бы деньги на столъ, Я не претендую смотрѣть на дѣла съ юридической точки зрѣнія, но всегда смотрю съ положительной, фактической.

Такъ-какъ Мистеръ Винусъ видимо былъ раздраженъ (вѣроятно, вслѣдствіе неудачи въ любви), а видѣть его не въ духѣ не было въ интересѣ Сайласа, то сей почтенный джентльменъ замѣтилъ успокоительнымъ тономъ:

— Я вѣдь только такъ сдѣлалъ замѣчаніе, я вѣдь говорилъ только предположительно.

— Такъ я бы желалъ, чтобъ вы, мистеръ Вегъ, другой разъ говорили деньги—положительно, отвѣчалъ мистеръ Винусъ:—и я долженъ вамъ сознаться, что мнѣ очень не нравятся ваши замѣчанія.

Между тѣмъ они уже вошли въ гостиную Вега, освѣщенную газомъ и жаркимъ пламенемъ въ каминѣ. Уютный, пріятный видъ этой комнаты послѣ холоднаго воздуха дѣйствуетъ очень успокоительно на Винуса и онъ, совершенно смягчившись, подравляетъ Вега съ его новымъ жилищемъ, замѣчая при этомъ, что онъ—Винусъ,—при первомъ еще ихъ свиданіи сказать, что Вегу повезло счастье.

— Да, ничего, здѣсь порядочно, отвѣчаетъ Вегъ.—Но помни-

те, мистеръ Винусъ, что нѣтъ золота безъ лигатуры. Сдѣлайте одолженіе, садитесь у камня. Вотъ горячая вода, ромъ, сахаръ; налейте себѣ сами по вкусу. Не желаете ли трубку, сэръ?

— Я не очень большой охотникъ до куренія, сэръ, отвѣчаетъ гость:—но не отказываюсь отъ времени до времени пускать изо рта клубокъ дыма.

Итакъ мистеръ Винусъ наливаетъ себѣ пунша, и мистеръ Вегъ наливаетъ себѣ пуншу; мистеръ Винусъ закуриваетъ трубку, и Вегъ закуриваетъ трубку.

— И въ нашемъ золотѣ есть лигатура, мистеръ Вегъ, вы кажется такъ изволили сказать? начинается Винусъ.

— Тутъ скрывается какая-то тайна, отвѣчаетъ Вегъ!—А это мнѣ не нравится, мистеръ Винусъ: мнѣ не нравится, что владѣльцы этого дома отправляются таинственно на тотъ свѣтъ, и я не знаю, кто это сдѣлалъ.

— Вы имѣете какія-нибудь подозрѣнія, мистеръ Вегъ?

— Нѣтъ. Я знаю, кто выигралъ отъ этого темнаго дѣла, но не имѣю никакихъ подозрѣній.

Сказавъ это, мистеръ Вегъ затянулся дымомъ и устремилъ на огонь свой взглядъ, ясно выразившій самое нѣжное человѣколюбіе. Но взглядъ этотъ былъ такъ рѣшительнъ, такъ строгъ, что невольно ~~казалось~~, не удалась ли отъ него великая добродѣтель ~~человѣколюбія~~ и не держитъ ли онъ ее насильно при себѣ, ухватившись за ея тогу.

— Подобнымъ же образомъ, продолжаетъ сей почтенный джентльменъ:—я, конечно, могу сдѣлать кое-какія замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ обстоятельствъ и лицъ, но это никакъ не претензія, не укоръ, мистеръ Винусъ. Положимъ, что огромное состояніе сваливается съ неба на человѣка, котораго мы не назовемъ. Положимъ, что извѣстное жалованье, не считая отопленія, падаетъ съ неба на меня. Который изъ насъ лучше? Конечно, не тотъ, кого мы не назовемъ. Вы видите, это — мое личное мнѣніе, личное замѣчаніе, но никакъ не претензія, не укоръ. Я беру свое жалованье и отопленіе, онъ беретъ свое состояніе — вотъ и все.

— Хорошо было бы, еслибъ я могъ смотрѣть на все такъ спокойно, какъ вы, мистеръ Вегъ.

— Выслушайте меня, продолжаетъ Сайласъ, размахивая въ краснорѣчивомъ азартѣ своей трубкой и деревянной ногой: — вотъ еще одно замѣчаніе, мистеръ Винусъ, и тоже безъ всякаго укора. Тотъ, кого мы не называемъ, поддается легко чужому вліянію, и вотъ его заговариваютъ, имъ совершенно завладѣваютъ, такъ что онъ, то-есть тотъ, кого мы не называемъ, имѣя меня

нодь рукою, меня, который ожидаетъ повышенія и, можетъ быть, вы скажете, достоинъ повышенія....

(Мистеръ Винусъ произноситъ сквозь зубы: — конечно, конечно).

— При такихъ-то обстоятельствахъ, тотъ, кого мы не называемъ, оставляетъ меня въ сторонѣ и ставитъ мнѣ на голову какого-то неизвѣстнаго человѣка, который его заболталъ. Который изъ насъ двонхъ лучше? Тотъ неизвѣстный, или я? Который янаетъ болѣе стиховъ? Который изъ насъ отработалъ римлянъ и военныхъ и статскихъ, до того, что совершенно осипъ, словно наглотался опилокъ съ самаго рожденія? Конечно, не этотъ неизвѣстный болтунъ. А все же домъ для него всегда открытъ, точно онъ его собственный; у него есть своя комната и онъ получаетъ болѣе тысячи въ годъ. А меня сослали въ павильонъ, откуда доставаютъ когда только нужно, какъ негодную мѣбель какую. Итакъ вы видите, достоинствомъ, добродѣтелью ничего не возьмешь. Вотъ что. Я это только замѣчаю, ибо привыкъ рассуждать обо всемъ съ высшей точки зрѣнія, но все же это только замѣчаніе, а не упоръ. Скажите, мистеръ Винусъ, вы бывали здѣсь когда-нибудь прежде?

— Да, но только не по-сю сторону воротъ, мистеръ Вегъ.

— Такъ вы бывали у воротъ, мистеръ Винусъ?

— Да, мистеръ Вегъ, и заглядывалъ изъ любопытства и вовнутрь.

— Видѣли вы чтонибудь?

— Ничего, кромѣ мусорныхъ кучъ.

Мистеръ Вегъ быстрымъ взглядомъ обидываетъ всю комнату, потомъ такъ же обзрѣваетъ съ ногъ до головы мистера Винуса, словно подозрѣвая, нѣтъ ли на немъ чего непозволительнаго.

— Однако, сэръ, продолжаетъ онъ:—вы были знакомы съ старикомъ Гармономъ и, кажется, простое приличіе требовало, чтобы вы его когда-нибудь посѣтили. А вѣдь вы вообще очень любезный человѣкъ. (Но послѣднее замѣчаніе было очевидно прибавлено въ видѣ комплимента, чтобъ смягчить мистера Винуса).

— Это правда, сэръ, отвѣчаетъ Винусъ, моргая глазами и запустивъ руку въ свои пыльные волосы: — я былъ любезнымъ человѣкомъ до той минуты, пока извѣстное замѣчаніе не ожесточило меня. Вы понимаете, на что я намекаю, мистеръ Вегъ? Это касательно нѣкотораго замѣчанія, насчетъ нежеланія видѣть себя въ извѣстномъ свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ все исчезло, осталась одна жемчъ.

— Не все, замѣчаетъ Вегъ, тономъ сентиментальнаго сочувствія.

— Да, сэръ, все, возражаетъ Винусъ:—это, можетъ быть, свѣту покажется жестокостью, но мнѣ, право, было бы все-равно лягнуть своего лучшаго друга. Право, я даже думаю, что мнѣ это принесло бы удовольствіе.

Съ этими словами мистеръ Винусъ приходитъ въ такой азартъ, что вскакиваетъ со стула, а Вегъ, чтобъ защитить себя, замахивается своей деревянной ногой и отскакиваетъ на спинку кресла, которая поддается и несчастный летитъ на полъ съ кресломъ, трубкой и вѣсѣмъ. Безвредный инцидентъ спасаетъ его изъ этого критическаго положенія.

— Вы потеряли равновѣсіе, мистеръ Вегъ, говоритъ онъ, подавая ему трубку.

— Да, что же прикажете дѣлать, сердито ворчитъ Сайластъ, потерая голову:—когда не говоря ни слова, вашъ гость бросается на васъ? Нѣтъ, ужъ пожалуйте, мистеръ Винусъ, не дѣлайте болѣе этихъ штукъ.

— Извините меня, мистеръ Вегъ. Но я такъ озлобленъ, ослоточень.

— Положимъ, но чортъ съ нимъ съ озлобленіемъ, торжественно возражаетъ Вегъ:—порядочный человѣкъ можетъ быть озлобленъ и сидя. Что же касается до того, что можно смотрѣть на человѣка въ различномъ свѣтѣ, то вѣдь можно смотрѣть не въ одномъ только костлявомъ, но и *колодушиномъ*. А въ этомъ последнемъ свѣтѣ я не желаю себя видѣть, прибавилъ онъ, потирая себѣ голову.

— Я это приму къ свѣдѣнію, сэръ.

— Сдѣлайте одолженіе, говоритъ Вегъ, и потомъ, мало по малу, измѣняя тонъ, продолжаетъ прежній разговоръ: — мы говорили о томъ, что мистеръ Гармонъ былъ вашимъ пріятелемъ.

— Не то чтобъ пріятелемъ, мистеръ Вегъ, я только иногда съ нимъ разговаривалъ и имѣлъ кое-какія дѣла. Ужасно былъ любопытный человѣкъ касательно всего, что находили въ его мусорѣ. И все это держалъ въ страшной тайнѣ.

— А, вы находили его очень таинственнымъ во всемъ, что касалось его мусора? замѣчаетъ Вегъ съ какимъ-то жаднымъ удовольствіемъ.

— Да, онъ всегда мнѣ казался таинимъ.

— А, продолжаетъ Винусъ, закатывая глаза. — Ну, скажите, что же онъ находилъ въ мусорѣ? И не говорилъ ли онъ когда нибудь, какъ онъ находилъ? Живя на этой таинственной землѣ, хотѣлось бы знать все, что до нея относится. Положимъ, хоть гдѣ

отъ сказать? И какъ они принимался за дѣло? Начинать ли они сверху горы, или снизу? Что, онъ подкапывалъ или прокапывалъ? прибавилъ Вегъ, очень выразительно показывая рукою оба движенія:—какъ вы скажете, говоря откровенно, какъ добываетъ человеку, любезный мистеръ Винусъ, онъ подкапывалъ или прокапывалъ?

— Я бы сказалъ, что ни то ни другое, мистеръ Вегъ.

— Спрашиваю васъ, какъ человекъ, какъ близкаго... однако, налейте себѣ дуншу... отчего ни то, ни другое?

— Потому, сэръ, какъ я предполагаю, что находимое въ мусорѣ получалось отъ сортированія и просѣванія. Бѣ ли кучи сортированы, и просѣваны, или нѣтъ?

— Вы сами посмотрите и скажите свое мнѣніе. Однако, налейте же еще. Живя, какъ я уже замѣтилъ, на этой таинственной землѣ, продолжаетъ Сайласъ, когда его гость наполнилъ свой стаканъ:— хотѣлось бы все знать; какъ вы думаете, скажите какъ, братъ, вѣроятно ли, чтобы онъ, находя кое-что въ этихъ кучахъ, пряталъ бы туда что нибудь?

— Вообще говоря, мистеръ Вегъ, я полагаю, что это возможное дѣло.

Мистеръ Вегъ поспѣшно надѣваетъ очки и съ восхищеніемъ, обозрѣваетъ мистера Винуса съ ногъ до головы.

— Какъ смертный, подобный мнѣ, и которому я жму руку, въ первый разъ сегодня, не ученивъ непростительнымъ образомъ до сихъ поръ сего дѣйствія, связующаго одно живое существо съ другимъ самыми неразрывными узами довѣрія, произноситъ Вегъ, торжественно ударяя по руцѣ Винуса:— во имя этихъ узъ довѣрія, вѣ которыхъ я не признаю никакой связи между мною и человекомъ мнѣ равнымъ, котораго я называю братомъ, близнецомъ, скажите, что, по вашему, онъ могъ спрятать въ этихъ кучахъ мусора?

— Это только предположеніе, мистеръ Вегъ.

— Какъ существо разумное, положи руку на сердце, восклицаетъ Вегъ—и это восклицаніе не потеряло нисколько своей выразительности отъ того, что въ эту минуту рука разумнаго существа поклонилась не на сердце, а на стаканъ дунши:— выразите словами ваше предположеніе.

— Онъ былъ такого рода старикъ, отвѣчаетъ практическій анатомъ, медленно прихлебывая пуншъ:— что по всей вѣроятности, пользуясь удобствомъ мѣстности, онъ пряталъ въ этихъ кучахъ деньги, драгоценности, можетъ быть, и бумаги.

— Какъ человекъ, вѣчно бывший украшеніемъ сего міра—восклицаетъ Вегъ, снова схвативъ руку мистеру Винуса и приговаривая хлопнуть по ней въ данную минуту:— какъ человекъ,

второго, вмѣстѣ съ поэтомъ, можно поистинѣ назвать британскимъ дубомъ, объясните мистеръ Винусъ, что вы разумѣете подъ словомъ — бумага!

— Судя по тому, что старикъ постоянно или изгонялъ кого-нибудь изъ дома, или проклиналъ своихъ близкихъ родственниковъ, онъ, по всей вѣроятности, писалъ много завѣщаній и дѣлалъ не разъ приписки къ нимъ.

Рука Сайласа Вега съ шумомъ опустилась на открытую ладонь Винуса, и Вегъ воскликнулъ въ восторгѣ:—братъ, близнецы во мнѣніяхъ, какъ и въ чувствахъ! Налейте еще!

Пододвинувшись теперь совершенно вилоть къ креслу Винуса, Вегъ поспѣшно поддвигаетъ пуншу и ему и себѣ и, чокнувшись съ гостемъ, ставитъ свой стаканъ на столъ.

— Мистеръ Винусъ, торжественно начинаетъ онъ, хлопая руками по колѣнамъ своего новаго друга:—не изъ желанія мстить за предпочтеніе, оказанное передо мною какому-то неизвѣстному, хотя я его и считаю очень подозрительнымъ человѣкомъ, не изъ желанія нажиться, хотя деньги всегда пригодятся, или изъ собственныхъ интересовъ, хотя я не такъ гордъ, чтобъ отказаться отъ того, что можетъ принести мнѣ пользу — нѣтъ, это во имя правды и справедливости...

— Да, что же, что же? перебиваетъ его Винусъ.

— Я хочу сдѣлать вамъ дружеское предложеніе. Вы понимаете, въ чемъ оно должно заключаться?

— Нѣтъ, не понимаю, и не пойму прежде, чѣмъ вы мнѣ объясните, мистеръ Вегъ.

— Если на этой землѣ, гдѣ я живу, можно что-нибудь найти, то найдемъ вмѣстѣ. Я дѣлаю дружеское предложеніе искать намъ обомъ вмѣстѣ и дѣлить все, что найдемъ, пополамъ—и это во имя правды и справедливости, прибавляетъ Сайласъ, съ благородною гордостью.

— Такимъ образомъ, замѣчаетъ Винусъ, послѣ долгаго размышленія:—если что-нибудь будетъ найдено въ этихъ кучахъ мусора, то мы, то-есть вы и я, сохранимъ эту находку въ тайнѣ, не такъ ли, мистеръ Вегъ?

— Это будетъ зависть отъ того, что мы найдемъ, мистеръ Винусъ. Положимъ, что это будутъ деньги, или серебро, или драгоценности, вѣдь онѣ будутъ принадлежать намъ столько же, какъ и всякому другому.

Мистеръ Винусъ почесываетъ брови съ вопросительнымъ видомъ.

— Во имя правды и справедливости, это такъ, продолжаетъ Вегъ:—потому что вѣдь если мы оставимъ найденныя нами вещи

въ мусорныхъ кучахъ и ихъ продадутъ, ничего не подозрѣвал, то вѣдь покупаягъ приобретаешь то, что онъ никогда не покупалъ и не думалъ найти въ мусорѣ. Но это, мистеръ Винусъ, было бы некороно, несправедливо, а мы дѣствуемъ во имя правды и справедливости.

— Положимъ, что это будутъ бумаги, замѣчаетъ Винусъ.

— Смотри по тому, что въ нихъ будетъ заключаться, мы предложимъ ихъ передать тѣмъ, до кого онѣ будутъ касаться, поспѣшно отвѣчаетъ Вегъ.

— Во имя правды и справедливости, мистеръ Вегъ.

— Конечно, мистеръ Винусъ. Если тѣ, до кого бумаги будутъ касаться, употребить ихъ во зло, то мы за это не отвѣчаемъ. Я имѣю, мистеръ Винусъ, такое высокое мнѣніе о васъ, что его невозможно выразить словами. Съ тѣхъ-поръ, какъ я васъ посѣтилъ въ первый разъ и засталъ васъ, такъ-сказать, витающимъ въ парахъ чая, я почувствовалъ, что необходимо чѣмъ нибудь возбудить къ дѣятельности вашъ великій умъ. Въ дружескомъ предложеніи, сдѣланномъ мною, вы найдете достойную цѣль для умственной дѣятельности.

Послѣ этого мистеръ Вегъ распространяется о томъ, что побудило его сдѣлать дружеское предложеніе, именно о рѣдкихъ способностяхъ мистера Винуса для подобныхъ поисковъ. Онъ особливо указываетъ на терпѣніе мистера Винуса, на его искусство и ловкость въ обращеніи со всѣми самыми мелкими вещами, на его знаніе всякаго рода тканей и предметовъ, наконецъ на вѣроятность, что владея всѣми этими способностями, онъ легко можетъ открыть великій кладъ.—Что же касается до меня, продолжалъ Вегъ:—то я на это не гожусь. Принялся ли бы я подкапываться или прокапываться, я бы никогда не сумѣлъ такъ деликатно повести дѣло, чтобъ снаружи не было и примѣтно. Вы—дѣло совсѣмъ другое, только взялись бы вы за работу (и вы возьметесь за нее) для приведенія въ дѣйствіе дружескаго предложенія, связующаго васъ неразрывными узами, какъ человѣка и ближняго, съ другимъ человѣкомъ и ближнимъ. Далѣе мистеръ Вегъ очень скромно замѣчаетъ, что деревянная нога мѣшаетъ ему лазить по лѣстницамъ и высокимъ кучамъ, и кромѣ того, она непремѣнно увязала бы въ мусорѣ и не давала бы ему двигаться съ мѣста. Но тутъ, оставляя этотъ предметъ и быстро переходя къ другой сторонѣ вопроса, онъ указываетъ на тотъ странный случай, что прежде чѣмъ онъ поселился въ павильонъ, онъ слышалъ впервые отъ мистера Винуса о преданіи про сокровища, скрытыя въ мусорныхъ кучахъ.— Конечно, прибавляетъ онъ, съ какимъ-то смутнымъ, набожнымъ выраженіемъ лица:—это

было предназначение.» Наконецъ онъ возвращается снова къ тому, что онъ дѣйствуетъ во имя правды и справедливости, замѣчая при этомъ, что онъ имѣетъ какое-то непонятное предчувствіе, что въ мусорѣ найдется нѣчто-такое, что послужитъ для уличенія мистера Бофина, обратившаго въ свою пользу таинственное убійство, и что его дружеское предложеніе будетъ имѣть результатомъ преданіе этого человѣка въ руки правосудія. — И все это будетъ сдѣлано, спѣшитъ прибавить Вегъ:—не изъ корыстнаго желанія получить обѣщанную награду, хотя совершенно было бы безнравственно отказать отъ нея.

Мистеръ Винусъ молча слушаетъ эту краснорѣчивую рѣчь и только почесываетъ свои пыльные волосы. Когда Вегъ окончилъ и широко открылъ свои объятія, вѣроятно для того, чтобы показать Винусу свою широкую грудь, мистеръ Винусъ нѣсколько мпнуть молча моргаетъ глазами.

— Я вижу, что вы уже попробовали одни приняться за работу, мистеръ Вегъ, произносить онъ наконецъ очень спокойно:—и вы на опытѣ убѣдились, какая это трудная работа.

— Нѣтъ, нельзя сказать, чтобы я пробовалъ отыскивать что-нибудь, воскликнулъ Вегъ, нѣсколько смущенный ловкимъ намекомъ Винуса:—я только составилъ планъ дѣйствія.

— И нашли одни затрудненія?

Вегъ молча качаетъ головой.

— Я, право, не знаю, что вамъ на это отвѣчать, мистеръ Вегъ, говоритъ Винусъ послѣ минутнаго размышленія.

— Скажите: да—замѣчаетъ Вегъ.

— Еслибъ я не былъ озлобленъ, то мой отвѣтъ былъ бы нѣтъ; но озлобленный, доведенный до бѣшенства и отчаянія, я, кажется, могу сказать: да.

Вегъ съ восторгомъ наполняетъ оба стакана пуншемъ, чокается съ своимъ другомъ и мысленно пьетъ за здоровье той женщины, которая была главной причиной того, что Винусъ такъ скоро согласился на его дружеское предложеніе.

Вслѣдъ за этимъ всѣ пункты дружескаго предложенія серьезно разбираются и подтверждаются. Ихъ всего три—тайна, вѣрность, постоянство. Кромѣ того условлено, что Винусъ съ этого дня имѣетъ всегда свободный входъ въ павильонъ для своихъ поисковъ и, главное, что слѣдуетъ принимать всевозможныя предосторожности, дабы не возбудить подозрѣнія въ сосѣдяхъ.

— Кто-то идетъ! вдругъ восклицаетъ Винусъ.

— Гдѣ? спрашиваетъ шопотомъ Вегъ, вскакивая съ мѣста.

— На дворѣ. Шш!

Они въ самую эту минуту протянули другъ другу руки, чтобы нѣжными пожатіемъ ратификовать трактатъ; смущенные неожиданнымъ шумомъ, они быстро отнимаютъ руки, и откинувшись на спинки креселъ, закуриваютъ трубки, какъ-бы ни въ чемъ не бывало. Шаги на дворѣ слышатся все ближе и наконецъ чья-то рука стучитъ въ окно. — Войдите! кричитъ Вегъ, разумѣя подъ этимъ: обойдите кругомъ въ дверь. Но старинное, тяжелое окно медленно приподымается и чья-то голова выступаетъ изъ мрака ночи.

— Мистеръ Сайласъ Вегъ здѣсь? Ахъ, да, я вижу его! прозвонитъ голосъ снаружи.

Друзья, быть можетъ, не были бы совершенно спокойны, даже еслибъ этотъ неожиданный посѣтитель явился обыкновеннымъ образомъ въ дверь; но теперь, видя его, облокотившагося на окно, окруженнаго со всѣхъ сторонъ мракомъ ночи, они очень смутились, особенно мистеръ Винусъ, который, вынувъ изъ рта трубку, устремляетъ удивленный, испуганный взглядъ на лицо незнакомца, словно это голова индійскаго ребѣнка въ спиртъ, которая явилась, чтобы тащить его насильно домой.

— Добрый вечеръ, мистеръ Вегъ. Надо починить замокъ у калитки, а то она не запирается накрѣпко.

— Это вы, мистеръ Роксмитъ? спрашиваетъ испуганный Вегъ.

— Да, я—мистеръ Роксмитъ. Я васъ не обезпокою и даже не войду. У меня есть къ вамъ порученіе, которое я взялся исполнить по дорогѣ домой. Хотя калитка и была открыта, но я нѣсколько минутъ сомнѣвался, не позвонить-ли мнѣ лучше, боясь, чтобъ у васъ на дворѣ не была спущена собака.

— Жаль, что ея нѣтъ, промчалъ сѣвось зубы Вегъ, вставая съ креселъ, и повернувшись спиною къ окну: — Шш! прибавилъ онъ шопотомъ Винусу: — это неизвѣстный.

— У васъ тамъ кто-то сидитъ; знакомый мнѣ, или нѣтъ? спросилъ секретарь, окидывая взглядомъ комнату.

— Нѣтъ, мистеръ Роксмитъ. Это мой пріятель зашелъ ко мнѣ посидѣть вечерокъ.

— О! извините меня пожалуйста. Мистеръ Бофинъ велѣлъ вамъ сказать, что онъ ни мало не требуетъ, чтобъ вы сидѣли всѣ вечера дома, на томъ основаніи, что онъ можетъ зайти. Онъ не желаетъ вовсе быть вамъ такой помѣхой, и потому впредь, если онъ придетъ къ вамъ не предупредивъ васъ, то ни мало не будетъ претендовать, если не застанетъ васъ дома. Вотъ и все. Доброй ночи.

Съ этими словами, секретарь опускаетъ окно и исчезаетъ. Друзья

прислушиваются къ его шагамъ, которые вскорѣ исчезаютъ за калиткой.

— И изъ-за этого-то человѣка меня обопли, мистеръ Винусъ, восклицаетъ Вегъ: — смѣю васъ спросить, что вы объ немъ думаете?

Вѣроятно, Винусъ самъ не знаетъ, что онъ думаетъ о секретарѣ, ибо онъ нѣсколько разъ принимается отвѣчать, но никакъ не можетъ выговорить ничего болѣе, какъ то, что у него *очень странная физиономія*.

— То-есть, вы хотите сказать — фальшивая, лукавая, замѣчаетъ Вегъ: — по мнѣ, имѣй какую хочешь физиономію, только не фальшивую. Это сейчасъ доказываетъ мошенника.

— Знаете вы что-нибудь дурное о немъ? спрашиваетъ Винусъ.

— Что-нибудь дурное о немъ? повторяетъ Винусъ: — что-нибудь? Говорю какъ человѣкъ, который рабъ правды и обязанъ отвѣчать по совѣсти — я знаю про него не что-нибудь, а *все* дурное.

Посмотрите, въ какія непостижимо-глупыя убѣжища прачуть свои головы безпѣрые страусы! Точно такимъ же непостижимымъ нравственнымъ убѣжищемъ служить Вегу его увѣренность въ фальшивомъ характерѣ мистера Роксмита.

— Смотри на это звѣздное небо, восклицаетъ Вегъ, провожая по двору своего друга, послѣ того, какъ они вмѣстѣ выпили, можетъ быть — и невѣ мѣру, пуншу: — смотря на это звѣздное небо, какъ-то горько вспомнить, что подъ этимъ самымъ небомъ возвращается себѣ преспокойно домой неизвѣстный, фальшивый человѣкъ, овладѣвающій хитростью чужими умами.

— Зрѣлище этихъ небесныхъ глазъ, тихо бормочетъ Винусъ, смотря наверхъ: — приводитъ мнѣ на память всю жестокость ея словъ, гласившихъ, что она не хочетъ видѣть себя, и чтобъ ее видѣли другіе въ...

— Знаю, знаю. Не повторяйте, перебиваетъ его Вегъ, пожиная ему руку: — но подумайте только о томъ, какъ зрѣлище этихъ звѣздъ укрѣпляетъ меня въ борьбѣ за правду, и справедливость противъ тѣхъ, кого я не назову. Не то, чтобъ я хотѣлъ отомстить, нѣтъ; но посмотрите, какъ эти звѣзды возбуждаютъ во мнѣ старыя воспоминанія! Старыя воспоминанія... о чемъ, сэръ?

Винусъ только что начинается снова: — объ ея жестокихъ словахъ, гласившихъ, что она не хочетъ... какъ Сайласъ, перебиваетъ его съ достоинствомъ:

— Нѣтъ, сэръ! Звѣзды возбуждаютъ во мнѣ воспоминанія о *нашемъ домѣ*, о мистерѣ Джорджѣ, тѣтѣ Дженъ, дядѣ Паркерѣ,

исчезнувшихъ навѣн! Все это принесено въ жертву бальной счастью, минутному идолу.

VIII.

Невинное похищеніе.

Баловень счастья, минутный идолъ, или, выражаясь просто, безъ колкостей, Никодемусъ Бофинъ, эквайръ, золотой мусорщикъ, мало-по-малу обжился въ своемъ новомъ аристократическомъ помѣщеніи и чувствовалъ себя тамъ совершенно дома. Онъ не могъ не сознавать, что это жилище, какъ громадный аристократическій семейный сыръ, было слишкомъ велико для его потребностей, и потому въ немъ кормилось безчисленное количество паразитовъ; но онъ смотрѣлъ на этотъ излишній расходъ, какъ на постоянную пошлину за наслѣдство. Онъ тѣмъ охотнѣе съ этимъ мирился, что мистриссъ Бофинъ совершенно была счастлива, а миссъ Белла была очень довольна и весела.

Эта молодая дѣвушка была, конечно, важнымъ приобрѣтеніемъ для Бофиновъ. Она была слишкомъ хороша собою, чтобы не произвестъ эффекта гдѣ бы то ни было; къ тому же, благодаря своей природной сметливости, она умѣла тотчасъ приноровиться ко всякому образу жизни. Произвела ли хорошее вліяніе на ея сердце эта неожиданная переиѣна въ ея положеніи—это еще вопросъ, но положительно и достовѣрно одно, что въ отношеніи ея внѣшности и манеръ эта переиѣна была для нея очень благотѣльна.

Вскорѣ миссъ Белла начала наставлять и учить мистриссъ Бофинъ, а повременамъ ей даже становилось неловко: она какъ-бы чувствовала себя виноватою, когда мистриссъ Бофинъ дѣлала что нибудь не такъ, какъ слѣдовало. Это не значитъ, чтобъ такая добрая, здравомыслящая женщина могла вести себя нехорошо даже въ отношеніи важныхъ великовѣтскихъ знакомыхъ, которые увѣрили, что Бофины были «прелестно вульгарны» (чего, увы, нельзя было сказать про ихъ замѣчаніе); но когда, бывало, она поскользнется на томъ общественномъ льду, по которому всѣ сыны и дщери подзнаинства обязаны для спасенія души скользить попарно и длинными рядами, выписывая при этомъ самые хитрые вензеля, когда мистриссъ Бофинъ поскользнется, то Белла всегда казалось, что она и ее увлекаетъ за собою, что не мало смущало молодую дѣвушку, особливо подъ пристальными взглядами болѣе искусныхъ катальщицъ.

Белла была еще такъ молода, что очень естественно, никогда и не задумывалась о прочности и благовидности ея положенія въ

домъ мистера Бофина. Такъ-какъ она никогда не удерживалась въ своихъ жалобахъ на прежнюю свою жизнь въ родительскомъ домѣ, когда еще она не видывала ничего лучшаго, то нельзя было ее очень упрекнуть въ неблагодарности и презрѣннн къ родителямъ за то, что она теперь открыто предпочитала свой новый домъ.

— Безцѣнный человѣкъ этотъ Роксмитъ, произвесь однажды мистеръ Бофинъ, мѣсяца три спустя послѣ ихъ переезда изъ павильона:—но я никакъ не могу его разгадать.

Бѣда находилась въ такомъ же положенн, и потому разговоръ этотъ ее заинтересовалъ.

— Онъ болѣе заботится о моихъ дѣлахъ и днемъ и ночью, продолжалъ Бофинъ:— болѣе дѣлаетъ, чѣмъ пятьдесятъ другихъ человѣкъ, взятыхъ вмѣстѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у него какн-то странннн, оригинальнн манеры: думаешь, что вотъ съ нимъ совершенно сошелся, и идешь рука объ руку—а вдругъ смотришь, онъ загородилъ дорогу между тобой и собою огромнымъ бревномъ.

— Могу я спросить, какнмъ это образомъ, сэръ? замѣтила Белла.

— Да вотъ, напримѣръ, милая, отвѣчалъ Бофинъ:—онъ никогда не хочетъ приходить когда есть гости, кромѣ васъ. Я бы очень желалъ, чтобъ онъ занималъ свое мѣсто за столомъ во время званныхъ обѣдовъ, но его ни за что не уговорншь.

— Если онъ считаетъ себя выше вашего общества, то я бы его оставила въ покоѣ, сказала миссъ Белла, качая головой.

— О, нѣтъ, онъ не считаетъ себя выше, замѣтилъ задумчиво Бофинъ.

— Можетъ быть, онъ считаетъ себя ниже; про это онъ самъ долженъ лучше знать.

— Нѣтъ, милая, и это не то. Нѣтъ, нѣтъ, повторилъ Бофинъ, обдумывая слова Беллы:—Роксмитъ—скромный человѣкъ, но не думаетъ, что онъ ниже насъ.

— Такъ что же онъ думаетъ, сэръ?

— Провались я, коли я это знаю!—воскликнулъ Бофинъ:— сначала онъ, казалось, не хотѣлъ встрѣчаться только съ Лайтвудомъ, а теперь уже и ни съ кѣмъ, кромѣ васъ.

«Ого!» подумала миссъ Белла: «вотъ — что... понимаю! (Дѣло было въ томъ, что мистеръ Мортимеръ Лайтвудъ обѣдалъ два или три раза у Бофиновъ, и встрѣчалъ ее нѣсколько разъ въ другихъ домахъ, и оказывалъ ей нѣкоторое предпочтенн) Уже не слишкомъ-ли дерзко для секретаря и папннаго жильца избирать меня предметомъ своей ревности».

Странно было, что папина дочь съ такимъ презрѣнiемъ отзывалась о папиномъ жильцѣ; но еще болѣе странныя аномалiи скрывались въ умѣ избалованнаго ребѣнка, вдвойнѣ избалованнаго, испорченнаго прежде бѣдностью, потомъ—богатствомъ. Однако, пускай эти странности, эти аномалiи сами собою обнаружатся съ теченiемъ нашего разсказа.

«Ужъ не много-ли это будетъ, если папинъ жилецъ станетъ доказывать свои права на меня и отгонять всѣхъ выгодныхъ жениховъ», думала съ презрительной улыбкой миссъ Белла. «Да, смѣшно, если всѣми шансами, открытыми мнѣ мистеромъ и мистриссъ Бофинъ, завладѣлъ бы какой нибудь секретариска и папинъ жилецъ».

Однако, не такъ давно еще эту самую Беллу очень польстило открытiе, что этотъ самый секретариска и папинъ жилецъ оказывалъ ей предпочтенiе. Но тогда она еще не знала ни аристократическаго дома, ни швеи мистриссъ Бофинъ.

Несмотря на его, повидимому, скромныя, застѣнчивыя манеры, этотъ секретарь былъ, по мнѣнiю Беллы, очень вкрадчивый, докучный человекъ. Когда она возвращалась съ мистриссъ Бофинъ изъ оперы, въ его комнатѣ всегда горѣлъ свѣтъ, и онъ самъ постоянно высаживалъ ихъ изъ кареты. Мистриссъ Бофинъ, по мнѣнiю Беллы, обходилась съ нимъ отвратительно любовно, ибо нельзя было смотрѣть снисходительно на то, что онъ взялъ себѣ въ голову!

— Вы никогда не дѣлаете мнѣ порученiй къ вамъ домой, миссъ Вильферъ, сказалъ секретарь, случайно встрѣтивъ ее одну въ большой гостиной: — а я всегда былъ бы счастливъ исполнить ваши приказанiя.

— Чтѣ вы хотите этимъ сказать, мистеръ Ровсмитъ? спросила миссъ Белла, томно опуская глазаи.

— Какъ, подъ вашимъ домомъ, я, конечно, разумѣю жилище вашего отца въ Галовой.

Молодая дѣвушка покраснѣла отъ этого укора, казавшагося съ перваго взгляда простымъ отвѣтомъ и болѣе ничего, и рѣзко сказала:

— О какихъ порученiяхъ и приказанiяхъ вы говорите?

— Да только о поклонгахъ и дружескихъ привѣтствiяхъ, которыя вы, вѣроятно, какимъ-нибудь образомъ да пересылаете имъ, отвѣчалъ секретарь прежнимъ тономъ: — я бы почелъ за счастье, еслибъ вы черезъ меня напоминали имъ о себѣ, такъ-какъ вы очень хорошо знаете, что я хожу по два раза въ день изъ этого дома въ тотъ.

— Это совершенно излишне мнѣ напоминать, сэръ. Я и безъ васъ знаю.

Она слишкомъ погорячилась, отвѣчая колкостью на слова напинаго жильца, и тотчасъ поняла это, когда взглянула на его лицо.

— Они сами не часто посылаютъ мнѣ свои поклонны, не часто напоминаютъ о себѣ, какъ вы изволнн выразиться, произнесла Белла, стараясь прикрыться другою колкостью.

— Они часто спрашиваютъ меня объ васъ, и я дамъ имъ такія свѣдѣнія, какія могу.

— Я надѣюсь, что это—вѣрныя свѣдѣнія, воскликнула Белла.

— Я надѣюсь, что вы въ этомъ не сомнѣваетесь, ибо это очень не шло бы къ вамъ.

— Нѣтъ, я не сомнѣваюсь. Я вполне заслуживаю вашего упрека, совершенно справедливаго, и прошу у васъ извиненія, мистеръ Роксмитъ.

— Я бы попросилъ васъ не дѣлать этого, еслибъ оно не выказывало васъ въ такомъ прелесномъ свѣтѣ, отвѣчалъ онъ съ искреннимъ чувствомъ: — простите меня; я не могъ удержаться, чтобъ не сказать. Возвращаясь къ предмету нашего разговора, я долженъ прибавить, что, вѣроятно, они думаютъ, что я передаю вамъ то, чтò они велятъ вамъ сказать, но я васъ не беспокою, такъ-какъ вы объ нихъ никогда не спрашиваете.

— Я поѣду къ нимъ завтра, сэръ, сказала Белла, смотря на него, точно онъ сдѣлалъ ей выговоръ.

— Вы это говорите мнѣ, или имъ? спросилъ онъ.

— Кому вамъ угодно.

— И тѣмъ и другимъ? Прикажете имъ это передать?

— Можете, если вамъ это доставить удовольствіе, мистеръ Роксмитъ; но, во всякомъ случаѣ, я ѣду завтра къ нимъ.

— Я такъ и скажу.

Онъ постоялъ еще съ минуту, какъ-бы давая ей случай продолжить разговоръ, если она желала: но такъ-какъ она молчала, онъ медленно удался. Когда Белла осталась одна, то невольно почувствовала, что этотъ разговоръ ея съ секретаремъ былъ очень странный. Вопервыхъ, онъ оставилъ ее съ непреложными слѣдами раскаянія на лицѣ и въ глубинѣ душа; вовторыхъ, она и не думала ѣхать къ своимъ, за минуту передъ тѣмъ, какъ она ему объ этомъ объявила.

— Чтò это значить? спрашивала она себя мысленно:—онъ не имѣетъ никакого права выказывать надо мною свою власть, и почему это я его слушаю, когда мнѣ все равно, есть ли онъ или нѣтъ?

Мистриссъ Бофинъ настояла, чтобы Белла поѣхала къ родите-

лечь въ парадной коляскѣ, и потому она явилась въ скромный домикъ во всемъ своемъ блескѣ. Мистриссъ Вильферъ и миссъ Лавинія долго разсуждали о томъ, вѣроятно или нѣтъ, чтобъ она пріѣхала въ парадномъ экипажѣ и, завидѣвъ ее издали, рѣшили продержать этотъ экипажъ какъ можно долѣе у дверей, чтобъ возбудить зависть всѣхъ сосѣдей. Отойдя отъ окна, у котораго онѣ караулили пріѣздъ Беллы, обѣ, мать и дочь, сошли въ общую комнату и приняли миссъ Беллу съ приличнымъ равнодушіемъ.

Общая комната показалась Беллѣ какъ-то особенно маленькой и неопрятной, а лѣстничка, ведущая въ нее, изъ рукъ вонъ кривой и узкой. Все это бѣдное жилище служило горькимъ контрастомъ съ аристократическимъ домомъ, въ которомъ она теперь жила.

«Трудно даже повѣрить, что я могла существовать здѣсь», подумала неволью Белла.

Мрачная торжественность мистриссъ Вильферъ и врожденная колкость Лавини только еще болѣе озлобили молодую дѣвушку, которая дѣйствительно нуждалась въ помощи, но ни одна дружеская рука не поддержала ее.

— Какая намъ честь, произнесла мистриссъ Вильферъ, подставляя щоку своей дочери, такъ холодно, словно это была серебряная ложка: — право, мы не ожидали этого! Вы, вѣроятно, найдете, что ваша сестра очень выросла.

— Мама! воскликнула Лавинія: — я не имѣю ничего противъ того, чтобъ вы говорили неприятности, такъ-какъ Белла вполне ихъ заслужила, но позвольте васъ просить не толковать такого вздору, не увѣрять, что я выросла, когда я уже давно вышла изъ тѣхъ лѣтъ, когда растутъ.

— Я еще росла послѣ того, какъ вышла замужъ, торжественно произнесла мистриссъ Вильферъ.

— Хорошо, мама, отвѣчала Лавинія: — но я думаю, что вы бы лучше сдѣлали, еслибы не росли.

Взглядъ, полный достоинства, брошенный величественной особой на свою непокорную дочь, конечно, смутилъ бы не такого стойкаго соперника, но на Лавинію онъ не произвелъ никакого мнѣнія. Она совершенно хладнокровно отвернулась отъ своей матери, оставя ее на свободѣ метать, на кого ей угодно, свои грозныя взгляды, и съ тою же злобною колкостью заговорила съ сестрою.

— Я надѣюсь, вы не почтете за безчестіе, если я васъ пожалую? Ну, вотъ, благодарствуйте. Какъ вы поживаете? И какъ драгоценное здоровье вашихъ Бофиновъ?

— Лавви! воскликнула мистриссъ Вильферъ: — молчать! Я не позволю, чтобъ моя дочь говорила такъ легкомысленно.

— Боже мой! отвѣчала Лавви:—ну, такъ какъ поживаютъ ваши Сноффисы? Если ужъ мама не можетъ терпѣть, чтобъ называли даже имя вашихъ Боффиновъ.

— Дерзкая дѣвчонка! дрянъ! произнесла мистриссъ Вильферъ самымъ грознымъ тономъ.

— Мнѣ рѣшительно все равно, дерзкая я или дрянъ, отвѣчала спокойно Лавинія, качая головою: — я одно только знаю, что я не буду расти послѣ того, какъ выйду замужъ.

— И не будешь! не будешь! какимъ-то роковымъ голосомъ подтвердила мистриссъ Вильферъ.

— Да, мама, не буду. И ничто не въ состояніи заставить меня.

Мистриссъ Вильферъ замахала своими перчатками и вошла въ патетическое настроеніе.

— Этого надо было ожидать, промолвила она: — одна дочь бросила меня ради гордыхъ и богатыхъ, а другая презираетъ меня и въ грошъ не ставитъ. Такъ вѣрно Богу было угодно.

— Мама, сказала Белла:—конечно, мистеръ и мистриссъ Боффини богатые люди, но они нимало не горды и вы не имѣете никакого права о нихъ такъ отзываться. Вамъ должно быть это извѣстно лучше, чѣмъ другимъ.

— Однимъ словомъ, мама, замѣтила Лавви, неожиданно переходя на сторону своего противника: — вы должны знать, и тѣмъ болѣе вамъ стыдно, если вы не знаете, что мистеръ и мистриссъ Боффинъ просто совершенства.

— Да, кажется, насъ хотятъ заставить такъ думать, произнесла мистриссъ Вильферъ, очень радушно принимая дезертера: — я именно поэтому-то, Лавинія, я и не желаю, чтобъ ты легкомысленно говорила о нихъ. Мистриссъ Боффинъ (о физиономіи ея я никогда не могу вспомнить хладнокровно) и твоя мать не находятся въ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ, и потому бессмысленно было бы предположить, чтобъ эта барыня и ея мужъ, говоря о насъ, осмѣливались называть насъ просто *Вильферами*. Слѣдовательно, я не могу позволить, чтобъ у меня въ домѣ ихъ называли *Боффинами*. Нѣтъ, подобный тонъ, называйте его какъ хотите — фамильярностью, или равенствомъ — не можетъ быть терпимъ при нашихъ отношеніяхъ. Понимаешь, чтó я хочу сказать?

Не обративъ никакого вниманія на торжественный вопросъ матери, Лавинія снова обратилась къ сестрѣ.

— Однако, ты все еще не сказала намъ, какъ поживаютъ твои, какъ ихъ тамъ зовутъ?

— Я не хочу объ нихъ говорить здѣсь, отвѣчала Белла, едва сдерживая свое негодованіе и топая ножкой: — они слишкомъ добры и хорошіе люди, чтобъ вмѣшиваться въ эти споры.

— Зачѣмъ не говорить прямо, замѣтила мистриссъ Вильферъ, саркастически: — зачѣмъ прибѣгать къ уловкамъ? Зачѣмъ прямо не сказать, что они слишкомъ хороши для насъ, что мы недостойны упоминать ихъ имя? Мы совершенно понимаемъ, что ты хочешь сказать. Зачѣмъ скрывать?

— Мама, воскликнула Белла, еще громче топая ногою: — вы съ Лавви свели бы съ-ума любого святого.

— Бѣдная Лавви! произнесла мистриссъ Вильферъ, съ глубокимъ чувствомъ сожалѣнія: — бѣдное дитя мое.

Но Лавви такъ же неожиданно и быстро снова перебѣжала къ другому претивнику.

— Не говорите обо мнѣ такимъ покровительственнымъ тономъ, мама, я и сама постою за себя, сказала она рѣзко.

— Я только удивляюсь, начала снова мистриссъ Вильферъ, снова направляя свои колкости противъ старшей дочери, такъ-какъ меньшая совершенно отбилась отъ рукъ: — какъ это ты нашла свободную минуту и рѣшилась разстаться съ мистеромъ и мистриссъ Бофинъ, чтобъ взглянуть на насъ. Я удивляюсь, какъ наши права на твое присутствіе перетянули гораздо большія права мистера и мистриссъ Бофинъ. Я чувствую, что должна быть очень благодарна за это предпочтеніе, которое ты оказала намъ передъ мистеромъ и мистриссъ Бофинъ (почтенная барыня очень колко произносила первыя буквы фамиліи Бофинъ, точно Дофинъ, Мофинъ или Пофинъ были бы для нея гораздо сноснѣе).

— Мама, возразила съ сердцемъ Белла: — вы заставляете меня сказать, что мнѣ дѣйствительно очень жаль, что я пріѣхала домой, и, конечно, я никогда болѣе не пріѣду иначе, какъ когда бѣдный папа будетъ дома. Потому что папа слишкомъ человѣколюбивъ, чтобъ завидовать и дуться на добрыхъ друзей, и папа довольно деликатенъ, чтобъ помнить, въ какомъ я находилась неприятномъ положеніи, изъ котораго меня вывели эти добрые люди, вздумавшіе, что я будто бы имѣла какія-то права на ихъ состояніе. Я всегда любила папу больше чѣмъ всѣхъ вмѣстѣ, и теперь его люблю — и всегда буду любить.

Тутъ Белла, несмотря на свой блестящій нарядъ и прелестную шляпку, залилась горькими слезами.

— Реджинальдъ Вильферъ, воскликнула мистриссъ Вильферъ, поднимая глаза къ небу: — еслибъ ты былъ тутъ, какъ горько

было бы тебѣ слышать, что тебя превозносятъ насчетъ твоей жены и матери твоего семейства. Но судьба пожалѣла тебя и не довела тебя хоть до этого тяжелаго испытанія.

Тутъ мистриссъ Вильферъ торжественно расплакалась.

— Я ненавижу Бофиновъ! воскликнула Лавинія: — я не обращаю никакого вниманія на тѣхъ, кто не позволяетъ называть ихъ Бофинами. Я буду называть ихъ Бофинами, Бофинами, Бофинами. И я скажу, что они скверные люди, Бофины, возстановили Беллу противъ меня, и я скажу Бофинамъ въ лицо, продолжала молодая дѣвушка, все болѣе и болѣе горячась: — что они гадкіе Бофины, мерзкіе Бофины, подлые Бофины, бестыи Бофины. Вотъ!

И миссъ Лавинія въ свою очередь залилась слезами.

Въ эту минуту садовая валивка заскрипѣла, и секретарь показался на дорожкѣ. Онъ быстрыми шагами приближался къ дому. — Я сама ему отворю дверь, сказала мистриссъ Вильферъ, торжественно вставая съ мѣста и вытирая свои глаза: — у насъ нѣтъ теперь прислуги. Намъ нечего скрывать. Если онъ замѣтитъ на нашихъ щекахъ слѣды слезъ, то пускай объясняетъ ихъ себѣ, какъ знаетъ.

Съ этими словами она вышла изъ комнаты, и снова позвившись черезъ минуту, торжественно объявила: — мистеръ Роксмитъ принесъ пакетъ миссъ Беллѣ Вильферъ.

Мистеръ Роксмитъ слѣдовалъ за величественнымъ герольдомъ, и съ перваго взгляда увидѣлъ въ чемъ дѣло, но принявъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, обратился къ миссъ Беллѣ.

— Мистеръ Бофинъ намѣревался положить вотъ эту бездѣлицу въ карету, когда вы поѣдете, но опоздалъ, и потому я вынужденъ доставить вамъ ее.

Съ этими словами онъ подаль ей свертокъ; Белла взяла, поблагодаривъ его за трудъ.

— Мы немного посчитались, мистеръ Роксмитъ, но вѣдь это не новость, вы хорошо знаете наши пріятныя замашки. Вы пришли очень кстати, я только что собиралась уѣзжать. Прощайте, мама, прощай Лавви!

И поцаловавъ мать и сестру, миссъ Белла пошла къ дверямъ. Секретарь хотѣлъ было ее проводить, но мистриссъ Вильферъ заступила ему дорогу, и торжественно произнесла: — извините! Позвольте мнѣ самой по праву матери посадить мою дочь въ карету, которая ее дожидается. Секретарь извинился и уступилъ свое мѣсто. Поистинѣ было торжественное зрѣлище, когда мистриссъ Вильферъ, открывъ дверь на улицу, и махнувъ перчатками, громогласно крикнула: — человекъ ми-

стрисъ Бофинъ. — Когда сей послѣдній явился, то она торжественно произнесла: — миссъ Вильферъ выходить — и передала ему свою дочь, словно начальникъ Тауера выпускалъ на волю узника. Это невиданное никогда зрѣлище подѣйствовало удивительнымъ образомъ на всѣхъ сосѣдей, которые долго не могли прийти въ себя; эффектъ тѣмъ болѣе былъ полный, что мистриссъ Вильферъ, послѣ этой высокаторжественной сцены, стояла съ четверть часа, какъ-бы въ изнеможеніи, на верхней ступени лѣстницы.

Не успѣла Белла отѣхать отъ дому, какъ развернула свертокъ и нашла въ немъ прехорошенькій кошелекъ, съ банковымъ билетомъ въ пятьдесятъ фунтовъ.

«Это будетъ пріятнымъ сюрпризомъ для папа», подумала Белла: «я сама повезу ему въ Сити».

Такъ-какъ она не знала, гдѣ именно находится контора Чиксей, Венирингъ и Стобэльсъ, а слыхала только, что въ Минисин-Лэнъ, то и велѣла везти себя на уголъ этой мрачной улицы. Прибывъ туда, она послала челоуѣка мистриссъ Бофинъ отыскать контору Чиксей, Венирингъ и Стобэльсъ и вызвать Р. Вильфера, если ему время. Извѣстіе, что какая-то барыня проситъ къ себѣ Р. Вильфера, произвело до того сильное впечатлѣніе въ конторѣ, что, по уходѣ Румти, былъ посланъ за нимъ мальчишка, чтобъ высмотрѣть и довести, какая тамъ барыня пріѣхала. Волненіе еще болѣе увеличилось, когда мальчишка возвратился весь впопыхахъ и объявилъ громогласно, что пріѣхавшая барыня была молоденькая красавица въ великолѣпной коляскѣ.

Самъ Румти, съ перомъ за ухомъ и въ своей потертой старой шляпѣ, выбѣжалъ къ коляскѣ смущенный, едва переводя духъ. Белла почти насильно втянула его въ коляску и покрыла поцалуями; только тогда бѣдный Румти узналъ свою дочь.

— Милое дитя мое! промолвилъ онъ, едва слышно:— Боже-мой! стала красавица. А я думалъ, что ты совершенно испортилась! Какая ты и забыла мать и сестру.

— Я только что была у нихъ, милый папа.

— О! Ну, и какъ ты нашла свою мать? спросилъ Румти.

— Она была очень назойлива, такъ же какъ и Лавви.

— Да, онъ иногда очень любитъ говорить непріятности, замѣтилъ терпѣливый херувимъ:—но я надѣюсь, что ты не отвѣчала тѣмъ же, милая Белла?

— Нѣтъ, папа, я тоже насаказала имъ кучу непріятностей, однимъ словомъ, мы другъ друга отработали. Но, папа, я хочу, чтобъ ты поѣхалъ со мной куда-нибудь обѣдать.

— Какъ, милая, обѣдать? Да я уже перехватилъ, и если можно упоминать о такой вещи въ подобномъ блестящемъ экипажѣ, я уже перехватилъ колбасы. Это послѣднее слово Р. Вильферъ промолвилъ вполголоса, поглядывая съ уваженіемъ на блестящія украшенія коляски.

— О! это ничего, папа.

— Конечно, часто желалъ бы чего нибудь больше, отвѣчалъ отецъ ея, поднося руку ко рту:—но когда обстоятельства, которыхъ не можешь удалить, не позволяютъ вамъ угостить себя настоящими нѣмецкими сосисками, то приходится довольствоваться и... (тутъ онъ снова понизилъ голосъ) — колбасою.

— Бѣдный, милый папа. Ну, послушайте, я прошу васъ, умоляю; подите, выпроситесь на весь остальной день и проведите его со мною.

— Хорошо, я пойду, спрошу позволенія.

— Но прежде, чѣмъ вы уйдете, воскликнула Белла, снимая съ него шляпу и приглаживая по старинному его всклокоченные волосы:—скажите, что увѣрены въ моей любви къ вамъ, хотя я и легкомысленная вертушка.

— Милое дитя, я готовъ это сказать отъ всего сердца. И позвольте мнѣ еще прибавить, промолвилъ онъ, бросивъ взглядъ на окна конторы:—что посторонніе люди могутъ замѣтить, какъ меня публично причисляетъ на улицѣ красавица, да еще въ щегольской коляскѣ.

Белла размѣялась и поспѣшно надѣла ему на голову шляпу; но когда его дѣтская фигурка живо улелетывала отъ экипажа, она грустно посмотрѣла на этого несчастнаго человѣка, переносившаго все съ такимъ удивительнымъ терпѣніемъ, и слезы показались на ея глазахъ.

«Я ненавижу этого секретаря; какъ онъ смѣетъ такъ обо мнѣ думать», сказала она сама себѣ: «и однако, это кажется отчасти справедливо».

Черезъ нѣсколько минутъ возвратился ея отецъ, походя болѣе чѣмъ когда на ребѣнка, и еще на ребѣнка, только что отпущеннаго домой изъ школы.

— Все обѣдано, моя милая! произнесъ онъ: — мнѣ сейчасъ выдали позволеніе, и это, право, очень любезно.

— Ну, теперь скажите, милый папа, какъ бы намъ найти такое уединенное мѣстечко, гдѣ бы я, отославъ экипажъ, могла васъ подождать, покуда вы пойдете исполнить мои порученія?

Это была нелегкая штука и требовала зрѣлаго обсужденія.

— Вотъ видишь, дитя мое, объяснилъ Р. Вильферъ:—ты такая стала красавица, что мѣсто-то должно быть очень уединенное.

Наконецъ онъ предложилъ какъ самую подходящую мѣстность у сада Тринити-Гауза на Таур-Гилѣ. Итакъ они отправились туда, и Белла отпустила коляску, написавъ карандашномъ записку мистриссъ Бофинъ, что она осталась съ отцомъ.

— Ну, папа, слушайте внимательно чтó я вамъ скажу, и обѣщайте, клянитесь, что будете послушны.

— Да, обѣщаю, обѣщаю и клянусь, дитя мое.

— Не смѣйте ничего спрашивать, а молча возьмите этотъ юшелекъ и ступайте въ ближайшій магазинъ готоваго платья, только чтобъ это былъ непремѣнно хорошій магазинъ, купите тамъ себѣ все нужное вамъ одѣваніе, самое лучшее, перваго сорта, потомъ купите самую лучшую шляпу и самые лучшіе блестящіе сапоги (непремѣнно патентованной кожи, папа), надѣньте все это и приходите ко мнѣ.

— Но, милая Белла...

— Берегитесь, папа! воскликнула Белла, грозя пальцемъ:— вы дали обѣщаніе и клятву. Берегитесь сдѣлаться клятвопреступникомъ.

Слезы появились на глухыхъ, дѣтскихъ глазахъ херувима, но Белла отерла ихъ поцалуемъ (хотя ея собственные глазки были также влажны), и онъ заковылялъ по улицѣ. Черезъ полчаса онъ возвратился, но въ немъ теперь произошла такая удивительная перемена, что Белла долго вертѣла его во всѣ стороны въ нѣмомъ восторгѣ, прежде чѣмъ взяла его подъ руку.

— Теперь, папа, сказала она, нѣжно прижимаясь къ нему:— повезите красавицу куда нибудь обѣдать.

— Куда же мы поѣдемъ, голубушка?

— Въ Гриничъ! воскликнула храбро Белла:— да смотрите, угощайте красавицу лишь самыми лучшими вещами.

Иди къ лодкѣ, Р. Вильферъ замѣтилъ очень смиренно:

— А ты не жалѣешь, дитя мое, что съ нами нѣтъ твоей матери?

— Нѣтъ, не жалѣю, папа, потому я хочу провести весь сегодняшний день съ вами однимъ. Вѣдь я всегда была вашей любимицей, да и я васъ любила болѣе, чѣмъ кого другаго. Помните, какъ мы часто убѣгали съ вами изъ дома, папа?

— Конечно! Не одно воскресенье мы спасались бѣгствомъ отъ... несомнѣемъ хорошаго расположенія духа твоей матери, замѣтилъ очень деликатно Р. Вильферъ.

— Да и я боюсь, что я во время этихъ прогулокъ вела себя не очень хорошо. Я заставляла васъ все таскать себя на рукахъ, вмѣсто того, чтобъ ходить рядомъ съ вами, часто заставляла васъ бѣгать, когда вы бы гораздо охотнѣе посидѣли и почитали газету. Не правда ли, папа?

— Конечно, иногда случалось. Но, Боже мой, какой прекрасный ребёнокъ ты была! Какой товарищъ!

— Товарищъ? Ну, вотъ я именно хочу быть сегодня вашимъ товарищемъ, папа.

— Ты можешь быть спокойна на счетъ успѣха. Всѣ твои братья и сестры были мнѣ товарищами въ извѣстномъ отношеніи, но только въ извѣстномъ отношеніи, твоя мать была всегда мнѣ товарищемъ, котораго всякій человѣкъ... могъ... ставить себѣ... въ образецъ... и заучивать ея слова... и подражать ей... если...

— Если ему нравится образецъ, подсказала Белла.

— Ну... да...а, отвѣчалъ онъ задумчиво: — или, если его характеръ былъ немного сходенъ съ образцомъ. Положимъ, что человѣкъ желалъ бы всегда ходить церемониальнымъ маршемъ; то гдѣ онъ въ твоей матери нашелъ бы безцѣннаго товарища. Но еслибъ онъ любилъ иногда и побѣгать, и походить шагомъ, то ему было бы трудно идти нога въ ногу съ твоей матерью. Или положимъ, Белла, прибавилъ онъ послѣ минутнаго размышленія: — положимъ, что человѣку надо было всю жизнь идти не подъ руку съ товарищемъ, а подъ извѣстную музыку. Хорошо. Положимъ, что эта музыка была траурный маршъ. Это была бы очень подходящая музыка для иныхъ случаевъ, даже отличная, но въдъ трудно было бы подъ звуки ея исполнять всѣ мелочныя домашнія дѣла. Напримѣръ, еслибъ послѣ цѣлаго дня работы онъ ужиналъ подъ звуки траурнаго марша, то конечно ѣда не полѣзла бы ему въ горло. Или, еслибъ онъ когда нибудь вздумалъ для развлечения спѣть веселую пѣсенку или поплясать, и обязанъ былъ бы дѣлать это подъ музыку траурнаго марша, то онъ опять нашелъ бы себя вынужденнымъ отказаться отъ всякаго развлечения и веселія.

— Бѣдный папа! промолвила Белла.

— А объ тебѣ я скажу, продолжалъ херувимъ смиренно и безъ малѣйшей мысли укора или жалобы: — что ты удивительно умѣешь подлаживаться.

— Нѣтъ, папа, я боюсь, что всегда была слишкомъ капризной, нехорошей, слишкомъ жаловалась на все. Мысль объ этомъ никогда прежде не входила мнѣ въ голову. Но когда я сидѣла въ коляскѣ у конторы, и увидѣла васъ на тротуарѣ, я за многое себя упрекнула.

— Нѣтъ, нѣтъ, милая, это несправедливо, не будемъ объ этомъ и говорить.

Счастливый, разговорчивый человѣкъ былъ папа въ своемъ новомъ платьѣ; взявъ въ соображеніе всѣ обстоятельства его

жизни, это, быть можетъ, былъ самый счастливый день, какой онъ когда-либо знавалъ, даже не исключая и того дня, когда онъ подходилъ къ алтарю съ своей величественной супругой подъ звуки траурнаго марша.

Прогулка въ лодкѣ внизъ по теченію была восхитительна; также восхитительна была и комнатка, выходящая окнами на рѣку, въ которой имъ приготовили обѣдать. Все было восхитительно. Паркъ былъ восхитителенъ, пуншъ былъ восхитителенъ, рыба была восхитительна, вино было восхитительно. Сама же Белла была восхитительнѣе всего; она очень весело шутила, заставляла папу болтать, не называла себя иначе, какъ красавицей, подбывала папу велѣть подавать роскошныя блюда, объявляя, что красавица жалеетъ, чтобъ ее поподчивали тѣмъ или другимъ — однимъ словомъ, приводила въ восторгъ папу, выходящаго изъ себя отъ счастья при одной мысли, что онъ папа таковой обворожительной дочери.

И потомъ, сидя у окна и смотря на корабли и пароходы, уходившіе въ море съ отливомъ, быстро бѣжавшимъ изъ береговъ, красавица создавала въ своемъ воображеніи всевозможныя путешествія, которыя предпринимала она и ея папа. Вотъ папа, въ качествѣ владѣльца черной угольной барки, отправлялся въ Ньюкестль добывать черныя брилліанты, славу, состояніе. Или вонъ папа уѣзжаетъ въ Китай на томъ красивомъ трехмачтовомъ кораблѣ, уѣзжаетъ за опиумомъ и возвратясь подрываетъ фирму Чиксей, Венрингъ и Стобальсъ и привозитъ своей красавицѣ дочери безчисленныя количества шалей и шелковыхъ платьевъ. Потомъ ей казалось, что несчастная судьба Джона Гармона была только тяжелымъ сномъ и онъ возвращается домой и находитъ, что красавица совершенно подходитъ къ его вкусамъ, а онъ подходитъ къ вкусамъ красавицы и они отправляются для осмотра своихъ виноградниковъ, на собственной яхтѣ, съ развивающимися флагами, музыкой и папой на палубѣ. Но вотъ Джонъ Гармонъ дѣйствительно умеръ и богатѣйшій купецъ (неизвѣстный по фамиліи) ухаживаетъ за красавицей и женится на ней, и онъ такъ страшно богатъ, что всѣ корабли и пароходы на рѣкѣ принадлежали ему и онъ держалъ цѣлый флотъ яхтъ для своей забавы, изъ которыхъ одна — вонъ она быстро летитъ по вѣтру подъ большимъ бѣлымъ парусомъ — названа *Красавицей*, въ честь его жены, которая давала пиры на борабляхъ, когда ей вздумалось, словно современная Клеопатра. Но ея фантазія не ограничивалась этимъ, она снова видѣла себя въ новомъ свѣтѣ. Теперь она жена храбраго, славнаго полководца, отправляющагося на войну вонъ въ томъ кораблѣ, что нагру-

жаеть войска въ Гревзэндѣ. Онъ не хотѣлъ идти побѣждать безъ нея, безъ красавицы, и ей суждено было сдѣлаться идоломъ всѣхъ офицеровъ. А вонъ правѣе корабль ведетъ на буксирѣ маленкій пароходъ. Куда, вы думаете, онъ направляется? Къ коралловымъ рифамъ, къ тѣмъ землямъ, гдѣ растутъ кокосы и тому подобныя прелести. Принадлежалъ онъ нѣкоему счастливцу по имени Папѣ (который находился тутъ же на палубѣ) и отпраждался за грузомъ рѣдкихъ сортовъ дерева, которыхъ никогда не видывали и которые, бывъ проданы, составятъ громадное состояніе. Но откуда пана досталъ этотъ корабль? Ему подарила его красавица, которая была замужемъ за индѣйскимъ принцемъ, носившимъ кашемировыя шали, блестящимъ брильянтами и жемчугами, походившимъ цвѣтомъ лица на шоколадъ и отличавшимся пламенною, хотя слишкомъ ревнивою любовью къ красавицѣ. Такъ болтала Белла, приводя въ восхищеніе папу, который былъ такъ же готовъ оунуться въ сказочную кадву воды, какъ ребятишки на улицѣ въ настоящую лужу.

— Я полагаю, милое дитя мое, произнесъ папа, послѣ обѣда: — что мы должны помириться съ мыслью, что мы тебя потеряли навсегда.

Белла покачала головою и объявила, что она, право, не знаетъ, право, не можетъ ничего сказать. Одно достоверно, что ее окружають роскошью и довольствомъ, исполняютъ всѣ ея малѣйшія желанія, а когда она намекаетъ о своемъ отъѣздѣ, то мистеръ и мистриссъ Вофинъ и слышать объ этомъ не хотятъ.

— Теперь, пана, продолжала Белла:—я должна вамъ признаться въ одномъ важномъ дѣлѣ: я—самая корыстолюбивая дрянъ, какая только когда-либо была на свѣтѣ.

— Я бы этого объ тебѣ никогда не подумалъ, замѣтилъ папа, бросивъ взглядъ на свое отраженіе въ зеркалѣ и на роскошный десертъ.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, папа, но не въ этомъ дѣло. Не то, чтобъ я дорожила деньгами изъ-за самихъ денегъ, но я люблю ихъ за то, что на нихъ можно покупать.

— Неужели?—да я думаю, каждый изъ насъ любить деньги, возразилъ Р. Вильферъ.

— Но не такъ страшно, какъ я, пана! О! о! воскликнула Белла: — я такъ корыстолюбива.

— Когда ты сознала впервые это чувство, дитя мое? спросилъ Р. Вильферъ, не зная, что сказать кстатѣ.

— Вотъ въ этомъ и заключается весь ужасъ; когда я была дома и только вѣдала нищету, я жаловалась, но не очень любила деньги. Когда я, все еще дома, ожидала сдѣлаться богатой,

я смутно дѣлала самыя роскошныя планы. Но когда я была обманута въ своихъ надеждахъ и увидѣла великолѣпное состояніе, которое должно было быть моимъ, въ чужихъ рукахъ, когда я видѣла передъ своими глазами, что изъ этого состоянія можно сдѣлать, вотъ тогда-то я и сдѣлалась корыстолюбивою дрянью.

— Это все твои фантазіи, голубушка.

— Могу васъ увѣрить, что пѣть, воскликнула Белла, поднимая высоко свои прелестныя брови, въ очень комичномъ испугѣ: — это—факты. Я всегда интригую, всегда составляю планы и проекты.

— Боже мой! Это какъ?

— Я вамъ скажу, папа; я не боюсь сказать вамъ, потому что мы всегда любили другъ друга, да и вы не походите на пану, а скорѣе на младшаго брата съ милымъ, почтеннымъ, старымъ лицомъ. И къ тому же, прибавила Белла со смѣхомъ и указывая пальцемъ на него:—вы у меня въ рукахъ. Вѣдь эта прогулка, эта прогулка—секретъ. И если вы скажете что нибудь обо мнѣ, то я тотчасъ скажу мамѣ, что вы обѣдали въ Гриничѣ.

— Ну, говоря серьезно, милая Белла, замѣтилъ Р. Вильферъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ:—лучше было бы объ этомъ не упоминать.

— Ага, продолжала со смѣхомъ Белла:—я знала, что вамъ это не понравится, сэръ! Такъ вы не выдавайте меня, и я васъ не выдамъ. Попробуйте только измѣнить красавицѣ, и она окажется коварнѣе змѣи. Ну, теперь поцалуйте меня, папа, и я бы желала поправить вамъ волоса, такъ-какъ они со времени моего отъѣзда изъ дома пришли въ страшный беспорядокъ.

Р. Вильферъ безпрекословно предалъ свою голову въ руки оператора, который, продолжая болтать, дѣлалъ свое дѣло и очень искусно обматывалъ волоса паны вокругъ своихъ двухъ пальцевъ, которые потомъ неожиданно выдергивалъ, при чемъ пациентъ корчилъ каждый разъ гримасу.

— Я рѣшилась имѣть деньги и много денегъ, папа. Я чувствую, что я не могу ни выпросить ихъ, ни занять, ни украсть, поэтому я рѣшилась видти замужъ за деньги.

Реджинальдъ Вильферъ посмотрѣлъ на нее, на сколько могъ при теперешней операціи, и произнесъ съ укоромъ: — ми...лая Белла!

— Да, папа, вотъ въ чемъ дѣло. Если былъ на свѣтѣ когда нибудь корыстолюбивый интригантъ, котораго всѣ мысли были поглощены его низкими планами, то это—я. Но мнѣ это все равно: я ненавижу бѣдность и не буду бѣдной, если выйду замужъ за деньги. Ну, вотъ, папа, прибавила она:—вы теперь прелестны, и, конечно, слуга, увидѣвъ васъ, немало удивится.

— Но, Белла, вѣдь это ужасно въ твои годы.

— Я вамъ такъ и говорила, но вы не хотѣли вѣрить, сказала Белла, прелестнымъ, дѣтски-серьезнымъ тономъ: — не отвратительно ли это?

— Конечно, оно было бы очень нехорошо, еслибъ ты вполне понимала, что говоришь, моя милая Белла.

— Ну, папа, я могу только сказать, что я внѣ этого ничего не понимаю. Толкуйте про любовь! воскликнула молодая дѣвушка презрительно (хотя, конечно, ея лицо и вся фигура очень естественно давали поводъ мечтать о любви). Толкуйте про огненныхъ драконовъ! Но не со мною! Мнѣ говорите о богатствѣ и бѣдности! Это—факты! Это—дѣйствительность.

— Милая, это даже становится страшно, началъ торжественно отецъ ея, но Белла его перебила.

— Папа, скажите мнѣ, вы женились на деньгахъ?

— Ты знаешь, что нѣтъ.

Белла затянула траурный маршъ и возразила, что въ сущности это ничего не значило! Но увидавъ, что ея папа пригрюнился, она обвила его шею руками и начала цаловать до тѣхъ поръ, что онъ снова повеселѣлъ.

— Я не съ умысломъ это сказала, папа, такъ, шуткой. Теперь помните, вамъ не надо выдавать меня, а мнѣ васъ. Кромѣ того я вамъ обѣщаю никогда не имѣть отъ васъ секретовъ и вы можете быть спокойны: какіе корыстолюбивые планы я ни придумаю, прежде всего расскажу ихъ вамъ.

Хотя и не совсѣмъ удовлетворенный этой уступкой красавицы, Р. Вильферъ, однако, позвонилъ трактирнаго слугу и расплатился за обѣдъ.

— Все остальное, папа, сказала Белла, складывая вдвое кошелекъ и пряча его въ жилетный карманъ отца:—ваше, вы можете на нихъ купить подарки домашнимъ, заплатить долги—однимъ словомъ, можете дѣлать съ ними, что знаете. Наконецъ, знайте, что эти деньги не плодъ какихъ нибудь корыстолюбивыхъ комбинацій. Можетъ быть, въ противномъ случаѣ, ваша дрянная, корыстолюбивая дочь не такъ легко бы съ ними расплатилась!

Съ этими словами она сама запахнула полы его сюртука и застегнула его доверху, прикрывая драгоценный жилетный карманъ; потомъ надѣла шляпку и повезла Р. Вильфера назадъ въ Лондонъ. Достигнувъ великолѣпнаго дома мистера Бофина, она прислонила своего папу къ дверямъ, взяла его нѣжно за уши и стала цаловать такъ сильно, что онъ нѣсколько разъ

хлопнулъ головой о дверь. Наконецъ, она напомнила ему о ихъ разговорѣ и они весело, счастливо разстались.

Но ей не было весело, когда онъ удалился по темной улицѣ, и на ея глазахъ показались слезы. Ей не было весело, и она нѣсколько разъ промолвила: «Бѣдный папа! бѣдный, милый труженникъ папа!» прежде чѣмъ собралась съ силами, чтобъ поступать. Ей не было весело и при входѣ въ роскошныя, богатыя комнаты. Великолѣпная, блестящая мѣбель мозолила ей глаза, какъ бы напрашиваясь насильно на сравненіе съ грязной, поломанной мѣбелью въ домѣ ея отца. Ей не было весело, когда она ушла къ себѣ въ комнату и долго въ эту ночь она плакала — плакала отъ души. Она то искренно сожалѣла, что старикъ Гармонъ помятилъ ея имя въ своемъ завѣщаніи, то принималась сожалѣть, что молодой Гармонъ не остался живъ и не женился на ней.

— О какихъ противоположныхъ вещахъ я сожалѣю! восклицала внѣ себя Белла: — но моя жизнь, моя судьба такъ полны противоположностей, что чѣмъ же мнѣ приважете быть?

IX.

Завѣщаніе сироты.

На другое утро, когда секретарь былъ занятъ дѣлами, ему доложили, что его желаетъ видѣть какой-то мальчикъ, именующій себя Слопи. Лакей, докладывавшій о появленіи этого неизвестнаго мальчика, остановился на минуту прежде чѣмъ выговорить его имя, словно дѣлая это по принужденію или изъ милости къ юношѣ, который не имѣлъ довольно ума и вкуса унаслѣдовать болѣе звучное имя.

— Мистриссъ Бофинъ будетъ очень рада, сказали секретарь спокойно: — пускай онъ войдетъ.

Мистеръ Слопи вошелъ въ комнату и остановился около приоткрытыхъ громаднымъ количествомъ самыхъ удивительныхъ, неволатныхъ пуговокъ, торчавшихъ во всѣхъ частяхъ его одежды.

— Очень радъ васъ видѣть, сказали Джонъ Роксмитъ, съ любезною улыбкой: — я васъ давно ожидалъ.

Слопи объяснилъ, что онъ собирался уже давно придти, но сирота (или, какъ онъ его называлъ, нашъ Джон) все былъ нездоровъ и онъ ждалъ пока можно будетъ принести вѣсть о его выздоровленіи.

— Такъ онъ теперь совсѣмъ здоровъ? спросилъ секретарь.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Слопи, и покачавъ головою, пояснилъ, что вѣроятно къ Джону онъ пристали отъ пріемшей. На вопи-

рось, что такое *онъ*, онъ пояснилъ, что *онъ*, то-есть тѣ, которыя вдругъ являются на тѣлѣ и покрываютъ его, особливо грудь. Секретарь снова потребовалъ болѣе точнаго объясненія, и Слопи отвѣчалъ, что нѣкоторыя изъ *нихъ* болѣе шестипенсовой монеты. Но и этого было мало, секретарь все не понималъ; тогда Слопи прибавилъ, что это тѣ, ну, которыя такъ красны, какъ нельзя быть краснѣе. Но покуда онѣ выходятъ наружу, то это еще ничего, заключилъ онъ свою рѣчь:—а вотъ опасно, когда бросятся внутрь.

Джонъ Роксмитъ выразилъ надежду, что ребенка лечить какой-нибудь докторъ.—О! да отвѣчалъ Слопи:—его носили разъ въ аптеку.—Какъ же тамъ назвали болѣзнь? спросилъ Роксмитъ. Послѣ минутнаго размышленія, лицо Слопи прясало: онъ выговорилъ какое-то особенное, ужасно длинное названіе для пятень. Роксмитъ, несмотря на это замѣчаніе, спросилъ, не корь ли это.—Нѣтъ, отвѣчалъ съ презрѣніемъ мистеръ Слопи:—гораздо длиннѣе. Мистеръ Слопи очень настаивалъ на этомъ фактѣ, полагая повидимому, что это дѣлаетъ честь бѣдному маленькому больному.

— Мистриссъ Бофинъ будетъ очень сожалѣть объ этомъ, сказала Роксмитъ.

— Мистриссъ Гигденъ такъ и думала, и поэтому скрывала это отъ нея до сихъ поръ, все надѣясь, что нашъ Джонъ поправится.

— Но я также надѣюсь, что онъ все-таки выздоровѣетъ, прозвнесь Роксмитъ, пристально взглянувъ на посланнаго.

— И я надѣюсь, отвѣтилъ Слопи:— все зависитъ отъ того, если не бросится внутрь. Далѣе онъ объяснилъ, что пристало ли Джонъ отъ приемышей или приемышамъ отъ Джонъ, только и они занемогли и разосланы по домамъ. Кромѣ того, чтобъ мистриссъ Гигденъ можно было все время и днемъ и ночью посвящать на уходъ за нашимъ Джонъ, который не сходилъ ни на минуту съ ея рукъ, все дѣло ватанія теперь возложено на него и ему было немного трудненько. Некрасивый, но честный, благородный мальчикъ краснѣлъ и сіялъ отъ счастья при мысли, что онъ могъ быть полезнымъ.

— Въ прошлую ночь, продолжалъ снова Слопи.— я вертѣлъ катушку очень поздно и движеніе его совершенно совпадало съ дыханіемъ нашего Джонъ. Сначала катушка вертѣлась такъ плавно, ровно, потомъ начиналъ дрожать и колебаться, наконецъ при оборотѣ рукоятки почти совсѣмъ останавливался, какъ-то страшно храпѣлъ и потомъ снова жель плавно; съ дыханіемъ нашего Джонъ *Омло* то же самое, такъ что я вскорѣ съ трудомъ

различалъ дыханіе Джонн отъ шума катка. Даже и самъ Джонн едва зналъ эту разницу, ибо часто, когда ватокъ колебался, онъ восклицалъ:—бабушка, я не могу дышать! Тогда мистриссъ Гигденъ приказываетъ мнѣ на минуту прекратить свою работу, и мы всё останавливаемся. Когда же у нашего Джонн снова являе-ся дыханіе, то я снова начинаю вертѣть рукояту, и снова по-прежнему Джонн дышетъ, машина шумитъ, я верчу.

Во время этого разсказа, глаза Слони были устремлены какъ-то бессознательно въ пространство; теперь же, когда онъ кончилъ, на нихъ навернулись слезы, которыя онъ едва могъ скрыть рукавомъ своего скюртуа.

— Жаль, очень жаль, произнесъ Роксмитъ:—однако, надо пойтн съ этимъ грустнымъ извѣстіемъ къ мистриссъ Бофинъ. Подождите здѣсь, Слони.

Слони подождать, озираясь кругомъ и восхищаясь особливо обоими, пока въ комнату вошли секретарь, мистриссъ Бофинъ и рядомъ съ ней молодая дѣвушка (по имени миссъ Велла Вилфферъ), которой, конечно, лучше было восхищаться, по мнѣнію Слони, чѣмъ самыми лучшими обоими.

— Ахъ! мой бѣдненькій Джонъ Гармонъ! воскликнула мистриссъ Бофинъ.

— Да, сударыня, подтвердилъ съ большимъ сочувствіемъ Слони.

— Но вѣдь ему не очень, не очень дурно? спросила съ чувствомъ добрая женщина.

Не зная, что отвѣчать на такой вопросъ, не желая ни солгать, ни сказать что-нибудь непріятное, Слони закинулъ голову назадъ и засопѣлъ.

— Неужели ему такъ уже худо! воскликнула мистриссъ Бофинъ:—и Бетти Гигденъ меня не извѣстила до сихъ поръ?

— Я думаю, она сомнѣвалась, сударыня, произнесъ Слони.

— Въ чемъ, бога-ради?

— Я думаю, она сомнѣвалась, сударыня, повторилъ Слони:— не повредятъ ли она счастью нашего Джонн, извѣстивъ васъ. Вѣдь съ большими такъ много возни и столько траты денегъ, что всё отъ этого отказываются.

— Но она никогда не могла подумать, чтобъ я отказала въ чемъ нибудь бѣдному, милому ребѣнку?

— Нѣтъ, сударыня, но она по привычкѣ, испытать уже многое, быть можетъ, не желала подвергать нашего Джонн риску, и потому старалась вылечить его сама, втайнѣ отъ всѣхъ, и передать его вамъ уже здороваго.

Слони зналъ хорошо, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Спрятаться отъ всѣхъ

въ болѣзни, какъ безсловесное животное, свернуться въ клубокъ въ какой нибудь дырѣ и умереть такъ, чтобы никто не зналъ—сдѣлалось инстинктомъ этой женщины. Схватить на руви больного, милаго ей ребѣнка и спрятать его какъ преступника, отказать ему во всякомъ пособіи кромѣ своихъ материнскихъ попеченій—вотъ что, по мнѣнію этой женщины, повелѣвала ей любовь къ ребѣнку и чувство долга. Позорныя описанія, которыя мы ежедневно читаемъ, милорды и господа члены благотворительныхъ комитетовъ, о мелкихъ, официальныхъ жестокостяхъ, не забываются такъ легко народомъ, какъ нами. И отъ этого происходятъ эти нераціональныя, слѣпыя, упрямые предрасудки, которые такъ непонятны нашему величію и которые имѣютъ такую же причину бытія. Воже храни королеву и уничтожь этихъ двѣихъ людей—какъ дымъ, когда пылаетъ огонь!

— Нельзя такъ оставить ребѣнка, воскликнула мистриссъ Бофинъ: — добрый мистеръ Роксмитъ скажите, какъ тутъ помочь.

Онъ уже придумалъ средство, и потому просто объявилъ, что обдѣлаетъ все вполчаса, и тогда они всѣ отправятся въ Brentfordъ.

— Пожалуйста возьмите и меня, сказала Белла.

Поэтому приказано было заложить экипажъ, въ которомъ бы они всѣ могли умѣститься, а пока Слопи отвели въ комнату секретаря и тамъ его глазамъ представилось осуществленіе его фантазіи—блюдо мяса и зелени, пудингъ и пиво. Онъ првнялся съ жаромъ за работу, и вскорѣ его пуговки еще болѣе стали выдаваться на его тѣлѣ, кромѣ двухъ подъ самымъ кушакомъ, которыя скромно ступевались.

Съ строгою аккуратностью черезъ полчаса явился секретарь, и карета была подана. Онъ сѣлъ на возы, а мистеръ Слопи помѣстился на сидѣннѣ за экипажемъ. Итакъ они снова отправились къ Тремъ Сорокамъ, гдѣ вышли изъ экипажа и продолжали путь пѣшкомъ. По дорогѣ они еще зашли въ игрушечную лавку и купили богато убранную лошадь, описаніе которой такъ сильно по дѣйствовало на легкомысленнаго Джони, когда онъ былъ здоровъ, также Ноевъ ковчегъ со всевозможными звѣрями, желтую птицу, издававшую пронзительный крикъ, и солдата, такъ отлично одѣтаго, что будь онъ въ человѣческой ростъ, то всѣ гвардейцы приняли бы его за своего товарища.

Съ этими-то подарками наше общество явилось въ дверяхъ Бетти Гигденъ, которая сидѣла въ самомъ заднемъ темномъ углу комнаты и убаюкивала у себя на колѣняхъ бѣднаго Джони.

— Ну, каково моему мальчику, Бетти? спросила мистриссъ Бофинъ, садясь подлѣ нея.

— Очень худо! Очень худо! отвѣчала Бетти: — я начинаю думать, что онъ никогда не будетъ ни вашимъ, ни моимъ. Посмотрите на него. И Бетти развернула тряпки, въ которыхъ завернуть былъ ребёнокъ, и показала его сжатую, правую ручку, лежавшую на его груди. — И онъ не разгибаетъ ее, что съ нимъ ни дѣлай.

— Онъ спитъ?

— Не думаю; Джони, ты спишь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Джони, не открывая глазъ и какъ-бы сожалѣя о самомъ себѣ.

— Баргния пріѣхала, Джони, и лошадь привезла.

Джони совершенно хладнокровно услышалъ о пріѣздѣ баргнии, но противъ лошади устоять не могъ. Медленно, съ трудомъ открылъ онъ свои отяжелѣвшіе глазки, и при видѣ великолѣпнаго чуда, улыбка освѣтила его болѣзненное лицо и онъ протянулъ свои ручонки, желая ближе насладиться удивительнымъ зрѣлищемъ. Но лошадь была слишкомъ велика, чтобы онъ могъ удерживать ее на рукахъ, и потому ее поставили на стулъ подлѣ него такъ, что онъ могъ любоваться ею и гладить ее рукою. Вскорѣ одна рука его опустилась, глаза снова закрылись и онъ забылъ о великолѣпномъ чудѣ.

Но вотъ Джони, не открывая глазъ, пробормоталъ что-то, и старая Бетти, наклонившись къ нему, едва могла разобрать его слова, такъ что онъ долженъ былъ повторить раза два, прежде чѣмъ всѣ поняли, что онъ хотѣлъ сказать. Оказывалось, что онъ видѣлъ гораздо болѣе чѣмъ лошадь, гораздо болѣе чѣмъ кто нибудь подозрѣвалъ, ибо онъ теперь бормоталъ: кто эта кьясавица? Кьясавица была Белла. Это замѣчаніе бѣднаго больного ребенка тронуло-бы ее во всякое время, но тѣмъ сильнѣе отозвалось оно въ ея сердцѣ теперь, послѣ ея недавней прогулки съ отцомъ, во время которой она въ шутку называла себя красавицей. Она тотчасъ опустилась на колѣни передъ ребенкомъ и вѣжно обняла его; ребёнокъ съ дѣтскимъ восхищеніемъ—отъ всего юнаго, прекраснаго—обвилъ своими ручонками ея шею.

— Ну, моя милая Бетти, сказала мистриссъ Бофинъ, полагая, что минута теперь самая удобная для открытія огня: — мы пріѣхали за Джони и повеземъ его туда, гдѣ за нимъ лучше приглядывать и скорѣе вылечать.

Не успѣла она еще выговорить эти слова, какъ старуха вскочила со стула и съ ребенкомъ въ рукахъ бросилась къ дверямъ.

— Прочь! прочь! воскликнула она дико, съ блуждающими глазами: — я понимаю, чего вы хотите. Пустьте, я уйду, я уѣду

отъ васъ. Я скорѣе убью моего голубчика милаго, убью и себя самоё!

— Погодите, погодите! сказала Роксмитъ, стараясь ее успокоить: — вы не понимаете, о чемъ вамъ говорить.

— Я слишкомъ хорошо понимаю. Я слишкомъ много знаю объ этомъ, сэръ. Сколько лѣтъ я избѣгала этого позора. Нѣтъ! Нѣтъ! Не бывать тамъ ни моему ребѣнку, ни мнѣ, пока въ рѣкѣ есть вода, которой можно захлебнуться.

Страхъ, ужасъ, отвращеніе, блестяшіе въ глазахъ старухи, безумное остервененіе, проглядывавшее въ каждой чертѣ ея лица — заставили бы поневолѣ вздрогнуть самого хладнокровнаго чело-вѣка. Но что еще ужаснѣе, милорды и господа члены благотвори-тельныхъ комитетовъ — эта дикая, изступленная старуха не составляетъ исключенія: подобныя чувства проявляются, увы! во многихъ и многихъ вашихъ ближнихъ.

— Всю жизнь позоръ этотъ грозилъ мнѣ, восклицала съ жаромъ Бетти: — но я не дамъ живую, не отдамъ моего голубчика. Ступайте, ступайте прочь, всѣ! Еслибъ я только знала, для чего вы придете, я бы заперла дверь на запоръ и умерла бы съ го-лода, но васъ никогда бы не пустила.

Но тутъ, въ пылу своего безумія, старуха увидѣла на добромъ лицѣ мистрисъ Бофинъ столько нѣжнаго состраданія и любви, что она опустилась на землю у самой двери, и смиренно произ-несла: — можетъ быть, я и ошибаюсь. Если это такъ, то скажите, образумьте и простите меня бога-ради. Я такъ боюсь позора, и голова моя такъ отяжелѣла эти дни, что я, можетъ быть, пере-путала, смѣшала, не поняла.

— Ну, ну! Не будемъ объ этомъ болѣе говорить, сказала мистрисъ Бофинъ: — это была ошибка, болѣе ничего. Всякій изъ насъ можетъ ошибиться, и почувствовать то же, что вы чув-ствовали.

— Да благословить васъ Богъ! воскликнула старуха, протяги-вая свою костлявую руку.

— Послушайте теперь, Бетти, что я вамъ хотѣла сказать, про-должала добрая, сострадательная душа, горячо пожимая руку ста-рухи: — во всемъ я виновата, не умѣла выразиться хорошенько, такъ, чтобъ вы меня поняли. Мы хотимъ отвезти Джони въ такое мѣсто, гдѣ нѣтъ никого кромѣ дѣтей, гдѣ добрые доктора и сидѣли всю свою жизнь посвящаютъ дѣтямъ, ухаживаютъ только за дѣтьми, говорятъ только съ дѣтьми, вылечиваютъ только дѣтей.

— Развѣ есть такое мѣсто? спросила съ изумленіемъ Бетти.

— Да, есть, милая, честное слово; и вы сами увидите соб-ственными глазами. Еслибъ въ моемъ домѣ Джони могло быть

лучше, то, конечно, я взяла бы его къ себѣ, но увѣряю васъ, что будетъ гораздо хуже.

— Берите его, везите, куда хотите, радость моя, произнесла Бетти съ жаромъ, цалуя руку мистриссъ Бофинъ: — мое сердце не каменное, я вѣрю вашему доброму лицу, вашему доброму голосу, и всегда буду вѣрить, пока жива.

Побѣда была одержана, и теперь Роксмить быстро воспользовался ея плодами, ясно понимая, что тутъ нельзя было терять ни минуты. Онъ послалъ Слопи привезти къ дверямъ карету, велѣлъ Бетти укутать какъ можно болѣе ребѣнка, и самой одѣться, потомъ собралъ всѣ игрушки передъ глазами Джони, такъ чтобъ тотъ понялъ, что всѣ его сокровища идутъ съ нимъ вмѣстѣ — однимъ словомъ, такъ ловко и быстро распорядился, что когда явилась карета, то все было готово, и черезъ нѣсколько минутъ они уже были въ дорогѣ. Слопи остался дома, и чтобъ отвести горе, принялся съ остервененіемъ вертѣть свои латокъ.

Въ дѣтской больницѣ — богато убранная лошадь, Ноевъ ковчегъ, желтая птица и гвардейскій солдатъ, были приняты съ такимъ же радушіемъ, какъ ихъ владѣлецъ, бѣдный больной мальчикъ. Только докторъ, отвѣдавъ въ сторону Роксмита, шепнулъ ему: — поздно. Надо было привезти двумя-тремя днями ранѣе.

Какъ бы то ни было, ихъ провели въ большую, хорошо провѣтренную комнату, и когда Джони очнулся отъ сна, или лучше обморока, то онъ лежалъ въ маленькой постелькѣ, а передъ нимъ на столикѣ, придѣланномъ къ кровати, уставлены были и богато убранная лошадь, и желтая птица, и Ноевъ ковчегъ; а гвардейскій солдатъ стоялъ на часахъ, и берегъ всѣ эти сокровища. Надъ головой же Джони, на стѣнкѣ, висѣла прекрасная раскрашенная гравюра, изображавшая другого Джони, на рукахъ у ангела, который, вѣрно, любилъ маленькихъ дѣтей. Но всего удивительнѣе, всего пріятнѣе было для Джони, что онъ вдругъ сдѣлался членомъ цѣлаго семейства маленькихъ дѣтей, которые всѣ лежали въ такихъ же чистенькихъ кроваткахъ, съ такими же столиками, полными кулъ, маленькихъ домиковъ, собачекъ, жестяныхъ сервизовъ, цѣлыхъ арій деревянныхъ солдатиковъ, и проч. и проч. Только двое дѣтей были вставши, и сидя на маленькихъ стульяхъ у камина, играли въ домино.

Джони пробормоталъ что-то, не помня себя отъ восторга, и добрая сидѣлка тотчасъ наклонилась къ нему и нѣжно спросила, что ему нужно. Ребѣнокъ едва слышно спросилъ, что всѣ эти дѣти не братья ли и не сестры ли его? Ему отвѣчали: да. Онъ спросилъ, кто ихъ всѣхъ соединилъ тутъ, не Богъ ли? Ему отвѣчали: да. Онъ еще что-то пробормоталъ, которое едва могла ра-

зобратъ; но понявъ, что онъ спрашиваетъ, всё ли они перестанутъ страдать, ему объяснили, что да, всё, и онъ между ними, скоро будутъ совершенно здоровы. Бѣдный Джонъ еще такъ мало говорилъ и здоровый, тѣмъ болѣе больной, что теперь онъ замолчалъ и отдался покорно въ руки своей сидѣлки. Та его вымыла, дала ему необходимыя лекарства, и все такъ нѣжно, какъ съ бѣднымъ ребѣнкомъ еще никогда не обходились въ его краткой, но невеселой жизни. Однако, несмотря на все, эти попеченія, вѣроятно, надоѣли бы Джонъ, еслибъ не одно счастливое обстоятельство. Онъ вдругъ увидѣлъ передъ собой, на своемъ столкѣ, всѣхъ звѣрей и гадовъ земныхъ, которые попарно выходили изъ ковчега; впереди всѣхъ величественно выступалъ слонъ, а замыкала шествіе очень скромно маленькая муха. Это зрѣлище и особливо восторгъ, возбужденный имъ въ маленькомъ братѣ, который съ сломанной рукой лежалъ въ сосѣдней кроваткѣ, поглотили все вниманіе Джонъ, пока онъ мало-по-малу не успокоился и не заснулъ.

— Я вижу, что вы теперь не боитесь оставить здѣсь милаго ребѣнка, Бетти, шепнула ей мистриссъ Бофинъ.

— Нѣтъ, сударыня. Я его оставляю съ радостью, съ благодарностью, отъ всей души, отъ всего сердца.

Итакъ всё поцаловали Джонъ и удалились. Рѣшено было, что старая Бетти придетъ рано утромъ на другой день и никто кромѣ Роксмита не зналъ, что докторъ сказалъ: «поздно! Надо было привезти двумя днями раньше!»

Но Роксмита зналъ это, и чувствуя, какъ благодарна ему будетъ за его участіе добрая женщина, которая одна въ старину нянчила и холила бѣднаго, брошеннаго всѣми Джона Гармона, теперь давно уже умершаго и погребеннаго, рѣшился навѣстить маленькаго тѣску, Джона Гармона.

Маленькія дѣти, составлявшія одно обширное семейство, собранное вмѣстѣ самимъ Богомъ — спали не всё, но всё лежали тихо, спойно. Ночная тишина прерывалась только вѣжными, едва слышными шагами сидѣлки, переходившей отъ кровати къ кровати. Маленькая ручонка высовывалась изъ-подъ бѣлой простыни, и вотъ доброе, милое лицо сидѣлки наклонилось къ этой ручкѣ, и ребѣнокъ, уснокоенный теплымъ материнскимъ поцалуемъ, повертывалъ головку и сладко засыпалъ. И шаги раздавались далѣе въ другомъ концѣ комнаты. Сосѣдъ Джонъ съ сломанной рукою долго метался и стоналъ, но наконецъ, обернувшись къ кроваткѣ Джонъ и какъ-бы набравшись силы отъ удивительнаго зрѣлища ковчега и звѣрей, крѣпко заснулъ. Игрушки у большей части дѣтей оставались въ томъ самомъ по-

ложеніи. въ какомъ они бросили ихъ засыпая, и эти фантастически, прихотливо раскиданныя игрушки казались теперь олицетворенными мечтами, свидѣніями невинныхъ малютокъ.

Роксмитъ вошелъ въ комнату вмѣстѣ съ докторомъ и они долго съ нѣкоторымъ состраданіемъ смотрѣли на блѣднаго Джони.

— Что съ тобой, Джони? Чего тебѣ? спросилъ Роксмитъ, замѣтивъ, что ребѣнокъ развелъ ручками.

— Ему! Эти! пробормоталъ ребѣнокъ едва слышно.

Докторъ привыкъ уже къ дѣтямъ и понималъ всякое ихъ слово, всякій взглядъ. Онъ поспѣшно взялъ ковчегъ со звѣрями, лошадь, птицу и солдата, и оставилъ ихъ на столѣ у кровати сосѣда Джони, мальчика съ сломанной рукой.

Ребѣнокъ съ усиліемъ улыбнулся, и опираясь на руку, протянутую Роксмитомъ, поднялся немного, какъ-бы затѣвъ, чтобы вытянуться и дать отдыхъ своему блѣдному, уставшему тѣлу; потомъ онъ прильнулъ своими блѣдными, холодными губами къ щекѣ Роксмита и промѣловилъ:—Поцалуй класавицу!

Покончивъ со всѣми земными дѣлами, отдавъ все, что было у него на свѣтѣ, маленькій Джони, молча, безмятежно отошелъ отъ міра сего.

X.

Н а с л ѣ д н и к ѣ .

Многіе пасторы, собратья Франка Мильвея, находятъ чрезвычайно затруднительнымъ для ихъ совѣсти, что они обязаны хоронить покойниковъ съ христіанскою радостью, когда, напротивъ, у нихъ и у всѣхъ окружающихъ навертываются слезы печали и горя. Но Франкъ Мильвей полагалъ, что пасторы обязаны исполнять еще нѣсколько вещей, которыя при серьезномъ размышленіи гораздо болѣе противорѣчили ихъ совѣсти, и потому онъ дѣлалъ молча все, къ чему обязывалъ его долгъ.

Дѣйствительно, Франкъ Мильвей былъ очень снисходительный человѣкъ; онъ замѣчалъ, что въ виноградникѣ, въ которомъ онъ работалъ, много сухихъ деревьевъ, но онъ не кричалъ поэтому, что онъ геній. Ему было только одно ясно, что чѣмъ онъ болѣе знаетъ человѣческаго, земнаго, тѣмъ лучше онъ можетъ понять всю безпредѣльную мудрость промыслителя.

Поэтому, еслибъ Франку Мильвею пришлось прочитать молитву, приводящую въ такой соблазнъ его собратій пасторовъ, и въ умиленіе многое множество простыхъ сердецъ, еслибъ ему пришлось прочесть эту молитву при похоронахъ человѣка, го-

радо болѣе оплакиваемого чѣмъ Джонъ, онъ бы сдѣлалъ это изъ сожалѣнія въ окружающимъ и изъ чувства смиренія. Молясь же теперь надъ гробомъ Джонъ, онъ думалъ о своихъ шести дѣтяхъ, но не о своей бѣдности, и слезы наполнили его глаза. И серьезныя, очень серьезныя мысли занимали его и жену его, когда они возвращались домой съ кладбища.

Горевали и печалились въ аристократическомъ домѣ, радовались и веселились въ павильонѣ. Мистеръ Вегъ разсуждалъ очень торжественно, что если Бофини нуждались въ сиротѣ, такъ развѣ онъ не былъ сирота и неужели можно было найти болѣе достойнаго? Зачѣмъ было искать въ Brentfordъ сиротъ, которыя не имѣли никакого права на вспомошествованіе и ничего для Бофиновъ никогда не сдѣлали, тогда какъ тутъ былъ готовый сирота, пожертвовавшій ради Бофиновъ миссъ Елисаветой, мистеромъ Джорджемъ, тѣтей Анной и дядей Паркеромъ?

Мистеръ Вегъ просіялъ, узнавъ о смерти Джонъ, и даже, какъ было доказано впоследствии свидѣтелемъ, котораго мы теперь не назовемъ, онъ пришелъ въ такой восторгъ, что въ пустой комнатѣ проплясалъ на одной ножкѣ какой-то торжественный, балетный па.

Джонъ Роксмитъ во все это время обходился съ мистриссъ Бофинъ скорѣе какъ сынъ съ матерью, чѣмъ какъ секретарь съ женою своего господина. Его поведеніе съ нею всегда отличалось почтительною привязанностью, возникшей, кажется, въ самый день его вступленія на службу. Все странное, дивное въ ея манерахъ и одеждѣ, не казалось ему страннымъ; онъ часто, разговаривая съ нею, улыбался; но смотря на него, невольно входило въ голову, что удовольствіе, находимое имъ въ обществѣ этой доброй, благородной женщины, могло точно такъ же обнаружиться въ слезахъ, какъ и въ улыбкѣ. Онъ выказалъ полнѣйшее сочувствіе къ желанію мистриссъ Бофинъ, найти и воспитать маленькаго Джона Гармона; онъ доказалъ это сочувствіе въ каждомъ своемъ словѣ, каждомъ своемъ дѣйствіи. Теперь же, когда это доброе желаніе мистриссъ Бофинъ не исполнилось, а причинило ей только горе, онъ нѣжно, почтительно относился къ этому горю, за что она не находила словъ его благодарить.

— Я очень, очень вамъ благодарна, мистеръ Роксмитъ, говорила мистриссъ Бофинъ:—я вамъ благодарна отъ всей души. Вы любите дѣтей?

— Надѣюсь, что всякій ихъ любить.

— Всякій долженъ бы, это правда, но развѣ мы всѣ дѣлаемъ то, что должны?

— Зато нѣкоторые изъ насъ дѣлають и за себя и за другихъ. Вы очень любили дѣтей, мистриссъ Бофинъ, судя по словамъ вашего мужа.

— Нѣтъ, не болѣе его, конечно, но онъ всегда увѣряетъ, что все доброе идетъ отъ меня. Но вы что-то очень грустно говорите о дѣтяхъ, мистеръ Роксмитъ.

— Неужели?

— Да, мнѣ кажется. У васъ много было братьевъ и сестеръ? Роксмитъ молча покачалъ головою.

— Какъ, вы были единственнымъ ребѣнкомъ?

— Нѣтъ, былъ еще другой, да давно уже умеръ.

— Отецъ и мать у васъ въ живыхъ?

— Нѣтъ, умерли.

— Есть у васъ какіе-нибудь родственники?

— Всѣ умерли, если когда и были таковыя. Я никогда объ нихъ не слыхивалъ.

Въ эту минуту показалась Белла, и видя, что ее никто не замѣчаетъ, остановилась въ недоумѣніи, войти ли ей или удалиться.

— Не обращайтесь вниманія на болтовню старухи, продолжала мистриссъ Бофинъ: — но скажите мнѣ, что я васъ спрошу. Вы навѣрно знаете, мистеръ Роксмитъ, что вы никогда не любили, что вы никогда не испытали разочарованія или неудачи въ любви?

— Навѣрно! Зачѣмъ вы это спрашиваете?

— Зачѣмъ? Да потому, что вы слишкомъ грустны и сосредоточены для вашихъ лѣтъ. Вѣдь вамъ не болѣе тридцати лѣтъ!

— Мнѣ нѣтъ еще тридцати.

Полагая, что пора обратить на себя вниманіе, Белла закашляла, извинилась, что не нарочно зашла въ комнату и объявила, что тотчасъ уйдетъ, боясь помѣшать.

— Нѣтъ, не уходите, отвѣчала мистриссъ Бофинъ: — мы до сихъ поръ только болтали, а теперь надо обсудить одно дѣло, которое и до васъ, милая Белла, касается столько же, сколько и до меня. Но надо непременно, чтобъ на нашемъ совѣтѣ присутствовалъ мой Нодди. Не пойдетъ ли кто-нибудь за моимъ Нодди?

Роксмитъ бросился исполнить ея желаніе и черезъ минуту явился въ сопровожденіи мистера Бофина. Белла съ какимъ-то тревожнымъ трепетомъ ожидала открытія этого совѣщанія, но первые слова мистриссъ Бофинъ совершенно ее успокоили.

— Ну, садитесь подлѣ меня, милая Белла, сказала добрая женщина, усаживаясь на широкой отоманѣхъ посреди комнаты:— а ты

Нодди помѣстись тутъ, а мистеръ Роксмитъ вонъ тамъ. Вотъ видите въ чемъ дѣло: мистеръ и мистриссъ Мпллвей написали мнѣ самую любезную записку (которую мистеръ Роксмитъ мнѣ только что прочелъ, такъ-какъ я писанное не очень хорошо разбираю) и предлагаютъ найти мнѣ другаго ребѣнка на воспитаніе. Вотъ это-то и заставило меня серьезно подумать.

— А она, когда примется размышлять,—что твоя паровая машина, промолвилъ съ восхищеніемъ мистеръ Бофинъ:—ее, можетъ быть, нелегко пустить въ ходъ, но разъ, что вы ее пустите, это просто паровикъ. Удержайтѣ.

— Я начала серьезно думать, повторила мистриссъ Бофинъ, просіявъ отъ комплимента мужа:—и додумалась до двухъ вещей. Первое, что я боюсь возобновлять снова имя Джона Гармона. Это—несчастное имя, и мнѣ кажется, я бы себя всегда упрекала, еслибъ я назвала этимъ именемъ втораго ребѣнка и тотъ бы также умеръ.

— Ну, скажите, можно ли это назвать предрасудкомъ, суевѣріемъ? сказалъ Бофинъ, обращаясь къ секретарю.

— Это—дѣло чувства, нѣжно произнесъ секретарь:—это имя было всегда несчастливо, и теперь еще одно новое печальное воспоминаніе связано съ нимъ. Это имя вымерло. Зачѣмъ его воскрешать? Я осмѣлюсь спросить, чтѣ думаетъ объ этомъ миссъ Вильферъ?

— Это имя, конечно, не было очень счастливымъ для меня, сказала Белла, краснѣя:—то-есть оно не было счастливымъ до тѣхъ поръ, пока не привело меня сюда—но не въ томъ дѣло. Такъ-какъ мы уже дали это имя бѣдному ребѣнку и онъ такъ любилъ меня, то, кажется, мнѣ было бы неприятно называть этимъ же именемъ другаго. Оно мнѣ такъ дорого по воспоминанію о миломъ Джони, что я, кажется, не имѣю права съ нимъ такъ распорядиться.

— Вы раздѣляете это мнѣніе? обратился снова Бофинъ къ секретарю.

— Я опять скажу, это—дѣло чувства, отвѣчалъ Роксмитъ:—и помоему, миссъ Вильферъ выказала очень нѣжныя, женственныя чувства.

— Ну, теперь ты скажи свое мнѣніе, Нодди, воскликнула мистриссъ Бофинъ.

— Мое мнѣніе, старуха, отвѣчалъ золотой мусорщикъ:—всегда согласно съ твоимъ.

— Слѣдовательно, начала снова мистриссъ Бофинъ:—мы всѣ согласны не воскрешать имени Джона Гармона, а оставить его

покоиться въ могилѣ. Правду говоритъ мистеръ Роксмитъ, что это—дѣло чувства, но Боже! сколько вещей—дѣло чувства. Ну, теперь перехожу ко второй своей мысли. Вы должны знать, милая Белла и мистеръ Роксмитъ, что когда я впервые выразила своему мужу желаніе усыновить маленькаго сиротку въ память Джона Гармона, то прибавила, что мнѣ отрадно думать, какъ этотъ ребѣнокъ будетъ пользоваться деньгами Джона и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ огражденъ отъ той уединенной несчастной жизни, которую вель всѣми покинутый Джонъ.

— Слушайте! слушайте! воскликнулъ мистеръ Бофинъ:—*Амкоръ!*

— Нѣтъ, не *амкоръ*, милый Нодди, отвѣчала мистриссъ Бофинъ:—я теперь намѣрена сказать совершенно иное. Я говорила эти слова чистосердечно, но теперь смерть этого ребѣнка заставила меня спросить себя серьезно: не думала ли я въ этомъ дѣлѣ болѣе всего о себѣ самой, о томъ, чтобъ потѣшить себя. Иначе къ чему же было бы искать непременно хорошенькаго ребѣнка, да еще такого, который бы мнѣ понравился? Желая дѣлать добро, зачѣмъ не бросить въ сторону вкуса, зачѣмъ не дѣлать добро для одного добра?

— Быть можетъ, воскрешая старое имя, вы не желали дать его ребѣнку, который бы не былъ такъ же красивъ, какъ его первообразъ, замѣтила Белла (быть можетъ, въ свою очередь, она сказала это, вспомнивъ о тѣхъ странныхъ отношеніяхъ, которыя связывали ее съ убитымъ человѣкомъ).

— Благодарствуйте, милая, отвѣчала мистриссъ Бофинъ, пожимая Беллѣ руку:—отъ васъ это очень мило найти сейчасъ причину; и я надѣюсь, что это дѣйствительно было такъ, но, увы, только отчасти. Впрочемъ, теперь объ этомъ нечего и говорить, когда уже мы покончили съ именемъ.

— То-есть оставили его какъ воспоминаніе, замѣтила Белла задумчиво.

— Да, это гораздо лучше сказано, мы оставили его какъ воспоминаніе. Ну такъ, я думала, если я возьму снова на воспитаніе сироту, пускай это не будетъ игрушка для меня, а ребѣнокъ, которому я могу дѣйствительно принести пользу.

— Такъ онъ долженъ быть некрасивымъ? спросила Белла.

— Нѣтъ, рѣшительно отвѣчала мистриссъ Бофинъ.

— Ну, такъ отвратительнымъ? Уродомъ?

— Нѣтъ, это не есть необходимое условіе. Это надо предоставить совершенно случаю. Попадется мнѣ, напримѣръ, хорошій мальчикъ, который, положимъ, и не отличается большими

способностями, но честный, работающий и нуждающийся в помощи—вот если я хочу сделать добро чистосердечно, не из одного эгоизма, я и должна взять на свое попечение такого мальчика.

В эту самую минуту в комнату вошел слуга и доложил Роксмиту о приходѣ Слопи. Всѣ четверо державшіе совѣтъ переглянулись и умолкли.

— Прикажете привести его сюда, сударыня? спросил Роксмить.

— Да, отвѣчала мистрисъ Бофинъ.

Слуга удался и вскорѣ съ замѣтнымъ отвращеніемъ ввелъ в комнату Слопи.

Мистрисъ Бофинъ, желая чтобъ Слопи носилъ трауръ по бѣдному Джонн, велѣла сдѣлать ему цѣлую пару изъ чернаго сукна, при чемъ мистеръ Роксмить лично просилъ портнаго употребить все свое искусство, чтобъ скрыть какъ можно болѣе назойливыя пугови. Но недостатки фигуры Слопи были гораздо сильнѣе, могущественнѣе всѣхъ хитростей портнаго, и онъ теперь предсталъ передъ совѣтомъ настоящимъ аргусомъ въ отношеніи пуговокъ, сія и блестя сотнями металлическихъ глазъ. Какая-то невѣдомая сила, которой были одарены его ноги, уже успѣла вытянуть его панталоны на колѣнвахъ и вздернуть у шиколотки; подобная же сила приподняла его рукава и собрала ихъ складками у локтей. Въ такой-то одеждѣ предсталъ Слопи передъ глазами удивленнаго совѣта.

— Какъ поживаетъ Бетти, милый? спросила его мистрисъ Бофинъ.

— Благодарствуйте, сударыня, отвѣчалъ Слопи:—помаленьку. Она велѣла засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, благодарить за чай и всѣ ваши милости, и освѣдомиться о здоровьѣ всего вашего семейства.

— Ты только-что пришелъ, Слопи?

— Да-съ.

— Такъ, значить, ты еще не пообѣдалъ?

— Нѣтъ-съ. Но я намѣренъ пообѣдать, такъ я не забылъ вашего милостиваго приказанія, чтобъ меня никогда не выпускали изъ вашего дома безъ обѣда—безъ блюда мяса, пудинга и пива... Нѣтъ, было четыре, а тутъ только три, я знаю, что четыре. Я въ первый разъ считалъ мясо—одинъ, пиво—два, зелень—три, ну, а четвертый-то? Ахъ, да, пудингъ, онъ былъ четвертый!

И Слопи, загнувъ голову назадъ, открылъ широко ротъ и громко захохоталъ.

— А какъ здоровье бѣдныхъ пріемншей? спросила мистриссъ Бофинъ.

— Высыпають знатно, сударыня.

Мистриссъ Бофинъ взглянула на трехъ остальныхъ членовъ совѣта и потомъ снова начала:

— Слопи.

— Да-съ.

— Подойди ко мнѣ, Слопи. Ты бы желалъ обѣдать здѣсь каждый день?

— И ѣсть всѣхъ четырехъ, сударыня! О, сударыня!

И Слопи отъ избытка чувствъ затрясся въ колѣнкахъ.

— Да. И желалъ бы ты жить здѣсь, и чтобъ за тобой ухаживали, то-есть, конечно, если ты будешь хорошо заниматься и вести себя?

— О, сударыня! воскликнулъ Слопи, но черезъ секунду остановился и покачалъ головою:— а мистриссъ Гигденъ? Мистриссъ Гигденъ для меня прежде и главнѣе всего. Никто не будетъ мнѣ лучшимъ другомъ, какъ мистриссъ Гигденъ. А ей нужно, чтобъ ктонибудь вертѣлъ ее катокъ. Чтѣ съ ней сдѣлается, куда ее упекутъ, бѣдную, если у ней никого не будетъ вертѣть ее катокъ?

При одной мысли о подобномъ несчастіи съ мистриссъ Гигденъ, Слопи поблѣднѣлъ и лицо его приняло самое плачевное, грустное выраженіе.

— Ты правъ, Слопи, сказала мистриссъ Бофинъ:— и я послѣдняя сказала бы тебѣ чтонибудь противное твоимъ чувствамъ. Не беспокойся. Я уже все беру на себя. Если можно будетъ устроить, чтобъ у Бетти Гигденъ ктонибудь другой вертѣлъ катокъ, то ты переѣдешь къ намъ, получишь порядочное воспитаніе и вскорѣ будешь въ состояніи помочь Бетти Гигденъ гораздо болѣе, чѣмъ вертя катокъ.

— Вотъ видите, сударыня! воскликнулъ Слопи:— и этому можно помочь. Катокъ можно вертѣть и ночью, такъ-что я могу весь день быть здѣсь, а ночью тамъ. Мнѣ спать не нужно; да если и потребуется всхрапнуть немного, то я могу сдѣлать это и не переставая вертѣть. Я это не разъ пробовалъ и очень доволенъ остался.

Въ пылу благодарности, мистеръ Слопи схватилъ руку мистриссъ Бофинъ и покрылъ ее поцалуями, потомъ отскочилъ отъ этой доброй женщины, чтобъ дать просторъ своимъ чувствамъ.

и, закинувъ голову назадъ и разинувъ широко ротъ, какъ-то дико завылъ. Конечно, это было очень похвально и говорило въ пользу его нѣжнаго сердца, но невольнo входила въ голову мысль, что сосѣди могли претендовать на подобныя внѣшнія проявленія глубокой чувствительности его сердца, тѣмъ болѣе, что черезъ минуту дверь отворилась и на порогѣ явился лакей, который вида, что его не звали, извинился и ушелъ очень смущенный, бормоча себѣ подъ носъ, что онъ думалъ, не попала ли въ комнату какая нибудь собака или кошка.

НЕДАВНЕЕ.

РОМАНЪ.

Окончаніе первой части.

III.

По случаю пріѣзда дорогихъ гостей, Аграфена Петровна не сѣла за работу, но водворилась въ креслахъ у большого дивана. Черемшевъ, во всемъ домѣ находившій только одно удобное мѣсто, на этомъ диванѣ, поцеремонился-было занять его, но поцеремонился только для вида: Аграфена Петровна упросила его располагаться какъ ему удобно, хоть прилечь, если ему угодно. Черемшевъ, однако, не прилегъ. Ему подали зажженную свѣчу и пепельницу для сигары, и эта свѣча горѣла передъ нимъ все утро. Зинаида Сергѣевна вышивала сонетку по канвѣ; Надежда Сергѣевна взялась размотать для нея шерсть. Всѣ были пристроены къ мѣсту, кромѣ Боровицкаго, который не находилъ ни мѣста, ни занятія, бродилъ отъ общаго круга къ балкону, въ цвѣтникъ къ дѣтямъ, присаживался на минуту, и вообще велъ себя какъ человѣкъ неловкій.

Семейство разговаривало. Аграфена Петровна была особенно любезна.

— Зина говорила, вы великолѣпный балъ давали, сказала Надежда Сергѣевна Черемшеву.

— Да-съ. Это по окончаніи выборовъ, на святкахъ. Надо было отблагодарить дворянство.

— Конечно, какъ же не отблагодарить, подтвердила Аграфена Петровна: — вѣдь все бѣлыми шарами?

— Почти-съ. Только четырнадцать было неизбирательныхъ. Вѣлоспицына шары, его партіи. Ему самому хотѣлось въ предводителя.

— Какъ это людямъ въ голову входитъ! сказала Аграфена Петровна: — ничтожность какая-нибудь, и та воображаетъ о себѣ богъ-знаеть что, туда же лѣзеть...

— И сколько онъ неприятностей надѣлалъ, сказала Зинаида Сергѣевна: — я была на хорахъ, въ собраніи, видѣла эту исторію.

— Ты была на выборахъ? спросила Надежда Сергѣевна: — я тебя понимаю! я бы тоже не могла быть покойна дома, между тѣмъ какъ тамъ рѣшалась участь... всего...

— Ужъ какъ тамъ кричали, сказала Зинаида Сергѣевна.

— Да-съ, жаркіе были выборы, прибавилъ Черемышевъ.

— А у тебя сердце дрожало, дрожало, Зиночка?

Черемышевъ обидѣлся.

— Чего жъ было ея сердцу дрожать? возразилъ онъ:—заранѣе было извѣстно. Всѣ предварительно совѣщались. Обѣды были во всѣхъ уѣздахъ, поодиначкѣ. У меня были обѣды, я за всѣмъ слѣдила... Еслибы не Вѣлоспицына интриги, на тарелкѣ бы шары поднесли...

— И кого же выбрать, кромѣ его? сказала Зинаида Сергѣевна.

— Нѣтъ, Зина, но знаешь... я не могла бы быть покойна, все-таки; ну, еслибы что нибудь не такъ... Еслибы мой мужъ былъ въ такомъ положеніи, что, вотъ, его избираютъ на такой постъ...

Аграфена Петровна посмотрѣла на нее съ глубочайшимъ сожалѣніемъ.

— Право, шатап, я не знаю... это такая тревога...

— Успокойся, Нада, сказалъ смѣясь Боровицкій:—по всей вѣроятности, твой мужъ никогда не доставитъ тебѣ такой тревоги.

— Почему же это? спросила Аграфена Петровна, покраснѣвъ.

— Потому, отвѣчалъ равнодушно Боровицкій:—что выбирать-ся не буду.

— Почему же не будете? повторила Аграфена Петровна, между тѣмъ какъ Зинаида Сергѣевна внимательно наклонилась къ своей работѣ, а ея мужъ особенно величаво покачивалъ ногою, какъ люди желающіе показать, будто не замѣчаютъ, что кругомъ происходитъ.

— Во что же мнѣ выбираться? въ становые какіе-нибудь? возразилъ ужъ довольно горячо Боровицкій.

— Почему же непременно въ становые?

— Но во что же еще?

— А послужить бы не иѣнало, замѣтилъ Черемышевъ, ничего не думая, а такъ, въ видѣ сентенціи.

— Помните, но чѣмъ же? возразилъ Боровицкій: — судья долженъ быть человѣкъ въ дѣтахъ: мнѣ всего тридцатый годъ; въ исправники пойти—я ни воровать, ни драться не умѣю...

Аграфена Петровна была вся пунцовая; Надежда Сергѣевна взглянула на мужа со страхомъ и упрекомъ; Черемышевъ положительно обидѣлся.

— Вѣдь исправниковъ, братецъ, выбираетъ дворянство, отвѣчалъ онъ такъ величественно, что даже приподнял съ галстука свой подбородокъ: — какое жь твое понятіе о дворянствѣ, послѣ этого?

— Мое понятіе? какое хотите... Мое мнѣніе о дворянствѣ самое лестное, но сами согласитесь, Петръ Ивановичъ, что жь это? должность испорчена; кто на нее попалъ, тотъ непременно мошенничаетъ: сдѣла съ откупщиками, съ помѣщиковъ взятки, съ крестьянъ то же... все это грабить, грабить и дѣлится...

— Это, братецъ, не понятіе о дворянствѣ, не понятіе! повторилъ Черемышевъ.

— Я выросъ въ такихъ понятіяхъ, прервалъ Боровицкій: — не могу же я думать иначе! Я самъ бывалъ свидѣтелемъ... Да на что вамъ лучше, вотъ вримѣрь: къ дядѣ моему Зерновичу... Человѣкъ всѣми уважаемый, заслуженный, съ звѣздами! Я былъ у него на свѣткахъ однажды въ деревнѣ; наѣхалъ исправники! Изъ-за мостика какого-то, изъ подводъ, что-ли, не помню. Дядя не могъ быть неправъ, вы это сами понимаете. Исправнику содрать хотѣлось, ну, непременно! Какъ, съ миліонера пропустить такую оказію!... Кончились толки, онъ простился, ушелъ и сѣлъ въ лакейской. Сидитъ. Въ шубѣ. Лошади его бубенчиками звенятъ у крыльца; сидитъ, не уѣзжаетъ, куда догадались чего онъ ждетъ, сжаллись, гадко стало, выслали ему изъ конторы дѣловыхъ десять, что ли... Какъ же вы хотите, чтобъ я не презиралъ этихъ людей? Вѣдь еслибы я родился, воспитался въ глуши, въ губерніи какойнибудь, я бы съ дѣтства привыкъ какънибудь иначе это понимать, но я, и всѣ мои родные... Моя родные не пускали этого народа дальше своей заальной при-толки!

— Знаемъ-съ, аристократы, произнесъ Черемышевъ, улыбаясь, но покашливая, должно быть, опасно, потому что на него оглянулась даже его жена.—Какъ же, послѣ этого, братецъ, ты сейчасъ говоришь, что тебѣ идти развѣ въ становые? Вѣдь это ужь еще презрѣннѣе? Ты сейчасъ говоришь.

— Говорилъ—такъ. Говорилъ, чтобы доказать, вотъ, ей (Боровицкій указалъ на жену) и матушкѣ, что службы для меня нѣтъ. И онѣ сами, спросите ихъ, захотятъ-ли онѣ для меня маленькой службы? Нѣтъ, тоже. На это есть свое достоинство. А предводителемъ я быть не могу: мнѣ дворянъ нечѣмъ кормить, карманъ не позволяетъ... У васъ есть полторы тысячи душъ, васъ и выбрали, а будь у Вѣлоспицына побольше или хоть столько же, вамъ бы черниковъ наложили!

Надежда Сергѣевна оледѣла. Нѣсколько минутъ продолжалось очень неловкое молчаніе. Черемышевъ откашлялся.

— Софи! кликнуль онѣ.

— Что вамъ, другъ мой? сказала Аграфена Петровна.

— Софи! повторилъ Черемышевъ.

— Что тебѣ угодно, Пьеръ? спросила, вставая, Зинаида Сергѣевна.

— Человѣка позвать.

— Да гдѣ же звонокъ? гдѣ же мой звонокъ, гонгъ? повторила Аграфена Петровна: — зачѣмъ же его унесли?

— Я принесу... сказала ни живая, ни мертвая Надежда Сергѣевна и пошла.

— Человѣкъ! кликнуль Боровицкій въ дверяхъ залы, куда и скрылся.

Прибѣжалъ лакей.

— Сигару мнѣ, произнесъ Черемышевъ, неподвижный среди волнений.

По всему дому раздавался звонъ, который подняла Надежда Сергѣевна, чтобы созвать прислугу. Одинъ за другимъ прибѣжали еще два лакея.

— Ничего, братецъ, не нужно, говорилъ имъ Черемышевъ.

— Ничего не нужно! Что это вы всѣ сбѣжались? говорила Аграфена Петровна.

— Подняли ихъ! замѣтилъ Черемышевъ, улыбувшись, что, въ самомъ дѣлѣ, равнялось лучу солнца послѣ бурн.

Боровицкій и Надежда Сергѣевна не возвращались.

— Затѣкъ у васъ, произнесъ Черемышевъ, послѣ минутнаго молчанія, откашливаясь.

Аграфена Петровна вздохнула.

— Романическая голова — Надежда Сергѣевна! продолжалъ Черемышевъ и ужь совсѣмъ смѣлся.

— Да! отвѣчала порывисто Аграфена Петровна:—вотъ, другъ мой, вы сами видите — вотъ, семь лѣтъ такъ!

— Горять-съ. И горячку какую пореть, ай-ай!

— Пьеръ, замѣтила ему жена.

— Да что же, матушка, я всегда готовъ сказать: вѣдь это въ сумасшедшій домъ на дѣль годится, а не въ благородное общество куда нибудь. Что онъ въ глаза, да въ глаза своей знатной родней? Знатная родня держала его до совершеннолѣтїя, а тамъ поклонилась ему, знать его не хочетъ. Вѣдь что же, въ двадцать лѣтъ какихъ нибудь пустили малаго безъ гроша на всѣ четыре стороны. Все, что сдѣлали своей протекціей, прислали его въ N. чиновникомъ къ губернатору. Пожалуй, и почетно. Но самъ-то онъ что? Развѣ онъ смыслѣлъ что нибудь? Что онъ понималъ? И служилъ глупо, и женился глупо...

— Пьеръ!...

— И живетъ глупо!... Извините меня, маменька, докончилъ Черемшевъ, обратясь къ тѣщѣ: — не выдержалъ!

— Вполнѣ извиняю! Не выдержишь! отвѣчала Аграфена Петровна и прослезилась.

— А все вы, маменька, дочкѣ волю дали, я правду скажу! Ты, Зинаида Сергѣевна, мнѣ знаковъ не дѣлай. Зятѣкъ у васъ баклуши бьетъ — вотъ что... Я свое мнѣніе высказалъ; теперь вы извольте ваше.

— Мое мнѣніе, другъ мой, сказала Аграфена Петровна:—что это — несчастіе!

— Ну-съ, такое мнѣніе, извините меня, еще не богъ-знаетъ что. Вы ему дали довѣренность управлять имѣніемъ?

— Нѣтъ, не давала.

— А то, я думалъ... Такой агрономъ, какъ же!

Черемшевъ расхохотался.

— Пьеръ! повторила его жена.

— Я, мой другъ, и безъ того въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, сказала Аграфена Петровна:—мнѣ въ пору только самой управиться. Имѣніе, вы знаете — заложное. Я не могла внести и процентовъ... Не знаю, что буду дѣлать. Срокъ вотъ въ сентябрѣ.

— Но вы можете внести проценты, маменька, сказала Зинаида Сергѣевна.

— Откуда ихъ взять, мой другъ? Ты видишь — средства. Я безъ копейки.

— Это очень жаль...

Черемышевъ кашлянулъ, Зинаида Сергѣевна замолчала.

— Опшутъ да продадутъ! продолжала Аграфена Петровна.

— Нѣтъ, какъ можно! сказала Зинаида Сергѣевна.

— Почему же нельзя? законъ прямо говорить, вмѣшался Черемышевъ, очень спокойно.

— Нѣтъ, Пьеръ... Нельзя ли это какъ нибудь сдѣлать?...

— Что сдѣлать? Внести надо.

Аграфена Петровна смотрѣла съ ожиданіемъ.

— Нѣтъ, Пьеръ... я не говорю внести, но попросить...

— Кого же это попросить?

— Вѣдь это отъ губернатора зависить?

— Ну-съ, отъ губернатора. Дальше-съ?

— Вы, мой другъ, хороши съ губернаторомъ, прибавила Аграфена Петровна.

— Это не въ моихъ правилахъ-съ. Законъ.

— Да, Пьеръ, но если его попросить? Онъ, по крайней мѣрѣ, не велитъ описывать. Знаешь, будто забыли...

— Да, будто забыли! повторила Аграфена Петровна.

— Я о такихъ вещахъ просить не могу, отвѣчалъ хладнокровно Черемышевъ: — это дамскіе толки, дамскія просьбы.

— Такъ я ему скажу! подхватила Зинаида Сергѣевна.

— Какъ знаешь, отвѣчалъ мужъ.

— Знаешь, Пьеръ, онъ будетъ радъ для меня сдѣлать. Онъ всегда разсыпается передо мной на все угожденія...

— Ты меня, знаешь, какъ... воскресишь! воскликнула Аграфена Петровна, простирая къ ней объятія.

— Если только удастся, маменька.

— Тебѣ все должно удаваться, возразила съ умиленіемъ Аграфена Петровна и обратилась къ зятю:—я, другъ мой, принимаю это все равно, какъ отъ васъ.

— Я не мѣшаюсь-съ; дамскія дѣла, отвѣчалъ Черемышевъ.

— Вамъ, мой другъ, я понимаю, неловко, отношенія ваши не тѣ... И вамъ грустно, вамъ до сердца больно, что мать вашей жены въ такомъ положеніи, въ нищенскомъ, можно сказать, доведена... Это я понимаю; вамъ, въ вашемъ званіи, тяжело выразить, но она, какъ дочь, можетъ умолять за мать...

Аграфена Петровна всхлипывала. Черемышевъ закачалъ ногою.

— А я думаю, часть четвертый есть, сказалъ онъ.

— Четыре, сказала Зинаида Сергѣевна, взглянувъ на свои часы: — развѣ твои стали, Пьеръ?

Черемшину не хотѣлось беззакониться, доставать ихъ изъ кармана. Зато Аграфена Петровна полюбопытствовала посмотреть часы дочери, изъ синей эмали съ брилльантами.

— И все его подароги? шепнула она, умилно показавъ головой на зятя: — баловники!

— Я ихъ всѣхъ въ часы нарядилъ, отвѣчалъ Черемшевъ: — ее, дѣтей, м-ше Луаро, всѣхъ, однимъ почеркомъ. Она не дастъ дѣтямъ носить.

— Сломають, возразила Зинаида Сергѣевна.

— Чтѣ ты, мой другъ, Зиночка, не ломають! они у тебя такі миленькіи. Я вотъ чтѣ, мой другъ, хотѣла тебѣ сказать... Конечно, на то твоя воля, твое прекрасное сердце. Ты Машенькѣ зонтичекъ привезла. Къ чему, душа моя? Еслибы эта дѣвочка росла какъ слѣдуетъ, какъ твои дѣти, какъ вы у меня росли — другое дѣло. Она твой подароги по избамъ истаскаетъ; вѣдь она отъ кормилицы своей не выходитъ. Чтѣ это за воспитаніе: она съ тобой даже не поздоровалась сегодня; вѣдь гнѣтъ?

Зинаида Сергѣевна потупилась: она не находила этому оправданія.

— Чтѣ выйдетъ изъ этой дѣвочки? продолжала Аграфена Петровна: — точно крестьянскій мальчишка, сильная какая, ужъ Богъ ее знаетъ. Тотъ... отецъ возится съ цѣттами; она ему землю, песокъ таскаетъ; лейку вотъ такую подхватываетъ, несетъ, вся водой обольется. Право, другой порядочный ребѣноги скарлатину бы схватилъ, а этой все ничего. Такъ, ужъ!...

Аграфена Петровна махнула рукой.

— Да-съ, неприятно, замѣтилъ Черемшевъ.

— Я, мой другъ, и не вмѣшиваюсь; это ужъ матери дѣло! А Надежда Сергѣевна до сихъ поръ — вы справедливо сказали — безумная. Все любовь! Еще благодареніе Богу, что одна у нихъ, эта Машенька; будь больше — скажите на-милость, куда бы при монхъ средствахъ съ ними дѣваться?

— Кажется, Григорью Николанчу достался недавно капиталъ? сказала Зинаида Сергѣевна.

— Да, по смерти Зерновича, двадцать тысячъ.

— Серебромъ? произнесъ Черемшевъ, начиная дрожать отъ голода.

— Ассигнаціи, мой другъ, куда серебромъ! И еще въ ломъ

бардѣ съ правомъ пользоваться только процентами; сами сочтите, что тутъ, много ли?

— Все-таки-съ, годится. Я не зналъ, что вамъ благодать та-кая. Зинаида Сергѣевна мнѣ не сказывала.

— Да сказывать-то нечего, другъ мой, уныло отвѣчала Аграфена Петровна:—я этихъ денегъ не вижу. Вонъ онъ, накупаетъ себѣ вздоровъ, полюбуется; луковницы выписываетъ; краски себѣ, холсты; въ кабинетѣ у него видѣли?

— Видѣлъ-съ. Художникъ, агрономъ, астрономъ и гастрономъ, отвѣчалъ Черемышевъ.

— Я пойду, сказала, поднимаясь, Аграфена Петровна. — Въ которомъ часу вы кушаете, друзья мои?

— Ахъ, маменька, не беспокойтесь, какъ вамъ угодно, возразила Зинаида Петровна.

— Нѣтъ, отчего же, душа моя... Я сейчасъ.

Аграфена Петровна ушла.

— Семейка благословенная! сказалъ Черемышевъ, посидѣвъ и постучавъ немного, молча. — Ты, матушка, пожалуйста, разныхъ щедростей тутъ не разсыпай. Маменька твоя — бездонная кадка. Сама имѣние ухлопала, осталась съ одной своей Лоскутовщиной, да плачется. Кто ее неволилъ въ городѣ жить, прирѣ задавать! Вечеръ не вечеръ, обѣдъ не обѣдъ, да тряпки ваши! видите: васъ вывозила, замужъ выдавала! А теперь съ зятьевъ думаетъ взять... Этотъ дуралей видно еще несовѣмъ глупъ. Я бы на его мѣстѣ самъ то же дѣлалъ: онъ малярничаетъ, а я бы на свѣчѣй деньги сжегъ, коли на то пошло, а ужъ ей отдать—мое почтеніе! Взяла зятя безъ сюртука на прокормежку, ну, и корми.

— Я тебя хотѣла попросить, Пьерочка, сказала Зинаида Сергѣевна: — пожалуйста, ты съ нимъ какъ нибудь... что, неприятности... Мнѣ для сестры...

— Э, матушка, стану я съ вздорнымъ связываться! ври онъ что хочетъ на вѣтеръ, мнѣ-то что? Ты только, сдѣлай милость, не очень тутъ обиживай. Вонъ, общалась Василья Васильича просить. Это для чего? Губернская предводительша просить будетъ, чтобъ ея маменьку изъ дома помеломъ не вывели! Да ты понимаешь ли, что это мнѣ въ глазахъ всего дворянства...

— Я ничего не скажу, Пьерочка.

— Ну, то-то. Она бы, маменька твоя, зятя своего возлюбленнаго заставила, тѣ деньги что онъ жотаетъ — взять да внести.

Чего она съ нимъ любезничаетъ? Вотъ ей плательщикъ. А она все къ тебѣ да ко мнѣ.

— Знаешь, въ самомъ дѣлѣ, я переговорю съ Григорьемъ Николаичемъ; я ему посоветую, какъ ты сейчасъ сказалъ...

— Это какъ себѣ знаешь.

Зинаида Сергѣевна подаловала мужа. Вошла m-lle Луаро и всѣ три дѣвочки.

— Ну-съ, чтò подѣлывали? comment est-ce que vous vous amusez? спросилъ Черемышевъ.

— Мы у нихъ въ комнатѣ были, отвѣчала Маша.

— Et vous ne pouvez pas en français répondre? Et dans la chambre qu'est-ce que vous avez fait?

— J'ai fait voir à mes cousines les gravures de l'édition «la Galerie européenne», отвѣчала Маша, твердо и смѣло произнося такое *r* съ завиточкомъ, какое не удавалось и m-lle Луаро, почему Черемышевъ тотчасъ перемѣнилъ діалектъ.

— Ну, чтò жъ тамъ, картинки, моды, офицеры? хорошо?

Маша посмотрѣла на него, вдругъ сконфузилась, примѣтя пристальный взглядъ тѣтки и ничего не сказала.

— Переодѣньте же ихъ къ обѣду; скоро обѣдъ, сказала Зинаида Сергѣевна.

— Oui, madame, отвѣчала m-lle Луаро, уводя своихъ.

Черемышевъ и Зинаида Сергѣевна остались опять одни, потому что Маша убѣжала на балконъ; было слышно, какъ она скинула: «гулинья, гуль-гуль», бросая голубымъ хлѣбъ, который доставала изъ кармана.

Аграфена Петровна возвратилась оживленная; румянецъ на ея щекахъ изобличалъ волненіе; усѣвшись, она нѣсколько минутъ съ трудомъ переводила дыханіе, стараясь дѣлать это какъ можно менѣе замѣтно. Черемышевъ улыбнулся и закачалъ ногою, Зинаида Сергѣевна работала.

— Кто же у васъ въ N. особенно на счету красавица? спросила Аграфена Петровна, желая доказать свѣтскимъ вопросомъ, что ее ничто не озабочиваетъ.

Зинаида Сергѣевна начала рассказывать о п—скихъ красавицахъ и ихъ нарядахъ. На этотъ разговоръ пришла и Надежда Сергѣевна, тоже взволнованная и оторопѣлая. Въ загѣ между тѣмъ стучали посудой, столами и стульями. Одну минуту раздался такой страшный трескъ, что Аграфена Петровна встрепе-

нулась, несмотря на старанія казаться равнодушной, и бросила испуганный взоръ Надеждѣ Сергѣевнѣ. Та ужъ вставала.

— Ничего-съ; древолюя уронили, замѣтили усновконтельно Черемышевъ:—ножи и вилки; я по слуху узналъ. Прислуга у васъ ловеая.

Боровицкій пришелъ за нѣсколько минутъ до доклада объ обѣдѣ. Маша, увидя его, прибѣжала съ балкона, но отецъ былъ не въ духѣ, не обращалъ на нее вниманія и ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова. Онъ замѣтно повеселѣлъ только тогда, когда, поднимаясь съ мѣста вслѣдъ за дамами, Черемышевъ сказалъ ему:

— Ну, вотъ, теперь не мѣшаетъ водочки, а то *твои* подчиняли меня спозаранку.

Столъ постарались убрать съ разными украшеніями: на немъ возвышались двѣ довольно древнія стеклянныя вазы съ малиной и клубникой и три большіе букета цвѣтовъ. Маша ахнула на такое невиданное великолѣпіе.

— Папа, чтѣ это? закричала она:—ахъ, папа, всѣ цвѣточки порвали! ахъ, папа, кабая жалость! тамъ ужъ ничего не осталось! Зачѣмъ это, папа?

Боровицкій не слушалъ ее, хлопоча угощать Черемышева залуской. Аграфена Петровна съ горестью подслушала, что Зинаида Сергѣевна приказала m-ше Луаро не давать чего-то дѣтямъ, и когда дѣти попросили, гувернантка возразила довольно громко:

— Маменька сказала, что это гадость; у васъ животь будетъ болѣть.

— Мама, зачѣмъ порвали всѣ цвѣты? приставала Маша къ своей матери.

Бабушка вышла изъ терпѣнія.

— Я тебя безъ обѣда оставлю! вскричала она.

За столъ, наконецъ, сѣли. Маша подгѣ отца и какъ разъ напротивъ одного изъ букетовъ. Она не могла больше выдержать, и тихія слезы полились на ея мажонькую грудь и на край тарелки съ супомъ, къ которому она не прикоснулась. Отецъ взглянулъ на нее и не могъ взглянуть строго; онъ взялъ ея худенькую ручонку и сказалъ ласково:

— Кушай же, Машурка.

Ей было этого довольно; она прижалась губами къ его рукѣ, вся дрожа и, вдругъ повеселѣвъ, взялась за ложку. Къ счастью,

ей «капризовъ» не видали мать и бабушка, занятая гостями, но и веселье пришло къ ней не въ добрый часъ. Напротивъ она сидѣла Черемышевъ; чтобъ не утруждать себя, наклонясь, онъ кушалъ, держа тарелку у себя подъ бородой, предварительно разостлавъ салфетку по всей своей особѣ. Машѣ, послѣ слезъ, захотѣлось хохотать; она удержалась отъ страха; но между тѣмъ какъ рядомъ съ нею кузина Жюли кушала чинно, чисто, забывая все въ мѣрѣ, кромѣ сухариковъ, которые усердно ловила, Маша, заглядѣвшись на дядюшку, облилась супомъ.

— Prenez garde à votre robe! вскричала въ-де Луаро, сидѣвшая подлѣ Жюли, между своими воспитанницами:—платье, платье замазаете!

На Жюли было платье изъ голубаго пудсуа, еще лучше чѣмъ утреннее. Гувернантка тщательно закрыла его салфеткой, а со стороны Маши даже подвернула.

Кромѣ этого обстоятельства, обѣдъ шель благополучно. Или онъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, недуренъ (за него заплатило жизнью многое лучшее, сберегавшееся «на племя» въ Надеждинскомъ), или Черемышевъ былъ слишкомъ голоденъ. Онъ ничего не говорилъ, только кушалъ, отпиваясь водою.

— Не взмщите, вино — какое есть, сказалъ Боровицкій, довольный довольствомъ гостя и протягивая къ нему бутылку.

— Ненадо, братецъ... не пью... запрещено мнѣ... промолвилъ Черемышевъ.

Боровицкій понялъ, что разговаривать было бы даже не деликатно; ему пришло на мысль, что подчивать гостя кушавьемъ—неделикатность еще большая, даже игра опасностью—и онъ съ невольнымъ страхомъ взглядывалъ на свою жену, которая подмащивала дорогому гостю то пирожекъ особенно аппетитнаго вида, то кусочекъ пожирнѣе. У Боровицкаго самого прошла охота ѣсть отъ безпокойства. Къ концу обѣда, когда Черемышевъ, почти лиловый, ссыпалъ себѣ черезъ край полдюжины клубники, а Надежда Сергѣевна любезно выливая въ нее кушинуи слова, Боровицкій былъ готовъ остановить ихъ, но, конечно, не сдѣлалъ этого. Его безпокойство замѣнилось самымъ искреннимъ удовольствіемъ, когда, вставъ изъ-за стола, на опасенія Аграфоны Петровны, что «дорогіе гости вовсе, вовсе голодны», Черемышевъ проговорилъ:

— Помилуйте, на убой! и нашелъ силы спросить, обращаясь

къ Боровицкому и пожавъ ему руку: — это ты, братецъ, зава-
зывать?

— Я, отвѣчалъ Боровицкій.

— Мастеръ. Знаешь, надо умѣнье составить, вотъ, такое, лѣтнее меню... легкое, все легкое, знаешь, а между тѣмъ пріятное, очень пріятное.

— Я очень радъ, Петръ Иванчъ.

— Ты мнѣ записку дай, братецъ, какъ у тебя зелень готовить, легион... очень хорошо! Знаешь, въ эти бы грибы, да сыру, я тебѣ скажу, пальцы оближешь!

— Это можно попробовать, Петръ Иванчъ.

— Завтра, братецъ, попробуемъ, испытаемъ. Это мнѣ вдругъ, сейчасъ, внезапная идея...

— Какая это идея? спросила подходя Надежда Сергѣевна.

— О грибахъ-съ, отвѣчалъ Черемышевъ:— а вы думали, ка-
кая? Мы, вотъ, съ нимъ люди положительныя, существенное раз-
считываемъ, а не мечты. Гдѣ намъ!... Я, вотъ, привыкъ послѣ
обѣда заняться...

— Неужели заниматься? спросилъ Боровицкій.

— То-есть, какъ, понимаешь, я беру газету...

— Газеты, кажется, привезли... Привезли съ паневской стан-
ціи газеты? спросилъ Боровицкій, засуетясь.

— Э, нѣтъ, братецъ, на что эту дребедень! У меня газета—
предлогъ. Совсѣмъ на боковую запрещено мнѣ; я сажусь въ кре-
сла, и, знаешь, будто занять, а между тѣмъ слегка забудусь,
такъ, слегка, минуточку... Я къ тебѣ въ кабинетъ пойду.

Водворявъ Черемышева въ длинныхъ креслахъ въ кабинетѣ,
Боровицкій воротился узнать, что дѣлали другія. Аграфена Пет-
ровна и обѣ сестры, въ гостиной, тихо и даже таинственно раз-
говаривали. Дѣти Черемышева ушли въ аллею съ гувернанткой.
Машу Боровицкій нашелъ одну въ ея комнатѣ. Она была нака-
зана за свои преступленія во время обѣда, и, пока замывали и
гладили ея платье, стояла въ углу, въ одной юбочкѣ. Борови-
цкій самъ вдругъ почему-то сдѣлался недоволенъ дочерью, про-
челъ ей мораль, что она ведетъ себя неприлично, что она не-
лѣдника-дикаря, отобралъ у нея тетрадь гравюръ и приказалъ,
чтобъ она, какъ только ее одѣнуть, сейчасъ шла въ аллею и
непремѣнно играла съ кузинами.

— Кузины такія миленькія, тѣтка такая добрая, дядя такой

славный, а эта дѣвчонка, точно крестьянская, прическа, голубей гоняетъ, начкается... богъ-знаетъ, что такое.

— Ну, папа, ужь богъ-знаетъ, что съ тобой! отвѣчала ему вслѣдъ Маша, вслухъ, но вовсе не подѣтски.

IV.

Почти въ такомъ порядкѣ прошло еще два дня. Черемшиневи, казалось, чувствовали себя очень неудобно, очень стѣснялись, очень перемѣняли свои привычки, но сказавъ, что пробудуть у маменьки пять дней, добросовѣстно проживали эти пять дней. Изъ положеніе искренно огорчало хозяевъ. Аграфена Петровна, вставая рано (привычка, которой она измѣнила только въ первый день, и, въ самомъ дѣлѣ, ради важности), приходила навѣстить Зинаиду Сергѣевну въ постели. Взглядывая на громадный вѣтреннй сундукъ съ нарядами предводительши, стоявшій поперегъ корридора, на все накрахмленное, кружевное, шелковое, что, за отсутствіемъ гардеробнаго шкафа, пряталось опять въ этотъ сундукъ, Аграфена Петровна вздыхала и произносила: «Ахъ ты, Господи Боже мой!» съ такой злобой, какъ будто все было виновато: стѣны дома—зачѣмъ не раздвигались просторнѣе, природа—почему внезапно не творила готовыхъ шкафовъ, люди—неизвѣстно чѣмъ, но люди оказывались всѣхъ виноватѣе.

— Наказаніе божіе! восклицала она при видѣ всякаго домашняго, какъ-бы полезно или невинно ни былъ занятъ этотъ домашній.

Въ теченіе этихъ двухъ дней, два раза предъ обѣдомъ, Аграфена Петровна удалялась къ себѣ въ комнату и плакала.

Зинаида Сергѣевна зашла къ ней, но, увидя слезы, не сконфузилась, а только спросила:

— Что вы, маменька?

— Такъ, мой другъ, грустно мнѣ! отвѣчала Аграфена Петровна:—вы у меня хуже чѣмъ въ какой харчевнѣ; еслибы вы у дворника какого-нибудь остановились, у старосты—вонъ у кормилицина мужа (ему Григорій Николаичъ на святой подарилъ избу новую!...)—вамъ-бы покойнѣе было!...

И она зарыдала.

— Намъ, маменька, очень хорошо...

— Я знаю твое благородное сердце, другъ мой. Ты и въ дѣвущкахъ была, ничѣмъ меня не огорчала, все умѣла скрыть...

Ты, мой ангелъ Зиночка, ни копейки мнѣ не стоила, не то, что... Вотъ, Надежда Сергѣевна, десять лѣтъ я ее по себраниямъ таскала! Нашла себѣ сокровище, повѣсила на шею... или мнѣ петлю на шею накинуд!

Зинаида Сергѣевна, съ ея прелестной полнотой, восхитительнымъ цвѣтомъ лица, отличнымъ здоровьемъ и правильнымъ возрѣніемъ на жизнь, не находила нисколько трогательными подобныя волненія, хотя признавала ихъ непреложность въ семейной жизни и не отрицала ихъ занимательности. Она знала, что по закону природы, у тѣщи должны быть непріятности съ зятями, а потому приняла слезы тѣщи о порокахъ зятя спокойно, какъ обыкновенное явленіе. Она ограничилась тѣмъ, что дала себя обнять, ловко откинувъ изъ-подъ слезъ розовыя ленты своего ченчика.

— Добрый мой, кроткій ангелъ! произнесла Аграфена Петровна:— жить-то мнѣ чѣмъ. Ты это скажи, это разсуди! Вонъ, онъ кричитъ, что будетъ дочь свою учить музыкѣ! видите—замѣтилъ способности! — Какія такія у нея могутъ быть способности? Э, полноте!... Хочетъ нанять себѣ въ камердинеры человѣка Десятовыхъ, который былъ капельмейстеромъ, чтобъ тотъ ее училъ... Господи Боже! у Григорія Николаича будетъ особый камердинеръ! Я тутъ изъ послѣдняго бьюсь, хлѣба нѣтъ, мяса нѣтъ къ столу—а у него камердинеръ съ щипцами завивать его будетъ!..

Зинаида Сергѣевна воспользовалась первымъ предложомъ, чтобы уйти. Но семейная исторія ее заинтересовала.

Зинаида Сергѣевна была особа очень спокойная, очень довольная судьбою, именно за то, что судьба даровала ей всевозможное спокойствіе, но была также и любопытна и разнообразила свое неподвижное счастье наблюденіями надъ счастьемъ и несчастьемъ другихъ. Жажда разнообразія сдѣлалась у нея маленькой страстью, а наблюдательность — почти наукой, которой она предавалась всѣмъ сердцемъ, пытливо, упорно, радуясь когда открывалось для нея новое поприще. Съ первой минуты пріѣзда къ матери, Зинаидѣ Сергѣевнѣ почудилось, что въ этомъ домѣ цѣлыя рудники для открытій. Она употребила два дня на внимательный обзоръ обстоятельствъ и отношеній. Съ жаромъ занявшись догадками, предположеніями, сблизженіями, къ концу втораго дня она стала видѣть вещи вдвойнѣ: тѣ, которыя дѣйствительно существовали, и тѣ, которыя, казалось ей, скрывались за существующими. Люба свою науку, Зинаида Сергѣевна не оста-

повилась и пожелала узнать, нѣтъ-ли за этими еще чего-нибудь, подалее. Для такихъ изысканій были уже необходимы разспросы и тонкіе намеки, и Зинаида Сергѣевна рѣшилась приступить къ нимъ, избравъ для опыта сестру, какъ особу болѣе другихъ способную проговориться.

Въ одно послѣ-обѣда, когда Черемышевъ отдыхалъ, къ Аграфенѣ Петровнѣ пришелъ староста, а Боровицкій предложилъ м - ше Дуаро и дѣтямъ идти въ садъ, Зинаида Сергѣевна поднялась изъ-за работы и сказала сестрѣ:

— Чтò у тебя въ саду, покажи мнѣ.

Но прежде она послала за своей шляпкой. Надежда Сергѣевна отправилась за тѣмъ же. Ей пришла охота показаться интересною и потому она достала старую широкую, круглую соломенную шляпку, которую оправдала сама и украсила пучками бумажныхъ васильковъ, собственной своей работы. Надежда Сергѣевна до замужства славилась искусствомъ *des petits ouvrages d'agrément*, которымъ научилась по *Journal des Demoiselles*.—Зинаида Сергѣевна захотела, увидя ее.

— Ай, какой подносъ! вскричала она:—бѣдная Дина! Да это еще, никакъ, тà, что тебѣ подарили, когда тебѣ было пятнадцать лѣтъ? Узнаю, узнаю—та самая! Какъ ты ее уберегла?

Несмотря на такое отдаленное и потому неободряющее воспоминаніе, Надежда Сергѣевна взглянула въ зеркало, убѣдилась въ мнѣніи, что шляпка придаетъ ей интересный видъ, и не сняла ее. Она подняла немного глаза къ небу, чтò неизбежно при широкихъ поляхъ, и отправилась съ сестрой въ аллею:

Зинаида Сергѣевна была довольно равнодушна къ красотамъ природы и потому сейчасъ обратилась къ существенному.

— Это няня Машенькина пошла съ ними въ лѣсъ? спросила она.

— Нѣтъ, *chère amie*, это—машенькина Маша.

— Какая молоденькая. Лѣтъ пятнадцать ей? възъ крестьянскихъ?

— Дворовая, садовника дочь.

— Зачѣмъ же она пошла съ Машенькой, а не нянька?

— Нянька стара, *chère amie*, и въ домѣ нужна; у нея все хозяйство. А Маша очень любитъ Машашку. Она ее забавляетъ. Когда Грегуаръ цвѣты сажаетъ, она помогаетъ съ Мари. Ловкая такая.

— Прехорошенькая, румяная такая, замѣтила Зинаида Сергѣевна:—а Машенька часто въ лѣсъ ходитъ?

— Часто, съ отцомъ.

— И съ Малашкой?

— Нѣтъ; на что же, если съ отцомъ? Если съ отцомъ, то безъ Малашки.

— Ты что же хотѣла сказать, Зина?

— Ничего. Я ничего не говорю.

— Ты, можетъ быть, хочешь сказать, какъ-такъ я отпускаю мою дочь съ дворовой дѣвкой? Что же дѣлать! Еслибъ я имѣла возможность нанимать гувернантку . .

Зинаида Сергѣевна засмѣялась.

— Это, матушка, все равно... Какъ тебѣ повезалась моя Дуаро?

— Ахъ, какая милая дѣвушка!

— То-то. Онѣ всѣ милыя. Коветка страшная. Да мнѣ все равно—эти всѣ французенки съ претензіями разными. У меня была и старуха—мочи не было отъ капризовъ. Нѣтъ, я говорю, Петръ Ивановичъ, подай мнѣ молодую, я скорѣй управлюсь. Эта Дуаро ужъ немолоденькая, десять лѣтъ, то въ Ярославлѣ, то въ Москвѣ...

— Десять лѣтъ! цѣлая жизнь на чужбинѣ! свазала Надежда Сергѣевна.

— Да, повгорела предводительша:— ужъ немолоденькая. И ужасно собой занимается: всегда въ корсетѣ, coque-lisse свои по три часа причесывать. Ну, и вздумала - было Петру Ивановичу курн строить...

— Ахъ, Боже мой! какъ, я думаю, тебѣ было непріятно!

— Я, матушка, нвѣ-то что? Да съ кѣмъ ему угодно—вѣдь я ему все-таки жена; со мной мудрено потягаться. Да вѣдь и Петръ Ивановичъ не изъ такихъ: онъ даже ничего и не понялъ, чего она хотѣла, она и отстала. Вотъ, за то, съ посторонними, она своего дѣла не забываетъ: съ кѣмъ только можно любезничать—поймаешь и осаждаешь. А по мнѣ все равно; лишь-бы занималась дѣтьми да не капризничала, а тамъ—любезничай съ кѣмъ хочешь.

— Но, однако...

— Да вѣдь что-жь ты тутъ сдѣлаешь?... Со стороны, это даже забавно. Видѣла ты сегодня, какъ она послѣ обѣда руку пожала Григорію Николаичу? На англійскій манеръ—потѣха!

Зинаида Сергѣевна громко разсмѣялась, показывая свои прелестнѣйшіе зубы.

— Грегуаръ говоритъ поанглійски, замѣтила почему-то Надежда Сергѣевна, не раздѣляя этой веселости.

— Ну, вотъ и встаетъ! она увѣряетъ, что тоже знала, да безъ практики забыла; теперь въ лѣсу съ Грегуаромъ практикуется.

Зинаида Сергѣевна продолжала смѣяться; Надежда Сергѣевна засмѣялась тоже сколько могла, и отвернулась.

— Прости меня, Диночка, сказала вдругъ Зинаида Сергѣевна:— тебѣ, можетъ быть, неприятно?

— Чтò?

— Ну, вотъ, это все, чтò я говорю. Я къ своему Петру Ивановичу ревновать не стану, а ты по любви выходила замужъ, нужь молодой, хорошенькйй... У васъ съ нимъ исторйй не бывало?

— Нѣтъ... отвѣчала Надежда Сергѣевна.

— Ну, и попрежнему нѣженъ?

— Э, далеко не то! отвѣчала Надежда Сергѣевна севозь слезы.

— Чтò жь дѣлать!... Мы тогда тебѣ всѣ говорили: ты старше его. Конечно, если ужь чтò началось — не воротись. Такъ надо, Диночка, построже быть; ты ему много позволяешь. Надѣюсь, que du moins, il n'est pas brusque avec vous, не срываетъ, что называется?

— Нѣтъ... но это-ужь чтò-же...

— Это, матушка, главное! ты—жена, ты—госпожа. Ну, любовь прошла, по крайней мѣрѣ, не смѣй на голову сажать кого вздумается. Конечно, этого бы маменька не допустила. Большое тебѣ счастье, что она съ тобой, а то твой Грегуаръ... ты за нимъ посматривай. Онъ, вотъ, рассказываетъ, что по цѣлымъ днямъ запирается у себя, рисуетъ; зачѣмъ запирается?

— *Chère amie*, скиндарь, краски, вонь по всему дому...

— Да! этого вы не можете вынести, а какъ тамъ у него сидеть какал-нибудь особа—это вынесете?

— Откуда жь, Зина... Одна дверь всего, изъ залы... возразила въ слезахъ Надежда Сергѣевна.

— А нельзя пройти такъ, чтобъ ты не видала? Дверей другихъ нѣтъ—окошки есть!

Надежду Сергѣевну какъ-будто кольнула совѣсть. Ей показалось, что нехорошо давать напрасно подозрѣвать, напрасно обвинять своего мужа. Потомъ она оглянулась, что выставила себя ужь слишкомъ жалкой предъ своей счастливой сестрой; это досадно. Чтобы все поправить, оставалось простое средство: сказать правду, что сестра ошибается, что преступленя Григорія Николаевича не такъ еще ужасны, и такъ далѣе... Но какъ же,

Надежда Сергѣевна плакала — неужели такъ и признаться, что она сама не знала, о чемъ плакала?...

Вслѣдствіе этихъ соображеній, Надежда Сергѣевна поправилась, по своему.

— Все это вздоръ, Зина, сказала она, отирая глаза: — не хочу объ этомъ думать! Что бы тамъ ни было, жизнь еще велика, у меня могутъ быть и радости... У меня, какъ у ребѣнка, горе недолгое...

Она подняла глаза въ небо изъ-подъ шляпки и, рисуясь, улыбалась кокетливо, въ самомъ дѣлѣ вообразивъ себя ребѣнкомъ.

Зинаида Сергѣевна посмотрѣла на нее пристально. Ей думалось: не утѣшается-ли чѣмъ-нибудь сестрица въ невѣрностяхъ супруга? Нѣтъ-ли сосѣда помѣщика, офицера въ отпуску... правда, отпусковъ нѣтъ — война... ну, хоть гимназиста на вакаціи?...

— Страстишка, что-ли, у тебя завелась? спросила она громко.

— Страстишка?... повторила Надежда Сергѣевна: — что тебѣ вздумалось?

— Да ты глядишь такой. Ты же меня спрашивала, нѣтъ-ли у меня иллюзій; у тебя нѣтъ-ли?

— А что?

— Да ничего, матушка, я спрашиваю только. Ты — голова романтическая; съ тобой заговорить, вонъ, ужъ сейчасъ въ краску...

— Нѣтъ, право, нѣтъ, Зина, какъ ты думаешь, могу я еще надѣяться... пожить?

— Батюшки мои, почему же я знаю?

— Нѣтъ, Зина, но ты видишь меня; несовсѣмъ же я безобразна, не могу же ужъ совсѣмъ отказаться внушать любовь...

Зинаида Сергѣевна расхохоталась.

— Да ты ее внушала кому-нибудь? сказала она, неизвѣстно почему думая, что, вотъ, у сестры скверная исторія.

— Нѣтъ, Зина, отвѣчала Надежда Сергѣевна съ грустью чистѣйшей невинности: — Богъ свидѣтель...

— Ну, не договаривай, вскричала со смѣхомъ предводительша: — вѣрю, матушка, вѣрю, что Григорію Николаичу опасаться нечего!

— Что же тутъ смѣшнаго, Зина?

— Ты смѣшна, вотъ что. И влюблена, и ревнива, и главное, скучно ей до смерти — впору хоть грѣшнить отъ скуки...

— Ахъ, Зина!

— Матушка, что ты обижаешься? развѣ я говорю, что ты безнравственная женщина? А что тебѣ скучно...

— Ахъ, какъ скучно, Зина!... Но, ради-бога, чтобъ я не тере-
рала въ твоёмъ мнѣшн...

Она бросилась ей въ объятія. Зинаида Сергѣевна спохватилась,
что могла ее обидѣть, и потому поцаловала.

— Зина, милый другъ, какъ я счастлива, что могу откровенно...
я такъ скучаю... эта глушь, это—смерть, это прозабаніе...

— Что жь дѣлать-то? сказала, вздохнувъ, Зинаида Сергѣевна.

— Нѣтъ, но представь, еслибъ я была въ обществѣ... даже
для моего семейнаго счастья... Въ обществѣ я могу показаться
новостью для моего мужа...

— Какъ-такъ? спросила Зинаида Сергѣевна, снова разсмѣяв-
шись.

— Я оживу, Зина. Вѣдь я совсѣмъ не та въ обществѣ, что
дома: здѣсь онъ ко мнѣ привыкъ, тамъ онъ во мнѣ опять на-
шелъ бы ту, которую полюбилъ въ лучшіе года молодости...

— Да, та сѣге, да молодость-то гдѣ? прервала Зинаида Сер-
гѣевна, такъ равнодушно, будто говорила о прошлогоднихъ
листьяхъ: — это надо помнить... Что жь, конечно, твоя жизнь
однообразна...

— Ахъ, какое однообразіе!

— Знакомые есть-ли сосѣди?

— Семейство одно, прекрасное, почтенное семейство, Гравини;
вѣтъ, пять дочерей... я отъ нихъ беру узоры...

— Замужнія дочери?

— Нѣтъ, всѣ дѣвушки, пожилыя, сѣге аміе.

— И мужчинъ никого у нихъ?

— Някого.

— Женскій монастырь, стало быть. И только знакомыхъ?

— Только... Грегуаръ и у нихъ не бываетъ.

— Я думаю, у старухъ... А вотъ что, мнѣ пришло въ голову:
что бы твоему мужу служить?

— Ахъ, Зина, что ты говоришь! такое счастье!... Но нѣтъ,
я сколько разъ говорила — ты слышала, какъ онъ разсуждаетъ?
онъ и слышать не хочетъ...

— Ну, матушка, захотѣлъ бы. Онъ отговаривается, будто не хо-
четъ, потому что мѣста нѣтъ, не предлагаютъ, а попросить —
гордится...

— Онъ гордъ.

— То-то, гордъ; глупо это. А тогда вы бы могли въ N. пе-
реѣхать.

Надежда Сергѣевна задумалась, и шла молча. Повременамъ, не рѣшалась выразить чего ей хотѣлось, она взглядывала на сестру, которая ужь начинала разсѣянно оглядываться по сторонамъ. Надежда Сергѣевна боялась, что разговоръ прервется, что пройдетъ минута...

— Зина, скажи ему... выговорила она.

— Чтѣ?

— Чтѣбъ онъ слушалъ.

— Чтѣ ты, матушка? онъ меня ногонить, тоже не станетъ слушать.

— Тебя послушаетъ..

— Почему такъ?

— Тебѣ все можно, Зина... выговорила Надежда Сергѣевна съ смиренной, жалкой лаской.

Зинаида Сергѣевна засмѣялась.

— Вотъ какъ! А ты вдругъ приревнуешь?

— Къ тебѣ-то, Зина?

— Смотри!... Пожалуй, скажу.

— *Chère amie!* Ты всегда была мастерица сладить...

— Я тебѣ ужь одно и уладила, отвѣчала Зинаида Сергѣевна, съ скромностью немножко лукаваго торжества: — я вразумила твоего Грегугара, чтобъ онъ изъ денегъ, которыя ему оставилъ дядя, внесъ въ сентябрь за маменькино имѣнiе. Онъ обѣщали.

Надежда Сергѣевна обняла ее, затрудняясь своей шляпкой. Зинаида Сергѣевна какъ-то невольнo думала, что сестра постарѣла и подурнѣла, а она сама — красавица.

— Зина, я тебѣ буду такъ обязана! Откровенно: я схорониться здѣсь не могу. Но я даже должна сдѣлать, чтобъ меня не забыли въ свѣтѣ... Ты знаешь, я такъ экономна, мнѣ лишняго не надо... Но все, я могла бы воспользоваться удовольствiями, жизнью...

— Вотъ, за мужемъ смотри, какъ перевезешь его въ городъ, сказала Зинаида Сергѣевна.

— Проказница! отвѣчала Надежда Сергѣевна, смѣясь сквозь сладкiя слезы.

— Ты уморительная, возразила Зинаида Сергѣевна, смѣясь ей въ лицо. — Изволь, изволь, скажу ему. У васъ садъ большой, однако.

— Ты устала?

— Нѣтъ, къ дѣтямъ пора воротиться. Моя Луаро залюбезничается, пожалуй, и все на свѣтѣ забудеть.

Ожиданіе, впрочемъ, продолжалось недолго. Мещѣ нежели черезъ часъ, м-ше Луаро воротилась подъ-руку съ Боровицкимъ; Софи и Жюли чинно шли впереди; Маша отстала съ Малашкой, которой сдала свой розовый зонтикъ; та распустила его, и весело повертывала надъ головой, глядя, какъ колыхнется бахромочка. Софи и Жюли имѣли въ рукахъ букеты изъ васильковъ и шиповника; эти же цвѣты украшали туго заплетенную косу Малашки.

— Offrez vos bouquets à madame votre mère, сказала дѣтямъ м-ше Луаро.

Зинаида Сергѣевна, величаво сѣдя на балконѣ, благосклонно приняла эти приношенія, и поблагодарила гувернантку.

Машѣ подносить было нечего; въ глиняномъ расписанномъ кувшинчикѣ, который она несла, было всего пять ягодъ земляники. Надежда Сергѣевна, и на балконѣ неснявшая своей шляпки, бросила очевъ нелюбезный взглядъ на гувернантку, когда та, входя на ступеньки, замѣтно опиралась на руку Боровицкаго. Надежда Сергѣевна обратила свое неудовольствіе на дочь.

— Чтò это! воскликнула она, указывая на зонтикъ, на кувшинъ, на Малашку.

Маша, не входя на балконъ, убѣжала съ своей подругой. Софи и Жюли, въ сопровожденіи гувернантки, пошли отнести по букету и бабушкѣ.

— А мы тутъ о васъ говорили, сказала Зинаида Сергѣевна Боровицкому, когда онъ сѣлъ подлѣ нея: — кое-что придумывали.

Она говорила какъ будто лѣнливо, ласково растягивая слова, какъ будто кокетничала. Зинаида Сергѣевна была изъ самыхъ непоколебимо-добродѣтельныхъ женщинъ — отъ богатства, отъ страха скандала и отъ апатіи. Впрочемъ, иногда можетъ быть потому, что хотя она и помнила свои лѣта, и не скрывала ихъ, и покорялась провинціальному закону о краткости бабьяго вѣка, и презрительно смѣялась французскимъ романамъ съ тридцатилѣтними красавицами, но все-таки чувствовала себя красавицей — это инстинктивное чувство вызывало у нея нѣчто похожее на замашку кокетства, и она не судила ее въ себѣ такъ строго, какъ стала бы осуждать въ другой женщинѣ. Если такое кокетство служило какимъ-нибудь ея маленькимъ планамъ, она кокетничала, будто дѣлала дѣло. Она называла это «проказничать.» Ея сердце всегда оставалось спокойно и чисто отъ всякаго увлеченія. Со стороны ревности мужа, она была всегда и еще основательнѣе спокойна: Петръ Ивановичъ ничего не понималъ.

Въ настоящую минуту, ей пришла охота похвастаться съ своимъ beau frèге — и такъ, просто, потому что онъ человекъ молодой, она красавица, а сестра дурна, и съ умысломъ узнать, очень-ли ревнива Дина. Зинаидѣ Сергѣевнѣ всегда было нужно все знать.

— Что же вы придумывали? спросилъ Боровицкій, садясь рядомъ и вводя впечатлѣніемъ улыбки хорошенькой женщины, цалуя ей ручку.

Мимоходомъ, почти печально, безъ особеннаго удивленія, безъ неудовольствія, безъ усмѣшки, онъ оглянулся на шланку жемч. Блѣдный свѣтъ зари освѣщаль этотъ блѣдный и несовсѣмъ грандіозный ореолъ, вокругъ этого блѣднаго и несовсѣмъ довольнаго лица. Во взглядѣ Боровицкаго было что-то неопредѣленное; то, что пробѣжало въ эту секунду въ его мысли, было также неопредѣленно, а между тѣмъ, эта секунда и этотъ взглядъ сдѣлали многое: въ Зинаидѣ Сергѣевнѣ они усилили желаніе похвастаться, Боровицкому внушили странное желаніе, отъ чего-то и въ чемъ-то «забыться», а Надеждѣ Сергѣевнѣ — желаніе заниматься и «сдѣлать сцену».

Но Надежда Сергѣевна была существо слабѣйшее: она благо-разумно поняла, что ей не по силамъ дѣлать сцены, хоть бы причины сценъ и были такъ законны, какъ тѣ, которыя она могла бы привести въ настоящую, раздраженную минуту. Надежда Сергѣевна ограничилась тѣмъ, что порывно сбросила свою шляпку — на что никто не обратилъ вниманія — сѣла, оперлась на рѣшотку балкона, и подняла взоры на блѣдныя, зажигавшіяся звѣзды.

— Я, вотъ, что думала, продолжала Зинаида Сергѣевна:— что послѣ-завтра мы отъ васъ уйдемъ.

— Объ этомъ вовсе и думать не слѣдовало, возразилъ Боровицкій.

— Надо думать, потому что собраться надо, уложиться; вѣдь мы у васъ цѣлимъ домомъ. О лошадяхъ надо распорядиться.

Практическое направленіе Зинаиды Сергѣевны не могло не взглянуть. Надежда Сергѣевна вслушивалась, усмѣхнулась и отвернулась.

— Что толковать, вышлетса подстава... Да не говорите мнѣ о вашемъ отъѣздѣ! прервалъ Боровицкій.

— Говорить или неговорить, все равно — уйдемъ.

— Вы безжалостны, Зинаида Сергѣевна. Посмотрите, оглянитесь, какая пустота; безъ васъ все омятъ заткнется, точно умереть. Вы одна оживили...

— Дюшечка, ты ему часто позволяешь «ерлакурить»? спросила Зинаида Сергѣевна, смѣясь и очень некстати для сестры, оглядываясь на нее: — что, онъ у тебя, большой любезничекъ?

Надежда Сергѣевна отивчала чѣмъ-то нехожимъ на смѣхъ. Боровничкае вдругъ оставило его пріятное расположеніе духа; подраю ли его не слыку дикое слово, бросилось ли въ глаза, какъ неуклюжа вся эта сцена—его что-то перевернуло.

— Вотъ, обрадовались, нашли оказію любезничать! продолжала, смѣясь, предводительша.—Да скоро конецъ вашему празднику: я уѣду, увезу Дуаро... О чемъ это вы съ ней въ лѣсу трактовали, а?... Дина, вди сюда, исповѣдуй его.

Надежда Сергѣевна не шевельнулась и только выговорила:

— Ah, mon Dieu, tu es plaisante!

— Лучше скажите, что вы придумывали, кромѣ вашего отъѣзда? спросилъ Боровничій.

— Да что, о васъ. Я теперь ужъ и не знаю, говорить-ли. Если вы, въ самомъ дѣлѣ, вертопрахъ, я, пожалуй, бѣдъ надѣлаю съ своей выдумкой. Богъ съ вами совсѣмъ!

— Но, однако, что же вы хотѣли...

— Любезничны вы, однако!

— Да вѣдь это меня касается?

— Ну, васъ. Я тоже думала, что безъ васъ сослучусь...

— Очень вамъ благодаренъ.

— И говорила, что бы вамъ въ N переѣхать?

— На зиму?

— Дѣтомъ-то, что вамъ за радость? развѣ вы хозяйинъ?

— Я нигдѣ не хозяйинъ, Зинаида Сергѣевна. Миѣ надо служить, тогда я буду хозяйинъ.

— Служите. Немудрено, я думаю?

— Немудрено, но чѣмъ?

— Да хоть чиновникомъ особыхъ порученій у губернатора. Вѣдь вы ужъ когда-то служили, этимъ же.

— Служилъ.

— Должность извѣстная, и прекрасно.

— Конечно, прекрасно, повторилъ машинально, въ раздумьѣ, Боровничій.

— Видите. А Пьерочка съ губернаторомъ хорошъ, онъ бы васъ тотчасъ опредѣлилъ. Жалованье—вотъ вамъ на квартиру. А остальное—жить что здѣсь, что тамъ, разница невелика.

— Давно ли вы стали такъ легко расчитывать, Зинаида Сер-

гѣвна? спросилъ Боровицкій, больше отъ духа противорѣчи, потому что неожиданное предложеніе ему понравилось.

— Давно ли вы-то стали разсчитывать? возразила Зинаида Сергѣевна:—полноте, пожалуйста, ужъ это-то благоразуміе вагъ не къ лицу, не притворяйтесь. А въ ваши года, что это вы въ деревнѣ засѣли, стыдно, просто. Да что это за вздоръ такой: самъ говорить, что безъ меня ему смерть, а я зову къ себѣ, онъ говорить—нельзя!

— Я не говорю: нельзя... возразилъ Боровицкій.

— Такъ я говорю: можно, досказала она. — Я этого, просто, хочу. И сама за васъ хлопотать буду, вотъ какъ. Сейчас извольте дать мнѣ слово, что вы вслѣдъ за нами явитесь въ N., подадите тамъ просьбу... ну, какъ это дѣлается?

— Это просто дѣлается, сказалъ Боровицкій.

— А просто, такъ тѣмъ лучше. Я Пьерочкѣ скажу. Давайте руку и говорите: merci. Ну?

Она протягивала свою ручку, въ самомъ дѣлѣ, красоты необыкновенной; въ сумеркахъ, это казалось бѣло какъ мраморъ. Боровицкій поцаловалъ ее съ большимъ увлеченіемъ. Зинаида Сергѣевна тихонько взяла его за ухо, тихонько оттолкнула и отпала руку.

— Дина, сказала она:—поди же къ намъ. Слышишь, какую побѣду одержала?

— Merci, сказала она.

Боровицкому вдругъ показалось и скучно, и неловко, и что-то слишкомъ поспѣшно, и что-то надо обдумать, и что-то еще переговорить, но съ кѣмъ? Кромѣ жены не съ кѣмъ, конечно, но хотя жена была тутъ и говорить ничто не мѣшало, Боровицкій нашель всего удобнѣе совсѣмъ уйти съ балкона въ цвѣтницъ.

— Что ты, матушка, вздумала меня благодарить при немъ? сказала Зинаида Сергѣевна, когда онѣ остались однѣ:—это, чтобъ онъ догадался, что все по твоей просьбѣ и на зло заупрежили? Ловна ты, нечего сказать!... Или тебѣ, можетъ быть, что нибудь непріятно, не такъ я сдѣлала?

— Нѣтъ, Зина, нѣтъ... Я очень рада.

— Ну, рада, такъ рада... и Господь съ вами!

V.

Вечеромъ, этого дня, раздѣваясь, Зинаида Сергѣевна сообщила m-ле Луаро подробности всѣхъ этихъ сценъ—подробности,

вроде, большею частью отвлеченныя, и которыхъ менѣе иску-
сннй наблюдатель никакъ бы не открылъ.

— Начать съ того, что онъ ее ужь вовсе не любить; тутъ
беда исторiи, а въ городѣ еще ихъ прибавится. Ну, какъ себѣ
хотать!... У нея должны быть свои дѣли, переѣхать: она меня
умоляла. Хотите ли она отвлечь его отъ чегонибудь здѣшняго,
или сама...

Зинаида Сергѣевна засмѣялась.

— Oh, madame est clairvoyante! воскликнула, тоже смѣясь,
губернантка.

— А если только это—такъ, она безъ ума пустится въ свѣтъ.
Я ее знаю. Защищать... въ моихъ цвѣтахъ, въ моихъ платьяхъ,
до корсета!

— Oui, mais Petr'Ivanitch, de quel oeil il verra tout cela, за-
мѣтила серьезно губернантка:—ça coûte quelque chose!

— Объ этомъ мы еще съ вами потолкуемъ... Петръ Иванычъ-
то мой какъ расходился! Слышали вы, за чаемъ? Доказывалъ
мому, что служить необходимо!

— Oh, mais vous savez lui monter la tête, madame, à Petr'Iva-
nitch!

— А маменька-то, маменька? Слышали, она считала, что имъ,
всей семьѣ, довольно пяти комнатъ? Понимаете, что это значить?
Это значить—ей хотѣлось у насъ поселиться: у насъ домъ боль-
шой, такъ она вообразила, что мы должны отдѣлать комнату
для нея, комнату для Дни, комнату для Григорiя Николаича,
дѣтскую, да складочную—пять. Я по лицу видѣла, что у нея это
на умѣ, да выговорить неловко, она и твердила: «Только пять
комнатъ, пять комнатъ», ждала, что ей сейчасъ предложатъ.
А я неглуха, и отвѣтила ей: «Такъ у васъ не будетъ ни
зала, ни гостиной, маменька?» Она поняла и усѣлась, промол-
чала. Я эти штуки знаю за моей маменькой!

М-ше Луаро покатилась со смѣху.

— Веселенькая жизнь, нечего сказать, продолжала Зинаида
Сергѣевна:—я бы богъ-знаетъ чего не взяла, еслибъ мнѣ ска-
зали: поди, живи въ этой семьѣ. Переплелись всѣ... Узнайте,
вокалуйста, какънибудь объ этой, вотъ, что съ вами въ лѣсъ
ходила—отъ дѣвокъ или отъ Машеньки; она болтунья.

— Ахъ, нѣтъ, вы ошибаетесь, очень скрытное дѣтя.

— Приласкайте ее какънибудь, выболтаетъ.

— Но вѣдь она ничего не понимаетъ!

— Э, полноте! возразила Зинаида Сергѣевна, махнувъ рукой:— все понимаетъ!... А очень вамъ строилъ куры мой beaufrère, m-lle Луаро?

— Eh, madame! Нужно быть недалковидной, какъ ваша сестра... Большое счастье для вашей сестры, madame, что вы ужь были madame de Tschéréthouyscheff, когда явился на сцену м-г Borovitzki...

— Вотъ въ городѣ много всякихъ madame, какъ-то она будетъ его въ рукахъ держать, отвѣчала задумчиво Зинаида Сергѣевна.— Bonne nuit, m-lle Loigot. Достаньте мнѣ завтра кружевной чепчикъ, маленькій, петербургскій; я надѣну...

Боровицкій шелъ на антресолю; на темной площадкѣ вверху лѣстницы, его окликнула горничная его жены, поднявъ голову съ сундука, на которомъ прилегла, въ ожиданіи когда барыня совсѣмъ отпуститъ ее спать.

— Надежда Сергѣевна не легла? спросилъ Боровицкій, проходя дальше.

— Нѣтъ еще, отвѣчала горничная и прибавила ему вслѣдъ, съ отчаяніемъ:— ну, теперь, богъ-знаетъ, когда улягутся!

Надежда Сергѣевна не раздѣвалась, а только распустила свои волосы. Она перебирала небольшую шкатулку, гдѣ хранились въ футлярахъ и коробочкахъ серьги, брошки, колечки, осматривала каждый изъ этихъ предметовъ, вытирала, чистила, повертывала предъ свѣчкой, иногда примѣрала, подходит къ зеркалу: Всего этого было немного, все это было бѣдно. Надежда Сергѣевна была серьезна и озабочена, будто дѣлала дѣло, взглядывала въ зеркало безъ улыбки, въ раздумьи. Неожиданный скрипъ отворившейся двери смутилъ ее и она спросила довольно гнѣвно:

— Кто тамъ?

— Я, Нада, отвѣчалъ, входя, Боровицкій.

— Чтò тебѣ?

— Проститься съ тобой, душка; мы не простились.

— Прощай, сказала она, не выпуская изъ рукъ брошки и подставляя щеку.

Боровицкій поцаловалъ, но не ушелъ. Онъ потянулъ за цѣпочку гранатнаго голубка и спросилъ, улыбаясь, какъ дѣлаютъ, когда желаютъ войти въ милость:

— Что ты это разбираешь, моя душка?

— Надо же собраться, отвѣчала не оглядываясь Надежда Сергѣевна:— въ городъ переѣзжаемъ!

Это было сказано съ насмѣшкой и холоднымъ неудовольствіемъ. Боровицкій сконфузился и постарался засмѣяться.

— Да вѣдь еще не завтра! возразилъ онъ, застѣгивая голубя ей на шею.

— Оставь, сдѣлай милость! сказала Надежда Сергѣевна, схвативъ драгоценность, и бросила ее въ коробку.

— Виновать... сказать шутя и покорно Боровицкій.—А къ тебѣ идутъ гранаты.

— Ко мнѣ ужъ ничто нейдетъ, возразила она, продолжая неоглядываться и между тѣмъ не желая, чтобъ онъ ушелъ.

Боровицкій не ушелъ; напротивъ, онъ присѣлъ на кончикъ стула, найдя мѣсто среди разныхъ небруанныхъ туалетныхъ принадлежностей.

Его немножко мучила совѣсть: когда былъ рѣшенъ ихъ переездъ въ N., первой мыслью Боровицкаго было, что въ городѣ онъ ужъ не будетъ проводить цѣлые дни глазъ-на-глазъ съ женою, или, еще хуже, съ женою въ компаніи тѣщи. Эта мысль блеснула радостно и сдѣлала Боровицкаго на весь остатокъ вечера необыкновенно любезнымъ, необыкновенно сговорчивымъ съ Черемышевымъ, котораго онъ привелъ въ прелестнѣйшее расположеніе духа и разными разсказами заставилъ смѣяться до одышки. За Зинаидой Сергѣевной онъ, положительно, волочилъ, толковалъ ей съ артистической точки зрѣнія о ея красотѣ и нѣсколько разъ цаловалъ ея руки. Среди общаго веселья, ему встрѣчалось блѣдное, недовольное лицо жены. Боровицкій, конечно, сказалъ себѣ, что на это не стоитъ обращать вниманія, но когда всѣ разошлись и онъ остался одинъ, то вдругъ сконфузился чего-то и пошелъ на антресоль.

— Конечно, не просить прощенія... да и въ чемъ-же? говорить онъ самъ себѣ:—а такъ, сдѣлать, чтобъ она не скучала, не сердилась; чтò, въ-самомъ-дѣлѣ...

Это мирное настроеніе чуть не сошло съ него отъ холоднаго пріема, вѣрнѣе, отъ обстановки этой комнаты, отъ подсвѣта нагорѣвшей свѣчки, отъ жиденькихъ распущенныхъ волосъ жены.

Едва войдя, Боровицкій ужъ придумывалъ, какъ ловчѣе и скорѣе убраться, устроивъ прощанье безъ сильной сцены. Въ ожиданіи хорошей выдумки, онъ сѣлъ. Надежда Сергѣевна взглянула на него, удивленная этимъ поступкомъ.

— Вотъ мы съ тобой, Надя, почти городскіе жители, сказалъ

Воровицкій, самъ не зная для чего, но нѣсколько не съ цѣлью объясняться:—какъ это скоро затѣялось!

Она не отвѣчала, онъ продолжалъ:

— Петръ Ивановичъ говоритъ, что меня тотчасъ примутъ; есть двѣ вакансіи, я одна изъ нихъ еще старшаго чиновника особыхъ порученій.

— Слышала... сказала Надежда Сергѣевна тономъ, въ которомъ отзывалось не то кислота, не то желаніе почивать.

Воровицкій легко могъ бы принять ея слова въ послѣднемъ смыслѣ и, повторивъ подалуй, уйти спокойно. Онъ этого не сдѣлалъ, вдругъ почувствовавъ необходимость что-то сильно доказать, въ чемъ-то убѣдить.

— Должность мнѣ знакома, продолжалъ онъ:—изъ провинціальныхъ, она еще порядочная. Не знаю я только ихъ новаго губернатора, этого, какъ его... этого... Палугина. Чему ты улыбнулась, душка?

— Право, ты съ такимъ пренебреженіемъ отзываешься о губернаторѣ, точно онъ китайскій императоръ, а не начальникъ твой. Бравировать легко; не богъ-знаетъ сколько надо ума, чтобы бравировать...

— Такъ что жъ, заранѣе спину гнуть? Полно, моя милая, что за понятія à la Черемышевъ!

— Онъ можетъ тебя и не принять къ себѣ на службу—губернаторъ.

— Не принять? А я напишу тѣти Рашковой, и меня этому губернатору не чиновникомъ особыхъ порученій, а совѣтникомъ, вице-губернаторомъ, на шею посадятъ! Вотъ что ему станетъ меня не принять!

— Такъ ты хочешь непріятностей надѣлать твоимъ родственникамъ?

— Какимъ родственникамъ?

— Какимъ? Черемышеву, Петру Ивановичу! какимъ еще родственникамъ? Онъ друженъ съ губернаторомъ, а ты намѣренъ между ними бросить раздоръ, жаловаться... Вѣдь это изъ-ружьвонъ что за самолюбіе: вездѣ ты съ своими Рашковыми да Зерновичами, которыхъ никто знать не хочетъ, а тутъ родные твоей жены, ты ихъ считаешь ни во что...

— Успокойся, сдѣлай милость! Кому я жалуясь, кому я дѣлаю непріятности, кого я ни во что считаю? Право, Нада, ты иногда такъ залетаешь...

— Вотъ, это мнѣ вѣчный упрекъ: я залетаю, все я залетаю!

— Помилуй, я говорилъ: «если...» Предположеніе!

— Ваши *если* да *предположеніе*... отъ нихъ жить нѣтъ возможности! вскричала Надежда Сергѣевна и залилась слезами.

— Отъ какихъ же моихъ предположеній жить нѣтъ возможности?

— То-есть не возможности, а силы нѣтъ! отвѣчала она, рыдая.

— Нада, что съ тобой?

— Что со мной? Спросите вашу совѣсть, что со мной!

— Нада, къ чему ты придираешься? спросилъ онъ, обидясь.

— Благодарю васъ! вскричала она: — я придираюсь!! Это значить придираюсь—замѣтить, наконецъ, что вы меня не любите, что вы обо мнѣ не заботитесь, что вы ради промѣнять меня на кого угодно!

— Ты съума сошла! вскричалъ Боровицкій.

— Обыкновенныя любезности! отвѣчала она, рыдая: — вмѣсто извиненія, вы только ругаетесь!

— Вы надъ головой у Зинаиды Сергѣевны кричите, сказалъ онъ: — хотъ ее постыдитесь!

— Пусть сестра слышитъ, пусть узнаетъ мою жизнь! кричала Надежда Сергѣевна: — она думаетъ, я въ рай; вотъ онъ, рай! Богъ меня наказалъ, что я повѣрила клятвамъ человѣка, который...

— И я дуракъ набитый, что на васъ женился! вскричалъ въ свою очередь Боровицкій.

— Я чувствую, чувствую, что мнѣ недолго жить! вскричала Надежда Сергѣевна: — я года не проживу!

— И сто лѣтъ проживешь, возразилъ Боровицкій: — и будешь точь въ точь твоя маменька. Только я пропадаю съ вами! Все отравляютъ! вотъ, едва вздумалъ взглянуть нзъ этой трущобы на свѣтъ-божій, къ людямъ... едва какое-нибудь мелькнуло соображеніе, проблескъ чего-нибудь... Вотъ, думаю, наконецъ, устроюсь, наконецъ отдадутъ мнѣ справедливость; впереди есть карьера, есть средства — нѣтъ! Она какъ тутъ, пророческимъ гласомъ: *Не дадутъ мста!* Почему не дадутъ? Что я, поповичъ какой-нибудь? напрашивался, пороги обивалъ?... О, семейка!... Вотъ гдѣ погибель!

— Много, ужасно много вы заботитесь о семейкѣ! вскричала Надежда Сергѣевна: — что вы для нея сдѣлали? Вы — пустой человекъ, ничего больше! Чѣмъ вы обезпечили вашу семью? Дали-ли вы вашей несчастной женѣ хотъ часъ забыться, за то, что она вамъ пожертвовала всей своей любовью... часъ одинъ! Я почти въ нищетѣ! у меня

не гардеробъ, а тряпки! Сестра прѣкала — мнѣ стыдно! Она мнѣ даритъ вышитый платокъ, воображая, что мнѣ, какъ всякой порядочной женщиנѣ, есть куда выхзть, взять его въ руки... Боже, Боже! а я шесть лѣтъ не слыхала, какъ скринку настраиваютъ...

— Ну, вотъ, пойдете, будете танцовать, прервалъ со злостью Боровицкій: — Сильфида!

Это былъ послѣдній ударъ. Надежда Сергѣевна зарыдала, съ такимъ воплемъ, что Боровицкій сдѣлалъ то, что ему давно слѣдовало: ушелъ, впрочемъ, хлопнувъ дверью. Приходя, онъ несовершенно отчетливо зналъ, зачѣмъ приходитъ, но уходя, былъ положительно убѣжденъ, что шелъ за дѣломъ, и что съ его женой нельзя имѣть никакого дѣла.

Надежда Сергѣевна тотчасъ позвала горничную, приказала раздѣть себя, заплестъ себѣ волосы, надѣтъ на себя чепчикъ, и легла съ твердымъ убѣжденіемъ, что эта жизнь вгонитъ ее въ чахотку. Она соображала и отыскивала, нѣтъ-ли уже и признаковъ этой болѣзни. Она воображала свою кончину, предсмертный разговоръ съ матерью, сцену примиренія съ мужемъ; все это выходило патетично. Дочь она какъ-то забывала. Убаютавшись, Надежда Сергѣевна заснула такъ же мирно, какъ надѣялась скончаться.

Напротивъ, Боровицкій былъ возмущенъ, встревоженъ и чувствовалъ необходимость высказаться, переговорить съ кѣмънибудь, рѣшить свою участь практически, а не мечтательно. Потому онъ, хотя удивился, но обрадовался, увидя свѣтъ изъ-подъ дверей комнаты Маши. Это было тѣмъ пріятнѣе, что онъ сощель съ лѣстницы ощупью, и такъ предстояло ему пробираться еще черезъ весь корридоръ.

Онъ отворилъ и вошелъ. На столѣ горѣла свѣчка, давно не-снятая. Боровицкій сначала не замѣтилъ Маши: ея постелька была пуста. Маша сидѣла, сжавшись, на открытомъ окнѣ.

— Машурка, гдѣ ты, моя голубушка? Одна? Гдѣ же няня? спросилъ онъ, подойдя къ ней.

Маша привала къ нему, но не обняла его; она вся дрожала и плакала.

— Чтò ты, душа? чтò не почиваешь? зачѣмъ ты одна?

— Няня ушла. Она говорить, здѣсь не ляжетъ; здѣсь ей жарко, отвѣчала дѣвочка, продолжая плакать.

— Чтò съ тобой? испугалась чего-нибудь? зачѣмъ же оставили у тебя свѣчку?

— Я сама зажгла, папа, вотъ, свичкой.

— Можно-ли это! ты домъ сожжешь. Чтò за шалости! Легла, такъ печивай, а то вскочила съ постельки...

— Не бранись... сказала она тихонько.

— Я не бранюсь, душка, но нехорошо. Зачѣмъ ты встала? испугалась чего нибудь?

— Испугалась... прошептала она, между тѣмъ какъ ея слезы капали ему на руки.— Папа, зачѣмъ ты шумѣлъ тамъ съ мамой?

— Чтò такое?

— Зачѣмъ?... Я отсюда слыхала. Я легла, няня ушла, я слышу... Я вскочила, свѣчку зажгла, въ окно слышала... Зачѣмъ, папа? Грѣхъ тебѣ, грѣхъ! Я буду цѣлый вѣкъ плакать! я умру съ тоски!

Все ея маленькое тѣло дрожало отъ слезъ и отъ холода. Боровицкій хотѣлъ взять ее на руки, завернуть въ одѣяльцо; Маша его оттолкнула.

— Грѣхъ, грѣхъ, повторяла она:—Богъ этого не велѣлъ... Ты хочешь, чтобъ я умерла, я умру! Ты долженъ маму любить, Богъ велѣлъ маму любить, а ты ее бранишь... И мама тебя бранить, и плачетъ... Не хочу, возьми свои картинки, возьми книжки, возьми все! Ничего не хочу! Отдамъ мамѣ зонтикъ, отдамъ ящикъ китайскій, ничего не хочу, ничего мнѣ не надо, я умру!

— Какая ты капризная, нервная дѣвочка! Ты занеможешь, сказалъ Боровицкій съ досадой, закутывая ее и насильно укладывая въ постель.—Гдѣ эта сумасшедшая нянька? Нѣжности каки — спать ей жарко!...

Онъ хотѣлъ идти искать няньку, но часы звонко, хотя далеко, пробили два. Боровицкій сообразилъ, что это немного поздно для поисковъ.

— Прекрасная твоя маменька лучше бы приглядѣла, чтобъ тебя клани спать какъ слѣдуетъ, смотрѣла бы за тобой какъ слѣдуетъ, продолжалъ онъ.—Перестань сейчасъ плакать. Какой вздоръ! Оттого, что ты слушаешь, чтò тебѣ не нужно, умничаешь—вотъ тебѣ лѣзутъ въ голову глупости. Будь ты дитя какъ всѣ дѣти, ничего бы этого не было. Какое тебѣ дѣло, что я говорю съ твоей матерью? Какъ ты смѣешь разсуждать? Еслибъ ты поняла, что я несчастнѣйшій человѣкъ, ты бы этого не говорила...

— Ты несчастнѣйшій человѣкъ, папа? Отчего ты несчастнѣйшій человѣкъ?

Маша вскочила, схватилась за него обѣими руками и смотрѣла ему въ глаза.

— Ты говоришь пустяки, какъ ребѣнокъ, ты не понимаешь, продолжалъ Боровицкій:—а я самъ былъ бы радъ умереть...

Маша упала ему на шею въ такихъ слезахъ, что онъ испугался.

— Ахъ, какая ты болѣзненная, нервная, это скучно! Маша, перестань сейчасъ! Перестань сейчасъ плакать; я тебѣ приказываю! Ты, въ самомъ дѣлѣ, упряма какъ не знаю что, хуже твоей матери! . На, возьми, выпей воды.

Онъ плеснулъ ей воды на голову.

— Ахъ!... сказала дѣвочка, встрепенувшись, и покорно глотнула изъ стакана, который онъ ей подаль.—Довольно... спасибо, папа.

— Рано еще нервные припадки, продолжалъ Боровицкій.— Это оттого, что ты читаешь все, что попало; воображеніе глупое. Вотъ, я запру книги. Прошу не смѣть ихъ трогать съ завтрашняго дня. Ложись. Довольно цаловаться... Вотъ, въ городъ переѣдемъ, Машурка, тамъ будетъ весело.

Маша не отвѣчала; она лежала, прячась въ подушку, на которую текли ея слезы.

— Будешь тамъ учиться танцовать, съ кузинами. Я тебѣ сдѣлаю платянце какъ у нихъ, розовое. Поѣдешь въ театръ. Зимой будешь кататься въ санкахъ, по улицамъ; а у дяди экипажъ прекрасный. Вездѣ будешь съ ними ѣздить. Ты такая миленькая, ловкая дѣвочка; на балъ поѣдешь... Спишь?

Боровицкій наклонился взглянуть на это прелестное маленькое личико въ золотыхъ кудряхъ; отъ недавнихъ слезъ еще дрожали тоненькія блѣдныя вѣки съ черной каймой рѣсницъ; онъ поднялся вдругъ, когда Боровицкій поцаловалъ разгорѣвшуюся щеку. Маша взглянула во всѣ глаза, испуганно и кротно, шевельнула ручкой и проговорила:

— Мама...

Боровицкій взялъ свѣчку и ушелъ. Онъ считалъ себя несчастливѣйшимъ человѣкомъ и былъ несомнѣнно увѣренъ, что имѣетъ на это право...

В. Крестовскій.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть третья.

ДВА УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛА.

VIII.

ИВАНЪ ВѢРЕСОВЪ.

Доводилось ли вамъ когда-нибудь наблюдать характеры людей, съ дѣтства потерявшихъ отца и мать, выросшихъ на чужихъ рукахъ, въ чужихъ людяхъ, лишенныхъ материнской ласки, заботы и мнѣнія? Въ такихъ характерахъ, сообразно личному темпераменту, господствуютъ двѣ рѣзкія противоположности.

Сангвиникъ какъ-то спартаксски закаляется въ этой суровой житейской школѣ. Въ немъ развивается сильный, стойкій, энергическій характеръ, желѣзная, непреклонная воля. Къ людямъ у него какое-то инстинктивное недоувѣріе, иногда и нѣкоторая мизантропія даже; онъ ни въ чемъ на нихъ не полагается, потому что вѣрить только въ себя и въ свои силы. Онъ не согнется ни предъ какой грозой, и безъ протекцій, безъ поддержекъ, пробиваетъ себѣ дорогу въ жизни, своимъ умомъ, своими силами. Такие люди—по преимуществу вѣчные борцы нашей жизни: имъ ничто не дается даромъ: каждый шагъ, каждый глотокъ свободного воздуха они должны отстаивать и брать себѣ съ бою, должны завоевывать себѣ право жить. Изъ нихъ, при счастливомъ направленіи, часто выходятъ государственные мужи, полководцы, законодатели; имъ же, при направленіи неблагоприятномъ, укомплектовываются сибирскіе рудники и каторжныя арестантскія роты.

Лимфатикъ представляет явленіе совершенно противоположное. Миѣ сдается, что именно про него-то и была сложена по-словица: «на бѣднаго Макара все шишки ваятся». Это—человѣкъ приниженный, робкій, забитый, никогда несмѣющій гордо поднять свою голову, смѣло возвысить свой голосъ. Его удѣлъ—вѣчно терпѣть, вѣчно томиться своимъ одиночествомъ и пассивно выносить суровые тычки людей и житейскихъ обстоятельствъ. Все, что можетъ выйдти изъ него для жизни—это честный труженникъ, который тихо и незамѣтно сойдетъ въ могилу, среди своихъ кропотливыхъ и часто неблагодарныхъ занятій. Въ немъ, точно такъ же какъ и въ первомъ, съ младенчества засѣло недо-вѣріе къ людямъ, даже боязнь людей; но сердце его всегда остается мягкимъ, добрымъ, сострадательнымъ. Первый, для достиженія своей цѣли, не задумается свалить десятки, сотни людей, чѣмъ-либо замедляющихъ его ходъ. Второй—даже муху никогда не обидитъ. Онъ никогда и ни съ чѣмъ не борется, какъ баранъ на закланіе подставляетъ свою безотвѣтную голову; протестъ его слабъ, сокрытъ въ глубинѣ его души и развѣ тѣмъ только иногда проявляется, что бѣднага либо запѣть себѣ мертвую, либо руки на себя наложить, но... никогда никому не выскажется. Сердце его часто колю любовью, хочется кому-нибудь протянуть свои братскія объятія, и случается, что во всю его неприглядную жизнь ничто не откликнется на эту любовь—такъ весь вѣкъ и пройдетъ въ тщетныхъ исканіяхъ. Это—наши тихіе, смиренные обиденные люди, размыгивающіе въ жизни плачевную роль библейскаго козла отпущенія.

Къ этой послѣдней категоріи принадлежалъ сынъ Морденки и нягнни Шадурской—Иванъ Вѣресовъ.

Вскормленъ былъ онъ у майора Синцы на сѣскѣ да на коровь-емъ молокѣ и, какъ извѣстно уже читателю, съ самой минути своего рожденія на свѣтъ, лишень материнской ласки и заботы. У майора выѣлись свои собственныя дѣти, такъ что майоршѣ и со своими-то пострѣлятами по горло было возни, а маленькому приемышу, по обыкновенію, доставались первая колотушка и послѣдній кусокъ. Ходилъ онъ, кое-чѣмъ прикрытый отъ вліанія стикій, вѣчно въ обноскахъ: старая рубашонка и старые башмачонки его сверстниковъ для него сходили за новыя, да и за то еще воспитательскую руку въ благодарность цаловать заставляли. Бывало, майорскіе пострѣята на шумать, нацалать, разобьютъ что-нибудь—а первому все же Ванькѣ достается. Когда же под-

росли всё они на столько, что маломальски смислить стали, такъ и сами начали то щипкомъ, то тычкомъ ублажать своего сотоварища. Ребёнокъ вѣвно чувствовалъ свое одиночество и съ этихъ уже поръ приучался видѣть людскую неправду.

Отъ отца тоже не выдалъ ласки, потому если тотъ и придетъ къ майору провѣдать своего смиллику и внести слѣдующую за воспитаніе сумму, такъ первымъ вопросомъ у него было: «не шалить ли, пострѣлёновъ? а буде шалить, такъ драть его, каналью, розгачами да духу слушать:—живъ—дари его снова!» Во всемъ этомъ было очень мало утѣнительнаго—надоставало родной души, привязаться сердцемъ нѣ къ кому.

Разъ какъ-то вздумалъ онъ приласкаться къ отцу — тотъ поглядѣлъ съ суровымъ удивленіемъ: черты ребѣнка живо напомнили черты матери—Мордежку зло разобрало.

— Это что за нѣжности! съ чего это? притворяться, поди-ка, вздумалъ? Врешь, меня не надуешь! Садись-ка лучше за букварь! проворчалъ онъ—и ребѣнокъ съ этой минуты боялся уже подходить къ нему.

Другой разъ, возвращаясь домой, засталъ онъ его на дворѣ въ слезахъ; остальные ребятишки дразнили своего сотоварища.

— Чего юни распустилъ? остановился Морденко.

Мальчикъ отпѣкивался.

— Ну, отпѣчай, не скривайся!

Оказалось, что они его побили.

— А! побили? а ты не дерись, веди себя скромненько, не задирничай! Вотъ пойдемъ-ка къ Петру Кузьмичу, пускай онъ тебя взерепенить по военному, для острастки, да и своихъ пострѣлать тоже, чтобъ не дрались!

Но пострѣлать ничего не досталось, а Ванюшку, по уходѣ родителя, точно взерепенили на всё четыре корки, потому—заловаться не смѣй.

Другого бы все это ожесточало, а забитаго Вересова только хуже запугивало, да какъ ултку заставляло еще сильнѣе замыкаться въ свою тѣсную скорлупку.

Очень рано, между прочимъ, сталъ занимать его вопросъ: почему это у другихъ дѣтей есть матери, а у него нѣтъ? Отчего это нѣтъ? гдѣ она находится? зачѣмъ про нее никто никогда не упоминаетъ? Однажды какъ-то онъ рѣшился спросить объ этомъ отца, въ одну изъ рѣдкихъ минутъ его ласковости.

Отецъ тотчасъ же нахмурился и отпѣчалъ:

— У тебя не было матери.

— Как же это не было... у другихъ есть вѣдь.

— Тѣ — другіе, а тѣ — ты!... у тебя не было, и молчи, значить.

— Она умерла? рѣшился мальчикъ еще на одинъ вопросъ.

Морденко задумался, помолчалъ съ минуту и отрывисто отвѣтилъ:

— Умерла.

— Какъ же она умерла?... отчего умерла?

— Молчать! закричалъ онъ, стукнувъ кулакомъ по столу, такъ что мальчикъ, весь дрожа въ испугѣ, отскочилъ отъ него на нѣсколько шаговъ — и съ тѣхъ поръ вопросы о матери болѣе уже не возобновлялись.

Однажды старикъ пришелъ въ майору въ особенно пріятномъ расположеніи духа.

— Ну, Ваня, поди сюда! обратился онъ въ сыну: — тебѣ теперь пошелъ десятый годъ, грамотѣ ты знаешь, караули тоже строчишь кой-какъ — пора, братъ, въ науку. Отецъ вотъ за тебя ходи тутъ, да кланчай, да кланяйся у начальства въ прихожихъ, чтобы сына на казенный счетъ приняли, а сынонь, пожалуй, и не чувствуетъ... А все зачѣмъ? — чтобы изъ тебя человекъ вышелъ, а не болваномъ бы выросъ. Учись же, каналья, а ставешь лѣниться — три шкуры сплуну, заморю надъ лозанами!... Ступай, одѣвайся!

И наградивъ сына родительскимъ благословеніемъ, онъ тотчасъ же отвелъ его «въ казну», гдѣ и сдалъ на попеченіе дежурнаго чиновника.

Этою «казною» было — училище театральной дирекціи.

Для Вѣрсова началась новая эпоха, новая жизнь, нѣсколько лучшая въ матеріальномъ отношеніи. Одѣли его въ синюю курточку и повели пробовать голосъ; голосу не оказалось никакого, слуху тоже; вмѣсто скрипичнаго *ит*, Ваня издалъ звукъ, напомнившій скрипъ несмазанной двери; и сконфуженнаго Ваню послали вонъ изъ учебной комнаты, съ замѣчаніемъ, что въ хоры онъ совершенно негоденъ. Тѣ же результаты были и въ музыкѣ и въ танцахъ. Наука *батмановъ* и всевозможныхъ *ма* оказалась рѣшительно непримѣнимой къ неловкому и вдобавокъ сильно застѣнчивому мальчику, который отъ нетерпѣливыхъ криковъ француза-учителя и смѣха товарищей терпѣлся уже оштрафованно, дѣлалась дѣйствительно смѣшнымъ и жалкимъ. Оставалась

последняя надежда на искусство драматическое. Сдуется уже года четыре по вступленіи въ школу, ему предстояло въ первый разъ выйти на подмостки домашнего школьнаго театра.

Готовилъ роль добросовѣстно, надѣялся отличиться, и — провалился... Какъ вышелъ на сцену, да какъ услышалъ въ послѣднихъ рядахъ сдержанное хихиканье товарищей — такъ до того оробѣлъ и потерялся, что смѣшавшись на первомъ же словѣ, сталъ истуканомъ и уже не произнесъ больше ни одного звука. Насмѣшки товарищей удостережились съ этой злосчастной минуты и не прекращались до самаго выпуска изъ заведенія.

Это полное фиаско такъ подействовало на мальчика, что онъ заболѣлъ. Отецъ, дня черезъ два, приѣхавъ въ дирекцію, узнать каковъ былъ дебютъ, нашелъ сына въ лазаретѣ и страшно озлился.

— Ишь ты, нѣженка какой! ворчалъ онъ, стоя передъ его постелью: — болѣть умѣешь, а трудиться нѣтъ!

Вѣресовъ ничего не отвѣчалъ ему на эти укоры и лежалъ, съ головой укутавшись въ байку. Отецъ постоялъ, плюнулъ и ушелъ; а между тѣмъ въ головѣ сына гвоздемъ засѣли его слова и въ душѣ мальчика тревожно возникъ прежній вопросъ: кто же наконецъ была его мать и отчего ему не говорить про нее? Почему фамилія отца — Морденко, а его — Вѣресовъ? И ужъ отецъ ли онъ ему?

Чѣмъ дальнѣе вдумывался онъ во всѣ эти вопросы, тѣмъ болѣе терялся: по однимъ соображеніямъ казалось, что Морденко точно его родной отецъ, даже нѣкоторое фамильное сходство убѣждало въ этомъ; по другимъ — Вѣресовъ склоненъ былъ думать, что онъ не сынъ ему, что тутъ кроется какая-то тайна, загадка, которую тщетно силится онъ разгадать.

Но ничего не узналъ онъ ни до выхода, ни послѣ выхода.

Винустили его изъ школы, какъ неспособнаго, *на выходъ*, то-есть на безсловеснаго амблума народа и гостей, и назначили четырнадцать съ полтиной въ мѣсяцъ жалованья.

Отецъ ни одной копеечкой не помогъ ему при выпускѣ, и жить къ себѣ тоже не принималъ, такъ что Вѣресовъ первое время долженъ былъ ходить вочевать все въ ту же театральную школу. Старый скрига ограничился однимъ только родительскимъ наставленіемъ, что ты, молъ, теперь взрослый человѣкъ, получаешь собственное жалованье, стало быть приучайся жить аккуратноѣе и не робни. Ужъ если старшіе положили тебѣ такое жалованье, значить и съ нимъ жить можно; я, молъ, въ твои лѣта и этого

не имѣлъ. Ступай себѣ съ Богомъ, а отъ меня помощи не прося: я баловству не повторюся.

И сталъ себѣ Вѣресовъ съ тѣхъ поръ перебиваться изъ кулъка въ рогожку.

Быль у него одинъ только талантъ — рисовать и глѣнить — и онъ отдавался ему съ жаромъ, не пропускалъ ни одного класса въ рисовальной школѣ, а у себя дома почти все свое время проводилъ надъ кускомъ глины или за картономъ. Въ этомъ искусствѣ видѣлъ онъ для себя единственный честный кусокъ хлѣба, единственный исходъ изъ своего грустнаго положенія. А положеніе, въ самомъ дѣлѣ, было донельзя грустное. Чтобы хоть малъ-нибудь хватало денегъ — дотянуть до конца мѣсяца, расшариться съ лавочникомъ и квартирною хозяйкой, онъ принужденъ былъ работать на уличныхъ продавцовъ гипсовыхъ статуэтокъ. Но знаете ли вы, какъ ничтожно оплачивается этотъ трудъ? Есть въ Петербургѣ нѣсколько антрепренѣровъ, изъ нѣмцевъ и изъ нашихъ православныхъ, которые ведутъ торговлю гипсовыми вещами. Всякій изъ нихъ имѣеть двухъ-трехъ несчастныхъ, забаленныхъ художниковъ, да время того держитъ еще нѣсколькихъ ходящихъ, которые, шатаясь по городу, обязаны сбывать его товаръ покупателямъ. Каждая Венера или Нимфа, проданная за цѣлковый, навѣрное была приобретена антрепренѣромъ за десять, много за пятнадцать копеекъ серебромъ. Мелкія же вещицы оплачиваются тремя, а иногда и одною копейкой. Но несмотря на столь скудную плату, мѣста у антрепренѣровъ постоянно заняты охочими работниками, такъ-что приходится еще добиваться постоянныхъ заказовъ, и къ каждому антрепренѣру обыкновенно показиваютъ два-три голодные бѣдняка, въ ожиданіи милостиваго позволенія брать постоянную помѣсачную работу, которая, въ общей сложности, приносить труженнику пять-шесть рублишекъ въ мѣсяцъ. Изъ-за этихъ-то вотъ пяти-шести лишнихъ рублишекъ и бѣдся Иванъ Вѣресовъ.

Въ послѣднее время ему особенно круто пришлось. Жалованье въ дирекціи забрано впередъ; антрепренѣръ требуетъ выгнать какихъ-нибудь новыхъ фигурокъ, потому старія Венеры да Купидоны уже надобны; а буде не выдумаетъ новыхъ, то совсѣмъ перестанетъ пользоваться заказами. Хозяйка тоже требуетъ за квартиру, не топить печку и грозить выгнать, если не привесть хоть сколько-нибудь деньжонекъ. Вѣресовъ уже вторыя сутки не обѣдалъ; его начинала бить лихорадка. Вѣзны заболѣть

и черезъ то окончательно лишиться заказовъ у антрепренёра, побудила его обратиться къ одному товарищу по рисовальной школѣ. Товарищъ, на бѣду, самъ сидѣлъ безъ гроша, но къ счастью еще пользовался обѣдомъ въ кредитъ. Вѣресовъ, утоливъ кое-какъ свой двухсуточный голодъ, нашелъ у товарища цѣлый портфель фотографическихъ снимковъ съ замѣчательнѣйшихъ статуй европейскихъ музеевъ. Изданіе было изящное и стоило порядочныхъ денегъ, а къ товарищу поваго по случаю очень дешево. Разглядывая фотографіи, Вѣресовъ схватился за возможность выдѣлать по нимъ новыя группы, и вмѣстѣ съ этою счастливою мыслью, представилась ему перспектива полученія новыхъ денегъ и новыхъ заказовъ отъ антрепренёра. Онъ выпросилъ себѣ у товарища на время, для работы, его дорогое наданіе и уже, совсѣмъ почти успокоенный, пошелъ-было къ себѣ домой, какъ вдругъ вспомнилъ угрозу хозяйки выгнать его съ квартиры, и повернулся въ обратную сторону.

«Безъ денегъ нечего и думать возвращаться. А хорошо бы теперь прямо засѣсть за работу—да какъ работать въ холодной комнатѣ и безъ свѣчи?» Размышляя такимъ образомъ, пошелъ онъ къ своему антрепренёру—но не засталъ его дома; значить, и эта надежда лопнула. Оставалось послѣднее, и уже самое крайнее средство—попросить у отца. Вѣресовъ долго не рѣшался; но вѣдь не бродить же цѣлую ночь по улицамъ въ одномъ холодномъ пальтишкѣ, и—нечего дѣлать — онъ направился къ Средней Мѣщанской.

Встрѣча его съ Морденкой у воротъ грязно-желтаго дома уже известна читателю.

IX.

Чающіе и жаждущіе движенія воды.

Едва успѣлъ старикъ налить себѣ стаканъ настоя изъ цѣлебныхъ, пользительныхъ травъ, какъ въ прихожей раздался стукъ въ наружную дверь.

— Аичущіе и жаждущіе, замѣтилъ онъ не безъ довольной улыбки.

Вошла бѣдно-одѣтая женщина, съ лицомъ, истощеннымъ заботою и нуждою.

— Чѣмъ могу служить? проважась Морденко свою обычную въ этихъ случаяхъ фразу.

— Приняла вещь свою выкупить.

Лицо ростовщика приняло угрюмый оттѣнокъ: онъ очень не жаловалъ выкуповъ.

— Фамилія? отрывисто спросилъ Морденцо.

— Иванова.

— Что заложено?

— Кольцо обручальное.

— Это, матушка, не отвѣтъ. Мнѣ надо знать, какое: золотое или серебряное? — у меня вѣдь не одна ваша вещь хранится, всушительно выговаривалъ онъ.

— Золотое, сообщила женщина.

— Когда было заложено?

— Мѣсяць назадъ.

— Ровно мѣсяць?... Стало-быть, сегодня срокъ... Хорошо, поглядимъ, понцемъ, говорилъ онъ, вынувъ изъ ящика большую конторскую книгу, и отыскивая въ ней нужную ему записъ. Женщина, съ спокойнымъ равнодушіемъ слѣдила за его указательнымъ пальцемъ.

— Что жъ вы, матушка, понапраску меня беспокоите? съ неудовольствіемъ подвинулъ онъ на неа свои совнныя очки.

Женщина чутко встрепенулась.

— Срокъ вашему закладу давно уже прошелъ, а вы требуете, сами не зная, чего!

— Какъ прошелъ?! да вѣдь ровно же мѣсяць?! тревожно изумилась та.

— Гм... мѣсяць... Извольте взглянуть. Онъ подаль ей другую книгу, по величинѣ и виду совершенно равную первой.— Это ваша росписка? ваша рука?

— Моя... Чтò жъ изъ этого?

— Мѣсяць истекъ вчера... прошли уже цѣлыя сутки... Стало-быть, вы изволили просрочить и, по закону, лишаетесь своей вещи. Съ этими словами, онъ заверъ книги въ свой ящикъ и сухо поклонился выходящій.

— Господи!... Да неужели же вы за такую малость захотите отнять у меня вещь? тихо проговорила она.

— Я невиновать, сударыня, я невиновать... Сами на себя неспрашиваете—зачѣмъ просрочили... Я люблю аккуратность и точность: двухъ минутъ противъ срока не потерплю; а дѣлаю-ка я побряки, такъ самому съ рукою ходить придется... Не могу, матушка, извините!

— Такъ неужели жь ему пропадать за два дѣловыхъ?

Морденко покалъ плечами.

— Я вамъ сдѣлалъ одолженіе, возразилъ онъ:—я вамъ оказалъ довѣріе, а вы довѣрія моего не оправдали... сами просрочили, да сами на меня и плачетесь. Это, матушка, некоропно-съ! Эдакъ я отъ васъ въ другой разъ, пожалуй, и не приму закладу.

— Да ужь мнѣ и закладывать больше нечего — послѣднее снесла, проговорила женщина съ глубокимъ вздохомъ и какою-то подавленной горькой проницей.

— Это ужь ваше дѣло, матушка, ваше дѣло; вамъ ужь про то и вѣдать.

— Да вѣдь это — обручальное... это вѣдь на вѣкъ человѣку! преступила она къ нему съ мольбою.

— Для меня это все единственно, матушка, все единственно, возражалъ Морденко. — Я ужь тутъ ничего больше не могу для васъ сдѣлать и прошу васъ. — оставьте меня, пожалуйста!... Я человѣкъ хворый, а вы меня раздражаете... Уйдите лучше, матушка, уйдите!...

Женщина съ минутою еще молча стояла на своемъ мѣстѣ. По щекамъ ея покатылись обильныя, крупныя слезы; она тихо повернулась и тихо ушла изъ квартиры Морденки.

Вся эта сцена произвела на Вѣрсова томительно-тяжелое впечатлѣніе. Сердце его болѣзненно скалось и щемило. Онъ на себѣ самомъ чувствовалъ печальное положеніе ушедшей женщины.

— Вотъ, и дѣлай людямъ добро! вотъ, и одолай ихъ! расхаживалъ Морденко по комватѣ. — Сами же нечестно съ тобою поступать, а потомъ мытаремъ да лхонимцемъ, процентщикомъ обзываютъ!... Мытарь... А мытарь-то Господу Богу угоденъ былъ—вотъ оно что!...

Не успѣвъ онъ еще кончить своего монолога, какъ въ прихожей раздался новый стукъ въ двери.

— Экъ ихъ велегкая тамъ разносила!... Чтò ни говорить, а все къ мытарю... все къ мытарю ползутъ!... Охъ, люди, люди — фарисеи вы!...

Въ комнату робко вошелъ высокаго роста мужчина, и отвѣсивъ вѣжливый поклонъ, остановился у дверей. Морденко, взглянувъ, поднялъ на него свой фонарь — и лучъ свѣта упалъ на рыжую физиономію пришедшаго, освѣтивъ особенно его глаза, которые какъ-то озабочанно бѣгали въ разныя стороны, словно

бы искали чего. Наружность новаго гостя и преимущественно его странные глаза показались старику подозрительными.

— Что надо? весьма немобезно возвысилъ онъ голосъ, закивая на груди порицѣемую мантылю.

— Къ вашей милости, несмѣло и тихо заговорилъ рыжій, что—на опытный глазъ—не совсѣмъ-то согласовалось съ его ввншительной фигурой.—Явите божеское одолженіе, не дайте попереть съ голоду...

— Я, братъ, подааній не творю: не изъ чего. Ступай себѣ съ богомъ—богъ подастъ! перебилъ Морденко, замахавъ рукою.

— Я не за подааніемъ, поспѣшилъ объясниться пришедшій:—я собственно по той причинѣ, что не откажете принять въ закладъ... вещь принесъ... съ себя заложить хочу.

— Какая такая вещь тамъ? приподнялся Морденко, опершись объ столъ кулаками.

Пришедшій снянулъ свое кургузое пальто и сталъ растегивать жилетку.

— Вотъ ее самую и заложить хочу.

— Жилетку-то?... Нѣтъ, братъ, не принимаю! рѣшительно отказался Морденко.

— Что жъ такъ, ваша милость? за что эдакая напасть на бѣднаго человѣка? взмолился рыжій:—вѣдь вы же платье всякое берете. За что же съ мнѣ-то отказъ?

— Не то-что платье, милый человѣкъ, а и пуговицу ибдую, гвоздикъ желѣзный приму, ввншительно пояснилъ ему старикъ:—принеси ты мнѣ востанку отъ портокъ—и на ту отказу не будетъ: положенную цѣну дамъ, потому и пуговка и востанка въ своихъ деньгахъ ходитъ; а ты нѣ въ пору пришелъ—а я не въ пору не приму! Вотъ тебѣ и сказъ!

— Будьте благодѣтелемъ! ребятишки малые неѣмши слезать! Не откажете! жалобно умолялъ рыжій со слезами въ голосъ.

— Чего тутъ, другъ любезный, «не откажете?»—ужъ я отказалъ; стало-быть, и просить нечего! Ступай себѣ съ богомъ! порѣшилъ Морденко, и рыжій удалился.

По уходѣ его, старикъ еще тревожиѣ зашлепалъ своими туфлями изъ угла въ уголъ; фізіономія просителя шибко казалась ему подозрительною, недоброю, такъ что онъ только ради этого обстоятельства и отказалъ его просьбѣ; а съ другой стороны извѣстная уже скаредность и жадность напѣвали другую нѣсню: «эхъ, братъ, напрасно отказалъ!... жилетка все жъ-таки вещь; за

все данъ. грашь, а восьмью гривну!» И вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, старикъ былъ теперь недоволенъ и жналю, и людямъ, и собору.

Вѣресову стало больно и тяжело оставаться съ нимъ дольше. Послѣ двухъ видѣнныхъ имъ сценъ, онъ рѣшился уже не заикаться старику ни о своей нуждѣ, ни о своей просьбѣ.—«Будь, что будетъ; пойду и такъ къ хозяйкѣ!» рѣшилъ онъ, и минутой спустя по уходѣ рыжого, распростился съ Мордовкой.

Спускаясь по темной лѣстницѣ, онъ наткнулся въ самомъ низу на какое-то живое существо, и владясь нѣсколько пристальнѣе, различилъ, что кто-то сидитъ на нижней ступенкѣ, подперевъ руками свою голову. По голосу, которымъ этотъ кто-то отозвался на окликъ, Вѣресовъ узналъ въ немъ рыжого.

— Что вы здѣсь дѣлаете? зачѣмъ вы сидите здѣсь? съ участіемъ спросилъ его молодой человекъ.

— Да идти некуда, отвѣтилъ рыжій, голосомъ, полнымъ отчаяннаго горя.—Домой не пойду... не охота глядѣть, какъ дѣти помирать станутъ...

Вѣресову какъ-то стыдно стало въ эту минуту, что онъ сынъ Мордовки: онъ жалѣлъ и презиралъ его въ одно и то же время.

— Спасите, выручите меня! обратился къ нему рыжій.—Вѣдь вы сыновъ ихній, васъ они послушаютъ... мнѣ хоть сколько-нибудь-бы денегъ... Ей-богу въ канаву, въ прорубь кинусь!...

— Пойдемте! рѣшительно сказалъ ему Вѣресовъ, въ минуту обдумавшій что-то.—Пойдемте... Мнѣ самому доварѣзу нужны деньги; авось успѣемъ, тогда подѣлимся съ вами.

Мордовко сильно озабочился и даже струсилъ отъ этого неданнаго возвращенія сына вмѣстѣ съ подозрительнымъ рыжимъ.

— Паненька, дайте ему денегъ подѣлить, началъ Вѣресовъ въ сильномъ волненіи.—Побойтесь бога: у человека дѣти умираютъ!... Если вамъ мало жметъ, такъ вотъ—альбомъ съ фотографіями: онъ стоитъ рублей пятьдесятъ... Примите его въ залогъ и дайте намъ хоть сколько-нибудь... а самъ теперь въ страшной крайности—на квартиру показаться не смѣю.

Старикъ молча развернулъ альбомъ, пересметрѣлъ на свѣтъ жметку и подалъ сыну записную книгу, проговоривъ:

— Для передачу, пиши росписку: «ми нижеподписавшіеся» и дайте...

Выйдя въ другую комнату, онъ сталъ оттуда диктовать продолженіе. Возвратъ сына и его слова до того поразили старика, что онъ не нашель причины къ отказу, да притомъ и закладъ оказался хорошимъ, особенно альбомъ фотографій, такъ-что Морденко сѣшшиль только поскорѣе раздѣлаться со своими посетителями и потому безъ дальнихъ разговоровъ отправился въ смежную горницу—доставать деньги.

Пока молодой человекъ сидѣлъ, погруженный въ писаніе росписки, рыжій напрягалъ все свое зрѣніе, чтобы слѣдить за старикомъ, который, продолжая диктовать, черкнулъ спичку и зажегъ огарокъ. Смежная комната освѣтилась. Рыжій перемѣстился на такой пунтукъ, съ котораго ему удобнѣе было обозрѣвать комнату и слѣдить за движеніями старика. Съвозъ притворенную дверь онъ замѣтилъ два болта, замки и печати на дверяхъ, вѣдущихъ въ заднюю горницу, и видѣлъ, какъ Морденко снялъ съ себя толстый кожаный поясъ, носимый имъ на тѣлѣ, подъ сорочкой, и сталъ рыться въ этомъ потайномъ чемоданчикѣ. По невѣстному всѣмъ шесту, рыжій догадался, что въ чемоданчикѣ мирно покоилась ассигнаціи.

— За жилетку полтинникъ, да за альбомъ два рубля пятьдесятъ и того три рубля; а росписку пиши въ три рубля тридцать, сказалъ Морденко, войдя черезъ минуту въ комнату съ велепенькой бумажкой въ рукахъ.

Сначала росписался Вѣресовъ, а за нимъ приложилъ свою руку и рыжій.

«*Виленискій жидантъ Осипъ Грѣшка*»—гласила подпись рыжого.

— Выкупать будете вмѣстѣ, что ли? спросилъ Морденко, отдавая деньги.

— Я выкуплю все, вызвался Вѣресовъ:—а жилетку вы имъ потомъ возвратите.

Черезъ минуту дворникъ выпустилъ ихъ въ калитку и видѣлъ, какъ они вмѣстѣ спустились въ мелочную лавочку, помѣшавшюся въ томъ же самомъ домѣ, толкуя о томъ, что надо раздѣлать деньги и раздѣлится поровну.

Въ лавочкѣ спросили они себѣ по фунту ситнива съ колбасой, тутъ же на мѣстѣ закусили имъ, и похлѣвъ между собой едачу, очень дружелюбно простались другъ съ другомъ.

Х.

Голову на рукомошникъ.

— Сью-вѣю, руки грѣю, чисто брею—не потѣю! съ прищаской, потирая ладони, ворвался Грѣчка въ заднюю комнату Сухаревки, гдѣ вчерашній день происходило секретное совѣщаніе съ патриархомъ Провомъ Викулччемъ, во время ланкастерскаго обученія звонковъ.

— Что *зьякало-то размуздалъ?* (1) чему обрадовался? степенно покачалъ головой владыко.—«Помни день субботній» сказано!

— Ну, ужъ ты, ваше степенство, проповѣди-то отложи до завтра: новѣ *клей* есть! (2) Я про дѣло повѣстить пришелъ, возразилъ ему Грѣчка, подавая руку Зеленькову и Омушкѣ, которые въ этой уединенной комнатѣ, вмѣстѣ съ совѣтчикомъ-патриархомъ, поджидали его прихода.

— Отъ двурюшника, что ли? обратился къ нему блаженный.

— Отголь-таки прямо и *прихрялъ!* (3) Все какъ есть, по совѣту его степенства, исполнилъ: дѣти, мошь, помирають, примите жилетку въ закладъ! рапортоваль Грѣчка.

— Стало-быть, по патриаршему изволенію и благо ти есть! замѣталь Омушка.

— Прижался въ сѣняхъ, смотрю — женщина какая-то идетъ... къ нему, значить, прошла, а я себѣ жду, продолжалъ рыжій.— Глядь, черезъ мало времени — выходитъ все та же самая женщина. Сама идетъ, а сама плачетъ, ну вотъ навзрыдь рыдаетъ, просто сердцу невтерпежъ... Ахъ ты *псира* (4), думаю, старая, при древности-то лѣтъ да народъ эдакъ-то грабить! И столь мнѣ это стало обидно, что, думаю себѣ, не будетъ же тебѣ, голубчику, спуску! и сейчасъ поднялся наверхъ.

Грѣчка сталъ сообщать компаніи свои дальнѣйшія дѣяствія и наблюденія, и компанія вполне одобрила столь блистательно исполненную имъ миссію.

— Только, вотъ что, братцы: все бѣ оно было *разманно* (5), да въ одношь *лманъ* (6) выходитъ — загвоздка есть! прицмобнулъ

(1) Что языкъ-то распустилъ?

(2) Воровское дѣло.

(3) Прихлялъ. *Хрясть* — хвать.

(4) Собака.

(5) Прекрасно.

(6) Скверно.

языкомъ раскашигъ. — Старикъ *шишку-то* (1) на себѣ вѣдь носить, поясомъ она у него сдѣлана, при тѣлѣ лежитъ. Какъ быть-то тутъ?

— *Нелады, баринъ* (2)! озабоченно отозвался блаженный. — *Бабки*, сталь-быть, *финасками* такъ въ ѣмъ и набиты? — Умѣнъ, бестія: боится, чтобъ не *сворочили*, при себѣ содержать... Нешто бы *на шаратъ* (3) взять? предложилъ онъ послѣ минутнаго раздумья.

— Не дѣло, свать, городишь, замѣтилъ на это благоразумный Викулычъ. — Съ шарапомъ недолго и *облопаться да за бурами сюрттъ* (4). Лучше пообождать да попридержаться — по тѣху, по сладку выслѣдить звѣря, а тамъ — и пользуйся!

— А не лучше-ль бы пожнѣе? *приткнутъ* чѣмъ ни попало — и баста!... У меня *Фомка* (5) востеръ!... похвалился Грѣчка.

— *Ладъ* (6)! согласился блаженный, покрайности дѣло потише обойдется и расправа короче.

При этихъ словахъ, Иванъ Ивановичъ Зеленъковъ, догадавшійся, въ чемъ заключается смыслъ послѣдняго предложенія Грѣчки, невольно вздрогнулъ и измѣнился въ лицѣ.

— *Слабѣ* (7)! прпшурясь глазомъ, кивнулъ на него блаженный, сразу замѣтившій эту внезапную блѣдность. — Чтò жь, брате мой, это ужъ не дѣло! по нашему — взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ, товариства не рущь и отъ дѣла не отступай.

— Правильно! подтвердилъ Грѣчка: — думали варганить такъ, а выходитъ эдакъ; стало-быть, божья воля такая, чтобъ, быть тому дѣлу, и какъ есть ты нашъ товарищъ, такъ съ обществомъ соглашайся!

— Да чтò тутъ долго толковать! перебилъ блаженный. — Имянемъ господнимъ благослови, отче — хорошее дѣло вершать — лходѣвевъ внизъ по матушкѣ спущать! отнесся онъ къ Викулычу.

(1) *Шичка* — портмоне, мѣшокъ, киса, чемоданчикъ, гдѣ хранятся деньги.

(2) Нехорошо, товарищъ.

(3) *Бабки* — деньги, *финаски* — ассигнаціи, *сворочить* — одинъ изъ синонимовъ, выражающихъ слово *красть*; *братъ на шаратъ* — пристуномъ, грудь на грудь, на ура!

(4) Попасться да въ Сибири пропасть. *Идти за буры* или просто *за буры* (то-есть за уральскій хребетъ) значить — въ Сибирь.

(5) *Приткнутъ* — убить, лишить жизни вообще. *Фомка* — небольшой желѣзный ломикъ для сворочиванья замковъ, засововъ, а также и для оборонъ.

(6) Идетъ! дѣло! хорошо!

(7) Восклицаніе, выражающее упоръ въ трусости и малодушіи.

Провъ молчаливо поднялся съ мѣста и отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, судари мои! оспазаль оми рѣшительнее: — на экое дѣло нѣтъ вамъ моего благословенія: это ужъ уголовщиной называется — *дѣло мокрое* (1), смертоубійство есть.

— Да вѣдь ми все ему же какъ-бы получше, неспособность хотимъ, оправдывался рижій:—потому, ежели обокрасть его, все равно съ тоски повѣсится, руку на себя наложить; безъ капиталу ему — ровно что не жить.

— А ми, ему же въ облегченіе, поддакнулъ Оомушка:—отъ великаго грѣха душу его стариковскую слободимъ; покрайности, юнчина праведная.

— Ужъ быть тебѣ, кошуну эдакому, быть кончену на *Кирюшкной кобылѣ* (2), попомни мое слово! постучалъ мальцемъ о край стола Викулычъ. — И благодарности миѣ своей не месите: не надо миѣ, не хочу я съ крови благодарность принимать, и не знаю я васъ совсѣмъ, и про дѣло ваше не слыналъ, и совѣтовъ вамъ не давалъ никакихъ — слыните?

— Это—какъ вашей милости угодно будетъ, ми и встроимъ повершимъ, а за вами ужъ будемъ благонадежны; не прозвоните, коли ничего не знаете — это вѣрно! сказалъ Грѣчка, запирая двери за ушедшимъ Викулычемъ.

— Какъ же вершать-то станемъ? Ктѣ да ктѣ! совѣщался Оомушка, относясь къ обонимъ сотоварищамъ.

— Я и одинъ покончу, дѣло нетрудное, вызвался Грѣчка.— Варахтаться, чай, не будетъ, потому — старъ человекъ.

— Да вѣдь впервой, подв-ка?

— Чтѣ жъ, что впервой? когдѣ жъ нибудъ привыкать-то надо!— авось *граблюха* (3) не дрогнетъ...

— Такъ надо бы поскорѣй, не по тяжелой почтѣ, а со штафетой бы отправить.

— Чего тутъ проклажаться? — послѣ-завтра утромъ, раценъко, часовъ эдакъ въ шесть, и порѣшу.

(1) *Мокро* — опасно.

(2) Кирюшкой, какъ извѣстно уже читателю, звался одинъ изъ петербургскихъ палачей, который на мошенническомъ аргот, оставилъ послѣ себя это слово въ наслѣдство палачамъ, какъ общее нарицательное имя. *Кирюшкина кобыла*—инструментъ, на которомъ наказывали плетми.

(3) *Граблюха* — рука.

— А чѣмъ полагаешь рѣшить-то? полюбоществовать блаженный.

— На хранивъ. Взять его за горлець, да дослатъ штучку подъ душець, чтобы онъ, значить, не кричалъ «къ Покрову!» — Голову на рукомойникъ — самое вальготное будетъ ⁽¹⁾! завершилъ Грѣчка, очень выразительно махнувъ себя поперегъ горла указательнымъ пальцемъ.

XI.

Ф и г а.

Условились такъ, что Грѣчка одинъ отправится на дѣло, покончить кухарку и старика, заберетъ всѣ наличныя деньги и всѣ драгоценности, которыя могутъ быть удобно запрятаны за голенища и въ карманы; мѣховъ же и тому подобнаго «крупнаго товару» забирать не станетъ, дабы не возбудить въ комъ либо разныхъ подозрѣній, и съ награбленнымъ добромъ явится въ Сухаревку, въ извѣстную уже непроходимую отдѣльную комнату, гдѣ его будутъ дожидать Омушка съ Зеленьковымъ, и гдѣ, при замкнутыхъ дверяхъ, произойдетъ любовный дѣлежъ. Сговорившись такимъ образомъ, товарищи разстались.

Два человѣка уходили изъ Сухаревки въ совершенно противоположномъ настроеніи духа и мысли.

«Кого чорта я стану дѣлаться? изъ-за чего?» размышлялъ Грѣчка, направляясь въ ночлежныя Вяземскаго дома. — «Одинъ дѣло работать стану, одинъ, пожалуй, многи жрать, а съ ними дѣлись!... Нѣтъ, братъ, дудки! шалишь, вума, въ Саксоніи не бывала! Съ большимъ капиталомъ отъ судей праведныхъ отвертися — какъ не отвертѣться нашему брату? инимъ же удается; а ежели и нѣтъ, такъ покрайности знаешь, что за себя варганилъ, за себя и конфузъ принимаешь... все жъ не такъ обидно...

(1) Взять его за горло да шнуръ ножомъ (въ горло, подъ сердце, подъ лезечку — все это называется — *душма*), чтобы онъ не кричалъ: «караулъ». *Голову на рукомойникъ* — зарѣзать. Выраженіе, принадлежащее собственно къ турецкому *argot*, употребляется преимущественно мошенниками опытными, прошедшими универсальный курсъ высшей школы въ камерахъ «Литовскаго замка». *На хранивъ* — выражается насильственное дѣйствіе на горло жертвы, то есть, если при грабежѣ или убійствѣ станутъ горло, чтобы въ первомъ случаѣ затруднить крикъ, во второмъ — задушить. Маневръ производится посредствомъ трехъ пальцевъ черезъ давленіе на переднюю часть дыхательнаго горла (въ боковыя стѣнки такъ называемаго адамова яблова).

Если кѣво сойдетъ — лататѣ зададимъ: ты прощай, значить, расприкрасная мать Рассея! Морген-фри — ность утри! А вы, ребята теплые, сидите въ Сухаревкѣ — дожидайтесь! — такъ вотъ сейчасъ я къ вамъ взядъ да и пришелъ! Какъ же!» И Грѣча, махнувъ рукою, очень выразительно свиснулъ.

А Иванъ Ивановичъ сильно волновался и беспокоился. Убить человѣка — не то, что обокрасть... Стало быть, очень опасное дѣло, если самъ патриархъ возмущился, и отъ благодарности даже отказался... А кнутъ? а Сибирь? — Ивана Ивановича колотила нервная дрожь; въ каждомъ проходящемъ сзади его человѣкѣ онъ подозревалъ потѣню; думалось ему, что ихъ подслушали и теперь догоняють, схватываютъ, тащатъ въ тюрьму — и онъ ускорялъ шаги, торопясь поскорѣе убраться отъ мѣстъ, близкихъ къ Сѣнной площади, стараясь незамѣтнѣе затереться въ уличной толпѣ, а самъ поминутно все оглядывался, бѣжился и выдрагивалъ каждый разъ, когда опережавшій прохожій невзначай задѣвалъ его рукавомъ или локтемъ. Для бодрости онъ зашелъ въ кабачокъ и порядочно выпилъ; но бодрость къ нему не возвращалась. Въ страннѣйшей ажитаци, словно бы преступленіе уже было совершено, закутался онъ съ головой въ одѣяло, и чутко прислушивался къ каждому звуку на дворѣ, къ случайному шлепанью чьихъ-то шаговъ, къ стуку сосѣдскихъ дверей и все ждалъ, что его сейчасъ арестуютъ. Охотно соглашался принять пассивное участіе въ воровствѣ, онъ ужасался мысли объ убійствѣ.

Замѣчательнъ фактъ, что многіе мошенники, считая простое воровство ровно ни во что, признавая его либо средствомъ къ пропитанію, либо похваляясь имъ, какъ удачею — съ отвращеніемъ говорятъ объ убійствѣ и убійцахъ — «потому тутъ кровь: она вопіеть, и въ душѣ человѣческой однѣ токмо Богъ волѣнъ и повиненъ». Таковое настроеніе мыслей, сколько мнѣ удавалось замѣтить, господствуетъ по большей части у мошенниковъ, неустѣвшихъ еще побывать въ тюрьмѣ, ибо мошенникъ до тюрьмы и тотъ же мошенникъ послѣ тюрьмы — два совершенно различные человѣка, и для этого послѣдняго убійство уже является дѣломъ очень простымъ и обыкновеннымъ, какъ фактъ удали или кратчайшій путь къ поживѣ. И въ этомъ нѣтъ ровно ничего мудренаго, потому что тутъ уже человѣкъ приходитъ въ непосредственное и постоянное соприкосновеніе съ самыми заворѣнѣлыми злодѣями.

Впрочемъ, объ этомъ предметѣ, и подробнѣе и нагляднѣе, читатель узнаеть впоследствии.

Наконецъ, Иванъ Ивановичъ заснулъ. Но и во снѣ ему нелегче было. Всѣ эти брючки и фракы, всѣ эти пальто съ искрой, о которыхъ онъ столь сладостно мечталъ, представлялись ему забрызганными кровью. «Вотъ это на фракѣ — Морденкина кровь, а на жилеткѣ — кухаркина, а это вотъ ваша собственная, Иванъ Ивановичъ господинъ Зеленъковъ», говоритъ ему квартальный надзиратель — и видитъ Иванъ Ивановичъ, что везуть его, раба божьяго, на колесницѣ высокой, со почетомъ великимъ — къ *Смольному затмакомъ* (*); Кирюшка, въ красной кумачовой рубахѣ, низкій поклонъ ему отдасть: «спожалуйте, молъ, Иванъ Ивановичъ господинъ Зеленъковъ, къ намъ на шафотъ, на нашей кобылкѣ поѣздить, нацихъ много погушать, да не позволите ли намъ ваше тѣло-бѣло порушить?» — И трасеть Иванъ Ивановича злая лихоманка; чувствуетъ онъ, какъ ему руки-ноги да шею подъ-загривкомъ крѣпкими ремнями перетягивають, какъ его палачи кренделемъ перегнули, да тонку-бѣлую сорочку помогамъ разодрали... И рѣдко-рѣдко, размѣренно стучаетъ сердчишко Иванъ Ивановича, словно помирать собирается... Ничего-то глазами своими не видитъ онъ, только что слышитъ, молодецки разошелся по эшафоту Кирюшка и зычнымъ голосомъ кричитъ ему: «бер-гись! — ожгу!» — сердце Иванъ Ивановича перестало биться, замерло — словно бы висѣло оно тамъ внутри на одной тонкой ниточкѣ и эта ниточка вдругъ порвалась...

Онъ проснулся въ ужасѣ, весь въ холодномъ поту.

— Господи! спаси и помилуй всяку душу живую! крестись, прошепталъ онъ трепещущими губами. — Нѣтъ, баста! будетъ ужъ такую муку мученскую терпѣть!

Глянулъ Иванъ Ивановичъ въ окошко — на дворѣ еле-еле свѣтъ начинается... На какой-то колокольнѣ часы пробили шесть. «Ровно черезъ сутки покончатъ его, сердечнаго... человекѣа зарѣжутъ», подумалъ онъ — и при этой мысли снова задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Иванъ Ивановичъ скорехонько вскопчалъ съ постели, умылся, одѣлся и трижды перекрестясь, вышелъ со двора.

Теперь ужъ онъ зналъ, какъ ему быть, и что надо дѣлать.

(* *Взять на фортуны къ Смольному затмакомъ* — означать позорный по-мача Конную площадь къ эшафоту.

Бывали-ль вы, когда-нибудь, рано утромъ, въ конторѣ квартальнаго надзирателя? Помѣщается она, по большей части, въ надворныхъ флигеляхъ; подниматься въ нее надобно по черной лѣстницѣ — а ужь извѣстно, что такое у насъ въ Петербургѣ эти черныя лѣстницы!

Немного ранѣ восьми часовъ утра, въ прихожую конторы начинаютъ набиваться разные народы. Хома Перерепенко такъ ужь и не подметааетъ половъ — «потому, нехай имъ бысь! все-одно — заглядать!» Вотъ привалила цѣлая артель мужиковъ разбираться съ маслянистымъ, плотнымъ подрячкомъ, и въ ожиданіи этой разборки цѣлые два часа неутомимо переругиваются и считаются съ нимъ. Вотъ два полицейскихъ солдата привели «честную компанію» всякаго пола и возраста, званія и состоянія: тутъ и нищие, забранные на улицѣ, и пьяницы-профисы, подобранные на панели, и «буяны» съ скрученными назадъ руками, и мазурики, нѣсколько деликатнѣе связанные попарно «шелковымъ шнурочкомъ» powyше локтя. Тутъ и нѣмецкій мастеръ Шмитъ со своимъ подмастерьемъ Слезкинымъ; Шмитъ, какъ нѣкую святыню, держитъ въ рукахъ влокъ собственныхъ волосъ — доказательство его побойща съ «русски свинъ» Слезкинымъ, а «русски свинъ» всей пятерней старается побольше размазать рожу свою кровью — «чтобъ оно супротивъ нѣмца чувствительнѣе было». Тутъ же зачѣмъ-то появилось и нѣкое погибшее, но скверное созданье въ раздувномъ криволиніи, и гнѣданка Перемыкина поближе къ дверямъ «конторы» протискивается, всхлипывая нарочно погромче, все для того же, чтобы до сердца начальство пронять, потому пришла она просить и «жалиться» на своего благовѣрнаго, что нисколько онъ ее, тигра эдакая, не почитаетъ, а только все пьянствуетъ, и — эва какъхъ фонарѣвъ подъ глазами настроилъ, индо раздушилъ да расплющилъ всю, и потому надо, чтобы начальство наше мило-сливое въ части отпоролло его, пса эвого!... При этомъ, она всѣмъ и каждому очень пространно повѣствуетъ о своемъ горѣ несообразномъ. Тутъ же, наконецъ, присутствуетъ и Иванъ Ивановичъ Зеленковъ, забравшійся сюда съ самаго ранняго утра. Иванъ Ивановичъ, съ выраженіемъ гнетущей мысли въ лицѣ, нетерпѣливо и озабоченно похаживаетъ отъ угла до угла по передней. Онъ просилъ, умаливалъ и давалъ четвертакъ на чай Перерепенкѣ, чтобы тотъ разбудилъ надзирателя, «по самоэкстренному дѣлу»; но Хома Перерепенко оставался стоически-непреклоненъ,

потому — «ихъ благородіе почивати звать, бо поздно полигли и нѣма у свити ни якого такого дѣла, щоби треба було взбудити ихню милость». Такъ Иванъ Ивановичъ ничего съ нимъ и не подѣлалъ.

Надзиратель — лѣтъ пятидесяти, плотный и полный мужчина, высокаго роста, съ густыми черными бровями и сивыми волосами, которые у него были острижены подъ гребенку, возсѣдалъ въ большомъ креслѣ за своимъ письменнымъ столомъ. На немъ были надѣты персидскій халатъ и бухарскіе сапоги. Паръ отъ пуншеваго стакана и дымъ жукова, испускаемый изъ длиннаго черешневаго чубука, наполняли комнату особеннымъ благоуханіемъ. Надзиратель имѣлъ очень умный, пристальный и проницательный взглядъ, носилъ бавенбарды по модѣ двадцатыхъ годовъ, т.-е. колбасками, кончавшими протяженіе свое неподалеку отъ носа, говорилъ густымъ басомъ, поутрамъ очень много, очень долго и хрипло отвѣщивался и поминутно отплевывался.

Съ извѣстной уже и столь ндущей къ нему осанкой встрѣтилъ онъ робко вошедшаго въ кабинетъ Зеленькова.

— Ты зачѣмъ? бархатно прозвучалъ его густѣйшій басъ.

— По самоэкстренному дѣлу, ваше скородіе... секретъ-съ — прикажите припереть дверцы-съ...

— А ты не пьянъ?

— Помилуйте-съ... могу ли предстать несоотвѣтственно?...

— Тѣ-то, братъ! Пьянство есть—мать всѣхъ пороковъ!... Притвори двери, да сказывай скорѣй, какое тамъ у тебя дѣло?

— Большое-съ дѣло, ваше скородіе!... Съ одного слова и не скажешь: очинно ужъ оно экстренное.

— Да ты не чертомель, а говори толкомъ, не то—въ вутузку велю упрятать!

— Вся ваша воля есть надо мною!... Злоумышленіе открытъ вашей милости явился...

— Дѣло!... Ну, такъ сказывай, какое злоумышленіе у тебя?

Иванъ Ивановичъ многозначительно ухмыльнулся, крикнулъ, проведъ рукой по волосамъ и началъ вполне таинственнымъ тономъ:

— Былиши приглашенъ я извѣстными мнѣ людьми къ убійству чловѣка-съ... и мнѣ блестнула эта самая мысль, чтобы развѣдать и донести вашему скородію...

— И ты не брешешь, пѣсій сынъ?

— Зачѣмъ брехать-съ?... Я—чловѣкъ махонькій: мнѣ только руки назадъ—вотъ я и готовъ. А убивство, извольте ли видѣть,

сочиняется надъ Морденкой, еще таинственнѣе прибавилъ Зеленьковъ:—извольте знать-съ?..

— Знаю... Губа-то у васъ не дура—разумѣете тоже, гдѣ раки зимуютъ...

— Это точно-съ, потому—какой же ужъ это и мощенникъ, у котораго губа дура, такъ что и рака отъ таракана не отличить?

— Такъ, господинъ философъ, такъ!... Ну, такъ сказывай, фига, какъ и чѣмъ его притенуть намѣреваетесь—вѣрно на счетъ убійны да свѣжанни? а?

— Такъ точно-съ, ваше скородіе, проникательно угадать изволели! Такъ точно-съ, потому, значить, голову на рукомоиникъ, ухмылился господинъ Зеленьковъ. — Да позвольте, ужъ и лучше расскажу вамъ все, какъ есть, по порядку, предлагалъ онъ: — только вы, ваше скородіе, одолжите мнѣ на полштофъ.

И ощутивъ въ рукѣ своей просимую сумму, Иванъ Ивановичъ, совершенно уже успокоенный, приступилъ къ своему обстоятельному разсказу.

ХІІ.

О в л а в а.

На слѣдующій день, еще до разсвѣту, когда Иванъ Ивановичъ взошелъ уже безматеежнымъ сномъ въ арестантской сибиркѣ, къ грязно-желтому дому въ Средней Мѣщанской торопливо подходилъ четыре человѣка. Это были: надзиратель и трое хожалыхъ.

Одинъ изъ хожалыхъ былъ оставленъ въ дворницкой для наблюденія за воротами и охраненія этого пункта; остальные, вмѣстѣ съ дворникомъ, поднялись на лѣстницу Морденки. Надзиратель черкнулъ восковую спичку и внимательно оглядѣлъ мѣстность. Одинъ изъ хожалыхъ постучался въ дверь.

— Кто тамъ? раздался заспанный голосъ кухарки.

— Дворникъ... воду принесъ, отворяй-ко.

Послышался стукъ отпираемыхъ замковъ, крючковъ и засововъ. Городовые отстранились на темный, задній планъ. Чухонка пріотворивъ немного дверь и увидя незнакомаго человѣка въ формѣ, рядомъ съ домовымъ дворникомъ, боязливо и подозрительно спросила:

— Чего нужно?

— Нужно самаго господина Морденку.

— Да вы съ чѣмъ? съ закладомъ, что ли?

— Съ закладомъ, тѣтушка.

— А съ какииъ закладомъ? Красныя вещи, али мягкій товаръ?

— И то и другое.

— Что-то ужь больно рано приходите... Ну, да ладно! мнѣ все равно... Сказать пойдти, что ли...

Съ этии словаи она подошла къ двери, замкнутой большиии жельзныи болтомъ, и мѣрно стукнула въ нее три раза. Отвѣта не послѣдовало. Черезъ минуту она столь же мѣрно стукнула два раза. Это былъ условный телеграфическій языкъ между Морденкой и его прислугой, посредствомъ котораго послѣдняя давала ему знать о приходящихъ. Дѣлалось это или раннии утроемъ, али позднии вечеромъ, то-есть въ ту пору, когда Морденко заперался. Три удара означали постороннаго посѣтителя, послѣдующіе два—«интересъ», то-есть что посѣтитель пришелъ за дѣломъ, стало-быть, съ залогомъ; одинъ же ударъ послѣ первыиъ трехъ оновѣщалъ, что посѣтитель является выкупить свою вещь.

Въ отвѣтъ на два послѣдніе удара, изъ глубины комнаты слышался старчески продолжительный удушливый кашель и глухой голосъ простоналъ:

— Лбомъ толкнись!

Послушная чухонка немедленно исполнила это странное приказаніе и слегка стукнулась лбомъ объ дверь.

— Это что же значить? спросилъ ее удивленный надзиратель.

— А то, батюшка, что надо такъ полагать, скоро совсѣмъ уже съ ума спятить: хочеть знать, правду ли я говорю, такъ для этого ты ему лбомъ стукнись...

Онъ только плечами пожалъ отъ недоумѣнія; вѣроятно, вслѣдъ за нимъ и многіе читатели сдѣлають то же, ибо имъ покажется все это черезчуръ уже странныи и дикии; но... таковыи знавалъ многіе то лицо, которое въ романѣ моемъ носить имя Морденки, и которое я описываю со всѣми его эксцентричними, полупомѣшанныи странностями.

Какъ только Христина стукнулась объ дверь, слышалось изъ спальни медленное, тяжелое шарканье туфель и отмыканіе замковъ да задвижекъ въ первой двери, что вела изъ пріемной въ спальню. За тѣмъ снова удушливый кашель и снова шарканье—уже по смежной комнатѣ.

«Морденко, здравствуй!»

— Здравствуй милый! здравствуй поппинька!

«Разорились мы съ тобой, Морденко!» брякнулъ опять на

встрѣчу хозяину голось попугая, очень похожій на голось самаго старика, который, по заведенному обыкновенію, не замедлилъ со вздохомъ отвѣтить своему любимцу:

— Разорились, попинька, въ конецъ разорились!

— Съ вѣмъ это онъ тамъ разговариваетъ? полюбоществовалъ надзиратель у кухарки.

— Съ птицей... это онъ каждое утро...

«Господи, что за чудной такой домъ! лбомъ стучаются, съ птицами разговариваютъ—нѣчто совсѣмъ необыкновенное!» размышлялъ самъ съ собой надзиратель.

— Отмыкай у себя! сказалъ Морденко, и Христина взялась за желѣзный засовъ той самой двери, объ которую стучалась, и отодвинула его прочь; въ то же самое время Морденко съ другой стороны отмыкалъ замки и задвижки и точно такъ же снималъ желѣзные засовы.

— Это у васъ тоже постоянно такъ дѣлается? спросилъ надзиратель, съ каждой минутой все болѣе и болѣе приходя въ недоумѣніе.

— Кажиную ночь, а ино и днемъ запирается.

— Ну, признаюсь, это хоть бы и въ сумасшедшій домъ впоору, пробурчалъ надзиратель.

На порогѣ появился Морденко, съ фонаремъ и ключами, въ своемъ обычномъ костюмѣ—кой-какъ выброшенной старой мантильѣ.

— Чтò вамъ угодно? спросилъ онъ съ явнымъ неудовольствіемъ.

— Есть дѣло кое-какое до васъ.

— Заложить что либо желаете?

— Нѣтъ, я не насчетъ закладовъ, а явился собственно предупредить васъ... Позвольте войти?

— Да зачѣмъ же... это... входить?... Можно и здѣсь... и здѣсь вѣдь можно объясняться, затруднился Морденко, ставъ нарочно въ самыхъ дверяхъ, съ цѣлюю попрепятствовать входу незваного гостя.

— Мнѣ надобно сообщить нѣчто *самъ*, именно вамъ—по секрету... Вы видите, кажется, что я—полицейскій чиновникъ?...

— Не вижу; мундиръ этотъ ничего особаго не гласитъ: можетъ, и другаго какаго вѣдомства, а можетъ, и полицейскій—го-сподъ васъ знаетъ... Я зла никому никакого не сдѣлалъ...

— Да противъ васъ-то есть зло!... Позвольте, наконецъ, войти мнѣ и объясниться съ глазу на глазъ.

Морденко видимо колебался: онъ недовѣрялъ незнакому человеку, пришедшему въ такую раннюю пору; наконецъ, бросивъ вскользь соображающій взглядъ на тяжелую связку весьма внушительнаго вида и свойства ключей, онъ проговорилъ, съ отѣнкомъ даже нѣкоторой угрозы въ голосѣ:

— Ну, войдите!.. войдите!—буде ужъ вамъ такъ хочется объясняться.

Надзиратель вошелъ въ извѣстную уже читателю пріемную комнату, и помѣстился на одномъ изъ немногихъ, крайне убогихъ стульевъ.

— Невзвѣстно ли вамъ, приступилъ онъ къ дѣлу: — не было ли когда на васъ злаго умыслу?

Морденко встрепенулся, остановясь на мѣстѣ, и раздумывая о чемъ-то, склонилъ немного на бокъ голову, неопредѣленно уставивъ глаза въ уголъ комнаты.

— Былъ и есть... всегда есть, рѣшительно отвѣтилъ онъ, подумавъ съ минутой.

— Не злоумышляли ль, на примѣръ, на жизнь вашу?

— Злоумышляли. Вотъ скоро годъ, какъ у наружной двери былъ выломанъ замокъ... Я отлучался изъ дому—у меня вѣдь все на болтахъ, на запорѣ: коли ломать, такъ нуженъ дьявольскій трудъ и сила, отъ дьявола сообщенная, а человеку нельзя, невозможно; такъ въ мое отсутствіе и своротили. А двери вотъ въ эту комнату выломать не удалось—силы не хватило... Такъ и удрали. Объ этомъ и дѣло въ полиціи было... слѣдствіе наražали и актъ законный составили.

— Ну, такъ вотъ и нынче на вашу жизнь злоумышляютъ, любезно сообщилъ надзиратель.

Морденко нахмурился и пристально, серьезно посмотрѣлъ на него.

— А!... я это зналъ! протянулъ онъ, кивая головой: — я это зналъ... Но вы-то почему знаете?

— Я-то?... Я былъ извѣщенъ.

— А кто извѣстилъ васъ?

— Это ужъ мое дѣло.

— Нѣтъ-съ, позвольте!... Ваше дѣло... А зачѣмъ вы пришли ко мнѣ? Кто васъ послалъ? допытывалъ онъ, строго возвышая голосъ.—Есть у васъ бумага какая нибудь, предписаніе отъ начальства, по коему вы явились не въ обычную пору?

— Нѣтъ, бумаги никакой не имѣется, улыбнулся надзиратель.

— А!... ни-ка-кой?... Никакой, говорите вы?... Такъ зачѣмъ же вы безъ бумаги приходите? Почему я долженъ вамъ вѣрить? Почему я могу васъ знать? наступалъ на него, весь дрожащій, Морденко, тусклые глаза котораго свѣтились въ эту минуту какии-то тупымъ и кровожаднымъ блескомъ глазъ голодной волчихи, у которой отнимають ея волченокъ. Онъ поставилъ на столъ свой фонарь и судорожнымъ движеніемъ крѣпко сжалъ въ кулакъ связку ключей.

— Какъ вамъ угодно, сухо поклонился онъ, поднявшись со своего мѣста.—Я пришелъ съ моими людьми только предупредить васъ и, можетъ быть, преступленіе... Но, если вамъ угодно быть убитымъ, въ такомъ случаѣ, извините... Люди мои спрятаны будутъ на лѣстницѣ и мы, во всякомъ случаѣ, успѣемъ захватить, кого намъ надобно... хоть, можетъ быть, и нѣсколько воздно... Извините, что потревожилъ васъ. Прощайте.

Тонъ, которымъ были произнесены эти слова, и присутствіе домоваго дворника въ прихожей разсѣяли нѣсколько сомнѣнія Морденки.

— Нѣтъ, ужь коли пришли, такъ останьтесь, проворчалъ онъ глухимъ своимъ голосомъ, въ раздумчивомъ волненіи шагая по комнатѣ и не выпуская изъ руки ключей.

— Въ такомъ случаѣ, предложилъ надзиратель: — позвольте ужь мнѣ ввести моихъ людей и размѣстить ихъ, какъ слѣдуетъ. Одного мы спрячемъ въ кухнѣ, а другого—въ этой комнатѣ.

Онъ указалъ на спальню.

Морденко съ тоскливою недовѣрчивостью подумалъ съ минутою и—

— Вводите, пожалуй! махнулъ рукою.

Люди были впущены въ квартиру и спрятаны. Кухаркѣ отдано приказаніе — выпустить немедленно и безпрекословно каждаго, кто бы ни постучался въ дверь.

— Я знаю... я знаю, что меня нынче убить хотять... Я все знаю! ворчалъ Морденко, измѣряя шагами отъ угла до угла пространство своей пріемной комнаты.

— А, это очень любопытно, подхватилъ надзиратель. — Черезъ кого же вы это знаете?

— Черезъ кого?

Остановка посреди комнаты и долгій испытующій взглядъ.

— Черезъ ясновидѣнье, государь мой... Мнѣ ясновидѣнье было такое... Я знаю даже, кто и злоумышленники.

— А кто же, вы полагаете? спросил собесѣдникъ, уже сильно начинавшій сомнѣваться, не съ помѣшаннымъ ли имѣетъ онъ дѣло?

— Я не *полагаю*, а *удостоверяю!* подчеркнул старикъ безъ апелляціоннымъ образомъ.

— Ну, такъ сообщите; интересно знать.

— Извольте, милостивый государь. Это—она, кухарка, Христина, указавъ онъ на кухню, провознося свои слова таинственнымъ шопотомъ:—она, и сынъ мой, называющійся Иваномъ Вересовымъ—прямой блудникъ и безнравственникъ!... Они ужъ давно сговорившись — убить меня! продолжалъ онъ, расхаживая въ сильной ажитаци:—мнѣ сегодня всю ночь такое ясновидѣнье было, что сынъ большой топоръ точить, а она зелье въ котелѣ варила. Допросите ее, какое именно она зелье варила? Непремѣнно допросите!

— Да вѣдь это только одно ясновидѣнье, замѣтилъ надзиратель.

— Ну да, ясновидѣнье! Потому-то значить, она и взаправду варила, что мнѣ царь-небесный этакое ясновидѣнье послалъ!

— Ну, на сей разъ—извините—оно обмануло васъ: ни кухарка, ни сынъ вашъ не участвуютъ здѣсь. Это мнѣ положительно извѣстно.

— Нѣтъ, участвуютъ! Ужь это я знаю, и вы меня не разувѣрите!... «Положительно»... Да *положительно* токмо единъ Господь Богъ и можетъ знать что либо; а мнѣ самъ Господь Богъ это въ ясновидѣнны открылъ—такъ ужъ тутъ никакія мудрованія меня не разувѣрятъ!... Незаконнорожденный сынъ мой давно уже на меня умысаль дѣржить; я вотъ потому хочу начальство упросить, чтобы его лучше на Амуръ сослали... Развѣ мнѣ это легко?... Какъ вы полагаете, легко мнѣ все это? Мнѣ—старикъ... отцу... одному?.. Легко, я васъ спрашиваю? оставилъ онъ, сложа на груди руки, передъ своимъ собесѣдникомъ, и старческій голосъ его дрогнулъ, а на сухихъ и тусклыхъ глазахъ вдругъ просочились откуда-то тощія слезы.

Но прошла минута; онъ замолчалъ — только еще суровѣе, съ сосредоточеннымъ видомъ сталъ ходить по комнатѣ своими медленными и тяжелыми шагами.

Нѣсколько времени длилось полнѣйшее молчаніе—однѣ только маятникъ стучалъ, да Морденко ходилъ. Сырость и холодъ этой квартиры порядкомъ-таки стали пронимать квартальнаго.

— Однако, у васъ тово... холодно... Нельзя ли затопить? попросилъ онъ, поѣживался и растирая руки.

Морденко, при этой неожиданной просьбѣ, искоса взглянулъ на него, какъ-бы на своего личного врага.

— Затопить нельзя... вчера топлено, сухо возразилъ онъ: — а вотъ чаю не угодно ли? У меня настой хорошій изъ цѣлебныхъ травъ...

— Нѣтъ, этого не хочу, отказался квартальный.

Квартальный полюбопытствовалъ оглядѣть Морденкину квартиру, что старику не больно-то нравилось; однако, нѣчего дѣлать—пошелъ за нимъ съ фонаремъ. «Кстати», подозрительно думалось ему: «огляжу хорошенько, не ханнулъ ли чего въ спальнѣ тотъ-то... спрятанный?»

Они вошли въ эту комнату. Тамъ особое вниманіе посѣтителя обратило на себя висѣвшее на стѣнѣ довольно странное росписание:

Понедѣльникъ.—Картофель.

Вторникъ.—Овсянка.

Среда (день постный). — Хлѣбъ и квасъ.

Четвертокъ. — Капуста кислая.

Пятокъ (день постный). — Хлѣбъ и квасъ.

Суббота. — Крупа гречневая.

Воскресенье. — Супъ молочный и крупа ячневая.

— Что это у васъ за таблица? освѣдомился квартальный.

Морденко немножко замаялся и закашлялся.

— Гм... это... гм... э... обиходное росписание стола моего, объяснилъ онъ:—въ какіе дни какую пищу вкушать надлежитъ... Я во всемъ люблю регулярность — поэтому у меня и распределено.

— Но неужели же этимъ можно быть сыту? изумился надзиратель.

— Кто, подобно мнѣ, дни свои въ постѣ и молитвѣ проводить, съ глубокимъ и серьезнымъ смиреніемъ замѣтилъ старикъ: — тотъ и объ этой пищѣ забудеть... Ибо онъ насыщенъ уже тѣмъ, что духомъ своимъ съ Творцомъ собесѣдуетъ.

— А это что за комната у васъ, подъ замками и печатами?

Вопросъ шелъ о кладовой.

— Это? .. гм... гм... Это—моя моленная, поморщился Морденко.—Туда я отъ суетъ мірскихъ уединяюсь и дни свои въ духов-

номъ созерцаніи провождаю... Тамъ мнѣ Господь-Богъ и ясно-видѣнія посылаетъ.

«Врешь, старшій хрычъ; тамъ-то, надо-быть, у тебя раки-то и зимуютъ!» усомнился про себя надзиратель.

Старая стѣнная кукушка, маятникъ которой, словно старикъ на кестыляхъ, спотыкаясь, отбивалъ секунды, захрипѣла и прокуковала шесть. Старшій попугай въ своей клѣткѣ захрипѣлъ точно такимъ же образомъ и тоже началъ куковать. Надзиратель не выдержалъ и расхохотался. Морденко очень обидѣлся.

— Надъ безсловесной тварью грѣхъ смѣяться, заворчалъ онъ, отвернувшись въ сторону:—безсловесная тварь на обиду не можетъ отвѣтствовать обидою же; а почему знать, можетъ она тоже чувствовать... Онъ у меня птица умная... все понимаетъ...

Прошло еще въкоторое время среди молчанія и ожиданій. Надзиратель уже начиналъ сердиться и подумывать, что слѣдуетъ задать Зеленькову изрядную вспушку за ложное показаніе, какъ вдругъ въ наружную дверь слегка постучали.

Часы показывали половину седьмого.

Всѣ встреонулись при этомъ внезапномъ стукѣ, у всѣхъ слегка дрогнуло сердце.

Кухарка пошла отворять и въ ту жь минуту раздался ея короткий пронзительный крикъ и глухой звукъ паденія человѣческаго тѣла.

Убийца тотчасъ же былъ схваченъ и связанъ двумя силачами. Грѣхъ неудалось. Зато совершенно удалась облава.

ХІІІ.

Дознаніе и актъ на мѣсть.

Связанный Грѣчка молчалъ — только мрачно глядѣлъ изподлобья, поводя вокругъ злобными глазами, да тихо покачивался со стороны на сторону, какъ медвѣдь, пойманный въ тенѣта. Его, хоть и скрученного, не выпуская, держалъ за шиворотъ одинъ изъ городовыхъ сержантовъ. Остальные отправились въ прихожую поглядѣть, что стало съ кухаркой. Она лежала въ обморокъ, съ раскрытой щекой. Рана, хотя и не очень опасная, нанесена была желѣзнымъ орудіемъ. Вскорѣ, посредствомъ впрыскиванія холодной водой, женщину эту удалось привести въ чувство.

Тогда одинъ изъ людей былъ посланъ за понятными, которые

выбираются въ этихъ экстренныхъ случаяхъ изъ живущихъ въ томъ же домѣ.

Между тѣмъ, еще до ихъ прихода, началось полицейское дознание.

— Кто таковъ? спросилъ надзиратель, взявъ у Морденки перо, чернила и листъ бумаги.

— Виленскій мѣщанинъ Осипъ Ивановъ Грѣчка, бойко отвѣчалъ связанный.

— Лѣта?

— Сорокъ-пять.

— Исповѣданія?

— Ну, ужъ этого не знаю, а надо полагать — хрестіанской вѣры.

— Зачѣмъ приходилъ въ квартиру господина Морденки?

— Жилетку свою выкупать... у меня тутъ жилетка взакладъ — въ полтинѣ серебра заложена.

— Правду онъ показываешь? отнесся допросчикъ къ Морденкѣ. Старикъ молчалъ, переминался съ ноги на ногу, и не зналъ, что отвѣчать.

— Правду ли онъ показываешь? повторилъ квартальный.

— Да ужъ всеконечно правду, ваше благородіе, отозвался Грѣчка: — жилетка моя, надо такъ полагать, лежитъ у него вонъ въ той запертой комнатѣ.

— Тамъ нѣтъ никакой жилетки! никакой жилетки нѣту! тревожно забормоталъ встрепенувшійся Морденко.

— Нѣтъ, есть! оппонировалъ Грѣчка. — Коричневая плюшевая въ желтую кнѣтку, съ бронзовыми пуговками. Да прикажите отпереть, ваше благородіе, такъ и увидите сами; а то что жъ человѣка занапрасну вязать? Я не разбойникъ какой, а пришелъ вещь свою выкупить.

— Такъ, другъ любезный, такъ!... А кухаркѣ-то щеку зачѣмъ раскрылъ?

— Сама подвернулась... Она первая съ кулачищами на меня напнула, а я только оборонявшись, призадѣлъ ее маленько.

— Что и говорить! Не видалъ я, что ли? виѣшался державшій его городской.

— А ты молчи, милый человѣкъ, потому, ты по закону не свидѣтель; а какъ есть ты нашъ тѣлохранитель, значить — ты и молчи! наставительно поучалъ его Грѣчка.

— Ишь ты, законникъ какой уродился! сказать надзиратель.—
Надо быть, на юридическомъ факультетѣ экзаменъ держалъ? а?

— Это что пустяки толковать, ваше благородіе! А вы прикажите лучше отпереть ту комнату, потому я вамъ дѣло докладываю.

— Пожалуй, будь по твоему... Господинъ Морденко, отойдите! предложилъ надзиратель, который, занимаясь специально розыскной частью, очень хорошо зналъ, что въ ростовщикамъ часто приносятся краденныя вещи. Онъ, собственно для себя, хотѣлъ оглядѣть коллекцію Морденки, въ чашии, не встрѣтится ли тамъ что-нибудь подходящее, за что можно бы удѣлиться при случаѣ, во многихъ изъ производимыхъ имъ розысковъ, гдѣ часто по одной случайно-попавшейся ниткѣ, размотывается цѣлая запутанная клубокъ.

Старикъ еще нуще сталъ морщиться и замгивать отъ его предложенія.

— Да на что вамъ она, эта комната? упрямивалъ онъ жалобнымъ голосомъ:—ничего тамъ интереснаго для васъ нѣту... Тамъ образа мои хранятся.

— Однако, вы слышали показаніе этого человѣка?—надо же мнѣ удостовѣриться! Я—законъ! внушительно произнесъ онъ, со своей осанкой:—а законъ безпристрастенъ.

— Я не отворю ее, рѣшительно сказалъ Морденко.

— Въ такомъ случаѣ, когда придуть понятые, я самъ буду отворять при свидѣтеляхъ.

Послѣдній аргументъ подѣйствовалъ.—«Пусть лучше ужъ одинъ огладить, чѣмъ при людяхъ-то—соблазну меньше»—и со вздохомъ глубокаго сокрушенія, снявъ старикъ дрожащею рукою печати, отожнулъ висячіи и дверной замки, отодвинулъ засовъ—и дверь растворилась.

Большая двухъкоконная комната снизу доверху была заставлена шкафами и полками, гдѣ хранились всевозможныя вещи. Противъ дверей висѣла на стѣнѣ вышитая гарусомъ картина: какой-то швейцарецъ съ мушкетеномъ. Эта картина, подобно стеклянной рамѣ въ кіотахъ, ходила на петляхъ и отпиралась посредствомъ особаго маленькаго механизма, открывала за собою цѣлый потайной шкафчикъ, наполненный золотыми вещами, часами карманными, брилліантами и тому подобными драгоценностями. На вѣшалкахъ висѣли мѣха и множество всякаго платья. Къ каждой вещи былъ привязанъ ярлыкъ, на которомъ старикъ

нимъ вочеромъ помѣченъ номеръ и сдѣлана лаконическая надпись: «*не укради!*»

— Для чего у васъ эти надписи? спросилъ слѣдователь.

— А это такой талисманъ, пояснилъ Морденко.—Ежели, оборони богъ, заберется сюда мошенникъ, да протяветъ къ нимъ руку—такъ рука у него тутъ же и отсохнетъ.

— Это вы тоже по ясновидѣнью?

Морденко состроилъ кислую физиономію: ему крайне непріятны были всѣ эти вопросы.

— И по ясновидѣнью, поморщась, отвѣчалъ онъ съ большой неохотою:—и по секрету отъ одного опытнаго человѣка, добродѣя моего.

— Ваше благородіе! Вотъ моя желетка! А вотъ и книжка, которую при мнѣ отдавалъ имъ въ закладъ ихній же сыночекъ! воскликнулъ тѣмъ временемъ Грѣчка, по приказанію слѣдователя введенный въ ту же комнату подъ конвоемъ городского. Надзиратель очень озадачился послѣднимъ сообщеніемъ преступника, а Морденко пристально поглядѣлъ на него весьма многозначительнымъ взглядомъ, который ясно вопрошалъ: «а что? не моя ли правда выходитъ?»

— Кто же были твои сообщники? продолжалъ слѣдователь свои вопросные пункты.

— Никакихъ такихъ сообщниковъ у меня нѣтъ и не было, ваше благородіе, и не знаю я, зачѣмъ вы меня это спрашиваете? твердо отвѣтствовалъ Грѣчка.

— Ну, а Оомка-благенный?... Э тотъ какъ тебѣ придется? вздумалъ огорошить его допросчикъ.

Грѣчка вздрогнулъ, но въ тотъ же мигъ оправился и уставилъ на него недоумѣлые глаза.

— Въ первый разъ слышу имя такое, ваше благородіе, убѣдительно возразилъ онъ:—и никакого такого Оомки не знаю я. Такъ и запишите.

Грѣчка строго хранилъ всѣ условія договора, заключеннаго въ Полтавцкомъ.

Въ эту минуту въ комнату вошло новое лицо.

Старикъ встрѣтилъ его съ злобной, торжествующей усмѣшкой.

— Я пришелъ выкупить альбомъ и жилетку—вчера вечеромъ деньги кой-какія получилъ, началъ Вересоужъ, обращаясь къ отцу и не различая еще въ слишкомъ слабо-освѣщенной комнатѣ постороннихъ людей.

— Опоздалъ, другъ любезный, опоздалъ! киваль головою старикъ, съ какою-то злорадной ироніей: — очень жаль, но что жь дѣлать! на себя пеняй; опоздалъ... Надо бы раньше было, тогда бы удалось, а теперь опоздалъ... опоздалъ!...

— Ваше благородіе! раздался голосъ Грѣчки: — что жь тутъ таится! Пишите показаніе—повиненъ, молъ; а вотъ и сообщникъ мой! прибавилъ преступникъ, нагло указавъ на Вересова:— чай, сами изволили слышать, что пришелъ мою жилетку выкупать?

Вересовъ ничего еще не понималъ, но уже догадался, что здѣсь, должно быть, произошло чтонибудь недоброе, страшное. Вспомнилъ онъ, что проходя переднюю, слышалъ стоны кухарки; теперь же—видитъ полицію и связаннаго человѣка. Онъ поблѣднѣлъ, смутился и, ослабѣвъ, опустился на стулъ.

— Пишите же, ваше благородіе, пока на меня такой стихъ нашелъ, а буде не запишите, такъ раздумаю и откажусь, пожалуй! торопилъ Грѣчка, въ умѣ котораго, при входѣ Вересова, блеснула такого рода мысль: «махну-ка, что молодець, молъ, сообщникъ мой! Отецъ авось не захочетъ поднимать на роднаго сына уголовщину и потушить дѣло, по крайности цѣль отвертись». Какъ задумалъ, такъ и махнулъ.

— Пишите же, ваше благородіе! понукалъ онъ: — хоша отъ вашего акта завсегда съ немогу-злыку можно отыгратъсь потомъ; одначе жь, такъ-какъ ваша милость, при этой оказіи, ни одной зуботычины мнѣ не закатали, такъ хочу я, по крайности, уваженіе оказать вамъ. Пишите, что въ субботу вечеромъ мы съ сыномъ ихнимъ вотъ—на лѣстницѣ внизу, на убивство уговоръ держали.

Вошли понятые, между которыми находился и приващикъ изъ мелочной лавки. У Грѣчки сдѣланъ обыскъ, при чемъ найдено: за голенищемъ—большой складной ножикъ, какъ видно, весьма недавно наточенный; въ карманахъ—небольшой желѣзный ломикъ, съ заостреннымъ концомъ, и рублевая бумажка. Во время дознанія, въ суетѣ, эта бумажка куда-то вдругъ исчезла, затерялась, такъ-что никакъ не могли отыскать. Она поквоилась за пазухой Морденки, который, воспользовавшись удобной минутой, очень ловко стащилъ ее со стола, при мысли, что «вотъ, молъ, ты убить меня хотѣлъ; такъ вотъ же тебѣ!»

Кромѣ Осипа Грѣчки, о случившемся происшествіи показали: С.-Петербургскій мѣщанинъ Осипъ Захаровъ Морденко, что

«воспитанникъ» его былъ всегда грубъ, дерзокъ и непочтителенъ; что онъ, Морденко, подозрѣваетъ его, Вересова, въ зломъ умыслѣ на себя, потому что онъ закладывалъ вещи вмѣстѣ съ Грѣчкой, какъ видно изъ собственноручной росписки ихъ въ записной книгѣ.

Выборгская мѣщанка, Христина Ютсолла, согласно Морденкѣ, показала: что самолично впускала и выпускала изъ квартиры Ивана Вересова съ неизвѣстнымъ ей человѣкомъ, за котораго она, однако, ясно признаетъ Осина Грѣчку.

Дворникъ дома видѣлъ, какъ въ субботу вечеромъ Морденко встрѣтился у воротъ съ Вересовымъ, и какъ они, поговоривъ между собою, вошли въ калитку, а непосредственно за ними, вошелъ въ ту же калитку высокій человѣкъ въ короткомъ пальто. Около часу спустя, онъ же, дворникъ, выпускалъ изъ калитки Вересова съ высокимъ человѣкомъ и видѣлъ, что спустились они въ мелочную лавочку, откуда вскорѣ выйдя, дружелюбно между собою распрощались и пошли въ разныя стороны. Въ высокомъ человѣкѣ дворникъ признаетъ Грѣчку.

Прикащикъ мелочной лавки заявилъ, что приходившіе къ нему два человѣка, въ конхъ онъ ясно узнаетъ Вересова и Грѣчку, купили по фунту ситнаго хлѣба и колбасы, мѣняли трехрублевую бумажку, сдачей поровну раздѣлились между собою, съѣли купленные ими припасы, при чемъ разговоръ шелъ о постороннихъ предметахъ, и наконецъ, дружелюбно простясь, удалились изъ мелочной лавки.

— Что вы на это скажете, молодой человѣкъ? въ начальственно-менторскомъ духѣ отнесся къ Вересову надзиратель.

— Что показанія кухарки, дворника и сидѣльца—сухая правда! отвѣтилъ Вересовъ голосомъ, который видимо старался сдѣлать спокойнѣе. Онъ былъ очень блѣденъ и слегка дрожалъ.

— Стало-быть, вы при свидѣтеляхъ чистосердечно признаете себя виновнымъ?

— Нѣтъ, я невиноватъ, съ твердымъ убѣжденіемъ возразилъ молодой человѣкъ.

— Тутъ есть явное противорѣчіе, по крайней мѣрѣ, такъ учить насъ логика, замѣтилъ надзиратель, многозначительно шевельнувъ толстыми бровями, и принявъ свою повелительную осанку, официально-звучнымъ голосомъ проговорилъ Вересову:

— Именемъ закона — вы арестованы!

Всквелеодъ Бривтовскій.

ТАЙНЫ ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ НЕАПОЛѢ.

ЗАПИСКИ ЭНРИКЕТТЫ КАРАЧЧОЛО (*).

(Изъ рода князей Форино, бывшей монахини бенедиктинскаго ордена).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО.

Votum feci,
Gratiam asseri.

(Я дала обѣтъ и приняла благодать).

ВЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Принимаясь писать эти записки, я имѣла единственною цѣлью подтвердить фактами, на сколько это мнѣ возможно, справедливость и своевременность декрета, которымъ правительство уничтожаетъ монашескія учрежденія, и въ то же время вывести изъ заблужденія тѣхъ, кто считаетъ монастыри убѣжищемъ всѣхъ духовныхъ добродѣтелей, если есть еще люди, чистосердечно держащіеся этого мнѣнія.

Необходимо снять завѣсу со многихъ тайнъ, чтобы доказать, что народъ, запертый въ монастыряхъ, олицетворяетъ собой цѣлый разрядъ идей, противоположныхъ не только идеямъ лучшихъ мыслителей вѣка, но и воззрѣніямъ, укоренившимся уже въ общественномъ мнѣніи всей публики. Не будь монастырскаго заточенія, видаль ли бы свѣтъ такое множество дѣвушекъ съ наклонностями, влекущими ихъ къ привольному житію, и между тѣмъ, заживо скопченныхъ въ тюрьмахъ, недоступныхъ всякому наружному свѣту и самому голосу человѣчества, благодаря неестественному равнодушію родителей и сѣтямъ, хитро разставленнымъ для нихъ духовниками? И сколько между ними такихъ, которыя раскаявшись въ обѣтѣ, безвозвратно похитившемъ ихъ у семейныхъ привязанностей и обязанностей, назначенныхъ имъ самимъ Господомъ, провлачивъ нѣкоторое время свое жалкое существованіе, скончавъ въ безвременную могилу, неоплаканныя ни матерями, ни сестрами, ни подругами! Я знаю, что немало число и безплодная дѣятельность сторонниковъ монашества, въ расахъ и безъ оныхъ; знаю, что они могутъ возразить мнѣ, что еслибы были

(*) *MISTERI DEL CHIOSTRO NAPOLETANO, memorie di Enrichetta Caracciolo, (de principi di Forino, exmonaca Benedettina).*

основательны мои сужденія о послѣдствіяхъ монастырскаго заточенія, всѣ монахини, теперь уже имѣющія на это право, давно бы покинули обители, тогда какъ этого вовсе не случается, особенно въ нашихъ южныхъ провинціяхъ.

На это я отвѣчу, что первая, даже единственная, исключительная забота духовниковъ этихъ несчастныхъ созданий заключается въ томъ, чтобы подавить ихъ умственную жизнь, довести ихъ до жалкаго нравственнаго безсилія, по каплямъ вливая въ ихъ души эгоистическія и мизантропическія правила, ужь, конечно, взятая не изъ ученія Христа, и заставляя ихъ вѣдѣть за порогъ монастырскаго приѣмной душевную погибель и бездну крошечную, показывая имъ за монастырскаго оградой небесныя проклятія и римскіе громы, готовые разразиться надъ головою еякой, которая осмѣлится перешагнуть черезъ эти границы. Къ тому же разсказъ мой вращается на самыхъ недавнихъ фактахъ. Я привожу годъ, имена мѣстностей и лицъ, такъ-что каждому весьма легко будетъ изслѣдовать и разузнать всю истину. Упрекнуть меня можно развѣ только въ томъ, что я промолчала о нѣкоторыхъ подробностяхъ, касающихся собственно меня, что я оставила въ тѣни нѣкоторые эпизоды, заслуживающіе, быть можетъ, болѣе полнаго освѣщенія; на это я замѣчу, что тутъ въ убытокъ остаюсь одна я, такъ-какъ это полумолчаніе не одинъ разъ отнимаетъ у монаховъ запись о прелести яркаго колорита и драматическую рельефность, которыя придали бы имъ болѣшую цѣнность. Но къ этому молчанію и этимъ выпускамъ меня побудило уваженіе къ умершимъ, къ семействамъ и нерѣдко къ самой себѣ.

Эрикетта Карачоло.

Кастелланаре (близъ Неаполя).
1864 года.

I.

Мое дѣтство.

Не для того, чтобы покинуться своимъ происхожденіемъ, а только по долгу біографа, и чтобы яснѣе показать, въ какомъ униженіи бурбонское правительство держало туземную аристократію, не допуская притомъ низшія сословія извлечь изъ этого малѣйшую для себя пользу, скажу, что родъ Карачоло, къ которому считаю за честь принадлежать—одинъ изъ первыхъ и наиболѣе извѣстныхъ родовъ въ Неаполѣ. Отецъ мой, второй сынъ Джейнано Карачоло, князя Форрино, родился въ 1764 году. Онъ избралъ военную карьеру (такъ-какъ вслѣдствіе существовавшего тогда закона о майоратахъ, достояніе младшихъ дѣтей было самое незначительное), и сорока лѣтъ женился на молодой палермитанкѣ, едва имѣвшей четырнадцать лѣтъ отроду. Тереза Кутали произвела меня на свѣтъ 17-го февраля 1821 года, послѣ

четырёхъ другихъ дочерей, и назвала меня Энрикеттой, въ честь одной изъ сестеръ моего отца, монахини; эта тётка моя была однимъ изъ безчисленныхъ привошней, исхони жертвуемыхъ нашимъ родомъ ордену св. Бенедикта. Родилась я въ Неаполѣ, въ нашомъ родовомъ нааццо, не болѣе какъ за нѣсколько недѣль до того времени, когда Италия и Греція, эти два свѣтила древней цивилизаціи, снова подняли свое чело, воодушевленные жаждой независимости, и мнѣ было всего три мѣсяца, когда меня отвезли въ Бари, куда переѣхала вся наша семья, вслѣдствіе назначенія монаршимъ приказомъ отца моего, достигнувшаго въ то время званія маршала, въ военные начальники этой провинціи.

Помните ли мнѣ, какъ будто только вчера происходило оно, одно приключеніе, случившееся со мной въ Бари, когда мнѣ окончился третій годъ.

Семья моя, приглашенная на маскарадъ, вздумала взять и меня, одѣтую въ костюмъ маленькой врестянки. Но меня скоро одолѣлъ сонъ, и мать моя, завернувъ меня въ шаль, отдала лакею, приказывая ему снести меня домой и сдать на руки горничной. Между тѣмъ танцы, бывшіе въ ту минуту въ полномъ разгарѣ, еще долгое время не прерывались. По окончаніи ихъ, мать моя потребовала лакея, чтобы спросить его, не проспнулась ли я и не плавала ли по дорогѣ. Лакея не оказалось и никто не видалъ его возвращенія. Встревоженные мои родители немедленно отправили посла къ намъ домой, чтобы узнать, что сдѣлалось со мной и лакеемъ; но горничная объявила, что ей никто не отдавалъ ребенка; такой отвѣтъ еще болѣе увеличилъ ихъ безпокойство. Отецъ мой самъ поспавалъ домой и съ трепетомъ допрашивалъ горничную; но та могла только повторять, что она никого не видала. Волненіе моей семьи тогда не знало границъ и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ родственниковъ и друзей, мои домашніе всё уѣхали изъ маскарада и принялись искать меня. Хлопотливо метались они изъ стороны въ сторону, нѣсколько разъ возвращаясь по одной и той же дорогѣ, но поиски ихъ оказались тщетными. Наконецъ; мои родители рѣшились поискать и въ другихъ улицахъ, и послѣ странствованія, продолжавшагося нѣсколько часовъ, увидѣли полурастворенную дверь харчевни, въ которой, суда по страшному шуму и гаму, очевидно происходило ночной кутежъ. Распахнувъ дверь, они увидѣли меня, лежащую на двухъ составленныхъ стульяхъ и погруженную въ сладчайшій сонъ, между тѣмъ какъ пьяный лакей съ громкими возгласами лѣзъ въ драку съ нѣсколькими собесѣдниками этой буйной пирруши. Поспѣшность, съ которой мать моя схватила на руки свою драгоценную собственность, разбудила меня. Видъ непри-

виной для меня сцены, крикъ отца моего, схватившаго негоднаго лакея за горло и заставившаго его растаянуться на полу, глубоко вѣзали это пробужденіе въ моей дѣтской памяти. Оно осталось первымъ и самымъ давнишнимъ воспоминаніемъ моей жизни.

Послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ Варі, отецъ мой, вызванный въ Неаполь по телеграфу, внезапно уѣхалъ. Бурбоны имѣли обыкновеніе дѣйствовать съ тѣмъ таинственнымъ терроризмомъ, который запечатлѣлъ такимъ ужасомъ въ исторіи имя Совѣта Десяти. Не объясняя ему причинъ, правительство разжаловало отца моего въ четвертый классъ и съ немалымъ трудомъ ему удалось дознаться, что его обвинили въ какомъ-то политическомъ проступкѣ. Онъ сообщилъ моей матери, чтобы она немедленно собралась въ путь и отправилась въ Неаполь всей семьей, попросивъ одного изъ его пріятелей сопровождать ее. Поспѣшно устроивъ всѣ дѣла, мы тотчасъ же сѣли въ почтовую карету, чтобы скорѣе прибыть въ столицу. На третій день нашего путешествія, мать моя вдругъ замѣтила, что лицо офицера, сопровождавшаго насъ по просьбѣ отца, покрылось мертвеною блѣдностью. Она спросила, чтѣ съ нимъ, и онъ отвѣтилъ, что чувствуетъ себя очень нехорошо. Черезъ нѣсколько минутъ офицеръ высунулся изъ кареты—и каковъ былъ ужасъ всѣхъ насъ, когда мы увидѣли, что изъ несчастнаго потокомъ полила кровь! Въ такомъ плачевномъ состояніи, при опасности для больного съ минуты на минуту изойти кровью, намъ пришлось продолжать путь до первой деревни, гдѣ бы можно было доставить ему медицинское пособіе. Впрочемъ, всѣ средства оказались тщетными и онъ не дожилъ до заката солнца. Эта катастрофа навѣяла на насъ глубокое уныніе. Грустно продолжали мы путешествіе наше и я, несмотря на свой дѣтскій возрастъ, нѣсколько разъ плакала отъ жалости объ умершемъ.

Прибывъ въ Неаполь, мы застали главу нашего семейства крайне опечаленнымъ сдѣланной ему несправедливостью. Намъ всѣ почти совѣтовали написать королю о правосудіи, и мы дѣйствительно всею семьей отправились къ нему; но Францискъ I, царствовавшій въ то время, былъ столько же бездушенъ и жестокосердъ, какъ и его отецъ, и остался неумолимымъ, вслѣдствіе чего мы принесли въ положеніе, близкое къ ниществу. При многочисленности нашей семьи, жалованья офицера 4-го класса едва хватало на самыя воліюнія нужды жизни. Три цѣлыхъ года провели мы въ такомъ стѣсненномъ положеніи и въ постоянныхъ лишенияхъ, пока наконецъ отецъ мой былъ оправданъ; ему воз-

вратили званіе 1-го класса и назначили его военнымъ начальникомъ въ провинцію Реджо, въ Калабрію.

Мы наняли англійскую бригантину и уложили въ нее весь нашъ багажъ, въ ожиданіи приглашенія капитана сѣсть на корабль. Было 15-е октября 1827 года. Проливной дождь, вмѣстѣ съ густымъ туманомъ, затмевали дневной свѣтъ. Казалось, ночь настала еще до заката солнца. Положивъ себѣ отчалить, несмотря на неблагоприятную погоду, капитанъ прислалъ просить насъ на бортъ. Родители мои стали-было протестовать, но приказъ былъ формальный и англичанинъ не допускалъ комментариевъ о состояніи атмосферы, такъ что мы вынуждены были отправиться въ море, несмотря на лившій какъ изъ ведра дождь и на яростныя волны, обступавшія насъ со всѣхъ сторонъ. Страннымъ показалось моимъ родителямъ упорство капитана, собравшагося въ путь въ такую непогоду; но онъ показалъ имъ списокъ нѣсколькихъ рейсовъ, которые ему непременно нужно было совершить, чтобы въ день новаго года быть въ Лондонѣ, гдѣ его ожидала одна молодая дѣвушка, нѣжно имъ любимая. При этомъ онъ добавилъ, что еслибы всѣ стихіи разразились надъ его бригантиной, то и тутъ онъ не отступилъ бы отъ начертаннаго имъ маршрута, и что только одна смерть можетъ ему помѣшать обнять обожаемую женщину въ самый вечеръ новаго года. При такомъ рыцарскомъ объясненіи, на лицѣ отца моего гнѣвъ смѣнился смѣхомъ: смѣялся онъ потому, что ему показался страннымъ англо-саксонецъ, съ такимъ жаромъ выразившій свою страсть; гнѣвался же онъ упорству безразсуднаго моряка, рѣшившагося, изъ личной прихоти, вступить въ бой съ разъяренными стихіями. Но нашъ багажъ уже находился на кораблѣ и волею-неволею пришлось уступить деспотизму капитана. Мнѣ въ то время не было еще семи лѣтъ, но изъ знаковъ, которыми мѣнялись отецъ мой и мать, я понимала, что ихъ приводила въ трепетъ буря, усилившаяся отъ страшнаго вѣтра и сопровождаемая громомъ, молніей и градомъ. Я заплакала вмѣстѣ съ сестрами, и меня не могли успокоить ни ласки родителей, ни утѣшенія капитана, выбивавшагося изъ силъ, чтобы убѣдить насъ на какомъ-то небываломъ діалектѣ, составленномъ изъ самыхъ разноплеменныхъ словъ, что опасности не было никакой. Едва мы выбрались изъ залива, какъ отъ набѣжавшаго съ немовѣрной силой вала, корабль склонился на одинъ бокъ. Багажи наши, которыхъ было-таки немало, сложенные въ кучу на палубѣ, со страннымъ трескомъ повалились въ наклонную сторону корабля.—То было поистинѣ критическое мгновеніе. Если бы не быстрый маневръ англійскаго экипажа, нимѣгъ устано-

вываго и прикрѣпившаго желѣзными кольцами ящики, чемоданы и сундуки—бригантина потеряла бы равновѣсіе. Къ счастью, недолго длилось плаваніе. Вечеромъ на второй день, мы уже были въ Мессинѣ. Въ теченіе многихъ еще часовъ, продолжалась кружитья у насъ голова, и только освѣжившись продолжительнымъ сномъ, мы снова почувствовали себя въ вожденномъ здравіи.

На слѣдующее утро, въ мессинскій портъ прибыла еще бригантина. Поощренная нашимъ отплатіемъ, она захотѣла слѣдовать за нами, но ей не повезло счастье, какъ намъ: ей пришлось сбросить въ море значительную часть своего груза, и она кромѣ того везла женщину, умершую отъ испуга и морской болѣзни. При этой вѣсти, мы вознесли благодарность къ Господу за наше спасеніе, и для того, чтобы переправиться черезъ проливъ въ Реджо, дождались совершеннаго проясненія погоды. Три дня спустя, солнце восходило среди обычной лазури сицилійскаго неба и вполнѣ укрощенное море обѣщало намъ спокойное путешествіе. Черезъ нѣсколько часовъ мы прибыли въ Реджо, жители котораго съ большимъ радушіемъ привѣтствовали насъ на берегу. Четыре кареты привезли нашу семью въ величественный палаццо, назначенный моему отцу. Красота мѣстоположенія, веселое общество, калабрійское гостепримство въ нѣсколько дней изгладили изъ нашей памяти трехлѣтнюю нужду, претерпѣнную въ столицѣ и зловѣщій ревъ бурн.

Какъ легко теряются слѣды несчастія въ дѣтскомъ возрастѣ!... Могла ли я въ то время предчувствовать, сколько новыхъ бурь и бѣдъ ожидало меня въ жизни?

II.

Л ю б о в ь .

Одвообразно протекло восемь лѣтъ, безъ всякихъ замѣчательныхъ происшествій. Дѣтскія игры и уроки наполняли день, а вечеромъ у насъ обыкновенно собиралось избранное общество военныхъ и калабрійцевъ, и между ними нѣсколько лицъ, пользовавшихся литературной извѣстностью. Въ теченіе этихъ восьми лѣтъ, мои три старшія сестры вышли замужъ, такъ что я осталась дома одна съ четвертой сестрой, Джузеппиной, годомъ старше меня. Она была красавица, но обречена на несчастіе, ангель тѣломъ и душой... Увы, ея ужъ нѣтъ!

Здоровье мое до этого времени было весьма ненадежно. Нервная по темпераменту, всегда блѣдная лицомъ, слабago тѣлосло-

женія, одаренная чрезмѣрной, слѣдовательно пагубной, чувствительностью, я не обѣщала достигнуть размѣровъ крѣпкаго и нормальнаго организма. Но по вступленіи моемъ въ четырнадцатый годъ, я неожиданно развилась и блѣдность мою замѣнила румянецъ, казавшійся ярче, чѣмъ онъ былъ на дѣлѣ отъ смутности цвѣта моего лица. Къ несчастію (если любовь можетъ назваться несчастіемъ), моему раннему тѣлесному развитію сопутствовало и развитіе сердца. Куда дѣвалась вдругъ безмятежная дѣтская безпечность, куда дѣвался подкрѣпляющій, улаживательный сонъ? Я ощутила въ душѣ какую-то крайне тяжелую пустоту, которую силалась наполнить чѣмъ-то смутнымъ, неопредѣленнымъ, чего и сама еще не могла себѣ уяснить. Одного взгляда, одного слова довольно было, чтобъ ускорить біеніе моего сердца и заставить меня вообразить, что я внушила чувство, подобное тому, которое испытывала сама. Затѣмъ слѣдовало разочарованіе: этотъ взглядъ былъ брошенъ невзначай, это слово было сказано изъ одной вѣжливости, безъ всякаго участія въ немъ сердца. Впрочемъ, воспитаніе, данное намъ матерью, было самое строгое. Въ обрѣзъ измѣрала она тотъ часъ, который позволялось намъ провести на балконѣ, чтобы любоваться гуляньемъ, и малѣйшая просрочка съ насъ взыскивалась строгимъ наказаніемъ. Но кто не знаетъ, какъ мятежно противъ наказаній четырнадцатилѣтнее сердце?

«... Ben sa il ver chi l'impara,
«Com'ho fatt'io, con mio grave dolore!»
(Хорошо знаетъ истину тотъ, кто, подобно мнѣ,
Узналъ ес цѣною тяжкихъ страданій!)

Именно на этомъ балконѣ закатился послѣдній изъ моихъ веселыхъ дней.

Въ толпѣ денди, вереницей тянувшихся мимо насъ, я замѣтила красиваго молодаго человѣка, который упорнѣе другихъ вперялъ въ меня взглядъ, какъ-бы любясь мной. Вглядѣться въ него, вспыхнуть, затрепетать—все это для меня было дѣломъ мгновенія. Нѣсколько разъ проходилъ онъ мимо балкона въ тотъ же день. Пріятная томность его глазъ, его спокойная, жѣрная походка, довольно высокой его ростъ, наконецъ, стройность его стана убѣдили меня, что именно онъ, и никто другой, есть герой моихъ радужныхъ грѣзъ, воплощеніе моего желаннаго идеала. Когда онъ сталъ удаляться, я возвала горничную и спросила ее, не знаетъ ли она его лично или хоть по фамиліи? Она, сама урожденная изъ Реджо, отвѣчала утвердительно. Это былъ Карло ..., старшій сынъ семейства, если не очень богатаго, то довольно зажиточнаго.

Образъ красиваго юноши не переставалъ являться моему воображенію, облеченный въ самыя идеальныя очертанія. Ночь показалась мнѣ нескончаемою, послѣдовавшій за ней день — вѣчностію, занятія — скучными, уроки — несносными; я тревожно выжидала того часа, въ который мнѣ позволялось выйти на мой любимый балконъ, въ надеждѣ снова увидѣть того, кто со вчерашняго дня владѣлъ всѣми моими помысленіями. Желанный часъ, наконецъ, насталъ. Я побѣжала на балконъ и имѣла несказанную радость увидѣть его остановившимся подъ самымъ навѣсомъ. Въ одно и то же мгновеніе наши глаза встрѣтились — я побагровѣла. Карлъ замѣтилъ мое смущеніе, легкая улыбка промелькнула на его устахъ и, скромно поднявъ руку въ шляпѣ, онъ поклонился мнѣ. Откуда только взялась у меня смѣлость; смущенная, стыдливая, трепещущая, я отвѣтила на его поклонъ: въ эту минуту я переходила изъ безличнаго дѣтскаго состоянія къ сознанію.

Съ той минуты пропало мое спокойствіе; впрочемъ, мнѣ была крайне пріятна утрата его. Страданія любви, въ особенности первой любви, полны обворожительной прелести: одно мгновеніе счастья вознаграждаетъ за тысячу неприятностей. Сколько тайнаго наслажденія доставляли мнѣ въ то время меланхолическія пѣсни Петрарки, которыми я жадно уживалась среди ночной тишины! Какимъ нѣжнымъ вдохновеніемъ строфы «Освобожденнаго Іерусалима» отгѣняли мою грусть! Карлъ каждый день проходилъ мимо балкона; но замедленіе нѣсколькихъ минутъ въ тотъ единственный часъ, когда намъ удавалось видѣть другъ друга надъ — дождь, иногда удерживавшій его — иной разъ неожиданное приказаніе матери сопровождать ее къ кому нибудь изъ знакомыхъ — все это для меня бывало источникомъ тяжкаго горя. Съ другой стороны, видя его, отвѣчая на его привѣтливые поклоны, мѣняясь съ нимъ хотя бы однимъ взглядомъ, я забывала все остальное и предавалась невыразимому блаженству.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, продолженіе которыхъ изъясненія нашей любви ограничивались взглядами и взаимными поклонами. Любила я этого молодого человѣка любовью поэтической, чистой, прозрачной какъ горный хрусталь; мюзія этой любви проникла все существо мое, хотя я бы не могла и не сумѣла бы дать ей выраженіе. Онъ всегда выказывалъ одинаковое желаніе видѣть меня, хотя нисколько не торопился послать къ коимъ родителямъ сватать меня; напротивъ, казалось, онъ старался скрыть наши невinna, но все же несомнѣнна любовныя отношенія.

Почти напротивъ самаго нашего дома находился палаццо, пер-

вий этажъ котораго уже долгое время былъ необитаемъ. Въ одно прекрасное утро я услышала стукъ тележки, останавливавшейся у воротъ его. Приподнявъ занавѣсъ у своего окна, я увидала, что она нагружена мѣбелю, которую и стали переносить въ первый этажъ. Еще разъ вернулась я къ окну, волнуемая какими-то пріятнымъ предчувствіемъ, и каково же было мое радостное удивленіе, когда я увидѣла Карла, стоявшаго на балконѣ и глядѣвшаго на мое окно. «Это онъ», думала я: «значитъ, онъ оставляетъ свое семейство, чтобъ устроиться поближе ко мнѣ!...» Лицо мое появилось изъ-за стекла; Карлъ, завидя меня, улыбнулся мнѣ и поклонился. Я убѣждала, боясь, чтобъ не вошла моя мать, но счастье такъ и сказывалось во всѣхъ моихъ движеніяхъ, оно сіло въ самой атмосферѣ, которою я дышала. Послѣ обѣда я, по обыкновенію, вышла на балконъ; Карлъ уже стоялъ на своемъ балконѣ. Онъ удалился въ глубину комнаты и выразительнымъ жестомъ спросилъ меня: люблю ли я его? Улыбаясь и глядя на него, я наклоненіемъ головы отвѣчала утвердительно. Вечеромъ въ тотъ же день, когда у насъ собрался нашъ обычный дружескій кружокъ, слухъ мой поразило милое мнѣ имя, произнесенное въ разговорѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей, сидѣвшихъ недалеко отъ меня. Съ напряженнымъ вниманіемъ стала я вслушиваться въ ихъ рѣчи. Они говорили, что Карлъ удалился отъ своего семейства, чтобъ основаться своимъ семействомъ съ женой... Это слово поразило меня; но несмотря на все мое вниманіе, мнѣ не удалось уловить ничего болѣе изъ ихъ разговора. Любовь моя къ Карлу стала возрастать еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ я чаще видѣла его, и несмотря на бдѣтельность матери, я по нѣскольку разъ въ день подбѣгала къ окну, еще болѣе подстрекаемая къ тому тайной надеждою, что я именно и есть будущая жена, о которой упоминали въ тотъ вечеръ. Однажды, въ воскресенье, мать моя съ утра собралась изъ дому. Раскрывъ завѣтное окно и сѣвъ около него, я задумчиво любовалась Карломъ, въ тотъ день казавшимся мнѣ особенно очаровательнымъ. Онъ, съ своей стороны, ставъ около противоположнаго окна, дѣлалъ мнѣ знаки, принимаемые мною за изъявленіе живѣйшей любви. Глядя на него и лаская себя упительной мечтой, что небо создало его собственно для моего счастья, какихъ картинъ будущаго блаженства не рисовала я передъ собой! Есть ли для сердца влюбленной дѣвушки болѣе пламенно желаемый день, нежели день свадьбы? Слуху страстной дѣвушки такъ же обольстительно звучитъ слово *бракъ*, какъ слово *будущность*—слуху философа и религіознаго мечтателя... Но вдругъ вбѣгаетъ запыхавшаяся горничная и еще издали кричитъ мнѣ:

«— Синьорина, что вы дѣлаете! отходите скорѣе отъ окна.

«— Зачѣмъ? спросила я въ испугѣ.

«— Вы любите до безумія этого мальчишку, а онъ на-дняхъ женится на другой.

«— Ты ошибаешься! проговорила я, в лицо мое покрывлось мертвенною блѣдностью.—Ты ошибаешься! Кто могъ наговорить тебѣ такихъ глупостей?

И обратившись къ Карлу, я жестомъ спросила: любить ли онъ меня? Онъ восторженно и нѣсколько разъ сряду отвѣчалъ утвердительно.

«— Чтò, видѣла? воскликнула я.—Видишь, какъ ты ошибаешься.

«— Нѣтъ, не ошибаюсь. Вы еще слишкомъ молоды, чтобы понять, до какой степени доходить людская гнусность и коварство. Такъ же вѣрно, что этотъ лицемѣръ менѣе нежеланъ черезъ мѣсяць, женится на другой женщинѣ, какъ вѣрно то, что сегодня воскресенье. Мать моя говорила съ нимъ самимъ. «Какъ же это, синьоръ Карло, сказала она ему: — а я думала, что вы женитесь на молодой Карачоло». Онъ ей отвѣчалъ: «оно, пожалуй, можно бы, да приданого мало у ней».

При этихъ словахъ я громко зарыдала, и не могла удержаться отъ слезъ; затѣмъ, приложивъ къ глазамъ платокъ, еще разъ обратила на Карла вопросительный взглядъ, полный упрека и унынія. Онъ тревожными знаками сталъ спрашивать о причинѣ моего смущенія, но совѣсть, кольнувшая его, не замедлила открыть ее ему.

«— Да уходите же, синьорина, снова стала увѣщевать меня горничная. — Вы не должны болѣе удостоивать этого обманщика ни единымъ вашимъ взглядомъ.

Не отвѣчая ничего, я закрыла роковое окно, и отошла отъ него. Сердце у меня надрывалось. Горничная усердно хлопотала около меня; наконецъ, предавшись отчаянiю, я залилась горькими слезами.

«— Безжалостный, восклицала я, вздыхая: — не довольно было такъ безчеловѣчно бросить меня — надо было тебѣ выбрать своимъ жилищемъ сосѣднiй домъ, чтобы я постоянно видѣла тебя рядомъ съ замѣстившей меня женщиной.

Въ слезахъ и порывистыхъ изъявленiяхъ гора, провела я нѣсколько часовъ. Наконецъ, я стала стараться успокоить себя, боясь навлечь на себя вниманiе матери; но она немедленно по возвращенiи своемъ, замѣтила разстроенное выраженiе моего лица, красные и опухшіе глаза, и непремѣнно требовала, чтобы я открыла ей причину моего огорченiя.

«— У меня сильно голова болитъ, отвѣчала я. Я не лгала. Поразившее меня горе было такъ велико, что я заболѣла. Послѣ

трехъ дней, проведенныхъ мною въ жестокой муѣ, и впродолженіе которыхъ я старалась не видѣть Карла, и не показываться ему, у меня сдѣлалась гастрически-желчная лихорадка, и продолжалась двѣ недѣли. Впрочемъ, несмотря на болѣзнь, я не разъ посылала горничную къ розовому окну, прося ее посмотрѣть, чѣмъ занимался Карлъ. Она каждый разъ говорила мнѣ, что въ его квартирѣ заперты всѣ окна. Я просила ее осведомиться у кого-нибудь изъ знакомыхъ, продолжаютъ ли брачные переговоры, потому что любовь, еще неослабленная въ душѣ моей, подавала мнѣ нѣкоторую надежду, что извѣстіе о моей болѣзни заставитъ его одуматься, и не дастъ ему довершить своей измѣны. Горничная возвратилась съ извѣстіемъ, что онъ цѣлые дни проводитъ у невѣсты, и что одна только недѣля осталась до совершенія свадебнаго обряда. Этотъ послѣдній ударъ переполнилъ чашу. Всю ночь проплакала я, какъ плачутъ всѣ молодыя дѣвушки, когда приходится имъ покупать знаніе свѣта и людей цѣной слезъ и разочарованія. Есть ли на свѣтѣ женщина, никогда нелюбившая? Если есть, то такая женщина, хотя бы присвоила себѣ всю премудрость Платона и Аристотеля, знаетъ свѣтъ только на половину.

Къ слѣдующему утру мысли мои успѣли проясниться. На скрошенную мою страсть, я собственноручно взвалила надгробный камень, и вырѣзала на немъ слово: «забвеніе!» Пусть раздражаютъ моему примѣру всѣ молодыя дѣвушки, которыя, благодаря здравому засытанію, видятъ въ любимомъ человѣкѣ только будущаго мужа. Если съ тѣхъ поръ еще являлся передо мной образъ Карла, то уже только какъ могъ бы являться мнѣ образъ драматической личности, заинтересовавшей меня въ театрѣ.

Я стала вздоравливать. Однажды поздно вечеромъ, я услышала стукъ ковъсь многихъ экипажей, останавливавшихся неподалеку отъ нашего дома.

«— Антонія! позвала я: — Антонія!

Горничная прибѣжала.

«— Чтѣ это за шумъ на лѣстницѣ? Не невѣста ли?

«— Да, синьорина, невѣста. Ее родные везутъ въ домъ синьора Карла.

Я вздрогнула, какъ будто подъ вліяніемъ электрическаго удара.

«— Когда же свадьба? спросила я.

«— Сегодня же.

Я снова опустила голову на подушку и замолчала. Ни одно мятежное чувство уже не шевелилось въ моей груди.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, послѣ разсказаннаго мною соби-тія, въ городѣ замѣтно было необыкновенное движеніе: Радио

ожидалъ прибытія короля Фердинанда II, проѣздомъ изъ Палермо. Отца моего извѣстили еще на разсвѣтѣ, что королевскій нарочно уже выдѣвъ. Поспѣшно одѣвшись въ полную форму, онъ отправился встрѣчать монарха. Вечеромъ давался великолѣпный балъ въ палаццо Рамирезъ. Я одѣлась просто, не взявши. На мнѣ и Джузеппинѣ были надѣты преповныя платья серізоваго цвѣта на такомъ же шелковомъ чохлѣ; сиронне открытыя плечи украшала массивная, золотая цѣпочка; волосы падали роскошными локонами во обѣихъ сторонахъ лица, на авглійскій манеръ. Мы уже около получаса находились въ большой залѣ, когда вошелъ король. Отецъ мой, находившійся въ его свитѣ, представилъ насъ его величеству. Прежде нежели выбрать себѣ даму, король захотѣлъ остаться нѣсколько времени зрителемъ танцевъ.

«— Эти двѣ дѣвицы въ серізовыхъ платьяхъ — ваши дочери, маршалъ? спросилъ отца моего мужъ добродѣтельной Христинны.

«— Да, ваше величество!

«— Поздравляю васъ! Онѣ прелестно танцуютъ.

Послѣ окончанія вальса, короля попросили избрать себѣ даму. Онъ направился ко мнѣ, чтобы самому лично ангажировать меня, а министру Дельбарретто, движеніемъ руки, указавъ на сестру мою Джузеппину, назначая ее себѣ *vis-à-vis*. Еслибы Фердинандъ II счумѣлъ въ управленіи подвластнымъ ему народомъ выказать ту же рыцарскую любезность и пріятливость, которыми онъ щеголялъ, выдѣлывая со мною фигуры французской кадрили, то, быть можетъ, Италіи еще долго бы пришлось ждать осуществленія своихъ стремленій! Тотчасъ послѣ бала, король уѣхалъ.

Для меня, какъ и для столькихъ другихъ, политика въ то время была однимъ неосмысленнымъ словомъ: о ней рѣдко упоминали, потому что множество наушниковъ на всѣхъ наводило ужасъ... Кто бы могъ предсказать мнѣ въ тотъ вечеръ, что придетъ время, когда я буду ненавидѣть Фердинанда и сына его Франциска, и всѣхъ, кто только носить имя Бурбоновъ!

До 1838 года мнѣ уже не запомнить ничего достопримѣчательнаго, за исключеніемъ двухъ семейныхъ происшествій, о которыхъ упомяну въ немногихъ словахъ.

Въ обитаемомъ нами палаццо были небольшіе хоры, выходившіе въ црковь S. Agostino; тутъ слушали мы обѣдню и творили вечернія молитвы. Однажды Джузеппина проходила черезъ эти хоры, какъ вдругъ подъ ея ногами провалилась часть пола. Видяща узнала и испугалась чужеземца; въ первую минуту не придали случившемуся особенной важности, но несчастная дѣвушка

ка осталась хромою, и даже, отъ послѣдствій этого паденія, сошла въ могилу нѣсколько лѣтъ спустя.

Въ другой разъ утромъ я вошла въ комнату отца, подозрѣваясь съ нимъ, и почтительно взяла его руку, чтобы поддѣлывать ее, когда онъ, приподнявъ мою голову, съ испуганнымъ видомъ спросилъ меня, не больна ли я?

«— Нисколько! отвѣчала я.

«— Какъ, нисколько? Ты, навѣрное, нездоровал

«— Вотъ славно! Право же, я чувствую себя прекрасно.

«— Да посмотри на себя въ зеркало!

Я подошла къ зеркалу: лицо мое было покрыто багровыми пятнами. Отецъ посадилъ меня около себя и послалъ сказать матери, чтобы она немедленно велѣла позвать доктора. Но каково же было наше удивленіе, когда взглянувъ на Джузеппину, тоже выходившую изъ своей комнаты, мы увидѣли, что на ея лицѣ еще больше пятенъ, чѣмъ на моемъ! Тогда вспомнили, что намъ давали принимать, отъ мучившаго обѣихъ насъ нервнаго кашля, пилюлю съ беладоной, правда, только одну, но, вѣроятно, съ слишкомъ сильной порціей этого яда, и насъ сочли отравленными. Докторъ долго не являлся, а наше состояніе съ минутой на минутой дѣлалось опаснѣе. Краснота, покрывавшая наше лицо, распространилась по всему тѣлу; кромѣ того, нами овладѣло такое сильное биеніе сердца, что у насъ даже въ глазахъ потемнѣло. Наконецъ, пріѣхалъ медикъ, послѣ дѣлаго часа, проведеннаго нами въ томительномъ страхѣ, и прервалъ дальнѣйшее дѣйствіе яда, давая намъ внутрь большое количество лимоннаго сока и снѣга.

Быль октябрь мѣсяць. Послѣ бури, пронесшейся надо мной въ видѣ несчастной любви моей къ Карлу, въ сердцѣ моемъ водворилась полнѣйшая тишина. Я уже съ крайнимъ равнодушіемъ могла видѣть этого человѣка около его жены, которая, случайно или вслѣдствіе умышеннаго желанія узавѣтъ меня, осыпала своего мужа самыми горячими ласками, каждый разъ, какъ взоръ мой нечаянно останавливался на нихъ. Мать моя въ этотъ промежутокъ произвела на свѣтъ еще двухъ дѣвочекъ; я нанячилась съ малютками, и это было для меня самымъ отраднымъ развлеченіемъ. Однажды вечеромъ, отца моего посѣтилъ вновь прибывшій гражданскій чиновникъ и привелъ съ собою сына, которому, повидимому, едва исполнилось двадцать лѣтъ. Я сядѣла въ гостиной, въ кругу остальныхъ членовъ моей семьи. Молодой человѣкъ, называвшійся Доменико, остановилъ свои взоры на мѣ и уже не сводилъ съ меня глазъ во все время своего посѣщенія. Хотя его нельзя было назвать красавцемъ, но въ

дивно очерченныхъ глазахъ его искрился чарующій огонь. Со- знавала ли онъ въ себѣ этотъ даръ, и не потому ли такъ восталь- но смотрѣлъ на меня? Знаю только одно, что подъ влияніемъ этого притягивающаго взгляда, мною овладѣло какое-то странное смущеніе, какая-то неловкость. Я пыталась переимѣнить положе- ніе, разговаривать, развлекаться, но напрасно: этотъ неотступ- ный взглядъ всюду преслѣдовалъ меня, непреодолимо меня при- тигивалъ, словомъ, магнетизировалъ меня.

На слѣдующій день я снова увидѣла этого молодаго человѣка на гуляньѣ, вечеромъ еще разъ увидѣла его въ театрѣ. Съ это- го дня я не могла уже ступить за порогъ дома, не встрѣчаась съ нимъ; глаза мои съ изумительной проникающей различа- ли его среди толпы, и при видѣ его дыханіе мое сипралось отъ волненія. Онъ съ своей стороны слѣдилъ за мною всюду, и не упустилъ ни одного случая, чтобы дать мнѣ понять, какое чув- ство я внушила ему.

«Неужели же ты думаешь, что всѣ мужчины одного закала съ Карломъ?» вкрадчиво шепталъ мнѣ внутренней голосъ. «Нѣтъ, они не всѣ одинаковы. Если справедливо изреченіе, что чест- ность и вѣрность въ любви — рѣдкое благо, которое дается очень немногимъ, то все же существованіе добродѣтели дока- зывается собственною твоею правдивостью, и чтобы найти ее въ другомъ, достаточно сдѣлать еще одинъ опытъ. Взглядъ, угнѣвшаго разшевелить сердце до самой глубины его, неужели еще не есть вѣстникъ любви, состраданія, сочувствія?»

Могла ли я устоять противъ такихъ убѣдительныхъ доводовъ? Воображеніе разжигало мое сердце, и оно снова занялось лю- бовью, а между тѣмъ разумъ, покоренный чувствомъ, молчалъ, и всю душу мою беззащитную предоставлялъ обаянью, оборо- тившему ее.

III.

Р е в н о с т ь .

Намекая на укоренившійся съ давнихъ временъ обычай мел- кихъ тирановъ нашего полуострова, систематично развращать своихъ подданныхъ, остроумнѣйшій изъ нѣмецкихъ критиковъ, недавно похищенный смертью у литературы, сказалъ: что един- ственный государственный человѣкъ въ Италіи — маэстро Джо- аккино Россини. Такъ опредѣлялъ Гейне инстинкты латинской расы съ большимъ глубокомысліемъ, нежели какое онъ обнару- ждалъ въ анализѣ германскаго нрава. Онъ долго жилъ въ Неа- полѣ, и вблизи изучалъ изумительное развитіе меломаніи въ

неаполитанцахъ. Кто-то еще сказалъ, что правитель, послѣдователь Макиавелли, легко могъ бы управлять южной Италіей посредствомъ трехъ словъ, начинающихся на *F*: *festi, farina, forsa* (праздники, мука, всѣхляца) — назначая первые для дворянства, вторую—для ладзери, третью—для усачей-либераловъ. Въ муку бывалъ недостатокъ, но праздники и всѣхляца никогда не переставали съ избыткомъ тѣшить неаполитанцевъ.

Праздники, основной и непремѣнный элементъ бурбонскаго *régime*, дѣлились на три разряда: были праздники священные, праздники придворные, и праздники мірскіе. Еще дѣлились они на пять главныхъ категорій: на духовныя празднества, неразлучныя съ чудесами святыхъ и неротехническаго искусства, на балы, на театры, на концерты и карнавалъ. Были парадные праздничные дни, въ которые, если король изволилъ танцовать во дворцѣ, то каждый вѣрный подданный недуховнаго званія и незамыгнутый подагрой, считалъ себя нѣкоторымъ образомъ обязаннымъ отпраздновать гдѣ бы то ни было. А въ послѣдніе дни карнавала, когда его величество въ маскарядномъ костюмѣ разѣзжалъ вдоль улицы Толедо, на раззолоченной колесницѣ, горстями рясочая направо и налево знами своей царственной щедрости въ видѣ сахарныхъ шариковъ, не долженъ ли былъ каждый преданный и благомыслящій подданный считать за честь получить въ лицо хотя одно изъ этихъ маленькихъ даришковъ въ память бомбардировки, избавившей Неаполь, престолъ и алтарь отъ чагубной заразы либерализма?

Въ провинціяхъ бонтошность заключалась въ рабскомъ подражаніи столичнымъ безобразіямъ.

Въ карнавалъ 1839 года, калабрійская молодёжь, отъ природы веселая и живая, но неизбѣгнувшая фатства, придававшаго искусственный лоскъ этому желѣзному вѣку, вся отдалась заботѣ о томъ, какіе костюмы избрать для предстоящихъ баловъ. Доменико не заставлялъ себя просить, чтобы каждый вечеръ бывать у насъ, гдѣ въ музыкѣ и танцахъ не было недостатка. Вѣдь не слушаютъ же обѣдни безъ органа, такъ какъ же провести вечеръ веселымъ кружкомъ безъ звуковъ фортепьяно? Мать моя замѣтила, что Доменико ухаживалъ за мной, и дѣлала мнѣ строжайшіе выговоры за то, что я поощряла его въ этомъ, вслѣдствіе чего только угадкой осмѣливалась поднимать на него глаза, и то удостовѣрившись, что мать занята гдѣ нибудь подальше. Эта контрабандная уловка, правда, нѣсколько возмущала мою совѣсть, но я не находила себѣ другого исхода. Доменико не позволялъ себѣ открыто приближаться ко мнѣ или приглашать меня на танцы. Эта деликатность, стоявшая ему большихъ усилій, казалась

наѣ върѣбнѣшимъ признакомъ истинной его любви ко мнѣ, и къ этому присоединилось еще другое наблюдение: онъ ни разу не произнесъ при мнѣ ни одного пошлаго слова любви, какъ это водится вообще. Мнѣ же опытомъ уже было доказано, что не всегда бываетъ искренна и прочна любовь, пылка въ своихъ выраженіяхъ. Въ послѣдній вечеръ карнавала къ намъ нѣхало множество масокъ, и онъ разбрелся по всѣмъ комнатамъ, такъ-какъ зала оказалась тѣсна. Вдругъ подходитъ ко мнѣ домино и, предлагая мнѣ конфеты, роняетъ что-то ко мнѣ на колѣни: это былъ небольшой свертокъ бумаги. Я тщательно спрятала его въ платѣ, и при первомъ случаѣ побѣжала въ свою комнату, гдѣ развернула его съ мыслью и надеждою, обращенными на Доменико. Тамъ была маленькая записка слѣдующаго содержанія:

«Люблю тебя, милая Эврикетта, люблю тебя! только обѣщая быть върной мнѣ и я клянусь, что ты будешь моею. Доменико».

Трепещущая, спрятала я записку за лифъ и, гордясь обладаніемъ этого неоцѣннагоклада, возвратилась къ гостямъ въ полной увѣренности, что во всей толпѣ не было женщины счастливѣе меня. Я застала Доменико стоявшимъ около двери одной изъ комнатъ, какъ будто для того, чтобы поправить на лицѣ маску. Мать моя, не узнавшая его подъ маской, разумѣется, была далека отъ подозрѣнія. Онъ остановилъ меня на порогѣ, схватилъ мою правую руку и, ставъ на одно колѣно, пламенно подолговалъ ее. Отчасти отъ волненія, отчасти отъ страха быть замѣченными, мы оставались безмолвными; я высвободила свою руку и убѣжала.

Нѣсколько дней спустя, дѣдъ Доменико пріѣхалъ къ моимъ родителямъ просить моей руки для своего внука. Они спросили, по какой причинѣ не самъ отецъ пріѣхалъ съ этой просьбой. На это дѣдъ чистосердечно отвѣтилъ, что отцу не нравится этотъ бракъ, такъ-какъ онъ имѣлъ намѣреніе женить сына на другой, но что онъ, дѣдъ, тронутый слезами внука, будущаго своего наследника, рѣшился на этотъ шагъ въ той надеждѣ, что и отецъ одумается и не откажетъ въ своемъ согласіи. Это не слишкомъ удовлетворительное объясненіе, къ которому присоединилась сильная антипатія матери моей къ Доменико, заставило родителей моихъ отвѣчать старнику, что безъ согласія отца этому браку не бывать, и что если съ этой минуты внукъ его осмѣлится подойти ко мнѣ, ему будетъ отказано отъ дому. Ни отецъ мой, ни мать не сообщили мнѣ объ этомъ посѣщеніи, и я узнала о случившемся черезъ одного пріятеля Доменико. Въ тотъ вечеръ онъ былъ очень печаленъ, но такъ великъ былъ его страхъ, чтобы ему не отказали отъ дому, что онъ всѣми силами избѣгалъ даже

глядѣть на меня. Въ слѣдующіе дни грусть его до того увеличилась, что его отецъ, думая развлечь сына отъ томившей его страсти, приказалъ ему собраться въ Неаполь. Доменнко поблѣднѣлъ, залился слезами и сталъ уррашивать, умолять отца, и чтобы вставить его отиѣнить роковое приказаніе, прибѣгнулъ ко всѣмъ средствамъ, какія могла внушить ему любовь. Но отецъ оказался неумолимымъ, такъ-что Доменнко, истощивъ нѣжнѣйшія просьбы, вскочилъ съ своего мѣста и, побѣжавъ въ свою комнату, заперся въ ней; два дня онъ отказывался отъ всякой пищи и вышелъ только получивъ отъ матери увѣреніе, что ему будетъ дозволено остаться въ Реджо.

Тогда только я снова встрѣтилась съ нимъ. Какъ онъ былъ блѣденъ, какъ исхудалъ! Но чистая любовь находитъ свою пищу въ огорченіяхъ, отраду въ самомъ горѣ, утѣшеніе въ слезахъ. Грустной улыбкой и взглядомъ я поблагодарила его за вынесенныя имъ изъ любви ко мнѣ страданія; онъ отвѣтилъ мнѣ такой же улыбкой, и мы предали горе наше забвенію:

Pieni dell'ineffabile dolcezza
D'un comune pensier, ch'altri non avesse.
(Исполненіе невыясимой сладостью общей
мысли, недоступной другимъ).

Одно тревожило меня: я неоднократно уже имѣла случай удостовѣриться, что Доменнко въ высшей степени склоненъ къ ревности. Если ктонибудь изъ молодыхъ людей, хоть бы на минуту садился около меня, или хоть разъ вполголоса обращался ко мнѣ съ самымъ невиннымъ замѣчаніемъ, этого достаточно было, чтобъ заставить его измѣниться въ лицѣ, а глаза его перейти отъ самаго нѣжнаго къ свирѣпому выраженію, въ то же время, какъ на устахъ его трепеталъ безмолвный упрекъ. При невозможности сообщать другъ другу наши мысли, такъ-какъ для меня крайне затруднительно было получать письма и, благодаря бдительности моей матери, еще затруднительнѣе отвѣчать на нихъ, эта черта его характера была для меня источникомъ постоянной пытки. Въ одинъ изъ этихъ несчастныхъ припадковъ ипохондріи, весьма обыкновенныхъ у калабрійцевъ, Доменнко схватилъ шляпу и нѣсколько дней не показывался больше. Его молодой пріятель и повѣренный все это время усовѣщевалъ его, доказывая неосновательность его подозрѣній и онъ, наконецъ, возвратился, чтобы объявить мнѣ о своемъ раскаяніи. Онъ сѣлъ на скамейку, на которую я опиралась ногами, и началъ развязно бесѣдовать со мной, въ той увѣренности, что присутствіе моей матери отстранить отъ него обвиненіе, будто онъ за мной ухаживаетъ. Но она давно искала предлога удалить его отъ меня, и нашла его

въ этомъ нарушеніи ея приказанія. По уходѣ его она послала мнѣ сказать, что ожидаетъ меня въ своей комнатѣ; я нашла ее лежавшею уже въ постелѣ.

Ея увѣщаніе показалось мнѣ безконечнымъ и жестокимъ. Она называла меня непослушной за то, что я упорствовала въ любви къ человѣку, котораго ни она, ни отецъ не хотѣли дать мнѣ въ мужа. Она сказала, что отъ ея наблюденій не ускользнула сосредоточенный, ревнивый нравъ Доменико, такъ же какъ и страданія, причиняемыя мнѣ этой ревностью, и въ заключеніе объявила, что пора все это кончить, такъ-какъ оба мы истощили ея терпѣніе. Въ смѣлости, съ которой онъ сѣлъ около меня, несмотря на ея запрещеніе, она видѣла удобный случай, чтобы прервать дальнѣйшій ходъ нашей *безумной любви*, поэтому я получила приказаніе не являться въ общество въ тотъ вечеръ, когда онъ бывалъ у насъ, сидѣть одна въ своей комнатѣ. Мнѣ была хорошо извѣстна непреклонность матери, и я, дрожа, пріютилась къ Джузеппинѣ, нетерпѣливо ожидавшей меня, чтобы узнать, чѣмъ кончилось наше свиданіе. Эта милая сестра была моимъ ангеломъ-утѣшителемъ. Видя, что ноги отказываются мнѣ служить, она усадила меня и осторожно сдѣлала мнѣ нѣсколько вопросовъ, но я не могла ей отвѣчать. Тогда она съ помощью горничной раздѣла меня и едва успѣла уложить въ постель, какъ со мною сдѣлался первый изъ тѣхъ нервныхъ припадковъ, которые съ тѣхъ поръ уже не оставляли меня и нерѣдко подвергали опасности мою жизнь. Мнѣ дали нюхать спиртъ; грудь моя стѣснилась, гортань усохла, страшный ознобъ заставлялъ меня подпрыгивать на кровати, и только часъ спустя слезы пробили себѣ дорогу и обиліемъ своимъ облегчили меня.

Отецъ мой, отличавшійся безпримѣрной кротостью, вполне предоставилъ жонѣ управленіе дочерьми и никогда не прекословилъ ея рѣшеніямъ, считая ихъ непогрѣшимыми. Такъ и въ этотъ разъ, узнавъ о случившемся, онъ утвердилъ приговоръ, исключавшій Доменико изъ нашего общества. Послѣдній же, ничего не знавшій, въ слѣдующій же вечеръ не преминулъ явиться къ намъ. Онъ замѣтилъ мое отсутствіе, но сначала подумалъ, что какое нибудь непредвидѣнное дѣло удерживаетъ меня въ другой комнатѣ. Между тѣмъ время шло, и не дождавшись меня, онъ началъ подозрѣвать истину и сильно смутился. Онъ подошелъ къ моему отцу, который, не бывъ способенъ къ невѣжливости, обошелся съ нимъ какъ всегда. Отъ него перешелъ онъ къ матери: его обдало холодомъ отъ строгости ея пріема, котораго онъ не замѣтилъ при входѣ своемъ въ залу.

Тревожно сталъ онъ выжидать случая подойти къ Джузеппинѣ, болтавшей въ ту минуту съ нѣсколькими подругами.

«— Не больна ли синьора Энрикетта? спросилъ онъ наконецъ, едва открылся ему доступъ къ сестрѣ.

«— Да, отвѣчала она коротко, пристально взглянувъ на мать.

«— Но вѣдь вчера она была совершенно здорова?

Сестра не отвѣчала. Послѣ нѣкотораго молчанія, Доменнико продолжалъ:

«— Какъ странно измѣнилась ваша матушка въ своемъ обращеніи со мной! Скажите мнѣ, синьорина—прошу васъ объ этомъ какъ о милости—не то ли причиной болѣзни вашей сестры, что я вчера вечеромъ на минуту присѣлъ возлѣ нея?

«— Кажется, что такъ.

«— Боже милостивый! значить, ваша матушка пріискивала предлогъ, чтобы удалить меня? Нашъ разговоръ былъ такъ невнятенъ, происходя притомъ въ ея присутствіи, что я не вижу другой причины, которой бы приписать мое несчастье. Пусть такъ, продолжалъ онъ со вздохомъ... Я болѣе не приду сюда. Пусть исполнится желаніе вашей матушки, но только ради-бога увѣрьте сестру, что ничто въ мірѣ не въ силахъ измѣнить мое сердце въ отношеніи къ ней.

Онъ всталъ, и ни съ кѣмъ не простясь, ни на кого не взглянувъ, поспѣшно вышелъ. Роковой вечеръ, погубившій мою жизнь! Послѣдствія его никогда не изгладятся изъ моей памяти.

Разлука могла только усугубить неистовую ревность Доменнико. Черезъ пріятеля своего онъ сообщилъ мнѣ, чтобы я ни съ кѣмъ не танцевала, если хотѣла дать ему залогъ моей вѣрности. Ничто не могло быть сообразнѣе съ моимъ настроеніемъ духа, и я дала требуемое обѣщаніе. Однажды вечеромъ я сѣла за фортепьяно во время кадрили.

«— Почему ты не танцуешь? гнѣвно спросила меня подошедшая ко мнѣ мать.

«— Я не такъ-то хорошо себя чувствую.

«— Полно, пожалуйста; ужъ не меня ли ты вздумала провести: знаемъ мы васъ; тутъ вѣрно кроется какая-нибудь прихоть твоего повлонника.

«— Увѣрю васъ...

«— Ты знаешь, что капризовъ я не терплю. Встань и танцуй.

Пришлось повиноваться, но послѣ танцевъ меня увели изъ залы въ состояніи, близкомъ къ безчувственности. Этими не ограничились гоненія противъ меня. Узнавъ, что Доменнико по дѣлнымъ ночамъ блуждаетъ около дома, чтобы наблюдать за нашими посѣтителеми и удостовѣриться, не имѣетъ ли онъ

между ними соперника, иѣ запретили подходить ко всѣмъ окнамъ, выходящимъ на улицу. Если такіа возрастающія притѣвленія довели до умопомраченія угрюмою страсть, безъ того уже нелюдымаго Доменико, то я съ своей стороны находилась въ одномъ изъ тѣхъ жестокыхъ положеній, изъ которыхъ нѣтъ возможности выпутаться невредимымъ. Въ это время случилось одно происшествіе, о которомъ не могу умолчать.

Мессина, какъ извѣстно — немаловажный городъ, отстоящій отъ Реджо на 12 миль и отдѣленный отъ него знаменитымъ проливомъ, одно имя котораго въ бурное время заставляеть блѣднѣть всякаго, даже самаго опытнаго лодмана. Каждый годъ этотъ городъ съ торжественными обрядами празднуетъ Успеніе Богородицы въ теченіе четырехъ дней, начинающихся 12-го и кончающихся 15-го августа. Праздникъ этотъ, представляющій поразительную смѣсь духовнаго и свѣтскаго элементовъ, христіанства и язычества, европейскихъ и индійскихъ нравовъ, приводитъ въ сильное движеніе населеніе окружающихъ мѣстечекъ и даже Калабріа. Два картонныхъ коня исполненныхъ размѣровъ, со всадниками-великанами, изъ того же матеріала, воздвигаются посреди площади архіепископскаго дворца. Затѣмъ два простолюдина надѣвають на себя шкуру верблюда, называемаго мессинцами, ужъ богъ-знаеть почему, *Beato* (блаженный), такъ—чтобы изобразить это четвероногое въ возможно-естественномъ видѣ. Верблюдъ подходитъ къ торговцамъ всякаго рода, которые въ разинутую пасть животнаго набожно опускають часть своего товара, и эти приношенія, собираемыя въ мѣшкахъ, ядуть на расходы по празднику. Но самая замѣчательная черта праздника состоитъ въ слѣдующей процессіи: взять по городу громадную махину; на ней скрытымъ механизмомъ приводятся въ кругообразное движеніе нѣсколько предметовъ, изображающихъ собой небесныя тѣла—солнце, луну, планеты, и прочее; еще вѣрнутся нѣсколько желѣзныхъ круговъ, внизу побольше, потомъ востепенно уже и уже, и такъ доверху. Махина эта испещрена украшеніями и пышнымъ убранствомъ; но то, къ чему она употребляется, напоминаетъ знаменитую агтернаутскую колесницу, или безобразными катакомбн друдовъ; при этомъ зрѣлищѣ сжимается сердце, и неслыханное варварство вырываетъ невольный вопль ужаса. Вотъ въ чемъ дѣло. Къ лучамъ, исходящимъ отъ солнца, луны и звѣздъ, и вокругъ упомянутыхъ круговъ, привязаны грудные младенцы, которыхъ на это истязаніе обрезають собственными ихъ матерн изъ-за нѣсколькихъ жалкихъ дукатовъ, выплаченныхъ распорядителемъ спектакля, чтобы они изображали собой ангеловъ и херувимовъ, окружающихъ возмощающую на небо

мадонну. Этихъ невинныхъ малютокъ, единственная вина которыхъ въ томъ, что они родились отъ безчеловѣчныхъ женщинъ и явились на свѣтъ въ недостаточно еще цивилизованный вѣкъ, снимаютъ съ роковыхъ коленъ мертвыми или полумертвыми, дѣлныхъ семь часовъ заставивъ ихъ провертѣться въ разныя стороны. По окончаніи праздничнаго шествія, или вѣрнѣе, жертвоприношенія, толпою сбѣгаются матери, съ воемъ и криками толкаютъ, давятъ другъ друга, въ своемъ общемъ нетерпѣніи удостовѣряться, живъ или нѣтъ младенецъ каждой изъ нихъ. Тогда начинается сцена другого рода, иногда оканчивающаяся кровопролитіемъ. Такъ-какъ во большому числу дѣтей, каждой матери нелегко узнать своего ребенка, то одна нерѣдко осматриваетъ вакого-нибудь младенца у другой, и возгласы ихъ смѣшиваются со стenanіями и плачемъ осиротѣвшихъ матерей, съ оглушительными насмѣшливыми криками присутствующихъ, съ визгомъ и свистками черни. Тѣ же изъ несчастныхъ изувѣротъ, которымъ приходится нести домой мертвaго ребенка, утѣшаютъ себя мыслью, что мадоннѣ приглянулся хорошенькій херувимчикъ, и что она взяла его съ собою въ райскую обитель. Успокоенныя этими убѣжденіями, онѣ пирують съ кумушками и сосѣдками до тѣхъ поръ, пока не спустятъ послѣдній сагіно изъ полученныхъ денегъ, ни чуть не сомнѣваясь, что патеры и ввередъ не откажутъ имъ въ вспоможеніи, въ память ихъ улетѣвшихъ на небо ангеловъ.

И такъ, приближалось время именно этого праздника — одного изъ проявленій бурбонской системы *трелл F*, о которыхъ была уже рѣчь. Родители мои и дѣлая компанія нашихъ знакомыхъ вздумали перебраться черезъ проливъ, посмотрѣть на праздникъ. Насъ собралось сорокъ человекъ, и было рѣшено, что всѣ мы устроимся въ Мессинѣ въ одномъ домѣ. Я была въ сильномъ волненіи, воображая, какъ должна была смутить Доменико вѣсть о предполагаемой поѣздкѣ, такъ-какъ въ нашей компаніи было нѣсколько молодыхъ людей, къ которымъ онъ ревновалъ меня несправедливо, но до безумія. Къ довершенію несчастія, между ними былъ одинъ, который, не вѣдая про нашу любовь, самому же Доменико довѣрилъ сердечную тайну о симпатіи, совершенно невольно внушенной ему мною. Едва Доменико узналъ о предстоящей *partie de plaisir*, какъ онъ предался испущенной ярости, и черезъ общаго посла передалъ мнѣ, что если я выйду изъ Реджо, онъ убьетъ себя. Напрасно пріятель его, Паоло, вразумлялъ его, что онъ требуетъ отъ меня того, что не въ моей власти, такъ-какъ невозможно допустить, чтобы родители мои согласились оставить меня дома одну, и чтобы я могла идти

противъ ихъ воли. Всѣми убѣдительноѣшими доводами уговаривать онъ его, обѣщая притомъ, что самъ во все время не отойдетъ отъ меня, и будетъ моимъ кавалеромъ во всѣхъ прогулкахъ, чтобы удалить всѣхъ другихъ. Сверхъ того, онъ поклялся ему, именемъ связывавшей ихъ дружбы, словомъ честнаго, благороднаго человѣка, что по нашемъ возвращеніи, онъ ему дастъ вѣрный отчетъ о поведеніи моемъ относительно воображаемыхъ соперниковъ. Отчасти успокоенный этимъ обѣщаніемъ, Доменико уѣхалъ въ Мессину нѣсколько ранѣ насъ, такъ что вѣзжая въ мессинскій портъ, я уже увидѣла его шагающаго вдоль набережной, въ ожиданіи меня. Онъ послѣдовалъ за нами издали, и узнавъ, гдѣ мы остановились, расположился въ одномъ сафѣ, изъ котораго, незамѣченный моею матерью, онъ могъ видѣть всѣ балконы обитаемаго нами дома. Паоло въ точности исполнилъ данное другу слово: онъ, такъ-сказать, поселился вовлѣ меня, сопровождалъ меня, какъ тѣнь моя, дѣлая изъ себя непроходимую преграду для всякаго, кто бы захотѣлъ приблизиться ко мнѣ. Я не знала, какъ дожидаться конца праздника, и думала объ одномъ — какъ бы эти четыре дня прошли благополучно. Къ несчастью, было суждено иначе.

Было девять часовъ вечера, какъ вдругъ Паоло объявилъ мнѣ, что долженъ удалиться на нѣсколько мгновеній, чтобы сдѣлать какую-то необходимую покупку.

«— Послѣдите, Паоло, ради-бога, сказала я. — Вѣдь вы знаете, что въ десять часовъ мнѣ придется идти со всей компаніей въ биржевой балаццо.

«— Знаю, возразилъ онъ: — но у насъ еще цѣлая часть впереди, а мнѣ нужно только нѣсколько минутъ.

Съ этими словами, онъ ушелъ. Едва только успѣлъ онъ сойти съ лѣстницы, какъ мать моя приказала мнѣ и Джузеппинѣ приготовиться идти гулять.

«— Но, сказала я: — что же мы будемъ дѣлать до десяти часовъ, когда намъ нужно быть на биржѣ?

«— А погуляемъ по городу, полюбуемся иллюминаціей.

«— Но вѣдь мы не всѣ собрались, замѣтила я: — недостаетъ еще кое-кого изъ нашей компаніи.

«— Догонять, отвѣчала мать, тономъ, недопускающимъ возраженій.

Я замолчала, и медленно занялась нужными приготовленіями, въ надеждѣ, что Паоло возвратится въ время, чтобы подать мнѣ руку. Мать моя, Джузеппина и другіе были уже готовы, и ждали меня, когда я присоединилась къ нимъ. Я оторвала пуговку отъ верчатки, и просила потерпѣть еще минуту, пока пришью ее.

«— Ненужно! сердито крикнула мать:— вотъ тебѣ булавка, ободѣшься и безъ пуговики.

Я взяла булавку, и пошла съ остальнымъ обществомъ, тревожно оглядываясь по сторонамъ, и все еще надѣясь, что подоспѣетъ Паоло. Вдругъ меня заставилъ вздрогнуть голосъ, говорившій мнѣ:

«— Синьорина, такъ-какъ вашъ кавалеръ въ отсутствіи, то не примете ли вы мою руку, вмѣсто его руки?

Я подняла глаза — это былъ тотъ самый молодой человекъ, который избралъ Доменико повѣреннымъ своей симпатіи ко мнѣ... Вотъ была минута! Какъ тутъ было отказаться? Я колебалась и помышляла уже о рѣзкомъ отказѣ, когда увидѣла мать мою, пристально глядѣвшую на меня; при томъ еще нѣсколько лицъ слышали сдѣланное мнѣ предложеніе. Възливость, замѣшательство, страхъ одолѣли меня. Я вполонину предоставила свою руку докучливому кавалеру, и безмолвно пошла рядомъ съ нимъ, едва опираясь на него, точно боялась заразиться.

На первомъ же поворотѣ, несмотря на страшную давку, кого я увидѣла передъ собой? Конечно, Доменико. Онъ шелъ мнѣ на встрѣчу. Блѣдность мертвеца едва-ли сравнится съ блѣдностью, покрывавшей его лицо: онъ имѣлъ видъ разъяреннаго вампира. Онъ свирѣпо косился на моего кавалера, и обративъ на меня свои ужасные глаза, сдѣлалъ шагъ впередъ, какъ будто для того, чтобы повалить меня на землю, и бормоталъ невнятные слова. Я громко вскрикнула. Уличный шумъ, по счастью, заглушилъ мой голосъ. Между тѣмъ, толпа раздѣлила насъ, а такъ-какъ мы шли въ противоположныя стороны, то мы и не встрѣчались болѣе. Но это не уняло моего испуга; напротивъ, зная необузданность характера моего поклонника, я боялась, чтобы онъ не возвратился съ какимъ-нибудь оружіемъ и не посягнулъ на жизнь мою или моего бѣднаго кавалера.

Только дойдя до биржи я нѣсколько успокоилась. Войдя въ главную залу, я вполголоса отозвала Паоло на балконъ и рассказала ему все происшедшее. Онъ очень огорчился и тотчасъ же побѣжалъ вслѣдъ за своимъ другомъ, общая уладить дѣло и убѣдить его въ моей невинности. Кто испыталъ любовь—легко пойметъ, каково было мое положеніе. Я нѣжно и преданно любила Доменико, съ величайшимъ вниманіемъ избѣгала подавать ему малѣйшій поводъ къ ревности, а между тѣмъ я же въ глазахъ его казалась легкомысленной и непостоянной женщиной.

Наконецъ, настала зоря, любимый часъ огорченныхъ любовниковъ, и прислуга занялась приготовленіями для нашего возвращенія домой. Нѣсколько часовъ спустя мы были уже въ Реджо. Въ этотъ вечеръ Паоло явился ранѣе обыкновеннаго. На взглядъ

мой, спрашивавшій его, видѣлся ли онъ съ Доменико, онъ отвѣчалъ утвердительно легкимъ наклоненіемъ головы. Нѣсколько нѣгода онъ мнѣ разсказалъ, что ярость, овладѣвшая его другомъ, внушила ему сумасбродную, отчаянную выходку. Рѣшивъ разъ на всегда прервать всякія сношенія со мной, онъ тогда же обѣщаль отъду своему безотлагательно уѣхать въ Неаполь. Слово было уже дано, воротить его не было возможности. Однакоже строгіе упреки Паоло и факты, приведенные имъ въ мое оправданіе, имѣли благотворное вліяніе на душу Доменико, и онъ уже былъ готовъ раскаяться въ своемъ поступкѣ, сдѣланномъ въ минуту безумной ярости. Я встала, не бывъ въ состояніи совладать съ своимъ волненіемъ при словахъ Паоло, и отойдя въ сторону, нѣсколько мгновеній предалась размышленію. Затѣмъ, снова призвавъ на помощь измѣнявшую мнѣ энергію, возвратилась къ мѣсту, занимаемому мной возлѣ моего повѣреннаго.

«— Попрошу у васъ еще одну послѣднюю услугу, сказала я твердо.— Повидайтесь еще разъ съ Доменико, единственно затѣмъ, чтобы заявить ему отъ моего имени, что оскорбленная сторона въ этомъ дѣлѣ — я; онъ можетъ ѣхать или оставаться, какъ ему угодно; мнѣ до этого нѣтъ болѣе дѣла, потому что я сознаю себя неповинной въ томъ, что онъ мнѣ приписываетъ. Желаю ему найти въ Неаполѣ женщину, болѣе вѣрную чѣмъ я!

Съ этой минуты я не отступала отъ принятаго рѣшенія и, сильная своей невинностью, показывала видъ, что хочу совершенно удалиться отъ Доменико; но онъ, искренно раскаявшись, уже возвратился къ обычнымъ своимъ прогулкамъ подъ моими окнами.

Такъ настало воскресенье, а день, назначенный для его отъѣзда, былъ вторникъ. Какъ я уже сказала, въ нашемъ домѣ были маленькіе хоры, выходившіе въ церковь с. Агостино. Когда я пришла туда, чтобы слушать обѣдню, я увидѣла Доменико, стоявшаго прямо напротивъ меня. Любовь, неугасшая въ моемъ сердцѣ, несмотря на всѣ мои усилія, заставила меня обратить свои взоры на него. По окончаніи обѣдни я хотѣла удалиться, но имѣла слабость остаться, когда онъ патетичными знаками сталъ просить меня объ этомъ. Когда въ церкви никого не осталось, онъ подошелъ къ рѣшеткѣ и, сложивъ руки, съ умоляющимъ видомъ проговорилъ:

«— Прости, я былъ въ бреду.

Я взглянула на него: выраженіе лица его могло бы обезоружить самый сильный гнѣвъ. Со слезами на глазахъ я отвѣчала ему:

«— Жестокій! послѣ-завтра ты ѣдешь, оставишь меня, и про-
свишь о прощеніи!

«— Этимъ священнымъ мѣстомъ, въ которомъ намъ привелось
встрѣтиться еще разъ, продолжалъ онъ:—влянусь, что черезъ мѣ-
сяцъ я возвращусь къ тебѣ, вопреки приказаніямъ отца моего,
которому хотѣлось бы удалить меня на цѣлый годъ.

«— Принимаю твою клятву, и съ этимъ условіемъ забываю все.
Легкій кашель возвѣстия намъ, что кто-то вошелъ въ церковь.

«— Прощай, сказалъ Доменико.

«— Прощай, повторила я едва слышнымъ отъ волненія голосомъ.
Онъ удалился, прошелъ сзади алтара, и у задней двери цер-
кви еще разъ обернулся и сказалъ:

«— Не измѣни же.

Измѣнить ему! Теперь, когда онъ мнѣ возвращаетъ любовь свою,
какихъ еще благъ могла бы я желать?

IV.

Сиротство.

Послѣ того, какъ мы помирились, страсть вспыхнула съ но-
вой силой въ нашихъ сердцахъ. Въ понедѣльникъ Доменико нѣ-
сколько разъ проходилъ подъ моими окнами. Я различала его
шаги, и каждый разъ, какъ я могла это сдѣлать незамѣченна
матерью, подбѣгала къ окну, чтобы обмѣняться съ нимъ при-
вѣтомъ. Около полуночи намъ удалось проститься еще разъ.

Я уже цѣлый часъ металась въ постели, ни разу не сомнувъ
глазъ, какъ вдругъ меня испугалъ глухой подземный грохотъ;
я подняла голову—она у меня закружилась. Я попробовала състь
на кровать—сильный толчокъ, повалившій меня на подушки, уяс-
нилъ мнѣ, въ чемъ дѣло: это было землетрясеніе. Отъ скрипа и
треска оконъ и дверей, отъ трезвона колокольчиковъ, всѣ про-
снулись. Джузеппина соскочила съ кровати; шатаясь, послѣдовала
я ея примѣру, и мы виѣстъ побѣжали въ комнату родителей,
уже собиравшихся къ намъ, чтобы велѣть намъ наскоро одѣтъ-
ся и сойти на главную площадь, находившуюся въ нѣсколькихъ
шагахъ отъ нашего дома. Мать моя держала на рукахъ одну изъ
моихъ маленькихъ сестеръ, я схватила другую, и только выйдя
уже на улицу, отдала ее кому-то изъ прислуги, чтобы привести
въ нѣкоторый порядокъ мою одежду. Волоса мои были необык-
новенно длинны, и распутившіяся отъ быстрой ходьбы кудри
въ беспорядкѣ распались по моимъ плечамъ. Вдругъ кто-то
слегка дернулъ меня за волоса; я обернулась — это былъ Доме-
нико; онъ тихо прошепталъ мнѣ на ухо:

«— Благословляю землетрясеніе, доставляющее мнѣ счастье еще разъ увидать тебя, еще разъ проститься съ тобой!

«— Ты скоро вернешься?

«— Да, милая; я пробуду въ Неаполѣ не болѣе мѣсяца.

Твердость, съ которой онъ произнесъ это обѣщаніе, представляла замѣчательный контрастъ съ колебаніемъ земли подъ нашими ногами. Изъ домовъ со всѣхъ ногъ выбѣгали жители. Трескъ валившихся съ крышъ трубъ, вопли и громкія молитвы черни, вой собакъ, нѣшіе нѣтуховъ—все это наполнило воздухъ оглушительнымъ шумомъ; даже птицы, перенуганныя внезапной катастрофой, оставили свои гнѣзда и тревожно летали надъ нашими головами, издавая жалобные крики. Словомъ, то была такая сцена общаго искуга, перенелоха и опустошенія, которая никогда не взглянется изъ моей памяти.

Доменико подошелъ къ моему отцу, поклонился ему и былъ ласково принятъ имъ, вслѣдствіе чего разговоривалъ съ нимъ около часа, въ теченіе котораго одинъ подземный ударъ смѣнился другимъ. Такъ-какъ онъ долженъ былъ ѣхать еще до восхода солнца, а востокъ уже зардѣлся, ему надо было оторваться отъ насъ; онъ взялъ мою руку, нѣжно пожалъ ее, а руку отца моего почтительно поцаловалъ. Проходя мимо моей матери, онъ ей поклонился. Она подозвала его.

«— Правда ли, сивборъ Доменико, что вы собираетесь уѣзжать?

«— Черезъ полчаса самусь на корабль. Я уѣзжаю изъ повиновенія отцу; но съ божьей помощью, возвращусь не позже мѣсяца. Тогда, съ его согласія, или безъ него, я, черезъ дѣда, снова буду просить у васъ руки вашей дочери, и полагаю, что вы не рѣшитесь отказать мнѣ въ ней, такъ-какъ должны же вы были убѣдиться, что ничто до сихъ поръ не могло уменьшить нашу взаимную и пламенную любовь.

«— Хорошо, отвѣчала мать:—послѣ вашего возвращенія поговоримъ объ этомъ.

Она протанула ему руку, и онъ поднесъ ее къ губамъ, и сказалъ.

«— *Caro madre*, не будьте безжалостны!

Она улыбнулась ему, онъ просіялъ и удалился... Какъ тяжелы эти воспоминанія!

Слезы струились по моимъ щекамъ, и напыль чувствъ лишили меня возможности говорить. Глазамъ поручила я сказать за меня то, что языкъ мой отказывался произнести. Мы глядѣли другъ на друга, пока это было возможно, и когда онъ скрылся изъ глазъ, я еще могла вслушиваться въ шумъ его удалявшихся шаговъ.

Надо предполагать, что въ жизни каждаго человѣка есть ка-кой нибудь роковой день, какое нибудь зловѣщее событіе, съ котораго беретъ свое начало безостановочный рядъ бѣдствій. При моемъ рожденіи, видно, было написано, что роковой часъ моей жизни пробьетъ въ ту ужасную ночь, въ которую разъяренными стнхін грозили погибелью Реджо и другимъ городамъ Калабріи. До того времени я не испытала много горя, кромѣ горя, причиннаго дѣйственной любовью; а кто не знаетъ, съ какими сладостными минутами чередуются подобныя огорченія? Но съ этой поры, я не знаю уже радости; небо омрачилось для меня со всѣхъ сторонъ, самый смѣхъ мой утратилъ свою звонкость; съ этой поры начинается моя печальная повѣсть. *Inde lachrymae!*

Воскъ возобновленія землетрясенія, мы возвратились домой только въ утро шестого дня, и то не потому, чтобъ исполнѣ миновалась опасность, но отецъ мой, семидесятилѣтній старецъ, не внесъ бы неудобствъ дальнѣйшаго бивака: онъ и безъ того уже страдалъ общими разстройствомъ здоровья. Я любила его нѣжно, боготворила его, можно сказать; любила я его болѣе, нежели мать, и не безъ причины. Есть родители, которые, не довольствуясь тѣмъ, что въ сердцахъ питаютъ несправедливое предпочтеніе къ которому нибудь изъ дѣтей своихъ, еще на столько бываютъ неосторожно, что нисколько не скрываютъ его въ семействѣ. Мать моя (прискорбно мнѣ помянуть ее этимъ!) не сумѣла охранить себя отъ этой слабости, и не считала нужнымъ маскировать ее, хотя бы изъ жалости къ менѣ любимымъ изъ своихъ дѣтей. Я не была въ числѣ ея фаворитокъ, и не было дня, чтобы не убѣждали меня въ томъ новца, явныя доказательства. Отецъ же мой вознаграждалъ меня за скудность ея любви ко мнѣ, удвоивъ свою нѣжность.

Однажды вечеромъ—это было 21-го сентября—я сидѣла за фортепьяно и пѣла арію изъ Нормы, стараясь развлекать отца его любимой оперой, какъ вдругъ я услышала его вздохъ. Полагая, что его встревожила мимолетная, неприятная мысль, я продолжала свое пѣніе. Другой вздохъ, а за нимъ тихая молитва скоро долетѣли до моего слуха. Я вскочила, и подойдя къ нему, спросила, чѣмъ онъ такъ встревоженъ?

«— Я не встревоженъ, отвѣчалъ онъ:—только мнѣ нездоровится и мнѣ жаль, что я не могу везти васъ сегодня въ театръ.

«— Чтò вы говорите, есть о чемъ жалѣть! Вотъ вамъ и ленты полетѣли изъ моихъ волосъ!

При этихъ словахъ я бросила свой головной уборъ на стулъ. Я позвала Джузеппину и мать. Старикъ сказалъ женѣ, что онъ чувствуетъ себя очень плохо уже съ полудня и считаетъ свои

страданія предвѣстниками близкой смерти. Съ надрывающимся сердцемъ отвели мы его въ его комнату и послали за докторомъ. На слѣдующій день собрался консилиумъ и объявлялъ, что у больного воспаленіе въ кишкахъ. На четвертый день доктора потеряли всякую надежду, а на седьмой объявили, что всё усилія ихъ тщетны и что пора позаботиться о доставленіи больному послѣднихъ утѣшеній религіи.

Никто вполнѣ не воиметъ силы моего горя, моего отчаянія, кромѣ тѣхъ сиротъ, котормя лишались такого отца, на котораго исключительно возлагали всё свои надежды въ настоящемъ и будущемъ. Погребальныя факелы, озаряющіе похороны такого отца, бросають на будущность сироты такія мрачныя отраженія, что никакое солнце не въ силахъ разсѣять ихъ.

Когда отецъ мой былъ соборованъ, мы снова вошли въ его комнату. Мы нашли его лежащимъ на правомъ боку, спиной къ двери. Лицо мое было обезображено слезами и присутствующіе сдѣлали мнѣ знакъ, чтобъ я не подходила къ больному; я сѣла около двери, съ трудомъ сдерживая рыданія. Въ комнатѣ царствовало мрачное молчаніе, прерываемое только тяжелымъ дыханіемъ отца. Вдругъ его полусанкриты вѣки поднялись и онъ почти крикнулъ: «Эриккетта!» Я подошла къ постели, но онъ уже былъ въ безпамятствѣ. Нѣсколько спустя, онъ попытался привстать и снова и еще громче позвалъ меня.

«— Я адѣсь, сказала я:— я здѣсь. Что угодно тебѣ, мой драгоценный отецъ?»

Онъ взглянулъ на меня пристально потухающими, но исполненными нѣжности глазами, память о которыхъ вѣчно останется при мнѣ; потомъ спросилъ:

«— Зачѣмъ ты оставляешь меня?»

«— Я около тебя, отвѣчала я задыхающимся отъ рыданій голосомъ.»

«— Знаешь ли ты, что я причастился св. тайнъ? спросилъ онъ еще.»

«— Знаю.»

«— Я чувствую, что миръ сошелъ въ мою душу, продолжалъ онъ:— одно только смущаетъ мою кончину, и это— твоя будущность... Что станется съ тобою, бѣдное дитя мое?»

Пророческія слова, вездѣ на всякомъ шагѣ представавшія мнѣ вѣдствія, въ теченіе моей горестной жизни!

На слѣдующій день онъ впалъ въ агонію. Въ одну изъ немногихъ свѣтлыхъ минутъ онъ подозвалъ мою мать и сказалъ ей едва слышимымъ голосомъ:

«— Тереза, уведи этихъ бѣдныхъ дѣтей; гляди на нихъ, у ме-

ни сжимается сердце. Они лишаются отца, не найдя еще себя мужа, который бы служил имъ покровителемъ и опорой. Въ эти послѣднія минуты, я долженъ думать только о благости провидѣнія и предоставить ему попеченіе о всемъ остальномъ.

По знаку матери мы приблизились къ постели и всѣ преклонили колѣна. Онъ благословилъ насъ дрожащими руками, поглядѣлъ на каждую изъ насъ порознь, и снова закрылъ глаза. Къ вечеру духовникъ его, грустный, вошелъ въ нашу комнату и молчаніе его возвѣстило намъ, что у насъ не было болѣе отца.

V.

МОНАСТЫРЬ.

Марія-Тереза Австрійская, вторая жена короля, тогда только что произвела на свѣтъ маленькаго принца Лунджи, графа трантскаго. Это счастливое событіе было приказано отпраздновать трехдневными увеселеніями. Въ эти три дня нельзя было приступить къ погребенію отца моего, которое должно было происходить со всѣми почестями, подобающими его званію и чину. Поэтому нужно было бальзамировать его тѣло и дождаться окончанія праздника.

Видѣть съ отцомъ у насъ были отняты всѣ средства къ жизни. Оставалось только прибѣгнуть къ королю, чтобъ напомнить ему о заслугахъ отца и такимъ образомъ выхлопотать матери пенсію. Для этого пришлось оставить непогребенные еще останки отца на попеченіе его двухъ зятей; мы со слезами обняли замужнихъ моихъ сестеръ, также какъ и малютокъ, мирно спавшихъ въ своемъ блаженномъ невѣдѣніи, и уѣхали въ столицу — я, Джузеппина и мать, заливаясь горькими слезами, рано утромъ 29-го числа того же сентября. Поѣздка совершилась благополучно. Черезъ двадцать-семь часовъ послѣ нашего отплытія, мы уже расположились въ меблированной квартирѣ въ улицѣ Толедо.

Возвратимся къ Доменико.

Наше домашнее горе неожиданно соединило меня съ нимъ. Но нашъ отъѣздъ былъ такъ внезапенъ, что онъ не могъ еще узнать отъ Паоло путемъ почты о бѣдствіи, постигнувшемъ насъ. На другой день нашего приѣзда, мы съ Джузеппиной сидѣли у балкона. Она первая различила Доменико въ толпѣ. Мы распростили балконъ и вышли на него, чтобы привлечь его взгляды. Послѣ смерти отца моего, мои мысли останавливались на Доменико, какъ на якорь спасенія. Онъ увидалъ насъ, и не вѣря глазамъ своимъ, остановился глядя на насъ и въ недоумѣніи рассматри-

вѣя насъ: наши траурныя платья приводили его въ глубокое взуленіе. Въ эту минуту вышла и мать, и онъ изъ ея присутствія вѣнилъ, что судьба похитила у насъ отца. Войти въ сабѣ, вырвать листокъ изъ своей памятной книжки и послать къ нашей матери записку, въ которой онъ просилъ у нея дозволенія лично освѣдомиться о насъ—все это было дѣломъ одной минуты.

При видѣ его я не могла удержаться отъ слезъ; онъ былъ расстроганъ не менѣе насъ. Онъ долго пробылъ съ нами, и, уходя, сказалъ, что наше несчастье не могло измѣнить его чувства къ мнѣ, что, напротивъ того, онъ считаетъ его достаточной причиною, чтобы ускорить нашу свадьбу; что какъ только мы устроимъ свои дѣла и возвратимся въ Реджо, онъ послѣдуетъ за нами, чтобы исполнить формальности, требуемыя закономъ, въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія его отца. Послѣ такихъ увѣреній, мать моя разрѣшила ему приходить къ намъ каждый вечеръ.

Прошло много дней, пока мы добились аудиенціи у короля; наконецъ онъ принялъ насъ и назначилъ матери пенсію. Съ другой стороны Джузеппинѣ было сдѣлано предложеніе. Это обстоятельство замедлило наше возвращеніе въ Реджо, такъ-какъ приготовленія къ свадьбѣ дѣлали необходимыми присутствіе моей матери въ Неаполѣ. Была уже половина ноября, а свадьба не могла совершиться до января.

Однажды вечеромъ Доменнико явился блѣдный и разстроенный. На вопросъ мой, что его такъ смутило, онъ показалъ мнѣ письмо его отца, приказывающее ему немедленно воротиться въ Реджо. Чтобы принудить его къ послушанію, отецъ отказывалъ ему въ денежной поддержкѣ, а такъ-какъ онъ не имѣлъ никакихъ собственныхъ средствъ, то ему волей-неволей надо было ѣхать. Онъ такъ и сдѣлалъ. Два дня спустя, обмѣнявшись со мной самыми пламенными клятвами въ вѣрности, онъ отправился, обѣщая каждую недѣлю писать къ моей матери. Увы! во второй разъ раздѣляла насъ судьба! «Когда-то еще свидѣмся?» думала я, отпуская его...

Мы провели много дней, посѣщая родныхъ, незваныхъ о нашемъ приѣздѣ прежде, и принимая ихъ посѣщенія. Чаще всѣхъ бывалъ у насъ генералъ Саллуцци, сестра котораго была вдовой князя Форнино, старшаго брата отца моего. Онъ принималъ живое участіе въ насъ и дѣлахъ нашихъ. Три мои тѣтки, бенедиктинскія монахини, изъ которыхъ двѣ жили въ монастырѣ св. Григорія Армянскаго, тоже оказывали намъ большое расположеніе. Онѣ были чрезвычайно похожи лицомъ на горячо оплакиваемого моего отца, брата ихъ, только старше его: имъ всѣмъ было подъ 80 лѣтъ. Увезенная семи лѣтъ изъ столицы, я не

знала никого изъ нашихъ родныхъ; въ Неаполѣ все мнѣ было ново. Одна изъ этихъ тетень, та самая, имя которой было дано мнѣ, была аббатиссой въ монастырѣ св. Григорія Армянскаго.

Между тѣмъ Доменико уже нѣсколько разъ писалъ къ моей матери, въ каждомъ письмѣ увѣряя ее, что онъ на сколько нибудь водвинулъ дѣло нашего желаннаго брака; отецъ его еще противился, но видно было, что ему не устоять противъ молений сына и влиятельнаго ходатайства дѣда. Впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ его словъ ясно было, что продолжительное мое отсутствіе снова разшевелило въ немъ демона ревности. Наконецъ, мы получили письмо, съ припиской ко мнѣ, слѣдующаго содержания:

«Милая Эириветта, воздухъ Неаполя нездоровъ для любви. Знаю обаяніе этого города, я не могу быть спокоенъ на счетъ тебя. Возвращайся скорѣе, если любишь меня истинной любовью... Если же, по полученіи этихъ строкъ, ты не согласишься послѣдовать за мной сюда, то я буду считать себя освобожденнымъ отъ моихъ клятвъ тебѣ».

Прочитавъ эти слова, мать моя пришла въ ярость, и не позволяла мнѣ отвѣчать ни одной строки, не принимая во вниманіе раздражительный и подозрительный нравъ Доменико, она схватила перо и написала слѣдующій отвѣтъ:

«Signore, вы берете на себя предписывать моей дочери законы, еще не имѣя на то никакого права; она не ваша, и никогда не будетъ вашей. Пусть съ этой минуты между вами не будетъ болѣе рѣчи о бракѣ».

Мои мольбы, мои слезы опоздали — письмо было уже отправлено. Доменико болѣе не писалъ... Однако, въ глубинѣ души моей была еще надежда, что по возвращеніи моемъ въ Реджо, любовь его снова оживетъ, если только ревность не убила ее окончательно своимъ леденящимъ дуновеніемъ. Но было суждено иначе. Я ласкала себя свѣтлыми надеждами, въ ту самую минуту, какъ подъ моими ногами разверзлась бездна.

Приближалось рождество. Свадьба Джузеппины должна была быть отпразднована домашнимъ образомъ — втораго числа января. Однажды утромъ, мать моя объявила, что ей нужно уѣхать одной, по крайне свѣшнымъ дѣламъ, но что она надѣется пробыть въ отсутствіи недолго. Дѣйствительно, черезъ часъ она возвратилась. Я взглянула на нее: она повзала мнѣ почти веселой, изъ чего я заключила, что ея «свѣшное дѣло» имѣло благоприятный исходъ. По правдѣ сказать, меня это даже встревожило, такъ какъ я подумала, не хочетъ ли она безъ моего вѣдома пристроить меня, и нѣтъ-ли у нея въ виду жениха для меня, что оконча-

Видно бы раздѣлило меня съ моимъ возлюбленнымъ. Едва успѣло пройти нѣсколько дней послѣ этой таинственной поѣздки матери, какъ однажды, въ восемь часовъ утра, у насъ раздался звонокъ. Дювюшка не было дома; я отперла дверь. Дѣвушка, въ которой узнала горничную тѣтки моей аббатиссы, принесла мнѣ въ подарокъ конфеты на подносѣ. Сначала видъ этого подарка немного смутилъ меня: мнѣ представилось, что это, можетъ быть, вступленіе къ какому нибудь сватовству—зная, что такъ принято у ивогихъ. Но узнавъ служанку тѣтки, я успокоилась и вздохнула свободнѣе.

«— Не вы ли синьора Энрикетта? спросила она.

«— Я самая, отвѣтила я.

«— Синьора аббатисса, ваша тѣтка, велѣла кланяться вамъ...

«— Благодарю; поклонитесь и ей отъ меня.

«— И сказать, что капитулъ единодушно рѣшилъ принять васъ въ монастырь.

«— Принять меня!... Меня! Голубушка, вы ошибаетесь, возразила я, смѣясь отъ души.

«— Да, синьора, васъ; я не ошибаюсь — нисколько. Васъ просятъ придти сейчасъ же поблагодарить монахинь, и сговориться о днѣ вашего вступленія въ монастырь.

Мать моя, видя, что я не тотчасъ возвращаюсь, въ эту минуту выходила посмотрѣть, съ кѣмъ я разговариваю у двери, и успѣла услышать послѣднія слова горничной. Понимая, что извѣстіе это, столько же неожиданное, сколько и ужасное для меня, должно меня ошеломить и даже отнять у меня способность говорить, она выступила впередъ.

«— Хорошо, хорошо, сказала она, отодвигая меня рукой: — передай моей сестрѣ душевную мою благодарность, и скажи, что новую монашенку привезутъ къ ней сегодня же.

При этихъ словахъ, она заперла дверь, и взявъ меня за руку, сбѣжавшуюся холоднѣе мрамора, отвела въ спальню. Еслибъ меня поразила молнія, то ударъ не былъ бы ужаснѣе. Я разразилась отчаянными рыданіями, упала ницъ на диванъ, залила подушку слезами, потомъ бросилась на шею къ матери, умоляя ее о пощадѣ. Она же, невозмутимая на видъ, хотя и нѣсколько взволнованная, протянула руку къ моимъ глазамъ, и стала вытирать ихъ платкомъ. Затѣмъ, серьезнымъ тономъ и крѣпкими словами, которыя до сихъ поръ звучатъ въ ушахъ моихъ какъ смертный приговоръ, она объяснила мнѣ, что была вынуждена опредѣлить меня въ монастырь, какъ скудностью своихъ денежныхъ средствъ, такъ и моей любовью къ Доменико.

«— Тѣтки твои, прибавила она: — богаты; отдавая тебя на руки

къ нимъ до тѣхъ поръ, пока я начну получать свою пенсію, я облегчу себя. Притомъ, я увѣрена, что монастырская тишина будетъ значительно способствовать къ успокоенію твоего сердца, возмущеннаго безумной страстью... Если же, черезъ два мѣсяца, ласкамъ монахинь не удастся искоренить изъ твоего сердца отвращеніе къ монастырю, я обѣщаю снова взять тебя къ себѣ. Теперь я не могу пока отступить отъ своего слова, такъ-какъ уже былъ собранъ капитулъ, и рѣшилъ въ твою пользу.

«— Маменька! воскликнула я, бросааясь къ ея ногамъ, и судорожно обнимая ея колѣни. — Маменька! изъ жалости, не запирайте меня въ монастырь! При одномъ названіи монастыря, меня беретъ отчаяніе!

Она быстро встала, высвободилась отъ меня, и строгимъ голосомъ сказала:

«— Отецъ твой не оставилъ тебѣ ни приданаго, ни опекуна; въ судьбѣ твоей воляна я одна... Законы божескіе и человѣческіе одинаково обязываютъ тебя къ повиновенію, и, видать Богъ, ты исполнишь мою волю!

Какъ послѣдній протестъ, я заглушила рыданія, и не сказала болѣе ни слова. Къ тому же, всякое дальнѣйшее возраженіе было бы бесполезнымъ. Если при Бурбонахъ, завѣтнымъ божествомъ ораторовъ и философовъ былъ богъ молчанія, то къ кому, какъ не къ нему могла прибѣгнуть бѣдная, безпомощная, и еще несовершеннолѣтняя сирота?

Вида меня безмолвной, неподвижной какъ статую, со сложными руками, съ обращенными къ небу глазами, съ глубокимъ уныніемъ, изображавшимся во всякой моей чертѣ, матери, видно, жаль стало своего ребѣнка; голосъ ея смягчился; она подошла ко мнѣ, и глядя рукой мои вьющіяся локонами кудри, стала уговаривать меня съ большей кротостью, словами болѣе сообразными съ материнской любовью. Она говорила, что монастырь— не тюрьма, какъ вообще думаетъ это свѣтъ, а напротивъ— спасительное убѣжище, безпорочный пріютъ, гдѣ души, возвысившіяся надъ мірской суетой, или испившія чашу разочарованія, находятъ атмосферу, никогда неоскверняемую пагубнымъ дурновеніемъ страстей, никогда невозмущаемую мірскими бурями. Притомъ, продолжала она, эти пріюты изобилуютъ не только духовными утѣшеніями, но и всѣми удобствами богатой жизни, и даже утонченностями и приличными удовольствіями высшаго свѣта. Еслибъ было иначе, то какимъ образомъ опредѣлялись бы туда столько сотенъ молодыхъ дѣвушекъ, самаго знатнаго происхожденія и имѣющихъ значительное приданое? Да, наконецъ, утѣшала меня мать, мое вступленіе въ монастырь должно было быть

только двухмѣсячнымъ испытаніемъ, послѣ котораго, если я сама захочу, ничто не помѣшаетъ мнѣ возвратиться на волю, чтобъ воспользоваться свободой по моему усмотрѣнію. — Это и многое еще говорила мнѣ мать.

Она думала везти меня въ монастырь въ тотъ же день, но на мои опухшіе отъ слезъ глаза страшно было смотрѣть, и пришлось отложить поѣзду. На другой день, вида, что ей не дождаться конца моихъ слезъ, она велѣла мнѣ приготовиться ѣхать... Бѣдная Джузеппина! Она меня одѣла, мнѣ же было не до того... Мать то бранила меня за малодушіе, то утѣшала, говоря:

«— Да будь же увѣрена, что черезъ два мѣсяца я за тобой приѣду.

Умыло вышла я изъ кареты у воротъ монастыря, и плакала, поднимаясь на первую лѣстницу, которая вела на вторую, такъ-называемую лѣстницу затворничества, «della clausura». Отворяя намъ дверь, привратница позвонила въ колокольчикъ, чтобы предупредить общину, что нареченная жертва входитъ въ монастырскія стѣны. Тѣтка моя аббатисса, находилась въ комнатѣ привратницы, и первая вышла ко мнѣ на встрѣчу; весело обняла она меня, и дасково, но повелительнымъ тономъ шепнула мнѣ на ухо, чтобы я поблагодарила монахинь за милость, которую онѣ оказывали мнѣ, принимая меня своей подругой. Дорогія черты и голось моего отца, которые мнѣ видѣлись и слышались въ лицѣ и разговорѣ аббатиссы, до того взволновали меня, что я едва не упала безъ чувствъ.

Между тѣмъ монахини толпою сбѣгались, чтобы осмотрѣть меня; головы ихъ высовывались одна изъ-за другой, нѣкоторыя изъ сестеръ даже взбирались на стулья. И не думайте, чтобы всѣ эти женщины шопотомъ передавали свои впечатлѣнія при осмотрѣ моей особы: иная изъ нихъ находила меня красавицей, другая—дурнушкой, третья—симпатичной и такъ далѣе; нѣкоторымъ наружность моя казалась покорною, другимъ—непокорною. Мнѣ стало душно, тяжело; я бы предпочла умереть, чѣмъ добровольно вступить въ такое мѣсто, гдѣ съ самой первой минуты жизнь общала мнѣ такъ мало пріятнаго, даже относительно простой вѣжливости.

Благодарственная рѣчь, о которой такъ хлопотала аббатисса, была произнесена не мною самой, а моею матерью; она, между прочимъ, пояснила, что грусть, замѣтную въ моемъ лицѣ, не слѣдуетъ приписывать ни чему иному, какъ недавней смерти моего отца и разлукѣ съ семействомъ Эта коротенькая, но приправленная множествомъ комплиментовъ рѣчь, сказанная отъ моего

имени, была прервана приходомъ другой моей тётки, Лукреціи, которая, страдая физическимъ и отчасти умственнымъ недугомъ, вошла, опираясь на двухъ бѣлицъ.

Свадьба Джузеппины была назначена на 2-е января 1840 года. Поэтому мать моя и тётка-аббатисса порѣшили между собой, что я вступлю въ монастырь черезъ два дня послѣ нея.

По возвращеніи домой, я стала отказываться отъ всякой пищи и до самаго роковаго дня, глаза мои не осушались отъ слезъ. Какія благородныя усилія дѣлали родные мои съ отцовской стороны, чтобы отговорить мать мою отъ ея намѣренія принести меня въ жертву! Все было напрасно; она твёрдила, что отдать меня на два мѣсяца въ монастырь благородныхъ дѣвицъ, еще не значитъ приносить меня въ жертву; и я впоследствии имѣла случай убѣдиться, что дѣйствительно она не имѣла другихъ намѣреній. Княгиня Форина вызвалась взять меня къ себѣ на эти два мѣсяца, а сыновья ея, мои двоюродные братья, обязывались отдать меня замужъ за герцога "... нашего дальняго родственника, вдовца. Мать моя поблагодарила ихъ за любезное предложеніе; о предполагаемомъ же бракѣ сказала, что будетъ время поговорить объ этомъ по возвращеніи ея изъ Калабріи. Нетолько близкіе родные, но и дальніе родственники и друзья другъ передъ другомъ выказывали мнѣ участіе и расположеніе. Генераль Саллуци, человекъ необыкновенной доброты, старый товарищ моего отца, объявилъ мнѣ, что какъ бы ни рѣшилась судьба моя, онъ подаритъ мнѣ тысячу дукатовъ.

2-го января состоялась свадьба Джузеппины; я провожала ее со слезами—съ моей жизненной драмой неразлучны слезы:—она переходила въ домъ человека, любимаго ею; я же, несчастная, навсегда разлучалась съ ней и со всѣми дорогими мнѣ существами. Слезы мои, подобно послѣдному вздоху умирающаго, печальны радостный обрядъ вѣнчанія... Какое грустное предзнаменованіе для такого дня!

Наконецъ, настало утро субботы 4-го января.

Въ то время я носила длинныя локоны. Я начала причесываться обыкновеннымъ манеромъ, какъ меня вдругъ остановилъ голосъ матери:

«— Чтѣ ты дѣлаешь, сказала она:—неужели ты воображаешь, что такая прическа прилична въ монастырѣ? Живѣе же, распусти локоны! Сегодня ты должна просто пригладить волосы.

«— Ахъ, Господи! да не въ монахини же я иду, возразила я, крайне разсерженная.—Если я должна остаться въ монастырѣ не болѣе двухъ мѣсяцевъ, то для чего же мнѣ портить прическу и измѣнять свои привычки?

«— Что я тебя не прочу въ монахини—ты это отлично знаешь; но аббатисса очень просила меня не приводить тебя сегодня съ такою прической, не то монахини назовутъ тебя щеголихой.

Съ этими словами она взяла гребенку и собственноручно пригладила мнѣ волосы.

Немного спустя, пріѣхали генераль Саллудци и невѣстка княгини Форино, которые должны были провожать меня въ монастырь. Во все продолженіе дороги, ведущей отъ церкви Мадонны *delle Grazie* на улицѣ Толедо къ монастырю св. Григорія Армянскаго, я сидѣла погруженная въ нравственное состояніе, похожее отчасти на забытѣе, отчасти на экстазъ. Память мою осадили всѣ самыя дорогія и завѣтныя воспоминанія изъ того прошлаго, съ которымъ я прощалась на неопредѣленное время; мнѣ пришли на умъ и невинныя дѣтскія игры съ болѣе счастливыми, чѣмъ я, подругами, и нѣжныя ласки отца моего, и послѣднія зловѣщія его слова, и радости первой любви, и милый образъ Доменико... Увы! къ этому воспоминанію преимущественно возвращалась душа моя, остававшаяся вполнѣ чуждою ко всему, чтѣ дѣлалось и говорилось вокругъ меня. Мать моя закрыла мнѣ лицо густой вуалью изъ предосторожности, чтобы слезы мои не сдѣлались предметомъ народныхъ толковъ; несмотря на это, я такъ часто приглядывала платокъ къ глазамъ, что многія оборачивались и смотрѣли на меня, о чемъ мнѣ повременамъ давали знать замѣчанія сопровождавшихъ меня лицъ.

Наконецъ мы доѣхали.

Двери распахнулись предо мной, какъ зѣвъ какого нибудь чудовища. Я внезапно почувствовала, что меня хватаютъ за руки, толкаютъ въ плечи, тащутъ куда-то; слухъ мой былъ пораженъ зловѣщимъ бряпаньемъ запоровъ, укрѣпившихъ за мною ужасныя двери. Мнѣ почти силою развязали ленту отъ шляпки, сняли шаль, и когда начали уясняться предо мною предметы, я очутилась на колѣняхъ предъ большой вызолоченной деревянной рѣшоткой.

То были хоры...

Одна изъ монахинь сказала мнѣ:

«— Благодари Бога, который оказываетъ тебѣ милость, вводя тебя въ эту спасительную ограду.

Я ничего не отвѣчала и не благодарила. Ко мнѣ успѣлъ возвратиться мгновенно помраченный разумъ и въ головѣ моей промелькнула печальная мысль: мнѣ вспомнилось предсказаніе умирающаго отца, увы! такъ скоро сбывшееся...

VI.

ВРОШЕНА!

Какъ только вышла я съ хоровъ, мнѣ объявили, что поведутъ меня осматривать монастырь. Я спросила, гдѣ мать? Мнѣ отвѣтили на это, что боюсь задержать генерала и кухню мою, графиню, она уѣхала, но непременно навѣститъ меня на слѣдующій день. Меня сопровождали двѣ молодыя монахини, родныя сестры; звали ихъ Кончеттина и Чекина. Я нуждалась въ воздухѣ, отъ горя у меня занялось дыханіе; поэтому я съ удовольствіемъ приняла ихъ приглашеніе и вмѣстѣ съ ними отправилась осматривать достопримѣчательности монастыря.

Мы начали съ церкви, посвященной св. Григорію-Просвѣтителю (L'Puminatore).

Многіе свѣдущіе археологи говорятъ, что эта церковь построена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда воздвигался храмъ Цереры, который, вмѣстѣ съ храмомъ Діоскуровъ, съ большимъ театромъ и базиликой обозначалъ Августовскую площадь, занимаемую теперь обширной церковью и монастыремъ S. Lorenzo maggiore. Это — ошибка; вышесказанное описаніе никакимъ образомъ не подходитъ къ настоящей церкви, выстроенной на новомъ мѣстѣ, послѣ разрушенія старинной церкви, вслѣдствіе декретовъ тридентскаго собора, въ 1580 году, принудившаго монахинь измѣнить всѣ прежніе порядки и дать совершенно новое расположеніе внутренности монастыря, для соблюденія во всей ихъ строгости новѣйшихъ уставовъ. Легенды повѣствуютъ, что храмъ Цереры, превращенный, благочестивой супругою императора Констанція Хлора, въ христіанское святилище, былъ окруженъ обширными зданіями, ввѣренными покровительству св. Панталеона. Но и это преданіе невѣрно. Если не обманываетъ меня память, то этотъ восточный святой жилъ послѣ царствованія Константина-Великаго. Болѣе положительныя свѣдѣнія получаютъ только въ позднѣйшія времена, и въ особенности относятся къ иконоборскому гоненію, разразившемуся въ Константинополь по волѣ греческаго императора Льва Исавра, этого вѣнценоснаго Лютера среднихъ вѣковъ. Монахи и монахини въ то время въ большомъ числѣ покинули Грецію; чтобы спастись отъ фанатизма духовенства и народа, принявшаго реформу иконоборцевъ. Италия была наводнена ими: Римъ далъ изгнанникамъ великодушное гостепримство, а Неаполь, имѣвшій съ греками не только общее происхожденіе и отчасти языкъ и обычаи, но и общую форму богослуженія, литургію и подчиненіе одному

и тому же іерарху—Неаполь, говорю я, какъ и смежныя съ нимъ области, въ теченіе цѣлаго столѣтія, населался этими выходцами, которые, снова образовавъ монашескій орденъ, настроили безчисленное множество монастырей по уставу св. Василія. Писатели, достойные полнаго довѣрія, говорятъ, что въ однихъ нашихъ южныхъ областяхъ, не включая Сициліи, существовали уже съ половины XV-го столѣтія, около тысячи греческихъ монастырей различныхъ размѣровъ, повинующихся этому уставу.

Церковь и монастырь, о которыхъ я веду рѣчь, пользуются старшинствомъ надъ всѣми остальными, основанными въ Неаполѣ по уставу св. Василія, и получили въ покровители св. Григорія Армянскаго потому, что бѣглыя монахини, основавшія ихъ, привезли съ собою мощи армянскаго апостола. Паденіе Греческой Имперіи, причиненное завоеваніями Магомета II, и послѣдовавшее за нимъ порабощеніе византійскаго патріархата, лишили орденъ св. Василія греческаго характера и богослуженія, до той поры сохраняемыхъ ими въ Италіи. По несомнѣннымъ причинамъ, женскіе монастыри оставили уставъ св. Василія и замѣнили его другимъ, довольно схожимъ съ нимъ, уставомъ св. Бенедикта, еще прежде нежели мужскіе монастыри того же ордева успѣли облатиниться. Послѣднее событіе совершилось послѣ трехъ великихъ кризисовъ, чрезъ которые перешла западная церковь — реформы, основанія іезуитизма и тридентскаго собора; кризисы же эти всѣ случились въ XVI столѣтіи.

Фасадъ церкви св. Григорія отличается тѣмъ, что надъ высокимъ базисомъ, съ тремя ульеобразными арками, возвышаются еще два разряда построекъ, первый—дорическаго ордена, второй — смѣшаннаго. Нѣсколько ступеней ведутъ къ обширному преддверью, поддержанному четырьмя пилястрами, на которыхъ опираются большіе монастырскіе хоры.

Изъ этого преддверья главный ходъ въ церковь, состоящую изъ одного только корпуса съ четырьмя предѣлами съ каждой стороны, и двумя пустыми пространствами, одинаковыхъ размѣровъ съ часовнями, на половину занятыми двумя органами; изъ этихъ пространствъ, одно — служитъ проходомъ въ ризницу и въ малый входъ, другой — проходомъ въ исповѣдальни. Балюстрада отдѣляетъ собственно корпусъ церкви отъ той части, гдѣ возвышается главный алтарь, среди четырехъ арокъ, поддерживающихъ куполъ. Общій характеръ архитектуры смѣшаннаго ордена съ бездною карнизовъ, рѣзныхъ орнаментовъ и украшеній всякаго рода, позолоченныхъ на ровныхъ мѣстахъ на манеръ дамасскихъ арабесковъ. Нѣтъ пустого мѣста, которое не было бы покрыто фресками. Все это, безъ сомнѣнія, болѣе прилично роскоши пышныхъ

чертоговъ родовыхъ палаццо или театровъ, нежели благочестивой простотѣ, подобающей дому Господнему. Большія двери изъ орѣхового дерева, украшены хорошими барельефами, изображающими четырехъ евангелистовъ и въ срединѣ двухъ святыхъ: Стефана и Лаврентія, окруженныхъ рѣзными орнаментами. Потолокъ, тоже изъ рѣзнаго вызолоченнаго дерева, раздѣляется на три главные плафона, въ которыхъ помѣщаются три картины Теодора Фламандскаго; одна изъ нихъ изображаетъ св. Григорія, въ полномъ пастырскомъ облаченіи, стоящаго у алтаря съ раскрытой книгой въ рукахъ и двумя ассистентами по сторонамъ; другая представляетъ того же святаго, принимающаго монахинь своего ордена; третья изображаетъ крещеніе Спасителя. Кромѣ того, потолокъ подраздѣляется на множество небольшихъ медальоновъ различныхъ формъ, въ каждомъ изъ которыхъ помѣщается картина того же художника или рѣзная розетка. Органы тоже богаты удивительной рѣзбой, вызолоченной червоннымъ золотомъ. Каждый изъ придѣловъ украшенъ множествомъ инкрустацій, изъ отборныхъ разноцвѣтныхъ мраморовъ и отгороженъ отъ церкви мраморной балюстрадой, въ видѣ ажурныхъ листьевъ; выше же находятся разныя художественныя произведенія изъ литой бронзы и небольшая рѣшотка изъ того же металла.

Изъ картинъ, большая часть принадлежитъ кисти Лука-Джордано. Изъ нихъ три, помѣщенные надъ большимъ входомъ, изображаютъ прибытіе въ Неаполь и встрѣчу греческихъ монахинь; другія, занимающія простѣнки между оконъ, тоже взаты изъ жизни св. Григорія; остальные, въ куполѣ и хорахъ, представляютъ различныя легенды изъ житія св. Бенедикта. Нужно замѣтить, что въ одной изъ трехъ картинъ, что надъ большимъ входомъ, а именно въ картинѣhalbъ отъ зрителя, художникъ написалъ самаго себя, въ тогдашнемъ своемъ пятидесятилѣтнемъ возрастѣ, въ видѣ того челоука, который указываетъ на что-то причаливающимъ къ берегу монахинямъ.

Сзади главнаго алтаря, построеннаго по рисункамъ Діонисія Лаццари, помѣщается большая картина Вознесенія Господня, работы Бернарда Лама. Въ первомъ придѣлѣ, съ правой стороны церкви, есть картина Благовѣщенія, замѣчательная прекраснымъ колоритомъ, писанная художникомъ Пачекко де-Роза. Третій придѣлъ, посвященный св. Григорію Армянскому, нѣсколько больше и убранъ богаче другихъ; надъ алтаремъ, среди двухъ колоннъ изъ краснаго, французскаго мрамора, находится весьма цѣнная картина Франческо-де-Марія, изображающая того же святаго, сидящимъ и окруженнымъ сонмомъ ангеловъ; на боковыхъ стѣнахъ, въ двухъ картинахъ, изображенъ тотъ же святой: на одной—

въ ту минуту, когда смиренно предстаетъ предъ нимъ царь Тримать, съ лицомъ, превращеннымъ въ свиное рыло, на другой — въ ту минуту, когда его вынимаютъ изъ Араратскаго озера, въ которомъ онъ прожилъ четырнадцать лѣтъ безъ пищи. Эти двѣ картины, отличающіяся силою и вѣрностію колорита и эффектностію освѣщенія, написаны однимъ изъ учениковъ Спальо-летто, Франческо Фраканцано. Отъ брата его, Чезаре Фраканцано, остались двѣ lunettes, представляющія истязаніе того же святаго мученика. Сводъ этого придѣла раздѣленъ на нѣсколько частей, расписанныхъ разными происшествіями изъ жизни св. Григорія, вышеупомянутыхъ Франческо-де-Марія. Говорятъ, что эти фрески обратили на себя вниманіе самаго Джордано, который, будто бы, много любовался ими и хвалилъ ихъ. Въ четвертомъ придѣлѣ, есть картина мадонны del Rosario, ученика Джордано, Николò Малинконио. Изъ придѣловъ лѣвой стороны, первый украшенъ картиной Рождества, школы Марко-да-Сьена; третій — картиной отсѣченія главы Іоанна Крестителя, Сильвестра Морильо, прозваннаго Бруно; четвертый — картиною св. Бенедикта, поклоняющагося Богородицѣ, являющейся ему съ неба; эту картину приписываютъ самому Спальо-летто.

Было воскресенье, третьяго марта 1443 года, утромъ, когда Альфонсъ I-й арагонскій увѣнчалъ чело сына своего Ферранта золотымъ обручемъ, и далъ ему въ правую руку мечъ, осыпанный драгоценными камнями, укрѣпляя, такимъ образомъ, за нимъ титулъ герцога калабрскаго, и наследника своего престола, даннаго ему за день предъ тѣмъ единодушнымъ порывомъ парламента, въ залѣ капитула, въ монастырѣ S. Lorenzo. Этотъ торжественный обрядъ былъ совершенъ съ царственной пышностію, въ присутствіи бароновъ, въ старинной церкви св. Григорія Армянскаго, внослѣдствіи разрушенной, о которой я упомянула въ началѣ главы.

Въ этой же церкви, до 1574 года, сохранялись могилы монахинь и кости многихъ покойниковъ, подъ памятниками, напоминающими еще первыя времена монастыря, какъ это видно изъ хроники Донны Фульвіи Карачоло, одной изъ монахинь прабабушекъ, жившей монахиней въ этомъ самомъ монастырѣ, около того времени, когда былъ введенъ уставъ затворничества (claustrum). Она оставила весьма живое описаніе перенесенія вышеупомянутыхъ смертныхъ останковъ изъ старинной церкви въ болѣе безопасное мѣсто, бывшаго во время аббатства Лукреціи Карачоло. «Въ церкви — пишетъ она — оставались одѣтъ могилы, въ которыхъ помѣщались тѣла умершихъ сестеръ и другихъ покойниковъ, а такъ-какъ могилы эти оставались раскрыв-

тymi, сердца наши надрывались отъ великаго огорченія, потому что у насъ не было приличнаго мѣста, гдѣ бы мы могли сложить кости нашихъ предшественницъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ скончались недавно, и такъ-какъ тѣла ихъ еще были невредимы, то онѣ возбуждали въ насъ такую жалость, что у каждой изъ насъ отъ тоски замирало сердце. Наконецъ, въ ночь послѣ 20-го октября, того же 1574 года, чтобы не наводить ужаса на сестеръ, я вмѣстѣ съ монахинями: Донной Беатриче Караффа, Донной Камиллой Серсале, Донной Изабеллой и Донной Джованной-ди-Локфредо, заперевъ двери церкви и читая панихиду по усопшимъ, велѣла въ нашемъ присутствіи, вынуть тѣла покойниковъ изъ могилъ, и сложить кости въ другой склепъ, слѣдующимъ порядкомъ: заказали столько гробовъ, сколько было могилъ, положили въ нихъ упомянутыя кости, и на каждомъ сдѣлали надписи, дабы извѣстно было, чьи кости въ немъ хранятся». Отъ этого отрывка, каждый разъ какъ мнѣ случалось прочесть его въ рукописи, морозъ пробѣгалъ во моему тѣлу, когда я думала, что и мои кости, если онѣ останутся на попеченіи монаховъ подругъ, могутъ когда нибудь подвергнуться такимъ же операціямъ.

Въ монастырскомъ святилищѣ хранятся мощи нѣсколькихъ святыхъ и мучениковъ, которымъ монахини и народное суевѣріе приписываютъ чудотворную силу. Кромѣ главы св. Григорія просвѣтителя (l' Illuminator), привезенной будто-бы греческими изгнанниками, у насъ хранятъ еще головы св. Стефана и св. Василия въ серебряныхъ ковчегахъ; часть древа Животворящаго креста; двѣ руки: одна св. Лаврентія и другая св. Панталеона; цѣпь, которой былъ скованъ св. Григорій Армянскій, и кожаные ремни, которыми онъ былъ избитъ (эти два предмета имѣютъ сверхъестественный даръ изгонять бѣсовъ); кровь св. Стефана и св. Панталеона, которая хотя и находится постоянно въ жидкомъ состояніи, но не принимаетъ трехъ различныхъ цвѣтовъ, подобно крови того же мученика, сохраняемой въ Римѣ въ церкви св. Маріи in Vallicello, и въ амальфскомъ соборѣ.

Монастырь, выстроенный около церкви, весьма обширенъ. При входѣ въ него съ улицы, первое, что поражаетъ, это — большая и удобная лѣстница, ведущая ко второму входу, украшенному картинами Джаккомо-дель-По; этотъ входъ ведетъ въ различныя пріемныя. Внутренность монастыря отличается богатствомъ убранства, безкошечными удобствами, почти царственной пышностью, какъ и подобаетъ пріюту женщинъ, на столько гордящихся своимъ знатнымъ происхожденіемъ, что онѣ не примутъ въ сестры ни одну молодую дѣвушку, родъ которой не принадлежитъ къ знамени-

тихъ домовъ Неаполя. Дворъ обширенъ и красивъ; не менѣе красива и трапезная; хоры, выходяще въ церковь, тоже обширны; внутреннй портикъ, опирающійся на колонны, широко окружаетъ дворъ, украшенный посрединѣ фонтаномъ и двумя статуями: Христа и Самаритянки — изваянія Маттео Баттильери; особенно привлекательны огромныя террасы, устроенныя надъ монастыремъ, украшенныя цвѣтами и живописью; съ нихъ можно любоваться одною изъ великолѣпнѣйшихъ панорамъ Неаполя, такъ какъ взоръ свободно гуляетъ по окружающимъ горамъ и холмамъ, по части расположеннаго внизу города, по морю и сиблющимся окрестностямъ. Кромѣ этихъ построекъ, въ монастырѣ есть еще часовня, посвященная св. Маріи dell'Idria (измѣненное греческое слово *Одмитрія*) съ византийскимъ изображеніемъ Мадонны, чтимой подъ этимъ именемъ, и картинами Паоло-де-Маттеосъ. Эта часовня пренеполнена всякаго рода драгоценностями. Наконецъ, еще замѣчательна зала архива, гдѣ, между прочими историческими документами, хранится вышеупомянутая хроника монахини Карачолло — документъ немаловажный.

Но пора возвратиться къ моему повѣствованію.

Новость обстановки, лицъ и предметовъ, окружавшихъ меня, правдою мнѣ неизвѣстныхъ, нѣсколько развлекала меня. То былъ для меня новый, неизвѣдомый міръ. Во время перваго моего обзора монастыря, я встрѣчалась со многими монахинями; всѣ онѣ ображались ко мнѣ съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ:

«— Хочешь сдѣлаться монахиней?»

Я отвѣчала отрицательно. Онѣ же, улыбаясь съ выраженіемъ колѣбѣшаго убѣжденія, возражали мнѣ на это:

«— Не выпустишь тебя S. Benedetto, когда ты разъ одѣнешься въ его платье.

За нѣсколько дней до моего вступленія въ монастырь, ко мнѣ приходила горничная моей тѣтки и объявила мнѣ, что одна молодая монахиня по имени Паолина, желаетъ сдѣлаться моею неразлучною подругой и повѣренной, съ той самой минуты, какъ я вступлю въ монастырь. Между тѣмъ, я уже находилась въ немъ нѣсколько часовъ и не видала около себя другихъ монахинь, кромѣ двухъ сестеръ, которыхъ тѣтка моя просила водить меня по монастырю.

Я спросила у нихъ, которая изъ монахинь называется Паолиной? Онѣ отвѣтили мнѣ, что это — молодая монахиня, проводящая все свое время въ обществѣ двухъ воспитанницъ. Тогда я вспомнила, что дѣйствительно встрѣтила ее проказнивающуюся въ портикомъ съ двумя молоденькими дѣвухами, и не мало удивилась тому, что изъ всѣхъ монахинь, именно она одна не

подошла ко мнѣ. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, подъ высокимъ сводомъ корридора, мы снова встрѣтились съ нею; я приняла веселый видъ и съ улыбкой поклонилась ей, но мнѣ показалось, что вмѣстѣ отвѣта, она понотомъ обвинялась съ своими подругами нѣсколькими насмѣшливыми словами: я была сильно озадачена; но этого мало. Кончеттина спросила меня, почему мнѣ хотѣлось узнать, которая изъ монахинь называется Паолиной, и гдѣ я познакомилась съ нею? Я рассказала о томъ, что передала мнѣ тѣтушка горничная. Тогда Чекина вспомнила, что за нѣсколько дней предъ тѣмъ, Паолина за что-то поссорилась съ своими подругами и сдѣлала мнѣ извѣстное предложеніе единственно съ тѣмъ, чтобъ досадить имъ, но что съ тѣхъ поръ она успѣла помириться съ ними и общалась имъ никогда не подходить ко мнѣ, такъ какъ онѣ уже ревнуютъ ее.

«— Ревнуютъ! воскликнула я, крайне изумленная:—значить, между вами ревнуютъ?»

«— И какъ еще, снѣборига! еще бы не ревновать! въ одинъ голосъ отвѣтили обѣ сестры.

«— Ахъ, Боже мой! прибавила я:—значить, здѣсь есть я раздоръ, неразлучный съ ревностью?»

Мнѣ показалась очень странной ревность между женщинами, еще болѣе странными мелочность и сплетничество монахини Паоллины, наконецъ отвратительнымъ раздоръ, поселившійся въ герметически запоренномъ жилищѣ, недоступномъ благодѣтельнымъ человѣческимъ вліяніямъ. Изъ этого перваго симптома извращенности нравовъ, я убѣдилась, что имѣю дѣло съ женщинами, хотя и знатными по рожденію, но едва-ли имѣющими даже такое отрицательное образованіе, какъ собственныя ихъ служанки.

Я съ нетерпѣніемъ ждала вечера, чтобы предаться на свободѣ гнетущей меня тоскѣ, полагая, что мнѣ будетъ отведена особая комната.

Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣла, что моя кровать поставлена въ собственной комнатѣ аббатиссы и около нея стоитъ еще третья кровать, назначенная для прислуживающей ей бѣлицы! У меня отнималось послѣднее утѣшеніе—уединеніе и слезы. Пока тѣтушка моя раздѣвалась, читая вполголоса молитвы, я должна была терпѣть пытку допросовъ бѣлицы.

Женщинѣ этой, называвшейся Анджола-Марія, было около тридцати-двухъ лѣтъ; она обладала желѣзнымъ тѣлосложеніемъ и дородной наружностью, лицомъ, изрытымъ оспою, и огромнымъ ртомъ, слабженнымъ черными зубами; къ этому отвратительному сочетанію безобразій, присоединились то визгливо-необузданный смѣхъ, то припадки мрачной угрюмости, во время которыхъ она безъ

устали вращала своими дикими глазами, готовыми, казалось, выскочить изъ орбиты. При всемъ этомъ она еще была груба, невнимательна къ моей старушкѣ-тѣткѣ и огрызнулась противъ нея каждый разъ, когда она прерывала выговоромъ ея неумоляемую болтовню. Наконецъ она улеглась и заснула, предоставляя меня своимъ печальнымъ думамъ, одну, среди ночного молчанія, ничѣмъ непрерываемаго, кромѣ равномернаго стука маятника.

Только-что я заснула, отяжелѣвши скорѣе отъ нравственной тоски, чѣмъ отъ потребности сна, какъ, на самой зарѣ, меня разбудила Анджола-Марія, чтобы спросить меня, хочу ли я пойти къ ранней или къ поздней обѣднѣ?

— Теперь ужъ я проснулась, отвѣчала я со вздохомъ:—пойду хоть къ ранней обѣднѣ.

Бѣлица помогла мнѣ одѣться, не прерывая своей болтовни; затѣмъ взяла меня за руку, такъ же бережно, какъ будто вела слѣпаго, и сошла со мною въ причащальную, гдѣ уже собралось нѣсколько монахинь, чтобы отслушать обѣдню и причаститься.

Въ десять часовъ приѣхала моя мать; я нашла ее сидящей въ приемной. При видѣ ея, я залилась потокомъ слезъ; я объявила ей, что чувствую себя крайне несчастливой въ этомъ жилищѣ, и что праздность и бессмысленное затворничество въ немъ кажутся мнѣ болѣе невыносимыми самой темницы; что для меня будетъ страшнымъ мученіемъ раздѣлять жизнь необразованныхъ невѣждъ; что уже поговариваютъ о томъ, чтобы сдѣлать меня монахиней; наконецъ, что я чувствую, что лишуся здоровья такъ же, какъ и лишаюсь свободы, такъ-какъ мнѣ приходится повиноваться даже прихотямъ прислужницы моей тѣтки, поднявшей меня чуть свѣтъ, чтобы продержать меня цѣлый часъ въ церкви, на невыносимомъ холодѣ, въ такомъ непріятномъ состояніи, что даже можетъ опротивѣть сама молитва. Мать моя готовилась отвѣчать мнѣ, когда вошла привратница, и за ней съ привѣтствіемъ вбѣжали еще нѣсколько монахинь. Обмѣнявшись съ ними нѣсколькими вѣжливыми словами, она сказала, что пойдетъ слушать обѣдню въ церковь св. Лаврентія и возвратится попозже. Затѣмъ она вышла изъ приемной, а я, въ ожиданіи ея, простояла у входа въ корридоръ, погруженная въ чувство одиночества, въ которое поставила меня жестокая судьба. Прошелъ часъ, прошелъ другой, а я все еще медленными шагами расхаживала по корридору, ожидая возвращенія матери. Огорченная ея продолжительнымъ отсутствіемъ, я обратилась къ привратницѣ съ просьбою послать въ церковь св. Лаврентія одну изъ множества женщинъ, праздно шатающихся въ сѣняхъ монастыря, чтобы узнать

е причинѣ, задержавшей мою мать. Привратница, взявъ меня за руку, сказала мнѣ на это:

«— Вооружитесь терпѣніемъ, душа моя... Волей-неволей, а нужно же испить эту чашу...

«— О какой чашѣ говоришь ты? спросила я въ испугѣ, предчувствуя новое несчастье:—бѣда я говорю, что мать моя долго не возвращается, и что мнѣ хотѣлось бы узнать причину?»

«— Ты напрасно ее ждешь.

«— Какъ такъ?

«— Мать твоя уже уѣхала въ Реджо.

Еслибы привратница не поддержала меня за талию, я бы грохнулась на полъ. Долгое время я оставалась въ оцѣпенѣніи. Я давно знала, что придется разстаться съ матерью, но почему же она уѣхала на другой день послѣ моего вступленія въ монастырь? Почему уѣхала, не предупредивъ меня? Нервы мои, уже глубоко потрясенные всѣми вынесенными мною неприятностями, не выдержали этого послѣдняго удара: я впала въ конвульсіи.

Когда я очнулась и открыла глаза, я увидѣла себя окруженною толпой монахинь, бѣлицъ, воспитанницъ, незнакомыхъ мнѣ и думающихъ только о томъ, чтобы насытить свое любопытство и апатичную праздность, свойственную ихъ положенію, зрѣлищемъ моихъ страданій. Кто шептался съ одной стороны, кто пускался въ комментарии съ другой, а у иной на лицѣ появлялась саркастическая насмѣшка; ни одна не обратилась ко мнѣ съ изъявленіемъ искренняго участія. Докторъ Ронки, одинъ изъ медиковъ общины, входившій въ эту минуту въ комнату привратницы, подавъ мнѣ скорую помощь, но лихорадка, овладѣвшая мной, болѣе медля продержала меня въ постелѣ.

Пришла бѣда, отворяя ворота. Черезъ мѣсяцъ, я уже начинала убѣждаться, что и Доменико дѣйствительно покинулъ меня. Въ глубинѣ моей темницы еще не угасла сладкая надежда не только на полученіе письма отъ него, но и на возвращеніе въ Неаполь его самого, въ качествѣ моего освободителя. Если любовь его не была меньше моей, если въ душѣ его имѣли мѣсто благородныя чувства, если въ его сердцѣ говорилъ голосъ человѣчества, если въ душѣ его матеріальный интересъ не былъ сильнѣе воспоминанія о моей искренней и неизмѣнной преданности, то какъ же онъ могъ допустить меня сдѣлаться жертвою вѣрности моей къ нему же? Сколько разъ смотрѣла я съ хоровъ въ церковь, думая увидать его тамъ! Сколько разъ съ высоты бельведеровъ, взоръ мой съ лихорадочнымъ трепетомъ блуждалъ по окружающимъ улицамъ, ища его! Какъ часто, обманутая наружностію, походкою, одеждою кого нибудь казавшагося похожимъ на

него, я чувствовала себя готовою упасть безъ чувствъ при мысли, что настала минута моего освобожденія; но, увы! я не получила отъ него ни одной строки, и мать моя въ своихъ письмахъ тоже не упоминала о немъ. Изрѣдка видалась я съ Джузеппиною, но эти свиданія съ моею любимой сестрой только каждый разъ придавали новую пищу моему горю: недугъ въ ногахъ, послѣдствіе ея паденія, послѣ ея замужества оказался неизлечимымъ, такъ что бѣдняжка должна была ходить опираясь на костыли. Отъ времени до времени, еще прїѣзжалъ ко мнѣ съ участіемъ и утѣшеніями генераль Салудди, къ которому я храню дочернюю привязанность, прочіе же родственники — женихъ, друзья — всѣ забыли о сиротѣ. Можно было бы подумать, что бездна разверзлась уже между мною и всѣмъ міромъ, несмотря на человѣчскія чувства, еще тоскливо отзывавшіяся въ моемъ сердцѣ.

Среди моего глубокаго уединенія, одно только великое утѣшеніе умѣряло мои страданія: стремленіе духа моего къ тому Богу любви, которому угодно было родиться, жить и умереть не среди ужасовъ пустыни и безжизненнаго одиночества, а для спасенія человѣчества, въ тѣсныхъ и обширныхъ сношеніяхъ съ нимъ, руководимыхъ единымъ и нераздѣльнымъ закономъ...

Однажды вечеромъ, въ февралѣ мѣсца, я осталась на террасѣ одна. Лучи заходящаго солнца уже золотили одну только вершину Везувія, да макушки Кастеллармарскихъ горъ, свѣга которыхъ отсвѣчивались такимъ яркимъ блескомъ, что, казалось, отставали свѣтъ противъ наступающей темноты. Вокругъ царствовало необычайное молчаніе; карнавалъ привлекъ весь народъ въ болѣе населенныя части города, такъ что кварталъ св. Лаврентія, гдѣ воздвигается монастырь, совершенно опустѣлъ. До слуха моего долетало только слабое эхо народнаго веселія, какъ гулъ далекаго моря. На меня навѣялось совершенно новое ощущеніе; на вольномъ воздухѣ, подъ неизмѣримымъ сводомъ небесной тверди, я почувствовала себя, правда, одной, но уже не одинокой. Голосъ божій призывалъ меня къ созерцанію Его благостей. Я преклонила колѣна, сложила руки, подняла къ небу отумаленные слезами глаза, и возвала за помощію къ Нему, къ Всемогущему.

«— Да что жь, наконецъ! воскликнула я, подымаясь съ колѣнъ и отирая слезы:—что такое мои страданія, въ сравненіи съ страданіями народа, которому я принадлежу? Если подъ двойнымъ игомъ духовной и свѣтской тираніи томится вся Италія, то могу-ли я, ничтожный атомъ, одна изъ столькихъ миллионъ угнетенныхъ, желать—проводить жизнь въ наслажденіяхъ и благоденствіи?...

ЗАКОНЪ ОБРАЗОВАНІЯ ПОЛОВЪ У РАСТЕНІЙ, ЖИВОТНЫХЪ И ЧЕЛОВѢКА.

ПРОФЕССОРА ЖЕНЕВСКОЙ АКАДЕМІИ ТЮРИ.

Подъ означеннымъ заглавіемъ въ 1863 году вышла въ свѣтъ маленькая брошюрка *Тюри* (Thury) (профессора женевской академіи). По причинѣ новыхъ взглядовъ, по причинѣ фактовъ и опытовъ, подтверждающихъ эти взгляды — упомянутая брошюрка имѣла большой успѣхъ въ Европѣ, потребовалось даже второе изданіе. Такъ-какъ взгляды и опыты, изложенные въ ней, необходимо должны имѣть громадное вліяніе на развитіе и нашего скотоводства, и такъ-какъ, кромѣ того, они имѣютъ и высокій научный интересъ, то мы считаемъ нелишнимъ передать эту брошюрку публикомъ на русскомъ языкѣ.

Nous croyons à la physiologie générale.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Вопросъ, разрѣшенный въ этой брошюрѣ, съ незапамятныхъ временъ занималъ умы человѣчества. Тысячи разъ поднимали его, но рѣшали всегда неточно. Ученые сознавали неточность этихъ рѣшеній, и потому составили себѣ мнѣніе, будто-бы человѣкъ вообще неспособенъ поднять занавѣсъ, скрывающій таинственныя явленія происхожденія различныхъ половъ; они начали полагать, что всякое изслѣдованіе этого явленія, изученіе законовъ, управляющихъ имъ, невозможно по сущности самаго предмета.

Но такъ-какъ никто не можетъ доказать невозможности найти рѣшеніе для поставленнаго вопроса, то никто не имѣетъ права настаивать на безполезности попытокъ къ его рѣшенію, хотя долготѣнія, терпѣливыя старанія остались совершенно безплод-

ними. При постепенномъ развитіи науки, многіе вопросы рѣшаются почти сами собою, между тѣмъ какъ тѣ же самыя вопросы въ прежнее время считались стоящими за горизонтомъ человѣческаго духа. Мнѣ, можетъ быть, замѣтять, что въ природѣ существуетъ неопровержимый, предопредѣленный порядокъ, вслѣдствіе чего нельзя допустить, будто бы какаѣ бы то ни была человѣческая сила могла потрясти его. На это я въ общихъ чертахъ отвѣчу слѣдующее. Не должно смѣшивать дѣйствительно неопровержимый основной порядокъ природы съ тѣми болѣе или менѣе совершенными представленіями, которыми мы вырабатываемъ себѣ въ данное время по поводу того, какъ исполняется этотъ порядокъ. Тамъ, гдѣ мы видимъ недостатокъ порядка, тамъ это означаетъ только то, что наше понятіе о настоящемъ порядкѣ находится на пути къ усовершенствованію.

Послѣдствія, которыя влечетъ за собою открытіе закона, управляющаго образованіемъ половъ у животныхъ, слишкомъ ясны, такъ что я могу не распространяться объ нихъ. Отнынѣ сельскіе хозяева и скотоводы могутъ получать по желанію то мужскихъ, то женскихъ индивидуумовъ какаго-либо животнаго. Очень рѣдко скотоводы относятся равнодушно къ полу полученнаго новаго поколѣнія. Во всякомъ случаѣ, приобрѣтеніе того или другаго пола, для него связано съ приобрѣтеніемъ большаго или меньшаго количества денегъ. Уже не въ первый разъ, въ этомъ случаѣ, чисто научное открытіе дѣлается источникомъ народнаго богатства.

Законъ образованія пола.

Lindley въ своемъ сочиненіи о теоріи садоводства, приводитъ опыты *Knight*'а, который нашелъ, что теплота содѣяствуетъ болѣе успѣшному развитію мужскихъ цвѣтовъ въ двудомныхъ растеніяхъ (*), какъ напримѣръ, въ тыквѣ и въ огурцахъ.

Уже давно это явленіе показалось мнѣ достойнымъ вниманія, и разсуждая о значеніи этого факта въ общей физиологіи, я дошелъ до слѣдующихъ заключеній: теплота вліяетъ на растенія посредственно, обуславливая болѣе совершенную переработку соковъ ихъ, и вслѣдствіе этого болѣе полное развитіе, болѣшую зрѣлость всѣхъ органовъ. Происхожденіе мужскихъ цвѣтовъ, мужскаго пола, соотвѣтствуетъ, слѣдовательно, болѣе совершенной

(*) Известно, что Линней называлъ *двудомными* тѣ растенія, у которыхъ мужскіе и женскіе цвѣтки сидятъ на различныхъ индивидуумахъ. Эти растенія составили двадцать-второй классъ его искусственной системы.

зрѣлости, большому развитію растенія. Въ этомъ, какъ мы ѣзжется, вѣроятно и заключается значеніе наблюденій *Knights'a*.

Чтобы примѣнить эти результаты къ животнымъ, должно прежде всего сравнить между собою оба органическія царства въ отношеніи половой дѣятельности. Большинство двудомныхъ растеній, и именно тѣ, которыя служили объектами изслѣдованій *Knights'a*, въ сущности суть гермафродиты, и дѣлаются двудомными только вслѣдствіе атрофіи того или другого органа, какъ извѣстно всякому ботанику. Уже давно, въ одной изъ моихъ первыхъ ботаническихъ работъ, я занимался сравнительнымъ изслѣдованіемъ метѣлкообразнаго цвѣторасположенія мужского индивидуума манса и булавовиднаго цвѣторасположенія женскаго индивидуума того же растенія. Это параллельное изслѣдованіе обратило мое вниманіе на упомянутый фактъ, и я пришелъ къ убѣжденію, что метѣлка и булава манса, или мужской и женскій органъ его, построены по одному и тому же основному принципу, суть одни и тѣ же органы, даже расположенные совершенно одинаково, но отличающіеся другъ отъ друга только способомъ и степенью развитія. Въ цвѣткахъ метѣлки пестичи, то-есть женскіе органы, остаются неразвитыми, точно такъ же какъ тычинки, то-есть мужскіе органы, далеко не достигаютъ полнаго развитія въ цвѣткахъ булавъ. Вообще метѣлка болѣе развивается въ длину и распускается, а женскій цвѣтокъ развивается болѣе въ ширину, какъ бы свертывается.

Такимъ образомъ, двудомность многихъ растеній зависитъ отъ совершенно случайныхъ причинъ, между тѣмъ какъ раздѣленность половъ у животныхъ зависитъ отъ причинъ глубокихъ, какъ бы врожденныхъ въ самый организмъ. Это даетъ намъ право предполагать, что у растеній можно изучать гораздо легче, чѣмъ у животныхъ, тѣ условія, которыя благоприятствуютъ развитію то мужскихъ, то женскихъ элементовъ, ибо у растенія существуютъ въ зачаткѣ оба эти элемента, сначала почти уравновѣшивая другъ друга. Экспериментатору, нашедшему необходимыя средства, легко будетъ побудить къ сильнѣйшему развитію то одни органы, то другіе.

Весь вопросъ нашъ теперь заключается только въ томъ, имѣемъ ли мы право допустить, что причины, обуславливающія болѣе совершенное развитіе органовъ того или другого пола, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они оба уже находятся въ зачаткѣ, тождественны съ причинами, вызывающими первое появленіе самыхъ зачатковъ этихъ органовъ. Принимая такую тождественность названныхъ причинъ, мы прежде всего должны доказать тождественность обонхъ половъ. Если намъ удастся доказать это, то изъ нашего

положенія совершенно естественно будетъ вытскать то, что причины или силы, дѣйствующія въ яйцѣ и обуславливающія происхожденіе зародыша того или другого пола, суть тѣ же самыя, которыя, при дальнѣйшемъ дѣйствованіи, обуславливаютъ и направляютъ развитіе вызваннаго пола. Если, слѣдовательно, намъ удастся узнать тѣ силы, которыя развиваютъ, то мы будемъ знать и тѣ, которыя вызываютъ образованіе первыхъ зачатковъ органовъ. Во всякомъ случаѣ, естествоиспытатель не имѣетъ права увеличивать произвольно число силъ природы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можно обойтись и безъ новыхъ.

Всѣ ботаники, которые, вмѣстѣ съ G. F. Wolff'омъ Goethe, de-Candolle'мъ и Robert Brown'омъ, принимаютъ, что пыльники и пестики, то-есть мужскіе и женскіе органы цвѣтка, суть видоизмѣненные листья, приспособленные къ новымъ отправленіямъ, согласился въ томъ, что эти органы тождественны между собою. Даже если мы примемъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми современными ботаниками, что пестикъ образуется черезъ сліяніе двухъ прежде разнородныхъ частей, листа и ствола, то и это нисколько не измѣнитъ нашего заключенія, ибо значеніе пестика, какъ женскаго полового органа, этимъ нисколько не измѣняется. Тождественность этихъ органовъ доказывается тѣмъ, что часто мы можемъ видѣть, какъ тычинки обменнаго мака, вслѣдствіе какихъ-нибудь случайностей, превращаются въ совершенно правильные пестики.

Анатомическія изслѣдованія, которыя я дѣлалъ прежде съ профессоромъ *Holland'*омъ, убѣдили меня, что и въ животномъ царствѣ мужской и женскій половые аппараты построены по одному и тому же основному принципу. Это доказываетъ ихъ первоначальную тождественность, и на основаніи этого, мы можемъ принять, что характеристическія различія половъ зависятъ только отъ различія въ степени развитія отдѣльныхъ частей ихъ органовъ.

Вышеупомянутое наблюденіе Knight'a показываетъ намъ, что у растений это гармоническое различіе вызывается, вѣроятно, тѣми условіями, которыя приводятъ всѣ органы въ степень большей зрѣлости. Если подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ благопріятныхъ условій, питательные соки достигаютъ бѣльшаго совершенства, большей зрѣлости, то развиваются мужскіе органы цвѣтка. А такъ какъ въ главныхъ чертахъ половая жизнь растений близко сходится съ половой жизнью животныхъ, то, слѣдовательно, въ обоихъ царствахъ эта жизнь должна быть управляема одинаковыми законами. Поэтому и у животныхъ тѣ условія, которыя вызываютъ половое различіе, должны совпадать съ тѣми, которыя вызываютъ болѣе совершенную зрѣлость органовъ.

Слѣдовательно въ жизни животнаго есть моменты, гдѣ случайное совершенство, бѣлая зрѣлость обуславливаетъ происхождение и развитіе зародыша мужского пола.

У человѣческаго зародыша можно отличить полъ его, уже во второмъ мѣсяцѣ послѣ оплодотворенія. Слѣдовательно, первый толчокъ къ образованію того или другого пола, долженъ былъ подѣйствовать на яйцо въ теченіе промежутка времени отъ перваго момента образованія яйца до втораго мѣсяца. Но и тутъ мы можемъ допустить три возможности: или упомянутый толчокъ былъ данъ прежде, чѣмъ произошло оплодотвореніе; или онъ совпадалъ съ нимъ; или подѣйствовалъ уже послѣ оплодотворенія.

Чтобы узнать, не предшествуетъ ли критическій толчокъ оплодотворенію, нужно бы поступить слѣдующимъ образомъ: собирать яйца несущагося животнаго; такимъ образомъ, мы получимъ цѣлый рядъ яицъ, изъ которыхъ самыя старыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, были бы и самыя зрѣлыя. Сортируя ихъ по времени ихъ снесенія, кладки, и оплодотворяя ихъ искусственнымъ образомъ, мы, можетъ быть, увидимъ, что болѣе старыя яйца развиваются изъ себя самоцвѣт, индивидуумовъ мужскаго пола.

Впрочемъ, выставленный вопросъ можно рѣшить помощію прямого наблюденія, что гораздо легче проектированнаго опыта. Наблюдая такихъ животныхъ, у которыхъ яйца, выходящія изъ яичниковъ, на пути своемъ встрѣчаются съ сѣменемъ и оплодотворяются, мы можемъ легко замѣтить, которыя изъ этихъ яицъ развиваются въ индивидуумовъ мужскаго пола. Если моя теорія вѣрна, то самцы должны развиваться изъ послѣднихъ яицъ каждой кладки, ибо они могли употребить болѣе времени на созрѣваніе.

Такое наблюденіе сдѣлано уже давно *Hüber*’омъ. Этотъ великій естествоиспытатель нашелъ, что если рано оплодотворитъ пчелу, то прежде и преимущественно образуется потомство, состоящее изъ женскихъ индивидуумовъ; напротивъ, откладываніе оплодотворенія приводитъ къ совершенно другому результату; въ этомъ случаѣ полученное потомство будетъ состоять преимущественно изъ индивидуумовъ мужскаго пола. Ничто не запрещаетъ намъ перенести это наблюденіе на другихъ животныхъ, напримѣръ, на куръ. Я имѣю нѣкоторое основаніе полагать, что у этихъ птицъ самцы, пѣтухи, дѣйствительно развиваются изъ яицъ, снесенныхъ позже, то-есть болѣе старшихъ, и слѣдовательно болѣе зрѣлыхъ.

Время и квартира не позволили мнѣ дѣлать подобнаго рода опыты надъ упомянутыми животными, и я рѣшился обратиться непосредственно къ млекопитающимъ. Благодаря дѣятельному со-

дѣйствию просвѣщеннаго г. *George Cornas*'а, управляющаго знаменитою фермою *Montet*, мнѣ удалось найти благоприятныя условія для произведенія опытовъ.

Извѣстно; что яйца млекопитающихъ животныхъ отдѣляются отъ яичниковъ въ началѣ такъ называемой течки. Въ теченіе этого времени, они все болѣе и болѣе созрѣваютъ и способны быть оплодотворяемы. Правда, это время очень коротко; но должно помнить, что въ первое время развитія зародыша, всѣ образовательные процессы очень быстро слѣдуютъ другъ за другомъ.

Руководствуясь всѣми изложенными здѣсь доводами, я далъ г. *Cornas*'у совѣтъ, сводить животныхъ въ началѣ течки, чтобы получить новыхъ индивидуумовъ женскаго пола, или въ концѣ ея, чтобы получить самцовъ. Полученные результаты вполне оправдали мою теорію. (Въ концѣ брошюры, приложено письмо г. *Cornas*'а).

Когда мы кончили наши правильные научные опыты, г. *Cornas*, желая получить тѣловъ, приказалъ скотникамъ сводить животныхъ при самыхъ первыхъ признакахъ течки. Несмотря на то, что приказаніе это исполнялось очень небрежно, все-таки *Cornas* получилъ, при помощи этого способа, гораздо большее число самокъ, чѣмъ прежде.

Мы можемъ раздѣлить то время, въ теченіе котораго яйцо проходитъ по внутреннимъ частямъ полового аппарата (у коровы отъ 24-хъ до 48-ми часовъ), на два періода. Если яйцо будетъ оплодотворено въ первомъ изъ этихъ періодовъ, то зародышъ будетъ женскаго пола; если же оплодотвореніе произойдетъ въ теченіе второго періода, то яйцо разовьется въ зародышъ мужскаго пола. Моментъ, отдѣляющій оба періода другъ отъ друга, можетъ быть названъ критическимъ. И такъ неоплодотворенное яйцо, по свойствамъ и судьбамъ своимъ, въ первомъ періодѣ можетъ быть названо женскимъ, а во второмъ — мужскимъ.

Опыты, произведенные въ *Montet*, имѣли цѣлью установить основной фактъ и показать то постоянство, съ которымъ онъ повторяется при благоприятныхъ условіяхъ. Мы не старались познакомиться съ продолжительностію обоихъ упомянутыхъ періодовъ, не изучали тѣ внѣшнія и органическія обстоятельства, которыя могутъ измѣнять ихъ продолжительность. Очень можетъ быть, что величина этихъ періодовъ колеблется между весьма отдаленными границами. Очень можетъ быть, что по причинѣ слабости нѣкоторыхъ женскихъ организмовъ, яйцо никогда не достигнетъ второго періода своего развитія; такіе организмы всегда будутъ способны производить зачатки только женскаго пола. Подъ вліяніемъ другихъ условій, перамъ, женскій періодъ

развитія яйца можетъ сокращаться, при чемъ второй періодъ будетъ увеличиваться; при этомъ вѣроятность происхожденія зародышей мужского пола также увеличивается. Относительно члвѣка такія наблюденія уже сдѣланы. Подтвердятся ли они въ остальномъ животномъ царствѣ?—этого я не знаю. Довольно вѣроятно, что продолжительность обоихъ періодовъ можетъ измѣняться вслѣдствіе вліянія самца на состояніе организма самки.

Дальнѣйшія изслѣдованія современемъ покажутъ намъ, какія измѣненія происходятъ въ неоплодотворенномъ яйцѣ во время прохожденія его по внутреннимъ половымъ органамъ. Имѣя въ виду тотъ высочайшій физиологическій интересъ, который связанъ со счастливымъ рѣшеніемъ этого вопроса, естествоиспытатели съ удивленнымъ вниманіемъ обратятся къ его изслѣдованію.

Если оплодотворенію и предшествуетъ здѣсь какое-либо развитіе, какаѣ бы то ни было подготовка, то эти измѣненія касаются лишь яйца. Переходныя степени, которыя желательно было бы допустить между обими полами, никогда не встрѣчаются въ организмахъ совершенно развитыхъ. Развитый организмъ всегда—или мужской или женскій (*). Надо полагать, что въ тотъ моментъ, который я назвалъ выше критическимъ, возможность оплодотворенія на время прекращается; или мы можемъ принять, что, по моему мнѣнію, еще вѣроятнѣе, что въ критической моментъ перваго времени развитія яйца происходитъ въ немъ какое нибудь внезапное измѣненіе; напримѣръ, хоть бы уничтоженіе его ядра. Посредствомъ этого внезапнаго измѣненія въ строеніи яйца, вышеозначенные періоды рѣзко разграничиваются между собою; мысль о постепенномъ переходѣ одного періода въ другой этимъ совершенно удаляется. Такимъ образомъ яйцо, которое, оплодотворившись, развилося бы въ женскій зародышъ, внезапно измѣняясь, даетъ уже при оплодотвореніи возможность происхожденія мужского зародыша. При этомъ должно помнить, что чисто-химическіе и морфологическіе процессы и измѣненія, происходящіе въ яйцѣ, не имѣютъ рѣшительно никакого сходства съ тѣми, какія мы встрѣчаемъ въ зрѣломъ организмѣ, несмотря на то, что этотъ послѣдній есть только необходимое послѣдствіе взаимодѣйствія первыхъ.

Вообще между двумя различными гармонически развитыми системами не можетъ быть гармоническаго перехода. Въ такомъ случаѣ переходною степеню было бы какое нибудь уродство; а

(*) Гермафродиты не суть переходныя степени отъ одного пола къ другому, какъ это часто полагаютъ. Они представляютъ намъ только индивидуумъ мужского или женскаго пола, нѣкоторыя части полового аппарата котораго не развиты, или чересчуръ развиты.

природа не образуетъ уродствъ при правильномъ ходѣ развитія органическихъ существъ. Но все-таки связь и постепенная, правильная послѣдовательность существъ не уничтожается. Въ исторію ихъ развитія природа вставляетъ критическій моментъ, въ которомъ переходъ происходитъ быстро, внезапно, и скрывается отъ нашихъ взоровъ въ глубокомъ мракѣ, покрывающемъ первые времена жизни яйца.

Точно такъ же появлялись на землѣ различные роды организмовъ. Природа умѣетъ ускорять свою дѣятельность ради быстраго достиженія поставленныхъ себѣ задачъ. Она не терпитъ времени въ произведеніи уродливыхъ опытовъ, въ чемъ обвиняютъ ее многіе.

Въ основныхъ чертахъ мы всюду можемъ видѣть проявленіе закона внезапныхъ переворотовъ. Мы видимъ его въ природѣ и въ исторіи, въ выраженіи горя и радости, въ смерти и въ новой жизни.

Результаты.

1) Происхожденіе индивидуума того или другого пола зависитъ отъ степени зрѣлости яйца въ тотъ моментъ, когда оно подвергается оплодотворенію.

2) Яйцо, которое въ моментъ оплодотворенія еще не имѣетъ известной степени зрѣлости, развиваетъ изъ себя индивидуумъ женскаго пола. Напротивъ, когда оно достигло известной степени зрѣлости, то продуктомъ развитія будетъ индивидуумъ мужскаго пола.

3) Если у животнаго, рождающаго только одного ребенка, во время течки отдѣляется отъ яичника одно яйцо, медленно спускающееся по внутреннимъ частямъ полового аппарата, то достаточно оплодотворить его въ началѣ течки для того, чтобы получить ребенка женскаго пола, или въ концѣ ея, чтобы получить плодъ мужскаго пола. При нормальныхъ условіяхъ, критическій моментъ въ первоначальномъ развитіи яйца происходитъ всегда во время прохожденія его по каналамъ половыхъ органовъ.

4) У животныхъ, рождающихъ въ одинъ разъ нѣсколько дѣтей, или у животныхъ, несущихъ яйца, отдѣляются отъ яичниковъ, одно за другимъ, въ теченіе известнаго времени, нѣсколько яицъ; изъ нихъ тѣ, которыя снесены прежде, гораздо менѣе развиты и при оплодотвореніи даютъ самокъ; снесенныя позднѣе даютъ, наоборотъ, при оплодотвореніи самцовъ (пчелы, бури). Но если случится, что за первой группой яицъ, образован-

ныхъ въ одно и то же время, начнутъ выходить, освобождаются яйца, которыя по времени происхожденія относятся къ другой группѣ, къ другому періоду времени, то можетъ произойти, что послѣ яицъ, развившихся самцовъ, непосредственно будутъ слѣдовать такія, которыя, по причинѣ своей меньшей зрѣлости, будутъ давать снова самокъ. Такимъ образомъ могутъ вліять и измѣненія въ наружныхъ и внутреннихъ условіяхъ развитія, имѣющія совершенно случайное происхожденіе.

При совершенно одинаковыхъ условіяхъ, приложеніе выработаннаго мною принципа къ животнымъ, производящимъ многочисленное потомство, встрѣчаетъ нѣкоторыя трудности по вышеупомянутымъ причинамъ.

5) При приложеніи добытыхъ мною воложеній къ большимъ млекопитающимъ, необходимо, чтобы экспериментаторъ прежде всего познакомился съ ходомъ явленій точки у того животного, надъ которымъ онъ хочетъ производить свои опыты. Это необходимо для того, чтобы познакомиться съ признаками и продолжительностью течки; какъ та, такъ и другая часто и значительно измѣняются у различныхъ индивидуумовъ одного и того же вида.

6) Очевидно, что нельзя достигнуть точныхъ результатовъ, если признаки течки неясны или сомнительны. У животныхъ, живущихъ свободно, этого не можетъ случиться; животные же откормленные, содержанныя въ конюшняхъ, часто представляютъ довольно значительныя отклоненія отъ нормы.

7) Уже изъ того способа, который я употребилъ для доказательства вѣрности закона, управляющаго происхожденіемъ яоловъ, слѣдуетъ, что этотъ законъ имѣетъ примѣненіе ко всѣмъ организованнымъ существамъ, къ растениямъ, животнымъ и къ человѣку (*).

Строго должно отлгчить самый законъ (1 и 2), недопускающій никакихъ исключеній, отъ болѣе или менѣе легкаго примѣненія его къ различнымъ животнымъ при различныхъ опытахъ.

Показаніе г. *George Cornas'a*.

Я, нижеподписавшійся, *George Cornas*, управляющій имѣніемъ моего покойнаго отца *M. A. Cornas'a*, предсѣдатель «Общества Садоводства Французской Швейцаріи», на фермѣ *Montet* въ кан-

(*) У женщины то время, которое соответствуетъ течки животныхъ, и въ теченіе котораго яйцо переходитъ отъ личинки до матки, равняется 10-ти или 12-ти днямъ, слѣдующимъ за менструаціей. Впрочемъ, величина этого времени подвержена нѣкоторымъ индивидуальнымъ колебаніямъ.

той *Wald*, оный подтверждаю, что получилъ 18-го февраля 1861 года отъ профессора Женевской академіи *M. Thury* дружеское сообщеніе, въ которомъ оный предлагалъ мнѣ подтвердить опытною открытій имъ законъ, управляющій образованіемъ и происхожденіемъ различныхъ половъ у животныхъ.

Руководствуясь теоріей *Thury*, я дѣлалъ опыты надъ моими стадами, и всегда, безъ всякихъ исключеній, получалъ результаты, которыхъ должно было ожидать по изложенной теоріи.

Сначала, въ двадцати-двухъ опытахъ, сдѣлованныхъ другъ за другомъ, я намѣревался получить телокъ; подвергнутыя опытамъ коровы были швейцарской породы, а быки—англійской (*Durham*). Въ это время былъ большой запросъ на коровъ упомянутой породы, быки же шли только на бойню. Во *всѣхъ* моихъ опытахъ я достигъ желаемого результата.

Нѣсколько времени спустя, я купилъ корову упомянутой англійской породы (*Durham*), и для меня было важно приобрести отъ нея новаго быка, въ замѣнъ того, котораго я приобрѣлъ съ большими издержками.

Я велѣлъ поступить въ этомъ случаѣ такъ, какъ указываетъ теорія *Thury*, и блестящій успѣхъ вполне подтвердилъ вѣрность ея. Легкость примѣненія этой теоріи еще болѣе говорить въ пользу ея.

Кромѣ этого быка я получилъ еще шесть быковъ черезъ скрещиваніе породъ англійской (*Durham*) и швейцарской (*Schwyz*); этихъ быковъ я назначалъ для работы. Такъ-какъ я взялъ коровъ одинаковаго цвѣта и величины, то я получилъ очень красивыя пары.

Стадо мое состоитъ изъ сорока коровъ всѣхъ возрастовъ.

Всего на все я сдѣлалъ двадцать-девять опытовъ для подтвержденія новой теоріи, и всѣ они привели въ желаемымъ результатамъ. Я получилъ индивидуумовъ или мужского, или женскаго пола, смотря по желанію.

На основаніи всего этого я могу сказать, что метода профессора *Thury* совершенно вѣрна и положительна. Я желалъ бы, чтобы всѣ сельскіе хозяева воспользовались ею для увеличенія своихъ доходовъ.

Montet. 10 февраля 1868 года.

Подписано: *G. Cornaz.*

Практическія указанія, какъ производить по желанію животныхъ того или другаго пола.

1) Прежде всего должно изучить ходъ, характеръ, признаки и продолжительность течки у той коровы, надъ которой жела-

тельно произвести опытъ. Всѣ эти явленія у различныхъ особей подвержены нѣкоторымъ индивидуальнымъ колебаніямъ; такъ извѣстно, что у различныхъ коровъ течка продолжается отъ 24 до 48 часовъ.

2) Изучивши назначенное для опыта животное въ этомъ отношеніи, должно поступать далѣе слѣдующимъ образомъ:

а) чтобы получить тѣлку, должно спустить корову при появленіи первыхъ признаковъ течки;

б) чтобы получить быча, должно спустить корову при концѣ течки.

3) Не должно дѣлать опыты надъ животными, у которыхъ признаки течки выражены неясно, какъ это очень часто бываетъ у коровъ жирныхъ или у такихъ, которыхъ содержатъ въ конюшняхъ. Напротивъ, должно выбирать такихъ животныхъ, которыя живутъ на свободѣ. Само собою разумѣется, что должно выбирать только здоровыхъ животныхъ, и при этомъ еще такихъ, видовые признаки которыхъ совершенно нормальны.

4) Точно такіе же опыты можно дѣлать на лошадяхъ, ослухъ, овцахъ, козлахъ и др. Хотя надъ этими животными до сихъ поръ еще не дѣлали опытовъ, однако, судя по результатамъ, добытымъ у коровъ, нельзя сомнѣваться, что и относительно ихъ теорія наша будетъ совершенно примѣнима.

Линдеманъ.

НАРОДНЫЕ ТИПЫ ВЪ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ (*).

По поводу «Полнаго собранія сочиненій гр. Л. Толстаго». Сиб. 1864.

1) *Наша критика.*

Грустно смотрѣть, какое отсутствіе серьёзности и принциповъ въ современной нашей критикѣ. Критика наша не имѣетъ ни опредѣленныхъ школъ, ни прочныхъ законовъ. Безъ дорогъ и безъ цѣли носится она по литературному полю, вращаясь, будто пыльный вихорь; то одного задѣнетъ, то другому носъ и глаза засыпятъ; ничего не поймешь — что она, и за кого она; русскіе кулаки — да и только: и сзади бьютъ, и спереди бьютъ; кто врагъ, кто другъ — разобрать нельзя; чья морда ближе — въ ту и хлестай; чья спина на дорогѣ — по той и барабань: тамъ себѣ послѣ пусть считаются.

(*) Этотъ превосходный этюдъ мы съ удовольствіемъ помѣщаемъ въ нашъ журналъ, хотя у насъ уже была статья г-жи Ев. Туръ о Казакахъ гр. Л. Толстаго. Г. Марковъ разсматриваетъ вопросъ съ другой стороны: прежде всего какъ художникъ, и уже потомъ какъ публицистъ. Этими статьями его значительно разнится отъ прежде нами напечатанной. Тамъ, гдѣ г-жа Ев. Туръ видѣла идеалы и ополчалась противъ нихъ, тамъ г. Марковъ видитъ типы художника, прежде всего, а потомъ уже судитъ автора какъ публициста, судитъ не менѣе строго, какъ и г-жа Ев. Туръ. Превосходный анализъ простого русскаго человека, сдѣланный г. Марковымъ, выказываетъ ту строгость, съ которой онъ относится къ массѣ. Онъ не восторгается простыми людьми, какъ славнофили; онъ не бросаетъ въ него грязью, какъ въ чудище, которое ничѣмъ неисправимо, и которому могутъ пособить одніи социальныя реформы — по мнѣнію другихъ прогрессистовъ; нѣтъ, взглядъ его трезвъ и онъ видитъ добро и зло; онъ ничего не утаиваетъ, такъ же какъ и гр. Толстой; ничего не преувеличиваетъ, ни въпередъ чѣмъ не клочется. Такова и должна быть трезвая реальная критика, если она желаетъ быть полезною; она даетъ чувствовать жизнь и не представляетъ ее иною, чѣмъ она есть, не ведетъ за собою утрированныхъ тенденцій въ пользу одного класса народа. Космическія силы массъ не являются первенствующею; вы чувствуете, что всюду возлѣ вы должны быть руководителемъ. Ред.

Критика по существу своему должна имѣть характеръ судебный, то-есть полное безпристрастіе и полную разносторонность взгляда, трезвый, терпѣливый, на точныхъ законоположеніяхъ основанный образъ дѣйствій. Какъ судья, критика должна быть внѣ лагерей тяжущихся, не кумиться съ истцомъ, не имѣть личностей съ отвѣтчикомъ. Чуждая партийнымъ страстямъ, немѣющимъ повода раздражаться временными и случайными обстоятельствомъ, затемняющими глаза заинтересованныхъ, критика должна спокойно парить на своемъ шерстяномъ мѣшкѣ и неуклонно примѣнять ко всѣмъ цвѣтамъ и ко всякой музыкѣ одно и то же правдивое мѣрило, вѣрное ея храненію. Тогда только она будетъ полна величія, достоинства и пользы. А у насъ въ настоящее время это—первая задирака, первая сплетница, первая обидчица. Она не жалѣетъ таланта, если онъ по той или другой посторонней причинѣ сталъ ей нелюбъ: если онъ перевязывается голубою ленточкой, вѣсто красной, носить не ту прическу, которой она въ данную минуту покровительствуетъ. Это не нашъ, не нашъ! поднимается крикъ, и какой бы благородный образъ ни появился тогда передъ входомъ ея нечестиваго храма, въ него дружно летать оттуда грязь и гнилыя яйца.

Можно сказать, не обинуясь, что современная русская критика, за небольшими исключениями, не воспитываетъ талантовъ, а тщательно сбиваетъ ихъ съ пути. Истинному художнику трудно быть узрану, еще труднѣе быть оцѣнену по достоинству на этомъ безтолковомъ базарѣ, гдѣ шарлатанъ носитъ платье артистовъ, а артиста заставляютъ поддѣлываться подъ кривляніи шарлатановъ. Художественное чувство должно ѣжиться и уходить въ себя, не ощущая кругомъ возможности свободного роста, или измѣнять самому себѣ, если оно не въ состояніи выдержать соблазна. Старая мысль, что критика воспитываетъ таланты — далеко не фраза; такъ же мало фраза, какъ и другая старая мысль, что законодательство и судоустройство народа воспитываютъ его нравственность. Критика не можетъ создать талантъ, но она можетъ предохранить и научить его. Критика есть, такъ сказать, педагогія талантовъ; она не только можетъ, но и должна просвѣтить и дисциплинировать ихъ; рядомъ послѣдовательныхъ самимъ себѣ обличеній, одобреній и вразумленій, рядомъ сочувственныхъ или антипатичныхъ, на твердыхъ началахъ основанныхъ, отношеній своихъ къ различнымъ проявленіямъ дѣятельности галанта — она можетъ сообщить опредѣленные качества орудіямъ этой дѣятельности, снабдить талантъ правилами художественнаго приличія и художественной мудрости, если они недостають ему. Циническая критика, какъ и циническій судъ,

высказывают такіе же циническія явленія въ области своей подсудности. Критика, какъ и судъ, неуважающіе своихъ законовъ, заставляютъ прежде всего неуважать саміхъ себя и терять, конечно, всякій внутренний авторитетъ, всякій смыслъ своего существованія.

Мнѣ кажется, что по отношенію къ гр. Л. Толстому, какъ къ художнику, наиболѣе чуждому виѣ-художественныхъ сферъ, ошибка и вина нашей современной критики по преимуществу ясны. Его послѣдній романъ *Казакъ*, о которомъ мы хотимъ вести теперь рѣчь, есть лучшее тому доказательство.

Мы имѣемъ свѣдѣнія, что авторъ собирается продолжать этотъ романъ второю частью; на дняхъ же должно выйти новое изданіе *Казакъ*, вошедшихъ во 2-й т. *Полнаго собранія сочиненій* гр. Л. Н. Толстаго, появленіе которыхъ и навело насъ на предлагающій критическій этюдъ. Можеть быть, читателю покажется, что мы слишкомъ поздно ухватились за эту мысль; въ такомъ случаѣ, лучше сказать ему заранѣе, что мы относимъ романъ *Казакъ* къ разряду произведеній всегда интересныхъ и всегда важныхъ; не признавая его истинно-художественнымъ созданіемъ, мы, конечно, не рискнули бы утомлять разборомъ его вниманіе публики. Если библиографія имѣетъ свою обязанностью отзываться о литературныхъ явленіяхъ въ самый моментъ ихъ происхожденія, то собственно критика, напротивъ, требуетъ успокоенія раздраженныхъ вопросовъ и направленій, требуетъ импранія тѣхъ мелочныхъ, случайныхъ обстоятельствъ, которыя заставляютъ публику встрѣчать художественныя произведенія съ незаслуженною симпатіею, или съ незаслуженнымъ предубѣжденіемъ.

Появленіе романа гр. Л. Толстаго встрѣчено было въ литературѣ рецензіями почти всѣхъ большихъ періодическихъ изданій: въ «Современникѣ» — рецензіею Неизвѣстнаго, въ «Петербург. Вѣдомостяхъ» — Анненкова, въ «Отеч. Запискахъ» — г-жи Евг. Туръ и т. д. Замѣтки г. Анненкова, при всей враткости ихъ, конечно, заключали гораздо болѣе художественнаго пониманія, чѣмъ всѣ другія статьи по этому поводу, взятая выѣстѣ. Почти всѣ названныя нами статьи ограничивались слишкомъ виѣшнимъ отношеніемъ къ роману, и только высказали, придравшись къ нему, различныя свои взгляды, имѣющіе мало общаго съ художественностью. Вообще изъ всѣхъ рецензійъ выносимъ почти такое впечатлѣніе: «вышелъ — молъ, вотъ, господа, романъ гр. Л. Толстаго *Казакъ*, романъ очень хорошій; почему хорошъ, чѣмъ хорошъ — не скажемъ, а считаемъ долгомъ предупредить почтеннѣйшую публику, что авторъ тамъ такую ерунду несетъ, что за отечество сграшнѣе». Публицистъ «Современника», обязанный паролемъ своего

журнала блисти социальную жизнь російскаго народа, заездрилась въ гр. Л. Н. Толстомъ оскорбленнаго рабовладѣльца, тянущаго Россію за хвостъ въ ту же грязь, гдѣ она испокон пребывала. И публицистъ съ опущеннымъ забраломъ, и всѣ почти другіе критики очень мало толкуютъ о романѣ, но за то очень много о тенденціяхъ романа, о его принадлежности той или другой школѣ, о его связи съ тѣми или другими интересами. Все это не критика, не оцѣнка. Романы, какъ «Казакъ» являются въ десятки лѣтъ разъ; они имѣютъ право на обстоятельный анализъ, на внимательное изученіе. Они имѣютъ право требовать, чтобы критикъ становился на *ихъ* точку зрѣнія, и оцѣнивалъ ихъ изъ *ихъ* внутреннего содержанія, а не ткнулъ бы на свою личную точку зрѣнія.

Я только что перечиталъ романъ «Казакъ», перечиталъ съ дѣлюю чисто-аналитическою, неподкупаемъи первыми впечатлѣніями и интересомъ новизны: въ памяти моей, безъ того, были живы всѣ сцены и характеры романа. Меня охватило послѣ этого чтенія что-то свѣжее, сильное и самобытное, какъ жизнь; мнѣ кажется, по этому признаку несомнѣнно узнается присутствіе того рѣднаго у насъ древняго божества, има которому повѣя, художественность. Подробный разборъ отдѣльныхъ сценъ и характеровъ, былъ для меня только болѣе глубокимъ и убѣдительнымъ подтвержденіемъ моего общаго впечатлѣнія.

Постараюсь дать читателю обстоятельный отчетъ въ причинахъ этого наслажденія и этого впечатлѣнія, прослѣдивъ впередъ его глазами развитіе главнѣйшихъ типовъ романа, и указавъ на главные идеи, положенныя авторомъ въ его основу.

Я не буду при этомъ повторять вератцѣ сюжеть «Казакъ»: вопервыхъ, это уже было сдѣлано многими рецензіями; вовторыхъ, только тотъ можетъ поинтересоваться настоящими замѣтками, кто уже прежде поинтересовался самимъ романомъ.

2) Дядя Ерошка.

Съ точки зрѣнія художественнаго совершенства, лучший типъ, созданный гр. Л. Толстымъ въ его послѣднемъ романѣ — это, мнѣ кажется, безспорно, казакъ Ерошка — типъ, глубоко постигнутый, оригинальный и живой. Но онъ мало понятенъ людямъ, въ главахъ которыхъ трогательное положеніе, страстный языкъ, благородство стремленія — маскируютъ истинную художественность изображенія. Въ этой чертѣ у подобныхъ людей есть что-то общее съ французами. Нравственная высота типа у нихъ неизбѣжнымъ образомъ смѣшивается съ художественною выработкою его. Шекспира

они врядь-ли могутъ понимать, какъ слѣдуетъ; оттого такъ рѣдко встрѣчаются люди, особенно же женщины, способные безъ фальши наслаждаться Шекспиромъ. А дядя Ерощка, именно—типъ шекспировской школы—типъ безъ добродѣтели, безъ приличій въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ эти слова понимаются большинствомъ; сирой, почвенный человѣкъ, управляющійся преимущественно темпераментомъ. Г-жа Е. Туръ вспоминаетъ по его поводу Куперовскаго Патфайндера, и нельзя не вспомнить, но онъ, по моему мнѣнью, гораздо выше *стрѣлка ланей*, или *кожаного чулка*, каковымъ выставилъ Куперъ въ различныхъ романахъ своего Патфайндера—выше тѣмъ уже, что мы на немъ видимъ ясныя слѣды той грязи и тѣхъ лѣсныхъ дебрей, въ которыхъ протекла его жизнь. Куперовъ герой такъ чистъ и возвышенъ въ помыслахъ, такъ строгъ въ нравственныхъ принципахъ своихъ, что безспорно производилъ въ свое время отрадное и живительное вліяніе на душу читателя; *въ свое время* — именно, въ то время, когда мы искали въ литературѣ того, *что должно быть*, а не того, *что у насъ дѣйствительно есть*. Кто бы изъ насъ не возблагодарилъ Бога, еслибы лѣсные бродяги, отчужденные отъ людскаго общества, живущіе среди краснокожихъ злодѣевъ, ягуаровъ и удавовъ, выработывались въ гуманныя и поэтическія формы Патфайндеровъ? Къ чему въ возгнѣся со всѣми муками и суетами нашей цивилизаціи, еслибы безъ ея участія, однимъ наптіемъ лѣсныхъ сумраковъ и величія звѣздныхъ ночей, смичалась душа человѣческая до той тонкости и впечатлительности, которыя такъ обаятельно дѣйствуютъ на насъ въ Патфайндерѣ?

Его натуральная религія такъ возвышена и ясна, какъ будто онъ былъ мудрецъ-философъ, успокоившійся на этомъ воззрѣніи, послѣ глубокаго исслѣдованія всѣхъ другихъ. Сердце его, незлобное какъ у ребѣнка, великодушно какъ у царя, благородно какъ у рыцаря. Онъ и безконечно добръ, и безконечно изобрѣтателенъ умомъ. Невозбуждаемый ни чувствомъ мести, ни чувствомъ корысти, ни жаждою славы, для которыхъ онъ глухъ, онъ, между тѣмъ, подвергается безчисленнымъ смертельнымъ опасностямъ, въ теченіе многихъ годовъ своей жизни. Какой его стимулъ? любовь, что ли? Очень рѣдко любовь; большею частью какое-то отвлеченное чувство долга, какое-то странное самоотверженіе, заставляющее его забывать себя для пользы другихъ, и совсѣмъ неимѣть личныхъ интересовъ.

Все это хорошо, желательно, поучительно, особенно для дѣтей; но дѣло въ томъ, что теперь, переставъ быть дѣтьми, мы уже болѣе не можемъ этому вѣрить. Намъ кажется, что не въ

швогъ, закаляющей глазъ и руку лѣснаго стрѣлка, душа закаляется тѣмъ нѣжнымъ закаломъ, который такъ повкусу намъ и Куперу. Намъ кажется, что терпкость ногъ, грубость кожи, презрѣніе непогодъ даются человѣку не внѣ всякихъ условій; что душевныя струны также имѣютъ свою долю участія въ этой общей обработкѣ человѣка. Грубая рука, грубый языкъ, грубое пониманіе, грубое дѣло — эти элементы такъ органически соединяются обыкновенно между собою, что сочетаніе ихъ съ противоположными элементами встрѣчается еще рѣже, чѣмъ сочетаніе голубыхъ глазъ блондина съ черными волосами брюнета. Нѣжность и впечатлительность души будетъ проситься въ соотвѣтствующую ей сферу, а не туда, гдѣ всякій порывъ ея будетъ встрѣчать кругомъ острые тернии и шипы, которые будутъ обливать ее ея же собственной кровью. Тихій, мечтательный поэтъ не полѣзетъ въ болото съ вайманами, и сострадательный философъ не будетъ упражняться въ скальпированіи краснокожихъ.

Куперъ превзошелъ своими описаніями дѣйствительное понятіе о человѣкѣ. Онъ представилъ его гораздо счастливѣе и полнѣе, чѣмъ онъ можетъ быть на самомъ дѣлѣ, и снабдилъ его вдоволь всевозможными прекрасными качествами безъ разбора, даже такими, которыя, въ нашему общему сокрушенію, взаимно уничтожаютъ другъ друга. Что же дѣлать? Приходится чтонибудь одно выбирать: быть звѣремъ, хитрѣе и смѣлѣе всякаго лгуара, и въ то же время тонко-поэтическимъ, безпятиенно-нравственнымъ мудрецомъ — это все равно, что въ одной баялѣ огонь и воду сохранять.

Читатель видитъ, что мы вдалились въ подробности о Куперѣ не Купера ради, а ради Ерошки гр. Л. Толстаго. Ерошка у гр. Толстаго вышелъ именно всѣмъ тѣмъ, чѣмъ не является куперовъ Патфайндеръ, и чѣмъ между тѣмъ онъ необходимо долженъ бы былъ явиться: человѣкомъ своей среды, своего ремесла, своего прошедшаго. Этими условіями реализмъ отличается отъ романтизма, и ими же дядя Ерошка гр. Толстаго становится выше куперовскаго Патфайндера. Дядимъ, однако, себѣ точный отчетъ въ этомъ типѣ и посмотримъ, какія главныя черты составляютъ его характеръ.

Дядя Ерошка прежде всего *казахъ*. Какъ линейный *казахъ*, соперникъ и сосѣдъ чеченца, онъ провиннута насивозъ духомъ молодечества; но его молодечество не чопорная бравура французскаго рыцаря, не дикое безстрашіе скандинавскаго бирзергера; онъ не просто молодецъ, а *казахъ-молодецъ*, *джигитъ*, какъ онъ самъ любитъ называть подобныхъ себѣ. Джигиту, по догматамъ джигитовъ, великая честь подстеречь неосторожнаго врага и про-

садить ему пудей голову изъ потаеннаго мѣста; джигиту великая слава таѣкомъ отправиться съ товарищемъ въ аулы мирныхъ нагайцевъ и угнать отъ нихъ въ горы табунъ или стадо, хотя бы пришлось для этого задушить спящихъ пастуховъ и разорить деревню. Искусно, а, главное, *базмаказанно уграсть* чтонибудь у чужого — даетъ джигиту такое же право на уваженіе товарищей, какое мы, цивилизованные люди, признаемъ за великими нашими дипломатами, умѣющими оттягать отъ иностранной державы лишнюю сотню милъ или лишній миллионъ франковъ. Ему его воровство кажется столь же мало безчестнымъ, какъ англичанину плутни его дипломатіи.

Дядя Ерошка вѣрить въ свои догматы, какъ въ свои пять пальцевъ; онъ обнаруживаетъ ихъ не только съ полною откровенностью, но даже съ хвастовствомъ и съ гордостью человѣка, сознающаго размѣръ своихъ заслугъ.

«Не засталъ ты меня въ мое золотое времечко—говорить онъ Лугѣ—я бы тебѣ показалъ. Нынѣче Ерошка кушину облизалъ, а то Ерошка по всему полку гремѣлъ. У кого первый конь, у кого шанка *урда*, къ кому выпить, съ кѣмъ погулять? Кого въ горы послать, Ахметъ-хана убить? Все Ерошка. Кого дѣвки любить? Все Ерошка отгѣчалъ. Потому что я настоящій *джигитъ* былъ: пьяница, воръ, табунъ въ горахъ отбивалъ, пѣсенникъ; на всѣ руки былъ. Нынѣче ужъ и казаковъ такихъ нѣтъ. Глядѣть скверно.»

Къ людямъ, не понимающимъ его догматовъ—неодобреніе онъ можетъ считать только за непониманіе—дядя Ерошка относится какъ къ неразумнымъ ребятамъ, полупреерительно, полунасмѣшливо, полужалѣя. Онъ даже считаетъ за лишнее убѣждать ихъ, тѣмъ болѣе, что по натурѣ своей исполненъ терпимости къ слабостямъ другихъ. Но за то онъ серьезно уважаетъ и отличаетъ истиннаго джигита, чтó значитъ: *истиннаго человека*, по идеалу дядей Ерошекъ. Лукашка, застрѣлившій абрека, Лукашка, воровавшій съ Гирей-ханомъ; въ его глазахъ есть лучший исполнитель своего призванія, своего долга. За его удачу онъ полюбилъ его какъ родного сына; онъ его учитъ, интересуется нимъ, любитъ на него, расхваливаетъ его другимъ; между ними устанавливается крѣпкая нравственная связь помимо расчетовъ и вѣщней случайности. Эту черту слѣдовало бы разглядѣть критикамъ изъ-за циническихъ прибаутокъ сѣдого казака. Развѣ, собственно говоря, онъ не нравствененъ? Развѣ онъ нигилистъ или скептикъ? Онъ вѣрить въ свой долгъ, можетъ быть, крѣпче, чѣмъ мы въ свой; онъ и на дѣлѣ исполняетъ свой долгъ такъ же крѣпко. Но критика обидѣлась, *зачѣмъ его долгъ не нашъ долгъ*, его сим-

вогь вѣрн не нашъ? Имъ бы хотѣлось, чтобы порграницная казанная станица, устроенная съ цѣлью непрерывнаго надзора за горными хвѣщниками—станица, жители которой каждую ночь подвергаются удовольствію проснуться съ перерѣзаннымъ горломъ или ограбленными до нитки, выработала для себя кодексъ морали, пригодный милымъ дѣтямъ въ разглаженныхъ манишечкахъ и голубенькихъ рубашечкахъ, которыхъ гувернантка-франдуженка водить по утрамъ къ ручкѣ шамаши, а въ полдень обучаетъ оксидерамъ. Имъ бы хотѣлось, чтобы юный казакъ Лукаша, просидѣвшій до зари въ холодной грязи камнешей съ взведеннымъ куркомъ и, не смыкая глазъ, ноутру явился бы чистенькимъ мальчикомъ и, преклонивъ колѣна, вознесъ бы вмѣстѣ съ пернатыми утренній гимнъ Творцу: *Oh père, qu'adote mon père, Toi, qu'on ne pense qu'à sepoix...* Не знаю—во чтò бы обратилась исторія народовъ отъ примѣненія къ ней плодотворнаго метода г-жи Туръ. Мы бы должны были послать въ монастырь на покаяніе 500 милліоновъ обитателей небесной имперіи за то, что они не соблюдаютъ постовъ, и посадить на съѣзжую всѣхъ бедуиновъ Іемена за проживаніе въ степи безъ предъявленія паспортовъ кварталному надзирателю.

Другая черта, усложняющая характеръ стараго казака—это то, что онъ охотникъ, бродяга. Охота придаетъ его физиономіи и его воззрѣніямъ болѣе личный колоритъ. Она дѣлаетъ его еще болѣшимъ непосодою, чѣмъ обыкновенно бываетъ казакъ. Она до такой степени освоюваетъ его съ зоологическою жизнью лѣсовъ, что онъ едва отличаетъ въ своихъ понятіяхъ дикую свинью отъ чужого человѣка. Онъ въ звѣрѣ видитъ живое существо съ разсудкомъ, чувствомъ, обычаями иными, чѣмъ у казака или чеченца, но иными въ томъ же смыслѣ, какъ у нѣмца въ сравненіи съ русскимъ, у татарина — съ жидомъ. Это придаетъ его міросозерцанію что-то пантеистическое и вмѣстѣ поэтическое, патфайндеровское. Тутъ онъ прячется не за общеказакіимъ догматомъ, а за плодомъ личныхъ наблюденій, за выводомъ своего многолѣтняго и внимательнаго общенія съ природою. Онъ вступилъ въ нее совсѣмъ съ головою и инстинктивно чувствуетъ себя ея нераздѣльною частью, однимъ изъ тѣхъ ея созданій, которыми нельзя счета найти, которыя наполняютъ непроходимые лѣса и камыши, и тайны подземныя норы, и безграничныя травяныя степи. Съ зари и до зари, въ году въ годъ сидитъ и бродитъ онъ въ этихъ камышахъ и подъ этими чинарами; онъ застааетъ своими собственными глазами всевозможные моменты животной жизни: слѣдитъ выдру подъ водою, подманиваетъ тетеревовъ, обходитъ лежку кабана. Передъ нимъ и они слѣдятъ и

любить другъ друга, употребляютъ то же насиліе и тотъ же обманъ, какъ человѣкъ; какъ онъ, требуютъ пищи и покоя, и удовлетворенія страстямъ; какъ онъ, рождаются въ болѣзняхъ и сосутъ молоко матери, мукаютъ, укрѣпляясь тѣломъ и смысломъ, болѣютъ и умираютъ, скорбятъ и радуются. Какъ у него, у нихъ есть жены и семейства, и домашній кровъ, и родная земля, любовь и дружба, страхъ и гнѣвъ. Другіе могутъ этого не знать, могутъ сказать съ разными цѣлями представленія свои о животныхъ тваряхъ. Но дядь Ерошкѣ не знать звѣря пельзя, и упрекать звѣря нѣтъ никакой причины. Онъ лучше всѣхъ знаетъ, что между нимъ и кабаномъ бездна не безмѣрно велика; знаетъ уже потому одному—какое напряженіе физическихъ силъ, энергій и умственной изобрѣтательности необходимо ему употребить для одолѣнія этого звѣря, то-есть для фактическаго доказательства своего превосходства надъ нимъ. Это напряженіе ощущается имъ слишкомъ осязательно и непосредственно, чтобы не быть сознаннымъ. Послушайте, напряжѣръ, его подлинный рассказъ:

«Все сидишь, думаешь. Да какъ услышишь по частѣ табунекъ лонится, такъ и застучитъ въ тебѣ что-то. Матушки, подойдите. Обнюхаютъ, думаешь себѣ, сидишь не дрогнешься, а сердце: дунь! дунь! дунь! такъ тебя и подбодываетъ. Нынче весной такъ-то подошелъ табунъ важный, зачернѣлся. «Отцу и сыну!» ужъ хотѣлъ стрѣлять. Какъ она фыркнетъ на своихъ на поросать: бѣда, моль, дѣтки: человѣкъ сидитъ, и затрещали всѣ прочь по кустамъ. Такъ-такъ бы, кажется, зубомъ съѣлъ ее.

«— Какъ же это свинья поросатамъ сказала, что человѣкъ сидитъ? спросилъ Оленинь.

«— А ты какъ думалъ? Ты думалъ, онъ дуракъ, звѣрь-то? Нѣтъ, онъ умнѣе человѣка, даромъ что свинья называется. Онъ все знаетъ. Хоть то въ примѣръ возьми: человѣкъ по слѣду пройдетъ, не замѣтитъ, а свинья какъ натянется на твой слѣдъ, такъ сейчасъ отдуется и прочь; значить, умъ въ ней есть, что ты свою волю не чувствуешь, а она слышитъ. Да и то сказать: ты ее убить хочешь, а она по глѣсу живая гулять хочетъ. У тебя такой законъ, а у нея такой законъ. Она свинья, а все она не хуже тебя; такая же тварь божія. Эхъ! глупъ человѣкъ, глупъ, глупъ человѣкъ! повторилъ нѣсколько разъ старикъ и, опустивъ голову, задумался.»

Отсюда прямо вытекаютъ религіозныя представленія дяди Ерошки. Онъ не въ силахъ раздѣлить свою судьбу отъ судьбы мильоновъ другихъ созданій, такъ близко къ нему подходящихъ, составляющихъ, такъ сказать, его домохадцевъ, знакомцевъ и соотечественниковъ. Я увѣренъ, что и Патфайндеръ не могъ бы

помириться съ мыслью о томъ, что его собаки разстанутся съ нимъ послѣ его смерти; сдается мнѣ, что въ «Американскихъ степяхъ», заключительномъ романѣ всей группы патфайдеровскихъ романовъ, старый охотникъ выражаетъ именно противоположную мысль по поводу смерти своего любимого пса. Во всякомъ случаѣ, это совершенно въ духѣ Патфайдера, идеалиста, романтика. У дяди Ерошки то же приравненіе себя къ животному, но только болѣе реальное, основанное на опытѣ. Онъ видѣлъ, какъ умирали чеченцы, кабарцы, олени и казаки, и видѣлъ, что гдѣ они гнили — трава выростала. Старый казакъ когда-то сказалъ ему, что *все то фальшь, что уставщики говорятъ*; эта мысль и застряла у него въ головѣ, потому что она вполне подтверждала его собственный опытъ. Удивительно ли, что формальные толкованія раскольничьихъ книгъ полуграмотными начѣтчиками, толкованія о какихъ-то чудовищныхъ, отвлеченныхъ предметахъ явномъ нечеловѣчески-изломанномъ — казались одною фальшью чловѣку лѣса и поля, привыкшему не къ рѣчи, а къ дѣлу, не къ скучной книгѣ, а къ свѣжей природѣ.

Религиозныя воззрѣнія дяди Ерошки даже не важутся намъ казаться нибудь исключительнымъ явленіемъ въ жизни простого народа. Это не какой нибудь Lucifer Бартольда Ауэрбаха, не какой нибудь esprit fort, возрастающій противъ старыхъ догматовъ во имя чего либо новаго. Дядя Ерошка, по болтливости стараго кутлы и правднаго охотника, весь на распяну за кружкой чихира. Оленинъ простъ, по его мнѣнію; онъ его не описаетъ, не стѣсняется имъ, а говорить *по думѣ*. Въ сущности же онъ иррелигіозенъ не болѣе большинства. Надо еще замѣтить, что дядя Ерошка даже и въ такомъ откровенномъ расположеніи духа боится формулировать свои сомнѣнія въ сколько нибудь рѣшительный выводъ; онъ разомъ прекращаетъ разговоръ, когда замѣчаетъ соблазнительность его исхода. Я приведу этотъ мастерской разговоръ между Оленинымъ и Ерошкой на крылечѣ хозяйской избы, въ тихую ночь за самоваромъ и чихиремъ.

«...Я, бывало, со всѣми кунакъ. Татаринъ — татаринъ; армяшка — армяшка; солдатъ — солдатъ; офицеръ — офицеръ. Мнѣ все равно, только бы пьяница былъ. Ты, говоритъ, очиститься долженъ отъ міра-сообщенія: съ солдатомъ не пей, съ татаринномъ не ѣшь.

«— Кто это говорить? спросилъ Оленинъ.

«— А уставщики наши. А муллу, или кадія татарскаго послушай; онъ говорить: вы невѣрные гаурны, зачѣмъ сванью ѣдите? Значить, всякій свой законъ держать. А по моему все равно, все Богъ сдѣлалъ на радость чловѣку. Ни въ чемъ грѣха нѣтъ.

Хоть съ зѣбра примѣръ возьми. Онъ въ татарскомъ камнѣ, и въ нашемъ живетъ. Куда придетъ, тамъ и домъ. Чтѣ Богъ далъ; тѣ и лопасть. А наши говорятъ, что за это будете сковороды лизать. Я такъ думаю, что все одна фальшь, прибавилъ онъ; немолчать.

— Чтѣ, фальшь? спросилъ Оленинъ.

— Да что уставщики говорятъ. У насъ, отецъ мой, въ Черкесской, войсковой старшина — кунакъ мнѣ былъ. Молодецъ былъ; какъ и я — такой же. Убили его въ Чечняхъ. Такъ онъ говорилъ, что все это уставщики изъ своей головы выдумываютъ. Сдохнешь, говорятъ, трава вырастетъ на могилкѣ, вотъ и все. (Старикъ засмѣялся). Отчаянный былъ!...

— А сколько тебѣ лѣтъ? спросилъ Оленинъ.

— А богъ о знаетъ. Годовъ 70 есть. Какъ у васъ царна была, я уже не махонькій былъ. Вотъ ты и считай — много ли будетъ. Годовъ 70 будетъ?

— Будетъ. А ты еще молодецъ.

— Чтѣ же, благодарю-бога, я здоровъ, всѣмъ здоровъ; только баба-вѣдьма испортила.

— Какъ?

— Да такъ, испортила...

— Такъ, какъ умрешь, трава вырастетъ? повторилъ Оленинъ. Ершнн видимо не хотѣлъ ясно выразить свою мысль. Онъ помалчалу немного.

— А ты какъ думалъ? — Ней! закричалъ онъ, смѣясь и поднесъ вино».

Въ этой минутой бесѣдѣ бродяги-старика сказалося многое хорошее, чтѣ есть у человѣка: безотчетная вѣра въ благость божию, сильное чувство своей связи съ природою, снисходительность къ людямъ, и крѣпкій здравый смыслъ, сопротивляющійся, во своему, антипатичному для него жеученью.

Третья характерная черта дяди Ершннн — это его эпикуреизмъ на казачьей ладъ. Онъ не можетъ подчиниться условіямъ гражданской жизни, дисциплинѣ арміи, дисциплинѣ закона. Онъ не боится труда, но не выноситъ принужденія. Вѣдь издыхаютъ же въ крѣпкѣхъ самыхъ сильныхъ и здоровыхъ зѣбръ. Рожденный въ лѣсахъ Терека, среди горъ, онъ не можетъ расстаться съ печью, его вскорытливей. Онъ питается корочкою хлѣба, когда нечего съѣсть, но онъ зато не работаетъ и не служитъ. Онъ всегда господанъ своего времени и своей воли: идетъ куда вздумаетъ, мѣтитъ вздумаетъ, въ кому вздумаетъ. Попробуйте назначить горбону хвѣстину — орлу или коршуну — гдѣ и какъ онъ долженъ ловить свою добычу. Для дяди Ершннн жизнь есть свобода, иначе

онъ не въ состояніи мыслить жизнь. День и ночь онъ шатается по камнямъ, по колючимъ вустарикамъ, по глухимъ дѣсамъ. Онъ едва слытъ: до зари уже съ ружьемъ. *Сидѣть съ женою онъ просто не можетъ.*

«— Что дома-то сидѣть? Только нагрѣвшись, пьянъ надуешься. Еще бабы тутъ придуть, тары да бары; малядишки кричать, угорнишь еще; то ли дѣло на зорькѣ выйдешь?... и т. д.»

Но ужъ если разъ онъ дома, ему хочется небаловать себя, ему хочется веселой компаніи за бутылкой чихири, и, конечно, чужого чихири, потому что своего хозяйства у него нѣтъ. Поэтому онъ такъ любитъ *простыхъ* людей, въ родѣ Оленина, то-есть такихъ, у которыхъ можно выпить. Онъ ихъ не чутью уважаетъ, и сидитъ съ ними въ одну минуту. Но тутъ дѣйствуетъ не одно побужденіе выпивки и блюдоизничества. Дядя Ершика не уважается чужимъ угощеніемъ, и не считаетъ его за подачку, за милость. Онъ твердо убѣжденъ, что самъ понадобится не нынче — завтра, и что его услуга будетъ нисколько не меньше, хотя и въ другомъ родѣ. У него нѣтъ чихири, но можетъ быть кабанъ свѣжина, и тогда ему вся станица кланяется; нѣтъ пороха, но зато бываютъ фазаны. Оттого онъ за чужимъ столомъ, какъ за своимъ: посылаетъ Оленинскаго деньщика покупать чихирь на деньги Оленина, будто въ свой собственный погребокъ, всѣмъ распоряжается безъ всякаго смущенія и стѣсненія. Но въ немъ чувствуется не безстыдникъ, не эксплуататоръ, а шедрая душа, привыкшая вездѣ раскошеляваться. Посмотрите, сколько примечательнаго въ этомъ откровенномъ, безхитростномъ подступѣ его къ Оленину, въ минуту перваго знакомства. Это именно подступъ простой души, незнающей, и зная нежелавшей той условной лжи, которой сложная система стремится совсѣмъ замѣнить нашу жизнь.

Это подступъ не солдата къ офицеру, не работника къ чиновнику, а подступъ человѣка къ человѣку.

«— Дѣдушка, казакъ! обратился онъ (Оленинъ) къ нему. — Подойди-ка сюда!»

«Старикъ вздвинулъ въ окно и остановился.»

«— Здравствуй, добрый человѣкъ! сказалъ онъ, приподнявъ надъ короткоостриженною головою свою шапочку.»

«— Здравствуй, добрый человѣкъ! отвѣчалъ Оленинъ. — Что это тебѣ малядишки кричать?»

«Дядя Ершика подошелъ къ окну. А двадцать меца, старикъ. Это ничего, Я люблю. Пускай радуются надъ дядей, сказали онъ съ тѣми твердыми и нѣвучными митонаціями, съ которыми говорятъ старые и почтенные люди. — Ты начальникъ армейскаго, что ли?»

«— Нѣтъ, я юншера. А гдѣ ты фазановъ убилъ? спросилъ Оленникъ.

«— Въ лѣсу три курочки замордовалъ, отвѣчалъ старикъ, поворачивая въ окну свою широкую спину, на которой заткнуты голубками за поясъ, пятная кровью чересосу, ввели три фазана. — Агъ ты не видивалъ? спросилъ онъ. — Коли хочешь, возьми себѣ парочку. На! И онъ подалъ въ окно двухъ фазановъ. — А что, ты охотникъ? спросилъ онъ.

«— Охотникъ. Я въ походѣ самъ убилъ четырехъ.

«— Четырехъ? Много! насмѣшливо сказалъ старикъ. — А пѣлинка нѣ? Чихирь пѣешь?

«— Отчего нѣ? И виныть люблю.

«— Э, да ты, я вижу, молодецъ! ми съ тобой кунаки будемъ, сказалъ дядя Ерощка.

«— Заходи, сказалъ Оленникъ... Вотъ и чихирю вышьешь.

«— И то зайти, сказалъ старикъ. Фазановъ-то возьми.

Эта доброта и прямота, эта откровенная нечуждость всему человѣческому — сразу привлекаютъ читателя къ сѣдому дядѣ. Кромѣ виныть, дядя любитъ поврать; вонервыхъ — старикъ, восторыхъ — охотникъ, втретыхъ — восьмий, живенный малый по природѣ своей. Надувшись чихирю, сидитъ онъ и болтаетъ неонаемку, прикидывается — то какою-нибудь дѣвчонкой изъ годовъ своей юности, то вешней удаляю, то стрѣльцемиъ искусствомъ. Какъ ему же имѣть въ своей биографіи той были, которую пословица не ставитъ *младуцъ съ укоръ*? какъ не повѣрить всему, что онъ рассказываетъ про своихъ душевекъ?... Хорошо какому-нибудь высохшему смну дивизіаціи съ аневризмомъ въ сердцѣ, съ хроническими кашлемъ въ легкихъ, возставать противъ неумѣренности и грубыхъ вазмалденій! Какъ будто они и въ самомъ дѣлѣ существа одной породы съ дядями Ерощками? Желалъ бы я видѣть, какъ залясала бы его смерщеннаа душа, очутившись въ богатирскомъ органнзмѣ гребенскаго казака, способнаго многія сутки проводить въ лѣсахъ и камышатъ, могущаго на собственныхъ плечахъ доташать до дому собственноручно убитаго кабана, и собственнымъ желудкомъ убраться отъ него над-окорока. Неисволѣ захочется чихирю, не въ рюмочкѣ и не на блюдечкѣ; неисволѣ не окажется достаточнымъ побесѣдовать съ грудастомъ казачкомъ о вонсенныхъ налогахъ и судьбѣ пролетаріата. Эти маститые, расосноно расросшіеся организми живутъ вѣрнко и ослыно; вѣтъ дубъ лѣсовъ, могучій разбѣръ ихъ вѣтской жизни народъ, ослыно итно обозначилъ въ старинныхъ сказкахъ своихъ, гдѣ онъ за-сказываетъ авонкаъ богатирей, поднимать за уши, выпивать живнкой вонкаъ браги, да такой же нива, да такой же маду; гдѣ слытъ

его богатыри, боатырьскими силами по трое суются. Тѣрокіе накази — это тѣлеса человѣческія, не въ гератологическомъ состояніи, не для медицинскіхъ муссовъ, а тѣлеса во всемъ величій здоровья и правильнаго роста, силъ, законченныя, кажда нужны для жизни. Плоть ихъ вопіеть, какъ голодный звѣрь, и ея быства не удовлетворить гомеопатическими приемами. Школьникъ, величайшій изъ учителей и даже правоучителей, удивительно понималъ эту особенность мощныхъ организмовъ, и удивительно умѣлъ видѣть человѣческое даже въ самыхъ бушеваніяхъ ихъ. Оттого у него вырывается столько задушевныхъ страницъ, даже по отношенію къ такимъ людямъ, которыхъ ходятая мораль безъ затрудненія окрещиваетъ именемъ безнравственныхъ, преступныхъ людей. Оттого въ жирномъ и пьяномъ циникѣ Фальстафѣ, мы часто видимъ дорогого друга, видимъ даже черты самого великаго творца Юлія и Гамлета.

Что касается до нашего дяди Ерошки, то его такъ называемыя преступныя стороны рѣшительно не могутъ закрывать отъ непредупрежденныхъ глазъ всей человѣческой широты и доброты его натуры. Языкъ его часто циниченъ, но душа его чиста и прима. Онъ никогда серьезно не думаетъ о подвѣдѣ Марьяны Оленину, хотя повидимому такъ часто вышывается на это.

«— Красавица, сказалъ Оленинъ. — Позови ее сюда.

«— Ни-ни, преговорилъ старикъ. — Эту сватаютъ за Лузанку. Лува — казакъ молодець, джигитъ, намедни съ абрека убилъ, а тебѣ лучше найду».

Въ другой разъ Оленинъ напоминаетъ ему его обѣщаніе, свести его съ Марьянкой.

«— Ты бы за Марьянкой поволочился?

«— Ты смотри на собакъ-то, сурово отвѣчаетъ старикъ. Смнелъ его обѣщаній и хвастовства на счетъ дѣвогъ лучше всего видѣнъ въ одной мастерской сдѣлѣ съ Марьянкой, когда она проходила мимо она.

«Старикъ подмигнулъ, и толкнулъ локтемъ молодого человѣка.

«— Постой, проговорилъ онъ, и выкунулся въ окно. Кхи! Кхи! закипалъ и замичалъ онъ. Марьянушка! а, кинька. Марьянка! полюби меня, душевнѣе! а шутникъ, прибавилъ онъ шепотомъ, обращаясь къ Оленину».

Черезъ минуту слытъ:

«Полюби меня, будешь счастлива! закричалъ Ерошка и, вымгивая, нехотительно выгнулся на офицера. Я молодець, а шутникъ, прибавилъ онъ. Королева дѣвка? А?»

Стоитъ ли прибавить что нибудь въ объясненіе живого-добродушныхъ прекавъ веселаго старика?

До какой степени онъ самъ не придаетъ значенія своимъ похвальбамъ, рѣче всего видно изъ разговоръ его съ Оленинымъ; во время сговора — Марьянин. Старикъ нелѣтъ; и жалуется на комарь.

«Что, Лукашка! Ему наврали, что я тебѣ дѣвку подвожу, ставя старикъ шепотомъ. А что дѣвка? будетъ наша, коли законитъ: денегъ дай больше, и наша! Я тебѣ сдѣлаю, право.»

Чего, кажется, опредѣлительнѣе и убѣдительнѣе? Но Оленину только стоило отвѣтить:

«Нѣтъ, дядя, деньги ничего не сдѣлаютъ, коли не любить; лучше не говори про это.»

И возрѣвнѣ дяди Ерошки во мгновеніе мѣняется, какъ будто никогда и не бывало другого:

«Нелюбимыя мы съ тобой сироты! вдругъ сказалъ дядя Ерошка, и опять заплакалъ.»

Сцена высокая, по психологической правдѣ, по задушевному юмизму, и очень характерна для Ерошки.

Точно такъ же спадаетъ съ этого жизненнаго типа иллюзія кровности, безсердечія, въ вослѣваніи которыхъ чуть не обвинилъ графа Толстаго. Ерошка, дѣйствительно, убивалъ на своемъ вѣку; онъ много и спокойно рассказываетъ о своихъ битвахъ и подвигахъ. Подойди надобность — онъ, конечно, и еще покажетъ чеченцамъ меткость своей флинтцы. Но это только одна черта, доступная близорукому глазу. Въ эту грубую и простую черту, вытесненны тонкими, разноцвѣтными шелковинками не столь замѣтными, но болѣе дорогія черты.

«Это, знаешь, кто поетъ? сказалъ старикъ, очнувшись. Это Лукашка джигитъ. Онъ чеченца убилъ: то-то и радуется. И чему радуется, дуракъ, дуракъ!»

«— А ты убивалъ людей? спросилъ Оленинъ.»

Старикъ вдругъ поднялся на оба локтя, и близо придвинулъ свое лицо къ лицу Оленина.

«— Чортъ! закричалъ онъ на него. Что спрашиваешь? Говорить не надо. Душу загубить мудрено, охъ, мудрено!»

Ему жалъ и свиньи, какъ мы видѣли, хотя онъ ихъ бьетъ, ибо видитъ въ этомъ необходимость, назначенье отъ Бога:

«Ты ее убить хочешь, а она по лѣсу живая гулять хочетъ. У тебя такой законъ, а у нея такой законъ.»

Онъ даже жалѣетъ убитаго абрека, врага своего, который не винитъ — завтра самъ бы прострѣлилъ его насквозь.

Изъ этого чувства далеко не всякій возникаетъ. Лукашка убилъ жившаго по рѣкѣ абрека, и указываетъ на него дядѣ:

«Видишь, что-ль? — Чего не видеть! от сердцемъ сказать старика, и что-то серьезное и строгое выразилось въ лицѣ старика. — Дмггита убилъ! сказалъ онъ, какъ будто съ сожалѣніемъ.»

Нельзя не привести еще одной изъ множества прелестныхъ, высокохудожественныхъ сценъ, унизывающихъ романъ графа Толстаго, какъ дорогія жемчужины. Эта сцена трогательна своимъ безыскусственнымъ сочетаніемъ грубой формы съ самымъ теплымъ и нѣжнымъ душевнымъ мотивомъ. Эта сцена составляетъ окончаніе того вечера, на крыльцѣ за самоваромъ, о которомъ мы уже упоминали.

«Очнувшись, Ерощка поднялъ голову и началъ пристально всматриваться въ ночныхъ бабочекъ, которыя вились надъ колыхавшимся огнемъ свѣчи и попадали въ него.

«— Дура, дура, заговорилъ онъ. Куда летишь? Дура, дура! Онъ приподнялся и своими толстыми пальцами сталъ отгонять бабочекъ.

«— Сгоришь, дурочка, вотъ сюда лети, мѣста много, приговаривалъ онъ нѣжнымъ голосомъ, стараясь своими толстыми пальцами учтиво поймать за крылушки и выпустить. Сама себя губишь, а я тебя жалѣю...»

Не знаю, какой же живой типъ можетъ пробудить симпатіи читателя, если типъ этого милаго старика кажется оскорбительнымъ для человѣчества, звѣрообразнымъ? Казакъ—охотникъ, всю жизнь свою проливающій кровь и живущій съ звѣрами, способенъ еще шутить съ дѣтьми, какъ добрый дѣдушка, способенъ жалѣть бабочекъ, понапрасну гибнущихъ, любить своихъ и враговъ, казаковъ и солдатъ, одинаковою человѣческою любовью; способенъ рыдать, разставаясь съ завязнымъ юнкеромъ, у котораго проваля нѣсколько веселыхъ вечеровъ — и его вдругъ признать циникомъ, атеистомъ, людоѣдомъ. Да дай-богъ, чтобы наша мораль, цивилизація и религія довели душу каждаго человѣка до той внутренней нѣжности и правдивости.

«— По моему хоть ты и солдатъ, а все человѣкъ, тоже душу въ себѣ имѣешь. Такъ ли я суму? Мила Мосенчъ солдатъ былъ, а какой золото человѣкъ былъ; такъ ли, отецъ мой? За то-то меня нани и не любятъ; а мнѣ все равно. Я человѣкъ веселый, я всѣхъ люблю, я, Ерощка! такъ-то, отецъ мой, и стараясь дачево потренилъ по плечу молодого человѣка.»

Больше и говорить нечего: «я человѣкъ веселый, я всѣхъ люблю!» Это — результатъ, до котораго радо бы добиться съ борьбою и неудачами все наше образованіе.

Въ чемъ же причина того дружнаго несогласія, съ которыми встрѣтили критики этотъ оригинальный типъ? Со стороны однихъ, сантиментальныхъ и риторическихъ представленій о стра-

тахъ человѣка, незнакомство съ темпераментами людей, составляющими основу всякой драмы: вслѣдствіе этого односторонняя, фальшивая мораль. Съ другой стороны — теоретическіе воззрѣнія на художественныя произведенія; сужденія объ нихъ на основаніи различныхъ вѣншихъ тенденцій и партийныхъ догматовъ, а не на основаніи собственной жизненной силы, въ нихъ заключающейся.

Ерошка, плача на прощаніѣ, выпрашиваетъ себѣ у Оленкина ружье; поэтому Ерошка комедіантъ, попрошай. Ерошка пьетъ чихирь и говоритъ не гостинимъ, а казацкимъ языкомъ — Ерошка грубый матеріалистъ и развратникъ. Имъ бы хотѣлось, чтобы онъ, какъ Расиновы и Мольеровы герои, былъ влитъ весь изъ одного цѣльнаго свойства: герой такъ ужъ герой, злодѣй — такъ ужъ злодѣй, скупой — такъ скупой, безъ всякой лигатуры — червоный герой или червоный злодѣй настоящей 96-й пробы. А вотъ я, напротивъ, только и повѣрилъ бытію Ерошки, узнавъ въ подробности его лигатуру; мнѣ только такъ онъ ясенъ и осязателенъ, мнѣ только такъ и милъ онъ. Плачь плачемъ, а подарокъ подаркомъ; почему подарокъ помѣшаетъ плачу? Развѣ радость не въ состояніи ослабить горя? Развѣ мы сами съ господами критиками не стараемся порадовать себя флинтами своего рода во время разнообразныхъ нашихъ слезъ? Почему же откровенность непосредственнаго человѣка насъ обидѣла? Ерошка очарователенъ именно своею реальностію, полнотою, а не выдуманностію и односторонностію. Онъ — человѣкъ практическій, живетъ легко и весело. Впечатлѣнія его неглубоки, но живы, взглядъ широкій, свѣтлый и спокойный. Иначе бы и не дожить ему въ такомъ кабаньемъ здоровьѣ до сѣдой бороды, не быть бы въ 70 лѣтъ румяногоржимъ кутилою и плясуномъ. Изъ этихъ условій вытекаетъ его благорасположеніе къ людямъ, его поэтическое чувство природы; но въ жизни его не существовало никакихъ условій, способныхъ очистить его характеръ, языкъ и привычки отъ вліанія обстановки, ремесла и вѣковыхъ преданій; и онъ является съ ними со всѣми, какъ есть, живой, выпуклый, на всегда памятный. И я всегда буду душевно любить его, этого гребенскаго Патфайндера, милаго, услужливаго товарища, беззаботнаго друга дѣсовъ и вампшей.

3) Казакъ Лука.

Казакъ Лука — джигитъ, удаецъ, но не можетъ такъ симпатически дѣйствовать на чувства читателя, какъ дѣствуетъ старикъ цыганъ Ерошка. Въ Лукашѣ много сухой серьезности, односто-

ронности и прозы. Это—идеаль казака, упорно вѣрующій въ малѣйшій догматъ казачества, незнающій ни въ чемъ отступленія, сомнѣнія, колебанія. Въ него не вложено ни одной искры поэзіи, ни одной соринки скептицизма, отчего отъ него нѣсколько пахнетъ умственной ограниченностью. Въ Ерощкѣ сидитъ, хотя очень глубоко, бѣсъ новизны, реформы. Ерощка оттрепанъ на всѣ бока своимъ житейскимъ опытомъ; инстинктивно онъ попялъ относительность и условность многоаго. Рѣзкость его глѣзныхъ кусковъ и казацкихъ догматовъ смягчилась столько же этимъ долгодѣтнимъ опытомъ, сколько несомнѣнно-поэтическимъ складомъ его души. Но Луку мы застаемъ во всемъ весеннемъ сокотеченіи грубыхъ силъ; ослабленіе физической жизни еще не уступило умственнымъ силамъ его господства надъ его дѣйствіями. Оттого онъ рѣзокъ, суровъ и исключителенъ. Въ убійствѣ абрека, даже при созерцаніи трупа его, онъ еще не умѣетъ видѣть что-нибудь иное, кромѣ собственнаго подвига; онъ дрожитъ отъ радости, какъ коршунъ, задравшій перепелку, и полонъ только одной казацкой гордости. Но это не кровожадность, не дрянное чувство радости о гибели другого. Это—безсознательное, вполне естественное, ощущеніе хищной птицы или кошки, удовлетворившей своей органической потребности. Безнравственнаго тутъ уже ничего не откопашешь. Такова же его любовь къ Марьянкѣ: прямая, откровенная, пропечатанная до послѣдней буквы въ каждомъ его жестѣ и словѣ. Онъ не скрываетъ, чего хочетъ отъ Марьянки — ни отъ нея самое, ни отъ людей; онъ даже не подозрѣваетъ, что у кого-нибудь могутъ быть поводы скрывать это. Марьянка лучше другихъ дѣвокъ, больше по вкусу ему: но онъ ничуть не мечтаетъ, будто бы она для него незамѣнима: она—или никто... Вовсе нѣтъ: не пошла Марьянка — другую бы взялъ, казачекъ хорошихъ много; не удаётся ему къ Марьянкѣ въ окно влѣзть — поворачиваетъ къ Ямкѣ, и дѣло съ концомъ. Ди Марьянки онъ не пожертвуетъ также своими военно-казацкими интересами. Ихъ только онъ считаетъ *настоящимъ дѣломъ*, а всѣ свои бесѣды съ Марьянкой, всѣ свои попойки у Ямки — однимъ баловствомъ, гуляньемъ, пригоднымъ между дѣломъ и въ своей часъ. Марьянка не закрыта отъ него никакими иллюзіями; онъ не считаетъ разрушеніемъ своей любви открыто-высказаннаго ей подозрѣнія въ невѣрности; онъ въ этой невѣрности видитъ весьма естественное событіе, хотя лично ему невыгодное. Онъ не возникаетъ въ психическихъ мученіяхъ, какъ сдѣлалъ бы на его мѣстѣ какой-нибудь Грицько или Остапъ Марко-Вовча, а просто на просто грозить Марьянкѣ и ругается съ нею. Такъ же ругается онъ и въ отвѣтъ на постоянные ея отказы его желаній:

«Хорунжика! замужъ выдѣть», ворчитъ онъ презрительно на свою возлюбленную. Тагъ же откровенны, можно сказать, всенародны его кутежи у Ямки, его связи съ прежнею любовницею; все это основано на казацкихъ принципахъ, допускается казацкою моралью — стало-быть, изъ чего тутъ скриваться? Оттого въ его пьянствѣ и развратѣ не видишь ничего омерзительнаго, унижающаго, какъ нельзя видѣть ничего этого въ жизни дикаго коня. Чтò бы ни дѣлалъ звѣрь — онъ никогда не представляется намъ безнравственнымъ, грязнымъ, но всегда естественнымъ, исполненнымъ своего особеннаго достоинства и своей особенной красоты; потому что онъ всегда вѣренъ самому себѣ, никогда не ниже себя. Когда гуляеть Лука, чувствуешь, что этому организму надо выпить и нагуляться именно на столько, что это не извращеніе инстинктовъ, не болѣзненное раздраженіе вкусовъ, которыя такъ часто встрѣчаются въ иныхъ слояхъ общества.

Отношенія Лукашки къ матери, вставленныя авторомъ словно мимоходомъ, прекрасно дорисовываютъ его портретъ. Эти отношенія опять-таки глубококазацкія, глубококростонародныя. Чтò ни говори, а въ настоящей русской семьѣ, нетолько мужицкой, но даже и купеческой, взрослые сыновья безъ отца дѣлаются хозяевами, властелинами своихъ матерей. Лука — суровый и эгоистическій хозяинъ, какъ все наше простонародье. Баба, хотя она и мать, не слышитъ отъ него ласки и пріятнаго разговора. Какъ казакъ, онъ особенно презираетъ бабу: баба не воинъ, не дрягить, бабѣ только пироги печь; чтò съ нею толковать? Спросилъ чихирю, прикрикнувъ для порядка, да и за дѣло. Помысли Лука, какъ и всякаго казака, внѣ семьи; ему дома скучно и почти неприлично. А между-тѣмъ онъ уважаетъ мать по своему: онъ ей достанетъ все, чтò нужно, онъ не дастъ ее обидѣть, онъ на нее нетолько не осмѣлится руки поднять, но даже похоршее слово сказать. И народъ кругомъ, и сама мать, и самъ Лука увѣрены, что онъ почтительный, добрый сынъ, какъ слѣдуетъ казаку и православному бытъ, хотя онъ презираетъ ибжничанье и возню съ бабой. Чѣмъ онъ виноватъ? Онъ слѣдуетъ только тому, чему научили его собственные гувернёры — Ерошки и Гирей-ханы; онъ помнитъ только свои лекціи, прослушанныя когда-то въ камышахъ Терека и на вышкѣ кордона. Конечно, пріятно было бы устроить чувствительный пейзажъ съ одной стороны изъ престарѣлой матери, обливающей слезами стремя сыновьяго коня, любящей сына въ уста и въ очи, называющей его «желаннымъ» и «сыномъ голубемъ» и «дитяткой менагляднымъ»; а съ другой стороны отъ этого статнаго юноши съ понижшимъ челомъ и съ слезою, повисшей на черномъ усѣ: «прощай, моя ясочка, роди-

ная мол! могъ бы тихо прошептать онъ; «кто-то будетъ нѣ расчесывать шелковыя кудри мои, кто-то будетъ миловать да голубить»; а она бы еще; а онъ бы еще, и кончить потому многія точками. Я знаю, что эта сцена вышла бы поразительною подъ талантливымъ перомъ нашего знаменитаго изслѣдователя престопадной жизни—Марка-Вовчка. Но что же дѣлать? Нѣкоторые односторонніе писатели не любятъ почему-то поразительныхъ сценъ; надо и имъ когда-нибудь уступить.

Лукашка выступаетъ грубымъ прозаикомъ еще въ одномъ обстоятельстве своей жизни: въ дружбѣ съ Оленнинымъ. Несмотря на безавѣстную доброту Оленнина, на его горячія желанія сдѣлать ли счастья Луки все, отъ него зависящее, Лукашка ведетъ себя настоящимъ болваномъ; надъ сердечными изліяніями Оленнина онъ внутренне подсмѣивается и долго не вѣритъ чистотѣ его намѣреній. Даже послѣ подарка Оленнинскаго, Лука не разубѣждается, а ждетъ все, что Оленнинъ выпроситъ у него что-нибудь себѣ, въ замѣнъ подареннаго коня; онъ—радъ радехонеть, что можетъ отдѣлаться однимъ кивкомъ. Только въслѣдствіи, когда ему сказали старики, что русскіе всегда такіе дураки и богачи, онъ какъ будто понялъ Оленнина, и пересталъ его подозрѣвать. Вася, можетъ быть, удивляется, отчего этотъ безсердечный шлопа, безъ всякой причины, такъ упорно не хотѣлъ вѣрить теплымъ словамъ дружбы? Вещь очень простая, читатель! Для него эти слова нѣмѣютъ то же значеніе, какъ для насъ съ тобою стереотипныя фразы писемъ: *многочуважаемый господинъ*, или *имѣю честь остаться душевно вамъ преданнымъ*. Казаки и чеченцы не словами, а дѣлами, съ малства научили его, что чужого коня можно достать или своимъ золотомъ, или своею кровью; что безъ собственной выгоды, одинъ человекъ для другого, пальцемъ не пошевелить; что не только слава, даме клятвы даются именно тѣми, кто скорѣе всего готовъ ихъ нарушить. Послушайте—какъ учить его до вѣрью къ людямъ его сѣдой дядька и губернёръ—Ерошка:

«Гирей-хану вѣрять можно, его весь родъ—люди хорошие; его отецъ вѣрный кунакъ былъ. Только слушай дядю, я тебя худу же научу: вели ему клятву взять, тогда вѣрно будетъ; а пойдешь съ нимъ, все пистолей наготовѣ держи... Вѣрнись—вѣр, а безъ ружья спать не ложись.»

Грубыя въ страстяхъ, грубыя въ любви, грубыя въ дружбѣ—вотъ, значить, и весь Лукашка—подумаете вы, весь идеалъ казака. Нѣтъ, далеко не весь. Казакъ—вѣчный воинъ, вѣчный борецъ. Тутъ все его содержаніе, вся его добродѣтель и мораль. Лукашка перенелъ эту существенно-казацкую добродѣтель. къ ней прикованы его фантазіи, и его сознаніе. Долгъ въ от-

вошелъ къ ней — для него святъ и неумолимъ, какъ божья заповѣдь. Она — дѣло; все остальное — пустая, реблическая забава. Лукашка, такъ безцеремонно трагундиръ свою шефету-любовницу, такъ безприсовѣстно гуляющій въ станицѣ съ своимъ другомъ Назаркою — тотъ же Лукашка сидитъ, не смыкая глазъ, цѣлыя ночи на берегу Терека, оберегая родную станицу; онъ первый бросается на пули и ножи абрековъ; онъ, когда нужно, не раздумывая, переплываетъ Терекъ, подвергая себя всевозможнымъ опасностямъ. Рыцарскій духъ казака горитъ въ немъ жаркимъ, для всѣхъ замѣвнымъ, пламенемъ. Самы товарищи лучше всего чувствуютъ въ немъ присутствіе этого избраннаго духа, и невольно уступаютъ ему въ дѣлѣ первый шагъ и первый голосъ, внимаю всѣхъ чиновныхъ и сѣдыхъ старинныхъ.

Типы другихъ казаковъ хотя очерчены мимоходомъ, нѣсколькими бойкими штрихами, живы и полны до такой же степени, какъ и типъ Луки Назарка, Ергушовъ, урядникъ, особенно же этотъ несравненный хорунжій — все это высокохарактерные портреты, которыхъ не перемишаешь и не позабудешь. Хорунжій выступаетъ особенно ярко на фонѣ окружающихъ его грунтовъ; его крѣпкая, коренная казачья натура едва только смазана сверху лакомъ дешевой цивилизаціи; это — такая же хищная и хитрая лисица, какъ всѣ остальные, только она уже умѣетъ стоять на заднихъ лапкахъ и коверкать отвратительнымъ манеромъ свой простой выразительный языкъ на непонятное ей чужое нарѣчіе.

Мнѣ досадно, читатель, если всѣ мастерскіе портреты, всѣ поэтическія и живописныя сцены, которыми силою наполненъ романъ гр. А. Толстаго, производятъ на тебя неуспокоительное впечатлѣніе. Въ такомъ случаѣ я никакъ не могу стать на твою фальшивую точку зрѣнія, съ которой большинство привыкло недавно судить художественное произведеніе. Но если ты только жалѣешь, отчего въ гребенскихъ станицахъ нѣтъ до-сихъ-поръ женскихъ гимназій и филантропическихъ обществъ, отчего Лукашка не Уильберфорсъ, а хорунжій не Песталоцци — то я поздравляю тебя отъ души съ такимъ платоническимъ желаніемъ, самъ съ полнымъ чистосердечіемъ къ нему и къ тебѣ присоединяюсь.

4) *Мамука-Марьянка.*

Мы совершенно довольны предъвдущими типами; типъ дяди Ершани мы смѣло ставимъ въ рядъ первоклассныхъ характеровъ, созданныхъ нашею изящною литературою. Но, надо сказать, что подобные типы удаются нашимъ лучшимъ писателямъ хотя далеко не часто, все же однако чаще, чѣмъ характеры женщинъ.

На изображеніи женщинъ тупилась и позорилась талантливѣйшіе наши рѣзцы; въ изображеніи женщины особенно силились высказаться тенденціи и взгляды самихъ писателей; женщина почти всегда проводила собою въ литературу опредѣленную теорію.

Гоголь оборвался на своихъ женщинахъ самымъ поразительнымъ образомъ; Тургеневъ, томившійся болѣе другихъ надъ отысканіемъ нужной ему женщины, произвелъ много прелестныхъ художественныхъ эскизовъ ихъ, но не доработался ни до одного строго-опредѣленнаго и вполнѣ выразительнаго портрета. Отъ душевно-взвѣжной, для любви живущей, Аси онъ постепенно перешелъ въ строгіи типамъ женщины христіанки (Дизы) и женщины-патріотки (Елены), и наконецъ въ послѣднемъ романѣ дошелъ до женщины народа, непосредственной, природной, безъ всякой примѣси (Фени). Развитіе его стремленій тутъ довольно ясно, но образы, въ которыхъ они выразились, не совсемъ полны. Другимъ новѣйшимъ писателямъ заимать еще менѣе удалось ихъ кониптки: ни у Гончарова, ни у Писемскаго не находимъ мы живой женщины, съ характеромъ и фисіономіею. Нѣкоторая безцвѣтность, однообразное распространеніе того же самаго тона слабасть ихъ другъ съ другомъ въ представленіи читателя и заставляетъ подозрѣвать по этому дурному признаку сочленность типовъ. Графъ Л. Н. Толстой имѣеть то преимущество передъ другими нашими талантливыми писателями, что не умѣеть говорить двусмысленно и сдержанно. Его рисунокъ такъ же смѣль и выразителенъ, какъ его мысль; то, что онъ любитъ, онъ считаетъ безусловно хорошимъ, и безусловно дурнымъ все, что противно его вкусу. Потому безъ всякихъ оговорокъ, компромиссъ и увертокъ, онъ выдвигаетъ свое мнѣніе или свой типъ прямо впередъ, съ рѣзкостью кулачнаго размаха, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что этимъ движеніемъ иногда въ кровь разбиваются носы людей, непричастныхъ его симпатіямъ. Онъ какъ будто съ намѣреніемъ вызываетъ противъ себя общественное мнѣніе и уже во всякомъ случаѣ пальцемъ не толкнеть, чтобы предупредить его или услужить ему. Слово его радуетъ и забавляетъ раздраженіе инстинктивныхъ; словно нѣтъ для него въ мірѣ ничего отраднѣе, какъ проѣхаться сквозь приличную и многочисленную публику господствующихъ мнѣній верхомъ на какомъ нибудь бѣшеномъ паракосѣ, давая кругомъ народъ, и хлестая цѣлью острой рѣчи и нагѣво. Какъ бы ни относились къ этой чертѣ литературнаго характера гр. Толстаго, во всякомъ случаѣ одно ея послѣдствіе несомнѣнно: у гр. Толстаго всѣ мысли досказаны, всѣ фигуры дорисованы съ смѣлью, подходящею на вызовъ, съ откровенностью, иногда переходящею въ

условія обиденныхъ приличій. Если г. Толстому нужно ругнуть, то онъ не употребляетъ многоточій и звѣздочекъ, а отвечаетъ все правое словечко крупнѣйшими литерами; если нужно изобразить неподдѣльную природу, онъ избѣгаетъ виноградныхъ листиковъ и полунабросанныхъ покрывалъ, а вырисовываетъ все, что ему нужно, самую яркою краскою, самымъ меткимъ карандашомъ.

Поэтому въ типѣ изображенной имъ женщины Марьянки нѣтъ ни малѣйшаго недостатка опредѣленности; она намъ ясна до осязательности. Это—здоровая, красивая, молодая дѣвка, такъ же точно вѣрная во всемъ своей сферѣ и своей породѣ, какъ буйволница вѣрна своимъ. Посмотрите, какими глазами смотритъ она на свою красоту, на свои отношенія къ Лукашѣ. Жизнь успѣла уже показать ей, что всѣ молодыя дѣвки въ свою пору нравятся парнямъ, что за всѣми ухаживаютъ, отъ всѣхъ добиваются поцалуевъ и обѣщаній; стало-быть, ничего особенно лестнаго, исключительнаго не можетъ быть въ отношеніяхъ къ ней ея Лукашки. Лукашка добивается своего, для себя, а не для нея. Лукашка будетъ ее бить, когда станетъ ея мужемъ; ластится онъ до поры до времени, пока она еще не въ рукахъ. Она знаетъ, что не одна она привлекала его, что онъ даже къ ней ходитъ отъ своей прежней душеньки. Отсюда понятно ея довольно равнодушное, сдержанное и нѣсколько строгое поведеніе по отношенію къ Лукѣ. Нельзя сказать, что она его не любитъ; она желала бы изъ всѣхъ казаковъ имѣть мужемъ Лукашку; Лукашка — молодецъ собою, первый храбрецъ, на виду у всей станицы. Онат оже изъ первыхъ дѣвокъ въ станицѣ; это ей всѣ говорятъ, и она на столько сама понимаетъ; поэтому имъ сподручнѣе всего быть мужемъ и женою. Тутъ не одно благоразуміе: и физическая страсть уже говоритъ въ этомъ крѣпкомъ, молодомъ тѣлѣ. Но страшно бы было приписать этой страсти подавляющее значеніе, какъ поступаетъ обыкновенно въ отношеніи своихъ героинь Жорж-Зандъ и ея крошечные копировщицы и копировщицы. Можетъ-быть, въ Италіи, въ Испаніи или въ какомъ-нибудь Провансѣ, климатъ или племенные условия сообщаютъ особую напряженность фантазій и страстямъ человѣка; можетъ-быть, тамъ они заурядъ господствуютъ надъ внушеніями разсчета, благоразумія, приличія — не берусь объ этомъ судить. Но Россію мы знаемъ, и народъ нашъ мы знаемъ. Тамъ сѣверная, славянская кровь мало страдаетъ отъ капризовъ фантазій; отношенія его половъ какъ всегда отличались, такъ и теперь отличаются какимъ-то холоднымъ, едва не механическимъ формализмомъ. Женщина, говоря вообще, рѣдко настроивала русскаго человѣка на поэтическое чувство, на вдохновенное дѣло, рѣдко смягчала

своимъ нѣжнымъ прикосновеніемъ грубость его нравственныхъ вкусовъ. Древняя наша литература представляетъ выразительные, хотя и печальные памятники этого явленія. Женщина вездѣ такъ разсматривается какъ инструментъ для грубыхъ страстей, какъ низшее и подчиненное животное, выгоды котораго по самой природѣ идутъ вразрѣзъ съ выгодами мужчины; какъ существо безстыдное, коварное, нестѣющее довѣрія ни въ чемъ и никогда. И теперь, всюду кругомъ насъ, куда ни оглянешься, то же униженіе женщины до степени служанки и самки, тотъ же неодушевленный, немаскированный никакою иллюзіею, хладнокровный развратъ. У народа, вѣчно работающаго, вѣчно-удрученнаго и стѣсненнаго въ своихъ насущныхъ потребностяхъ — любовная страсть вѣроятно не можетъ dorости до другихъ размѣровъ и принять иное направленіе. Недаромъ мужикъ не понимаетъ этого слова; анекдотъ о старостѣ, отдавшемъ дѣвку замужъ *по страсти* (т.-е. *по страху*), и убѣжденномъ въ буквальный исполненіи барскаго приказа — выдуманъ очень метко. Разсчетъ у мужика не только стоитъ на первомъ планѣ, но даже высказывается имъ съ добродушною наивностью и полнѣйшею откровенностью, что существенно отличаетъ мужика отъ нашего брата. Одинъ помѣщикъ на моихъ глазахъ весьма остроумно доказалъ мужику, что для того телушка дороже жены: мужикъ этотъ не хотѣлъ брать невѣсты, которую любилъ и просилъ, изъ того только, что отецъ дѣвки не отдавалъ за нею обѣщанной телушки. — Такъ безъ телушки ни за что не возьмешь? спрашивалъ его помѣщикъ. — Какъ же можно, батюшка, безъ телушки! Что жъ мнѣ ее совсѣмъ голую брать? — Ну, а телушку одну взялъ бы? — Да телушку съ чего же не взять? отвѣчалъ озадаченный женихъ. Этотъ случай характеренъ: въ бѣльшихъ или мѣньшихъ размѣрахъ, въ томъ или другомъ видѣ, только *телушка у нашего простаго челоовка всегда впереди любви*. — Хороша твоя молодайка? спросилъ я какъ-то у своего арендатора мельника. — Да какъ же нехороша! за ей 4 шолковыхъ платья дано, да салопъ лисій, да двѣ шали, да денегъ цалковенькихъ 500 взялъ; какой же еще тебѣ лучше? — И онъ глядѣлъ на меня самодовольно, увѣренный, что никакое сомнѣніе немисливо послѣ этихъ выразительныхъ доводовъ. Спросите у любой бабы: что, тѣтка, хорошо сына женила? непременно услышите отвѣтъ моего мельника: «Слава-те Христе! чего жъ намъ еще? За ей три овцы дали, тулупъ новый.» Все тотъ же припѣвъ на разные лады, съ разными цифрами. Корысть для мужика важнѣе и нужнѣе любви, поэтому она первую и удовлетворяется, и это такъ естественно, и такъ бы было смѣшно, еслибы было иначе.

Я говорю это съ тою цѣлю, чтобы показать, какъ бы было странно и нехарактерно изобразить въ лицѣ Марьянки какую-нибудь пылкую, отъ любви изнывающую итальянку или чистое существо съ возвышенными, безплодными помыслами въ родѣ ж.-зандовской Savignienne, въ родѣ конфетныхъ героинь Марка-Вовчака.

Благоразуміе и чувство туземнаго приличія заставляетъ Марьянку сдерживать нетерпѣніе молодого казака; она не прочь поговорить съ нимъ, она позволяетъ ему ласкать себя и слушаетъ съ большимъ удовольствіемъ его любовныя рѣчи; она горитъ въ его объятіяхъ; но всякое рѣшительное требованіе Лукашки отклоняется настойчиво и сурово, потому что суровыя стороны жизни побуждаютъ въ сознаніи Марьянки увлеченіе любви. Любовь хороша, но любовь все же таки роскошь: а жизнь уже показала ей, что прежде роскоши нужно еще удовлетворить многому и важному другому. Эти неизбѣжныя и постоянныя условія приковываютъ ея мысль, мѣшая ей уступить скоротечной вѣщности, которой радости стоили бы несоразмѣрно дорого. Нѣтъ спора, что это—проза, скучная и матеріальная проза. Но въ томъ-и дѣло, что быть нашего простаго человѣка есть сплошная проза, въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придаютъ этому слову. Въ этомъ и заслуга писателя, что онъ не обманываетъ насъ и не сочинитъ намъ Ганусей и игрушечекъ, ясочекъ и лебедушекъ, *такихъ какъ краля*, которыя распускаютъ свои волосы на берегу озера и поютъ, ничего не дѣлая, меланхолическія пѣсни къ вѣтру буйному, къ соколику ясному, которыя влюблются въ разныхъ таинственныхъ Петро—*такихъ чернобривыхъ да хорошихъ*, вмѣстѣ съ ними плачутъ и мечтаютъ объ Аркадіи въ Бахмутскомъ уѣздѣ. Посмотрите, напротивъ, съ какою откровенною правдивостью рисуетъ намъ гр. Д. Толстой нравы своихъ Ромео и Юлія даже въ моменты ихъ нѣжнѣйшихъ ворваній:

«Дай сѣмячекъ, прибавилъ онъ (Лука), протягивая руку. Марьянка совсѣмъ улыбнулась и открыла воротъ рубахи. Всѣ не бери сказала она.

«Право, все о тебѣ скучился, ей-богу, сказалъ сдержанно спокойнымъ шепотомъ Лука, доставая сѣмячки изъ-за пазухи дѣвки и еще ближе пригнувшись къ ней, сталъ шопотомъ говорить, что-то смѣясь глазами:

«— Не приду, сказано! вдругъ громко сказала Марьянка, отклонилась отъ него... и т. д.».

Это изъ самыхъ деликатныхъ сценъ; другія рѣчи и сцены еще выразительнѣе.

«Ишь, хорунжиха!» думает Лука про свою невесту: «и не пошутить, чортъ! Дай срокъ.»

«— Вишь чортъ проклятый! нанугалъ меня. Ну, пошелъ же домой» со смѣхошъ говорить въ другомъ мѣстѣ Марьянка про Луку. Офицера Вѣлецкаго она цалуетъ безъ всякаго смущенія и замахивается на него кулакомъ въ видѣ гостиной любезности. Юнымъ подругамъ своимъ кричитъ: «заверлись, черти!» Когда Оленинъ неожиданно разцаловалъ ее при всей публикѣ, она только громко захохотала. Въ жару самаго патетическаго и рѣшительнаго объясненія Оленина, предлагающаго ей всю жизнь свою, вмѣстѣ съ своею рукою, она прерываетъ его словами: «ну, что брешешь!...» и т. д. Еще характернѣе предпоследняя сцена Оленина съ Марьянкой, когда у нихъ между собою все уже улажено. Оленинъ не знаетъ, куда дѣтъ, въ чемъ выразить свое блаженство; ему хочется слышать слова любви и ласки изъ устъ дорогого созданія; онъ вѣсколько разъ обращаетъ къ ней все тотъ же вопросъ о любви, словно размаковывая свое счастье въ этихъ праздныхъ, но такъ понятныхъ повтореньяхъ; и Марьянкѣ все это кажется до крайности страннымъ, менужнымъ, чуть не безумнымъ. Она обдастъ самую бабью, стрепухинскую прозовъ всѣ поэтическіе запросы своего обожателя.

Онъ ее съ трепетомъ спрашиваетъ—пойдетъ ли она за него, считая ее недостижимымъ божествомъ; а она съ недоувѣрчивостью и сметливостью мужички отвѣчаетъ: «обманешь, не возьмешь».

«— Любишь ли ты меня, скажи, ради бога?» занимаетъ ее Оленинъ.—«Отчего же тебя не любить, *ты не кривой!*» отвѣчаетъ она, смѣясь.

«— Я не шучу; ты скажи, пойдешь ли? еще разъ донхитываетъ ся Оленинъ.

«— Отчего же не пойти, коли батюшка отдастъ!

«— Помни же, я съюза сойду, если ты меня обманешь. Завтра я скажу твоей матери и отцу, сватать приду.

Марьяна вдругъ расхохоталась.

«— Что ты?» — «Такъ, смѣшно... и такъ далѣе.

И никогда она не теряетъ этого хладнокровія, этой благоразумной разсчетливости, ни при страстномъ шопотѣ цивилизованнаго юноши съ руками, *бѣлыми какъ каймакъ*, ни при безцеремонныхъ объятіяхъ удалца-казака, здороваго и рослаго, какъ степной конь.

«— Замужъ пойду, а глупости отъ меня никакой не дождешься, говоритъ она, не отстраняя отъ себя дерзкихъ рукъ Лукашки, и глядя ему прямо въ глаза.

Устенка, ея подруга, болѣе поддается увлеченіямъ жизни и наставляетъ Марьяну на иной, болѣе веселый и рискованный путь:

«— Когда къ я гулять, какъ не на дѣвичьей волѣ? За казака войду—рожать стану, нужду узнаю.

«— Что жь, другимъ и замужемъ жить хорошо, все равно! спокойно отвѣчаетъ Марьянка.

Очень характерно развязались отношенія Оленина съ Марьяной: «Уйди, постылый!» было ея послѣднее слово, и угрожающій взмахъ руки — прощальный ея жестъ. Какъ дикая кобылица отгоняетъ отъ себя четвероногого любезника, безъ дальнѣйшихъ околичностей, дружнымъ ударомъ копытъ—такъ и она прогнала Оленина.

Итакъ, Марьянка гр. Тостаго является женщиною своей среды и породы, то-есть расчетливою, матеріальною, ставящею прежде всѣхъ своихъ страстей требованія благоразумія. Ей непонятно и даже невѣроятно все, что только не основывается на узкомъ простонародномъ расчетѣ. Она считаетъ глупостью, баловствомъ вѣжаныя рѣчи и безразсудное нетерпѣніе своихъ любовниковъ. По нравственнымъ идеаламъ своимъ, это—*бургерши* въ самомъ обидномъ смыслѣ, который стали придавать этому слову; по формамъ, въ которыхъ проявляются ея взгляды, это—истая мужичка. И все это составляетъ достоинство ея художественнаго характера, ибо все это трижды справедливо; ибо никто изъ насъ не встрѣчалъ въ простомъ быту другихъ женщинъ, кромѣ Марьянокъ и Устенекъ. Всѣ мы слышали отъ нихъ: «ну, что брешешь»; всѣ получали любезности въ видѣ удара кулакомъ; но никто изъ насъ, надѣюсь, не натѣкался въ русскихъ избахъ на Ганусь, не слышалъ разговоровъ о розовыхъ облачкахъ и желаній летѣть за птичкою, *dahin, dahin!* (*).

Нельзя не удивиться при этомъ тому рѣдкому въ нашей литературѣ чувству правды и художественности, которое удержало автора отъ малѣйшей попытки сообщить фигурѣ героини болѣе вѣжанный колоритъ. Подобныя попытки обыкновенно соблазняютъ даже высоко-талантливыхъ писателей, въ родѣ Диккенса; и онѣ очень понятны. Нетрудно оставаться въ сферѣ суроваго реализма, создавая загорѣлую фигуру охотника Ерощки. Но не такъ легко поэту побѣдить враждебное ему стремленіе къ идеализаціи, въ опозтезировавію красавицы-женщины, его героини и средоточія всей его драмы. Нужно много такту и неподкупнаго творческаго чутья, чтобы съ первой страници до послѣдней, ни разу не смягчить грубаго тона рѣчи, ни разу не дать забыть, что героиня наша—казацкая дѣвка-Марьянка, ходящая въ одной ру-

(* Авторъ, кажется, совсѣмъ забылъ про Катерину въ «Грозѣ» г. Островскаго. Тамъ простолоудника мечтаютъ объ облакахъ, но однакожъ, она русская.
Ред.

бахъ, и собственноручно запрагающая въ арбу отцовскихъ буй-
воловоѣ. А между тѣмъ, сколько въ романѣ графа Толстаго тро-
пинокъ и лазеекъ, въ которыя не преминули бы свернуть съ
прямаго пути писатели, менѣе искренніе и не столь строго вос-
питавшіе свои художественныя силы. Сколько поводовъ въ инди-
лическимъ картинамъ, драматическимъ эффектамъ, поэтическимъ
діалогамъ, психологическимъ фантазіямъ. Графъ Толстой про-
шелъ между этими шхерами художественныхъ произведеній съ
искусствомъ опытнаго и увѣреннаго въ себѣ лоцмана; онъ нигдѣ
не измѣнилъ своей цѣли, своему пониманію. Онъ не слушалъ
цѣлительнаго голоса сиренъ, сбивающихъ съ толку слабохарак-
терныхъ народныхъ писателей, преимущественно писателей-жен-
щинъ; оттого ему удалось разыграть свою тѣму до конца въ
одномъ и томъ же данномъ тонѣ, безъ фальши и искусствен-
ныхъ переходовъ.

Однако, нельзя же остановиться на такой приблизительной и
общей оцѣнкѣ характера Марьяны, на которой мы держимся до
сихъ поръ. Нельзя же думать, чтобы подъ этими грубыми рѣча-
ми и движеніями не отыскалось своего рода душевной нѣжност-
ти, чтобы сквозь однообразный покровъ этого обыденнаго рав-
нодушія и спокойствія не прорѣзались иногда бѣглыми молніями
человѣческія волненія, сомнѣнія и желанія. Они должны имѣть
свою мужицкую фізіономію, свою мужицкую одежду, но они все-
таки должны быть, потому что сквозь мужицкія черты и сквозь
рѣчь мужицкую — глядитъ и говоритъ человѣческая душа.

Марьяна равнодушна и блаторазумна, но нельзя не замѣтить,
что она гораздо выше Устенки и другихъ своихъ подругъ, бо-
лѣе живущихъ увлеченіемъ, болѣе уступающихъ желаніямъ ми-
нута. Марьяна среди ихъ будто царица, по увѣренію автора: ей
уступаютъ лучшее мѣсто и лучшихъ кавалеровъ, при ней сти-
хаются безчинные разговоры; Марьяну обходитъ пьяный Ергу-
шовъ, обнимающій всѣхъ дѣвокъ подрядъ, и даже старухъ заодно
съ дѣвками; о Марьянѣ избѣгаетъ говорить съ Оленинымъ ца-
никъ Ерощка; самъ безстрашный Лукашка нѣсколько смиряется
передъ этою строгою казачкою, а Оленинъ совсѣмъ ей подчи-
няется.

Марьяна горда, и это—главное ея качество. Въ ея сферѣ, жен-
щины, подобныя Устенкѣ, не могутъ имѣть значенія и вліянія.
Онѣ дѣлаются не сегодня такъ завтра игрушками и рабами сво-
ихъ любовниковъ; съ ними будутъ такъ же мало церемониться, какъ
съ Яшками и Дунашками. А Марьяна не хочетъ примириться съ
мыслью о своей ничтожности и безропотной покорности мужчинѣ.
Она, конечно, не реформаторша, не эмансипированная дѣвица,

не имѣть теоретическихъ и ясносознанныхъ цѣлей; но у нея гордый, независимый темпераментъ, такой же, можетъ быть, какъ у кавказской кобылицы, съ которой мы уже разъ ее сравнивали. Она инстинктивно упирается противъ ярма. Она временами чувствуетъ къ Лукашкѣ что-то отталкивающее, какъ къ будущему господину своему, и ревниво старается отстаивать свою свободу, пока она еще въ ея рукахъ. Она вслѣски даетъ ему чувствовать свою независимость и оскорбляется внутренно его требовательнымъ тономъ. Конечно, къ этимъ чувствамъ тѣсно примѣшиваются и другія, противоположныхъ свойствъ; она въ то же время любитъ его и желаетъ его. Безъ этого сплетенія разнообразныхъ мотивовъ, разнообразныхъ качествъ, могла ли быть достигнута жизненность изображенія? Зная, что разъ поддавшись мужчинѣ, она будетъ его вещь, Марьяна сурово отбивается отъ просьбъ Лукашки, хотя не видитъ ничего предосудительнаго и опаснаго для себя въ его ласкахъ. Можно ли обвинить ее, что она такъ мало страстна, такъ дешево цѣнитъ ласки и клятвы мужчинъ, какъ будто жизнь приучала ее къ нѣжности, къ любовной болтовнѣ, къ духовному наслажденію своимъ чувствомъ? Какъ будто кромѣ объятій, лазанья за сѣмечками и ночнаго стука въ окно, она могла бы чего-нибудь дожидаться отъ любезняковъ казацкой станицы? Замужество представляется ей, какъ и Устенкѣ, временемъ нужды; она должна будетъ рожать дѣтей, печь мужу хлѣбы, цѣдить чихирь. Что же настроить ее на соловьиныя пѣсни, на неземное томлень? Надо быть пустой и необдуманной дѣвчонкой въ родѣ Устенки, чтобы для какаго-нибудь часа физическихъ наслажденій забыть все остальное. Марьяна умна, горда и мужичка; поэтому не можетъ быть особенно страстною и особенно нѣжною. Она слишкомъ хорошо, хотя инстинктивно понимаетъ, какъ мало заслуживаютъ страсти и нѣжности тѣ отношенія, къ которымъ ее приучили, и которыя ей сулятъ впереди. Конечно, она была бы другою, родившись не въ станицѣ на берегу Терека дочерью хорунжаго, а на берегахъ Невы, гдѣ издаются журналы и воспитываются въ институтахъ. Но какъ казачка Марьянка, какъ хорунжика, она должна быть именно такою и никакою другою.

Замѣчательно, что вниманіе Оленина очень скоро отдаляетъ Марьяну отъ Лукашки. Сначала это можетъ показаться грубымъ и матеріальнымъ до безобразія. Оленинъ богатъ, у него цѣлая хата вещей, у его отца есть холопы, и Марьяна безъ дальнихъ думъ мѣняетъ на него своего давнишняго жениха-пролетарія. «А Лукашку куда дѣнемъ?» грубо спрашиваетъ она во время сватовства Оленина. И между тѣмъ авторъ нигдѣ не даетъ намъ за-

мѣтитъ, чтобы она разлюблила Луку: черезъ это, подозрѣніе въ бездушииомъ разсчетѣ, руководящемъ ея выборомъ, повидимому получаетъ серьезное основаніе. Но ми не хотимъ смотрѣть такъ близоруко на дѣло. Намъ кажется особенно тонкимъ и мастерскимъ, этотъ особенно трудный для изображенія переходъ чувствъ Марьяны отъ Лукашки къ Оленину, эта едва очеркнутая, въ нѣсколькихъ намѣкахъ прорывающаяся, внутренняя борьба молодой казачки. Луку она любить и считаетъ женихомъ попрежнему; съ нимъ ей легче и понятнѣе; будущая связь съ нимъ гораздо для нея достовѣрнѣе. Но въ то же время она незамѣтно привязывается къ Оленину. Ее манитъ къ нему именно то, чего она отроду не видѣла у казаковъ и отъ казаковъ, что-то нѣжное, тихое, подчиняющееся, и вмѣстѣ барское, благородное. Она, конечно, ничего этого ясно не различаетъ и подчиняется какому-то таинственному, необъяснимому для нея влеченію. Она чувствуетъ, что Оленинъ *что-то не то*, что-то высшее и лучшее, хотя и не такая пара ей, какъ Лукашка. Ее чаруютъ и интересуютъ противъ воли его странныя, ласковыя и слезныя рѣчи, къ которымъ она совершенно не привыкла.

«Марьяна привстала и задумчиво улѣбнулась.

«— Что отъ миѣ разъ сказалъ, постоялецъ-то, проговорила она, перекусывая травинку. Говорить: я бы хотѣлъ казакомъ Лукашкой быть, или твоимъ братишкой Лазуткой. Къ чему это отъ сказалъ?

«— А такъ вретъ, что на умъ взбрело, отвѣчала Устенъка. Мой чего не говоритъ! Точно порченннй...

Устенъка неспособна пойти далѣе этого объясненія; но Марьяна, при всей грубости и дикости своей, инстинктомъ оцѣниваетъ значеніе этого вранья. Нѣжность рѣчи, такъ же какъ и нѣжность тѣла, преимущественно поражаютъ ее, исполненную крѣпкихъ и грубыхъ силъ, привыкшую кругомъ себя видѣть только крѣпость и грубость.

«Марьяна смѣясь сжимала въ своихъ жесткихъ рукахъ его руки.

«— Какія у тебя руки бѣѣ—лыя, бѣѣ—лыя, мягкія какъ баймакъ, сказала она.

Послѣ благоговѣйнаго и деликатнаго обращенія съ нею Оленина, для ея гордости должно было особенно неприятно переносить неуклюжія и неуважительныя любезности Лукашки. Разница была слишкомъ ощутительна. Какое сравненіе съ одной стороны между стыдливыми намеками и тонкимъ постояннымъ вниманіемъ Оленина, его тихой и складною рѣчью и его скромною жизнью; а съ другой стороны публичнымъ и наглымъ приставаніемъ Лукашки, его пылыми приступами къ огню, его ругатель-

ствами и угрозами. Женщина сильнаго характера, гордая и независимая, безъ всякаго сомнѣнія, должна была болѣе тронуться тою привязанностью, гдѣ по ней страдаютъ, гдѣ ее молятъ, гдѣ ей служить какъ паритѣ. Посмотрите, какъ быстро раздражаютъ Марьяну рѣзкія выходки Лукашки послѣ сближенія ея съ Оленинымъ. Она уже не пускаетъ его за воротъ рубашки, не ѣмается съ нимъ на всю улицу.

Лукашка возвращается съ кордона и, въ порывѣ казацкой веселости, наѣзжаетъ конемъ на дѣвокъ.

— Что лошадей топчешь-то? сказала она сухо и отварнулася.

И потомъ черезъ нѣсколько строкъ:

— Ну тебя совсѣмъ, ноги отдавишь!»

Она не позволила подаловать себя и перемѣнила мѣсто. Лукашка, ничего не подозрѣвая, то и дѣло оскорбляетъ ея чувство независимости и пробудившуюся въ ней потребность деликатности.

— Эхъ дѣвка, худо будетъ, укоризненно сказалъ Лукашка, остановившись и качая головою. *Будешь плакать отъ меня!* и отвернувшись крикнулъ на дѣвокъ: играй, что-ли! Марьяну какъ будто испугало и разсердило то, что онъ сказалъ. Она остановилась. «Что худо будетъ? — А то.—А что? — А то, что съ постолыцемъ солдатомъ гуляешь, за то и меня разлюбила.

— Захотѣла—разлюбила. Ты мнѣ не отецъ и не мать. Чего хочешь? Кого захочу, того и люблю.»

Эта сцена особенно характерна для уясненія тѣхъ внутреннихъ мотивовъ Марьяны, о которыхъ мы говоримъ. Въ отношеніяхъ своихъ къ Оленину, она точно такъ же явственно проявляетъ эти мотивы. Когда ей кажется, что Оленинъ поступаетъ насильно, противъ воли ея, она мгновенно дѣлается рѣзкою и жесткою; какъ только замѣчаетъ его робость, покорность и раскаяніе—она вдругъ разомъ смягчается и перемѣняетъ тонъ. Потомъ уже она убѣждается въ его душевной деликатности и обращается съ нимъ совершенно довѣрчиво, хотя грубить на словахъ. На вечеринкѣ у Устенъки, Оленинъ неожиданно хочетъ подаловать Марьяну, но она вырывается, сталкиваетъ съ ногъ Бѣлецкаго, со стола крышку.

— За что же ты Бѣлецкаго подаловала, а меня не хочешь? спросилъ Оленинъ.—А такъ, не хочу, и все, отвѣчала она, вздергивая нижнюю губою и бровью.

Ихъ заперли вдвоемъ почти насильно. Оленинъ попробовалъ приблизиться къ ней, «но она нахмурилась и строго отвела его отъ себя рукою». Когда же сконфуженный Оленинъ сталъ кричать, чтобы отворили, она сейчасъ замѣтила, какъ мало было въ немъ склонности къ насилію и грубости.

«Марьяна опять засмѣялась своими смѣливымъ, счастливымъ смѣхомъ:

«— Ай боишься меня? сказала она.

«— Да вѣдь ты такая же сердитая, какъ мать.

«— А ты бы больше съ Ерошкой сидѣлъ, такъ тебя дѣвки за это и любить бы стали.—И она улыбалась, глядя прямо и близко въ его глаза.

Для нея самой привлекательное въ Оленинѣ было то, что онъ могъ бояться ее, что она для него много значила. Ясно, что на этомъ сознаниіи и укоренились ея первыя симпатіи къ юнкеру. Въ Лукашкѣ же, наоборотъ, самое отталкивающее для нея было то, что онъ не боялся, ее, недостаточно уважалъ и искалъ.

Но между тѣмъ старая привязанность къ Лукашкѣ не вымерла въ ней; ей казалось почти невозможнымъ стать женой барина и русскаго; она не чувствовала ни малѣйшей органической связи между собою и имъ ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ. Ихъ образованіе, привычки, вѣрованія, обстановка, родня, языкъ— все было слишкомъ непохоже одно на другое. Уступая частью благоразумному расчету, частью зародившейся симпатіи къ невѣдомымъ дотолѣ качествамъ образованнаго человѣка, она соглашалась одно время стать женою Оленина. Но Луку она словно не хотѣла забыть. Когда Оленинъ случайно упомянулъ про гульбу Лукашки, Марьяна вспыхнула, какъ отъ кровной обиды.

«Большіе черные глаза блестя на него строго и недружелюбно. Ему стало совѣстно за то, что онъ сказалъ.

«— Что жъ, онъ никому худа не дѣлаетъ, вдругъ сказала Марьяна:—на свои деньги гуляетъ, и, спустивъ ноги, она соскочила съ печи и вышла, сильно хлопнувъ дверью.

А между тѣмъ она уже хорошо знала чувство Оленина къ ней. Наконецъ страшный случай, на который никто не рассчитывалъ, смертельная рана Лукашки и гибель казаковъ, разомъ отрезвили Марьяну. Казацкая натура ея сказалась явственно и несомнѣнно. Она ощутила свое органическое родство съ казакомъ и свое безконечное отдаленіе отъ пришельца.

Трагическое происшествіе подавило капризные и роскошныя чувства, мало по малу проросшія въ сердцѣ Марьянки, и вызвало на сцену опять однѣ суровыя и трагическія стороны духа. Оленинъ нашелъ ее въ слезахъ, угрюмую.

«— О чемъ ты, что ты?

«— Что? повторила она грубымъ и жестокимъ голосомъ:—казаковъ перебили, вотъ что!

«— Лукашку? спросилъ Оленинъ.

«— Уйди, чего тебѣ надо...

«— Марьяна, сказалъ Оленинъ, подходя къ ней.

«— Никогда ничего тебѣ отъ меня не будетъ.

«— Марьяна, не говори, умолялъ Оленинъ.

«— Уйди постылый! крикнула дѣвка, топнувъ ногою и угрожающе придвинулась къ нему. И такое отвращенье, презрѣнье и злоба выразились на лицѣ ея, что Оленинъ вдругъ понялъ, что ему нечего надѣяться... и т. д.

Она словно захотѣла отомстить ему въ эту тяжелую минуту за свою собственную слабость, за невольную измѣну своему жениху казаку, умирающему теперь этъ ранѣ.

Е. МАРКОВЪ.

Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

ХІ.

СЕРДЕЧНЫЯ ДѢЛА.

Маленькая миссъ Пичеръ изъ своего официального жилища, съ маленькими окошками, на подобіе игольного ушка, и маленькими дверями, на подобіе переплетовъ школьныхъ книгъ, очень зорко наблюдала за предметомъ своей пламенной привязанности. Любовь хотя и называютъ слѣпою, но это—самый лучший, самый вѣрный часовой, и миссъ Пичеръ караулила и днемъ и ночью мистера Брайда Гедстона. Не то, чтобъ она по природѣ была склонна къ шпионничанью; не то, чтобъ она была низкая интригантка—нѣтъ, она просто любила бездушнаго Брайда всею первобытною, мощною силою любви, которая еще никогда не была подвергнута испытанію, никогда еще не была взвѣшена, или опредѣлена. Еслибъ ея любимая грифельная доска имѣла свойство симпатической бумаги, а грифель—невидимыхъ чернилъ, то какъ часто случалось бы, что на урокъ, посреди арифметической задачи, передъ взорами маленькихъ ученицъ вдругъ проглянули бы такія слова и фразы, которыя поставили бы ихъ въ тупикъ, ибо не разъ въ свободное время миссъ Пичеръ повѣряла своей вѣрной доскѣ самыя задушевные мысли, не разъ описывала фантастическую сцену, какъ однажды въ прекрасный лѣтній вечеръ въ общественномъ саду гуляли двѣ таинственныя фигуры: одна—мужская, другая—женская, маленькая, полная, и мужская фигура, нагибаясь близко-близко къ женской, шептала ей на ухо: «Эмма Пичеръ, хочешь быть моею?» Въ отвѣтъ на что женская фигура молча склонялась головой на плечо мужчине и въ ту же секунду нѣжныя трели соловья раздавались въ благоуханномъ воздухѣ. Невидимый, неподозрѣваемый нигѣмъ изъ ученицъ, Брайда Гедстонъ даже во время класса наполнял со-

бою всё уроки. Учили ли географию — онъ торжественно вылетать изъ огненного жерла Везувія и Этны, безвредно опускался въ кипящія воды Гейзера и величественно плыть по Гангу и Нилу. Говорилось ли въ исторіи о какомъ нибудь царѣ, о какомъ нибудь повелителѣ — онъ тотчасъ являлся въ свонкѣ сѣрыхъ съ искрою панталонахъ и часовой цѣпочкой вокругъ шеи. Писалась ли каллиграфія — буквы *B* и *L* являлись всегда чудовищно большими въ сравненіи съ другими. Арифметическія же задачи, которыя миссъ Пичеръ задавала ученицамъ, большею частію заключались въ составленіи баснословнаго гардероба Брадлею Гедстому: восемьдесятъ-восемь галстуковъ по два шиллинга девять пенсовъ штука, семьдесятъ-четыре шляпы по восемнадцати шиллинговъ, двадцать-четыре дюжины серебряныхъ часовъ по четыре фунта, пятнадцать шиллинговъ и шести пенсовъ, и тому подобныя предметы роскоши.

Вѣрный, бдительный часовой, нетерпящій ни на минуту Брадлея Гедстона изъ виду, вскорѣ шепнулъ миссъ Пичеръ, что Брадлей былъ болѣе обыкновеннаго озабоченъ и чаще теперь ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ съ поникшею головою, серьезно что-то обдумывая — что-то, очевидно некасавшееся до школьныхъ уроковъ. Соображая все — и его теперешнее взволнованное состояніе, и его близкія отношенія къ Чарли Гексаму, и его посѣщеніе сестры Гексама — бдительный стражъ шепнулъ на ухо миссъ Пичеръ, что онъ сильно подозрѣваетъ, не молодая ли дѣвушка причиною этой переменѣны.

— Что бы это за существо была сестра Гексама? замѣтила однажды миссъ Пичеръ, составляя свой недѣльный отчетъ.

Мери-Анна, сидѣвшая подлѣ съ своей работой, тотчасъ подвѣла руку.

— Ну, что, Мери-Анна?

— Ее зовутъ Лизи, сударыня.

— Я не думаю, чтобъ ее могли звать Лизи, отвѣчала вразумительнымъ тономъ миссъ Пичеръ: — есть такое христіанское имя, Мери-Анна?

Мери-Анна положила на столъ работу, заложила руки на спину, махъ на экзаменѣ, и отвѣчала:

— Нѣтъ, это производное, уменьшительное имя, миссъ Пичеръ.

— Кто далъ ей это имя? начала миссъ Пичеръ по привычкѣ, во предчувствіи, что Мери-Анна тотчасъ назоветъ крестнаго отца и мать, она въ время остановилась и спокойно прибавила: — то-есть я хочу сказать, отъ какого имени оно производное?

— Отъ Елисаветы или Елайзы, миссъ Пичеръ.

— Хорошо, Мери-Анна. Были ли въ необыкновенной христіанской церкви какія-нибудь Лизи—сомнительно, очень сомнительно. Потому, выразилась правильно, мы говоримъ, что сестру Гексама прозываютъ, а не зовутъ—Лизи. Не такъ ли, Мери-Анна?

— Точно такъ, миссъ Пичеръ.

— А гдѣ, продолжала миссъ Пичеръ, утѣшая себя мыслью, что она дѣлаетъ этотъ маленькій экзаменъ для пользы Мери-Анны, а не для удовольствія собственнаго любопытства:—гдѣ живетъ эта молодая дѣвушка, прозываемая, но не называемая Лизи? Подумай хорошенько, прежде чѣмъ отвѣчать.

— Въ Чурч-Стритѣ, на смитскомъ скверѣ, близъ Мильбанка, сударыня.

— Въ Чурч-Стритѣ, на смитскомъ скверѣ, близъ Мильбанка, медленно повторила миссъ Пичеръ, словно записывая въ свою памятную книжку:—такъ, такъ. А чѣмъ занимается эта молодая дѣвушка? Не торопись отвѣчать, Мери-Анна.

— Она занимаетъ мѣсто въ магазинѣ готоваго платья въ Сити, сударыня.

— О! глубокомысленно замѣтила миссъ Пичеръ:—въ магазинѣ готоваго платья въ Сити. Да.

— И Чарли... то-есть я хочу сказать Гексамъ, поправилась Мери-Анна, замѣтивъ удивленный взглядъ миссъ Пичеръ.

— Я думаю, Мери-Анна и очень рада, что ты хотѣла такъ сказать. Ну, Гексамъ...?

— Говорить, продолжала Мери-Анна: — что онъ недоволенъ своей сестрой, ибо она не хочетъ слушать его совѣтовъ, а дѣлаетъ то, что ей говорятъ другіе, и...

— Мистеръ Гедстонъ идетъ по саду, воскликнула миссъ Пичеръ, быстро взглянувъ въ зеркало: — ты очень хорошо отвѣчала, Мери-Анна, ты взяла похвальную привычку ясно располагать свои мысли. — Теперь довольно.

Мери-Анна снова принялась за шитье. Черезъ нѣсколько минутъ, въ комнатѣ показалась тѣнь учителя, а тотчасъ вслѣдъ за нею и онъ самъ.

— Доброго вечера, миссъ Пичеръ, сказалъ онъ.

— Доброго вечера, мистеръ Гедстонъ. — Мери-Анна, подай стулъ.

— Благодарствуйте, отвѣчала Брайлей, садясь: я только на минуту завернулъ по дорогѣ къ вамъ. У меня есть до васъ просьба.

— По дорогѣ? вы, кажется, сказали такъ, мистеръ Гедстонъ? спросила миссъ Пичеръ.

— Да, по дорогѣ... куда я иду.

— Чурч-Стритъ, на смитскомъ скверѣ, близъ Мильбанка — произнесла мысленно миссъ Пичеръ.

— Чарльзъ Гексамъ пошелъ погнать какия-то книги, и вѣроятно, воротится прежде меня; такъ-какъ въ домѣ никого не остается, то я сказалъ ему, что отдамъ ключъ вамъ. — Позвольте мнѣ исполнить мое обѣщаніе, если это васъ не стѣснитъ, миссъ Пичеръ.

— Ни мало, сдѣлайте одолженіе, мистеръ Гедстонъ. Вы идете прогулять, сэръ?

— Частью погулять, и частью за дѣломъ.

— Дѣло то въ Чурч-Стритѣ, на смитскомъ скверѣ, близъ Мильбанка, повторила мысленно миссъ Пичеръ.

— Съ этимъ прощайте, сказалъ Брайденъ, положивъ ключъ на столъ: — мнѣ пора ужъ идти. Нѣтъ ли у васъ какого порученія, миссъ Пичеръ?

— Благодарствуйте; а вы въ какую сторону идете, мистеръ Гедстонъ?

— Къ Вестминстеру.

«То-есть къ Мильбанку», подумала миссъ Пичеръ, и отвѣчала вслухъ:

— Нѣтъ, благодарствуйте, я васъ не хочу беспокоить.

— Помилуйте, вы меня ни мало не обезпечите.

— Но ты меня можешь беспокоить, произнесла со вздохомъ миссъ Пичеръ, но, конечно, не вслухъ.

Несмотря на ея наружное спокойствіе и улыбку, сердце ея тревожно билось отъ волненія.

Она была совершенно права относительно цѣли, куда стремился Брайденъ Гедстонъ. Онъ направился прямо къ дому кукольной швей, то-есть на столько прямо, на сколько ему позволялъ разумъ нашихъ предковъ, выразившійся въ постройкѣ кривыхъ, поперечныхъ улицъ. Онъ шелъ все время съ опущенной головою, думая, раздумывая все объ одномъ и томъ же предметѣ. Одна идея наполняла, поглощала весь его умъ съ той самой минуты, когда онъ увидѣлъ ее впервые. Ему казалось, что все, что онъ могъ въ себѣ побороть — онъ поборолъ, все что могъ сдержать — сдержалъ, но пришла минута страшнаго, бурнаго, непреоборимаго влеченія, когда всякая мысль о самообладаніи исчезла. Любовь, съ перваго взгляда — избитое общее мѣсто, о которомъ достаточно судили и ридили; сважемъ только, что въ нѣкоторыхъ нерѣшительныхъ, слабыхъ натурахъ, страсть вдругъ загорается неудержимымъ пламенемъ, какъ пожаръ при сильномъ вѣтрѣ. Всѣ другія страсти подобная натура сдержитъ, скуетъ цѣпами, но любовь съ перваго взгляда сильнѣе, могущественнѣе всѣхъ

преградъ. Какъ толпа подрастаетъ, возмѣвшихъ ни одной собственной мысли, которые тихо, спокойно себѣ живутъ, пока вдругъ не взбѣсятся отъ какой-нибудь глупой чужой идеи, обыкновенно въ настоящее время, проявляющейся въ поклоненіи кому-нибудь за что-нибудь, никогда имъ несдѣланное, или если сдѣланное, то кѣмъ-нибудь другимъ — такъ и эти болѣе возмѣшныя, хотя такія же слабыя натуры мирно прозябаютъ цѣлыя годы, пока вдругъ не загорится въ нихъ пламя страсти.

Учитель шелъ своею дорогою, и все думаль-думаль, и наконецъ, на его лицѣ можно было прочесть, что въ роковой борьбѣ, происходившей въ немъ, онъ чувствовалъ себя побѣжденнымъ. Дѣйствительно, его гордость страдала, что онъ побѣжденъ своею страстью къ сестрѣ Чарли Гексама, хотя въ эту самую минуту онъ сосредоточивалъ всѣ свои умственные способности на одномъ предметѣ — какъ увѣнчать успѣхомъ эту страсть.

Отворивъ дверь скромнаго жилища кукольной швеи, онъ очутился съ нею лицомъ къ лицу. Она была одна въ комнатѣ, и, какъ всегда, сидѣла за работою.

— Ага! это вы, произнесла она, съ своею обычною колкостью:— я знаю всѣ ваши штуки, любезнѣйшій!

— Сестра Гексама еще не воротилась? спросилъ Гедстонъ.

— Вы просто колдунъ, отвѣчала миссъ Ренъ: — вонъ что догадались.

— Я подожду, если позволите, ибо я очень желаю съ нею переговорить.

— Неужели? Садитесь. Я надѣюсь, что и она также этого желаетъ.

Брадлей подозрительно взглянулъ на плутовское лицо дѣвочки, снова наклонившейся къ работѣ.

— Я надѣюсь, что вы не хотите этимъ сказать, что мое посѣщеніе будетъ въ тягость сестрѣ Гексама? произнесъ онъ нервнѣйшимъ голосомъ.

— Ну, опять. Пожалуйста, не называйте ее такъ. Я терпѣть не могу, когда вы ее такъ зовете, воскликнула миссъ Ренъ, хлопая пальцами объ-столъ: — потому что, потому что я не люблю Гексама.

— Будто?

— Да, не люблю, и миссъ Ренъ сдѣлала гримасу: — онъ такой себялюбивый, думаетъ только о себѣ. Да всѣ вы такіе.

— Всѣ мы? Такъ вы и меня не любите?

— Ну, ну, я васъ-то немного и знаю, отвѣчала миссъ Ренъ, со смѣхомъ, качая головою.

— Я, право, не думаю, чтобъ мы всё были себялюбивы, продолжалъ Брайлей, нѣсколько обиняемъ тономъ — скажите сюрре, нѣкоторые изъ васъ.

— Разумѣя подъ этимъ всё, за исключеніемъ васъ. Ха, ха, ха! Вотъ, посмотрите-на на эту барыню. Это—госпожа Правда. Почтенная госпожа — въ полномъ парадѣ.

Брайлей взглянулъ на куклу, которую дѣвочка ему показывала, не переставая дошивать ея платье.

— Я ставлю почтенную госпожу. Правду въ этотъ уголокъ, на скамейкѣ, такъ чтобъ ея голубые глаза прямо смотрѣли на васъ, продолжала миссъ Ренъ, поднимая куклу изъ лежачаго ея положенія: — и я вызываю васъ при этомъ свидѣтель сказать, зачѣмъ вы сюда пришли.

— Чтобъ переговорить съ сестрою Гексама.

— Такъ ли? Но о чемъ? О комъ?

— О ней самой!

— О, госпожа Правда! Слышишь, что онъ говоритъ!

— Я пришелъ, чтобъ поговорить съ нею о ней самой, сказалъ Брайлей, съ видимымъ неудовольствіемъ.

— О, госпожа Правда! воскликнула кукольная швея.

— Я пришелъ ради ея и ради ея брата, какъ человѣкъ совершенно непричастный къ дѣлу, значить вполне безпристрастный, продолжалъ съ жаромъ Брайлей.

— Ну, госпожа Правда, замѣтила миссъ Ренъ: — коли такъ, то ужъ придется васъ повернуть лицомъ къ стѣнѣ.

Не успѣла она еще этого сдѣлать, какъ въ комнату вошла Лизи, и остановившись на порогѣ, съ удивленіемъ смотрѣла на нежданнаго гостя, на Джени, грозившаго ему пальцемъ, и на почтенную госпожу Правду, обернутую лицомъ къ стѣнѣ.

— Вотъ честь мнѣю представить, Лизи, совершенно безпристрастнаго человѣка, воскликнула миссъ Ренъ: — онъ пришелъ поговорить съ тобою ради тебя самой и твоего брата. Подумай только, какъ это важно, и я полагаю, что при такой торжественной, серьезной, могу сказать, добродѣтельной бесѣдѣ, третье лицо — совершенно лишнее, потому, если ты уведешь наверхъ это третье лицо, то оно согласно лишитъ васъ на время своего драгоценнаго общества.

Лизи взяла руку, протянутую ей кукольной швей, но не думала ее поднимать, а молча улыбнулась.

— Третье лицо, снова начала миссъ Ренъ: — странно ковертается, когда его оставляютъ ходить одного, и потому оно не можетъ граціозно сойти со сцены безъ твоей помощи, милая Лизи.

— Такъ лучше всего пускай оно остается на своемъ мѣстѣ,

отвѣчала Лизи, глядя по головкѣ кукольную швею.—А вы, сэръ, отъ Чарли? сказала она, обращаясь къ мистеру Гедстону.

Брадлей подавъ прежде Лизи стулъ, а потомъ презвнесь, нерѣшительно, видимо борясь самъ съ собою:

— Строго говоря, я пришелъ отъ Чарли, ибо только что разстался съ нимъ; но онъ не просилъ меня объ этомъ. Я пришелъ по собственному моему желанію.

Миссъ Рень, облокотившись на скамейку и поддерживая руками подбородокъ, пристально смотрѣла на Брадлей. Лизи также не спускала съ него глазъ, хотя съ совершенно инымъ выраженіемъ лица.

— Дѣло въ томъ, продолжалъ Брадлей, едва выговаривая слова, такъ пересохло у него во рту, что придавало ему еще болѣе странный, нерѣшительный видъ: — дѣло въ томъ, что Чарли, не имѣя никакихъ секретовъ отъ меня (то-есть на сколько я знаю), рассказалъ мнѣ все.

Онъ остановился, и Лизи очень спокойно спросила:

— Что же онъ вамъ рассказаль, сэръ?

— Я думаль, продолжалъ Брадлей, нерѣшительно взглянувъ на нее, но тотчасъ опуская глаза: — я думаль, что излишне, даже дерзко было бы съ моей стороны выразиться опредѣлительнѣе. Я намекаль на то обстоятельство, что вы отвергли планъ вашего брата касательно вашего образованія, и отдали предпочтеніе совѣту мистера... кажется, его зовуть мистеромъ Юджиномъ Вребурномъ?

Онъ значительно остановился на послѣднемъ словѣ, и хотѣлъ было опять взглянуть на Лизи, но снова послѣшно опустилъ глаза. Лизи ничего не отвѣчала, и ему пришлось продолжать. Его смущеніе съ каждой минутой все болѣе и болѣе увеличивалось.

— Вашъ братъ сообщилъ мнѣ свои планы, когда онъ только ихъ еще задумаль. Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ именно въ тотъ вечеръ, въ который мы были здѣсь, на обратномъ пути, когда я... когда я находился подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня его сестрою.

Тутъ кукольная швея, быть можетъ, и безъ всякой задней мысли, сняла одну руку со скамейки и обернула почтенную госпожу Правду лицомъ къ присутствующимъ. Сдѣлавъ это, она снова приняла свою прежнюю позу.

— Я вполне одобрилъ его мысль, сказалъ Брадлей, устремивъ безпокойный взглядъ на куку: — потому что, въпервыхъ, вашъ братъ, по моему, долженъ имѣть инициативу въ этомъ дѣлѣ, а во вторыхъ, я надѣялся самъ способствовать успѣху этого дѣла. Я бы почелъ себя очень счастливымъ, еслибы былъ въ состоя-

ни чѣмъ нѣбудь помочь. Поэтому я долженъ сознаться, что когда вашъ братъ былъ обманутъ въ своей надеждѣ, я точно такъ же обманулся. Я не хочу ничего саривать, и потому говорю прямо, откровенно.

Онъ, кажется, теперь немного приободрился, вѣроятно удивляясь своей собственной смѣлости. Во всякомъ случаѣ онъ теперь сталъ говорить съ большею рѣшимостью и жаромъ, хотя стиснулъ зубы и правую руку билъ по ладони лѣвой, подобно человеку, который не хочетъ закричать отъ очень сильной физической боли.

— Я умѣю чувствовать, и потому меня это разочарованіе очень огорчило. Да, очень огорчило. Я не выказываю своихъ чувствъ, ибо многіе изъ насъ часто обязаны скрывать, преодолѣвать свои чувства — да, свои чувства. Но возвратимся къ вашему брату. Онъ такъ близко принялъ къ сердцу это дѣло, что объяснялся (при мнѣ) съ мистеромъ Юджиномъ Вребурномъ, если его дѣйствительно такъ зовутъ. Но всѣ его слова были напрасны, какъ легко себѣ представить всякій человекъ, неослѣпленный насчетъ мистера... мистера Юджина Вребура.

Онъ теперь снова взглянулъ на Лизи, и уже не опустилъ глазъ; лицо его, пылавшее румянцемъ, поблѣло, какъ полотно, потомъ снова побагровѣло, и наконецъ опять поблѣло, посѣрѣло, какъ у мертвеца.

— Послѣ всего этого я рѣшился прийти къ вамъ одинъ и поговорить съ вами серьезно. Я рѣшился просить васъ, чтобъ вы остановились на избранномъ вами пути, и вмѣсто того, чтобъ слушаться какого-то чужого, невзвѣстнаго человека, который обошелся самымъ дерзкимъ образомъ съ вашимъ братомъ... и другими людьми—вы бы довѣрились вполне вашему брату и его другу.

Лизи Гексамъ поблѣднѣла немного, увидѣвъ странныя перемены въ лицѣ Брайда; въ ея чертахъ можно было ясно прочесть гнѣвъ, презрѣніе, даже страхъ, но она все же отвѣчала очень рѣшительнымъ тономъ:

— Я не сомнѣваюсь, мистеръ Гедстонъ, что вы посѣтили меня съ добрымъ намѣреніемъ. Вы такъ дружны съ Чарли, что я не имѣю никакого права въ этомъ сомнѣваться. Я могу только отвѣчать Чарли, что я приняла помощь и совѣтъ, противъ которыхъ онъ такъ возстаетъ, прежде, чѣмъ онъ имѣлъ какіе нибудь планы на счетъ меня, во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ они были извѣстны мнѣ. Помощь, которую я приняла, была мнѣ предложена такъ любезно и деликатно, что я не видѣла причинъ отказываться, и потому были еще побудительныя причины, которыя очень важны для меня и должны бы столько же значить и

для Чарли. Болѣе я ничего не имѣю сказать Чарли объ этомъ предметѣ.

Губы мистера Гедстона задрожали, и полсотряслись отъ удивленія, при этихъ словахъ, обращенныхъ только къ Чарли, какъ будто его, Брайера Гедстона, вовсе тутъ не было.

— Я бы сказала Чарли, еслибъ онъ самъ пришелъ ко мнѣ, продолжала Лизи:—что мы съ Дженн находимъ свою учительницу очень искусной и терпѣливой. Она очень старается насъ поскорѣе подвинуть, такъ что мы уже высказали ей свою надежду вскорѣ прекратить уроки и продолжать однимъ. Чарли очень заботится объ учителяхъ, и я бы могла его успокоить, что наша учительница принадлежитъ институту, гдѣ ихъ спеціально готовятъ.

— Я бы желалъ васъ спросить, началъ Брайеръ Гедстонъ, съ трудомъ отчеканивая каждое слово:—я бы желалъ васъ спросить, если вы не сочтете это за дерзость, имѣли ли бы вы что нибудь противъ... нѣтъ, я лучше скажу, если вы мнѣ позволите, что я очень жалѣю, что лишень возможности приходить сюда съ вашимъ братомъ и посвятить на вашу пользу мои скромныя знанія и опытность.

— Благодарствуйте, мистеръ Гедстонъ.

— Но я боюсь—продолжалъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія, мрачно смотря на ея опущенные глаза и злобно схватившись одной рукою за стулъ, словно желая его сломать на мелкія части:—что мои скромныя услуги не были бы вамъ по вкусу.

Лизи ничего не отвѣчала, и несчастный снова молчалъ нѣсколько минутъ, терзаемый внутренней борьбой съ своей роковой страстью. Наконецъ, онъ вынулъ платокъ, обтеръ себѣ лицо, и руки, на которыхъ выступилъ холодный потъ, и снова началъ:

— Позвольте мнѣ еще прибавить слово, но обратите на это всего болѣе вниманія. Есть причина, обстоятельство и, такъ-сказать, личное отношеніе, которое еще вамъ неизвѣстно, которое еще вамъ не высказано. Можетъ быть, я не говорю навѣрно, но можетъ быть вы перемѣните свое мнѣніе, когда узнаете, въ чемъ дѣло. При теперешнихъ обстоятельствахъ объяснить вамъ этой причины невозможно. Будьте такъ добры, согласитесь, что этимъ кончить нельзя, что нужно еще поговорить объ этомъ предметѣ.

— Съ Чарли?

— Ну... да, отвѣчалъ Брайеръ, совсѣмъ растерявшись:—и съ нимъ также. Будьте такъ добры, согласитесь, что прежде чѣмъ совсѣмъ покончить съ этимъ дѣломъ, надо поговорить о немъ еще разъ при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ.

— Я васъ не понимаю, мистеръ Гедстонъ, отвѣчала Лизи, качая головою.

— Подумайте теперь только одно, что я промишу позволенія представить вамъ все дѣло вполнѣ въ другой разъ.

— Какое дѣло, мистеръ Гедстонъ? Чего же недостаетъ?

— Вы узнаете все это въ слѣдующій разъ, сказать онъ, и потомъ прибавилъ, какъ-бы въ припадкѣ отчаянія:—я... я ничего не досказалъ. Я не знаю, что со мною дѣлается! Прощайте, вдругъ воскликнулъ онъ самымъ жалобнымъ голосомъ, словно прося о пощадѣ.

Онъ протянулъ руку, и когда Лизи съ видимымъ колебаніемъ, чтобъ не сказать, съ отвращеніемъ, дотронулась до нея, онъ весь дико задрожалъ и блѣдное его лицо исказилось самыми жестокими страданіями. Черезъ секунду его уже не было въ комнатѣ.

Во все это время кукольная швея сидѣла все въ той же позѣ и пристально смотрѣла на дверь, въ которую вышелъ Брайлей, пока Лизи не отодвинула скамейку и не сѣла рядомъ съ нею. Тогда, устремивъ свои глаза точно такъ же на Лизи какъ прежде на Брайлея и дверь, миссъ Ренъ щелкнула языкомъ и прислонилась къ спинкѣ своего кресла.

— Гм! промолвила она:—если онъ, то-есть тотъ, кто станетъ ухаживать за мною, когда придетъ для этого время, будетъ походить на этого человѣка, то пускай онъ лучше и не старается. Онъ не годится вовсе для меня, его нельзя посылать за комиссіями и вообще держать для побѣгушекъ. Онъ, пожалуй, вдругъ посреди какого-нибудь дѣла вспыхнулъ бы и сгорѣлъ.

— Такъ ты отъ него избавилась бы — вотъ и все, замѣтила Лизи.

— Нѣтъ, въ томъ-то и бѣда. Онъ не сгорѣлъ бы одинъ, онъ и меня бы съ собою увлекъ. Я знаю всѣ его штуки.

— Что жъ ты думаешь, онъ бы хотѣлъ тебѣ сдѣлать что-нибудь непріятное? спросила Лизи.

— Нѣтъ, не то чтобъ хотѣлъ сдѣлать непріятное, но неосторожно оставлять горсть порошу посреди вучи зажженныхъ свечекъ.

— Онъ очень странный человѣкъ, задумчиво произнесла Лизи.

— Да, такой странный, что я желала бы никогда его здѣсь не видать.

Лизи всегда по вечерамъ, когда онѣ были одни, причесывала длинные, бѣлокурные волосы кукольной швеи, и потому не дожидаясь, чтобъ та кончила свою работу, она развязала ленту, которою волосы дѣвочки были связаны назадъ, и они великолѣпнымъ дождемъ рассыпались по ея бѣднымъ, худенькимъ плечикамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не теперь, сказала Джени:—посидимъ-ка лучше у огня и поболтаемъ.

Съ этими словами она въ свою очередь распустивъ волосы своей подруги и богатыя черныя пряди тяжело ували на ея грудь. Подъ предлогомъ сравнить цвѣта тѣхъ и другихъ волосъ, хитрая Джени, ловкимъ движеніемъ руки такъ ихъ устроила, что положивъ свою головку на роскошную черную прядь и прикрывшись своими бѣлокурными кудрями, она незамѣтно могла слѣдить за всѣми малѣйшими измѣненіями въ лицѣ Лизи, на которомъ ярко отражался свѣтъ огня.

— Поговоримъ о мистерѣ Юджинѣ Вребуриѣ, сказала Джени.

При этихъ словахъ что-то блеснуло между бѣлокурными кудрями, покоившимися на черныхъ какъ смоля волосахъ; если это не была звѣзда, то конечно это должно быть глазъ; а если глазъ—то чей же, какъ не Джени Ренъ, хитрой плутовки.

— Зачѣмъ о мистерѣ Вребуриѣ? спросила Лизи.

— Потому что мнѣ такъ хочется. Какъ ты думаешь, богатъ онъ или нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Такъ онъ бѣденъ?

— Да, я думаю, то-есть для джентльмена.

— Ахъ, да. Конечно, онъ джентльмень. Не намъ пара, или пара, а?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, промолвила тихо Лизи, задумчиво качая головою.

Кукольная швея одной рукой обнимала свою подругу, и прикрываясь этой рукой, она теперь незамѣтно дунула на свои волосы, покрывавшіе ея лицо, такъ что два блестящіе глаза еще ярче засверкали подъ легкой дымкой.

— Ояъ, мой-то, навѣрно не будетъ джентльменомъ, а такого скоро прогоню. Но во всякомъ случаѣ это не мистеръ Вребуриъ. Я его не плѣнила и наврядъ-ли ктонибудь его плѣнилъ, какъ ты думаешь, Лизи?

— Напротивъ, это очень вѣроятно.

— Будто? Ну, да кто же?

— Чтѣ же можетъ быть проще, чтобъ онъ понравился какойнибудь барышнѣ и она ему?

— Можетъ быть, я не знаю. Но еслибъ ты была барышней, Лизи, ты бы могла его полюбить, а? какъ ты думаешь?

— Я—барышня! повторила Лизи, смѣясь:—вотъ глупости.

— Ну, да; но положимъ, вообрази себѣ, что ты барышня!

— Я—барышня! Я—бѣдная дѣвушка, которая возила бѣднаго отца въ лодкѣ. Я—которая возила его въ тотъ самый день, когда

увидѣла ея впервые. Я—которая такъ была смущена его взглядомъ, что встала и вышла изъ комнаты!

«Однако, онъ посмотрѣлъ на тебя тогда, хотя ты была и небарышня», подумала миссъ Рень.

— Я—барышня, продолжала Лизи вполголоса, устремивъ глаза на огонь:—я, отецъ которой не очищенъ еще отъ тяготѣвшаго надъ нимъ, хотя и несправедливо, пятна безчестія и позора! Я барышня!

— Вѣдь только въ предположеніи, въ воображеніи, замѣтила миссъ Рень.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ, отвѣчала Лизи:—мое воображеніе такъ далеко не идетъ.—И она мрачно, задумчиво улыбулась.

— Но мнѣ этого хочется, а ты знаешь, Лизи, что мнѣ не слѣдуетъ противорѣчить; я—бѣдное, маленькое созданіе, и притомъ я нынче очень измучилась съ своимъ гадкимъ ребѣнкомъ. Посмотри въ огонь, какъ, бывало, въ старомъ домѣ ты сматривала и предсказывала судьбу твоему брату, котораго я не люблю. Посмотри хорошенько; я увѣрена, ты увидишь тамъ какуюнибудь барышню.

— Конечно, гораздо легче увидѣть въ огнѣ, чѣмъ представить себя барышней.

Блестящія глазки устремились на задумчивое лицо, склоненное къ огню.

— Ну, воскликнула кукольная швея:—нашли мы барышню-то? Лиза утвердительно махнула головою и тихонько спросила:

— Она должна быть богатой?

— Да, лучше, такъ-какъ онъ бѣденъ.

— Она очень, очень богата. А должна быть она красавицей?

— Если даже ты красавица, Лизи, тѣмъ паче она.

— Она великолѣпная красавица.

— Что она говорить о немъ? спросила Джени вполголоса, не спуская глазъ съ лица Лизи.

— Она рада, рада быть богатой, чтобъ все передать ему. Она рада, рада быть красавицей, чтобы онъ ей гордился. Ея бѣдное сердце...

— Эге! Отчего бѣдное? спросила миссъ Рень.

— Ея сердце отдалось всецѣло ему со всею любовью, со всею преданностью, на которую она способна. Она съ радостью бы умерла съ нимъ вмѣстѣ или, лучше, за него. Она знаетъ его недостатки, но твердо увѣрена, что они происходятъ оттого, что онъ одинъ-одинехонекъ на свѣтѣ, что у него нѣтъ никого, кого бы онъ любилъ, въ кого бы вѣрилъ, о комъ бы могъ съ удовольствіемъ думать. И она говоритъ ему, эта богатая красавица, къ которой я никогда и издали-то подойти не посмѣю: «позволь мнѣ толь-

во занять пустое мѣсто въ твоёмъ сердцѣ, посмотри какъ я мало о себѣ думаю, сколько я могу сдѣлать и перенести ради тебя; позволь попробовать; я надѣюсь, что ты станешь лучише черезъ меня, хотя такъ неизмѣримо тебя ниже.»

Лицо Лизи покрылось при этихъ словахъ яркимъ румянцемъ; она забыла о всемъ, и дико, восторженно вѣрила глаза въ огонь; кукольная швея, отбросивъ рукой свои волосы, глядѣла на нее съ испугомъ. Черезъ минуту она снова припала головой къ чернымъ прядямъ и простионала:—о! о! о!

— Ты страдаешь, милая Джени? воскликнула Лизи, — какъ-бы очнувшись отъ сна.

— Да, но это не старое страданіе, это—новое, новое. Уложи меня, запри дверь и сядь поближе.—Потомъ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, она промолвила съвозъ зубы:— бѣдная, бѣдная Лизи! О, благословенныя дѣти! придите, но не ко мнѣ, а къ ней. Она нуждается болѣе меня въ помощи, въ утѣшеніи!

И она простерла свои ручки къ небу, потомъ снова повернулась, и обнявъ Лизи, понизла головою на ея грудь.

ХП.

Еще хищныя птицы.

Ридергудъ жилъ въ самомъ отдаленномъ, мрачномъ закоулкѣ лаймгаузской впадины, между корабельными работниками, оснащниками, парусниками и другими прибрежными жителями, изъ которыхъ иные были не лучше его, иные гораздо лучше и никто хуже. Жители впадины, вообще не очень разборчивые въ своемъ обществѣ, всѣми силами старались отдѣлаться отъ чести быть знакомымъ съ Ридергудомъ, поэтому они при встрѣчѣ съ нимъ чаще отворачивались отъ него, чѣмъ протягивали руку, и очень рѣдко или почти никогда не распивали съ нимъ стагана пива или водки, даже когда онъ угощалъ на свой счетъ. Большая часть жителей лаймгаузской впадины отличалась такими гражданскими добродѣтелями, что даже эта соблазнительная приманка выпить на чужой счетъ не могла побудить ихъ знаться съ низкимъ доносчикомъ. Одно только маленькое обстоятельство уменьшало значеніе этой высокой добродѣтели: ея агенты считали свидѣтеля, показавшаго истину передъ закономъ, почти такимъ же проклятымъ подлецомъ, какъ и фальшиваго доносчика.

Еслибъ не дочь, о которой такъ часто упоминалъ мистеръ Ридергудъ, то онъ наврядъ-ли бы нашелъ какое нибудь средство для существованія въ негостепримной для него впадинѣ. Но жись

Плѣзантъ Ридергудъ имѣла связи и извѣстнаго рода положеніе въ этой мрачной трущобѣ. Она была незаконнымъ, секретнымъ ростовщикомъ самой мелкой руни; она держала, что называется, *сохранный складъ*, куда принимала на сохраненіе всякаго рода вещи и давала за нихъ маленькія суммы денегъ.

Плѣзантъ минуло недавно двадцать-три года, и она уже пять лѣтъ занималась этой торговлей. Ея покойная мать открыла лавочку, и Плѣзантъ послѣ своей смерти завладѣла секретнымъ капиталомъ въ пятнадцать шиллинговъ, зашитыхъ въ матрацъ, о существованіи которыхъ она узнала изъ устъ умирающей въ послѣднюю минуту ея жизни, поддавшейся пагубному вліанію водки и джина.

Почему ее прозвали Плѣзантъ, то-есть пріятной—миссъ Ридергудъ не знала, да и наврядъ-ли могла бы отвѣтить на этотъ вопросъ и сама покойная мистриссъ Ридергудъ. Молодая дѣвушка гѣдала лишь одно, что ее окрестили Плѣзантъ, и что она этого измѣнить не можетъ—Плѣзантъ такъ Плѣзантъ. У ней не спрашивали совѣта, какъ ее назвать, точно такъ же какъ не требовалось ея согласія на появленіе ея въ сей грѣшный міръ. Подобнымъ же образомъ у миссъ Ридергудъ были отцовскіе безпокойные глаза, какъ-бы вѣчно вращающіеся на оси, которые она, быть можетъ, съ радостью промѣняла бы на другіе, еслибъ только у ней спросили совѣта. Вообще же она не была уродлива, хотя очень худая, старообразна и мрачнаго, словно вѣчно грязнаго цвѣта лица.

Какъ иныя собаки рождаются съ инстинктомъ нападать на особаго рода звѣря, такъ, нимало не желая оскорбить этимъ сравненіемъ молодую дѣвушку, Плѣзантъ Ридергудъ имѣла въ крови какой-то инстинктъ, побуждавшій ее считать всякаго моряка болѣе или менѣе своей жертвой. Покажите ей хоть издали человѣка въ синей матросской курткѣ, и она, выражаясь фигурально, тотчасъ проваливала его булавкой, какъ естествоиспытатель какою-нибудь букашку. Однако, взявъ въ соображеніе всѣ обстоятельства ея жизни, нельзя было назвать ее злой или неблагонамѣренной женщиной. Она была невиновата, что смотрѣла на все совершавшееся вокругъ нея съ точки зрѣнія своего грустнаго опыта. Такъ, покажите ей свадьбу—и она видѣла въ ней только обрядъ, которымъ два человѣка брали привилегію вѣчно ссориться и драться между собою. Покажите ей крестины—и она въ нихъ только видѣла, что маленькому язычнику давали совершенно ненужное и лишнее имя, ибо его всегда въ послѣдствіи будутъ звать какимъ-нибудь обиднымъ прозвищемъ, и вообще, эта маленькая особа, по мнѣнію Плѣзантъ Ридергудъ, неизвѣстно зачѣмъ явилась на свѣтъ: никому она не нужна, никто о ней не

вечется, а всё, напротивъ, толкаютъ и бьютъ, пока она не вырастетъ и сама не станетъ толкать и бить другихъ. Покажите ей похороны — и она вамъ скажетъ, что это — самая непроизводительная церемонія въ формѣ чернаго маскарада, представляющая единственный парадный пиръ, когда либо данный покойникамъ. Покажите ей отца чьего нибудь — и она видѣла передъ собою только дунивать своего отца, котораго съ самаго ея дѣтства лишь по временамъ, урывками исполнялъ свой долгъ къ дочери, состоявшій въ томъ, что онъ ее билъ кулакомъ или плеткой. Итакъ, взявъ все это въ соображеніе, Плѣзантъ Ридергудъ, надо согласиться, была не очень-очень дурная женщина. Въ ней даже была тѣнь чего-то романческаго, то-есть насколько это могло быть въ лаймгаузской впадинѣ — и быть можетъ, въ теплый лѣтній вечеръ, стоя скрестивъ руки на порогѣ лавки и устремивъ свои глаза на голубое небо, освѣщенное послѣдними лучами заходящаго солнца, она мечтала о какомъ-нибудь отдаленномъ островѣ на Южномъ или какомъ другомъ океанѣ, мечтала, что гуляетъ подь руку съ возлюбленнымъ посреди хлѣбныхъ деревьевъ, поджидая кораблей изъ образованныхъ странъ свѣта — ибо матросы, изъ которыхъ можно было бы извлечь какую-нибудь пользу, были необходимыми условіемъ рая миссъ Плѣзантъ.

Однажды она стояла на порогѣ своей лавки, когда какой-то незнакомецъ, остановившись на противоположномъ тротуарѣ, пристально поглядѣлъ на нее. Но это было не лѣтомъ, а въ холодной, мрачной, осенней вечеръ. Плѣзантъ Ридергудъ, какъ большинство женщинъ въ лаймгаузской труппѣ, имѣла обыченіе собирать волосы назадъ въ вучу, такъ — что они при малѣйшемъ движеніи или даже сердечномъ волненіи распались и надо было ихъ безпрестанно закручивать. Въ эту самую минуту Плѣзантъ, выйдя на порогъ, чтобъ взглянуть на погоду, поправила обѣими руками волосы. Эта привычка была такою общепринятою между всѣми обитательницами впадины, что если случалась кабая — нибудь драка или какой скандалъ на улицѣ, то всѣ женщины выскакивали, закручивая руками волосы, а у иныхъ въ зубахъ даже торчали гребенки.

Лавка Плѣзантъ Ридергудъ была несчастная, маленькая, низенькая, такъ что потолокъ можно было достать пальцемъ; она походила скорѣе на подвалъ или кладовую и въ нее надо было спускаться по низенькимъ ступенькамъ. Но, несмотря на все это, въ маленькомъ окошкѣ, между нѣсколькими цвѣтными платками, гороховымъ скруткомъ, накуда негодящимися часами и компасами, жестанкой табаку, трубками, банкой англійскихъ соусовъ и отвратительными сластями, служившими лишь маскою для глав-

наго предмета торговли — красовалась вивѣска: *Мѣблированныя комнаты для моряковъ.*

Замѣтивъ миссъ Ридергудъ у дверей, неизвѣстный такъ несиѣнно перешель улицу, что она не успѣла еще покончить съ своими волосами, какъ онъ уже очутился передъ нею.

— Отецъ дома? спросилъ онъ.

— Кажется, отвѣчала Плѣзантъ, опуская руки:— войдите.

Она сказала это только потому, что неизвѣстный казался морякомъ, ибо очень херомно знала, что отца не было дома.

— Садитесь поближе къ огню, продолжала гостепрѣимная хозяйка, когда незнакомецъ вошелъ въ лавку:— вамъ братъ, морякъ, всегда найдеть здѣсь прѣвѣть.

— Благодарствуйте.

Его манеры ясно изобличали въ немъ моряка; руки также, хотя онъ были отчасти слишкомъ нѣжны. Глазъ Плѣзантъ уже привыкъ къ морякамъ, и она тотчасъ замѣтила необыкновенный цвѣтъ и нѣжность этихъ рукъ; несмотря на весь ихъ загаръ, точно такъ же не ускользнула отъ нея и удивительная ихъ глубокость, когда онъ, усѣвшись небрежно, опустил лѣвую руку на ногу немного выше колѣнѣа, а правую такъ же небрежно облокотился на ручку деревяннаго кресла.

— Вы ищете нанять комнату? спросила Плѣзантъ, становясь по другую сторону камина.

— Я еще не знаю хорошенько, что буду дѣлать, отвѣчалъ незнакомецъ.

— Такъ вы не ищете ли сохраннаго склада?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ, повторила Плѣзантъ: — вы слишкомъ для этого хорошо одѣты. Но еслибы вы, во всякомъ случаѣ, искали того или другаго, то милости просимъ.

— Да, да, промолвилъ незнакомецъ, бросая взглядъ вокругъ себя:— я знаю, я уже тутъ бывалъ.

— Не отдали ли вы чего на сохраненіе въ прошлый разъ, что здѣсь были? спросила Плѣзантъ, тотчасъ сообразивъ, нельзя ли стянуть съ него хоть процентовъ, если не капиталъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ незнакомецъ, покачавъ головою.

— Я почти увѣрена, что вы здѣсь никогда не жили.

— Никогда. И незнакомецъ снова покачалъ отрицательно головою.

— Такъ зачѣмъ же вы приходили сюда? спросила Плѣзантъ:— я васъ совсѣмъ не помню.

— Да трудно было бы вамъ и помнить. Я только стоялъ здѣсь у двери, однажды ночью, на первой ступени, пока мой товарищъ

входилъ, чтобъ переговорить съ вашимъ отцомъ. Я очень хорошо помню эту лавку, прибавилъ онъ, съ любопытствомъ осматривая по сторонамъ.

— А давно это было?

— Порядочно. Когда я вернулся изъ послѣдняго путешествія.

— Такъ вы не были въ морѣ въ послѣднее время?

— Нѣтъ, я былъ боленъ и исполнялъ службу на берегу.

— Ага, такъ вотъ почему у васъ такіа руки!

Незнакомецъ быстро перемигнулся въ лицѣ, пристально взглянулъ на нее и, улыбувшись, замѣтилъ:

— Вы очень наблюдательны. Да. Поэтому-то и руки мои такіа.

Плѣзантъ, смущенная его пронизательнымъ взглядомъ, посмотрѣла на него нѣсколько подозрительно. Быстрая перемигива въ его лицѣ не только не выражала беспокойства или тревоги, но, напротивъ, онъ тотчасъ принялъ снова свой прежній самоувѣренный видъ, вселявшій невольно какой-то страхъ въ нему.

— Отецъ вашъ не скоро вернется? спросилъ онъ.

— Я не знаю; не могу сказать.

— Такъ-какъ вы только что сказали, что онъ, кажется, дома, то онъ, вѣроятно, недавно ушелъ, а?

— Нѣтъ, я думала, что онъ уже возвратился, объяснила Плѣзантъ.

— А! вы думали, что онъ уже воротился? Значить, онъ давно уже ушелъ, а?

— Я не хочу васъ обманывать: отецъ на рѣкѣ въ своей лодкѣ.

— За старой работой? спросилъ незнакомецъ.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать, замѣтила Плѣзантъ, отступая на шагъ въ изумленіи: — удивляюсь, чего вамъ нужно отъ насъ?

— Я ни мало не намѣренъ сдѣлать вреда вашему отцу, даже не хочу сказать, что могъ бы, еслибъ хотѣлъ. Мнѣ нужно съ нимъ переговорить. Вѣдь это, кажется, не богъ-знаетъ что? И отъ васъ не будетъ никакихъ секретовъ, я переговорю съ отцомъ вашимъ при васъ—словомъ, миссъ Ридергудъ, какъ ни верти, а изъ меня вы ничего не сдѣлаете и не добьетесь. Я не поддамся ни на квартиру, ни на сохранный складъ и ни на что другое, такъ что съ меня взятки гладки. Бросьте эту мысль и будьте друзьями.

— Но вѣдь вы морякъ? сказала Плѣзантъ, точно этого было уже достаточно, чтобъ дать ей возможность высосать изъ него что нибудь.

— Да и нѣтъ. Я былъ морякомъ и, можетъ быть, опять я буду.

Но для васъ: я не могу, повѣрите мнѣ на слово. Отъ меня толку не добьетесь.

Разговоръ дошелъ до кризиса, который по своей важности вполне былъ достоинъ, чтобы волосы миссъ Радергудъ распустились по спинѣ. И дѣйствительно, коса упала и Плѣзантъ, брота свои волосъ на затылкѣ, воспользовалась случаемъ чтобы рассмотреть хорошенько изподлбья лицо незнакомца. На немъ была столь хорошо ей знакомая матросская одежда, огромный ножъ за кушакомъ, свнстокъ на длинномъ шнурѣ, обружавшемъ его шею, и тяжелый кистень, торчавшій изъ кармана. Все это, вмѣстѣ съ его большими бѣлокурными усами и бакенбардами, придавало ему какой-то грозный, роковой видъ.

— Чтобъ убитъ время, пока отецъ воротится, сказала она: — расскажите мнѣ, много ли у васъ на берегу теперь убиваютъ и грабятъ моряковъ?

— Никогда теперь объ этомъ и не слышать.

— Будто?

— Жалуются еще, что бываютъ случаи подальше, въ Ратлиффъ, въ Ваппингѣ, но вѣдь кто знаетъ, сколько правды въ этихъ слухахъ.

— Конечно. И потомъ, къ чему прибѣгать къ насилию?

— Я сама это всегда говорю, замѣтила Плѣзантъ: — зачѣмъ прибѣгать къ насилию! Христось съ ними, съ моряками-то, точно они умѣютъ сохранить свои денежки и просто-то.

— Вы правы. Ихъ можно облупить и добромъ, отвѣчалъ незнакомецъ

— То-то, и спустивъ всѣ деньги, они опять уходятъ въ море и наживаютъ новыя. Для нихъ всего лучше какъ можно только скорѣе убраться на корабль, они тамъ сохраняѣе.

— Я вамъ объясню, почему я этимъ интересуюсь, сказала незнакомецъ, подымая глаза, которые до сихъ поръ были устремлены на огонь: — я самъ попался разъ и меня бросили замертво.

— Не можетъ быть! воскликнула Плѣзантъ: — а гдѣ это случилось?

— Это случилось, повторилъ незнакомецъ, проводя рукою по подбородку, словно припоминая: — это случилось, да гдѣ-то здѣсь вблизи. Я думаю, не болѣе миль отсюда.

— Вы были пьяны? спросила Плѣзантъ.

— Я былъ въ забытьѣ, но не отъ честнаго вина. Я не пилъ, вы понимаете, а мнѣ всыпали порошокъ.

Плѣзантъ серьезно покачала головой, какъ-бы говоря, что она понимаетъ, но вполне порицаетъ подобную штуку.

— Честная, открытая торговля — дѣло другое, сказала она: — а

ужь это негодится. Никто не имѣеть права обходиться такъ съ храбримъ морякомъ.

— Эти слова дѣлають вамъ честь, отвѣчалъ незнакомецъ съ улыбкой, и потомъ прибавилъ вполголоса: — тѣмъ болѣе, что я полагаю, отецъ вашъ держится другихъ правилъ. Да, продолжалъ онъ громко: — плохо мнѣ тогда пришлось. Я все потерялъ, что было на мнѣ, и едва спасся.

— Добились ли вы наказанія виновныхъ? спросила Плѣзантъ.

— Наказаніе было страшное, но не моихъ рукъ дѣло, отвѣчалъ незнакомецъ мрачно.

— Чьихъ же? спросила миссъ Плѣзантъ.

Незнакомецъ медленно поднялъ руку къ небу, и потомъ снова упершись на нее подбородкомъ, устремилъ свои глаза на огонь. Плѣзантъ Ридергудъ пристально смотрѣла на него и все болѣе и болѣе, чувствовала себя неловко: таинственность и самоувѣренное спокойствіе незнакомца пугали ее.

— Какъ бы тамъ ни было, произнесла молодая дѣвушка:—но я все же очень рада, что виновные наказаны, ибо отъ такихъ нечестныхъ дѣлъ очень страдаетъ честная торговля съ моряками. Я противъ всякаго насилія, особенно съ моряками. Я держусь правилъ и мнѣній моей покойной матери. Честная торговля, говорила она—хорошее дѣло, но не воровство, не насиліе.

На основаніи принципа честной торговли, миссъ Плѣзантъ безъ зарѣвнія совѣсти взяла бы, и дѣйствительно брала тридцать шиллинговъ въ недѣлю за комнату, которая не стоитъ и пяти, и на такихъ же справедливыхъ правилахъ веза и дѣло по сохранному складу; но разъ переступивъ за предѣлы торговли, она изъ члавѣколюбія дѣлалась рыаной защитницей моряковъ, даже противъ своего отца, котораго иначе во всемъ слѣпо слушалась.

Въ эту минуту ее прервалъ грубый голосъ ея отца.—Ну, пошла! и вслѣдъ затѣмъ тяжелая шляпа отца со всего размаха ударила въ лицо Плѣзантъ. Привыкнувъ давно къ подобнымъ проявленіямъ отцовской привязанности она молча обтерла лицо волосами, которые, конечно, при этомъ удобномъ случаѣ не преминули распусться. Это также была одна изъ общепринятыхъ привычекъ лаймгаузскихъ барынь обтирать себѣ лицо волосами, когда онѣ разгорячатся отъ горячихъ споровъ или драки.

— На свѣтѣ нѣтъ такой проклятой болтуни, попка! проворчалъ Ридергудъ, нагибалась, чтобъ поднять одной рукой шляпу, а другой грозя дочери. Дѣло въ томъ, что онъ былъ очень не въ духѣ, а подслушанный разговоръ дочери окончательно взбѣсилъ его.—Чего ты врешь тамъ, попка? Неужели тебѣ нѣтъ другаго дѣла, какъ сидѣть сложа руки и врать пустаяя?

— Оставьте ее, сказалъ незнакомецъ: — она говорила только со мной.

— Оставить ее? отвѣчалъ Ридергудъ, окидывая взоромъ незнакомца съ ногъ до головы:—да вы знаете ли, что она моя дочь?

— Знаю.

— Да знаете ли вы, что я не желаю, чтобъ моя дочь врага дѣлалъ день пустаки, проклятая поппа? И что я не намѣренъ слушать вѣдора ни отъ кого? А вы кто такіе, и что вамъ нужно?

— Я не могу этого объяснить, пока вы не замолчите, глѣбно произнесъ незнакомецъ.

— Ну, отвѣчалъ Ридергудъ нѣсколько тише:—я, пожалуй, послушаю. Но не говорите мнѣ чепухи.

— А что вы пить хотите? спросилъ незнакомецъ тѣмъ же рѣзкимъ тономъ.

— Конечно, у меня всегда жажда, отвѣчалъ Ридергудъ, презрительно ослабившись на такой безсмысленный вопросъ.

— А чего душа просить? продолжалъ спрашивать незнакомецъ.

— Хересу, отвѣчалъ грубо Ридергудъ:—коли денегъ хватить.

Незнакомецъ сунулъ руку въ карманъ и вытащивъ полсеверева, попросилъ миссъ Плѣзантъ принести бутылочку.—Но только смотрите, закупоренную, прибавилъ онъ, пристально взглянувъ на ее отца.

— Я дамъ *Альфреда Давида*, пробормоталъ Ридергудъ, мрачно улыбаясь: — что вы не промахъ, знаете въ чемъ дѣло. А я вѣсь-то знаю, что ли? Н... н... нѣтъ, не знаю.

— Нѣтъ, не знаете, отвѣчалъ незнакомецъ—и они продолжали смотрѣть пристально другъ на друга, пока Плѣзантъ не воротилась съ бутылкой.

— Вотъ тамъ на полкѣ маленькія рюмки, сказалъ Ридергудъ дочери: — подай мнѣ разбитую, безъ ножки. Я наживаю кусокъ хлѣба въ потѣ лица моего и для меня годится и разбитая рюмка.

Эти слова звучали какимъ-то смиреннымъ самоотверженіемъ, но вскорѣ оказалось, что такъ-какъ рюмку нельзя было поставить на столъ, а надо было сразу допивать до дна, то Ридергудъ успѣвалъ выпить три рюмки, пока незнакомецъ только одну.

Держа въ рукахъ свой кубокъ Фортуната, мистеръ Ридергудъ усѣлся по одну сторону стола передъ каминомъ, а незнакомецъ по другую. Плѣзантъ же помѣстилась на стулѣ подлѣ самаго огня. На заднемъ планѣ сюртуки, рубашки, платки и другія вещи, оставленные на сохраненіе, составляли какъ-бы толпу слушателей. Особливо походила на слушателя одна пара платя, висѣвшая на стѣнѣ прямо подъ кабой-то шляпой, такъ что издали казалось, что это—человѣкъ, обращенный къ присутствующимъ спиною, гото-

рый такъ жаждалъ подслушать ихъ разговоръ, что остановился не успѣвъ надѣть на одну руку скюртука, висѣвшаго потому въ складахъ.

Незнакомецъ прежде всего одморѣлъ бутылку на овѣтъ, потомъ взглянулъ на пробку, и вполне убѣдившись, что тутъ еще не прикасалась ни чья рука, вынулъ изъ вармана старый складной ножикъ, открылъ въ немъ штопоръ и выдернулъ пробку. Послѣ этого онъ медленно вывернулъ штопоръ изъ пробки и, положивъ то и другое на столъ, обмахнулъ горлашко своимъ платкомъ. Все это онъ дѣлалъ очень тихо, спокойно.

Сначала Ридергудъ протянулъ руку со своей рюмкой, но видя, что незнакомецъ такъ долго возится, онъ мало-по-малу опускалъ руку и, наконецъ, опрокинулъ свою рюмку на столъ. Теперь все его вниманіе сосредоточилось на ножѣ незнакомца, и когда тотъ протянулъ бутылку, чтобъ налить вина, Ридергудъ всталъ, перегнулся черезъ столъ и съ изумленіемъ смотрѣлъ то на ножъ, то на спокойное лицо самаго незнакомца.

— Что такое? спросилъ незнакомецъ.

— Вашъ ножъ мнѣ знакомъ, сказалъ Ридергудъ.

— Вѣрю.

И сдѣлавъ знакъ, чтобъ Ридергудъ подставлялъ стаканъ, незнакомецъ налилъ ему вина. Ридергудъ выпилъ залпомъ и снова началъ:

— Этотъ ножъ...

— погодите, перебилъ его очень спокойно незнакомецъ: — я только что хотѣлъ выпить за здоровье вашей дочери. Ваше здоровье, миссъ Ридергудъ.

— Этотъ ножъ принадлежалъ одному моряку, по имени Джорджу Радфуту.

— Да.

— Я очень хорошо зналъ этого моряка.

— Да, точно такъ.

— Что съ нимъ приключилось?

— Смерть. И еще самымъ страшнымъ образомъ. На него отвратительно было посмотреть послѣ этого.

— Послѣ чего? спросилъ Ридергудъ, вытаращивъ глаза.

— Послѣ того, что онъ былъ убитъ.

— Убитъ? Кто убилъ его?

Незнакомецъ ничего не отвѣчалъ, только пожалъ плечами и наполнилъ Ридергуду стаканъ; тотъ выпилъ, смотря съ удивленіемъ то на неизвѣстнаго, то на свою дочь.

— Вы не хотите сказать честному человѣку, началъ-было онъ, какъ вдругъ глаза его впелись въ пальто незнакомца. Онъ не-

регнулся черезъ столъ, чтобъ посмотрѣть поближе, взявъ за рукавъ, засучилъ его и взглянулъ на подкладку; незнакомецъ спокойно позволилъ ему дѣлать все, что онъ хотѣлъ.

— Я твердо убѣжденъ, что это пальто принадлежало также Джорджу Радфуту.

— Вы совершенно правы. Это пальто было на немъ въ послѣдній разъ, что вы его видѣли — и никогда вамъ болѣе не увидѣть его на семь свѣтѣ.

— Кажется, вы хотите сказать мнѣ прямо въ лицо, что вы его убили! воскликнулъ Ридергудъ, все же подставляя свою рюмку.

Незнакомецъ снова только пожалъ плечами, и нимало не смутился.

— Издохнуть мнѣ на шѣствѣ, коли я знаю, на какой ногѣ плясать съ этимъ человѣкомъ! сказалъ Ридергудъ, выпивая рюмку до послѣдней капли. — Научите, какъ съ вами обходиться. Скажите что-нибудь, по просту, похристіански.

— Хорошо, отвѣчалъ незнакомецъ, перегибаясь черезъ столъ и понижая голосъ, чтобъ придать болѣе значенія своимъ словамъ: — какой же вы лжецъ!

Честный свидѣтель вскочилъ и сдѣлалъ движеніе, словно жкая пустить рюмку въ лицо незнакомцу. Тотъ не повелъ даже бровями, а только погрозилъ указательнымъ пальцемъ. Олицетворенная честность тотчасъ усвоилась и усѣлась снова, опрокинувъ на столъ рюмку.

— Когда вы ходили къ стряпчему въ Темплъ съ выдуманной-то сказкой, произнесъ незнакомецъ, съ удивительною самоувѣренностью: — вѣдь вы могли имѣть кое-какія подозрѣнія на одного изъ своихъ пріятелей. Я даже полагаю, что вы и питали эти подозрѣнія.

— Я... подозрѣнія? На какого пріятеля?

— Скажите мнѣ еще разъ, чей это былъ ножъ? спросилъ незнакомецъ.

— Онъ принадлежалъ тому... и находился во владѣніи того человѣка, котораго я только что назвалъ, отвѣчалъ Ридергудъ, очень глупо избѣгая назвать требуемое имя.

— Повторите, чье это было пальто? продолжалъ незнакомецъ.

— Это платье принадлежало тому... и было надѣто на томъ человѣкѣ, о которомъ я говорилъ.

— Я полагаю, что вы были увѣрены, что какъ ловко онъ скрылся. Но немного ума требовалось ему не являться; вотъ, напротивъ, онъ былъ бы уменъ, еслибъ хоть на минуту воскресъ.

— Вотъ до чего мы дожили, пробормоталъ Ридергудъ, вскакивая со стула: — какой-то буянъ въ одеждѣ убитаго человѣка,

вооруженный ножомъ, принадлежащимъ мертвому, является вдругъ въ домъ честнаго человѣка, наживающаго кусокъ хлѣба въ потъ лица своего, и осыпаетъ его обвиненіями, немѣющими никакого смысла! Почему мнѣ было имѣть на него какія пибудь подозрѣнія?

— Потому что вы его знали, потому что вы были товарищи съ нимъ, и очень хорошо вѣдали, что скрывалось въ немъ подъ красивою внѣшностью; потому что въ ту ночь, въ которую было совершено, какъ вамъ извѣстно, убійство, онъ приходилъ къ вамъ прямо съ карабля, и спрашивалъ: гдѣ бы ему найти комнату. Былъ ли съ нимъ кто-нибудь еще чужой, а?

— Я дамъ Альфреда Давида, что вы не были съ нимъ, отвѣчалъ Ридергудъ: — вы бойко говорите, очень бойко; но по моему, вы только черните себя—вотъ и все. Вы вводитѣ на меня какія-то обвиненія касательно Джорджа Радфута, пропавшаго безъ вѣсти. Но это дѣло—обыкновенное съ моряками. Сотни ихъ пропадаютъ, и никто объ этомъ не заботится. Они—то перемѣняютъ имена, то не возвратившись домой, снова отправляются въ далекія путешествія—и все это ничего; черезъ много лѣтъ, они возвращаются, и никто этому не удивляется. Спросите у моей дочери. Вы съ ней болтали, когда я вошелъ; поврите-ка еще съ ней о своемъ подозрѣніи насчетъ моихъ подозрѣній о немъ. А я вамъ покуда скажу свои подозрѣнія на счетъ васъ. Вы говорите, что Джорджъ Радфутъ убитъ. Я васъ спрашиваю, кто его убилъ, и почему вы это знаете? На васъ его пальто и его ножъ. Я васъ спрашиваю, какъ вы ихъ достали? Ну, передайте бутылку! прибавилъ Ридергудъ, словно вино было его собственностью—а ты, чего ротъ разинула, продолжалъ онъ, наливъ рюмку, и обращаясь къ дочери:—еслибъ не жалъ было хересу, такъ я въ тебя пустилъ бы рюмкой за твою болтовню съ этимъ человѣкомъ, провлятая попка. На такой-то болтовнѣ основываютъ подобные люди свои подозрѣнія; тогда какъ я вывожу свои изъ фактовъ, ибо я честный человѣкъ, и наживаю свой хлѣбъ въ потъ лица своего, какъ и слѣдуетъ честному челоуку.

Тутъ онъ снова налилъ себѣ рюмку, и отпивъ половину, посмотрѣлъ съ жадностью на остальную. Между тѣмъ, волоса Плѣзантъ, какъ слѣдуетъ, распустились при грубыхъ словахъ отца, и она поправила ихъ, на манеръ того, какъ закручиваютъ хвостъ лошадамъ, когда ихъ ведутъ на рынокъ для продажи.

— Хорошо! Вы кончили? спросилъ неизвѣстный.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Ридергудъ:—я не кончилъ. И далеко не кончилъ. Я хочу знать, какъ убить Джорджа Радфута и почему вы ходите въ его шею?

— Если вы когда-нибудь это узнаете, то не сегодня.

— И потому я хочу знать, продолжалъ Ридергудъ: — намѣрены ли вы обвинять въ этомъ, какъ вы его тамъ называете, убійствѣ...

— Гармоновомъ убійствѣ, отецъ, подсказала Шлѣзантъ.

— Нѣтъ, попка, раскричался онъ: — держи языкъ за зубами. Я хочу знать, сэръ, обвиняете ли вы въ этомъ убійствѣ Джорджа Радфута?

— Если вы когда-нибудь узнаете, то не сегодня.

— Пожалуй, вы сами это сдѣлали, сказалъ Ридергудъ угрожающимъ тономъ.

— Я одинъ знаю тайну этого убійства, отвѣчалъ незнакомецъ, качая головою: — я одинъ только знаю, что ваша глупая сказка несправедлива. Я одинъ знаю, что не только эта сказка ложь, но что вы сами въ этомъ увѣрены. Я пришелъ нынче нарочно, чтобъ вамъ это объявить, болѣе же вы отъ меня ничего не услышите.

Мистеръ Ридергудъ, устремивъ свои глаза на незнакомца, подумалъ съ минуту, потомъ налилъ себѣ рюмку, выпилъ ее въ три глотка и вдругъ крикнулъ дочери: — запри дверь и стань тамъ. Если вы все это знаете, сэръ, продолжалъ онъ, становясь между страннымъ посѣтителемъ и дверью: — то зачѣмъ же вы не пошли въ страичему Лайтвуду?

— Это также извѣстно только мнѣ одному, холодно отвѣчалъ незнакомецъ.

— Развѣ вы не знаете, что если не вы совершили это дѣло, а ваши слова справедливы, то вы получили бы отъ пяти до десяти тысячъ фунтовъ?

— Я это очень хорошо знаю, и когда я потребую деньги, то подѣлюсь съ вами.

Честный человѣкъ подвинулся немного ближе къ незнакомцу и подальше отъ двери.

— Я знаю это, продолжалъ спокойно таинственный посѣтитель: — такъ же хорошо, какъ тотъ несомнѣнный фактъ, что вы съ Джорджемъ Радфутомъ были товарищами во многихъ черныхъ дѣлахъ. Я еще знаю, что Роджеръ Ридергудъ составилъ заговоръ противъ невиннаго для полученія призовыхъ денегъ за открытіе убійцы и, главное, я знаю, что я могу донести на васъ по обомъ пунктамъ, и привести въ доказательство противъ васъ собственную мою особу, и клянусь, я это сдѣлаю, если вы посмѣете послушаться меня.

— Отецъ! воскликнула Шлѣзантъ: — не идите противъ него! Поддайтесь ему! Не попадитесь, отецъ, въ новыя напасти!

— Не тараторь, проклятая попка, воскликнулъ Ридергудъ, выходя изъ себя, но потомъ нѣжно прибавилъ:—вы, сэръ, еще не сказали, чего вамъ нужно отъ меня. Развѣ хорошо говорить о моемъ послушаніи, когда вы еще не сказали, чего вы отъ меня хотите?

— Очень немного. Ваше обвиненіе не должно остаться полусдѣланнымъ и полунесдѣланнымъ. Его надо вовсе уничтожить.

— Хорошо, но штурманъ...

— Не зовите меня штурманомъ, отвѣчалъ незнакомецъ.

— Хорошо, капитанъ; конечно, вы не имѣете ничего противъ того, чтобъ васъ звали капитаномъ. Это—благородное званіе и вы вполнѣ его заслуживаете. Ну, капитанъ, я спрашиваю васъ, человѣкъ-то умеръ? Я честно спрашиваю, развѣ Гаферъ не умеръ?

— Умеръ, такъ что жъ? отвѣчалъ незнакомецъ съ нетерпѣніемъ.

— Могутъ ли слова повредить мертвому, капитанъ? я васъ спрашиваю, какъ честный человѣкъ.

— Они могутъ повредить памяти умершаго человѣка, могутъ повредить живымъ его дѣтямъ. Сколько осталось у этого чловѣка дѣтей?

— То-есть у Гафера, капитанъ?

— Объ комъ же другомъ мы говоримъ? воскликнулъ незнакомецъ, топнувъ ногою, словно Ридергудъ сталъ лизать у него ноги не только морально, но и физически: — я слышалъ, что у него остались дочь и сынъ. Я обращусь за свѣдѣніями къ вашей дочери, я предпочитаю говорить съ нею. Скажите, пожалуйста, сколько осталось дѣтей у Гексама?

Плѣзантъ взглянула на отца, какъ-бы прося позволенія говорить, и честный человѣкъ воскликнулъ съ горечью:

— Чортъ тебя возьми, зачѣмъ ты не отвѣчаешь капитану? Проклятая попка умѣетъ врать, когда не нужно, а тутъ вишь языкъ отнялся.

Плѣзантъ объяснила, что послѣ Гафера осталась дочь Лизи и сынъ, еще очень молоденькій мальчикъ.— Оба они очень приличные люди, прибавила она.

— Страшно подумать, чтобъ пятно позора легло на нихъ, промолвилъ неизвѣстный, вскочивъ со стула и въ волненіи зашагать по комнатѣ: — страшно! Непредвидѣнно! Какъ можно было это предвидѣть! А гдѣ они живутъ? спросилъ онъ вдругъ.

Плѣзантъ отвѣчала, что дочь одна жила съ отцомъ, когда съ нимъ случилось несчастье, а послѣ его смерти она переѣхала изъ ихъ околodka.

— Я знаю это, отвѣчалъ незнакомецъ: — я былъ въ домѣ, гдѣ они жили, во время слѣдствія. Не можете ли вы мнѣ узнать, гдѣ она теперь живетъ?

Плѣзантъ сказала, что, конечно, можетъ и на вопросъ, когда—поспѣшила отвѣтить: черезъ денегъ, другой. Тайственный посѣтитель отвѣчалъ, что это достаточно скоро для него, и что онъ вернется за отвѣтомъ, вполнѣ полагаясь на аккуратность молодой дѣвушки.

Ридергудъ молча слушалъ этотъ разговоръ, и когда онъ кончился, честный человекъ обратился къ неизвѣстному съ слѣдующей изъкопкловонною рѣчью:

— Капитанъ, касательно моего несчастнаго показанія насчетъ Гафера, смѣю замѣтить, что онъ, Гаферъ, всегда былъ мошенникомъ, воромъ и грабителемъ. Потомъ, конечно, когда я пошелъ въ тѣмъ двумъ господамъ—стряпчему Лайтвуду и другому господину, я, можетъ быть, слишкомъ поторопился изъ желанія служить дѣлу правосудія или, быть можетъ, я былъ побуждаемъ чувствомъ, поневолѣ овладѣвающимъ человекомъ при видѣ большой кучи золота, изъ которой онъ можетъ взять горсть для своего семейства. Потомъ вино, которымъ меня поила эти господа, было, мнѣ кажется, нечистое и въ головѣ отъ него шумѣло. И, наконецъ, надо не забывать, капитанъ, что когда Гаферъ былъ найденъ мертвымъ, я не утверждалъ, что мое показаніе непременно вѣрно. Я развѣ сказалъ: «господа! то, что я показалъ, я утверждаю и теперь?» — Нѣтъ, я сказалъ прямо и откровенно, безъ всякой утайки: «господа! я могъ ошибиться, я обдумалъ хорошенько свои слова и вижу, что, можетъ быть, не все въ нихъ вѣрно, потому не стану клясться и божиться въ справедливости моего показанія, хотя бы даже вы возъмѣли по этому случаю дурное обо мнѣ мнѣніе. И я знаю навѣрное, заключилъ мастеръ Ридергудъ: — что моя откровенность повредила мнѣ въ глазахъ нѣкоторыхъ людей, даже въ вашихъ глазахъ, капитанъ, если я васъ хорошо понимаю. Но я скорѣе согласенъ переносить незаслуженное презрѣніе, чѣмъ быть влятвопреступникомъ. Ну, если это значить быть заговорщикомъ и мошенникомъ, то я и то, и другое.

— Вы подпишете, сказалъ преспокойно незнакомецъ, не обращая никакого вниманія на слова Ридергуда:—бумагу, въ которой будетъ сказано, что ваше показаніе ложно. Я принесу въ будущій разъ бумагу и авось хоть это успокоитъ бѣдную дѣвушку.

— А когда васъ ждять, капитанъ? спросилъ Ридергудъ, ставъ между дверью и незнакомцемъ.

— Скоро. Не беспокойтесь, я васъ не обману.

— Будете ли вы такъ милостивы, капитанъ, чтобъ оставить ваше имя?

— Нѣтъ, нимало не намѣренъ.

— Вы говорите, капитанъ, что я *подпишу* какую-то бумагу, началъ Ридергудъ, все стоя между дверьми и незнакомцемъ:—это, кажется, привязаніе, повелѣніе, какъ вы думаете, капитанъ?

Неизвѣстный ничего не отвѣчалъ, только злобно повелъ бровями.

— Отецъ, отецъ, воскликнула дрожащимъ голосомъ Плѣзантъ:— не затѣвайте исторію! Не попадитесь опять въ бѣду.

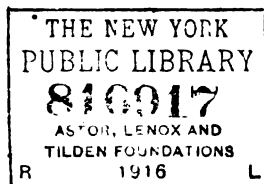
— Выслушайте меня, капитанъ, продолжалъ Ридергудъ, очень униженно отходя съ дороги:— все, что я хотѣлъ вамъ сказать, относилось до вашихъ любезныхъ словъ касательно награды.

— Когда я потребую себѣ награду, я подѣлюсь съ вами, произнесъ незнакомецъ такимъ рѣзкимъ грубымъ тономъ, что подъ учтивымъ словомъ: *съ вами* такъ и слышалось: *съ тобой, собака*.

Пристально взглянувъ на Ридергуда, съ какимъ-то мрачнымъ восхищеніемъ, словно это былъ идеалъ всего злаго, низкаго, незнакомецъ произнесъ еще разъ: «какой же вы лжецъ», и махнувъ головой, вышелъ изъ лавки. На порогѣ, однако, онъ очень любезно пожелалъ доброй ночи Плѣзантъ.

Честный человѣкъ, зарабатывавшій себѣ хлѣбъ въ потѣ лица своего, стоялъ нѣсколько минутъ неподвижно, какъ-будто на него нашель столбнякъ. Потомъ онъ вспомнилъ о бутылкѣ, опорожилъ ее и тогда только совершенно очнулся. Собравшись съ мыслями, онъ конечно рѣшилъ, что всему виновата его проклятая поппа—дочь и потому, чтобъ не упустить хорошаго случая исполнить долгъ родителя въ отношеніи къ ней, скинулъ свои большіе матросскіе сапоги и изо всей силы пустилъ ихъ въ ея фізіономію. Бѣдная дѣвушка ловко отвернулась отъ удара, и залилась горькими слезами, отирая глаза своими волосами вмѣсто носоваго платка.

Н Е Д А В Н Е Е .

РОМАНЪ.

Часть вторая.

I.

Въ одной изъ некрасивыхъ п—скихъ улицъ былъ некрасивый и старинный домъ; его высокая крыша до того искривилась, что даже привычные старожилы, проходя мимо, оглядывались на нее съ беспокойствомъ. Лѣтомъ трава на тротуарѣ только больше выказывала его дряхлость; зимой скупые огоньки въ низкихъ окнахъ были похожи на болѣзненное мерцаніе старческихъ глазъ, но эти огоньки исчезали скоро за ставнями, которыя рано за­творялись. Въ этомъ домѣ жилъ совѣтникъ п—скаго губернскаго правленія, Михаилъ Васильевичъ Деневскій.

Домъ отдавался въ наймы дешево. Деневскій былъ небогаты, а нажитья не умѣлъ. Послѣднее, впрочемъ, было не добродѣтель, потому что происходило не отъ убѣжденія, а отъ робости, без­печности и непониманія никакого дѣла. Въ молодости, Деневскій служилъ въ военной службѣ, прокутился, соскучился, женился, прожилъ еще, и тогда только оглянулся, что у жены, какъ у него, почти ничего нѣтъ. Онъ рѣшился опять служить. Какими-то судь­бами, вѣрнѣе, хлопотами и участіемъ одного родственника, слу­жившаго въ Петербургѣ, Деневскому дали мѣсто совѣтника въ N. Усѣвшись, онъ принялся существовать, какъ всѣ въ провинціи, но съ нѣкоторой тоской принимая свое существованіе. Онъ былъ какъ-то огорченъ и разбитъ, и это огорченіе выражалось у него во всемъ въ жизни — въ его скугѣ отъ всякаго занятія, въ его отвращеніи отъ всякой книги, въ безцѣльномъ шатаніи по ком­натамъ въ ожиданіи часа присутствія, въ тупомъ и безмолвномъ созерданіи давно знакомыхъ и вовсе незанимательныхъ предме­

Т. CLVIII. — Отд. I. 27

товъ, въ вѣлыхъ разговорахъ съ семьей, въ лѣтніи на знакомства. Онъ былъ также вѣль и на службѣ, хотя трудолюбивъ, но трудолюбіе происходило только изъ страха потерять мѣсто. Изъ того же страха, Деневскій ни въ чемъ не спорилъ, ни съ гѣмъ не ссорился, не поднималъ запутанныхъ дѣлъ, держался сильнѣйшей стороны, понималъ свое униженіе и говорилъ, что терпѣть все по необходимости. Онъ такъ сильно вообразилъ себѣ эту необходимость, крайность, разореніе, бѣду, постоянно висящую надъ своей головой, что считалъ невозможнымъ чему нибудь улыбнуться, и если случалось улыбаться его семьѣ—только покачивалъ головой и становился еще горестнѣе.

Его семья, впрочемъ, улыбалась рѣдко. Она состояла изъ жены и двухъ дочерей: одной—взрослой, другой—маленькой дѣвочки; одна выросла, другая росла въ безмолвіи и ожиданіи бѣды. Жена, Ольга Александровна, во всемъ ему сочувствовала. Сочувствіе навело на подраженіе; подраженіе любимому доводитъ до преувеличенія. Ольга Александровна настроила себя уже на такой постоянно печальный ладъ, на такое недовольство, на такое бездѣйствіе отъ мысли, что «все прошло, ничего нельзя, ничего не нужно, некогда, бѣднымъ людямъ непрістало», на такой страхъ всего—чужого простого замѣчанія и своего собственного поступка, слова и помысла, что предъ ея неподвижностью неподвижность Михаила Васильевича казалась дѣятельностью. Они тосковали вмѣстѣ, безпрестанно жалуясь на судьбу. Жаловались они совсѣмъ напрасно: въ томъ же N. сотни людей бѣднѣе ихъ жили лучше и безъ всякаго сравненія веселѣе, но Деневскіе были не мастера хозяйничать. Къ довершенію своего несчастья, они помнили вѣчно и повторяли безпрестанно, что они не «кто нибудь», а «столбовые дворяне», «лица» въ городѣ, что въ Петербургѣ ихъ родственникъ Деневскій «департаментами ворочаетъ». Они увѣрили себя и увѣрили другихъ, что это обязываетъ ихъ бывать въ свѣтѣ и принимать, но повторяли тутъ же знакомымъ и полузнакомымъ, что это имъ въ тягость. Ихъ знакомые были—высшій кружокъ города: Деневскіе слишкомъ помнили свое происхожденіе, чтобы спуститься до чиновниковъ и учителей гимназій, двадцать лѣтъ назадъ не считавшихся въ губерніи «обществомъ»—чему нынѣ такъ трудно повѣрить, что надо напоминать и объяснять это...

Внутри, домъ былъ тѣмъ, что обѣщалъ снаружи. Въ немъ была, однако, цѣлая анфилада парадныхъ комнатъ: зала, двѣ го-

стиныя, диванная, съ почернѣлыми потолками и очень ветхой мѣбелью. Не встрѣчалось предмета, на которомъ могли бы пріятно остановиться глаза. На всемъ лежалъ сѣрый цвѣтъ отъ полусвѣта, отъ неряшества, отъ запустѣнія, на которое будто рукой махнули. Впрочемъ, все было такъ старо, что годилось только на сломку или въ печь, и для того, чтобы все вычистить, все привести въ порядокъ, потребовались бы нечеловѣческія усилія. Представлялся очень простой вопросъ: почему жильцы не разстанутся съ этими хоромами и этимъ хламомъ и не помѣстятся тѣснѣе, но чище и удобнѣе, что очень немудрено и доступно всякому, даже людямъ съ меньшими средствами? Дневскіе ничего бы не могли отвѣчать: они и сами не знали. Имъ было неудобно, ихъ домъ былъ дрань, но переѣхать изъ большаго въ маленькій—что жъ это ужъ такое?... Прислуга тоже тяготила ихъ, хотя какъ ее уменьшить—они не знали; у нихъ были казачки, которые только спали и дрались, горничныя для барыни и барышень, лакей для барина, лакей для посылокъ, ключница, двѣ кухарки, поваръ и поваренокъ, хотя обѣдъ былъ всегда мѣнѣе, нежели умѣренный, а кладовая постоянно пуста. Въ огромной разваленной конюшнѣ, одиноко существовала старая лошадь, а въ каретномъ сараѣ, заваленномъ мѣбелью и обломками, уже нигде негодными, стояли дрожки и сани, которыя постоянно то отправлялись въ починку, то возвращались изъ починки. При нихъ состоялъ кучеръ, жаловавшійся на многочисленность и трудность своихъ занятій. Экипажи эти запрягались единственно для утреннихъ поѣздокъ Михаила Васильевича въ губернское правленіе. Разъ только, во время одной слишкомъ продолжительной починки, въ прекрасный майскій день, Михаилъ Васильевичъ дошелъ туда пѣшкомъ и, еще болѣе убѣдясь въ необходимости своего экипажа, воротился домой на извозчикѣ.

— Этакъ, матушка, ненадолго станетъ человѣка, сказалъ онъ женѣ:—сидишь-сидишь четыре часа, да мѣси пѣшкомъ.

Ольгу Александровну нечего было и убѣждать: она находилась въ безпокойствѣ съ первой минуты, какъ мужъ ее предпринялъ походъ и до минуты его возвращенія. Но духъ противорѣчія, или, вѣрнѣе, духъ разсужденій влетѣлъ въ этотъ день въ голову Настасьи Михайловны, старшей дочери Дневскихъ.

— А говорятъ, здорово ходить больше, papà, сказала она изъза своихъ пальцевъ.

Михаиль Васильевич задумчиво взглянул на нее и спросил у жены двугривенный извошнику.

— Есть, что ли? прибавилъ онъ съ горестью.

— Вотъ, отвѣчала Ольга Александровна, и вздохнула.

— Разоренье! продолжалъ Михаилъ Васильевичъ: — дрожи проклятыя, что съѣздили разъ, то чини.

— А что, замѣтила опять Настасья Михайловна:—еслибы вамъ даже всякій день брать извошника, вѣжется, это не дороже бы стояло?

— Отецъ твой еще отроду на трепыхалкахъ не катался, возравилъ Михаилъ Васильевичъ съ достоинствомъ и вышелъ, оставя дочь въ недоумѣніи, почему прекрасная извошница пролетка, обитая повенькимъ зеленымъ трипомъ и блестящей бронзой, получила названіе «трепыхалки»—названіе, можетъ быть, меткое, но далеко неблагозвучное.

Впрочемъ, такъ-какъ Михаилъ Васильевичъ, во весь остатокъ дня, былъ особенно задумчивъ, что стѣсняло Ольгу Александровну во всѣхъ ея занятіяхъ и вмѣстѣ приводило въ совершенное разстройство, отражавшееся во всѣхъ ея словахъ, дѣйствіяхъ и сношеніяхъ со всѣми окружающими, то Настасья Михайловна оставалось только укротить поднявшійся некстати духъ разсужденія и считать крестикъ канвы, на которой она изображала какое-то историческое событіе. Это происходило задолго до времени начала этого разсказа; Настасья Михайловна была тогда пятнадцатилѣтней дѣвочкой и занималась вышиваньемъ съ прилежаніемъ. Она хорошо дѣлала, потому что счетъ крестиковъ укрощалъ возстанія духа, сдѣлавшіяся все чаще и чаще послѣ перваго проявленія, по поводу дрожекъ. Крестикъ канвы, сдѣлались спасительнымъ средствомъ, прибѣжищемъ, чѣмъ-то въ родѣ повѣренныхъ, но тогда они стали зашиваться медленно. Когда слезы начали падать на ихъ крѣпко наврахмаленныя синія клѣтки, эти повѣренные стали вдругъ нестерпимы, ненавистны... Дѣвочка выросла и выросла...

Съ ней вмѣстѣ, хотя моложе ея десятью годами, росла ея сестра Даша. Когда пришло время учить дѣвочку, Настасья Михайловна вызвалась заняться этимъ «образованіемъ», начинавшимся съ азбуки, но ея силамъ не довѣряли. Ольга Александровна возразила, что въ этомъ не будетъ толку, а главное—нѣтъ времени.

— Когда же тебѣ? сказала она старшей дочери.

Этотъ вопросъ заставилъ Настасью Михайловну оглянуться, что она ничего не дѣлала дѣше дни. Ея вышиванье было ни на что ненужно: продавать свою работу считалось неприличнымъ, ее можно было только дарить, а дарить было некому; подушки и экраны только прятались въ комодъ, неотдѣланные, и только стояли расхода на шерсть. Она попросила позволенія шить сама свои платья, съ большимъ трудомъ получила его, исполненное горькаго сожалѣнія, и испортила первое платье, за которое взялась. Немудрено, она не умѣла, а попросить совѣта у швеи ей запретили, даже съ гнѣвомъ.

— Что же, ты будешь съ узлами бѣгать по улицамъ, показывать богъ-знаетъ кому свои трипки?...

Для ученія Даши наняли гимназиста; но строгое приличіе требовало, чтобы Настасья Михайловна присутствовала, какъ старшая, при урокахъ, не оставляя ни минуты семилѣтнюю дѣвочку вдвоёмъ съ восемнадцатилѣтнимъ учителемъ. Настасья Михайловна не оглянулась, или не помнила, что ей самой шель восемнадцатый годъ. Два раза въ день, утромъ и вечеромъ, она перекосила назадъ-и-впередъ свои пальцы изъ диванной въ маленькую дальнюю комнату, гдѣ училась Даша: учиться въ диванной было «неприлично», могъ кто нибудь захватить и застать «полный домъ гимназистовъ», а возвращаться послѣ урока въ диванную было необходимо, потому что «молодая дѣвица» должна работать всегда въ пріемныхъ комнатахъ. Гимназисты мѣнялись: утромъ ходилъ одинъ, вечеромъ—другой. Это были тихіе и бѣдные труженики, нарочно такіе выбранные инспекторомъ, въ которому Девевскій самъ обращался съ просьбою достать учителей понадежнѣе. Настасья Михайловна никогда не произносила съ ними ни одного слова, но однажды ей стало какъ-то совѣстно, когда, въ жаркій лѣтній вечеръ, между тѣмъ какъ Даша писала съ прописки, молодой учитель, не зная чѣмъ заняться среди мухъ и тишины, опустилъ носъ въ «Кратвій Катихизисъ».

«Какъ ему должно быть скучно», подумала Настасья Михайловна.

Изъ безпрестанныхъ домашнихъ толковъ Настасья Михайловна знала біографію учителей. Она вспомнила, что у этого «мальчишка» мать мѣщанка и живетъ стиркой бѣлья на больницы, а онъ считается вторымъ ученикомъ старшаго класса, и взглянула, какъ на пожелтѣломъ рукавѣ его сюртука, подъ яркимъ лучемъ солнца, темнымъ четырехугольникомъ вырѣзалась заплатка...

«Онъ нигдѣ не бываетъ кромѣ насъ, а съ нимъ никто не говоритъ», продолжала думать Настасья Михайловна: «лѣто, вакація, а у него все работа...»

— Какая прекрасная погода, сказала она громко.

Гимназистъ сначала какъ-будто удивился, что въ комнатѣ раздался человѣческій голосъ, но не сконфузился и отвѣчалъ. Онъ даже продолжалъ разговоръ, съ погоды перевелъ его на гулянье, а тамъ на свои классы; съ классовъ ужъ сама собою рѣчь перешла на книги. Гимназистъ былъ страстный читальщикъ. Онъ признался, что еслибы смѣлъ, то приносилъ бы съ собою книги, которыя беретъ для прочтенія въ гимназической библиотекѣ, чтобы заняться ими, покуда Дарья Михайловна пишетъ съ прописи, дѣлаетъ задачу и тому подобное.

— Занимательныя книги? спросила Настасья Михайловна.

— Все серьезныя сочиненія, отвѣчалъ учитель.

Открылось, что *утренній* гимназистъ былъ ему пріятель и тоже страстный охотникъ, но только до менѣе серьезнаго—до литературы и поэзіи. Товарищъ предупредилъ его, и въ слѣдующее утро, онъ также познакомился съ Настасьею Михайловной. Къ концу недѣли, одинъ принесъ ей «Исторію папъ», другой—Шиллера, и чтеніе, разнообразное до пестроты, и смѣна книгъ пошла такъ же быстро, какъ дружба молодой дѣвушки съ гимназистами. Это была самая славная, самая полная дружба, хотя ей давалось всего часа два въ день, хотя никогда друзья не сходились всѣ трое. У молодыхъ людей было только одно горе—бѣдность, о которой не говорилось никогда; у молодой дѣвушки было много, и разнаго горя, о которомъ тоже никогда не поминалось, но то и другое было ясно, видимо; сочувствіе выражалось не словами, но доброй, прямой привязанностью. Гимназисты ходили на уроки Даша какъ на праздникъ, Настасья Михайловна ждала этихъ уроковъ будто праздника. Даша, вмѣсто легендъ о Голіаѣѣ и прочемъ, выслушивала рассказы, вопросы, объясненія прочитаннаго, толки, споры о философіи, эстетикѣ, исторіи—толки жаркіе, отъ всего сердца, какіе бываютъ они всегда у восемнадцатилѣтнихъ спорщиковъ—толки часто кривые; конфузиться было некогда, но некому было и поправить. Разрѣшеніе недоумѣній и споровъ отыскивалось въ книгахъ, что заставляло молодыхъ людей сильнѣе заниматься: отыскивалось одно, а между тѣмъ прочитывалось многое другое. Училась не Даша, а Настасья Михайловна; но чтобы вознаграждать дѣвочку за время, которое заставляла ее

терять, она сама учила ее потихоньку. Дѣвочка отъ этого крѣпче привязывалась къ сестрѣ, а отъ всего, что слушала — пріучалась думать. Маленькая классная комната была далеко, отецъ и мать туда не заглядывали; они отчаявались въ способностяхъ Даши.

Такъ прошло почти два года, пока друзья Настасьи Михайловны кончили свой курсъ. Имъ стало некогда; они перестали ходить къ Дашѣ, держали экзамены, собирались въ университетъ. N-ская гимназія имѣла тогда право посылать прямо туда своихъ учениковъ. У друзей сердце не вытерпѣло ухватить не-простась съ Надеждой Михайловной. Они пришли въ первый разъ оба вѣсть, въ первый разъ какъ гости; голубые окошнички, заранѣе пришитые къ фуражкамъ, поддерживали ихъ смѣлость. Когда доложили о ихъ приходѣ, Деневскій вышелъ въ залу, не посадилъ ихъ, почему не сѣлъ и самъ, и богъ-знаетъ отчего смотрѣлъ казнить-то воинскимъ начальникомъ, провозводящимъ смотрѣть. Это было нѣсколько странно, при его огорченной физіономіи. Но дѣло въ томъ, что при видѣ этихъ молодыхъ людей, ему сильнѣе вспомнилось, что онъ аристократъ и вообразилось, что онъ имъ благодѣтельствовалъ. Онъ читалъ имъ наставленія «недурачиться», и до того увлекся чувствомъ собственнаго значенія, что сказалъ:

— А служить будете, если что нужно, извѣстите тогда — я строчку дамъ къ брату Василию Николаичу; онъ тамъ, въ департаментѣ...

Ольга Александровна сдѣлала ему знакъ: она не любила этихъ общаній, сберегая для своихъ собственныхъ нуждъ благорасположеніе департаментскаго брата; она любила — не хвалиться всесильнымъ братцемъ, но сознавать про себя его существованіе. Ольга Александровна пряталась изъ одной гостиной въ другую, хотя никто не думалъ ее преслѣдовать. Ей почему-то представилось, что бывшіе учителя попросятъ у нея денегъ, на бѣдность — вѣдь въ Москву ѣдутъ... Потому, когда, узнавъ о приходѣ друзей, Настасья Михайловна пробѣжала мимо нея, она крикнула ей шопотомъ:

— Да куда ты, матушка!

Молодые люди понимали, что разговориться нельзя и только твердили Настасьѣ Михайловнѣ:

— Не забывайте насъ, встрѣтимся-ли?

Она подала имъ руки, они поцаловали ихъ. Когда раздались звуки этихъ развѣщенныхъ, добрыхъ, крѣпкихъ поцалуевъ, Ольга Александровна пришла въ ужась...

Ни въ одной «развращенной» книгѣ—какъ назвала Ольга Александровна книги казенной библиотеки, узнавъ, что гимназисты носили ихъ ея дочери—ни въ одной изъ когда нибудь читанныхъ книгъ не прочла Настасья Михайловна такихъ отвратительныхъ вещей, какія наговорила ей мать, объясняя эти поцалуи...

Настасья Михайловна не возражала, хотя двухгодоевое чтение могло бы научить ее возразить дѣльно. Она предпочла молчать, если возможно, обо всемъ. Для Дани поклялись болѣе не брать учителя, и Настасья Михайловна поселилась неподвижно въ диванной съ своими пальцами, за которыми не разъ могла припомнить и подумать, что дружба двухъ сбѣднѣвшихъ и забытыхъ «мальчиговъ» была—единственное, что досталось на долю ея молодости.

Этой молодости, однако, предложили веселье: выѣзды съ визитами и балы. Мудрено было понять цѣль этихъ веселій. Визиты не сближаютъ, какъ извѣстно, и, какъ еще извѣстно, небогатя дѣвушки немного танцуютъ на балахъ, если неразговорчивы и нековетливы. Настасья Михайловна не могла быть разговорчива: являясь въ обществѣ церемонно и не болѣе десяти разъ въ годъ, она знала лица людей, но не знала ни ихъ жизни, ни отношеній. Отецъ и мать повторяли, не стѣсняясь, постороннимъ, даже нисколько несквашимъ такой откровенности, что вывезать дочь поневолѣ, по необходимости, потому что *ихъ дочь должна являться въ свѣтъ*. Это стоило дорого, что Настасья Михайловна слишкомъ хорошо знала. Вѣрный счетъ расходовъ еще больше отнималъ у нея развязность и любезность; кокетство не могло и придти въ голову. Настасья Михайловна была недурна, но не красавица. Женщины богатя и щеголихи умѣютъ сдѣлать себѣ красоту: обдуманнй нарядъ, искусно выбранные цвѣта, прическа къ лицу, изученный жестъ—все это скрываетъ недостатки и выставляетъ на видъ, если что есть хорошаго. Но на заботу о красотѣ нужны досуги, средства и свобода; у Настасьи Михайловны ихъ не было. Нужно, чтобы кто нибудь указалъ женщинамъ на пріятность ея наружности, если она сама ея не замѣчаетъ. Вѣчно озабоченные родители Настасьи Михайловны не замѣчали ни возраста дочери, ни ея лица; оглядываясь на нее изрѣдка, они, по свойственной имъ горестной идеѣ, что у нихъ ничто, даже дочь, не можетъ быть какъ у людей, не находили въ ней ничего даже сноснаго, и покорялись, а иногда выговаривали ей за это. Въ первый годъ

внѣздозь, Ольга Александровна сама занималась туалетомъ дочери, и дочь была постоянно не въ лицу одѣта. Позднѣе, утомясь заботами и предоставивъ ей свободу хотя дома одѣваться по своему вкусу, Ольга Александровна не могла безъ упрека и негодованія видѣть этихъ проблесковъ женскаго чувства, которые нрѣдка обнаруживались въ дочери робкими и экономными попытками одѣться ловчѣе и изящнѣе. Настасья Михайловна со страхомъ повязывала всякую ленту. Она понимала, что это, не думая, дѣлаетъ всякая дѣвушка, но не была увѣрена, можно ли ей позволять себѣ это? Чувство этого мелочваго стѣсненія, сознанія этого униженія, страшнаго именно тѣмъ, что въ немъ рабство было доведено до рабчества, волновало стыдомъ и бросало въ отчаяніе, потому что этотъ стыдъ былъ безвыходный. Женщина, которая съ подобнымъ чувствомъ и сознаніемъ въ душѣ, еще найдетъ въ себѣ охоту заниматься нарядами — докажетъ не мужество, а пустоту. Не мудрено, что у Настасьи Михайловны эта охота являлась рѣдко, вскипывала, и исчезала тотчасъ. Мысль томилъ ее. Она думала много, одиноко и потому свободно: она не могла передвинуть стула, повязать ленты не спросясь, но думать могла сколько угодно; объ этомъ не спрашивали, этого не взыскивали, это никого не интересовало. У нея не было подругъ; странный образъ жизни ея родителей и ея зависимость отнимали у другихъ дѣвушекъ желаніе съ ней знакомиться, а у нея — возможность съ кѣмъ нибудь сблизиться. Облегчить сердце было не съ кѣмъ; впечатлѣнія прочитаннаго, слышаннаго, семейная жизнь — все перекипало, ни съ кѣмъ нераздѣленное, оставляло свой осадокъ въ сердцѣ, и придавало свой складъ выраженію лица. Общество того времени не находило никакой привлекательности въ выразительныхъ женскихъ лицахъ, и было отчасти право: это были странныя лица, будто сожженные горячкой или истомленные долгой гнетучей болѣзнію; это было страданіе стѣсненія, тоска отъ пустоты, тоска бѣднаго, забытаго ума, тоска зануганнаго чувства, покорнаго достоинства, что-то безнадежно терпѣливое и вмѣстѣ полное какого-то превосходства. Такія лица не годятся въ общество: они печалютъ или тревожатъ, они загадочны или неприятны... Въ внѣшнее время они встрѣчаются рѣже; двадцать лѣтъ назадъ, въ провинціи особенно, они встрѣчались часто...

Н-ское общество находило, что Настасья Михайловна страшно «замечталась, разочаровалась», главное — смотреть сурово.

Она, въ самомъ дѣлѣ, не умѣла справиться съ своимъ лицомъ: оно всегда и слишкомъ вѣрно отражало ея чувства. Она смѣялась рѣдко, не находя чему смѣяться, между тѣмъ какъ другимъ было весело; оттого ее и обвиняли въ разочарованіи и мечтательности. Мечтала-ли она—она сама не знала. Да, если назвать мечтаніемъ постоянное чувство молодыхъ годовъ—ожиданіе чего-то лучшаго, что придетъ когда-нибудь. Въ пятнадцать лѣтъ и позднѣе, въ пору своей дружбы съ гимназистами, ей казалось, что вотъ будетъ время, кругомъ все повеселѣетъ, станутъ ладнѣе, ласковѣе, уютнѣе; придутъ люди — не гости, а люди близкіе по душѣ, сберутся въ этомъ домѣ просто и дружески, какъ собираются у другихъ; все будетъ свѣтло, оживлено; среди этихъ людей будетъ одинъ человѣкъ, для котораго заочется и принарядится, и быть хорошенькой. Мечтая, она будто готовилась къ этому времени: берегла свои лучшія ленты и запонки, собирала и прятала отъ пыли разныя бездѣлки, которыми задумывала «тогда» уврасить свои столики, перебирала свои вышиванья, воображая, какъ они отдѣлаются и будутъ служить. Но время уходило, домъ ветшалъ, родители все больше печалились, друзья не шли, напротивъ—и посторонніе стали являться рѣже и церемоннѣе, все сберегаемое въ запасъ къ веселому времени блѣднѣло и линяло взаперти, и веселое перебиранье этихъ вещей стало надрывать сердце, будто воспоминаніе... Приходилось, въ самомъ дѣлѣ, разочаровываться, не узнавъ очарованія... Разъ, причесывая свои темныя волосы, длинныя, густыя, мягкія, блестящія, неволью улыбнувшись себѣ въ зеркало и неволью подумавъ: «что бы мнѣ всегда быть такою»... Настасья Михайловна увидѣла сѣдой волосъ въ локонѣ, который навивала себѣ на палецъ.

«Мнѣ ужъ двадцать лѣтъ»... подумала она, между тѣмъ какъ прекрасное, оживленное румянцемъ и желаніемъ счастья лицо исчезало изъ зеркала и замѣнялось блѣдной, почти болѣзненной тѣнью съ суровымъ взглядомъ и губами безъ улыбки...

— Дайте, я выдерну, барышня, сказала горничная:—это должно-быть у васъ отъ ума.

— Оставь, возразила Настасья Михайловна:— должно-быть, такъ въ самомъ дѣлѣ.

Скоро ей пришлось еще поумнѣть...

Занимая мѣсто совѣтника, видное и съ порядочнымъ жалованьемъ, Деневскій могъ бы сообразить, что это—милость божія

и человѣческая, выше его заслугъ — и на томъ успокоить свои честолюбивыя и другія желанія. Это довольно мудрено, конечно, потому — что, говорить, желанія человѣка неограниченны; но могъ бы иногда человѣкъ, подожа руку на сердце, безпристрастно себя провѣрить и затѣмъ разсмотрѣть, что больше того, что ему дано — дать ему нельзя и онъ не стоитъ, или не сѣмѣетъ справиться, если дадутъ. Можно также иногда посидѣть на мѣстѣ, не порывааясь, оттого, что ни вблизи, ни вдали не видно другого мѣста, куда бы можно было пересѣсть. Но Деневскій не хотѣлъ знать этихъ простыхъ истинъ и, огорченный неизвѣстнотѣмъ, неподвижный физически, разбитый нравственно, находился въ постоянной тревогѣ, въ постоянномъ желаніи и ожиданіи переменъ. Уже очень осѣдлый, десятилѣтній жалецъ въ Н., онъ, какъ ему казалось, былъ долженъ вѣчно быть наготовѣ сейчасъ подняться и отправиться—куда, неизвѣстно, но эта постоянная готовность къ кочевью была отчасти причиной, что въ своемъ домѣ Деневскій не желалъ, не дѣлалъ и даже не терпѣлъ ни удобства, ни порядка: ему казалось, что они отдаляютъ желанную минуту переселенія. Все было для него будто временное. Деневскій былъ небогатъ, но и небѣденъ; но при вѣчномъ ожиданіи лучшаго, его положеніе казалось ему нищенскимъ. Не шевеля пальцемъ, чтобы улучшить его возможными, близкими и дѣйствительными способами, Деневскій измысливалъ способы мечтательные. Нельзя сказать, чтобы его фантазія была разнообразна, но она была смѣла, очень упорна и, повременамъ, дѣлалась чѣмъ-то въ родѣ маніи. Это была манія просительства. Во множество своихъ праздныхъ часовъ, Деневскій думалъ, думалъ и надумавшись, сочинялъ письма къ великимъ и сильнымъ земли, съ изложеніемъ своего бѣдственнаго положенія, съ хвалою милосердія, украшающаго власть, и съ обѣщаніями нездѣшной награды. Онъ не зналъ этихъ «великихъ и сильныхъ», но ему было все равно. Онъ точно такъ же писалъ и взывалъ къ незнакомымъ богачамъ, цитируя священное писаніе, къ вельможамъ—напоминая, что высокое происхожденіе обязываетъ къ благости, къ купцамъ—говоря о щедрыхъ пожертвованіяхъ русскихъ бородачей, спасавшихъ отечество, къ откупщикамъ—укоряя, что валяются отъ мамоны неправды. Однажды, раздумавшись, какъ много русскихъ денегъ увозятъ итальянскіе пѣвцы, онъ заставилъ Настасью Михайловну перевести пофранцузски свое письмо къ одной артистической знаменитости, укорялъ эту знаменитость въ

разореніи его отечества и затѣмъ предлагалъ ей искупить это, подавъ руку помощи человѣку, достойному уваженія, то — есть, ему. Тонъ этихъ писемъ былъ очень высокъ, тяжеловатъ, довольно гордъ и злобенъ; Деневскій просилъ мѣста, какъ будто всѣ мѣста, занятія всѣми чиновниками въ Россіи, были отняты у него; просилъ денегъ, какъ будто всѣ богачи нажились на его счетъ или завладѣли принадлежавшими ему наслѣдствами. Всѣ эти посланія, натурально, оставались безъ отвѣта и приносили только убытокъ, потому что были объемисты, вѣсили тяжело и отправлялись страховыми. Но Деневскій не утомлялся; онъ самъ отвозилъ ихъ на почту и, возвратясь, говорилъ женѣ: «Ну, теперь надо только молить Бога, чтобъ онъ смягчилъ сердца»... Подъ впечатлѣніемъ только — что отправленныхъ фразъ, Деневскій еще нѣсколько времени говорилъ фразами. Онъ ждалъ отвѣта, нисколько не сомнѣваясь, что отвѣтъ будетъ, и десятокъ неудачъ его не разочаровывалъ. Только въ этомъ одномъ Ольга Александровна не вполнѣ раздѣляла его убѣжденія, но выражала свое недовѣріе однимъ грустнымъ молчаніемъ; это недовѣріе тотчасъ исчезало, если, сохрани-богъ, она замѣчала недовѣріе на лицѣ старшей дочери. Дни, мѣсяцы тянулись въ ожиданія, и ожиданія разрѣшались новымъ воззваніемъ къ кому-нибудь, такимъ же несообразнымъ и неуклюжимъ, какъ прежнія.

Около того времени, какъ двадцатилѣтняя Настасья Михайловна нашла у себя первый сѣдой волосъ — казалось, ожиданія и понятія были истощены. Деневскій нѣсколько дней особенно сумрачно сидѣлъ дома, не ѣздилъ въ должность и дома не брался за дѣло. Ольга Александровна ухаживала за нимъ какъ за больнымъ. Настасья Михайловна стала тоже ждать чего-то, только недобраго. Уныніе сѣрыхъ комнатъ, при осеннемъ вѣтрѣ, который хлесталъ дождемъ въ стекла и срывалъ ставни, было не описанное. Наконецъ, Деневскій нѣсколько торжественно поднялся съ мѣста, перекрестился, поцаловалъ жену и ушелъ въ кабинетъ. Дня три онъ выходилъ оттуда только молча, къ обѣду, а на четвертый вынесъ свое новое произведеніе. Это было — ни много, ни мало — просьба на высочайшее имя, о своемъ стѣсненномъ и бѣдственномъ положеніи. Деневскій позвалъ все семейство, даже маленькую Дану, и прочелъ просьбу вслухъ.

— Но, папа, замѣтила Настасья Михайловна: — мнѣ кажется, вы не имѣете права просить. Вы занимаете прекрасное мѣсто, жить у васъ есть чѣмъ, ваши начальники съ вами дружны. Мнѣ

кажется, право... Не знаю... мнѣ кажется, совѣстно просить, когда все есть...

Сцена сдѣлалась ужасная.

— Чтѣ у меня есть? кричалъ Деневскій, рѣдко возвышавшій свой разбитый голосъ:—ты считала, чтѣ у меня есть? Твой отецъ не имѣеть права, не стѣить, а всякій мошенникъ имѣеть право—просить и получаетъ! Тебѣ, конечно, ничего, что твой отецъ здѣсь гнѣеть! Твой отецъ—миллионщикъ, счастливецъ, какъ же, вотъ, еще съ такою любовью въ семьѣ!

Это продолжалось нѣсколько часовъ. Настасья Михайловна вынесла много, но ея возраженія принесли по крайней-мѣрѣ ту пользу, что просьба была отправлена не по адресу, а прежде на просмотръ братцу Василю Николаевичу Деневскому, который, впрочемъ департаментами, могъ дать совѣтъ, какъ удобнѣе подать ее. Подъ впечатлѣнїемъ гнѣва и желчи, поднявшейся отъ спора, письмо къ братцу было полно укорины, что онъ кровный и родной, сидя покойно, забываетъ родственника, который бѣдствуетъ.

Отвѣта ждали недолго. Недѣли черезъ три утромъ, когда казачки, напустивъ угару изъ печей, раскрыли трубы, спасли домъ посредствомъ окончательнаго остуживанія и убѣжали грѣться въ кухню, въ пустую прихожую явился очень порядочный господинъ. Оглядываясь, онъ даже не могъ рѣшиться положить на что-нибудь свою шубу; бросивъ ее, скрѣпя сердце, на столъ, онъ вошелъ въ залу и бродилъ въ ней одинъ, кашляя и стуча, столько же отъ холода, сколько для доклада о своемъ присутствїи. Ольга Александровна увидѣла гостя въ дверь изъ корридора и подняла смятеніе. Она хотѣла выскочить въ залу, но вспомнила, что недѣта и бранилась, что тамъ всѣ двери настежъ, что кто хочетъ зайти, и чтѣ хочетъ украсть. Настасья Михайловна, задумавшїсь надъ пальцами въ диванной, не слышала прихода гостя, но отчаяніе матери нельзя было не слышать. Она поспѣшила къ гостю. Онъ представился: Зацѣпинъ, изъ Петербурга, чиновникъ департамента. Чувствуя, какъ ему холодно въ залѣ, Настасья Михайловна позвала его съ собой въ диванную. Она слышала, какъ въ корридорѣ мать ахнула на это приглашеніе, на этотъ «верхъ неприличія»; она слышала, что мать давала зарокъ не-выдти къ гостю, «хоть онъ просиди у нея до завтра», и все это, возмущивъ ее привычнымъ волненїемъ, вдругъ придамо ей какую-то странную силу, неожиданную развязность.

— Моего отца нѣтъ дома, сказала она:—не захотите ли вы подождать его?

Взволнованная, она казалась хороша собою; ея безцеремонность, слѣдствіе отчаянія, нравилась гостю, который вообразилъ въ ней счастье и свободу. Онъ былъ человѣкъ разговорчивый и непустой. Съ первыхъ словъ, онъ повелъ разговоръ, хотя вовсе не «головоломный», какъ называли тогда въ провинціи—но какъ-то особенно складно, ново и дѣльно, какъ въ N. не говорилъ никто. Было что-то оживляющее въ этой рѣчи, потому что въ ней самой слышалась жизнь, что-то и веселое, и заставляющее думать, заставляющее отблнкаться шуткой на шутку, разговоръ на разговоръ. Разговоръ невольно завязывался серьезнѣе, вызывалъ чувство, вызывалъ мысль, разсужденіе, выраженіе мнѣній. Зацѣпннъ, конечно, не находилъ въ этомъ ничего необыкновеннаго; онъ велъ такіе разговоры сто разъ, и теперь подумалъ только, что хозяйка мила и неглуна. Но для Настасьи Михайловны это была самая завлекательная новость. Въ N. не говорили и находили неприличнымъ говорить о чемъ нибудь даже немного наводящемъ на размышленія. Настасьѣ Михайловнѣ было слишкомъ хорошо извѣстно, что въ обществѣ ее называли педанткой за то, что она осмѣлилась помянуть о двухъ прочтанныхъ книгахъ; ей было слишкомъ чувствительно памятно, что мать, не пропуская случаевъ, упрекала ее тѣмъ же. Теперь, она ясно видѣла, что съ ней говорятъ непринужденно, охотно, что она не кажется гостю ни странна, ни смѣшна... такъ, стало быть, есть люди, въ кружкѣ которыхъ ей жило бы легче?... Но ей было такъ хорошо въ настоящую минуту, что она спѣшила пользоваться, не останавливаясь на сожалѣніяхъ обо всемъ, что существовало для другихъ, а ей не давалось. За словами гостя ей слышались другія понятія, видѣлся другой свѣтъ. Гость, казалось, что-то осмѣивалъ, что-то прощалъ, надѣялся на что-то ей неизвѣстное. Она привязывалась къ нему невольно и сильнѣе вспомнила своихъ друзей гимназистовъ; они показались ей какими-то милыми дѣтьми, въ сравненіи съ этимъ взрослымъ человѣкомъ; ей захотѣлось, чтобъ они были тутъ... Горчѣ не жели когда нибудь она вспомнила, какъ была принуждена распечатать и прочесть тотчасъ вслухъ предъ отцомъ и матерью единственное письмо своихъ друзей, какъ это письмо выслушала съ неприязнью и насмѣшкой, будто что-то заранѣе осужденное, какъ вслѣдъ за чтеніемъ разбрали ее и запретили отвѣчать...

Въ разговорѣ Зацѣпина, изящномъ, скромномъ, полномъ тѣхъ отвлеченностей, которыя сближаютъ, ей послышалось что-то далекое, знакомое, родное... Черезъ два часа знакомства, ей не хотѣлось бы никогда разставаться съ Зацѣпиннымъ.

Зацѣпинъ самъ, казалось, неохотно вспомнилъ, что ему пора уходить, и жалѣлъ, что не видалъ Деневскаго.

— Подождите еще, присутствіе скоро кончится, сказала Настасья Михайловна.

— Я еще дня три пробуду въ N., сказалъ онъ: — и если позволите...

Говоря это, онъ былъ совсѣмъ искренно и дружески увѣренъ, что ему позволять приходиться хоть всякій день. Настасья Михайловна такъ и сказала бы ему, еслибы смѣла, но ей ужъ стало тяжело на сердцѣ; она невольно отвѣчала только взглядомъ, откровеннымъ, ласковымъ, добрымъ, какого не знали у нея ея п—скіе знакомые. Зацѣпину она рѣшительно нравилась; это вызвало его быть откровеннѣе.

— Миѣ бы ужъ хотѣлось сегодня видѣть вашего отца, сказалъ онъ: — чтобы скорѣе исполнить порученіе... признаюсь вамъ, далеко для меня неприятное... отъ вашего родственника Деневскаго.

Письмо къ этому родственнику, просьба, все, что было вынесено въ этотъ день, разомъ вспомнилось Настасьѣ Михайловнѣ; она поблѣднѣла.

— Не тревожьтесь... сказалъ Зацѣпинъ.

— Нисколько, возразила она, такъ же мгновенно вспыхнувъ, какъ поблѣднѣла: — я знаю, въ чемъ дѣло... О просьбѣ, не такъ-ли?

— Да.

— Если въ этой просьбѣ отказано, или если Деневскій говорить, что ее не должно подавать... я нахожу, что такъ и слѣдуетъ, потому что просьба неосновательная.

Зацѣпинъ посмотрѣлъ на нее, удивленный.

— Именно это и говорить вашъ родственникъ, сказалъ онъ осторожно: — онъ поручилъ миѣ возвратить просьбу вашему отцу, и объяснить на словахъ... впрочемъ, онъ далъ миѣ и письмо. Онъ къ вамъ искренно расположенъ, и вы можете быть увѣрены...

— Я увѣрена, что Деневскій — прекрасный человекъ, прервала Настасья Михайловна: — я сужу по всему, что я о немъ слышала, а потому... потому миѣ и жаль, что къ нему обращались понапрасну, безъ необходимости...

Вошла Ольга Александровна; по ея лицу нельзя было отгадать, слышала-ли она весь разговоръ, или только послѣднія слова дочери; можетъ быть, она и ничего не слышала, но ея огорченный видъ въ минуту обратилъ Настасью Михайловну къ ея настоящему положенію, которое, такъ странно и неожиданно для самой себя — она забывала. Этотъ огорченный видъ смутилъ гостя, въ жизнь свою не видавшаго ничего подобнаго. Ольга Александровна приняла представленіе Зацѣпина съ какинъ-то недоумѣніемъ, не отвѣчала ни слова, сѣла и молчала. Еслибъ Настасья Михайловна продолжала разговоръ такъ же свободно, какъ онъ шелъ до этой минуты, Зацѣпинъ потерялъ бы то хорошее мнѣніе, которое о ней составилъ: онъ былъ готовъ заключить, что дочка распоряжается домомъ и маменькой. Но Настасья Михайловна потѣялась — это сохранило ей уваженіе посторонняго. Блѣднѣя снова, она откинула покрывку палець, за которыя сѣла, и сказала голосомъ, который упалъ и измѣнился:

— Маменька, м-г Зацѣпинъ привезъ отвѣтъ Василя Николаича.

— Съ какой ты это радостью объявляешь!... я слышала; вы тутъ говорили—произнесла Ольга Александровна, приводя гостя въ недоумѣніе, откуда же она слышала.

— Но отвѣтъ не совсѣмъ удовлетворительный... сказалъ онъ.

— Мы уже въ такомъ положеніи, отвѣчала Ольга Александровна съ горечью, и вмѣстѣ съ усмѣшкой въ голосъ: — что ни откуда не можемъ ждать ничего удовлетворительнаго. Василій Николаичъ — человѣкъ такой гордый, черствый, напыщенный, что мы ему нужны, какъ прошлогодній снѣгъ. Онъ, я думаю, и существованія нашего не подозреваетъ. Для него оскорбительно узнать, есть-ли мы, нѣтъ-ли насъ.

Зацѣпинъ сконфузился, что случилось бы со всѣмъ въ его положеніи. Ольга Александровна продолжала такъ же тихо, плавно, какъ начала, не то жалуясь, не то негодуя, настраивая себя романтически, или желая выказать достоинство; въ голосѣ ея слышалась все та же дрожащая усмѣшка.

— Право! я удивляюсь, что онъ сказалъ вамъ, гдѣ мы живемъ. Вамъ, вѣрно, извоишь какой-нибудь показать нашу ввартиру?... По крайней мѣрѣ, вы сами видѣли, и можете разказать Василю Николаичу, какъ вы насъ нашли. Вотъ, все тутъ!

Она показала жестомъ на комнату.

— Василій Николаичъ, какъ человѣкъ всесильный, не хочетъ

понимать, каково другимъ, продолжала Ольга Александровна: — мой мужъ сидитъ здѣсь десять лѣтъ совѣтникомъ, а онъ бы впрочемъ департаментами не хуже какого-нибудь Василя Иванча вашего...

Зацѣпину было ужь до такой крайности неловко, что онъ обрадовался приходу самого Деневаго, какъ единственному средству скорѣе кончить эти объясненія.

Деневскій, едва узнавъ, кто гость, затѣмъ бросился понимать ему руки.

— Не томите, ради-бога, сказалъ онъ: — что, какое извѣстіе? Я, кажется, годъ дожидаясь!...

Его маленькая фигура была жалка въ эту минуту; на его лицѣ была написана тревога. Зацѣпинъ, конечно, не зналъ, что Деневскій былъ изъ людей, умѣющихъ настраивать свои нервы на тревогу, даже изъ пустяковъ, и успокаиваться, даже въ серьёзныхъ вѣчахъ, подъ самыми ничтожными предлогами, едва вздумается усновѣться. Зацѣпинъ осторожно сообщил свое вѣрученіе.

— Я такъ и ожидалъ! сказалъ Деневскій, выслушавъ все. — Ты слышала, Оленька?

— Слышала, мой другъ, отозвалась Ольга Александровна.

— Ну, что же мы теперь будемъ дѣлать?

— Не знаю, мой другъ.

— Къ кому же еще прибѣгнуть?

— Не знаю, къ кому!

— Да, послѣдній ресурсъ!...

— А я знаю къ кому прибѣгнуть, сказалъ рѣшительно Деневскій.

— Къ кому, другъ мой?

— Къ Богу; вотъ, къ кому. Ни къ кому больше.

Во время этого семейнаго разговора, Зацѣпинъ, невольный свидѣтель, невольно оглянулся на Настасью Михайловну. Она вышивала, наклонивъ голову; было замѣтно только, какъ билась ея виски и бѣлѣли пальцы, сжимавшіе иголку.

— Вы что скажете, Настасья Михайловна? спросилъ ее отецъ. Она оглянулась.

— Ну-съ, что скажете?

— Ничего, отвѣчала она тихо.

Деневскій поглядѣлъ на нее съ минуту, махнулъ кагъ-то рукой и обратился къ Зацѣпину.

— Оно, видите-съ, точно ничего. На свѣтѣ все такъ. Я Василья Николаича мальчишкой зналъ, а теперь онъ сталъ старше меня — что жь ему меня помнить! Онъ меня, вотъ, сюда уветъ... то-есть, пристроилъ — ну, и на томъ спасибо! Я не рожу; я, батюшка, христіанинъ, волучше тѣхъ, что у васъ въ Петербургѣ. Скажутъ — повѣсить меня — ну, пусть и повѣсятъ, я на все готовъ. Всегда въ жизни былъ на все готовъ. Я, батюшка, служилъ и въ военной службѣ; не дрался ни разу, да вѣдь это все равно: у васъ, тамъ, это одинаково цѣнится, правды не смѣешь!... Чтѣ жь, у Василья Николаича недоставало писарскаго мѣстишка какого-нибудь, пріютить двоюроднаго брата?

Зацѣпинъ терлся; мудро было понять, чтѣ выразалось въ монологѣ Деневскаго — злоба, огорченіе или покорность? покорность притворная или искренняя? слѣдствіе религіознаго чувства, или отупленія? Старикъ казался не столько жалокъ, сколько страненъ. Его послѣдній вопросъ совершенно поразилъ Зацѣпина.

— Какъ, писарскаго мѣста? повторилъ онъ, не находя словъ: — но развѣ тѣ, которое вы занимаете здѣсь... Во всякомъ случаѣ, трудно найти лучше... Полагаю, вы не захотите мѣнять хорошее на дурное...

— То-то, вы полагаете! это, вотъ, всѣ такъ полагаютъ! прервалъ Деневскій, опять махнувъ рукой, въ сторону дочери: — а по мнѣ, батюшка, нѣтъ ни хорошаго, ни дурнаго — все скверно. Совѣтничье мѣсто! чтѣ мнѣ имѣ глаза колоты? Фамилію свою пятьдесятъ разъ въ день подписать — шутка по вашему? Василій Николаичъ больше этого дѣлаетъ, какъ же! знаемъ мы васъ, петербургскихъ! У васъ пятьдесятъ лѣтъ на шеѣ не сидятъ, такъ вы и говорите!

Тутъ онъ показалъ вмѣстѣ и на Зацѣпина, и на дочь.

Зацѣпинъ взялъ шляпу.

— Я предалъ себя волѣ божіей, продолжалъ Деневскій, подступая къ нему: — такъ и скажите Василію Николаичу. Я ему это напишу, все, пусть знаетъ. Я здѣсь человекъ мирный — ничего не знаю: подадутъ мнѣ бумаги — подписываю, а чтѣ въ нихъ — не читаю, умываю руки. Вотъ я въ какое положеніе себя поставилъ съ первой минуты, какъ посадилъ меня сюда Василій Николаичъ. Пожалуй, онъ меня еще тунецемъ назоветъ, да вѣдь не всякому дается! Вы себѣ хватайте награды, чины — а мнѣ, вотъ, и крестика къ новому году не дадутъ! видно, не заслужилъ!... Ну, на все воля божія!

Зацѣпникъ раскланялся молча. Деневскій пожалъ ему руку. Поклонившись Ольгѣ Александровнѣ, Зацѣпникъ взглянулъ на Настасью Михайловну и, по невольному добродушному движенію, подаль руку и ей. Такое привѣтствіе, двадцать лѣтъ назадъ, не только не было въ обычаѣ въ провинціи, но считалось странностью. Настасья Михайловна не удивилась—такъ было сято ея сердце, и дала свою руку съ довѣрчивостью тяжелой, прощальной, будто послѣдней.

Этотъ день и слѣдующій проходили во вздохахъ и безмолвіи. Въ домѣ, казалось, былъ трауръ, и очень тяжелый, очень недавній. Маленькая Даша громко пробѣжала по комнатѣ, спѣша принести что-то матери, и за это ей выговаривали цѣлый часъ, что она не обращаетъ вниманія на семейное несчастье. Дѣвочка поняла изъ всего только, что она «прощающая», убѣжала въ потешки въ комнату, гдѣ жила съ сестрой, и заливалась горькими слезами. Настасья Михайловна вышивала какую-то оборочку предъ единственной свѣчкой, освѣщавшей диванную, оглядываясь нарѣдка на отца и мать, которые въ раздумья сидѣли въ отдаленіи отъ нея и другъ отъ друга и минутами спрашивали себя: «что жъ это будетъ?» Этотъ вопросъ обдавалъ ее холодомъ. Она говорила себѣ, что стыдно ей сидѣть такъ; что, тамъ, сестра, ребѣнокъ, плачетъ богъ-знаетъ изъ-чего; что лучше пойти, поискать какого-нибудь обрѣзка ленты для ея куклы, развеселить ее чѣмъ-нибудь, развеселиться кстати и самой—потому что такъ невозможно, силъ нѣтъ, такъ люди не живутъ...

— Что же такое особенное съ нами случилось? спрашивала она себя, чувствуя, что въ головѣ ея туманилось:—не виноваты ли ужъ я въ чемъ-нибудь?...

Между тѣмъ часы стучали и били, и было ужъ близко девяти, всѣмъ желаннаго часа отдыха. Послышалось, какъ отворились двери изъ сѣней въ далекой прихожей.

— Пришелъ кто-то... слабо проговорилъ Деневскій, сжавшись въ своемъ креслѣ и не поднимая головы.

— Чужой кто-то... сказала Ольга Александровна, встрепенувшись съ испугомъ и почему-то съ гнѣвомъ.

Оба прислушивались, точно въ ожиданіи бѣды. Изъ прихожей въ залу скрипнула дверь.

— Узнай, кто тамъ, сказалъ Деневскій.

— Да поди же, матушка! Ждешь, что ли, чтобъ ужъ сюда зашелъ? досказала Ольга Александровна.

Настасья Михайловна шла въ темноту трехъ пустыхъ комнатъ, не вида ничего передъ собою. Зацѣпникъ, который шелъ ей на встрѣчу, разглядѣлъ ее въ зеркальнѣ, таившемся изъ диванной.

— Извините, сказалъ онъ: — мнѣ сказали, вы дома...

— Кто такой? глухо спросилъ Деневскій жену.

— Экзекуторъ этотъ петербургскій, отвѣчала Ольга Александровна.

Настасья Михайловна слышала этотъ отвѣтъ. Зацѣпникъ, конечно, тоже его слышалъ, но не обратилъ вниманія и, безъ словъ раскланявшись съ хозяевами, продолжалъ говорить съ Настасьей Михайловной.

— Дѣло, за которымъ я прїѣзжалъ сюда, кончено. Завтра я уѣзжаю; я не могъ отказать себѣ въ удовольствїи еще быть у васъ. Не поручите ли чего въ Петербургъ?

— Еслибы деньги были, поручили бы, отвѣчалъ за нее Деневскій, оживась и усмѣхался: — не за многимъ стало—за деньгами.

— Да, въ Петербургѣ такъ много прекрасныхъ вещей, прибавила Ольга Александровна, тоже желая оживиться.

— Особенно дамскихъ вещей, нарядовъ, подтвердилъ Деневскій и указалъ на дочь: — а она же любитъ нарядиться.

Зацѣпникъ, хотя и былъ приготовленъ первымъ знакомствомъ, но хозяева повзались ему еще страннѣе. Послѣднія слова Деневскаго заставили Зацѣпника обратить вниманіе на старенькое платье Настасьи Михайловны, но нивакъ не объяснили, что хозяйникъ, принимая посѣщеніе на свой счетъ, желаетъ занимать гостя.

Деневскій до такой степени счелъ своей обязанностью это «заниманіе», что заставилъ дочь отодвинуться, подскѣлъ къ гостю и повелъ разговоръ о министрахъ, о производствахъ, и рассказывалъ о губернскихъ дѣлахъ. Эти дѣла онъ путалъ, потому что самъ ихъ не понималъ. Но Ольга Александровна не могла потомъ уснуть ночь, припоминая, какъ мужъ ея сказалъ, что у нихъ, въ уголовной, «не безъ того...» Деневскій самъ припоминалъ это выраженіе со страхомъ и рассказывался. Онъ не хотѣлъ и вообразить, что, слушая его, Зацѣпникъ умираетъ отъ скуки. Рассказъ былъ несладенъ, утомителенъ, предметы его грубы, грязноваты. Зацѣпникъ спрашивалъ себя, какъ слушаетъ это молодая дѣвушка? какъ она выноситъ, что ея присутствіемъ не стѣсняются или вовсе ее не замѣчаютъ?

Взглядъ, который онъ бросилъ на Настасью Михайловну, заставилъ оглянуться и мать.

— Что ты, хлѣбъ насущный свой выработываешь? спросила она Настасью Михайловну, продолжавшую вышивать.— Можно, я думаю, оставить. Къ балу усиѣшь дошить, прибавила она съ усмѣшкой.

— Къ балу?... повторилъ съ недоумѣніемъ Зацѣпникъ.

— Къ балу. Откупщикъ даетъ балъ на той недѣлѣ, отвѣчалъ Деневскій:— мы здѣсь, посмотрите, какъ веселимся. Двѣсти-триста свѣтъ въ залѣ намъ ни почемъ, померанцовыя деревья, ананасы, ужинъ... Вамъ бы пожить здѣсь; вы этого въ Петербургѣ не видите. Общество тоже.

— Я здѣсь у многихъ былъ, сказалъ Зацѣпникъ:— даже вчера былъ на вечерѣ.

— Были? ну, что? У кого? спросилъ Деневскій, неизвѣстно почему такъ особенно одушевляясь.

— У кого... Извините, я съ непривычки путаю фамиліи; кажется, Лобцова...

— А, вице-губернаторъ! Такъ вечеръ былъ? Мы не знали... Танцевальный?

— Да.

Деневскаго будто взяло раздумье; Ольга Александровна была и вовсе сконфужена.

— Мы не знали, повторилъ онъ:— насъ не звали.

— Лобцова прислала звать вчера поутру, отвѣчала Настасья Михайловна:— я благодарила и сказала: что не можемъ быть.

— Почему же вы это такъ распорядились? Отчего же «не можемъ быть?»

— Вы были... нездоровы, заняты, отвѣчала Настасья Михайловна:— танцевальный вечеръ—стало-быть, для меня—я и отказалась.

— Ну, и прекрасно распорядилась! Начальникъ зоветъ отца, а она отказывается!

— Ты только неприятностей отцу надѣлала, прибавила Ольга Александровна.

— Завтра надо поѣхать, извиниться, продолжалъ Деневскій въ раздумѣ.

— Неужели это необходимо? замѣтилъ Зацѣпникъ.

— Мнѣ, батюшка, все необходимо, отвѣчалъ Деневскій:— я держусь за все, какъ утопающій за соломенку...

Онъ понялъ головою.

— Вотъ, теперь всѣ и заговорятъ, что насъ не звали! Ты, видно, этого хотѣла? сказала Ольга Александровна дочери:— съ гѣмъ же ты насъ сравнила? Кто изъ общества тамъ не былъ? Все, что есть лучшаго, было; прелестный вечеръ...

— Не знаю, если это лучшее, сказалъ Зацѣпинъ:—нарядно, конечно. Я посмотрѣлъ, послушалъ, танцевалъ даже—меня представили... Что за складъ общества, что за толки! и пустота, пустота!... Какъ вы можете здѣсь жить? спросилъ онъ, обратиться къ Настасѣ Михайловнѣ, и глядя ей въ глаза.

— Какъ вы взыскательны! возразила Ольга Александровна, вспыхнувъ:—но что же такое особенное у васъ, въ Петербургѣ? какія-нибудь департаментскія вечеринки, десятокъ апельсиновъ и чашка чаю? Что у насъ не пускаются въ превыспреннія разсужденія, такъ Богъ съ ней совсѣмъ, съ ученостью вашей...

— Я, благодареніе Богу, былъ въ Петербургѣ, знаю, выговорилъ Деневскій.

Зацѣпинъ смотрѣлъ на Настасью Михайловну. Сложивъ работу по приказанію матери, и не находя куда опустить глаза, она устремила ихъ неопредѣленно предъ собою, замѣтно вбѣгая взгляда гостя. Зацѣпинъ пришелъ съ желаніемъ встрѣтить опять ту милую дѣвушку, которая одна во всемъ N показалась ему живымъ существомъ—и не узнавалъ ее. Но онъ такъ отгадалъ ее, что еслибы еще разъ они остались одни—ей было бы нѣчего болѣе ему рассказывать. Ему стало тяжело; предъ нимъ было что-то непоправимое, невозвратное...

Онъ простился и ушелъ. Прощаясь и сжимая руку дѣвушки, онъ отъ сердца сказалъ ей, что еще надѣется видѣть ее когда-нибудь тамъ, гдѣ ей будетъ хорошо, какъ она этого стоитъ. Онъ пожелалъ ей счастья—неволью и, конечно, совсѣмъ не кстати: Ольга Александровна, увѣривъ себя, что слышала весь первый ихъ разговоръ, приняла къ свѣдѣнію и это, и, впоследствии, не пропускала никогда замѣтить дочери, что та жаловалась на свою жизнь первому встрѣчному.

Деневскій сказалъ другое, едва вышелъ Зацѣпинъ:

— Господи! вотъ былъ человѣкъ, унижалъ насъ, а мы передъ нимъ рабствовали, кланялись!... Э-эхъ, батюшка-братецъ, Василій Николаичъ!...

Эта встрѣча еще прибавила ума Настасѣ Михайловнѣ. Къ худу ли, къ добру ли, но вопросъ: «Какъ вы можете здѣсь жить?»

открыть ей глаза—на на ея семейную жизнь, она ужь очень хорошо ее знала—а на общество, отъ котораго будто ждала сна-сненія въ тяжелыя минуты. Она начала раздумывать, разбирать, и скоро ей стало невыносимо отъ тѣхъ самыхъ людей, съ кото-рыми, еще недавно, ей бывало если не радостно, то неску-чно. Она начала находить—пришло и такое время!—что лучше сидѣть одной у палецъ или слѣпить глаза въ зимніе сумерки у окна, съ разрозненной, у кого-нибудь выпрошенной книжкой журнала, чѣмъ видѣть *этихъ* гостей, говорить и слушать *эти* рѣчи...

Минутами только она спрашивала себя: долго ли еще это бу-детъ? Ушелъ годъ. Чувство беретъ свои права и всеосуждающій разборъ, опустошая сердце, сильнѣе пробуждаетъ въ немъ по-требность того, что истребляетъ—потребность привязанности. До прїѣзда Зацѣпина, Настасья Михайловна начинала мечтать о любви; послѣ него, взмучася своимъ тяжелымъ анализомъ, она полюбила. Полюбила, конечно, человѣка, въ которомъ, какъ ей казалось, было то, чего не было въ другихъ: умъ, побольше обра-зованія, оригинальность среди тусклаго общества, смѣлость въ этомъ безмолвномъ или пусторѣчивомъ обществѣ... Не ошиб-лась ли она? Не мучилась ли сама, когда чувство, уже разго-рѣвшееся и болѣе неподвластное разсудку, боролось съ такимъ же невольнымъ, привычнымъ анализомъ? Стала ли она счастли-вѣе?... По крайней мѣрѣ, ея молчаливые часы занялись мыслию свѣтлѣе и иногда свѣтлѣе, у ней стали мелькать ожиданія, въ ней что-то ожило...

Николай Александровичъ Магѣевъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ подъ-тридцать и занималъ въ Н. должность губернскаго архитектора. Онъ былъ недуренъ собою, ловокъ, держался немного излишне-развязно, но порядочно и, въ особенности, весело. Его веселость правилась; онъ это зналъ, и пользовался такимъ легкимъ способомъ правиться. Онъ заставлялъ смѣяться всякаго собесѣд-ника, даже своихъ дамъ на балахъ—смѣшилъ замѣчаніями, смѣ-шилъ разсказами. Никто не нашелъ бы смѣшнаго тамъ, гдѣ Ма-гѣевъ умѣлъ находить его, но стоило Магѣеву указать—и смѣш-ное дѣлалось очевидно. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили всѣ. Послѣ прїятнаго припадка веселости, доставленнаго этимъ «остра-ушимъ» человѣкомъ, многимъ случалось замѣчать за собою, что они смѣялись грѣху и бѣдѣ даже очень близкимъ ближнихъ, но «что приваждете дѣлать—смѣшно!» Такія замѣчанія, становясь

чаще, однако, не повредила Малѣву, даже напротивъ: они доставили ему авторитетъ страха. Въ провинціальномъ обществѣ, да еще въ то время, страхъ былъ почти уваженіе. Женщины и дѣвушки старались быть любезнѣе съ Малѣвинымъ, чтобъ не попасть ему на зычокъ; молодые люди сближались съ нимъ въ надеждѣ, что тогда онъ посоветится осмѣливать ихъ предъ женщинами; маменьки ласкали его какъ жениха; пожилые господа пророчили что онъ пойдетъ въ гору; они видѣли въ его снѣлости какое-то достоинство, какую-то силу, хотя это достоинство и эта сила никогда и ни въ чемъ не проявлялись, кромѣ легкой насмѣшки. Малѣевъ ладилъ съ начальствомъ и безцеремонно наживался на службѣ, очень остроумно насмѣшничая надъ взточниками. Съ нимъ ладилъ всѣ и никто его терпѣть не могъ: онъ зналъ это и берегъ про себя, никогда не заводитъ ссоры: онъ не сознавался и самому себѣ, что ему не устоять даже и противъ провинціальной глупости, если она разберетъ его и схватится съ нимъ прямо. Ума въ другихъ онъ не любилъ въ особенности и особенно ловко умѣлъ выставить его смѣшнымъ въ глазахъ шлюсти. Очевидно, что онъ никого не любилъ, и потому навадалъ на всякое чувство съ завистливой неприязнью... Онъ былъ нерадожно воспитанъ, много читалъ и никогда не говорилъ объ этомъ—не потому, чтобы, среди окружавшаго его тогдашняго общества, считалъ невозможнымъ разговоръ о чемъ нибудь другомъ, кромѣ службы и картъ, но потому, что и для него самого, какъ для другихъ, чтеніе было то же, что служба и карты: средство куда нибудь дѣвать время. Но предъ женщинами не мѣшало иногда щегольнуть ученостью, какъ завулгаризировавшимся средствомъ. Для этого Малѣевъ любилъ иногда, среди дамскаго кружка, втащить въ разговоръ о «важныхъ предметахъ» какого нибудь совѣтника, посѣдѣвшаго въ своей палатѣ, и вставить его наговорить чепухи, всѣмъ доступной и понятной, или неразрѣшимыми парадоксами сбить съ толку первокурснаго студента. Дамы убѣждались, что н-г Малѣевъ очень ученъ. Ученость—важно, но это все-таки не мѣшало...

Настасья Михайловна полюбила Малѣева. Его смѣлая жесткость показала ей протестомъ противъ шлюсти. Его болѣе и за глаза бранили—вслѣдствіе этого ей показалось, что онъ выше другихъ и тернѣть за правду. Онъ тогда только-что вѣхалъ въ N.; его служебныя дѣла велись секретно, а если что и осуждалось въ нихъ, то казалось влюбленной дѣвушкѣ клево-

тою, распускаемой въ неприязни. Онъ познакомился съ Деневскимъ по дѣламъ и бывалъ довольно часто. Ольга Александровна, конечно, не считала его за жениха своей дочери, которая, по ея мнѣнію, не стоила такого любезнаго человѣка; но съ Настасьей Михайловной менѣе всѣхъ могло быть скучно въ этомъ домѣ—и Малѣевъ обратилъ вниманіе на Настасью Михайловну. Она обрадовалась этому: онъ могъ лучше узнать ея умъ и характеръ, онъ могъ сказать ей слово по душѣ; она высказывала все, что думала, не стѣняясь; привязываясь, надѣялась, что привяжется. Малѣевъ тоже обрадовался случаю высказывать свое остроуміе предъ неглупой слушательницей; но вскорѣ слушательница начала его беспокоить: она нелегко отшывалась на дешевую насмѣшку, она хотѣла разсуждать, хотѣла видѣть вещи непремѣнно въ ихъ настоящемъ свѣтѣ и прямо. Малѣеву стало неловко; чтобъ не потерять своего значенія въ глазахъ дѣвушки, онъ сталъ сбивать ее съ толку; онъ доводилъ свои насмѣшки до жестокости. Восторженно вообразивъ въ немъ протестъ противъ возможности, Настасья Михайловна не замѣчала, что Малѣевъ — таковъ же, только злая пошлость. Она оробѣла, и чтобъ заслужить привязанность этого требовательнаго человѣка, рѣшилась держаться, поступать, думать такъ, какъ, вѣдалось, хотѣлъ этого Малѣевъ. Она рѣшилась слѣпо довѣрить его уму, который, казалось ей, не могъ ошибаться. Угодить ему было мудрено: мудрено было отгадать, напримѣръ, въ какихъ случаяхъ желалъ бы Малѣевъ, чтобъ женщина высказывала умъ или чувство: онъ сибился надъ ихъ излишествомъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было, и уверялъ въ недостаткѣ ихъ тамъ, гдѣ они даже тратились понапрасну. Зная его насмѣшки надъ педантствомъ, Настасья Михайловна поставила себѣ въ обязанность показываться въ обществѣ совершенной невѣждой. Боюсь, чтобъ онъ, зная ея семейное житье-бытье, не осудилъ ея характера, она переработала этотъ характеръ, если только это было возможно — еще протѣе, еще молчаливѣе. Она не выражала никогда никакого мнѣнія. Она не смѣла казаться довольной—Малѣевъ передразнивалъ женщинъ съ довольными лицами; не смѣла задумываться—онъ «болталъ глубокомыслия»; не смѣла быть печальной—онъ называлъ печальныхъ женщинъ алхими и «убѣгалъ мегеръ»; не смѣла быть равнодушной—онъ называлъ равнодушіе столбнякомъ. Стараніе новастъ на вкусъ предмета любви своей—сдѣлалось ломкой всѣхъ чувствъ, всѣхъ способностей, мученіемъ физическимъ и нрав-

ственнымъ. Оно продолжалось около года. Еслибы Малѣвъ—такой, по его собственному мнѣнію, знатокъ женскаго сердца, такой упорный искатель «покорной женщины»—обратилъ вниманіе на эту любовь, онъ убѣдился бы, что покоріѣ жены ему не найти и могъ бы вполне быть увѣренъ, что эта жена, впоследствии, даже разглядѣвъ всю глубину своего несчастья — все вынесетъ, и честно, не постарается изъ него выйти.

Но Малѣвъ пропустилъ время: Настасья Михайловна оглянулась. Измученная нераздѣленной любовью, одинокая, она спросила, за что она лишаетъ себя любимыхъ занятій, возможности сближенія съ другими людьми, за что она гонитъ отъ себя размышленіе, изъ какой необходимости она себя отупляетъ насильно? Боль чувства образумила разсудокъ и указала на нелѣпость этого нравственнаго самоубійства...

«Вѣдь я убиваю въ себѣ недурное...» подумала она вдругъ съ какой-то жалостью къ самой себѣ.

Она рѣшилась... спросить Малѣева. Робко, неясно, издали начала она рѣчь и подвергла его обсужденію вопросъ: позволительно ли женщиנѣ чувствовать и думать, заниматься не одними тряпками и свѣтскимъ вздоромъ, имѣть мнѣніе и выражать его? Она говорила и изъ желанія успокоиться за себя, и изъ желанія найти въ этомъ миломъ человѣкѣ что нибудь мягкое, сердечное, неложное; вѣчная шутка надъ тѣмъ, что сладко трогало душу или заставляло задумываться — давно стала ей невыносима; она надѣялась, что этотъ милый, любимый выскажется наконецъ, дастъ понять себя иначе; она съ радостью ждала, что онъ укрепитъ ее, зачѣмъ она ошибалась, выяснится, и его вліаніе сдѣлается нетагостно...

Малѣвъ расхохотался. Онъ догадался, что его любятъ, но онъ догадался тоже, что его поняли. Это было не очень дивно. Всякое слово этихъ робкихъ сомнѣній, этихъ порывовъ къ мысли, въ честной дѣятельности, къ истиннѣ чувства, было упрямствомъ ему, самонадѣланному, пошлому остроумію и вѣточному, умѣвшему прятать свои штришки такъ же ловко, какъ зятки.

— Въ такомъ разстройствѣ помысловъ и напряженномъ состояніи чувствованій, отвѣчалъ онъ комически-напыщенно, что было его уверткой въ неловкихъ и досадныхъ случаяхъ: — могу посоветовать только одно: еще болѣе зачитаться Жорж-Занда. По пословицѣ — «клинь клиномъ»...

И въ самомъ дѣлѣ, на другой день онъ прислалъ ей «Малію». Но ему показалось мало этого мщенія надъ женскимъ умомъ, къ тому же мщеніе было неважное. Прежде, самъ не зная почему, онъ щадилъ Настасью Михайловну въ своихъ пересудахъ, можетъ быть потому, что мало являясь въ обществѣ, она мало для него значила. Онъ напомнилъ обществу о ней; для краснаго слова, онъ посмѣивался надъ ея претензіями на красоту и оригинальность, ужасался ея учености и романчности, такъ рассказывалъ о ея пристрастіи къ чтенію, что въ глазахъ дамъ она начала граничить съ безнравственностью, и въ заключеніе замѣтилъ будто вскользь, что Настасья Михайловна мудритъ у себя въ семьѣ и мучитъ свою меньшую сестру...

Настасья Михайловна это узнала. Она не взвѣшывала этихъ обвиненій; ей довольно было послѣдняго. Оно поразило ее неизлечимо, какъ самый ядовитый, самый неожиданный ударъ: она иногда еще осмѣливалась надѣяться, что Малѣевъ пойметъ хоть ея семейную жизнь!... Вся ея молодая радость умерла въ эту минуту. Испытывая на себѣ мученія и стыдъ этого приговора, она оглянулась еще яснѣе, какъ бывали опрометчивы, несправедливы, жестоки и глупы многіе приговоры этого человѣка, любимаго ею. Она потеряла къ нему уваженіе; ея нѣжность перешла въ негодованіе. Она обвиняла себя, что оглянулась на недостатки Малѣева, только узнавъ, что онъ не щадитъ и ее, но удержаться уже не могла. Вспомадный анализъ поднялся снова, на этотъ разъ безошибочный, подрѣпляемый болью сердца и безпристрастный, потому что это больное сердце все еще любило... За то ли, что только минуты этой нераздѣленной любви вспоминались ей отрадно среди всей ея молодой жизни?... Она больше не была ослѣплена, не закрывала глазъ нарочно, не извиняла; спроси ея мнѣнія посторонній — она обвинила бы, по всей справедливости и не колеблясь того, кого любила. Но ей мучительно, вѣчно хотѣлось найти предлогъ его простить — простить хоть немного, найти правды хоть въ чемънибудь... Любовь становилась ей все тяжелѣе. Объясненій не было. Малѣевъ сталъ посѣщать ее рѣже, соскучась, какъ онъ говорилъ, «всей фамиліей...» Настасья Михайловна начинала бояться его, какъ боялась другіе...

II.

Ноябрь 1849 года былъ въ половинѣ; снѣга выпало довольно, и, какъ водится въ благодатныя зимы, въ половинѣ ноября была

оттенялъ; отъ нея зачертѣли и—свѣя улицы, дома приняли гризобурный цвѣтъ, на тротуарахъ стояли лужи. Морозъ поправилъ это въ одно сѣрое утро, выложивъ дороги до невозможности ходить по нимъ, такъ что старухи, молившіяся, чтобъ подмерзло, не знали радоваться или печалиться, когда молитва ихъ была услышана, а надо было идти къ обѣдѣ: день былъ воскресный и вмѣстѣ табельный. Чиновники въ треуголкахъ скакали поздравлять губернатора; въ соборѣ гудѣлъ большой колоколъ; вдали гремѣлъ барабанъ — гарнизонъ шелъ въ парадъ. Впрочемъ, только и было движенія на улицахъ; не нимъ гулялъ вѣтеръ вмѣстѣ съ изморозью; небо было бѣлое, наволочное, точно замерзлое; тусклое солнце хотѣло-было выглянуть, и спряталось; его бѣловатое пятно, проступая время-отъ-времени, наводило хуже тоску и пугало холодомъ. Праздникъ не смотрѣлъ праздникомъ, хотя его торжествовали и чиновники, и колокола, и барабаны.

Ольга Александровна бредила по внутреннимъ комнатамъ, беговалось о Михаилѣ Васильевичѣ, который поѣхалъ съ поздравленіемъ къ губернатору и въ соборъ, и съ ужасомъ повторила, что на дворѣ колодъ, а молебень будетъ съ болѣнопреклоненіемъ. О холодѣ и молебнѣ она настоятельно твердила всѣмъ въ домѣ, хотя никто не сомнѣвался, что одно есть, а другое будетъ.

Настасья Михайловна вышла въ парадныя комнаты прежде матери. Комнаты были уже убраны, какъ увѣряли лакеи и езаичи, но надо было увѣрять въ томъ. Настасья Михайловна указала на вчерашній соръ и древнюю паутину, но ея приказанія по этому поводу не могли быть исполнены. Ольга Александровна явилась сама и подтвердила слова прислуги, что имъ некогда.

— Отецъ воротится, надо ему хоть сюртукъ приготовить, сказала она, и велѣдъ за ея словами, лакеи тотчасъ срылись.— Неравно кто-нибудь зайдетъ, надо кому-нибудь быть въ лакейской, надо кому-нибудь повару помочь...

Кавалеры не дождались даже конца ея рѣчи и исчезли.

— Но нельзя же такъ... возразила Настасья Михайловна.

— А, такъ держите вашихъ собственныхъ людей; тогда, что хотите, то и дѣлайте! Не нравится вамъ — наймите другой домъ! Вонъ, откупщикъ свой флигель отдаетъ за пятьсотъ цѣлковыхъ; наймите, кто вамъ мѣшаетъ!... Разодѣлась съ утра какъ принцесса и командуетъ!

Настасья Михайловна не возражала больше, но позвала свою горничную и вмѣстѣ съ ней водворила кой-какой порядокъ. Ольга Александровна то уходила, то появлялась, волнуемая безпокойствомъ, что ужь въ соборѣ скоро ударятъ къ достойной.

— Матушка, цѣлую архіерейскую службу провозгласилъ! сказала она, заставъ, что горничная очищаетъ ледъ съ ошестъ диванной: — это еще что?

— Я тутъ работаю, отъ она холодно, отвѣчала Настасья Михайловна.

— Холодно!... Да помилуйте, дѣвѣкъ надо еще сахару каточъ къ обѣду — когда же она успѣетъ? Долго-ли еще это будетъ? Холодно! я думаю, покажется холодно, съ утра въ рваныхъ фалбалахахъ...

Настасья Михайловна отпустила дѣвушку и, когда вышла мать, взглянула въ зеркало, чтобы узнать, много ли потерѣла отъ пыли нарядъ, о которомъ ей ужь другой разъ упоминали. Этотъ нарядъ былъ перекрашенное черное шелковое платье и бантъ изъ голубой ленты у воротничка. Это было къ цу, лино не весело. Настасья Михайловна открыла свои вѣчные пальцы и сѣла шить. Пришла Даша.

— Что это ты, Настя — въ праздникъ?

— Да скучно безъ дѣла. Здравствуй.

— Здравствуй.

Онѣ поцаловались, хотя видѣлись не въ первый разъ этимъ утромъ. Дѣвочка смотрѣла серьезно, какъ взрослая; ея движения и ласки были не дѣтскія — все чинно и ровно. Она крѣпко обняла сестру, и вдругъ заплакала.

— Даша, что ты, въ праздникъ!

— Какой праздникъ, до смерти скучно! отвѣчала дѣвочка: — все богъ-знаетъ — что, все бранять! когда мы будемъ жить какъ люди — никогда, видно!

Настасья Михайловна не отвѣчала.

— Вотъ, ты, съ утра, въ праздникъ за работу; стало-быть, ужь нечего ждать, человѣка не увидишь. Это тоска! я уйду куда нибудь!

— Куда же?

— Въ монастырь уйду; все равно, у насъ тотъ же монастырь.

— Полно вздоръ болтать.

— Нѣтъ, не вздоръ, а я куда нибудь уйду, возразила дѣвочка. — Ты мнѣ не говори, что я ничего не понимаю. Вѣдь еслибъ

я росла какъ всѣ дѣти, а то, слава-богу, на все наглядѣлась. Ты старшая, а много-ли ты старше меня?

— Вдвое.

— Ну, сдѣлай милость, ни меня не моледа, ни себя не старѣй. Тебѣ двадцать-два года, а ты, вотъ какъ соскучилась. Чтѣ жь, и мнѣ ждать того же? я не могу! Тебя взять, но крайней мѣрѣ, въ гости; вотъ сегодня повезуть въ собраніе...

— Ахъ, Даша, прервала Настасья Михайловна: — а ты еще говоришь, что все понимаешь!... Мое платье въ долгъ куплено, въ долгъ сшить, меня упресали имъ вчера цѣлый день... что жь, веселье это? весело мнѣ ѣхать? легко? не стыдно носторожнѣе?... Вѣдь во городу знають...

— Настечка, не плачь, мой голубчикъ! вскричала дѣвочка, бросаясь къ ней: — виновата, я не то сказала, да вѣдь мнѣ какъ скучно! вотъ, только съ тобой...

— А говорить, я тебя терпѣть не могу... выговорила Настасья Михайловна, блѣднѣя при этихъ словахъ.

— Кто это говорить?

— Я слышала.

— Давно?

— Вчера еще разъ слышала...

— Но кто говорилъ?

— На чтѣ тебѣ знать? сказали — и все тутъ.

— Охота тебѣ слушать всякій вздоръ. Это надо такъ дѣлать: въ одно ухо влетѣло, въ другое вылетѣло... Ты-то меня терпѣть не можешь? Господи боже, пустяки какіе! Душка ты моя.. Ахъ, ахъ, какая ты сейчасъ была хорошенькая, какъ на меня взглянула! Настя, матушка моя, взгляни еще... Нѣтъ, не то, не то, больше не можешь... Ты также волосы причешешь въ собраніе, какъ теперь, или локоны?

— Какъ велятъ.

— Ну, вотъ еще! Сдѣлай, какъ теперь.

— Мнѣ все равно.

— Настя, вѣдь тамъ Николай Александровичъ будетъ, щечнула Даша, ласково и цалуя сеетру въ ея смуглую щеку, которая вспыхнула.

— Такъ чтѣ жь?

— Ну, будетъ, и все тутъ. Онъ и у насъ, можетъ быть, нынче будетъ. Дай-то, Господи! Чтѣбъ ему, вотъ теперь при-

иать? маленька, покуда, поодѣта, тѣтъ, четверть часика были бы нами.

— Четверть часика промолчать съ нимъ, только.

— Вольно жъ тебѣ молчать. Отчего ты перестала говорить съ нимъ, Настя?

— Я говорю.

— Да развѣ такъ?... Что это, ты его любила-любила, да вдругъ разлюбила? спросила дѣвочка, смѣясь.

— Даша, что ты болтаешь!

— Ничего не болтаю, я правду говорю. Что жъ теперь, кто тебѣ понравился? Боровицкій?

— Никто.

— Почему жъ не понравился Боровицкій? Правда, ему на тебѣ жениться нельзя.

— Вотъ, видишь, какъ ты премудро рассудила.

— Это очень жаль. А ты, Настя, ему очень нравишься.

— Ну, и слава-богу.

— Настя, пожалуйста, ты надо мной не смѣйся; я все вижу. И мнѣ очень жаль, что онъ женатъ.

Настасья Михайловна засмѣялась.

— Знаешь, что, сказала она: — вотъ, онъ вчера прислалъ Impressions de voyage; прочти мнѣ, я послушаю, это лучше будетъ.

— Давай, пожалуйста. А ты, покуда, когонибудь подождешь...

— Кого это?

— Ну, Боровицкаго, или Николая Александровича, когонибудь.

— Ты шалишь, Даша.

— Ахъ, Настечка, видно намъ только съ тобой и утѣхи, что книжки, да книжки!

— Хорошо, хоть это есть, сказала Настасья Михайловна.

Она наклонилась къ пальцамъ и шила, стараясь слушать. Время-отъ-времени, Даша прерывала свое чтеніе замѣчаніями, большею частью меткими и бойкими. Настасья Михайловна смутно думала, что эта дѣвочка старѣе ея. У старшей сестры было дѣтство, была молодость, странныя, несбывшіеся мечтанія, надежды, даже суевѣрные страхи, всѣ эти оживляющія волненія; она не вдругъ, а постепенно сдѣлалась тѣмъ тоскующимъ существомъ, какимъ была теперь; прошлое оставило ея характеру мягкость, нерѣшительность, что-то живое. Въ Дашѣ, напротивъ, есть что-то старческое, положительное, рѣшительное, неграціозное. Она

жалуется, потому что годями все еще дѣти; но она гораздо тверже сестры и смѣлѣе; она жалуется, но сама нежалостлива. У нея будто не бывало дѣтства; она очерствѣла вдругъ, составила разожь.

«Бѣдная, жалкая дѣвочка!» подумала Настасья Михайловна.

Конечно, никто менѣе Настасьи Михайловны не могъ разобратъ, что для этой дѣвочки, рано узнавшей жизнь, немечтающей, нестрадающей, жизнь пойдетъ легче, нежели идетъ для старшей сестры. Даша хитра, проникательна, перебивчива, практична и съумѣетъ быть ловка, когда будетъ нужно. Изъ нея не выйдетъ любящей женщины; отъ равней заботы, можетъ быть, выйдетъ эгоистка, но, во всякомъ случаѣ, женщина дѣятельная. Ея можетъ прожитья легко... Не та участь тѣхъ, истинно-жалкихъ созданий, которыя, правы кругомъ, еще оглаживаются, невиноватили, обиженныя—не обидѣли-ли, изматны до конца—не больноли рукамъ, которыя ихъ измали...

Ольга Александровна вошла раза два; занятіе дочерей, казалось, ей не нравилось; но она не выразила этого. Она присѣла у другого окна, смотрѣла передъ собою, смотрѣла на улицу, и была видимо озабочена. Она прервала чтеніе вопросовъ, что читають, повторила вопросъ, потомъ спросила чья книга, и узнавъ, что она Боровицкаго — замѣтила:

— Развѣ у Боровицкаго есть книги?

Потомъ ее заинтересовало, достанетъ-ли у Настасьи Михайловны шерсти на фонъ, когда и какого именно числа начата эта подушка, когда нужно возвратитъ узоръ, взятый у знакомой. Все это Ольга Александровна знала давно, и говорено объ этомъ было уже не разъ. Она заговорила о послѣднемъ посѣщеніи этой знакомой, и о ея шляпѣ; посѣщеніе было ничѣмъ незамѣлительно, шляпка тоже, и все, что можно было сказать о нихъ, было тоже уже давно, и уже не разъ сказано. Очевидно, Ольга Александровна разговаривала, чтобъ не давать читать. Зачѣмъ—она сама не знала. Она не была недовольна выборомъ книги; ей, просто, не хотѣлось, чтобы дѣлали то, что дѣлають. Замѣти, что Даша, во время разговора, опустила глаза въ книгу, Ольга Александровна встала, и ушла съ досадою.

— Я буду читать, сказала Даша.

Ее скоро прервали; въ прихожей раздался стукъ галошъ и сниманье шубы. Гость шелъ безъ доклада, какъ это дѣлалось всегда въ домѣ Деневскихъ.

— Николай Александровичъ!... женнула Даша, увидя его издали въ залѣ.

Настасья Михайловна вспыхнула, взяла у нея книгу, и спрятала подъ покрывку своихъ пальцевъ.

Это движеніе не скрылось отъ Малѣева, который имѣлъ способность все видѣть.

Онъ былъ въ мундирѣ съ вышитымъ воротникомъ, при шагѣ и съ треуголкой. Войдя, онъ раскланялся съ небольшою ужимкой, чтобы забавнѣе выставить свой костюмъ, и съ серьезной миной, будто дѣлалъ это ненарочно.

— Дашенька, чему вы?! сказалъ онъ дѣвочкѣ, которая разсѣялась: — вотъ, ей-богу, насмѣшница! Я явился поздравить съ высокотожественнымъ днемъ, въ полной формѣ, спѣшилъ вамъ первый представиться; для того и грѣхъ великій совершилъ — недостоялъ молебна — а вы... такой приёмъ!!... Я рѣшительно потерялся. Вы бы брали примѣръ съ сестрицы: она не улыбнется... Ахъ, вы, насмѣшница!

— Сами вы насмѣшникъ, возразила Даша.

Ее будто кольнуло единственное слово, выговоренное Малѣевымъ безъ смѣха въ голосъ: «она не улыбнется». Настасья Михайловна, въ самомъ дѣлѣ, не улыбнулась.

— Много въ соборѣ? спросила она.

— Сплошная масса народа, отвѣчалъ серьезно Малѣевъ: — духота самая умиительная... Дашенька, что вы такъ смотрите? — Жаръ располагаетъ всякаго къ кротости сердца, слѣдовательно, и къ умилению. Я тоже былъ умиленъ, и потому чтобы скрыть чувства, которыхъ не желалъ выдавать публикѣ — убрался поскорѣе. Былъ еще тамъ мужъ, гонимый судьбою, который порывался сдѣлать то же, да не посмѣлъ.

Вошла Ольга Александровна. Ея дочери были замѣтно неоживленны, невеселы; это всегда ее одушевляло.

— Кто это мужъ, гонимый судьбою? спросила она уже смѣясь, и даже любезно давая руку Малѣеву.

— Еслибы я смѣлъ назвать его, я сказалъ бы — Грегуаръ Боровицкій! отвѣчалъ Малѣевъ.

Онъ сталъ еще развязнѣе, точно будто приходъ Ольги Александровны сдѣлалъ его сильнѣе, подкрѣпилъ шутить на зло дѣвушкамъ.

— Боровицкій!... презрительно произнесла Ольга Александровна: — и онъ тоже былъ въ соборѣ?

— Какже-съ... сухо отвѣчалъ Малѣевъ, вынувъ книжку, саританную Настасьей Михайловной, посмотрѣвъ на нея владѣльца, выбитое на корешкѣ, и осторожно положивъ ее на прежнее мѣсто.— Но, мадамъ Боровицкая — очаровательна!

— Была тоже?

— Была... Очень много дамъ было... Цвѣтъ ревности лювовѣ, кажется? На мадамъ Боровицкой было лиловое платье, и морозъ разсыпалъ легкія фіалки на ея носъ и бороду. Воспитательная женщина. Я танцую съ ней третью кадрили въ собраніи, и буду говорить о чувствахъ. Я такъ былъ пораженъ ея красотой и, въ особенности, фіалками, что воспользовался минутой, когда она возвела свои кристальныя очи къ люстрѣ, и шепнулъ: «третью кадрили...» Она была въ горнихъ, но расслышала.

— Расслышала? повторила Ольга Александровна, съ особенной радостью.

— Какъ-же не расслышать, рѣдкость такая: приглашеніе на кадрили, да еще заранѣе!

— И еще въ обѣдню, сказала равнодушно Настасья Михайловна.

— Да-съ, на то мы грѣшники, возразилъ сухо Малѣевъ.

— Что жъ, развѣ это преступленіе? что же ты находишь тутъ неприличнаго? спросила Ольга Александровна, взглянувъ на дочь, и не получивъ отвѣта, повернулась къ Малѣеву.—А сестра ея, предводительша, была?

— Да, какъ-же, все семейство. Зинаида Сергѣевна точно красавица.

— Ахъ, красавица! повторила Ольга Александровна:—и всѣмъ семействомъ? И Петръ Ивановичъ? То-то, я думаю, хорошъ онъ, полный такой, въ мундирѣ...

— Да...

— И дѣти?

— И дѣти, и гувернантка. Подлѣ меня стояли. И вдругъ, чувствительная сцена. Вижу, подлѣ дочекъ Зинаиды Сергѣевны торчитъ еще третья дѣвчоночка, элегантная такая же, въ шляпкѣ, въ шелку. Я и не зналъ, что у мадамъ Боровицкой тоже есть свое произведеніе. Вдругъ, это сокровище становится на колѣни и начинаетъ усердствовать, упивается дымомъ надыльныхъ, вперила взоры въ архіерея; пѣвчіе запѣли—она повлонъ за поклономъ. Тщетно гувернантка, а затѣмъ и маменька приглашаютъ ее къ порядку, убѣждаютъ, что столько умиленія не требуется...

Вот, Дашенька, я вамъ говорилъ объ умилениі!... Не вѣнчать. Ея пригрозили, что сейчасъ увезутъ дочкой—она въ слезы. Едва ушли. Мамашенька съ отчаяніемъ анигировалась и все передо мной извинялась, что ея Мари въ первый разъ въ соборѣ. Я скерчилъ къивную мину, говорю: «милое дитя»... а самъ думаю: «дать-бы нѣтъ только сѣе милое дитя въ руны»...

— Я слышала, дочка Боровицкаго прелесть какъ хороша собою? спросала Настасья Михайловна.

— Развѣ вы никогда ее не видали?

— Нѣтъ. Мнѣ говорили.

— Развѣ, что дочка Боровицкаго, то ушь и не можетъ быть дурна? возразила Ольга Александровна, какъ-будто съ нею спорили.

— Боровицкая знакома съ вами? спросилъ Малѣевъ.

— Нѣтъ. Ни она, ни ея мать. Мужъ знакомъ, прибавила Ольга Александровна, нахмурилась:—вотъ, книги нѣтъ возить.

— Дѣ... Онъ читаетъ, сказалъ вскользь Малѣевъ, всталъ и прошепелъ по комнатамъ.

— Да, вотъ, и онѣ скоро зачитаются, продолжала Ольга Александровна: — я говорю что, Николай Александровичъ — какое удовольствіе у насъ для молодой, свѣтской женщины, блестящей? какое общество? Это, вотъ, Боровицкому какому - нибудь; онъ, говорятъ, артистъ какой-то...

— Какъ же, занимается литературой; изящными искусствами, отвѣчалъ Малѣевъ, подходи къ пальцамъ:—онъ не рисовалъ вамъ ничего въ альбомѣ, Настасья Михайловна?

— У меня нѣтъ альбома, отвѣчала она, поднявъ на него глаза.

— Почему же нѣтъ? неужели изъ ложнаго стыда, что... Пушкинъ, кажется?... насмѣивичалъ? Я нахожу, напротивъ, что альбомъ—это такъ трогательно...

Она взглянула на него опять; онъ засмѣялся, какъ дѣлалъ всегда, чтобы справиться неудачную шутку.

Вдали раздался стукъ сѣнной двери и отчаянный голосъ Девескаго; ему вторилъ другой голосъ, басистый и довольно грозный; оба бранились, что некому принять шубы. Отъ сбѣгающихъ лакеевъ, казачковъ и горничныхъ, въ домѣ сдѣлалась суматоха. Ольга Александровна пошла на встрѣчу мужу и гостю.

Гость былъ отставной военный генералъ, въ орденахъ, старикъ, рослый, здоровый. Ольга Александровна обрадовалась ему до нѣкоторой степени испуга.

— Боже мой! генераль, вы воспитательни, воспитательни! вскричала она, всплеснувъ руками, и когда онъ поцаловалъ ихъ, разцаловала его въ лобъ:—ви, просто, удивительный красавецъ!

— А между тѣмъ—шестидесятъ-съ! отвѣчалъ онъ любовно и очень громко. — Муженекъ-то вашъ, перемерзъ. Куда, братецъ? вскричалъ онъ, лова Деневскаго за его торчавшую шнагу:—туда? къ халату пробираешься, за нечу? нѣтъ, погоди... Погоди, братецъ, помилосердуй, дай на себя поглядѣть, покуда ты еще похожъ на человѣка! вѣдь срамъ!

— Усталъ, батюшка, ваше превосходительство, Иванъ Дмитръичъ, возвратилъ Деневскій:—ужъ дозвольте...

— Ничего, братецъ, тебѣ не дозволяется, продолжалъ генераль, входя между тѣмъ въ диванную: — сказано: «въ полной формѣ весь день»—за какія заслуги тебѣ поблажка? къ немощи, что-ли, свискода?

— Къ немощи, къ немощи! повторила, смѣясь, Ольга Александровна и Малѣевъ.

Генераль здоровался съ нимъ. Настасья Михайловна поклонилась, привставъ изъ-за палецъ, и опять сѣла. Даша сдѣлала реверансъ.

— Здравствуй, сударыня, сказалъ ей генераль, приподнимая ее за плечи, и поцаловалъ въ обѣ щеки. — Чтѣ отворачиваешься? «Ай, schande, совѣстно, молодой человѣкъ видить!» Недоросла еще, матушка, совѣститъся. Я смотрѣлъ, какъ тебя крестили... чтѣ?

— И конечно, такъ, подтвердила Ольга Александровна, между тѣмъ какъ Даша, вспыхнувъ, вытирала холодные слѣды генеральскихъ усовъ на своихъ щечкахъ:—чтѣ это ты? будто богъ-знать, чтѣ сдѣлалось!

— Жестив, видите, старне, подхватилъ хохоча генераль:—а молоденькіе усники покажите—сама отведеть въ сторону да скажетъ: «цалуй еще, мало, покрѣпче»... Такъ-то сударыня!

Онъ тормозилъ Дашу и обратился къ Малѣеву. Малѣевъ смѣлся.

— Ты старшую сестрицу спроси: — «Пріятно-ли, спроси, сестрица, цаловать молоденькіе усники»... А? чтѣ? Чтѣ, Настасья Михайловна? Не слышу-съ, чтѣ изволите говорить?

Настасья Михайловна ничего не говорила, даже не оглядывалась. Генераль окликалъ ее, разшутася, и тихонько поталивалъ Малѣева.

— Съ вами, матушка, и шутить нельзя, сказалъ онъ вдругъ серьезно, обидясь, что ему все-таки не отвѣчали.—Чтѣ-жъ это вы такой великій день за работой, въ черномъ платьѣ?

— Попалось подъ-руку черное, я и надѣла, и не хочется безъ дѣла сидѣть, вѣтко отвѣчала Настасья Михайловна.

— Восшествіе на престолъ ниче, матушка; безъ васъ кой дѣла обдѣлаи.

— И мое шитье тоже? спросила она, улыбувшись.

— Тыфу, ты, прости, Господи! вскричалъ генераль: — да ты, матушка, вовсе богоотступница! Понятія у васъ! Въ трауръ нарядилась! Будь я отецъ или мать, я бы проломилъ твои пальцы... Вотъ они, понятія!...

— Я говорила! сказала Ольга Александровна.— Скажи, сдѣлай милость, обратилась она къ дочери:— ты ужь никакъ не можешь оставить этой работы дурацкой? Я говорила, отецъ просилъ...

Дневскій не возражалъ, хотя до этого времени и незамѣтилъ противозаконнаго поступка дочерн. Онъ перезабъ, переконфузился и былъ озабоченъ: его сани сломались на дорогѣ нѣтъ собора.

— Лучшій другъ дома, благодѣтель нашъ, продолжала Ольга Александровна, показывая на генерала:— онъ говоритъ то же...

Настасья Михайловна закрыла пальцы, встала и вышла.

— Новенькіе-то, повѣйшіе! сказалъ генераль, показывая ей въ слѣдъ.— Дай-ка, братъ, сигарочку, съ горя. Э-эхъ!...

Дневскій засуетился съ сигарой.

— Спичекы!... прошептала Ольга Александровна Дашъ.— Почтеннѣйшій мой Иванъ Дмитричъ, вы не откажетесь у меня стаканъ кофе выпить.

Генераль шаркнулъ, не вставая, и проговорилъ, закуривая:

— Позвольте.

— Это у меня нигомъ! отвѣчала Ольга Александровна съ какой-то отвагой и вышла.

— Новенькіе-съ! повторилъ генераль, помахивая пальцемъ на мѣсто, оставленное Настасьей Михайловной:— насъ со свѣту гонять, повѣяло на нихъ!

— Духомъ новымъ, прибавилъ Малѣевъ.

— Духомъ!! Я бы изъ нихъ духъ новыишбъ! произнесъ генераль, сверкнувъ глазами, выпустивъ клубъ дыма во всю комнату и ступнувъ кулакомъ по столу:— вотъ, какъ, разъ, два, и только ковро останется!

— Ой, ой! вскричалъ, хохоча, Малѣевъ.

— Да-съ, подтвердилъ генераль:— комуиотвуютъ тамъ, идеяи занимаютя. Ужъ и къ намъ сюда эта зараза проникаетъ. Я,

вѣдь, тоже, благодареніе Богу, небестрашный, читаю. Послушалъ, на дняхъ, какъ-то, сошлоь этихъ нѣсколько фразичковъ. Все рѣшили! все, однимъ почеркомъ, чему быть, тому не быть... Я позвалъ Андрея Семенча, да говорю: развѣсь-на еще, братецъ, уши, зѣвай еще; не по твоей это, видно, части?... Э-э-э, и людишки-то нынче, на кого все возложено...

— Андрей Семенчъ отличается мягкосердіемъ, замѣтилъ Малѣевъ.

— Мокрая курица! вскричалъ генераль. — Я имъ всѣмъ говорю: да помилуйте вы меня—чего вы смотрите?... Я имъ всѣмъ говорю. Я и его превосходительству Василью Васильичу не молчу. Что шибъ! я самъ такое же превосходительство, не почище ли его. Я свою звѣзду кровью взялъ—это, вонъ, нынѣшніе ихъ съ неба хватаютъ...

— Да руки коротки, подсказалъ Малѣевъ.

— Вотъ это правда ваша, отвѣчалъ генераль, пріятно переведя духъ:—руки коротки. Я—человѣкъ независимый и все говорю, а вы—посоветую вамъ: поосторожиѣ. Гусей не дразните. Вы—человѣкъ служащій. Вы, хоть-бы и правду, да въ карманъ ее, правду, въ карманъ. Поосторожиѣ. Изъ участія къ вамъ говорю.

— Очень благодаренъ вамъ, генераль.

— Мнѣ другіе эти щелконеры здѣшніе, хоть они пропадай, а въ васъ я провъ вижу. Боровницкіе, тамъ, тому подобные... Боровницкій вашъ какъ носъ задралъ, у! Я мимо его прошелъ въ соборъ—мимо носа-то—ей-богу, зацѣпиться боялся.

— Дѣла серьезныя поручили, сказалъ Малѣевъ.

— Да, дѣла!... Послушай-на, братецъ, обратился генераль къ Деневскому: — ты ужъ совсѣмъ осовѣлъ, словечка не вымолвишь. Чтò ванъ Боровницкій, какъ справляется?

— Ничего, такъ, отвѣчалъ Деневскій.

— Я думаю, что ничего! повторилъ генераль и захохоталъ.

— Водотолченіемъ занимается, прибавилъ Малѣевъ.

— Да вѣдь и должность-то—водотолченіе, сказалъ генераль:—вѣдь посадили человѣка, такъ, хлѣба ему дали. Я всегда спрашиваю: скажите вы мнѣ, господа, на милость, чтò творятъ ваши слѣдователи, изслѣдователи, преслѣдователи? Не вѣдаютъ они и сами, чтò творятъ! истинно, не вѣдаютъ!... Куча дѣла ихъ здѣсь кинуть, да въ другіяхъ мѣстахъ; вѣдь ильионы на нихъ идутъ одного бклада, да схватить тотъ-другой по мелочи...

— Ну! чаще крупнее, сказалъ Малѣевъ.

— И какъ еще крупнее-то! А вѣдь все съ кого? съ нашего брата, нечистомышля. На то эта голь сотворена, чтобы насъ задавать. Законы, видите, звучаютъ, соблюдаютъ. Да, батюшки мои, и безъ нихъ законъ извѣстенъ! Ну, законъ... Они мнѣ прежде сочини такой законъ, чтобы люди какъ люди жили, сдѣлай такъ—да тогда и блюди свой законъ. А то, вричать-то, судить, рядить... Въ самомъ дѣлѣ, иной воображаетъ себя репрезентантомъ какимъ-нибудь, вранья своего въ Дебатахъ нахвтался... Это, вотъ, по ихъ части!

Генералъ махнулъ на входящую Настасью Михайловну.

— И несеть, и несеть околесную. Водотолченіе, какъ вы сказали. Въ дѣло бы ихъ—такъ они ни въ строй, ни къ смотрю... Весной-то нынѣшней, что ихъ въ суды разные, съ позволенія слезать, понапрыгало: убоились, не потребовали бы ихъ въ военную, такъ юркнуть куда-нибудь поскорѣй... Да не понадобились ни на что, не спросили ихъ, безъ нихъ дѣло обошлось. Имъ теперь всякій прапорщикъ своей медалью глаза и колетъ... а присворбно это, я думаю!

Генералъ засмѣялся.

— Вы, матушка Настасья Михайловна, какъ думаете, присворбно это, или нѣтъ? По вашему, какъ патриотизмъ цѣнится? по Дебатамъ-то?... Вотъ, Малозеркинъ—вы его прежде здѣсь знать не хотѣли, вотъ гарнизона—изъявилъ желаніе идти противъ мятежныхъ венгровъ, а нынче, какъ пріѣхалъ въ отпускъ, его на рукахъ и несутъ. Глажу, въ соборѣ: видный малый, эполеты сѣвельнкіе, грудь впередъ, медаль сіяетъ... Боровицкія вамъ я упусти себя за локоть!

— Что же, отвѣчала Настасья Михайловна:—вѣдь Гергей сдался не Малозеркину.

— Что-съ? спросилъ генералъ громовымъ голосомъ, между тѣмъ, какъ Малѣевъ смѣялся, но тихо и будто глядя въ окно. — Что такое-съ? Вы, матушка, понимаете ли, что вамъ говорятъ?

— О подвигахъ Малозеркина, отвѣчала Настасья Михайловна, смѣясь:—вѣдь онъ самъ такъ ровно ничего не сдѣлалъ и не умѣе воротился.

Генералъ поупуцовѣлъ. Малѣевъ поспѣшилъ ему на помощь, улыбался по своему.

— Его превосходительство хочетъ сказать, объяснилъ онъ:— что всаміа, но мнѣрь средствъ, какъ пчела въ ульѣ...

— Оставьте ее, батюшка, что слова терять, прервалъ генералъ, передохнувъ.—Отцу съ матерью угѣшеніе, сужденія, вотъ, такія. Случись что въ семьѣ, напримѣръ, она вамъ и занесеть... Вѣдь тоже новенькіе-то, и въ семейныя реформы пустилась. Какъ же! Слышали вы, какъ Воровицкій ораторствуетъ? либо-дорого послушать!

— Слышалъ, слышалъ, весело отвѣчалъ Малѣевъ.

— Свобода, тамъ, разныя разности, продолжалъ генералъ, смѣясь тоже: — а я, знаете, слушалъ да думалъ: пошли-то Господи, чтобъ его супруга наслушалась, да взбрыкнула! Посмотрѣть бы тогда, какъ онъ отъ своихъ идей—на попятный!

— Что вы, ваше превосходительство, возразилъ Малѣевъ: — да онъ будетъ радехонекъ!

— Какъ-такъ?

— Просто: вѣдь онъ съ ней десять лѣтъ блаженствуетъ, терпѣнія не стало, самому вспорхнуть захотѣлось.

— Такъ это—отводъ?

— Ловкій маневръ! подтвердилъ Малѣевъ.

— Ахъ, вы, молодой человекъ, молодой человекъ! повторилъ генералъ, смѣясь съ полнымъ удовольствіемъ: — а я бы и не догадался! Да онъ бы, по-просту, уѣхалъ отъ нея, семь рѣкъ переѣхалъ — и права не имѣетъ она его требовать! по старинному, и словъ не трать, краснорѣчія! Надо только отъ жены за семь рѣкъ уѣхать...

— Да его и за семь лужъ не отпустить, прервалъ Малѣевъ: — пожалуйста, ваше превосходительство, онъ такъ вѣжне обожаетъ и супругой, и ея маменькой; съ него глазъ не сводить. Маменька-то, кажется, влюблена въ него больше, чѣмъ сама его Надина...

— Охъ, умора они всѣ!... прервалъ генералъ и обратился къ безмолвному Деневскому. — Вотъ, я, братецъ, на твоемъ мѣстѣ, отъ твоей бы жены за семь рѣкъ уѣхалъ; послала кофе «нигошь», а его все нѣтъ, и сигара почти докурилась... Такой-то у васъ краткій мигъ бываетъ, матушка Ольга Александровна!

Генералъ отворилъ дверь во внутреннія комнаты и кричалъ туда:

— Ольга Александровна, васъ за смертью, матушка, послать хорошо: долго не дожدهшься. Ну, нѣтъ кофey у васъ, не хватало, такъ бы и сказали... А? что-съ? Подите, на мушенья по-

любуйтесь: замоченный ужь совсемъ. Я ему сейчасъ совѣтовалъ васъ бросить, да ужь не знаю, кому кого бросать...

— О, мой безнодобный Иванъ Дмитричъ! сказала Ольга Александровна, являясь въ дверяхъ.

За нею казачокъ несъ на подносѣ два стакана кофе. Генералъ взялъ первый и, между прочимъ, далъ щелчокъ въ носъ мальчику, примолвивъ:

— Не плескай, привывай держать твердо.

Ольга Александровна стала развивать это правоученіе. Малѣвъ пристально взглянулъ на то, что ему подавали, отказался и сталъ рассказывать, какъ недавно, на одномъ вечерѣ, чуть не отравился изъ учтивости: хозяйка сама предложила ему мороженого. Малѣвъ представилъ въ лицахъ эту хозяйку, ея мужа, лакея, подавашаго мороженое, показалъ размѣръ куска, лежавшаго на блюдечкѣ, упомянулъ о цвѣтѣ мороженого, о трещинѣ на блюдечкѣ, о кривой ложечкѣ, и заключилъ, что хотя пострадалъ самъ, за то спасъ другаго, готоваго погибнуть.

— Вижу—Гравиня протягиваетъ руку къ подносу... «Несчастный, остановись!» воскликнулъ я:—«это—патока!»

Генералъ между тѣмъ вынималъ свой стаканъ.

— Ну, матушка, у васъ тоже, никакъ, патока, сказалъ онъ, бросая ложечку, и обратился къ Малѣву. — Это, я знаю, вы у Лобцовыхъ были. Это—вѣдь животныя.

— Отчасти, досказалъ Малѣвъ.

При этихъ словахъ вошелъ Боровицкій.

— Не отчасти-съ, а совсемъ, подтвердилъ генералъ, вставая на поклонъ новаго гостя.

Въ комнатѣ было шумно отъ генеральскаго голоса, но онъ вдругъ притихъ. Генералъ бывалъ веселъ и шутилъ только съ тѣми, къ кому благоволилъ. Онъ вдругъ сдѣлался серьезнымъ; хозяйка даже оторопѣла. И было отчего: Боровицкій былъ въ сюртукѣ.

— Здравствуйте, выговорилъ съ усміемъ Деневскій.

— Какъ здоровье вашей Надежды Сергѣевны? спросила Ольга Александровна церемонно и тихо.

— Благодарю васъ, здорова, отвѣчала Боровицкій:—я сегодня только мелькомъ ее видѣлъ.

— Мелькомъ? отчего же? продолжала Ольга Александровна, занимая гости и, повидимому, особенно интересуясь его женой.

— Она раньше мѣся уѣхала въ соборъ.

— А я такъ жалѣю, не удалось помолиться сегодня, сказам Ольга Александровна.

— Да-съ, потеряли много, вступился генералъ:—нѣли славно. Только бы я этого регента архіерейскаго... Чтò это, помилуйте вы меня! какъ затанули концертъ—ну, конца нѣтъ! Я у кнорса стою: «братецъ, говорю, уймись ты, сдѣлай божескую милость, будетъ тебѣ; вы накричались, а мы наслушались...» А они все свое!

Мадѣевъ засмѣлся.

— И за проповѣдь у васъ что-то было, я видѣлъ, сказалъ онъ.

— Да вѣдь, чтò же онъ, батюшка, этакую тетрадищу вывалилъ? кому ее слушать? И добро бы чтò еще слушать, а то «блаженъ человекъ иже и скоты милуетъ»—не знали мы этого прежде его! Чтò нибудь приличное избери, да и говори, проповѣдуй!... Мы, видите, скотовъ своихъ не милуемъ; да онъ бы прежде спросилъ, каково намъ съ скотами. Своихъ нѣтъ, такъ онъ и несетъ...

— Часто бываете у Петра Иваныча? спросила Ольга Александровна, сама не зная зачѣмъ, у Боровицкаго.

— У кого?

— У предводителя, у вашего beau frèге, сказала Ольга Александровна, съ легкимъ упрямомъ.

— Нѣтъ.

— Почему же?

— Некогда. Дѣлъ много.

— Государственныхъ, произнесъ генералъ.—Какія же это, батюшка, такіа особенныя?

Хотя Боровицкій старался дать замѣтить свое равнодушіе къ генералу, но на его слова обратился немного поспѣшно для человека равнодушнаго и отвѣчалъ не небрежно, а скорѣе съ извѣсно-шутливой лѣнью:

— Беадна! съ утра не дадутъ опомниться. Бумагъ, бумагъ—право, у меня въ кабинетѣ скоро негдѣ будетъ отъ нихъ повернуться.

— Такъ-съ, сказалъ генералъ.—У кого же нѣтъ дѣла, батюшка? Вотъ, постарше васъ человекъ (онъ указалъ на Денева), а такъ-то отъ дѣла хрипки болятъ, что ой-ой-ой...

— Еще какъ! прибавилъ Деневскій и хватился за спину.

— А вотъ и молодой, вамъ ровесникъ, продолжалъ генералъ:—сметы да постройки; легко, чтò ли? не жадуется...

— Охъ, нѣтъ, погибаю въ дѣлахъ! прервалъ Мадѣевъ.

— Вамъ я скажу откровенно, возразилъ ему наставительно генералъ:—вы лишнее хлопочете, больно ретивы.

Генералъ усмѣхнулся, чему засмѣялись хозяева и Малѣевъ.

— Изъ чего вы бьетесь? Казенныя постройки—да на нихъ всякій годъ ремонтъ. Вамъ что церемониться? Что больше работы, то лучше, ну, хоть рабочіе спасибо скажутъ. Обвалилось, такъ обвалилось—на подрядчика... Вонъ, въ казармахъ опять потолки провалились, а лѣтомъ только вы ихъ чинили, и Господь съ вами! Давай вамъ Богъ еще, отъ всей души говорю...

Малѣевъ никогда не краснѣлъ, прекрасно владея собою. Онъ отвѣчалъ серьезно:

— Потолки въ казармахъ обрушились, дѣйствительно, по винѣ подрядчика. Онъ—мошенникъ.

— Да Господь съ нимъ, мошенникъ онъ или не мошенникъ! Я слѣдствія надъ нимъ не произвожу. Дѣло безгрѣшное, жить надо, и, откровенно скажу, глупы вы будете, если о себѣ не пострагуетесь...

Боровицкій захохоталъ. Малѣевъ захохоталъ еще громче, что напомнило Боровицкому неловкость его веселости. Онъ вадумалъ поправиться.

— Совѣтъ на старинный ладъ, ваше превосходительство? сказалъ онъ съ снисходительной улыбкой.

— Какъ, на какой ладъ?

— Да, потому что ужъ въ нынѣшнее время...

Генералъ вспыхнулъ. Деневскій проводилъ дурную минуту, Ольга Александровна съ упрекомъ взглянула на дочь, Малѣевъ былъ тоже слегка затрудненъ; хорошо, что генералъ скоро облегчилъ для всѣхъ это положеніе.

— Въ наше время-съ, въ старину, выговорилъ онъ смиреннымъ тономъ, не глядя на Боровицкаго:—конечно, все мошенники были, неучи, крали, да дичь пороли. Ну-съ, а въ ваше... въ нынѣшнее, то-есть, изъ чести служить, воровать не воруютъ, или тамъ Господь вѣдаетъ, да за то и дѣла не дѣлаютъ.

— Надо еще понять, дѣло ли намъ даютъ дѣлать! возразилъ Боровицкій.

— А что же такое-съ?

— Вздоръ, пошлости! Мы не имѣемъ возможности доказать ваши... наши... наши убѣжденія! Мы не имѣемъ голоса...

Генералъ всталъ такъ, что закачались его кресты и медали.

— Видите, чего захотѣли! сказалъ онъ, посмѣиваясь:—не со-

браніе ли вамъ національное устроить, законы издавать? Чудеса! Голоса нѣтъ? зачѣмъ же дѣло стало? голосистыхъ намъ не занимать: иной вѣтъ свой у себя на огородѣ воронъ пугаль—вотъ и голосъ!

— Вы говорите о людяхъ необразованныхъ... началъ Боровицкій.

— О всяникъ-съ.

— Эти люди... majorité... балластъ; они только ревітъ ужѣють.

— Ну, мажоритѣ, медвѣди, медвѣди! извѣстно, всѣ скоты!

— А образованнымъ людямъ у насъ жѣста нѣтъ, хода не дають...

Малѣвъ подошелъ къ Настасьѣ Михайловнѣ.

— Я очень уважаю мужество, сказалъ онъ ей тихо, съ своею вѣчной улыбкой, напирая по обыкновенію на всѣ напыщенные слова, которыми употреблялъ въ разговорѣ.

— Какое мужество?

— Мужество, напирѣрь, идти прямо въ пасть льва... Вы не находите, что профиль его превосходительства похожъ на львинный?

— Не нахожу, отвѣчала она серьезно.

— Вы не всмотрѣлись, или взглянули не съ той стороны: справа, дѣйствительно, онъ не левъ: тамъ у него торчитъ вихорь, подобіе ослинаго уха, но, вотъ, слѣва...

Она не подняла глазъ и не сказала ни слова.

— Боровицкій—отважный человѣкъ, самоотверженный, продолжалъ Малѣвъ, съ злостью закусивъ губу, но смѣясь:—возражаетъ его превосходительству, помилуйте, геройство!! Не берусь рѣшить, кто изъ нихъ поговоритъ больше чепухи, но—препираться съ его превосходительствомъ!... Мнѣ было бы любопытно знать, кому изъ нихъ вы сочувствуете?

— Генералу, отвѣчала она, вдругъ взглянувъ на него прямо.

— Настасья Михайловна! возможно ли?...

— Почему же нѣтъ? А вы?

— Нѣтъ, но это такая шутка...

— Вѣдь вы же шутите, вѣчно шутите... На чьей вы сторонѣ? По моему, не знаю, все ли дѣльно, чтѣ говорить Боровицкій, но мнѣ кажется, онъ говорить честно...

— Геройски самоотверженно! я благоговѣю и преклоняюсь!

— Скажите просто, прямо, кто по вашему правъ? что за «геройство, самоотверженіе...»

— О какомъ ты самоотверженіи толкуешь? спросила Ольга Але-

всандровна съ нетерпѣніемъ, какъ-будто слова дочери мѣшали всему, что дѣлалось въ комнатѣ:—что за самоотверженіе ты тутъ выдумала?

— Настасья Михайловна, вы видали непринятыхъ геніевъ? сказалъ Малѣевъ.

— Не случалось.

— Такъ, вотъ, единственный изъ нихъ предъ вами!

— Кто это?

— Неужели вы предполагаете—генераль? возразилъ Малѣевъ, хохоча шопотомъ.

— Такъ кто же?

— Ну, Боровицкій, конечно; это написано на челѣ и во взорѣ...

— Право, у Боровицкаго довольно ума, чтобы не воображать о себѣ такой глупости, возразила она и покраснѣла отъ досады, что не выдержавъ, сказала рѣзко.

Малѣевъ наклонился къ ней, глядя блвкво своими узкими и острыми глазами; онъ не улыбался, но безъ улыбки его лицо было еще болѣе вѣдо насмѣшливо.

— Это, конечно, человѣкъ сильнаго ума, съ высшими взглядами, сказалъ онъ.—Идеи у него самыя смѣлыя. Онъ знаетъ, что онѣ ни на что негодятся, а потому, можетъ быть, спокоенъ, что его никогда не озаботятъ просьбою—приложить эти идеи къ практикѣ. И также, совершенно безмятежно и безпрепятственно, онъ можетъ выражать ихъ какъ ему угодно громко.

— Почему же? спросила Настасья Михайловна.

— Почему-съ?... Да по пословицѣ: съ вздора пошлякъ не берутъ... Увы, онъ безопасенъ! Можетъ быть, для-генія и для душъ ему сочувствующихъ, эта безопасность и прискорбна, но...

Генераль между тѣмъ довелъ свой разговоръ съ Боровицкимъ до спора, а споръ до крика. Генераль всегда бралъ крикомъ.

— Что? обратился онъ вдругъ, прослыша одно слово изъ того, что говорилъ Малѣевъ:—что вамъ прискорбно? Вотъ что прискорбно, вотъ, вотъ! Вотъ—кричить, и того не надо, и другое, и третье не такъ! Вы мнѣ укажите, что по вашему такъ!

— Но я ужъ доказывалъ, возразилъ Боровицкій:—когда даже и въ проповѣди, слова «право человѣка»...

У него разгорѣлось лицо, но чѣмъ больше выходилъ изъ себя генераль, тѣмъ больше Боровицкій старался выражаться, и даже держаться изыщѣе.

— Что вы доказывали-то? Я, вотъ, пошлюсь (генераль об-

вель руками на всѣхъ, не исключая совсѣмъ замерзшаго Деве-скаго), какъ называется что вы доказываете-то?

— Называется прямо въ взглядъ на вещи...

— Называется своеволиемъ-съ!

— Нѣтъ-съ! это—прямой взглядъ честнаго человѣка, не эгон-ста, которому ни до чего нѣтъ дѣла...

— Благоговѣе!... прошепталъ Магѣвъ, не относясь ни къ ко-му, но глядя на Боровицкаго, и съ ужасомъ поднялъ немного руки.

— Это кому же нѣтъ дѣла? кто же эгонствъ? вскричалъ генералъ.

— Люди, которые судятъ холодно...

— Вотъ, погодите, прохладятъ вашихъ горяченькихъ!

— Самн остивнуть, проговорилъ сивозъ зубы Магѣвъ.

— Люди, которымъ такъ дорога ихъ личность...

— Личности, батюшка, никто не позволитъ воспутъ! Нѣ-ѣтъ! небось! и вамъ тоже комаръ на носъ не садисъ!

— Люди, которымъ такъ дорога ихъ собственность...

— Да вы-то вашу собственность отдадите? Вы что отдадите?

— Э, да ничего не отдасть! сказала Ольга Александровна, неслышная среди спора, и съ жестомъ глубокаго презрѣнiя:— что ему отдавать? проговорила она вполголоса, но слышно дн дочери, которая всмыкнула:— матушка, ты еще что?...

— Но развѣ одни матеріальныя пожертвованiя... продолжалъ Боровицкiй.

— А, вотъ оно, что, нематеріальныя! Ну-тъ, а идеальныя ваши разглагольствiя мы слушали, слушали и не переслушаемъ! Вотъ, какъ васъ задѣтъ за живое, сказать «отдай», вы и пош-ли назадъ: «мы, дескать, не то разумѣемъ!» А вотъ, шкуру свою отдать, фунтовъ пять костей положить...

— На алтарь отечества, досказалъ Магѣвъ.

— Но не всѣмъ же класть кости на этотъ алтарь, возразилъ Боровицкiй:—не одна сила, нужна и мысль... иной и не выдалъ сраженiй...

— Пороху не нюхалъ, такъ порохъ выдумываетъ, загремѣлъ генералъ:—и косить, и косить, и направо, и налѣво, и во всѣ стороны! самъ съ ногогокъ... Да разочли ли вы, хоть бы это вы въ толкъ взяли: вѣдь не смѣришь, чего вы касаетесь! Вѣдь громада!...

— Громада! повторилъ Магѣвъ.

— Громада! повторила Ольга Александровна, съ восторгомъ глядя на генерала, который вытянулся.

— Видъ посмотрѣть на васъ, на всѣхъ... (Генераль кинулъ взоръ на Боровицкаго и потомъ на полкъ, въ ногахъ своимъ), взглянуть только—тутъ вы и умерли, и нѣтъ васъ. .

— Bravo!! вскричалъ Малѣевъ и обратился къ Настасьѣ Михайловнѣ.—Нѣтъ, хоть я и не великій человекъ, но чувствую въ груди моей силы необъятныя! Патриотизмъ его превосходительства я понимаю... Получастъ полный окладъ жалованья въ пенсію, прибавилъ онъ шопотомъ, почти ей на ухо:—женухъ!...

Она встала и отошла отъ него. Ея движеніе обратило вниманіе Боровицкаго, такъ же какъ « bravo » Малѣева успокоительно подѣйствовало на генерала.

— А между прочимъ... Прощай, братъ, сказалъ генераль Деневскому, взглянувъ на свои часы.—Домой пора.

— Вы у Василья Васильича обѣдаете? спросилъ Деневскій.

— У градоначальника-то вашего? Въ мундиръ-то? Нѣтъ, братъ, у меня свои щи да каша. Это вамъ, чиновникамъ, градоначальники нужны, а мнѣ!...

Онъ махнулъ рукой.

— Однако, послѣ всего того, что вы сейчасъ совершили, въ officialный день... началъ Боровицкій.

— Послушайте... прервала его Настасья Михайловна.

Она доставала книгу съ ялицей, чтобъ отвлечь его отъ новаго спора; ей удалось.

— Чего-съ? спросилъ генераль, и вида, что его противникъ ужъ занятъ, отвернулся, опять махнулъ рукой и потомъ подалъ ее Малѣеву.

Хозяева пошли провожать его и не возвратились: Деневскій слѣшилъ успокоиться, а Ольга Александровна узнавать, обѣдать ли онъ у губернатора.

III.

Настасья Михайловна молчала; шумъ ее отуманилъ, въ голову не связывалось и двухъ мыслей. Впечатлѣніе всего, что было за минуту, повторяло и добавляло ту пошлую тяжесть, которая лежала надъ жизнью и доводила до тупого отчаянія. Боровицкій хмурился.

— Генераль Осминниковъ, или благодѣтельная гроза! сказалъ Малѣевъ.

— Почему? спросилъ Боровицкій.

— Какъ же? Впервыхъ—послѣ того тишина, а вовторыхъ—благія послѣдствія; вотъ Настасья Михайловна, и хотѣла бы работать, но не смѣетъ прикоснуться: ей внушено, что день торжественный. Да и вамъ-съ...

— Наказанье такіе господа, сказалъ Боровицкій.

— Я что люблю въ немъ, продолжалъ Малѣевъ:—это—величіе! Громовержець свершилъ свое и удалился, убѣжденный, что всѣхъ убѣдилъ.

— Зачѣмъ же вы оставили его въ этомъ убѣжденіи? спросила вдругъ и немного рѣзко Настасья Михайловна.

— Я? спросилъ Малѣевъ, оглянувшись на нее съ удивленіемъ.

— Да. Зачѣмъ же вы ему не возражали?

Малѣевъ вспыхнулъ и вдругъ расхохотался.

— Убоился, вида гибель Григорія Николаича! отвѣчалъ онъ.— Я вѣдь трусъ, Настасья Михайловна. Мужество—добродѣтель, мнѣ недоступная. Вѣдь что же-съ? Такъ чиновенъ, такъ громаденъ, такъ велегласенъ! слѣпая сила, паровозъ, идолъ индійскій!... Слышали? изрекалъ смертные приговоры! Однѣмъ боецъ палъ въ глазахъ вашихъ, что-жъ, вамъ хотѣлось, чтобъ ужъ и другого?... Жестокая!

Боровицкій засмѣялся.

— Вамъ хотѣлось, чтобъ и Николай Александровичъ спорилъ? спросилъ онъ Настасью Михайловну:—тогда бы, конечно, генералъ не вышелъ такимъ побѣдителемъ; я не умѣю спорить, я увлекаюсь, а холодный сарказмъ...

— Да вѣдь онъ не понимаетъ! возразилъ Малѣевъ, обращаясь къ Боровицкому съ какой-то откровенной пріязнью.—Ему что хотите, его не проймешь. И въ чему шутки, когда все такъ просто, когда убѣжденіе говорить само за себя...

— А вы раздѣляете убѣжденія Григорія Николаича? нетерпѣливо спросила Настасья Михайловна.

— Но какъ же иначе? съ живостію прервалъ ее Боровицкій:—развѣ возможно думать иначе...

— Очень возможно.

— Генералу, положимъ, но въ Николаѣ Александровичѣ я не сомнѣваюсь ни минуты...

— Я говорю, что эти убѣжденія героическія, самоотверженныя, отвѣчалъ Малѣевъ серьезно и взглянувъ на нее вызывающимъ взглядомъ:—но я вижу, вамъ угодно сдѣлать мнѣ врага. У васъ явилась новая симпатія... въ генералу, чѣмъ же я-то виноватъ?

Я уже имѣлъ честь смиренно признаться, что не имѣю претензій быть великимъ человѣкомъ. За что жъ приносить меня въ жертву? Поищите, хотя ради стараго знакомства!

Онъ сказалъ послѣднія слова такъ забавно и засмѣлся такъ пріятно, что увлекъ и Боровицкаго.

— А вы... шадите ради чегонибудь? спросила Настасья Михайловна, и голосъ ея чуть-чуть дрогнулъ.

— Ахъ, но для шутки, для смѣха, возразилъ Боровицкій: — Николай Александровичъ посвятилъ себя изученію смѣшного; онъ оживляетъ общество...

— По мѣрѣ моихъ силъ и способностей, подхватилъ Малѣевъ, отступивъ за спину Боровицкаго и хохоча, глядя на него: — я служу и мною довольны.

— Ну, не всё, сказалъ дружески Боровицкій: — нѣкоторыя дамы говорятъ, что для васъ нѣтъ ничего священнаго.

— Пусть побьютъ меня каменіемъ, вскричалъ Малѣевъ: — пусть растерзаютъ, какъ древле—менады... Кого это онѣ растерзали? вы знаете, Настасья Михайловна!

— Надъ чѣмъ вы смѣтесъ? прервала она.

— Какъ, надъ чѣмъ? Вы видите, мнѣ сочувствуютъ...

— Нѣтъ, позвольте, знаете-ли вы сами, надъ чѣмъ вы смѣтесъ? повторила она. — Составили-ли вы себѣ какое-нибудь опредѣленное понятіе, что, вотъ это хорошо, это — дурно, это — правда, а это — ложь...

— Дерзко смѣю думать, Настасья Михайловна, что я что-нибудь понимаю.

— Такъ для чего жъ вы сейчасъ смолчали генералу? онъ стоилъ васмѣшнн.

— Рѣчь шла о предметахъ столь важныхъ...

— Но, Николай Александровичъ, одними мелочами жить нельзя. Генералъ или кто другой заведетъ рѣчь объ этихъ важныхъ предметахъ — вы останетесь въ нпмъ равнодушны? Неужели вамъ все равно, какъ бы другіе криво ни судили? Вѣдь у васъ есть же ваше мнѣніе, вы обдумали что нужно, что вредно, что полезно обществу... ну, отечеству, человѣчеству? Вѣдь ваши интересы — не однѣ наши губернскія сплетни?

— Я предоставляю эти интересы болѣе сильнымъ умамъ, Настасья Михайловна — тѣмъ, кто выше губернскихъ сплетенъ, какъ вы выразились. Я — губернский сплетникъ, только чувствую свое ничтожество! Мое мнѣніе — что всего бы лучше поручить эти

интересы человечества, отечества — женщинамъ. Онъ какъ разъ все разсудить: умъ ихъ тонкій, самоувѣренность великая, начтанныость, энтузіазмъ... ну, все въ этомъ родѣ, что слѣдуетъ! А не хватить храбрости, такъ онъ испытать ее прежде въ семейныхъ браняхъ...

— Вамъ входило въ голову когда-нибудь, прервала она, я поблѣдѣла: — что иногда шутка на-видъ смѣшна, а внутри ея... можетъ быть, смерть?...

— Видимый смѣхъ, невидимыя слезы, Гоголь или самъ Шекспиръ! Это ужъ трагично!

— Взглянь осуждать, такъ обязаны подумать, сказала она, замѣтно потерявъ терпѣніе.

Магъевъ захохоталъ.

— Еще никто не умиралъ отъ моей шутки, Настасья Михайловна, я не видалъ! Это было бы эффектно; признаюсь, я бы возгордился. Это придадо бы мнѣ нѣкотораго рода, знаете... этакое, міровое величіе...

— Да, это правда! отвѣчала она, засмѣявшись громко и рѣзко: — жаль только, что вы этого не дождетесь! А то, въ самомъ дѣлѣ, перебирать мелкіе грѣшки, осмѣивать чувства, передразнивать уродства, запугивать непонимающихъ, и за все это — только сочувствіе п-скаго общества! Правда ваша: это — бѣдное вознагражденіе!

Она замолчала. — Магъевъ вдругъ хватился за часы.

— О, какъ грустно прерывать бесѣду на такомъ интересномъ и патетическомъ мѣстѣ! сказалъ онъ: — но, долгъ и время... Позвольте отложить окончаніе до нынѣшняго вечера, въ собраніи. Контрастъ вашего трагическаго настроенія — вы, конечно, позаботитесь его поддержать: это очень эффектно — и пустота балнаго блеска...

Она поклонилась, молча.

— До свиданія, сказалъ Магъевъ, подавая руку Боровицкому: — а я вамъ на прощанье... знаете, какъ шепчуть въ мелодрамахъ таинственные незнакомцы: — «сынъ мой, берегись!...» и затѣмъ, быстро удаляются...

— «Приложивъ палецъ къ губамъ», досказалъ, улыбнувшись, Боровицкій.

— Да... эффектно, однимъ словомъ.

— Но кого же мнѣ беречься?

— Ну... хоть генерала! — До свиданія, Настасья Михайловна, повторялъ Магъевъ.

Она нѣсколько секундъ посмотрѣла ему въ слѣдъ, хоть замѣтно села руки и, опустивъ голову, смотрѣла на колеса своихъ ша-лекъ. Въ ея душѣ что-то оборвалось. Она чувствовала, что сбѣжала что-то рѣшительное, окончательное, что была права, что ей было больно, что такъ лучше, что жить нечѣмъ, что — все равно, рано или поздно; что жизнь еще страшно долга впереди...

Боровицкій взялъ и помахалъ ея руку; она оглянулась.

— Все-таки невесело нажать себѣ врага, сказалъ онъ.

— Врага?... повторила она, будто съ просонка.

— Генералъ этотъ не простить, что я не уважаю его гене-ральства; пожалуй, вредить станетъ. Добавленіе къ прелестямъ провинціальной жизни!..., Впрочемъ, что же? я молчать не могу. Рѣзокъ я, такъ рѣзокъ; я готовъ жертвовать собой, но все сла-жу... Можетъ быть, и напрасно, но честные люди не разбирають, напрасно или не напрасно собой жертвуютъ.

Онъ тяжело вздохнулъ и сжалъ руки въ кофѣняхъ.

— И наговорилъ же я! продолжалъ онъ: — вы слышали?

— Что же?... Ничего особеннаго... сказала Настасья Михай-ловна.

— Какъ, ничего?

— Я, можетъ быть, не поняла...

— Да!... Вы не поняли!

Боровицкій усмѣхнулся и грустно наклонилъ голову.

— Очень тяжело! сказалъ онъ вдругъ, съ порывомъ. — Ска-жите же что нибудь. Я жду отъ васъ. Въ васъ, въ это корот-кое время, я привыкъ находить друга; я привыкъ, чтобъ вы меня понимали. Я жду отъ васъ хоть одного слова поддержки, а вы молчите!

— Мнѣ самой нелегко, сказала она.

— О, эгоизмъ! проговорилъ сквозь зубы Боровицкій.

Онъ помолчалъ опять. Ему было искренно скучно, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему и нравилось, что ему скучно. Онъ желалъ бы по-казать, что своимъ молчаніемъ скрываетъ тяжелую печаль, но это могло неудаться, печали могли и вовсе не замѣтить, а по-тому онъ расцѣль лучше говорить, немного стараясь, чтобъ это выходило краснорѣчиво. Отъ краснорѣчія, скука забравшая за сердце, дѣлалась какъ-то чувствительнѣе, волновала сильнѣе, производила омущеніе почти пріятное.

— Вамъ нелегло! повторилъ онъ:—отчего жь это?... Не считайте меня, пожалуйста, тоже эгоистомъ, будто я не хочу или не умѣю принять участіе... особенно въ васъ. Но у васъ нѣтъ огорченій. Вы ихъ только воображаете. Ихъ нѣтъ. Вы... прости меня, вы немножко экзальтированы. Байроническій, черный взглядъ на жизнь—ну, имъ все и отравлено! Отъ этого вы и не можете понимать, что такое дѣйствительныя печали. Вотъ что я называлъ эгоизмомъ. Это собственно не эгоизмъ, а тая... мечтательность. Женщины всѣ такія. Я ихъ изучаю, знаю... Какъ же, живу все между женщинами.

Онъ усмѣхнулся кокетливо и очень граціозно.

Настасья Михайловна думала: «зачѣмъ онъ здѣсь? зачѣмъ говорить съ нею? неужели у нея не будетъ минуты покоя? На что ей этотъ чужой, на что ей ктонибудь на свѣтѣ? Надо что-то обдумать — но что думать?... Посторонній... надо говорить съ нимъ; надо хоть слушать...»

— Какая тоска! продолжалъ Боровицкій. — Жаль, что вы съ нами незнакомы, вы бы посмотрѣли. Это любопытно... то-есть тогда любопытно, когда есть сила наблюдать хладнокровно, воображать, что не меня терзаютъ, а когонибудь другого. Цѣлый день мелочи, мелочи... О, мелочи! Знаете, отъ нихъ и несчастье человѣка. Дайте мнѣ борьбу, дайте мнѣ сильную опасность — я схвачусь, я знаю, что выйду съ честью, но тутъ... Вотъ вамъ, напримѣръ, мой день: я встаю... Но это и рассказывать нѣтъ силъ! «Возобновлять словами снѣдающую скорбь...»

Настасья Михайловна подняла голову и стала смотрѣть ему въ глаза, чтобы заставить себя понимать, что онъ говоритъ.

— Семья—это дѣло конченное, тутъ мнѣ ждать нечего. Общество—что такое это общество? Выскочка на выскочкѣ, чиновникъ на чиновникѣ; жить не умѣтъ никто рѣшительно. Хотѣлось бы устроить чтонибудь, какъ говорится, сладить — общее удовольствіе, кружокъ, гдѣ бы можно было собраться, поговорить, прочесть иногда, составить спектакль, музыку, потанцовать безъ церемоній; дружескій кружокъ, вы меня понимаете... Но, вонервыхъ, я прикованъ — этимъ ужъ все сказано. И къ кому ни обратись — людей нѣтъ. Вы не повѣрите: людей здѣсь положительно нѣтъ; это—мелочь, которая трясется надъ своей копейкой, безыменные какіе-то, которымъ совѣстно руку подать...

— Кто жь это? спросила Настасья Михайловна.

— Да всё. Развѣ вамъ это глаза не колетъ? Кто здѣсь порядочно, изящно живетъ? Кто бы сьумѣлъ, у того нѣтъ средствъ; вотъ молодѣжь наша...

— Молодѣжь наша, кажется, ничего больше не дѣлаетъ, какъ живетъ въ свое удовольствіе, замѣтила Настасья Михайловна.

— Но велико ли удовольствіе, помилуйте! карты, балы...

— Стало быть, больше имъ ненужно, если они ничего больше не придумаютъ.

— Но что жь придумать?

— Почему же я знаю? Вотъ, какъ вы сейчасъ говорили, сблизаться между собой попросту, читать, заниматься...

— Какъ учителя здѣшней гимназій?... Охъ, Настасья Михайловна, радон, вы меня разсмѣшили! Вообразите, у нихъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣчто въ родѣ своего клубика. Недавно какъ-то попалъ туда Пестовскій. Les dames du gynpase вьжутъ шерстяныя сѣтки на лошадей, для продажи; расчелъ, видите, что «аристократія» купить эти сѣтки для катанья на сваткахъ, а потому, къ сваткамъ, можно будетъ не безновонть любомудрыхъ сунруговъ изъ-за новыхъ шляпокъ. Супруги курятъ сигары въ три копейки и спорятъ о матеріяхъ важныхъ. Юноши стараются быть вриятными. Одинъ изъ нихъ занимается химіей и снאלъ съ этикъ дамъ такіе дагерротипы, что ужасъ; другой — весь тотъ вечеръ, какъ былъ Пестовскій—рисовалъ изображеніе дѣвницы, нюхающей голубя... то-есть цалующей голубя, все равно...

— Но, право, это оживленіе и разнообразіе, чѣмъ наши вечера. Вы того же хотите, если придумываете вашъ кружокъ.

— Нѣтъ-съ, я не понимаю вечеровъ, гдѣ мерцаеть одна лампочка и гдѣ сидятъ госпожи въ каленкоровыхъ платьяхъ!

— Это, можетъ-быть, очень милая женщани.

— Это не могутъ быть милыя женщины, настойчиво возразилъ Боровицкій: — женщина не можетъ быть мила, если вьметъ сѣтки на лошадей; она неграціозна, если позволяетъ снимать свой портретъ дураку какому нибудь, который весь на онгтахъ прокоптился... это—педанство, это меня мучить, я этого не могу выносить! Когда женщина помянетъ какой нибудь углеродъ или водородъ, это для меня тѣ же, что сьрпнѣть ножомъ по стеклу...

— Нервы, сказала Настасья Михайловна, тихо улыбнувшись.

Боровицкій слегка покраснѣлъ, съ минутою помолчалъ и какъ будто подумалъ.

— Для чего вы это сказали? спросилъ онъ, воднявъ глаза на Настасью Михайловну.

— Чтѣ?

— «Нервы».

— Такъ, отвѣчала она.

— У васъ ничего не бываетъ «такъ»... А если, въ самомъ дѣлѣ «такъ», то тоже напрасно. Вы напомнили мнѣ горькую вещь. Вамъ ничто не можетъ напоминать горькихъ вещей, вы и не понимаете, каково другимъ, когда ихъ напоминать. Этого не надо никогда дѣлать.

Настасья Михайловна улыбнулась опять, такой кроткой, *прошальной* улыбкой, что еслибы ей собесѣдникъ не былъ такъ сильно занятъ собою, то, можетъ быть, догадался бы, какъ ей нелегко. Но онъ только взялъ, пожалъ ей руку и повторилъ со вздохомъ, немного принужденно продолжительнымъ и громкимъ.

— Такъ-то-съ. Никогда не надо этого дѣлать.

— Какъ же догадаться, какое обыкновенное слово можетъ придтись нестати? спросила она.

— Какъ догадаться?! Захотѣть, такъ можно все отгадать... Вотъ, на нынѣшній разъ, я вамъ скажу. Вы упрекнули... или пошутили мнѣ «нервами». Я только это и слышу въ моей семьѣ. Еслибы не смѣшно было, еслибы не оионили этого слова, я сказалъ бы, что меня не понимаютъ... Un pagé incompris, прибавилъ онъ и добродушно засмѣялся. — Право, такъ. У меня шусы, привычки, и все это страдаетъ отъ еженинутаго противорѣчія. Очень естественно — я волнуюсь. Я огорченъ, я оскорбленъ — мнѣ говорятъ: «нервы»!...

Онъ опустилъ голову и глядѣлъ въ полъ.

— Чтѣ за разбитое существованіе! сказалъ онъ вдругъ: — сколько времени я трачу даромъ на занятія, которыя мнѣ не по душѣ! Дѣла, напримѣръ, служба... Вопервыхъ, самъ я признаюсь, что нисколько не считаю ребячествомъ желаніе забиться, мечтать, строить планы, замки. Вы знаете, что это освѣжаетъ; живется лучше въ эти минуты. И вдругъ, въ такое время... Утромъ, напримѣръ, я привыкъ заниматься съ моей дочерью, читать ей. Мы на дняхъ съ ней читали «Макбета»; вы не вообразите, чтѣ такое — первое впечатлѣніе великаго на дѣтскую душу!... И вдругъ, въ такія-то минуты, является какой-нибудь эскуоторъ, писарь, сторожъ — въ этомъ родѣ... грязный, грубый, и — «пожалуйте въ канцелярію», или натащитъ вамъ ко-

рокъ бумаги, какое-нибудь *дмло* сотни въ три листа... Съ небось прыгнуть въ этотъ омутъ... потому что, увѣряю васъ, это омутъ! Бываютъ минуты — стыдно, но признаюсь вамъ — я жизнь вляну! Это — упряжь, ярмо, яго — это чиновничество! И зачѣмъ? За что въ этой «службѣ» гибнуть мои силы? Вѣдь какъ-нибудь иначе, по свободному призванію, онѣ могли-бы быть полезны государству? Развѣ бы я не могъ, какъ тысячи другихъ... мы видимъ, читаемъ примѣры... Нѣтъ, говорятъ, надо, служи, ты обязанъ! Обязанъ—даже смѣшно!... На дняхъ... Вотъ вамъ, встать, образчикъ всего: на дняхъ, я читалъ какъ-то вслухъ «Barthel», Ламартина. Не знаю, что меня потянуло читать *мж*—больше — для Маши; ее это заняло. Моя belle-mère слушала-слушала, и рѣшила, что Рафаэль — дуракъ. — Почему?—«Ничего не дѣлаетъ».—Что же ему дѣлать? — «Служилъ-бы»... Mais c'est historique, Настасья Михайловна, я не выдумываю!

— Миѣ любопытно, что вы отвѣчали, спросила она.

— Что я отвѣчалъ? повторилъ Боровицкія, обрадовавшись, что она, наконецъ, что-нибудь спросила, и довольный собою:— я изъ себя вышелъ, бросилъ *мж* книгу, ушелъ и поглялся, что больше никогда читать не буду... Вотъ вамъ *мж* понятія! И это, говорить — «нервы!...»

— Давно это было?

— Нѣтъ, недавно... Но, еще обстоятельство! что всего глупѣе, всего нестерпимѣе: измучить я, мой разсудокъ, мое эстетическое чувство, а расплачиваться за это долженъ все я же и самымъ пошлымъ образомъ. Я теряю способность понимать даже свой служебный вздоръ: я дѣла путаю. Вамъ я откровенно говорю, почему. Миѣ все равно, какимъ, тамъ, способнымъ или неспособнымъ считаетъ меня мое начальство—общественное мнѣніе миѣ вовсе ненужно. Миѣ самому тяжело, что я силы теряю въ пустякахъ, и теряю смыслъ даже этихъ пустяковъ... Миѣ былъ недавно выговоръ, знаете-ли? прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

— Выговоръ? за что?

— Нануталъ... отвѣчалъ Боровицкія, кокетливо улыбувшись.— Я—человѣкъ непривычный.

— Такъ совѣтовались бы съ привычными.

— Съ кѣмъ? Да знаете-ли вы, что это за люди? чтобъ я сталъ заводить съ ними какія-нибудь сношенія, совѣтоваться съ ними... Этими людьми довольно, стоилоначальникамъ этимъ, подѣ-

тчимъ, что я принимаю бумаги изъ ихъ руки! Они не смѣютъ взглянуть на меня, я такъ себя поставилъ — и вдругъ, я стану просить у нихъ совѣта!... Je sais trop bien né pour cela!... Но, пожалуйста, о выговорѣ — между нами. Онъ былъ на словахъ; такъ-называемая «политическая тайна». Не проговоритесь. Въ уѣбрены, что я въ хорошихъ отношеніяхъ съ Полутинимъ; я вовсе не хочу, чтобъ это, вдругъ, такъ разлетѣлось. Полутинъ — губернаторъ, какихъ поискать.

— Счастье, когда бы такихъ надо было искать! возразила Настасья Михайловна: — что вы это? онъ — человекъ мелочной, дурной, какихъ тысячи...

— Вы очень ошибаетесь, отвѣчалъ серьезно Боровицкій. — Враги его такъ расписываютъ. Съ вашимъ отцомъ онъ очень хорошъ... Но лучшее вамъ доказательство — я служу у него. Я бы не могъ. Я опредѣлился, уступилъ просьбамъ... своимъ, но я бы не вынесъ, еслибъ для меня была ужь слишкомъ тяжела эта продажа независимости...

Онъ замолчалъ, на этотъ разъ довольно надолго. Настасья Михайловна не было охоты прерывать молчанія. У нея бродили странныя мысли; понемногу, разговоромъ посторонняго отвлеченна отъ своей заботы, онѣ обратились на этого посторонняго. Настасья Михайловна сказала себѣ, что, вотъ, счастливецъ, свободный ужь по тому одному, что мужчина — и жалуется на пустяки семейной жизни, которую самъ же такъ устроилъ, а могъ устроить иначе — на службу, изъ которой могъ бы сдѣлать себѣ, конечно, трудный, но привлекательный долгъ — на общество, которое въ его волѣ оставить и заняться дѣломъ по душѣ, учиться, читать, что для него легко: онъ, къ счастью, порядочно воспитанъ...

«О, еслибъ мнѣ на его мѣсто!» подумала она, даже улыбнувшись — такъ понравилась ей эта мечта свободы, и невольно почувствовавъ къ своему гостю очень неуважительное сожалѣніе.

— Знаете ли, что я думалъ? спросилъ вдругъ Боровицкій, довольный и не замѣчая, что такое складывалось у него въ головѣ — мысль, или фраза.

— Не знаю, отвѣчала Настасья Михайловна.

— Что женщины свободны и счастливы.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказала она, и разсмѣялась.

— Право. Даже завидно.

— Въ самомъ дѣлѣ? повторила Настасья Михайловна, засмѣ-

вашей такому случайному сходству затѣй. — Не хотите ли на мое мѣсто?

— На ваше?... Да! Вы особенно свободны. Впервыхъ, вы не замужемъ; у васъ нѣтъ никакихъ обязанностей; если семья васъ стѣсняетъ, вы можете ее оставить. Вы молоды, вы хороши собой, образованы. Я бы на вашемъ мѣстѣ сдѣлался центромъ кружка, гдѣ все было бы у моихъ ногъ. Я бы на вашемъ мѣстѣ составилъ себѣ извѣстность, непременно; избралъ бы себѣ карьеру... ну, напримѣръ, писалъ бы... Да, писалъ бы, непременно. Вотъ, какъ Жорж-Зандъ, мадамъ Жирарденъ. Я бы бросился въ потокъ жизни... всякой, соціальной, политической...

Настасья Михайловна засмѣялась громко. Еслибъ Боровицкій хотѣлъ, то могъ бы легко подмѣтить, что эта веселость была горькая; но крайней мѣрѣ, не смѣхъ вызвалъ слезы, которыми Настасья Михайловна отерла поспѣшно.

— Это гдѣ же, въ какой странѣ, вы бы такъ устроились? спросила она.

— Какъ, гдѣ? гдѣ нибудь!

— Определите какое нибудь мѣсто.

— Ну, хоть здѣсь же, въ нашемъ N.

— Превосходно выбрано! право, вы меня смѣшите.

— Почему же?

— Потому что здѣсь, въ N, не только самая обыкновенная изъ обыкновенныхъ женщинъ, какъ я, напримѣръ (вы вѣдь вообразили себя на моемъ мѣстѣ!), но приди хоть, въ самомъ дѣлѣ, сама Жорж-Зандъ, ей ничего не сдѣлать.

— Почему же, я васъ спрашиваю?

— По всему, даже пересчитать мудрено. Вы сейчасъ сами разбирали, что за общество: боятся книжки, боятся работы, боятся сближенія, ума ужъ и вовсе не хотятъ...

— О, какой черный взглядъ на жизнь! прервалъ Боровицкій.

— Нисколько не черный, а, просто, взглядъ на то, что есть...

Но, вотъ, на что лучше доказательства: вы теперь — общество, а я позволила себѣ говорить о немъ. Вы со мной сами согласны, сами то же говорили за минуту, а едва заговорила я, вы ужъ показываете, что дальше слушать нельзя.

— А вы все-таки продолжайте, настаивайте!

— Покорно благодарю — нѣтъ.

— Почему, нѣтъ? Вотъ и примѣръ вашей силы воли! вотъ, я в правъ: вы боитесь борьбы...

— Ни борьбы, ни гонений, ни даже смерти! отвѣчала, сѣясь, Настасья Михайловна: — нечего бояться, потому что ничего этого быть не можетъ. Это слишкомъ нарядно, это—роскошь. Еслибъ у насъ въ Н. явилась гениальная женщина, осмѣлилась бы говорить свое мнѣніе, или еще, чего боже сохрани, писать— о ней, попросту, свазали бы, что она сумасшедшая. И только, никакъ не больше. Презрѣннѣйшимъ образомъ оставили бы ее въ покоѣ, и сами бы не обезпокоились. Не танцовали бы съ ней, не ѣздили бы къ ней... ну, въ крайнемъ случаѣ, кто-нибудь изъ свиты ихъ превосходительствъ, губернатора или предводителя, написалъ бы стишки на нее, и то, въ крайнемъ случаѣ, еслибы, напримѣръ, она сказала публично, что нашъ губернаторъ и нашъ предводитель оба глухи...

Настасья Михайловна остановилась.

— Ne vous gênez pas, сказалъ Боровицкій: — одинъ—мой вальчикъ, а другой—мой beau-frère, но мнѣ это все равно... Я очень радъ вашему веселому расположенію духа; оно поможетъ и мнѣ встрепенуться, а то я... Бываетъ такъ: что нибудь тревожить съ утра и—пошло на весь день. Малѣвъ въ такихъ случаяхъ неоцѣненный человѣкъ.

— Малѣвъ?

— Да. Онъ не всегда тонко шутить, не всегда изящно, это правда, но у него жизни много, de la verve, l'entrain. Иногда, самъ чувствуешь, что смѣешься вздору, а все-таки смѣшно... А вы какъ будто на него разсердились?

Настасья Михайловна покраснѣла.

— Разсердилась... Нѣтъ. Пора привыкнуть, сказала она:— вѣдь его шутки вѣчно одно и то же.

— А вы сильно за нихъ выговорили... Право, онъ такъ невинны...

— Послушайте, прервала она:—не вводите меня въ сомнѣніе. Вы сейчасъ насажали, что я образована, умна, а я знаю, что я совсѣмъ невѣжда; я не самоадѣяна, у меня одинъ мой смыслъ, и я имъ живу какъ нибудь... Я высказала Малѣву рѣзко, можетъ быть, дерзко, но мнѣ кажется, что я была права. Если вы повторите, что его шутки невинны, вы меня собьете съ толку. Значить, я его напрасно обидѣла?... Вы понимаете, это было бы ужасно. Вы—человѣкъ знающій, вы—человѣкъ честный, скажите... но скажите подумавъ, не потому только, что Малѣвъ неоцѣненный, веселый человѣкъ, скажите правду, всегда ли онъ правъ?

— Ну, это какъ сказать... проговорилъ Боровицкій, покажъ впечатлѣнн.

— Скажите, продолжала она съ волненіемъ:—вѣдь осмѣивать глухости—легко? а чувства... Боже мой, еще легче! И чѣмъ оно защитится? А люди такъ злы... Неправда ли, вѣдь покойнѣе хотѣть, нежели брать участіе? Вѣдь такъ? скажите, такъ или нѣтъ я говорю? Я—какъ вы со мной—не скажу этого другому, вы—человѣкъ хорошій...

— Вы сердиты на Магѣева? спросилъ Боровицкій.

— Нисколько!

— Послушайте... позвольте быть откровеннымъ; я знаю, онъ васъ злословилъ.

— И вы слышали! вскричала она:—о, Боже мой!... Но, нѣтъ, увѣряю васъ, не за это я сердита; я и не сержусь, мнѣ больно... Можно ли было сказать, что онъ сказалъ? Цѣлый годъ знакомый, видѣлъ меня всякій день, зналъ мой характеръ, мое положеніе... И все-таки сказалъ, прибавила она, удерживая слезы.— Но, все равно. Меня судьба не балуетъ, я привыкла. Магѣевъ, или другіе—все равно. За него, за него мнѣ досадно, стыдно—какъ такъ мельчать? все шуточки, все для краснаго словца, все пошлая злость...

— Такъ у васъ антипатія къ Магѣеву? спросилъ осторожно Боровицкій:—мнѣ казалось... я слышалъ, напротивъ?...

Настасья Михайловна наклонилась на пальцы и горько плакала.

-- Вы думаете, мнѣ легко было все это сказать... выговорила она.

Боровицкій молчалъ, глядя въ полъ. Она удержала слезы и робко оглянулась на гостя, обмахивая свои покраснѣвшіе глаза. Боровицкій взялъ ея руку, нѣсколько разъ поцаловалъ ее съ чувствомъ и оставилъ въ своихъ. Она улыбнулась ему и крѣпко держалась за его руку. Было что-то искреннее, хорошее, довѣрчивое въ этомъ пожатіи.

— Знаете, что? сказалъ Боровицкій.

— Что?

— Вы были больны.

— Можетъ быть.

— Вы схватили эту болѣзнь оттого, что пусто, скучно кругомъ, тяжело вамъ...

Она промолчала.

— Вы еще и теперь больны, но скоро выздоровѣете.

— Будто-бы скоро?... Дай богъ!

— Вы сказали: «Дай богъ?»

— Отъ всего сердца.

Боровицкій еще поцаловалъ ея руку и всталъ.

— Пора, сказалъ онъ: — прощайте. Охъ, день-то еще кагъ великъ, и другой за нимъ, и другіе!... Будете въ собраніи вечеромъ?

— Буду, отвѣчала она съ нетерпѣливой досадой.

— За что жь сердиться? возразилъ ласково Боровицкій:—важь ли одной туда не хочется! Я тоже не хочу, а тоже буду. Конечно, лучше бы вотъ, здѣсь, такъ провести вечеръ. Все равно. Ну, тамъ вмѣстѣ поскучаемъ. До свиданія.

— До свиданія, повторила она.

Боровицкій пошелъ и воротился отъ двери.

— А я вѣдь правду говорилъ, сказалъ онъ почти шопотомъ:—вы—женщина необыкновенная, оригинальная: вотъ, разлюбила не за что нибудь попросту, а за несходство въ убѣжденіяхъ... Не вы однѣ такъ ошиблись съ перваго раза!... До свиданія...

Ей показалось, что онъ прибавилъ: «милая». Она посмотрѣла ему въ слѣдъ съ недоумѣніемъ, съ усмѣшкой, простояла съ минутой, пока слышались его шаги, захватила руками лицо и сѣла къ пальцамъ доплачивать свои горькія слезы...

В. Криватовскій.

НАРОДНЫЕ ТИПЫ ВЪ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

По поводу «Полнаго собранія сочиненій гр. Л. Толстаго». Спб. 1864.

Обобщеніе.

5) *Олень и тенденціи романа.*

Мы изобразили въ главныхъ чертахъ героиню романа и показали, на сколько могли, художественную заслугу автора въ отношеніи этого характера.

Мы ждемъ, что насъ тутъ остановятъ и замѣтятъ слѣдующее: авторъ дѣйствительно написалъ очень выдержанный и жизненный портретъ своей Марьянки, и никто бы ничего не имѣлъ сказать противъ него, еслибы типъ этотъ былъ созданъ съ одними чисто-художественными цѣлями: но развѣ не ясны проповѣдническія тенденціи автора противъ цивилизаціи, противъ исковерканныхъ любовныхъ отношеній нашего общества, которыя онъ думаетъ пристыдить, вывода полуживотный образъ своей героини? вмѣсто такъ долго отыскиваемого нашими писателями идеала женщины, онъ безцеремонно сѣетъ намъ свою крѣплогрудую мужичку и говоритъ съ убѣжденіемъ дерзости: вотъ вамъ идеаль, вотъ вамъ настоящая женщина! покланяйтесь ей. Вѣдь вы врѣте, что мужчины ищутъ въ женщинѣ чего-нибудь другого, кромѣ того, что умѣютъ искать всѣ животныя вообще. Вотъ и вамъ выставляю васъ самихъ, разоблаченныхъ въ шарлатанствѣ, съ сорванными масками вашей болтовни и прилѣчій. Всѣ мужчины въ сущности своей—Лушашки, всѣ женщины—Марьянки; только здѣсь дѣло на чистоту, откровенно, поэтому исполнено силы и свѣжести, а вы пытаетесь лгать и притворяться, поэтому всѣ ваши отношенія омерзительны. Лушашка напивается чихирю болѣе обыкновеннаго — его страсти

пшлатуть сильнѣе; Марьянка боится осрамиться до свадьбы, боится рано утратить значеніе для своего возлюбленнаго—вотъ ея нравственныя принципы. Вся ваша цивилизованная любовь—такая же, какъ у пьянаго Лукашки; вся ваша философія нравственности—буквально та же, какъ у разсчитливой казачки.

Такия заднія мысли романа указаны были всѣми критиками; мы ихъ только выразили по-своему. Большинство рецензентовъ, ухватившись за нихъ, на нихъ только и остановились, по нимъ только и осудили романъ. Официальнымъ исповѣдникомъ этихъ заднихъ мыслей, формою, въ которую онѣ были вылиты, всё сочли Оленина, человѣка цивилизаціи, сначала страдающаго отъ несоотвѣтствія своей изуродованной природы съ истинною жизнью въ природѣ, а потомъ наслаждающагося этою жизнью какъ ново-открытымъ, дѣвственнымъ міромъ, и отрекающагося для этого міра отъ всего, что было еще прежде мило.

За этого Оленина досталось—таки гр. Льву Толстому! всѣ рецензенты «Казаконъ» навалились именно на него. Ихъ несказанно дразнилъ и злилъ этотъ образъ цивилизованнаго человѣка, подавленнаго мощью природы, которымъ авторъ постоянно махалъ передъ ихъ глазами. Въ Оленинѣ, нѣкоторые критики прежде всего старались узвѣить личность автора. Безъ дальнихъ справокъ, Оленинъ былъ признанъ портретомъ, его исторія—чуть не автобіографіею. Какое обильное поле для комизма, несчитающаго своею обязанностью дружить съ приличіемъ. Оленинъ намъ не примѣръ; мало ли такой недоученой дрянн, какъ Оленинъ; только недоученность и ограниченность могутъ его брать въ образчики цивилизованнаго человѣка. Человѣкъ, способный хотя когда-нибудь наслаждаться сообществомъ князь *Сергея*, Сашки Б. и т. п.—уже не имѣетъ права на серьезныя отношенія къ жизни. Аристократъ, неплательщикъ своихъ долговъ портному—хорошъ гусь; знаемъ мы такихъ. Намѣки подобнаго рода были подняты противъ Оленина; на словахъ *аристократъ*, *недоучетный* нѣкоторые напирала съ какою-то мѣщанскою пошлостью и хитро подмигивали другъ другу.

Нечего говорить, съ какимъ чувствомъ мы привыкли встрѣчать подобныя неприличныя критики, съ балаганнымъ остроуміемъ задѣвающія по носу автора, показывающія ему кукишъ и разсказывающія про него домашнія сплетни вмѣсто сужденій о его романѣ.

Тигъ Оленина не есть одно бездушное олицетвореніе извѣстныхъ мыслей. Оленинъ—лицо очень живое и очень распространенное. Онъ дѣйствительно не очень образованъ школою, и въ этомъ отношеніи есть по преимуществу нашъ современный, рус-

скій типъ. Его выработка предоставлена жизни, поэтому должна быть исполнена противорѣчивъ, рѣзкихъ перегибъ и неправильностей. Это—судьба и исторія всѣхъ насъ. «Всѣ мы учились понемногу чему нибудь, и какъ нибудь», но изъ насъ, однако, выработываются люди послѣ долгой житейской ломки. Оленинъ былъ трагичнѣе героемъ не по натурѣ, но случайно попавъ въ компанію Сашегъ В. Молодой мальчишка увлекся этою стороною и заплатилъ ей неизмѣнную дань; онъ былъ наверху блаженства, прохаживаясь подъ руку съ флигель-адъютантомъ, и называя князя уменьшительнымъ именемъ. Оленинъ—человѣкъ обыкновенный по своей биографіи, по обстановкѣ, въ которой находится. Но онъ все-таки изъ лучшихъ людей. Въ немъ живетъ духъ ищущій и стремящійся, въ его душѣ не потухаетъ то внутреннее пламя, которое особенно сообщаетъ человѣчность нашей жизни. Онъ не остался Сашкою В. въ Москвѣ, не сдѣлался Бѣлединымъ на линіи; онъ искалъ удовлетворенія своимъ позывамъ сначала въ данной обстановкѣ, потомъ, къ своему счастью, нашелъ новую сферу, гдѣ ему могло быть лучше, и за которую, поэтому, онъ ухватился. Оленинъ въ нашихъ глазахъ не есть типъ цивилизованнаго человѣка вообще, а напротивъ—человѣкъ весьма опредѣленнаго образованія и опредѣленнаго общественнаго слоя, принесшій на борьбу съ ними начала только сил и слабости одного своего слоя, одного своего воспитанія. Намъ нѣтъ пока дѣла до того—такую ли ограниченную или болѣе обширную цѣль имѣлъ въ виду самъ авторъ, вводя въ романъ своего героя; обсуждая художественныя стороны его типовъ, мы имѣемъ право смотрѣть только на то, что онъ, дѣйствительно, сказалъ и изобразилъ, и ни сколько не касаться того, что онъ, можетъ быть, замышлялъ. Авторъ не представилъ намъ Оленина какимъ нибудь Фаустомъ, познавшимъ сначала всю глубину науки, потомъ все обаяніе власти, испытавшимъ огонь сильнѣйшихъ страстей и безуміе физическихъ наслажденій, и уже впослѣдствіи, на концѣ своего поприща, нашедшимъ себѣ счастье въ тихой жизни на лонѣ природы. Оленинъ еще очень молодъ, и ему пока наскучила только пустая жизнь въ сообществѣ свѣтскихъ кутилъ, свѣтскихъ франтовъ и свѣтскихъ барышень. Въ немъ таились поэтичесія душевныя струны, которыя обнаружались особенно рѣзко послѣ жизни въ сферѣ, ихъ нисколько неудовлетворявшей. Случай бросаетъ его именно въ такую обстановку, гдѣ особенно много пищи этимъ его главнымъ, но еще неудовлетвореннымъ струнамъ. Онъ поддается вліянію новой обстановки просто шагъ за шагомъ, по мѣрѣ своего механическаго приближенія къ ней. *Чувство юга*, охватив-

дее его еще издали, завлаждаетъ имъ окончательно, когда онъ очутился среди этихъ горъ. Поэтъ, почуввавъ годный ему воздухъ, очнулся внутри свѣтскаго франта и вздохнулъ во всю грудь; послѣдныя черты лица московскаго хлыща преобразуются подъ напѣтиемъ могущественной свѣжести природы въ серьезный и теплый образъ естественнаго человѣка. Кому кажется страннымъ и исключительнымъ такое чарующее вліаніе природы на человѣка, кто видитъ въ этой перемѣнѣ только дидактическую уловку автора для униженія неодобряемыхъ имъ принциповъ — тотъ, значитъ, самъ никогда не ощущалъ въ своей груди могущественной власти горъ и лѣсовъ, тотъ лишень органа для воспріятія этого поразительнѣйшаго изъ всѣхъ впечатлѣній человѣка и для наслажденія этимъ чистѣйшимъ изъ всѣхъ наслажденій. Нетолько сама природа — однѣ уже картины ея, набросанныя такою живописною и тонкою кистью въ романѣ «Казакъ», производятъ необыкновенное обаяніе. Какъ живая, встаетъ передъ нами эта глухая станица надъ бурными волнами Терека съ своими стройными казачками въ цвѣтныхъ бешметахъ, веселымъ хохотомъ казачковъ, мычаніемъ буйволовъ и боровъ на солнечномъ заходѣ. Слышишь сиринь этихъ тяжелыхъ воротъ, сивозъ которыя проламывается своими крутыми бочагами огромная буйволица; слышишь шлѣпанье по лужамъ и далекіе обливи на кордонѣ... И вдали надъ всѣмъ владычествующія горы, горы и лѣса... Разумѣется, я не буду пытаться повторять глубоко-поэтическія картины ночей и утра, степей и лѣса, которыя непобѣдимо овладѣваютъ художественнымъ чувствомъ читателя въ романѣ гр. Толстаго. Сторона описательная — одна изъ сильнѣйшихъ сторонъ романа, одно изъ главныхъ его достоинствъ. Кончая романъ, можно серьезно забыться и подумать, что самъ жила въ когда-то на линіи, самъ просиживалъ ночи съ веселымъ старикомъ на крыльцѣ за стаканомъ чихиря, бродилъ по лѣсамъ и садамъ, и любовался на шумные хоробы казачкихъ дѣвокъ. Я увѣренъ, что никакой этнографическій или географическій очеркъ, никакое описаніе путешествія не могли бы меня живѣе и полнѣе познакомить съ чуждою для меня жизнью и природою, какъ этотъ романъ гр. Толстаго.

Мудрено ли же, что природа, до такой степени покоряющая насъ даже въ портретахъ своихъ, подавила Оленина, прикоснувшись къ ея живью, посмотрѣвшаго ей прямо въ глаза. Казакъ и казачки явились для него нераздѣльными частіцами этой природы, такими же, какъ звѣри и деревья. На Терекѣ жили чинары и чеченцы, казакъ, олени... надъ всѣми надъ ними простирался одинъ и тотъ же голубой сводъ неба, и сіяло всѣми

своими красотами одно и то же утреннее, полднее и вечернее солнце. Всѣхъ ихъ поила одна и та же вода, покрывалъ одинъ и тотъ же дѣсъ. Чуткая душа Оленина не могла устоять противъ этой простой, всеуравнивающей силы; Оленинъ поналъ быть вазака и прелесть этого быта. Бѣлецкій, его пріятель, этого не понималъ и понимать не хотѣлъ, но зато гораздо скорѣе поналъ, что дѣвки въ станицахъ рослы, веселы, и гораздо удачнѣе ухаживалъ за этими веселыми дѣвками. Большинство изъ насъ, конечно, поступило бы, какъ Бѣлецкій. Мы приведемъ тутъ рядъ небольшихъ выдержекъ изъ различныхъ страницъ романа, въ которыхъ съ большою откровенностью и опредѣленностью авторъ изображаетъ намъ постепенные переходы душевныхъ настроеній своего героя; изъ этой постепенности и послѣдовательности особенно ясна необходимость и естественность этихъ настроеній.

«Ко всѣмъ его воспоминаніямъ и мечтамъ—говоритъ авторъ объ Оленинѣ—примѣшивалось строгое чувство величавой природы. Жизнь его началась не такъ, какъ онъ ожидалъ, уѣзжая изъ Москвы, но неожиданно хорошо. Горы, горы, горы чулись во всемъ, что онъ думалъ и чувствовалъ».

Эго были первыя, еще неясныя впечатлѣнія; они принимаютъ мало по малу все болѣе и болѣе опредѣленный образъ:

«... Ему было прохладно, уютно—продолжаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ о своемъ героѣ—ни о чемъ онъ не думалъ, ничего не желалъ. И вдругъ на него нашло такое странное чувство безпричиннаго счастья и любви ко всему, что онъ, по старой дѣтской привычкѣ, сталъ креститься и благодарить кого-то».

И потомъ далѣе:

«... И онъ сталъ вспоминать свою прошедшую жизнь, и ему стало гадко на самого себя. Онъ самъ представился себѣ такимъ требовательнымъ эгоистомъ, тогда какъ въ сущности ему для себя ничего не было нужно. И все онъ смотрѣлъ вокругъ себя на просвѣчивающую зелень, на спускающееся солнце и ясное небо, и чувствовалъ все себя такимъ же счастливымъ, какъ и прежде»...

Въ этихъ отрывкахъ осязательно видишь, какъ чувство покоя, правды, здоровья заглушаютъ мечты безпокойной и лживой жизни; новость положенія и ощущеній возвышаютъ это чувство въ Оленинѣ иногда до настоящаго восторга.

... «Ежели-бы мысли въ головѣ лежали такъ же, какъ папиросы въ мѣшкѣ, то можно бы видѣть, что за всѣ эти 14 часовъ ни одна мысль не пошевелилась въ немъ, говорить, между прочимъ,

авторъ по поводу времяпровожденія Оленина:—онъ приходилъ домой морально свѣжій, сильный и совершенно счастливый»...

... «Люди живутъ, какъ живетъ природа, думалъ онъ (Оленинъ), умираютъ, рождаются, совокупляются, опять рождаются, дерутся, пьютъ, ѣдятъ, радуются и опять умираютъ, и никакихъ условій, исключая тѣхъ неизмѣнныхъ, которыя положила природа солнцу, травѣ, звѣрю, дереву. Другихъ законовъ у нихъ нѣтъ... И оттого люди эти въ сравненіи съ нимъ самимъ казались ему прекрасны, сильны, свободны, и, глядя на нихъ, ему становилось стыдно и грустно за себя. Часто ему серьезно приходила мысль бросить все, приписаться въ казаки, купить избу, скотину, жениться на казачкѣ»...

Тутъ цѣлая исповѣдь Оленина; все его міросозерпаніе, всё его мотивы и планы здѣсь высказались кратко и ясно. Но скоро, однако, къ нимъ прибавился новый элементъ, весьма немаловажный, сообщающій новый оттѣнокъ его взглядамъ. Оленинъ, влюбленный въ Кавказъ вообще, влюбляется мало по малу специально въ казачку Марьяну. Страсть окрашиваетъ въ его глазахъ всѣ предметы своимъ собственнымъ цвѣтомъ. Съ этихъ поръ онъ уже не просто спокойный, свободно-дышавшій наблюдатель тихой лѣсной жизни; не просто человѣкъ, радующійся своему внезапно-обрѣтенному счастью: онъ начинаетъ относиться съ чувствомъ какой-то мести и раздраженія къ своему прошлому, которое больше всего отдаляетъ его отъ Марьяны.

Приведемъ два маленькихъ отрывка изъ письма Оленина, въ которыхъ онъ далъ полную волю своей искренности, и которыя не назначались имъ ни для кого, кромѣ самого себя.

...«Какъ вы мнѣ всѣ гадки и жалки! говоритъ онъ про своихъ прежнихъ друзей и соболѣзпозателей.—Вы не знаете, что такое счастье, и что такое жизнь! Надо разъ испытать жизнь во всей ея безыскусственной красотѣ. Надо видѣть и понимать, что я каждый день вижу передъ собой: вѣчные, неприступные свѣга горы и величавую женщину въ той первобытной красотѣ, въ которой должна была выйдти первая женщина изъ рукъ своего Творца, и тогда ясно станеть, кто себя губить, кто живетъ въ правѣ или во лжи—вы или я? Коли бы вы знали, какъ мнѣ мерзко и жалко вы въ нашемъ обольщеніи! какъ-только представятся мнѣ вмѣсто моей хаты, моего лѣса и моей любви—эти гостиницы, эти женщины съ припосаженными волосами, надъ подсунутыми чужими буглями, эти неестественно шевелящіяся губы, эти спрятанные и изуродованные слабые члены, и этотъ лепетъ гостинныхъ, обязанный быть разговоромъ и немѣющій никакихъ правъ на это—мнѣ становится невыносимо гадко. Представ-

ляются эти тупыя лица, эти богатые невѣсты съ выраженіемъ лица, говорящимъ: «ничего, можно, подожди, хоть я и богатая невѣста»; эти усаживанія и пересаживанія, это наглое сводничаніе парь, и эта вѣчная сплетня, притворство; эти правила—кому руку, кому живокъ, кому разговоръ, и наконецъ эта вѣчная скука въ крови, переходящая отъ поколѣнія къ поколѣнію»...

...«А я только одного и желаю, говорить онъ въ другомъ отрывкѣ:—совсѣмъ пропасть, въ вашемъ смыслѣ, желаю жениться на простой казачкѣ и не смѣю этого, потому что это былъ бы веркъ счастья, котораго я недостойнъ»...

Влюбленный въ молодую казачку, Оленинъ возводитъ въ идеалъ совершенства не только саму Марьяну, но и весь бытъ, ее окружающій; всякую черту своего отличія отъ Марьяны онъ уже считаетъ несомнѣнною порчею, уродствомъ; понимая, что Лукашка подходитъ къ ней ближе, чѣмъ онъ самъ, онъ досадуетъ—почему онъ самъ не Лукашка, и клянетъ въ этомъ опять свое прошедшее, опять свой бытъ. Видя безсиліе своихъ стремленій стать человѣкомъ непосредственнымъ и природнымъ, онъ считаетъ себя недостойнымъ Марьяны, отчаявается въ будущемъ.

«Я пробовалъ отдаваться этой жизни, признается онъ самому себѣ:—и еще сильнѣе чувствовалъ свою слабость, свою изломанность. Я не могъ забыть себя и своего сложнаго, негармоническаго, уродливаго прошедшаго»...

«Она никогда не пойметъ меня—записываетъ онъ въ своемъ дневникѣ въ самомъ энергическомъ разгарѣ своей страсти.—Она не пойметъ не потому, что она ниже меня, напротивъ, она не должна понимать меня. Она счастлива; она, какъ природа, равна, спокойна и сама въ себѣ. А я, исковерканное, слабое существо, хочу, чтобы она поняла мое уродство и мое мученіе»...

Мы очертили вратцѣ художественныя условія этого типа. Теперь посмотримъ, какъ велика можетъ быть солидарность художника съ взглядами, высказанными посредственно или непосредственно этимъ типомъ. Гр. Л. Толстой, подчиняясь общему закону художественной дѣятельности, вызвалъ на свѣтъ свои типы, чтобы выразить помощью ихъ овладѣвшее имъ настроеніе. Онъ не сдѣлалъ ихъ при этомъ бездушными и безличными вѣшалками для выставки своихъ мыслей; руку истиннаго художника направляетъ лучшій изъ всѣхъ учителей—природенный талантъ—а таланту трудно ошибиться такъ грубо. Настроеніе художника было причиною только того, что въ данную минуту были вызваны и разработаны именно эти, а не другіе типы, потому что въ существѣ этихъ типовъ лежитъ вражда къ презрѣннымъ сторонамъ цивилизаціи, возбуждающимъ ненависть автора

По свойству художниковъ, г. Левъ Толстой, безъ сомнѣнія, съ сердечнымъ увлеченіемъ изобразилъ антицивилизационный моментъ своихъ взглядовъ; въ увлеченіи вся сила поэта. Говорятъ, будто поэты и пророки подчиняются иногда приливамъ какого-то безумія, во время котораго они особенно могущественны. Безуміе это есть только высшая степень увлеченія и называется *вдохновеніемъ*. Вдохновеніе не вредитъ реальности возрѣнія и созданія; оно только удесатеряетъ обыкновенную силу и остроту познавательныхъ органовъ, позволяетъ глазу видѣть глубже, уху слышать дальше, разуму работать быстрее и мудрѣе. Вдохновеніе пронизываетъ предметъ какъ яркое солнечное освѣщеніе по всѣмъ жилкамъ и суставамъ его, и дѣлаетъ яснымъ до очевидности то, чего нельзя примѣтить при будничномъ освѣщеніи обыкновеннаго наблюденія. Вдохновеніе устремляетъ всѣ силы поэта на одинъ предметъ, возбудившій его, но оно со всѣмъ тѣмъ далеко неодносторонне; скваченный и постигнутый во всемъ своемъ живѣ, этотъ одинъ предметъ обрисуетъ собою цѣлую сферу, изъ которой его взяли. Въ немъ будетъ во всей свѣжести сохранена ея краска, ея температура, ея очертанія. Но главное противодіе односторонности увлеченія—это въ разнообразіи выбора. Въ данную минуту художникъ, конечно, одинаково увлекается десятью разными мотивами, но за то онъ ихъ постоянно мѣняетъ. Когда потухаетъ въ немъ пламя одного вдохновенія, оно можетъ вдругъ загорѣться отъ новой искры и запылать новымъ огнемъ. Шекспиръ переходитъ отъ Лира къ Гамлету, отъ Ромео къ Ричарду III. Всѣ настроенія для него равно законны, всѣ его образы равно любимы имъ, на всѣхъ истрачена одна и та же святая и искренняя сила, которая часто побѣждаетъ даже волю и цѣли поэта. Поэтому исповѣдь художника—его символъ вѣры—не одинъ какой-нибудь романъ его, а вся его художественная дѣятельность въ совокуности.

Многіе порицатели направленія гр. Толстаго поставили себя въ довольно неудобное положеніе: они упустили изъ виду характеръ и условія художественныхъ произведеній, вздумавъ анализировать романъ какъ какое нибудь вѣроученіе или научную систему. Необходимое поэту увлеченіе, которое есть первое условіе его разнообразія и силы, они приняли за фанатическую односторонность сектанта и вооружились на нее съ нетерпимостью сектантовъ. Съ другой стороны, славъ безусловными противниками взглядовъ автора, они какъ-бы отказываются видѣть въ современной цивилизаціи какія нибудь темныя стороны.

Оленивъ гр. Толстаго во всякомъ случаѣ негодуетъ на вещи, стоющія этого негодованія даже не съ исключительной точки зрѣ-

ня гр. Толстаго. Мы всё, люди болѣе практичныя и терпѣливыя, чѣмъ юнкеръ Оленинъ, не можемъ хладнокровно переносить тѣхъ безплодныхъ и досадныхъ пошлостей, которыхъ только отчасти касается раздраженное перо гр. Толстаго, и которыя портятъ на каждомъ шагѣ нашу, безъ того свудную и скучную жизнь. Позывы и стремленія въ родѣ тѣхъ, которые заставили гр. Толстаго такъ сочувственно отнестись къ несложному быту казацкой станицы, во всякомъ случаѣ—благородныя, вѣчно-присущіе челоувѣку позывы. Они свойственны лучшимъ и искреннѣйшимъ людямъ разныхъ временъ, людямъ нѣжной душевной конструкціи, у которыхъ сердечныя клавиши отзываются на малѣйшее прикосновение жизни. Этнхъ позывовъ ни одинъ разумный челоувѣкъ никогда не понималъ буквально и не судилъ ихъ ябеднически, придирался къ каждой фразѣ. Въ нихъ постоянно отыскивали и находили только голосъ правды, возмущенной тѣмъ или другимъ зломъ, и возмущающейся противъ этого зла со всею энергіею и жаромъ, свойственными правдѣ.

Чтобы не теряться въ общнхъ разсужденіяхъ, мы, для примѣра, вернемся еще разъ хоть къ отношеніямъ автора Казаковъ къ героинѣ романа. Въ изображеніи ея онъ не впалъ ни въ малѣйшую утрировку; талантъ артиста не дозволилъ ему ни украсить вымысломъ, ни пройти молчаніемъ дѣйствительной черты ея характера. Онъ ее создалъ живою, несочиненною, и такую полюбилъ ее. Онъ полюбилъ, значитъ, грубость, прямоту, неподдѣльную физическую красоту и трезвый, реальный взглядъ на жизнь. Въ этомъ пунктѣ рецензенты схватились съ нимъ и осыпали его градомъ упрековъ и насмѣшекъ. Нѣтъ сомнѣнія, что поле подобной битвы внѣ сферы художества. Но совсѣмъ тѣмъ мы не отказываемъ себѣ въ удовольствіи сказать нѣсколько словъ въ защиту любимаго нами автора даже и съ этой нехудожественной стороны.

Я совершенно понимаю, откуда выросло настроеніе гр. Толстаго относительно сейчасъ затронутаго вопроса, и думаю, что многіе вмѣстѣ со мною будутъ ему сочувствовать. Развѣ трудно понять, на примѣръ, отвращеніе автора отъ этихъ барышень и барынь, которыя являются представительницами лжецивилизаціи, окружавшей Оленина, и которыхъ авторъ такъ зло клеймитъ устами этого самого Оленина? Искреннему и поэтическому сердцу челоувѣка по преимуществу свойственны такія крайности; ему чтонибудь одно: или дѣйствительно женщину—существо, исполненное граціи, нѣжности, любви, тонко развитое, тонко чувствующее, съ изящно-преlestною душою въ изящномъ и прелестномъ тѣлѣ—или казачку Марьянку. Челоувѣкъ не можетъ не видѣть

своихъ явныхъ выгодъ, не можетъ основывать безпричинныхъ симпатій. Человѣкъ любить многое и разное. Дайте ему что нибудь хорошее—онъ его полюбитъ; но развѣ это помѣшаетъ ему желать лучшаго и полюбить того, кто дастъ ему это лучшее? Можетъ быть, у гр. Толстаго не явилось бы симпатіи къ Марьянкамъ, еслибы въ обществѣ нашемъ чаще встрѣчались настоящія цивилизованныя женщины. Можетъ быть, при обаяніи ихъ живить отношеній, наши художники дружелюбнѣе бы смотрѣли на нашу цивилизацію. Я льщу себя надеждою, что западныя общества счастливѣе насъ въ отношеніи своихъ женщинъ. Я думаю, что дѣйствительно очаровательныхъ англичанокъ, напримѣръ, должно быть гораздо болѣе, чѣмъ нашихъ русскихъ. Я незнакомъ близко и на мѣстѣ съ англійскою жизнью, но я думаю, что въ англійской литературѣ не явилось бы въ противномъ случаѣ столько прелестныхъ женскихъ типовъ, съ которыми не можетъ сравниться ничто, знакомое намъ въ своемъ отечествѣ.

Нельзя не согласиться, до какой степени жалка вся эта масса бѣдныхъ созданій, которыя наполняютъ наши губернскіе и уѣздные города и большую часть обѣихъ столицъ подъ стереотипнымъ именемъ *барышень*. Кому собственно онѣ нужны и зачѣмъ онѣ нужны? спрошу я у безпристрастнаго читателя. Пользоваться ли ихъ умомъ, или ихъ образованіемъ, ихъ талантами? Я не могу удержаться отъ улыбки при этихъ вопросахъ; образованіе и таланты русской барышни! Вотъ ужъ сколько лѣтъ, какъ всѣ русскія барышни сидятъ по четыре часа ежедневно бубнятъ на фортепьяно, а много ли вы встрѣчали въ безчисленныхъ углахъ Россіи, не говорю уже русскихъ пьянистокъ, а хоть бы азбучно-знакомыхъ съ музыкою, какъ систематическимъ и строгимъ искусствомъ? Если не всѣ наши барышни пишутъ *Tous-à vous*, не всѣ поздравляютъ подругъ *avec le saint-participe*, то все-таки ихъ образованіе, говоря вообще, яйца выѣденнаго не стоитъ, не ведетъ и не вело ни къ чему. Ихъ любезность изъ десяти на девять весьма сродни тѣмъ милымъ разговорамъ, на которые мастера были когда-то пѣхотные прапорщики: «я боюсь гусара, у гусара сабля»; или «что вы желаете этому шаригу?». На что же еще могутъ быть нужны *барышни*? Воспитывать дѣтей, быть матери семейства? Такъ мы знаемъ, каковы выходятъ эти матери, неимѣющія самыхъ элементарныхъ гигиеническихъ и педагогическихъ понятій, всякими способами сбывающія воспитаніе своихъ неумѣлыхъ рукъ на такія же неумѣлыя руки гувернантокъ. Ну, хоть бы хозяйничали, работали, устроивали бы матеріальный бытъ — мужа и семьи; хоть бы одно дѣло умѣли сдѣлать толкомъ: такъ нѣтъ! у большинства, какъ намъ всѣмъ извѣстно,

такая рѣчь: мы барыни, мы не затѣмъ замужъ вышли, чтобы дѣлаться кухарками! Можетъ быть, наконецъ, всѣ эти недостатки вознаграждаются ихъ тѣлесною красотой? Потому что физическая красота, здоровье, сила — что ни говорите — великіе таланты въ женщинѣ. Если мужчина не нашелъ въ васъ удовлетворенія различными умственными и нравственными запросами своимъ, то, по крайней мѣрѣ, вы подарите ему много сладкихъ часовъ забвенія и наслажденія любви; вы обворожите его своими неотразимыми ласками, вы убаюваете его утомленную работою голову лепетомъ своей страсти; въ вашихъ объятіяхъ онъ будетъ почерпывать новые источники жизни, въ созерцаніи красоты вашей будетъ загораться его вдохновеніе... Увы! и эта исключительная-женская область духа лежитъ у нашихъ барышень неотработанная, заросшая дрянными травами. Говоря вообще, онѣ не *умѣютъ* любить, точно такъ же какъ не умѣютъ работать. Любовь для нихъ — явленіе такъ же мало знакомое, какъ и дѣтская педагогія. Онѣ умѣютъ выходить замужъ, на это, пожалуй, онѣ иногда очень искусны; онѣ имѣютъ дѣтей — «чтобы имѣть дѣтей, кому ума не доставало?» — но гдѣ же ихъ любовь? Вы подходите въ роковую минуту къ дѣвушкѣ, которая вамъ нравится; вы выпнаете передъ нею изъ чуднаго рога изобилія молодыхъ чувствъ вашихъ все, что въ немъ выросло поэтическаго и дорогогаго; вы можете плакать горячими слезами страсти, поклоняться ей, какъ Мадоннѣ. Что жъ она? Она въ большей части случаетъ будетъ сидѣть и слушать васъ, до нелзя довольная, ничего непонимающая въ вашемъ чувствѣ, но отлично смекающая свое собственное дѣло; посидитъ, послушаетъ и скажетъ вамъ, наконецъ, тѣмъ или другимъ языкомъ, болѣе или менѣе явственно, отвѣтъ такого смысла: «благодарю, молъ, васъ за комплименты, но я безъ мамыши не могу на это рѣшиться, я у мамыши спрошусь».

И дѣйствительно, спросится пристойно, благоразумно: «N N, — мамыша, меня хочеть замужъ взять»; а вы, можетъ быть, и о замужествѣ ни слова еще не заикались. Вотъ вамъ и страсть; и это въ расцвѣтъ молодости, пока волнуютъ еще и ободряютъ дѣвическія силы. А посмотрите черезъ годъ, черезъ два по выходѣ замужъ: недодѣланные организмы, безъ мускуловъ, съ впалою грудью, съ недоразвитымъ черепомъ, начинаютъ провалить всѣ свою наготу, маскированную до поры до времени вслѣдствіемъ туалетнымъ обманомъ. Одни роды — и нѣтъ нашей барышни! Всестороннее безсиліе ея рѣзче всего замѣчается тогда на ея физикѣ: худѣють, хирѣють, обвязываются платками, опиваются микстурами; что такое изъ нихъ выходитъ — смотрѣть

стыдно. Онѣ не умѣютъ перенести, какъ слѣдуетъ, самого естественнаго и правильнаго переворота въ организмѣ. Есть ли же послѣ этого какая нибудь мало-мальски основательная причина дѣлать этихъ барышень выше какой нибудь Марьянки? Спросите ихъ самихъ — гдѣ права ихъ на преимущества передъ гнѣмъ бы то ни было? — и врядъ-ли услышите въ отвѣтъ что нибудь, кромѣ: «мы барышни». «Вы барышни, и только?» хочется сказать — и все. А вотъ Марьянка не барышня, да, право, лучше васъ. Марьянка, какъ и вы, не удовлетворитъ моихъ многихъ желаній, но она, по крайней мѣрѣ, истопитъ избу и нарветъ винограду, и запряжетъ моихъ воловъ, и подонтъ мою буйволицу, и народитъ мнѣ крѣпкихъ мальчишекъ, не нуждаясь въ киндербальзамѣ, и не затворяя по 6 недѣль ставень. Марьянку, по крайней мѣрѣ, можно обнять, не боясь расшпаты ея косточекъ, не ожидая перхоты и кашля. Румянецъ съ ея адоровыхъ щокъ не сгонишь двумя поцалуйми, и переполненныя груди ея будутъ кормить ребѣнка, даже въ то время, когда она сама будетъ жать пшеницу подъ лучами солнца. Преимущества Марьянки, какъ бы грубы они вамъ ни казались, ясны для всякаго. А ваша заслуга развѣ въ томъ только, что вы знаете, какой цвѣтъ стали носить петербургскія модистки — гаванна или азулиновый, что кепѣ современнѣе гарибальдѣ, что нужно или ненужно дѣлать на платьѣ много волановъ. Марьянка сама деньгу зарабатываетъ, сама стираетъ мужу рубаху, ею же спитую; а вы требуете, чтобы васъ посадили въ карету, стѣющую нѣсколько сотъ рублей, наняли бы для васъ кучеровъ и лакеевъ, и возили бы васъ изъ магазина въ магазинъ перебирать цвѣтныя ленточки, да мѣрить тарлатанъ». И такъ, повторяю, на мой вкусъ, Жорж-Сандъ, безъ сомнѣнйя, лучше Марьянки; но барышни въ красныхъ криволиныхъ, съ стальными пуговками, бисерными сѣточками — не знаю, кого онѣ могутъ быть лучше?

Я говорю все это къ слову. Сравненіе Марьянки съ нашими барышнями, я выбралъ только какъ частный случай для объясненія различныхъ антипатій автора, желая указать на естественность ихъ, и на причастность имъ всѣхъ насъ. Я вообще не вѣрю, чтобы человекъ, одаренный впечатлительностью, осаждаемый какими нибудь идеалами, могъ принимать всю такъ называемую цивилизацію *en bloc* за что-то драгоценное, за безоблачное счастье. Мы всѣ страдали на каждомъ шагѣ отъ этого счастья. Оно не разъ переѣзжало поперегъ нашихъ сердечныхъ томленій, поперегъ нашихъ возвышенныхъ плановъ своимъ чуждымъ колесомъ. Это счастье оборвало цвѣты и зелень съ луговъ и лѣсовъ, въ которыхъ, говорятъ, безъ заботъ жила

прежде человек. Оно стерло с лица земли дикаго звѣря, нашего стараго земляка и сосѣда, и угнало его въ недоступныя намъ мѣста. Это счастье изломало и изуродовало добрую половину людей, чтобы дать возможность немногимъ dorosti до действительно великихъ размѣровъ. Во многихъ отношеніяхъ оно обезсиляло насъ какъ снаружи, выгоняемую искусственною температурою теплоты. Оно раздвинуло широко и далеко перваго человекѣ отъ послѣдняго: одного добросивъ до олимпійскихъ боговъ, а другого покинувъ въ той грязной и низменной лужѣ, гдѣ онъ едва не завидуетъ звѣрю. Это счастье превратило мѣръ въ беспощадную азартную игру, гдѣ у каждаго партнера сурово сжаты кулаки и глаза сверкають злобою; гдѣ свирѣпствуютъ жадность и эгоизмъ; гдѣ надъ обыгранными смѣются, и гдѣ не существуетъ даже роковаго столба, указывающаго цѣль и мѣру состязанія.

Мы всё, особенно въ послѣднюю четверть вѣка, знали это и глубоко чувствовали. Наша литература давно металась и мучилась потугами, чреватая этимъ сознаниемъ. Отрицательная поэзія, отрицательная политика; отрицательная ученость — разлились, какъ желчь, по организму XIX вѣка, особенно по русскому организму. «Музы гнѣва и печали» бряцали у насъ на всѣхъ ладахъ; «пѣвцы хотѣли слезъ», «грудь ихъ разрывалась отъ муки»; стали воспѣвать и возвеличивать простоту и бѣдность; стали описывать мужика и поклоняться мужику, *Бирюкъ* ли онъ, *Антонъ* ли *юремыча*; надѣли поддевки и мурмолки, все тянуло къ природѣ, къ непосредственному и дивному. Человеку цивилизаціи набросили веревку на шею и выставили у позорнаго столба съ надписью: *виновникъ въ цивилизаціи*. *Рудинъ* былъ осмѣянъ и ошпанъ; герой *Аси* оплеванъ. Всѣ они были признаны *малыми людьми*. Науку цивилизаціи также отчетверговали въ лицѣ Базарова, какъ онъ четверговалъ лягушку. Эту холодную, безсердечную науку со всею ея надменностью повалили въ ноги передъ простымъ, искреннимъ чувствомъ и объявили ее недостойною развязать ремень у сапога его; чувство оказалось только въ *отцахъ*, а въ *дѣтяхъ* — одна сухая, мертвѣющая мысль. И на все это движеніе литературы смотрѣли мы симпатически, даже страстно; оно увлекало насъ, какъ наша собственная мысль, какъ наше произвольное внутреннее стремленіе.

Въ это время являются и «Казакъ» гр. Толстаго. Въ нихъ всё замѣтили много замѣчательнаго и оригинальнаго; но никто, кажется, не замѣтилъ, что это — верхняя нота давно начатой пѣсни, что это — смѣлый финаль къ длинной увертюрѣ, разыгрываемой нашими литературными оркестромъ. Оттого, вѣроятно, «Казакъ» прошли непризнанными въ своемъ историко-литературномъ зна-

ченіи, просто, какъ талантливый парадоксъ завѣдомо-напрягаго поэта. Въ нихъ видѣли отступление, бунтъ, расколъ, но никакъ не вънедь господствующаго литературнаго направленія. Они казались исключительнымъ, одинокимъ произведеніемъ, между тѣмъ какъ они висѣли на концѣ нити, связывавшей между собою именню тѣ произведенія, направленію которыхъ они считались противодіемъ.

Впрочемъ, естественно было обмануться. Насъ не приучили встрѣчать въ писателѣ столько смѣлой логики изображенія и беззаветной искренности. Шагъ былъ сдѣланъ по прежнему пути, но не по прежнему масштабу; выговорено было то слово, о которомъ, можетъ быть, боялись подумать инстинктивно жаднаго его. Въ «Казакахъ» идеаль уже не мерцаетъ, какъ прежде, въ розовомъ туманѣ, удаляясь и соблазняя, не давая узрѣть своихъ фантастическихъ формъ. Sehnsucht простоты, природности, дѣла, кажется тамъ вполнѣ насыщено; идеаль тамъ указанъ въ упоръ пальцемъ; идеаль тамъ не только низведенъ во время и пространство, но даже приписанъ къ казацкой станицѣ и названъ казацкимъ именемъ. И произошло то, чего надо было ожидать, что случается всегда при открытіи таинственныхъ завѣсъ. А! такъ только-то! такъ вотъ оно — это загадочное нѣчто, за которымъ мы такъ страстно гонялись, инстинктивно представляется каждому, когда въ вещественной и живой формѣ предстаётъ передъ нимъ неясный предметъ его фантазій. Понятно, что не хочется такъ рано покончить съ фантазією и съ травлею идеала. Не хочется вѣрить, чтобы онъ былъ такъ осязателенъ и такъ понятенъ; лучше никогда не видать его осуществленія, чѣмъ увѣриться, что онъ не можетъ осуществиться въ иной, менѣе знакомой формѣ. И на него злятся, на него начинаютъ давить и бросать камнями, гнать прочь, чтобы онъ своею грубою и неопровержимю тѣлесностью не спугивалъ бы съ души ея давнихъ грѣзъ. Его выталкиваютъ вонъ, какъ самозванца, и надсмѣхаются какъ надъ уродомъ, хотя онъ въ дѣйствительности есть тотъ самый желанный гость, котораго ждали такъ долго и съ такимъ почетомъ. Отказаться нельзя, не видѣть нельзя — мы всѣ въ известной степени тяготились цивилизаціей и вдыхали о естественной ненадоманной жизни.

Графъ Толстой въ своихъ «Казакахъ» выбрасываетъ насъ изъ глубокой и наѣзженной колесъ нашей цивилизаціи далеко въ степные луга, къ оленямъ и казакамъ. Васъ охватываетъ, какъ волна моря, могучая и свѣжая жизнь прямо на спротивъ лонѣ природы, гдѣ еще дается мѣсто звѣрю рядомъ съ человекомъ, гдѣ еще во всей дѣвственности своей живутъ и шумятъ лѣса и текутъ

грозныя рѣки. Тамъ нѣтъ надоманности, тамъ невозможно рефлексаторство, тамъ не знаютъ мученій мысли. Тамъ только живутъ, посягаютъ и плодятся. Только вамъ тамъ неловко и странно; вы—отыскаватель цѣльности и непосредственности, вы слишкомъ далеки отъ природы, чтобы выдержать ее могучее, неподдѣльное вѣяніе. Она раздавливаетъ васъ въ своихъ объятіяхъ; вамъ слишкомъ не по плечу такая любовница; оттого вы такъ неприятно поражены открывшейся передъ вами перспективою и увѣряете себя, что не того искали. Вамъ сподручнѣе въ книгѣ, у которой листы подымаются нѣсколько легче, и которой рѣчь нѣсколько тише. Природа и тяжела, и буйна...

Я болѣе всего въ романѣ «Казакъ» удивляюсь отвагѣ мысли гр. Толстаго. Онъ не задумавшись освобождается отъ преданій нашей моды и воспитанія; онъ твердо и сразу сталъ обѣими ногами на точку зрѣнія совершенно самобытную и, пожалуй, рискованную. Это не обыденное міросозерцаніе, сдѣлавшееся догматомъ всѣхъ людей, образованных на извѣстный ладъ; здѣсь нѣтъ обычныхъ героевъ, всесторонне развитыхъ, съ университетскимъ образованіемъ, нѣтъ современно-настроенныхъ женщинъ, измѣняющихъ мужьямъ по принципу. У гр. Толстаго *для вина новаго взяты мѣхи новые*, чего еще не сдѣлалъ до него ни одинъ изъ нашихъ писателей. Гр. Толстой понялъ, что изъ сферы, болѣе или менѣе искусственной, не выйдетъ безыскусственный, чисто-почвенный человѣкъ, какиихъ Болгаръ не выбирай для этого. Отличіе всѣхъ вообще взглядовъ гр. Толстаго, какъ педагогическихъ, такъ и социальных—это, какъ мы уже неразъ говорили, проведеніе ихъ до крайности; онъ всегда старается дойти до того мѣста, *идь бабы бѣлые на небо вьшаютъ*, всякій другой горизонтъ его не удовлетворяетъ. Ему вужна была природа, и онъ черпнулъ ее полнымъ ковшомъ въ самое живое, со всего размаху своей руки; и изъ его руки за то дѣйствительно полилась природа, а не иллюминированныя картиночки. Этою вѣрностью себѣ онъ, мнѣ кажется, стоитъ выше Руссо, къ которому вообще близокъ по общей тенденціи. Руссо тоже ненавидѣлъ и отвергалъ цивилизацію; онъ взывалъ къ золотому вѣку простоты и младенчества и сочинилъ себѣ этотъ золотой вѣкъ, произвольно замѣсивъ его на одномъ чувствѣ любви и братства.

Гр. Толстой, конечно, не могъ впасть въ ту же ошибку. Онъ—человѣкъ XIX вѣка, то-есть реалистъ, человѣкъ русскій, а главное—большой художникъ. Его взгляды поэтому выразились въ реальныхъ и живыхъ образахъ. Явленія цивилизаціи, при настоящемъ его настроеніи, ему показались искусственными, беззаконными, глупыми и вредными. Отвѣтственность за эти взгляды пусть

береть онъ на себя: какъ художникъ, онъ имѣеть право воспроизводить все, что считаетъ достойнымъ своего вдохновенія. Онъ здѣсь не педагогъ, не законодатель, чтобы мы имѣли право требовать у него отчета въ его воззрѣнїяхъ. Это все равно, что осудить Канову за нехристіанскій сюжетъ его статуи. Однако, критики наши сдѣлали съ романомъ графа Толстаго совершенно то же самое; съ катихизисомъ въ рукахъ доказывали, что нимфы—языческія существа, и что поклоняться имъ — большой грѣхъ. Жизнь кабана и буйволицы показалась графу Толстому отрадіе и выше жизни какихъ-нибудь губернскихъ барышень. И онъ съ чистотою душевною, съ прямою древнихъ германцевъ, шлетъ на вашихъ франтовъ и барышень и указываетъ намъ на Ерошку, говорящаго кабана, на Марьянку — красивую, молоденькую буйволицу съ горячими глазами. Онъ не прятется за преувеличенїями и украсенїями, не пытается дѣлать никакихъ натяжекъ. *«Человѣкъ есмь, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо»* у него просто на-просто передѣлывается въ *«скотъ есмь и ничто скотское мнѣ не чуждо»*; и этотъ зоологическій языкъ, графъ Л. Толстой откровенно прибавляетъ надъ главнымъ входомъ своего ромара, чтобы всѣ сразу видѣли — кто живетъ и какъ живетъ. Мы кончаемъ здѣсь свои замѣтки на романъ графа Толстаго.

Мы отнесли къ роману, какъ и слѣдовало, кажется, съ чисто-художественной точки зрѣнія, почти отрѣшившись отъ постороннихъ мыслей, возбуждаемыхъ этимъ прекраснымъ художественнымъ произведенїемъ. Но мы не хотѣли бы дать читателю поводъ думать, будто авторъ этихъ замѣтокъ самъ принадлежитъ къ партіи людей, озлобленныхъ на цивилизацію, возвышающихъ простой бытъ и простой народъ на пьедесталъ храма. Горячо сочувствуя поэтическимъ изображенїямъ простой жизни, съ которою насъ знакомить графъ Толстой; искренно отвращаясь отъ многихъ и несомнѣнныхъ свернѣ цивилизованнаго общества, въ которыя онъ бросаетъ заслуженною грязью—авторъ настоящей статьи все-таки имѣеть на народъ и на цивилизацію совсѣмъ не тѣ взгляды, которыхъ краснорѣчивымъ истолкователемъ явился графъ Толстой, сначала въ журналѣ «Ясная Поляна», потомъ въ своемъ романѣ «Казакъ».

Во всякомъ случаѣ, я считаю весьма умѣстнымъ, въ интересѣ этого неостывшаго еще вопроса, остановить теперь на немъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ вниманіе читателя.

Нижеслѣдующія строки будутъ такимъ образомъ какъ-бы дополненїемъ къ разбору романа графа Толстаго, хотя дополненїемъ нисколько не художественнаго характера.

б) *Цивилизація и лоно природы.*

Въ разныя минуты, подъ вліяніемъ различныхъ оболещеній и разочарованій, совершенно различно приходится глядѣть на простое сословіе почти каждому изъ насъ. Но если отдѣлиться отъ иллюзіи обоего сорта, отъ оптимическихъ надеждъ одной минуты такъ же какъ отъ ипохондрическаго недовѣрія другой и вывести среднее краткое изъ всѣхъ наблюденій нашей жизни, то нашъ личный взглядъ на этотъ предметъ получить совершенную опредѣленность. Мы вообще стоимъ сильно противъ того распространеннаго мнѣнія, будто простой народъ есть какое-то священное, великое существо, полное неисчерпаемыхъ затратокъ силъ и здоровья, не только въ физическомъ, но и въ духовномъ смыслѣ. По моему, это—или чистѣйшая риторика, или извѣстный приемъ моралистовъ, отлично знакомый еще древнимъ вѣкамъ. Тацитъ восхвалялъ суровыхъ добродѣтели дикаго германца, чтобы преподать правоученье современному римлянину, изнѣженному и обезсиленному благами цивилизаціи; безыскусственная до величайшей искусственности, жизнь руссовскихъ героевъ имѣла то же значеніе противодіянія для современныхъ ему обычаевъ. Этотъ маневръ хорошо всѣмъ знакомъ, и я не думаю нисколько отвергать его пользу, даже необходимость, когда встрѣчается нужда освѣтить предметъ съ извѣстной стороны, слишкомъ пренебрегаемой или упущенной другими. Но эта адвокатская тактика, позволительная при отставаніи извѣстныхъ принциповъ, при полемической борьбѣ, дѣлается совершенно лишнею, часто вредною, если она начинается замѣнять собою всестороннее, безпристрастное пониманіе предмета. Являлись у насъ разные непрощенные просвѣтители народа, думавшіе осчастливить его грошовыми книжечками съ какимъ-то жованымъ медомъ; ну, понятно, всякій вправѣ былъ связанъ такимъ господамъ, что не сплзойти имъ надо до народа, а подняться, дорости до него. Но вѣдь нельзя же серьезно оставаться при такихъ вѣрованіяхъ. Вѣдь нельзя же не шутя быть убѣждену, будто служеніе народу есть какое-то богослуженіе, что къ нему надо готовить себя чуть не постомъ и молитвою. Всякая служба, или, если хотите говорить трагичнѣе—служеніе, требуетъ, конечно, извѣстной подготовки и серьезной работы; это—аксіома, вполне понятная; но только зачѣмъ же дѣлать такую эффектную разницу между нами самими и народомъ?

Не понимаю, въ чемъ будетъ эта высота и мистичность народной массы, если отбросить риторическія прикрасы: народъ есть собраніе мужиковъ, бабъ, солдатъ и т. п. Чтò есть въ мужикѣ

и бабѣ, то только и есть въ народѣ—ни одной единицей ни менѣе, ни болѣе; народъ собственно есть отвлеченіе, общій законъ для множества частныхъ случаевъ. Лѣсъ не пріобрѣтаетъ ни одного качества, которымъ бы не владѣли въ отдѣльности каждая береза, липа или дубъ; одно дерево задерживаетъ около себя золотникъ влаги, цѣлый лѣсъ—милліоны золотниковъ, одно дерево уроетъ отъ дождя и солнца двухъ человекъ, цѣлый лѣсъ—тысячи. Вся разница въ количествѣ, та же, что между числомъ и суммою чиселъ; количество, конечно, имѣетъ своего рода силу, свойственную ему именно какъ количеству: море и лѣсъ производятъ не то впечатлѣніе, какъ лужа и дерево; дѣйствительно, народъ въ этомъ смыслѣ тоже вселяетъ особенное чувство: чувствуешь, что это скопленіе единичныхъ силъ громадно, иногда страшно, что для удовольворенія его, также какъ для сопротивленія ему, нужны громадные средства. Но вѣдь такое чувство производятъ каждая масса, все, что имѣетъ силу тяжести, что можетъ раздавить, снести и потоить.

Тутъ нѣтъ доказательства нравственной высоты, мистическаго величія. Можно ли уважать массу, благоговѣть передъ нею? Вспомнимъ, какія ея свойства — они всякому давно знакомы и всѣми давно оцѣнены. Стоитъ одному злонамѣренному плуту пустить нелѣпный слухъ во вредъ чему нибудь или кому нибудь—масса поднимается, какъ волны потопа, и громить неповинную голову своимъ звѣрскимъ правосудіемъ: масса судитъ именно какъ дикій звѣрь: ни распроса, ни разъясненія, никакой осторожности, никакой отсрочки, одна яростная вспышка—и жертва растерзана, затоптана, брошена въ огонь или въ воду. И судъ, и казнь одинаково животныя; но они дѣйствительно страшны, и ихъ нельзя упускать изъ виду. Руководящее чувство толпы не безъ причины называется инстинктомъ; инстинктъ темень и слѣпъ, представляетъ въ органической жизни что-то механическое, роковое; его движенія своею необузданностью и тяжестью напоминаютъ прибой морской, гдѣ сѣдья, бессмысленныя волны, безъ конца и безъ счета, встаютъ однѣ надъ другими и лѣзутъ все въ одну сторону, все съ тою же силою и яростью, бьютъ одинаково и въ неподвижныя скалы, и въ погибающаго безъ помощи человекѣа, и въ грудь корабля, и въ желѣзные устон маяка. Двинулъ ихъ вѣтеръ—и онѣ пошли работать. Древніе нашли для такой нелѣпой, но ужасной силы очень характерный образъ въ лицѣ сторукаго титана Бриорея, одинаково страшнаго богамъ и людямъ. По крайней мѣрѣ, на меня масса народа производитъ всегда какое-то стихійное впечатлѣніе, въ которомъ менѣе всего уваженія и болѣе всего ужаса. Но есть, однако, сила выше этой

громоздкой и неуклюжей мончи, которую можно измѣрить динамометромъ и взвѣсить на терезахъ. Одно *зерно горушное* той другой, тонкой силы колышетъ и двигаетъ эту инертивную громаду; оттого, несмотря на свои дюжие мускулы и свое огромное число, масса находится въ постоянномъ рабствѣ. Въ массѣ народа, какъ въ слоѣ жирнаго чернозема, разрастаются и обильно питаются вѣтвистые корни суевѣрій всѣхъ сортовъ: религіозныхъ, политическихъ, научныхъ и общественныхъ. Масса, какъ гнилая трясина, втягиваетъ въ себя все, что стремится вылѣзти выше ея поверхности: всякій талантъ, всякую силу, недовольную косненіемъ въ грязи и вѣчно одинаковымъ уровнемъ—вотъ свойства массы: пусть благоговѣютъ передъ ними тѣ, кому нравятся эти свойства; изъ многихъ несправедливыхъ пословицъ, можетъ быть, самая несправедливая та, которая называетъ гласъ народа гласомъ божимъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно понимаютъ. И такъ народъ, какъ собраніе множества единицъ, не имѣетъ въ нашихъ глазахъ никакого новаго свойства, достойнаго уваженія.

Единицы же, составляющія народъ, то-есть мужикъ, солдатъ, баба и пр., со всѣми ихъ достоинствами, стоятъ все-таки ниже образованнаго сословія со всѣми его недостатками, какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи, что бы на этотъ счетъ ни думали сторонники гр. Толстаго и Ж.-Ж. Руссо. Для насъ давно разрѣшенъ вопросъ о золотомъ вѣкѣ, о патриархальномъ бытѣ, о добродѣтеляхъ первобытной жизни *въ лоно природы*. Чѣмъ дальше отъ этой Аркадіи, тѣмъ лучше. Мы, какъ видѣлъ читатель, ни сколько не ослаблены насчетъ благъ образованія, мы сами съ извѣстной стороны не прочь поворчатъ на *тиль цивилизации*; но если дѣло пойдетъ о такъ называемомъ *погруженіи въ лоно природы*, о возрожденіи въ эту новую, свѣжую жизнь, то—слуга покорный!—мы безъ малѣйшихъ колебаній остаемся при нашей старой гнили.

Въ послѣднее время намъ часто бросали въ глаза здравость ума и практическую сметливость русскаго простолюдина.

Передъ желчною фигурою рефлектера, болѣзненно ищущаго разъясненія вѣчнымъ загадкамъ жизни, мучающагося надъ обобщеніемъ и осмысленіемъ всякой случайной нескладицы, бесплодно тратящаго свой вѣкъ въ борьбѣ съ химерами—передъ всею этою жалкою толпою надтреснутыхъ и лишнихъ людей, какимъ мощнымъ и жизненнымъ типомъ долженъ показаться какойнибудь русскій мужичокъ намъ. Отовсюду стѣсняютъ его разныя тяжелыя невзгоды, но онъ не опускаетъ рукъ; бодро, трезво и смело борется съ живнiю; онъ постигъ ее своимъ вѣрнымъ,

реальнымъ взглядомъ, не заносится въ заоблачное царство, но умѣетъ зато выносить бѣду на плечахъ и потомъ добывать все, что ему нужно.

Думали этимъ сопоставленіемъ уличить цивилизацію въ бесплодность. Но насъ, по крайней мѣрѣ, этижъ не соблазнишь въ *лоно народа*. Мы понимаемъ не хуже другихъ, въ чемъ вредная и смѣшная сторона упомянутого болѣзненнаго типа; но все-таки не обмѣняемъ его на реалистовъ, борящихся съ природою. Впервые, въ этомъ сопоставленіи бываетъ фальшь; потому что изъ одного лагеря берутъ слабѣйшихъ, изъ другого—сильнѣйшихъ представителей и устриваютъ между ними самый незаконный поединокъ. Вовторыхъ, даже и эти слабѣйшіе носить на челѣ своемъ нѣчто, что заставляетъ меня считать ихъ нѣсколько высшими существами, чѣмъ ихъ противники. Таинственная печать, свидѣтельствующая о *помазаніи ихъ духомъ*, состоитъ въ томъ именно, что эти люди умѣютъ думать о томъ, что не связано прямо съ ихъ организмомъ, о далекомъ и о чужомъ, о быломъ и о грядущемъ, о незримомъ и неосязаемомъ. Ихъ силы часто слабы, пользы отъ нихъ часто мало бываетъ, но ихъ жизнь имѣетъ нѣсколько новыхъ, лишнихъ элементовъ, много простора, широты и свободы. Ихъ существованіе не въ такой тѣсной зависимости отъ влочья земли, на которомъ нога стоитъ, отъ того горизонта, который ихъ окружаетъ въ данному минуту.

Божество, вдохновляющее ихъ, дало имъ во власть своего рода коверъ-самолетъ, на которомъ они умѣютъ моря перелетать и быть въ разныхъ мѣстахъ—дорогое свойство, котораго не имѣетъ бобръ и муравей, въ ихъ терпѣливой борьбѣ съ природою и при ихъ реальномъ возрѣніи на жизнь. Человѣкъ, конечно, не родной братъ обезьяны, но мнѣ все-таки чудится, будто самая рѣзкая грань между ними лежитъ именно тамъ, гдѣ начинается рядъ *мишихъ людей*. Какъ-то такъ твердо вѣришь, что ничего подобнаго не можешь найти ни у антропоморфной обезьяны, ни у мудреца-слона, ни у бобра-архитектора. А съ другой стороны нельзя не признать великой реальности и великой практической сметливости всѣхъ этихъ, и сотни другихъ уважаемыхъ мамиферовъ. Владимся въ большія подробности, укажемъ на главнѣйшія явленія и свойства простонародной жизни, разберемъ—въ чемъ ихъ высота и преимущество? Что такое умъ мужика? или, лучше сказать, на что обращается этотъ умъ? Поле дѣйствія и результаты его работъ очень ограниченны: сбить свое гнѣздо, окопать его, отгородиться отъ другихъ, натаскать туда всякой всячины, скупо давать и побольше запрашивать, копать, а не мытарить—вотъ вся его незатѣйливая теорія. Все

о себѣ, о своей избѣ, о своей бабѣ, да о своей телушкѣ. Болѣе либеральной точки зрѣнія онъ почти никогда не знаетъ; свою маленькую цѣль онъ умѣетъ, конечно, преслѣдовать; онъ скитрится, спроеетъ, обманетъ, даже побожится даромъ — всѣ говорить тогда: уменъ, шельма, его не проведешь; а того, кто привыкъ вѣрить словамъ и клятвѣ, безспорно проведешь; онъ, значитъ, глупъ; баринъ глупъ, думаетъ извощикъ, когда заломить десятую, побожившись, что въ убытокъ себѣ беретъ, а ему вѣрить какойнибудь заѣзжий человекъ, незнающій ни расстоянія, ни цѣль.

Лисица умѣетъ притвориться мертвою, чтобы зарѣзать курицу; но значить ли это, чтобы она была дѣйствительно умна? Точно такъ же и другія практическія стороны крестьянина: онъ сметливъ только въ томъ, что привыкъ дѣлать спокойнѣе; какъ ему не быть специалистомъ въ своемъ безхитростномъ хозяйствѣ, которое есть буквально вся его жизнь. Шести лѣтъ, ужъ онъ телятъ стережетъ, и не выходя изъ люльки, бываетъ окруженъ всѣми атрибутами своей будущей дѣятельности. И лошадь, и корова, и соха, и коса дѣлаются наконецъ такъ же знакомыми, какъ пальцы своихъ собственныхъ рукъ; не желая все поймешь, всему научишься. Кромѣ того, съ кровью отца и матери, переходить племенная способность работы; вѣдь и лагавые щенки порядочной породы, сами дѣлаютъ стойку; неужели же качества мужика, успѣвшія такъ окрѣпнуть и выясниться въ теченіе многихъ вѣковъ, не сообщаются поколѣнною передачею отъ отца къ дѣтямъ? И что же? при всѣхъ этихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, мужикъ почти неподвиженъ въ своемъ однообразномъ промыслѣ. Вѣка проходятъ безъ замѣтнаго услѣха въ его хозяйственныхъ познаніяхъ и удобствахъ его жизни. Личнаго опыта у мужика очень мало, его едва достаетъ на подтвержденіе старыхъ вѣрованій, а для новыхъ выводовъ крупицы насилу собираются; въ Россіи, народъ до сихъ поръ стоитъ на точкѣ зрѣнія старинныхъ книгъ и пѣсенъ, и все почти старое ему по плечу; какъ-то медленно вырастаетъ онъ изъ ребяческаго кафтана своего. Онъ мыслить, и знаетъ не единично, а всею массою; тому только довѣряетъ, что всѣ одобрили. Не нами міръ начался; отецъ наши не глупѣе насъ; старики не то говорятъ; какъ люди, такъ и мы; на людяхъ смерть красна—много у народа подобныхъ пословицъ, (*) и съ другой стороны, эти же пословицы озна-

(*) На нихъ хранятся и великія консервативныя силы народа, получавшія государственное значеніе во время «штанія земли», какъ это случилось въ 1612, 1612 годахъ.

чаютъ: недовѣріе въ личному опыту, страхъ остаться безъ поддержки массы, страхъ полной свободы и собственной отвѣтственности. Лошади—умныя животныя, но онѣ вдвое охотнѣе бѣгутъ другъ за дружкой, и даже стараются попасть въ слѣды передовыхъ копытъ. Овцы даже въ оврагъ и въ рѣку всѣ попрыгають, если какой-нибудь изъ нихъ вдругъ на умъ взбредеть такой прыжокъ. Все это, стало быть—свойства вполне животныя, объясняемыя недостаткомъ индивидуальныхъ умственныхъ силъ—недостаткомъ, который поневолѣ долженъ вознаградиться хоть количествомъ самихъ индивидуумовъ.

Вспомните, какъ упирается мужикъ противъ всякаго нововведенія, какъ онъ чувствуетъ себя потеряннѣмъ въ незнакомой ему сферѣ, гдѣ нѣтъ сзади его антеседентовъ старинныя, а впереди не видно слѣда другихъ копытъ. И картофель, и молотильную машину, и желѣзную дорогу, и всякое полезное новое изобрѣтеніе онъ встрѣчаетъ одинаково упорною враждою. Многіе говорятъ, что это похвально, что въ этомъ видна крѣпость и благоразуміе народа, который не бросается какъ ребѣнокъ на всякую новинку, а недовѣрчиво анализируетъ и долго испытываетъ ее. Это было бы такъ, еслибы мы не знали нити, руководящей его скептицизмомъ. Но мы видимъ ежедневно, какъ слѣпа и неразумна бываетъ осторожность народа: онъ часто не узнаетъ своихъ друзей, и еще чаще принимаетъ за благодѣтелей своихъ — злодѣевъ; не разъ казнилъ онъ враговъ своихъ губителей, а ихъ самихъ съ торжествомъ выносилъ на вѣсѣхъ. Все оттого, что имъ руководитъ валовой приговоръ старинныя и толпы, что его темному истинниту недостаетъ той тонкой наблюдательности, которая оцѣниваетъ малѣйшіе полутоны предмета, и которая умѣетъ проникать нѣсколько глубже наружной оболочки. Баринъ нагналъ когда-то страху — вотъ и щетинится теперь мужикъ противъ всего, что на барина похоже, и ни за что не повѣритъ, чтобы кто-нибудь, одѣтый погосподски, желалъ ему добра, какихъ очевидныхъ доказательствъ ни дадите ему. «Изстари такъ велось, что господа нашего брата обижали, да и люди всѣ то же говорятъ», думаетъ мужикъ. Изстари вѣрили ворожеямъ да знахарямъ кладовъ, и теперь тоже люди вѣрятъ — и вотъ нашъ сметливый, недовѣрчивый мужичокъ дуракъ-дуракомъ — раскошеливается для шарлатана, не знаетъ, подъ какими образами усадить его, какими пирогами угощать; морочить его солдаты свазвами, баба — зельями, вотъ уже который вѣкъ. На глазахъ обманъ раскрывается, отъ лекарей — наповалъ люди умирають, клада нѣто ни за какія деньги не сыщеть — а вѣдь не сомнѣвается до сихъ поръ ни въ чемъ русскій мужичокъ. До сихъ поръ, вотъ уже больше ти-

сичи лѣтъ, все собѣ вѣрять въ домового да въ лѣшаго, словно съ нимъ каждый годъ дѣтей крестить. Нѣтъ, русскій человекъ не совсѣмъ скептикъ; напротивъ того, его вѣра сильна и дѣвственна, только вѣрять онъ, какъ и мыслить, повалкой, цѣлымъ стадомъ. Итакъ, нельзя не сознаться, что робокъ и узокъ умъ русскаго мужика; и не только узокъ — онъ крайне грубъ, матеріаленъ; въ народныхъ пословицахъ хорошо выразилась вся его эгоистическая практическая философія. Жестка она для бѣдняка, и нѣтъ въ ней слова состраданія слабому; богатый лучше бѣднаго, здоровый лучше больнаго, сытый лучше голоднаго, мужикъ лучше бабы — глубже вниканій никакихъ нѣтъ. Нанялся — продался! жена — такъ повинуйся! — вотъ и всѣ общественныя отношенія; протеста нѣтъ. Педагогія простая — сѣки ребѣнка, пока поперегъ лавки уложишь; за битаго тебѣ двухъ небитыхъ дадутъ; жему держи въ страхъ; разуму учи — разумѣтся, палкой. На нашихъ изслѣдователей народной жизни ни ссылаетесь, у всѣхъ можно отыскать тѣ же выводы, различнымъ образомъ замаскированные. Чтобы взять примѣры изъ образчиковъ нашей литературы, пробѣжите статьи журнала народной педагогіи — *Ясной Полыи*; прочтите не только циническіе портреты Успенскаго, но даже Тургенева, выразившаго одни лучшіе моменты народной жизни, берите наконецъ иностранцевъ — Рила, Вертольда Ауэрбаха — всѣхъ, кромѣ писателей и особенно писательницъ à la Ж.-Зандъ. Все убѣждаетъ въ одномъ и томъ же. Скажутъ, что всѣми этими свойствами надѣлено не одно простое сословіе. Безъ всякаго сомнѣнія; я вообще не понимаю, какъ можно разграничивать рѣзко образованное сословіе съ простымъ, особенно у насъ въ Россіи. Я не сомнѣваюсь, что мы, образованные, страдаемъ многими недостатками нашего простонародья, и еще нѣкоторыми собственными, исключительно намъ принадлежащими, недостатками. Много посредствующихъ классовъ и степеней связываетъ насъ съ народомъ: путемъ купечества, разнообразнаго чиновничества и духовенства, народъ постоянно изливается въ бассейнъ образованнаго класса. Все, очень сильное или очень счастливое изъ среды его, хотя съ борьбою, однако успѣваетъ выдѣлиться, и принять высшую сторону существованія; большинство такихъ остается на промежуточныхъ путяхъ, небольшой процентъ достигаетъ и передоваго ряда. Это — своего рода химическій растворъ: одно и то же вещество въ разныхъ формахъ: внизу маточный растворъ, еще сырой, неочищенный, наверху кристаллы въ различной степени кристаллизаціи; едва начатыя и неоконченныя, немногіе совершенно готовыя. Изъ раствора можетъ произойти современемъ прозрачный, сверкающій кристаллъ, этимъ дорогъ

растворъ, но въ настоящую минуту никому въ голову не приходитъ наслаждаться имъ больше, чѣмъ готовымъ кристалломъ. Въ этомъ только смыслъ и надо понимать свѣжесть и силу простого народа, о которой такъ часто говорятъ; онъ представляетъ изъ себя постоянный подвозъ матеріала, изъ котораго фабрикуются высшіе продукты; онъ есть только известное, первобытное состояніе вещества, принимающаго разнообразныя формы; онъ дѣйствительно обновляетъ историческую жизнь своими соками, потому что безъ прилива новыхъ матеріаловъ, скоро иссякаетъ всякая жизнь. Оттого гнило бываетъ общество, неопирающееся на народъ, раздѣленное несокрушимыми перегородками кастъ. Этимъ общеизвестнымъ, стереотипнымъ выводомъ можетъ, мнѣ кажется, устраниваться всякое сомнѣніе при сравненіи образованнаго класса съ простымъ.

Реакція противъ рефлектерства и надтреснутыхъ людей съ нѣкотораго времени ударила въ страшную крайность. Занятія, прежде высоко цѣнимыя, тяжелыя думы и сомнѣнія, внутреннюю выработку себя—все это стали называть пустою вознею съ собственною фантазією, вредною тратой времени. Пахать надо, въ навозѣ возиться, серьезно говорили люди, разочарованные своею спиритуальною жизнью. Дѣла настоящаго столько кругомъ надо дѣлать, а мы тамъ раскапываемъ у себя въ душѣ каждый наривъ и философствуемъ надъ нимъ изъ бездѣлья. Что до разочарованья и до реакціи—ихъ законы всѣмъ хорошо известны, и ихъ оправданіе совершенно органическое; объѣсться всѣмъ можно и отъ всего отвращеніе почувствовать, но вѣдь такимъ болѣзненнымъ отвращеніемъ не убѣдишь другихъ, что сахаръ горекъ. Наше дѣло, то-есть дѣло людей умѣренныхъ и воздержанныхъ—отбивать скорбныя нападки на просвѣщеніе господъ, имѣющихъ привычку объѣдаться просвѣщеніемъ или по излишней своей жадности, или по малообъемистости желудковъ. Они правы, какъ правъ больной, имѣющій бредъ или стѣсненіе въ груди; это право ихъ, стало быть, не мѣшаетъ намъ возстановить предметы, разсматриваемыя ими патологически, въ ихъ физиологическомъ состояніи.

Къ какому дѣлу призываютъ насъ? Къ хозяйству, конечно, къ огороду, полю, скотному двору. Это—настоящая жизнь, не изобрѣтенная, не мечтательная, единственно имѣющая оправданіе въ самой себѣ, думаютъ многіе. Мы, съ своей стороны, очень любимъ простоту деревенской жизни съ ея трезвыми заботами и почитаемъ весьма благороднымъ сельскій трудъ въ потѣ лица. Поэты, государственные люди, великіе мыслители, всѣ издавна стремились отдохнуть отъ суеты цивилизаціи гдѣ нибудь на лонѣ

природы *sub tegmine fagi*. Цинцинатовъ плугъ, Моунт-Вернонскія плантаціи Вашингтона, спаржа графа Кавура—все это для насъ и очень понятно, и очень симпатично. Мало того, мы почитаемъ такого рода работы весьма полезными для правильнаго развитія характера и прямоты ума, для физическаго столько же, сколько для нравственнаго и умственнаго здоровья человѣка. Сдерживая въ реальныхъ границахъ фантазію, сообщая головѣ и рукѣ положительность, приучая духъ къ сдержанности, смиренію и простымъ наслажденіямъ, практическая жизнь хозяина служить прекраснымъ противовѣсомъ жизни исключительно книжной, мыслящей, мечтающей. Но, дѣйствительно, хороша такая жизнь только тогда, когда человѣкъ побывалъ уже въ иномъ горнилѣ и въ немъ получилъ высокую способность понимать природу и прелесть труда для труда; когда его работа перестаетъ быть однимъ невзбѣжнымъ слѣдствіемъ роковой нужды, безустанною, безотрадною, незнающею оглядки и размышленія. Есть работа свободнаго человѣка, и есть работа раба; бѣдность и необразованіе — бесспорно рабство; и работа при этихъ рабскихъ условіяхъ никого не возвыситъ, а всякаго задавитъ; кто попалъ подъ этотъ жребій — тѣ задавлены; имъ странно завидовать, и еще странно звать счастливыми людей въ ихъ несчастные ряды. Поэтому я считаю вполне ложными мнѣнія многихъ о томъ, будто соха, коса и топоръ сообщаютъ цѣльность и свѣжесть натурѣ. Все это сообщаетъ природа, когда ее умѣютъ понимать, и трудъ, когда онъ свободенъ. Незнаніе истиннаго быта крестьянъ заставляетъ многихъ писателей и мыслителей вкладывать въ ихъ душу понятія и наслажденія, которыя въ дѣйствительности имъ совершенно чужды.

Между тѣмъ вѣдь многихъ людей, особенно молодыхъ, очень смущаетъ распространяющееся мнѣніе, будто чисто-умственные труды, кабинетныя занятія, разработка искусствъ и наукъ не составляютъ настоящей жизни; многіе вѣрятъ, что дѣйствительно смѣшно изслѣдовать до тонкости какія нибудь причины возрожденія итальянской архитектуры XV столѣтія и не знать, какъ взяться за топоръ, какъ сложить копну, вообще не знать насущныхъ нуждъ жизни. За это они готовы поставить знаніе и развитіе мужика гораздо выше знаній образованнаго человѣка. Образованный человѣкъ представляется имъ тогда жалкимъ и безсильнымъ созданіемъ, неспособнымъ вывести прикосновенія дѣйствительной жизни, оранжерейнымъ растеніемъ, которое можетъ влечь свое чахлое прозябаніе только въ искусственной почвѣ книгъ и фантазій.

Дѣйствительно, такіе односторонніе и болѣзненно-развитые

люди далеко нежелательны; имъ слѣдовало бы имѣть болѣе реальности и практическихъ силъ, безъ которыхъ они словно мясо безъ костяного скелета. Но дѣло въ томъ, что эта уродливость зависитъ вовсе не отъ сущности нашего образованія, а отъ его искаженія; не отъ избытка, а отъ крайняго недостатка его.

Наше образованіе имѣетъ, напротивъ, чрезвычайно много практическихъ элементовъ, такъ много, что вся практичность необразованныхъ классовъ окажется ничтожною въ сравненіи съ ними. Химики и физики наши — наши талантливые устроители орудій и машинъ всевозможнаго рода, изслѣдователи морскихъ глубинъ и полярныхъ льдовъ, безстрашные странствователи по Замбери и Нигеру, разнообразныя извлекатели чудныхъ продуктовъ изъ самыхъ простыхъ вещей, творцы желѣзныхъ кораблей, хрустальныхъ дворцовъ, мостовъ черезъ море, гениальные хирурги и медики — все это высшіе продукты образованія, и все это, безъ сомнѣнія, исполнено громадной практичности. Пусть станетъ передъ этою бездною гениальныхъ приобрѣтеній и гениальныхъ силъ — восхваляемый «Ясною Полянью», и другими друзьями народа великій практикъ — сѣрый мужичокъ съ его вѣрою въ ляхманку, съ двѣнадцатью дочерьми, съ его сохомъ, которою Церера пахала Грецію, и съ его курною избою подъ навозною крышей, въ которой ему десять вѣковъ все попрежнему хочется, «чтобы изба жильемъ пахла».

Оглянитесь назадъ, въ исторію: Андрей Первозванный, говорить, засталъ на Руси квась и паренъ въ баняхъ; прошло 1800 лѣтъ — и все-таки у русскаго мужичка только и есть добраго, что квась да субботняя баня въ печи, да изба «попрежнему жильемъ пахнетъ».

Надо просто не умѣть видѣть кругомъ себя, чтобы отсылать учиться практичности у необразованія. Практичность есть неизбежное условіе существованія всякой силы, слѣдовательно à priori можно бы было сказать, что образованіе самое высокое не можетъ быть лишено практичности. Люди поверхностные или очень увлеченные ошиблись оттого, что взглянули на практичность слишкомъ односторонне; имъ кажется, что натуралистъ, философъ, артистъ, чиновникъ — оттого непрактики, что судятъ въ кабинетѣ, пишутъ и читаютъ книги и не умѣютъ запретъ коренника въ оглобли. Да зачѣмъ же мнѣ умѣть запрягать? Зачѣмъ мнѣ знать косьбу, молотьбу и т. н. практическія завітія? Неполѣнное и личное мое развитіе поставили меня въ такое положеніе, что я за одинаковый трудъ могу получать болѣе вознагражденія и на это вознагражденіе заставлять другихъ запрягать, косить и молотить. Еслибы я зналъ всѣ эти вещи, для

меня бы, конечно, было лучше: менѣ бы меня надували, и я бы имѣлъ болѣе увѣренности въ себѣ; чѣмъ больше знаній, тѣмъ человекъ богаче; но необходимости особенной въ этомъ разнобразіи никакой нѣтъ; нужны исключительныя силы, чтобы хорошо овладѣть многими знаніями; обыкновенныя силы должны лучше стремиться къ полному усвоенію какого-нибудь одного; это будетъ выгоднѣе и для себя, и для общества. Цивилизованное общество такъ искусно устроено въ экономическомъ отношеніи, что если я оставляю ему однѣ только пуговицы на его куртку или однѣ подошвы къ башмакамъ его—я могу быть увѣренъ, что оно поставитъ мнѣ за это и домъ, и пищу, и желѣзную дорогу, и войско для моей охраны, и судъ для моей защиты, что оно привезетъ для моего выбора товаровъ со всего свѣта, напишетъ для меня тысячи книгъ о всевозможныхъ предметахъ—однимъ словомъ, одѣнетъ, накормитъ, согрѣетъ и повеселитъ меня. Въ этомъ заключается чудесная тайна и безцѣнная заслуга такъ-называемаго раздѣленія труда; это—рычагъ, превосходящій несравненно всѣ механическіе рычаги, потому что его помощью каждая частичная сила увеличивается не въ сотни, а въ милліоны милліоновъ разъ.

Было время, когда требованія были другія, когда раздѣленія труда почти не существовало—тогда и люди, примѣняясь къ установленному порядку, дѣйствовали иначе. Только образованный классъ народа былъ всегда впереди, потому что образованіе и сила—синонимы, а все болѣе сильное неминуемо становилось на первомъ планѣ. Въ гомерическія времена, напримѣръ, образованіе состояло почти исключительно въ физическомъ развитіи тѣла, въ храбрости, силѣ и ловкости; при этомъ требовалось соблюденіе только нѣкоторыхъ грубыхъ и простыхъ правилъ нравственности. Очевидно, что общество еще не дошло тогда до высшихъ сферъ жизни и не на столько побѣдило внѣшнюю природу, чтобы предаться спокойной разработкѣ ея. И вотъ мы видимъ, что цари Гомера—лучшіе укротители коней, лучшіе кормчіе на кораблѣ, лучше другихъ метаютъ дротины и направляютъ колесницы; даже ростомъ и вѣсомъ своимъ тогдашній благородный классъ народа отличается отъ толпы.

Теперь прошла прежняя надобность въ физическихъ доблестяхъ; общество устроилось и умирилось; выдумали порохъ, укрѣпили законъ, и вотъ лучшія силы общества обратились въ другія сферы, болѣе важныя для настоящаго времени. Еслибы преимущественную историческую роль въ XIX столѣтіи играли занятія крестьянина, то, безъ малѣйшаго сомнѣнія, они бы тотчасъ очутились въ нашихъ рукахъ, то-есть въ рукахъ обра-

зованныхъ классовъ; то же было бы, и дѣйствительно было въ свое время, съ поприщемъ духовнымъ, военнымъ, узненнымъ и т. п.

Одинъ извѣстный народный писатель Германіи называетъ занятія искусствами и многія другія, непримѣнимыя прямо къ жизни занятія — именовъ: *pflichtloser Genuss*; цѣлая партія образованныхъ людей у насъ и въ Европѣ держится этого мнѣнія. Въ виду бѣдствій пролетариата, невѣжества массъ и др. трагическихъ явленій современнаго общества, этой партіи кажется, будто стыдно человѣку предаваться такимъ сибаритскимъ, гастрономическимъ занятіямъ, какъ занятія скульптурой, музыкой и т. п. *безобязательными наслажденіями.*

Эти люди, сами того не замѣчая, дѣлаются врагами общества. Они не умѣютъ смотрѣть на него, какъ на живой организмъ, въ которомъ, хотя каждый органъ функционируетъ сообразно своему характеру, но всѣ органы, безъ исключенія, служатъ общей жизни. Остановить дѣятельность высшихъ сторонъ человѣческаго духа на томъ основаніи, что массы еще неудовлетворены въ существенныхъ своихъ потребностяхъ — это все равно, что прекратить дѣятельность молодого мозга подъ тѣмъ предлогомъ, что не всѣ еще хрящи скелета успѣли окостенѣть. Постоянная отсталость высшаго сословія есть условіе его труда; это — органы первоначальной обработки и усвоенія грубой пищи, приходящей извнѣ; на тяжелой работѣ этихъ низшихъ членовъ организма, основывается возможность болѣе возвышенныхъ и благородныхъ работъ, единственно заслуживающихъ названіе человѣческихъ. Однако, человѣчество, надо прибавить къ нашему утѣшенію, есть не простой, вѣчно одинаковый организмъ, въ смыслѣ ученія браминовъ, а постоянно совершенствующійся собственной жизнью. Съ каждымъ годомъ увеличивается въ немъ число болѣе благородныхъ и, слѣдовательно, болѣе счастливыхъ органовъ. Исторія убѣждаетъ насъ, что образованіе, несмотря на постоянное обвиненіе его въ непрактичности, почти исключительно одно работало съ пользою для счастья человѣчества. Пусть люди, невдумавшіеся внимательно въ свойства и исторію образованія, въ дѣтской досадѣ своей на медленность прогресса и на неизбѣжныя язвы жизни, оскорбляютъ его клеветами и подозрѣніями. Эти ревнители деспотическаго и искусственнаго равенства, оттого уже не опасны для народа, что не въ силахъ заставить жизнь идти ихъ фальшивою колеєю, за которою могила человѣческаго развитія.

Евгеній Марковъ.

РУССКІЕ АГУНЫ.

ОЧЕРКИ.

—
VI.

СЕНТИМЕНТАЛЫ.

Чѣмъ человѣкъ можетъ лгать?... Тѣмъ же, чѣмъ и согрѣшать: словомъ, дѣломъ, помышленіемъ — да, помышленіемъ!... Человѣкъ можетъ думать, чувствовать не такъ, какъ свойственно его натурѣ. Карамзинъ, напримѣръ, былъ прекрасный писатель, но привилъ къ русскому человѣку совершенно несродный ему элементъ — сентиментальность!... Изъ любви мы можемъ зарѣзать, зарѣзаться, застрѣлить, застрѣлиться, но ходить по берегу ручья съ цвѣткомъ въ рукѣ и вздыхать — не станемъ! Въ самый ранній періодъ нашихъ историческихъ фантазій, мы мечтали объ Ильѣ-Муромцѣ, тридцать лѣтъ сиднемъ сидѣвшемъ и потомъ пошедшемъ шагать по божьему міру... У насъ дѣвушка, кинутая своимъ любовникомъ, поетъ:

«Изведу себя я не зельемъ и не снадобьемъ

«Изведу я горючими слезми.

Другая, любовница разбойника, говоритъ, что ей въ тюрьмѣ быть:

«А за то-ль, про то-ль,

«Что пятнадцать лѣтъ на разбой пошла.

«Я убила парня блокурова,

«Изъ груди его сердце вынула

«На ножъ сердце встрепенулося

«А я-ль млада усмѣхнулась!

Совсѣмъ ужъ мы не сентиментальный народъ: мы — или богатыри, или зубосканы.

Но въ нашемъ читающемъ обществѣ сентиментальность была. Самъ ядовитый Вигель — читатель, конечно, прочелъ его бойвія записки — былъ, сколько можно замѣтить, не чуждъ этого фальшиваго чувства. Прекраснымъ тогда всё восторгались. Франты того времени обожали даже это прекрасное въ себѣ подобичье, и это обожаніе, положительно можно сказать, шло въ нашемъ обществѣ рука объ руку съ сентиментальностью.

Выбранные мною экземпляры, кажется, довольно ярки и рельефны для выраженія того, что я хочу сказать.

Матушка моя, не знаю почему, всегда очень любила, чтобы я знакомился съ женщинами умными.

— Другъ мой, говорила она мнѣ, однажды, съ лукавой нѣжностью:— когда ты сдѣлаешь для меня это одолженіе и сдѣлаешь въ Доминикѣ Николаевнѣ!

Доминика Николаевна, дѣвица лѣтъ сорока-шести, была большая любительница читать книги и жила у себя въ усадьбѣ, по ея словамъ, какъ канарейка въ клеткѣ.

— Когда ты, помнишь, писалъ ко мнѣ твое милое, длинное письмо, продолжала матушка:— она была у меня, я при ней получила его и дала ей прочесть; читая его, она, безъ преувеличенія, заливалась слезами. «Дайте, говорить, мнѣ видѣть эту руку, которая начертала эти смѣлыя строки!»

Мнѣ въ это время было лѣтъ 18-ть. Я былъ студентъ и, дѣйствительно, въ этотъ годъ отмахалъ матушкѣ длиннѣйшее письмо, въ которомъ, между прочимъ, описывалъ Кремль и то, какъ царевна Софья Алексѣевна вывела передъ бунтующимъ народомъ царевичей Иоанна и Петра, и какъ Петръ при этомъ повернулъ на головѣ корону и сказалъ: «Какъ повернулъ я эту корону, такъ поверну и стрѣльцовъ!» Относительно душевнаго моего настроенія надо объяснить, что я въ это время былъ влюбленъ въ одну изъ жесточайшихъ моихъ кузинъ и жаждалъ имѣть другую женщину, съ которой могъ бы подѣлиться своими печальными мыслями. Доминика Николаевна, по всѣмъ тѣмъ представленіямъ, которыя я объ ней составилъ, могла, казалось мнѣ, быть такимъ другомъ. Она—дѣвушка умная, и по выраженію лица моего пойметъ, что волнуешь и терзаешь мою душу, спросить меня о томъ, и я ей скажу все, скрывать мнѣ нечего: чувства мои непреступны. Поѣхалъ я. Дорогою мечтательное мое настроеніе все больше и больше росло. Мнѣ представлялось уже, что я лежу тяжело больной у Доминики Николаевны и она тайкомъ прово-

дѣть ко мнѣ жестокою кузину, которая становится на колѣни передъ моею кроватью и умоляетъ меня возвратиться къ жизни.

— Поздно, говорю я ей слабымъ голосомъ:—это вы меня привели ко гробу.

Читатель, конечно, видитъ, что и въ моихъ мечтаніяхъ была значительная доля буколическаго.

Домикъ или клѣтка Доминики Николаевны начинался небольшимъ прирубнымъ, полуразвалившимся крылечкомъ. Я вошелъ по немъ. Въ передней встрѣтилъ меня старшій лакей, съ очками на носу и съ чулкомъ въ рукѣ.

— У себя Доминика Николаевна? спросилъ я его съ нѣкоторою строгостью, какъ вообще спрашиваютъ люди, когда пріѣзжаютъ туда, куда ихъ ждуть.

— Онѣ въ поле вышли-съ, сейчасъ придутъ, отвѣчалъ лакей.

Въ залѣ мнѣ первое бросилось въ глаза крашеное дерево съ жесткими крашеными листьями, по вѣткамъ котораго было разсажено огромное количество чучелокъ колибри. Дерево, какъ нарочно, стояло передъ открытымъ окномъ, изъ котораго видѣлись настоящія деревья и свѣтило лѣтнее солнце. Сопоставленіе этой поддѣльной Австраліи съ живою природою меня непріятно поразило; такъ и хотѣлось это мертвое дерево съ его мертвыми птичками вышвырнуть куда нибудь. По самой длинной стѣнѣ комнаты стояло открытое фортепьяно. На немъ развернуть былъ романсъ, изъ котораго я теперь только и помню два стиха:

«Что въ сердцѣ есть жестока страданья
«И тѣмъ я съ раннихъ лѣтъ безмолвно изнывалъ.

Мнѣ захотѣлось сѣсть. Я прошелъ въ гостиную. Тамъ вышивался огромный коверъ. Узоръ представлялъ поэтическаго Малек-Адела, отбивающагося отъ двухъ рыцарей. Искусства и старанія на вышиванье было употреблено пропасть: брови и усы сарацина, сверхъ шерстей, были даже, кажется, тронуты краскою; красный плащъ съ лѣваго плеча его спускался безконечными складками; конь отличался яростію и бѣшенствомъ, и особенно эффектно выставлялись двѣ его, слегка красноватая ноздри. Рыцари замѣчательны были своими наклоненными позами къ Малек-Аделю. По стѣнамъ гостиной развѣшаны были гравюры, изображающія пастушковъ и пастушекъ съ пасущимися стадами; мѣбель была не новая, но довольно мягкая; на свѣчахъ висѣли абажуры—все

это, если хотите, было довольно уютно, но черезчуръ ужъ какъ-то грязновато и отъ всего точно пахнуло какой-то сухой травой.

Послышался, наконецъ, шелестъ женскаго платья и женскій, нѣсколько дребезжащій голосъ.

— Очень, очень рада!

Доминику Николаевну предупѣдомили уже о моемъ прїѣздѣ. Она вошла въ гостиную, свернувши нѣсколько голову на бокъ; въ костлявыхъ рукахъ ея, заключенныхъ въ шелковыя à jour перчатки, она держала зонтикъ; на головѣ у ней была полевая соломенная шляпка. Какъ-бы въ прямое противорѣчїе этому гѣтнему костюму, къ щекѣ Доминики Николаевны была привязана ароматическая подушечка; кромѣ того, дѣлая мнѣ вниксенъ, она махнула подоломъ платья и обнаружила при этомъ, что была въ теплыхъ, шерстяныхъ ботинкахъ. Я, по тогдашней модѣ, подошелъ къ ней къ рукѣ. Она на это мнѣ поспѣшно сдернула съ руки перчатку à jour.

— Благодарю вашу матушку и васъ! сказала она, кидая на меня отчасти нѣжный и отчасти покровительственный взоръ.

— Усадемтесь, прибавила она въ заключеніе.

Усѣлись.

Доминика Николаевна нѣсколько времени осматривала меня съ головы до ногъ.

— Хорошо ли вы, впервыхъ, учитесь? спросила она.

Я обидѣлся.

— Хорошо-съ! процѣдилъ я сквозь зубы.

Доминика Николаевна закатила глаза вверхъ.

— Я читала ваше письмо: перо превосходное, мысли возвышенныя!

Я помирился нѣсколько съ ней.

— Вы застали меня, продолжала Доминика Николаевна съ глубокимъ вздохомъ:—убитую горемъ и болѣзнью...

Я молчалъ.

— Дмитрій Дмитричъ... вы, конечно, его знаете?

— Знаю-съ!

— Онъ получилъ еще новый ударъ отъ своихъ враговъ: его опять хотѣли посадить въ тюрьму.

Въ печальномъ выраженїи лица Доминики Николаевны была видна и насмѣшка, и грустное презрѣніе къ людямъ.

— Но, вѣроятно, онъ какъ нибудь избавится отъ этого, произнесъ я.

— Друзья его, конечно, не допустили; я вотъ это мое имѣніе заложила и внесла за него.

Дмитрій Дмитричъ, какъ всё это знали и чего она сама не скрывала, былъ другъ ея сердца.

— Вотъ вамъ всёмъ, молодымъ людямъ, продолжала она: — этотъ человекъ образецъ, который имѣеть всё достоинства.

Дмитрій Дмитричъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ много достоинствъ: всегда безуворизненно и по модѣ одѣтый, съ перетянутой, какъ у осы, таліей, съ тонкими, каштановыми и уже съ просѣдью усами и съ множествомъ колець на худощавыхъ рукахъ—Дмитрій Дмитричъ былъ сынъ какого-то важнаго генерал-аншефа. Воспитывалъ его французскій графъ, эмигрантъ, и передалъ впечатлительному мальчику всё свои добродѣтели и пороки. Сначала Дмитрій Дмитричъ служилъ въ гвардіи, танцевалъ очень много на балахъ, потомъ гулялъ на Невскомъ уже въ статской бекешѣ, и наконецъ, вдругъ, вслѣдствіе чего-то, высланъ изъ Петербурга съ обязательствомъ жить въ своей губерніи.

— По 14-му декабря замѣшанъ; говорили сначала про него таинственно.

Самъ Дмитрій Дмитричъ по этому поводу больше или отмалчивался, или дѣлалъ гримасу.

Всеразкрывающее время, впрочемъ, дало и нѣсколько другого рода толкованіе, и впоследствии, когда кто либо изъ пріѣзжихъ спрашивалъ какого нибудь туземца, за что Милинъ (фамилія Дмитрія Дмитрича) высланъ изъ столицъ?

— Высланъ-съ онъ... отвѣчалъ туземецъ — и если при этомъ была жена въ комнатѣ, онъ говорилъ ей: «вѣдь, душа моя!» Та выходила, туземецъ что-то такое тихо говорилъ пріѣзжему, тотъ дѣлалъ знакъ удивленія въ лицѣ.

— Неужели? восклицалъ онъ.

— Говорять! отвѣчалъ грустнымъ голосомъ хозяинъ.

Дмитрій Дмитричъ наслѣдовалъ послѣ отца хорошее состояніе, но къ несчастію имѣлъ два совершенно противоположныя качества: проживать деньги онъ зналъ тысячи миллионѣвъ способовъ, но наживать ихъ—ни одного; онъ даже въ карты игралъ только съ дамами, и то въ бостонъ, и то всегда проигрывалъ; а между тѣмъ онъ любилъ принять ванну съ дорогими духами, домъ у него уставленъ былъ превосходными, почти рѣдкими, растеніями... Дмитрій Дмитричъ былъ вполнѣ дамскій, а съ другой стороны и совершенно, пожалуй, недамскій кавалеръ. Для поправле-

нiя обстоятельство своихъ онъ могъ только занимать денегъ. Способъ этотъ и навлекъ ему впоследствии столько враговъ, о которыхъ упоминала Доминика Николаевна.

— Онъ у меня будетъ сегодня, вы его не узнаете; несчастiе сломило и этого могучаго человѣка, проговорила она.

Я очень хорошо понялъ, что съ Доминикой Николаевной можно только говорить объ ея собственныхъ чувствахъ, а потому, отложивъ всякую надежду побесѣдовать съ ней о кузинѣ, сталъ невыносимо скучать и молилъ Бога, чтобы, по крайней мѣрѣ, поскорѣй явился Дмитрiй Дмитричъ. Часовъ въ восемь онъ прiѣхалъ, развалился въ коляскѣ, на четверги какихъ-то клачь и тоже въ соломенной шляпѣ и лѣтнемъ пальто и башмакахъ.

Лицо Доминики Николаевны освѣтилось. Она пошла на встрѣчу Дмитрiю Дмитричу скорѣй какой-то торжественной, чѣмъ радостной походкой. Я не пошелъ за ней, но въ зеркалѣ видѣлъ ихъ первую сцену свиданiя. Дмитрiй Дмитричъ взялъ и, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать поцаловалъ руку Доминики Николаевны.

— Добрый другъ, вы все для меня сдѣлали! проговорилъ онъ наконецъ.

Въ голосѣ его какъ-будто бы слышались слезы.

— И дѣлается это для добраго друга, отвѣчала Доминика Николаевна съ какой-то знаменательностью, затѣмъ прежней торжественной походкой ввела Дмитрiя Дмитрича въ гостиную.

— Bonjour! проговорилъ онъ, мотнувъ мнѣ головой, и сѣлъ.

Доминика Николаевна сѣла противъ него.

— А прогроз, сейчасъ скупризь, началъ Дмитрiй Дмитричъ и потомъ крикнулъ довольно громко:—cher, Назарь!

На этотъ зовъ вошелъ въ комнату красивый изъ себя лакей въ казакинѣ и перетянутый поясомъ, вслпощь выложеннымъ серебромъ съ чернетью. Усы и волосы у него были совершенно черные, на рукахъ было множество колець, а изъ-за борта казакина выставлялась толстая золотая цѣпочка.

— Подай, знаешь, это!... проговорилъ Дмитрiй Дмитричъ.

Лакей вышелъ и, возвратясь, принесъ клѣтку, въ которой сидѣли два кролика.

Доминика Николаевна вдругъ вскочила и начала передъ ними прыгать.

— Ахъ, какъ это мило, прелестъ, прелестъ!

— На шейкѣ у нихъ розовыя ленточки! проговорилъ лакей.

Доминика Николаевна вдругъ перемѣнила выраженiе въ лицѣ,

и посмотрѣла на него строго. Давей, кажется, это замѣтилъ и съ какой-то насмѣшливой улыбкой замолчалъ; а потомъ, постоявъ немного, совсѣмъ вышелъ изъ комнаты, не переставая усмѣхаться про себя. Доминика Николаевна все еще продолжала прыгать передъ кроликами.

— Въ замѣкъ этого я еду вамъ показать мои цвѣты! сказала она Дмитрію Дмитричу.— Молодой человекъ, вы тоже должны за нами слѣдовать, прибавила она мнѣ развязно.

Я пошелъ.

Садикъ былъ обыкновенный, очень запущенный, цвѣты даже не прополоты; но главная сущность состояла въ томъ, что Доминика Николаевна сорвала одну изъ розъ и прирѣпила ее въ петлю Дмитрію Дмитричу.

Всю эту прогулку они совершили подъ-руку. Моя юношеская брезгливость невольно возмущалась этимъ. «Все-таки этотъ господинъ думалъ я: «былъ человекъ свѣтскій, видалъ же онъ женщинъ красивыхъ, и вѣроятно, сближался съ ними; какимъ же образомъ онъ могъ такъ близко переносить около себя подобное безобразіе.»

Когда мы возвратились въ комнату, насъ ожидалъ чай или, какъ выразилась Доминика Николаевна, супе фруа, состоящій изъ протухлой солонины и плохого масла. Дмитрій Дмитричъ принялся съ большою жадностью ѣсть варенье. Для меня собственно Доминика Николаевна велѣла принести кринку превосходнѣйшаго молока, и при этомъ рассказала всѣ высокія достоинства надонившей его коровы. Напрасно я съ божбой и клятвой увѣрялъ ее, что терпѣть не могу этого арбадскаго напитка—меня заставили выпить стаканъ. Сама Доминика Николаевна и Дмитрій Дмитричъ тоже выпили по стакану. Можно быть почти увѣрену, что они восхищались молокомъ единственно потому, что въ ихъ романтическихъ головахъ непремѣнно соединялись вмѣстѣ: деревня, молоко, ручеекъ, овечка, и бромъ того такъ еще недавно французская королева держала у себя въ Трианонѣ коровъ и сама снимала сливки. Послѣ чаю я сейчасъ же хотѣлъ ѣхать.

— Подождите четверть часа, поѣдемте вмѣстѣ, остановилъ меня Дмитрій Дмитричъ.

— А вы не останетесь у меня? спросила Доминика Николаевна, и какъ-бы молнія блеснула изъ ея глазъ.

— Завтра у меня покосъ, молотьба... отвѣчалъ Дмитрій Дмитричъ, нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ.

Когда они говорили это, мы выходили уже на балконъ. Доминика Николаевна сѣла тамъ на небольшой диванчикъ, а Дмитрій Дмитричь довольно далеко отъ нея на стулъ. Я пошелъ бродить по саду. Долежавшій до меня разговоръ между ними, былъ довольно незначительный.

— Вы знаете, въ прошлое воскресенье, въ Ведевскомъ, вальс Назаръ опять былъ пьянъ! говорила Доминика Николаевна.

— Можетъ быть! отвѣчалъ Дмитрій Дмитричь равнодушно.

— Вы говорите, что онъ пьетъ только красное вино; онъ напился просто водкой, продолжала Доминика Николаевна насмѣшливо.

— Очень жаль, отвѣчалъ Дмитрій Дмитричь тѣмъ же равнодушнымъ голосомъ.

Далѣе я уже ничего не слышалъ; но когда возвратился назадъ, то увидѣлъ, что Доминика Николаевна почему-то лежала въ обморокъ, и около нея хлопотала Дмитрій Дмитричь. Онъ поливалъ ей голову водой, уксусомъ. Пришелъ также и Назаръ, и довольно близко остановился около дивана, на которомъ лежала Доминика Николаевна. При этомъ одна изъ ея ногъ сначала согнулась, а потомъ вдругъ вытянулась и толкнула Назара такъ, что тотъ попытался и съ прежней своей насмѣшливой улыбкой вышелъ въ комнату.

Послѣ этого Доминика Николаевна опять какъ-бы впала въ обморокъ, Дмитрій Дмитричь опустился на стулъ и въ утомленіи закрылъ лицо руками. Нѣсколько времени всѣ мы молчали. Доминика Николаевна открыла наконецъ глаза.

— Гдѣ а? проговорила она.

— У себя на балконѣ, отвѣчалъ Дмитрій Дмитричь.

Доминика Николаевна начала подниматься, какъ поднимаются обыкновенно въ театрѣ актрисы послѣ обморока. Дмитрію Дмитричу, кажется, сдѣлалось совѣстно за нее; онъ отвернулся и не смотрѣлъ на нее. Чтобы не помѣшать разговору, который могъ между ними начаться, я снова сошелъ въ садъ, и когда возвратился оттуда, Дмитрій Дмитричь стоялъ уже со шляпою въ рукахъ. Доминика Николаевна сидѣла, какъ разваренная въ водѣ: волосы у нея спускались на лобъ, голова была опущена, руки опущены.

Когда я съ ней прощался, она съ чувствомъ взглянула на меня.

— Мой добрый привѣтъ вашей матушкѣ, проговорила она больнымъ голосомъ.

Когда съ ней прощался Дмитрій Дмитричъ, она подала ему точно плеть слабую руку, и кажется, не имѣла даже силы отвѣтнуть ему поцалуемъ въ щеку.

Мы вышли и сѣли въ экипажъ. Дмитрій Дмитричъ упросилъ меня сѣсть съ нимъ.

— Фу, произнесъ онъ, какъ-бы человѣкъ, вырвавшійся изъ тюрьмы на свѣжій воздухъ.

— Чтò такое съ Доминикой Николавной? спросилъ я. Дмитрій Дмитричъ пожалъ плечами.

— Вы видѣли? отвѣчалъ онъ мнѣ больше вопросомъ... подобныя сцены, продолжалъ онъ съ разстановкой и грустно насмѣшливымъ голосомъ: — она дѣлаетъ мнѣ на багѣ, на раутѣ, при двухстахъ, трехстахъ человѣкъ...

— За то какою она къ вамъ искреннюю дружбу питаетъ!

— Mais, mon cher! воскликнулъ Дмитрій Дмитричъ: — дружба, я полагаю, все-таки должна выражаться со стороны женщины скорѣй самоотверженіемъ, тѣмъ тираніей. Она, наконецъ, хочетъ войти во весь порядокъ моей жизни, заставить тамъ меня пить чай или нѣтъ, держать въ домѣ такихъ людей, а не другихъ, этого нельзя. Назаръ! крикнулъ онъ затѣмъ сладкимъ голосомъ: — дай мнѣ сигару!

Назаръ, сидѣвшій на возлахъ рядомъ съ кучеромъ, вынулъ изъ-за пазухи сигару, самъ закурилъ ее, и подалъ барину. Дмитрій Дмитричъ взялъ и съ наслажденіемъ сталъ похихивать изъ нея дымомъ.

— У человѣка вашего фізіономія совсѣмъ не русская! замѣтилъ я ему.

— Да, il est... je ne sais pas pour sûr... армянинъ, или грузинъ, или черкесъ—незнаю... но, превосходный человѣкъ... чудо... это мой экономъ, нянька, мамка моя! и затѣмъ Дмитрій Дмитричъ опять сталъ съ наслажденіемъ похихивать.

— Encore un mot объ Доминикѣ Николавнѣ, началъ онъ: — tout le monde dit, que je suis son amant... Я улыбнулся.

— Mais ce n'est pas vrai. Я люблю изящное въ природѣ, въ картинѣ, въ поэзій, въ мужчинѣ, въ женщинѣ. Но Доминика Николавна какимъ образомъ можетъ быть отнесена къ изящному!

— Какое же собственно ваше чувство къ ней? спросилъ я. По молодости моихъ лѣтъ я любилъ тогда потолковать о психологической сторонѣ человѣка, и полагалъ, что люди такъ сейчасъ и скажутъ въ этомъ случаѣ правду.

— Чувство простого уваженія, отвѣчалъ Дмитрій Дмитричъ:— которое я имѣю ко всякой женщинѣ, равной мнѣ по воспитанію и по положенію въ обществѣ, это—результатъ моихъ привычекъ. Я—человѣкъ порядочно воспитанный, и чувство вѣжливости всосалъ съ молокомъ моей матери.

На этихъ словахъ мнѣ уже подвѣшали къ перекрестку, на которомъ должны были развѣхаться; я попросилъ остановиться и выпустить меня.

— Adieu, cher ami, сказалъ Дмитрій Дмитричъ, пожимая мнѣ съ нѣжностію руку.—Назаръ, пересядь-во мнѣ въ экипажъ! крикнулъ онъ потомъ.

Назаръ пересѣлъ и я видѣлъ, что Дмитрій Дмитричъ прилегъ ему на плечо, какъ-бы желая вздремнуть. Поѣхали. Утро между тѣмъ совершенно ужъ наступило. Пара моихъ лошадей, послѣ поворота, узнавъ дорогу домой, побѣжали быстрѣй, на меня подулъ свѣжимъ вѣтромъ; съ рѣки подымался густой туманъ росы; выкатившееся на горизонтѣ солнце было такое чистое, на деревьяхъ, на травѣ блестѣли крупныя капли росы—все это было какъ-то молодо, здорово и полно силы, и какъ вся эта простая природа показалась мнѣ лучше изломанныхъ людишекъ, съ ихъ изломанными, исковерканными страстишками.

Когда я дописывалъ эти послѣднія строчки, мнѣ сказали, что пріѣхалъ старикъ кокинскій исправникъ (*) и желаетъ меня видѣть.

— Боже мой, воскликнулъ я въ восторгѣ:—его-то мнѣ и надо! и пошелъ на встрѣчу гостю.

Старикъ очень постарѣлъ, сдѣлался совсѣмъ плѣшивый, глаза у него стали какіе-то слезливые, но говорунъ, какъ видно, оставался попрежнему большой.

— Скажите, пожалуйста, началъ я, усаживая его:—живы ли ваши сосѣди, Доминика Николаевна и знаменитый Дмитрій Дмитричъ?

— Онъ померъ, а она еще жива.

— Что жъ, страсть ихъ все продолжалась?

— Какъ же-съ, до самой смерти его, все путались, ссорились и мирились, видались и не видались.

— Онъ, однако, мнѣ самъ говорилъ, что не былъ ея любовникомъ.

— Нѣтъ-съ, не былъ; людишки вотъ ихніе часто тоже бѣгали къ намъ и сказывали, что она, какъ они выражаются, одной

(*) Рассказъ «Лѣвій».

этой сухой любовью его любила... онъ вѣдь въ этомъ отноше-
ніи, вы слышали, я думаю...

— Ну да, изъ-за чего же онъ-то?

— Изъ-за денегъ больше, надо полагать, говорилъ и дѣлалъ ей эти разные комплименты; послѣ ссоры, бывало, помирялся, онъ станеть передъ ней на колѣни, жесты этикіе руками дѣлаетъ, прощенья въ чемъ-то просить—умора! Неглуные были оба лю-
ди, а ужъ какіе комедіанты и притворщики, боже упаси!... Пе-
редъ смертью Дмитрія Дмитрича, любимый камердинеръ его обо-
кралъ всё, какія тамъ были у него, деньжонки, перстеньки, ча-
сы, ковры, мѣха—укралъ, и бѣжалъ такъ, что ужъ онъ и не
разъискивалъ. Доминика Николавна перевезла его къ себѣ, на
ея рукахъ онъ и померъ; пишетъ мнѣ: «Помогите, говорить,
похоронить моего друга!» Приѣхалъ я къ ней, сидитъ она на
диванѣ, глаза представляеть какъ у помѣшанной, и все точно
вздрагиваетъ. «Сама, говорить, смерти хочу!» а форточки, за-
мѣйте, не позволяетъ отворить: простуды боится. Покойникъ,
промежъ тѣмъ, лежитъ въ залѣ; я скорѣй, чтобы его въ церковь
стащить; только мы, сударь, подняли гробъ, она и вылетаетъ:
«Куда вы, говорить, моего ангела уносите? Не пушу, не пушу!»
и сама удѣпилась за гробъ и повисла. «Ахъ ты», думаю: «хоро-
шо»; говорю: «ребята, оставьте»; оставили ей гробъ, а самъ
ушелъ. Посидѣла она этакъ, цѣлый день однако высидѣла, но
видитъ невтерпѣжъ, опять шлетъ за мной.

— Унесите, говорить, теперь — можно.

VII.

Исторія о пѣтухъ.

— Вотъ ми съ вами вчера насчетъ комедіантовъ говорили, на-
чалъ старикъ Шамаевъ, пришедши на другой день ко мнѣ объ-
дать. Становой у меня былъ, такой тоже актёръ, что какую, ка-
жется, роль только хотите, онъ можетъ разыграть передъ вами: ро-
домъ онъ былъ изъ хохловъ, по фамиліи Карпенко, и все это,
знаете, въ каждомъ словѣ, въ шагѣ своемъ направлятъ все въ
свою пользу. Пришелъ къ губернатору опредѣляться; стоитъ у
него въ приѣмной комнатѣ, точно убитый. Губернаторъ выхо-
дить... Сбрехъ этакой былъ, откровенный... и прямо къ нему...

«Взятки, говорить, брать будете?...» Онъ этакъ голову витнулъ. «А голова моя, вѣдь, на плахѣ; когда хотите, тогда и рубите». Въ станъ это, знаете, пріѣхалъ въ самый храмовой праздникъ, народу собралось почти что со всего уѣзда. Не заходя нкуда, г. Карпенко прямо въ церковь, и тихимъ голосомъ поднимаетъ къ себѣ церковнаго старосту. «Въ какую, говорить, икону народъ больше вѣры имѣеть?» — «Теодоровской престоль-то», отвѣчаетъ ему мужикъ. Онъ сейчасъ помолился передъ этой иконой, и первый ей свѣчку поставилъ. Послѣ обѣдни зашелъ въ другое наше собраніе — въ кабакъ; пьяныхъ тамъ, какъ полѣньевъ, по угламъ валяется. Въмѣсто того, чтобы велѣть ихъ подбратъ, еще ободрилъ. «Пейте, говорить, православные: рабочему человѣку выпить надо!»; по лавкамъ потомъ пошелъ къ каждому торговцу съ поклономъ и приговоромъ: «въ честь и въ деньги торговать!...» итакъ дальше пошло: тихо, смирно, ласково, только никто что-то этому не вѣритъ. Ни одного безмѣна у торговцевъ не оставилъ, чтобы не оглядѣть, клейменный ли онъ, да еще подсылы дѣлаеть, вѣрно ли продають. Гдѣ мертвое тѣло поднимають, точно стопудовая гиря свалится на селенье: сидитъ-сидитъ, пока пятидесяти, ста рублей не сдереть съ мужиковъ; да потомъ ихъ же собереть въ сборную, прямо подниметь у нихъ передъ глазами съ полу соринку: «Вотъ, говорить, мнѣ чего вашего не надо». Тѣ послѣ и говорятъ: «что, наши деньги-то онъ хуже соринки, что-ли, полагаетъ?» Слышу я все это, вызываю его къ себѣ, говорю ему, вдругъ онъ заплакалъ: «Слезы, говорить—мой отвѣтъ!» Ахъ, Боже ты мой, думаю, мужчина въ крестѣ военномъ плачетъ, что такое это? Въ другой разъ губернаторъ на него на ревизіи напустился: «Почему, говорить, васъ всѣ не любятъ?» — «Мнителенъ, говорить, ваше превосходительство, я очень по службѣ!... и себя мучу, и другимъ не угождаю!» А губернаторъ, замѣтите, самъ былъ премнительный человѣкъ, и повѣрилъ ему... Это вотъ, изволите видѣть, онъ тихій, а то и строгимъ, крикнуомъ иногда прикидывался. Ѣдетъ онъ разъ мимо одного села, богатаго, тысячи двѣ душъ... и только еще, знаете, въ околицу-то вѣхалъ, закричалъ, загайбалъ... Сотскіе были народъ наметанный, сбѣгаются, видятъ: *сердитъ пріѣхалъ!* Прямо входятъ онъ въ сборную и обращается къ одному изъ нихъ:

— Какое, говорить, было въ селеніи происшествіе?

— Никакого, говорить, ваше благородіе!

— Какъ, никакого? Ахъ ты, говорить, земская полиція! Трахъ его по зубамъ.

Къ другому сотскому — тотъ этакъ изъ рыжихъ, плутоватый случился.

— Какое? говорить.

— Было, ваше благородіе, Иванъ Петровъ тамъ у Николая Михайлова, что-ли, пѣтуха зарѣзаль!

— Позвать, говорить, Николая Михайлова!

Приходить мужикъ.

— Здравствуйте, говорить, батюшка!

— Здравствуй, говорить, братецъ; все-ли у тебя въ домѣ благополучно?

— Все, батюшка, кажись, слава-богу.

— Погляди-ка на образъ!

Смотрить мужикъ.

— И не совѣстно тебѣ, и не стыдно? Не отворачивай глазъ-то, нечего!...

— Да что мнѣ, сударь, отворачивать!

— Какъ что, а черный-то пѣтухъ гдѣ?

Мужикъ, знаете, и разсмѣялся

— Подлецъ Васька, говорить, надругатель, зарѣзаль!

— А объявилъ ты о томъ земской полиціи?

— Что, сударь-съ, говорить, объявлять!...

— Какъ, что?... у тебя сына зарѣжутъ, ты скажешь, что объявлять!...

— Батюшка! говорить мужикъ удивленный: — знаете, развѣ сынъ и пѣтухъ все одно и то же?

— Одно и то же! Прочтите, говорить онъ это—писарю ужъ своему:—статью, гдѣ сказано, что совершившій преступленіе и покрывшій его подвергаются равному наказанію!

Прочитали мужику; стоитъ онъ, розиня ротъ. Сотскіе, между тѣмъ, шепчуть ему:

— Видишь, говорятъ, сердить пріѣхаль; поклонись ему червонцемъ!

Поклонился мужикъ — освободили.

— Ну, теперь, говорятъ, убійцу давайте.

Приводать мужика; бойкій такой былъ, и прямо къ рукѣ г. становаго.

— Прочь! крикнулъ тотъ на него:—отъ тебя, говорятъ, кровью пахнетъ!

Отошелъ мужикъ.

— Какъ, говорить, ты смѣешь производить дневной грабегъ съ разбоемъ?

— Я, говорить, сударь, никого не грабилъ!

— Какъ никого? а пѣтухъ Николая Михайлова гдѣ?

— Николая Михайлова пѣтуху, говорить мужикъ, я завсегда голову сверну — онъ у меня всѣ подсолнечники перепортилъ!

— Ну такъ, говорить ему Карпенко, возвысивъ уже голосъ:— я тебѣ прежде голову сверну. Эй! володки!

Струсилъ и тотъ паренъ; сотскіе и ему шепчуть:

— Видишь, говорятъ, сердить, поклонись красненькой!

Сталъ мужикъ влаться, такъ еще не беретъ г. становой. Онъ въ ноги ему повалился: возьми, батюшко, только! Принялъ.

Я послѣ услышалъ это; пріѣзжаю, спрашиваю мужиковъ.

— За что, говорю, дураки, вы деньги ему давали?

— Да что, батюшка, говорятъ, сами видимъ, что одно только его надругательство надъ нами было, только то, что горячиться онъ очень изволилъ, какъ-бы и настоящее дѣло шло... Думаешь: прахъ его возьми, лучше отступить!

Слушая Шамаева, я предавался довольно страннымъ мыслямъ: мнѣ казалось, что и онъ все это лжетъ и выдумываетъ для моей потѣхи. «Да, старичокъ», думалось мнѣ: «и ты съумѣешь разыграть сцену, какую только захочешь...» Наконецъ самъ-то я... авторъ? Боже мой, Боже мой, совѣсть немолчно говорила во мнѣ: скоро, читатель, недолгъ я обличу тебѣ себя и расскажу, какъ я самъ лгалъ. Медлю въ этомъ случаѣ не изъ стѣдливаго самолюбія, а единственно потому, что еще не дошелъ до историческаго момента моего лганья... До свиданья!...

А. ПИСЬМЕННІЙ.

ВЗГЛЯДЪ Г. СОЛОВЬЕВА НА РЕФОРМУ ПЕТРА.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Томъ XIV. Москва 1864.

«Въ одномъ государствѣ царственный ребѣнокъ, вслѣдствіе семейной вражды, гоненія отъ родственниковъ, подвергнулся страшнымъ опасностямъ, спасся чудеснымъ образомъ, воспитывался въ уединеніи, среди низкихъ людей, набралъ себѣ изъ среды этихъ людей новую храбрую дружину, одолѣлъ съ нею противниковъ и сталъ основателемъ новаго общества, новаго могущественнаго государства, проводилъ всю свою жизнь въ борьбѣ и оставилъ по себѣ двойную память: одни благословляли его, другіе проклинали.

— «О комъ это идетъ рѣчь? что это хотятъ намъ повторять старую сказку о Кирѣ и Ромулѣ: кто ей теперь вѣрить?»

«Сказывается не сказка, не о Кирѣ и Ромулѣ идетъ рѣчь, приводятся неоспоримыя извѣстія о русскомъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, который жилъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка; пора оставить толки о сказкахъ и мифахъ, и подмѣчать общіе законы историческихъ явленій».

Такъ начинается г. Соловьевъ свою исторію царствованія Петра I. Правда, пора оставить толки о сказкахъ и мифахъ и подмѣчать общіе законы историческихъ явленій. Изъ толковъ о сказкахъ и мифахъ ничего не выйдетъ; а наблюденіе общихъ законовъ историческихъ явленій можетъ научить многому, оно можетъ дать хорошіе уроки для будущаго.

И эпоха, которою теперь занимается г. Соловьевъ, въ этомъ отношеніи имѣетъ особенное значеніе. Не даромъ, въ самомъ дѣлѣ, одни благословляли, а другіе проклинали Петра; не даромъ и до сихъ поръ взгляды на его дѣятельность отличаются діаметральною противоположностью.

Въ самомъ дѣлѣ, есть же въ исторіи Петра что-то такое, что приводитъ въ сужденіи о немъ къ результатамъ столь противоно

ложнымъ между собою. Пристрастныя мѣнія о Петрѣ людей облагодѣтельствованныхъ имъ или пострадавшихъ отъ него, давно лежатъ въ могилѣ вмѣстѣ съ этими людьми. Современныя сужденія о Петрѣ и его дѣлахъ опредѣляются, очевидно, не личными отношеніями къ нему, а, безъ сомнѣнія, другими причинами.

Правильно смотрѣть на Петра намъ мѣшала, между прочимъ, неправильно понимаемый патріотизмъ. Одни, видя въ Петрѣ лучшую славу Россіи, употребляли всѣ усилія, чтобы представить его какимъ-то творцомъ, изъ ничего создавшимъ современную Россію; другіе, видя въ немъ почитателя Западной Европы, который предпочелъ чужіе порядки своимъ, совсѣмъ отказывались видѣть въ немъ необыкновеннаго человѣка, результатъ политики котораго представляетъ небывалое явленіе въ исторіи. Самыя дѣла Петра и его личность имѣютъ такой характеръ, что представляютъ немало затрудненій для его историковъ. Одаренный необыкновенными духовными силами, но въ то же время не получившій никакого воспитанія, ни русскаго ни западно-европейскаго, почти всѣмъ обязанный самому себѣ и обстоятельствамъ, Петръ такимъ выказался и въ своихъ дѣлахъ; онъ представлялъ много фактовъ тѣмъ, которые хотятъ только удивляться ему, равно какъ и тѣмъ, которые захотятъ только осуждать его. Обязанность историка состоитъ въ томъ, чтобы неупустить изъ виду ни того, ни другаго порядка фактовъ; но это-то и не было соблюдаемо.

До сихъ поръ Петръ имѣлъ больше поклонниковъ, нежели хулителей. Осуждали его, кромѣ его современниковъ, нераздѣлявшихъ его взгляда на реформу Россіи, или такихъ, для которыхъ реформа принесла много тягостей, почти исключительно иностранцы, писавшіе о немъ, которые во многихъ частныхъ его дѣйствіяхъ видѣли характеръ, далеко неладившій съ нравами Европы. Русскіе сначала высказывали (печатно) только свое благоговѣніе передъ личностью Петра. Такъ смотрѣли на него Брешинъ, Теофанъ Прокоповичъ, Голиковъ, Ломоносовъ, Карамзинъ, а за ними почти всѣ другіе. Реакцію этому взгляду начали дѣлать, и то довольно поздно и недовольно прямо, немногіе недовольные односторонностью русскаго общества конца XVIII вѣка, какъ Шишковъ, потомъ мало по малу сформировавшійся кружокъ славянофиловъ, которые выработали себѣ общія воззрѣнія, несогласныя съ духомъ реформы петровой.

Теперь прошло время и безусловнаго поклоненія, и односторонняго осужденія. Г. Устряловъ и тотъ нѣмецъ, который не такъ давно почувствовалъ въ себѣ призваніе защищать Петра отъ его хулителей, представляютъ послѣднихъ могиканъ въ ряду

Брекинина, Голикова и других. Слишком сердитых хулителей тоже нѣтъ; есть признаки, заставляющіе думать, что они скоро повьются изъ ряда бывшихъ нигилистовъ, которые начинаютъ находить, что нигилизмъ со всѣми его прелестями пересталъ быть привлекательнъ: что онъ долженъ уступить мѣсто народности или почвенности, съ которою уже должно быть крѣпко соединено знаніе того, «что нужно любить, и что нужно ненавидѣть». Не любить, разумѣется (это окажется), нужно Петра съ его реформою. — Но что будетъ, то еще увидимъ. А теперь дѣйствительно къ Петру всё относится гораздо болѣе критически, нежели въ прежнее время, и странно было бы, еслибы наше общественное сужденіе, дѣйствительно въ послѣднее время расправившее крылья, только относительно Петра пребывало въ прежнемъ робкомъ положеніи. Нѣтъ никакой причины Петру составлять въ этомъ случаѣ исключеніе. Патриотизмъ, который запрещалъ бы судить и даже осуждать Петра, былъ бы ложнымъ патриотизмомъ. Предвзятая имъ мысль о величіи Петра, превышающая всякую критику, была бы не только вредна для движенія нашей государственной жизни, но и дѣйствительно оскорбительна для здороваго патриотическаго чувства. Будто въ самомъ дѣлѣ русская народность такъ мела и ничтожна, что единственную славу ея составляетъ только одна личность, и притомъ такая, которая оказывала явное предпочтеніе почти всему нѣмецкому передъ русскимъ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ; и нельзя придумать ни одной причины, которая гдѣ бы то ни было дѣлала излишнюю критику; и еслибы, въ самомъ дѣлѣ, послѣ тщательной критики, Петру пришлось и очень понизиться на пьедесталѣ, воздвигнутомъ ему первыми его почитателями (а это частію уже и есть), и въ такомъ случаѣ ничего дурнаго не было бы. Понизился бы Петръ, поднялся бы весь народъ; историческая истина никогда ни къ чему худому не приведетъ. — Безусловное поклоненіе передъ Петромъ особенно было бы вредно теперь, когда Россія выступила на другую дорогу въ своей внутренней политикѣ. Петровскія начала сдѣлали свое дѣло блестящимъ образомъ; теперь пришла очередь другихъ началъ, которыхъ въ то время и подозрѣвать не могли. Петръ былъ почитателемъ Западной Европы, но самая Западная Европа далеко ушла послѣ Петра; Франція и Англія въ настоящее время не то, чѣмъ онѣ были при Людовикѣ XIV и Вильгельмѣ Оранскомъ.

Петру удивлялись и удивляются за то, что онъ понялъ необходимость радикальнаго поворота въ жизни Россіи, понялъ, что она должна была пойти дорогою государствъ Западной Европы, что онъ съ необыкновенною энергіею повелъ ее по этой дорогѣ,

что для большаго успѣха дѣла онъ самъ изучилъ почти все, въ чемъ нужно было сдѣлать перемѣну, что во всякомъ дѣлѣ онъ показалъ необыкновенную проникаемость, необыкновенную силу ума, что онъ умѣлъ находить и создавать себѣ помощниковъ, и что всѣми этими средствами послѣ тридцатипятилѣтняго царствованія, онъ оставилъ Россію государствомъ европейскимъ, сильнымъ, съ большимъ вѣсомъ въ Европѣ, тогда какъ до него она была государствомъ полуазиатскимъ, слабымъ и безъ всякаго значенія въ Европѣ.

Осуждать Петра за то, что онъ въ русской жизни не нашелъ ничего такого, что должно было жить и развиваться; что вмѣсто развитія и усовершенствованія онъ все осудилъ на ломку; что при этой ломкѣ онъ съ чрезвычайною жестокостью разбивалъ все, что не хотѣло отказаться отъ правъ на жизнь; что вмѣстѣ съ необходимыми реформами онъ сдѣлалъ и такія, которыя были совсѣмъ ненужны; что дѣлая свою ломку, онъ востолпилъ Россію, которая только стала—было поправляться послѣ разоренія смутнаго времени; что, наконецъ, о самомъ существенномъ—объ образованіи, онъ заботился очень мало, и хотя послѣ тридцатипятилѣтняго правленія оставилъ Россію дѣйствительно сильнѣе, чѣмъ она была до него, но все-таки не на такой степени силы, какой она достигла бы при реформѣ болѣе мирной, еслибы реформа имѣла корни въ прежнихъ учрежденіяхъ, и что, кромѣ того, окружая себя проходимцами изъ разныхъ странъ, людьми безъ всякой вѣры и совѣсти, онъ, увлекшись ихъ образомъ жизни, ввелъ въ русское общество недостатокъ уваженія къ религіи и распущенность въ семейной жизни—два дурныя качества, отъ которыхъ далеко было прежнее русское общество, которыя притомъ имѣя огромное значеніе и сами по себѣ, въ то же время имѣютъ не меньшее значеніе и въ государственной жизни.

На сколько правы почитатели, на сколько правы хулители Петра, на сколько ему дѣйствительно принадлежитъ то, что ему приписывается—это покажетъ время. Окончательный приговоръ надъ Петромъ произнесенъ еще быть не можетъ. Исторія его только еще начинается; еще слишкомъ недалеко время, когда никто не сомнѣвался въ такихъ фактахъ, приписываемыхъ Петру, которыхъ ложность теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію. Пусть критика сдѣлаетъ сначала свое дѣло, тогда придетъ время и для философской исторіи.

Г. Соловьевъ въ началѣ своей исторіи Петра (*) дѣлаетъ общій взглядъ на реформу его, въ которомъ и старается установить нѣ-

(*) Новый томъ исторіи г. Соловьева содержитъ въ себѣ правленіе царемъ Софіи, и царствованіе Петра до 1703 года, то-есть до основанія Петербурга.

которыя положенія касательно ея, а другія старается повидимому опровергнуть. Взгляд его имѣетъ интересъ и по авторитету автора, и по своей оригинальности.

«Мы видѣли—говоритъ онъ—что во второй половинѣ XVII вѣка русскій народъ явственно тронулся на новый путь; послѣ многовѣковаго движенія на Востокъ, онъ началъ поворачивать на Западъ—поворотъ, который долженъ былъ необходимо вести къ страшному перевороту, болѣзненному перелому въ жизни народной, въ существѣ народа, ибо здѣсь было сближеніе съ народами цивилизованными, у которыхъ надобно было учиться, которымъ надобно было подражать. Вопросъ о томъ, могло ли сближеніе съ европейскими народами и воспринятіе ихъ цивилизаціи совершаться *спокойно, постепенно, безъ увлеченій*, рѣшается легко при внимательномъ наблюденіи общихъ историческихъ явленій».

Въ этихъ словахъ г. Соловьева видно, что онъ признаетъ въ реформѣ Петра свою долю увлеченія, отсутствіе постепенности и спокойствія, то-есть почти то же, что говорятъ порицатели Петра. Но г. Соловьевъ прибавляетъ, что иначе и быть не могло, что страшный переворотъ, болѣзненный переломъ въ жизни народной, даже въ существѣ народа, былъ неизбеженъ, онъ лежалъ въ самомъ существѣ дѣла, безъ него оно обойтись не могло. Почему же? Вотъ какъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ г. Соловьевъ:

«Когда мы говоримъ о просвѣщеніи, о цивилизаціи, то разумѣемъ громадную силу, которая безконечно поднимаетъ народъ, ея обладающій, надъ народомъ, у котораго ея нѣтъ: какъ же теперь съ понятіемъ слабости соединить понятіе силы? Какъ предположить, что *широта и ясность взгляда, сдержанность, самостоятельность*, плоды цивилизаціи давней и крѣпкой, должны быть достояніемъ народа нецивилизованнаго?»

Итакъ причина увлеченій, отсутствія спокойствія и постепенности въ нашей реформѣ заключалась вообще въ отсутствіи цивилизаціи, въ томъ, что русскій народъ, будучи народомъ нецивилизованнымъ, уже по этому самому не могъ имѣть широты взгляда, даже сдержанности и самостоятельности. Намъ кажется, что это разсужденіе г. Соловьева не довольно строго. Вопервыхъ, онъ приписываетъ русскому народу такое отсутствіе цивилизаціи, какъ будто въ самомъ дѣлѣ русскіе до Петра были чѣмъ-то въ родѣ готтентотовъ, которыхъ дѣйствительно можно назвать народомъ нецивилизованнымъ. Цивилизація, какъ извѣстно, имѣетъ много степеней и отгѣнковъ, и какой-нибудь абсолютной цивилизаціи мы не найдемъ и теперь нигдѣ. Даже современная цивилизація западной Европы, которая признается самою высокою

изъ всѣхъ извѣстныхъ ступеней ея, черезъ 500 лѣтъ вѣроятно будетъ казаться не очень высокою. А цивилизація западной Европы конца XVII вѣка уже и теперь считается такою. Россія въ XVII вѣкѣ имѣла то же свою цивилизацію, и цивилизація эта была, безъ сомнѣнія, на болѣе низкой степени, чѣмъ цивилизація западной Европы, но не во всѣхъ отношеніяхъ; потому что понятіе цивилизаціи есть понятіе весьма сложное; въ него входитъ все, чѣмъ человѣкъ руководствуется въ своихъ дѣлахъ, что онъ знаетъ и умѣетъ сдѣлать, все, чѣмъ отличается какой-нибудь народъ отъ дикарей, собирающихся на берегу морскомъ раковины, укрывающихся отъ непогоды въ пещеру или подъ дерево и съ звѣрскою яростью бросающихся на случайнаго посѣтителя изъ страны, и убивающихъ его съ тѣмъ, чтобы съѣсть. Въ понятіе цивилизаціи входятъ не только обычаи, учрежденія и разныя практическія искусства, но и нравы, и самая основа нравственности—религія. Но въ XVII вѣкѣ религія и религіозное чувство были чище и глубже укоренены въ средѣ русскаго народа, нежели, напримѣръ, во Франціи при Лудовикѣ XIV. Такимъ образомъ эта сторона цивилизаціи Россіи, въ XVII вѣкѣ не только не уступала соотвѣтственной сторонѣ цивилизаціи Европы, но даже превосходила ее. Нравы русскіхъ, даже высшихъ классовъ, тоже не уступали нравамъ западной Европы XVII вѣка. Конечно, между слугами Алексѣя Михайловича, или въ смутное время, не трудно найти нѣсколько и даже много личностей, въ нравственномъ отношеніи очень невысокихъ. Но гдѣ же и въ западной Европѣ того времени не найдете вы такихъ же личностей? А русскій народъ передъ всѣмъ міромъ торжественно показалъ, что если бояре и вообще высшіе классы своими самолюбивыми разсчетами, своими низкими подкапываньями въ началѣ XVII вѣка привели общество на самый край гибели, то въ средѣ народа нашлись высоконравственныя личности, которыя своими высокими добродѣтелями успѣли спасти государство собственными средствами съ помощію народныхъ же массъ, которыя также показали въ дѣлѣ освобожденія отечества много безкорыстія и самоотверженія. Будто въ самомъ дѣлѣ народъ, способный на такія дѣла, можетъ быть основательно обвиненъ въ полной нравственной несостоятельности, какъ это дѣлаетъ дальше г. Соловьевъ, и въ отсутствіи цивилизаціи вообще, какъ это дѣлаетъ г. Соловьевъ въ приведенномъ мѣстѣ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Очевидно, г. Соловьевъ, говоря объ отсутствіи цивилизаціи, разумѣлъ именно — недостатокъ практическихъ знаній, особенно необходимыхъ для государственныхъ дѣлъ, низкую степень военнаго искусства, со всѣми частными знаніями, необходимыми для него; недоста-

токъ системы въ государственныхъ учрежденіяхъ вообще, имѣв-
шія слѣдствіемъ то, что вся вообще государственная машина дѣй-
ствовала слабо. Но все-таки многого изъ этихъ необходимыхъ
вещей недоставало и западной Европѣ того времени. И потому
эти недостатки не принадлежать къ такимъ, которые почему бы
то ни было иррепативовали русскому народу имѣть, напримѣръ,
«сдержанность и самостоятельность». Напротивъ, русскіе люди до
Петра именно и отличались самостоятельностью и даже сдержан-
ностью, за исключеніемъ тѣхъ, у которыхъ самый темпераментъ
не допускалъ ихъ. Самостоятельность есть принадлежность вся-
кой оригинальной цивилизаціи, а русская цивилизація XVII вѣка,
конечно, оригинальностью отличалась; а сдержанность есть каче-
ство, вообще господствующее тамъ, гдѣ господствуютъ христіан-
скіе принципы. Что касается до широты и ясности взгляда, и онѣ
не составляютъ принадлежности какой-нибудь одной ступени ци-
визаціи; и онѣ зависятъ много отъ личности человѣка, и мо-
гутъ являться почти на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи; такъ, за-
долго до Петра, у насъ же, по общему признанію, отличались
этими качествами Борисъ Годуновъ, Дмитрій Самозванецъ и да-
же Иванъ III.

Такимъ образомъ недостатокъ широты и ясности взгляда, не-
достатокъ сдержанности и самостоятельности, выводимые г. Со-
ловьевымъ изъ состоянія цивилизаціи Россіи въ XVII вѣкѣ, на
самомъ дѣлѣ не составляютъ принадлежности этой цивилизаціи,
которая должна была отличаться качествами противоположными,
и дѣйствительно ими отличалась. Если эти качества замѣтны въ
реформѣ, то они составляли личную принадлежность Петра и его
сотрудниковъ, что, повидимому, дѣйствительно можно вывести изъ
фактовъ.

Мнѣнія г. Соловьева, какъ большого знатока русской исторіи,
должны пользоваться большимъ авторитетомъ въ вопросахъ, ка-
сающихся русской исторіи, и потому мы обратимъ на нихъ осо-
бенное вниманіе; при всѣхъ своихъ знаніяхъ, онъ можетъ суще-
ственные черты предмета упустить изъ виду, можетъ допустить
не довольно строгое разсужденіе, и, конечно, въ такомъ случаѣ
онъ придетъ къ ложнымъ заключеніямъ. И его заключенія, какъ
заключенія большого авторитета, могутъ ввести многихъ въ оши-
бку. Г. Соловьевъ очевиднымъ образомъ старается оправдать Петра
въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя дѣлають ему его порицатели. Но мы
думаемъ, что оправдывать его слѣдуетъ основательнѣе. Г. Соловьеву
или слѣдовало совсѣмъ непризнавать увлеченій въ реформѣ Петра,
какъ это дѣлаетъ г. Устряловъ, который пространно доказываетъ,
что бритье бородъ и перемѣна русскихъ кафтановъ на нѣмецкіе, со-

ставили существенную и необходимую часть реформы—или допуская въ реформѣ увлеченіе, объяснять его тѣмъ нѣбудь другимъ, а не тѣмъ, что состояніе русской цивилизаціи въ XVII вѣкѣ исключало въ русскихъ людяхъ самостоятельность, сдержанность или ясность взгляда.—Оправданіе Петра со стороны г. Соловьева отличается еще однимъ качествомъ, котораго отсутствіе было бы пріятнѣе видѣть въ его исторіи. Г. Соловьевъ какъ-будто дѣлаетъ свою защиту Петра не совсѣмъ открыто; онъ не говоритъ, что намѣренъ опровергать обвиненія, или признавая обвиненія, все-таки оправдывать Петра, находя причину того, въ чемъ обвиняютъ его, не въ немъ самомъ, а въ обстоятельствахъ русской исторіи. Онъ признаетъ обвиненія, но какъ-то не совсѣмъ положительно, какъ будто стороною. Такъ онъ не сказалъ, что въ реформѣ Петра допускаетъ долю (какую бы тамъ ни было) увлеченія; онъ только ставитъ вопросъ о томъ, могла ли реформа обойтись безъ увлеченія, и рѣшаетъ его тѣмъ, что увлеченіе было неизбежно потому-то и потому-то — именно вследствие такихъ причинъ, которыя находятся не въ личности Петра, а въ самомъ ходѣ русской исторіи. При такомъ отношеніи къ предмету, въ самомъ дѣлѣ, трудно обойтись безъ ложныхъ доказательствъ.

Дальше г. Соловьевъ опять развиваетъ ту же мысль, что увлеченія, поспѣшность были необходимы въ реформѣ Петра; и тутъ доказательства его захватываютъ область уже пошире, нежели прежде. Онъ уже касается исторіи западной Европы, и говоритъ, что и тамъ были подобныя явленія, что они необходимы по общему закону историческихъ явленій. Вотъ какъ излагаются эти доказательства:

«Съ другой стороны — говоритъ г. Соловьевъ — въ жизни народовъ мы замѣчаемъ извѣстные періоды, въ которые они проводятъ извѣстное начало, живутъ имъ, подчиняются ему вполне; наступаетъ другое время, на очереди становится новое начало, и народъ предается ему; новое начало начинаетъ господствовать на счетъ стараго, *обнаруживается обыкновенно сильная вражда къ послѣднему*, отрицаніе того, что было при его господствѣ, дурные отзывы о времени этого господства; народы, въ этомъ отношеніи, не любятъ, не могутъ работать двумъ господамъ: если одного возлюбятъ, другого непременно возненавидятъ. Здѣсь возможна только *злая борьба* между двумя началами, старымъ и новымъ—борьба, необходимо раздражающая, *ведущая къ увлеченію, къ крайностямъ*. Можно ли себѣ представить, чтобы молодой, исполненный жизненныхъ силъ народъ, сблизившись съ другими, превосходящими его народами, понявши черезъ сравненіе недостатки своего быта, не бросился вдругъ на все то, что каза-

лось ему лучшимъ у другихъ? Да и можно ли было медлить, когда *несостоятельность во всемъ — несостоятельность матеріальная и нравственная были такъ явны*? Когда нельзя было начать ни одного дѣла, не начавши вѣстѣ съ тѣмъ и многихъ другихъ, этому дѣлу способствующихъ, для него необходимыхъ? Западныя европейскія народы, въ описываемое время, относительно цивилизаціи своей, стояли высоко надъ русскимъ, который долженъ былъ идти къ нимъ въ ученье: но для этихъ самыхъ западныхъ народовъ не прошло еще тогда время рабства чужому, нерадѣнія о своемъ, презрѣнія къ нему; ослѣпленные блескомъ античной цивилизаціи, съ неодолимою силою потянулись они къ ней, доходя иногда въ началѣ до дикихъ увлеченій, отдались въ науку грекамъ, римлянамъ, даже итальянцамъ, прежде другихъ познакомившихся съ греками и римлянами; свое было въ опалѣ, къ своему относились какъ къ *варварскому, значенія, величія своей исторіи*, въ сравненіи съ исторіею грековъ и римлянъ, не понимали. Счередь поработать чуждому началу дошла и до русскаго народа, дошла по извѣстнымъ условіямъ, поздиѣ чѣмъ до другихъ, и въ этомъ огромная невыгода, но причины этой невыгоды лежали въ условіяхъ хода всей предшествовавшей исторіи — въ условіяхъ, при которыхъ явился нашъ народъ, основалось наше государство. Долговременное пребываніе въ удаленіи отъ западной Европы и ея цивилизаціи, *крайность, исключительность одного направленія*, необходимо условливали крайность противоположнаго направленія; необходимость удовлетворить вдругъ всему должна была неминуемо сообщить нашему такъ-называемому преобразованію характеръ революціонный. Наша революція начала XVIII вѣка уяснится черезъ сравненіе ея съ политическою революціею, послѣдовавшею во Франціи въ концѣ этого вѣка. Какъ здѣсь, такъ и тамъ болѣзнь накоплялась вслѣдствіе *застоя, односторонности, исключительности* одного извѣстнаго направленія; новыя начала не были переработаны народомъ на практической почвѣ; необходимость ихъ чувствовалась всѣми, но переработались они теоретически въ головахъ передовыхъ людей, и вдругъ приступлено было къ преобразованіямъ; разумѣется, слѣдствіемъ было страшное потрясеніе; во Франціи слабое правительство не устояло, и произошли извѣстныя печальныя явленія, которыя до сихъ поръ отзываются въ странѣ; въ Россіи одинъ человекъ, одаренный необываюю силою, взявъ въ свои руки направленіе революціоннаго движенія, и этотъ человекъ былъ прирожденный глава государства. Французскіе историки считаютъ себя въ правѣ плакаться на такой ходъ дѣла у себя, и съ завистію посматриваютъ на сосѣдній островъ, гдѣ фундаментъ зданія складывался издавна, постепенно и прочно; но пусть же они плачутся на весь предшествовавшій ходъ французской исторіи, котораго революція была необходимымъ слѣдствіемъ; что не было сдѣлано исподволь, постепенно, и потому легко и спокойно, то приходится дѣлать потомъ вдругъ, съ бо-

дѣзненными напряженіями, которыя мы называемъ революціями. И мы имѣемъ право плакаться на нашу революцію, но опять съ обязанностью плакаться также на всю предшествовавшую исторію, которая привела къ такой революціи, ибо условія здоровья не производятъ болѣзни».

Робкое отношеніе къ предмету и частію недостатковъ строгости въ доказательствахъ дѣлаютъ то, что въ приводимыхъ словахъ г. Соловьева не безъ нѣкотораго усилія отыскиваются его мысли о данномъ предметѣ. За исходный пунктъ онъ беретъ то, что вслѣдствіе застоя, односторонности, исключительности одного направленія, состояніе Россіи въ XVII вѣкѣ было весьма плачевное; несостоятельность оказывалась во всемъ; несостоятельность, какъ матеріальная, такъ и нравственная, были явны. И вотъ, по общему историческому закону, начинается господство новаго начала, обнаруживается сильная вражда ко всему старому, полное отрицаніе его; къ нему относятся какъ къ чему-то варварскому, значенія и величія его не понимаютъ. Прежняя крайность (застой) обуславливаетъ новую необходимость удивительнѣе всему вдругъ; отчего реформа принимаетъ революціонный характеръ, совершается не исподволь, не легко и спокойно, а вдругъ съ болѣзненными напряженіями, со всѣми качествами такъ называемыхъ революцій. Мы имѣемъ право плакаться на нашу революцію, но съ обязанностью плакаться также на всю предшествовавшую исторію, которая привела къ такой революціи, ибо условія здоровья не производятъ болѣзни.—Этимъ рядомъ положеній, г. Соловьевъ еще больше обнаруживаетъ свою не совсѣмъ открываемую мысль. Онъ опять-таки вмѣстѣ съ одними признаетъ, что мы имѣемъ право плакаться на нашу революцію начала XVIII вѣка, то-есть мы имѣемъ причины быть недовольными ею, осуждать ее, но вмѣстѣ съ другими онъ говоритъ: не вините за это Петра, а вините всю предшествовавшую исторію. Конечно, мысль эта въ сущности справедлива: всякій человѣкъ съ его мыслями, желаніями и дѣлами, есть произведеніе своего времени; и съ точки зрѣнія разныхъ ближайшихъ и отдаленныхъ причинъ, опредѣляющихъ такъ или иначе волю человѣка, трудно кого-нибудь и за что-нибудь обвинять. Но какъ извѣстно, въ теоріи нравственнаго вѣнненія этотъ принципъ допускается весьма съ большими ограниченіями. А если его допустить безъ ограниченій, то вообще и въ исторіи и въ современной жизни не будетъ возможенъ вообще никакой судъ. Потому и съ этой стороны защита г. Соловьева оказывается неудачна; тѣмъ болѣе, что въ ряду положеній, которыми г. Соловьевъ доходитъ до обязанности за революцію XVIII вѣка плакаться на всю предъидущую исторію, почти ни одно не вы-

держиваетъ строгой критикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, г. Соловьевъ за исходный пунктъ беретъ крайній, совершенный застои, будто бы бывшій мѣсто въ Россіи XVII вѣка. Вѣдь это, не говоря много—совершенная неправда; потому что вѣдь самъ же г. Соловьевъ время царя Федора Алексѣевича и правленіе царевни Софіи называетъ уже не какимъ-нибудь приготовленіемъ къ преобразованію, а самую эпоху преобразованія. Но въ самомъ-то дѣлѣ преобразование началось гораздо раньше. Будто въ самомъ-дѣлѣ Россія Ивана III и Россія Алексѣя Михайловича не представляютъ никакой разницы между собою? Будто безъ всякого результата остались внутренніе дѣла всѣхъ государей отъ Ивана III до Петра, ихъ сношенія съ западною Европою именно съ цѣлью полезныхъ заимствованій, ихъ улучшенія военнаго дѣла, суда, ихъ заботы объ устройствѣ церкви, даже о народномъ образованіи?—Безъ сомнѣнія, нѣтъ; и г. Соловьевъ, какъ историкъ, знаетъ это лучше, нежели кто-нибудь другой. Россія передъ эпоху Петра, далеко превосходила только что собранную Россію при Иванѣ III. Возьмемъ, на примѣръ, войско, устройство котораго, и вслѣдствіе его, неуспѣшность въ войнахъ, считаются одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ реформы Петра. Состояніе его, конечно, неудовлетворительно; но оно уже заключало въ себѣ всѣ части, находившіяся въ войскахъ западныхъ государствъ; кромѣ земскаго войска — помѣщиковъ, были стрѣльцы, казаки и солдаты, была артиллерія—пушкари, и конница—рейтары; войску былъ уже знакомъ современный европейскій строй. Оно умѣло даже и крѣпости брать, которыхъ оно взяло довольно у поляковъ и шведовъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Правда, все-таки оно особеннымъ порядкомъ не отличалось; да вѣдь это было еще въ XVII вѣкѣ, во время тридцатилѣтней войны, раньше реформъ Лувуа и Вобана, въ то время, когда и во всей Европѣ войска главнымъ образомъ набирались только на случай и дисциплиной не отличались.—Войско имѣло правильное управленіе въ приказахъ; мѣстничество, такъ много вредившее военному дѣлу, было уничтожено. Конечно, такое войско далеко превосходило московское войско XV и даже XVI вѣка. И его неуспѣхи не всегда должны быть приписаны его неустройству, а иногда и неискусству начальниковъ, недостатку вниманія сверху; притомъ не можетъ же войско, каково бы оно ни было, имѣть постоянныя удачи. И притомъ все-таки правительство заботилось постоянно объ улучшеніи его, равно какъ и объ улучшеніи другихъ частей государственной машины; достаточно вспомнить, что заведены были почты, дипломатія также сдѣлала большіе успѣхи; давно чувствовалась нужда образованія и принимались

мѣры для распространенія его; были попытки даже завести флотъ; такъ-что признавать въ русской государственной жизни до Петра отсутствіе движенія впередъ, полный застой, есть не что иное, какъ натяжка для доказательства предвзятой мысли. Движеніе было небистрое, это правда; но оно было, и результаты его были.—Наконецъ это движеніе признаетъ здѣсь же и самъ г. Соловьевъ; крайній застой появился въ ряду его мыслей, какъ необходимое звено для объясненія очень быстрого поворота русской жизни, сдѣланнаго Петромъ; то-есть, это—обыкновенная натяжка. Такою же натяжкою оказывается и слѣдующее положеніе г. Соловьева, будто несостоятельность Россіи, матеріальная и нравственная, были очевидны. Безъ точнѣйшаго опредѣленія принять этого положенія нельзя, не только относительно нравственной несостоятельности, но даже и матеріальной. Конечно, состояніе Россіи было неблестяще, съ какой точки зрѣнія ни смотрите на него. Но опять-таки спросимъ, гдѣ же во всей Европѣ, кромѣ Голландіи и Англіи, оно было удовлетворительно въ концѣ XVII вѣка? Прочитайте у Вобана о состояніи Франціи въ то же самое время—и вы увидите, что состояніе Франціи именно въ матеріальномъ отношеніи было едва-ли лучше; о нравственномъ состояніи нечего уже и говорить; даже и образованіе было очень не на высокой степени и весьма мало распространено. Декартовъ въ то время было немного; а тогдашніе горожане еще съ большимъ удивленіемъ узнавали, что они говорятъ прозою. Да къ этому нужно прибавить распущенность нравовъ, которая скоро обнаружилась во всей своей наготѣ во время Регента и Лудовика XV. И потомъ сравните состояніе самой Россіи въ XVII и въ XVIII вѣкѣ. Конечно, Россія XVIII вѣка превосходитъ Россію XVII; но кромѣ значительно большаго успѣха въ дипломатіи и въ войнахъ, мы слишкомъ большихъ успѣховъ не замѣтимъ почти нигдѣ, особенно во внутреннихъ дѣлахъ. Оттого и вторая половина XVIII вѣка ознаменована явленіемъ, подобнымъ тому, которое въ XVII вѣкѣ служило выраженіемъ внутренняго неурядства, то-есть появленіемъ и успѣхами Пугачева. Но относительно XVII вѣка, нужно еще замѣтить, что наши неупѣхи въ войнахъ были въ значительной степени обусловлены слишкомъ широкою (для своего времени) политикою, втянувшею насъ почти въ одно время въ войны съ Польшею, Швеціею, турками и татарами; и все-таки Россія вышла изъ всѣхъ этихъ войнъ непобѣжденною. Несостоятельность Россіи XVII вѣка засвидѣтельствована литературнымъ памятникомъ того времени, сочиненіемъ Крижаняча: но и для XVIII вѣка мы имѣемъ подобное же сочиненіе Радичева;

а кромѣ того несостоятельность Россіи XVIII вѣка видна въ массѣ другихъ литературныхъ произведеній, начиная отъ сочиненій фон-Визина до Семейной Хроникіи Аксакова.

Вообще, несостоятельность Россіи XVII вѣка, экономическую и моральную, нужно принимать съ точнѣйшимъ опредѣленіемъ того, въ чемъ именно и на сколько она была несостоятельна. А такъ, вообще, безъ всякаго ограниченія, можно назвать несостоятельною и нынѣшнюю Россію, и нынѣшнюю Францію, и даже Англію, не говоря уже объ Австріи или Испаніи. Но вездѣ своя степень и свои особенныя стороны несостоятельности. Несостоятельны вообще и вполнѣ, какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ нравственномъ, опять-таки только готтентоты и подобные имъ народы. Россія XVII вѣка была, безъ сомнѣнія, во многихъ отношеніяхъ несостоятельна; этого мы не можемъ не признать. Мы не принадлежимъ къ тѣмъ людямъ, которые въ московскомъ періодѣ русскаго государства, и именно въ XVII вѣкѣ, видятъ идеалъ, къ которому и теперь еще слѣдуетъ возвратиться. Москва съ своею системою сдѣлала свое дѣло; и больше того, чтó сдѣлано, она сдѣлать не могла. Необходимость измѣненія самой системы, и вообще реформъ болѣе существенныхъ и энергичныхъ для Россіи XVII вѣка, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Но не все же въ ней было плохо; было кое-что и доброе; и это-то доброе было крѣпкою основой, вслѣдствіе которой и реформы XVIII вѣка остались небезплодными. Среди готтентотовъ или даже, положимъ, персіанъ не могъ явиться и Петръ I: тамъ могъ явиться только Шах-Надиръ.

Полная несостоятельность Россіи XVII вѣка нужна г. Соловьеву для того, чтобы, разсуждая дальше, вывести необходимость полного господства новаго начала, съ презрѣніемъ и съ враждою къ старому. «Можно ли — говорить онъ — представить, чтобы молодой, исполненный жизненныхъ силъ народъ, сблизившись съ другими превосходящими его народами, понявши, чрезъ сравненіе, недостатки своего быта, не бросился вдругъ на все то, чтó казалось ему лучшимъ у другихъ?» Здѣсь г. Соловьевъ допустилъ очень важную ошибку, признавая русскихъ XVII вѣка за молодой народъ. Молодыми народами называются не такіе народы, какъ русскіе XVII вѣка. Молодымъ народомъ русскіе были развѣ только до татарскаго ига, какъ западные европейцы до крестовыхъ походовъ. А въ XVII вѣкѣ русскіе имѣли уже 800 лѣтъ исторической жизни, и, чтó главное, выработали себѣ свои особенныя, совершенно опредѣленныя формы государственной, общественной и частной жизни, выработали вполнѣ свою особенную цивилизацію со всѣми ея подробностями, выработали совершенно

*

оригинальную національность и національное чувство, въ которомъ были также вполне опредѣлены всѣ симпатіи и антипатіи. И только потому, что русская цивилизація была такъ полно выработана, реформы Петра встрѣчены были почти всеобщимъ неудовольствіемъ. И только потому и успѣлъ совершить свою реформу Петръ, что русская цивилизація выработала въ строгій принципъ особенное уваженіе къ личности государя, какъ это замѣчали еще раньше иностранцы. Не таковы молодые народы; они, дѣйствительно, какъ *tabula rasa*; что хочешь, то на ней и пиши; и русскій народъ именно могъ безъ увлеченія заимствовать у иностранцевъ то, что ему казалось лучшимъ у нихъ, какъ это и дѣйствительно было на дѣлѣ во время Алексѣя Михайловича и Федора Алексѣевича. Реформа Петра, правда, не обошлась безъ увлеченія; но на это были особенныя причины, а не то, чтобы это было необходимою самаго положенія Россіи. Реформы Алексѣя Михайловича и Федора Алексѣевича самымъ положительнымъ образомъ опровергаютъ два положенія изъ ряда ихъ, приводимаго г. Соловьевымъ: онѣ доказываютъ, во-первыхъ, то, что русское общество до Петра не находилось въ застоѣ, и во-вторыхъ, то, что реформы въ Россіи могли быть производимы спокойно и безъ увлеченій, потому что эти реформы были предприняты именно такимъ образомъ, и потому что, несмотря на ихъ недостаточность, несмотря на то, что царствованіе Федора прекратилось очень рано, когда онъ еще не вышелъ изъ юношескаго возраста, все-таки эти реформы были весьма существенны.

Но если даже и допустить, что русская жизнь была въ застоѣ, все-таки этотъ застой нисколько не обуславливаетъ увлеченій въ реформѣ; напротивъ, состояніе застоя необходимо обуславливаетъ медленное движеніе на путь прогреса. Особенно такой результатъ долженъ былъ бы имѣть застой русскаго общества, основанный на увѣренности въ далекомъ превосходствѣ основныхъ чертъ русскаго быта надъ всякимъ другимъ. Такой застой уступалъ бы медленно прогресу, шагъ за шагомъ, по мѣрѣ очевиднаго убѣжденія въ томъ, что то или другое учрежденіе у иностранцевъ лучше, нежели у русскихъ. Въ этомъ случаѣ невозможно именно то, что предполагаетъ г. Соловьевъ: быстрое убѣжденіе народа въ томъ, что почти все иностранное лучше своего; исторія положительно опровергаетъ это предположеніе. Для одного человѣка оно возможно при особыхъ обстоятельствахъ, но для цѣлаго общества или народа невозможно (*); и, разумѣет-

(*) Сдѣланныя г. Соловьевымъ указанія на подобныя же явленія западныхъ народовъ совершенно невѣрны; оттого онъ и могъ сдѣлать ихъ только въ общихъ выраженіяхъ, безъ точнѣйшаго указанія.

ся, эта реформа не совершилась бы такъ быстро, еслибы проводникомъ ея не былъ государь, неограничѣннѣйшій изъ всѣхъ своихъ современниковъ, наследникъ тѣхъ государей, безграничной власти которыхъ удивлялись иностранцы, представители государей тоже неограниченныхъ.

Положимъ, однако, что застой русской жизни долженъ былъ непременно вызвать внезапную реакцію, цѣлую революцію, какъ называетъ г. Соловьевъ реформу Петра. Что же изъ этого слѣдуетъ, относительно роли Петра въ реформѣ? «Если таковъ общій законъ—говоритъ г. Соловьевъ—если наша революція въ началѣ XVIII вѣка была необходимымъ слѣдствиемъ всей предшествовавшей исторіи, то изъ этого вполне уясняется значеніе главнаго дѣятеля въ переворотѣ Петра-Великаго. Онъ является вождемъ въ дѣлѣ, а не создателемъ дѣла, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру.» — Роль Петра, какъ главнаго дѣятеля, должна быть объясняема не à priori, отъ общаго положенія дѣла, а должна быть наблюдаема въ фактахъ, въ самомъ дѣлѣ реформы. Разсужденія à priori слишкомъ властичны и могутъ быть при искусствѣ очень ловко направляемы въ ту и другую сторону. Но у г. Соловьева они направляются въ извѣстную сторону даже безъ достаточнаго искусства. Если въ самомъ дѣлѣ наша революція (не реформа, а замѣтьте—революція) была необходимымъ слѣдствиемъ предъидущей исторіи, то вѣдь все-таки не потому, чтобы народъ созналъ необходимость ея, двинулся массою на другую дорогу; именно этого-то г. Соловьевъ и не признаетъ: онъ признаетъ до Петра только застой. Она необходима была, по его мнѣнію, какъ реакція застою. Въ застой было все русское государство, весь народъ; Петръ предпринимаетъ извлечь его изъ этого застоя; очевидно, онъ есть именно не что иное, какъ создатель дѣла; онъ увлекъ за собою часть народа и явился вождемъ ея, но только ея, то-есть одной части народа, а не всего народа, и даже не большинства; это показываютъ самые факты; свою реформу Петръ совершилъ почти исключительно съ людьми, извлеченными имъ изъ неизвѣстности, какъ Меншиковъ, или съ иностранцами. Но дѣло все-таки принадлежитъ ему. И въ этомъ случаѣ прежній взглядъ основательнѣе новаго взгляда г. Соловьева. Прежде говорили, что въ реформѣ принадлежало Петру все, начиная отъ мысли до исполненія малѣйшихъ подробностей, и за это сравнивали его съ Богомъ всемогущимъ и вездѣсущимъ.— Г. Соловьевъ видимымъ образомъ увлекся современными симпатіями къ народности, и сталъ утверждать, что дѣло Петра было дѣломъ народнымъ. Конечно, оно было такимъ потому, что для государства и для народа дѣлалъ Петръ свою реформу, но не

потому, чтобы Петръ явился какъ исполнитель народныхъ желаній. Народъ или совершенно пассивно подчинился Петру, или даже оказывалъ сопротивленіе, встрѣтилъ его реформу «страшною борьбою и сильнымъ сопротивленіемъ», какъ на другой страницѣ говоритъ самъ же г. Соловьевъ. — Впрочемъ, взглядъ на народность реформы Петра г. Соловьевъ повидимому совершенно не уяснилъ себѣ: въ приведенномъ мѣстѣ у него Петръ является вождемъ народа въ дѣлѣ реформы; въ другомъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ онъ допускаетъ, что реформа Петра сопровождалась «страшною борьбою» и «сильнымъ сопротивленіемъ» со стороны народа, онъ какъ будто допускаетъ въ то же время, что преобразование было дѣломъ насилія со стороны верховной власти; но оправдываетъ это насиліе его результатами, которые, несмотря на насильственность реформы, все-таки оказались благотворными, подобно тому, какъ результаты введенія христіанства вездѣ были благотворны, несмотря на то, что христіанство во многихъ мѣстахъ тоже было введено насильно, съ такою же «ожесточенною борьбою и съ страшнымъ сопротивленіемъ со стороны народа». Это мнѣніе старое; г. Соловьевъ только принимаетъ его вмѣстѣ съ другими. Но оно находится въ явномъ противорѣчій съ его собственнымъ мнѣніемъ относительно того, что Петръ былъ вождемъ народа.

Третье мнѣніе г. Соловьева объ отношеніи Петра къ русской народности весьма оригинально; но оно, кажется, достигаетъ не той цѣли, которую предположилъ себѣ г. Соловьевъ. «Формы дѣятельности великаго человѣка—говоритъ онъ—условлены исторіею, бытомъ народа, среди котораго онъ дѣйствуетъ. Чингис-Ханъ и Александръ Македонскій—оба завоеватели, но какаа разница между ними! эта разница происходитъ отъ различія народовъ, которыхъ они были представителями».

«Мы видѣли, какъ, вслѣдствіе извѣстныхъ условій, русское общество къ концу XVII вѣка выработало мало своихъ силъ, сдерживающихъ личную силу, которой было такъ мало простору. Вотъ почему дѣйствительная страна представляла такое обширное поприще для богатырей всякаго рода, для людей, которымъ, по выраженію пѣсни, было грузно отъ силъ, которые стремились разинуть свое плечо богатырское, и когда расходятся, не знали удержу. Богатырскій, геройскій періодъ прекращается въ народѣ вмѣстѣ съ цивилизаціею, съ развитіемъ общественныхъ силъ; цивилизованное, развитое общество сжираетъ личную силу, вгоняетъ ее въ извѣстные предѣлы, ограничиваетъ специализованіемъ занятій: отсюда понятно, что въ обществѣ цивилизованномъ сильныя люди являются не въ такихъ богатырскихъ размѣрахъ, какъ въ обществахъ»

вникъ. Мы очень хорошо знаемъ, какъ упражненіе развиваетъ всякаго рода силы, и потому нечего удивляться, что старинные сильные люди были сильнѣе нашихъ, ибо имѣли болѣе простору упражнять свои силы во всѣхъ направленіяхъ. Въ Россіи общество, вслѣдствіе своей исторіи, предоставило болѣе простора для дѣятельности верховной власти, чѣмъ въ какомъ либо другомъ европейско-христіанскомъ государствѣ».

«Петръ съ своими сподвижниками заанчиваетъ, собственно говоря, древній богатырскій отдѣлъ русской исторіи. Это — послѣдній и величайшій изъ богатырей; только христіанство и близость къ нашему времени избавили насъ (и то несовсѣмъ) отъ культа этому полубогу и отъ мнѣческихъ представленій о подвигахъ этого Геркулеса.»

Г. Соловьевъ старается привязать эти разсужденія къ тому положенію, что Петръ былъ вождемъ народа въ стремленіи его къ извѣстнымъ цѣлямъ. Но, въ самомъ дѣлѣ, они говорятъ другое. Они говорятъ только, что Петръ былъ представителемъ своего народа въ своихъ личныхъ качествахъ; онъ окрасился, какъ въ другомъ мѣстѣ выражается г. Соловьевъ, тѣми цвѣтами, которые господствовали въ обществѣ, то-есть самъ лично подвергся его влиянію. Это, безспорно, справедливо. Но нужно различать это «окрашиванье» и единство интересовъ, ясно понимаемое обѣими сторонами, вождемъ и ведомыми. Что Петръ въ значительной степени былъ окрашенъ этими цвѣтами, господствовавшими въ русскомъ обществѣ, это нисколько не доказываетъ того, что онъ былъ проникнутъ тѣми же интересами, которыми само оно было проникнуто. И это сопоставленіе Петра съ богатырями, которыми было грузно отъ силъ, которые стремились разминать нечто богатырское, и не знали удержу, когда расходятся—скорѣе говорить совсѣмъ противное. Оно весьма гармонируетъ съ тѣмъ, что Петръ встрѣтилъ въ народѣ сопротивленіе, но не съ тѣмъ, что Петръ былъ вождемъ народа. Вообще это послѣднее положеніе г. Соловьева, будучи весьма ново, въ то же время и весьма слабо; и трудно рѣшится, для чего г. Соловьевъ сдѣлалъ его и виднымъ образомъ старается особенно о томъ, чтобы поддержать его. По всей вѣроятности, г. Соловьевъ недовольно строго выработалъ свой предварительный взглядъ на реформу Петра и идалъ его въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ написалъ при торопливой работѣ. Оттого и для доказательства его привелъ разсужденія, которыя только внѣшнимъ образомъ съ нимъ связаны, а не внутреннимъ, смѣшавъ народныя черты въ личности Петра съ народными интересами въ его стремленіяхъ.

Такое же смѣшеніе г. Соловьевъ дѣлаетъ въ другомъ мѣстѣ

для доказательства той мысли, будто бы реформы XVII вѣка до Петра только ухудшили состояніе Россіи, и именно нравственное состояніе. Повидимому, г. Соловьевъ хотѣлъ говорить здѣсь объ исправленіи книгъ и церкви вообще, которое произвело расколъ. Это было бы еще справедливо. Но г. Соловьевъ утверждаетъ, что съ одной стороны расколъ, а съ другой — болѣе образованныя духовныя лица подкопали авторитетъ церкви. «Архіереи, священники оказываются несостоятельными, какъ учителя; молодое поколѣніе и вождь его воспитываются въ убѣжденіи, что этихъ учителей нечего слушать, говорятъ они—богъ-знаетъ чтѣ, потому что невѣжды, учителей этихъ прежде всего надобно учить.» Намъ кажется, что все это, будучи даже вполне справедливо, не показываетъ съ этой стороны ухудшеннаго состоянія. О появленіи раскола, конечно, надобно жалѣть; но даже и расколъ не поколебалъ уваженія въ церкви въ тѣхъ, которые остались ей послушны; а такихъ было громадное большинство; новыя же учителя, подкопавши авторитетъ отдѣльныхъ личностей, еще менѣе подкопали авторитетъ самой церкви, потому что во имя этого же авторитета они вооружались противъ невѣжества духовенства; напротивъ, появленіе болѣе образованныхъ лицъ духовнаго званія, служило знаменемъ улучшеннаго положенія дѣлъ и въ особенности много общало для будущаго. И г. Соловьевъ, высказывая свою мысль, даетъ ей такую форму, что она и въ самомъ дѣлѣ какъ будто справедлива; онъ говоритъ не о поколебленномъ авторитетѣ церкви, а только объ авторитетѣ «отцовъ духовныхъ, архіереевъ, священниковъ». Но въ такомъ видѣ она не имѣетъ никакого значенія. Поколебленный авторитетъ нѣкоторыхъ отцовъ духовныхъ ничего не значитъ—былъ бы крѣпко авторитетъ церкви вообще. А этого г. Соловьевъ не отвергаетъ, такъ-что опять является стремленіе г. Соловьева вывести слѣдствіе изъ таковаго факта, который съ дѣйствительнымъ фактомъ, дающимъ на это право, стоитъ только рядомъ, имѣетъ съ нимъ только вѣншее сходство.

Еще больше то же неправильное разсужденіе оказывается дальше въ томъ положеніи, что ослабленіе родовой связи тоже ухудшило положеніе Россіи къ концу XVII вѣка. «Членъ рода — говоритъ г. Соловьевъ — уважалъ мнѣніе рода, боялся своимъ поведеніемъ нанести безчестіе ему. Теперь и родовая связь ослабѣла, а другихъ сдерживать на ея мѣсто общество еще не выработало.» Повидимому, такъ; но въ самомъ дѣлѣ не такъ. «Членъ рода боялся своимъ поведеніемъ нанести безчестіе роду». Конечно, еслибы дѣйствительно родовая связь удерживала нашихъ предковъ отъ дурныхъ дѣлъ, то ослабленіе родовой связи было

Он ухудшеніемъ положенія. Но дѣло въ томъ, что этого-то не было. Никого и никогда родовая связь не удержала отъ дурнаго поступка; а обнаруживаема она свое дѣйствіе исключительно въ мѣстничествѣ, на службѣ военной, посольской и въ другихъ случаяхъ. Другаго значенія родовая связь не имѣла. Развѣ еще то, что въ случаѣ преступленія, знатные родичи старались не только уменьшить наказаніе, но даже скрыть самое преступленіе. Такимъ образомъ родовая связь была не какою нибудь нравственною сдержкою, а нравственною язвою; и, разумѣется, слава-богу, что она ослабѣла и уступила мѣсто все-таки не чему иному, какъ связи государственной, высшему началу цивилизаціи. Въ этомъ случаѣ г. Соловьевъ также изъ двухъ рядомъ стоящихъ и похожихъ положеній одно принялъ за другое: первое положеніе—членъ рода боялся унизить родъ своею службою на низшемъ мѣстѣ; второе—членъ рода боялся унизить родъ своими дѣлами. Справедливо первое; но г. Соловьевъ принимаетъ второе, только не выражаетъ его точно; тогда ложность его была бы очевидна; и потому говорить, что членъ рода боялся унизить родъ вообще *поведеніемъ*. А выразивши его такимъ образомъ, г. Соловьевъ уже считъ себя вправѣ выводить отсюда, что одною нравственною сдержкою въ древней Россіи было меньше.

Вообще взглядъ г. Соловьева на реформу Петра и частію на его личность отличается большою несостоятельностью. Какъ видно, г. Соловьевъ не отказался отъ прежнихъ взглядовъ на него; но въ то же время не устоялъ и противъ требованій современныхъ, которыя, заставляя обращать больше вниманія на народные элементы, съ ихъ точки зрѣнія заставляютъ судить и реформу Петра, и открыто признавать въ ней одно за необходимое и доброе, а другое—за лишнее. Г. Соловьевъ какъ-то робко соглашается съ новыми воззрѣніями на Петра, и если принимаетъ ихъ, то съ непремѣннымъ намѣреніемъ выгородить отъ упрековъ самого Петра, и какъ нибудь согласить новыя воззрѣнія съ старыми. Но это соглашеніе ему не удается, а являются только противорѣчія; такъ, гдѣ ему нужно—тамъ у него является застой, а гдѣ нужно—тамъ движеніе впередъ; въ одномъ мѣстѣ Петръ—вождь народа, въ другомъ—насилственный реформаторъ, встрѣчающій въ народѣ сильное сопротивленіе. Такая система есть естественное слѣдствіе того культа этому геркулесу-полубогу, о которомъ говоритъ г. Соловьевъ. Мы думали, что онъ въ своей исторіи освободится отъ этого культа вполне, потому что когда-то онъ написалъ критку на исторію Петра г. Устрялова, гдѣ приравнивая трудъ г. Устрялова къ труду Голикова, отнесся къ этому культу безъ всякой симпатіи.

Теперь онъ показавъ, что самъ, безспорно, страдаетъ этикъ грѣхомъ. Впрочемъ, при этомъ нельзя не замѣтить того, что этотъ культъ выражается, повидимому, исключительно въ общемъ взглядѣ, предпосланномъ г. Соловьевымъ исторіи Петра. Въ самомъ изложеніи исторіи онъ почти незамѣтенъ: тамъ г. Соловьевъ съ безстрастіемъ истиннаго историка, передъ глазами котораго прошло ужь много событій и лицъ, шагъ за шагомъ слѣдитъ за жизнью и дѣлами Петра безъ всякихъ замѣтныхъ слѣдовъ этого культа, которые были бы въ состояніи даже исказить событія, какъ они искажены въ маленькомъ отрывкѣ, приведенномъ въ началѣ этой статьи, гдѣ рассказывается о царственномъ ребѣнкѣ, вслѣдствіе гоненій родственниковъ, подвергавшемся страшнымъ опасностямъ и спасшемся чудеснымъ образомъ, воспитавшемся въ уединеніи, среди низкихъ людей, и т. д. Въ самомъ изложеніи г. Соловьевъ рассказываетъ все это совсѣмъ не такъ. О гоненіяхъ родственниковъ и помину нѣтъ, о страшныхъ опасностяхъ еще меньше; напротивъ, все дѣло излагается такъ, что вамъ и въ голову не приходитъ мысль о малѣйшей опасности для царственнаго ребѣнка; опасности не было даже и для матери его, Натальи Кирилловны: были только робкіе разговоры объ этомъ между двумя-тремя человѣками, въ то время, когда вся Москва и даже стрѣльцы уже приняли сторону Петра. А когда стрѣльцы были противъ Нарышкиныхъ, въ то время они десять разъ имѣли возможность убить Петра, но это и на мысль ни одному изъ нихъ не приходило. Потому дальше въ изложеніи ничего, разумѣется, нѣтъ и о чудесномъ спасеніи, ни о спасеніи съ помощью своей храброй дружины; короче сказать, приведенный рассказъ г. Соловьева дѣйствительно относится къ Киру или Ромулу, но не къ Петру I. Это и служитъ доказательствомъ того, какъ подъ влияніемъ предвзятыхъ взглядовъ можетъ страдать историческая истина. А въ самомъ изложеніи г. Соловьевъ дѣйствительно умѣлъ отказаться отъ этихъ предвзятыхъ взглядовъ; самыя печальныя картины онъ рассказываетъ со всѣми подробностями, не маскируя ихъ, не дѣлая фальшивыхъ объясненій, не отвергая фактовъ, когда достовѣрность ихъ не подлежитъ сомнѣнію.

Вотъ какъ описываетъ [онъ] стрѣлецкій розыскъ и казни 1698 года:

«Съ половиною сентября начали привозить въ Москву стрѣльцовъ, оставшихся въ живыхъ послѣ перваго шенновскаго розыска, и наполнили ими окрестные монастыри и села; всего было болѣе 1,700 человѣкъ. Въ Преображенскомъ, въ 14 застѣнкахъ, начались пытки съ 17-го сентября—печальный день именинь Софьи,

вогда 16 лѣтъ тому назадъ, безъ суда, казнены были Хованскіе. Пытки отличались несмысленною жестокостью. Добыто было признаніе, что стрѣльцы хотѣли стать подъ двѣвчьиимъ монастыремъ и звать Софью въ управительство; наконецъ, одинъ стрѣлецъ, съ третьяго огня признался, что было къ нимъ отъ царевны Софьи письмо, которое Тума принесъ изъ Москвы въ Великія Луки; то же показано было и нѣкоторыми другими стрѣльцами; дѣло дошло до стрѣльчихъ, оговоренныхъ въ передачѣ письма, до женщинъ, жившихъ при Софьѣ въ монастырѣ, при сестрѣ ея Марѣѣ; женщины были пытаны, и показали уже извѣстное намъ о сношеніяхъ двухъ сестеръ и о передачѣ письма стрѣльцу.

«Между тѣмъ дѣлались страшныя приготовленія къ казнямъ; ставили висѣлицы по Бѣлому и Земляному городамъ, у воротъ подъ Новодѣвчьиимъ монастыремъ и у трехъ сѣвѣжныхъ избъ возмущившихся полковъ. Патриархъ вспомнилъ, что его предшественники въ подобныхъ случаяхъ становились между царемъ и жертвами его гнѣва, печаловались за опальныхъ, утоляли вровь: Адрианъ поднималъ икону Богородицы и отправился къ Преображенское къ Петру. Но богатырь расходился, ничто и ничто его не удержитъ. Завидѣвъ патриарха, онъ закричалъ ему: «къ чему это икона? развѣ твое дѣло приходитъ сюда? убирайся скорѣй и поставь икону на свое мѣсто. Быть можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и пресвятую его мать. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышлявшихъ».

«30 сентября была первая казнь: стрѣльцовъ, числомъ 201 человекъ, повезли изъ Преображенскаго въ телегахъ къ Покровскимъ воротамъ; въ каждой телегѣ сидѣло по двое и держали въ рукѣ по зажженной свѣчѣ; за телегами бѣжали жены, матери, дѣти съ страшными криками. У Покровскихъ воротъ, въ присутствіи самого царя, прочитана была сказка: «Въ распросѣ и съ пытокъ всѣ сказали, что было притѣнить къ Москвѣ, учина бунтъ, бояръ побить и нѣмецкую слободу разорить, и нѣмцевъ побить, и чернь возмутить, всѣмъ четыре полки вѣдали и умышляли. И за то ваше воровство великій государь указалъ казнить смертію». По прочтеніи сказки, осужденныхъ развезли вершить на указанныя мѣста; но пятерымъ, сказано въ дѣлѣ, отсѣчены головы въ Преображенскомъ. 11 октября новыя казни: вершено 144 человекъ; на другой день — 205, на третій—141; семнадцатаго октября 109, осьмнадцатаго—65, девятнадцатаго—106, двадцать перваго—2.—195 стрѣльцовъ повѣшено подъ Новодѣвчьиимъ монастыремъ, передъ кельею царевны Софьи, трое изъ нихъ повѣшены подлѣ самыхъ оконъ и держали въ рукахъ челобитныя, «а въ тѣхъ челобитныхъ написали противъ ихъ повинки». «А у пущихъ воровъ и заводчиковъ ломаны руки и ноги колесами; и тѣ колеса воткнуты были на Красной площади на колья; и тѣ стрѣльцы за ихъ воровство, ломаны живые, положены были на тѣ колеса и живы были на тѣхъ колесахъ не много не сугни, и на тѣхъ ко-

десахъ стонали и охали; и по указу великаго государя одинъ изъ нихъ застрѣленъ изъ фузеи, а застрѣлилъ его Преображенскій сержантъ Александръ Меншиковъ. А попы, которые съ тѣми стрѣльцами были у нихъ въ полкахъ, одинъ предъ тиунскою избою повѣшенъ, а другому отсѣчена голова и воткнута на воль, и тѣло его положено на колесо. «Цѣлые пять мѣсяцевъ труны не убирались съ мѣста казни, цѣлые пять мѣсяцевъ стрѣльцы держали свои челобитныя предъ окнами Софьи».

«Печальныя событія лѣта и осени 1698 г. держали Петра въ сильномъ раздраженіи, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ выражалось порывами бѣшенства. 14 сентября, на пиру у Лефорта, Петръ началъ браниться съ Шенинымъ и выбѣжалъ вонъ чтобы справиться, сколько Шенинъ за деньги надѣлалъ полковниковъ и другихъ офицеровъ. Возвратился въ страшной ярости, выхватилъ шпагу, ударилъ ея по столу и сказалъ Шенину: «вотъ точно такъ я разобью и твой полкъ, и съ тебя сдеру кожу». Ярость еще больше была усилена, когда князь Ромодановскій и Зотовъ стали защищать Шенна; Петръ бросился на нихъ, ударилъ Зотова по головѣ, Ромодановскаго по рукѣ, такъ что едва не отсѣкъ палець; Шенинъ былъ бы убитъ, еслибъ Лефортъ не удержалъ Петра, получивши и самъ порадочный ударъ. Всѣ были въ ужасѣ, но молодой фаворитъ умѣлъ успокоить Петра, который потомъ весело пропировалъ до утра.

«Этотъ молодой фаворитъ былъ сержантъ Преображенскаго полка Александръ Даниловичъ Меншиковъ, извѣстный въ описываемое время подъ именемъ Алексашки».

Сцены, подобныя описаннымъ, весьма много говорятъ объ одномъ обстоятельствѣ, на которое обращали очень мало вниманія какъ почитатели, такъ и порицатели Петра, именно о совершенномъ недостаткѣ воспитанія у Петра, о чемъ и самъ Петръ жалѣлъ впоследствии. Мы говоримъ не о томъ недостаткѣ воспитанія, который не знаетъ въ подробности всѣхъ тонкостей знатныхъ гостиныхъ—нѣтъ; Петръ, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ семейныхъ, не получилъ почти никакого воспитанія. И намъ кажется, что для того, чтобы понять, какое воспитаніе имѣлъ Петръ, нужно обратиться назадъ, въ домъ Артамона Сергѣича Матвѣева, гдѣ получила воспитаніе мать Петра, Наталья Кирилловна Нарышкина. Артамонъ Сергѣичъ принадлежалъ къ числу немногихъ современниковъ, любителей новизны, еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Но въ его любви къ новизнѣ мы можемъ замѣтить особый оттѣнокъ: его любовь къ новизнѣ не походитъ на любовь къ новизнѣ Ордына Нащокина. Тотъ—серьезный преобразователь, человѣкъ съ большою силою духа, съ большимъ умомъ и весьма серьезнымъ; онъ думаетъ о нововведеніяхъ съ цѣлю улучшенія государственной машины и народной жизни вообще; онъ думаетъ

о преобразованіяхъ въ войскѣ, въ посольскомъ приказѣ, объ освобожденіи торговли отъ разныхъ стѣсненій; онъ заводитъ почты, думаетъ о заведеніи флота; онъ любитъ науку и выписалъ изъ заграницы 82 латинскія книги; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ остается истиннымъ русскимъ, съ глубокою преданностью отечеству и съ такимъ же глубокимъ религиознымъ чувствомъ, которое и привело его въ монастырь, когда онъ увидѣлъ, что его служба и его проекты не поведутъ ни къ чему. Ордынъ Нащокинъ сильно напоминаетъ человѣка, который, подобно ему, имѣлъ широкіе преобразовательные планы, отличавшіе два вѣка спустя—Сперанскаго. Не таковъ Матвѣевъ; онъ именно принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые, по словамъ г. Соловьева, подготовлялись къ преобразованіямъ, какъ дѣти приманивались игрушками къ ученію. Матвѣевъ — тоже любитель новизны; но чтѣ онъ любить? Онъ, кажется, понимаетъ больше наружныя прелести цивилизаціи. Онъ украсилъ свой домъ поевропейски и завелъ у себя что-то въ родѣ вечеровъ, гдѣ говорили, но не пили. А всего больше онъ извѣстенъ своею любовью къ театру; онъ тѣшилъ себя и государя комедійнымъ дѣломъ; своихъ дворовыхъ обратилъ въ актѣровъ; завелъ театральную школу. Эти подробности могутъ служить основаніемъ для характеристики Матвѣева; очевидно, въ самомъ дѣлѣ, онъ далеко не ровня Ордынѣ Нащокину въ пониманіи достоинствъ и сущности европейской цивилизаціи. И характеристику Матвѣева мы имѣемъ право перенести на Наталью Кириловну, воспитанную въ его домѣ, гдѣ женщины не содержались въ заключеніи, гдѣ онѣ допускались въ общество гостей, гдѣ стало-быть можно предположить общность возрѣвій на новую цивилизацію. Это предположеніе оправдывается и дальнѣйшими данными. Петръ, какъ мы уже свазали, жалѣлъ впоследствии, что его не воспитывали и ничему не учили. Это, впрочемъ, и безъ того положительно извѣстно. Очевидно, серьезнаго европейскаго взгляда на образованіе Наталья Кириловна не имѣла; въ домѣ продолжали забавляться музыкою, чтѣ ставили царицѣ въ упрекъ приверженцы Софьи; но о книжномъ образованіи не думали, даже о такомъ, какое имѣлъ царь Федоръ Алексѣевичъ или сынъ Ордына Нащокина. Книжное образованіе Петра ограничилось обученіемъ грамотѣ у дьяка Зотова; вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не думали и о нравственномъ воспитаніи ребѣнка, отличавшагося съ одной стороны громадными способностями, а съ другой—огненнымъ темпераментомъ. Есть указанія; что ребѣнокъ даже очень рано былъ испорченъ; по крайней мѣрѣ, приверженцы Софьи и сама Софья упрекали царицу и ея партію въ томъ, что они допустили въ Петрѣ въ очень юныхъ лѣтахъ развиться страсти къ вину; говорили, что они Петра съ-

ума сполна (кн. Борисъ Голицынь, воспитатель Петра, самъ очень любилъ выпить). Такимъ образомъ огненный темпераментъ Петра не привыкъ къ сдержкамъ; тѣмъ болѣе, что въ самой ранней юности отъ 1682 до 1689 года онъ постоянно былъ свидѣтелемъ борьбы между матерью и царевною Софьею. Къ концу этого времени онъ уже самъ принималъ участіе въ борьбѣ; потомъ ему говорятъ о замыслахъ противъ него, о покушеніи на его жизнь (хотя этого не было). Все это питаетъ въ немъ чувство ненависти къ врагамъ; а у него еще живо воспоминаніе о томъ, какъ въ 1682 году происками враговъ были убиты дяди его, Иванъ Кириловичъ Нарышкинъ, и старшій патронъ его матери, Матвѣевъ, котораго стрѣльцы вырвали изъ рукъ самаго десятилѣтнаго Петра. При этомъ нужно замѣтить, что врагами Петра и его матери были хотя не полные, но все-таки приверженцы старины и русскихъ порядковъ, Софья и стрѣльцы. Петръ и въ воспитаніи не получилъ большаго уваженія къ чему нибудь русскому, а тутъ еще вражда его семейства съ представителями старой Россіи. Къ нѣмцамъ у него другое отношеніе: у нихъ онъ познакомился съ тѣмъ, чего не узналъ во время ученья; они явились преданнѣйшими защитниками его въ 1689 году, хотя тутъ же были и стрѣльцы, изъ которыхъ самое ничтожное количество приняло сторону Софьи. Такимъ образомъ все соединилось къ тому, чтобы Петръ не спокойно принялся за дѣло реформы, а съ тою страстностью, которая была въ его природѣ, и которую еще развили воспитаніе и обстоятельства его юности. Въ дѣйствительно несостоятельной во многихъ отношеніяхъ Россіи, онъ не нашелъ уже ничего, что имѣло бы право на существованіе, отъ порядковъ и учрежденій до названій и покроя платья. Вотъ по видимому на что намъ нужно плакаться за то, что реформа не была совершена съ необходимымъ спокойствіемъ и безъ увлеченій; когда пришло время реформы и явился реформаторъ, то этотъ реформаторъ былъ особеннымъ образомъ приготовленъ къ своей дѣятельности обстоятельствами. Это, конечно—случайное обстоятельство; и случайныя обстоятельства немного значатъ въ исторіи; но на подробности они имѣютъ большое вліаніе. Если мы предположимъ, что нашъ реформаторъ начала XVIII вѣка былъ бы совершенно однихъ взглядовъ съ Ордынымъ Нащокинымъ, то конечно, самая реформа совершена была бы иначе; но окончательный результатъ былъ бы тотъ же; время уничтожило бы въ одномъ случаѣ реформы излишнія, а въ другомъ дополнило бы то, что еще не было сдѣлано. Такъ настоящее время еще служить продолженіемъ реформы Петра, поправленіемъ и дополненіемъ ея. Такъ еще въ прошломъ вѣкѣ Анна Ивановна отмѣнила петровы майораты, Еватерьяна возстановила славянскую орографію, прекратила преслѣдованіе старовѣровъ, и сдѣлала вообще много дополненій и измѣненій въ учрежденіяхъ Петра.

М. Е.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть третья.

ДВА УГОЛОВНЫЕ ДѢЛА.

XIV.

Новая героиня.

Въ уютномъ и хорошо убранномъ будуарѣ горѣлъ каминъ. Языки краснаго пламени кидали мигающій, колеблющійся отблескъ на стѣны и потолокъ, съ котораго спускался посерединѣ комнаты шаровидный фонарикъ, разливая мягкій матово-синій полусвѣтъ на близъ-стоящіе предметы.

Передъ теплымъ каминомъ, развалилась въ креслѣ, и протянувъ ноги къ рѣшеткѣ, сидѣлъ молодой кавалеристъ и какъ-то туго, безъ малѣйшаго отгѣнка какой-либо мысли, смотрѣлъ на огонь. Видно было, что его донимала одуряющая скука. Сидѣлъ онъ почти неподвижно и только изрѣдка барабанилъ по ручкѣ кресла своими удивительно обточенными ногтями.

Позади его, на покрытой дорогимъ ковромъ кушеткѣ, лежала молодая женщина и разсѣянно разсматривала англійскій кипсекъ, облокотясь на свои бѣлыя, тонкія, аристократически очерченныя руки. Она была блѣдна, или, быть можетъ, только казалась блѣдною, отъ безпрестанной игры на ея лицѣ свѣта и тѣни, мгновенныхъ отблесковъ краснаго пламени и синяго отлива лучей висячей лампы. Свѣтлорусыя кудри порою падали ей на лицо, затрудняя разсматриваніе картинокъ — тогда она встряхивала красивою головою, и открывала правильный овалъ миловиднаго, симпатичнаго лица, оживленнаго нетерпѣливо-досадливою мимикой маленькихъ губъ и такимъ же выраженіемъ въ ясныхъ, большихъ голубыхъ глазахъ. Во всей

ея фигурѣ сказывалось что-то безконечно - дѣтское, начиная съ этихъ недоразвившихся формъ и кончая наивно-капризной игрою лица и движеній, которыя замѣчаются у хорошенькихъ, балованныхъ дѣвочекъ. Она казалась слабымъ, тонкимъ, граціознымъ ребѣнкомъ, а между тѣмъ ей было уже двадцать лѣтъ. Глаза ея какъ-то машинально блуждали по раскрытому кипсеку и порою, съ мимолетнымъ выраженіемъ тоскливой грусти, останавливались на молодомъ человѣкѣ, который вовсе не обращалъ вниманія на ея присутствіе, казалось даже совсѣмъ не замѣчалъ ее, словно бы она и въ комнатѣ не была, и продолжалъ себѣ тупо глядѣть на уголья да барабанить по ручкѣ кресла. По глазамъ этой женщины можно было замѣтить, что она очень еще недавно плакала.

Часа полтора между ними длилось глубокое, непрерывное молчаніе, и чѣмъ дальше тянулось время, тѣмъ чаще и тревожнѣе взглядывала молодая женщина на своего сомолчалнива; наконецъ, не выдержала: тихо поднявшись съ кушетки и надѣвъ мимолетно давно упавшую съ ноги туфлю, она подошла къ спинкѣ кресла, на которомъ сидѣлъ кавалеристъ, и облокотилась на нее, наклонивъ къ нему свою голову такъ, что тихо качавшіяся кудри ея, съ легкимъ щекотаньемъ коснулись его красиваго лба. Этимъ шаловливо-вокетливымъ движеніемъ она думала пробудить вниманіе молодаго человѣка; но онъ только отмахнулъ ихъ рукою, какъ отгоняють надоѣдливую іюльскую муху, и попрежнему продолжалъ тихо барабанить.

Женщина затаила дыханіе и черезъ его голову заглянула въ на каминное зеркало, стараясь поймать выраженіе его лица и встрѣтиться тамъ съ глазами молодаго человѣка. Но глаза все такъ же тупо были устремлены въ каминъ, на красивой, хотя и нѣсколько поношенной фізіономіи все такъ же не появлялось ни малѣйшаго присутствія мысли... женщина пожала плечами и съ нѣмою тоской оглядѣлась вокругъ. Но въ ту же минуту, поборовъ въ себѣ это проявленіе тоскливаго чувства, попыталась весело улыбнуться, и неожиданно запустивъ свои тонкіе пальцы въ волосы молодаго человѣка, загнула назадъ его голову и звонко поцаловала въ лобъ.

— Машка... Чтò это за телячьи нѣжности... апатично пробурчалъ онъ себѣ подъ носъ, скосивъ глаза и въ новомъ положеніи своей головы—все въ тотъ же огонь каминна, какъ будто тамъ открывалось для него нѣчто особенно интересное.

Женщина тотчасъ же опустила руки и минуту стояла въ самомъ нерѣшительномъ раздумьѣ.

— Что ты сегодня опять такой хмурый? наконецъ произнесла она несмѣлимъ голосомъ, въ которомъ дрожали слезы и душевное волненіе.

— Скучно... сказалъ кавалеристъ, зѣвая и даже не взглянувъ на нее.

— Скучно... хм... прежде не было скучно... а теперь... богъ съ тобой, Володя! сорвалась у нея тихая, подавленная угоризна. Кавалеристъ досадливо цмокнулъ языкомъ.

— Послушай, Мери, ты, право, надоѣла мнѣ со своими вздохами! нетерпѣливо проговорилъ онъ: — все одно и то же — это чортъ-знаетъ что, наконецъ!.. Сперва я не скучалъ съ тобою, а теперь скучаю—что жъ изъ этого?.. пожалуйста, не говори мнѣ больше такихъ глупостей: это несносно!

Мери, насильственно задержавъ въ груди перерывчатый вздохъ, молча отошла отъ его кресла и сѣла на свое прежнее мѣсто... Въ глазахъ ея показались слезы.

Минуты черезъ двѣ кавалеристъ вдругъ обернулся.

— Ну, да!.. такъ и зналъ! проговорилъ онъ съ сильной досадой:—опять слезы!.. Чего же ты хочешь отъ меня, наконецъ?.. Кажется, все есть: сыта, одѣта, долги по магазинамъ заплачены—чего еще? Чего хныкать-то?—глаза на мовромъ мѣстѣ устроены? Или прикажешь мнѣ лизаться съ тобою, что ли?.. Это скучно и глупо... прощай!

— Куда же ты?!.. Останься! стремительно кинулась къ нему съ нѣжной мольбой молодая женщина, стараясь заградить дорогу къ двери:—останься... полно!.. ну, прости меня! ну, я... я буду весела!.. Куда же ты?

— Къ Бергѣ: она пикникъ дастъ сегодня—всѣ наши будутъ, равнодушно проговорилъ онъ, зашагавъ, руки въ карманы, по комнатѣ.

— Къ Бергѣ... почти безсознательно повторила она, совершенно убитая, стоя посреди комнаты.

— Н - да - съ, къ Бергѣ! не безъ язвительности подтвердилъ онъ и черезъ минуту, какъ-бы собравшись съ духомъ, началъ:

— Послушайте, милѣйшая моя Марья Петровна, я хочу объясниться съ вами окончательно. До сихъ поръ я былъ на столько деликатенъ, что говорилъ одними только намеками; но вамъ не-

угодно было понимать ихъ; такъ теперь я стану говорить съ вами прямо.

Мери, стоя на прежнемъ мѣстѣ и нервически не отнимая отъ угла губъ своихъ скомканный батистовый платокъ, изумленно глядѣла на него во всѣ свои большіе глаза.

— Мнѣ этихъ сладостей отъ васъ ненужно, продолжалъ онъ:— если угодно играть въ буволику, такъ играйте съ кѣмъ нибудь другимъ, а не со мной. Мнѣ нужна не идиллическая любовница, а содержанка, камелія—понимаете ли?—ка-ме-лія! — Этого требует мое положеніе въ полку и въ обществѣ. Такъ если угодно, чтобы наши близкія отношенія продолжались—извольте одѣваться и ѣхать со мною въ общество камелій, а нѣтъ — такъ чортъ съ вами!

Послѣднее оскорбленіе было уже черезчуръ велико. Сильно закусивъ нижнюю губу, чтобы не выдать наружу все то, что происходило внутри, Мери тихо отошла къ своей кушеткѣ и машинально сѣла на прежнее мѣсто.

Кавалеристъ прошелся еще раза два, искоса кидая взгляды на молодую женщину, и, груто повернувшись, вышелъ изъ комнаты.

Мери чутко прислушивалась къ его удалявшимся шагамъ. Черезъ минуту она услышала стукъ затворившейся за нимъ двери—и долго подступавшія къ горлу рыданія прорвались наконецъ наружу.

— Такъ неужели же все, все уже кончено? буравилъ мозгъ неотступный вопросъ, и ничто не давало на него утѣшительнаго отвѣта.

XV.

Идиллическія страны Петербурга.

Петербургъ имѣетъ свои идиллическія страны; пѣлый кварталъ этого холоднаго, промышленнаго, офиціальнаго города взялся, съ давнихъ временъ, разыгрывать роль петербургской Аркадіи и не безъ успѣха фигурируетъ въ своемъ амплуа, убѣждая всѣхъ и cadaго, что петербургская жизнь, въ одномъ укромномъ уголкѣ, не смотря на всю свою черствую сухость, имѣетъ таки буволическую сторону.

Страна эта лежитъ на юго-западной оконечности обширнаго острова, извѣстнаго во времена допетровскія подъ именемъ Койвисари, а въ послѣпетровскія—подъ именемъ стороны Петербург-

свой. Граничитъ эта вышеназванная буколическая страна: къ сѣверу—рѣчкой Карповкой, къ юго-востоку—большимъ проспектомъ, къ югу—рѣчкой Ждановкой, къ западу—Большой Невкой. Въ полиціи извѣстна подъ именемъ 2-го квартала Петербургской части, у извозчиковъ и старожилонъ—подъ именемъ Колтовской. Изобилуетъ многочисленными породами чиновниковъ, отъ коллежскаго регистратора до надворнаго совѣтника включительно, кои подраздѣляются на бѣгающихъ къ отпращиванію служебныхъ обязанностей и небѣгающихъ, то-есть покоящихся въ лонѣ семействъ своихъ по скончаніи поприща служебнаго. Обитательницы, въ большинствѣ своемъ, оказываютъ пристрастіе къ кофею и къ чесанію языка, обыкновенно на счетъ ближняго своего, или на счетъ благовѣрнаго, невпору загулявшаго, «среди долины ровныя, въ компаніи прохладной». Достопримѣчательности страны: Колтовской Спасъ — очень древняя деревянная церковь, дача съ жестянымъ куполомъ, и еще другая дача, нынѣ совѣмъ почти заброшенная, за то весьма блиставшая въ первой четверти девятнадцатаго столѣтія. Колтовскіе старожилы помнятъ еще необыкновенной вышины шесть, принадлежавшій къ этой дачѣ: на него въ извѣстное время выкидывался флагъ, который можно было видѣть за нѣсколько верстъ — изъ центра города. Теперь ужъ ничего этого не осталось: дача принадлежитъ другому владѣльцу, строеніе все болѣе и болѣе приходитъ въ ветхость, садъ заглохъ, запустѣлъ... одна только деревянная мостовая (тоже достопримѣчательность Колтовской), служащая нынѣ на пагубу извозничьихъ дрожекъ, напоминаетъ собою мѣстнымъ жителямъ то время, когда процвѣтала покинутая дача, когда гремѣла тамъ знаменитая роговая музыка и съ нею вмѣстѣ — вся страна Колтовская.

15 сентября 1864 года* Колтовская торжественно праздновала свое обновленіе: она вымостилась. До этого же времени, безъ сомнѣнія, составляющаго важную эпоху въ жизни Колтовской, узенькія улицы и закоулки ея представляли обильное царство густой, глубокой, неисчерпаемой и вовѣки невысыхающей грязи. Были мѣста, въ которыя ни одинъ извозчикъ не сомѣшался везти васъ, какую бы вы плату ни давали—изъ опасенія застрять среди колтовскихъ грязей, гдѣ для пѣшехода требовалось особенное искусство и гимнастическая сноровка, чтобы кое-какъ пробраться вдоль стѣнъ, пѣшляясь за ставни и заборы. За то однако и осюпору отважный путешественникъ-ислѣдователь можетъ открыть

такія улицы и переулки, въ коихъ кромѣ обрушившихся плетней и заборовъ не имѣется ни одного строенія. За заборомъ, съ одной стороны — какой-нибудь безконечный огорождъ; съ другой вѣчно дремлетъ заглохшій, тихій садъ, безмятежннй притонъ тысячъ воронъ и галокъ, о чемъ свидѣлствуютъ ихъ неуклюжія, черныя гнѣзда на высокихъ березахъ и пронзительныя крики съ тревожными перелѣтами, подъ сумеречную пору. Еслибы вы спросили меня: пробѣжалъ-ли когда по такой улицѣ хоть одинъ экипажъ?—я, почти съ увѣренностію, отвѣчалъ бы вамъ: нѣтъ; потому—за какииъ чортомъ и кого понесетъ нелегкая въ эту безлюдную тущобу? На улицѣ — ни малѣйшихъ слѣдовъ колесной колени: землей она занесена глубокимъ, полутора-аршиннымъ снѣгомъ; лѣтомъ — сплошь покрыта обильною растительностію: лопухами, колючимъ репейникомъ, травою, которая служитъ безвозмездною пищею для двухъ-трехъ коровъ, неизвѣстно кому принадлежащихъ, да для рыжей свиньи съ поросятами. Кромѣ этой дачной публики, вы никого не встрѣтите на такой улицѣ — хоть простойте тамъ отъ зори до зори.

Колтовская, по преимуществу — страна дворянская, семейственная, тогда какъ, напримѣръ, третья адмиралтейская часть города — по преимуществу плебейская и холостая. Въ Колтовской, какъ уже сказано выше, мирно живутъ всевозможные чиновники со чады и домочадцы. Пройдите хоть по любой улицѣ — и наворотныя дощечки поминутно будутъ гласить вамъ: домъ коллежскаго секретаря Миронова, домъ жени титулярнаго совѣтника Агафьи Ивановны Упокойкиной, домъ надворнаго совѣтника Пахомова и кавалера, и т. д. и т. д. Даже видъ самыхъ строеній отличается буколическо-семеиственнымъ характеромъ: маленькіе деревянные домики, въ три или пять оконъ, съ мезониномъ, съ велеными ставнями, съ неизмѣннымъ садкомъ и цѣпною собакою во дворѣ. Въ окнахъ за висейными занавѣсками увидите вы горшки съ гераніемъ, кактусомъ и китайскою розой, какую-нибудь канарейку или чижа въ клеткѣ—словомъ, куда ни обернись, на что ни взгляни — все говоритъ тебѣ о полномъ отсутствіи городского шума и суеты, все напоминаетъ царство жизни мирной, тихой, скромной, семейственной и патриархальной. Есть даже такія семейства, которыя и знать ни о чемъ, кромѣ Колтовской, не хотятъ, которыя рождаются, кумятся и женятся между собою, между своими коренными колтовчанами. Это—міръ совершенно особый, замкнутый, почти совсѣмъ

изолированный отъ остальной городской жизни; спокойствіе его нѣсколько возмущается только въ лѣтніе мѣсяцы, когда изъ города перебираются туда дачники; во все же остальное время безмятежный миръ и тишина царствуютъ надъ колтовскою страню.

Въ этой-то буколической странѣ обиталъ одинъ изъ вѣчныхъ титулярныхъ совѣтниковъ, Петръ Семеновичъ Повѣтинъ съ женою Пелагеей Васильевной. Супруги были одноплѣтны, то-есть каждому по шестидесяти-пяти (въ эпоху послѣднихъ событій нашего разсказа), и казалось, что они въ одинъ часъ зачались, въ одинъ родились на свѣтъ, и въ одинъ должны сойти со свѣта. Мнѣ нигдѣ не приводилось встрѣчать пары, болѣе созданной другъ для друга, чѣмъ Петръ Семеновичъ съ Пелагеей Васильевной. Оба кругленькіе, маленькіе, у обоихъ кожа на лицѣ лоснится красенькимъ румянцемъ, и все это лицо какъ-то постоянно улыбается: улыбаются глаза, брови, ноздри, щоки и губы, такъ что при взглядѣ на Петра Семеновича съ Пелагеей Васильевной—вы сами невольно улыбнетесь и подумаете: «Господи, какіе это безконечно-добродушные люди!» Дѣйствительно, безконечное добродушіе было отличительнымъ качествомъ этой четы; всѣ знакомые и сосѣди звали ихъ не иначе, какъ голубками, и только нѣкоторые сатирическіе умы къ голубкамъ предлагали эпитетъ «сизоносые»—эпитетъ совсѣмъ неосновательно-сатирическій, ибо если носы Петра Семеновича и его супруги и отличались наряду съ пухлыми ихъ щочками нѣкоторою пріятною красноватостью, то виновата въ этомъ была одна только создавшая ихъ природа, а никакъ не та всеобщая причина, что сандалитъ носъ у человѣка ньюшаго. И Петръ Семеновичъ, и Пелагея Васильевна иснивали въ количествѣ весьма умѣренномъ: по рюмкѣ сладкой наливки за обѣдомъ было совершенно достаточно для того, чтобы увеселить сердца ихъ. Рюмка—это была положенная мѣра, далѣе которой никогда не переступали супруги. Зато, если неоснователенъ былъ эпитетъ, то самое названіе—«голубки» — придалось имъ какъ нельзя болѣе кстати. Оба супруга принадлежали къ кореннымъ, исконнымъ колтовчанамъ, то-есть въ Колтовской родились, выросли, встрѣтились, слюбились, повѣнчались и, повѣнчавшись, зажили себѣ, помаленьку, въ ненарушимомъ мирѣ и согласіи. Сожительство-

вали они уже около сорока-пяти лѣтъ, разлучаясь другъ съ другомъ только на то время, пока Петръ Семеновичъ обретался «въ должности», за канцелярскомъ столѣмъ, въ мѣстѣ своего служенія, и во все долгое время этого супружества сосѣди ихъ рѣшительно не запомнятъ, чтобы между Петромъ Семеновичемъ и Пелагеей Васильевной вышла когда какая нибудь ссора или неудовольствіе: они вѣчно оставались довольны другъ другомъ, ибо общность желаній, помысловъ и стремленій столь была велика между ними, что рѣшительно невозможно и придумать даже малѣйшихъ поводовъ къ возраженіямъ и размолокѣ съ той или другой стороны. Жили они, что называется, «своимъ домкомъ», въ наслѣдственномъ домикѣ Пелагеи Васильевны. Домикъ былъ маленькій, деревянный, съ мезонинчикомъ. Комнаты походили скорѣе на кѣтушки; но кѣтушки эти отличались необыкновеннымъ уютомъ, домовитостью, опрятностью, такъ что въ нихъ именно «жило», тогда какъ часто въ большихъ и хорошихъ квартирахъ «не живетса», хотя, казалось бы, весь комфортъ, всѣ удобства съ изысканной предупредительностью сосредоточены въ нихъ, такъ что только бы жить, да и жить, а все-таки, глядишь, не живетса почему-то... Какіе-то невидимые Лары и Пенаты покровительствовали маленькому домику въ Колтовской и берегли его спокойствіе. На дворѣ, охраняемомъ цѣпною Валеткой, сосредоточивалось все обиходное хозяйство Пелагеи Васильевны: тутъ были и сарайчики, и чуланчики, и коровникъ для ея бурѣнки, и ледничокъ для сливокъ и всякой живности. Тутъ же въ корытѣ, врытомъ въ землю, безмятежно полоскалось семейство утятъ, чесался о заборъ и хрюкалъ откармливаемый поросенокъ, рылись въ навозной кучѣ курцы, пользовавшіяся особенной симпатіей домовитой хозяйки, которая каждой изъ нихъ даже отдѣльное имя присвоила: тутъ были и чернушка съ рябушкой, и хохлушка съ махноножкой, и ушата, и желтошейка. Конечно, всю эту живность гораздо удобнѣе можно бы было закупать на Сытномъ рынкѣ, но Пелагея Васильевна рѣдко заходила въ рынокъ—она именно любила «свой домикъ», свое собственное хозяйство. Съ другой стороны, къ надворнымъ строеніямъ примыкалъ тѣнистый садикъ, въ которомъ Петръ Семеновичъ копалъ грядки, сажалъ кукурузу, постоянно неудававшуюся, и табакъ, тоже недостигавшій полного роста. Тутъ же у него произрастали разнородные маки, испанская земляника съ клубникой, турецкіе бобы и огурцы, пышные подсол-

нечники и дщи. Петръ Семеновичъ собственноручно смастерилъ, вопервыхъ, маленькую тепличку, а вовторныхъ, сколотилъ столъ и настлалъ дерновую скамью подъ группой трехъ плакучихъ березъ. Въ двухъ-трехъ клумбахъ являлось царство ре-зеды, левкоя, настурцій, георгины и мальвы, а далѣ шли яблонька и кусты малины, смородины и крыжовника. 6-го августа, когда Колтовская празднуетъ свой приходскій праздникъ, Петръ Семеновичъ собственноручно снималъ съ яблони лучшіе плоды и несъ ихъ «на освященіе плодовъ земныхъ» къ Спасу къ обѣднѣ. Всѣ оставшіеся за сямъ яблоки, Пелагея Васильевна мочила съ брусникой, приготавливая на зиму салатъ къ жаркому. Малина со смородиной шла у нея на изготовленіе наливокъ, которыя выходили отминно вкусными изъ-подъ опытной руки колтовской хозяйки.

Жизнь этой четы протекала съ невозмутимымъ однообразіемъ: вчера, какъ сегодня—сегодня, какъ вчера. Утромъ — встануть себѣ съ пѣтухами, умоются, причешутся, богу помолатся и подойдутъ къ столу, гдѣ ужъ кипитъ свѣтлый самоваръ и ждетъ разливки кофей въ жестяномъ кофейникѣ.

— Здравствуйте, попочка!

— Здравствуйте, цыпильва!

Петръ Семеновичъ цалуетъ ручку Пелагеи Васильевны; Пелагея Васильевна, наоборотъ, ручку Петра Семеновича, за сямъ поцалуются въ губы и садятся подрѣплять свои силы.

Съ первыхъ дней счастливаго супружества, они почтили другъ друга разными нѣжными кличками, и эти клички оставались за ними неизмѣнно до конца ихъ жизни.

— Вы, цыпильва, чтѣ желаете нынче къ обѣду?

— Къ обѣду-та? а зажарьте мнѣ, цыпленокъ мой, курочку съ грибами, да ватрушечекъ съ лучкомъ.

И къ обѣду неизмѣнно являются означенныя блюда.

Когда рюмка наливки взвеселитъ сладкія сердца престарѣлыхъ супруговъ, и они, возблагодаривъ создателя своего милостиваго за насыщеніе ихъ благами земными, поцалуютъ по обычаю ручки и губки другъ друга—глаза ихъ увлажняются пріятно-веселою нѣгой, и нѣга эта вызываетъ новыя разговоры:

— Пепушка любитъ своего цыпильку?

— Любитъ.

— Очень любитъ?

— Очень.

— Да?

— Да!... А цыпнышка любить попушку?

— Любить.

— Очень?

— Очень.

— Милая попушка!

— Славный пѣтушонок мой!

И за симъ новое лобзаніе, весьма нѣжнаго супружескаго свойства.

Странно судьба распоряжается съ людьми: она не можетъ дать имъ полнаго счастья и всегда вставляетъ въ жизнь человѣческую какую-нибудь вѣчную колючку, которая имѣетъ назначеніе отравлять собою источникъ человѣческихъ радостей. Это ироническое отношеніе судьбы отразилось и въ жизни колтовской четы добродѣтельныхъ супруговъ. Трудно бы было найти двухъ людей, болѣе ихъ расположенныхъ къ супружеской, семейной жизни, болѣе ихъ желавшихъ плодиться, размножаться и населять землю, и—увъ! этому завѣтному желанію никакъ не суждено было исполниться. Но отъ первыхъ до послѣднихъ дней своего супружества, Петръ Семеновичъ съ Пелагеей Васильевной не переставали утѣшать себя тщетной надеждой, что авось, богъ-дасть, у нихъ чтонибудь и родится.

— Попушка! скажеть, бывало, иногда Пелагея Васильевна, съ застѣнчивымъ и таинственнымъ видомъ, положила руку на плечо супруга: — милушка мой! кажется, меня поздравить надо!

— Ну, да, толкуй, ухмыльнется Петръ Семеновичъ, приучившійся уже въ теченіе тридцати-пяти лѣтъ понимать, къ чему обыкновенно клонить такой приступъ у его дражайшей половины, а самому такъ вотъ и хочется всѣмъ сердцемъ, всей душою повѣрить въ истину словъ ея.

— А что жъ, развѣ невозможно? возражаетъ престарѣлая Бабида: — и по писанію даже возможно выходить! — Вспомните-ка про Захарію и Елисавету, да про Авраама съ Сарой?

— Ахъ вы глупушка-попушка! такъ вѣдь на то они и патриархами нарицались и обитали въ Палестинѣ, а мы съ вами въ Колтовской—вотъ вы и сообразите тутъ.

— Что жъ, по человѣчеству все едино выходить... Опять же я чувствую...

И оба ухмыляются, необыкновенно довольные другъ другомъ.

— А какъ назовемъ-то мы новорожденнаго? сунуть нѣсколько

инуть начинаютъ Петръ Семеновичъ, котораго такъ и подми-
ваетъ свести разговоръ на достолюбезную ему тѣму.

— А ужь конечно подѣ число: подѣ какое число родится,
кодъ такого святаго и назовемъ.

— А я желаю Петромъ назвать... Пусть его Петръ Петровичъ
будеть!

— Ну, да! что я говорить! Развѣ не знаете, что коли по отцу
назвать, такъ ребѣнокъ несчастливый уродится?

— Это все пустяки одни: вонъ у насъ въ департаментѣ Гома
Гомичъ по отцу названъ — а какой счастливый! Въ рангѣ стат-
скаго состоитъ, начальникъ отдѣленія...

— Ахъ, вотъ что, цыпенька! восклицаетъ Пелагея Васильевна
такимъ тономъ, словно бы сдѣлала Архимедову находку: — окре-
стимъ-ка мы его Гомой, въ честь Гома Гомича! — Пускай онъ
будетъ такой же счастливый! Опять же и для начальства это
очень лестно, что въ честь его младенца нарицаютъ — все-таки
видно, что чувствуетъ человѣкъ.

— Вотъ что дѣло, то дѣло, старуха! соглашается, наконецъ,
Петръ Семеновичъ, и за симъ начинаются разговоры «о прида-
номъ» для новорожденного. Впрочемъ, Пелагея Васильевна на
сей конецъ давно ужь обезпечена: у нея, богъ-вѣсть съ какихъ
поръ еще нашито всего вдоволь — и пеленокъ, и распашенокъ, и
одѣяльце, и подушечка — все это уже до малѣйшей подробности
сообразилъ ея предусмотрительный умъ, обо всемъ она позабо-
тилась, все это имѣется у нея въ наличности, въ комодѣ; одного
только нѣтъ — новорожденного... Для нея истинное наслажденіе
составляло — перебирать, пересматривать, повременамъ, имуще-
ство будущаго ребѣнка и ремонтировать его, замѣняя новыми
погнившія отъ долговременнаго лежанія вещи. Это была ея за-
вѣтная мечта, самое завѣтное наслажденіе, источникъ надеждъ,
ожиданій и огорченій отъ слишкомъ продолжительной несбывчи-
вости этихъ надеждъ. Но главное утѣшеніе все-таки въ томъ,
что Пелагея Васильевна до конца дней своихъ не переставала
съ убѣжденіемъ мечтать объ осуществленіи въ своей особѣ но-
вой Сары, которая произведетъ на свѣтъ новаго Исаака. Объ
этой завѣтной мечтѣ знали всѣ сосѣди, вся улица и при удоб-
номъ случаѣ, покачивая головой, непременно замѣчали: «Экіе
чудисей, прости-господи! согрѣшеніе одно съ ними, да и только!
До старости дожили, зубы всѣ, почитай, стерли, а все еще аму-
ратса!... голубня, одно слово!»

Петръ Семеновичъ съ Пелагеей Васильевной, весь избытокъ своихъ матримоніальныхъ чувствъ, по необходимости, изливали на чужихъ, постороннихъ дѣтей, одинъ видъ которыхъ производилъ въ нихъ сердечное умиленіе и сокрушенный вздохъ о собственномъ безчадіи. И дѣти необыкновенно любили ихъ: они, какъ собаки, инстинктивно чуютъ добрую душу. Бывало, глѣннмъ вечеромъ выйдетъ Петръ Семеновичъ на улицу, запросто, подомашнему, въ старенькомъ халатикѣ, усядется за воротами на скамеечкѣ—и гурьба ребятишекъ, гляди, вокругъ него трется. Мастерить онъ имъ глѣтушковъ бумажныхъ, стругаетъ какунибудь палочку, корабликъ дѣлаетъ; а Пелагея Васильевна, которая успѣла уже, нарочно по этому случаю, набить карманы пестрыми лоскутками и какииъ-нибудь сладкимъ домашнимъ печеньемъ, съ нѣжностью одѣляетъ ими каждаго мальчугана и каждую чумазую дѣвчонку.

Въ 1837 году жила на дачѣ въ Колтовской одна особа, которую въ околѣдкѣ всѣ звали «генеральшей». Генеральша, по соудству познакомилась случайно съ «голубками». Хотя знакомство это состояло въ перекидкѣ двумя-трема словами въ теченіе всего лѣта, да въ поклонѣ при встрѣчѣ на прогулкахъ, одна генеральша знала о сокрушеніи голубковъ по поводу безчадіи и видѣла ихъ нѣжную любовь къ постороннимъ дѣтямъ. На слѣдующій годъ, въ одно весеннее утро, у веротъ маленькаго домика остановилась щегольская карета, изъ которой вышла все та же блистательная генеральша и, къ крайнему удивленію и переполоху буколическихъ супруговъ, вошла въ ихъ парадную глѣтушку, носившую обычное наименованіе «залы». Генеральша предложила имъ — не желаютъ ли они взять къ себѣ на воспитаніе маленькую дѣвочку, за которую она будетъ платить имъ ежегодно по двѣсти рублей серебромъ? Предложеніе это принесло Повѣтинимъ радость великую, прийдя какъ нельзя болѣе по сердцу, такъ что они немедленно же изъявили полное свое согласіе. Тогда генеральша вынула назначенную сумму и взяла съ Повѣтинныхъ росписку въ полученіи—«за воспитаніе дѣвочки». Въ тотъ же день, къ вечеру, въ квартирѣ ихъ помѣстилась, въ мезонинчикѣ, маленькая люлька рядомъ съ кроватью для мамы—и домикъ огласился пискотней ребѣнка, необыкновенно гармонически улаждавшей слухъ чадолюбивыхъ супруговъ.

— А неправда ли, цыпушка, веселѣе какъ-то стало? умилился Петръ Семеновичъ:—и кинаречка на оягѣ щебечеть и ребѣнченокъ гудить.

И цыпушка отъ души соглашалась съ мнѣніемъ своего супруга.

Дѣвочку окрестили и назвали Марьей. Кажется, незачѣмъ говорить о томъ, что росла она въ холѣ, въ теплѣ, да въ довольствѣ, что ей всё въ глаза глядѣли и наглядѣться не могли.

Ежегодно у воротъ колтовскаго дома останавливалась генеральская карета, что на цѣлый день подавало тѣму для сосѣдскихъ разговоровъ: генеральша привозила условную плату за воспитаніе, брала росписку и провѣдывала дѣвочку. Каждый разъ она оставалась не болѣе десяти минутъ и, несмотря на то, что Пелагея Васильевна, какъ угорѣлая, начинала метаться изъ комнаты въ кухню и изъ кухни въ комнату, торопясь приготовить кофе для дорогой гостыи — дорогая гостыя ни разу не соблаговолила отвѣдать его подъ кровлей Пелагеи Васильевны.

— Что жъ это такое, попкикъ мой, съ неудовольствіемъ замѣчала Пелагея Васильевна, по уѣздѣ генеральши:—никогда-то она моего угощенія принять не хочетъ, словно брезгуеть... Ужъ право, мнѣ это не по сердцу... У покойницы матушки (царство небесное!) примѣта была, коли ужъ отъ радушнаго хлѣба-соли человекъ отказывается—недобрый онъ, значить, человекъ...

— Ну, глупецъ вы эдакой! миролюбиво отвѣтствуетъ Петръ Семеновичъ, торопясь потушить возстающія въ сердцѣ супруги сомнѣнія, хотя самъ вполне чувствуетъ то же:—не видала она, что ль, нашего кофею! У нея—чу, такой, какого мы съ тобой и отродясь не пивали, у нея—мокка аравійская, а у насъ — цыкорій... А все жъ она доброе дѣло намъ сдѣлала, что дѣвчонокъ-то отдала: жизнь-то вѣдь скрасила.

И дѣйствительно, это было единственное доброе дѣло, сотворенное генеральшей фон-Шпильце, которая, впрочемъ, отдавая ребѣнка, о добрыхъ дѣлахъ и не воображала, а думала только о томъ, какъ бы, въ уваженіе просьбы князя Шакурскаго, поудобнѣе пристроить его подвядыша.

Пелагея Васильевна каждый разъ выводила Машу напоказъ генеральшѣ—и генеральша, глядя ее по головкѣ и цалуя въ розовую щечку, не безъ удовольствія про себя замѣчала, что дѣвоч-

ка все болѣе выравнивается и хорошѣетъ. Однажды, когда ей пошелъ уже семнадцатый годъ, Амалія Потаповна, съ особеннымъ вниманіемъ оглядывала наружность воспитанницы, и, выславъ ее изъ комнаты, очень заботливо обратилась къ Пелагеѣ Васильевнѣ съ совѣтомъ: беречь и хранить, какъ можно строже, ея нравственность, чтобы не вздумала влюбиться, потому она теперь уже дѣвушка на возрастъ... Пелагея Васильевна даже нѣсколько оскорбилась этимъ предостерегательнымъ совѣтомъ.

— Что жь, сердце дѣвическое! возразила она:—полюбить, такъ запрѣту не положишь; на то теперь и годы ея такіе. А коли самой полюбить хорошій человекъ, такъ и замужъ возьметъ.

На это генеральша съ увѣренностью замѣтила, что она сама знаетъ, за кого Машѣ слѣдуетъ выдти, и «сама будетъ отыскивать ей хорошій женихъ.»

— Впрочемъ, она еще почти ребѣнокъ... слаба... мало развита—надо подождать еще: пускай вполнѣ разовьется — такъ лучше станетъ; да и пристроить ее надо повыгоднѣй, половчѣй, мысленно рассуждала Амалія Потаповна, уѣзжая отъ Повѣтвннхъ.

Маша съ первыхъ еще лѣтъ какъ-то инстинктивно, подѣтски не возжаловала генеральшу; хотя Пелагея Васильевна и говорила ей, что ее «надо любить, потому она ей благодѣтельница», но Маша какъ-то туго понимала это и оставалась при своемъ безотчетномъ нерасположеніи къ Амаліи Потаповнѣ.

У нея было мягкое, доброе сердце, которому, Впрочемъ, мудрено бы было и сдѣлаться инымъ посреди окружающей обстановки — въ образѣ Петра Семеновича съ Пелагеей Васильевной. Съ десятилѣтняго возраста Машу стали водить въ пансіонъ, который держала на большомъ проспектѣ одна старушка-француженка изъ отставныхъ гувернантокъ, и эти пансіонскіе годы продолжались у нея до семнадцатилѣтняго возраста. Стало быть, она училась «понекому чему нибудь и какъ нибудь», какъ учатся вообще наши русскіи дѣвушки. Впрочемъ, Пелагея Васильевна приходила въ неописанный и даже нѣсколько горделивый восторгъ, видя какъ ея «дочурка» читаетъ разныя книжки, «и даже пофранцузскому; а говорить-то, говорить съ мадамой—хоть ни словечка не понимаешь, а сердцемъ чувствуешь, что хорошо говорить: безъ запиночки эдакъ складно выходитъ.» Такъ повѣствовала Пелагея Васильевна всѣмъ своимъ сосѣдямъ, не упуская малѣйшаго удобнаго случая распространиться передъ кѣмъ бы то ни было объ успѣхахъ своей воспитанки.

Петръ Семеновичъ очень любилъ «почитать что нибудь», а Пелагея Васильевна «послушать книжку занимательную». Бывало, подь вечерь, вставши оть послѣ-обѣденной высыпки, усядется онъ за большой «апетитной» чашкой чая и примется читать вслухъ, а Пелагея Васильевна съ Машей вяжутъ чулокъ, либо штопаютъ что нибудь и слушаютъ чтеніе Петра Семеновича. А Петръ Семеновичъ читалъ всякія книжки, какія только подь руку попадались: и «Юрія Милославскаго», и «Трехъ мушкатеровъ», и равныя аббатства съ таинствами Анны Редклифъ, и водевилъ «Жена или карты», и Гоголя, и старый истрепанный нумеръ «Современника» либо «Отечественныхъ Записокъ»—все это поглощалось имъ съ равнымъ удовольствіемъ. Маша, гляючи на него, тоже полюбила чтеніе, и читала съ наслажденіемъ, съ увлеченіемъ непосредственнаго «читателя» все—безъ разбору. Это, конечно, не прошло безъ весьма значительной доли вліянія на ея внутренній міръ и впечатлительное воображеніе. Маша всюю душой любила свою мирную, тихую, безвѣстную жизнь съ отцомъ и матерью—такъ называла она своихъ воспитателей, которые въ двадцать лѣтъ безраздѣльной жизни до того сроднились съ нею, что привыкли думать, будто она и взаправду ихъ собственная родная дочь, будто ничто въ мірѣ разлучить ихъ не можетъ. У Маши была въ мезонинѣ своя отдѣльная дѣвическая келья, окошками въ садикъ, и въ эти окошки засматривали вѣтви березы и лапчатые листья клена, съвозъ которые, бывало, пробивается по весеннемъ утрамъ горячій лучъ солнца и обливааетъ комнату зеленовато-золотистымъ свѣтомъ. Комодъ съ зеркальцемъ и нѣсколькими вѣнками, бонбоньерка, бюстикъ Наполеона, желѣзная кровать подь бѣлымъ тканѣвымъ одѣяломъ, да столикъ со множествомъ коробочекъ и блюдецекъ съ разными сѣменами, которыми былъ заставленъ и подоконникъ, радомъ съ двумя-тремя горшками цвѣтовъ—вотъ и вся обстановка, являвшая скромную гѣренку молодой дѣвушки. Но въ этой скромной гѣренкѣ жилось беззаботно и счастливо: въ ней и молилось по душѣ, и мечталось по сердцу, и работалось по волѣ.

А между тѣмъ незамѣтно подступила и та пора, когда впервые смутно, бессознательно начинается ощущаться потребность чувства, потребность молодой жизни, молодой любви... И чувствовала Маша, что душа чего-то просить, какъ будто чего-то недостаетъ ей, а чего недостаетъ ей, чего просить она—богъ-вѣсть!... Нѣтъ яснаго отвѣта. Она поняла только, что внутри ея произошелъ какой-то переворотъ, но не поняла еще его сущности, не могла еще

ясно сознать его и поневоля таила въ себѣ эту смутную просьбу дѣвической души.

Года два спустя послѣ извѣстнаго уже читателю разговора о хорошемъ женихѣ и строгомъ сбереженіи дѣвической нравственности, генеральша внезапно появилась въ квартирѣ Повѣтниныхъ и безапелляціонно объявила, что срокъ воспитанія конченъ, что теперь настало время, когда она можетъ взять Машу къ себѣ, поэтому пусть ее сейчасъ же одѣвается и ѣдетъ.

Слова эти какъ громомъ пришибли стариковъ. Они растерялись, поблѣднѣли, и въ первую минуту даже не поняли хорошо, о чемъ это говоритъ генеральша, и возможно ли, на самомъ дѣлѣ, не въ шутку, такое объявленіе съ ея стороны? Однако, генеральша не чувствовала въ себѣ расположенія къ шуткамъ, ибо ею руководили весьма важныя побужденія относительно Машы, и во имя этихъ побужденій ничто уже не могло измѣнить ея намѣренія.

— Матушка!... Ваше превосходительство!... не обидьте вы насъ, стариковъ! со слезами умоляли ее Повѣтнины:—не надо намъ вашихъ денегъ... Мы вамъ отдадимъ... у насъ есть одна тысячка въ сберегательной, да сгношимся еще кое-какъ, продадимъ кое-что — всѣ деньги, что потратили вы на нее, съ радостью выплатимъ вамъ — только не берите вы ее отъ насъ... Пожа-льйте вы насъ, матушка!...

Пелагея Васильевна, совсѣмъ растерявшись отъ неожиданнаго горя, даже въ ноги кланялась генеральшѣ, руки ея целовала—но все было напрасно: воля Амаліи Потаповны осталась неизмѣнной. Она сказала, что везетъ Машу къ отцу и матери, что теперь подошли такія обстоятельства, когда ея настоящимъ родителямъ уже незачѣмъ скрывать, и можно взять ее открыто въ свой домъ, что для счастья самой Машы — это необходимо, что родители, наконецъ, имѣютъ на нее законное право, такъ-какъ Маша находилась у Повѣтниныхъ только на воспитаніи, за деньги, въ чемъ имѣются ихъ собственноручныя росписки и — слѣдственно, никакихъ больше разговоровъ по этому поводу быть не можетъ.

— Что жь, матушка Пелагея Васильевна, рѣшительно, хотя и съ великой грустью, началъ старикъ Повѣтнинъ, обратясь къ женѣ: — видно, ужъ такъ богу угодно... надо смириться... Коли родители свое дѣтище къ себѣ взять желаютъ, такъ намъ съ тобой грѣхъ противиться сердцу родительскому... дѣло-то ужъ

оно больно святое да кровное... Тяжело — что дѣлать! — а надо... надо... Ступай, собирай дочурку...

И у старика побѣжали по щекамъ горькія слезы: въ эту минуту онъ отривалъ у себя самый больнои и самый завѣтний кусокъ своего сердца.

Генеральша предложила имъ сто рублей въ награду — но старики наотрѣвъ отказались принять эти деньги, и только умоляли объ одномъ, чтобы имъ позволено было навѣщать Машу у родителей. Генеральша охотно изъявила свое согласіе, и даже обѣщала сама заѣхать за ними и свезти ихъ дна черезъ два или три, когда все уже устронится для Маши въ ея новомъ положеніи. Молодая дѣвушка совсѣмъ обезумѣла отъ горя. Она привыкла думать, что живетъ съ родными отцомъ и матерью, а тутъ вдругъ оказываются какіе-то новыя... Да и правда-ли еще все это? Ей что-то больно не вѣрилось этой генеральшѣ, въ отношеніи которой у нея еще съ дѣтства закралось антипатичное чувство. Она и теперь какъ-то неволью чуяла, что небыть ничему доброму изъ этой разлуки, изъ этой внезапной перемѣны жизни. Но — дѣлать нечего: въ слезахъ, почти безъ чувствъ, почти совсѣмъ больную положили ее въ генеральскую карету; дверца захлопнулась и колеса грузно потащились по клейкимъ волтовскимъ грязямъ.

У воротъ стояли двое стариковъ. Пелагея Васильевна дрожала какъ въ лихорадкѣ, и безмысленно глядѣла по сторонамъ, какимъ-то убитымъ, пришибленнымъ взглядомъ; Петръ Семеновичъ смотрѣлъ во слѣдъ удалявшейся кареты, и долго еще осѣивалъ ее вѣстными знаменіями. Сосѣди выглядывали изъ оконъ и форточекъ, дѣлая догадки и соображенія: что бы это такое могло у сивоносныхъ случиться?

XVI.

Благія намѣренія.

Дѣлами князей Шадурскихъ заправлялъ нѣкто Полиевитъ Харлампевичъ Хлѣбонасушенскій, надворный совѣтникъ и кавалеръ двадцатилѣтняго безпорочія, и ордена святаго Станислава третьей степени. Толстенскій старецъ былъ многоученный энциклопедистъ по части сутажничества, крюкотворства, стряпчества, финансизма, администратизма и тому подобныхъ высоко-прагматическихъ предметовъ. Дѣлишки свои обдѣлывалъ необыкновенно тонко и кругло. По-

ступилъ къ Шадурскимъ непосредственно послѣ Морденки, и въ теченіе двадцатилѣтняго безкорыстнаго служенія интересамъ княжеской фамиліи, исподволь сколотилъ себѣ капиталчикъ тысячъ во сто. Княжеская фамилія, во многихъ критическихъ случаяхъ, обращалась непосредственно къ Полиевту Харлампіевичу, который и ссужалъ ее, изъ собственнаго кармана, самымъ благодушнѣйшимъ образомъ, зная, что первыя деньги, проходящія прежде всего черезъ его собственныя руки, первому ему же и пойдутъ въ уплату. Онъ былъ знакомъ со всѣмъ свѣтомъ, ибо въ каждомъ провидѣлъ «нужнаго человѣчка», который, рано-ли-поздно-ли, на что нибудь да пригодится. Любилъ слушать конношенныхъ и почтамтскихъ пѣвчихъ, изъ храмовъ же предпочиталъ — Казанскій. Въ мірѣ искусства отдавалъ преимущество высокимъ трагедіямъ, съ большой похвалой относился о «Жизни игрока», «Велизаріи» и «Рукѣ Всевышняго», которая отечество спасла, не безъ гордости присовокупляя при этомъ, что во время оно даже лично знавалъ Нестора Васильевича Кукольника и многихъ сочинителей. Изъ газетъ любилъ «Пчелву»; ѣздилъ по городу не иначе какъ въ дышло, на парѣ рыженыхъ шведовъ, въ широкихъ врытыхъ прблеткахъ, именуемыхъ обыкновенно «докторскими», и иногда давалъ «нужнымъ людямъ» обѣды, на которыхъ по преимуществу красовался цвѣтъ губернскаго правленія, управы благочинія и надворнаго суда. Въ заключеніе можно прибавить, что Полиевтъ Харлампіевичъ былъ человѣкъ необыкновенно мягкій, привѣтливый, сладостно-улыбающійся, съ чувствомъ руки пожимающій, и самый ревностный христіанинъ.

Вскорѣ послѣ извѣстнаго уже читателю происшествія съ Юліей Николаевной Бероевой, Полиевтъ Харлампіевичъ появился на секретной аудіенціи въ пріемной Амаліи Потаповны фон-Шпильце. Онъ былъ присланъ съ весьма немаловажнымъ порученіемъ отъ самой княгини Татьяны Львовны, которая возложила на него это порученіе, зная его тонкія дипломатическія способности.

Причина, вызвавшая таковую секретную миссію, была нижеслѣдующаго рода.

Молодой князь Шадурскій, выигравъ съ Петьки пари, заключавшееся въ ужинѣ у Дюссо, и поставивъ для этого на карту честь и судьбу женщины, на нѣкоторое время успѣлъ удовлетворить свое самолюбивое тщеславіе, а за тѣмъ — снова обратился къ баронессѣ фон-Дѣрингъ, за которой неукоснительно продолжалъ ухаживать и его разслабленный батюшка.

Все это крайне досаждало княгинѣ Татьянѣ Львовнѣ, и повергало ее въ немалую печаль. Не говоря уже о томъ, что она замѣчала порою двусмысленныя, проницательныя взгляды, которые кидались иногда на двухъ соперниковъ, и которые до глубины души пронзали ея чуткое самолюбіе, княгиня Татьяна Львовна имѣла еще другую, болѣе практическую и тяжеловѣсную причину боязни за поведеніе ея сына относительно баронессы фон-Дерингъ. Разслабленный гаманъ почти совсѣмъ не занимался дѣлами, сынъ его точно такъ же: они умѣли только подписывать векселя, да поручать Полиевкту Харлампіевичу Хлѣбона сущенскому, чтобы онъ, откуда бы то ни было, доставалъ имъ денегъ. Одна только княгиня понимала настоящее положеніе дѣлъ, существенно интересовалась имъ, и изыскивала всяческія средства, лишь бы извернуться и поддержать достоинство и кредитъ Ша-дурскихъ въ обществѣ. Задача была нелегкая, стоившая княгинѣ многихъ горькихъ минутъ и размышленій. Но чѣмъ болѣе размышляла она, тѣмъ неотразимѣе приходила къ заключенію, что единственное спасеніе состоитъ въ женитьбѣ князя Владимира на Дарьѣ Давыдовнѣ Шиншѣевой. Это былъ бы исходъ, не компрометирующій ея сына, за котораго теперь приходилось почти каждый мѣсяць, то тамъ, то здѣсь, уплачивать весьма значительныя суммы. Князь не хотѣлъ убѣдиться никакими резонами, считая рѣшительно невозможнымъ посократить свои широкія потребности, то и дѣло давалъ новые векселя, занималъ деньги — и деньги необыкновенно быстро проскользали между его рукъ, уподобляясь водѣ, въ рѣшету наливаемой. Татьяна Львовна неоднократно приступала къ нему съ рѣшительнымъ объясненіемъ, тщетно усиливаясь втолковать въ эту голову весьма некрасивое и опасное положеніе семейства, если дѣла будутъ продолжаться такимъ образомъ; но князь Владиміръ, какъ на зло, ничего не хотѣлъ ни слушать, ни понимать.

— Э, полно, шатап! Поповичъ выручить! онъ вѣдь не мало награлъ у насъ денегъ, возражалъ онъ ей обыкновенно, съ изумительной беззаботностью.

— Женись, настаивала княгиня.— Не все ли равно тебѣ? Женись поскорѣе!

— На комъ это? на уродѣ?

— Тутъ ужъ нечего думать о красотѣ: красоту можно всегда найти и потомъ, а денегъ не найдешь.

— Урода я прибегаю на послѣ, comme dessert, pour la bonne

bouche, когда ужь совѣтъ плохо придется; а пока еще кредитъ мой держится — слуга покорный!

— Но ты нѣсколько не думаешь о насъ—что съ нами-то будетъ тогда?

— Ну, тогда объ этомъ и подумаемъ.

— У тебя нѣтъ ни жалости, ни сыновняго чувства, укоряла княгиня со слезами материнскаго, чувствительнаго огорченія:—ты рассуждаешь, какъ эгоистъ!

— А что жь, эгоизмъ—дѣло недурное, отшучивался князь Владимиръ, ни мало не поддаваясь на практическіе доводы своей матушки.

Ту, наконецъ, это взбѣсило.

— Если такъ — такъ знай же! попробовала она пустить въ ходъ тяжеловѣсную угрозу:—ты вынудишь меня и отца опубликовать тебя въ газетахъ, что мы по твоимъ векселямъ не платимъ.

Но князь не смутился.

— *Merci pour le scandale*, хладнокровно поблагодарилъ онъ:— только знайте и вы, что можетъ изъ этого выйти. Впервыхъ, вы замараете мою репутацію, какъ порядочнаго человѣка; во вторыхъ, испортите мою карьеру; втретьихъ, окончательно подорвете свой собственный кредитъ; вчетвертыхъ, на бракъ съ уродомъ нечего ужь будетъ и рассчитывать, послѣ такого милаго скандала, *et enfin — que dira le monde?*

Княгиня, и безъ этого объясненія понимавшая всю силу столь неотразимыхъ аргументовъ, увидѣла, что придуманная ею угроза не попала въ цѣль, и окончательно упала духомъ.

Да, впрочемъ, и было отчего. Она знала и видѣла, что главная причина безпутныхъ тратъ — баронесса фон-Дерингъ, которой въ Петербургѣ не особенно-то посчастливилось: она не попала въ сливки высшаго общества и осталась въ молокъ, то есть въ томъ свѣтѣ, который составляетъ слой, лежащій непосредственно подъ этими густыми сливками, и къ которому, между прочимъ, принадлежалъ домъ Давыда Георгіевича Шиншѣва. Такъ было относительно сливокъ женскаго рода; сливки же рода мужскаго считали даже за нѣкоторую модную честь быть принятыми въ кружокъ баронессы. Она рассчитывала, что будетъ введена въ высшее общество при посредствѣ княгини Шадурской, но сильно ошиблась въ расчетѣ. Княгиня, кажется, ско-

рѣш бы удавилась, чѣмъ рѣшилась бы на такой подвигъ въ отношеніи женщины, затѣвавшей ее красотой—женщины, которую она считала своею соперницей во всемъ, которую ненавидѣла отъ всей души, и наконецъ—благосклонности которой добивались два слишкомъ близкіе ей человѣка—мужъ и сынъ. Все это ставило между ними неодолимыя преграды относительно ввода въ высшее общество. Съ другой стороны этому помѣшала ассоціація Бодлевскаго и Коврова. Для дѣйствія на сливки прекраснаго пола, ассоціація имѣла гораздо болѣе полезнаго агента въ лицѣ графа Каллаша, чѣмъ въ лицѣ Наташи. Прекрасная женщина нужна была для дѣйствія на сливки пола непрекраснаго, которыя, будучи у ея ногъ, тѣмъ удобнѣе могли попадаться въ руки ассоціаторовъ. Для этого требовалось положеніе нѣсколько изолированное, независимое, которое трудно сохранить женщины, попавшей въ тѣсный кружокъ сливокъ, гдѣ каждое дѣйствіе ея могло подвергаться строгому, безошадному контролю явныхъ пріятельницъ—тайныхъ завистницъ и соперницъ. Наташѣ весьма удобно было разыгрывать видныя роли между сливками заграницей, гдѣ она дѣйствовала одна, съ Бодлевскимъ; въ Петербургѣ же, съ образованіемъ ассоціаціи, ей предстояло быть въ одно и то же время и свѣтскою женщиной, и необыкновенно тонкой куртизанкой, то-есть вѣчно плыть между Сциллою и Харибдой—положеніе далеко не изъ легкихъ; но того требовали ближайшіе интересы ассоціаціи. Она держала себя такимъ образомъ, что свѣтская молва никому не могла приписать титулъ ея любовника, а между тѣмъ, благодаря своему исключительному, «эмансипированному» положенію и тонко-завлекательному кокетству, Наташа могла всѣмъ и каждому подавать эту сладкую надежду. Короче сказать, ея ловкое воженъе за нось имѣло результатомъ только ущербъ для кармановъ непрекрасной половины сливокъ аристократическихъ и финансовыхъ. Она составила свой собственный кругъ, въ которомъ блистали всевозможныя титулованныя имена мужчинъ, и между ними—оба князя Шадрскіе. Кромѣ того, что каждый изъ ея знакомыхъ проигрывалъ ей въ карты (игру баронесса всегда затѣвала у себя какъ-бы экспромтомъ, отъ нечего дѣлать), и проигрывалъ весьма значительныя куши, она ухитралась съ одного и того же вола драть по двѣ и даже по три шкуры. Мы уже сказали, что почти каждый изъ этихъ господъ льстилъ себя тайной надеждой добиться ея благосклонности. На этой-то стрункѣ и играла подъ сурдин-

ку опытная баронесса. Поводомъ обыкновенно служилъ какой-нибудь уединенный визитъ, интимный пріемъ съ глазу на глазъ въ своемъ будуарѣ, и какъ-бы незначай, между прочимъ — ювкій поводъ разговора на временно-затруднительныя обстоятельства, сводившіяся къ невозможности уплаты по какимъ нибудь пустячнымъ счетамъ (тысячи въ три, въ пять, а иногда и болѣе). Предупредительный искатель обыкновенно съ любезностію предлагалъ услуги своего кармана; баронесса награждала за это милымъ пожатіемъ руки, обворожительнымъ взглядомъ, и послѣ нѣкотораго колебанія, соглашалась на предлагаемый ей «заемъ», прося только чтобъ эта пріятельская услуга осталась въ тайнѣ. Искатель, конечно, самымъ искреннимъ образомъ давалъ свое слово и уѣзжалъ, вполне увѣренный, что получилъ новый шансъ къ крѣпкимъ бастіонамъ ея сердца. Стоило, напримѣръ, баронессѣ на одномъ изъ подобныхъ интимныхъ визитовъ замѣтить, что ей очень нравится какая нибудь драгоценная вещь, видѣнная ею въ такомъ-то магазинѣ — и очень часто случалось, что дня черезъ два, эта самая бездѣлушка являлась на ея каминѣ или туалетѣ, незамѣтно поставленная туда, въ ожиданіи будущихъ благъ, рукою предупредительнаго обожателя. Оба Шакурскіе были одними изъ самыхъ ревностныхъ ея данниковъ. Татьяна Львовна все это знала, и потому вполне справедливо опасалась за свое состояніе, ибо въ теченіе одной только зимы батюшка съ сыномъ починали уже тратить пятнадцатую тысячу на прихоти очаровательной акулы — а что же предстоитъ еще дальше, если дѣла пойдутъ такимъ образомъ? Княгиня, конечно, могла бы принять болѣе энергическія мѣры, то-есть секретно попросить вліятельныхъ людей о временномъ удаленіи сына изъ Петербурга по какимъ нибудь подходящимъ порученіямъ, хоть о срочномъ переводѣ его на Кавказъ, а разслабленнаго гамена увезти, по совѣту докторовъ, лечиться заграничу, но... участь ея собственнаго сердца препятствовала употребленію столь энергической мѣры: образъ Владислава Карозича (Бодлевскій тожъ) слишкомъ нѣжно царствовалъ въ этомъ сердцѣ и парализовалъ собою всякія рѣшительныя начинанія. Вѣдь это ужъ, можетъ быть, послѣдній... послѣдній! и — какъ знать? отищется ли кто нибудь еще, равный ему по достоинствамъ и положенію, кто бы согласился впоследствии вступить въ ампуа поклонника ея увядшей красоты?

Стало быть, объ энергическихъ мѣрахъ нечего и думать, а

надо поискать другія, болѣе удобныя, которыя привели бы къ желаннымъ, утѣшительнымъ результатамъ.

Вягина знала дипломатическую слабость своего сына къ женщинамъ. Она понимала, что отвлечь его отъ баронессы можетъ только женщина, которая бы являла собою какія нибудь новыя, оригинальныя стороны, могущія служить контрастомъ качествамъ баронессы, но контрастомъ столь же обольстительнымъ и завлекательнымъ, какъ и эти качества. Словомъ, требовалось увлеченіе въ другую сторону, и его-то предстояло отыскать въ возможно-скоромъ времени.

Среди такихъ размышленій, однажды засталъ княгиню Полевикъ Харлампіевичъ Хлѣбонасущенскій, явившійся къ ней доложить о весьма затруднительномъ обстоятельстве: по двумъ векселямъ молодого князя надо было произвести уплату, въ три тысячи рублей серебромъ, да вромѣ того ихъ сѣятельство призвали сегодня его, Хлѣбонасущенскаго, съ требованіемъ въ займы четырехъ тысячѣнокъ, которыхъ, какъ передъ истиннымъ-богомъ, нельзя достать.

— Да скоро ли же этому конецъ? всплила княгиня, выслушавъ представленіе управляющаго. — Куда же поглощаются всѣ эти деньги?

— Вашему сѣятельству ужъ безъизвѣстно, куда именно, хитрою ухмыльнулея Полевикъ Харлампіевичъ, прилизывая ладонью свои височки:—все туда же-съ... Конечно, ихъ сѣятельство прихоть свою тѣшатъ: говорятъ, что изволили госпожѣ-баронессѣ въ карты проиграть... Оно извѣстно, долгъ обязательный; а только нашимъ-то дѣламъ тяжеленко становится, не вытянемъ, матушка ваше сѣятельство, какъ передъ истиннымъ говорю—не вытянемъ, потому къвину натягиваешь-натягиваешь, она тебѣ пищать-пищать да и лопнетъ.

— Я придумала средство—можетъ быть, подѣйствуетъ... слышала я, что тутъ есть одна особа, которая можетъ помочь... посоветуемся, предложила Татьяна Львовна — и вслѣдствіе этого совѣщанія Полевикъ Харлампіевичъ Хлѣбонасущенскій отправился на секретную аудіенцію къ Амалѣ Потоповиѣ фон-Шильде.

— Я беру большое участіе въ молодомъ князѣ, говорилъ онъ ей: — потому какъ я зналъ его еще вотъ эдакимъ (примѣрное указаніе рукою на аршинъ отъ полу), такъ мнѣ извѣстенъ вполне его характеръ... Молодой князь нисколько не жалѣетъ себя, здо-

ровью его вред наносится, а родители сокрушаются, въ особенности ея сїятельство. А мнѣ, по моей близости къ ихъ семейству, поручено, такъ-сказать, спасеніе молодаго князя. Спасеніе можетъ произойти отъ особы прекраснаго пола, которая съумѣла бы на время развлечь ихъ душу... Только надо все это обдѣлать какъ можно политичнѣе... Княгиня ужъ не останется въ долгу на счетъ благодарности... А намъ, изволите ли видѣть, ваше превосходительство, нужно дѣвицу юную, непорочную, богобоязненную, такъ-сказать, и притомъ образованную—чтобы, значить, для молодаго князя новость въ этомъ предметѣ была...

Генеральша подумала, сообразила, и дала обѣщаніе исполнить просьбу Полиевта Харлампіевича, предваривъ его, что въ случаѣ удачи, нужно будетъ дать за труды три тысячи серебромъ. Полиевту Харлампіевичу внутренно очень не понравилась такая почтенная сумма, однако, онъ отвѣчалъ, что за этимъ дѣломъ не станетъ, только какъ человѣкъ пунктуальный и сообразительный, почелъ нужнымъ освѣдомиться, что именно слѣдуетъ разумѣть «удачей» въ настоящемъ разѣ. Амалія Потаповна пояснила, что, по ея разумѣнію, удача будетъ заключаться въ томъ, если князю понравится избранная ею особа и онъ обратитъ на нее существенное вниманіе. Полиевтъ Харлампіевичъ сообщилъ, что и по его личному разумѣнію подъ удачей слѣдуетъ понимать то же самое, и откланялся, заявивъ надежду, что ея превосходительство не оставитъ его своимъ посильнымъ содѣйствіемъ, ибо черезъ то самое она поможетъ совершенно даже очень добраго дѣла на счетъ спасенія молодаго человѣка.

На другой день Амалія Потаповна поѣхала въ Колтовскую.

XVII.

ВЪ ТЕАТРѢ.

Большой театръ былъ полонъ. Зала горѣла тысячью огней, радужно игравшихъ въ хрусталѣ огромной люстры. Всѣ ярусъ ложъ представляли непрерывную, неструю шпалеру женскихъ головъ и нарядовъ. Еслибы наблюдатель захотѣлъ прослѣдить по выраженіямъ этихъ лицъ тѣ чувства, которыя пробуждаютъ въ этихъ душахъ звуки итальянской оперы, то увидѣлъ бы онъ слишкомъ большую разницу между низомъ и верхомъ огромной залы. Въ бенуарѣ и бельэтажѣ — выставка пышныхъ куафюръ,

открытыхъ плечь, блестящихъ нарядовъ... Однѣ фізіономіи блещутъ безцеремоннымъ, гордо-самоувѣреннымъ нахальствомъ — это оперная принадлежность самыхъ модныхъ, гремящихъ камелій. Здѣсь господствуетъ слишкомъ большая откровенность бюста, рукъ, плечь и спины. Здѣсь изъ каждой бездѣлки, изъ каждаго брильянтика, ленты, кружевной оборки такъ и выглядываютъ убиты на нихъ и нетрудно доставшіяся тысячи. Другія фізіономіи носятъ характеръ элегантно скромности и невозмутимаго достоинства римскихъ матронъ; онѣ такъ и стремятся изобразить, будто наслаждаются звуками, но, увы! — внимательный глазъ наблюдателя непременно подмѣтитъ бы, что наслажденіе это не истинно-сердечное, а дѣланное, фальшивое, сочиненное — ибо такъ уже надлежитъ, такъ «принято», что хотя бы мы и ничего, кромѣ страусовской польки въ музыкѣ не смыслили, но находясь въ числѣ абонентовъ итальянской оперы, обязаны изображать наслажденіе мотивами Россини и Мейербера. Эти фізіономіи принадлежатъ Діанамъ большаго свѣта и представительницамъ золотыхъ мѣшковъ.

Переведите свой бинокль ярусомъ выше — и вы явно придете къ заключенію, что женскія личики какъ-бы говорятъ своими взглядами:

«И мы тоже абонированы въ итальянской оперѣ, потому что и мы тоже принадлежимъ къ порядочному обществу.»

Это — ярусъ блаженнаго самообольщенія и бюрократически-превосходительныхъ самолюбій. Наряды, что есть мочи, стремятся подражать бельэтажу и уравниаться съ нимъ.

Подымайте бинокль выше и выше — и глаза ваши прослѣдятъ сознательное вниманіе къ музыкѣ, сознательное наслажденіе ею. Ложи переполнены зрителями, глаза и шеи танутся къ сценѣ, въ куафюрахъ отсутствіе пышности, въ нарядахъ господство чернаго и сѣрыхъ цвѣтовъ; на фізіономіяхъ все менѣе и менѣе написано дутыхъ претензій — вы начинаете шириться съ оперой, вы приходите къ мысли, что здѣсь не исключительно только выставка волосъ, бюстовъ, нарядовъ и косметиковъ. Но закройте совсѣмъ назадъ свою голову, чтобы узрѣть тропическія страны горныхъ мѣстъ, гдѣ самой судьбою предназначено быть блаженному раю и, боже мой, какой искренній, увлекательный, юношески-пылкій восторгъ прочтете вы на лицахъ этихъ студентовъ, кадетовъ, бѣдненькихъ чиновниковъ, губернаторокъ, ученицъ консерваторіи! Вы увидите уже ясно, что не внизу, а вверху помѣ-

щадятся истинные дилетанты и настоящие, искренние цѣнители музыки, и тѣмъ смѣшнѣе, тѣмъ жалче покажутся вамъ роскошно-комфортабельные нижніе ярусы.

Въ изображаемый нами вечеръ, особенное вниманіе эlegantныхъ рядовъ партера привлекали двѣ ложи. Одна приходилась почти противъ другой, съ тою только разницей, что одна — принадлежала бельэтажу, а другая — литерная, приходилась ярусомъ выше. Изъ обѣихъ выглядывало по прелестной женской головкѣ, на которыя въ антрактахъ были устремлены почти всѣ бинюки черныхъ фраковъ и блестящихъ мундировъ.

Обѣ вполне прекрасны, неподдѣльно свѣжи, неподдѣльно молоды, чего — увы! — никакъ нельзя было бы сказать про тѣхъ Аспавій бельэтажа, которыя молодость покупаютъ въ косметическихкихъ магазинахъ, и скорѣе годятся на ампула театральныя Мегеръ, чѣмъ на роли Фринъ и Лансъ нашего времени.

— Кто эта особа? спрашивали въ партерѣ, указывая на головку бельэтажа.

— Какі! вы не знаете?.. О, barbare! да гдѣ живете вы послѣ этого?!. Незнать хорошенькой женщины въ Петербургѣ!.. Это — танцовщица, mademoiselle Бравъ...

— А чье она приобрѣтеніе, чья собственность?

— Князя Жалторѣцкаго.

— П n'a pas un mauvais goût, le prince!

— Да вотъ и онъ... Смотрите, входитъ въ ея ложу...

— Гм... а вѣдь недурно быть обладателемъ такой женщины?

— Еще бы! А вы слышали, какой онъ ей праздникъ задаетъ?...

— Magnifique, mirabolant!

— А тамъ кто такая? вонъ, видите — въ литерной? Une tête de Greuse! говорили, указывая на другую головку.

— А! въ самомъ дѣлѣ, это совсѣмъ новинка!.. Кто она? съ гѣмъ она? Кто знаетъ?

Но о послѣдней никто въ партерѣ не могъ сообщить надлежащихъ свѣдѣній. Между тѣмъ, впечатлѣніе было произведено весьма замѣтное — новинкой заинтересовались.

— Съ нею кто-то есть, однако, продолжались партерныя наблюденія: — кажется, дама — постоитъ-ка, поглядѣть, что ли, въ бинюль...

— Ва! да это известная генеральша!.. Ну, такъ и есть: она!

— Она? те-те-те... Стало быть, дѣло въ гульѣ и продажѣ.

— Разумѣется, такъ!

— Понимаемъ...

И говоръ, въ томъ же родѣ, расходится далѣе, по всему партеру.

Общее впечатлѣніе, производимое двумя головками, не безслѣдно отразилось на молодомъ князѣ Шадурскомъ. Самолюбіе его, привыкшее сознать въ себѣ чувство постояннаго первенства, тотчасъ же засосалъ неутомонный червячокъ. Молодая, почти дѣвочка, mademoiselle Бравъ являла собою слишкомъ разительный контрастъ съ тѣми блеклыми женщинами, которыя давно уже не представляли ничего новаго для князя и людей его категоріи. Отношенія ея къ Желторѣцкому показались Шадурскому чѣмъ-то новымъ, оригинальнымъ, и потому уже привлекательнымъ. Желторѣцкій былъ его товарищъ и даже весьма сильный соперникъ въ общественномъ положеніи, поэтому князь Владиміръ втайнѣ очень его недолюбливалъ. Теперь же, вида въ театрѣ всеобщее вниманіе къ ложѣ бельэтажа, слыша этотъ говоръ, расточавшій похвалы молодой дѣвушкѣ, подлѣ которой, въ одномъ изъ антрактовъ, появился самъ Желторѣцкій, тогда какъ никто кромѣ его не переступалъ за порогъ той ложи — князь Владиміръ поддакъ сильной досадѣ, подстревнувшей въ немъ ревнивые помыслы: «зачѣмъ, дескать, онъ, а не я первый, выдумалъ эту штуку? Зачѣмъ я нѣсколько мѣсяцевъ понапрасну торчу у баронессы фон-Дѣрингъ, тогда какъ, по своему положенію, могъ бы, даже долженъ имѣть свою собственную любовницу, о которой бы всѣ говорили, любовались и завидовали бы мнѣ?»

Сама судьба явилась на помощь молодому князю. Онъ не упустилъ изъ виду и литерной ложи, гдѣ сидѣла другая, никому неизвѣстная, но точно такъ же всѣми замѣченная дѣвушка, за которою вырисовывался силуэтъ генеральши фон-Шпильце.

«А чѣмъ чортъ не шутить?» рѣшилъ самъ съ собою Шадурскій, и тихо удалился изъ партера.

Всеволодъ Крестовскій.

ТАЙНЫ ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ НЕАПОЛѢ.

ЗАПИСКИ ЭНРИКЕТТЫ КАРАЧЧОЛО.

(Изъ рода князей Форино, бывшей монахини бенедиктинскаго ордена).

Votum feci,

Gratiam accersi.

(Я дала обѣтъ и приняла благодать).

VII.

ДУХОВНЫЕ ПАСТЫРИ.

Итакъ я была отдѣлена на неопредѣленное время отъ того міра, въ общеніи съ которымъ я прожила двадцать лѣтъ, и разомъ погружена въ омутъ иного, искусственнаго міра, въ близкій и ежедневный обиходъ съ монахами, монахинями и священниками. Воспользоваться ли мнѣ этимъ крушеніемъ молодой жизни моей, чтобы указать читателю на нѣкоторыя, можетъ статься, еще неизслѣдованные берега общественной пучины, чтобы открыть свѣту нѣкоторыя черты монашескаго быта, оставшіяся до сей поры никому недоступными, кромѣ женщины? — Попытаюсь.

Но прежде нежели приняться за продолженіе моего разсказа, въ перипетіяхъ котораго займутъ такое видное мѣсто клерикальный деспотизмъ и извращеніе монашескихъ нравовъ, я надѣюсь, что читателю не покажется скучнымъ краткое обзорѣніе церковныхъ учреждений, существующихъ на нашемъ полуостровѣ вообще и въ Неаполѣ въ особенности. Положеніе чернаго и бѣлаго духовенства имѣетъ слишкомъ тѣсную связь съ моими записками какъ въ то время, когда я пала подъ его гнетомъ, такъ и послѣ національнаго возрожденія, чтобы я считала лишнимъ привести объ этомъ предметѣ нѣсколько наблюденій, способныхъ озарить новымъ свѣтомъ ту сцену, на которой постепенно развернутся послѣдующіе эпизоды моей драмы.

Сознавая малую степень моей компетентности и тѣсноту моей рамки, я, конечно, не пушусь въ критическія разсужденія о по-

ложеніи духовенства въ Италіи въ прошломъ и настоящемъ времени. Такъ-какъ единственная моя цѣль—показать въ быстромъ обзорѣннѣи, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ достигла общественная зараза, которою до сихъ поръ страдаетъ наше отечество, я сошлюсь на одинъ только авторитетъ цифръ, положительное и неопровержимое краснорѣчіе которыхъ дѣйствуетъ на общественное мнѣніе убѣдительно въ всякихъ діалектическихъ изощреніяхъ. Такъ-какъ эти цифры извлечены изъ статистическихъ таблицъ и официальныхъ документовъ, обнародованныхъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, то читатель можетъ положиться на точность ихъ, и быть увѣреннымъ, что къ нимъ не подмѣшивается вліяніе духа партій.

Вотъ первый неоспоримый фактъ. Сочащаясь съ объемомъ территоріи и численностью населенія страны, нѣтъ католическаго или христіанскаго государства, въ которомъ было бы такое огромное множество епископскихъ престоловъ, священниковъ, церквей, монастырей, монаховъ и монахинь, какое можно насчитать въ нашемъ отечествѣ. Италия, которой принадлежитъ печальное преимущество назваться, изъ всѣхъ просвѣщенныхъ европейскихъ странъ, государствомъ левитическимъ *par excellence*, уже съ конца прошлаго столѣтія представляется взору въ видѣ обширной монашеской общины. Конечно, противъ соединеннаго вліянія двухъ внутреннихъ силъ, одинаково враждебныхъ освобожденію совѣсти и разума, а именно—реакціи клерикальной и политико-деспотической—постоянно борется благодатное вліяніе современной цивилизаціи, которое даже и у насъ уже успѣло проникнуть очень и очень глубоко. Однако же, несмотря на глухіе перевороты, совершившіеся въ принципахъ и правахъ въ послѣдніа два столѣтія и бывшіе причиной погашенія нѣсколькихъ монашескихъ орденовъ, и слитія въ одно нѣсколькихъ церковныхъ учрежденій, несмотря на ревностныя старанія французской окупаціи времени республики, чтобы привести въ возможно тѣсныя границы чудовищный избытокъ блага духовенства, и на уничтоженіе ею же множества монастырей, какъ въ Пьемонтѣ, такъ и въ бывшемъ королевствѣ Бурбоновъ (ихъ было уничтожено до 200 въ одной южной части полуострова); несмотря на послѣдніа распоряженія правительства, имѣющія цѣлью постепенное уничтоженіе монашества—Италія все еще продолжаетъ быть, какъ и прежде, страной левитической *par excellence*, и обременена прелатурой, іерархіей, бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ, далеко превышающими своей численностью потребности богослуженія.

Монастыри различныхъ орденовъ занимаютъ еще большую пропорцію, какъ доказываетъ это въ сравнительной таблицѣ

одинъ изъ наиболѣе достойныхъ уваженія органовъ французской прессы. Во Франціи, передъ временемъ революціи, было 1,081 аббатство (abbayes)—изъ нихъ 800 мужскихъ и 281 женскихъ, и 619 капитуловъ—изъ нихъ 24 капитула благородныхъ дѣвицъ. Обратимся къ Италіи. Италія, со своими 24 милліонами жителей, испещрена 82 монашескими орденами, и 2,382 монастырями; иными словами, она, въ минувшемъ 1864 году, имѣла вдвое больше монастырей, чѣмъ имѣла ихъ въ 1789 году Франція, страна болѣе обширная и болѣе населенная. Число монаховъ представляется слѣдующимъ образомъ: 15,000 постриженныхъ монаховъ, 18,198 постриженныхъ монахинь, 4,474 братьевъ-бѣльцовъ (frères-lais) и 7,671 сестеръ-бѣлицъ, всего 45,843 лица монашескаго званія — число, равняющееся населенію второстепеннаго государства германскаго союза.

Если сравнить, продолжаетъ «Journal des Débats», имущество французскаго духовенства въ 1789 г. съ имуществомъ итальянскаго духовенства въ 1864 г., оказывается, что когда имущества французскаго духовенства, декретомъ отъ 2-го ноября 1789 года, были объявлены національными, они были оцѣнены въ одинъ миллиардъ и сто милліоновъ франковъ. Стоимость имущества духовенства въ Италіи въ настоящую минуту достигаетъ почти двухъ милліардовъ франковъ, то-есть цифры вдвое больше безъ одной только десятой доли, нежели цифра имущества, которыми пользовалось до революціи пресвященное богатствами духовенство одной изъ самыхъ богатыхъ, самыхъ могущественныхъ, самыхъ населенныхъ странъ земнаго шара.

Перейдемъ отъ отдѣльныхъ цифръ къ общимъ. Слѣдующее совокупное исчисленіе извлечено изъ статистическихъ расчетовъ, только-что обнародованныхъ «официальной неаполитанской газетой».

Число членовъ бѣлаго и чернаго духовенства во всей Италіи, въ 1857—8 годахъ достигало 189,900, что равняется одному духовному лицу на 142 свѣтскихъ лица.

Кромѣ того въ одной Италіи епископовъ и архіепископовъ было 269, что равняется почти половинѣ того, сколько ихъ во всей Европѣ, и цѣлой трети епископовъ и архіепископовъ всего католическаго міра, въ которомъ ихъ не болѣе 814—816.

Если къ этимъ 189,000 духовнымъ лицамъ, проживающимъ въ Италіи, прибавить и тѣхъ—итальянцевъ же, которые разосланы по разнымъ миссіямъ, да вѣриковъ разныхъ низшихъ орденовъ, да послушниковъ и послушницъ, да такъ называемыхъ городскихъ монахинь (monache di città — женщины, связанные объѣтомъ, но не заключенныя въ монастыри), то мы получимъ и всѣ 200,000—что равняется одному духовному лицу на 46 взрослыхъ человѣкъ.

Вотъ какимъ образомъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ Неаполѣ было распредѣлено бѣлое духовенство, по званію и численности:

Архіепископовъ	3.
Епископовъ	7.
Членовъ архіепископскаго капитула канониковъ	30.
Коллегія гексодмаріевъ	22.
Кварантистовъ соборной церкви	18.
Капеллановъ, состоявшихъ при королевской ча- совнѣ сокровищницы св. Януарія	12.
Капитулъ канониковъ S. Giovanni Maggiore . . .	15.
Приходскихъ священниковъ, состоящихъ подъ вѣдомствомъ неаполитанскаго архіепископ- скаго престола	43.
Палатинское духовенство, капелланы: «титуляр- ные», «почетные» и «экстраординарные» . .	34.
Священниковъ	3,027.

Итого 3,211.

Приходскихъ церквей въ Неаполѣ 50; остальныхъ церквей 257; разнхъ братствъ (confraternite) 174; духовныхъ конгрегацій 8; часовень съ вечерней службой 57.

Что же касается до чернаго духовенства въ Неаполѣ, то во время моего вступленія въ монастырь, въ этомъ городѣ, въ *пятидесяти-двухъ* мужскихъ и въ *двадцати-четырехъ* женскихъ монастыряхъ, было 6,720 человекъ, обреченныхъ или обрекающихся религіознымъ обѣтомъ на праздность и безбрачіе, распредѣленныхъ на слѣдующія категоріи:

Священниковъ и клириковъ низшихъ орденовъ	3,507
Монаховъ и послушниковъ	1,767
Монахинь	1,094
Воспитанницъ	352

Къ этой цифрѣ нужно прибавить сестеръ, размѣщенныхъ по различнымъ консерваторіямъ и пріютамъ города, и сословіе бѣлицъ, то-есть женщинъ, отказавшихся отъ брака не монашескимъ, а простымъ обѣтомъ; этихъ лицъ, по приблизительному исчисленію, наберется болѣе 2,000, что составитъ общій итогъ въ 9,000 человекъ; это равняется болѣе, чѣмъ *одной пятидесятой* долѣ всѣхъ жителей Неаполя, оторванной церковью отъ общественнаго труда, и получившей запретъ участвовать въ увеличеніи населенія.

Одинъ человѣкъ изъ 50! Ужасно! Какая эпидемія, какое смертно-носное бѣдствіе когда либо собирало такую постоянную, страшную дань съ народа! Въ трехъ городахъ Италіи — Римѣ, Неаполѣ и Палермо, въ однихъ, проживаютъ болѣе 30.000 гражданъ обонхъ половъ, чуждыхъ прошлому, враждебныхъ настоящему и бесполезныхъ для будущности своего отечества.

VIII.

Сдѣны и нравы.

Изъ всѣхъ бенедиктинскихъ монастырей въ Неаполѣ, въ описываемое мною время большее число постриженныхъ монахинь было въ монастырѣ Григорія Армянскаго. Я тамъ застала ихъ пятьдесятъ-восемь; изъ-нихъ весьма немного старыхъ, а большую частію молодыхъ, или среднихъ лѣтъ, и всѣ онѣ, какъ я уже сказала, принадлежали къ самымъ знатымъ домамъ бывшей столицы.

Однако, съ перваго дня вступленія моего въ монастырь, я имѣла случай убѣдиться, что нравственное и умственное развитіе сестеръ отнюдь не соотвѣтствовало знатности ихъ происхожденія. Большая часть изъ нихъ съ самой колыбели обречены эгоизмомъ бездушныхъ родителей и братьевъ на то, чтобы сгорнать въ одиночествѣ и умъ, и сердце, и красоту, чтобы принести въ жертву — не религіи, а алчности своихъ родственниковъ — всякое свое чувство, даже дочернюю любовь, торжественно и безвозвратно отречься объ обязанностей и правъ, связывающихъ каждую личность съ семьей, съ націей, съ человѣчествомъ, не смотря на ихъ общительный нравъ, огненный темпераментъ, на подвижность ихъ наслѣдственнаго характера. По этимъ причинамъ ихъ воспитываютъ вдали отъ всякихъ понятій, способныхъ расширить ихъ умственную сферу, направить и оплодотворить ихъ чувства, смягчить и облагородить ихъ нравы; ихъ ничѣмъ не занимаютъ, кромѣ какъ легендами, чудесами, видѣніями, аскетическими фантазмагоріями, почерпнутыми изъ чтенія немногихъ книгъ — болшею частію о житіи святыхъ, дозволенныхъ имъ домашней цензурою; никогда, ни въ домѣ, ни внѣ дома, не приходятъ онѣ въ столкновеніе съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ близкихъ родственниковъ и своихъ духовниковъ. Вотъ почему монахини, даже самаго знатнаго изъ монашескихъ орденовъ, а именно ордена св. Бенедикта, не только лишены всѣхъ прелестей, отличающихъ благовоспитанную женщину, но даже и тѣхъ вѣществъ и познаній, которыя въ болѣе цивилизованныхъ общи-

нахъ, все же дѣлать монахинь достойными нѣкотораго уваженія. Пусть историкъ или философъ, не находящій въ безцвѣтныхъ страницахъ хронистовъ, или въ извращенныхъ фантазіяхъ XVII столѣтія, достаточныхъ матеріаловъ для воссозданія въ ея настоящемъ видѣ той позорной эры, которою открывается и заканчивается въ Италіи иноземное владычество — пусть онъ старается пробраться въ женскій монастырь. Тамъ онъ найдетъ живыми и неизгладившимися, несмотря на тридентскую реформу, нравы вѣка Борджіа, Медичи, Фарнезе, преданія дворцовъ Колонна и Пьетра-ди-Толедо, предрассудки нормандскаго и арагонскаго феодализма, неизобразимое невѣжество и суевѣріе, бывшія въ ходу, въ низшихъ слояхъ народа, во время процвѣтанія аутодафе. Какой музей древностей можетъ, какъ неаполитанскій женскій монастырь, представить одушевленными и движущимися средневѣковыми фигурами, обрамленными такими любопытными рѣзными работами, времени Карла V, или начерченными кистью авторовъ «Божественной Комедіи» и «Декамерона» и реставрированными Кальдерономъ дельла-Барра и Сервантесомъ? Погребальный покровъ затворничества сохранялъ этотъ некрополисъ неприкосновеннымъ, подобно тому, какъ пепель Везувія сохранилъ папирусы Геркуланума и муміи Помпеи.

Собственнымъ моимъ опытомъ могу я подтвердить сужденіе одного анонимнаго писателя, набросавшаго историческій эскизъ женскихъ неаполитанскихъ монастырей, въ своемъ предисловіи къ нѣкоей хроникѣ весьма неназидательнаго свойства. Неаполитанскіе нравы не на столько улучшились, чтобы размысленія автора о давно-минувшихъ временахъ не нашли себѣ пригнѣнія и къ настоящему времени (*). Вотъ что говоритъ авторъ:

«Во время норманскаго владычества, законы монашескаго затворничества были введены во всей ихъ строгости. Обѣты, которые произносили набожныя женщины, были только временныя, и возобновлялись каждый годъ съ предоставленіемъ имъ свободы избрать себѣ другое званіе, болѣе подходящее къ ихъ характеру. Итакъ эти женщины жили какъ-бы вольной религіозной общиной, соединявшей, подобно женскимъ каноникатамъ Германіи, пріятность общественной жизни съ преимуществами жизни непорочной и назидательной; онѣ носили названіе *oblats* (представленныя) и жили въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ свѣта, но могли возвращаться въ него, какъ скоро чувствовали къ этому желаніе. Отсутствіе всякаго столкновенія съ обществомъ, избавляло чувства ихъ отъ раздраженія, а воображеніе ихъ не только не было напу-

(*) Заглавіе этой книги: «Cronaca del convent di Sant' Arcangelo a Bajano».

гано мыслью объ одиночествѣ, но въ пріятныхъ красотахъ представляло имъ возможность возвратиться въ міръ. По этимъ причинамъ, внутренность подобныхъ монастырей была убѣжищемъ порядка и благопристойности; въ нихъ царствовала пріятная тишина, составляющая принадлежность христіанства, и представляющая собой поэтическій типъ нравственного совершенства, и качество, безцѣнное въ женщинѣ. За неизмѣнимъ болѣе пылаго чувства, дружба и обоюдное довѣріе царствовали между этими благородными женщинами, высокая добродѣтель которыхъ возстала бы противъ всякой мірской страсти.

«Всякая, желавшая поступить въ подобный пріютъ, должна была содержать себя на собственный счетъ до той минуты, когда она, объявивъ, что ей по душѣ такой образъ жизни, рѣшалась записаться въ монахини, съ полученіемъ содержанія отъ обители, и тогда уже ей выдавалось все нужное къ жизни. Общій надзоръ ввѣрялся самой мудрой и благой нравной изъ монастырскихъ дамъ, и король утверждалъ этотъ свободный выборъ, за который отвѣчалъ ему его великій милостынераздаватель (*grande limosiniere*).

«Во все время царствованія анжуйской династіи, эти дамы были образцами всѣхъ добродѣтелей, соединенныхъ съ талантами, развитыми прекраснымъ воспитаніемъ; но въ царствованіе Фердинанда Католическаго и Карла V, когда всѣ преимущества стали отдаваться лицемѣрью и вышнимъ изъясненіямъ благочестія, начала проявляться большая перемѣна въ отношеніяхъ монахинь къ свѣтскимъ лицамъ. Беспорядки увеличивались по мѣрѣ того, какъ военныя смуты и злоупотребленія вице-королевскихъ властей стали ввергать страну въ анархію, свойственную олигархическому образу правленія. Людямъ сильнымъ и власть имѣющимъ, окруженнымъ обаяніемъ придворнаго блеска, первымъ удалось оболѣстить нѣкоторыхъ изъ этихъ благочестивыхъ женщинъ, принадлежавшихъ къ первѣйшимъ фамиліямъ страны; попозже ихъ замѣстили офицеры, и слава оружія затмила славу придворныхъ щеголей. Такимъ образомъ соблазны любви, а затѣмъ развратъ, опутали многихъ юныхъ красавицъ, чистыя и незапятнанныя души которыхъ до того времени были доступны только дружбѣ и всѣмъ чувствамъ, внушаемымъ добродѣтелью...

«Въ то время правительство, основанное не на организованныхъ началахъ, а на привилегіяхъ дворянства, духовенства и римскаго двора, гнулось въ разныя стороны, смотря по обстоятельствамъ, и безсилно смотрѣло, какъ въ его глазахъ погибало большое число подданныхъ, отъ враждебной реакціи другъ противъ друга столькихъ властей, или какъ они уклонялись отъ повиновенія главной власти, исходящей отъ престола. Въ дворскихъ

судахъ (*les cours auliques*) судились лица, принадлежавшія къ двору и войску; для членовъ духовенства существовалъ особый судъ (*foro*), съ апелляціей въ римскій дворъ, и отъ этого суда непосредственно зависѣли и монахи. Архіепископъ неаполитанскій и нунцій имѣли собственныя свои темницы, въ которыя они заключали какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, подчиненныхъ церкви, и часто запрятавали тѣхъ, кого они хотѣли похитить у свѣтской, королевской власти. Каждая церковь, монастырь, палаццо каждаго феодальнаго вассала короны, пользовались правомъ убѣжища, и держали на своемъ жалованьи самыхъ пресловутыхъ злодѣевъ. Правильныя сношенія, установленныя между Римомъ, Неаполемъ и Палермо, облегчали всѣ дѣйствія правительства, приводили въ движеніе всѣ интриги, и пожалуй, можно бы доказать, что, безъ вѣнчательства римской канцеляріи, достопамятная «Сицилійская Вечерня» не состоялась бы. Когда этимъ мрачнымъ продѣлкамъ не удавалось уладить бѣгство виновнаго, то тысячу разъ подоспѣвала булла, объявлявшая его приписаннымъ къ духовенству. Сколько разъ какой-нибудь безчеловѣчный отецъ семейства, своеправный или скупой, съ помощью епископа или нунція, запрятавалъ въ монастырь дочь, надѣлавшую ему хлопотъ, или жену, подозрѣваемую имъ въ привязанности къ другому! Когда честь какой-нибудь благородной дѣвицы гласно компрометировалась, но такъ, что ея соучастника не было выдано ея родственниками, то ея и того, на котораго падали подозрѣнія, тайно убивали и погребали, или такъ же тайно заключали въ темницу, или же, наконецъ, когда хотѣли явить примѣръ кротости и умѣренности, дѣвица исчезала, а мужчина подвергался участи Абеяра, и произносилъ монашескій обѣтъ въ какой-нибудь обители».

Въ то время положеніе женщины было чуть ли не хуже, чѣмъ оно теперь въ Турціи. Тѣни подозрѣнія, клеветы, галлюцинаціи, порожденной ревностью, ложнаго доноса отвергнутаго поклонника, довольно было, чтобы семейный совѣтъ, немедленно собравшійся съ такой же тапственностью, съ какою испанская инквизиція собиралась на допросы, произнесъ надъ обвиненною тотъ приговоръ, который одинъ, по предразсудкамъ того времени, могъ возвратити прежній блескъ обезславленному гербу. Чтобы смыть часто воображаемое пятно, не знали другого средства, какъ кровь. Въ силу этого варварскаго закона, женщину, если она была замужняя, душили или закалывали вѣнжаломъ въ собственной ея постели; если же она была дѣвушка, то ее осуждали на гражданскую смерть, въ видѣ монастырскаго заточенія, или же лишали жизни посредствомъ яда. Нигдѣ на всемъ полуостровѣ не могъ найдти себѣ убѣжища тотъ, на кого пали подозрѣнія до-

манней инквизиціи. Вооруженная предательскимъ стилетомъ, рука наемнаго убійцы наступала его въ Римѣ, во Флоренціи, въ Миланѣ, даже на сравнительно свободной почвѣ Венеціи; она бы отискала его подъ стѣною самаго отдаленнаго монастыря, заколола бы его даже у подножія самаго алтара. Такъ неутомима была жажда подобнаго произвольнаго удовлетворенія, такіе глупобіе корни пустилъ этотъ предрасудокъ въ нравахъ того вѣка, что не одинъ кардиналъ самъ вооружалъ княжаломъ руку убійцы, не одинъ римскій первосвященникъ помогалъ въ мести своимъ племянникамъ.

Въ доказательство всѣхъ этикъ ужасовъ, мнѣ бы легко было извлечь изъ невзданныхъ хроникъ прошедшаго безчисленныя примѣры, достойныя занять когда нибудь мѣсто на страницахъ исторіи, которыя откроютъ свѣту то, что можно назвать «*тайнами порабощенной Италіи*». Но я ограничусь только однимъ примѣромъ, такъ-какъ онъ особенно относится къ памяти хорошо известной Фульвіи Карачоло, той самой, которая написала упомянутую уже хроніку, и къ мрачнымъ лѣтописямъ монастыря св. Григорія Армянскаго. Приведу этотъ отрывокъ буквально, такъ какъ онъ находится въ невзданной хроникѣ, озаглавленной: «Исторія нѣсколькихъ трагическихъ происшествій, случившихся съ неаполитанцами, въ Неаполѣ и другихъ мѣстахъ.»

«Джован-Батиста Ломеллино, знатный генуэзецъ, находился въ Неаполѣ и занимался торговлею, какъ водится между генуэзцами; былъ онъ человѣкъ весьма богатый и придворной изыскности, и влюбившись въ одну дѣвицу изъ семейства Берардини, дочь Фульвіи Карачоло, просилъ ея руки; но, несмотря на ходатайство вице-короля, ему было отказано родителями, вслѣдствіе чего онъ рѣшился завладѣть ею самъ, безъ ихъ согласія. Тогда, посредствомъ богатыхъ подарковъ и вещей, переданныхъ дѣвицѣ чрезъ подкупленную прислугу, ее убѣдили дать довѣренность одному изъ пріятелей Ломеллино; но нотаріусъ, едва написалъ бумагу, далъ знать обо всемъ ея родителямъ, которые, допросивъ всѣхъ домашнихъ, узнали, что Ломеллино однажды вечеромъ пробрался въ домъ, въ качествѣ мужа дѣвицы. Взбѣщенные еще болѣе, они наняли нѣсколькихъ убійцъ, которые, въ воскресенье 9-го августа 1578, сѣвъ въ карету, поѣхали мимо дома Ломеллино, и назвали его по имени; а когда онъ высунулся изъ окна, одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ него изъ нищала, и онъ, пораженный въ самую голову, упалъ мертвымъ, не успѣвъ сказать ни единого слова. Убійцы, снова сѣвъ въ карету, ускакали, но застигнутые правосудіемъ, они были посажены въ тюрьму, и сознались въ своемъ преступленіи. Убійца, въ четыре часа той же ночи, былъ повѣ-

иенъ напротивъ дома несчастнаго Ломеллино, а Діана помѣщена въ монастырь S. Ligorio (св. Григорія), и сдѣлалась монахиней.»

Но я забываю, что обѣщала приводить факты, а не историческія разсужденія.

Итакъ возвратимся къ моему повѣствованію.

Какая особенность, кавая именно характеристическая черта составляетъ главное различіе между мужскимъ и женскимъ монастыремъ? Черта эта до сихъ поръ осталась незамѣченной свѣтомъ. Я укажу на нее.

Это — *исповѣдь*.

Въ 1571 году, по призыву архіепископа Караффы, всѣмъ женскимъ монастырямъ, состоящимъ подъ его вѣдомствомъ, было предписано изгнать монаховъ изъ исповѣдаленъ, и впредь имѣть духовниками только простыхъ священниковъ. «Пережѣна эга — повѣствуетъ въ своей хроникѣ Фульвіа Караччоло — возбудила общее неудовольствіе, какъ потому, что монахини не находили въ этихъ духовныхъ отцахъ столько назидательности, какъ въ монахахъ, такъ и потому, что онѣ никакъ не допускали, чтобы простые священники могли съ такой же легкостью вникать во всѣ потребности затворнической жизни.»

Эта мѣра имѣла послѣдствіемъ нарушеніе того единства въ мысляхъ и чувствахъ, которое существовало на исповѣди между лицами различныхъ половъ, но связанными одинаковыми обѣтами. Если обязанность духовника въ мужскихъ монастыряхъ легка и проста, то въ женскихъ — дѣло другое. Содержаніе, или вѣрнѣе, программа исповѣди денно и ношно поглощаетъ всѣ помысленія монахинь, вокругъ нея вращаются всѣ чувства ихъ; наконецъ исповѣдь составляетъ неисчерпаемый источникъ услажденія для ихъ свободныхъ часовъ. Исповѣдь сдѣлалась условіемъ *sine qua non* самаго ихъ существованія. Это — иррациональная наука, въ которой совершенствуются среди молчанія темницы, отчасти собственнымъ опытомъ, отчасти методомъ обоюднаго обученія; это — нѣчто вохожее на тайную секту, имѣющую своихъ адептовъ, своихъ начальниковъ, свой ненаданный уставъ, свой уголовный сводъ законовъ. Предположимъ, что какой нибудь соборъ лишитъ женскіе монастыри ихъ единственнаго, верховнаго блага — исповѣдаленъ! Тогда не нужно было бы націи особымъ закономъ поражать будущность монастырей, по крайней мѣрѣ женскихъ — я увѣрена, что они бы сами собою распались, добровольнымъ движеніемъ самихъ затворницъ, и это не далѣе, какъ черезъ нѣскольکو же недѣль.

Еще до вступленія моего въ монастырь, мать моя, по случаю рождества, назгачила мнѣ духовникомъ духовника тѣти моей,

*

Дукреци. То былъ старикъ довольно грубый и ворчливый, но добрый въ сущности, и недурной священникъ. Я привыкла относиться къ духовнику съ покорностью и благоговѣнiемъ, и поэтому видѣла въ немъ не человѣка, а служителя божьего. Онъ несе- вѣдывалъ меня каждый понедѣльникъ.

Монастырскiя исповѣдальни удивили меня своимъ устройствомъ: онѣ походили на маленькiе кабинеты, закрытые со всѣхъ сторонъ, съ скамейкой для большаго удобства. Я спросила, почему монахи не исповѣдуются сидя, вопреки общепринятому употребленiю? Мнѣ отвѣтили, что невозможно простоять на колѣняхъ два или три часа сразу, и что исповѣдающiяся преклоняютъ колѣна только въ минуту отпущенiя грѣховъ.

«— Какъ! воспалинула я въ изумленiи:—неужели нужно два или три часа на то, чтобы сказать духовнику, что вы не могли со- грѣшить въ продолженiе двухъ-трехъ дней затворнической жизни? Какъ же быть тогда бѣднымъ людямъ, живущимъ въ мирѣ, слѣ- довательно, гораздо болѣе васъ подверженнымъ искушенiямъ? Зна- чить, земледѣльцы должны покидать свои нивы, ремесленники должны заирать свои мастерскiя, и, превративъ ихъ въ испо- вѣдальни, проводить въ нихъ цѣлые дни на колѣняхъ?

«— Намъ извѣстно, возражали мнѣ на это:—что въ миру испо- вѣдь продолжается не болѣе нѣсколькихъ минутъ; мы же не толь- ко каемся въ нашихъ мелкихъ прегрѣшенiяхъ (такъ-какъ смерт- ныхъ грѣховъ въ монастырѣ не полагается), но еще хотимъ, что- бы духовникъ, лицо довѣренное и избранное нами самими, ру- ководилъ насъ во всѣхъ дѣйствiяхъ нашей жизни. Ему повѣряемъ мы наши мысли, дѣла, планы, потому что онъ — единственный другъ, единственный повѣренный, единственный посредникъ ме- жду небомъ, миромъ и монастыремъ, котораго дозволяется имѣть монахи. Оторванныя отъ семьи, мы въ немъ находимъ отече- скую любовь, материнскую нѣжность, братскую привязанность; отдѣленные отъ мира, мы въ дружескомъ сближенiи съ духовни- комъ видимъ какъ-бы воплощенiе всего мирозданiя, вознагражде- нiе за страданiя одиночества. Словомъ, послѣ Бога, духовникъ для насъ—все!... Погоди, и ты скоро будешь съ наслажденiемъ проводить часъ-другой въ исповѣдальнѣ, особенно если тебя уго- ворять бросить безтолковаго старика, назначеннаго тебѣ въ ду- ховники, и выбрать себѣ другаго, помоложе, и болѣе его спо- собнаго направлять и духовно руководить тебя. *18*

«— Какое незавидное ирерожденiе времени! возразила я.— По мѣму, ужъ лучше сыграть дуетъ России на ролян!

Дѣйствительно, я, между прочимъ, очень сожалѣла о лишенiи любимаго моего развлеченiя — музыки, и боялась потерять вса-

ную бѣглость въ пальцахъ, и совсѣмъ разучиться играть, за немнѣніемъ практики.

Тутъ одна молоденькая монахиня, брикетта съ живыми глазами, хохотушка, отозвала меня въ сторону и сказала мнѣ:

«— Надѣюсь, что ты никогда и не заикнешься при тѣткѣ твоей, аббатиссѣ, о всемъ, что мы сейчасъ говорили, и что будемъ еще говорить впоследствии!

На другой день явился мой духовникъ, и когда я ему открыла свою грусть и тоску, онъ объявлялъ мнѣ, что въ монастырѣ слѣдуетъ причащаться почти каждый день. Я стала умолять его не требовать этого отъ меня, полагая что нельзя подходить къ божественной трапезѣ, впередъ не исповѣдавшись. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что на первый разъ я могу причащаться хоть два раза въ недѣлю, и что потомъ уже я исподволь привыкну дѣлать, какъ всѣ другія.

Когда я сошла въ причасальню, бѣлица тѣтки моей, Лукреція, позвонила въ колокольчикъ, чтобы дать знать священнику, чтобы онъ приблизился со св. дарами. Это былъ человекъ лѣтъ 50, дюжій и полный, съ румянымъ лицомъ, съ физиономіей пошлой и даже отталкивающей. Я подошла къ окошечку, разувѣтая, съ закрытыми глазами. Принявъ облатку на языкъ, я въ ту самую минуту какъ уже отодвигалась назадъ, вдругъ почувствовала на щекѣ такое ошущеніе, какъ будто меня гладила чья-то рука. Я раскрыла глаза: священникъ успѣлъ уже отдернуть свои пальцы. Я подумала, что ошиблась, и болѣе не вспоминала объ этомъ. Въ день втораго моего причащенія, позабывъ о случившемся въ первый разъ, я снова приняла облатку съ закрытыми глазами, по уставу. На этотъ разъ я почувствовала, что мнѣ слегка снимаютъ подбородокъ, и раскрывъ глаза, увидѣла священника, пристально смотрѣвшаго на меня, съ веселой улыбкой на устахъ. Не оставалось никакого сомнѣнія; ни въ тотъ ни въ другой разъ я не ошибалась!

Женщина, дочь Эвы, болѣе мужчины склонна къ любопытству. Мнѣ пришло въ голову стать нѣсколько поодаль, такъ чтобы можно было наблюдать, поступалъ ли такъ же священникъ и съ монахинями. Я такъ и сдѣлала, и убѣдилась, что только старухи избавлялись отъ его ласкъ; всѣ же другія позволяли ему раскорячаться какъ ему угодно, и даже, уходя, раскланивались съ нимъ.

«Такъ вотъ уваженіе», сказала я про себя: «которое служители Бога и невѣсты Христа оказываютъ таинству причастія! Итакъ воспитанницы вопиаютъ свѣтъ для того, чтобы здѣсь принимать ведебные уроки благоправія и цѣломудрія?..»

Между тѣмъ, съ каждымъ днемъ все болѣе суживалась сфера моего одиночества. Упорный мой отказъ сдѣлаться монахиней раздражалъ всѣхъ сестеръ, которыя въ одинъ голосъ обвиняли въ этомъ моего духовника, наумѣнаго, по ихъ словамъ, уговорить меня принять монашество.

«—Нѣтъ! негодится тебѣ этотъ духовникъ, твердили мнѣ всѣ:— и въ немного дней, его вліаніе на тебя, его неспособность явно выказались. Онъ слушаетъ, а не говоритъ, слѣдовательно, отнимая у себя возможность дѣйствовать, онъ относится къ тебѣ чисто пассивнымъ слушателемъ. Объяснять ли онъ тебѣ, наиримѣръ, разницу между жизнью въ мірѣ, гдѣ большая часть людей обречена на промѣшную тьму, и жизнью монашеской, гдѣ почти всѣ души спасаются?

Монахини не угомонились: одна меня усовершенствовала съ одной стороны, другая читала правоученія съ другой, и всѣ онѣ брали свои доводы изъ самыхъ варварскихъ предразсудковъ и полоумнаго суевѣрія, чтобы изгнать изъ меня злого духа, внушающаго мнѣ непреодолимое отвращеніе къ ихъ обществу. Одна изъ нихъ, по имени Мадалена, фанатичка первой руки, каждый вечеръ приходила въ комнату тѣтн моей Лукреціи, съ твердымъ намѣреніемъ обратить меня, во что бы то ни стало. Когда и эта проповѣдница убѣдилась въ неэффективности своей софистической логики, она спросила меня:

«— Хочешь одолжить меня?

«— Изволь, отвѣчала я.

«— Завтра я жду моего духовника; каноникъ этотъ одаренъ премудростію св. Фомы Аквинскаго и добродѣтелями св. Франческо Карачоло, твоего прародителя. Бесѣда съ нимъ, навѣрное, вырвала бы тебя изъ того упорнаго настроенія, которое такъ вредитъ тебѣ.

«— Но, Santo-Dio! Что же я стану говорить ему?

«— Ты ему изложишь причины, по которымъ имѣешь отвращеніе къ монашескому званію, и выслушаешь его возраженія. Знаешь ли ты, продолжала она, видя, что я не склонюсь на ея убѣжденія:—знаешь ли ты, что Богъ, удаляя тебя отъ міра, чтобы ввести тебя въ этотъ священнѣйшій пріютъ, далъ тебѣ доказательство своей благодати, дабы воспользовались ею еще многія, подобныя тебѣ дѣвочки? Придетъ время, когда онъ потребуетъ отъ тебя отчета въ презрѣніи, съ которымъ ты отвергаешь его великую милость. Къ тому же, не лучше ли отчетить совѣсть свою отъ сомнѣнія, совѣтуясь со служителями Бога? Если ты исполнишь эту обязанность, провидѣніе, по правдѣ

нѣтъ, не обвинить тебя въ безвѣчности, даже если ты не измѣнишь своего рѣшенія.

Эти разсужденія, повторявшіяся каждый вечеръ съ возрастающей многорѣчивостію, душная монастырская атмосфера, молодость моя, вмѣстѣ съ полнымъ моимъ невѣдвіемъ священническихъ и монашескихъ козней, наконецъ полученное мною воспитаніе, сдѣлавшее меня послушной къ старшимъ и ласковой ко всѣмъ—всѣ эти причины заставили меня согласиться на просьбу Мадалены. На слѣдующее же утро, она съ ликующимъ видомъ отвела меня къ своему ученому духовнику. Ея радость и желаніе познакомить меня съ нимъ, показались мнѣ успокоительными признаками. Еслибы въ отношеніяхъ ея къ этому священнику было что нибудь предосудительное, то сдѣлала ли бы она меня съ такою охотою соучастницею своего блаженства?

«— Неужели ты не любопытствуешь узнать дѣйствіе живительной исповѣди? спросила она меня, за минуту предъ тѣмъ, какъ я вошла въ исповѣдальню.

«— Какъ не любопытствовать, и очень даже! отвѣчала я съ улыбкою.

Дѣйствительно, положеніе мое походило на положеніе чловѣка за-живо схороненнаго, который, очнувшись отъ летаргическаго сна, ощупью пробирается сквозъ мракъ катакомбъ, ища какаго нибудь исхода.

Каноникъ былъ чловѣкъ лѣтъ сорока, съ крайне выразительной и подвижной физиономіей. Если онъ не былъ иезуитомъ, то нито болѣе его не было достойнъ сдѣлаться имъ. Послѣ многихъ церемонныхъ привѣтствій и поклоновъ, онъ тожно спросилъ меня о моемъ имени, возрастѣ, положеніи въ свѣтѣ и другихъ подобныхъ подробностяхъ. Затѣмъ, положивъ одну ногу на другую и потирая себѣ руки, онъ сказалъ:

«— Полагаю, сеньориана, что вы рѣшились сдѣлаться монахиней.

«— Нисколько, преподобный отецъ.

«— Почему же нѣтъ?

«— Потому что затворническая жизнь была бы для меня слишкомъ тяжелою.

«— Современемъ, вы такъ свыкнетесь съ этимъ сладкимъ заточеніемъ, что и не захотите болѣе выдти изъ него. Значитъ, вы не по собственному желанію вступили въ монастырь?

«— Нѣтъ; меня принудила къ этому мать.

«— А, - маменька принудила, вотъ какъ (тутъ послѣдовала небольшая пауза, впродолженіе которой священникъ казался погруженнымъ въ глубокое размышленіе). Скажите-ка мнѣ, сень-

орниа, занимались ли вы когда нибудь любовью (avete mai fatto l'amore?)

«— Два раза.

«— Какая же у васъ была при этомъ цѣль?

«— Видти замужь за любимаго человѣка.

«— И болѣе ничего? Удостоите открыть мнѣ ваше сердце безъ заднихъ мыслей!

«— Я никогда не имѣла никакихъ цѣлей, промѣ замужства.

«— Послали ли вы когда нисьма къ вашимъ возлюбленнымъ, и получали ли тавовня отъ нихъ?

«— Никогда (тутъ я вспомнила записку Доменика).

«— А словесно передавали вы другъ другу свои чувства, чрезъ третье лицо?

«— И этого не было (что за вздорный допросъ!)

«— Какой же конецъ имѣли ваши любовныя отношенія?

«— Меня оставили оба мои возлюбленные.

«— Чтò же маменька?

«— Мать разсердилась за то, что я оставалась вѣрно второму изъ нихъ.

«— Вотъ видите ли, дочь моя, воскликнулъ онъ тогда:—вотъ разниа между земнымъ женихомъ и женихомъ небеснымъ! Земныя ваши женихи бросили васъ, хотя вы ихъ любили; небесный же женихъ слѣдитъ за вами, слѣдитъ неотступно, хотя вы пренебрегаете имъ, хотя упорно отталкиваете его. Первые отравили горечью чистую чашу вашей молодости; послѣдній только и жаелеть посвятить васъ въ неизъяснимыя и вѣчныя наслажденія. Онъ открываетъ вамъ свое жилище, вводитъ васъ въ свою семью, съ нѣжностію вамъ раскрываетъ свои объятія и съ трепетомъ ожидаетъ васъ, чтобы заставить васъ забыть среди возвышенныхъ радостей его любви, всѣ непріятности, которыя заставили испить васъ люди.

Долго ораторствовалъ онъ на этотъ не слишкомъ назидательный мотивъ. Наконецъ и я въ свою очередь заговорила:

«— Правда или неправда, сказала я:—что человѣкъ созданъ для общенія съ человѣчествомъ? Еслибы, какъ говорите вы, семья Христа ограничивалась такой малочисленной общиной, то зачѣмъ же было сыну божию допустить распять себя, для спасенія всего человѣчества? Въ священномъ писаніи сказано, что для того, чтобы находить услажденіе въ одиночествѣ, нужно быть или Богомъ, или скотомъ. *Quis solitudinem delectatur, aut Deus, aut fera est.* Я же, почтеннѣйшій отецъ, не чувствую себя ни наравнѣ съ божествомъ, ни съ другой стороны, на одной ступени со скотами, поэтому я люблю свѣтъ и нахожу удовольствіе въ

обществѣ себѣ подобныя. Въ тому же я вовсе не увѣрена, чтобы вы сами имѣли отвращеніе къ общенію съ людьми: въ такомъ случаѣ не были ли бы вы, по крайней мѣрѣ, постриженныя монахомъ, если даже не анахоретомъ, на подобіе пустынницы Обиванды.

«— На эти вопросы, сказалъ каноникъ, вставая и взывъсь за шлану:— я отвѣчу вамъ въ слѣдующей нашей бесѣдѣ. Обѣщаете ли вы мнѣ еще разъ придти ко мнѣ?»

Пришлось согласиться, притомъ мнѣ хотѣлось испятать такъ много прославленное краснорѣчіе этого высокаго генія.

Два дня спустя, онъ снова призвалъ меня къ себѣ, чтобы объявить мнѣ, что самъ распятый Господь (il Crocifisso) внушилъ ему во время молитвы, что онъ, а не кто другой долженъ быть мнѣ духовникомъ. Поэтому каноникъ призывалъ мнѣ написать къ моему прежнему духовнику письмо, въ которомъ, благодаря его за *милостиво* (въ монастырскомъ лексиконѣ *подавать милостиво*—*far la carità*—значить *исповѣдывать*), я бы объявила ему, что нашла себѣ другого духовника. Мнѣ вовсе не хотѣлось повиноваться этому приказанію, но каноникъ, увѣряя, что наилучшійшая Богу добродѣтель есть повиновеніе «распятому Господу», не пустилъ меня изъ исповѣдальни, не вынудивъ у меня обѣщаніе, что я отправлю извѣстное письмо, какъ только возвращусь въ свою комнату. Письмо было написано, хотя съ великимъ сожалѣніемъ съ моей стороны.

Нужно сказать, что если перемѣна духовника была непріятна мнѣ, то она не менѣе разсердила и сестру Магдалену, которая хотя и желала выставить въ яркомъ свѣтѣ чудодѣйственное краснорѣчіе своего духовника, но отнюдь не воображала, чтобы для моего обращенія понадобилось болѣе одной бесѣды. Я какъ-то встрѣтилась съ ней, и она, увидя меня, помертвѣла въ лицѣ, грубо повернулась ко мнѣ спиной и отошла прочь, бормоча что-то про себя.

«— Странная, право, эта Магдалена! сказала, подходя ко мнѣ, другая монахиня, впрочемъ называвшая себя ея другомъ:— не она ли сама насильно потащила тебя къ своему духовнику? А теперь вотъ плачешь и тоскуешь отъ ревности.

«— Отъ ревности! воскликнула я, помирая со смѣху... чего же она ревнуетъ?»

«— Каноникъ, съ своей стороны, выказываетъ болѣе участія тебѣ, нежели ей, и притомъ, удаливъ твоего прежняго духовника, ты дѣлаешься духовной дочерью этого самаго каноника.

Я точно ошала. Такъ-какъ послѣ моего письма къ прежнему духовнику нельзя было воротить старика, то я написала

другое письмо къ вѣнчанкѣ, въ которомъ говорила ему, что во имѣя желанія нажить себѣ враговъ въ монастырѣ, я воню другого духовника. Часть спуста, я услышала шесть ударовъ колокола привратницы: это былъ мой сигналъ. Я съшла, и нашла каноника въ приемной.

Вы написали мнѣ письмо, чтобы отказать мнѣ, сказать онъ смѣясь, едва завидѣлъ меня.

«— Да, отвѣтила я:—ужь конечно, я не намѣрена сдѣлаться поводомъ къ раздору въ то короткое время, которое проведу въ монастырѣ; а такъ-какъ я ни съ кѣмъ не бываю невѣжлива, то не желаю и другимъ давать право дѣлать мнѣ грубости.

«— Ну, я-то положимъ никакого вниманія не обращу на ваше письмо, продолжалъ онъ, все еще смѣясь:—а для того, чтобы избавить васъ отъ лишней заботы, сегодня же объявлю Маддаленѣ, что не хочу болѣе исповѣдывать ее; такимъ образомъ она уже не будетъ имѣть причины донсбиваться, чувствую ли я или нѣтъ привязанность къ вамъ. На мнѣ лежитъ священный долгъ привести въ овчарню заблудившуюся овечку, порученную мнѣ Богомъ, и я не имѣю права отступить отъ васъ,

«— Не знаю, отвѣтила я, съ нѣкоторой сдержанностію:—не знаю, какимъ образомъ чувство ревности можетъ прокрасться въ таинство покаянія, да и не мнѣ отыскивать причину такого безобразнаго сочетанія; могу только сказать вамъ, что если вы бросите Маддалену, то вы этимъ навлекете на меня еще сильнѣйшее гоненіе; будьте же такъ добры—держитесь ея, а меня оставьте. Съ этой же минуты объявляю вамъ, что вы уже не застанете меня болѣе въ исповѣдальнѣ.

«— Когда такъ, сказалъ онъ, сбрасывая веселый видъ и тоже принимая сдержанный тонъ:—когда такъ, я прибѣгну къ другому средству. Съ этими словами онъ ушелъ, оставивъ меня въ недоумѣніи догадываться о томъ, что онъ задумалъ.

Между тѣмъ, твердо рѣшившись не уступить въ этомъ случаѣ, я просила тѣтку мою аббатиссу, найти мнѣ другого духовника, съ условіемъ, чтобы онъ былъ старъ и не имѣлъ въ монастырѣ другой духовной дочери, кромѣ меня. Она охотно на это согласилась, тѣмъ болѣе, что и ей было непріятно затрудненіе, въ которое я такъ безвинно попала.

Около трехъ часовъ, я услышала въ корридорѣ ужасный гвалтъ. Я выглянула съ балкона и увидала Маддалену, окруженную группою монахинь и бѣлицъ и показывающую имъ листъ бумаги, сложенный въ видѣ письма. Всѣ эти женщины говорили или, вѣрнѣе, кричали въ одинъ голосъ съ самыми изступленными жестами, напомиравшими сцену вѣдьмъ въ Мавбетѣ. Всякое дѣло, гдѣ замѣшанъ духовникъ, есть для монахинь дѣло государственное,

такъ сказать, *casus belli*. Я тотчасъ поняла, что листъ этотъ не что иное, какъ письмо отъ каноника, и отъ глубины души пролила минуту моего вступленія въ этотъ священный пандемоній. Гвалтъ увеличивался; вся община поднялась на ноги. Изъ смѣшенія мятежныхъ криковъ, отдѣлялось только одно слово, тысячу разъ повторяемое—слово *каноникъ*. Между тѣмъ старушка-аббатисса спѣшила къ мѣсту возстанія, опираясь на воспитанницу, и силилась успокоить Мадалену увѣреніями, что ея племянница уже не будетъ болѣе исповѣдываться у каноника, что она сама взялась отыскать ей другаго духовника.

«— Даете ли вы мнѣ въ этомъ слово? какъ безумная закричала Мадалена, между тѣмъ какъ вокругъ семьдесятъ ртовъ расширились въ молчаливомъ ожиданіи.

«— Даю, отвѣчала аббатисса.

«— Вгваа, Вгваа! хоромъ воскликнули монахи: — это вѣдь было невыносимо, слишкомъ тяжело было видѣть его запертымъ въ исповѣдальнѣ съ другой.

И, поздравляя Мадалену съ возвращенной ей собственностью, онѣ повторяли ей:

«— Тебѣ оказана справедливость, теперь можешь быть спокойна».

Присутствуя при этой оригинальной сценѣ, которая никогда не взглянется изъ моей памяти, я начала убѣждаться въ томъ, что привязанность монахинь къ своимъ духовникамъ и духовниковъ къ своимъ духовнымъ дочерямъ, имѣла свое начало въ нѣкоемъ чувствованіи, не слишкомъ-то сообразномъ съ евангельскимъ ученіемъ: *люби ближняго своего, какъ самого себя*.

Но этимъ все еще не кончилось. Гдѣ нибудь да было написано, чтобы вопросъ о моемъ духовникѣ былъ рѣшенъ высокопоставленными лицами, облеченными властью, исходящею отъ апостольской римской церкви. На слѣдующее утро меня позвали въ приемную; отгадайте, кто меня спрашивалъ?...

Монсеньоръ викарій! Чего ему нужно было отъ меня?

А вотъ чего. Онъ пріѣхалъ объявить мнѣ, что у него былъ каноникъ и рассказалъ ему о всемъ происшедшемъ между мной и Мадаленой, и что онъ, въ качествѣ главы неаполитанской церкви, рѣшилъ, что оспариваемый духовникъ долженъ остаться мнѣ, а не Мадаленѣ. Недоставало внимательства папы для довершенія комедіи.

Тщетны были слезы мои и протесты. Даже тѣтка побранила меня, увѣряя, что викарію должно повиноваться безъ возраженія. Вся въ слезахъ отправилась я въ свою комнату и написала длинное письмо къ матери, въ которомъ рассказывала ей обо всемъ

случившемся и напоминала ей о скоромъ истеченіи двухмѣсячнаго срока, присовокупляя, что желаю выбраться изъ монастыря какъ можно скорѣе.

Слѣшкомъ долго было бы рассказывать всю повѣсть страданій, причиненныхъ мнѣ этой бессмысленной ревностью. Гоненіе на меня прекратилось, только когда Магдалена нашла себѣ другого духовника и забыла прежняго.

Назвать эту главу *Сцены и нравы*, я въ ней соединю все, что удалось мнѣ видѣть самой изъ отношеній монахинь и священниковъ въ тѣхъ четырехъ монастыряхъ, въ которыхъ я перебивала, и все то, что сторомой дошло до меня изъ нравовъ другихъ неаполитанскихъ монастырей. Точно такъ же поступлю я въ тѣхъ главахъ, въ которыхъ буду говорить объ обѣтахъ смиренія и бѣдности, данныхъ монахинями. Буду слѣдовать этой методѣ для того, чтобы не быть вынужденной возвращаться по нѣсколько разъ къ одному и тому же предмету, прерывая нить рассказа.

Безумная страсть монахинь къ священникамъ и монахамъ превосходить все, что можно себѣ вообразить. Ихъ болѣе всего привязываетъ къ ихъ темницѣ неограниченная свобода, которою онѣ пользуются, чтобы видѣться съ любимыми особами и переписываться съ ними. Эта свобода такъ сильно приковываетъ ихъ къ монастырю, что онѣ рѣшительно несчастливы, когда, по причинѣ тяжелой болѣзни или предъ великимъ постриженіемъ, онѣ должны провести нѣсколько мѣсяцевъ въ своей семьѣ, близъ отца, матери, братьевъ, и это потому, что не могутъ же родные дозволить молодой дѣвушкѣ проводить по нѣсколько часовъ въ день съ священникомъ или монахомъ и поддерживать съ нимъ непрерывную переписку. Есть такія Элоизы, которыя нѣсколько часовъ проводятъ въ исповѣдальнѣ, въ усладительной бесѣдѣ съ своимъ избраннымъ Абельаромъ. Жаль, что онѣ ни слова не знаютъ латыни.

Другія монахини, имѣя духовникомъ старика, присоединяютъ къ нему «духовнаго руководителя», съ которымъ подолго бесѣдуютъ наединѣ въ приемной. Когда имъ и этого недовольно, онѣ притворяются больными, чтобы имѣть возможность держать его по нѣсколько часовъ въ своей комнатѣ. Есть такія монахини, которыя, безъ совѣта духовника, не станутъ даже записывать бѣлье, отдавая его въ стирку. Одна монахиня видалась съ своимъ духовникомъ по три раза въ день: утромъ онъ ей приносилъ кушанье для обѣда; немного позже, когда онъ служилъ обѣдню въ церкви, его духовная дочь подносила ему кофе съ бисквитами; а послѣ обѣда, она съ нимъ бесѣдовала до позднаго часа, для того (какъ говорила она), чтобы онъ помогъ

ей расчѣсть — сколько она утромъ израсходовала денегъ. Еще не довольствуясь этими бесѣдами, они въ промежутки два раза переписывались.

Другая монахиня питала страсть къ одному священнику еще съ того времени, какъ онъ прислуживалъ при церкви клирикомъ. Получивъ званіе священника, онъ былъ сдѣланъ сакристаномъ, но товарищи его донесли начальству о его интригѣ съ монахиней, и ему было запрещено даже проходить черезъ улицу, въ которой находился монастырь. Монахиня имѣла на столько романтической твердости, что осталась вѣрна ему цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ они ежедневно переписывались, мѣнялись подарками, и отъ времени до времени выдались тайкомъ въ приемной. Когда, наконецъ, власть перешла въ руки новаго начальства — монахиня, достигшая уже зрѣлыхъ лѣтъ, добилась, чтобы ея поклонникъ былъ назначенъ ея духовникомъ.

Однажды утромъ, аббатиса была вызвана однимъ вѣсокопоставленнымъ въ мірѣ лицомъ, и получила изъ рукъ его письмо, наведенное на улицѣ имъ самимъ. Письмо это послалось одною изъ монахинь къ ея духовнику, и было обронено по дорогѣ служанкой. Грубый реализмъ въ некоторыхъ выраженіяхъ, находившихся въ немъ, встревожилъ совѣсть нашедшаго его господина. Пожалуй, что даже куртизанка употребила бы болѣе скромные обороты рѣчи.

Общинные духовники избираются начальствомъ на трехлѣтній срокъ, и назначаются для тѣхъ монахинь и бѣлицъ, которыя, достигнувъ возраста, неподходящаго уже къ любовнымъ шашнямъ, не имѣютъ особаго духовника. У одного изъ этихъ-то общинныхъ духовниковъ была молодая духовная дочь, и каждый разъ, какъ его призывали къ умирающей, и онъ, слѣдовательно, ночевалъ въ монастырѣ, она перелѣзала черезъ перила балкона, раздѣлявшаго ея комнату отъ комнаты священника, чтобы пробраться къ своему учителю и духовному пастырю.

Одна изъ воспитанницъ, красавица собой, чистое и невинное созданіе, къ тому еще принадлежавшая къ именитому роду, однажды довѣрила мнѣ подъ строжайшимъ секретомъ, что она въ исповѣдальнѣ получила отъ своего духовника «крайне занимательную книгу», относящуюся къ монашескому званію. Я выразила желаніе узнать заглавіе этой книги, и она показала мнѣ самую книгу, сперва изъ предосторожности заперевъ дверь на задвижку. Эта была *Монахиня*, Дидерд—сочиненіе, какъ всѣмъ извѣстно, преисполненное вслыми гадостями, опаснѣе котораго едва-ли можно было что-нибудь найти для невинной молодой дѣвушки. Сжекнувши въ чемъ дѣло изъ разговора воспитанницы, я ей

присовѣтовала прекратить свое чтеніе, и немедленно возвратитъ божественную книгу тому, кто ей далъ ее. Но какое было мое удивленіе, когда я отъ нѣжной дѣвочки узнала, что подобныя чтенія ей не новость! По милости того же духовника, она передъ тѣмъ уже проглотила, да чуть-ли не четыре раза перечела, другую, не менѣе грязную книгу, упомянутую уже мною: *Oronca del monastero di Santâ, Arcangelo a Bajamo*—сочиненіе, въ то время запрещенное бурбонской полиціей! Я сама получила однажды отъ одного наката-монаха письмо, въ которомъ онъ сообщалъ мнѣ, что едва онъ меня увидѣлъ, какъ съ немъ зародилась сладчайшая надежда сдѣлаться моимъ духовникомъ. Модный денди, надушенный шеголь не отпустилъ бы болѣе эффектныхъ, мелодрамныхъ фразъ, чтобы осведомиться, долженъ ли онъ заглушить въ себѣ эту надежду или продолжать ее питать!

Одинъ священникъ (впрочемъ, слышавшій за человѣка санктъ строгихъ правилъ), каждый разъ какъ видалъ меня проходящей черезъ вриемную, подымалъ меня такимъ образомъ:

«— Пст, пст, милая, выйди сюда!... Пст, пст, да пойдди же!

Это слово: *милая*, въ устахъ священника внушало мнѣ глубокое омерзѣніе.

Наконецъ, былъ еще одинъ священникъ, болѣе всѣхъ докучавшій мнѣ своей назойливостью, который добивался любви моею во что бы то ни стало. Нѣтъ тѣхъ образовъ въ мирской поэзіи, нѣтъ тѣхъ софизмовъ въ риторикѣ, нѣтъ тѣхъ хитрыхъ истолкованій слова божія, которыхъ онъ не пустилъ бы въ ходъ, чтобы склонить меня къ своимъ желаніямъ.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, упомянутыхъ здѣсь только мелькомъ, я принуждена была часто приходиться въ столкновеніе съ этимъ священникомъ, объ имени котораго я умолчу.

IX.

Колокольчикъ.

21-го марта, въ день, посвященный св. Бенедикту, я надѣла костюмъ воспитанницы. Монахини до тѣхъ поръ не слѣшили мнѣмъ облаченіемъ, изъ уваженія къ недавней смерти моего отца, по которомъ я еще носила трауръ. Обрядъ этотъ совершился очень просто. Рясу, на золотомъ блюдѣ, принесли въ церковь и положили на алтарь св. Бенедикта; извѣстный уже каноникъ отслужилъ обѣдню, и я надѣла рясу. Она была черная, изъ грубой шерстяной матеріи, съ небольшимъ *scarulaire*, падающимъ съ плечъ, съ бѣлымъ каленкоровымъ передникомъ и такой же ко-

снѣжкой на шеѣ. Волоса причесывались за ухо, и подбирались подъ гребенку. Эта прическа и тяжелые башмаки болѣе всего причинили мнѣ досаду и неловкость.

По окончаніи обѣдни, казначей отправился наверхъ въ крѣпкую, чтобы осмотрѣть меня въ моемъ новомъ костюмѣ, и поздравить меня съ нимъ.

Между тѣмъ всѣ доводи моего духовника не могли измѣнить мое намѣреніе оставить монастырь, и его приставанія повторялись три-четыре раза каждую недѣлю, только не внушали мнѣ любви къ монашескому званію, а напротивъ того еще увеличивали мое природное отвращеніе къ нему. Поэтому я безъ усталы писала къ моей матери, умоляя ее сдержать данное мнѣ слово, но отвѣты ея были неудовлетворительны для моего нетерпѣнія. Въ мартѣ она писала, что у нее больна одна изъ моихъ маленькыхъ сестеръ; въ апрѣлѣ, по поводу смерти тѣтки моей Лукреціи, она усовѣщевала меня, чтобы я не оставляла такъ скоро другую мою тѣтку, аббатиссу; въ маѣ она совѣтъ не отвѣчала мнѣ, а въ іюнѣ я наконецъ заболѣла. Генераль Саллудци, Джузеппинна, и еще другая, старшая моя сестра, въ то время находившаяся въ Неаполѣ, съ общаго согласія написали къ моей матери, укоряя ее за такое равнодушіе съ ея стороны. Она отвѣчала, что не можетъ сама пріѣхать, но что въ Неаполѣ есть одна дама изъ Мессины, ея короткая пріятельница, которая, собираясь въ Мессину, съ удовольствіемъ возьмется доставить меня въ Мессину, а что оттуда уже она въ свое время сама возьметъ меня.

Письмо это обрадовало меня несказанно... Возвратиться въ Реджо, на свободу—увидать Доменико! сколько благъ! Мнѣ вспомнился грустный стихъ Алигьери:

«Libertà vo cercando, ch'è sì cara,
Come sa chi per lei vita rifiuta».
(Свободы я ищу, этого столь драгоценнаго блага,
Какъ извѣстно тѣмъ, кто владеть за нее жизнь).

Духовникъ мой, замѣтивъ мои чувства, объявилъ, что они грѣшны; сестры называли меня неблагодарной къ Богу, къ св. Бенедикту, къ нимъ самимъ, и въ теченіе цѣлаго мѣсяца, который должна была еще пробыть въ городѣ моя будущая спутница, онѣ не переставали выбиваться изъ силъ, осыпая меня нелѣпыми разсказами о людяхъ, попавшихъ въ адъ за то, что они не послушались голоса господняго, призывавшаго ихъ въ монастырь. Такъ, напримѣръ, мнѣ разсказали про какіе-то удары статуетки св. Венедикта о мраморную плиту ея ниши; про явленіе душъ изъ чистилища, про вѣдьмъ, вампировъ, демоновъ, и безду подобныхъ же безмыслицъ, совершенно для меня новыхъ. Съ утра до вечера

осаждаемая такими нагѣбствами, приличными скорѣе «доброму старому времени» крестовикъ походовъ, нежели нашему вѣку, и притомъ столько же способными сбить съ толку умъ, какъ обратиться отъ истиннаго пути совѣсть и сердце, я стала молить небо, чтобы оно сохранило невредимымъ мой бѣдный рассудокъ.

Между тѣмъ приближалось время моего освобожденія.

За два дня до срока, назначеннаго для моего выхода изъ монастыря, мнѣ привесли письмо. Я распечатала его. Оно было безъ подписи, и начиналось словами: *«Простите у недомоганія Распутія.»* Авторъ называлъ себя человекомъ, которому опасность, грозившая душѣ моей, внушала жалость ко мнѣ. Рѣшеніе мое отвергнуть монашество было, по его мнѣнію, нагѣиємъ сатаны, поклявшагося вовлечь меня за собой въ адъ; въ наказаніе за мое долгое упорство, Господь отдавалъ меня въ когти дьявола; но, утѣшая меня писавшій, не ушло еще время покаяться въ прошломъ и исправить его, оставаясь въ монастырѣ. Въ заключеніе онъ увѣщалъ, что въ ту минуту, какъ я ступлю за порогъ святыни, я почувствую толчокъ отъ невидимой руки, и что если меня не образумитъ и это божественное увѣщаніе, то онъ, пишущій, будетъ моимъ неумолимымъ обвинителемъ передъ Богомъ въ день страшнаго суда.

Я стала разсматривать почеркъ: онъ не показался мнѣ совершенно незнакомымъ. Я перебрала свои бумаги—между ними не нашлось ни одной подходящаго почерка. А все же я увѣрена была, что уже видала его. Я спросила у привратницы, кто принесъ письмо?

«— Какой-то незнакомецъ, отвѣчала она: — положивъ письмо въ придверный ящикъ, онъ поспѣшно удался.»

Въ одномъ-углу сводчатаго корридора была небольшая часовенка, посвященная св. Антиму — святому изъ ордена св. Василия. Въ этотъ же день, проходя мимо этой часовни съ моей тѣткой, я замѣтила написанную молитву, привѣщенную въ стѣнѣ на дощечкѣ. Я подошла, взглянула въ почеркъ: онъ былъ совершенно одинаковъ съ почеркомъ анонимаго письма, и я вспомнила, что именно въ этомъ мѣстѣ я и видѣла этотъ почеркъ. Я довела тѣтку мою до хоровъ, и бросилась искать ту бѣлицу, которой принадлежала часовенка. Такимъ образомъ, я узнала, что молитва написана тѣмъ самымъ ловласомъ, который такъ много подзывалъ меня, когда я проходила черезъ приемную, лепеча «Пст, милая, подойди сюда!»

Мать моя распорядилась такъ, чтобы по выходѣ моемъ изъ монастыря, я переѣхала въ домъ моей старшей сестры, и тамъ бы дожидалась отъѣзда дамы, взявшейя проводить меня.

Надо сказать, что вслѣдствіе фантастическихъ розсказней, которыя цѣлый день жужжали мнѣ въ уши монахини и священники, женой мой часто нарушался страшными видѣніями, наполненными привразами, демонами, мощами. Наканунѣ моего выхода, я, благодаря моему волненію, не могла заснуть до поздней ночи; я лежала въ полудремотѣ, какъ вдругъ мнѣ послышался звонъ колокольчеа. Я немедленно проснулась, раскрыла глаза, наострила уши — вокругъ царствовало обычное молчаніе. Нѣсколько погодя, я разсказала одной изъ монахинь объ этой галлюцинаціи. Та расплакалась, начала креститься и кричать: *Miracolo, miracolo!* (чудо, чудо!).

«— Какое тутъ чудо? Кто могъ совершить чудо? спросила я.

«— Какая ты недогадливая! Это—колокольчикъ св. Бенедикта—онъ призываетъ тебя.»

Полчаса спустя, весь монастырь былъ на ногахъ. Монахини, бѣлицы, воспитанницы ни о чемъ не разсуждали, какъ о совершившемся «чудѣ», и поговаривали уже объ учрежденіи обѣдни, съ цѣлью передать память о немъ лѣтописамъ монастыря.

Однако, и несмотря на таинственный трезвонъ, я оставалась твердой въ своей рѣшимости. Въ назначенный часъ я нѣжно обняла тѣту, радостно переступила черезъ порогъ монастыря, и побывавъ у Джузеппины, которую я уже нѣсколько времени не видала, вслѣдствіе ея болѣзненнаго состоянія, отправилась къ моей другой сестрѣ, у которой пробыла десять дней въ ожиданіи отъѣзда.

Но видно, не суждено мнѣ было долго насладиться свободою!

Въ это время я изъ Реджо получила два письма отъ двухъ моихъ замужнихъ сестеръ, тамъ поселившихся, которыя совѣтывали мнѣ непремѣнно возвратиться въ покинутую мной обитель. Причины, заставлявшія ихъ дать мнѣ подобный совѣтъ, были самыя прискорбныя. Мать моя готовилась вступить во второй бракъ; Доменико, забывшій о моей любви и нечувствительный къ моимъ несчастіямъ, ухаживалъ за другой женщиной; къ тому же, писали мои сестры, чуть ли мнѣ не предстояло промѣнять только столичный монастырь на провинціальный.

Эти роковыя извѣстія привели меня въ ужасъ: всѣ бѣдствія сиротства разомъ обрушились на мою бѣдную голову!

Посвятивъ долгое время на обсужденіе того критическаго положенія, въ которое поставили меня полученныя мною письма, я рѣшилась, хотя и противъ желанія, спросить у моего зятя, согласенъ ли онъ держать меня у себя, пока Богу угодно будетъ открыть мнѣ новое убѣжище? Зять мой любезно согласился. Тогда я рѣшилась просить даму уѣхать одну. Такъ я и сдѣлала, и она отправилась безъ меня.

Но вотъ черезъ недѣлю летитъ громовое письмо отъ моей матери, которая объявляетъ, что не намѣрена спокойно сносить мое непослушаніе. Она проѣхалась въ Мессину, чтобы меня встрѣтить и, не найдя меня тамъ, какъ она ожидала, страшно взбѣсилась. Этого мало. Въ это же время полиціймейстеръ далъ знать моему зятю, чтобы онъ тотчасъ же отправилъ меня въ Реджо, по волѣ моей матери.

«— Милая сестра, сказалъ мнѣ этотъ достойный человѣкъ, получивъ полицейскій приказъ: — я отъ всей души предложилъ вамъ у себя гостепримство, и съ величайшимъ удовольствіемъ держалъ бы васъ у себя, еслибы мать ваша этому не противилась; но при настоящемъ оборотѣ дѣлъ, я, къ крайнему моему сожалѣнію, долженъ сказать вамъ, что не могу дѣйствовать противъ приказаній моей тѣщи.»

Итакъ, мнѣ было прямо отказано отъ дома.

Что было мнѣ дѣлать? Куда дѣваться? Къ кому прибѣгнуть? Мое положеніе было ужасное. Съ одной стороны — тюрьма, съ другой — другая, вскую — отчаяніе и одиночество!

«Боже мой! говорила я про себя, не будучи въ силахъ удержать слезы:—что станется со мной, лишенной всякой опоры, всякихъ средствъ, лишенной даже собственной своей воли? Если жестокая судьба столько обстоятельствъ нагромодила противъ меня, то неужели же не найдется хотя какой нибудь законъ для моей защиты?»

Раздался звонокъ. То былъ одинъ другъ нашего дома — старецъ семидесятилѣтній, согбенный подъ ношей годовъ. Услышавъ о случившемся, добрый старикъ сталъ убѣдительно совѣтывать мнѣ возвратиться въ монастырь, до тѣхъ поръ, какъ онъ говорплъ, пока не пронесется буря, нависшая надъ моею головою; онъ надѣялся, что позже можно было бы постараться о моемъ примиреніи съ матерью. Съ этимъ совѣтомъ согласилась и сестра и мужъ ея, и еще нѣсколько домашнихъ, да по правдѣ сказать, и я не очень-то видѣла, что, кромѣ этого, могло бы спасти меня отъ отчаянія. Итакъ, не зная, какъ говорить, къ какому святому обратиться, я просила послѣ обѣда отвезти меня обратно въ монастырь. Тамъ, отозвавъ въ сторону тѣтку, я сказала ей, что хочу запереться еще на нѣсколько мѣсяцевъ, на что она отвѣтила, что на такое мое рѣшеніе слѣдуетъ просить согласія монахинь. Ихъ созвали въ приемную и, услышавъ отъ аббатиссы о моей просьбѣ, онѣ отвѣтили, что охотно снова примутъ меня въ свою среду, но только въ такомъ случаѣ, если я тутъ же не медля объявлю, что возвращаюсь не на время, а съ тѣмъ, чтобы постричься; въ противномъ же случаѣ, онѣ объявили, что затворять передо мной двери монастырскія.

Какой ужасный выборъ!

Сестра моя, видя, что я стою точно на иголкахъ, замѣтить, что я колеблюсь отвѣтомъ, шепнула мнѣ, чтобы я согласилась пока, такъ-какъ разъ принявъ меня, едва-ли меня прогнать.

Я послушалась ея, и вполголоса отвѣтила, что возвращаюсь съ намѣреніемъ сдѣлаться монахиней.

«— Говорите же внятно и громко, сказала аббатисса:— рѣшились ли вы наконецъ произнести монашескій обѣтъ?»

Сердце у меня крѣпко билось; голова кружилась; я такъ и думала, что лишусь чувствъ. Я попросила стулъ, отерла холодный потъ, выступившій на моемъ лбу, и замирающимъ голосомъ отвѣчала:

«— Да!

Жребій былъ брошенъ... сказано роковое *Да!*

Едва произнесла я его, какъ меня оглушилъ взрывъ радостныхъ возгласовъ. Монахини карьеромъ пустились доказывать, что обращеніе мое, очевидно, есть дѣйствіе колокольчика св. Бенедикта, слышаннаго мною самою, за нѣсколько часовъ до моего выхода изъ монастыря, и кончилось тѣмъ, что цѣлое полчище бѣлицъ было отправлено на колокольню, трезвонить въ колокола, въ честь радостнаго событія.

Услыхавъ колокола въ этотъ необычайный часъ, сосѣди приехали спросить, что такое случилось у монахинь? Онѣ же всѣмъ и каждому повѣствовали, какъ племянница аббатиссы, по вдохновенію свыше, объявила, что она хочетъ сдѣлаться монахиней. Растерянная, смущенная, одоливаемая неожиданнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, я дрожала какъ листъ на осеннемъ вѣтрѣ.

Давъ слово возвратиться въ мою темницу на слѣдующій день, я поѣхала домой съ сестрой, погруженная въ глубокое уныніе; она тоже, повидному, была очень опечалена неожиданнымъ оборотомъ дѣла.

Роковой звонъ колоколовъ всю ночь гремѣлъ у меня въ ушахъ; тысячу разъ раскаивалась я въ произнесенномъ мною *Да*, и обвиняла самой себя въ малодушіи... Но горе тому, кому на роду написано недоброе... Въ девять часовъ утра я уже отправлялась въ монастырь, у воротъ котораго ожидали меня нѣсколько изъ нашихъ короткихъ знакомыхъ.

Я была принята съ новымъ трезвономъ и взрывомъ хлопотъ, на которые сбѣжалась огромная толпа. Весь этотъ день ни о чемъ больше не было толковъ, какъ о чудотворномъ колокольчикѣ и моемъ близкомъ постриженіи. Каноникъ себя не помнилъ отъ радости, сестры ликовали, въ церкви такъ и шныряли священники и духовники. Кардиналъ Караччолло и викарій тоже пріѣхали поздравить меня съ моимъ рѣшеніемъ, а вечеромъ тѣтка моя

роскошно угостила всю общину конфетами и пирогами. Словомъ, чтобы вѣрнѣе закабалить меня, такъ, чтобы я уже не могла высвободиться, сестры и священники со всевозможной гласностью протрубили о чудѣ, совершенномъ св. Бенедиктомъ, и о моемъ обращеніи на путь истинный.

Для облегченія одинокаго заточенія, ожидавшаго меня, я запаслась нѣсколькими книгами, кое-какъ поспѣшно сунутыми на дно чемодана. Между ними была библія, «Руководство» (manuale) Эпиктета, и «Исповѣди» (confessioni) св. Августина. Я старалась достать еще «Утѣшенія» Боэція, но не удалось найти. За то одинъ добрый человекъ далъ мнѣ другую книгу, заглавіе которой, казалось, особенно подходило къ моему положенію: «Одиночество», Циммермана. Въ этомъ сочиненіи я ожидала найти богатый источникъ утѣшенія, и поэтому съ нетерпѣніемъ ждала минуты приняться за чтеніе его. Какъ только монахини разошлись, послѣ угощенія мороженымъ, я въ свою очередь простилась съ тѣткой, и поспѣшила вынуть изъ чемодана желанную книгу. Съ какимъ трепетомъ и жадностью проглотила я первыя страницы при тускломъ ламповомъ свѣтѣ! Краснорѣчивый, оживленный и вмѣстѣ съ тѣмъ легкій слогъ, томная задумчивость, описанія чувствъ и страстей, которыми авторъ силится внушить читателю любовь къ одиночеству, съ первыхъ же словъ переселили меня въ невѣдомый мнѣ міръ поэзіи, и я стала благодарить небо, давшее мнѣ товарища и учителя, могущаго опозитивировать горечь изгнанія, заставить меня полюбить самья свои оковы, примирить мое мятежное сердце съ однообразнымъ бездѣйствіемъ, съ монотонной тишиной.

Но вдругъ овладѣла мной печальная мысль.

«Этотъ философъ», подумала я: «который столь щедрой рукой расточаетъ цвѣты своего краснорѣчія мнимымъ прелестямъ одиночества, могъ ли онъ дѣйствительно быть товарищемъ моего заточенія? Развѣ онъ былъ, подобно мнѣ, вынужденъ вышней, непреодолимой силой собственноручно убить въ себѣ самую волю? Онъ, съ такимъ жаромъ воспѣвающій преимущества уединенія—да знаетъ ли онъ, какъ пахнетъ смертью отъ одиночества, когда оно отрѣзано отъ человѣческихъ узъ, обязанностей, воспоминаній, стремленій?

Я впадала въ еще большее уныніе; мнѣ казалось, что желѣзная рука сжала мнѣ горло; я думала, что задохнусь... Сосѣдніе часы пробили уже часъ ночи. Я закрыла книгу, потушила лампу, и распахнула окно, каждая воздуха.

Небо было застлано мрачными тучами, быстро носимыми вѣтромъ. На краю горизонта еще кое гдѣ мерцалъ лучъ какой нибудь затерявшейся звѣздочки, и дува, тоже окутанная въ густой

туманъ, дромашии свѣтось обливала стѣны монастыря. Глубокое молчаніе изрѣдка прерывалось крупными каплями дождя, падающими на мостовую, и снова все смолкало кругомъ.

Мнѣ пришло на умъ написать матери письмо—такое письмо, въ которомъ вылились бы всѣ накопившіяся мои слезы. Я снова засвѣтила лампу, набросала черновую, но тотчасъ же изорвала ее, находя ее слишкомъ безсвязной и дикою.

«— Не лучше ли было бы, спросила я самоѣ себя: — открыть тоску мою тѣбѣ? Но вѣдь она спитъ въ этотъ часъ! Ничего, разбужу!

Чтобы пройти въ ея комнату, нужно было перейти темный корридоръ. Я постучалась въ ея дверь,— никто не отозвался. Я постучала еще разъ: бѣлица узнала мой голосъ и отворила мнѣ, испуганная монимъ ночнымъ посѣщеніемъ. Увида меня въ такой часъ, и въ такомъ смѣльномъ смущеніи, оторопѣла и аббатисса. Я выслала бѣлицу изъ комнаты.

«— СагаZIA, сказала я тогда, съ трудомъ сдерживая волненіе, одолѣвшее меня: — мнѣ очень жаль такъ безнокоить васъ, и доставлять вамъ столько неприятностей; но время не терпитъ, дѣла мои пошли черезчуръ быстро, и мнѣ не хотѣлось бы, чтобы новыя событія застали меня врасплохъ и засуетили бы меня.

Загнѣвъ я со всѣми подробностями разсказала ей, какое стеченіе обстоятельствъ заставило меня возвратиться въ монастырь, съ тайнымъ намѣраніемъ какъ можно скорѣе окончательно освободиться изъ него, и взключеніе объявила ей, что чувствую къ монашескому званію крайнее и непреодолимое отвращеніе.

Бѣдная старушка расслабалась, и закрывая лицо руками, воскликнула:

«— О, я несчастная! Какой позоръ ожидалъ мою старость, послѣднее мое аббатство! Что скажутъ монахини? Что скажетъ кардиналъ? Что скажетъ викарій? Что скажетъ весь свѣтъ? Тебя назовутъ вѣтренницей, а меня — сумасбродной старухой, за то, что я уговорила тебя возвратиться. А доброе имя монастыря!... Вѣдь и колокольнигъ-то св. Бенедикта звонилъ! А что заговорятъ газеты!... Какой богатный матеріалъ для скандала, и для выдумокъ всѣхъ невѣрующихъ въ городѣ!

При этихъ размышленіяхъ бѣдняжка залилась слезами, и громко зарыдала.

Глубокая горестъ этой восьмидесятилѣтней старушки, сходство ея съ монимъ боготворимымъ отцомъ, которому я никогда не доставила ни малѣйшаго огорченія, все это потрясло меня. Вида, что она не унималась отъ слезъ, и плачевно твердила: «Увы, какое ужасное несчастье! какой позоръ!»—я взяла одну ея руку въ обѣ свои, и данъ полную волю моея тоскѣ, сказала:

«— Тёта, дорогая моя, ложитесь спать и уснетесь: я не буду болѣе бороться противъ моей судьбы.

Она подняла голову и пристально на меня посмотрѣла; я же, не переводя дыханіе, продолжала:

«— Ну, да, я сдѣлаюсь монахиней. Это мнѣ будетъ стоить жизни: что же—на свѣтѣ будетъ однимъ несчастнымъ существомъ меньше. Но ужь, навѣрное, я не отравлю послѣднихъ дней жизни сестры моего отца!

Я болѣе ничего не могла выговорить, потому что страшныя рыданія прервали мой голосъ. Нѣсколько минутъ, мы стояли безмолвно обнявшись. Наконецъ, тётка моя первая заговорила, и возложивъ на мою голову руки, которыя она всегда носила на шеѣ, сказала:

«— Успокойся, дитя мое! Господь Богъ и нашъ святой патріархъ поддержать тебя въ этомъ испытаніи. Съ утра до ночи стану я молиться, чтобы ниспослалось тебѣ призваніе, и молитвы моя будутъ услышана.

Она потребовала съ меня слово, что я никому не расскажу о томъ, что произошло между нами въ это ночное свиданіе, и я дала его. Съ этой минуты жертвоприношеніе можно было считать уже совершеннымъ, и я считала себя закланной жертвой.

Всякія періодическія изданія запрещены въ монастыряхъ. Несмотря на это, каноникъ на слѣдующее утро отозвалъ меня въ сторону, и показалъ мнѣ номера двухъ газетъ, еще невышедшихъ послѣ печатанія, въ которыхъ публика извѣщалась о моемъ рѣшеніи. Въ одномъ изъ этихъ листовъ говорилось:

«Спѣшимъ сообщить фактъ, который обрадуетъ благочестивыхъ людей всѣхъ сословій. Одна изъ дочерей покойнаго, глупо оплакиваемаго маршала Карачоло, сеньорина Энриетта, изъ рода князей Фориво, дѣвица рѣдкой набожности, рѣшилась отказать отъ суеты мірской, чтобы принять постриженіе въ монастырѣ св. Григорія Армянскаго».

Другая газета, хорошо извѣстный органъ священнической консортеріи, гласила слѣдующее:

«Снова недавно звонилъ колокольчикъ св. Бенедикта, и на этотъ разъ для того, чтобы причислить къ «ангельскому» бенедиктинскому ордену еще одну Карачоло, юную дѣвицу, происходящую по прямой линіи отъ св. Франциска, носившаго ту же фамилію. Эта молодая дѣвица, прежде выказывавшая крайнее отвращеніе отъ монашескаго званія, пробужденная отъ сна высказаннымъ чудотворнымъ колокольчикомъ, формально заявила свое намѣреніе сдѣлаться монахиней... Всѣ вы, безбожники и невѣрующіе, *favete linguis, animisque!*»

А между тѣмъ, мать не писала ко мнѣ. Я къ ней отправляла

еще письмо. Тётка моя, съ своей стороны, написала ей о моемъ рѣшеніи идти въ монахини. Наконецъ, мать отвѣтила, что она этого рѣшительно не допустить, и нѣсколько мѣсяцевъ упорно сопротивлялась. «Она имѣла намѣреніе — говорила она — выдать меня замужъ за человѣка, пріятнаго ей, и думала оставить меня въ монастырѣ только до тѣхъ поръ, пока представится къ этому случай.» Но, какъ замѣтила моя тётка, не бороться же ей было противъ воли Провидѣнія!

Впрочемъ, эту волю нельзя было исполнить немедленно. Въ августѣ 1840 года я еще не достигла возраста, установленнаго уставомъ для постриженія: мнѣ должно было минуть двадцать лѣтъ только въ 1841 году. Поэтому пришлось ждать октября 1841 года, то-есть истеченія двадцати мѣсяцевъ послѣ перваго вступленія моего въ монастырь.

Община употребила это время на то, чтобы заготовить, на мой счетъ, конфеты для грядущаго торжества! Около этого времени, тётку мою, цѣлыхъ десять лѣтъ уже исправлявшую должность аббатиссы, замѣстила другая, тоже Карачоло, женщина довольно строгая, и даже грубая. Черты эти, послѣ крайней снисходительности и ласковости тётки, были причиною общаго неудовольствія всѣхъ монахинь.

За сорокъ дней до моего постриженія, рѣшено было, въ угожденіе моей матери, отпустить меня на это время къ ней. Впрочемъ, прежде нежели меня выпустили, заставили меня раскошеляться на 700 дукатовъ, для расходовъ на предстоящій обрядъ; тутъ я должна упомануть, что добрѣйшій генераль Саллуцци сдержалъ свое слово, и подарилъ мнѣ тысячу дукатовъ.

Въ это время мать моя, возвратившаяся изъ Калабріи, помѣстилась у Джузеппини съ моими маленькими сестрами. Она, какъ и всѣ остальные мои родственники, приняла мою поворность бѣдствію, казавшемуся мнѣ уже неизбѣжнымъ, за истинное неподдѣльное призваніе. Я съ своей стороны, зная что должна отказаться отъ міра навсегда, и желая избавить себя отъ лишнихъ сожалѣній, во все это время избѣгала баловъ, театровъ и вообще общества. Равъ только попробовала я спѣть съ аккомпаниментомъ фортепьянъ народную пѣсенку, нѣкогда очень нравившуюся Доменико; но меня одолѣло такое волненіе, въ душѣ моей зашевелилась такая горечь, и нервы мои такъ были этимъ потрясены, что я съ той же минуты бросила музыку, и съ тѣхъ поръ уже играла только на церковномъ органѣ.

Не разъ приходила мнѣ мысль раскрыть мое сердце генералу, моему второму отцу, и просить его помощи; но данное тёткѣ слово зажимало мнѣ ротъ. Къ тому же, онъ уже выдалъ деньги; большая часть которыхъ была истратена, такъ что еслбм даже

я рѣшилась измѣнить слову, торжественно данному тѣткѣ и монахинямъ, я едва-ли могла бы отступить назадъ, не разыгрывавъ незавидную роль передъ моимъ благодѣтелемъ. Исхода не было никакого. Волей-неволей надо было зажмурить глаза, и предоставить себя роковому теченію.

Насталъ великій день. Съ самаго утра зала моего вѣтя наполнилась толпой нашихъ родственниковъ и друзей. Мужчины весело разговаривали, женщина болтали, дѣвушки завладѣли ролью; я одна была печальна, и во рту у меня было горьче полыни.

Въ десять часовъ меня позвали одѣваться. Голову мою убрали вѣнкомъ изъ цвѣтовъ, осипанныхъ драгоцѣнными камнями; на меня какъ на невѣсту надѣли богатое бѣлое газовое платье, къ головѣ приколоты такую же вуаль, падающую до ногъ. Четыре дамы убирали меня; еще двѣ должны были сопровождать меня: герцогиня Корильяно и княгиня Кастаньетто. По принятому обычаю, эти дамы сперва возили меня по разнымъ монастырямъ, чтобы показать меня и другимъ монахинямъ. Я слѣдовала за ними, какъ автоматъ, безмолвная, и мысли мои были далеко. Я очнулась только тогда, когда сидя въ приемной монастыря Santa Patrizia, около другой моей тѣтки, тоже бенедиктинской монахини, я увидала двухъ запыхавшихся клириковъ, поспѣшно вбѣгающихъ со словами:

«— Signore, поѣзжайте же скорѣе въ монастырь св. Григорія Армянскаго! Обѣдны уже отходить: ожидаютъ только новой монахини.

Кинжалъ въ сердце не причинилъ бы мнѣ такой острой боли, какъ этотъ призывъ. Общая дрожь овладѣла мною, и я вся помертвѣла въ лицѣ. Первая поднялась герцогиня Корильяно. Я прижала руку къ сердцу, встала съ трудомъ, и обняла старушку-тѣтку, которая, прослезившись, сказала мнѣ:

«— Это—послѣдній нашъ поцалуй... Прощай, дитя мое! Мы свидимся на небесахъ.

Княгиня, подошедшая ближе ко мнѣ, взглянувъ мнѣ въ лицо, сказала другой дамѣ:

«— Пойдите, duchessa! Развѣ вы не видите, что монашенка дурно?

Дѣйствительно, я шаталась на ногахъ, и опиралась на спинку стула, чтобы не упасть. Меня усадили, и попросили стаканъ воды; освѣжившись нѣсколько, и переведа духъ, я снова встала.

«— Бьюсь объ закладъ, что вы не по своей охотѣ идете въ монахини, сказала мнѣ княгиня дорогой.

«— Напротивъ, совершенно по своей, отвѣчала я, подавляя вздохъ, который измѣнилъ бы мнѣ.

А карета все ѣхала, и наконецъ вѣхала въ кварталъ San

Лотарио. Подъѣзжая къ печальной оградѣ, я выглянула изъ дверцезь, съ болѣзненнымъ любопытствомъ лица оконныхъ ставней, деревянныхъ и желѣзныхъ рѣшетокъ, и прочихъ монастырскихъ принадлежностей. При видѣ могилы, которая ожидала меня съ тѣмъ, чтобы живо поглотить, не понимаю, какъ я, движимая инстинктивнымъ порывомъ, не выскочила изъ кареты на середину улицы! Меня въ эту минуту, должно быть, поддержало одно только глубокое чувство самолюбія.

Чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ монастырю, тѣмъ яснѣе долеталъ до насъ звонъ колоколовъ. Каждый ударъ отзывался въ душѣ моей погребальнымъ звукомъ. На поворотѣ улицы, смутный ропотъ толпы, сбѣжавшейся отовсюду, взрывы хлопучекъ (mortaletti), возгласы кумушекъ, собравшихся на балконахъ, полковая музыка окончательно ошеломили меня.

Я испытала на себѣ послѣднія ощущенія осужденнаго на казнь!

При входѣ въ церковь, меня встрѣтила процессія священниковъ съ распятіемъ. Еще двѣ дамы стали около меня: княгиня Монтешилетто, и маркиза Мессанелла. Священникъ, несшій крестъ, шелъ впереди, посрединѣ; другіе по бокамъ его. Церковь была изищно убрана и богато освѣщена; посрединѣ ее на двое раздѣляли невысокія перила, покрытыя бѣлой съ краснымъ драпировкой; съ правой стороны находились приглашенныя дамы, которыхъ принимала моя мать, а съ лѣвой толпились мужчины, принимаемые моимъ двоюроднымъ братомъ, княземъ Форино.

Это многочисленное собраніе, это пестрое убранство, этотъ океанъ свѣта — представились мнѣ какою-то смутной, безобразной массой. Когда я дошла до середины храма, меня заставили преклонить колѣна, и подали мнѣ маленькое серебряное распатіе и зажженную свѣчу: распатіе я должна была прижимать къ груди лѣвой рукой, а въ правой рукѣ держать свѣчу.

Въ ту минуту, какъ я проходила мимо дамъ, моя маленькая сестра Джульетта протянула ручки, чтобы схватить мою вуаль, и крикнула такъ громко, что всѣ могли слышать ее:

«— Не хочу — нѣтъ! не хочу, чтобы тебя запырвали!

Этотъ серебряный голосокъ привлекъ всеобщее вниманіе. Я обернулась: одна изъ дамъ платкомъ зажимала дѣвочки ротъ. Слезы заструились изъ глазъ моихъ, до тѣхъ поръ остававшихся сухими.

Я дошла до главнаго алтара. Викарій, служившій вмѣсто болѣвшаго кардинала, возсѣдалъ возлѣ наоя съ апостоломъ. Тутъ я и сопровождавшія меня дамы, нѣсколько мгновений простояли на колѣняхъ, потомъ меня подвели къ викарію, и заставили снова преклонить колѣна у ногъ его. Одинъ изъ священниковъ, въ роскошно вышитомъ стихарѣ, подалъ ему маленькія

ножницы на серебряномъ блюдѣ, и отъ нихъ отрѣзала небольшую прядь моихъ волосъ. Послѣ этого я встала, и сопровождаемая тѣми же лицами, какъ и прежде, при звукахъ военной музыки, вышла изъ церкви. Путь отъ входа церкви до входа въ монастырь, былъ совершенно пѣшкомъ, среди густой толпы любителейныхъ.

Едва я ступила ногой за порогъ монастыря, какъ со мной сдѣлался одинъ изъ тѣхъ припадковъ отчаянныхъ рыданій и слезъ, которыхъ не можетъ удержать никакая человѣческая сила; всѣ монахини засуетились, стали заперать двери, поспѣшно втолкнули меня въ монастырь, и начали хоромъ уговаривать меня:

«— Не плачь, ради-бога! толковали онѣ мнѣ: — а то какъ разъ скажутъ, что мы постригаемся не изъ призванія, а насильно... Да замолчи же, ради-бога!

Я сошла въ причасальную. Викарій, каноники, священники и приглашенные всѣ столпились у перилъ. Тутъ монахини отвели меня въ уголокъ, и сняли съ меня мое парадное платье, вуаль, вѣнокъ, перчатки и даже чулки. Когда я, въ черномъ шерстяномъ платьѣ, съ распушенными волосами, съ глазами опухшими отъ слезъ, подошла къ окошечку причасальни, то услышала нѣсколько стоновъ въ толпѣ... Кто пожалѣлъ обо мнѣ?—Не знаю.

Викарій благословилъ нарамникъ, который я приняла изъ его рукъ и надѣла на себя. Затѣмъ я стала на колѣни передъ аббатиссой. У меня отняли мѣрскую одежду — оставалось лишь меня волосъ. Монахини собрали въ горсть мою длинную косу, и аббатисса уже взяла большія ножницы чтобы отрѣзать ее, среди глубокаго молчанія, какъ вдругъ изъ среды приглашенныхъ раздался могучій голосъ:

«— Варварка, не рѣжь волосъ у этой дѣвочки!

Всѣ обернулись: шопотомъ пронеслось слово *сумасшедшій*. Говорившій былъ членъ англійскаго парламента.

Священники заставили всѣхъ молчать, и монахини, не разъ уже видѣвшія протестантовъ при подобныхъ обрядахъ, сказали аббатиссѣ, остававшейся неподвижной, съ своими ножницами въ поднятой надъ головой моей рукѣ:

«— Рѣжьте! Это — еретикъ.

Волоса мои упали — я была пострижена.

ПРОГУЛКА ПО ЭРМИТАЖУ.

Статья первая.

Отечество наше, создавъ такъ мало художественнаго на своей почвѣ—Россіи, тѣмъ не менѣ очень богато предметами искусства.

Но все взяли себѣ Москва и Петербургъ.

Петербургъ, особенно, вмѣщаетъ въ себѣ неисчислимыя сокровища по части изящнаго. Въ немъ счетомъ шестьдесятъ-семь частныхъ домовъ, наполненныхъ картинами старыхъ и новыхъ школъ, рѣдкостями и всякаго рода произведеніями искусства. Современемъ, надѣюсь познакомить васъ съ этими коллекціями; онѣ сдѣлались въ первый разъ доступными для публики, на выставкѣ, устроенной герцогомъ Лейхтенбергскимъ въ 1851 году; до того времени, ими пользовались только владѣльцы. Огромное это художественное достояніе оставалось, слѣдовательно, безъ всякаго вліянія для общества, не только русскаго вообще, но и Петербурга.

Безъ вліянія былъ даже эрмитажъ, соединившій въ себѣ чуть ли не всѣ художественныя сокровища Россіи. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Эрмитажъ, составлявшійся постепенно продолженіе ста лѣтъ, хотя и былъ доступенъ публикѣ, но входъ туда сопрягался съ такими затрудненіями, что даже многіе жители Петербурга рѣдко тамъ бывали.

Все это, къ счастью, теперь измѣнилось.

По желанію государя императора, администрація эрмитажа отстранила всѣ тѣ препятствія, которыя мѣшали до сихъ поръ эрмитажу быть общедоступнымъ.

Билеты для входа выдаются теперь безпрепятственно и въ самомъ зданіи; слышно, современемъ ихъ вовсе даже не будетъ. Музей и галлерей закрыты только на одинъ день въ недѣлю (въ пятницу), подобно тому, какъ это дѣлается въ Луврѣ, британскомъ музеѣ и другихъ галлерейхъ Европы. День этотъ необходимъ для чистки, перестановокъ и перемѣтъ, которыя, стѣснивъ публику, не

могли бы вмѣстѣ съ тѣмъ быть исполнены, какъ слѣдуетъ, при стеченіи посѣтителей. Эти дни, однакожь, точно такъ же какъ и табельные праздники, не служатъ препятствіемъ для входа лицамъ, приѣзжающимъ въ Петербургъ на короткій срокъ; для этого, какъ это дѣлается вездѣ въ Европѣ, лица эти предъявляютъ у входа только свой паспортъ. Вмѣстѣ съ этимъ, отмѣнено правило относительно необходимости быть во фрагѣ — одно изъ обстоятельствъ, которое прежде было не послѣднимъ стѣсненіемъ.

Вводя эти улучшения и преобразованія безъ шума, безъ погрома, но постепенно, администрація эрмитажа руководилась системой, которая принята была при открытіи британскаго музеума. Такая система не нуждается въ оправданіи: съ одной стороны, она опирается на опасеніяхъ безпорядка, который неминуемо долженъ бы былъ произойти при большомъ стеченіи толпы, привлеченной шумнымъ, эффектнымъ открытіемъ; съ другой — на совершенной бесполезности такого стеченія для той образовательной пользы, которую предполагаетъ всякій художественный музей. Тутъ результатъ очевидно одинъ только — давка. При этомъ страдали бы больше всего лица, для которыхъ музей осуществляетъ потребность, а не только зрѣлище. Достаточно, пока, что эрмитажъ будетъ совершенно доступенъ каждому, кто сколько нибудь интересуется искусствомъ.

Доступность эта, нѣтъ сомнѣнія, увеличитъ число посѣтителей, и умножая ихъ, будетъ постепенно способствовать къ развитію вкуса и художественнаго чувства. Этому будутъ содѣйствовать, какъ самые предметы, представляющіе всѣ роды искусства, такъ отчасти и разстановка ихъ, сдѣланная въ томъ порядкѣ, какому слѣдовало развитіе каждаго рода искусства.

Значеніе эрмитажа для Россіи доказывается тѣмъ, что хотя до сихъ поръ онъ былъ мало доступенъ, хотя въ обществѣ нашемъ незамѣтно сильнаго влеченія къ искусству — эрмитажъ, тѣмъ не менѣе, пользуется въ нашемъ отечествѣ большою популярностію. Произнесите слово «эрмитажъ!» въ любомъ концѣ Россіи — каждый уже слышалъ его. О немъ разспрашиваютъ даже тѣ, которые никогда не бывали въ Петербургѣ. Новыя преобразованія въ эрмитажѣ произошли только годъ; съ каждымъ днемъ, число посѣтителей замѣтно увеличивается; теперь, среднимъ числомъ, бываетъ въ день уже около шестисотъ человекъ! Принимая во вниманіе всѣ сокровища, которыя вмѣщаетъ эрмитажъ, онъ, дѣйствительно, представляетъ единственный художественный памятникъ, которымъ отечество наше можетъ гордиться такъ же основательно, какъ Франція гордится Лувромъ, Англія — Британскимъ музеумъ.

Если васъ скольконибудь интересуетъ искусство, если вы желаете убѣдиться, на сколько эрмитажъ имѣетъ въ самомъ дѣлѣ права возбуждать нашу національную гордость—позвольте предложить вамъ прогулку по всѣмъ его отдѣламъ и заламъ. Это—тѣмъ болѣе не лишнее, что при новомъ его устройствѣ, лица, даже живущія въ Петербургѣ и посѣщающія время отъ времени эрмитажъ, найдутъ въ немъ, я увѣренъ, много такого, чего прежде нельзя было замѣтить.

Здѣсь нелишнимъ будетъ сказать, что цѣль этой статьи вовсе не въ томъ, чтобы сдѣлать подробное описаніе и полную оцѣнку каждаго отдѣленія эрмитажа. Такой трудъ потребовать бы нѣсколькихъ томовъ, цѣлой жизни человѣческой и обширнѣйшаго знанія. Онъ врядъ-ли даже возможенъ одному лицу, какъ бы ни велики были его свѣдѣнія. Отдѣлы эрмитажа, разсматриваемые порознь, представляютъ столько же разныхъ специальныхъ частей, разработка которыхъ съ критической точки зрѣнія можетъ только быть сдѣлана лицами, особенно приготовленными и посвятившими себя изученію каждой изъ этихъ специальностей.

Наша роль не превышаетъ здѣсь скромной роли любителя, который рѣшился быть кустодомъ эрмитажа потому лишь, что эрмитажъ знакомъ ему двадцать лѣтъ и продолженіе этого времени онъ имѣлъ еще случай повѣрять свои художественныя впечатлѣнія почти во всѣхъ музеяхъ Европы.

Прежде всего, здѣсь дѣло идетъ о личныхъ впечатлѣніяхъ. Мы заранѣе слагаемъ съ себя всю отвѣтственность, которую читатель вправѣ требовать только отъ признаннаго авторитета.

Цѣль статьи заключается въ томъ, чтобы въ общихъ чертахъ представить читателю полную картину эрмитажа и указать мимоходомъ на главныя характеристическія его особенности, какъ музея. Лица, хорошо знакомыя съ эрмитажемъ, не нуждаются въ нашемъ указаніи. Нельзя не согласиться, однакожь, что непривычные посѣтители, входя въ эрмитажъ даже съ каталогами, теряются въ немъ, какъ въ лабиринтъ. Начать съ того, нѣтъ положительно никакой важности осмотрѣть за одинъ разъ, скольконибудь внимательно, многочисленныя его отдѣленія. Не надо забывать, что однихъ картинъ болѣе полутора тысячи; а сколько еще другихъ собраній! Многія изъ нихъ такъ же значительны въ своемъ родѣ, какъ галерея живописи. Послѣ первыхъ двухъ-трехъ залъ, остается только утомленіе и подъ конецъ, мимо остальныхъ приходится идти, вовсе не обращая вниманія на то, что часто заслуживаетъ полнаго вниманія.

*

Цѣль наша будетъ исполнѣ достигнута, если во время этой прогулки, удастся намъ указать на тѣ предметы, которые составляютъ главныя точки въ каждомъ собраніи. Само-собою разумѣется, первое мѣсто въ нашемъ очеркѣ будетъ принадлежать предметамъ чисто-художественнымъ; объ остальныхъ упомянуто будетъ на столько, на сколько нужно будетъ для пополненія общей картины.

Я найду, кажется, неслишкомъ далеко, если скажу вамъ, что въ теперешнемъ своемъ видѣ, эрмитажъ можетъ считаться однимъ изъ первыхъ музеевъ въ Европѣ; по многимъ отдѣленіямъ онъ занимаетъ, безспорно, первое мѣсто. Преобладающій его характеръ—страшное богатство въ общемъ и разнообразіе. Нѣтъ такой отрасли искусства, которая не была бы въ немъ представлена.

Въ какой мѣрѣ представленіе богато или скромно, съ точки зрѣнія науки или художественнаго достоинства—мы это увидимъ, по мѣрѣ того, какъ будемъ подвигаться въ нашей прогулкѣ.

НИЖНІЙ ЭТАЖЪ.

Галерея древней скульптуры.—Собраніе росписныхъ вазъ.—Древности Босора Киммерійскаго.—Собраніе оригинальныхъ рисунковъ.—Эстампы.

Залы, которыя обходятъ вкругомъ весь нижній этажъ зданія, въ общемъ своемъ составѣ носятъ названіе *музея*.

Онѣ открываются, съ лѣвой руки отъ входа, отдѣленіемъ *ассирійскихъ и египетскихъ древностей*. Хотя бѣольшая часть этихъ предметовъ составляетъ скорѣе достояніе археологін, чѣмъ принадлежитъ къ области собственно изящнаго, они, мимо историческаго интереса, важны для насъ уже потому, что служа первообразомъ для намятниковъ послѣдующаго времени, приготавливаютъ насъ къ пониманію послѣднихъ. Въ исторіи искусства нѣтъ ничего случайнаго; все выходитъ одно изъ другаго и вяжется почти неразрывною цѣпью, проходя посреди теченія вѣковъ.

Надо сказать, отдѣленіе ассирійскихъ и египетскихъ древностей составляетъ чуть-ли не самую бѣдную часть эрмитажа. Въ этомъ отношеніи, мы должны уступить первенство собраніямъ Лувра и Берлина. О британскомъ музеумѣ говорить нечего: онъ богаче всѣхъ памятниками отдаленныхъ эпохъ, предшествовавшихъ греческой цивилизаціи.

Жаль, что два сфинкса, привезенные изъ *Фивъ* и находившіеся на пристани противъ академіи художествъ, не нашли мѣста въ эрмитажѣ; поставленные въ преддвѣрніи первой залы или по обѣимъ сторонамъ второй двери въ глубинѣ той же залы, они, безъ

соединя, не мало могли бы способствовать къ тому, чтобы возвысить значеніе этого отдѣленія; такихъ колоссальныхъ и превосходно сохранившихся памятниковъ немного даже и въ британскомъ музее. Но обратимся къ предметамъ, которые здѣсь налицо.

Назовемъ важнѣйшіе изъ нихъ.

Въ стѣнахъ заложены двѣнадцать барельефовъ. Изъ нихъ, четыре, принадлежащіе эпохѣ Ассарденбела I (десять вѣковъ до нашей эры), происходятъ изъ дворцовъ царей ассирійскихъ; они открыты въ Немрудѣ, сѣверѣ Лайаромъ (Layard), недалеко отъ мѣста слиянія рѣкъ Тигра и Заабале.

Первое мѣсто, по величинѣ и цѣлости, принадлежитъ барельефу, который находится слѣва отъ двери, противъ перваго саркофага съ той же стороны. Онъ представляетъ царя Сарданапала I—не того Сарданапала, который, по свидѣтельству греческихъ писателей, сжегъ себя на кострѣ; тотъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, несравненно древнѣе. За фигурой царя, выступаетъ крылатый геній, посланникъ Индры, одного изъ главныхъ божествъ ассириянъ.

Въ первый періодъ, когда складывались религіозныя вѣрованія, скульптура не смѣла прикасаться къ верховному существу; дозволялось только прибѣгать къ атрибутамъ или изображеніямъ образовъ второстепенныхъ божествъ, геніевъ, посредниковъ между верховными существами и людьми; ихъ звали марутами.

Барельефами этого рода украшались стѣны царственныхъ дворцовъ; плоская выиуклость рельефа возвышалась раскраскою, которой обыкновенно покрывали изображеніе. Въ скульптурѣ того времени, званіе, порода и характеръ личности не только обозначались символическими знаками, но также красками условныхъ цвѣтовъ на одеждѣ; бѣлая, красная и черная краски употреблялись для раскрашиванія смертныхъ; голубая и зеленая—для боговъ. На нашемъ барельефѣ видны еще слѣды синей и красной краски на царскихъ сандаляхъ съ высокимъ задкомъ. Нѣкоторые барельефы берлинскаго музея, приписанные той же эпохѣ, мѣстами сохранили еще больше краски; можно даже кое-гдѣ отличать подражаніе цвѣтнымъ роскошнымъ тканямъ, которыя и теперь еще встрѣчаются у персовъ и вообще на Востокѣ; орнаменты состоятъ большею частію изъ растеній, животныхъ и человѣческихъ фигуръ съ крыльями и безъ крыльевъ, охотничьихъ собакъ, и проч.; цвѣтныя одежды персовъ на знаменитой мозаикѣ, представляющей битву Александра Македонскаго, покрыты такими же точно изображеніями.

Не считая тщательно завитой бороды и волосъ, цѣпочекъ, ожерелій, браслетовъ, обвивающихъ руки и шею, особенность глав-

никъ фигуръ, вагъ и видно на шапелъ барельефъ, составляютъ оорьги; національный этотъ уборъ казался грекамъ до того не-оовиѣстнымъ съ достоинствомъ мужчины, что они называли вар-варами, въ презрительномъ смыслѣ этого слова, каждаго, кто на-силъ его. Другое характеристическое отличіе есть жезлъ или трость, служившія, вагъ думаютъ, для отдаленія или убіенія жи-вотныхъ, отвергаемыхъ религіею или объявленныхъ ею вредными для человѣка. Здѣсь даръ представленъ на охотѣ или участву-ющимъ въ бою; вмѣсто жезла, въ правой, рукѣ его металлическое копье или стрѣла, лѣвая упирается на длинный лугъ.

Царственную особу всегда можно узнать по діадемѣ, когда го-лова открыта, или по повязкѣ, когда голова покрыта шапкой, нихошей на тѣ, которыя и темеръ еще носятъ деревши на Во-стогахъ; въ обоихъ случаяхъ съ затылка падаютъ на плечи и спину широкіе концы перевязки головнаго убора; къ одеждѣ принадле-житъ также двойной шнурокъ съ кистами на концѣ, обвязываю-щій поясъ и спускающійся съ боку: это—талисманъ противъ злыхъ духовъ. Царь всегда представленъ обращеннымъ съ востока на западъ. Такъ-какъ явліе боготъ предполагалось на востогѣ, цари, которые пользовались божескими правами и поклоненіемъ, представлялись идущими съ той же стороны. При въѣздѣ въ Ва-вилонъ Александра Македонскаго, обожествленнаго подобно Це-сарю, жрецы требовали, чтобы онъ вступилъ въ восточныя во-рота. Дарій также не хотѣлъ входить съ западной стороны. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда царственная особа представла-лась съ мечомъ или копьемъ во время битвы или на охотѣ, вагъ, напрямѣръ, на нанемъ памятникѣ—она изображалась обращен-ною съ запада на востогъ.

Маруты — геніи, посланники высшихъ покровительствующихъ божествъ, изображались всегда съ крыльями. Являсь на землю вагъ существа дѣйствующія, они носятъ одежду и вооружены атрибутами, свойственными смертнымъ. Замѣчательно, что одѣ-віе неизмѣнно состоитъ изъ коротенькой юбки подъ верхней ту-никой и спускающейся не ниже колѣнъ; ноги всегда обнажены и только ступни обуты въ сандалинъ съ высокимъ задкомъ; атри-буты характеризуютъ образъ ихъ дѣйствія на землѣ; независимо отъ атрибутовъ, въ рукахъ марутовъ находятся символическіе знаки воды и огня, то-есть благословенія и очищенія.

Шипава кедръ, кипарисъ или сосна — священныя деревъ, на-саженныхъ въ рай божествомъ Акурамизада—представляетъ сим-воль всеочищающаго пламени; вотъ почему тамъ часто встрѣ-чается такое же изображение на античныхъ жертвенникахъ. При-сутствіе священной воды обозначается адѣлъ ведромъ въ рукѣ

марута; оно придерживается изогнутымъ прутомъ, одинъ конецъ котораго входитъ въ ушко ведра; другою — глухо припаявъ къ вѣно; ведро съ священной водою всегда въ лѣвой рукѣ, тогда какъ правая поддерживаетъ символическую шишку или приподнята для благословенія. Голова марута покрыта шапкою въ видѣ закругленнаго конуса; съ каждой ея стороны пара бычачьихъ роговъ, обращенныхъ концами впередъ—это символъ силы и славы.

Надпись, которая вырѣзана посреднѣй рельефа, принадлежитъ къ разряду древнѣйшихъ надписей, называемыхъ клинообразными (*cuneiformes*); она частію разобрана и начинается слѣва направо словами: «Великій домъ царя Сарданапала...»

Второй барельефъ (противъ перваго, на противоположномъ концѣ залы) и третій (справа отъ втораго) совершенно такого же характера, какъ и первый; они изображаютъ марутовъ, различно одѣтыхъ.

На четвертомъ (отъ входа второй, внизу, съ правой руки), изображена фигура Несроха—духа Мнеры, съ орлиною головою; это — другой видъ марута, упоминаемый въ библіи.

Остальные восемь барельефовъ, привезенные изъ Корсабада, относятся къ восьмому вѣку до Р. X.

1) Марутъ, стоящій на колѣнахъ. Весьма рѣдкое, единственное, известное изображение (отъ входа, внизу, первый съ правой руки).

2 и 3) Фигуры жрецовъ (надъ колѣнопрелоненнымъ марутомъ).

4) Два воина (слѣва подъ фигурой одного изъ жрецовъ).

Далѣе, по правой стѣнѣ, внизу, доски съ клинообразными надписями, такого же характера, какъ тѣ, которыя находятся подъ животомъ колоссальныхъ быковъ въ Луврѣ и въ британскомъ музеумѣ.

Собраніе ассирійскихъ и египетскихъ древностей заключаетъ въ себѣ всего около тысячи предметовъ. Оно составлено частію изъ коллекціи графа Кастильоне, приобретенной академіей наукъ и уступленной Эрмитажу въ 1862 году, частію изъ вещей, приобретенныхъ Герцогомъ Лейттенбергскимъ во время путешествія его по Египту.

Въ числѣ послѣднихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія:

Паштъ, сидящая, изъ чернаго базальта (первая фигура съ лѣвой руки отъ входа). Она держитъ въ лѣвой рукѣ крестъ съ круглымъ ушкомъ. Изображеніе, состоящее изъ двухъ перелетенныхъ растений по обѣимъ сторонамъ трона, означаетъ соединеніе двухъ частей Египта; ваза видна по львиной головѣ ея, богиня эта считалась охранительницею предрамія или дворца-

вихъ ходовъ; по свидѣтельству древнихъ, левъ принимался какъ символъ бдительности. Подобныя же статуи находятся въ Дурѣ и Вативалѣ; ормитажная приобрѣтена въ Египтѣ А. С. Нероувиъ.

Далѣе, съ той же стороны: группа изъ трехъ лицъ, Вамакограмате Аменемхеса, его матери Конры и сестры Табсеуофры. Этотъ небольшой намятникъ, также изъ чернаго базальта, принадлежитъ времени Аменофиса I.

Здѣсь всего любопытнѣе надписи, опредѣляющія имена лицъ ихъ званіе. На одеждѣ средней фигуры, Аменемхесъ именуется главою дома въ жилищѣхъ царя Аменофиса; надписи на платьѣ Конры и ея дочери свидѣлствуютъ, что первая была послѣдовательницею служенія Аммона, тогда какъ вторая была вышей служительницею Изиды и Аеоры. Иероглифы, на подставкѣ группы, выражаютъ надгробныя воззванія къ высшимъ существамъ, ясно высказывающія надежду на будущее воспресеніе тѣла и на предстоящее лицезрѣніе солнца—эту высшую цѣль стремленій души праведной.

Группа подарена Герцогу Лейхтенбергскому египетскимъ папою.

Два саркофага саитской эпохи: царицы Себа Паштъ и сына ея, Амеса. Послѣдній—самый ближайшій ко входу съ лѣвой стороны; на немъ лицо умершаго Амеса изображено съ искусственной бородой, привязанной тесьмою къ подбородку. На крышѣ саркофага изваяна дверь, оберегаемая Анубисомъ въ видѣ шакала, и еще другимъ лицомъ, называемымъ побѣдителемъ змѣхъ. Иероглифы, покрывающіе оба памятника, и фигуры исполнены съ необыкновеннымъ типаніемъ и отличаются, относительно, высокимъ стилемъ рисунка. Имена усонихъ, кажется, умышленно стерты; полагаютъ, это произошло вслѣдствіе споровъ о престолонаслѣдствіи и желанія изгладить изъ памяти народа всякое воспоминаніе о прежней династіи. Только въ одномъ мѣстѣ, на памятникѣ царицы, уцѣлѣло ея имя; иероглифы заключаютъ въ себѣ тѣ же воззванія и просьбы къ верховнымъ существамъ о принятіи усонихъ въ лоно небесъ.

Великолѣпные эти саркофаги составляютъ нару; они найдены въ 1852 году, въ склепѣ, у подножія большой пирамиды Хеопса (между пирамидой и сфинксомъ), Герцогомъ Лейхтенбергскимъ.

Между этими саркофагами находится третій изъ розоваго гранита; онъ принадлежалъ также царственному, но неизвѣстному лицу изъ Мемфиса. Его относятъ къ XIX или XX династіи, за 1000 лѣтъ до Р. X.

Справа, водъ стеклянными линзами, находится нѣсколько превосходно сохранившихся гробницъ изъ дерева, заключающихъ

на себѣ муміи; гробницы, богато росписанныя и мѣстами выкрасившія позолоту, дѣлались для лицъ, менѣе высокаго званія. Изъ отиравають обыкновенно по нѣскольку, въ пещерахъ естественныхъ, но обдѣланныхъ, или нарочно высѣченныхъ въ скалѣ. По мѣрѣ того, какъ погребальное мѣсто оказывалось наполненнымъ, или вмѣщало семейство, для котораго было приготоовлено, отверстіе пещеры замуравливалось наглухо; съ наружной стороны его обкладывали плитами съ надписями для той цѣли, чтобы запомнить мѣсто и передать потомству память лицъ, въ немъ погребенныхъ. Изъ Египта, обычай этотъ перешелъ въ древнѣйшія времена къ іудеямъ; только у послѣднихъ, плиты замѣнились цокольной обшивкой и фронтономъ своего рода, какъ на примѣръ на памятникѣ, извѣстномъ подъ именемъ могилы пророковъ.

Необыкновенная цѣлость этихъ деревянныхъ гробницъ, существующихъ болѣе трехъ тысячъ лѣтъ, объясняется тѣмъ, что не считая сухости воздуха въ Египтѣ, гробницы глухо замуравливались, имѣли вообще мало сообщенія съ воздухомъ и помѣщались въ скалистыхъ пещерахъ, располагаемыхъ всегда выше горизонта почвы.

Въ шкапахъ и витринахъ находится множество мелкихъ вещей: символическихъ фигуръ изъ серпентина, базальта, бронзы, сіени-та, восточнаго алебастра, стекляннаго сплава, дерева и проч., а также чаши и кандѣи разнаго рода, изукрашенныхъ рельефными изображениями и иероглифами.

Здѣсь, между прочимъ, встрѣчаются предметы, бросающіе совершенно новый свѣтъ на искусство египтянъ. Нѣкоторые изъ нихъ доказываютъ, что искусство, поневолѣ, должно было держаться извѣстныхъ условныхъ и далеко непривлечательныхъ формъ; такъ было, когда оно касалось изображеній божества или религіозныхъ вѣрованій. Условныя формы, сохраняя представленіе такого-то религіознаго мѣна во всей его неприкосновенности, и передавая его такимъ изъ рода въ родъ, сохраняли, по тогдашнимъ понятіямъ, и самое вѣрованіе, заключавшееся, главное, въ этихъ виѣшнихъ, матеріальныхъ формахъ.

Обратите, на примѣръ, вниманіе на головку изъ чернаго базальта (третій шкафъ слѣва отъ входа, вторая полка). Замѣтите въ томъ же шкапу (первая полка сверху) головку козла изъ глины, облитой зеленоватою поливою; также на барса, присѣвшаго на заднія ноги, вырѣзаннаго изъ дерева и такъ чудно сохранившагося (четвертый шкафъ, вторая полка).

Но знаю, принадлежать ли эти предметы къ циклу преданій религіозныхъ, въ той же формѣ по-крайней-мѣрѣ, какъ они

здѣсь представлены; но рѣзкое отличие ихъ въ художественномъ отношеніи отъ предметовъ, тутъ же рядомъ стоящихъ, должно имѣть свою причину. Они, говорятъ, относятся къ первому времени, когда Египетъ, путемъ торговли, вошелъ въ сопряженіе съ Греціей; но въ то время, греческое искусство не было свободнѣе египетскаго, когда дѣло шло о представленіяхъ религиозныхъ. Отчего же названныя нами вещи исполнены съ величайшею тонкостію, дышать жизнью, правдой и художественной красотою, тогда какъ все, что ихъ окружаетъ, какъ-бы словно и пронизанное общимъ условно-суровымъ характеромъ? Надо думать, эти предметы не имѣли никакого отношенія съ религіей; они касались только изображеній изъ дѣйствительной жизни, и художники, нестѣсняемые жреческими уставами, показали намъ, на какой высокой степени могло стоять тогда свободное искусство.

Все это—одно лишь предположеніе. Но при сравненіи этихъ живыхъ, художественныхъ изображеній съ окаменѣлой скульптурой, которая окружаетъ насъ въ этой залѣ, невольно приходимъ къ подобнымъ заключеніямъ.

Вторая зала музея и многія, за нею слѣдующія, посвящены произведеніямъ скульптуры и керамики грековъ и римлянъ.

Мы здѣсь съ перваго шага вступаемъ въ міръ античный, но уже изящный—міръ также исчезнувшій, но все еще такъ знаменательно живущій въ своихъ памятникахъ!

Не считая величайшихъ рѣдкостей и единственныхъ экземпляровъ, которые разсыпаны здѣсь по разнымъ коллекціямъ, кѣмъ отдѣлы, сами по себѣ—принимая во вниманіе ихъ полноту, рѣдкость предметовъ и ихъ разнообразіе—считаются первокласснѣйшими въ Европѣ. Таковы, на примѣръ, коллекція античныхъ росписныхъ вазъ и собраніе древностей Босора Киммерійскаго.

Первыя античныя вещи, имѣющія художественное достоинство, приобрѣтены были Петромъ-Великимъ. Объ нихъ будетъ говорено въ свое время. Съ тѣхъ поръ, ввозъ антиковъ не повторялся, кажется, до императрицы Екaterины II. При ней мало было сдѣлано приобрѣтеній въ этомъ родѣ. Вниманіе ея преимущественно обращено было на составленіе галлерей картинъ, коллекцій рѣзныхъ камней, гравюръ и рисунковъ. Ктому же, бездна античныхъ изваяній, украшающихъ теперь музеи Европы, находилась еще тогда подъ землею. Многіе изъ знаменитыхъ музеевъ вовсе даже не существовали: не было ни національной галлерей въ Лондонѣ, ни мюнхенскаго музея, ни королевскаго въ Мадридѣ, ни берлинскаго; дрезденская галлерей только что начи-

нава составлялись при Августѣ III, покупкою коллекціи герцоговъ модонскихъ. Остальные всё, кромѣ ватиканскаго музея, флорентинскаго, отчасти даже неаполитанскаго, были сравнительно бѣдны.

Настоящимъ, прямымъ основателемъ музея эрмитажа, слѣдуетъ считать императора Николая I. При немъ, задолго еще до сооруженія новаго зданія эрмитажа, число античныхъ вещей такъ умножилось, что не находилось уже для нихъ помѣщенія. Къ нимъ одно за другимъ присоединялись: собранія Нани, Демидова и гр. Лаваль; вещи, купленныя въ 1851 г. въ Венеціи, пріобрѣтенныя отъ папы Пія IX въ обмѣнъ земли на горѣ Палатинской; отъ графа Нессельроде, Татищева, Рикетти и др. Съ тѣхъ поръ, музей не переставалъ увеличиваться. Я помню еще очень хорошо, когда собраніе эрмитажа помѣщалось въ залахъ стараго зданія; главную роль играли картины; античныхъ предметовъ было такъ мало, что они не составляли даже особаго отдѣла. Теперь антикамъ тѣсно въ обширныхъ залахъ нижняго этажа, нарочно для нихъ устроенныхъ. Въ настоящее царствованіе, музей эрмитажа удвоилъ свое значеніе, благодаря новымъ, счастливымъ пріобрѣтеніямъ. Кто не слыхалъ о неисчерпаемыхъ богатствахъ собранія маркиза Кампана въ Римѣ? Часть ихъ поступила теперь въ эрмитажъ.

Продажа музея Кампана надѣлала въ свое время много шума. Шумъ происходилъ главное оттого, что въ дѣлѣ этой покупки нашими соперниками были французы. Слухъ, будто-бы гг. Ренье и Корню, эксперты, посланные въ Римъ французскимъ правительствомъ, были первыми, которыхъ допустили къ осмотру вещей Кампана, и выбрали изъ нихъ лучшія—не имѣть никакого основанія. Его распустили газетчики, быть можетъ, даже дѣйствовавшіе по внушенію правительства, которое хвастало, желая польстить національному чувству французовъ. Лицо, уполномоченное русскимъ правительствомъ для переговоровъ касательно пріобрѣтенія помянутаго музея, было первымъ, которому предоставленъ былъ свободный выборъ вещей по каталогу. Спустя уже три мѣсяца послѣ того, предметы, оставшіеся отъ выбора для эрмитажа, пріобрѣтены были Франціей за огромную сумму четырехъ милліоновъ триста шестидесяти тысячъ франковъ. Громадная эта цифра, возбуждившая много толковъ, могла быть также одною изъ причинъ, которая заставила органы правительства оправдывать расходъ цѣнностью художественныхъ произведеній.

Еслибъ пришлось мѣняться нашими пріобрѣтеніями съ французскими, эрмитажъ былъ бы очевидно въ проигрышѣ.

Та часть изъ собранія Кампана, которая сдѣлалась достояніемъ Франціи и составляетъ музей Наполеона III, заключается въ слѣдующемъ: собраніе античныхъ золотыхъ вещей; фаянсовыхъ росписныхъ блюдь или маіоликъ времени возрожденія; античныхъ вещей изъ обожженной глины; нѣсколькихъ скульптурныхъ вещей итальянскихъ ваятелей XV и XVI вѣка, и шестисотъ картинъ, или, вѣрнѣе, иконъ; потому что картины собственно по большей части или слабы, или сомнительны; иконы эти, особенно относящіяся къ византійской эпохѣ, очень интересны; но онѣ интересны исключительно только со стороны археологической; онѣ постепенно утрачиваютъ значеніе, восходя къ эпохѣ возрожденія; между ними нѣтъ ни одного истинно замѣчательнаго, подлиннаго произведенія Масаччіо, Фіезоле, Липпи, Конельяно и т. д. Лучшими картинами этого собранія, по мнѣнію г. Делабордъ, слѣдуетъ считать два произведенія Боттичелли: «Мадону» и особенно «Весну». Во всѣхъ этихъ многочисленныхъ отдѣленіяхъ наполеоновскаго музеума, можно завидовать только вещамъ изъ обожженной глины и немногимъ произведеніямъ Донателло и Луки делла-Робіа. Спора нѣтъ, можно, пожалуй, завидовать и всему остальному, но если нельзя было пріобрѣсти всего, и намъ первымъ пришлось дѣлать выборъ — мы получили то именно, что ближе всего подходило къ эрмитажу.

Принявъ въ себя огромную коллекцію Кампана, состоящую изъ сорока-трехъ античныхъ статуй, двадцати-семи бюстовъ, нѣсколькихъ барельефовъ и саркофаговъ, пятисотъ сорока-двухъ вазъ, ста тридцати-семи предметовъ изъ бронзы — музей эрмитажа получилъ вдругъ европейское значеніе, и можетъ теперь гордо приподнять голову. На сколько новыя эти пріобрѣтенія важны для эрмитажа въ художественномъ смыслѣ — въ смыслѣ обогащенія его рѣдкими созданіями искусства — можетъ убѣдиться каждый, кто дастъ себѣ трудъ спокойно осмотрѣть музей въ настоящемъ его видѣ и мысленно сравнить прежнее его достоинство съ теперешнимъ.

Нельзя, конечно, требовать, чтобы въ такой многочисленной массѣ пріобрѣтеній всѣ предметы были одинаковаго достоинства. Совершеннѣйшихъ произведеній греческаго рѣзца — произведеній, которыя Винкельманъ называетъ поэмами изъ мрамора, немного даже и въ Ватиканѣ. Въ другихъ лучшихъ музеяхъ — ихъ дватри, да и обчелся.

Въ ученыхъ своихъ изслѣдованіяхъ о древнихъ мраморахъ, г-н. Кларакъ краснорѣчиво доказываетъ, что въ музеяхъ Европы едва ли ихъ наберется четыре тысячи въ самомъ дѣлѣ античнаго происхожденія. Въ Ватиканѣ, общимъ счетомъ, 652 статуи, велич-

чая въ то число статуетки и фрагменты; въ британскомъ музеѣ— 96, вмѣстѣ съ обломками и египетскими статуями; въ галлерей Флоренціи — 106; въ Неаполѣ — 120, и т. д.

При всѣхъ средствахъ, которыми располагалъ императоръ Николай I, при всѣхъ его покупкахъ, при всемъ желаніи возвысить и обогатить отдѣленіе древней скульптуры въ эрмитажѣ, ему, въ тридцать лѣтъ, не удалось приобрести вещи, равносильной въ художественномъ отношеніи Венерѣ Таврической; лучшимъ скульптурнымъ приобретениемъ, сдѣланнымъ въ его царствованіе, останется статуя музы Каріатиды, купленная въ 1851 году въ Венеціи.

Изъ этого ясно, кажется, слѣдуетъ, до какой степени рѣдки образцы греческаго ваянія.

Едва-лишь нѣсколько обломковъ, сохраняющихся, какъ святыни, въ британскомъ музеѣ, свидѣтельствуютъ о гениѣ Фидіа, единственнаго великаго скульптора Греціи, творенія котораго сколько нибудь достовѣрны. Ничто не даетъ права утвердительно говорить о работахъ Поликлета, Скопаса, Праксителя и Лисиппа. Созданія ихъ гениа, приводившія въ такой восторгъ древнихъ, оставили о себѣ воспоминаніе въ болѣе или менѣе удачныхъ повтореніяхъ, которыя сохранили намъ—случай и время. Самыя же копія часто такъ искажены позднѣйшими реставраціями, что не даютъ конечнаго представленія первобытныхъ формъ и мысли произведенія. Обломки отъ обломковъ, древнія изваянія все-таки для насъ драгоценны. Въ нихъ достаточно еще сохранилось красоты, чтобы трогать чувство и говорить намъ о недосыгаемой высотѣ греческаго ваянія. Въ этихъ на половину уничтоженныхъ остаткахъ не совсѣмъ еще угасъ, какъ будто, и все еще живетъ и трепещетъ тотъ сильный, могучій духъ, который присутствовалъ при ихъ созданіи. Недаромъ дѣйствіе ихъ на насъ такъ неотразимо притягательно; мы истинно чувствуемъ живучесть этого духа, котораго не могли истребить тысячелѣтія; сила его влечетъ къ себѣ и приковываетъ зрителя. Намъ влечетъ даже къ тѣмъ античнымъ обломкамъ, которые не могутъ производить дѣйствія вишней красотой формъ; притягательность послѣднихъ находитъ истолкованіе въ томъ чувствѣ, которое невольно заражается въ душѣ при видѣ остатковъ и свидѣтелей минувшаго величія. Сожалѣніе къ тому, что уже невозвратно, грусть, которую всегда пробуждаетъ разрушеніе, стремленіе къ неизвѣстному и недосказанному, и желаніе пополнить воображеніемъ то, чего недостаетъ — все это возбуждаетъ въ душѣ человѣка то чувство, которое, независимо отъ лица, пере-

дается предмету созерцанія и придаетъ ему такое привлекательное, такое поэтическое значеніе.

Въ нашей прогулкѣ мы не станемъ держаться порядка, въ какомъ статуи и другія античныя изваянія раставлены по заламъ. Хронологическаго порядка, который бы знакомилъ насъ послѣдовательно съ исторіей древняго ваянія, здѣсь нѣтъ, да и быть не можетъ.

Укажемъ сначала на самые замѣчательные предметы, составившіе прежнее достояніе эрмитажа.

Между ними, если говорить только о статуяхъ и держаться произведеній греческаго рѣзца, первое мѣсто принадлежитъ, бесспорно, Афродитѣ, прозванной Венерой Таврической (347). Она оцѣнена по достоинству и прекрасно описана въ Пропилеяхъ (Т. I. стр. 125).

Совершенно въ другомъ родѣ, но также весьма замѣчательна: Муза-Кариатида (303). Тутъ дѣло не въ плѣнительныхъ формахъ женской красоты—статуя покрыта съ головы до ногъ одеждой; здѣсь прежде всего останавливаетъ вниманіе та могучая, спокойная величавость, которая отмѣчаетъ стиль Фидія и его школы. Въ его произведеніяхъ, грандіозность концепціи освѣщаетъ какъ-бы поэтическимъ свѣтомъ дѣйствительность исполненія; эта реальность деталей даетъ въ свою очередь живъ поэтичности цѣлаго; сліяніе того и другаго, то-есть жизненности и идеальности, составляетъ тотъ возвышенный эпическій стиль скульптуры, которая такъ согласовалась съ широкими линиями греческихъ монументальныхъ построекъ. Характеромъ своимъ колоссальная эта статуя близко напоминаетъ кариатиды аѳинскаго Эрехфеона: та же преобладающая черта величавости, неисключающая своего рода граціи, не той граціи, которая прославляла потомъ Праксителя, но той, которую разливала на Улисса Палада, когда—

«... красотой несказанной

«Шею одѣла ему, главу и лицо озарила,

«Станъ возвеличила, сдѣлала тѣло полнѣе, дабы онъ

«Могъ приобрести отъ людей феакійскихъ призы и вселить въ нихъ

«Тренитъ почтительный (*)...»

Къ сожалѣнію, прекрасное это произведеніе много пострадало отъ пожара. Его назвали музой потому, что три точно такіе же статуи (двѣ въ Венеціи, одна въ Мантуѣ), равныя по величинѣ и схожія по стилю съ нашей, сохранили атрибуты музы; одна изъ нихъ держитъ въ рукѣ маску, и маска эта не поддѣльная, а

(*) Одиссея, пѣснь VIII.

аттичная; поднятыя руки у всѣхъ четырехъ наводятъ на мысль, что онѣ служили кариадами. Предполагають, что онѣ принадлежали когда-то одной группѣ музъ подъ предводительствомъ монхенскаго Аполлона, нѣкогда извѣстнаго подъ названіемъ: музы Варберини.

Лучшими статуями можно также назвать слѣдующія: Отдыхающій сатиръ (316); первообразомъ этого произведенія считаютъ юношественнаго сатира въ картинѣ Протогена; недавно еще думали, что настоящимъ его оригиналомъ былъ знаменитый отдыхающій сатиръ Праксителя, столь прославленный древними писателями. Множество старинныхъ копій того же самаго мотива безъ измѣненій (въ Эрмитажѣ ихъ три, одна въ Ватиканѣ, одна въ Капитоліи, одна въ королевскомъ музеѣ въ Мадридѣ; лучшей считаютъ въ Капитоліи) не оставляютъ сомнѣнія, что подлинникъ принадлежалъ великому мастеру и пользовался большою славой.

Плывущій сатиръ (319) принадлежитъ также въ числу хорошихъ подражаній какому-нибудь знаменитому образцу; лучшей копіей признается та, которая находится въ виллѣ Боргезе близъ Рима. То же самое слѣдуетъ сказать объ Амурѣ или Эротѣ, натягивающемъ лукъ (342); совершеннѣйшая копія подлинника, который также приписывается Праксителю, или Лисиппу, находится въ Капитоліи.

Къ лучшимъ повтореніямъ знаменитыхъ оригиналовъ древности, надо отнести голову Эрота (353); такія же копіи находятся только въ Ватиканѣ и неаполитанскомъ музеумѣ. На послѣднихъ, статуя изображена съ крыльями, колчаномъ и стрѣлами; эти атрибуты дали ей; названіе Эрота. Въ томъ видѣ, какъ превосходный этотъ бюстъ является въ Эрмитажѣ, онъ представляетъ смертный сонъ, что подтверждается воннѣшнимъ взглядомъ и выраженіемъ грусти въ губахъ и вообще на лицѣ; предположеніе вытекаетъ изъ того, что древніе часто изображали генія смерти въ юношественномъ образѣ Эрота или Амура.

Къ прекраснымъ произведеніямъ по стилю и также по цѣлости, слѣдуетъ причислить героическую статую Каіи Цесаря (213) и другую Адріана (214); также статуи: молодого Вакха, сопровождаемаго маленькой фигурой Венеры (послѣдняя въ архаическомъ стилѣ) (156); Венеру (160), замѣчательную по красотѣ своей драпировки; Минерву (Аѣнну) (155), покрытую коринескимъ шлемомъ и отличающуюся гармонической обработкой цѣлаго. Статуя эта напоминаетъ Минерву Полліаду, прозванную *Medica*, которая находится въ Ватиканѣ, въ галереѣ, ведущей въ музей Кіарамонти; только у послѣдней стиль головы выше и драпировка

обработана съ большимъ тщаніемъ. Слѣдуетъ также обратить вниманіе на маленькую статую мальчика съ птичкою (5). Она принадлежитъ, по времени, къ Римской имперіи, когда искусство, оставляя постепенно народныя вѣрованія, обратилось къ сюжетамъ изъ дѣйствительной жизни; мифологическіе мотивы были тогда часто замѣняемы изображеніями дѣтей; они вошли въ моду; это видно изъ множества статуй этого рода, дошедшихъ до насъ. Часто потомъ, этимъ изображеніямъ стали давать типъ боговъ и окружать ихъ атрибутами мифологіи. Прекрасный образецъ въ этомъ родѣ: мальчикъ, одѣтый въ львиную шкуру въ позѣ знаменитаго Геркулеса фарнесскаго (272).

Однимъ изъ самыхъ интересныя произведеній римскаго искусства слѣдуетъ назвать пастуха или поселаннина съ мѣшкою на плечѣ, откуда выглядываютъ два пѣтуха; правой рукой держитъ онъ какое-то животное, кажется, козленка (158); хотя статуя эта далеко не представляетъ полного образчика той экспрессіи и тонкости, до которыхъ, въ подобнаго рода реальныя сюжетахъ, доходили греки (пляшущій сатиръ, фавнъ музея Борбонико и т. д.), въ ней однакожъ много жизни. Къ той же категоріи, но только по стремленію къ натурализму, слѣдуетъ отнести небольшую статую стараго силена (274); относительно художественнаго исполненія—она неизмѣримо выше первой. Не знаю, какому рѣзцу отнести ее—римскому, или греческому; каталогъ говоритъ, что она принадлежитъ къ первому вѣку по Р. X., но это все равно. Если судить по чувству, по впечатлѣнію, которое оставляетъ произведеніе искусства—статуя эта, для меня, по крайней мѣрѣ, выше многихъ другихъ, о которыхъ я упоминалъ. Здѣсь положительно мраморъ живетъ и дышетъ. Статуя изображаетъ стараго силена съ лысою головою, увитою плющемъ, съ тѣломъ, обросшимъ волосами, съ виноградною кистью въ одной рукѣ и чашей—въ другой; лѣтъ очевидно протекли здѣсь беззаботно и весело; годы подѣйствовали только въ пользу округленія живота, тучности, и прибавили лѣтъ. Прислонившись къ древесному стволу, закинувъ одну ногу за другую (классическая поза стоящихъ сатировъ и фавновъ)—онъ съ выраженіемъ самодовольства и тонкой юмористической веселости поглядываетъ впередъ и, кажется, даже попѣваетъ вполголоса вакхическую пѣсенку. Если статуя эта римская, надо сказать, римское искусство, перенятое у грековъ, удалась мало по малу отъ идеальности и обращаясь къ натурализму, достигало иногда въ этомъ отношеніи высокой степени совершенства. На сколько Таврическая Афродита дѣйствуетъ возвышенно и умиляетъ сердце чувствомъ женственной красоты и граціи, на столько старинъ этотъ силень переноситъ

вась дѣлкомъ въ мѣръ веселости и чувственныхъ земныхъ наслажденій. Первая какъ-бы объясняетъ Рафаэли; второй словно предсказываетъ Рубенса и служитъ прародителемъ всей фламандской и голландской школы.

Изъ обломковъ очень замѣчательны: торсъ Венеры (17) и двѣ ноги (91) и (98). Последняя, впрочемъ, кажется, не обломокъ; верхъ ея отшлифованъ и окруженъ ребромъ обуви; не принадлежала ли она къ числу вещей, приносимыхъ богамъ по обѣщанію (ex-voto), въ память изцѣленія больного или раненаго члена? Первая, также колоссальная, но изъ бѣловатаго прозрачнаго камня, и обутая въ сандалию изъ желтой яшмы; она интересна въ другомъ отношеніи: превосходно работанная, она даетъ приблизительное понятіе о громадныхъ размѣрахъ и высокой красотѣ статуй, составленныхъ изъ разныхъ матеріаловъ, какъ Аэина и Юпитеръ Фидіа.

Въ эрмитажѣ такъ мало памятниковъ до-фидіевскаго періода и такъ называемыхъ архаическихъ или гіеротическихъ, что едва ли по нимъ можно уловить ту связь, которая соединяетъ ихъ съ произведеніями позднѣйшаго времени. Архаическому періоду принадлежитъ честь выработки нѣкоторыхъ типовъ, преимущественно всѣхъ символическихъ принадлежностей, которыя служатъ для опредѣленія божества; зрѣлое искусство, принявъ эти типы такъ, какъ они были, и сохранивъ ихъ до самаго конца, только оживило ихъ и возвело на степень высокаго изящества.

Изъ числа немногихъ архаическихъ остатковъ въ эрмитажномъ музеѣ, самымъ древнимъ считается голова Герма, съ клинообразною бородой и кудрями, уложенными въ три ряда надо лбомъ (33); торсъ Паллады (22); бюстъ Діаны Габійской (40). Эллиптическая форма глазъ, полуоткрытый ротъ и еще болѣе общій характеръ, относятъ послѣднее произведеніе къ стилю, существовавшему до пуническихъ войнъ. Прекрасная статуя съ отѣнкомъ того же стиля, но позднѣйшаго времени: побѣдитель на играхъ (153); лучшая изъ нихъ, по изяществу линий и тѣну, представляетъ Аполлона (315). Волосы его зачесаны на затылкѣ въ большой узелъ, какъ у Аполлона—съ ящерицей, приписаннаго Праксителю. Небольшіе локоны свѣшиваются у него изъ-за ушей; надо особенно зайти съ праваго бока и обнять разомъ весь ансамбль линий, начинающейся надъ плечомъ, сбѣгающей по спинѣ и всей правой ногѣ, чтобы видѣть, какъ чувство красоты было сильно у грековъ, и пробивалось само собою даже въ то время, когда искусство находилось подъ гнетомъ условныхъ жреческихъ законовъ.

Не касаясь еще первокласснаго барельефа Ніобидь, поступившаго къ намъ изъ музея Кампана (мы скажемъ о немъ ниже),

эриатажъ былъ бѣденъ этого рода произведеніями, такъ же какъ и архаическими; барельефы, относительно своего характера, все-таки лучше выражаютъ его, чѣмъ послѣднія. Такъ, напримеръ, высокимъ достоинствомъ отличается рельефъ 332; онъ изображаетъ Ганимеда, подающаго нектаръ орлу Зевса; женственныя формы юношескаго тѣла, изящное движеніе линий, которыми оно очерчено, наивная грація, съ какой рука ласкаетъ голову орла, наконецъ, величавое достоинство самой птицы — все по-называетъ высокаго художника. Очень хорошъ также рельефъ 298, представляющій двухъ пляшущихъ сатировъ, изъ которыхъ одинъ — съ вѣнкомъ вокругъ шеи, играетъ на двойной свирѣли, другой приплясываетъ и прищелкиваетъ пальцами одной руки, тогда-какъ другая держитъ зайца — обычнаго спутника сатировъ и сроднаго съ ними по своей трусливой и эротической натурѣ.

Мастерствомъ, правдой и широтою исполненія отличается маленький барельефъ 335; на немъ, въ уменьшенную величину противъ естественныхъ размѣровъ, представлена голова орла, возложенная на пьедесталь; ее окружаютъ два лебедя, цапля и сова. Греческій духъ и стиль высказывается также въ фигурѣ юноши (331); онъ стоитъ съ наклоненной головою, выражающей глубокую грусть объ оставленіи здѣшняго міра; къ тому же стилю, и также какъ *стела* (надгробная плита, памятникъ) относится мраморъ, представляющій четырнадцатилѣтняго мальчугана съ любимой его собакой (145); интересна очень надпись: «ты спрашиваешь, о, путникъ, что это за новое изваяніе видно на камнѣ? — Сынъ Трифона, его-же имя носящій; 14 лѣтъ бѣжалъ я по стадіи жизни, и вотъ чѣмъ наконецъ сдѣлался: плита, гробница, камень, изображеніе!»

Греческому рѣзцу принадлежатъ также: Парки (329) и барельефъ 330; послѣдній — любопытный и хорошо сохранившійся образчикъ древняго гіеротическаго стиля.

Бюстами эриатажъ былъ всегда богаче, чѣмъ статуями.

Ихъ два разряда: головы миеологическихъ типовъ и героевъ, принадлежавшія прежде цѣлымъ статуямъ и потомъ уже реставрированныя въ бюсты; и собственно: бюсты иконическіе или портретные.

Въ числѣ первыхъ, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между античными мраморами эриатажа, занимаетъ превосходная голова Минервы, покрытая коринескимъ шлемомъ (176); по характеру своему, строгому, но идеально возвышенному, по работѣ, отличающейся опредѣленностію, но непадающей въ мелочи и выбирающей только главныя линіи и планы, она, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ рѣдкимъ произведеніямъ времени Фидія. Величольпный бюстъ Марса въ видѣ Ахиллеса (171); Антиной въ

видѣ Меркурія (74); Зевса (167); Вакха (173) (обломки драгоцѣнной статуи, отъ которой сохранилась только голова и кисть правой руки, лежащая на головѣ); Аяксъ (172) — замѣчательный по выраженію страданія на лицѣ; Янусъ (185), замѣчательнѣе не только по рѣдкости двойныхъ бюстовъ вообще, но и по превосходству работы и стили; съ одной стороны онъ представляетъ бородатаго старца съ благородными очертаніями лица и виноградными вѣтвями на головѣ, перевязанными священною повязкой; съ другой—безбородаго юношу; въ первомъ типѣ лежитъ идея древнѣйшихъ азіатскихъ вѣрованій; второй приближается къ свѣтлому греческому представленію.

Хорошихъ иконическихъ бюстовъ также очень много.

Трудно вообразить себѣ, напримѣръ, что нибудь извѣстнѣе по тонкости работы, колоссальной головы Арсини Филопаторъ (200); по необыкновенному мастерству въ смыслѣ передачи изъ мрамора тѣла, выраженія и жизненности, приведемъ бюсты: Тита-Квинція, Фламинія (240), Бальбина (239), Луція-Элія Цесаря (248), Марцелла (251), Плотины (70). Мимо работы, нѣсколько бюстовъ интересны еще въ томъ отношеніи, что представляютъ единственные экземпляры мраморныхъ изображеній, извѣстныхъ лицъ древности; такъ напримѣръ, Секстъ Помпей (236), Титъ-Квинція Фламиній (240), Филиппъ Аравитянинъ (241); интересъ другихъ заключается собственно въ самой личности; таковы бюсты: Адриана (250), Аполлонія Тіанскаго (73) и другіе.

Прежде чѣмъ перейти къ новымъ античнымъ приобритеніямъ изъ музея Кампана, остановимся передъ статуей Венеры, которая помѣщена въ залѣ, носящей ея имя.

Она вынута изъ земли всего лѣтъ шесть назадъ. Открытіе ея такъ интересно, что стоитъ рассказать о немъ. Въ концѣ марта 1859 года, г. Гиди, почетный инспекторъ при раскопкахъ, которыя дѣлаются по приказанію папы, получилъ извѣстіе, что нѣкто Мангани, владѣлецъ виноградника въ полумиліи отъ Рима, намѣренъ рыть погребъ для помѣщенія своихъ бочекъ. Извѣстно было, что виноградникъ этотъ составляетъ часть мѣстности, нѣкогда занимаемой великолѣпными садами, принадлежавшими Юлію Цезарю и потомъ подаренными имъ римскому народу. Гиди послѣдилъ къ настоящему владѣльцу съ предложеніемъ: онъ вышвался взять на свой счетъ рытье погреба съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ находки какой нибудь античной вещи—имѣть на нее половинное право. По расчету Гиди, мѣстность была именно такого рода, что должна была вмѣщать въ себѣ художественныя сокровища. Послѣ заключенія форменнаго контракта, приступлено было къ работѣ.

Дѣйствительно, 5-го апрѣля, на глубинѣ десяти футовъ, на-

шли статую изъ паросскаго мрамора, изображающую Венеру. Слухъ объ этомъ открытїи мгновенно распространился по Риму; на мѣсто явился г. Висконтѣ, главный панскій комиссаръ по части античныхъ раскопокъ; его сопровождало нѣсколько археологовъ и художниковъ. Такъ-какъ статуя оказалась безъ головы и рукъ, рѣшено было продолжать работу. Вскорѣ найдена была недостающая голова и передняя часть правой руки; тутъ же открыты были обломки колоннъ и ступени храма, который служилъ божицей статуи.

«Быль тамъ алтарь ей въ пафосскомъ мѣсту благовонномъ воздвигнутъ».

Статуя отнесена была къ г. Гиди и съ того же дня жилище его сдѣлалось приманкой для любителей и охотниковъ, которые являлись съ предложенїями. Въ то же время сдѣлано было также предложенїе со стороны С. А. Гедеонова, дѣйствовавшаго въ тѣхъ видахъ, чтобы прїобрѣсти знаменитую находку для эрмитажа.

Гиди ничего не хотѣлъ слушать; онъ просилъ двѣсти-пятьдесятъ тысячъ франковъ. Но намъ помочь здѣсь тотъ же случай, какъ во время лучшихъ покупокъ при Екатеринѣ II: помогли смуты, возникшія въ Европѣ. Апрѣля 26-го, война была объявлена между Франціей и Австріей; 28-го начались безпорядки въ Тосканѣ. Главные охотники — въ томъ числѣ Делессеръ, уже предлагавшій за статую пятьдесятъ тысячъ — испуганные политическими событіями, которыя грозили поколебать ихъ состояніе, поспѣшили оставить Римъ. Со своей стороны, Гиди и Мангани, видя что Римъ пустѣетъ съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе теряли надежду продать статую; они рѣшились, наконецъ, обратиться къ С. А. Гедеонову, который тогда еще предлагалъ имъ шестьдесятъ тысячъ франковъ. Послѣ многихъ новыхъ препятствій, послѣ ряда интригъ, возбужденныхъ завистниками Гиди и Мангани, послѣ долгихъ переписокъ и переговоровъ правительства съ нашимъ посланникомъ — статуя была, наконецъ, вручена С. А. Гедеонову, уложена и привезена въ Россію.

Статуя эта, съ атрибутами морской Венеры — дельфиномъ, извивающимся у ея лѣвой ноги вокругъ колони—принадлежитъ, по характеру, къ третьему представленію античныхъ Венеръ.

Въ первомъ представленіи, Венера изображалась закутанная въ хитонъ, и верхнее одѣяніе, брошенное сверхъ хитона; во второмъ—богиня являлась уже полуобнаженной; только нижняя часть тѣла окутывалась одеждой; такъ изображались Венеры-повелительницы, гордыя, величавыя, у которыхъ одна нога всегда упиралась на какое-нибудь возвышеніе, какъ напримѣръ: Венера Милосская въ Луврѣ. Наконецъ, въ третьемъ представленіи, Ве-

нера являлась совершенно уже обнаженной, опирающейся обыкновенно на лѣвую ногу, и слегка наклоненною впередъ. Таковы: Медицейская, Капитолійская, Таврическая, Сирагузская и др.; также и эрмитажная.

Общій характеръ этихъ послѣднихъ Венеръ, когда онѣ изображались выходящими изъ воды, заключается въ ихъ спокойствіи; рука опущенная, и та, которая прикрываетъ грудь, равно какъ и колѣни, приближенные одно къ другому — выражаютъ смущеніе и стыдливость богини, которая вдругъ видитъ себя обнаженною. Спокойствіе выражаетъ достоинство богини. Устремляя глаза въ даль, она пока еще только кротко улыбается человѣчеству; пока, она еще —

«... Золотая съ улыбкой пріятной Киприда»

Обнаженность не имѣетъ здѣсь смысла обольщенія; напротивъ, она выражаетъ чистосердечіе, которое не мыслить худаго; въ этомъ взглядѣ не безстыдство, которое манитъ и зазываетъ, но восхитительная прелесть цѣломудрія, неизмѣняющая еще причины таиться.

Въ этомъ послѣднемъ подраздѣленіи Венеръ, существуютъ еще другіе отбѣнки. Въ иныхъ статуяхъ, гдѣ богиня изображена точно также выходящею изъ воды, она представляется матерью челоуѣчества; она является тутъ женщиной, уже нѣкоторымъ образомъ зрѣлой, въ полномъ блескѣ самаго пышнаго разцвѣтанія женской красоты; такіа Венеры даже полныя, какъ напримѣръ: Медицейская, Капитолійская, Сирагузская. Въ другихъ — и къ тому числу принадлежитъ дрезденская, и новая эрмитажная — зрѣлость и величавость замѣнены дѣвственною, миловидною прелестью. Онѣ выступаютъ не какъ прародительницы челоуѣчества, не какъ гордыя, пышныя существа, которыя сознаютъ, что имъ все подвластно, но пока еще, стыдливо показываются, и цѣломудренно наклоняются впередъ, уюдобляясь бѣлыми водянымъ лиліямъ, которыя только-что вышли на поверхность воды, и не совсѣмъ еще успѣли распустить пышный цвѣтъ свой.

Типомъ этого рода изображеній Афродиты, почитаютъ знаменитую Книдскую Венеру, Правителя.

Нахожу лишнимъ распространяться о стилѣ новой эрмитажной Венеры, о ея художественныхъ достоинствахъ, времени, когда она была произведена, догадкахъ, кто производилъ ее, и т. д. Гипсовый слѣпокъ съ нея, и фотографическіе снимки посланы въ Берлинъ, и находятся въ рукахъ признанныхъ авторитетовъ, которые, безъ сомнѣнія, не замедлятъ сообщить намъ свои изслѣдованія.

Д. Григоровичъ.

ГЛУХІЯ МѢСТА.

РАЗСКАЗЪ.

I.

«Кура» прибила меня на постоялый. Дворникъ ввелъ меня въ горницу, объясняя мнѣ, на мой вопросъ, что это—«Василисови дворы». Въ переднемъ углѣ теплилась лампадка. Въ ея полусвѣтѣ, у окошка, заласеннаго бумагой, сидѣлъ дюжій паренъ въ новой дубленкѣ и въ красномъ платкѣ на шеѣ. По его широкому лицу, маленькому отъ мороза, по русой скобкѣ и голубымъ глазамъ, по готовоу усмѣшкѣ красиваго рта съ молодымъ бѣлымъ пушкомъ, я сейчасъ же призналъ въ немъ коробочника, какого нибудь шуйскаго офеню. И точно, скидая съ себя шубу, я наткнулся въ углѣ на лубочную коробку съ широкими ремнями. Видя мое желаніе сѣсть на лавку, коробочникъ молча подвинулся. Онъ ужиналъ. Передъ нимъ, на беззукоризненно-бѣлой ширинкѣ, лежала коврига хлѣба, стояла деревянная солонка и ендова съ квасомъ. Подперевъ жирную щеку большимъ бѣлымъ булакомъ, паренъ поглядывалъ то на столъ, то на меня, съ тѣмъ неопредѣленнымъ и нѣсколько грустнымъ видомъ, который я вообще замѣчалъ у нашего промышленнаго простолюдина, когда онъ ждетъ.

На широкой печи, которой каждая кафля съ голубенькимъ цвѣточкомъ пыхала жаромъ, кто-то похрапывалъ густо и съ такимъ выразительнымъ наслажденіемъ, что паренъ разсмѣялся.

— Проѣзжающій-съ, замѣтилъ онъ мнѣ, какъ-бы извиняясь за этотъ храпъ.—Давай, хозяйшка, давай, прождался, возвысилъ онъ голосъ при появленіи толстой и опрятной хозяйки въ ситцевомъ сарафанѣ съ дымившейся деревянной чашкой.

Мимоходомъ она поклонилась мнѣ и поставила передъ разнощникомъ чашку.

— Самоваръ надать вамъ? сказала она мнѣ привѣтливо.

— Пожалуйста.

Она была почти красавица, въ самомъ народномъ русскомъ вкусѣ. Бѣла, румяна, полна, даже стройна при своей полнотѣ, что рѣдкость въ простолюдинкахъ; съ какимъ-то добрымъ, влекшимъ къ ней выраженіемъ лица и голоса.

Я на нее заглядѣлся.

Она это замѣтила, улыбнулась, скромно опустила глаза и сказала:

— Кипить-съ давно. Чай вашъ?

Я сказалъ, что все съ собой имѣю.

Она вышла плавно, съ тѣмъ простымъ достоинствомъ, которое часто поражаетъ насъ въ молодыхъ мѣщанкахъ. Сейчасъ же подала мнѣ самоваръ, свѣтло вычищенный, съ чистымъ приборомъ, съ чистой скатертью.

Человѣкъ мой Назаръ, уже оттаявшій и пришедшій въ себя, внесъ погребецъ, и я принялся за чай на другомъ концѣ большого стола. Къ моему удовольствію, у хозяйки нашлись сливки и лавочные крендели, правда, сухіе, какъ сахаръ, но все же не окончательно потерявшіе способность размякнуть въ горячемъ чаѣ. Сознавая, что теперь никакая мятель мнѣ нестрашна, въ теплой и свѣтлой избѣ, я цѣликомъ отдавался пріятнымъ ощущеніямъ тепла и свѣта, только что вырвавшись отъ мятели, тормозившей и кусавшей насъ въ черномъ полѣ. Она голосила за окномъ на всякіе голоса, была охрипло, злобно, и колотилась въ стѣны, въ ставни.

Разнощій, между тѣмъ, покончилъ, наконецъ, съ своимъ ужиномъ, въ чемъ, по правдѣ сказать, я начиналъ уже сомнѣваться. Онъ «хлебать» и жевать такъ плотно, съ такимъ убѣдительнымъ аппетитомъ, что мнѣ казалось, никогда онъ не переставеть «хлебать» и жевать—малый-то здоровенный былъ. Поблагодаривъ «хозяйшку», онъ вылѣзъ изъ-за стола, всталъ, покивалъ конѣ головой, покрестился, раза два зѣвнулъ очень громко, и снялъ съ себя дублѣнку.

Съ минуту онъ нерѣшительно поглядѣлъ на лавку, на печку и на полъ, и разостлалъ дублѣнку на полу. Поставилъ свою коробку возлѣ, въ головахъ положилъ свернутый кафтанъ свой и, какъ былъ, въ сапогахъ, вытянулся на полу во весь молодецкій ростъ. Онъ сейчасъ же закрылъ глаза, и еще громче зѣвнулъ.

II.

Въ снѣгахъ скрипѣла дверь, скрипѣли съ морозу сапоги, скрипѣлъ перезабшій голосъ. Въ «горницу» вошла хозяйка, а за ней ввалилась человѣческая фигура прямо съ дороги, прямо изъ мѣтели, завернутая въ бѣлый снѣгъ, какъ въ простыню. Такъ и понесло отъ нея морознымъ снѣгомъ и вьюгой, такъ и вспоминались мнѣ мои собственныя зимнія бѣдствія.

Эта бѣлая зимняя фигура принялась усердно махать руками, усердно топтаться и разминаться на одномъ мѣстѣ; дула себѣ подъ носъ изъ-подъ намерзшихъ бѣлыхъ усовъ и издавала извѣстные звуки и короткія аханья не въ терпѣжь перезабшихъ людей.

— Вы не извольте обижаться на служиваго, сказала мнѣ хозяйка. — Вы помѣщики, извѣстно, только изба биткомъ набита. Это что мужиковъ—ужасъ. Даже пройти за ними нельзя; одинъ на одномъ.

• — Еще подѣхалъ—замѣтилъ вошедшій въ горницу человѣкъ мой, кивнувъ на солдата.

— Ничего, ничего, дѣло дорожное, помѣстимся какъ нибудь, сказалъ я хозяйкѣ.

Страхнувъ съ себя снѣгъ и быстро оттаявъ въ теплѣ, солдатъ, не безъ труда, снялъ свои кожаныя рукавицы и положилъ на лавку.

— Брр! завернул! пробормоталъ онъ еще не совсѣмъ понятно и еще невозвратившимся въ нему голосомъ. И опять затопалъ ногами.

— Очень ужъ сивѣрею! лѣнливо замѣтилъ мой Назаръ, грѣя спину и руки у печки.

Солдатъ взялся-было развязывать свой клѣтчатый носовой платокъ, который придерживалъ мѣховой, кажется собачій, воротникъ; но синіе зашедшіеся пальцы его не слушались, не гнулись, потеряли, повидимому, всякое осязаніе.

Хозяйка развязала ему платокъ и тоже положила его на лавку, къ рукавицамъ.

— Благодаримъ покорно, прошепелявилъ солдатъ; не безъ труда снялъ съ себя теплую шапку и положилъ ее на рукавицы. Взялся-было за замерзшій кушакъ, но опять ничего съ нимъ поделывать не могъ, только кривлялся смѣшно, тыча безъ толку за-холодѣвшими пальцами.

Назарь, усмѣхнувшись, лѣниво тронулся отъ печки и, сказавъ: «Дай-ка сюда», нагнулся къ солдатому кушаку и зубами сталъ его развязывать. Развязавъ, Назарь стащилъ съ солдата нагольный тулупъ, и прикрылъ имъ прочія вещи его на лавкѣ.

Хозяйка, смотрѣвшая на все это, только вздохнула.

Приведенный такимъ образомъ въ порядокъ, служивый оказался невеликъ ростомъ, но коренастъ; какъ говорится: «не ладно скроенъ, да крѣпко сшить»; какъ водится, коротко стриженъ, съ щетинистыми свѣтлыми усами, подбритыми съ угловъ, по пѣхотному. На немъ была старая шинель съ стоячимъ воротникомъ и оловянными пуговицами, въ ухѣ серьга, длинные сапоги.

— Такъ вы не взъщитѣ, сказала мнѣ хозяйка, разглядывая солдата не то съ грустнымъ, не то съ любопытнымъ вниманіемъ, тогда какъ я разглядывалъ ее самою.

Залюбоваться можно было ея полнымъ, во всей порѣ молодости и красы, бѣлымъ лицомъ съ розовыми губами, глазами синими съ «поволокой» и русыми волосами, на которыхъ мило и скромно алѣлъ шелковый платокъ. Даже нѣсколько уродливо охватывавшій ее, чуть не подъ мышками, синій сарафанъ шелъ къ ея роскошнымъ формамъ, особенно при ея плавныхъ движеніяхъ.

— Меня, батюшка, жалость беретъ на солдата гляючи, замѣтила она мнѣ.

— Вы объ солдатѣ не можете сожалѣть, хозяйшка, замѣтилъ ей наставительно солдатъ, уже успѣвшій растегнуть свою шинель, и показать намъ розовый, ситцевый теплый нагрудникъ.

— Оттаялъ, съ довольной улыбкой замѣтилъ Назарь, добровольно вытиравшій своей спиной хозяйскую печь.

— Никогда, продолжалъ солдатъ: — затѣмъ самымъ, что въ эвтихъ случаяхъ, завсегда у солдата ружье тускмѣеть.

— Съ чего такъ? спросила наивно хозяйка.

— Съ того самаго. Служивый на меня и на Назара посмотрѣлъ: — отъ слезъ, отъ голосоубы. По нашему брату теперича въ домѣ боль и голосоуба, а онъ въ полку должонъ черезъ это самое сустрадать, потому ружье тускмѣеть, и оченно трудно его чистить: ржа.

Добрая женщина вздохнула, и сказала тихо и грустно:

— Страсти.

И вышла.

Я сказалъ Назару, чтобы прибиралъ самоваръ, самъ бы наполнился чаю, и служиваго бы наполнилъ.

— Благодаримъ покорно! отозвался чуткій служивый.

Назаръ поставилъ еще кипѣвшій самоваръ на лавку, и въ полного чайника налилъ два стакана. Онъ, я замѣтилъ, исполнилъ мое приказаніе относительно служиваго съ удовольствіемъ и, вручая ему кусокъ сахара, даже улыбнулся, услыхавъ его «благодаримъ покорно».

— Садитесь, ободрительно пригласилъ мой цивилизованный Назаръ солдата.

Тотъ сѣлъ, поглядѣвъ на меня.

— Что жь, пейте, пригласилъ его Назаръ, и самъ, для примѣра, взялъ и отхлебнулъ изъ стакана.

Служивый громко откусилъ отъ кусочка сахара, и тоже себя взялъ, и глотнулъ горячаго чая.

Назаръ усмѣхался, слыша, какъ онъ сильно втягиваетъ въ ротъ сахаръ, словно соску сосеть.

Но служивый, не конфузясь, дулъ на горячій стаканъ, и звучно глоталъ чай.

— Помѣщикъ для васъ поусердствовалъ, служба, замѣтилъ ему Назаръ.

— Благодаримъ покорно.

— Небойсь, не противно съ морозу?

Солдатъ усмѣхнулся.

— Чтò толковать! Дѣло солдатское — взять негдѣ. Кто по жертвуетъ — наше.

За вторымъ стаканомъ, избышкаго служиваго въ потъ ударило; и на его облысѣвшемъ лбу волоса мокрехоньки стали.

Юный коробочникъ лежалъ, попрежнему, на спинѣ, только съ раскрытыми глазами, глядя то на Назара, то на солдата.

На печи шелъ густой храпъ, повидимому озабочивавшій солдата. Онъ туда нѣсколько разъ украдкой поглядывалъ.

Коробочникъ привсталъ, сообразивъ про себя что-то, почесался, зѣвнулъ и, сидя на своемъ полушубкѣ, продолжалъ глядѣть на самоваръ, и на пьющихъ чай.

— Теперича Рассея какія, можетъ, тысячи на этотъ чай тратить, заговорилъ вдругъ коробочникъ, своимъ великорусскимъ говоромъ, съ удареніемъ на *о*, и окончаніемъ на *амъ*. — Особливо теперича въ купеческомъ сословіи, чай — первый предметъ.

Сколько разовъ на дню за него принимаются. Продавъ — пьеть, купягъ — пьеть.

Хотя коробочникъ и ни къ кому не относилъ свои слова, но солдатъ, управившись съ новымъ стаканомъ чаю, съелъ своей обязанностью отвѣчать ему.

— Миллионы большіе, какъ же, сказалъ онъ, вытирая рукавомъ шинели потный лобъ.

— Должднъ китаецъ за это благодареніе Рассей отпечатать, ажь монументъ возвестъ. Для того, кто больше нашего чаю пьеть?

— Турка не пьеть, замѣтилъ солдатъ.

Разнощикъ посмѣивался.

— Амуру-рѣку намъ пожертвовавъ, продолжалъ коробочникъ, нѣсколько иронически. — Мы на десять Амуровъ въ годъ сопьемъ.

— Все это только наше одно баловство, сказалъ солдатъ. — Чай, абнаковенно, съ холоду; сытости въ немъ ни-ни, одно прозвание что чай, водка здоровѣй.

— Вы это, служивый, не говорите такъ. Съ чаемъ человекъ завсегда съѣстъ себѣ и сопьеть — сколько душа приметъ.

— Чай! — Служивый хитро ухмыльнулся. — Конечно, въ томъ теперича, человекъ готовъ облонаться, жадець, а откудова идетъ чай, отъ самыхъ этихъ азіатовъ. И должднъ черезъ это на душу грѣхъ принять... ужъ должднъ.

— Чтò говорить, должднъ! подтвердилъ коробочникъ.

— Безпремѣнно должднъ. Служивый налилъ себѣ четвертый стаканъ, ужъ черезчуръ блѣдный. — Какъ только господь-богъ насъ терпитъ? Теперича некрутишка — его солдатомъ назвать нельзя, а въ ситцевой рубашкѣ. Да въ наше время, у, у! и самого бы и рубашку-то всю избузовали, да большими винами въ книжку бѣ завели, а на инспекторскомъ — глядишь — опять попало бѣ. Теперича каждый солдатъ по своему богатству одѣвается, и никому дѣла нѣтъ. Какъ же можно, народъ лукавъ сталъ, все больше отъ чужестраннинъ занимается.

— Я такъ слышанъ, что эти всѣ хитрости отъ губернатокъ происходятъ, вотъ что помѣщичьихъ дѣтей обучаютъ, потому иностраннин, сказалъ коробочникъ: — мы тожь господскіе были. Самъ не упомяну, а батюшка сказывалъ: у барынной маменьки пригустая-густая роща была, дубовая. Взяла она это губернера. Зачалъ онъ связывать ей, такъ и такъ, молъ, въ нашей — говорить — сторожѣ, дубовыхъ рощъ не держать, а какъ есть древо, съ пнѣмъ, выкапываютъ, и на той землѣ пшеница о

трехъ волосахъ причудесная родится. Далъ онъ ей, значить, тѣхъ сѣмянъ, и вырѣла барыня дуброву. Бурмистръ ей въ ту жъ пору сказывалъ: «къ чему вы, матушка, все заведеніе строблете? Пшеницу можно и въ другомъ мѣстѣ сѣять». Такъ нѣтъ. Ты — говорить — мужикъ, необразованный, и ничего не знаешь.

— Ну, што толковать! солдатъ рукой махнулъ, и за чай принялся.

— Теперича въ Москвѣ, не то што одна проволока, можетъ сто, сказалъ коробочникъ: — скрозь пущены по Рассей, во всѣ концы.

Солдатъ насторожился.

— Проволока? спросилъ онъ.

— Теленграфъ называется. На столбахъ натянута проволока, по ней слова пишутся, и всѣмъ отвѣчать поспѣвай. Коробочникъ разсмѣялся. — И царю рапортууть, и по прочимъ жителямъ доставляютъ.

— Видишь-вѣ! съ укоромъ замѣтилъ солдатъ.

— Теперича, хоша теленграфъ дѣйствуетъ, слова тамъ посылаетъ за сколько, можетъ, тысячъ верстъ; ну, только мудрено.

— Обманываютъ, да съ господъ денежки собирають, глубоко-мысленно замѣтилъ солдатъ.

— Завели теленграфъ, продолжалъ коробочникъ. — Аль почта хуже? сколько годовъ почта хороша была, а теперича ненадо.

— Какъ же это по проводкѣ слова... солдатъ задумался: — и передаетъ?

— Какъ зачнетъ это по проводкѣ сыпать — держись, аль-ни столбы дрожать. Ну, чтѣ кому слѣдуетъ, тотъ тѣ и получай.

— Аказія.

— Знамъ, тебѣ говорятъ, аказія.

— И разбирають?

— Разбирають. Не то что теперича въ одно мѣсто проволока пущена, въ 20 мѣстовъ, а къ одному мѣсту придетъ. А то, гдѣ надо, врознь расходятся.

— Обманъ, голубчикъ-купчикъ. Во всемъ обманъ. Допрежде народъ терпѣть билъ, а нынче наровить все въ судъ, да въ судъ.

— Тепереча, служивый, и на храмы святые не подають. Господа — обѣднали, не съ чего, а те эти карналыны выдумали, на нихъ много надо.

Наступило молчаніе.

— Въ Москвѣ всякаго народа много, сказали солдаты:—а у француза, небойсь, гадко — все они одни, да одни, рѣдко чужой зайдетъ кто. Тамъ, вѣдь, что мужикъ, что солдатъ, что баринъ — все единственно, рядомъ сидятъ. Необрядно.

III.

Признаюсь, я задремалъ подъ ихъ разговоръ, несмотря на его интересъ. Я уже едва услыхалъ послѣднее «благодаримъ покорно» служиваго, обращенное имъ къ Назару, за чай. Какъ во снѣ слышалъ я возню служиваго съ соломой, изъ которой онъ устроилъ лѣжку себѣ и Назару. Я ѣхалъ не на своихъ, и потому не беспокоился о лошадяхъ. На печкѣ храпѣнье прекратилось, и съ печки осторожно слѣзаль на лавку кто-то, явно нежелавшій тревожить насъ.

Отрывъ глаза, я увидѣлъ стоящаго передо мной сѣденькаго человѣка, небольшого, розоваго и съ брюшкомъ; его гладко-выстриженная круглая голова своимъ серебристымъ блескомъ напомнила мнѣ какой-то сибирскій мѣхъ. Глаза у него были сѣрые, не маленькіе сами по себѣ, но большіе по его привычкѣ улыбаться глазами. Впрочемъ, выраженіе у нихъ было такое, что улыбаясь, они въ то же время какъ будто и высматривали. Я, почему-то, не вѣрилъ его улыбкѣ, ужъ слишкомъ пронизателенъ былъ взглядъ его старыхъ тусклыхъ глазъ. Онъ ими, иногда, словно винтилъ. Не понравилась мнѣ также улыбка его стариковскихъ губъ, изъ которыхъ верхняя заходила за нижнюю. На немъ былъ суконный ваточный сюртукъ, просторный, длиннополый, явно для дороги, и ваялки, внизу осоюзенныя, какъ сапоги.

— Я думалъ, отдыхать изволите, замѣтилъ онъ мнѣ мягко и съ добренькой улыбочкой.

Я ему отвѣтилъ тоже улыбкой, безъ всякаго, впрочемъ, желанія улыбаться.

— Вы-то ужъ, кажется, отдохнули? сказали я.

— Маленько-съ. Наше дѣло-съ, стариковское: сномъ преимущественно занимаемся, да вотъ этимъ.

Онъ досталъ изъ боковаго кармана сюртука маленькую серебряную табакерку, стертую руками, и, ловко пробарабанивъ по ней пальцами, открылъ крышку.

— Вотъ только на это и годимся-съ; старичокъ присѣлъ на

лавку и веторопливо, съ удовольствіемъ, понюхалъ, а табакерку закрылъ и спряталъ.

— Ну, погода-съ! замѣтилъ онъ, все улыбаясь мнѣ, и прислушиваясь къ мители.

— Ужасная, сказалъ я.

— Это слава богу-съ, что мы съ вами въ время прибились сюда. Тамъ-то теперь, въ полѣ-то, кого захватило—онъ качнулъ своей серебрястой головой: — узнаеть нужду.

— Свистить-то какъ, замѣтилъ я.

— Вы, конечно, изволите знать повѣрье народное: во всякомъ дому есть «свой»—хозяйствуетъ-съ. А въ лѣсахъ не такой-съ—тотъ свищетъ и хлопаеть-съ.

— Стало, это лѣсовикъ разыгрался?

— Онъ самый-съ. Старичокъ плутовски улыбался и опять досталъ табакерку.

— Вы не употребляете этого зелья-съ? сказалъ онъ, протягивая мнѣ раскрытую табакерку.

Я его поблагодарилъ и закурилъ на оплившей и нагорѣвшей сальной свѣчкѣ сигару.

— Вотъ я вамъ въ этой статьѣ завидую - съ. Старичокъ натуго набилъ себѣ носъ и стяхнулъ пальцами.—А самъ не могу-съ, привыкъ - съ, особливо къ ночи дѣло - съ. Зрѣніе слабо, голова пуста-съ. Старикъ, одно слово-съ. Онъ вздохнулъ и, ловко снявъ пальцами нагорѣвшій фитиль, затопталъ его ногами.

— Скверное дѣло—старость-съ—онъ какъ-бы самъ съ собой разсуждалъ:—во всѣхъ статьяхъ дрянъ-дѣло-съ.

Я замѣтилъ ему, что разные старики бываютъ, что иной, пожалуй, лучше молодого.

— Гдѣ тамъ-съ! случаи, извѣстно, выходятъ-съ, что иной старикъ за молодого постоитъ; а то такъ бываетъ, что другой старикъ за двадцатерыхъ молодыхъ управится. А то нѣтъ-съ! Куда ужъ намъ. На насъ, стариковъ, на нынѣшнихъ-съ, гоненіе-съ... повсемѣстное гоненіе-съ: что въ семьѣ собственной, что на службѣ-съ. Нѣту-съ нигдѣ уваженія нашему брату, старому человеку-съ. Нѣту-съ. Нигдѣ онъ не надобенъ-съ. Старый чиновникъ, къ примѣру-съ, вѣкъ свой служилъ, и дѣло свое знаетъ и служить честно-съ—гонять. Ступай прочь, на твое мѣсто молодые будутъ. Гонять-съ, право, гонять-съ. И за что гонять-то-съ? За старость-съ. Старъ, говорятъ, прежняго вѣва человекъ, направ-

дѣлю не то, не нынѣшнее, не можетъ приносить пользы службѣ и обществу, крѣпостникъ-сь.

Въ словахъ и улыбочкѣ старика я замѣтилъ тихую но ропщущую жалобу.

— Что говорить, сами мы, старики, много въ томъ виноваты, что на насъ такъ глядятъ невыгодно; мы во многомъ виноваты-сь, а во многомъ не виноваты-сь. Главное, въ старости своей мы не виноваты-сь. Точно, молодой человѣкъ нынче образованъ вообще-сь; точно, его повернуть легче нашего брата, старика. Ну, а есты!...

Онъ покачалъ головой и нижняя губа его плотнѣй обхватила верхнюю.

— Ужъ такіе-то есты, у, у!! то-есть, доложу вамъ, ни на што-сь... Насмотрѣлся я на нихъ-сь. Довольно-сь.

Улыбаясь своей добренькой улыбочкой, старичокъ внимательно взглянулъ на коробочника, разметавашагося съ руками врознь и съ бѣлыми зубами наружу; внимательно рассмотрѣлъ моего Назара и служиваго, изъ которыхъ кто-то слегка уже похрапывалъ.

Онъ снялъ съ деревяннаго гвоздика свою теплую плюшевую шапку и вязанный шарфъ. Шарфомъ обмоталъ себѣ шею, а шапку надѣлъ на самыя уши и, улыбаясь, вышелъ въ сѣни.

Вернулся онъ черезъ полчаса, порядкомъ иззябшій, и прямо къ печкѣ сталъ, все такъ же улыбаясь.

— Сердита-сь, сказалъ онъ, кивнувъ на задрожавшее окно — и спряталъ руки за спину. — Мы, штафирки-сь, должно-быть, жидки на морозъ-сь.

— А вы по гражданской части служили? спросилъ я его.

— Сорокъ лѣтъ-сь.

— Въ этихъ мѣстахъ?

— Нѣ-ѣ-ѣтъ-сь, нѣ-ѣ-ѣтъ-сь. Въ эти мѣста мнѣ довелось въ первый разъ-сь, проѣздомъ-сь.

Старикъ сказалъ мнѣ мѣсто, куда ѣхалъ.

— Неблизокъ путь, замѣтилъ я.

— Что дѣлать-сь! Служба, сами изволите звать. «Для пользы службы-сь», такъ у меня въ бумагѣ значится. Ну, спасибо имъ, ничего; только-знаете—лѣта мои не тѣ, тяжело-сь. Тоже жена, дѣти-сь.

— Гдѣ жь они?

— Остались пока. Онъ назвалъ мнѣ одинъ изъ сѣверныхъ городовъ.

— Вот десятую губернію жѣлаю, говорилъ онъ, и высчиталъ мнѣ ихъ.

— Такъ вы и въ Царствѣ Польскомъ служили?

— Шесть лѣтъ-съ. Время-то мнѣ горячее тамъ выпало: самый бунтъ-съ, 31-го года-съ. Ну, и какъ усмирили ее, работка намъ горячая была-съ. Обыкновенно-съ страсти народныя разыгрались, нескоро ихъ на прежнее мѣсто уложишь-съ.

Онъ помолчалъ и воспользовался своимъ молчаніемъ, чтобы понюхать.

— Случай тамъ одинъ вышелъ-съ. Такая-то погода, не хуже этой, змой тоже-съ. А военное положеніе - съ, командировка экстренная-съ.

Старичокъ подумалъ, и продолжалъ:

— Служилъ я тогда-съ «по наружной полиціи». Начальство, могу сказать, меня знало. Любили-съ. Сижу я на квартирѣ, у жидка стоялъ-съ, вдругъ жандармъ: «молъ—его превосходительство, начальнигъ губерніи требуетъ». Одѣлся, являюсь. Такъ и такъ—молъ—жидки разнюхали, что панъ Осмоловскій укрывательство имѣетъ на Дресливвахъ—это тамъ рѣчка Дресливи, въ Заячьемъ фольваркѣ. Жолнишей по границѣ набираетъ, народъ смущаетъ, подбиваетъ пановъ на конфидерацію-съ. Ступай, говорить, достань мнѣ его живаго или мертваго. Вотъ тебѣ бумага. Въ Замосьцѣ роту возьми и казаковъ; они, говорить, получаютъ предписаніе.

Старичокъ поглядѣлъ на меня съ такой улыбкой, какъ-бы говорилъ: вотъ видишь, ты и молодъ, да не годишься туда, куда я, старикъ, гожусь. Погоди, братъ, и не то еще услышишь объ насъ, даромъ что мы смирные.

— Командировка, изволите видѣть, нешуточная - съ, продолжалъ онъ, ввелю насладившись тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ на меня.

— Отѣиваніи никакихъ не полагается, а объ Осмоловскомъ я былъ слышанъ: штука! «Слушаю, ваше превосходительство», съ тѣмъ и покатылъ-съ. Ну, обыкновенно, по «казенной», взяли чудесно-съ, летѣлъ - съ. Въ Замосьце ночью попалъ. Прямо къ ротному. Спалъ. Разбудили, разумѣется. Такъ и такъ, говорю, пойдете, капитанъ. — Идти надо, говорить, бумагу получилъ, велѣлъ роту собрать въ походъ. Ну, у нихъ, у военныхъ, это живо, горитъ все! молодцы!

Старичокъ и самъ приковырился.

— Капитанъ-то русскій былъ человекъ, видный изъ себя и въ лѣтахъ. Лисицынъ фамилия-съ. Много разныхъ степеней имѣлъ, офицеръ бывалый-съ. Надѣяться можно было-съ. На расквѣтъ, куда тебѣ — мы ужъ зъ чистомъ полѣ. Рота только была некомплектная: война, извѣстно. Ну, команда дончаковъ при урядникѣ, молодцы-ребята. Извольте ихъ звать: азіаты—шельмы-съ, продать и купить. Идемъ, а они кругомъ-съ; нохаютъ, не пахнутъ ли полякомъ.

Старичокъ разсмѣялся.

— Тамъ фольварки и стодолы, по нашему рыги, все по лѣсамъ попретаны и «скорчмы», и села, и хлѣбъ, все по лѣсамъ-съ. У казнаго «хлопа» ружье. Охотничья сторона, звѣря много.

Старичокъ засморкался въ свой клѣтчатый платокъ.

— Идемъ-съ, продолжалъ старичокъ и, будто отъ соблазна, сузулъ поскорѣй платокъ въ задній карманъ сюртука:—идемъ-съ, а пресумнительныя мѣста подошли-съ: бузрака, кусты-съ... Проводникъ это былъ взятъ-съ, шляхтичъ; примѣчаю я его. Харя непосозлительная, бунтливая. Признаться, я въ умѣ своемъ сравнивалъ молодца даже съ паномъ Твардовскимъ. Вѣрно, читали-съ: волшебникъ былъ, чорту душу продать, чортъ его севозъ каменную стѣнку протащилъ-съ. Молодецъ-то по яругамъ поглядывалъ, а снѣга глубокіе, страна незнакомая, народецъ-то кругомъ, нечего сказать, благопріятели намъ. Обяземъ-ка, думаемъ съ ротнымъ, проводника бичевой. Обязали. Солдатъ такъ его на бичевѣ и вель. Идемъ-съ. Вдругъ, это онъ, вылучи минуту, прижди близваго ярочка, рванулся, да и «до ясу, до стараго замка» и закивалъ пятками, только его и видѣли-съ.

Старичокъ вдругъ остановился и сталъ прислушиваться. Я тоже. Къ двору подѣхали: скрипѣли на морозѣ полозья и завертки у оглобелъ. Въ дверь постучались. Въ сѣняхъ хозяйка заговорила съ мужчиной, явно обрадовавшись. Кто-то, потоптавшись въ сѣняхъ съ холоду, сейчасъ же опять вышелъ. Опять скрипнули полозья, завертки и отпираемня, а потомъ запираемня верота.

IV.

— Кто-то на дворъ вѣхалъ, замѣтить мнѣ словоохотливый старичокъ, и понюхалъ табачку. О своемъ Осмоловскомъ онъ какъ-бы забылъ совсѣмъ, за новыми мыслями.

Хотя онъ и старался казаться передо мной равнодушнымъ,

хотя онъ и улыбался попрежнему добродушно и вертѣлъ пальцами круглую табакерку, но я понималъ, что онъ все къ чему-то прислушивается и чего-то ждетъ.

— Кто бъ такой? говорилъ онъ самъ съ собой.—Приподать. Какъ ужъ и прибился-то?

Между тѣмъ за тесовой перегородкой, въ щели, засвѣтились огонь и слышались суетливые шаги хозяйки вмѣстѣ съ шипѣньемъ и бурленьемъ кипящаго самовара. Застучали чашки и блюда, зашумѣлъ кипатокъ, наливаемый въ чайникъ. Хозяйка, какъ угорѣлая, металась изъ угла въ уголъ и ворчала, хотя и тихонько, на работницу. Дѣтскій плачь слышался, но сейчасъ же смолкъ подъ однообразное баюканье хозяйки и усыпительное раскачиванье люльки.

— Гость, должно быть, или родственникъ, хозяйкуша, пріѣхалъ? спросилъ добродушный старичокъ хорошенькую хозяйку, вошедшую къ намъ за бутылкой, стоявшей въ угольнике.

— Гость-съ. — Хозяйка отвѣтила скоро, не обертываясь, на ходу, и хлопнула дверью.

Слышалось топанье валянокъ съ намершимъ снѣгомъ, и къ хозяйкѣ вошелъ пріѣзжій, такъ перезабшій, что первыхъ его словъ мы рѣшительно не поняли; выходили какіе-то отрывистые звуки, перебиваемые дрожью въ голосѣ и выразительными: а! а!

— Ишь, вѣдь, смерзли.

Въ голосѣ хозяйки слышалось участие.

— Чтò это такое? страсти!

— Чтò тутъ! Пріѣзжій тяжело ходилъ по комнатѣ, дубленнаго его шуршила о стулья.—Этакой напасти не видывалъ. Эгъ ее расходилась!... Вотъ не такъ, какъ у васъ, Анфиса Кузьминична-съ... А! а!... Причудесно, ей-богу, не умирай.

— Наше бѣбѣ дѣло — къ печки поближе.

— Анъ вѣтеръ взадъ, не спереду.

Пріѣзжій засмѣялся.

— А смерзли-то, и-и!

— А то нѣшто нѣтъ. Мочи нѣтъ, смерзь, водочки бы-съ.

Слышался звонъ рюмки.

— Благодарствуемъ-съ. Пріѣзжій врякнулъ.—По лилканъ пошло, по суставчикамъ-съ. Причудесно-съ. Таперь вотъ за часгъ-съ можно. Вы кушали, нѣтъ?

— Васъ ждала, сказала хозяйка съ замѣтной нѣжностью. — Прождала-съ. Теперь ли вечеръ? Пѣтухи пропѣли.

Послышался шелестъ дублѣнки и скрипъ деревяннаго стула подъ тяжелымъ прѣзжимъ.

Другой деревянный стулъ заскрипѣлъ подъ хозяйкой, выпитокъ зашумѣлъ по чашкамъ, послышалось прикусыванье сахара и тѣ медленные, тупые звуки, которые издають блюда съ чаемъ, когда по ихъ краю проводятъ доннышкомъ чашки. Широкіе глотки послышались.

— Чайничаютъ, съ угрызеніемъ, тихо и съ улыбкой замѣтили мнѣ старичокъ.

— То-есть, что тепереча въ полѣ, Анфиса Кузьминична, говорила, между хлѣбками чая, прѣзжія, замѣтно отогрѣваясь и получая свой натуральный, мягкій и очень пріятный голосъ: — вы себѣ этого вообразить не можете. Нѣтъ-съ. Потому, тоже свѣту преставленіе-съ, всё единственно-съ.

— Страсти! хозяйка вздохнула.

— Горы какія наворотили-съ! Пріужасный морозъ — кура эта пронизательная, жгетъ, рветъ и мечетъ. Ну, говорятъ вамъ, дыкнуть однова, и пропасть надоть. Неминуче пропасть, тамъ же такъ...

— Плутали, небойсь?

Голосъ хозяйки, казалось, выражалъ ея испугъ за опасность, которой подвергался прѣзжія.

— Плуталь-съ. Ничего не подѣлаешь. Ну, крутить тебя, съ ногъ сшибаетъ. Поднялся—въ сугробъ. Пѣгдѣй влопался однова по самня то-есть уши. Какъ есть теперича лошадь, вся ушла. Я вкнутомъ—не беретъ. Онъ бы, лошадь, и радъ, сила его не беретъ, рванется—и съ ногъ долой, потому твердости себѣ подъ копытомъ не имѣетъ, свѣгъ мѣситъ, ну, и зароется. Такое дѣло, надо ударить, и жаль: причины его нѣту, самъ лошадь сучаетъ-съ (прѣзжія вздохнулъ), помучился я нынче, не приведи Господи, то-есть никому.

— Страсти (хозяйка вздохнула), слушать даже жутко, какъ тамъ-то теперича? страсти. Вы бы лошадь бросили. Ну ее, своя душа дороже, пусть бы пропадала.

— Точное, своя душа дороже всего, ну, только бросимши лошадь, куды мнѣ идти? безъ дороги-съ. Куды я себя придѣлю, въ оврагъ какой? А Пѣгдѣй у меня лошадь на это, можно чести приписать-съ. Ужась памятливъ на дорогу-съ. Теперича вотъ пропадать надоть, ужь непременно пропадать. Что тутъ: видущая смерть. Ну, а Пѣгдѣй спасъ. Полежалъ это, рванулъ это—

выхватилъ. Я думалъ ни гужей, ни завертокъ нѣтъ, потому силъ въ лошади, битюкъ. Я, признаться, тутъ возжи бросилъ, легъ въ сани, полостью накрылся. Пуцай его, думаю, гнѣвать лучше маво дорогу держать. Ну, благодарю Господа маво, не понустиль-сь.

Мы услышали, какъ хозяйка наливала чай въ чашки.

— Попарьте, Анфиса Кузьминнишна, чайкомъ-сь, попарьте-сь, нѣжничалъ съ хозяйкой совѣмъ согрѣвшійся проѣзжій.

— Вы, можетъ, познобились? спросила она его, участливо.

— Нѣту-сь, я этого, чтобъ познобиться, не чувствую, потому, какъ я, знаете сами, одѣтъ тепло и на тѣло твердѣ.

Опять послышалась прикуска сахара и широкіе плотки горячаго чая.

— Инда взапрѣль-сь (пріѣзжій размѣялся), благодаримъ за пріятную компанію, какъ вы сказывали, ждали насъ. Вы...

Она ему что-то шепнула.

— Ну, чтѣ жъ такое, ничего, сказалъ онъ тихо, но такъ, что мы слышали.

— Кто такіе?

Она опять ему шептала.

— Ну, что жъ, пускай ихъ. На то постояннѣ-сь. Хлюотно, небойсь мужичья этого что! Обозъ, вѣрно.

— Обозъ, съ хлѣбомъ, въ Орелъ.

— Тамъ цѣны-сь. Тамошніе сказывали-сь.

Старичокъ, слушавшій ихъ, опутивъ голову и словно задумчиво игралъ табаверкой, всталъ съ лавки, неслышно подошелъ въ своихъ мягкихъ валенкахъ къ перегородкѣ и, какъ-бы мимоходомъ, заглянулъ въ порядочную-таки щель. Давно переставшій храпѣть служивый, лѣниво посматривалъ на безпокойнаго старичка.

— Красивый мужчина, шепнулъ онъ мнѣ, и сказалъ громко:

— Вѣдь ужъ поздно.

Я взглянулъ на часы, и сказалъ ему, что первый часъ. Старика это озадачало.

— Видите вотъ, сказалъ онъ: — а дорожнымъ людямъ рано надо подыматься. И мнѣ, и вамъ.

Говоря такимъ образомъ, онъ, я видѣлъ, быстро взглянулъ на солдата и слегка кивнулъ ему, а самъ прилегъ на лавкѣ.

Солдатъ немного погоды всталъ, повидимому очень неохотно и, безъ шума, какъ былъ въ шинели, вышелъ въ сѣни. Я услы-

халь сейчасъ же шумъ въ избѣ, какъ-бы между мужиками. Потомъ скрипнула дверь на дворъ. Минуть черезъ пять, солдатъ вернулся и, молча, вытянулся у двери, глядя прямо на старичка, какъ-бы ожидая его приказаній. Меня это удивило.

Старичокъ быстро поднялся.

— Ну? пробормоталъ онъ солдату.

— Готово, ваше высокоблагородіе, пробормоталъ солдатъ съ отчетливостью исправнаго подчиненнаго.

Коробочникъ густо похрапывалъ, въ чемъ помогалъ ему и мой человѣкъ.

Старичокъ, прислушиваясь къ тихому разговору пріѣзжаго съ хозяйкой, улыбнулся мнѣ, но сказалъ очень серьезно:

— Не удивляйтесь. Я — здѣшній исправникъ. Здѣсь разбойникъ. — Старичокъ указалъ на перегородку, и торопливо сталъ снимать съ себя дорожный сюртукъ. Солдатъ проворно подскочилъ къ нему, и помогъ снять сюртукъ, который и положилъ на лавку.

Я увидѣлъ передъ собой стараго и, повидимому, опытнаго исправника, въ форменномъ черномъ мундирѣ съ бронзовыми пуговицами, нѣсколькими орденскими ленточками на груди, и въ форменной фуражкѣ съ кокардой, которую, не знаю ужъ откуда, подаль ему, какъ муха летавшій, солдатъ.

— Вы тутъ ничему не удивляйтесь. Голось исправника дрожалъ, послѣ торопливаго раздѣванья. — Форма прежде всего.

И пошелъ въ сѣни, послѣдуемый солдатомъ, взявшимъ нашу свѣчу. Не желая оставаться въ потьмахъ, я — хочешь не хочешь — за ними пошелъ. Дверь изъ избы была отворена. Изъ нея густо валилъ въ холодныя сѣни теплый паръ, за которымъ тебѣлись мужичьи фигуры, плотной толпой надвинувшіяся къ двери, въ тишинѣ, полной любопытнаго ожиданія и недоумѣнія. У запертой двери въ комнату хозяйки, стоялъ здоровенный сотскій, въ неуклюжемъ полушубкѣ, и съ мѣднымъ кружкомъ на груди. Онъ только значительно показалъ исправнику глазами на мужиковъ въ избѣ, и отсторонился отъ двери. Сѣни были заперты и съ двора, и съ улицы. Старичокъ изъ добродушнаго и словоохотливаго простячка, совершенно превратился въ исправника, да какого! Откуда у него взялась эта марціальность, эта начальническая важность и увѣренность. Стойкимъ, «бывалымъ» исправникомъ оглянулъ онъ всѣхъ, сообразилъ, повидимому, что ему дѣлать, и отворилъ хозяйскую дверь. Солдатъ такъ и прилипъ къ нему.

V.

Исправникъ вошелъ въ комнату, солдатъ за нимъ. Хозяйка и ея гость такъ на него взглянули, какъ-бы на нихъ громъ грянулъ. Хозяйка, поблѣднѣвъ, только на гостя взглянула, и я видѣлъ, какъ блюдечко задрожало на разставленныхъ пальцахъ гостя. Онъ поспѣшилъ поставить блюдо на столъ, всталъ съ грашеннаго стула, и вопросительно глянувъ на смущенную хозяйку, поклонился исправнику неторопливо, съ какимъ-то достоинствомъ разглаживая чудесные свѣтлые усы и окладистую, нѣсколько курчавую русую бородку.

— Извините-съ великодушно. Гость хотѣлъ-было застегнуть верхній брючокъ своей щегольской дублѣнки, но почему-то не застегнулъ, и опять на хозяйку взглянулъ.

Хорошенькая хозяйка стала, казалось, еще лучше, блѣдая, съ большими, недоумѣвающими глазами. Казалось, ее поразило это неожиданное превращеніе добренькаго, словоохотливаго старичка-пробѣзжаго въ строгаго исправника. Къ чему это онъ прикидывался? спрашивали ея красивые глаза; зачѣмъ это онъ у нея въ горницѣ, именно въ ту минуту, когда у нея гость? Зачѣмъ съ нимъ солдатъ, сотскіе, народъ? Вотъ вопросы, которые я живо читалъ въ ея взглядахъ на насъ, и въ ея выраженіи. Она такъ растерялась, что встала со стула тогда только, когда гость показалъ ей глазами исправника, и отошла къ окну.

Исправникъ кивнулъ мнѣ, и я вошелъ въ горницу. Солдатъ сейчасъ же притворилъ дверь.

Исправникъ не спускалъ своихъ старыхъ глазъ съ гостя; серьезные, беспощадно-строгіе, начальствующие — они его такъ и винтили. Гость даже нѣсколько смутился, заморгалъ и кашлянулъ въ ладонь.

Исправникъ къ нему подошелъ.

— Ты кто? спросилъ онъ коротко.

— Мѣщанинъ. Замараевъ, Иванъ Ивановъ. Вамъ на что это знать?

Гость улыбнулся нѣсколько насильственно, и смѣло глянулъ въ глаза исправника.

— Гдѣ приписанъ?

— Въ городѣ Ливнахъ.

— Паспортъ твой?

— Съ мнойъ удовольствіемъ.

Онъ развязно и съ достоинствомъ напрасно оскорбляемаго хорошаго человѣка, досталъ изъ кармана длиннаго чернаго жилета бумажникъ, книжкой — какъ у купцовъ, и нагнувшись къ свѣчѣ, развязалъ бумажникъ, осторожно, концами чудесныхъ бѣлыхъ пальцевъ, перевернулъ темную пачку ассигнацій, и изъ-за нихъ досталъ сложенную бумагу. Бумагу онъ подалъ исправнику, а бумажникъ завязалъ, и опять бережно положилъ въ жилеточный карманъ.

Исправникъ зорко слѣдилъ за его движеніями, развернулъ паспортъ, осмотрѣлъ его и сталъ читать.

Замараевъ слѣдилъ за нимъ, въ свою очередь, равнодушно и даже улыбаясь иронически. А на меня поглядѣлъ такъ, какъ-бы спрашивая себя: «ну, этотъ зачѣмъ тутъ?»

Онъ мнѣ понравился: большой, плечистый, ловкій. Щеголеватая развязность въ немъ замѣчалась. Бѣлое, полное лицо просто горѣло съ морозу, какъ малина на солнцѣ; щоки лоснились здоровымъ загаромъ, тогда-какъ лобъ рѣзко, полоской, бѣлѣлся, прятаясь отъ холоду подъ шапку. Бойко, увѣренно и весело глядѣли его умные глаза, такъ помаргивая иногда, какъ-бы смѣлая про себя. Красивые свѣтлые усы отгнѣнились оладистой русой бородкой, расчесанной и подстриженной. На немъ была на распахну мягкая дублѣнка, новая, изъ длиннаго, курчаваго чернаго «молодина», расшитая по груди цвѣтнымъ шелкомъ, и отороченная блестящимъ сѣрымъ котикомъ. Синій платокъ на шеѣ, длинный черныи жилетъ, съ перламутровыми пуговицами, сверхъ красной кумачовой рубашки, выпущенной на широкія свніа штаны, которыхъ почти не было видно, потому что они сейчасъ же уходили въ длинныя, бѣлыя ярославскія валенки.

— Подозрѣнія обо мнѣ какія? громко спросилъ онъ исправника, нѣсколько обиженнымъ тономъ. — Я отъ этого не прочь, только мнѣ надо знать, чтѣ такое?

Исправникъ, молча, сложилъ паспортъ, положилъ его въ боковой карманъ своего сюртука и попрежнему сталъ винтить Замараева своими старыми и строгими глазами.

Замараевъ сдѣлалъ къ нему шагъ.

— Пачпорта своего я вамъ не отдамъ, сказалъ онъ рѣшительно, и снѣло на него глядя.

— Возьму, такъ дашь! сказалъ коротко исправникъ, и нахмурился.

Замараевъ руку опустилъ.

— Ты—ливенскій мѣщанинъ, Иванъ Измяговъ Замараевъ? сазаль исправникъ, среди глубокаго молчанья.

— Такъ точно, ливенскій. Тамъ приписать по ревизіи, тамъ и пачпортъ бралъ.

— Отчего жъ у тебя прошлогодній паспортъ?

— Просрочилъ. Возьму теперь новый. Ёду для того.

— Въ Ливнахъ и подати платишь?

— Извѣстно, гдѣ пачпортъ беремъ, тутъ и деньги платимъ-съ. Законъ.

— Дай платѣжныя квитанціи!

— Квитанціи?... Какія квитанціи я вамъ дамъ? Со мной ихъ нѣтъ.

— Гдѣ жъ онѣ у тебя?

— Извѣстно гдѣ, гдѣ живу, дома. Зачѣмъ я ихъ съ собою буду возить? не надо совсѣмъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Тридцать-девять.

— А въ паспортѣ пятьдесятъ прописано?

— Ошибка — Замараевъ насильственно улыбнулся: — даже по моему обличію то-есть видать мои года. Ошибка. А самъ, признаться, неграмотный, недоглядѣлъ этого.

— Сколько верстъ отсюда Ливны?

— Верстъ триста будетъ, не больше.

— Зачѣмъ же ты тутъ, въ этомъ уѣздѣ?

— По своему званію. Какъ извѣстно, торговый человекъ — всюду ѣздишь.

— Чѣмъ же ты торгуешь?

— Степь снимаю, овцу въ Москву гоняю, тоже скотъ черкасскій съ понизовья гоняемъ; а виной пенькой занимаемся.

— Женатъ, дѣти есть?

— Тамъ видать, въ пачпортѣ, читали.

Замараева явко смутилъ послѣдній вопросъ.

Исправникъ быстро взглянулъ на хозяйку. До сихъ поръ она стояла, прислонясь къ окну, съ опущенными глазами, которые ни на кого не подымала. Но при вопросѣ исправника: женатъ-ли Замараевъ, и есть-ли у него дѣти, она вдругъ уставилась на него, и ждала его отвѣта, казалось, съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ. Блѣдныя ея щеки загорѣлись:

— Женатъ, дѣти есть? повторилъ исправникъ громче и громче.

— Ну, женатъ, ну, и дѣти есть. Вамъ-то што? Замараевъ сказать съ большою досадою, глаза его свергнули.

Исправникъ подошелъ къ нему, и хотѣлъ взглянуть на его лѣвое ухо. Замараевъ быстро обернулся, повидимому, не желая показать исправнику свое лѣвое ухо.

— Отчего у тебя ухо прорвано? спросилъ исправникъ.

— Нѣшто не видите? серьгу носилъ — прорвалъ. Ужъ давно, парнемъ еще.

— Какъ же это такъ?

— Какъ! Отъ золотухи мнѣ сережку проняли, ну, я носилъ. А подрался разъ съ мѣщаниномъ своимъ, схватился за сережку, оторвалъ съ мясомъ.

Исправникъ винтилъ его своимъ взглядомъ, который Замараевъ выдерживалъ стойко, какъ человѣкъ обстрѣленный. Только крикнулъ раза два, да отеръ рукавомъ дублѣнки крупный потъ, выступившій по его лицу и по лбу, и мелькомъ взглянулъ на блѣдную и неподвижную хозяйку, слегка дрожавшую и губами, и пальцами, и платьемъ. Она вся дрожала, и не сводила глазъ съ Замараева, глазъ — широко раскрывшихся изумленіемъ и ужасомъ.

— Такъ ты ливенскій мѣщанинъ Иванъ Ивановъ Замараевъ? сказалъ исправникъ.

— Да. А пачпортъ мнѣ отдайте, самому нуженъ; сами вы, начальники, знаете. Безъ пачпорта никуда не сунешься.

— Ми тебя, любезный другъ, туда сунемъ, гдѣ у насъ безъ паспорта принимаютъ, сказалъ исправникъ.

Солдатъ разсмѣялся.

— Коли веди на то имѣете, што жъ такое, пробормоталъ Замараевъ, гораздо тише и неувѣреннѣе.

— Словать! крикнулъ исправникъ.

Солдатъ живо отворилъ дверь, въ которую вошли сотскіе: одинъ черномазый, небольшой, другой — здоровенный въ неуклюжемъ полубубѣ. За ними нагнулись мужичьи головы. Чья-то поднатыя кверху рука держала надъ головами толпы тусклый фонарь, освѣщавшій русые волосы, бороды и лица, почернѣвшія на морозѣ; въ толпѣ шевелились высокія дубинки и цѣпныи.

— Залѣза! Живо — ну! крикнулъ солдатъ.

Проворный черномазый сотскій юркнулъ въ толпу и сейчасъ же вынырнулъ изъ нея съ желѣзными лошадиными путами, которыя подалъ солдату.

— Сотскіе! крикнулъ солдатъ командирскимъ голосомъ.

Оба сотскіе, поправивъ свои мѣдныя блики на груди, и тѣло застучавъ сапогами, двинулись за солдатомъ. Черномазый сотскій хотѣлъ-было затворить дверь.

— Оставь! сказалъ исправникъ.—Огольные, смотрите, дезертира поймали.

— Я не дезертиръ, напрасно обижаете, проговорилъ Замаараевъ, негромко.—Я—ливенскій мѣщанинъ.

Исправникъ кивнулъ на него солдату, стоявшему возлѣ Замаараева съ желѣзами и пособачьи смотрѣвшему въ исправничьи глаза.

Солдатъ припалъ на колѣно, и нагнувшись, взялся за валану Замаараева.

Тотъ отошелъ.

— За што ковать-то? закричалъ онъ.—Я за собой никакой вины не знаю. А вы когда виноватите — должны объяснить вины мои. За што? Отойти отъ меня, солдатъ, отойди, слышь!

Солдатъ всталъ и; вмѣстѣ съ сотскими, глядѣлъ на исправника.

— За што меня ковать? кричалъ виѣ себя Замаараевъ, и глаза его блестѣли.—За што? за што? не сказамши за што—ковать велишь, нѣшто этакъ по закону? Онъ азартно подскочилъ къ исправнику, нешевельнувшему бровью.—Говори, за што ковать велишь! Говори, за што куѣшь? Ну, за што?

Исправникъ только пуще нахмурился и выразительно повелъ старыми глазами на солдата и на сотскихъ.

Они кинулись на Замаараева. Сотскіе схватили его за руки, одинъ за одну, другой за другую; а солдатъ опять припалъ на колѣно.

Замаараевъ сдѣлалъ отчаянное движеніе и было-поташилъ за собой сотскихъ; солдатъ придержалъ его за ноги.

— Стой, не брыкайся! крикнулъ солдатъ:—а то я-то, брѣкъ, брыкну посоддатски, умоешься!

Замаараевъ невольно успокоился.

Солдатъ надѣлъ ему, по валенкѣ, повыше щиколотки, сначала одно кольцо, потомъ другое; и, чтобы они сошлись, какъ слѣдуетъ, долженъ былъ сильно нажать ихъ.

Замаараевъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Ой, ой, ноги раздавилъ! закричалъ онъ съ непритворнымъ страданьемъ: — братцы мои — смерть моя, смерть!

У него слезы навернулись и на глазах и въ голосъ; онъ упалъ на руки сотскихъ.

— Ты у мене, погоди, брыкаться-то перестанешь, бормотать солдатъ, покраснѣвъ съ натуги, и заменивъ желѣза ржавымъ ключомъ, поднялся и положилъ ключъ въ карманъ.—Нѣждна! сказалъ солдатъ, и грубо схвативъ арестанта зашиворотъ, поставилъ его на ноги.—Ты у мене нѣжность эту свою брось, на своихъ ногахъ у мене стой. Я-те вышколоу, погоди, до острога. Козырькомъ у мене заказыряешь.

Солдатъ молодцовато глянулъ на исправника и на притихшую толпу мужиковъ, изъ которой вырвались вздохи.

Хозяйка, все время дрожавшая у огня мелкой дрожью, вдругъ упала тяжело, какъ стояла, всей своей тяжестью на полъ, на спину и не подымалась, блѣдная какъ полотно и съ бѣлыми губами, судорожно сжимавшимися и разжимавшимися, какъ ротъ у засыпающей рыбки.

Арестантъ взглянулъ на нее быстро, и сейчасъ же отвернулся; вздохнулъ, рукавомъ дублѣнки медленно отеръ себѣ лицо, и опять вздохнулъ.

— Обморокъ, сказалъ исправникъ, нагнувшись со свѣчой къ лежащей хозяйкѣ.—Позвать работницу.

— Работница, работница! иди, иди скорѣй! заговорили мужики въ сѣняхъ.—Иди, иди!

Напрасно упиравшаяся грязная баба въ лаптяхъ, была препровождена черезъ толпу мужиковъ, пихавшихъ ее и впихнувшихъ въ горницу. Она закрывалась руками и плакала, твердя:

— Ничего я не знаю, ничего я не вѣдаю, ихнее дѣло, я тутъ недамнушко.

— Взбрызни свою хозяйку водой, сказалъ ей исправникъ: — и оставайся при ней.

— Поворачивайся, баба, ну! прикрикнулъ на нее солдатъ, толкнувъ ее къ хозяйкѣ.

— Отведите арестанта въ нашу горницу, тамъ просторнѣе, сказалъ исправникъ солдату.

— Марш! скомандовалъ солдатъ своему паціенту.

Ни на кого не глядя, арестантъ тронулся какъ-бы послѣ тяжелой болѣзни, смѣшно и осторожно передвигая ногу за ногой, слабо и неуверенно, что рѣшительно не шло къ его молодецкой фигурѣ. Непривычка къ желѣзамъ и боль заставляли его невольно гримасничать, какъ ни старался онъ сохранить свою бод-

рость и приличіе. Солдаты смѣли въ полночь своимъ удовольствіемъ, окольные молча и съ любопытствомъ разступились передъ арестантомъ. Даже вздохи слышались.

— Ты у мене перевалочку-то эту брось, братуха, прикрикнулъ на него солдатъ.—Что ты въ перевалочку-то переваливаешься? Ишь его, пиктеръ какой! Ты, вижу, въ рукахъ еще не былъ, оттого и изъ службы убѣгъ. Гляди козыремъ, вотъ што, я этого смерть не люблю.

Арестантъ, придерживаясь рукой стѣны, невесело и ни на кого не глядя, бряцалъ тупо кандалами.

Въ нашей горницѣ никого не было. Мой Назаръ и молодой коробочникъ давно уже не спали и втирались въ мужичью толпу.

Арестанта, по приказанію исправника, поставили къ столу. Солдаты съ сотскими стали позади его.

— Войдите окольные! сказалъ исправникъ.

— Окольные сюда! крикнулъ живчикъ-солдатъ: — проворѣй!

Мужики съ говоромъ, съ несмѣлымъ смѣхомъ и шумомъ намерзшихъ лаптей входили въ горницу и, какъ бараны, жались одинъ къ другому, и всѣ ближе къ двери. Ихъ было человѣкъ десять, и все «середовой» надежный народъ.

Мой Назаръ и коробочникъ съ боку мужиковъ стали. Назаръ, впрочемъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы можно было спяну и руки печкой грѣть.

— Наши всѣ? спросилъ исправникъ.

— Всѣ, всѣ! отвѣтило нѣсколько голосовъ. Мужики переглянулись: — всѣ, всѣ!

— А тамъ кто еще въ избѣ? спросилъ исправникъ.

— Обозные, съ хлѣбомъ.

— Ну, ихъ намъ не нужно. *

— Дальніе, воронежскіе, отозвался передній мужикъ.

— Тоже благодарятъ ваше высокоблагородіе, что совращаете ихъ, бродягъ, замѣтилъ чорствый, сухожиловатый мужикъ.

— Шалать тутощные, вишь.

— Намедни въ сусѣднемъ уѣздѣ тѣло подняли, сказалъ черномазый сотскій.

— Тоже сказывали, здѣшнихъ дѣло. Подкинули.

— Придорожники, одно слово, замѣтилъ солдатъ.—Для того и на тракту сидятъ, народъ грабятъ.

— Обижаютъ, и-и обижаютъ, заговорили мужики.

— Цяцте, оглушители, пробасили здоровенный сотский въ неуклюжемъ полушубкѣ, обращаясь къ мужикамъ, какъ къ собакамъ. Мужики разомъ смолкли.

Исправникъ приказалъ полотноѣ притворить дверь, чтобы изъ сѣней не дуло, и сѣлъ на лавку за столъ. Солдатъ положилъ возлѣ него старый портфель. Исправникъ, не спуская глазъ съ арестанта, побарабанилъ пальцами по своей серебряной табакеркѣ, открылъ ее и понюхалъ съ наслажденіемъ, какъ только нюхаютъ послѣ труднаго, но удачно выполненнаго дѣла.

Арестантъ показался мнѣ совсѣмъ другимъ человекомъ съ той минуты, какъ его заковали. Его почти дерзкая и какая-то вызывающая самонадѣянность уступила мѣсто скучающему равнодушію; а бойкій, веселый и открытый взглядъ смѣнился взглядомъ изподлобья—взглядомъ, словно присматривающимся къ большой опасности, которая отовсюду его окружала, которую онъ слушалъ въ этомъ глубокомъ молчаньи кругомъ. Онъ такъ стоялъ, словно ждалъ, скоро ли, откуда и въ какомъ видѣ поразить его опасность; а что она его поразитъ, въ этомъ, казалось, онъ былъ увѣренъ. Молча и невесело смотрѣлъ онъ, какъ старый исправникъ отомкнулъ свой портфель и досталъ изъ него какую-то переписку, какъ положилъ передъ собой чистую бумагу, поставилъ чернильницу, возлѣ нея положилъ перо и ножичекъ, и какъ опять понюхалъ табакъ, а портфель поставилъ на лавку. Арестантъ вздохнулъ тихонько, и оглянувшись на темную толпу мужиковъ, обтеръ лобъ и лицо все въ поту рукавомъ дубленки. Потъ его такъ и прошибалъ.

— Ну, ливенскій мѣщанинъ Замараевъ, началъ серьезно исправникъ, надѣвая очки:—не зналъ ли ты когда, или теперь не знаешь ли Фирса Федорова, а?

Арестанта, чуть замѣтно, передернуло.

— Не знаю и не зналъ я никакого Федорова, сказалъ онъ глухо и съ насилу сдерживаемымъ волненіемъ, и тихо врякнулъ.

— Ты—Фирсъ Федоровъ, дезертиръ, сказалъ исправникъ, съ убившею арестанта увѣренностію.

Тонкая, чуть замѣтная улыбка скользнула по его лицу, оторопѣвшему и смутившемуся. Но онъ сейчасъ же съ собой справился и сказалъ тихо, но спокойно:

— Если вы меня знаете, и спрашивать вамъ меня нечего.

— Я, Федоровъ, все знаю.

— Ваше дѣло.

— Понимаешь ты, Федоровъ, я все знаю, «все».

Исправникъ помолчалъ, и сказалъ:

— Сознаніе, братъ, Федоровъ, по закону нашему, смичаетъ наказаніе за всякія преступленія. Слышишь?

— Слышу.

Арестантъ отеръ рукавомъ потное лицо.

— Сознайся, Федоровъ.

— Сознаться мнѣ не въ чемъ.

Исправникъ подумалъ и понюхалъ.

— Раздѣть! сказалъ онъ.

Солдаты подскочилъ къ арестанту.

VI.

Разсылный сталъ скидывать съ арестанта дублѣнку. Тотъ взмахнулъ-было рукой, потомъ раздумалъ, повидимому.

— Не знаю, что вы, ваше высокоблагородіе, ищете на мнѣ и что изъ меня хотите произвестъ? пробормоталъ онъ. Когда разсылный стащилъ съ него дублѣнку, онъ вздохнулъ, какъ-бы облегчившись отъ нея.

— За то благодаримъ, что облегчили, сказалъ онъ, смѣясь и показывая чудесные, бѣлые зубы.—Сопрѣлъ. Фу, жарко.

Онъ рукавомъ красной рубашки отеръ съ лица потъ.

— Окольные, сказалъ исправникъ:—возьмите арестантову дублѣнку и хорошенько обыщите ее.

Разсылный отдалъ дублѣнку ближайшему мужику, который съ другими началъ мять ее, искать въ карманахъ, нѣтъ ли чего зашитаго въ ней.

— Жилетку долой! сказалъ разсылному исправникъ.

Солдаты взялся за перламутровыя пуговицы.

— Нельзя, сказалъ арестантъ:—у меня тутъ деньги въ карманѣ.

— Ничего—исправникъ усмѣхнулся:—дѣлы будутъ, при тебѣ пересчитаемъ.

— Нельзя, упорно твердилъ арестантъ.—Деньги свои никому не отдамъ и взять ихъ у меня никто не можетъ. Не дамъ.

— Я у тебя спресился! — Солдаты оторвали съ сердца его руки отъ жилета.

Арестантъ его отпихнулъ.

— Что это! закричалъ онъ:—грабите меня, я караулъ закричу! Ваше высокоблагородіе, не приважите меня грабить!

— Вы! крикнулъ солдатъ сотскимъ, и внился въ арестанта.

Сотскіе схватили его за руки, солдатъ проворно растегнуль его жилетъ и, смегнувъ вагъ его снять сворѣе, разорвалъ съ трескомъ каленкоровую спинку пополамъ.

— Зачѣмъ рвешь жилетъ, стрыженный! крикнулъ на него арестантъ въ безсильной злобѣ.

— Добромъ бы далъ, а то—не дамъ! Я-те, погоди, припомню, а то грабить! Грабитель самъ!

— Не грабитель я, пробормоталъ арестантъ.

Солдатъ подалъ обѣ половинки жилета исправнику.

— Смотрите сюда, окольные! подойдите! крикнулъ исправникъ. Окольные окружили столъ.

Разсмыслный, нагнувшись къ свѣчѣ, вынулъ изъ жилетнаго кармана бумажникъ арестанта и подалъ его исправнику. Потомъ вывернулъ оба кармана, въ которыхъ ничего не оказалось, пощупалъ подкладку и передалъ жилетку мужику.

Исправникъ вынулъ изъ бумажника пачку ассигнацій и ключъ. Пустой бумажникъ съ ключомъ отдалъ мужику, а деньги пересчиталъ громко. Вышло съ небольшимъ триста рублей. Деньги исправникъ также отдалъ грамотному мужику, сказавъ ему, поощрительно:

— У тебя, смотри, бумажникъ, ключъ и триста-пять руб. сер.— береги. А потеряешь, самъ въ острогъ пойдешь. Понимаешь?

— Понимаю. Грамотный, кисло улыбаясь, бережно запряталъ бумажникъ съ ключомъ и деньгами въ клѣтчатый носовикъ, который захнулъ подалше за пазуху своего полушубка, повторяя про себя: «бумажникъ, ключъ и денегъ триста-пять руб. сер.»

Сотскіе продолжали держать арестанта за руки, а солдатъ иногда на него взглядывалъ и кивалъ ему головой, какъ-бы суля ему впереди еще лучше. Арестантъ явно старался не глядѣть на солдата: ему, повидимому, ненавистенъ былъ видъ его.

— Рубаху делой! сказалъ исправникъ.

— Сймай, крикнулъ арестанту солдатъ.

Арестантъ посмотрѣлъ на него, потомъ на исправника. Ни у того, ни у другого онъ не видѣлъ себѣ пощады. Съ минуту онъ постоялъ въ сильнѣйшемъ волненіи; сказать что-то хотѣлъ, и не могъ. Онъ, казалось, хорошо понималъ, что рубаху и безъ него сымутъ съ него, но почему-то медлилъ.

— Сиди! повторилъ солдатъ.

Арестантъ болѣзненно взглянулъ на него, на исправника, и съ отчаянною рѣшимостью схватился обѣими руками за пуговицы своего верота.

Онъ снялъ съ себя рубашку. Солдатъ взялъ ее и передалъ грамотному, замѣтивъ укорительно:

— Кумачовишка! у бродягъ все такія-то.

— Потому богачи себѣ живутъ, прибавилъ черномазый сотскій.

Грамотный вздохнулъ. Между мужиками послышался смѣхъ.

— Свѣчу возьми, сказалъ исправникъ солдату; всталъ и подошелъ къ арестанту.

— Чтò вы надо мной приставляете? сказалъ арестантъ уныло. — На страхъ я вамъ дался?

— Повернись, сказалъ сухо исправникъ: — спиной ко мнѣ.

Арестантъ медленно повернулся.

Солдатъ приставилъ свѣчу къ самой спинѣ, бѣлой, широкой, мускулистой и, вмѣстѣ съ исправникомъ, пристально ее разсматривалъ.

— По зеленой, голубчикъ, прошелъ, сказалъ солдатъ, указывая на чуть замѣтные красноватые рубцы, покрывавшіе спину отъ нея до поясницы. — Тысячу, побольше, шпидрутенонъ приналъ, должно, ваше высокоблагородіе.

Арестантъ не отзывался, и тѣло его слегка дрожало, какъ съ холоду.

— Это — палки, оловяныя, сказалъ исправникъ.

Грамотный нагнулся къ свѣчѣ.

— Должно, онѣ, сказалъ онъ и вздохнулъ. — Онѣ самыя.

— Какія-то палки тамъ нашли, пробормоталъ наконецъ арестантъ укорительно. — Какія тамъ палки?

— Вотъ какія: три въ дуло ружейное входятъ, по положенью, сказалъ солдатъ. — Нѣшто не знаешь, какія палки? Самыя тѣ, что нашего брата Ісаіи за вобѣгъ изъ службы бьютъ. Извольте смотрѣть, ваше высокоблагородіе!

Солдатъ проворно сталъ тереть арестантову спину сувоннымъ рукавомъ шинели.

— Спину сорвешь! угрозою сказалъ арестантъ.

— Цѣла будетъ! солдатъ засмѣялся. — Палками тебѣ ее не сорвали. Извольте смотрѣть, ваше высокоблагородіе.

Солдатъ далъ мѣсто исправнику и съ торжествомъ посмотрѣлъ на сотскихъ.

— И то, сказалъ исправникъ.—Всѣ рубцы выложились.

— Отсюда даже видать! сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

— Избузованъ! заключилъ грамотный, качнувъ сострадательно головой.

— Принялъ себѣ муки, замѣтилъ черномазый сотскій своему здоровенному товарищу.

За перегородкой зарыдала хозяйка. Ея истерическія, порывистыя, разливающіяся въ большомъ горѣ рыданія смутили и тронули рѣшительно всѣхъ. Всѣ смолкли. Работница сначала утѣшала хозяйку, уговаривала, но сейчасъ же замолчала. Рыданія душили бѣдную женщину, и меня за душу брали—столько я въ немъ горя и отчаянья слышалъ.

Арестантъ быстро повернулся къ намъ лицомъ.

— Прикажете убрать отсюда хозяйку, сказалъ онъ нетвердо, хотя и крѣпясь.

— Скажешь все? спросилъ неумолимо исправникъ.

Арестантъ подумалъ.

— Скажу, сказалъ онъ очень тихо, будто прислушиваясь къ своимъ словамъ. — Видно, теперича заператься нечего, вотъ онъ весь: на спинѣ азбука, прочтуть.

Онъ горько усмѣхнулся, такъ усмѣхнулся, что мнѣ его жаль стало.

— Я, братъ, Федоровъ, сказалъ вѣдь тебѣ, что все знаю.

Арестантъ помолчалъ и махнулъ съ рѣшимостью головой:

— Я—дезертиръ Федоровъ, сказалъ онъ исправнику.

Рыданія усилились.

Арестантъ болѣзненно взглянулъ на перегородку и вздохнулъ, какъ-бы сожалѣя, что не можетъ онъ теперь пойти, утѣшить ее. Онъ протанулъ руку за своей рубашкой и надѣлъ ее, и жилетъ надѣлъ.

— Скажи хозяйкѣ, чтобъ въ избу шла, приказалъ исправникъ черномазому сотскому.

Тотъ вышелъ.

Мы слышали, какъ онъ вошелъ въ хозяйскую горницу, и передалъ хозяйкѣ приказаніе исправника, чтобъ въ избу шла. Хозяйка, рыдая, вышла вмѣстѣ съ нимъ изъ горницы, въ которой, по распоряженію сотскаго, осталась работница. Арестантъ, потупясь, съ едва скрываею тоской прислушивался къ удалившемуся рыданью. За перегородкой ребѣнокъ заплакалъ капризно, но

сейчасъ же замолчалъ подъ однообразное и нѣсколько глупое башканье работницы, и подъ сучный скрипъ люльки.

Арестантъ вздохнулъ всею грудью, и посмотрѣлъ въ глаза исправника, по прежнему смѣло. Онъ какъ-бы совсѣмъ разва-
злся съ мучившей его неизвѣстностью, и прямо глядѣлъ ей
теперь въ глаза.

Исправникъ нюхалъ, и тоже, совсѣмъ другими глазами смот-
рѣлъ теперь на арестанта. Онъ уже не винтилъ его своимъ
безопаснымъ взглядомъ, а ласкалъ его и, казалось, вызывалъ
его на искренность. Не торопясь, увѣренно, и съ какою-то лю-
бовью къ своему дѣлу, обмахнулъ исправникъ перо въ черна-
лицу и поправилъ бумагу.

Онъ еще поныхалъ, пріятельски улыбнулся мнѣ и арестанту,
и сказалъ ему:

— Ты, Ѳедоровъ, я вижу, человекъ съ сердцемъ... не дере-
ваша человекъ.

— Былъ человекъ, сказалъ арестантъ, не глядя ни на кого.

— Чтò дѣлать, Ѳедоровъ! Кто передъ богомъ не грѣшешь,
царю не виноватъ. Я, братъ, старый воробей, и согласенъ съ
такимъ, какъ ты, дѣло имѣть. Постараюсь для тебя сдѣлать чтò
могу, разумѣется, чтò законъ велить.

— Благодаримъ покорно, невесело сказалъ арестантъ, и вздох-
нулъ.

— Скажу о себѣ все, чтò знаю, и другихъ не потаю, какъ
передъ Богомъ.

Между мужиками пошелъ одобрителный говоръ.

— Будеть, видно, побаловался! Арестантъ на окольныхъ гля-
нулъ. — Видно, сколько передъ людьми ни оправляйся, виноватаго
Богъ покажетъ.

— Онъ все, замѣтилъ грамотный, и вздохнулъ.

— А вы это хорошо вздумали, одобрилъ арестанта чернома-
зый сотскій: — что винуетесь передъ начальствомъ, и народъ
безъ причины не задерживаете.

— Откроюсь вашему высокоблагородію и добрымъ людямъ.
Арестантъ поклонился исправнику и окольнымъ.

— Вишь-вò, послушался одобрителный голосъ. — Стало, душу
имѣеть.

— Бога не забылъ, прибавилъ другой.

— Слышите, окольные! сказалъ исправникъ.

— Слышимъ! слышимъ! слышимъ! заговорили мужики, по своему обыкновенію разомъ.

Наступило молчаніе, показавшееся мнѣ торжественнымъ.

Исправникъ поправилъ свои очки и посмотрѣлъ въ свою переписку.

Дезертиръ на вопросы исправника, показалъ, что онъ холостъ, изъ господскихъ людей. Дакеемъ служилъ, и 25-ти лѣтъ сданъ въ солдаты.

— За что сдали?

— Виномъ баловался, случалось. А то, больше, такъ сдали, ты, господи, видишь, за что.

— Куда вступилъ на службу?

— Въ свой же батальонъ гарнизонный.

— Долго служилъ?

— Съ недѣлю, должно, прослужилъ.

Арестантъ засмѣялся.

— Старослуживый, замѣтилъ не безъ ироніи солдатъ.

— Бѣжалъ?

— Бѣжалъ.

— Отъ чего бѣжалъ? били тебя?

— Нивакъ нѣтъ, не били, и бить имъ меня не за что было.

Потому я, хоть некрутъ былъ, а службу понималъ, и старался. А такъ, самъ не знаю, что это надо мной сдѣлалось. Скука напала. Даже это до того задумался, руки на себя наложить хотѣлъ.

Грамотный вздохнулъ.

— По родинѣ скучалъ, по семьѣ? спросилъ исправникъ.

Арестантъ подумалъ, и сказалъ тихо:

— Больше по дѣвушкѣ скучалъ по одной, какъ я должонъ вамъ во всемъ открыться. Забрилъ мнѣ лобъ, надо сказать прямо, прикащикъ. Наговорилъ на меня господамъ: молъ, грубиянъ, такой—сяной. А моя вся грубость, что дѣвушка тамъ, Маша, за него не шла замужъ, а за меня хотѣла. Ну, онъ это со мной и сдѣлалъ. Какъ я полагаю, убѣгъ я изъ службы черезъ ее самую, черезъ Машку. Потому очень съ ею занялся. Видѣть ее захотѣлъ, ну, и убѣгъ, прямо въ деревню.

— Какъ же тебя въ деревнѣ не поймали?

Арестантъ засмѣялся и головой встряхнулъ.

— Вѣтра въ полѣ не поймашь, сказалъ онъ, съ понравившеюся мнѣ увѣренностью. — Объ себѣ могу объяснить—вѣтеръ былъ. Куды имъ! Ну, только я скрытно былъ въ деревнѣ, въ

лѣсу. Потому какъ черезъ пріятеля своего узналъ, Машка замужъ вышла за прикащика, я ее видѣть не пожелалъ, и никто меня изъ нашихъ деревенскихъ не видѣлъ.

— А кто такой твой пріятель, что тебѣ сказалъ о Машкѣ?

— Не скажу, сказалъ арестантъ рѣшительно.

— Куда же ты изъ деревни пошелъ?

— Куда глаза глядѣли. Тутъ я себя, признаться, не помнигъ хорошенько.

— Отчего ты въ батальионъ сейчасъ же не вернулся?

— Побоялся, извѣстно, по глупости больше. Водочка тоже тутъ. Потому, признаться, на Машку я обижался и запилъ. Мнѣ бѣ въ ту пору слѣдовало явиться къ своему начальству; ну, наказали бы, и ничего. А то запилъ, по людямъ пошелъ по такимъ прятаться, по лѣсамъ, извѣстно, бродяжничалъ, гдѣ день, гдѣ ночь.

— Гдѣ-жъ нибудь ты задерживался дольше?

— На одномъ мѣстѣ не заживался, опаску свою имѣлъ. Мало-мальски поживешь — дѣльше, да дѣльше.

— Сколько лѣтъ ты бродяжничаетъ?

Арестантъ подумалъ.

— Шестой годъ, стало-быть.

— Паспортъ ливенскаго мѣщанина Замараева какъ къ тебѣ попалъ?

— Все такъ же, черезъ хорошія руки.

Арестантъ усмѣхнулся.

— Прибавите водицы дать; смерть моя жажда. Онъ вздохнулъ, и тоскливо уставился на полъ.

— Воды, сказалъ исправникъ.

Изъ заднихъ мужиковъ одинъ пошелъ въ избу.

Наступило тяжелое молчаніе.

Мы всѣ почему-то особенно внимательно глядѣли на арестанта, и ждали отъ него чего-то страшнаго. Онъ явно страдалъ, какъ-бы подъ вліяніемъ ужаснаго воспоминавія, и, иногда, чмокалъ пересохшими губами, не глядя ни на кого и, будто, забывшись, что его окружило столько любопытныхъ глазъ и ушей.

Исправникъ, между тѣмъ, записывалъ, и скрипѣлъ перомъ.

Вернулся и мужикъ съ жестяной кружкой воды, и передалъ ее, черезъ толпу, черномазому сотскому, а тотъ арестанту.

Арестантъ съ жадностью выпилъ почти половину кружки, и съ поклономъ отдалъ ее сотскому. Съ минуту онъ простоялъ въ сильномъ раздумьѣ, и вздохнулъ.

Исправникъ не торопилъ его и, мягко поглядывая на него черезъ очки, игралъ табакеркой.

— Убили они его, Горшкова — мѣщанина, прошептавъ арестантъ, но такъ, что всё его слышали.

— Кто это — они? спросилъ исправникъ.

— Дворники, у кого я жилъ. На Гнилой.

— На Гнилой! послышалось кругомъ.

— Это што въ ярочку дворъ одинъ, на большомъ тракту? спросилъ черномазый сотскій.

— Хозяина Савеломъ звать? спросилъ грамотный.

— Они самне, подтвердилъ тихо арестантъ, ни на кого не глядя.

— Имъ прозвище «Палённые»? отозвался явно удивленный окольный.

— Они, они самне! неохотно подтвердилъ арестантъ. — Тамъ, кромѣ ихъ, на десять верстъ и дворовъ нѣтъ.

— «Дранный Дворикъ» прозывается, прибавилъ грамотный.

Арестантъ промолчалъ, какъ-бы считая лишнимъ подтверждать ужъ всёми извѣстное, и тоскливо слѣдилъ за перомъ исправника, скрипѣвшимъ по бумагѣ.

Въ стихшей толпѣ замѣчалось нѣкоторое движеніе и слышался сдержанный шопотъ.

— Расскажи же ты намъ, голубчикъ, какъ это убійство случилось? сказала исправникъ:— какъ дѣло было?

— Какъ дѣло было! убили—и только!

— Ты у нихъ жилъ?

— Жилъ, этихъ покрывать не хочу—злудѣи безъ конца.

Арестантъ, вздохнулъ.

— Гдѣ тебя поймали?

— Въ городѣ Козловѣ. Потому, какъ добровольно сознался въ своемъ побѣгѣ, судился военнымъ судомъ. Вышло мнѣ рѣшеніе пройти сквозь-строй, сквозь пятьсотъ человѣкъ одинъ разъ. Прогнавши меня, переслали въ свой батальонъ, на службу. Только я служить не могъ, долженъ былъ опять бѣжать.

— Почему же?

— Потому самбму, что солдаты мнѣ смѣялись, проходу не давали, срамили «арестантомъ». Ну, терпѣлъ сколько могъ, а тамъ ушелъ. До сегодня—вотъ—находился въ бѣгахъ.

— У «Палённыхъ» долго жилъ?

— Къ нимъ я пристаѣлъ на Петровъ день, а бросилъ ихъ на Николу-зимняго. Вотъ годъ будетъ скоро, какъ ихъ бросилъ.

— Откуда у тебя деньги?

Арестантъ помолчалъ.

— Все же таки мѣщанина того, Горшкова. Погодите, я до этого дойду. Заѣхалъ какъ разъ подъ Вздвигеніе въ «Палѣнны» на постоялый, ужъ поздно, этотъ Горшковъ, одинъ на двухъ подводахъ. Увязамши подводы кожами, съ товаромъ, отпрягши, поставилъ лошадей къ своему рептуху, всыпалъ имъ овса мѣру, у хозяина взялъ, а самъ въ избу пошелъ. Самоваръ спросилъ, чай сталъ пить. Негордый человекъ и въ лѣтахъ. Тоже хозяина, по знакомству, чайкомъ почилъ. Разговаривалъ съ нимъ благородно. Я въ избѣ тутъ же таки былъ. А поужинавши съ хозяевами, пошелъ въ овинъ ночевать. Тамъ у нихъ на задѣ, въ кустахъ, гумно и овинъ, скрытое мѣсто; я тамъ больше и хоронился. Даже въ морозы, потому сушишь, бывало, хлѣбъ—тепло въ овинѣ. Лежу это я въ овинѣ, заснулъ. Будить меня кто-то. Кто такой?—Я, говорить, хозяинъ.—Что ты, говорю, дядя?—Сталъ онъ мнѣ говорить: такъ и такъ, молъ, денежный этотъ Горшковъ, лошади, краснаго товару двѣ повозки. Смущаетъ меня это. Никто, вишь, не видитъ, кто ночью на дворъ ставится; одни, говорятъ, въ полѣ, уходимъ его и счастье себѣ приобрѣтемъ. Я на его смущеніе не согласился. Отослалъ я его отъ себя. Идите, говорю, хозяинъ, отъ меня, и не смущайте. Я, говорю, хоть дезертиръ, и сирозъ строй прошелъ, да не душегубъ. Тутъ меня хозяинъ ругнулъ, ушелъ. Не спятся мнѣ, потому, какъ знавши хозяина, думаю непремѣнно мѣщанина уходить. И не могу спать. Всталъ. Вышелъ изъ овина. А ночь притемняющая, ни зги не видать. Самая такая, только волкамъ вить. Стою я такъ-то на гумнѣ, слушаю. Какъ чего душа ждала. Альни дрожь пробирала. Слушаю, вышли изъ избы на дворъ. По голосамъ распознать могу: хозяинъ, и Горшковъ-мѣщанинъ, и хозяйскій сынъ «Гвоздилка». Это они его такъ прозвали; къ лошадямъ подошли; слышу, Гвоздилка это воду циберомъ таскаетъ изъ колодца, въ колоду льетъ. Колодецъ у нихъ во дворѣ. А хозяинъ помогаетъ Горшкову лошадей отъ рептуха отвязывать. И слышу, ченью гремать, потому они у Горшкова ченью къ телегѣ приковывались, на замкѣ. — Замѣшались они это съ лошадьми, а Гвоздилка этотъ у колодца кричитъ: «ай не отвязаете? погодите, кричитъ, я отвязу». Слышу я, въ скорости тутъ, вскринулъ кто-то на дворѣ, показисъ мнѣ мѣщанинъ. Этакъ ужасно вскрикнулъ. Меня альни заморозило. Хочу къ нимъ, на дворъ—

ноги не идутъ. Слышу, заднія ворота заскрипѣли, на гумно идутъ. Хозяинъ съ Гвоздилкой волокутъ это мѣшанина — обработали. Не утерпѣлъ я: «Что вы сдѣлали? говорю имъ. — Вы человѣка убили!» А Гвоздилка мнѣ: «молчи, говорить, обвинъ свой знай! а то, говорить, по шеѣ отселева». «Я, говорю, самъ отъ васъ уйду, вы, говорю—душегубы». Хозяинъ тутъ ко мнѣ старой лисой. «Такой-сякой, говорить, немазаный; ты, говорить, лучше помоги намъ тѣло убрать, дѣло чище выйдетъ». — «Самое, говорю, что ни на есть чистое». — «Мы тебя, Фирсъ, говорить, не оставимъ». — «Не надо мнѣ; говорю, вашего ничего; какъ знаете, такъ и справляйтесь. Ваше, говорю, дѣло—вашъ и отвѣтъ». Они взяли его сволокли въ кусты, подальше, въ глушь, яму вырыли и закопали. Ну, только я эту яму найти могу, помню.

Между окольными послышалось движеніе и вздохи, а грамотный прошепталъ: «О, Господи!»

Арестантъ тоже вздохнулъ и отеръ лицо рукавомъ рубашки. Помолчавъ, онъ продолжалъ тихо, но одушевленно:

— Я о себѣ хорошо понимаю, что я дезертиръ и скрѣзь-строй прошелъ, и понимаю, чего себѣ отъ начальства заслужилъ за вторичный побѣгъ. Но крови на мнѣ нѣтъ—чистъ. Денегъ они взяли много, только до подлинности не знаю, сколько именно, потому они мнѣ, извѣстно, не сказали. Мнѣ дали пятьсотъ рублей серебромъ. Абнаковенно, чтобъ молчалъ, не отрывалъ. Лошадей, повозки, товаръ — все этотъ Гвоздилка размытарилъ. Такой сибирный, хуже еще отца. Ночь ту же таки сперъ повозки куды зналъ.

— Куда жъ именно?

Арестантъ усмѣхнулся.

— У нихъ общая канитель. Скрѣзь по тракту. Со двора на дворъ передаютъ, какъ по этапу. За ночь одну, можетъ, сколько десятковъ верстъ сдѣлаютъ. На зимняго-Николау я ихъ бросилъ. Деньги были, мнѣ начпортъ Замаева дали они. Захотѣлось торговцомъ поѣздить.

Арестантъ засмѣялся.

— Справилъ платье—которое слѣдующее, лошадь купилъ, сбрую эту, все... опасеніе свое имѣлъ, въ другихъ уѣздахъ дѣйствовалъ, съ овцами—тоже себѣ барыша принималъ, должны мнѣ кое-кто тоже... Въ Москвѣ былъ.

— И все больше въ разъѣздахъ?

— Въ развѣздахъ. Когда задержишься проѣздомъ, не хуже нѣшняго, здѣсь, у хозяйшки, на недѣлю какою.

— Хозяйка здѣшняя не знаетъ, кто ты?

— Не знаетъ, поспѣшно заговорилъ арестантъ.—Убѣдительно я васъ прошу, какъ я несчастный совсѣмъ человѣкъ (голосъ его дрогнулъ и тупо звучалъ, какъ надтреснутый), не погубите бабу. Станьте за-мѣсь отца. Какъ она моихъ качествъ не знаетъ, а принимала меня, какъ Замараева мѣщанина, и даже въ надеждѣ была, признаться, замужь за меня пойти.

— Она вдова?

— Вдова.

— Это твой ребѣнокъ?

Арестантъ смутился.

— Мой, сказалъ онъ тихо.

Всѣ молчали, явно тронутые его положеніемъ, и явно подъ впечатлѣніемъ его правдиваго разказа.

Исправникъ нѣкоторое время торопливо записывалъ его показаніе, потомъ прочелъ его арестанту.

Арестантъ внимательно слушалъ.

— Такъ? спросилъ его исправникъ, прочитавъ показаніе.

— Такъ точно.

— Самъ подпишешься?

— Неграмотный; гдѣ у васъ грамотный?

Грамотный «взялъ» у него руку.

— Порядки знаешь? смѣлся исправникъ.

— Какъ же, ужъ на этихъ мытарствахъ бывалъ, по судамъ жилали меня.

Грамотный «отобралъ» у окольных «руки», которыя тѣ подставляли ему ладонями. Къ ихъ ладенямъ грамотный прикладывалъ свою, и подошелъ къ столу.

— Садись, виши, сказалъ ему исправникъ и, медленно расхаживая изъ угла въ уголъ, диктовалъ своимъ формальнымъ, «слѣдственнымъ» голосомъ:

«Къ сему показанію дезертиръ Фирсъ Алексѣевъ, сынъ Федоровъ, а за неграмотностію его и по его личной просьбѣ, селъ Большіе Шиши, государственный крестьянинъ Эвтѣхій Сергѣевъ Пенъвовъ руку приложилъ».

VII.

Арестанта повели въ избу. Мужики шумно выходили, тѣсясь въ дверяхъ съ разговоръ и своими прибаутками, касавшимися дезертира. Но въ этомъ простомъ и меткомъ юморѣ, я слышалъ сочувствіе дезертиру. Его молодцоватый видъ, удалство его жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ искренность, съ какою онъ показалъ о себѣ и о «Палѣныхъ», могли расположить къ себѣ русскаго простомудрина. Онъ все это любитъ и уважаетъ. Даже разсыльный, все время слушавшій дезертира, не сказавъ ни слова, казался, примирился съ нимъ послѣ его разказа.

— Пойдемъ, братуха, сказалъ онъ ему уже не прежнимъ свирѣлымъ голосомъ, когда исправникъ приказалъ вести арестанта въ избу.—Ничего, перемелется, ободралъ онъ его, и уже не грозилъ ему, не издѣвался надъ нимъ съ своимъ солдатскимъ цинизмомъ.

— Перемелется—мука будетъ, прибавилъ здоровенный сотскій, тоже все время молчавшій, и слѣдовавшій по пятамъ арестанта, какъ собака-овчарка за овцами идетъ.

— Позвать хозяйку, сказалъ исправникъ.

Солдатъ привелъ хозяйку.

Она вошла очень сконфуженная и убитая. Ни на кого не глядя, она остановилась у двери.

— Подойди, милая, поближе, сказалъ ей исправникъ ласково.

Она къ нему подошла, какъ-бы не смѣя поднять на него глаза, и вздохнула съ тѣмъ нервическимъ трепетомъ, безъ котораго, кажется, не можетъ вздохнуть женщина, только что плававшая.

Она смотрѣла теперь совсѣмъ другою женщиною. Глубокое отчаяніе, глубокое несчастье мрачно стояло въ ея красивыхъ глазахъ, красныхъ и съ распухшими вѣками. Ихъ окружали снѣги тѣни и дѣлали ихъ гораздо больше, чѣмъ они есть. Эта краснота глазъ, при болѣзненной блѣдности лица, такъ ее измѣнила, что мнѣ казалось даже, она похудѣла въ нѣсколько часовъ. Ея здоровое и веселое выраженіе смѣнилось теперь скучающимъ и словно желающимъ спрятаться отъ людей, чтобы остаться одной съ своимъ горемъ. Я глядѣлъ на нее съ большимъ сочувствіемъ, да и исправникъ тоже. Онъ нѣсколько минутъ съ духомъ собирался.

— Скажи мнѣ, моя милая, началъ онъ тихо, своимъ вкрадчивымъ тономъ:—ты давно знакома съ нимъ?

Хозяйка взглянула на него, помолчала, какъ-бы соображая вопросъ, и сказала тоже тихо и голосомъ, очищеннымъ слезами:

— О зимнаго Ниволу вотъ годъ будетъ.

— Какъ ты съ нимъ познакомилась?

— Заѣхалъ на постоялый, какъ вотъ высказался ливенскимъ мѣщаниномъ Замараевымъ, такъ я его и приняла.

Хозяйка вздохнула.

— Потомъ часто къ тебѣ ѣздилъ?

— Ёзжалъ.

Хозяйка вдругъ покраснѣла, и крупныя слезы заблестѣли на ея щекахъ и закапали.

— Онъ жениться на тебѣ, говорить, хотѣлъ?

— Хотѣлъ.

— Значить, по твоему согласію?

— Для меня онъ хорошъ былъ, едва прощентали ея губы, вздрогнули, и она поспѣшно закрылась руками. Риданія душили ее.

Грамотный жалостливо на нее смотрѣлъ; исправникъ всталъ и медленно прошелся по горницѣ, разсѣянно играя табакеркой. Можетъ быть, въ эту минуту отдаленное воспоминаніе пригрѣло его—воспоминаніе съ тѣми молодыми слезами, которыя, къ счастью, у всякаго изъ насъ есть. Онъ сѣлъ передъ хозяйкой и нѣсколько минутъ ни слова не сказалъ, поглядывая на нее сочувственно, улыбаясь мнѣ кротко и играя табакеркой.

Хозяйка нѣсколько успокоилась. Она объяснила, что вдова уже года три.

— А этотъ ребѣнокъ чей?

Хозяйка покраснѣла и сказала чуть слышно:

— Мой.

Исправникъ торопливо понюхалъ и поторопился спросить:

— За Замараевымъ, ты ничего, матушка, не замѣчала такого, предосудительнаго, знаешь, противузаконнаго?

Хозяйка вздохнула.

— Ничего я этого за нимъ не замѣчала, и никакиxъ я его дѣловъ не знаю; мѣщанинъ да мѣщанинъ. Торговецъ, вижу, такъ я его и принимала.

— Не водилъ ли онъ съ собой сюда людей какихъ нехорошихъ, или подоврительныхъ, а?

— Завсегда одинъ приѣзжалъ на своей лошади пѣгой.

— Не говорилъ ли онъ тебѣ чего такого, матушка? Не отрицался ли тебѣ, а?

— Ничего онъ мнѣ объ этомъ не говорилъ.

— Ну, вѣдь разговаривалъ же онъ съ тобой?

— Абнаковенно разговоры такіе были, какъ онъ торговый человекъ, степь сымалъ, гуртъ содержалъ овецъ; сказывалъ, бакшу заведу на степи. А больше ни о чемъ не разговаривалъ.

Исправникъ помолчалъ.

— Для меня онъ хорошъ былъ.—У нея опять вздрогнули губы, востъ, грудь и плечи, и она опять воспѣшила скрыть свои рыданья въ рукахъ.

— Иди теперь, матушка, къ себѣ въ горницу и не плачь, успокоивалъ ее исправникъ.—А работницу свою ко мнѣ пришли.

Хозяйка вышла, рыдая и шатаясь.

Работница оказалась мнѣ на этотъ разъ замазаниѣе, можетъ быть потому, что салная свѣча нагорѣла; по прежнему твердила свое безтолковое: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, ихнее дѣло—хозяйское, я тутъ недамнушко».

Исправникъ терпѣливо подождалъ, пока она выговорится, и терпѣливо распросилъ ее, что ему нужно было.

Работница, подперевъ щеку рукой, а эту руку поддерживая у лоты другой рукой, показала согласно съ хозяйкой.

Исправникъ записалъ всѣ показанія, «грамотный» отобралъ у спрошенныхъ руки и подписался за нихъ.

Мы съ исправникомъ остались вдвоемъ. Всѣ въ избу ушли, даже мой Назаръ и коробочникъ.

Русскій простой человекъ любопытенъ; онъ почти съ одинакимъ любопытствомъ глазѣтъ и на дезертира, и на медвѣда, и на пожаръ, и на зарѣзаннаго. Вѣдь другихъ зрѣлищъ, кромѣ тѣхъ, которыя даетъ ему его жизнь, въ своей грубой, или полудѣтской обстановкѣ—у него нѣтъ; его театръ, его поученіе, его драматизмъ—все это беретъ онъ у самой жизни. Ольриджи и Ристори нашего деревенскаго простонародья—это убійцы, бродяги, мертвыя тѣла; не актерствующіе убійцы, бродяги и мертвыя тѣла—не тѣ, которые со сцены попадаютъ въ блестящее общество, которымъ даютъ волшебныя серенады; но настоящіе мертвыя тѣла, которыя рѣжутъ уѣздныя лекаря; настоящіе бродяги и убійцы, которые съ своей широкой сцены попадаютъ прямо въ сырой острогъ, а изъ острога триумфально вывозятся на высокомъ черномъ эшафотѣ, при барабанномъ боѣ, окруженные штыками и густыми толпами; настоящіе, невдуманные убійцы и бродяги-поджигатели, которыхъ страшныя фигуры, привязываемыя пала-

чомъ къ столбу эшафота, пугаютъ дѣтей и счастливыхъ, и вызываютъ глубокое состраданіе людей постарше, людей менѣе счастливыхъ, но болѣе прожившихъ и собственнымъ опытомъ, и собственными ошибками и искушеніями. Эти нервчистые преступники, въ родѣ какого-нибудь Фирса Федорова, вызываютъ къ себѣ въ нашемъ простонародьѣ своего рода участие и даже удивленіе къ своему, болѣе частью желѣзному характеру и часто сказочному молодечеству. Я понималъ, что мужики глядѣли на дезертира, болѣе какъ на героя въ родѣ Еруслана Лазаревича, чѣмъ какъ на дезертира, какимъ онъ былъ, прогнаннаго сквозь строй.

— Что вы скажете объ этомъ дезертирѣ? спросилъ меня исправникъ.

— Миѣ его жаль—вотъ все, что я могу о немъ сказать, отвѣчалъ я.

Исправникъ глубокомысленно поникъ своей сѣдой и круглой головой, и медленно провизнесъ:

— Жаль. Изъ него, при другихъ условіяхъ, человекъ бы былъ. Молодецъ, и душа есть.

— А вы вотъ что миѣ скажите, спросилъ я его, въ свою очередь: — какъ вы его такъ мастерски словили? Повидямому, вы сюда прибыли съ положительными свѣдѣніями о немъ?

Исправникъ улыбнулся не безъ удовольствія, и сказалъ:

— Я двадцать лѣтъ исправникомъ — вотъ объясненіе моего, какъ вы выразились, мастерства. Я, вѣдь, двадцать лѣтъ ихъ ловлю, Федоровыхъ-то этихъ, какъ коника мыши.

Онъ понюхалъ и, какъ отъ соблазна, поспѣшно сунулъ табакерку въ свой карманъ.

— Я—кошка, они—мыши. Есть у меня такія ищейки, что на звѣринный слѣдъ наводятъ. Какъ безъ этого? Нельзя.

Исправникъ сталъ миѣ на ухо говорить:

— Миѣ здѣшній-таки шепнулъ объ этомъ дезертирѣ, сосѣдъ, рядомъ съ этимъ постояннымъ живеть. Тоже мѣщанинъ Филькинъ, и бестія продувная. Кулакъ, ну, а нужный человекъ; если гдѣ этакъ пронюхать что, раскопать — проныра. Что дѣлать, нельзя намъ безъ этихъ людей дѣйствовать, полиціи-то; ничего въ одиночку не подѣлаешь. У меня всюду по уѣзду есть такіе глаза и уши; какъ своими глазу и слушаю. Я имъ, само собой, пальца въ ротъ не кладу — откусять. Они у меня вотъ гдѣ. Исправникъ смалъ кулакъ.—У меня за ихъ мошенничествомъ слѣдятъ, мало-мальски границу перешли—прихлопну.

— Какъ же у васъ тутъ сотскіе явились и окольные въ нужную минуту? спросилъ я: — волшебный свистокъ у васъ есть, или слово?

— Слово такое знаю. Исправникъ засмѣялся. — Видите: сотскіе и народъ у меня съ противоположнаго конца уѣзда. Ни ихъ здѣсь не знаютъ, ни они нивого. Знаки свои сотскіе, конечно, припратали. Велѣлъ я имъ называться обозными; а пятнадцать надежныхъ мужиковъ, при пятнадцати подводкахъ, будто съ хлѣбомъ идутъ въ Орель. У нихъ, посмотрите завтра, и воза увязаны какъ съ хлѣбомъ; подъ веретьями, только сѣно тамъ. А на видъ обозъ, какъ слѣдуетъ.

Исправникъ мнѣ подмигнулъ, и сказалъ:

— Видите, вотъ, мы хоть старше чиновники, прежняго порядка, а все же можемъ привести какую-нибудь пользу и обществу и государству. Иной разъ, пожалуй, правовѣднѣе нынѣшнее противъ прежней опытности—нуль. Ну, вотъ-съ, обозъ мой, какъ водится, на постоялые здѣшніе сталъ, почевать. Пять подводъ на сосѣдній дворъ, къ тому мѣщанину-мазуряку, а десять сюда. Обозные мои полицейскіе съ ними. Разсылный мой тоже одинъ себѣ подѣхалъ, чтобы подозрѣнія не подать: будто бы проѣзжій мужичокъ его подвезъ; а мужичокъ-то этотъ тоже мой, шестнадцатый окольный. Самъ я, вы видѣли, сталъ сюда на ночлегъ раньше всѣхъ, на печку грѣться забрался. И точно иззябъ. Потому что, еслибы вы увидѣли мой нищенскій экипажъ — вы бы засмѣялись. Потѣха и только! дыра на дырѣ въ рогожѣ и соломкой заткнута; бѣдный, молъ, чиновникъ проѣзжій; своему подводчику велѣлъ сказать тоже, что нанался доставить меня до X—а. А я на печкѣ, само собой, не спалъ, слушалъ все.

— Какъ! сказалъ я. — Вы храпѣли!

— Это — полицейское храпѣнье. Вотъ еслибы вы послужили бы съ мое исправникомъ—тоже бы захрапѣли, коли надо. Развязку-то вы всю эту видѣли? а?

Исправникъ улыбался.

— Честь вамъ и слава! сказалъ я.

— Слава! Онъ иронически улыбался.—Нашему брату земскому исправнику не до славы, мы не Наполеоны какіе-нибудь! Хотьбы достоинство-то свое человѣческое намъ сохранить, а вѣдь съ дикими людьми самъ дичаешь. Я, вѣдь, какъ видите вотъ, изъ году въ годъ такъ-то. Слава! Нашему брату хоть бы въ уголовную не попасть; а то, смотри, по 2-му пункту тебя отработаютъ.

— Это что за такой второй пунктъ? спросилъ я.

— «Волчій» паспортъ чиновнику. Вѣдному чиновнику, это все равно что плети. Никуда его съ этимъ пунктомъ не примутъ.

Исправникъ наскоро понюхалъ, и продолжалъ:

— Обо мнѣ тоже, я знаю, говорятъ: у него деньги есть, столько лѣтъ исправничаетъ. Вѣдь не разувѣришь. А я, признаться, даже радъ былъ бы, еслибы это была правда: у меня семья большая, имъ нужно, не мнѣ, а старшій человекъ, вотъ-вотъ къ праотцамъ отойду. Богачь!

Исправникъ грустно усмѣхнулся.

— Что у меня есть-то? Домъ?—Нѣтъ его у меня, и самага-то дома. Деревни?—опять нѣтъ. Векселей и закладныхъ на свои деньги не совершалъ; нѣтъ еще маклеровъ такихъ и крѣпостныхъ столовъ, гдѣбъ я ихъ совершалъ; билетовъ сохранный казны тоже не имѣю; а все мое богатство въ томъ заключается, что впередъ у расходчика жалованье свое беру, да женѣ отдаю—богачь! Богачь не распихалъ бы своихъ дѣтей куда попало, а я воспитывать ихъ не могъ. Спасибо, благодѣтельная дама, помѣщица, взяла двухъ дѣвочекъ къ себѣ, съ своими воспитуетъ, да въ корпусъ мальчюка приняла, на казенный счетъ; а тѣ, что дома, въ уѣздное училище ходятъ да въ ладжки играютъ; а тамъ, смотри, въ 16 лѣтъ посажу въ свою же канцелярію писцомъ: начинай, какъ отецъ начиналъ. Гдѣ жъ мои деньги? Кто ихъ у меня взялъ, или гдѣ я ихъ прячу—мнѣ неизвѣстно. Но про нихъ досконально извѣстно, какъ водится, всѣмъ, кромѣ меня самага.

Исправникъ медленно прочелъ и остановился передо мной:

— Будь они у меня, деньги-то, пошелъ бы я въ такую службу—никогда! У меня своя гордость и, наконецъ, мнѣ тоже покой дорогъ. А бьюсь до пансіона—необходимъ. И все, какъ ни бьюсь, придется оставить дѣткамъ своимъ завѣщаніе въ родѣ фуфлыгинскаго.

Исправникъ понюхалъ и засмѣялся.

— Это я какъ-то въ книжкѣ прочелъ, давно ужъ: Фуфлыгинъ одинъ, умирая, оставилъ своему богатству, не хуже моего, завѣщаніе: «Во имя Отца, Сына и Св. Духа, Аминь. Въ твердой, говорятъ, памяти и въ здоровомъ разсудкѣ написалъ я это духовное завѣщаніе въ томъ, что ничего не имѣю, много долженъ, а остальное бѣднымъ».

Исправникъ сѣлъ и невесело табакеркой играть.

— Умру, тогда обнаружатся мои фуфлыгинскія богатства, ска-
заль онъ: — тогда поневолѣ повѣрятъ.

Исправникъ переодѣлся изъ мундирнаго сюртука въ свое теп-
лое дорожное пальто. Разсмысленный постлалъ ему на лавкѣ его
старую волчью шубу, мѣхомъ кверху, и подушку, которой раз-
жился у хозяйки.

— Соснемъ сколько нибудь, замѣтилъ мнѣ исправникъ, ло-
жась на свою походную постель и потягиваясь съ наслажденіемъ
уставшаго старика.

— Я не прочь, сказалъ я, располагаясь на своей постелѣ,
импровизированной Назаромъ.

— А знаете, что я вамъ скажу? сказалъ мнѣ исправникъ.

— Говорите.

— Позвольте узнать ваше имя и отчество.

— Николай Николаичъ.

— Видите, Николай Николаичъ, что я вамъ скажу: вы вотъ,
хочешь не хочешь, сдѣлались свидѣтелемъ этого происшествія.
Если оно васъ интересуетъ, поѣдете со мной, узнаете его ко-
нецъ. Хорошо? а?

Я подумалъ, и сказалъ:

— Я васъ благодарю за приглашеніе, и принимаю его.

— Я васъ сюда доставлю, почтенный Николай Николаичъ, за-
говорилъ исправникъ, явно обрадованный. — Человѣка своего вы
тутъ оставите съ вещами вашими, а черезъ два дня мы непременно
тутъ будемъ. Вотъ и чудесно! хоть денька два-то въ компаніи
съ человѣкомъ буду; вѣдь дичаешь тутъ съ ними, съ народомъ
этимъ, мужичишься.

Исправникъ вытянулся, зѣвнулъ нѣсколько разъ, и я слышалъ,
скоро захрапѣлъ. Прислушиваясь къ его, на этотъ разъ настоя-
щему, храпѣнію, я невольно подумалъ, не привидывается ли онъ
это и теперь? Но зачѣмъ же ему теперь привидываться? успо-
коилъ я самъ себя.

В. МАРКОВЪ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

Н Е Д А В Н Е Е.

РОМАНЪ.

Часть третья.

I.

Боровицкіе нанимали въ N. довольно большой домъ, впрочемъ, изъ старыхъ и несомнѣмъ красивыхъ на видъ; онъ имѣлъ, какъ водится, темную лакейскую и анфиладу парадныхъ комнатъ. Чтобъ мѣблировать все это, была привезена мѣбель изъ деревни; вновь оклеенные обои выказали несвѣжесть этой мѣбели, почему сдѣлалось необходимо обить ее новой матеріей; золоченныя багеты надъ окнами потребовали драпировокъ. Надежда Сергѣевна не могла не имѣть маленькаго réduit съ кушетками и зеленью; Боровицкій самъ хлопоталъ объ его устройствѣ; ему понравилась мысль сдѣлать что нибудь не такъ, какъ у всѣхъ, не пошло, не обыкновенно. Надеждѣ Сергѣевнѣ были по сердцу его хлопоты: во время ихъ онъ говорилъ ей много пріятнаго. Онъ заботился, чтобы кабинетъ былъ къ лицу женѣ, и, вообразивъ на этотъ разъ, что она, блѣлобурая, высокая, блѣдная, напоминаетъ средневѣковыхъ владѣлицъ замковъ, отдѣлалъ комнату въ готическомъ вкусѣ, темными и, какъ онъ называлъ, «теплыми» цвѣтами. Окно было передѣлано въ стрѣльчатое, съ цвѣтными стеклами, и завѣшено плющемъ. Зинаида Сергѣевна ахнула, когда вошла.

— Матушка, какая темнота! вскричала она:— что ты это ему позволила умничать?

— Я говорила!... замѣтила, какъ всегда, горестно, Аграфена Петровна:— а спроси, чего стоило!...

— Послушай, Зина, сказала Надежда Сергѣевна, увлекая сестру въ глубину этого «oratoire de la tourelle» на кушетку, то-

же готическую: — не говори ничего объ этой комнатѣ; отдѣлка этой комнаты... *J'ai été heureuse ici.*

Прекрасная предводительша покатила со смѣху.

— Христосъ съ вами! вскричала она, и когда пришелъ Боровицкій, смѣялась столько, что онъ, съ досады, самъ сталъ смѣяться.

Прелестъ комнаты погибла для Надежды Сергѣевны. Она замѣтила, что и въ самомъ дѣлѣ темно, и въ самомъ дѣлѣ смѣшно. Мать прожужжала уши, что дорого. Надежда Сергѣевна стала хлопотать, но ужь, конечно, безъ помощи мужа, чтобы какъ набудь поправить это «какъ у всѣхъ»: замѣнила суконныя драпировки кисейными, велѣла обрѣзать пониже зубчатые спинки стульевъ, повѣсила на стѣну *sache désordre* изъ *parieg-riqué*, разставила на письменномъ столѣ, что только нашла мелкой бронзы, фарфоровыхъ фигурокъ, даже пестренкиихъ картонажей...

— Ну, такъ, конечно, веселѣе, сказала Зинаида Сергѣевна: — а все-таки, Диночка, это значитъ: хочу и не могу. Лучше бы вы и не затѣвали.

Боровицкій сказалъ, что въ этомъ будуарѣ его нога не будетъ. Онъ занялся своимъ кабинетомъ. Ему тоже былъ необходимъ кабинетъ: онъ служилъ, бумагъ было много. Боровицкій заботился о гравюрахъ на стѣнахъ, о живописности безпорядка; мольбертъ съ начатымъ рисункомъ былъ всегда выдвигнутъ на половину комнаты, палитра съ воткнутыми кистями оставлена среди цвѣтовъ на окнѣ. Разъ, прочтя Машѣ нѣсколько стихотвореній изъ Гюго, Боровицкій, озарившись внезапной выдумкой, отнесъ книгу въ уголъ, опредѣленный *дьямъ*, и присматривался, какъ бросить ее натуральнѣе среди пыльныхъ связокъ.

— На что жь ее сюда, папа? положи на мѣсто, сказала Маша.

— Ты не понимаешь, душка, возразилъ отецъ: — оставь ее тутъ.

Маша не понимала этого, конечно, такъ же, какъ многого въ своей городской жизни. Въ первые дни переѣзда, когда въ домѣ убирали, отдѣлывали, стучали, клеили, и можно было бѣгать кругомъ, смотрѣть все это, уносить клей, обрѣзки обой и тоже кленть кукламъ разныя необходимыя вещи; когда вносили мѣбель, а мастеровые сажали Машу на диваны и кресла, и такъ и несли ихъ съ нею до мѣста; когда обѣдали въ разныхъ комнатахъ, и можно было помогать накрывать на столъ, бѣгать чрезъ корридоръ въ кухню; когда гостей никого не бывало, бабушка ходила въ спальномъ чепцѣ, а маменька проводила цѣлый день у тѣти Зины — тогда еще было весело. Но когда, какъ сказала

бабушка, все это, славу-богу, кончилось; когда маменька стала сердиться на горничную Наталью за то, что Наталья не носитъ бѣлыхъ воротничковъ, какъ горничныя тѣти Зины; когда однажды, проснувшись, Маша не узнала своей няни—такой на ней былъ страшный чепецъ—а няня никогда прежде чепцовъ не носила—тогда Машѣ стало чего-то жутко. Маменька безпрестанно ѣздилъ въ лавки и сдѣлала себѣ много прекрасныхъ платьевъ; тѣтя Зина прїѣзжала и все толковали объ этихъ платьяхъ; она говорила, что и Машѣ надо надѣлать нарядовъ. Маша съ восторгомъ примѣрала воздушныя и шумящія шелковыя платьяца кузинь, и со страхомъ и надеждой прислушивалась, сдѣлаютъ ли и ей такія же. Бабушка этого не хотѣла. Бабушка однажды заплакала, била себя въ грудь и говорила тѣтѣ Зинѣ, что ей ѣсть нечего. На другой день, папы и мамы не было дома, прїѣзжали тѣтя Зина и дядя Петръ Ивановичъ, въ первый разъ. Маша встрѣтила ихъ одна въ залѣ и сказала bonjour, но они на нее даже не посмотрѣли и пошли въ комнату къ бабушкѣ. Когда они уѣзжали, бабушка ихъ провожала, веселая и все говорила, что въ домѣ все дурно. Маша этому очень удивилась, и желая убѣдиться, неужели все дурно, пошла еще разъ посмотрѣть прекрасный кабинетъ маменьки. Бабушка, проводя дядю и тѣтку, сказала Машѣ, что вотъ кто ея дѣти, а не ея отецъ и мать, что ея отецъ и мать богъ-знаетъ что. Маша ушла въ залу и стала плавать. Отецъ купилъ ей прелестное платье, шляпку съ розовыми перьями и мантилью всю изъ лебеда, мягкую, бѣленькую. Кузина Софи увидѣла ее и сказала гувернанткѣ: «Зачѣмъ мой папа не купилъ мнѣ такой мантильи? папа скупой». Маша находила, что Петръ Ивановичъ скупъ, но когда сказала это маменькѣ, маменька поставила ее въ уголъ, а бабушка была въ ужасѣ и кричала: «Какъ ты смѣешь это говорить о своемъ дядѣ?» Маша отвѣтила: «Но Соня то же говорить, а онъ ей и во все отецъ...» Тутъ ужъ, богъ-знаетъ, какой былъ несчастный день... Всего скучише было для Маши, что она почти не видѣла отца. Когда она, поутрамъ, прибѣгала къ нему въ кабинетъ, онъ повторялъ ей, что занятъ и, всегда спѣша, посылалъ ее одѣваться, говорилъ, что въ каюткѣ, подеревенски, быть неприлично. Нарядной—ужъ было неловко садиться на полъ предъ этажеркой съ книгами, или почти ложиться на столъ надъ развернутой картой. Читая книжку, или уча стихи, Маша имѣла привычку продѣвать всѣ свои десять пальчиковъ въ волосы; это

сдѣлалось невозможно: маменька не могла видѣть ее вслутанную, а Наталья, которой было поручено причесывать барышню, заваленная шитьемъ, глаженьемъ и крахмаленьемъ съ заутренъ до полночи—срывала свое сердце на локонахъ барышни и прозвала ее рыжимъ чертѣнкомъ. Познанія Маши были разнообразны; она поняла, какъ ее называли, горько плакала ночью и зашпача въ страхѣ. Домъ тѣтки Зины ей очень понравился, такъ что сначала, когда ее везли туда, она собиралась съ большой радостью и старалась начѣмъ недосадить Натальѣ, которая ее наряжала. У тѣтки, удовольствіе Маши состояло въ томъ, что комнаты были большія, на паркетѣ было ловко бѣгать — хотя ей сказали, что бѣгать не должно—что было много прекрасныхъ вещей, какъ ей показалось, все золотыхъ—только ихъ было не вежливо трогать. Были еще такія большія зеркала, что Маша ахнула отъ радости, увидя въ нихъ себя. Тѣтка Зина сказала, смѣясь: «*La petite sottel!*» и прибавила, обратясь къ маменькѣ: «Дурнушка твоя, а смотри, тоже кокетничать будетъ, дай только развернуться; моп ужъ кокетничаютъ». Маша спросила мать и тѣтку, какъ это надо кокетничать, на что тѣтенька расхохоталась и сказала: «Еще успѣешь, узнаешь, матушка». Машѣ хотѣлось узнать поскорѣе; она спросила отца. Отецъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, всплилъ и не далъ ей договорить. «Кто это болтаетъ тебѣ такія глупости? сказалъ онъ:—кокетка, это—женщина безъ сердца». Это поставило Машу въ недоумѣніе: она знала, что безъ сердца человѣкъ жить не можетъ—какъ же это живы кузины? Впрочемъ, это недоумѣніе было недолгое; кузины ставили ее въ другое, гораздо важнѣе: онѣ не любили играть съ нею. Онѣ, впрочемъ, не умѣли играть. У нихъ было множество прекраснѣйшихъ игрушекъ, но м-лле Луаро не позволяла возиться съ ними и выносить ихъ дальше дѣтской; а въ дѣтской, разставивъ ихъ на столѣ, Софи и Жюли сядились передъ ними, смотрѣли и скучали. Выдумки Маши имъ не нравились. Разъ только ей удалось ихъ занять, но это былъ несчастный вечеръ, послѣ котораго для Маши кончилось все удовольствіе въ этомъ большомъ домѣ. Было много гостей, и свѣчей множество; какая-то дама пѣла. М-лле Луаро привела всѣхъ трехъ дѣвочекъ въ залу, къ круглому столу въ уголъ и дала имъ карты. «*Voilà, amusez-vous*». Столикъ былъ налѣщенъ, кругомъ ходили, домики строить было нельзя, да домики и такъ надоѣли. Кузины и Маша бросали карты одна на другую и начинали дре-

мать. М-ле Луаро заговорила съ какимъ-то господиномъ и совѣмъ отвернула. Маша предложила вырѣзать изъ картъ, что на нихъ напечатано; она же сбѣгала и отыскала ножницы, и въ нѣсколько минутъ короли, ваеты, очки, кружочки засыпали весь столикъ. Веселье было великое. Маша выдумала еще лучше: готовить лапшу; тогда крошево полетѣло на сіяющій паркетъ, а гости, проходя, разнесли его на средину залы. М-ле Луаро такъ занялась съ господиномъ, что и не оглядывалась, но вдругъ подошелъ самъ дядюшка.

— Qu' est-ce que c' est? закричалъ онъ:—pourquoi vous coupez des bêtises?

И началось несчастье. Дядюшка разсердился на м-ле Луаро; она разсердилась еще больше, увела ихъ всѣхъ, уложила спать кузинъ, сама ушла опять къ гостямъ, а Маша оставалась вдѣтской одна, въ углу диванчика, гдѣ заснула съ печали, не думая ужъ о томъ, что измяла свое платьице, а только молила Бога, чтобъ завтра маменька...

Маша изъ дварни сдѣлалась трусихой, она стала бояться потери. Она мало видѣла и ее; Надежда Сергѣевна часто виѣзжала, большую часть вечеровъ проводила у сестры или въ гостяхъ, вставала поздно и долго одѣвалась. Маша приходила къ ней здороваться поутру, совѣмъ одѣтая; Надежда Сергѣевна учила ее дѣлать реверансъ, заставляла повторять, выходя и входя, разъ двадцать, и когда теряла терпѣніе, Машу принималась учить бабушка. Боровицкій однажды зашелъ на эту сцену.

— Что это вы, матушка, сказалъ онъ, расхохотавшись:—никакъ менует-à-la-reine? пальчиками за юбочку...

— Танцовщицей сдѣлалась на старости лѣтъ, отвѣчала Аграфена Петровна.

Ужъ два мѣсяца они жили въ городѣ. Надежда Сергѣевна начинала разочаровываться въ удовольствіяхъ, которыя себѣ обѣщала, вѣрнѣе, впрочемъ, на которыя надѣялась. Ея судьба была вѣчно ждать, надѣяться и мечтать. Она жила всегда впередъ своего настоящаго дня, заранѣе придумывала себѣ приключенія, заранѣе воображала, что переживаетъ, заранѣе расходовала сердце, а потомъ удивлялась, что ничего не случилось, и еще больше тому, что ничего не чувствовала. Точно будто кругомъ нея все подмѣнили, или обокрали. Въ ней странно не бывало никогда чувства настоящей минуты. Что бы ни случилось съ ней, она переживала, не замѣчая: ей все казалось, что *это* еще только начи-

нается, что *это* еще будетъ, еще придетъ, сильнѣе, значительнѣе, ошутительнѣе, и оттого все сильнѣе дѣлалось желаніе ощущенія. Воображеніе наработывалось заранѣе, потомъ работало впередъ, и Надежда Сергѣевна всегда жила не увлеченіемъ, а ожиданіемъ увлеченія. Для нея всякая минута, всякое положеніе казались приготовительными, переходными, а потому она не думала о значеніи своихъ словъ, своихъ поступковъ: это все совершалось у нея какъ во снѣ. За то въ этомъ снѣ она совершенно забывалась, а иногда, тоже какъ будто во снѣ, ей совершенно превратно представлялись слова и поступки другихъ...

Въ настоящее время, въ послѣдніе два мѣсяца, Надежда Сергѣевна разочаровывалась въ ожиданіяхъ. Она рассчитывала на «долгія, искреннія бесѣды» съ сестрою; отъ нихъ пришлось отказать. У Зинаиды Сергѣевны не было для нихъ времени. Утромъ, ея туалетъ, нетребовавшій прикрасъ, дѣлался скоро; она хозяйничала толково и аккуратно, нѣсколько разъ заходила къ дѣтямъ посплетничать съ m-ле Луаро, пока Софи и Жюли ковыряли булавками свои азбуки. Потомъ Зинаида Сергѣевна садилась въ гостиной и принимала; гости бывали постоянно. Если Надежда Сергѣевна пріѣзжала этимъ временемъ, ей оставалось только участвовать въ общемъ разговорѣ—интимный былъ невозможенъ. Надежда Сергѣевна вознаграждала себя любезностью съ гостями, не замѣчая, что это не нравилось хозяйкамъ. Такъ однажды она зашла съ полковникомъ Сквиорещенскимъ, пріѣхавшимъ въ N. по случаю рекрутскаго набора. Разговоръ шелъ о Гризи и Маріо; они тогда въ первый разъ пѣли въ Петербургѣ. Надежда Сергѣевна была не музыкантша, но по своей чувствительности—единственная дама въ N., способная восторгаться неслыханнымъ. Полковникъ былъ очень любезенъ и очень радъ случаю быть любезнымъ; отъ музыки, разговоръ сталъ уже клониться къ нѣжнымъ тонкостямъ поэтической философіи, и у Надежды Сергѣевны стало уже замирать сердце отъ ожиданія, что, вотъ, сейчасъ случится чтѣнибудь особенно пріятное.

— Чтѣ это, матушка, шепнулъ женѣ Черемышевъ:—сестрица твоя ораторствуетъ будто у себя дома. Кто здѣсь хозяйка-то, она или ты?

Зинаида Сергѣевна оглянулась; ей вдругъ стало досадно, и она вдругъ бросила Сквиорещенскому вопросъ:

— А до котораго часу вы вчера изволили ковырять у откупщика?

Вся повзвѣя, натурально, разлетѣлась. Случилось, что въ этотъ разъ, гости скоро всѣ разѣхались.

— Не умѣете занять, удержать не умѣете-съ, сказала жевъ Чермышевъ: — вотъ бы кому быть губернской предводительшей— Надеждѣ Сергѣевнѣ, такъ-такъ!

Онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, приказавъ давать обѣдать. Надежду Сергѣевну не пригласили остаться; она ясно увидѣла, что Зина сердита и, дома, разобрала, за что. Ей блеснула мысль, что сестра, въ самомъ дѣлѣ, можетъ бояться соперничества съ нею, что она, Надежда Сергѣевна, незамѣчена, непонята и неопѣнена единственно потому, что не имѣеть средствъ выставиться. Потомъ явилась мечта—соперничать... Эта мечта ее очень обрадовала. За радостью слѣдовала печаль, что средствъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ, за печалью—соображеніе, что молодость—одинъ разъ въ жизни, и, слѣдовательно, надо ею пользоваться.

На слѣдующее утро, Надежда Сергѣевна опять полетѣла къ сестрѣ, пораньше и застала ее за хозяйствомъ.

— Мнѣ бы хотѣлось завести у себя маленькіе *voisées fixes*, Зина.

— Кто жъ тебѣ мѣшаетъ?

— Знаешь, за-просто. Поговорить, поиграть въ карты. Чай... Что нибудь холодное на ужинъ.

— Съ Богомъ. Это цѣлковыхъ тридцать всякій разъ.

Надежда Сергѣевна замаялась. Тридцать цѣлковыхъ привидѣніемъ стали на дорогѣ ея молодости.

— Ah, c'est triste, Zina!

— Конечно, triste, сказала предводительша, скалившись.— Да въ чему ты это затѣваешь? Кто поѣдетъ? собирать мудрено. Не все равно тебѣ бывать у меня?

Надежда Сергѣевна хотѣла по этому случаю завести рѣчь о своемъ душевномъ состояніи, но сестрѣ было некогда. Зинавду Сергѣевну занимали отвлеченности только въ связи съ чѣмъ нибудь положительнымъ. Когда, говоря о тяжести на сердцѣ, Надежда Сергѣевна помянула имя своего мужа, Зинавда Сергѣевна спросила:

— А развѣ шалить?

— Нѣтъ, но... я о себѣ говорю, Зина!

У Надежды Сергѣевны замаяли слезы.

— Тѣ-то. Я тебѣ и въ деревнѣ говорила, гляди въ оба. Онъ все хорошееть, твой Грегуаръ, тебѣ на бѣду... Какая ты жел-

тая днешъ, Dieu sait, quel teint vous avez, ma chère. Твоего Грегуара, просто, замѣчаютъ, какой хорошенькій. Третьяго-дня у меня вечеромъ онъ былъ; такъ Дугашевичева, пріѣзжая, богачка, знаешь? спросила, кто такой. И, дура, вѣдь, она ахнула: «Ну-ужели женать!!»—Женать, говорю, но это все равно; волочиться готовъ къ вашимъ услугамъ.

Это были все вѣнжалы въ сердце Надежды Сергѣевны. Поздняя жажда молодости сдѣлалась ея мукой, болѣзнь, отъ которой она худѣла и старѣлась. Наряды, плоды долгихъ мечтаній и послѣднихъ денегъ, не достигали своей цѣли, не были замѣчены, не привлекали никого, даже мужа. Подъ добрый часъ, Боровицкій холодно выражалъ нѣчто въ родѣ равнодушнаго одобренія, или поднималъ споръ объ искусствѣ по поводу лишняго банта, а въ нервномъ расположеніи холодно насмѣшничалъ или желчно молчалъ. Когда нужно было ѣхать куда нибудь съ женою, у него почти всегда разбалчивалась голова и онъ запирался у себя въ кабинетъ, или ѣхалъ блѣдный, стиснувъ зубы и молча всю дорогу, а въ обществѣ, куда пріѣзжали, доставлялъ женѣ мученіе другого рода: разговаривалъ съ другими женщинами и оживлялся. Зная, что Сергѣевна отъ души забавлялась, что Боровицкій вѣтренникъ, и нисколько не щутя совѣтовала сестрѣ присматривать за нимъ. Она не знала, какое зло дѣлала этими совѣтами: Надежда Сергѣевна хотѣла жить, наслаждаться жизнью; не удавалось—она таила отъ ревности. Она не любила мужа, но ревновала изъ тщеславія; убѣждаясь съ каждымъ днемъ, что новыя, желанныя побѣды невозможны, она цѣплялась за старое, за свое: если не говорили, что она женщина очаровательная, пусть говорили бы, что она женщина счастливая, не очаровываетъ потому, что не хочетъ, не имѣетъ надобности. Всѣ непривлекательныя женщины добиваются репутаціи счастливицы. О такой репутаціи Надеждѣ Сергѣевнѣ нечего было и думать: хотя она не имѣла ни малѣйшаго основанія упрекнуть мужа какой нибудь исключительной прива-зачностью, но имѣла полнѣйшее право сказать, что ею, женою своей, онъ нисколько не занимается. Надежда Сергѣевна злоупотребила это право и, разъ начавъ, не останавливалась.

— Тебѣ всѣ милѣ меня! выговорила она однажды, дождавшись мужа въ его кабинетѣ между вторымъ и третьимъ часомъ ночи и уходя, потому что онъ, безъ всякой церемоніи, объявилъ желаніе высвататься.

— Упрекать! Какая безтактность! сказала ей вслѣдъ Боровицкій.

На утро Маша была у него. Лаская дѣвочку и заслыша голосъ жены, онъ позвалъ ее.

— Послушай, сказалъ онъ: — ты сама все портишь. Что за упреки? Развѣ ты не понимаешь — насъ связываетъ этотъ ребенокъ (Маша слушала, широко раскрывъ глазки); я тебя уважаю, но твоя мелочность можетъ сдѣлать, что я забуду это уваженіе. Ревнуя, женщина теряетъ собственное достоинство. И любовь-то гдѣ жъ? Едва я позволяю себѣ малѣйшее развлеченіе, а ужъ въ твоихъ глазахъ — извергъ!...

Боровицкій повелъ свою разсѣянную жизньъ съ первыхъ дней, какъ поселился въ Н. Черемшевъ ладилъ съ губернаторомъ, слѣдовательно, отъ чиновника, предводительскаго зятя, не требовалось особенной ревности къ службѣ. Слѣдственные дѣла поручались Боровицкому не въ уѣздѣ, а въ городѣ, и онъ могъ тянуть ихъ сколько хотѣлъ. Онъ пользовался этой свободой. Случалось, что его, какъ говорится, заря вгонить, заря выгонить, а дома, послѣ напрасныхъ ожиданій, обѣдаютъ, пьютъ чай, ужинаютъ и засыпаютъ всѣ, нетолько ожидающій лакей, но и Надежда Сергѣевна, утомленная отъ волненій. Для чего Боровицкій презнакомился со всѣмъ городомъ—онъ и самъ не зналъ. Онъ искалъ, отыскивая удовольствія, но, въ самомъ дѣлѣ, не находилъ его. Это была причина, заставлявшая послѣ неудачныхъ поисковъ сегодня, искать завтра. Все хотѣлось чего-то лучше: козыря, любезничанья, грошовой политики, жирныхъ пироговъ — и это желаніе завело Боровицкаго и въ домъ Деневскихъ. Тамъ, конечно, ничего этого не было. Боровицкій не разсматривалъ, что тамъ было; ему просто понравилось, что единственной живою особѣ въ этомъ домѣ, Настасѣ Михайловнѣ, онъ могъ рассказывать о своихъ убѣжденіяхъ и страданіяхъ.

Надежда Сергѣевна приняла нетолько равнодушно, но презрительно, знакомство мужа съ Деневскими. Она не встрѣчала этого семейства у своей сестры. Встрѣчаясь съ Зинаидой Сергѣевной въ постороннихъ домахъ, Ольга Александровна Деневская постоянно говорила комплименты ея красотѣ и ея нарядамъ.

— Вотъ, залѣзаетъ во мнѣ, сказала Зинаида Сергѣевна сестрѣ: — да напрасно, матушка, безноконтса — не познакомились. У нихъ брысы по гостиной скачутъ, а дочка ея меня зачитаетъ.

Потому, когда Боровицкій спросилъ однажды жену: «Не познакомишься ли ты съ Деневскими?»—Надежда Сергѣевна только покачала плечами.

II.

Утромъ этого праздничнаго дня, Надежда Сергѣевна, пріѣхавшая къ обѣднѣ въ соборъ въ каретѣ съ сестрою, воротилась отсюда въ четверомѣстномъ возкѣ съ m-lle Луаро и дѣтьми. Сама Зинаида Сергѣевна сѣла одна въ свою щегольскую карету и отправилась съ визитами. Надежда Сергѣевна была очень недовольна, что предводительша такъ безцеремонно разсталась съ нею на паперти, предложивъ мѣсто съ гувернанткой. Снѣгу было мало, возокъ плылъ медленно, блестящіе экипажи обгоняли его. И въ самомъ этомъ возкѣ хозяйкой была m-lle Луаро; она сѣла направо, опустила стекла и, смѣясь, кричала проѣзжавшимъ знакомымъ молодымъ людямъ, которые съ ней раскланивались:

— Je garde la couvée, messieurs! Messieurs, voyez l'arche de Noé! Messieurs, à ce soir au bal!

Софи и Жюли посинѣли отъ холода и молчали неподвижны, какъ куколки въ своихъ ватныхъ пелеринкахъ. Машу это очень забавляло, но она не смѣла говорить, глядя на мать. Надежда Сергѣевна нѣсколько разъ кашлянула, но дерзкая гувернантка не опустила стекла. Она высадила m-me Боровицкую съ дочкой и укатила, не дождавшись даже, чтобъ онѣ вошли въ свой подъѣздъ.

Надежда Сергѣевна была готова плакать, еслибъ было время, но въ этотъ вечеръ предстоялъ балъ въ собраніи, и заплакать глаза было бы неразсчитливо. Къ тому же заботъ было много. Надежда Сергѣевна забыла всѣ горести и пришла въ восторгъ, узнавъ, что платье ужъ принесено изъ магазина. Оно было разложено на кушеткѣ въ готическомъ кабинетѣ.

— Матап, вы видѣли? закричала она Аграфенѣ Петровнѣ.

Аграфена Петровна сидѣла въ гостиной, нарядная, одна, приказавъ принимать, кто ее спросить, и досадуя, что никто не спрашивалъ. Она двадцать разъ проходила черезъ готическій кабинетъ и видѣла, что тамъ, но сочла за лучшее откликнуться:

— Чтò такое?

— Платье, мамаа. Посмотрите.

Аграфена Петровна тяжело встала и пошла, чувствуя подступающую припадокъ досады.

— Машенькѣ? произнесла она, остановясь предъ кушеткой.

— Мнѣ, маман... Это въ собраніе.

— Француженка въ чемъ будетъ? спросила Аграфена Петровна, въ особенныхъ случаяхъ такъ называвшая m-Ne Луаро.

— Не знаю.

— Ужь, вѣрно, не въ тру-тру этакомъ, продолжала Аграфена Петровна, не возвышая голоса. — На Зинаидѣ Сергѣевнѣ будетъ орель-д'урсъ бархатное.

— Я вѣдь не имѣю возможности, маман, дѣлать себѣ то же, что Зина. Конечно, контрасть...

— Вы обѣ контрасть, сказала безстрастно Аграфена Петровна, повертываясь, чтобъ уйти. — Всѣхъ одолженій сестры тебѣ я не отплатить никогда. Вонъ, еще тамъ цѣлый картонъ чего-то прислала.

— Ахъ, это цвѣты! вскричала съ восхищеніемъ Надежда Сергѣевна: — она мнѣ дастъ свои фуксіи...

— Съ головы на голову. Точно никто и не догадается, что на тебѣ чужое, разсуждала Аграфена Петровна, показывая, что желаетъ уйти и не уходя.

Надежда Сергѣевна не слушала. Она раскрыла картонъ, Мама кричала къ нему носкомъ.

— Мама, надушено, пахнетъ! вскричала она.

Надежда Сергѣевна набросила ей на голову большой пестрый вѣнокъ.

— Вѣги такъ къ папѣ, возови его ко мнѣ.

Мама завизжала отъ радости и полетѣла.

— Куда, куда? сказала бабушка: — нѣтъ его дома. Онъ заѣхалъ, мундиръ свой долой, и слѣдъ простылъ. Успокойтесь. И дѣвчонка такая же сумасбродная растетъ, заключила она и вышла.

Ни для кого, какъ для Надежды Сергѣевны, не было вѣрно изреченіе, что блаженство—мигъ. Восхищенная своимъ платьемъ, она стала его примѣривать: оно оказалось никуда негодно. Наталья переправить его не могла, сама Надежда Сергѣевна еще меньше. Послали за швеей въ магазинъ. Какъ ни скрывались эти бѣдствія отъ Аграфены Петровны, но она разсичнала сдержанный шопоть и бѣготню и явилась торжествовать горе.

— Что тутъ такое? сказала она. — Отъ меня прячутся, будто я проваженная. Покажи, матушка. Я, кажется, понимаю; сама платья ношу...

Она обходила кругомъ Надежду Сергѣевну, станутую въ версѣ, дрожащую въ бальномъ платьѣ, въ папильоткахъ. Стрѣлочное окно затускнѣло холодомъ, въ готическомъ кабинетѣ было сумрачно, тѣми сѣрными, утренними сумерками, съ которыми непрѣмѣнно соединяется понятіе о запоздаломъ обѣдѣ, голодѣ и домашней ссорѣ. Магазищица отказалась пріѣхать. Швее Зинаиды Сергѣевны сказала, что у нея есть работа, и что придетъ, если только кончитъ. Но ждать было невозможно. Наталья привела какую-то свою знакомую дѣвушку, но Аграфена Петровна по лицу этой дѣвушки видѣла, что она ничего не умѣетъ. Страшнымъ предсказаніемъ, что «все будетъ изгажено и пятьдесятъ цѣлковыхъ плакали» — она терзала слухъ присутствующихъ и сердце своей дочери. Ея саркастическая улыбка, когда оглядывали корсажъ и вкалывали булавки, леденила вдохновеніе швее, и безъ того оробѣвшей. Когда, послѣ двухъ часовъ толковъ, были конченн соображенія и полураспоротое платье сброшено на кушетку, Надежда Сергѣевна, задыхаясь, помертвѣлая упала въ кресло и разразилась рыданіями; ее была лихорадка...

Боровицкій былъ давно дома. Онъ въ это утро сдѣлалъ всего одинъ визитъ къ Деневскимъ и остался имъ доволенъ. Онъ говорилъ себѣ, что «вынесъ изъ него впечатлѣніе». Споръ съ генераломъ вообразился ему подвигомъ, въ десятый разъ повторенныя жалобы на свою судьбу разнѣжили его сердце, и онъ заинтересовался Настасьей Михайловной. Онъ не особенно сильно о ней раздумался, не принялъ въ ней участія, не разбиралъ ни ея семейной жизни, ни ея любви. Онъ, просто, заинтересовался. Онъ подумалъ, что она оригинальна; что, вотъ, была влюблена и перестала; что сердце у нея подточено, а что больно, тѣ интересно.

— У нея драма въ жизни, рѣшилъ онъ вдругъ и обрадовался, что нашелъ такое хорошее слово.

Онъ пріѣхалъ домой и, идя къ себѣ въ кабинетъ, узналъ, что жена мѣряетъ платье, а тѣща тамъ же хлопочетъ.

— Тоже драмы!!... сказалъ онъ, бросая шляпу и въ нее перчатки.

Онъ подумалъ, что драма, вотъ, у него, съ нимъ, что если есть жизнь даромъ загубленная, то это его жизнь. Онъ только что довѣрился этой дѣвушкѣ; она поняла его. Она—существо высокое... Она бы не стала скимзать семьдесятъ-семь портнихъ стягивать ее на смѣхъ цѣлому свѣту. Она встрѣтила бы, она

была бы тутъ, нилая, свѣтлая. У нея прелестные глаза. Вотъ, какъ жизнь ошибается... Тассо говорить, что у судьбы двѣ урны; она вынимаетъ изъ каждой по душѣ и бросаетъ въ мѣръ; душа ищетъ свою чету, и если находитъ — нѣтъ уже силы, которая бы ихъ разъединила... Прелестная мечта!... Но почему жь мечта? Дѣйствительность!...

Боровицкій подошелъ къ своему мольберу. На немъ, какъ всегда, была бумага. Боровицкій взялъ уголь и красный карандашъ, и сталъ чертить женскую голову — портретъ Настасьи Михайловны. Онъ ужь не вспоминалъ ни о какихъ драмахъ жизни, но подумалъ, что ей, вѣроятно, не больше какъ двадцать-два, двадцать-три года, и, улыбаясь самъ, сдѣлалъ улыбку на ея губахъ...

Онъ работалъ, задумывался, мечталъ. Ему становилось какъ-то тревожно и весело. Выраженіе его собственнаго лица переходило на портретъ.

«Могла бы быть и такая»... подумалъ Боровицкій, отдалаясь, чтобы взглянуть. «Да почемужъ ей и не быть такой? почему не любить?»

Онъ поднялъ руку, чтобы продолжать, и вдругъ смутился. Въ комнатѣ стемнѣло. Прелестное лицо въ ярко-черныхъ локонахъ, блѣдное, улыбающееся смотрѣло на него ярко-черными глазами...

— Папа, какая хорошенькая! вскричала Маша. — Ты давно приѣхалъ, нана?

Онъ не замѣтилъ, какъ она приѣжала.

— Обѣдали вы, Маша? Пять часовъ.

— Нѣтъ, не обѣдали. Да я у няни покушала, носикъ подчистила... Ахъ, папа, какая хорошенькая! Это ты сейчасъ сдѣлалъ? Какъ скоро, въ одну минуту!

— Да, Машурка, еслибъ твоего отца, вмѣсто разныхъ «иностранныхъ коллегій», куда готовили да недоготовили, а только, вотъ, такъ пустили по свѣту, еслибъ учили, заставляли заниматься — былъ бы художникъ...

— Да ты бы теперь учился, сказала она.

— Теперь?!... Маша, ты, моя дѣвочка!... Пойдемъ-ка, да попросимъ, чтобы намъ ѣсть дали.

Столъ былъ накрытъ. Аграфена Петровна сидѣла одна въ гостиной, осовѣлая отъ ожиданія. Боровицкій не разглядѣлъ ее при спущенныхъ сторахъ. Онъ постучался къ женѣ. Надежда Сергѣевна вышла, оправляя длинный капотъ, обтянувшій ея худыя плечи.

— Пожалуйте, маменька, сказала она, проходя.

— Куда?... Это обѣдать-то? Матушка, ужь такъ затерѣлись, я думаю, никто и ѣсть не хочетъ, возразила Аграфена Петровна, однако, встала и пошла.

За обѣдомъ, она еще лучше доказывала, что аппетитъ ея не пропалъ. Надежда Сергѣевна была блѣдна и вздыхала. На столъ подали свѣчи; ихъ низкій свѣтъ нарисовалъ во всю стѣну двойную тѣнь головы Надежды Сергѣевны въ папильоткахъ. Боровицкій вапризничалъ и молчалъ; онъ посмотрѣлъ на эту тѣнь и впалъ въ то раздумье о драмахъ жизни, при которомъ уже не можетъ оставаться никакого снисхожденія къ простывшему обѣду. Боровицкій, впрочемъ, протестовалъ только тѣмъ, что ничего не ѣлъ.

— Ты дѣлалъ визиты? спросила Надежда Сергѣевна.

— Такъ что же? отвѣчалъ Боровицкій.

— Гдѣ ты былъ?

— Что за вопросы?

— Развѣ я не имѣю права спросить?

— Но къ чему спрашивать?

— Надѣюсь, это не какая нибудь важность, не тайна?

— Не тайна, но и допросы ни къ чему.

— Допросы! Развѣ я допрашиваю?

— Какъ же это иначе назвать? Гдѣ былъ, у кого былъ? Нельзя двинуться, чтобъ не потребовали отчета.

— Ты, кажется, никому не отдаешь отчета въ своихъ поступкахъ!

— Я, кажется, имѣю на это право.

— Mon Dieu puissant! вскричала Надежда Сергѣевна, сбросивъ салфетку съ колѣнъ на столъ.

— Пожалуйста, безъ сценъ при лелеяхъ, замѣтилъ Боровицкій.

Аграфена Петровна кушала, кончила и вдругъ засмѣялась.

— Матушка, уморительный ты человекъ! сказала она дочери:— еще чего спрашивать? Ну, у Деневскихъ своихъ сидѣлъ, гдѣ же больше!

— Я не зналъ, что я подъ присмотромъ полиціи, сказалъ Боровицкій.

— Это кто же, полиція? спросила Аграфена Петровна:— это, стало быть, я полиція?

— Стало быть!

— Что жъ, я не могу ужь и кучера спросить, моего крѣпостного человека? Вы хотите, чтобъ мои собственные люди ко

мнѣ уваженія не имѣли? Люди-то мои, а не ваши, Григорій Николаичъ, извольте это помнить!

— Но я вамъ не грѣбостной, не забудьте, вскричалъ онъ.

— Grégoire! вмѣшалась жена.

— Это—кабала, невольничество! я завишу отъ вашихъ холопьевъ!

— Своихъ, своихъ заведите!

— Въ домѣ, гдѣ я хозяинъ...

— Хозяинъ? Батюшки мои, онъ — хозяинъ!

— Хозяинъ! повторилъ онъ:—хозяинъ, хозяинъ! мужъ вашей дочери, вотъ, внука ваша! Что жъ, вы хотите изъ меня пѣшку дѣлать? Я имѣю свои средства жить...

— Какія это средства вы имѣете, отецъ мой? курамъ на смѣхъ! Вотъ, дѣвчонка, и той по пальцамъ пересчитать, и та пойметъ...

— Прошу васъ не касаться моей дочери, это не ваше дѣло!

— Какъ, не мое дѣло?

— Не ваше дѣло! Она мнѣ дочь...

— Да, вотъ, она мнѣ дочь, а вы чтѣ съ ней дѣлаете?

— Чтѣ я дѣлаю?

— Какое вы имѣете къ ней уваженіе?

— Какъ, я не уважаю моей жены? Не уважаю моей жены? повторилъ Боровицкій.

— Что жъ, хорошо ваше поведеніе? Ни свѣтъ, ни зари изъ дома...

— Я и вовсе сбѣгу! вскричалъ Боровицкій, и всталъ.

— Mon Dieu! Maman! Grégoire!

Надежда Сергѣевна вскочила тоже. Маша, въ слезахъ, ни жива, ни мертва, не смѣла двинуться.

— Что жъ, счастлива ваша жена? счастлива? Вы ее тираните! Спросите, спросите, каково ей! она не пѣмалъ...

— Maman, mais, au nom du ciel... Grégoire, je vous conjure...

Боровицкій метался по залѣ, отъискивая свою шляпу. Надежда Сергѣевна схватила его за руки, припала на его плечо и кружилась съ нимъ вмѣстѣ; имъ на дорогѣ попался лакей съ блудомъ, незнавшій куда посторониться. Другой, въ эту минуту, растворилъ дверь прихожей: показалась Зинаида Сергѣевна.

— Вы еще обѣдаете? сказала она, не обращая вниманія на сцену, и сбрасывая шубу:—Дина, я къ тебѣ. Ѣдешь ты въ собраніе?

Зинаида Сергѣевна тоже торопилась.

— Здравствуйте, маменька... Ёдешь ты, Дина? Исторія ужасная. Я не ёду. Ты — какъ знаешь..

— Ну, мой другъ, тутъ своя исторія! отвѣтила за всѣхъ Аграфена Петровна:—тутъ, вотъ, грозить изъ дома бѣжать, а сумасбродная твоя сестрица... да вѣжется, я скорѣе всѣхъ сбѣгу...

— Темнота какая у васъ, продолжала Зинаида Сергѣевна, не слушающая и вглядываясь:—Григорій Николаичъ, вы тутъ?

— Здѣсь, отвѣчалъ, подходя, Боровицкій.

— Здѣсь, мой другъ! повторила Аграфена Петровна: — я къ тебѣ съ одной моею, единственной просьбой: дай ты мнѣ уголь у себя, чуланъ какой нибудь...

— Григорій Николаичъ, вы куда уватили изъ собора? спросила Зинаида Сергѣевна, волнуясь своимъ дѣломъ.

— Куда уватилъ!! Вотъ, ты спроси, куда! Все туда же...

— Машан, au nom du ciel...

— Ты чего, матушка? Ну, если пріятно тебѣ...

— Григорій Николаичъ, вы гдѣ же были? продолжала Зинаида Сергѣевна, не желая слушать:—вы, стало быть, не у губернатора обѣдали...

— Очень онъ думаетъ о губернаторѣ!...

— Такъ вы тамъ не были? продолжала предводительша:—тамъ исторія премерзкая. Вашъ губернаторъ—свинья. Это такъ не кончится. Ни я, ни Пьеръ нынче въ собраніе ни ногой.

— Чтò жъ такое случилось? спросилъ Боровицкій, подвигая ей стулъ къ разстроенному обѣденному столу и не сядя самъ.

— Какъ же не случится, помиладуйте! Обѣдъ этотъ официальный... Вашему Полугину деньги отпускаются на эти обѣды, а они дрянъ такая, что Петръ Иванычъ всякій разъ послѣ нихъ лекарство принимаетъ...

— Ужь губернаторъ вашъ! сказала съ упрекомъ Аграфена Петровна: — э, полноте, сдѣлайте милость!

— Что жъ, тошно, что-ли, Петру Иванычу? спросилъ Боровицкій.

— Григорій Николаичъ, я васъ прошу не шутить! вскричала Зинаида Сергѣевна:—я вамъ говорю, какъ родственнику...

— Но вѣдь вы такъ начали, Зинаида Сергѣевна... возразилъ Боровицкій.

— Ce n'est pas l'heure de plaisanter, Grégoire.

— Я говорю, Григорій Николаичъ... вотъ, Дина правду говорить, тутъ шутки въ сторону, тутъ мы всё замѣшаны, тутъ все

дворянство замѣшано. А Полугинъ вашъ, ему хочется ленту схватить только!

— Что жь случилось такое, ради-бога! прервалъ Боровицкій:— ну, былъ обѣдъ, ну, поѣхалъ Петръ Ивановичъ...

— Да вѣдъ ленту вашему Полугину хочется! вскричала Аграфена Петровна.

Зинаида Сергѣевна повернулась-было къ ней, желая рассказывать, но мгновенно сообразивъ, что изъ собесѣдниковъ все-таки толковѣе другихъ Боровицкій, отнеслась опять къ нему.

— Здоровье пили. Ну, царское, какъ водится, ура кричали. Потому, этого Полугина... Пьеръ говорить, что онъ вынесъ это. «Это, говорить, мнѣ всякій разъ на этихъ обѣдахъ щелчокъ въ носъ, что губернатора, пришлеца, здоровье пьети прежде ихъ кореннаго, губернскаго предводителя». Ну, выши; ничего. Вдругъ губернаторъ встаетъ — длинная эта фигура — и: «Здоровье нашего дорогого гостя, полковника Скворещенскаго!» Это вмѣсто мужнина-то здоровья, вмѣсто здоровья предводителю дворянства!...»

Зинаида Сергѣевна задыхалась.

— Полковника Скворещенскаго!... Онъ тутъ за рекрутами, вотъ и все, полковникъ этотъ Скворещенскій, а губернский предводитель дворянства, почетное лицо, въ полномъ мундирѣ, въ бѣлыхъ съ позументами, губернский предводитель сидитъ и ждетъ, и о немъ молчать, и онъ сидитъ-сидитъ, и всѣ пьютъ этого Скворещенскаго, и чокаются, и шумъ...

— Господи Боже мой! воскликнула съ ужасомъ Аграфена Петровна.

— Rivalités de province, замѣтилъ Боровицкій, къ счастью своему неразслышанный.

— Нѣтъ, вы представьте — Скворещенскій!... Этотъ Скворещенскій кланяется, встаетъ, и... этакая свинья! черезъ столъ тутъ же свой бокалъ, чокаться съ Пьеромъ... Пьеръ... ему трудно вставать... долженъ былъ опять встать...

— Это ужасно! сказала Надежда Сергѣевна.

— Вы представьте—ему встать, да еще черезъ столъ тннуться! У Пьера въ депутатскомъ собраніи свое собственное кресло, въ которое онъ едва сѣсть можетъ, а тутъ онъ, для полковника какого-нибудь Скворещенскаго — поднимайся, потому что тотъ удостоилъ свой бокалъ протануть...

— Но, вѣдь здоровье Петра Ивановича пили, я надѣюсь? спросилъ серьёзно Боровицкій.

— Еще бы не пили! вскричала Зинаида Сергѣевна: — пили, потому. Но вы поймите, развѣ это—то? Нѣтъ, я васъ спрашиваю, то-ли это? Оскорбить такъ человѣка...

— Кровно оскорбить! подсказала Аграфена Петровна.

— Вы поймите: я—губернская предводительша; вдругъ, вмѣсто меня, не знаю бы кого, совѣтницу, учительшу, ну, не знаю, куда-нибудь... Вѣдь Пьеръ не человѣкъ, котораго можно третиловать, это—санъ, это священно... Я ему первая говорю... Онъ воротился, ложится, рассказалъ... я ему говорю: Пьеръ, это наша обязанность доказать; въ собраніи быть ни мнѣ, ни тебѣ нельзя... Ты, Дина, какъ знаешь.

— Да нечего, матушка, изъ чего таяться! сказала Аграфена Петровна:—отослать швею эту глупую...

— Какъ себѣ хочешь, Дина, мнѣ все равно. Тамъ пусть хоть на головѣ ходятъ, а Полугинъ вашъ долженъ это раскусить... Вотъ, Григорій Николаичъ, вы объ этомъ человѣкѣ говорили? Начальникъ вашъ! Вотъ что онъ собой доказываетъ?

— Но я совсѣмъ не зналъ Полугина... началъ Боровицкій.

— Не знали? да вѣдь вы служите же у него? Вотъ онъ что! Дрянъ онъ, вашъ Полугинъ! Это теперь исторія на весь городъ. Скворещенскій этотъ поѣдетъ въ свой Петербургъ и будетъ тамъ хвалиться, какъ онъ предводителя дворянства въ тѣнь поставилъ... Нѣтъ, вы мнѣ скажите, Григорій Николаичъ, можно это вынести?

— Кривое оскорбленіе! повторила Аграфена Петровна.

— Я этого никоимъ образомъ не допущу! продолжала Зинаида Сергѣевна: — дура его жена, эта сухотка, я знаю, что я сдѣлаю! Мы къ ней никто ни ногой. Сидѣла она, и вѣкъ сиди съ своими, что у нея на послыхахъ. Кто къ ней поѣдетъ, извольте сказать, къ мадамѣ этой Полугиной? Когда я, губернская предводительша, ее знать не хочу, кто къ ней носъ покажетъ? совѣтницы ея, изъ губернскаго правленія, приказныя ея...

— Позвольте, прервалъ Боровицкій: — моя жена къ ней поѣдетъ.

— Зачѣмъ же она поѣдетъ?

— Боже ты мой!...

— Grégoire!

— Поѣдетъ, потому что это обязанность моей жены.

— Помилуйте вы меня... Дина, матушка, что жъ, ты онѣ-
Т. CLVIII. — Отд. 1.

мѣла, что ли?... Григорій Николаичъ, вы прежде опомнитесь; жена ваша — мнѣ сестра!

— Такъ что же?

— Ну, и не должна она вѣдать!

— Что жь такое, что она вамъ сестра...

— Да что вы дерзости говорите? вступилась Аграфена Петровна: — еслибъ она не была ей сестра, что жь бы такое была ваша жена? взгляните вы... Эхъ, Господи, возмутительно.

— Послушайте, Зинаида Сергѣевна, продолжалъ Боровицкій, повернувшись къ тѣщѣ спиной: — я обращусь къ вамъ, какъ къ умной женщицѣ...

— Мы дуры всѣ, видите ли! отозвалась Аграфена Петровна.

— Вы поймете, потому что вы знаете ваше вліаніе на Петра Иваныча. Въ вашихъ рукахъ все. Это все вверхъ дномъ пойдетъ, если не вы. Женщина съ вашей красотой, вы знаете — тутъ все. Въ этомъ случаѣ, вы и я должны взяться за руки, такъ сказать, отстоять. Вамъ — я родной, у Полугина — я слуху. Я, такъ сказать, звено между вами. Я не долженъ допустить... вы понимаете, тутъ вся губернія полетитъ, если такіа два лица между собой враждуютъ...

— Да что вы говорите! прервала Зинаида Сергѣевна: — такъ, по вашему, губернской предводитель долженъ...

— Ничего онъ не долженъ, я ни о какомъ долгѣ не говорю. Я говорю о декорумѣ...

— О, ты, Господи, мой Владыко! сказавъ, хохоча, Аграфена Петровна.

— Такъ мнѣ, изъ декорума, влакаться Полугиной?

— Ахъ, нѣтъ, Зинаида Сергѣевна...

— Такъ что же «нѣтъ»? Когда мужья въ такихъ отношеніяхъ...

— Но вѣдь это еще неизвѣстно, это еще вперед! Пусть они будутъ въ какихъ угодно отношеніяхъ, вы можете вѣдать, или не вѣдать къ мадамъ Полугиной, но на балѣ сегодня вамъ слѣдуетъ быть...

— Да, Зина!...

— Почему слѣдуетъ?

— Потому... Именно потому, что мадамъ Полугина никогда не можетъ быть тѣмъ, что вы. Тутъ *présentation* нужна, декорумъ. Что за балъ безъ хозяйки? Вы вспомните — это не простой вечеръ, это — царскій балъ.

— Надо быть, Зина, сказала Надежда Сергѣевна.

— Это официальность, какъ хотите, настаивалъ Боровицкій:— служба. Вы на службѣ: вы предводительна. Подумайте, безъ васъ не къ кому примкнуть. Вѣдь отъ васъ все. Вы — свѣтило!

Онъ сказалъ это полшутя, за что Аграфена Петровна наградила его презрительнымъ: «эх!» и обратилась къ дочери.

— Это и я тебѣ скажу, правда, Зиночка. Только это одно и правда. Безъ васъ, другъ мой, всё какъ безъ рукъ. Петра Иваныча не будетъ, танцевать будетъ некому.

— И у аига un parti, Zina, замѣтила Надежда Сергѣевна.

— Да, партія, подтвердилъ Боровицкій. — Служащіе — всё за Полугина... Положимъ, я; но вѣдь я — исключеніе. Какъ же быть вашимъ? Здѣсь много прѣзжихъ изъ деревень; все это — натурально, едва войдетъ въ залу, обратится: гдѣ вы, гдѣ Петръ Иванычъ? Вѣдь это будетъ значить, что Петръ Иванычъ бросилъ ихъ на произволъ судьбы...

— Вы столкните это Петру Иванычу, возразила Зинаида Сергѣевна: — онъ хочетъ завтра въ отставку подать.

— Чтѣ вы! сказалъ Боровицкій, смѣясь нѣсколько самодовольно, между тѣмъ какъ жена и тѣща ахнули въ ужасѣ: — чтѣ это онъ, любезнѣйшій мой? Я его уговорю. Я ему докажу, что для всей губерніи... Нѣтъ, я ихъ помирю!

— Туда же! сказала Аграфена Петровна.

Боровицкій не обратилъ вниманія.

— Нѣтъ, теперь я вижу, это мое дѣло. Я ихъ сведу, я родня Петру Иванычу, служу у Полугина, я ихъ сведу. Это вздоръ. Я готовъ сказать...

— Надо ѣхать въ собраніе, Зина, повторила Надежда Сергѣевна.

— Эта одно свое зарядила! сказала мать.

— Надо ѣхать, подтвердилъ Боровицкій. — Вопервыхъ, безъ васъ тамъ мракъ и заустѣніе. Красавицѣ прятаться нельзя. Платье изъ Петербурга, надѣтъ его слѣдуетъ; ручьи, вотъ эти, на темномъ бархатѣ...

— Ну, вы, вѣтреная голова! прервала Зинаида Сергѣевна, ударивъ его перчаткой: — беретесь, такъ уломайте мнѣ Петра Иваныча, а съ Полугиншей я сама справлюсь.

— Все, чтѣ вамъ угодно. Довезите меня сейчасъ къ Петру Иванычу.

— Поѣдьте, я въ каретѣ. Не отпиргали съ обѣдни. Прощайте, маменька!

Надежда Сергѣевна выбѣжала въ прихожую.

— Zina, ad post du ciel, пришли мнѣ Пелагею; платье мнѣ испортили.

— Хорошо, матушка.

— Эта все свое! сказала Аграфена Петровна, проходя въ гостиную, между тѣмъ какъ Маша, осмѣлая, навонецъ, встать изъ-за стола, потому что всѣ встали, ловила поцаловать ручки бабушки.

III.

Страшная вѣсть, что оскорбленъ губернской предводитель, между тѣмъ, облетала городъ, разносимая бывшими на обѣдѣ. Не всѣ, конечно, съ разу понимали, въ чемъ состояло оскорбленіе; были даже тупоумные, которые не понимали и послѣ толкованій, но къ чести п—скаго общества надо сказать, что немного было этихъ равнодушныхъ. Кромѣ ихъ, всѣ рѣшили, что между губернаторомъ и предводителемъ началась «контра».

Какъ водится во всякомъ мыслящемъ обществѣ, мнѣнія раздѣлились. Они, впрочемъ, были несложны. Одна сторона говорила, что губернаторъ «имѣлъ право», другая — что онъ «не имѣлъ права» — и только. Въ поддержку перваго мнѣнія, нѣкоторые прибавляли: «потому что онъ начальникъ губерніи», въ поддержку втораго — «потому что Черемышевъ — губернской предводитель.» Далѣе разбирательство не шло. Столкнулись двѣ равносильныя, непогрѣшимыя власти, о чемъ прочимъ смертнымъ разсуждать неподобаеть. Въ наше настоящее время, подняли-бы вопросъ о высшемъ сословіи и бюрократіи; пятнадцать лѣтъ назадъ этихъ тонкостей не трогали... Разсматривалось значеніе полковника Сворещенскаго, какъ прикосновеннаго къ дѣлу, но разсматривалось слегка и осторожно, съ нѣкоторымъ страхомъ. — «Ленты захотѣлъ», говорили противники губернатора, но смолкали предъ возраженіемъ, что «рекрутъ ставятъ дворяне и, слѣдовательно, предводитель можетъ поубавить своей сиѣси предъ петербургскимъ полковникомъ...» Такъ возражали, впрочемъ, люди ужъ самыя смѣлые, служащіе и невластвующіе имѣніями въ N-ской губерніи. Они и поставили себя съ-разу въ совершенно враждебныя отношенія съ «партіей» предводителя, между тѣмъ

какъ та партія раздѣлилась на очень горячихъ и умѣренныхъ. Про этихъ послѣднихъ, генералъ Осминниковъ сказалъ, что они хвостомъ влиають — когда Малѣевъ счелъ долгомъ захватить къ нему съ губернаторскаго обѣда, съ свѣжымъ извѣстiemъ о случившемся. Вдвоёмъ, они ругали обонхъ, и Полугина, и Черемышева, за что — не рѣшивъ хорошенько. Въ глазахъ генерала, Полугинъ былъ виноватъ тѣмъ, что онъ «статское превосходительство», а Черемышевъ тѣмъ, что толстъ. Генералъ заеатывался отъ смѣха, когда Малѣевъ представлялъ въ лицахъ официальный обѣдъ.

— Вы, однако, милый мой, осторожнѣе о томъ-то, заключилъ онъ: — длинный шесть все-таки начальникъ вашъ, привяжется, — а въ казармахъ потолоки провалились...

Малѣевъ и безъ того это помнилъ.

Общее затрудненіе было, однако, велико. Несмотря на раздѣленіе на партіи, что, казалось-бы, и опредѣляло образъ дѣйствій и указывало на единомышленниковъ — всякій боялся другого и отдѣльно чувствовалъ себя неловко. Общество привыкло видѣть у себя два свѣтила, вѣровать двумъ богамъ; настала минута, когда сдѣлалось необходимо признать, что одно изъ двухъ затмилось, приносить жертвы и кажденія только одному. Остаться при двухъ, думали зависяще — мудрено; пойдуть *исторіи* — не усидишь. Независимые думали о своихъ свѣтскихъ отношеніяхъ: что дѣлать, какъ себя поставить? «Контра» убивала даже тѣмы простыхъ разговоровъ. Бывать у одного и обѣдать у другаго дѣлалось несовмѣстимо, а между тѣмъ, небывать у одного — невозможно, и необѣдать у другаго — немисливо... «Исторія» сдѣлалась заботой, къ которой ума не приложишь. Въ сумерки, между несчастнымъ обѣдомъ и предстоящимъ официальнымъ баломъ, эта забота расхаживала по пустымъ, тихимъ комнатамъ обывательскихъ домовъ, гдѣ все, казалось, предавалось покою въ ожиданіи удовольствія — но покой былъ обманчивый. Отцы семействъ совѣщались съ супругами, или кряхтѣли, не засыпая, въ своихъ спальняхъ, между тѣмъ какъ супруги совѣщались съ взрослыми дочерьми. Старожилы провинцій могутъ представить яркіе примѣры того, какъ разрабатывались женщинами губернскія общественныя «исторіи». Положительно, ни одна *мѣ* шла мимо нхъ, ни одна не прошла ими неукрашенная, неусложненная до потери своего настоящаго смысла, и ни одна не была ими рѣшена. Оно такъ и слѣдуетъ: пятнадцать лѣтъ назадъ, женщины въ про-

винці помнили, что не женское дѣло рѣшать общественные вопросы. Онѣ довольствовались тѣмъ, что заваривали кашу.

Большинство дамъ было за губернатора: предводительша была слишкомъ хороша собою и слишкомъ дорого одѣвалась. Аделаида Васильевна Полугина была блѣдное, безличное существо съ кучею ребятъ, которыхъ никто не видалъ по причинѣ ихъ хворости и склонности ихъ матери къ экономіи въ нарядахъ. О дѣтяхъ знали только, что они суть, въ чемъ убѣждались, нахватавъ иногда растрепанный букварь въ холодной гостиной губернаторши. Почитательницы говорили, что она «вѣчно съ дѣтьми». Она много молилась, не танцевала и не имѣла положенныхъ вечеровъ. Ея рѣдкіе балы были—тоска смертная, а въ собраніи, куда иногда она ѣздила, ее могли видѣть въ уголку, признавая издали зеленовато-голубое платье и райскую пичку — костюмъ неизмѣняемый. Отъ такой особы нельзя было ожидать удовольствій, почему дѣвицы, при разборѣ «исторій», клонились болѣе на сторону предводительши, забывая даже ея красоту и щегольство, между тѣмъ какъ матери семействъ стояли за экономію, олицетворенную въ видѣ губернаторши. Впрочемъ, нерѣзительность дамъ равнялась нерѣзительности мужчинъ: ни одна не могла опредѣлить заранѣе, какъ будетъ держаться. Часть бала наставлялъ; многія ужъ одѣвались, еще не зная какъ быть и что дѣлать въ собраніи.

Надежда Сергѣевна проводила ужасныя минуты. Едва вышли сестра и мужъ, какъ мать начала ей сцену, за что — мудро объяснитъ, потому что упоминалось безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Последнее негодованіе было на круто-вымощенный подъѣздъ собранія.

— Лошади не втащутъ, рыдванъ твой назадъ откатится, заключила Аграфена Петровна и, хлопнувъ дверью, вышла.

Надежда Сергѣевна и безъ того не разъ плакала, что имѣетъ старыхъ лошадей и старую карету, въ которой можно ѣздить только вечеромъ. Она давно была убѣждена, что Грегуаръ причиною этого несчастія... да и всѣхъ несчастій! Тѣмъ болѣе показался ей необходимъ свѣтъ, блескъ и этотъ балъ, этотъ балъ, котораго она ждала, на которомъ имѣетъ право сѣсть ея сестра, и въ которомъ хотять отказать ей, затворницѣ!... У нихъ ссоры; что ей за дѣло до ихъ ссоры? ей нуженъ свѣтъ, балъ, очарованія...

Едва ушла мать, Надежда Сергѣевна бросилась мѣрять свое платье. Судьба сжалась надъ нею: оно «сидѣло» восхитительно. Въ зеркалѣ отразился тотъ станъ сальфиды, который нѣкогда производилъ фуроръ въ п-свомъ обществѣ, а восемь лѣтъ назадъ плѣнилъ юношу Боровицкаго.

— Trente-cinq ans... прошептала Надежда Сергѣевна, но и это размышленіе не могло прогнать ея веселой улыбки.

Капля счастья—я женщина хорошѣе, это неоспоримо. Потому и не дурнѣютъ хорошенькія эгоистки.

Довольство своей наружностью разбудило въ Надеждѣ Сергѣевнѣ нѣчто въ родѣ вкуса: она примѣрила вѣнокъ, присланный сестрою, и догадалась, что онъ негодится. вмѣсто рогатыхъ красныхъ фуксій, Надежда Сергѣевна выбрала длинное голубое перо en saule pleurant, чтѣ съ длинными локонами, при воздушномъ платьѣ, будетъ поэтично. На письменномъ столѣ лежала записная бальная книжечка, перламутровая съ бронзой. Надежда Сергѣевна отмѣтила въ ней тонкимъ карандашомъ:

— Troisième contredanse.—Maleïeff.

Вздохнувъ, что некого больше записать, Надежда Сергѣевна взглянула на часы, задула свѣчку и прилегла отдохнуть.

Боровицкій, между тѣмъ, какъ онъ называлъ это—одерживалъ побѣду. Онъ, какъ другіе, былъ пораженъ ссорой властей; ему, какъ другимъ, мелькнула мысль, что изъ этой ссоры можетъ пойти кутерьма по всей губерніи, чему есть примѣры въ исторіи всѣхъ губерній — но все это заинтересовало его какъ-то иначе нежели другихъ, какъ-то отвлеченно. Онъ совершенно забывалъ, что схватка, въ случаѣ если пойдетъ посильнѣе, коснется его навѣрное, и скорѣе всѣхъ; онъ распоряжался «исторіей», будто домашнимъ спектаклемъ... Дорогой въ Черемшеву, онъ нѣсколько разъ поцаловалъ прекрасныя ручки своей belle-soeur, толкая ей, что она обязана быть на балѣ, потому что красавица. Зинаида Сергѣевна всегда искренно смѣялась надъ любезниками, но любила, чтобы съ ней любезничали; за поцалуи ручекъ, она выдрала Боровицкому уши и обѣщалась пожаловаться Диночкѣ, чего, однако, не была намѣрена дѣлать. Боровицкій не опредѣлялъ себѣ хорошенько, на чтѣ присутствіе Черемшева на балѣ казалось ему необходимо. Онъ говорилъ только: «необходимо, предлогъ сойтись, переговорить, объясниться; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; ну, сядутъ играть вмѣстѣ»...

Боровицкому не входило въ голову, что они могут не състь играть вмѣстѣ. Несмотря на то, что считалъ для себя обидой даже названіе провинціала, нетолько подозрѣніе въ провинціаль-ныхъ замашкахъ, Боровицкій самымъ провинціальнымъ образомъ вѣрвалъ нераздѣльно въ губернатора и предводителя. Разрывъ между ними.... Боровицкій не могъ прибрать и слова, что это такое.

— Они должны сойтись, и я сведу ихъ, рѣшилъ онъ.

Это оказалось не такъ легко, и Боровицкій и не оглянулся, какъ измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, забылъ свои планы, перешелъ на сторону одного предводителя, непобуждаемый къ этому никакими новыми резонами и обстоятельствами, и сталъ дѣйствовать въ этомъ духѣ. Это случилось неволью, незамѣтно для самаго Боровицкаго.

Петръ Ивановичъ былъ такъ страшно разгнѣванъ, что одинъ видъ его въ мнуну останавливалъ всякія соображенія, нетолько разговоры, и тѣмъ болѣе—вразумленія. Это былъ гнѣвъ спокойный, неподвижный, давящій всей своей массой. Петръ Ивановичъ говорилъ, по обыкновенію, кратко, даже не умножалъ ругательныхъ эпитетовъ, но его губы были сини, а въ голосѣ слышалась хрипота. Боровицкому одну секунду мелькнула мысль позвать доктора, но прошла, только убѣдивъ сильнѣе, убѣдивъ окончательно, что Петръ Ивановичъ страшно ескорбленъ.

— Вотъ, братецъ, какъ подкапываются! выговорилъ Петръ Ивановичъ, увидя его. — Полюбоваться пришелъ на дѣла своего начальника? Въ прахъ человѣка стерли!

Боровицкому оставалось только протестовать, что онъ нисколько не любитъся, а за тѣмъ — раздѣлить справедливое негодованіе Петра Ивановича на его врага. Достоверно, что въ этой исторіи, слово «врагъ» было произнесено первымъ Боровицкимъ: онъ увлекся. Но слово было рѣшительное. Послѣ него было уже невозможно отрицать, что подъ Петра Ивановича подкапываются, и что затѣмъ все трехлѣтіе до будущихъ выборовъ должно быть періодомъ придирокъ и отставаній, и на выборахъ «будутъ рѣзаться». Это становилось несомнѣнно. Въ такомъ положеніи дѣла, человѣку съ значеніемъ и личными достоинствами Петра Ивановича, можно дать одинъ совѣтъ: дѣйствовать энергичнѣе и не давать себя стирать въ прахъ.

— Вамъ необходимо ѣхать въ собраніе, сказалъ Боровицкій:— чтобы Полугинъ не могъ вообразить, будто вы прачетесь. Ваше

дѣло — выказаться. Передъ вами носъ подъяи, поднимите голову.

Конечно, въ сравненіи съ прежними затѣями примиренія, это было то же, что небо и земля, но Боровицкій говорилъ искренно. Будто ниспосланные судьбами ему на помощь, явились двое господъ: одинъ — уѣздный п-скій предводитель, другой — депутатъ дворянскаго собранія — навѣститъ Петра Ивановича послѣ случившагося. Визитъ этихъ господъ доказывалъ, на чьей они сторонѣ. Но какъ провинціалы — чему въ душѣ улынулся Боровицкій — они не знали, какъ держаться, вошли повѣся голову, осторожно, будто въ комнату больного, сконфуженные. Боровицкій зналъ изъ древней исторіи и новѣйшихъ событій, чего иногда стоить одна минута нерѣшительности.

— Какъ я радъ! сказалъ онъ, вставая на встрѣчу входящимъ и подавая имъ руки, хотя съ однимъ былъ вовсе незнакомъ. — Я предчувствую, вы мнѣ поможете. Вы знаете дѣло — наше общее дѣло...

Гости смотрѣли на него съ изумленіемъ, и тихо здоровались съ хозяиномъ. Боровицкій спѣшилъ не давать остыть минутѣ.

— Помогите мнѣ, господа, поддержать энергію Петра Ивановича. Это проществіе такъ его возмутило...

— Ничего, братецъ, оно меня не возмутило, прервалъ Петръ Ивановичъ: — я гвалту не люблю, только, а какая тамъ энергія! Ну, рѣзаться, чортъ ея возьми, такъ рѣзаться! я и безъ тебя знаю!

— Мы затѣмъ и спѣшили къ вамъ, началъ уѣздный: — чтобы узнать, какія мѣры принять, на счетъ, если... чтобы дѣйствовать единодушнѣе....

— Конечно, единодушнѣе, подтвердилъ Боровицкій: — во первыхъ, всѣмъ сонмомъ въ собраніе.

— Ъхать-ли? спросилъ Петра Ивановича депутатъ.

— Ъхать-съ, изрекъ Петръ Ивановичъ: — я самъ ѣду. Я не на балъ ѣду, не Полугинъ тамъ хозяинъ. Я къ царю ѣду — царскій балъ.

— Я слово въ слово говорю это! вскричалъ Боровицкій. — Но я говорю еще, что съ вашей стороны это будетъ... это будетъ... (онъ искалъ выраженія) это будетъ... démonstration...

— Какой тамъ вздоръ еще, прервалъ Петръ Ивановичъ: — просто, должно быть дворянство. Потому что въ лицѣ моемъ дворянство. Я оскорбленъ, такъ и жена моя оскорблена, и ты, и онъ, и всѣ.

— Ну, что же я и говорю... началъ Боровицкій.

— Такъ и рѣшено, господа, быть, заключилъ Петръ Ивановичъ: — а потомъ ужъ Полугинъ держи ухо востро. Я всегда такъ признателенъ за честь, которую мнѣ сдѣлало дворянство, избрало меня, что всегда поддержу, куда силъ моихъ станетъ...

— Борьба нужна... вступился Боровицкій.

— Такъ и скажите вашимъ, и всѣмъ, продолжалъ Петръ Ивановичъ: — и я, и жена всегда готовы...

— Дворянство на васъ смотритъ, сказалъ уѣздный.

— И соображается, прибавилъ депутатъ.

— Но это слѣдуетъ выказать, господа! прервалъ Боровицкій: — вышшимъ баломъ, господа, ничего не доказывается!

— Какъ, ничего не доказывается?

— Какъ же, братецъ, сейчасъ ты одно говорилъ...

— Я говорилъ... Вы сами признали, что балъ офиціальнй, царскій...

— Ну, да!

— Конечно!

— Слѣдовательно, быть тамъ — вашъ долгъ...

— Ну, долгъ! Мы безъ тебя знаемъ...

— Слѣдовательно, вы этимъ доказываете Полугину только, что вы не скрываетесь, что вы... такъ сказать... не потерялись...

— Ну, да. Ну, что жъ еще?

— Этого мало, господа. Надо выразить еще другое. Позвольте мнѣ объяснить... Вамъ слѣдуетъ... Петръ Ивановичъ въ главлѣ общества... Это надо выразить сильнѣе. Мнѣ неловко говорить въ глаза, въ особенности — родному, но вы знаете все уваженіе, которымъ пользуется Петръ Ивановичъ, его заслуги... Сегодня онъ оскорбленъ, это надо заглядить, такъ сказать, вознаграждать... дать ему завтра обѣдъ въ клубѣ!

Гости переглянулись.

— Да-а, ты, вотъ, что... произнесъ Петръ Ивановичъ. — Это было бы мнѣ пріятно.

— Непремѣнно, подтвердилъ, одушевляясь, Боровицкій: — по подпискѣ, сколько есть дворянства въ городѣ, и не позже какъ завтра. Господа, если только ваше расположеніе къ Петру Ивановичу точно искреннее...

— Безъ всякаго сомнѣнія! Какъ можно! заговорилъ гости.

— Я не принуждаю, не требую, сказалъ Петръ Ивановичъ: — но если господа дворяне желаютъ, я ихъ не стѣсняю...

— Дворяне желаютъ! вскричалъ Боровицкій: — и я, какъ дворянинъ п—ской губерніи...

— Обѣдъ, обѣдъ непремѣнно! рѣшилъ уѣздный.

— И здоровье пить уже по настоящему, прибавилъ депутатъ.

— И качать! заключилъ Боровицкій. — Вотъ это будетъ какъ слѣдуетъ! Докажемъ, господа, что мы не сробѣли...

— Я буду имѣть удовольствіе отблагодарить, сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство...

— Обѣдомъ, или баломъ, какъ пожелаетъ дворянство.

— Баломъ! сказалъ Боровицкій: — задайте намъ балъ на славу, дорогой мой Петръ Ивановичъ. А предъ нынѣшнимъ, позвольте мнѣ выпастыся... До свиданія.

Онъ пережалъ всѣмъ руки, и вышелъ изъ кабинета. Въ загѣ встрѣтилась ему m-lle Луаро. Она была въ пенъюрѣ, тоже одишная предъ вечеромъ.

— Поблагодарите меня, сказалъ ей Боровицкій: — еслибы не я, вамъ бы не танцовать сегодня.

— *Vous n'avez rien? Merci.*

— А почему-бы мнѣ и не сдѣлать этой жестокости, не удержатъ всѣхъ и васъ дома?

— За чтò?

— Чтò жъ я выигрываю изъ того, что вы веселитесь? Вы на меня не обращаете вниманія.

— Oh, m-r Bogovitzsi, je le dirai à votre femme!

— Вы слишкомъ добры для этого, возразилъ онъ и, самъ не зная зачѣмъ, дружески пожалъ ей руку.

Онъ былъ какъ-то особенно настроенъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ жажду дѣятельности; какъ-то общественное дѣло начало мерещиться ему въ этой «исторіи». Вечеръ былъ темный, наволочный, съ морозомъ, улицы пусты, только дворники хлопотали, зажигая убогую иллюминацію, и мальчишки вертѣлись около площаекъ. Боровицкій шелъ, не находя извощика. Ему мечталось. Онъ былъ радъ, что, вотъ, чтò-то разгорится и въ этомъ городѣ, и въ этомъ обществѣ. Общество, стало-быть, способно проснуться. Оно понимаетъ свои права. И оно единодушно: стоило намекнуть, что оно оскорблено—оно возстаетъ. И эти люди несколько несмѣшны. Какъ это, все находятъ смѣшнымъ? Когда русскіе сочтутъ себя за что-нибудь серьезное? Развѣ не вездѣ все точно такъ дѣлается? Вотъ, теперь, напримѣръ, все серьезное затро-

нуто, и губернаторъ, и предводитель; готовится овація... Вотъ, городъ покуда тихъ, а часа черезъ два оживится, загремятъ кареты... движеніе. Женщины, нарядныя, прекрасныя, забываюсь, полетать веселиться, между тѣмъ какъ мужья...

— А вѣдь въ собраніи надо быть въ мундирѣ, прервалъ самъ себя Боровицкій... Какой вздоръ! Въ черномъ фракѣ. Разшвыныхъ тамъ много будетъ; рады случаю.

Боровицкому вспомнились эти мундиры, какъ они были утромъ, въ соборѣ, накрахмаленные бѣлше галстуки, маленькія шпаги, носы, посинѣвшіе отъ холода. Явственнѣе всѣхъ, всѣхъ забавнѣе вообразился Черемышевъ.

— О, премудрая голова! мысленно воскликнулъ Боровицкій.— Да какъ-же досадно, что не былъ я на этомъ обѣдѣ, не видалъ, какъ баринъ оскорбился! Надо его вознаградить, накормить... Но на дворянскомъ обѣдѣ буду же я, и я — не я, если его не будутъ качать. Это надо сошкольничать.

Его раздумье о пробужденіи общества разлетѣлось. Онъ проходилъ въ эту минуту мимо гостиницы, гдѣ жилъ полковникъ Свворещенскій. Подъѣздъ былъ освѣщенъ, входъ смотрѣлъ привѣтно. Боровицкій почувствовалъ себя вдругъ какъ-то молодо, весело, и захотѣлъ посмѣяться съ молодымъ человѣкомъ своихъ лѣтъ. Къ тому же, Свворещенскій былъ не провинціалъ, а петербургскій пріѣзжій, передъ которымъ провинціальное общество, и само конфузясь, и его конфузя, держалось на вытяжѣ. Боровицкій былъ изъ числа немногихъ избранныхъ, позволявшихъ себѣ нѣкоторую неперемонность. Онъ вошелъ въ номеръ Свворещенскаго. Полковникъ отдыхалъ и курилъ.

— Боровицкій, будете моимъ визави сегодня? спросилъ онъ, едва увидѣлъ гостя.

— Не буду, отвѣчалъ Боровицкій: — не до кадрилей, заботы много. Вы мнѣ надѣлали заботы.

Онъ тоже зажегъ сигару и легъ на другой диванъ.

— Чтò такое? спросилъ Свворещенскій, смѣясь, потому что въ тонѣ Боровицкаго слышалась шутка.

Боровицкій былъ въ духѣ смѣяться и смѣшнить. Онъ разсказалъ всѣ предводительскія волненія, не щадя не только родственника, но и прекрасную родственницу. Сказавъ, въ заключеніе, что дворяне дадутъ обѣдъ Черемышеву, онъ прибавилъ:

— А вамъ непремѣнно надо подняться, и тоже быть. Это будетъ всего курьезнѣе: обѣдъ на зло вамъ, а вы явитесь.

— Непремѣнно! сказалъ Скворещенскій: — вѣдь отказать мнѣ въ правѣ подписаться никто не можетъ.

— Еще бы!

— Вы и дамъ позовите.

— Э, на что вамъ барыни! возразилъ Боровицкій.

Онъ чувствовалъ себя въ эту минуту отчаяннымъ кутилой, можетъ быть, оттого, что Скворещенскій былъ сентиментальнаго нрава, что бросало въ противоположность, и можетъ быть, отъ внезапной мысли, что пора идти домой, гдѣ есть жена и тѣща. Оживленность Боровицкаго вызвала въ свою очередь у полковника еще большую мечтательность.

— У васъ хорошенькая жена, замѣтилъ онъ, прерывая веселые рассказы Боровицкаго: — не ревнива?

Боровицкому было пріятно, что похвалили жену; имѣть не-красивую жену какъ-то совѣстно.

— Ревнива! повторилъ онъ, и засмѣялся: — какъ же, не ревнива!... голова горячая.

— Очень хорошенькая, повторилъ Скворещенскій: — такая поэтичная. *Une charmante femme.*

Боровицкій былъ въ духѣ смѣяться и насмѣшиваться, но удержался въ пору. У него мелькнула мысль, что вниманіе петербургскаго пріѣзжаго въ провинція считается яснымъ, что его женѣ будутъ завидовать, если Скворещенскій будетъ любезенъ съ нею... Ну, и пускай завидуютъ. Можетъ быть, и семейная жизнь отъ этого пойдетъ полегче...

Скворещенскому показалось, что Боровицкій задумался.

— А вы, ревнивы? спросилъ онъ.

Боровицкій усмѣхнулся, выпустивъ клубокъ дыма къ потолку.

— Я семь лѣтъ женатъ, отвѣчалъ онъ.

— Однако...

— Ревность — предразсудокъ. Я человекъ безъ предразсудковъ. Въ извѣстныхъ лѣтахъ, я допускаю извѣстную степень свободы.

— Въ извѣстныхъ лѣтахъ... *Et quel âge a votre femme?*

— *Mais... vingt-six, sept ans,* отвѣчалъ Боровицкій, почему-то не желая объявить настоящаго возраста Надежды Сергѣевны.

Скворещенскій много читалъ Бальзака. Какъ-то случалось, что большинство читателей Бальзака только и останавливалось, что на «тридцати годахъ» его героинь; одни смѣялись, другіе принимали къ свѣдѣнію. Скворещенскій былъ изъ числа послѣднихъ и, вообще, очень любилъ романы.

— Votre femme est poète? продолжалъ онъ разспрашивать.

— Кто вамъ сказалъ? спросилъ Боровицкій.

— Она сама. Она мнѣ говорила. Мы разговорились съ ней у madame Черемшевой. Une femme poète... Я тоже далеко отъ предразсудковъ о женщинахъ думать. Поезія въ женщинѣ — рѣдкость... Она много пишетъ?

— Не знаю... До замужества писала, отвѣчала, зѣвнувъ, Боровицкій.

— А потомъ?

— Потомъ перестала.

— Почему же?

— Кто жъ ее знаетъ! Замужемъ какая ужъ поезія.

— Ахъ, Боровицкій, я васъ не понимаю!

— Чего?

— Вы говорите, что вы безъ предразсудковъ! Но, стало-быть, ваше мнѣніе о женщинахъ-писательницахъ...

— Вотъ, видите-ли, толковать долго, прервалъ Боровицкій, вставая: — некогда. Я скажу только: règle générale: ни одна писательница не умѣетъ ни танцевать, ни одѣваться...

— Пойдите, пойдите, вскричалъ Свирещенскій, вида, что онъ собирается уйти: — а Дельфина? Qu'il est doux d'être belle...

— Alors qu'on est aimée, досказалъ Боровицкій, взявъ палецъ: — точно такъ, но такіа вещи бывають гдѣ-нибудь въ другихъ мѣстахъ, а не въ нашихъ губерніяхъ. А вотъ часа черезъ полтора, пойдетъ писать губернія, такъ надо просматься. Если будете плясать, ищите себѣ визави, мнѣ некогда.

Онъ ушелъ.

Свирещенскій остался въ размышленіи о поэтической женщинѣ, одаренной талантомъ и легкомысленнымъ мужемъ. Онъ сообразилъ, что если она и ревнива, то это ужъ не любовь, а тагъ, волненіе, отъ пустоты жизни, отъ скуки. Онъ сообразилъ еще, что только половина ноября, что въ N. ему должно пробыть еще довольно, и что заваться ему ровно нечѣмъ. Кстати, ему припомнился п-скій гарнизонный командиръ, в кое-какіе счеты по этому случаю...

Надежда Сергѣевна въ это время почивала, ей грезились побѣды. Еслайбъ она могла предчувствовать, какъ скоро должны осуществиться эти сладкіа грезны!...

В. Брестовскій.

ТАЙНЫ ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ НЕАПОЛЬ.

ЗАПИСКИ ЭНРИКЕТТЫ КАРАЧЧОЛО.

(Изъ рода князей Форинно, бывшей монахини бенедиктинскаго ордена).

Votum feci,
Gratiam accepi.

1 (Я дала обѣтъ и приняла благодать).

Х.

Большое постриженіе.

Годъ моего послушничества былъ для меня годомъ спокойствія, если не вѣрнѣе сказать—нравственнаго забвѣнн. Прошлое умерло для меня, будущее тоже; воспоминанія были уже тщетными грѣзами, надежды — преступленіемъ.

Оторванная навѣки отъ друзей, разлученная съ родными, съ которыми мнѣ позволялось видѣться только разъ въ мѣсяцъ, по многимъ причинамъ чуждая даже подругъ, раздѣлявшихъ мое заточеніе, я, однакоже, чувствовала себя, если не счастливой, то, по крайней мѣрѣ, спокойной. Душа моя, углубившись, сосредоточившись сама въ себѣ, мало по малу создала себѣ особый монастырь внутри самаго монастыря, служившаго мнѣ темницей; и въ оградѣ моего невидимаго убѣжища, въ которомъ я вела такую уединенную жизнь, я бы была еще спокойнѣе, еще счастливѣе, окруженная немногими моими книгами, погруженная въ созерцаніе и размышленіе, еслибы каждое посѣщеніе моихъ родныхъ не напоминало мнѣ объ утраченной свободѣ, еслибы монахини своей пошлою болтовней, своими ревностями, и мелочными дразгами не дѣлали мое заточеніе тягостнѣе для меня.

Я много часовъ проводила на хорахъ, въ молитвѣ: вѣра поддерживала меня. На меня была возложена обязанность созывать монахинь на хоры, звоня въ колокольчикъ, но я скоро отдѣлялась отъ нея. Большую часть дня я проводила одна въ своей комнатѣ, или въ залѣ послушницъ, или въ бесѣдѣ съ наставницей послушницъ, безмолвно и терпѣливо слушавшей мое чте-

ніе. Эта добрѣйшая женщина, которой было подь шестьдесятъ лѣтъ, сильно привязалась ко мнѣ. Называли ее Маріанной, но я говорила ей «тѣтя», какъ нерѣдко, изъ уваженія, въ молодости называютъ старшихъ себя. Не знаю — разочаровалась ли она въ духовникахъ, или никогда не питала особенной любви къ нимъ? Вѣрно то, что она порицала монастырскіе скандалы и скорбѣла о гнусныхъ дѣлахъ совершавшихся между нами. Сходность ея образа мыслей съ моимъ, и привязанность, которую она показывала мнѣ, привязанность превышающая расположеніе ко мнѣ настоящей моей тѣтки, были причиною тому, что я относилась къ ней съ истинно дочерней нѣжностью.

Въ нашемъ монастырѣ водилось, чтобы въ торжественные праздничные дни, или въ день именинъ наставницы или послушницы, первая дѣлала послѣдней какой-нибудь подарокъ. Такъ какъ пріятельница моя была очень богата, а я находилась въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, потому что не получала никакого содержанія, не внеся еще вполнѣ мое приданое, то она обыкновенно дарила меня деньгами, причемъ она выказывала неподражаемую деликатность. Кромѣ того она не выносила, чтобы обо мнѣ при ней было сказано дурное слово, хотя бы даже косвенно. Такъ однажды аббатисса созвала сестеръ, чтобы провзнести передъ ними увѣщательную рѣчь относительно безпорядковъ, приводившихъ общину въ смятеніе, и заключила свою проповѣдь, обращаясь къ молодымъ монахинямъ со слѣдующими словами:

«— Вы, вы однѣ погубили общину! Мы, старухи, въ свое время не знали ни раздора, ни ненависти, ни ревности, ни зависти: вы же, ничѣмъ не богатая, какъ только эгоизмомъ и надменностью, вы заразили монастырь междоусобной войной!

«— Только ужъ мою-то послушницу сюда не примѣшивайте! воскликнула Маріанна. — Она застала монастырь уже зараженнымъ. Хорошо, еслибы всѣ были такъ же тихи, послушны, благочравны какъ она, и такъ же уважали уставъ!

Увы! предпочтеніе ко мнѣ наставницы только дѣлало мнѣ враговъ! Рѣче всѣхъ показывала мнѣ свою антипатію извѣстная уже Паолина, ставшая во главѣ цѣлой консортерин воспитанницъ; она преслѣдовала меня по какой-то особенной, чисто-монашеской потребности—кого нибудь ненавидѣть; воспитанницы же извалили меня за то, что я была послушницей, слѣдовательно одной степенью выше ихъ.

Около восьмага мѣсяца моего послушничества, моя добрая наставница и подруга опасно занемогла: недолго мнѣ было суждено наслаждаться спокойствіемъ. Меня всегда поражалъ болѣз-

ненный цвѣтъ ея лица, но мнѣ, такъ же какъ и другимъ, было неизвѣстно, какой именно болѣзнью страдала она. Сильная лихорадка, уложившая ее, наконецъ, въ постель, сопровождалась зловѣщими симптомами. Съ перваго же дня, болѣзнь ея, хотя и была объявлена смертельною, осталась неразгаданною докторами. Она, очевидно, имѣла воспалительный характеръ, но, повидимому, были затронуты и самая внутренность, и вообще главные жизненные органы. Вскорѣ затѣмъ она лишилась языка, и не имѣла уже возможности говорить, жестами подымала меня ближе къ себѣ, и съ раздрающимъ воплемъ указывала мнѣ на свою грудь, какъ-бы ища помощи противъ страданія, котораго мнѣ не удавалось отгадать. Въ моемъ желаніи какъ нибудь разъяснить, чего ей хочется, я не разъ пробовала развязать тесемку, на которой сорочка собиралась около самаго горла больной; но одна изъ бѣлицъ, неотходившая отъ ея изголовья, постоянно отстраняла мою руку.

«— Ей негѣсно, говорила она: — не суйся не въ свое дѣло.

Однажды, когда больная снова тоскливо порывалась сорвать сорочку со своей груди, мнѣ показалось, что подъ ней виднѣлась какая-то перевязь.

«— Что это за перевязь? спросила я у бѣлицы.

«— Она всегда носитъ ее, отвѣчала та, вспыхнувъ.

«— Да ей, можетъ быть, отъ нея душно: лучше развяжемъ.

«— Ненужно, возразила бѣлица, грубо отодвигая мою руку: — не въ свое дѣло не мѣшайтесь!

Я подозрительно взглянула на нее, и тотчасъ же смекнула, что ее заставляетъ такъ дѣйствовать какая-нибудь скрытая цѣль, тѣмъ болѣе, что грудь умирающей издавала невыносимый запахъ. Неспособная пренебречь голосомъ человѣколюбія, я тотчасъ побѣжала къ смотрительницѣ лазарета, и сказала ей, что необходимо позвать доктора, чтобы онъ приехалъ снять перевязь съ больной, что и было исполнено, не взирая на жалобы бѣлицы и сердитые взгляды, которые она искоса бросала на меня. Оказалось, что половина груди была разѣдена ракомъ! Докторъ Лукарелли, впоследствии посѣтившій больную, и узнавшій объ этомъ, въ негодованіи объявилъ бѣлицѣ, что она совершила умышленное убійство, утаивъ истинную болѣзнь Маріанны. А причина, по которой больная и бѣлица скрывали эту ужасную болѣзнь, была самая вздорная: моя наставница боялась, что монахини, если онѣ узнаютъ о ея болѣзни, изъ брезгливости или изъ страха заразиться, запретятъ ей отдавать свое бѣлье въ общую стирку! Бѣлица же отъ нея получала особое жалованье, съ тѣмъ, чтобы хранить ея тайну.

На слѣдующій же день, Маріанна отдала Богу душу. Погребеніе монахинь совершается очень просто. Въ монастырь вступаютъ при звукахъ военной музыки и взрывъ хлопнувшей, въ темную могилу сходятъ безъ пышныхъ проводовъ. Умершиа замигала мнѣ мать, и я вшпросила позволеніе помогать при опущеніи ея останковъ въ могилу. Вѣчная ей память!

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ сама аббатисса исполняла обязанности наставницы. Она тоже очень меня любила, что, впрочемъ, только увеличивало вражду ко мнѣ ревнующихъ меня молодыхъ монахинь и воспитанницъ. По истеченіи этого срока, наставницей была сдѣлана другая Карачоло, женщина лѣтъ шестидесяти, суетная, хитрая, лицемерка, и пристрастная въ священникамъ до фанатизма. Хотя ей были вполнѣ извѣстны всѣ тайные скандалы, но, какъ истинно примѣрная наставница, она заставляла меня исповѣдываться ежедневно. Каноникъ, съ своей стороны, радовался моему душевному спокойствію; только онъ упорно утверждалъ, что спокойствіе это, въ которомъ я сознавала только покорность безвозвратно совершившемуся факту, есть дѣйствительное призваніе.

Между тѣмъ приближался конецъ моего годоваго послушничества и день большаго постриженія. По этому случаю мнѣ необходимо было имѣть 1,800 дукатовъ въ видѣ приданаго, да еще 700 на расходы для обряда; изъ этихъ денегъ, какъ и при первомъ постриженіи, мой духовникъ долженъ былъ получить 80 дукатовъ, въ видѣ подарка, и соотвѣтствующую сумму нужно было положить на *complimento* (подарокъ) и монахинямъ. Словомъ, круглымъ счетомъ мнѣ нужны были 3,000 дукатовъ. Такая сумма превосходила средства моей семьи, и во мнѣ снова зародилась слабая надежда на какую нибудь счастливую случайность, но и этотъ исходъ былъ мнѣ закрытъ: капитулъ согласился принять меня съ меньшимъ приданымъ, что было мнѣ въ высшей степени неприятно, такъ-какъ я, между прочимъ, знала, какимъ тяжелымъ униженіемъ подвергалась одна изъ монахинь, принятая совсѣмъ безъ приданаго. Дѣйствительно, и я не замедлила испытать горькія послѣдствія такого снисхожденія.

Одна монахиня, по имени Тереза, сестра вышеупомянутой Паолины, вздумала выжить меня изъ небольшой комнатки, отведенной мнѣ тѣтками, подъ тѣмъ предлогомъ, будто она слишкомъ роскошна по моему приданому. Синьора Тереза, гордая и повелительная барыня, воображала, что для ея воли не существуетъ препятствій; когда же я отказалась повиноваться ей, она стала искоса на меня поглядывать, потомъ перестала кланяться, а наконецъ и говорить со мной; сестра же ея еще пуще прежняго

восненавидѣла меня, и всѣ монахини и воспитанницы ея клики наперерывъ подражали ея примѣру. Однажды я въ дортуарѣ встрѣтилась съ бѣлицей, служившей обѣимъ сестрамъ; она имѣла дерзость остановить меня.

«— И вы осмѣлились, нанустилась она на меня, размахивая руками не хуже послѣдняго ладдароне:—и вы осмѣлились отказать моеѣ госпожѣ въ требуемой комнатѣ! Да знаете ли вы, что она и сестры ея внесли въ монастырь не одно приданое и не два, а цѣлыхъ четыре, да не половинныхъ, а полныхъ, и что, слѣдовательно, онѣ здѣсь хозяйки какъ ни одна монахиня? А вы—дочь ослдата, называвшаяся сюда безъ состоянія, безъ наличныхъ денегъ—вы, допущенная къ постриженію изъ милости—вы еще осмѣливаетесь отказать моеѣ госпожѣ въ своей комнатѣ!

Я промолчала изъ уваженія къ самой себѣ, хотя очень хорошо знала, что госпожи этой бѣлицы—сестры простаго пѣхотнаго капитана, и что родъ Карачоло-Форино, съ самаго основанія монастыря св. Григорія, вносили въ него сотни приданыхъ. Однакоже я не могла удержаться, чтобы не рассказать матери о случившемся. Она отвѣтила мнѣ, что употребить всѣ усилія, чтобы устроить дѣло о приданомъ какъ нибудь удовлетворительнѣе для монахинь. Я обо всемъ этомъ и аббатиссѣ по секрету сказала нѣсколько словъ.

«— Чѣмъ же я могу помочь вамъ, дочь моя? отвѣтила она мнѣ.— Ужь отъ людской злобы берегайтесь сами, какъ Богъ пошлетъ! Одно только могу сказать вамъ, что если въ міру надо держать ухо востро за трехъ, то ужъ здѣсь, повѣрьте, что за тридцать. Въ міру страсти легко разсѣваются, поэтому легче и управлять ими; ну, а здѣсь онѣ сдвлены, сперты, какъ въ узкомъ сосудѣ, и вырываются иногда на волю съ такимъ неистовствомъ, что поставятъ въ туннѣ самаго неустрашимаго и сметливаго изъ дипломатовъ. Чтобы оградить себя, дочь моя, вы, ужъ нечего дѣлать, вооружитесь маленькой долей лицемѣрія. Можно ли готовить безъ соли? Точно такъ же безъ лицемѣрія недалеко уйдешь. Слѣдуйте моему совѣту—вы имъ останетесь довольны.

Съ согласія начальства, семья моя просила одного изъ нашихъ родственниковъ подписать на мое имя вексель въ 1000 дукатовъ, и отдать его монастырю въ дополненіе суммы въ 1,800 дукатовъ, и кромѣ того обязаться ежегодно выплачивать 50 дукатовъ процентовъ. Уладивъ такимъ образомъ дѣло, и окончивъ остальные приготовления, первый день октября былъ назначенъ для моего постриженія.

Мнѣ пришлось отказаться отъ всѣхъ моихъ чтеній, и втеченіе нѣсколькихъ недѣль всецѣло отдаться обыкновеннымъ при такихъ

случаяхъ духовныхъ упражненій. Впродолженіе десяти дней, предшествовавшихъ 1-му октября, каноникъ говорилъ проповѣди въ приемной.

Упомянувъ объ ученіи, распространенномъ духовниками внутри монастыря, не умолчу объ одной эпитимѣ, которой монахи св. Григорія приписываютъ чудодѣйственную силу. Съ правой стороны причащальни есть великолѣпная мраморная лѣстница, известная подъ названіемъ «священной лѣстницы» (Scala santa), удостоенная особой папскою буллою. Всякую пятницу, впродолженіе всего марта мѣсяца, вся община, отъ самой аббатиссы до послѣдней бѣльщицы, обязана всходить на эту лѣстницу на колѣняхъ, останавливаясь на каждой ступени, чтобы прочесть молитву. При исполненіи этой эпитимы, на каждой ступени получается новая индульгенція, до тѣхъ норъ, пока, взобравшись на самый верхъ лѣстницы, монахиня встаетъ очищенная отъ всѣхъ своихъ прегрѣшеній «дѣломъ, словомъ, помышленіемъ».

Еще нѣсколько словъ о духовныхъ упражненіяхъ. Предъ произнесеніемъ обѣтовъ, требуется предварительный экзаменъ. Мени экзаменовалъ самъ генераль-викарій (Vicario generale) неаполитанской церкви. Это испытаніе нѣкогда было учреждено съ цѣлю удостовѣриться въ неподдѣльности призванія послушницы; но такъ-какъ въ этомъ мірѣ все современемъ теряетъ первоначальный характеръ, то и этотъ экзаменъ теперь уже сдѣлался одною формальностью. Вотъ краткій образчикъ пустаго вопроса, которому я подвергалась:

«— Еслибы вы изъ королевскаго дворца получили приглашеніе на балъ, и аббатисса дала бы вамъ разрѣшеніе выйти изъ монастыря, соблазнились ли бы вы возможностью повеселиться?»

Я не колеблясь отвѣчала: «нѣтъ».

«— Еслибы въ настоящую минуту приватила въ монастырскіи воротамъ великолѣпная карета, запряженная четырьмя красивыми лошадьми, и васъ бы пригласили кататься по «Chiaja», поѣхали ли бы вы?»

И на это я отвѣчала «нѣтъ».

Не знаю, впрочемъ, что бы я отвѣтила, еслибы, вмѣсто этой чепухи, мнѣ сдѣлали, напримѣръ, такого рода вопросы:

«— Умерло ли сердце ваше для любви?»

Или:

«— Еслибы вашъ женихъ или любовникъ нагъ въ вашии ноги и клался сегодня же повести васъ къ алтарю; задумались ли бы вы послѣдовать за нимъ?»

Но допросъ съ замѣчательною ловкостью обгибаетъ всѣ подобныя безчисленные подводныя камни, и плыветъ на волнахъ на-

русахъ среди океана самыхъ безопасныхъ пошлостей. Во избѣжаніе того, чтобы молодая дѣвушка при этомъ допросѣ не обнаружилась отвращенія къ званію, которое она приняла, нерѣдко насиливанная родными или подговоренная духовникомъ, или же въ привадѣ отчаянія послѣ разочарованія въ любви, клерикальная дипломатія нашла слѣдующую уловку: съ молодой дѣвушкой, которая бы рѣшилась на подобныя признанія, въ ту же минуту срываютъ нарамникъ, и выговяютъ ее изъ монастыря въ двадцать-четыре часа, говоря ей при выходѣ:

«— Ступай къ людямъ погибшимъ! Ты недостойна сообщества съ невѣстами Иисуса-Христа!»

Благодаря страху подвергнуться такому грубому оскорбленію, котораго никто не имѣетъ духа навлечь на себя, все послушничество обращается въ пустую формальность, и молодая дѣвушка на дѣлѣ связана нравственными узамъ съ той самой минуты, какъ она вступаетъ въ монастырь.

Наконецъ, наступилъ послѣдній, рѣшительный день.

Утромъ, 1-го октября, явился сперва каноникъ, и продержалъ меня въ исповѣдальнѣ отъ семи до одиннадцати часовъ утра, когда долженъ былъ начаться обрядъ. Мало-по-малу церковь стала наполняться приглашенными: они столпились даже въ предверіи храма. Тутъ было нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ, между прочими датскій принцъ крови (нынѣ царствующій король), въ сопровожденіи генерала Саллуцци. Онъ путешествовалъ никогда; это былъ юноша лѣтъ двадцати не болѣе, очень интересный собой. Оба они, генералъ и принцъ, были въ парадныхъ формахъ, и носили черезъ плечо ленту св. Януарія.

Кардиналъ Карачоло отслужилъ архіерейскую обѣдню съ пѣніемъ, по окончаніи которой приглашенные густой толпой прихлынули къ причастальнѣ, изъ которой я выходила, сопровождаемая четырьмя монахинями съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Двѣ изъ нихъ подали мнѣ развернутый пергаментъ, на которомъ была написана полатыни формула присяги, обрамленная акварельными изображеніями святыхъ и вызолоченными арабесками. Я должна была прочесть ее вслухъ, но голосъ измѣнилъ мнѣ. Я стала читать вполголоса; но услылавъ вокругъ себя «громче!»— я сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы возвысить голосъ, и внятно провозвести четыре обѣта: *цѣломудріе, бѣдность, послушаніе и стѣнное затворничество*... Тутъ голосъ мой прервался, и я должна была на минуту приостановиться. Именно въ это мгновеніе одна изъ монахинь выронила изъ рукъ зажженную свѣчу, которая, упавъ на полъ, потухла... Странное предзнаменованіе!

Окончивъ чтеніе, я приложила руку къ пергаменту, а послѣ меня сдѣлали то же аббатисса и кардиналъ. Между тѣмъ, среди причащальни разложили на полу коверъ. Мнѣ велѣли лечь на него ничкомъ, потомъ всю меня закрыли чернымъ погребальнымъ покровомъ, съ вышитымъ посерединѣ черепомъ; по угламъ стояли четыре паникадила съ зажженными свѣчами; колоколъ зазвонилъ унылый погребальный звонъ, на который повременамъ отвѣчали стоны, исходяшіе изъ глубины церкви.

Немного погодя, кардиналъ, обращаясь ко мнѣ, троекратно произнесъ надо мною слѣдующее заклинаніе: «Surge, quæ dormis, et exurge a mortuis, et illuminabit te Christus!» (Возстань, спящая; возстань изъ мертвыхъ, и просвѣтитъ тебя Христосъ!) При первомъ заклинаніи монахини сняли съ меня погребальный покровъ; при второмъ я стала на колѣни посреди ковра; при третьемъ я встала на ноги и подошла къ окошечку причащальни. Слухъ мой поразила еще другая латинская фраза, не менѣе мистическаго содержанія, чѣмъ первая: «Ut vivant mortui et moriantur viventes» (дабы жили мертвые и умерли живые). Мертвый языкъ Лаціума до сихъ поръ называетъ общественную жизнь смертью: языкъ Данте и возрожденной Италіи, напротивъ, называетъ смертью монашескую праздность.

Наконецъ кардиналъ благословилъ бенедиктинскую мантию, которую я надѣла сверхъ рясъ, и затѣмъ причастилъ меня. Тогда подошли и стали цаловать меня сперва аббатисса, а за ней всѣ монахини, по іерархическому порядку, и послѣ краткой проповѣди, обрядъ окончился.

Тогда приглашенные прошли наверхъ въ приемную, гдѣ были поданы конфеты, варенье и освѣжительныя питья. Прежде нежели растворили двери и вывели меня для принятія обычныхъ поздравленій, подождали чтобы я нѣсколько пришла въ себя. Между тѣмъ принцъ датскій спросилъ меня, черезъ генерала Саллуцци, рада ли я, что сдѣлалась монахиней? При моемъ утвердительномъ отвѣтѣ, я замѣтила, что лицо его приняло недоумчивое выраженіе. Онъ пожелалъ ближе рассмотреть мою мантию: она была изъ черной шерстяной матеріи съ длиннымъ шлейфомъ и широкими рукавами — это послѣдній слѣдъ монашества *in se de Maintenon*. Постригшіяся монахини имѣютъ обыкновеніе дарить по букету искусственныхъ розъ кардиналу и каждому изъ епископовъ, присутствовавшихъ при церковномъ обрядѣ. Я предложила такой же букетъ и принцу, который любезно принял мой подарокъ.

«— Мертвыя розы — подарокъ умершей! сказалъ мой благодѣтель его королевскому высочеству.

«— Поѣдемъ, генераль, отвѣчалъ принцъ: — я не въ силахъ долѣе смотрѣть на эту дѣвушку, такъ безчеловѣчно принесенную въ жертву!

Когда гости развѣхались, желѣзная монастырская рѣшетка снова заскрипѣла въ своихъ петляхъ. Съ той минуты меня отъ свѣта отдѣляла бездна, повидимому, непроходимая. Я не должна была болѣе имѣть ни матери, ни сестеръ, ни родныхъ, ни друзей, ни имущества: я отреклась отъ самой своей личности. А между тѣмъ я чувствовала, какъ въ глубинѣ моей души шевелилось живое чувство, побуждавшее меня жить въ общеніи, не-крайней-мѣрѣ умственномъ, съ подобными мнѣ созданіями. Я пожертвовала общинѣ свою личность, но отнюдь не разумъ, составляющій неотъемлемое право человѣка.

XI.

Милосердіе монахинь.

«Придите (пишетъ евангелистъ Матвей), приидите благословенные отцомъ моимъ, ибо я былъ голоденъ, и вы меня накормили; я жаждалъ, и вы меня напоили; я былъ неприютенъ, и вы меня приютили; нагъ, и вы меня одѣли; боленъ, и вы меня навѣстили; въ тюрьмѣ, и вы меня посѣтили.—Тогда праведники скажутъ: Господи, когда же, видя тебя голоднымъ, насытили мы тебя?... И царь отвѣтитъ имъ: Воистину, говорю вамъ, каждый разъ, какъ вы дѣлали это для котораго нибудь изъ моихъ малыхъ братьевъ, вы дѣлали это для меня».

Этими словами былъ вдохновленъ св. Бенедиктъ, когда писалъ въ своемъ уставѣ:

«Кто бы ни зывалъ къ вамъ о помощи, да будетъ принять, какъ самъ Христосъ, ибо онъ скажетъ вамъ: я былъ странникомъ, и вы меня приютили».

Души раскрылись милосердію съ той поры, какъ милосердіе воплотилось въ Иисусѣ Христѣ. Съ этой минуты благотворительность организовалась въ большихъ размѣрахъ: воздвигнулись страннопріимныя обители, учредились гостепріимныя монашескія ордена; подкидыши и найденныи, сироты, больные, бѣдные, старцы, слѣпые, убогіе, претерпѣвшіе кораблекрушеніе — всѣ нашли себѣ особые пріюты. Истинное гостепріимство—гостепріимство, обращенное въ догматъ вѣры, гостепріимство общественное—возстало изъ самой колыбели христіанства, и обратилось на существа немощныя или несчастныя, угнетаемыя или уничтожаемыя строемъ языческаго міра.

У древних на женщину смотрѣли не иначе, какъ единственно на воспроизводительную машину: самые философы рѣшили, что она—существо неполное. Христіанство первое открываетъ, въ чемъ ея дѣятельность, именно въ преданности и милосердіи. Въ Англіи, въ Германіи, и въ тѣхъ странахъ, гдѣ католицизмъ поднимается до одного уровня съ цивилизаціей, сестра милосердія ходитъ за больными, утѣшаетъ страждущихъ, расточаетъ имъ свои попеченія среди самыхъ отвратительныхъ недуговъ. Дочь св. Виисента-де-Поля денно и ношно посѣщаетъ больного старика, лечитъ его раны, или же дѣлается матерью, не переставая быть дѣвой, и согрѣваетъ у груди своей повинутаго младенца. Христіанское милосердіе распространяется не только на чужестранцевъ, но и на самыхъ язычниковъ. Прекрасное имя св. Маріи *del Soccorso* (помощи) осталось за основательницей конгрегации благочестивыхъ женщинъ, которыя посвятили себя на помощь бѣднымъ странникамъ. Виолеемскія монахини обзываются обѣтомъ служить бѣднымъ больнымъ, хотя бы они были *неструшчиге*, и въ наше время имя миссъ Найтинггаль сладко звучитъ въ сердцахъ жителей обоихъ полушарій. «Быть можетъ, нѣтъ на землѣ ничего выше и трогательнѣе—говоритъ одинъ знаменитый философъ—какъ видѣть нѣжный и слабый полъ жертвующимъ молодостью, красотой, часто знатнымъ происхожденіемъ, чтобы въ госпиталяхъ облегчать безчисленныя немощи и страданія, зрѣлище которыхъ такъ же унижительно для нашей гордости, какъ отвратительно для нашихъ чувствъ».

Какъ далеки монахи и монахини южной Италіи отъ этого милосердія, обоготвореннаго Христомъ, заповѣданнаго св. Бенедиктомъ, проявляемаго въ дѣйствіяхъ духовенствомъ всего цивилизованнаго христіанства! О нихъ говорятъ старинная пословица, плодъ долгой опытности: «Они соединяются, не зная другъ друга; живутъ вмѣстѣ, не любя другъ друга; умираютъ, не оплакиваемые одни другими». Рѣдкія народныя поговорки такъ вѣрны, какъ слѣдующая: «Религія этихъ лицемѣровъ ни болѣе ни менѣе, какъ бѣлье, которое они надѣваютъ и снимаютъ по своему усмотрѣнію, а когда оно загрязнится, посылаютъ въ стирку».

Я просила себѣ должность смотрительницы лазарета, и получила ее безъ всякаго труда, потому что большая часть монахинь уклонялись отъ нея. Между ними были нѣкоторые, никогда неустойчившія принять на себя эту должность, точно такъ же, какъ были монахини, застигнутыя хроническими недугами, и по этой причинѣ года два-три невидавшія своихъ подругъ. Во время болѣзни или послѣ смерти которой явнудь изъ сестеръ, ее обыкновенно по косточкамъ разбираютъ: большая часть для

проводится въ комментаріяхъ. Обсуждается, за какой грѣхъ Господь послалъ ей такое-то или такое-то страданіе, и ей назначается мѣсто въ аду или чистилищѣ, смотря по внушеніямъ собственныхъ страстей.

Трехлѣтнее управленіе строгой аббатиссы не было по вкусу монахинямъ, и вмѣсто нея единодушно (кромя меня) была избрана упомянутая мною легкомысленная наставница послушницъ. Около этого времени скончалась одна изъ прежнихъ аббатиссъ, вынесшая много неприятностей во время своего управленія. Болѣзнь ея была тяжелая, агонія ужасна и продолжительна. Столпившись вокругъ смертнаго одра несчастной, монахини громко говорили одна другой:

«— Она такъ мучится потому, что Богъ ее наказываетъ за ея дурное управленіе.

Умерла одна старушка-бѣлица, давно уже страдавшая раной, простиравшейся отъ пятки до колѣна. Однажды въ то время, какъ я перевязывала ей ноги, колоколъ зазвонилъ къ богослуженію. Я поспѣшила сойти внизъ, но такъ-какъ перевязка раны взяла довольно много времени, то я застала молитвы уже начатыми, хотя мнѣ распѣвали только какихъ нибудь пять-шесть монахинь: остальные разсыпались по исповѣдальнямъ и приѣмнымъ. Аббатисса меня побранила за то, что я промедлила около больной, тогда какъ другимъ, явно и постыднымъ образомъ нарушавшимъ уставъ, она не нашла нужнымъ сдѣлать малѣйшаго замѣчанія.

Въ монастыряхъ существуетъ обменованіе власти покойницъ на полъ, одѣвъ ихъ—это еще остатокъ преданій ордена св. Василія. Для этого назначаются четыре бѣлицы. Одна изъ нихъ—демонъ въ образѣ женщины, однажды въ лѣтнюю ночь отказалась прервать свой покой для того, чтобы омыть послѣдній долгъ умершей подругѣ. Я сдѣлала ей строгій увѣръ, и она таки встала, но, схвативъ покойницу за одну ногу, и съ бѣшенствомъ влача ее по полу на середину комнаты, сердито сказала мнѣ:

«— Per la Madonna, развѣ вы не могли это сами сдѣлать?»

При воспоминаніи о глухомъ стугѣ, съ вторымъ голова умершей ударилась о кирпичи пола, меня до сихъ поръ пробираетъ морозъ: насмѣны погребатели нѣвинѣ бы обращались съ трупами умершихъ отъ чумы! Я пожаловалась аббатиссѣ на безчеловѣчій поступокъ бѣлицы, но она мнѣ отвѣтила:

«— Подобныя вещи касаются совѣсти, и не подлежатъ моему власти: притомъ онѣ всѣ дѣлаютъ то же.

Эта самая бѣлица по воскресеньямъ водила къ обѣднѣ бѣдную слѣбую. Наскучивши этой должностью, она старалась отдѣлаться отъ нея; когда же это ей не удалось, то она однажды сбросила слѣбую старушку съ лѣстницы. Несчастная умерла вслѣдствіе этого паденія. Въ другой разъ эта же фуриа стала колотить большую по лицу за то, что она часто просила, чтобы ее поворачивали съ боку на бокъ въ постели.

Я стала упрашивать аббатиссу, чтобы этому извергу дали какую угодно должность, только бы не пускали къ больнымъ. Меня не послушались.

Въ Неаполѣ есть огромное число женщинъ и дѣвицъ, проживающихъ въ различныхъ монастыряхъ, консерваторіяхъ и пріютахъ; я смѣло скажу, что немного есть семействъ, которыя бы не держали нѣсколькихъ изъ членовъ своихъ, слабѣйшаго пола, на сохраненіи въ этихъ сладочныхъ мѣстахъ для живаго домашняго хлама.—Съ одной дамой, нѣсколько лѣтъ уже удалившейся въ монастырь, сдѣлался ударъ. Не вполнѣ оправившись отъ него, она однажды неожиданно грохнулась на полъ. На шумъ прибѣжала одна молодая бѣлица, и заставъ ее одну, окровавленную посреди пола, подняла ее и положила на кровать. За этотъ простой поступокъ она получила выговоръ отъ аббатиссы.

«— Неужели же я должна была оставить ее умирать на полу? спросила бѣлица.

«— Ты должна была позвать когонибудь изъ дамъ, отвѣтила аббатисса:—онѣ принадлежатъ къ одному разряду и лучше умѣютъ обращаться другъ съ другомъ.

Похороны монахинь не менѣе отличаются холодностью и безсердечностью. Искреннее сожалѣніе, непритворная скорбь, нѣсколько слезъ, пророшенныхъ въ дань умершей подруги — эти феномены въ монастырѣ большая рѣдкость, нежели въ міру чувства, возбужденныя театральными представленіями. Апатія, возведенная стонками на степень добродѣтели, между монахинями есть дѣйствіе расчета и эгоизма. Большею частью хоронятъ по утрамъ: не успѣетъ тѣло быть опущено въ могилу, какъ волокогъ уже ссызаетъ сестеръ въ трапезную, и бѣда бѣлицамъ, если, по причинѣ вехоронъ, невзбѣжные макароны переварены.

Достаточно этихъ образчиковъ милосердія монахинь къ больнымъ и уваженія ихъ къ умершимъ; расскажу нѣсколько фактовъ, относящихся къ другому рода милосердію:

Одна поселанка заперла въ монастырь собственную дочь, милосивную дѣвочку лѣтъ восемнадцати, для того, чтобы не выдавать ее за любимаго ею человѣка. Аббатисса, крайне снисхо-

длительная ко всѣмъ, имѣвшимъ голосъ при трехгодичныхъ выборахъ, обращалась съ величайшей строгостью съ этой бѣдной дѣвочкой, неизбывшей никакаго призванія къ монастырской неволе, и съ трудомъ свыкавшейся со смертой монастырской атмосферой. Однажды вечеромъ, во время ужина сестеръ, молодая *контрадина* сошла къ колодезю за водой и не возвратилась; послали искать ее, и нигдѣ не могли найти. Отчасти отъ тоски по волѣ, отчасти отъ любовнаго отчаянія, она бросилась въ колодезь. Монахини созвали нѣсколько мужчинъ, которымъ удалось вытащить ее еще живой. Аббатисса, вмѣсто того, чтобы расточать несчастной пособія и утѣшенія, въ которыхъ она нуждалась, заперла ее въ отдаленную келью и присудила на цѣлый мѣсяцъ къ заточенію; но на слѣдующее утро затворницу нашли мертвой, повиснувшей на веревкѣ.

Чтобы сохранить неприкосновеннымъ отеческое состояніе на слѣднику мужскаго пола, одно зажиточное семейство отдало въ монахини двухъ старшихъ дочерей, и ту же участь назначило третьей, которая съ этой цѣлью была привезена родителями въ Неаполь уже на двѣнадцатомъ году. Ее сопровождалъ пудель, котораго она взяла маленькимъ щенкомъ и лелѣла съ большой любовью. Когда настала минута разставанія, этотъ неразлучный ея другъ никакъ не могъ взять въ толкъ, что ему нужно разстаться съ своей возлюбленной госпожей. Болѣе горячо привязанный къ ней, чѣмъ собственныя ея родители, онъ далъ имъ удалиться съ сухими глазами, и не заставъ уже въ приемной предметъ своей преданности, жалобно завылъ, какъ-бы умоляя дѣвочку скорѣе возвратиться къ нему. Такъ-какъ собакъ не пускаютъ въ монастыри, то привратница стала отгонять пуделя побоями, но бѣдное животное, не обращая на нихъ вниманія, неотступно возвращалось къ тому мѣсту, гдѣ оно видѣло въ послѣдній разъ своего маленькаго друга, и растянувшись на каменныхъ плитахъ портика, воченѣя отъ холода, не переставало издавать раздражительный вой.

Въ тотъ часъ, когда обыкновенно запираются ворота, пуделя выгнали на улицу; всѣ сосѣди, разжалобленные его тоскою, обласкали его и хотѣли накормить, но собака упорно отказывалась отъ ласкъ и хлѣба, и стоны ея не унимались. Безъ устали простонала она два дня и двѣ ночи, а маленькая затворница наверху едва-ли была менѣе безутѣшна. Наконецъ наскучивши этой драмой, монахини рѣшили положить ей скорый конецъ: бѣдная собака, неизвѣстно какимъ образомъ лишенная жизни, на утро третьяго дня была найдена мертвою... на краю живой могилы своей маленькой госпожи.

Во время слабого управленія моея тётки, одной монахинѣ вздумалось отказать своей бѣлицѣ, чтобы взять къ себѣ другую, болѣе по душѣ. Бѣлица никакъ не могла примириться съ этимъ рѣшеніемъ, нѣсколько разъ бросалась къ ногамъ монахини, оставшейся неумолимою. Она даже прибѣгла къ ея духовнику, но и это не помогло. Въ передпослѣдній день своей службы, она исчезла. Ее искали всюду, и наконецъ сошли въ погребъ, гдѣ и нашли ее скорчившейся, подъ кучею хвороста. Монахиня велѣла вытащить ее оттуда и насильно выпроводить ее въ комнату привратницы; бѣдная же, вопившая, какъ сумасшедшая, проходила мимо часовни, произнесла слѣдующее проклятiе: «Господи! помни смерть виновнику моего горя». Любопытно то, что три мѣсяца спустя, духовнику упала на *via dei Tribunali*, пораженный скоропостижною смертію.

Двѣ бѣлицы—одна молодая, а другая старая—служили одной и той же монахинѣ. Молодая—вѣтреное и взбалмошное созданіе, нерасположенная долго выносить ворчливыя наставленія старухи, возмѣла злодѣйскій умыселъ умертвить ее, приправивъ ей салатъ масломъ, настоеннымъ на окиси мѣди. Несчастная подверглась страшной рвотѣ и желудочной боли, и совсѣмъ была при смерти, а никто изъ насъ не угадывалъ причину ея болѣзни. Къ счастью, докторъ догадался, что тутъ замѣшанъ ядъ, и сдѣлалъ подробный обыскъ на кухнѣ, нашелъ склянку съ масломъ, позеленѣвшимъ отъ опущеннаго въ него куска мѣди. Нужныя мѣры, принятыя во время, спасли старуху.

Мнѣ бы никогда не окончить, еслибы я вздумала рассказывать здѣсь всѣ безчеловѣчности, совершающіяся въ монастырскихъ оградахъ, безнаказанно и безъ вѣдома законовъ. Неаполитанская публика до-сихъ-поръ сохраняетъ живое воспоминаніе о подземельякъ, открытыхъ въ 1848 году, въ монастырѣ іезуитовъ (опустѣвшемъ вслѣдствіе ихъ изгнанія), и о складѣ костей новорожденныхъ дѣтей, найденномъ въ одномъ изъ этихъ ужасныхъ склеповъ. Но я не хочу приводить фактовъ, за дѣйствительность которыхъ не могу лично ручаться, поэтому перехожу къ другимъ, не менѣе важнымъ предметамъ.

XII.

Вѣдность и смиреніе.

Вникая въ духъ монашескихъ учрежденій, отецъ нѣмецкой философической исторіи попалъ на критическую мысль, содержащую въ себѣ матеріалъ для многихъ томовъ.

«Меня душевно трогаетъ — говоритъ глубокомысленный Гердеръ — зрѣяще сладкаго уединенія душъ, которыя, изнеможенные нгомъ и гоненіями, вынесенными отъ ближнихъ, ищутъ сами въ себѣ покой и небо!... Но именно поэтому, пусть съ болышею энергіей выкажется наше презрѣніе къ тому уединенію, порожденному гордостью и эгоизмомъ, которое уклоняется отъ дѣятельной жизни, полагаетъ судьбы человѣческаго рода въ созерцаніи, въ апатіи, въ покаяніи, которое пытается призраками, и не только не погашаетъ страстей, но даетъ постоянную пищу самой низкой изъ всѣхъ страстей — тиранической и неукротимой гордости.

Какое благородное негодованіе въ этихъ строкахъ! Всѣ факты, которые въ послѣдствіи мнѣ придется внести въ этотъ списокъ, будутъ только смиреннѣмъ, но правдивѣмъ комментариемъ словъ великаго философа.

Дать обѣтъ бѣдности — это чтó означаетъ въ наше время? Одно изъ двухъ: или вести выгодную торговлю подъ сѣнью монашескаго капюшона, или же въ невозмутимомъ спокойствіи, обезпеченномъ отъ зависти и общественныхъ налоговъ, наслаждаться своимъ и чужимъ добромъ.

Какъ же монахини съ своей стороны соблюдаютъ этотъ торжественный обѣтъ?

Онѣ облакаются въ верхнее платье изъ грубой шерстяной матеріи, подъ которымъ, впрочемъ, употребляютъ бѣлье изъ тончайшаго полотна, не отказывая себѣ въ голландскихъ и даже батистовыхъ платкахъ; въ праздничные дни онѣ привѣшиваютъ къ поясу четки, отдѣланныя въ серебро и нерѣдко въ золото. Впрочемъ, правда, что не платье дѣлаетъ монаха. Обѣтъ смиренія воспрещаетъ имъ имѣть кровать съ желѣзной спинкой, но обѣтъ бѣдности дозволяетъ имъ покониться на трехъ тюфакахъ изъ мягкой шерсти, и на пуховыхъ подушкахъ, отороченныхъ старинными кружевами. Постельныя занавѣси, иногда дѣйствительно великолѣпныя, продѣты въ желѣзное кольцо, придѣланное къ потолку. Онѣ не могутъ держать на комодахъ роскошныхъ бездѣлушекъ, но въ стѣнныхъ шкафахъ у нихъ хранятся драгоценныя утвари и посуда изъ древняго китайскаго фарфора. Запрещено держать много денегъ у себя въ комнатѣ, и вслѣдствіе этого въ монастырѣ есть мѣсто, извѣстное подъ названіемъ *deposito* (складъ), гдѣ всѣ монахини порознь хранятъ свои наличныя деньги. Онѣ кушаютъ по четыре блюда утромъ, изъ которыхъ одно пирожное, и по блюду вечеромъ; хлѣбъ подается самый наилучшій. Онѣ держатся благочестиваго обычая не ѣсть свѣжихъ плодовъ по пятницамъ, чтó, впрочемъ, не мѣшаетъ

нимъ уписывать варенье. Онѣ могутъ употреблять четыре дуката въ мѣсяцъ на подарки или такъ называемыя *complimenti*; настоятельница предоставляется до восьми дукатовъ, а викарію до двѣнадцати. Если кто хочетъ сдѣлать подарки въ сто или болѣе дукатовъ, то нужно достать на это особое дозволеніе изъ вѣрнаго города.

Каждая изъ монахинь выбираетъ себѣ особаго покровителя между святыми, день котораго она торжественно празднуетъ. На приготовленіе къ подобнымъ празднествамъ требуется нѣсколько недѣль. Всѣ монахини другъ передъ другомъ стараются пышнѣе чествовать своего святаго, и для этого дѣлаютъ долги за неимѣніемъ денегъ, или же, имѣя ихъ, растрачиваютъ на приношенія священникамъ, на подарки монахамъ, и на *комплиментныя* клирикамъ, служащимъ въ церкви при обѣдѣ. То же самое дѣлается и по случаю именинъ, а ужъ что творится въ день пасхи и рождества—про то и говорить нечего.

Но главное, самое важное монастырское занятіе состоитъ въ приготовленіи пирожныхъ. Каждый монастырь имѣетъ свою спеціальность по этой части, за которую пользуется особаго рода извѣстностью: одинъ славится за слоенные пирожки, другой — за такъ называемыя *barchiglie*, третій — за *королевское тѣсто* или за бисквиты, или пряники, и проч. и проч. За слоенный пирожокъ, состряпанный вармелитками монастыря «*cozze di Lucea*», неаполитанецъ-гастрономъ охотно откажется отъ самаго душистаго аванаса.

Каждой монахинѣ предоставляется печка для печенія пирожнаго на цѣлыя сутки, начиная съ полуночи. Но такъ-какъ иногда этого времени недостаточно, монахини нерѣдко удерживаютъ печку на второй и даже на третій день, вслѣдствіе чего бѣдныя бѣлицы изнемогаютъ отъ лишенія сна, и многія даже заболѣваютъ. Мнѣ говорила не одна старуха, дожившая въ монастырѣ до сѣдыхъ волосъ, что она еще не видѣла церковныхъ службъ страстной недѣли, потому что въ эти дни никогда не имѣла свободной минуты, чтобы забѣжать на хоры и заглянуть въ церковь.

Одинъ монахъ, говорившій проповѣди въ посту, при приближеніи пасхи, и приправившій свои рѣчи значительной духовной эрудиціей и краснорѣчіемъ, замѣтилъ, что съ каждымъ днемъ уменьшается число его слушательницъ, и наконецъ остался въ церкви чуть не одинъ; дѣло въ томъ, что монахини занимались приготовленіемъ пирожнаго къ празднику. Однажды увидѣвъ передъ собою только шесть слушательницъ, тогда какъ онъ былъ вправѣ рассчитывать на семьдесятъ слишкомъ, проповѣдникъ прер-

валъ начатую рѣчь и сошелъ съ каеэды, нѣсколько разъ бор-моча про себя: «охота держать проповѣди басурманкамъ».

При раздачѣ пирожнаго, родные всегда получаютъ самыя худ-шія, и знаете отчего? По совѣту священниковъ. Священники и духовники изъ всѣхъ евангельскихъ ученій преимущественно остаются вѣрными слѣдующему: «кто любитъ отца своего или мать болѣе меня, тотъ недостоинъ меня. Если кто придетъ ко мнѣ и не ненавидитъ отца своего и мать и жену свою и дѣтей и братьевъ и сестеръ и жизнь свою, тоже не можетъ быть мо-нимъ ученикомъ». Толкуя по своему это ученіе, они развращаютъ семейные инстинкты этихъ женщинъ, убѣждая ихъ, что они, и никто болѣе, замѣняютъ для своихъ духовныхъ дочерей и отца, и мать, и братьевъ, и сестеръ, и самую жизнь. Изолированныя такимъ образомъ, онѣ дѣлаются болѣе доступными власти сво-ихъ духовныхъ отцовъ, которые, между тѣмъ, набиваютъ карма-ны самими избранными пирожными.

Коснувшись отчужденія монахинь отъ ихъ семействъ, я при-поминаю нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ, которые съ удо-вольствіемъ здѣсь помѣщаю.

Однажды двѣ монахини, родныя сестры, предавались на хорахъ умственной молитвѣ, измѣряя часъ молитвы клепсидрой (*), какъ бывало во времена Декамерона. Былъ у нихъ единственный братъ, служившій по дипломати. У воротъ вдругъ зазвонилъ ихъ сигналъ, и бѣлица побѣжала внизъ, узнать въ чемъ дѣло. То было роковое извѣстіе для сестеръ: братъ ихъ, скомпрометиро-ванный по службѣ, въ глазахъ правительства, застрѣлился изъ пистолета и упалъ мертвымъ на мѣстѣ.

«— Кто тамъ? что такое? стали онѣ спрашивать бѣлицу, воз-вратившуюся съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

«— Тамъ камердинеръ del signor principe...

«— Чего ему надо?

«— Вангъ signor fratello... и бѣлица снова запнулась.

«— Да кончишь ли ты, santo Dio... боленъ онъ, что-ли?

«— *Maramé*, воскликнула бѣлица:—онъ умеръ!

«— *Madonna del Carmine*, умеръ!... какъ же онъ умеръ?

«— Застрѣлился, и бѣлица рассказала все случившееся.

Сестры поглядѣли другъ на друга, подняли глаза къ небу, сложивъ руки; затѣмъ одна изъ нихъ съ величайшимъ стоициз-момъ сказала:

«— Анна!

(*) Водные часы.

«— Камилла! откликнулась другая: — царство ему небесное, а вѣдь вода-то скоро вся, докончимъ-ка молитву.

Онѣ уже болѣе не упоминали о самоубійствѣ брата, пока не сѣли за общій столъ, когда вспомнили его промежь двухъ блюдъ, какъ говорятъся.

Другая монахиня получила извѣщеніе о смерти своей сестры; въ эту минуту колоколь сзывалъ общину въ трапезную. «Ты не разболтай пока объ этомъ несчастіи, шепнула она на ухо бѣлицѣ:—а то мнѣ пришлось бы сегодня не обѣдать, а ре l'aitna de pate ma, me tuogg di famme!» (а влянусь душою отца моего, я умираю съ голода).

Возвращаясь къ обѣту смиренія, скажу, что монахиня, невчавиціася своимъ происхожденіемъ—такая же диговина, какъ бѣли мухи. Воспитанницы не принимаютъ, если онѣ не принадлежать къ родамъ древнихъ неаполитанскихъ *Sedi'i*; монастырь св. Григорія Армянскаго, съ незапамятныхъ временъ, посвященъ знаменитымъ домамъ «Porta Caruana и Nido». Вотъ почему двѣ молодыя дѣвушки, дочери отца плебея и матери дворянки, не были приняты въ монастырь, пока не дали формальнаго обѣщанія впередъ отречься отъ отцовской фамиліи и принять фамицію матери. Въ ссорахъ своихъ онѣ вѣчно кончаютъ споромъ о томъ, которая знатнѣе другой.

«— У васъ всего-то въ семействѣ былъ одинъ какой-то нишій графчикъ, и то младшій въ родѣ; а вотъ мой покойный пра-дѣдъ такой-то, соединялъ въ своемъ гербу всѣ феодальныя титулы: онъ былъ князь *** , герцогъ *** , маркизь *** , графъ *** , да сверхъ всего, совѣтникъ католическаго короля и гранкъ испанскій.

«— Все это такъ, но онъ принадлежалъ къ побочной вѣтви: это знаютъ и малолѣтнія.

«— А на вашемъ гербѣ мало патенъ?

Были такія монахини, которыя, во время крестнаго хода, требовали перваго мѣста вездѣ, даже на бельведерѣ: при появленіи ихъ всѣ остальные должны были немедленно уступить имъ мѣсто, а за обѣдней онѣ, не задумываясь, заставляли встать тѣхъ, которыя случайно заняли мѣсто, болѣе другихъ пригласившеся имъ.

Одинъ проповѣдникъ, строгій и нѣсколько склонный къ пинизму, осмѣлился укорать монахинь за ихъ образъ жизни. Онѣ послали ему сказать, чтобы онъ не обращался такъ непочтительно къ дочерямъ неаполитанскихъ князей, герцоговъ, графовъ и бароновъ. Монахъ-барнабитъ, приведенный въ справедливое негодованіе этимъ дерзкимъ увѣщаніемъ, въ одинъ прекрасный день такъ-таки и рассказалъ выходку смиренныхъ рабынь божь-

ихъ, во время проповѣди въ честь св. Іосифа, въ присутствіи многочисленнаго собранія.

Есть, наконецъ, монастыри, въ которыхъ настоятельница велитъ цаловать себѣ колѣно, а въ иныхъ и туфлю, ни болѣе ни менѣе, какъ самъ папа. Чтò касается до невѣжества этихъ аббатиссъ, какими красками описать его? Человѣкъ, живущій въ мірѣ, съ трудомъ составитъ себѣ понятіе о той наивности, которой онѣ хвастаются. Одна изъ нихъ, родившаяся въ Неаполѣ, и никогда небывавшая далѣе окрестностей этого города, рассказывала небольшому кружку молодыхъ монахинь, что она, хотя вступила въ монастырь уже тридцати-двухъ лѣтъ, никогда не посѣщала бурбонскій (теперь національный) музей, и никогда не ступала ногой въ театръ Сан-Карло, или во внутренность «Вилла-Реале». Ей даже не былъ извѣстенъ храмъ «S. Francesco di Paola», несмотря на его центральное мѣстоположеніе и бросающуюся въ глаза архитектуру. По мнѣнію этой же аббатиссы, все чтò толкуютъ археологи о помпейской катастрофѣ — чистѣйшіе пустыаки. Помпея — говорила она — былъ городъ, нѣкогда обитаемый порожденіемъ еретиковъ, разбившихъ молотками чудотворную статую св. Януарія среди своего форума. Гора содрогнулась при видѣ подобной нечестивости, и немедленно изрыгнула массу раскаленнаго пепла, навѣки схоронившаго подъ своими горами еретическій городъ.

Другой аббатиссѣ былъ сдѣланъ доносъ на меня, за то, что я читала *святскія* книги, то-есть книги, неотносящіяся къ духовнымъ предметамъ. За мной стали присматривать, незамѣтно для меня, и сама аббатисса, однажды, поймала меня съ книгой въ рукахъ.

«— Чтò вы читаете хорошаго, дочь моя? спросила она: — дайте-ка я посмотрю.

Скрыть книгу не было возможности, пришлось отдать ей, не безъ сильнаго безпокойствія относительно того, какое привести себѣ оправданіе. Аббатисса надѣла очки, и прочитавъ заглавную страницу книги, отдала мнѣ ее обратно, не раскрывъ ее, со словами:

«— Мемуары св. Елены! а! Это выходитъ житіе матери св. Константина! — Чего только не взводятъ на бѣдную дѣвушку!

Это было *Mémorial de S-te Hélène!*... Скоро я имѣла случай убѣдиться, что до почтенной настоятельницы монастыря св. Григорія Армянскаго не дошла слава, ни даже имя великаго Наполеона.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЛИТЕРАТУРНОМУ ОБОЗРѢНІЮ.

О КАЧЕСТВѢ И КОЛИЧЕСТВѢ ПРОГРЕСА ВЪ НОВѢЙШЕМЪ
ДВИЖЕНІИ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Мы хотимъ высказать нѣсколько соображеній о характерѣ новѣйшаго движенія въ нашей литературѣ. Но дни, мѣсяцы и годы, а съ ними и всякія умственныя движенія и направленія такъ солидарны между собою, что самыя новѣйшія изъ нихъ непременно находятся въ связи съ древнѣйшими. Какимъ же объемомъ времени можно ограничить, безъ особеннаго произвола, наше новѣйшее литературное движеніе? Очень небольшимъ. Для опредѣленія начала этого движенія мы довольствуемся самыми рѣзкими и вполне уяснившимися признаками. Оно, это начало, можетъ быть отнесено поэтому къ порѣ, когда въ «Современникѣ», вмѣсто неумѣренныхъ прославленій г. Тургенева, вдругъ обратились къ самымъ невоздержнымъ порицаніямъ его; когда на г. Писемскаго, вмѣсто общихъ уважительныхъ отношеній къ нему всей литературы, вдругъ пролились, какъ изъ тучи, цѣлые потоки безпричинныхъ хуленій; когда г. Гончаровъ, обѣщавъ было подарить публику новымъ романомъ и даже напечатать изъ него нѣсколько главъ, вдругъ спрятался съ своимъ прекраснымъ дарованіемъ; когда г. Островскій, вмѣсто того, чтобъ испытать общее крушеніе, наряду со всѣми установившимися репутаціями, вдругъ самъ наложилъ на себя руки своимъ «Кузьмою Мининимъ»; когда наши извѣстные поэты, посреди мирнаго пользованія правами свободнаго вдохновенія, вдругъ стали разсматриваться по ихъ отношеніямъ къ крестьянскому и откупному вопросамъ, и уже можно было предвидѣть, что дѣло дойдетъ до сравненія сапоговъ съ Пушкинымъ. Далѣе этихъ признаковъ восходить не нужно. Для общественнаго смысла, литературный разрывъ стараго съ новымъ, заслуженнаго съ незаслуженнымъ и всего законнишагося богатства съ насущнымъ убожествомъ, начался вмѣстѣ съ указанными явленіями.

Но если вмѣстѣ съ этими явленіями въ нашу литературу дѣйствительно проникъ ключъ живой воды, то кто же пробилъ скалу? Опытомъ временъ доказано, что живительныя движенія въ литературахъ происходятъ не иначе, какъ при помощи Лессинговъ и Гёте, Джеффреевъ и Байроновъ, Пушкиныхъ и Бѣлинскихъ—словомъ, при помощи великихъ писателей въ союзѣ съ проницательными критиками. Нашимъ соотечественникамъ, однако, извѣстно, что наше движеніе, отвернувшееся отъ стараго Пушкина, не было вызвано какимъ нибудь новымъ. Они знаютъ также, что это движеніе не имѣетъ во главѣ своей и такого критическаго ума, или даже хоть слабаго подобія такому чуткому, меткому, угадчивому и литературно-развитому уму, каковъ былъ умъ Бѣлинскаго. Если же это такъ, то откуда у насъ самое движеніе наше? Образцоваго писателя нѣтъ; руководящаго критическаго ума тоже нѣтъ: это значить, что никакой новый духъ не оживляетъ литературу, что нивакой ключъ живой воды не пробился въ нее, что практическое значеніе ея и ея жизненный интересъ нисколько не возрасли, и ея умъ нисколько не увеличился.

Но фактъ движенія тѣмъ не менѣе существуетъ, и отвергать его невозможно. Мы теперь же получаемъ право не придавать этому движенію положительнаго значенія; мы вправѣ не считать его ключомъ живой воды; но оно можетъ быть силою, которая сверлитъ скалу, чтобы проложить путь живой водѣ; оно можетъ быть также хаосомъ передъ моментомъ творенія, и вообще, оно можетъ имѣть чисто стадное или табунное свойство. Для того, чтобы было движеніе, достаточно, чтобы существовало повальное недовольство старымъ. Въ исторіи записано много примѣровъ такихъ стадныхъ движеній, которыя не имѣли въ началѣ ни вождей, ни хорошо осмысленныхъ цѣлей, а вызывались только истощеніемъ терпѣнія, и которыя, однако, подъ конецъ приводили къ новому порядку вещей. Не совершается ли и въ исторіи нашей литературы, въ настоящій моментъ ея, подобная же исторія?

Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего обиднаго и есть кое-что върѣтное, но его первые не примутъ сами представители движенія. Они слишкомъ много написали полемическихъ статей съ передовыми взглядами, чтобы теперь всѣ ихъ признать бессмысленными или неосмысленными и исполненными однихъ только предчувствій, слишкомъ рельефно выражали свои воззрѣнія, чтобы назвать ихъ теперь хаотическими, слишкомъ лично примѣшивались къ дѣлу движенія и слишкомъ свирѣпо нападали на личности, чтобы теперь согласиться признать себя безличными.

*

Но если, съ одной стороны, совершенно вѣрно, что мы не дождались еще такого литературнаго двигателя, именовъ котораго могла бы быть обозначена наша новая литературная эпоха, какъ вообще обозначается эпоха, а если, съ другой стороны, наше движеніе отличается такими неудержимо-передовыми взглядами, что его нельзя приписать и всеобщему, стадному недовольству старымъ, то опять, изъ какихъ же пещеръ сорвались тѣ вѣтры, которые сдѣлали наше движеніе и поддерживаютъ постоянный прогрессъ въ немъ?

Понятно, что зтотъ жизненный и любопытный вопросъ можетъ быть рѣшенъ не иначе, какъ при полномъ знакомствѣ съ передовыми статьями нашихъ журналовъ, открытыхъ для всѣхъ вѣтровъ движенія. Къ счастью, такихъ статей написано такъ много, а объемъ времени, въ который онѣ написаны, такъ невеликъ, что общія данныя для разрѣшенія вопроса должны быть на памяти у всѣхъ, заинтересованныхъ дѣломъ. Но и еще къ большому счастью, изъ великой груды этихъ данныхъ, мы сразу можемъ указать на фактъ — столь общій и столь крупный, что онъ одинъ способенъ пролить полный свѣтъ на предметъ и озарить его со всѣхъ сторонъ. Какъ бы ни казалось это заносчивымъ, но это очень легко сдѣлать. Мы спросимъ читателя: случилось ли ему встрѣтить хоть одну ученую или политическую статью, изъ числа передовыхъ, хотя бы она вызвана была хлопчато-бумажнымъ вопросомъ въ связи съ рабовладѣльчествомъ, или химическимъ анализомъ солнца, по опытамъ Бунзена, или наконецъ теоріей Дарвина «о происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора родичей», словомъ — статью, которая, при своей научной матеріи, не касалась бы самымъ существеннымъ образомъ вопроса объ «Отцахъ и дѣтяхъ», или о «Взбаломученномъ Морѣ» и обо всемъ прочемъ, однородномъ съ этими литературными явленіями? Читатель не можетъ сказать, чтобы ему это случилось; мы ссылаемся на весь общественный смыслъ нашей страны и утверждаемъ, что истинно-передовая статья ему давно перестала представляться иначе, какъ въ формѣ искуснаго сопоставленія натуралистскихъ взглядовъ Дарвина съ литературными типами г. Тургенева. Теперь мы обернемъ вопросъ свой иначе и еще спросимъ читателя: изъ всѣхъ литературно-критическихъ статей, въ такомъ обиліи посвященныхъ передовымъ движеніемъ «Отцамъ и дѣтямъ», или вызванныхъ «Взбаломученнымъ Моремъ» и постоянно вызываемыхъ болѣе мелкими явленіями текущей литературы, случилось ли ему прочитать хоть одну, которая, при своей чисто-литературной матеріи, не касалась бы или философскаго ученія о свободѣ человѣческой воли, или теоріи

Дарвина о происхожденіи видовъ, или воззрѣній Бюкла на развитіе цивилизаціи въ человѣчествѣ, или вообще не стремилась бы установить истиннаго взгляда на сущность всѣхъ вещей и ихъ отношенія между собою? Читатель не можетъ сказать, чтобы ему случилось и это; онъ особенно не можетъ сказать этого собственно теперь, когда вопросъ объ «Отцахъ и дѣтихъ» — этомъ, хотя и удачномъ, но вполнѣ эфемерномъ явленіи—возникъ съ новою силой, когда наши органы движенія, давно разошедшись во взглядахъ на этотъ вопросъ, едва окончательно не разошлись изъ-за взгляда на него, и когда одинъ изъ этихъ органовъ, наиболѣе свирѣпо обуреваемый вѣтромъ движенія, предпринялъ посвятить, и уже посвящаетъ, этому «нерѣшенному вопросу» цѣлый рядъ статей—и что ни статья, то энциклопедія о сущности всѣхъ вещей и обо всемъ прочемъ.

Такимъ образомъ, указанный нами фактъ совершенно вѣренъ. Онъ даетъ намъ право слѣлать два заключенія. Впервыхъ, виновниками движенія, замѣчаемаго въ нашей литературѣ, слѣдуетъ считать великихъ естествоиспытателей, политическихъ мыслителей, физиковъ, механиковъ и астрономовъ. Въ вторыхъ, это движеніе, хотя оно и стремится обнять всю область явленій, къ которой принадлежатъ «Отцы и дѣти», Пушкинъ и Лермонтовъ, «Взбаломученное Море» и стихи г. Фета, не есть литературное; критическія начала, которыя имъ пріимѣняются къ названнымъ сейчасъ явленіямъ, совершенно чужды этимъ явленіямъ; они заимствуются изъ сферъ—нельзя сказать чтобы враждебныхъ литературѣ, но имѣющихъ къ ней такое же отношеніе, какъ сапоги къ поэмамъ Пушкина. Этому-то недостаточному разграниченію различныхъ областей человѣческаго духа мы, безъ сомнѣнія, и обязаны тѣмъ фактомъ, печальнымъ даже для насъ самихъ, что, говоря о нашемъ движеніи, какою бы фантастическую нелѣпость мы ни приписали ему, она все-таки можетъ быть подтверждена примѣромъ. Такъ сравненіе сапоговъ съ Пушкинскимъ существомъ на фактъ, сопоставленіе теоріи Дарвина съ «Отцами и дѣтьми» — тоже. Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобы наше движеніе, не будучи чисто-литературнымъ, имѣло какойнибудь другой чистый характеръ, на примѣръ—хоть популярно-научный, потому что и здѣсь, какъ мы можемъ наблюдать это во всѣхъ передовыхъ статьяхъ, факты науки постоянно рассматриваются по отношенію ихъ къ «Отцамъ и дѣтямъ», подобно тому, какъ этотъ однодневный романъ вотъ уже три года созерцается при свѣтѣ, бросаемомъ будто бы на него теоріей Дарвина: критическія начала опять не тѣ, и какъ литература наша ничего не выигрываетъ отъ приложенія къ ней принциповъ эмбриологическаго ученія,

такъ для эмбриологiи совершенно бесплодно привлеченiе къ ней типовъ, подобныхъ Базарову. При теперешней сбивчивости нашихъ литературныхъ понятiй, это послѣднее мнѣнiе наше можетъ показаться, пожалуй, слишкомъ оригинальнымъ, но оно, тѣмъ не менѣе, подтверждается всѣми словами ученыхъ рѣчей, еще не такъ давно произнесенныхъ на юбилей нашего знаменитаго эмбриолога, академика Карла фон-Бера—эмбриолога, о которомъ съ почтенiемъ упоминается даже въ статьяхъ, предпринятыхъ для рѣшенiя «Нерѣшеннаго вопроса». Для нашей цѣли намъ нѣтъ нужды проникать теперь въ самую глубину нашего движенiя: мы только разсматриваемъ, на сколько оно можетъ считаться литературнымъ; но еслибы отъ насъ потребовали непременно заглянуть въ эту глубину, мы сказали бы, что видимъ тамъ не болѣе, какъ движенiе *вокабуль*—не мысли, не мнѣнiя или ученiя, а только *вокабуль*. Въ этомъ журналѣ, при одномъ случаѣ, было объяснено, что такое вокабулы, и онѣ были по возможности перечислены; но ихъ списокъ не былъ полнымъ; наряду съ именами г. Каткова и Никиты Безрылова, тамъ не было упомянуто ни Дарвина и Бокля, ни Льюиса и Фохта, а между тѣмъ развѣ наши вокабулисты болѣе воздержно злоупотребляютъ этими почтенными именами? И развѣ, въ самомъ дѣлѣ, тѣ, которые обратили эти имена въ неразбѣнный цѣлковый, который въ какую-нибудь точку ни снеси—назадъ придетъ, тѣ, для которыхъ употребленiе этихъ именъ, въ сочетанiи съ нѣсколькими другими, замѣняетъ самый даръ слова, развѣ эти люди не истинные вокабулисты?

Итакъ наше движенiе, стремящееся овладѣть и управлять нашей литературой путемъ критики, не есть литературное. И это не натяжка съ нашей стороны, это не полемическая выходка, это — фактъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы каждый мѣсяць бываемъ поражены обилiемъ и длиннотою критическихъ этюдовъ самаго передоваго свойства. Но развѣ мы можемъ сказать, что всестороннiе авторы этюдовъ держатся какихъ-нибудь хорошо опредѣленныхъ началъ, хотя бы и самыхъ несообразныхъ, но, по крайней мѣрѣ, пригнѣаемыхъ съ постоянствомъ и однообразiемъ? Нѣтъ, они ревниво сохраняютъ за собою свободу выбирать новую точку зрѣнiя при каждомъ новомъ наитiи. Сойдетъ на критика высшая благодать—и онъ начинаетъ литературно-критическiй этюдъ свой положенiемъ, что «послѣднiй ремесленникъ на столько же выше любого поэта, на сколько всякое положительное число больше нуля» (фактъ, уже засвидѣтельствованный въ этомъ журналѣ); но высшая благодать оставляетъ критика—онъ падаетъ изъ высшихъ сферъ умозерка-

ніа, и въ концѣ того же этюда неожиданно начинается восторгаться несравненной прелестію лёгонькихъ стиховъ, переведенныхъ его пріателемъ изъ Генриха Гейне. Гдѣ же тутъ вѣрность принципамъ или постоянство однажды усвоеннаго взгляда? Разсуждая о литературѣ какъ о цѣломъ, авторъ этюда созерцаетъ ее съ высшей точки зрѣнія, онъ дѣлается социальнымъ философомъ и проповѣдуетъ, что литература всѣхъ вѣковъ и народовъ не стѣнѣ изношеннаго голенища; но переходя отъ цѣлаго къ частности, къ одиночному явленію литературы, къ переводу незначительныхъ стиховъ изъ Гейне, онъ вдругъ начинаетъ исповѣдывать принципъ одновашничества и пріятельскаго сожитія съ переводчикомъ. Онъ дѣлаетъ этотъ пассажъ и, конечно, не замѣчаетъ, что въ силу его сужденія выходитъ, что часть больше цѣлаго, что одна частная негѣпость, выраженная на страницахъ «Русскаго Слова», нелѣпѣе всего «Русскаго Слова», и что сапоги Пушкина, обходившіеся ему цѣнностію въ одну строчку его писанія, дороже самого Пушкина... впрочемъ, по мнѣнію автора этюда, это такъ и есть. Или, еще болѣе любопытное явленіе: критикъ, еще болѣе компетентный, чѣмъ тотъ, котораго мы сейчасъ разумѣли, столь компетентный, что даже удивляетъ сочувственныхъ ему мыслителей честностію своихъ убѣжденій, притомъ столь многосторонній, что отъ оцѣнки какого нибудь новаго очерка г. Щедрина онъ такъ же легко и самоувѣренно переходитъ къ ученію объ эмбрионахъ, какъ Блонденъ переходитъ съ одного конца каната на другой, ну—вотъ критикъ съ такими-то достоинствами, послѣ непрерывнаго трехлѣтнаго трактованія объ «Отцахъ и дѣтяхъ», съ новою энергіею обращается къ этому, по его мнѣнію, «нерѣшенному вопросу!» Чтѣ мы можемъ заключать изъ этого? Конечно, то, что всесторонній критикъ, не въ пику только г. Антоновичу, но и по честному убѣжденію своему находитъ романъ г. Тургенева столь глубокимъ, что изъ этой бездны сколько ни черпай, никогда ее не исчерпашь. И это—замѣтите—онъ думаетъ о произведеніи, какъ мы уже сказали, хотя и удачномъ, но далеко и даже слишкомъ далеко непервоклассномъ. Слѣдственно, мы вправѣ думать еще, что восходя отъ г. Тургенева черезъ всѣ посредствующія степени до истинно первокласснаго писателя, удивленіе критика къ глубинѣ и мудрости художественныхъ произведеній должно доходить до экзальтаціи и экстаза. Во всякомъ случаѣ мы вправѣ думать, что критикъ, въ ряду агентовъ, возвышающихся и цивилизующихъ наше человѣческое племя, даетъ должное и, можетъ быть, даже сверхдолжное значеніе литературѣ. Такъ бы этому должно быть, но не такъ это на самомъ дѣлѣ. Тотъ же самый критикъ, какъ только ему случит-

ся позабыть настоящую тему своей статьи — а это случается с нимъ въ каждой статьѣ — тотчасъ становится на точку зрѣнія социальнаго философа и уже созерцаетъ литературу всѣхъ вѣковъ и народовъ какъ сущій вадоръ и ничего нестоящую болтовню — болтовню, пожалуй, и терпимую, но только потому, что люди далеко не всѣ еще такъ умны, чтобы читать однѣ передовыя статьи; при этомъ онъ, однако, уповаетъ, что не даромъ же издается «Русское Слово», и что рано ли поздно ли, но доведетъ же оно свои статьи до той степени занимательности, при которой г-жѣ Ахматовой, издательницѣ «Библиотеки переводныхъ романовъ», придется закрыть свою лавочку. Тотъ же самый критикъ въ тѣхъ самыхъ вновь предпринятыхъ статьяхъ о «нерѣшенномъ вопросѣ», въ которыхъ въ несчетный разъ предается эстетическому наслажденію, созерцая художественныя типы Базарова и Одинцовой, едва-ли не превзошелъ своего собрата острою своего взгляда на Пушкина и Лермонтова.... Но этотъ взглядъ такъ хорошъ, что мы хотимъ показать его болѣе конкретнымъ образомъ, съ подлинною цитатою. — Критику случилось позабыть, что онъ пишетъ статью, по самой ея сущности эстетическую, и позабывъ объ этомъ, равно какъ и обо всемъ прочемъ, въ томъ числѣ и о предметѣ своей статьи, онъ вдругъ замаяхнулся на все, что, по непреложнымъ законамъ науки и природы, отнесено къ области изящнаго. Ему повадилось иллюстраціи, примѣры для уясненія этого его взгляда; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ почелъ этотъ случай вполне удобнымъ, чтобы преподать «русскому человѣку» ученіе о томъ, какъ онъ бываетъ глупъ въ то время, когда читаетъ Пушкина или Лермонтова, вмѣсто передовой статьи или «Отцовъ и дѣтей». Для своихъ иллюстрацій критикъ и выбираетъ, разумѣется, этого самого Пушкина съ Лермонтовымъ, подвергая «русскаго человѣка» такой діалектической пылкѣ:

«Вамъ нравится Пушкинъ?—Извольте, полюбуйте на вашего Пушкина.—Вы восхищаетесь Демономъ Лермонтова?—Посмотрите, что это за безмыслица.—Вы благоговѣете передъ Гегелемъ (sic)?—Попробуйте сначала понять его изрѣченія.—Вамъ хочется уснуть подъ сѣнью «общихъ авторитетовъ поэзіи и философіи»?—Докажите сперва, что эти авторитеты существуютъ и на что-нибудь годятся.—Вотъ какъ надо поступать съ *русскимъ человекомъ*» («Рус. Сл.», октябрь 1864 г.).

Далѣе такъ же любопытно, но уже касается ученія «объ общечеловѣческой солидарности.»

Что, вы скажете, не превзошелъ собрата?—Согласенъ; но дѣлаю эту уступку лишь потому, что имѣю подъ руками друга»

штуку.—Коснувшись разъ Гегеля, какъ мыслителя, выражавшагося чрезвычайно туманно и трудно, критикъ, по естественной связи идей, вспомнилъ, что у нѣмцевъ есть писатели, у которыхъ ясность мысли и красота рѣчи доведены до возможнаго совершенства, до того, что для нихъ не существовало такого тонкаго оттѣнка мысли, который они не облекли бы въ ясное и отчетливое слово, наконецъ до того, что нѣмцы считаютъ гордостію всего нѣмецкаго племени обладаніе такими писателями; но вспомнивъ объ этомъ фактѣ, критикъ уже по законамъ логической необходимости, но долгу вѣрности своимъ честнымъ убѣжденіямъ, а также и согласно тому принципу Гегеля, по которому этотъ философъ считаетъ бытіе равнымъ небытію, не могъ воздержаться, чтобы ясность мысли и красоту рѣчи не заклеить такимъ же сарказмомъ, какъ и противоположныя тому качества. Имена Гёте и Шиллера сами собой напросились, въ этомъ случаѣ, послужить жертвами очищенія за грѣхъ яснаго ума и изящной рѣчи. Самое идолослуженіе совершается у критика въ слѣдующей цитатѣ.... Ты властенъ залить ее чернилами, читатель; но прежде прочитай:

«Такимъ же точно путемъ — говорить критикъ (разумѣя при этомъ путь старанія о совершенствованіи человѣческой рѣчи) — многіе великіе умы парализовали свою дѣятельность. Гёте, а вмѣстѣ съ нимъ и *добрыя* Шиллеръ, совершенно чисто-сердечно убѣдили сами себя и другъ друга, что имъ стоитъ только потоньше ощущать, да повозвышеннѣе мыслить, да помудренѣе выражаться, и что они тогда окажутъ всему человечеству неизмѣримыя благодѣянія. Утвердившись на этой позиціи, великія свѣтила нѣмецкой поэзіи вскорѣ сдѣлали открытіе, что ощущенія ихъ достаточно тонки, мысли достаточно возвышенны и выраженія достаточно замысловаты. Тогда осталось только любоваться своими совершенствами и продовольствовать простое человечество не грубыми плодами полезнаго умственнаго труда (*разумій: писаніе передовыхъ статей*), а тонкимъ изяществомъ просвѣтленныхъ личностей. Восхищайтесь, молю, нами, и благодарите Бога за то, что мы живемъ среди васъ, и что вы можете совершать такую невиданную красоту души и ума. А увѣривъ себя въ этомъ, Гёте самъ себя считалъ великимъ.... Мелкія мысли и мелкія чувства (*конечно, по сравненію съ мыслями и чувствами, выражаемыми въ передовыхъ статьяхъ*) надо было возвести въ перлъ созданія; Гёте выполнилъ этотъ фокусъ, и подобные фокусы считаются до сихъ поръ величайшимъ торжествомъ искусства; но производятся такіе фокусы не только въ сферѣ искусства, а также и во всѣхъ остальныхъ сферахъ человѣческой жизни. Маленькій, но поучительный примѣръ такого фокуса представляется намъ въ романѣ г. Тургенева, въ лицѣ....»

Но дагѣ уже опять слѣдуетъ переименованіе «Отцовъ и дѣтей» и, слѣдственно, то самое, что критикъ называетъ, въ приведенной пятатѣ, «грубыми плодами полезнаго умственнаго труда». Такъ превзошелъ онъ своего литературнаго собрата или нѣтъ? Тотъ въ отдѣльности дернулъ только на Пушкина и Лермонтова, всѣхъ же остальныхъ коснулся лишь подъ общицею именемъ «любимаго поэта», или еще подъ побольше общицею «литературы всѣхъ вѣковъ и народовъ»; этотъ, въ свою очередь, «литературѣ всѣхъ вѣковъ», само собою, не даетъ спуска; для отдѣльнаго же закланія, для конкретнаго примѣненія своихъ высшихъ воззрѣній на «нѣрѣшенный вопросъ», избираетъ уже Гёте и «добряка» Шиллера. Какъ же послѣ этого не превзошелъ?—Гей, ви, нѣмцы! Что вы тамъ разшумѣлись съ своимъ Шиллеромъ? Зачѣмъ сдѣлали изъ его имени знамя своего національнаго единства? Зачѣмъ основали и окрестили этимъ именемъ двадцать обществъ съ глупымъ назначеніемъ, чтобы раздавать награды и помощь умственнымъ преемникамъ Шиллера, выразителямъ вашего нѣмецкаго духа и представителямъ вашего нѣмецкаго ума и слова? И зачѣмъ вамъ единство, и почему для этого единства понадобился вамъ Шиллеръ? А! вы думали, что вашъ Шиллеръ заботился сколько нибудь объ улучшеніи вашего умственнаго продовольствія, о родетвенномъ сближеніи и возвышеніи вашихъ нѣмецкихъ душъ; вы не подозрѣвали, что это былъ за фокусникъ; вы не созерцали его со стороны ни мелкихъ чувствъ, ни мелкихъ мыслей.... Но это не отговорка. Начните же созерцать, по крайней мѣрѣ, теперь.

Но какъ бы то ни было, тотъ ли превзошелъ этого, или этотъ того, только вѣрности принятымъ началамъ, да и самыхъ даже началъ, мы не находимъ и у этого; мы готовы признать за нихъ все разнообразіе взглядовъ, всю полноту свободомыслія, вѣстѣсняющагося никакими законами логики, ни даже основными законами мышленія, но въ этомъ разнообразіи гдѣ же единство? въ этомъ свободомысліи гдѣ служеніе мысли, гдѣ господство надъ мыслимымъ матеріаломъ, гдѣ вѣрность какому бы ни было убѣжденію? Съ одной стороны: критикъ не нравится мудрость, выражающаяся темно, а съ другой—его возмущаетъ мудрость, выражающаяся изящно: это и темно и изящно. Мысль критика, конечно, можетъ быть угадана; онъ, безъ сомнѣнія, полагаетъ, что лучшій способъ выраженія — это вокабулы; но это слѣдовало бы связать начистоту, съ ясностію, хотя и безъ изящества. Еще съ одной стороны: немудреная, хотя и удачная, повѣсть г. Тургенева заставляетъ критика предаваться эстетическому сладострастію дѣлше три года, съ прибавкою доли четвертаго, и въ

то же время Гёте и Шиллеръ, дѣтели изъ той же области, въ которой принадлежитъ г. Тургеневъ, только неизмѣримо высше его, кажутся ему только акробатами, фокусниками. Побужденія критика опять могутъ быть угаданы: отечественная повѣсть, какая бы она ни была, доставляетъ матеріалъ для «вѣдѣнн плодовъ полезнаго умственнаго труда» на цѣлыя годы, ниши сколько хочешь, а съ Гёте и Шиллера что возьмешь? Но и это, мы полагаемъ, критику, если онъ искренно проникнуть желаніемъ блага своему отечеству, слѣдовало бы выразить самому, а не вызывать чужіе комментаріи, потому что какъ много въ его отечествѣ есть людей, которыхъ вся выгода — полагать въ основу своихъ воззрѣній на Гёте и Шиллера совершенное безкорыстіе! Потому, еще съ одной стороны, трехлѣтнія и чисто индивидуальныя изліянія собственныхъ восторговъ критика, по поводу «Отцовъ и дѣтей», представляются ему «плодами полезнаго умственнаго труда», а съ другой — изліянія Лермонтова, выражены имъ въ поэмѣ «Демонъ», и изліянія не личныя только, а имѣющія всегданнее общее значеніе, кажутся ему безсмыслицей. Почему такъ? Положимъ, что въ дѣйствительности, демоны не влюбляются; но въ дѣйствительности нѣтъ ни одного положенія, которое бы соответствовало и всему тому, что изображается или утверждается и въ статьяхъ критика: Почему же «Демонъ» безсмыслица, а статьи — нѣтъ? Между тѣмъ, въ основу этой поэмы положена вещь, которой никакъ не отыщешь въ статьяхъ критика — вещь самая реальная, существующая съ самаго начала времени, а можетъ быть и прежде, и имѣющая продолжиться до самого конца ихъ, если таковой послѣдуетъ: это — любовное чувство, молодое, свѣжее, бьющее черезъ край. Это чувство выражено Лермонтовымъ съ такой силой и съ такою, понятной для всякой здоровой молодости, истинной, что стихами его поэмы могутъ божиться всѣ влюбленные юноши — конечно, при томъ условіи, если они не одѣлали своей мысли и своего чувства мелкими и ледяными, посредствомъ чтенія или писанія передовыхъ статей. Эта поэма, кромѣ того, исполнена картинъ и описаній, которыя людьми, знающими кавказскую природу, признаются топографически-вѣрными. Эта поэма, наконецъ, по самимъ словамъ своимъ, можетъ служить гордостію нашего русскаго языка, который, послѣ всякой подобной вещи, дѣлается благороднѣй и выразительнѣй; и неужели въ «Русскомъ Словѣ» нѣтъ такова мудреца, который объяснилъ бы ему, какое великое благодѣаніе для человѣка, что онъ обладаетъ даромъ слова, что это благодѣаніе, какъ таковое, имѣетъ степени, такъ что языкъ бѣдный, грубый и необразованный, есть меньшая степень этого

благодѣанія, чѣмъ языкъ богатѣй, развитѣй, подвергнуты и продолжающій подвергаться всѣмъ опытамъ обработки, и что, слѣдственно, тѣ, которые возвышаютъ для насъ благодѣаніе дара слова, избавляютъ насъ отъ мимики дикарей и вокабулъ передовыхъ критиковъ, эти люди... по меньшей мѣрѣ, не канатные плетени. Все это—вещи реальныя; гдѣ же бессмыслица? И остается только бѣднѣяга «Демонъ», непереваренный желудкомъ критика.

Среди всѣхъ высшихъ воззрѣній, подобныхъ указаннымъ у насъ передовыхъ критиковъ, встрѣчаются, однако, попытки къ нѣкоторому самосознанію, попытки заявить себя жрецами какого-то новѣйшаго реализма, въ противоположность какимъ-то, супротивнымъ будто бы реализму, эстетикамъ, словомъ—попытки объяснить свою теорію, и опереть ее на законныхъ основаніяхъ; самая эта теорія, если ея главныхъ принциповъ не слычатъ съ ея же главнѣйшими принципами, имѣетъ видъ нѣкоторой солидности, и съ боку иногда походитъ на правильное философское построеніе; смыслъ ея состоитъ въ томъ, чтобы наряду со всѣми проявленіями человѣческой дѣятельности, явленія искусства вообще и литературы въ частности, оцѣнивались въ мѣру ихъ относительной полезности, чтобы кодексомъ ученія объ изящномъ считалась не эстетика, съ ея непосредственнымъ чувствомъ прекраснаго, а наши человѣческія потребности и наши понятія вреда и пользы. Нужно признаться, что наша передовая критика возвышается до такого разумнаго формулированія своихъ воззрѣній, и намъ пріятно засвидѣтельствовать о такомъ фактѣ. Но теперь, когда мы сами признаемъ это, намъ могутъ сказать, зачѣмъ мы не сразу показали и оцѣнили именно эту разумную сторону нашего литературно-критическаго движенія? Реализмъ и утилитарная доктрина — не бессмыслица; зачѣмъ же намъ нужно было остановиться прежде всего на сличеніи принциповъ, стоящихъ одинъ къ другому, какъ непримиримыя антитезы? Правда; но наше положеніе и теперь, когда мы открыли формулу передоваго движенія, все такое же крайнее: для всесторонняго уясненія ея, намъ невозможно обойтись безъ сличенія главныхъ принциповъ съ главнѣйшими, слѣдственно, невозможно не вызывать антитезовъ. Дѣло въ томъ, что въ силу означенной теоріи, смотря по способностямъ мыслителя къ правильному изслѣдованію, можно и совсѣмъ отвергать литературу всѣхъ вѣковъ и народовъ, какъ и вообще искусство, и можно также, упиваясь, напримѣръ, новѣйшею г. Тургенева, отвергать въ то же время Пушкина и Гёте, и можно, наконецъ, придти къ такому примиренію антитезовъ, при которомъ нѣтъ причинъ отвергнуть даже г. Фета, хотя въ то же время будетъ оставаться причина не признать прекраснѣй-

ную изъ поэмъ Байрона, въ переводѣ «Русскаго Слова». Наша передовая критика — и замѣтьте, литературная критика — разрабатывая свою теорію, держится то перваго изъ этихъ трехъ положеній, то впадаетъ во второе, то составляетъ изъ того и другаго особаго рода композицію, и только постоянно отворачивается отъ третьяго, и замѣтьте еще разъ — это литературная критика; примиреніе антитезовъ ей не дается: она, во что бы ни стало, хочетъ оставаться при своемъ высшемъ свободомысліи, и остается. Вѣрно, это-то и есть «новѣйшій» реализмъ. Только-что представленный нами критикъ, какъ самый характерный въ своемъ родѣ, какъ самый безхитростный, и вполне договаривающій объясняющій его пантія, опять можетъ показать намъ самъ, собственными его словами, какъ «новѣйшіе» реалисты понимаютъ и объясняютъ свою вышеозначенную теорію. Такъ въ одной изъ ряда статей, посвященныхъ имъ «Нерѣшенному вопросу», онъ удѣляетъ почти половину страницъ собственно на уясненіе доктрины. — И вторяемъ, что мы останавливаемся на страницахъ именно этого критика, и именно на страницахъ означенной статьи потому, что онъ самый существенны: смѣлыя страницы эти возбудили-было нѣкоторыя недоумѣнія въ «Современникѣ»; но когда «Русское Слово» (декабрь, 1864) объяснило «Современнику», что его недоумѣнія касаются только частныхъ, но что въ главныхъ словахъ статьи «Современникъ» не можетъ не согласиться съ ея авторомъ, то «Современникъ» согласился, по крайней мѣрѣ — не вполне отвергъ, чтобы главные основы «новѣйшаго» реализма не были тѣ самыя, на которыя указываетъ, и которыя подробно развиваются въ статьѣ. Слѣдственно источникъ, изъ котораго мы черпаемъ — вдвойнѣ добрый источникъ: его признаетъ все наше движеніе. Основы свои критикъ развиваетъ посредствомъ сопоставленія и характеристики «эстетика» и «реалиста», какъ представителей двухъ непримиримо противоположныхъ направленій. Общее положеніе, отъ котораго онъ переходитъ къ рисовкѣ двухъ этихъ портретовъ, выражено у него въ слѣдующихъ подлинныхъ строчкахъ:

«Эстетика, безотчетность, рутина, привычка — это все совершенно равносильныя понятія. Реализмъ, сознательность, анализъ, критика и умственный прогрессъ — это также равносильныя понятія, діаметрально противоположныя первымъ».

Затѣмъ діаметральная противоположность эта представляется въ лицахъ: эстетикъ, по представленію критика — дѣлтяй и чловѣкъ фразы; реалистъ — мыслящій работникъ; эстетикъ разсуждаетъ такъ: «мнѣ это нравится, слѣдственно, это хорошо»; реа-

лвость домысливается, почему нравится и почему хорошо; эстетикъ скажетъ: «я живу въ деревнѣ, въ глуши, но я не роняю себя, я уважаю въ себѣ человѣка—я поддерживаю привычки моего воспитанія, мой туалетъ, мою опрятность»; реалистъ выразится: «я умываю лицо и руки (и это не каламбурная рѣчь?), стригу ногти, причешиваю волосы, хожу въ баню, мѣняю бѣлье—и только»; эстетикъ строить жизнь на конфетныхъ сладостяхъ; реалистъ создаетъ свою на идеѣ труда и общей пользы; эстетикъ не проживетъ двухъ дней, если вы лишите его эрмитажа и итальянской оперы; даже отнимите у него только Пушкина, вы прогоните его въ чухотку; реалистъ сохранить твердость духа, еслибы завтра же охрипли всѣ итальянскіе пѣвцы и провалились съвозъ землю всѣ картинныя галереи, и онъ не только обойдется безъ какого-нибудь Пушкина или «добрака» Шиллера, но и безъ самого Шекспира; эстетикъ смотритъ на любовь, какъ на «самостоятельную цѣль»; реалистъ созерцаетъ ее только «какъ превосходное и незамѣнимое средство» (*фактъ; октябрь 1864, отд. II, стр. 54*); эстетикъ женится очертя голову, и всегда на красотѣ и наружности, и непременно по страсти; реалистъ «дѣлаетъ предложеніе» подумавши и не иначе, какъ по чувству дружбы; эстетикъ, по охлажденіи первыхъ чувствъ, обыкновенно начинаетъ жить съ своею женою, какъ кошка съ собакой, заставляя ее тѣмъ самымъ искать развлеченій вѣдъ дома, изъ котораго и самъ бѣжитъ; реалистъ, напротивъ, сожителствуетъ съ своею подругою въ вѣчномъ ладу, приучая ее въ сосѣдственной отъ себя комнатѣ сидѣть за дѣльной умственной работою, при томъ если она чего не знаетъ—спрашиваетъ у него, если онъ забылъ нужную для его статьи цитату—справляется у ней, словомъ: «всѣ силы ея ума—говорить критикѣ—и ея начитанности постоянно находятся въ моемъ распоряженіи, когда я нуждаюсь въ ея содѣйствіи; всѣ силы моего ума и моей начитанности постоянно подоспѣваютъ къ ней на помощь, когда она чѣмъ-нибудь затрудняется» (*тамъ же; стр. 55*): критикъ, очевидно, весь предается надеждѣ, что рано ли поздно ли, но дѣла этого міра придутъ же къ тому концу, что «новѣйшій» реалистъ восторжествуетъ, что настанетъ же время, когда не останется ни одного эстетика и когда весь міръ мужчинъ и весь міръ женщинъ, размѣстившись по сосѣдственнымъ комнатамъ, будутъ повально предаваться произведенію «грубыхъ плодовъ полезнаго умственнаго труда», пина передовыя статьи въ «Русское Слово»:—о! какъ это реально. Много еще другихъ различій отрываетъ критикъ между эстетикомъ и реалистомъ—различій, которыхъ нѣтъ нужды перечислять, но о которыхъ нужно

сказать, что они не менѣе діаметрально противоположны, чѣмъ всѣ приведенныя. Но наконецъ послышки для его умозаключенія готовы, и ему остается сдѣлать обычный выводъ, что, дескать, несмотря на всѣ вышеприведенныя завирательства, понятія, выражаемыя словами «эстетикъ» и «реалистъ», нисколько непротивоположны. Онъ это самое и дѣлаетъ. Серьезно дѣлаетъ! Вотъ его модныя слова:

«Можно быть эстетикомъ, не выходя изъ чисто-практическихъ интересовъ; и можно быть реалистомъ, съ любовью изучая Шекспира и Гейне, какъ гениальныхъ и великихъ писателей» (Тамъ же, стр. 27).

Но одного этого вывода критику показалось мало; его послышки были слишкомъ грузны, слишкомъ преисполнены контрастовъ, чтобы изъ нихъ можно было сдѣлать одно только заключеніе, хотя совершенно неожиданное; потому критикъ, исходя изъ тѣхъ же самыхъ посылокъ (именно, изъ тѣхъ же!), на слѣдующей же страницѣ (именно на слѣдующей!) умозаключаетъ снова:

«Теперь ясно, что существованіе высшей руководящей идеи у *последовательнаго* реалиста и отсутствіе такой идеи у эстетика составляетъ основное различіе между этими двумя группами людей».

Совершенно ясно и вполне доказательно, въ особенности совершенно последовательно, такъ и идетъ отъ одного къ другому. Теперь узнать бы только самую эту идею.

«Какая же это идея?—спрашиваетъ критикъ, и отвѣчаетъ:—это—идея общей пользы или общечеловѣческой солидарности».

Не можетъ ли критикъ чего-нибудь прибавить въ поясненіе сказаннаго?—Можетъ.

«Идея общечеловѣческой солидарности—говоритъ онъ—извѣстна очень многимъ эстетикамъ, но они относятся къ ней, какъ, напримѣръ, къ какому-нибудь мексиканскому вопросу.—Да, молъ, хорошая идея и интересныя вещи объ ней пишутся. Отчего не почитать на счетъ этой идеи? Отчего даже, при удобномъ случаѣ, не заявить печатно, что homo sum et nihil humani...? (тамъ же, стр. 8).

Теперь довольно, нужно обсудить все это. Пожалуй, можно бы и не обсуждать, потому что всѣ слова критика, какъ приведенныя такъ и неприведенныя, взаимно уничтожаютъ одно другое; въ логическомъ смыслѣ они даже вовсе не существуютъ, все равно какъ еслибы никогда не были написаны, такъ что подписчики «Русскаго Слова» могутъ даже предъявить претензію, что нумера «Рус-

скаго Слова» выдаются имъ съ бѣлыми страницами, на которыхъ ничего не напечатано. Но «новѣйшій» реализмъ имѣеть такое большое значеніе въ нашемъ умственномъ движеніи, что мы были бы готовы разбирать его, еслибы онъ былъ даже написанъ—какъ онъ, впрочемъ, и дѣйствительно написанъ—гвоздеобразными письменами. Потому, мы допускаемъ, что означенныя слова всѣ совершенно понятны. Мы понимаемъ, во первыхъ, хотя, впрочемъ, критику весьма легко можетъ доказать, что его понять невозможно, но допустимъ, что эта возможность существуетъ и что критику, какъ послѣдовательному мыслителю, приходится, во первыхъ, совсѣмъ непризнавать ни искусства, ни литературы. Но не вслѣдствіе ли того онъ считаетъ себя въ такой крайности, что не можетъ совладѣть съ своими собственными антитезами? Онъ исповѣдуетъ теорію утилитаризма. Но требуетъ ли отъ него эта теорія такой жертвы? Вѣрность принципу заставляетъ его оцѣнивать человѣческую дѣятельность по ея полезности; область изящнаго, по его мнѣнію, не подходитъ подъ этотъ принципъ. Но для того, чтобы подходила, не слѣдуетъ ли критику взглянуть на изящное со стороны его полезности? Онъ привидываетъ также къ продуктамъ человѣческой дѣятельности мѣрку своихъ человѣческихъ потребностей, и находитъ, что изящное не подходитъ и подъ эту мѣрку. Но опять, для того, чтобы оно подходило подъ нее, не слѣдуетъ ли ему расширить кругъ этихъ потребностей, не ограничивая его стрижениемъ ногтей, перемѣною бѣлья и тому подобными обыденностями? Именно слѣдуетъ; въ этомъ вся разгадка, и все примиреніе антитезовъ. Психологія еще не на столько опытная наука, чтобы дать положительный отвѣтъ—служить или не служить польза конечнымъ мотивомъ всей человѣческой дѣятельности; но допустимъ, что утвердительный отвѣтъ въ этомъ случаѣ будетъ самый согласный съ нашею природою, тѣмъ болѣе, что аргументы въ пользу такого отвѣта довольно убѣдительны, и они выводятся посредствомъ самаго деликатнаго анализа. Что жъ изъ этого? Ужъ конечно не то, что сапоги лучше Пушкина. Природа человѣческая не измѣняется черезъ это открытіе, точно такъ, какъ часы не становятся другими съ тѣхъ поръ, какъ мы уразумѣемъ ихъ механизмъ; она остается все та же, какою была и въ то время, когда всѣ мотивы ея движеній не были еще возведены къ высшему единству, положимъ, хоть въ фокусѣ пользы. И черезъ это открытіе нисколько не уничтожается тотъ фактъ сознательной человѣческой исторіи, что она началась съ плясовыхъ пѣсенъ, съ хороводныхъ круженій вокругъ камней и чурбановъ, съ воспѣванія «славы солнцу на небѣ высокомъ» — словомъ, со всего того, чего никакъ не могло быть, еслибы оно не

вызывалось потребностями человѣческой природы. Потому въ частности на счетъ Пушкина: умъ сколько нибудь зоркій и осторожный, и особенно, если онъ признаетъ идею человѣческой солидарности не какъ безмысленную вокабулу, а какъ имѣющую дѣйствительный и плодотворный смыслъ—такой умъ никогда не рискнетъ на такую диффамацию самого себя, чтобы передъ лицомъ всей честной публики отвергать полезность для насъ нашего великаго поэта. Фактъ состоитъ въ томъ, что если, благодаря стихамъ Пушкина, сотни тысячъ русскихъ умовъ, сотни тысячъ сердецъ, сотни тысячъ воображеній въ одно ли время, или въ разные времена, поражаются и будутъ поражаться одними и тѣми же представленіями, то между этими сотнями тысячъ образуется духовное родство, образуется связь, которая дѣлаетъ русскихъ болѣе людьми одного племени и одной земли, то-есть связь, которая составляетъ ту самую—если не общечеловѣческую, то общерусскую—солидарность, которая въ устахъ критика отдается только мертвымъ звукомъ простой вокабулы. «Добрякъ» Шиллеръ, на которомъ нѣмецкое племя на весь свѣтъ, за исключеніемъ критика, сошлось въ сознаніи своей общенѣмецкой солидарности, можетъ послужить наглядной иллюстраціей для нашей мысли. Далѣе, если критикъ, не умѣя совладѣть съ своими антитезами, признаетъ Шекспира, а всѣхъ прочихъ, и вообще всю область знаменнаго отвергаетъ, то его можно спросить: полагаетъ ли онъ, что слѣдуетъ издать такой органической законъ, которымъ бы повелѣвалось писать однимъ только Шекспирамъ, а всѣмъ прочимъ было бы приказано молчать до самаго втораго пришествія Шекспира и послѣ? И если онъ это полагаетъ, то думаетъ ли онъ, что эта мѣра не будетъ насиліемъ для человѣческихъ потребностей тѣхъ, которые, совершенно подобно ему самому, не стыдятся рѣшиться сказать, что Шекспировъ и Шиллеровъ жони разумѣть не могутъ, а хотѣли бы довольствоваться или г. Некрасовымъ, или г. Фетомъ, или г. А. Майковымъ? Наконецъ, еще разъ—вообще насчетъ изящнаго, критику можно предложить, не всѣмъ не кстати и не безъ пользы, такой рядъ вопросовъ: «новѣйшій» реалистъ можетъ или не можетъ пожелать когда нибудь, по какому нибудь случаю, имѣть портретъ своей вышеозначенной трудолюбивой и начитанной подруги? Если онъ можетъ, какъ это и на самомъ дѣлѣ наблюдено надъ реалистами цѣлаго свѣта, то пожелаетъ ли онъ, чтобы портретъ этотъ былъ написанъ изящно, или безобразно? Если онъ согласенъ будетъ на безобразный, или даже ни на какой не согласенъ, то будетъ ли у него какое нибудь право требовать, чтобы и другіе довольствовались только безобразными портретами или и вовсе бы ихъ не имѣли, несмотря

на потребности своей природы? Эти вопросы касаются теории происхождения и преуспевания живописи. Но съ ними можно отнестись въ какому угодно самоновѣйшему реалисту, примѣнивъ ихъ и къ бюстамъ или статуямъ, къ вѣнцу и музыкѣ. Значить, человѣческія потребности напрасно смущали критика, значить, примиреніе для его антитезовъ есть, но только оно не было оглашено указомъ и еще не дошло до его свѣдѣнія.

Вовторыхъ, въ приведенномъ изложеніи теории «новѣйшаго» реализма можно предположить понятнымъ, что критику хочется подорвать всякій кредитъ эстетиковъ въ нашемъ обществѣ и перенести этотъ кредитъ на реалистовъ. Въ сущности, это—то же самое отрицаніе литературы всѣхъ вѣковъ и народовъ, но съ другой стороны, и тоже въ сущности, это значить, что послѣдовательныя мысли даются намъ трудно, что предполагать себя послѣдовательнымъ и быть таковымъ на самомъ дѣлѣ—двѣ вещи, глубоко различныя между собою. Дѣйствительно, послѣдовательныя мысли не такія покорныя рабыни, которыя бы сами просились на услуги и явились бы къ намъ по шучьему велѣнію всякій разъ, какъ только редація передоваго журнала пожелаетъ украсить его страницы нашею статьею въ духѣ новѣйшаго реализма; наши мысли, когда мы хотимъ ихъ сдѣлать послѣдовательными, не вдругъ поддаются намъ. И нужна трудная, суровая и продолжительная выправка ума, нужно сотни разъ подавить въ себѣ обольщенія свободомыслія, даже много и часто нужно задумываться надъ utilityностию того или другаго союза въ нашей рѣчи, чтобы, наконецъ, добиться желаемой покорности и должнаго послушанія намъ отъ нашихъ собственныхъ мыслей. «Новѣйшія» реализмъ, какъ видно, не признаетъ этого: онъ думаетъ, что «всякое дальнѣе благо, и всякъ даръ совершенъ, пше есть сходяй» на него свыше; словомъ, онъ разумѣетъ свободомысліе, какъ свободу мыслить—какъ хочешь. Дѣло въ томъ, что понятія, выражаемыя словами «эстетикъ» и «реалистъ», или «эстетика» и «реализмъ» не могутъ быть противоположаемы одно другому, и они могутъ быть даже въ такихъ отношеніяхъ, что должны обуславливать одно другое; на примѣръ: писатель реалистическаго направленія, если только онъ настоящій писатель, непременно долженъ быть и эстетикомъ. Почему—непременно? Потому, что пока существуетъ художественный родъ литературы, до тѣхъ поръ для художественнаго писателя, форма произведенія всегда будетъ служить проблемною, которую ему нужно рѣшить; а для рѣшенія этой-то проблемы, ему и нужно какъ разъ соединять въ себѣ условія, которыя дѣлають челоуѣка эстетикомъ, какъ, на примѣръ, чувство изящнаго, знаніе мѣры, воспитаніе на великихъ образцахъ, гдѣ задачи, одно-

родни съ его задачею, разрѣшены самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Сказать короче, эстетика есть философія изящнаго, а реализмъ означаетъ направленіе, которое, между прочимъ, въ нашъ вѣкъ дѣлается господствующимъ, и стремилось господствовать еще прежде нашего вѣка, и въ области изящнаго. Обращаясь, въ частности, къ литературѣ, мы можемъ сказать, что реализмъ есть Теккерей, дѣйствительно, реальнѣйшій изъ писателей нашего вѣка; но и эстетикъ есть тоже Теккерей, такъ-какъ этотъ знаменитый писатель прославился даже, какъ эстетическій критикъ, своими публичными лекціями, читанными въ двухъ частяхъ свѣта, объ англійскихъ юмористахъ прошедшаго столѣтія; и особенную пронизательность этотъ эстетикъ обнаружилъ именно въ томъ, что оцѣнилъ по достоинству практическое и истинно реальное направленіе своихъ литературныхъ предшественниковъ: такъ вотъ, какъ нова та штука, которая называется реализмомъ, хотя, впрочемъ, не «новѣйшимъ». Потомъ, наоборотъ, эстетикъ есть Пушкинъ, такъ-какъ въ немъ это самое качество и дало возможность сотруднику «Русскаго Слова» попасть въ извѣстность своимъ меткимъ сравненіемъ; но и реализмъ—есть тоже Пушкинъ, такъ-какъ всѣмъ извѣстно, кромѣ тѣхъ, конечно, которые этого не знаютъ, что онъ былъ вдохновителемъ Гоголя, истиннаго родоначальника реалистическаго направленія въ нашей литературѣ, и что онъ вдохновилъ его именно на «Ревизора» и «Мертвыя Души»—два реальнѣйшія изъ всѣхъ произведеній Гоголя: такъ вотъ какаѣ новинка реализмъ въ нашей литературѣ, хотя, конечно, не «новѣйшій». Теперь послѣдовательный критикъ можетъ быть спрошенъ: зачѣмъ онъ допустилъ «Русское Слово» выйти въ свѣтъ съ пятидесятью бѣлыми страницами, каковыми слѣдуетъ признать всѣ тѣ страницы, на которыхъ онъ открываетъ, хотя въ то же время и уничтожаетъ, свои діаметральныя противоположности между эстетикомъ и реализмомъ? Онъ, въ сущности, сопоставлялъ архитектуру съ готическимъ стилемъ, искусство садоводства съ англійской системой садовъ, рѣку Неву съ ея линейнымъ направленіемъ, и открылъ, что между этими вещами—первыя діаметрально противоположны вторымъ. Однако, читатель, хотя бы онъ во всю жизнь свою не написалъ ни одной передовой статьи, и никогда не готовился къ этому, вѣрно давно уже догадался, или и всегда зналъ, что понятію, соединяемому съ словомъ «эстетикъ», могутъ быть противопоставлены только понятія, выражаемыя словами «циникъ» и «безобразникъ». Если бы нашъ критикъ считалъ эти слова синонимами своего «реалиста», и если бы онъ могъ доказать, что всѣ атрибуты, приписанные имъ реалисту, равно могутъ быть примѣнны къ цинику

и безобразнику—тогда критикъ, въ логическомъ отношеніи, пожалуй, былъ бы правъ: но, во первыхъ, онъ этого ни сказать, ни доказать не можетъ; а во вторыхъ, тогда мы вступились бы за реалиста и слова доказали бы критику, что онъ своими философствованіями стремится дискредитовать, хотя и неумышленно, въ глазахъ общества то, чему оно должно сочувствовать.

Награда, ожидающая насъ за нашъ миролюбивый взглядъ, за наше открытіе полюбовнаго условія, при которомъ эстетикъ не мѣшаетъ благоденствовать реалисту и реалистъ эстетикю, можетъ быть извѣстна заранее: съ больной головы все можетъ быть обрушено на здоровую. Есть у нашихъ новѣйшихъ реалистовъ манера, которую они называютъ также и теоріей, исполненная всякаго очарованія—манера, противъ которой до сихъ поръ были бессильны всякіе аргументы, и которая избавляла новѣйшихъ реалистовъ отъ всякой заботы объ изобрѣтеніи аргументовъ. Эта манера или теорія основана на томъ принципѣ, что дѣти всегда превосходятъ отцовъ, что въ случаѣ взаимныхъ столкновеній между тѣми и другими, первые всегда правы, что какъ скоро дѣти начинаютъ считать себя выросшими, то вовсегъ прогресса со всѣми его святинями непремѣнно переходитъ въ ихъ законное обладаніе, и способность охранять его съ той поры можетъ быть признаваема только за ними. Съ этой точки зрѣнія, новѣйшему реалисту, уличенному въ излишнемъ свободомысліи, стоитъ, напрямѣръ, указать только, что дескать дѣло очень обыкновенное, что его, унижающаго въ дѣтскомъ журналѣ, уличаютъ въ журналѣ отцовскомъ, что это—такъ и быть должно, что это, наконецъ, не болѣе, какъ одно изъ вѣчныхъ повтореній, составляющихъ всю исторію прогресса—ему стоитъ только, повторяемъ, указать на этотъ фактъ свободномыслящимъ людямъ, и его дѣло выиграно. Мы знаемъ, что наше положеніе именно таково. Но на этомъ фазисѣ нашей статьи, мы имѣемъ всѣ матеріалы для того, чтобы сказать, что и этому всецѣльному аргументу суждено было существовать только до сей минуты. Нашъ опытъ разрушенія будетъ кратокъ. Во первыхъ, мы говоримъ: люди англійскаго племени, жившіе долгое время спустя послѣ Шекспира, были относительно современниками Шекспира дѣтьми, и притомъ еще дѣтьми отдаленными, слѣдственно, согласно приведенной теоріи, далеко ушедшими отъ тѣхъ отцовъ своихъ, во всѣхъ отношеніяхъ; далѣе, намъ извѣстно, что современники величайшаго изъ драматурговъ понимали его и цѣнили почти совершенно такъ, какъ онъ стоялъ; однако, еще далѣе, мы знаемъ, что представитель одного изъ дѣтскихъ поколѣній, слѣдовавшихъ за Шекспиромъ, нѣкто Томасъ Реймерсъ, судилъ о Шекспирѣ

совершенно согласно съ господствующимъ и единственно-принятымъ въ его время мнѣніемъ въ томъ духѣ, что дескать «у обезьяны болѣе вкуса и знанія, чѣмъ у Шекспира», и что онъ находитъ «болѣе смысла выраженія и человѣчности въ ржаніи лошади и лаяніи бульдога, чѣмъ въ трагическихъ восторгахъ Шекспира». Наконецъ, мы знаемъ, что это дитя не было оправдано исторіей, въ его сужденіяхъ. Теперь отчего намъ не сказать, отчего не апеллировать къ здравому смыслу свободномыслящихъ людей, и особенно если имъ извѣстенъ не одинъ этотъ примѣръ дѣтскаго завирательства, что наши «новѣйшіе» реалисты, можетъ быть, не болѣе, какъ Томасъ Реймерсъ? Но это неважно; важно то, что мы сейчасъ скажемъ—восторжъ. Восторжъ, мы утверждаемъ, и мы сейчасъ, въ двухъ-трехъ строчкахъ докажемъ на фактѣ, что въ нашей теоріи несоразненно болѣе истиннаго свободомыслія, чѣмъ въ той, противъ которой мы говоримъ. Для этого мы сопоставляемъ ихъ обѣ.—Новѣйшій реалистъ, все тотъ же самый, котораго мы слегка, но многократно, касались въ предъидущихъ нашихъ строкахъ, суммируетъ, кажется—въ предисловіи къ «Нерѣшенному вопросу», свою теорію прогрессивнаго свободомыслія такъ: «еслибы Добролюбовъ — говорить онъ—поговорилъ долго и наединѣ съ Бѣлинскимъ, онъ непремѣнно убѣдилъ бы Бѣлинскаго, что тотъ, хотя и хорошій человѣкъ, но эстетикъ, и слѣдственно отсталой, и Бѣлинскій согласился бы съ Добролюбовымъ; еслибы — продолжаетъ тонкій теоретикъ—мнѣ довелось поговорить такъ же долго и такъ же наединѣ съ Добролюбовымъ, я также доказалъ бы ему, что хоть онъ и реалистъ, но не новѣйшій, и Добролюбовъ согласился бы со мною; еслибы, наконецъ, со мною самимъ—скромно, и даже слишкомъ скромно, заключаетъ теоретикъ—побесѣдовать такимъ же образомъ, напримѣръ, г. Зайцевъ, пожалуй, оказалось бы, что и я не совсѣмъ еще «совлекся» эстетической «одежды ветхаго человѣка», такъ-какъ, кромѣ «Отцовъ и дѣтей», признаю еще Шекспира».—Даже этого теоретикъ не видитъ. Между тѣмъ всякій видитъ, что онъ остановился не на самомъ крайнемъ выводѣ. И во нашей теоріи, которую мы противопоставляемъ только-что приведенной, послѣдовательный теоретикъ долженъ бы признать, что вчера поступившій сотрудникъ «Русскаго Слова» долженъ опередить на пути прогресса самого г. Зайцева, а сотрудникъ, живущій поступить въ «Русское Слово» завтра, долженъ заткнуть за поясъ и этого; но наконецъ, еслибы теоретикъ хотѣлъ или могъ быть истинно-послѣдовательнымъ, онъ былъ бы обязанъ признать и напечатать, что, по его мнѣнію, заподлинный и дословально-прогрессивный сотрудникъ есть тотъ, который нача-

насть писать статью, признавая одни принципы, черезъ страницу выростаеъ умомъ до принятія другихъ, черезъ двѣ преусииваетъ въ прогресѣ до принятія еще иныхъ, и такъ далѣе, нога, наконецъ, на послѣдней страницѣ, не разовьется до принципа, діаметрально противоположнаго всѣмъ предыдущимъ, какъ это и дѣлается въ «Русскомъ Словѣ». Такъ вотъ же къ какимъ выводамъ приводить наша теорія. И какъ ни мало заслуги въ томъ, что мы совершенно торжнимъ путемъ логики пришли къ этимъ очевиднымъ выводамъ, однако, изъ всѣхъ послѣдовательныхъ мыслителей «Русскаго Слова», признающихъ несомнѣнную вѣрность этихъ выводовъ самую свою практикою, ни одинъ еще до сихъ поръ не рѣшился заявить о такомъ своемъ признаніи печатно.

Теперь, можемъ мы сказать, ясно, что наше передовое движеніе, на сколько оно проявляется въ нашей критикѣ, не есть литературное; его можно назвать всликомъ, какимъ угодно и, пожалуй, никакимъ, но только по самой глубокой своей сущности, которой, впрочемъ, нѣтъ у нашего движенія, оно скорѣе анти-литературное, чѣмъ благоприятное для литературы. И это заключеніе, которое будетъ окончательнымъ въ этомъ слабомъ и снѣжномъ опытѣ, лучше всѣхъ возможныхъ аргументовъ подтверждается всѣмъ теперешнимъ положеніемъ нашей бельетристыи. Никто не укоряетъ ее за то, что она не процвѣтаетъ, не облегается въ дорогія одежды, которыхъ нѣтъ; но ее можно укорять за то, что она болѣе неряшлива, чѣмъ могла бы быть, въ самыхъ своихъ рубищахъ. Наши выступающіе бельетристы даютъ замѣтить сразу, что они не отличаются достоинствомъ взглядовъ на свое дѣло, они не смотрятъ на него какъ на такое, которое, въ извѣстномъ отношеніи, само для себя служить дѣлю, достойною всѣхъ ихъ усилій; напротивъ, они, съ голоса передовыхъ критиковъ и не хуже ихъ самихъ, наперерывъ стремятся показать, какъ сильно въ нихъ желаніе заявить себя тоже «новѣйшими» реалистами, какъ діаметрально противоположными эстетикамъ. Высшія воззрѣнія, покупаемыя за грошъ по два, своею дешевиною сдѣлали то, что наши романы и повѣсти почти перестали быть самостоятельнымъ родомъ и копилируются по статьямъ журналовъ, въ которые предназначаются для напечатанія. Припоминаая впечатлѣнія, производимыя на васъ подобными произведеніями—а другія теперь такая рѣдкость!—вы видите въ ихъ авторахъ то публичнаго обвинителя, по нескончаемому процессу между отцами и дѣтьми—то народію на палатскаго оратора, доказывающаго удобство и выгоды гражданскаго брака—то философа навеселѣ, самоучней порѣшающаго вопросъ о матери-

ализмъ и спиритуализмъ — то соціальнаго скандалиста, ловащаго за хвостъ какого-нибудь балеку и кричащаго на весь базаръ: «сограждане! полюбуйтесь на это зрѣлище»: и все это вопіеть деревянными устами, безъ увлеченія, безъ довѣрія къ правдѣ своей собственной проповѣди, безъ малѣйшей способности и даже безъ претензіи кого нибудь тронуть. Значить, деморализація высшихъ воззрѣній сказалась, и «грубые плоды полезнаго умственнаго труда» произраśli: это — утрата истинно-реальнаго взгляда на вещи, неохота къ упорному труду и изученію, скелетное пониманіе жизни, вычитываніе ея по книгамъ и отупѣніе къ ея пульсобіенію, упадокъ умственныхъ производительныхъ силъ, доказанный почти повальнымъ отсутствіемъ какой бы ни было оригинальности, потеря уваженія къ своему дѣлу и черезъ то, смѣемъ сказать, и къ своему собственному достоинству. Писателямъ, вышедшимъ на работу въ другой періодъ, теперь бы только и дѣйствовать, теперь и подавать примѣръ твердости всякому шатавию, потому что всякая вапля силы теперь вдвойнѣ полезна; но они и сами какъ будто пошатнулись; или молчатъ, или, за очень малыми исключеніями, выступаютъ весьма рѣдко, и то въ полемическомъ настроеніи. Положеніе дѣлъ — объяснимое: содержаніе нашей жизни, безспорно, за послѣдніе немного лѣтъ увеличилось слишкомъ на много, и не менѣе безспорно, что быстрота, съ которой произошло это увеличеніе, была причиною, что мы всѣ заброшены и взаимно разрознены цѣлою массою противорѣчій, остающихся непримиренными. Теперь бы нуженъ высшій стровительный умъ, который одинъ овладѣлъ бы этою массою, умирилъ бы ея дрожаніе, отыскалъ въ ней единство смысла и обаяніемъ своего авторитета заставилъ бы согласиться всѣхъ, что искомый смыслъ именно этотъ самый. Но такой архитектурный умъ на помощь къ намъ не подоспѣваетъ; мы не имѣемъ даже вѣроятій, чтобъ мы дождались скоро такой помощи, такъ что человѣку всякаго умственнаго раскола долго еще придется молить,

Чтобъ солнца онъ дождался
И потонулъ въ его лучахъ.

До тѣхъ же поръ есть честь, по-крайней-мѣрѣ — уберечь себя отъ апатій, чтобъ по мѣрѣ силъ и возможности противиться быстротѣ упадка, есть честь оберегать и не давать угаснуть добрымъ преданіямъ и высокимъ понатіямъ того времени, когда литература наша, не бывши черезчуръ богатой, была однако возвышенной, вполне уважающей себя и сознающей свое значеніе. Журналь, въ которомъ мы пишемъ, всегда высоко цѣнилъ эту честь, и никогда не будетъ цѣнить ее ниже. *Incognito.*

МНІЯ БОКЛЯ О СОЧИНЕНІЯХЪ МИЛЛЯ,

(О ФИЛОСОФІИ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ, О ТРУДѢ, КАПИТАЛѢ, РЕЛИГІИ И ДРУГИХЪ ПОУЧИТЕЛЬНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ).

Ерзаутъ, by *H. T. Boucle*. 1864.

Статья вторая и послѣдняя.

Въ періоды умственныхъ движеній, подобныхъ тому, которое характеризуетъ наше время, практическимъ людямъ не остается никакой самостоятельной роли, хотя, какъ это положительно доказывается всею исторіею, они не могутъ не подчиняться послѣдствіямъ движенія. Но есть привилегированные умы, которые равно способны давать инициативу и быть исполнителями. На такихъ лежитъ двойной долгъ. Они пользуются безцѣннымъ преимуществомъ непосредственнаго общенія какъ съ практиками, такъ и съ людьми умозрѣнія; они, поэтому, равно могутъ какъ открывать отвлеченное, такъ вліять и на конкретное. Конкретная и практическая тенденція нашего вѣка ясно представлена въ сочиненіи Милля о «Политической экономіи», тогда какъ въ его «Логикѣ» мы не менѣе ясно усматриваемъ теоретическое и отвлеченное направленіе нашего времени. Первое изъ этихъ произведеній главнымъ образомъ имѣетъ значеніе въ сферѣ правительственныхъ отправленияхъ; второе относится къ отправлениямъ мысли. Въ одномъ — искусство дѣла, въ другомъ — наука мышленія. Переворотъ, совершенный имъ въ этомъ великомъ отдѣлѣ умозрительнаго знанія, лучше всего можно оцѣнить посредствомъ сравненія, чѣмъ была наука логики, когда онъ началъ писать, и чѣмъ она стала послѣ того, какъ твореніе его вышло въ свѣтъ.

До Милля существовали двѣ системы логики. Первая — это силлогистическая система, основанная Аристотелемъ, къ которой новѣйшіе мыслители не прибавили ничего значительнаго, кромѣ открытія количественности сказуемаго. Другая — это индуктивная система, созданная Бэкономъ, къ которой также только въ наше

время было сдѣлано существенное добавленіе сбромъ Джономъ Гершелемъ. Его великая заслуга въ томъ, что онъ доказалъ существованіе четырехъ различныхъ методовъ, точныя грани между которыми ускользали отъ вниманія прежнихъ философовъ. Одно уже то обстоятельство, что для многихъ писателей выраженіе «логика» означало только силлогистическій методъ, называемый также формальнымъ, служить разительнымъ доказательствомъ того, въ какой степени нашъ языкъ былъ зараженъ древними схоластическими предразсудками. Можно предпочитать индуктивную систему дедуктивной, или наоборотъ; но и та и другая—системы. Между тѣмъ почти до половины нынѣшняго столѣтія одни держались логики Аристотелевской, умозаключающей отъ общаго къ частному, другіе—логики Боульевской, умозаключающей отъ частнаго къ общему.

Въ то время, когда наука логики находилась въ такомъ состояніи, въ 1843 году появилась система логики Милля, основная идея которой состоитъ въ томъ, что логическій процессъ идетъ не отъ общаго къ частному, не отъ частнаго къ общему, а отъ частнаго къ частному. Согласно этому воззрѣнію, въ пользу котораго теперь все болѣе и болѣе склоняются мыслители, силлогизмъ, вмѣсто того, чтобы быть актомъ умозаключенія, есть, воверныхъ, актъ собранія данныхъ, и затѣмъ разъясненія. Такъ—какъ большая посылка силлогизма есть памятная записъ предшествующей индукціи, то задача силлогизма разъяснить эту записъ и бросить на нее свѣтъ. Въ силлогизмѣ заключаются записъ нашей опытности и вмѣстѣ дѣйствительное проявленіе ея; но умозаключеніе уже окончено въ тотъ моментъ, какъ только выражена большая посылка. Послѣ нея не высказывается никакой новой истины. Поэтому, вмѣстѣ съ постановкою большой посылки, конченъ и аргументъ; потому что общее предложеніе есть именно резецъ, или, какъ сказано, памятная записъ предварительныхъ наведеній, обнимающихъ всѣ частности. Однако, хотя силлогизмъ и не есть самый процессъ умозаключенія, онъ представляетъ собою гарантію, чтобы предварительное умозаключеніе было вѣрно. И именно, тремя способами. Воверныхъ, ставя общее предложеніе вмѣсто множества частныхъ, онъ представляетъ болѣе крупный объектъ воображенію, чѣмъ еслибы мы имѣли въ умѣ только тѣ самыя частности. Вовторыхъ, онъ служитъ для насъ какъ-бы искусственной памятью, помогая намъ хранить порядокъ между массой подробностей, и будучи въ одно и то же время формулою, въ которую мы вставляемъ эти подробности, и орудіемъ, посредствомъ втораго вспоминаемъ ихъ. Наконецъ, силлогизмъ служитъ охраной противъ небрежности въ мышленіи, такъ—какъ заключалъ въ

ряда наблюдённыхъ случаевъ къ случаю еще ненаблюдённому, мы вмѣсто того чтобы перейти къ этому случаю черезъ скачокъ, ставимъ общее предложеніе, обнимающее собою этотъ случай, и которое непременно должно быть вѣрно, если наше заключеніе вѣрно; въ противномъ же случаѣ, то-есть если мы умозаключили невѣрно, наша ошибка является гораздо крупнѣе и, следовательно, очевиднѣе.

Этотъ замѣчательный анализъ свойства и отвлеченій силлогизма, на сколько позволяетъ судить наше темереннее знаніе, истощиваетъ предметъ вполне. Подлежитъ онъ или нѣтъ дальнѣйшему разрѣшенію — сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, онъ составляетъ замѣчательный вкладъ въ науку мышленія; и сверхъ того, онъ, хотя и косвенно, затрагиваетъ немало другихъ умозрительныхъ вопросовъ, о которыхъ здѣсь я, однакожъ, не буду распространяться. Не останавливаюсь я также и на томъ, что этимъ полагается прочная точка опоры для установленія истиннаго различія между индукціей и дедукціей — различія, которое Милль — одинъ изъ очень немногихъ писателей Англіи — понялъ вполне. Обыкновенно принималось у насъ, что геометрія составляетъ типичный образецъ дедукціи, тогда какъ она лишь одинъ изъ образцовъ, и хотя это превосходный образецъ дедуктивнаго изслѣдованія совмѣстныхъ существованій, но онъ не бросаетъ никакого свѣта на дедуктивное изслѣдованіе явленій послѣдовательныхъ. Оставляя, однакожъ, все это въ сторонѣ, какъ предметъ, который завелъ бы насъ слишкомъ далеко, я обращаю лишь вниманіе на основной принципъ философіи Милля, ясно показывающій, что этотъ писатель столь же несогласенъ съ сторонниками Бэконовскаго метода, сколько и съ приверженцами Аристотелевскаго. Въ этомъ отношеніи на него, можетъ быть, безъ его вѣдома, оказалъ вліяніе духъ вѣка; такъ-какъ нетрудно доказать, да и едва-ли кто будетъ это оспаривать, что въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, все болѣе и болѣе усиливалось убѣжденіе, что системѣ Бэкона привисывали сначала слишкомъ много, и что главный принципъ, положенный въ основаніе ея — слѣдовать отъ дѣйствій къ причинамъ, а не отъ причинъ къ дѣйствіямъ — далеко не въ такой степени заводитъ насъ впередъ, какъ полагали безспорно великіе, но отчасти эмпирическіе философы XVIII столѣтія.

Одинъ изъ пунктовъ, въ которомъ индуктивная философія, общепринимаемая въ Англіи, особенно несостоятельна, и на который мистеръ Милль справедливо напалъ, состоитъ въ томъ, что слѣдуя авторитету Бэкона, она учитъ — дѣлать великія обобщенія не иначе, какъ восходя отъ одного обобщенія къ другому, непосредственно вышшему и ближайшему, и слѣдственно, тѣмъ са-

ннѣ осуждаеть, какъ торговливую и не философскую, всакую попытку стать на высшую ступень, не овладѣвъ напередъ всѣми посредствующими ступенями. Въ этомъ слѣдуетъ видѣть незаконное ограниченіе той особенной способности гемія, которую, за неизбѣжимъ лучшаго слова, мы назовемъ вдохновеніемъ. Что философія Бэкона руководствовалась въ этомъ отношеніи слишкомъ узкими воззрѣніями, и ужь черезчуръ подводила людей подъ общій уровень, заставляя всѣхъ слѣдовать одному и тому же методу — теперь признается часто, хотя не вообще, да и прежде было замѣчено нѣкоторыми философами. Возраженія, сдѣланныя Миллемъ относительно этого предмета, хотя свидѣтельствуютъ о большомъ искусствѣ, ему свойственномъ, тѣмъ не менѣе, какъ онъ, вѣроятно, согласится и самъ, не заключаютъ въ себѣ ничего оригинальнаго. То же самое замѣчаніе можетъ быть сдѣлано, хотя въ меньшей степени, относительно другого возраженія его, а именно: что Бэконъ слишкомъ мало придавалъ значенія множественности причинъ, и не видѣлъ, что огромная сложность, производимая ими, очень часто не поддается его методу, и вызываетъ необходимость другого. Но если въ этой части своего творенія Милль былъ предупрежденъ другими, зато онъ сдѣлалъ болѣе тонкое, и какъ мнѣ кажется, болѣе роковое возраженіе противъ философіи Бэкона. Несмотря на то, что это возраженіе не только совершенно ново, но и выходитъ изъ коленъ обывновеннаго умозрѣнія, оно, однако, едва обратило вниманіе даже философскихъ умовъ, и читателю, вѣроятно, небезынтересно будетъ услышать простое и чуждое техническихъ терминовъ изложеніе его.

Логика, какъ наука, ограничивается единственно индукціею, а задача индукціи — восходить до причинъ, или, выражаясь точнѣе, до познанія законовъ причинности. На столько Милль сходится съ Бэкономъ; но отъ подчиненія этому правилу, онъ исключаетъ громадный рядъ явленій, который былъ подводимъ подъ него философіей Бэкона. Онъ утверждаетъ, и я полагаю — доказываетъ, что хотя однообразія послѣдовательныхъ явленій могутъ быть изучаемы индуктивно, но этимъ путемъ невозможно изслѣдовать однообразій совмѣстныхъ явленій, и что, стало быть, Бэкономъ методъ къ этимъ послѣднимъ явленіямъ непримѣнимъ. Если мы говоримъ, напримѣръ, что у всѣхъ негровъ волосы курчавые, то мы утверждаемъ однообразіе совмѣстнаго существованія между волосами и какимъ-нибудь другимъ свойствомъ или свойствами, существенными для негровъ. Но еслибы мы сказали, что у негровъ волосы курчавы, потому что ихъ кожа черна, то это было бы утвержденіе однообразія не совмѣстнаго существованія, а явленій послѣдовательныхъ. Однообразія послѣдовательности часто

подчиняются индукции, однообразия совмѣстности — никогда, и такимъ образомъ, эти послѣднія неподсудны Вѣковой философіи. Они могутъ, конечно, быть трактуемы по способу простого перечисленія, который былъ извѣстенъ древнимъ; но это такой грубый видъ индукціи, что почти не заслуживаетъ этого имени (*). Что же касается до могущественной индукціи новѣйшаго времени, основанной на различеніи природныхъ свойствъ, и на выдѣленіи (elimination) уклоненій, то относительно совмѣстныхъ существованій, она совершенно безсильна. Наибольшее, что она можетъ дать — это эмпирическіе законы, полезные для практическаго руководства, но лишены всякаго научнаго значенія. Что это до сей поры было такъ, неопровержимо доказывается исторіей нашего знанія. Что и всегда будетъ такъ, это, по мнѣнію Милля, не менѣе достовѣрно, потому что, межъ тѣмъ какъ съ одной стороны, изученіе однообразій послѣдовательныхъ явленій имѣетъ своимъ фундаментомъ всепоглощающую и всевластвующую гипотезу постоянства причинности — гипотезу, на которую всякое мыслящее существо болѣе или менѣе опирается, и въ сферѣ которой философы не допускаютъ исключенія — съ другой стороны, мы находимъ, что изученіе однообразій совмѣстныхъ явленій не имѣетъ никакой подобной опоры, и что, поэтому, все поле изслѣдованія остается ненадежнымъ и неопредѣленнымъ. Такимъ образомъ, если я вижу, что негръ страдаетъ, законъ причинности заставляетъ меня думать, что въ прошедшемъ случилось что-нибудь, чему страданіе является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ. Но ничто не вынуждаетъ меня къ заключенію, что онъ имѣетъ какое-нибудь качество, съ которымъ совмѣстны его

(*) Характеръ аристотелевской индукціи такъ вѣрно изображенъ м-ромъ Маурисемъ, въ его прекрасномъ очеркѣ греческой философіи, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести въ подлинникъ его слова. «Что такое эта индукція, и какъ безконечно она отличается отъ процесса, называемаго то же имя въ сочиненіяхъ Бэкона—читатель пойметъ при внимательномъ изученіи твореній Аристотеля. Онъ увидитъ, во первыхъ, что чувственный феноменъ принимается за достовѣрную и безошибочную точку исхода. Что явленія не суть начала—Аристотель вѣрилъ такъ же твердо, какъ и мы. Не замодозрять явленія, предположить, что они нуждаются въ очисткѣ и провѣркѣ, съ цѣлью выгнать у нихъ именно тотъ фактъ, который они выражаютъ, это ужъ вовсе не входитъ въ его систему» (Древняя философія Мауриса. 1850 г. стр. 178). Ничто не можетъ быть лучше, какъ выраженіе, что Аристотель не замодозривалъ явленія. Наше время ихъ замодозриваетъ, и вслѣдствіе того являетъ ихъ или перепреставитъ омытомъ, или средними числами. Послѣдній способъ не былъ употребленъ существенно до восемнадцатаго столѣтія. Въ нашу пору значеніе его неизмѣримо выросло и обѣщаетъ еще усилиться, хотя въ некоторыхъ отрасляхъ изслѣдованія, прежде должна стать точнѣе номенклатура, чѣмъ можетъ быть замѣчено достоинство этого метода.

вурчавые волосы, или его черная кожа. Я твердо держусь необходимости однообразной послѣдовательности; я отвергаю необходимость однообразной совмѣстности. Вотъ истинное различіе между послѣдовательными фактами и совпадающими. Что страданіе имѣетъ причину, въ этомъ я твердо убѣжденъ; дагѣ же я могу сказать только, что чернокожіе и вурчавость могутъ быть такіа крайнія свойства, которыхъ нельзя отнести ни къ какой причинѣ (*), или если они не крайнія свойства, то могутъ зависѣть каждая отъ своей собственной причины, безъ всякой между этими причинами необходимой связи. Отношеніе, слѣдовательно, можетъ быть всеобщимъ касательно факта, и между тѣмъ, случайнымъ въ смыслѣ науки.

Будучи разъ установлено, это различіе не представляетъ ничего сложнаго; но его послѣдствія для науки ускользали отъ вниманія всѣхъ предъидущихъ мыслителей. Когда значеніе его будетъ вполне оцѣнено, тогда исчезнетъ пустая мечта о всеобщемъ примѣненіи философіи Бэкона и, между прочимъ, оно послужитъ къ разъясненію, какимъ образомъ даже при жизни самого Бэкона и даже въ его собственныхъ рукахъ его методъ часто и въ поразительной степени оказывался несостоятельнымъ. Очевидно, Бэконъ вѣрилъ, что такъ-какъ каждое явленіе заключаетъ въ себѣ что нибудь, что должно слѣдовать изъ него, то точно такъ же должно быть нѣчто, сопутствующее ему, и названное имъ его формою. Еслибъ онъ могъ обобщить эту форму, то-есть еслибъ онъ могъ открыть законъ совмѣстнаго существованія, онъ справедливо полагалъ, что тогда онъ получилъ бы научное познаніе явленія. Чтобы достигнуть этого, онъ изощралъ всѣ свои мыслительныя способности. Онъ обращался ко множеству самыхъ утонченныхъ и искусныхъ хитростей, съ помощью которыхъ можно было бы съ успѣхомъ сравнивать различные примѣры и условія существенныя отличать отъ несущественныхъ. Онъ сопоставлялъ лицомъ къ лицу отрицательное съ положительнымъ и училъ искусству узнавать природу предмета путемъ отбрасыванія и исключеній.

Несмотря на это, въ дѣлѣ изслѣдованія законовъ совмѣстнаго существованія, вся его осторожность, все его знаніе, вся сила его ума не привели ни къ чему. Его всеоружіе, несмотря на его

(*) То-есть нельзя отнести логически пониманіемъ. Я ничего не говорю о причинахъ, касающихся трансцендентальной сферы; но за исключеніемъ этихъ, утвержденіе Милля кажется мнѣ неопровержимымъ, что «совмѣстныя существованія крайнихъ свойствъ въ вещахъ... не могутъ быть относимы къ причинности» иначе, какъ «восходя къ началу всѣхъ вещей». (Логика Милля. Т. II. стр. 106).

могучесть, оказывалось совершенно тупымъ для борьбы съ этими упрямымъ и неводатливимъ вопросомъ. Законы совмѣстнаго существованія остались все той же неразрѣшимой загадкою, и всѣ наши выводы касательно ихъ — все также чисто-эмпирическии. Всякая индуктивная наука, изъ существующихъ въ настоящее время, въ ея строга научной части, есть не болѣе, какъ обобщеніе послѣдовательныхъ явленій.

Причина этого, хотя смутно представлявшаяся и другимъ писателямъ, впервые ясно поставлена и приведена въ связь съ общей теоріей нашего знанія Миллемъ. Мы должны признать за нимъ огромную заслугу, что онъ проникъ въ самую корень вопроса и указалъ, что въ наукѣ логики есть основное различіе, которое запрещаетъ смотрѣть на совмѣстныя явленія тѣми же глазами, какими мы глядимъ на послѣдовательныя, что небреженіе этими различіемъ подрываетъ значеніе философіи Бэкона, и что оно — пагуба для его послѣдователей; наконецъ, что начало этого различія можетъ быть проводимо вверхъ и внизъ, пока мы постигнемъ эти конечныя законы причинности, которые поддерживаютъ все зданіе нашего знанія и за предѣлы которыхъ человѣческій умъ на теперешней ступени его развитія не въ состояніи проникнуть.

Но въ то время, какъ Милль, какъ опускался до основанія, такъ поднимаясь до вершины, исключилъ философію Бэкона отъ изслѣдованія совмѣстныхъ существованій, онъ вмѣстѣ съ тѣми доказалъ ея несостоятельность для рѣшенія тѣхъ обширныхъ социальныхъ задачъ, за разработку которыхъ, въ настоящее время, въ первый разъ во всю исторію человечества, принялись самые передовые мыслители, съ научной цѣлью, и съ средствами, отчасти соразмѣрными съ задачею. Такъ-какъ предметъ этотъ принадлежитъ къ области, которой и я также, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, посвятилъ себя, то мнѣ бы не хотѣлось распространяться здѣсь о томъ, о чемъ въ другомъ мѣстѣ мнѣ придется разсуждать болѣе кстати; потому я буду вполне доволенъ, если успѣлъ передать читателю хоть нѣкоторое понятіе о томъ, что сдѣлалъ человѣкъ, на котораго я не могу смотрѣть иначе, какъ на самаго глубокаго мыслителя, каковаго только произвела Англія съ семнадцатаго столѣтія, и заслуги котораго хотя и признаны безчисленнымъ множествомъ лицъ, сообразно кругу дѣйствій каждаго, мало, однако, кѣмъ понаты въ ихъ совокупности; потому что мы, отчасти вслѣдствіе постоянно возрастающей массы знанія, отчасти по причинѣ преувеличеннаго уваженія въ приндипу раздѣленія труда, слишкомъ склонны изолировать наши изслѣдованія, и служить кругъ нашихъ интеллектуальныхъ симпа-

тій. Мысль, что человекъ будетъ имѣть болѣе успѣха, избравъ какую нибудь одну цѣль, столько же вѣрна въ практической жизни, сколько фальшива въ умозрительной. Никто не можетъ съ твердостью овладѣть какою нибудь наукою, если ограничивъ себя одною ею, онъ откажется отъ свѣта аналогій, и лишитъ себя той особой помощи, которую мы извлекаемъ изъ широкаго взгляда на сопредѣленное положеніе, взаимную зависимость предметовъ, и тѣ отношенія, въ которыхъ они находятся одинъ къ другимъ. Безъ сомнѣнія, онъ можетъ разрабатывать частности своего предмета; можетъ быть полезнымъ предмету, увеличивая запасъ относящихся къ нему фактовъ, но никогда не будетъ въ состояніи расширить философію своего предмета, ибо философія каждаго круга предметовъ находится въ связи съ другими кругами, потому мы должны искать ее въ точкахъ прикосновенія съ ними. Ея мѣсто тамъ, гдѣ онѣ соприкасаются и совпадаютъ; она находится не въ центрѣ каждой науки, но на ея рубежѣ и окраинахъ. Истина эта, однако, такого рода, что люди, въ ихъ большинствѣ, не признають ее, потому что они естественно отвращаются отъ всякаго сложнаго труда, и слишкомъ наклонны думать, что избранная ими специальная наука такъ важна, что они не вправѣ свернуть въ сторону съ прямого пути ея. Поэтому, мы видимъ физиковъ, философовъ, неизмѣющихся понятія о политической экономіи, политико-экономовъ, ничего неразумѣющихъ въ физической наукѣ, и логиковъ, ничего непонимающихъ ни въ той, ни въ другой. Поэтому также, такъ мало людей, дѣйствительно способныхъ измѣрить обширное поле, пройденное Миллемъ, или объять разстояніе, на которое онъ метнулъ въ этомъ полѣ свой дротикъ.

Изъ-подъ пера такого человекъ, какъ этотъ, вышло недавно сочиненіе о предметѣ, гораздо болѣе важномъ, чѣмъ всякій другой даже изъ предметовъ его изслѣдованія—о предметѣ, важность котораго даже вообще превосходить все, чѣмъ только умъ человеческій можетъ быть занятъ (*). Ибо, что же можетъ быть существеннѣе свободы, для правильнаго развитія личностей и для истиннаго величія націй. Она есть продуктъ знанія, когда знаніе развивается здравымъ и правильнымъ образомъ; но если при извѣстныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, оно враждебно сталкивается съ тѣмъ, что можетъ казаться знаніемъ, то, да погибнетъ лучше знаніе, но да сохранится свобода. Свобода не есть средство къ достиженію цѣли, она — цѣль самой себѣ. Ея упроченіе, ея увеличеніе, ея расширеніе должно бы

(*) Здѣсь рѣчь пойдетъ о сочиненіи Милля «On Liberty».

быть главной задачей всѣхъ социальныхъ мѣръ и всѣхъ политическихъ плановъ. Только педагогъ можетъ противопоставить ей науку или литературу. Въ извѣстныхъ границахъ, правда — очень тѣсныхъ, она есть неотчуждаемое право человѣка, котораго ни сила обстоятельствъ, ни время не могутъ отнять у него. Онъ не имѣетъ права отчуждать ее ни даже у самаго себя, тѣмъ менѣе у своихъ дѣтей. Она есть основа всякаго самоуваженія, и безъ нея великое учение о нравственной отвѣтственности обратится въ ложь и фиглярство. Она — нашъ врожденный залогъ, и любовь къ ней — святой истинный, нарѣзанный на нашихъ сердцахъ. И еслибы могло быть доказано, что въ развитіи знанія есть стремленіе подавить ее; еслибы могло быть достоверно, что съ успѣхами того, что мы называемъ цивилизаціею, желаніе свободы должно необходимо ослабнуть, и пользование ею должно становиться болѣе рѣдкимъ; еслибы это могло сдѣлаться очевиднымъ—въ такомъ случаѣ, я бы первый сожалѣлъ, чтобы человѣческое племя лучше остановилось въ своемъ развитіи, и чтобы мы лучше начали отступать шагъ за шагомъ, до тѣхъ поръ, пока исчезли бы всѣ трофеи нашей славы и самое воспоминаніе о нихъ, тѣмъ чтобы общество, развращенное своимъ блескомъ, утратило чувство своего собственнаго личнаго достоинства.

Но этого не можетъ быть. Конечно, не можетъ же быть, чтобы, совершенствуясь относительно всѣхъ другихъ предметовъ, мы въ то же время должны были идти повятнымъ путемъ относительно самаго существеннаго. И, однако, между мыслителями великой глубины и авторитета распространено именно опасеніе за возможность чего либо подобнаго. Я не раздѣляю этого опасенія, но то, что опасеніе это существуетъ, а равно, что существуютъ и споры, къ которымъ оно привело, и еще приведетъ, я считаю въ высшей степени спасительнымъ, такъ-какъ это заставляетъ насъ обратить вниманіе на зло, которое, въ разгарѣ нашихъ успѣховъ, мы могли бы иначе и проглядѣть. Мы идемъ впередъ съ быстротою, доселѣ неизмѣвшею примѣра, и благо намъ, что въ гордомъ ослѣпленіи нашими успѣхами, намъ напоминаютъ, что недурно вдуматься въ то, каковою цѣною мы купили наши успѣхи, и свести нашъ приходъ съ расходомъ. Прежде чѣмъ объявить капиталъ, находящійся въ нашихъ рукахъ, недурно заглянуть въ нашу торговую книгу. Потому, каждый долженъ радоваться появленію въ свѣтъ сочиненія, въ которомъ вопросъ о свободѣ впервые изложенъ во всей его полнотѣ, разсмотрѣнъ съ разныхъ сторонъ и съ различныхъ точекъ зрѣнія—сочиненіе, которое относится прямо къ нашему

современному быту, и изложено съ смѣлостью и съ яснымъ пониманіемъ цѣли, немогущими не возбудить къ себѣ удивленія, особенно въ тѣхъ, кто не новичокъ въ обсужденіи этого труднаго и сложнаго вопроса.

Принимая во вниманіе вышнее состояніе общества, Милль справедливо полагаетъ, что вопросъ о свободѣ лишь въ очень незначительной степени касается отношеній подданныхъ къ правителямъ. Его защита свободы направлена главнымъ образомъ не противъ политическаго деспотизма. Но есть родъ деспотизма, еще болѣе опасный, и противъ него-то Милль ратуетъ преимущественно. Это — деспотизмъ обычая, передъ которымъ преклоняются умы обыкновенные и отъ котораго не въ состояніи освободиться даже недюжинные. Но такъ-какъ обычай—не болѣе какъ продуктъ общественнаго мнѣнія, или скорѣе вышнее проявленіе его, то оба принципа обычая и мнѣнія должны разсматриваться совокупно. Я поясню въ краткихъ словахъ, въ какой степени, по мнѣнію Милля, ихъ взаимное дѣйствіе существенно вредно и угрожаетъ принести въ будущемъ еще болѣе серьезный вредъ.

Положеніе, которое Милль защищаетъ, заключается въ томъ, что, по его мнѣнію, общество ни путемъ законодательнымъ, ни чрезъ посредство общественнаго мнѣнія, не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла частнаго лица во имя его же собственной пользы. Оно можетъ вмѣшиваться въ его дѣла во имя своей пользы, но не его. Если его поступки наносятъ вредъ обществу, то въ извѣстныхъ случаяхъ онъ отвѣчаетъ за это передъ нимъ; вреда самому себѣ, онъ не подлежитъ отвѣтственности. Съ этимъ положеніемъ, высказаннымъ подобнымъ образомъ, согласятся многіе даже изъ тѣхъ, кто на дѣлѣ постоянно дѣйствуетъ вопреки ему. Насмѣшки, которымъ подвергается всякій, кто уклоняется отъ установленнаго обычая—какъ бы вздоренъ и страненъ ни былъ онъ—показываютъ лишь настойчивость, съ какою общество желаетъ предначертывать законы отдѣльнымъ лицамъ. Относительно самыхъ незначительныхъ, какъ и самыхъ важныхъ вещей, установлены правила, которыхъ никто не можетъ нарушить; исключеніями могутъ быть лишь тѣ немногіе случаи, когда возвышенный умъ, богатство или высокое общественное положеніе даютъ власть человѣку скорѣе управлять обществомъ, чѣмъ быть управляему имъ. Въ дѣлѣ обычая огромное большинство людей—рабы общества: каждая отдѣльная личность рискуетъ дорого полатиться за отступленіе отъ рутины того круга, въ которомъ она вращается. Какъ тяжела подобная плата — доказывается тѣмъ извѣстнымъ фактомъ, что многія лица жалуются на го-

Т. СЛVIII. — Отд. II. 48

сподствующіе обычаи и высказываютъ желаніе не подчиняться имъ, а между тѣмъ не рискуютъ сдѣлать этого и идутъ прежнею тропю, часто въ ущербъ своему здоровью, комфорту и благосостоянію. Люди, которыхъ нельзя назвать трусами въ другихъ отношеніяхъ, которые обладаютъ нравственнымъ мужествомъ не въ малой степени, не смѣютъ возстать противъ этой гнетущей и щепетильной тираніи. Послѣдствія этого рабства вредны не только для тѣхъ, кто желаетъ освободиться изъ-подъ его ига, но и для тѣхъ, кто не стремится къ этому, то-есть для всего общества. Между этими послѣдствіями, два особенно губительны, и, по мнѣнію Милля, угрожаютъ принять опасныя размѣры, если тому не воспрепятствуетъ какая нибудь внезапная перемена настроенія.

Первое зло состоитъ въ томъ, что относительно разныхъ образовъ жизни слишкомъ мало сдѣлано опытовъ; изъ чего слѣдуетъ, что наука жизни не такъ хорошо понята, какъ могла бы быть. Еслибъ общество было болѣе снисходительно къ эксцентричности, и вмѣсто того, чтобы смѣяться надъ явленіями, выходящими изъ ряда обыкновенныхъ, было болѣе склонно ихъ анализировать, тогда мы бы увидѣли, что иной образъ жизни, который мы называемъ причудливымъ и который, если примѣнять къ нему обыкновенную мѣрку сужденія, можно назвать неразумнымъ—болѣе разуменъ, чѣмъ мы воображаемъ. Но пока страна или вѣкъ будутъ упорно осуждать каждый образъ дѣйствія, неподходящій подъ обычаи или несогласный съ модою текущаго дня, до тѣхъ поръ весьма рѣдки будутъ отклоненія съ торнаго пути. Слѣдовательно, мы не имѣемъ возможности узнать, на сколько эти отклоненія могли бы быть полезными. Задерживая опытъ, мы останавливаемъ знаніе. По этому соображенію, если ужъ не по какому нибудь другому, желательно бы было дать самый полный просторъ поступкамъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, которые бы служили масштабомъ для оцѣнки того, въ какой степени можно слѣдовать имъ. Разумѣется, при этомъ ни существенные законы нравственности, ни общественное сподовиствіе не должны быть угрожаемы. Затѣмъ, все остальное должно быть дозволено. Прогрессъ основывается на переменахъ, и только знакомясь на опытѣ съ тѣмъ, что пока не принято, мы можемъ узнать, должно ли оно быть принято.

Другого рода вредъ, причиняемый обществу его тираніей надъ самимъ собою—еще серьезнѣе, и хотя я не могу согласиться съ Миллемъ, чтобы опасность въ этомъ случаѣ была такъ велика, какъ онъ полагаетъ, долженъ, однакожъ, признать, что тутъ дѣло идетъ объ одной изъ дѣйствительно слабыхъ сторонъ но-

вѣйшей цивилизаціи, и это есть единственная важная вещь, от носительно которой, если мы и не идемъ назадъ, то и не дѣлаемъ замѣтныхъ шаговъ впередъ. Дѣло идетъ о самомъ неопредѣленномъ качествѣ человѣка—о его индивидуальности. Не подлежитъ сомнѣнію, что возрастающій авторитетъ общества, если онъ не будетъ встрѣчать противодѣйствія въ другихъ причинахъ, имѣетъ стремленіе стѣснить проявленіе личности. Существуетъ или нѣтъ противодѣйствіе этому стремленію—это весьма сложный вопросъ, который нельзя разсматривать независимо отъ обсуждения всего состоянія современной цивилизаціи. Несмотря на непритворное мое уваженіе ко всякому мнѣнію, выражаемому Миллемъ, я осмѣлюсь, однако, не согласиться съ нимъ въ этомъ отношеніи, и думаю, что вообще говоря, личность не подавляется, и на сколько мы можемъ быть судьями будущаго—едва-ли будетъ подавлена. Но понятно, что нельзя выступать противъ мнѣнія этого великаго мыслителя, не подвергнувъ спорнаго пункта строгому и обстоятельному обслѣдованію, и такъ-какъ я этого не сдѣлалъ, то не буду ровнять мою собственную теорію, приводя въ ея пользу слабые выводы. Я ограничусь, какъ и прежде, только изложеніемъ выводовъ, къ которымъ онъ пришелъ и которые, безъ сомнѣнія, были плодомъ долгихъ и тщательныхъ размышленій.

По мнѣнію Милля, весь ходъ вещей клонится, или уже клонился до этого времени, къ тому, чтобы ослабить вліяніе самобытныхъ усилій и выдвинуть посредственность на первый планъ. Личности теряются въ толпѣ. Міръ управляется не ими, а общественнымъ мнѣніемъ; общественное же мнѣніе—какъ голосъ большинства—есть выраженіе посредственности. Дѣла направляются теперь людьми средняго уровня, нежелающими великимъ людямъ воздавать уваженія, въ которомъ имъ не отказывалось прежде. Энергія и самобытность, такъ-какъ ихъ менѣе стали цѣнить, проявляются рѣже; въ Англии особенно для истинной энергіи нѣтъ поприща, кромѣ *дѣловыхъ*, поглощающаго дѣйствительно не мало ея (*). Наше величіе—собрательное, и зависитъ не отъ того, что мы дѣлаемъ, какъ личности, но отъ нашей массы. Съ каждымъ поколѣніемъ люди болѣе походятъ одинъ на другаго во всѣхъ отношеніяхъ. Они болѣе и болѣе начинаютъ сходствовать въ своихъ гражданскихъ и политическихъ правахъ, въ привычкахъ, вкусахъ, нра-

(*) «Въ настоящее время, въ нашей странѣ, для энергіи одинъ исходъ — дѣловыя занятія. Сумма энергіи, растрчиваемой на нихъ, дѣйствительно должна быть названа значительной». Милль: «О свободѣ». Я полагаю, что подъ словомъ «дѣловыя занятія», Милль подразумѣваетъ также дѣятельность, какъ политическую, такъ и административную.

вахъ, одеждѣ, во восемь, что видѣть, во всемъ, что дѣлать, что читаютъ, что думаютъ и что говорятъ. Всюду видѣтъ одинъ процессъ уподобленія. Оттѣнки характеровъ стираются, контрасты примираются. Какъ естественное слѣдствіе этого порядка вещей, индивидуальная жизнь, то-есть жизнь, которая отличаетъ каждого человѣка отъ его собратій, исчезаетъ. Множественность заступаетъ мѣсто отдѣльности; сплываясь въ массу, мы поглощаемъ единичность.

Подобное вліяніе общества ведетъ за собой упадокъ его самого. Человѣческія способности могутъ быть упражняемы и достигать своего развитія только при возможности выбора; но тамъ выбора нѣтъ, гдѣ человѣкъ дѣлаетъ что-нибудь единственно потому только, что то же самое дѣлаютъ другіе. Постоянно копируя нравы и мнѣнія нашихъ современниковъ, мы не производимъ ничего новаго; мы вращаемся въ скучномъ и монотонномъ однообразіи. Мы идемъ туда, куда ведутъ насъ другіе. Поле выбора болѣе и болѣе суживается; количество своеобразностей становится меньшимъ и меньшимъ. Въ результатъ, мы видимъ замѣтный упадокъ той могучести и самобытности характеровъ, того разнообразія и той полноты жизни, той смѣлости замысловъ и исполненія, какими отличались мощные люди прежнихъ временъ, бывшіе въ одно и то же время новаторами и вождями человѣческаго племени.

Теперь все это миновало, быть можетъ, невосвратно, если не случится какого нибудь великаго переворота. Самобытность исчезаетъ, и ее замѣняетъ духъ рабскаго подражанія и обезьяничества. Мы обращаемся въ машины, которыя творятъ волю общества. Наши стремленія и желанія подавлены безжалостнымъ и искусственнымъ кодексомъ рутинны; наши умы мельчаютъ, затрудняемые и притуляемые преградами и ограниченіями, съ которыми мы встрѣчаемся на каждомъ шагу.

При такихъ условіяхъ, возможно ли открытіе новыхъ, существенно важныхъ истинъ? Возможно ли, чтобы творческая мысль процвѣтала въ такой нездоровой и зараженной атмосферѣ? Геній есть не что иное, какъ самобытность; какъ скоро самобытность задавлена, возможно ли проявленіе генія? Трудно указать средство противъ этого вопіющаго зла. Общество дѣлается на столько сильнымъ, что готовится задушить личность, т.-е. задушить именно то человѣческое качество, которому мы первоначально обязаны всей нашей цивилизаціей и, слѣдственно, нашимъ общественнымъ строемъ.

Дѣло въ томъ, что мы должны утвердить за каждымъ человѣкомъ право поступать—какъ ему угодно, и говорить, что онъ

думаетъ, въ размѣрахъ гораздо болѣе широкихъ, нежели въ какихъ это обыкновенно считается безопаснымъ или приличнымъ. Мы должны это дѣлать столько же во имя интересовъ общества, сколько и въ своихъ собственныхъ. Что отъ большей свободы дѣйствій общество было бы въ выигрышѣ—было уже показано; то же самое можно доказать относительно свободы слова и печати. Въ этомъ отношеніи, писатели и руководители человѣчества вообще слишкомъ боязливы; съ другой стороны, внимательство общественнаго мнѣнія также слишкомъ неумѣренно.

Замѣчанія, сдѣланныя Миллемъ по этому поводу, исчерпываютъ предметъ въ такой степени, что прибавлять къ нимъ нечего. Хотя многіе могутъ усумниться во всемъ томъ, что онъ говоритъ объ упадкѣ индивидуальности, но ни одинъ образованный человѣкъ не станетъ оспаривать вѣрность его заключеній на счетъ необходимости большей свободы слова и печати.

При настоящемъ состояніи знанія, большинство людей находится въ такомъ невѣдѣніи, что не имѣетъ даже понятія о томъ, на сколько человѣкъ можетъ отвѣчать за свои мнѣнія или вѣрованія. Масса не понимаетъ, что вѣрованія вообще произвольны и совершенно зависятъ отъ обстоятельствъ, которые произвели ихъ. Кто думалъ надъ этимъ вопросомъ, тотъ знаетъ, что вещь, которую мы называемъ волею, не имѣетъ никакого вліянія на наши вѣрованія, и что поэтому человѣкъ вовсе неотвѣтственъ за нихъ, по крайней мѣрѣ, онъ отвѣчаетъ за это не болѣе, какъ и за событія и обстоятельства, которые дали ему его вѣру. Христіанинъ ли онъ, на примѣръ, или магометанинъ—причина этому заключается въ томъ, гдѣ онъ родился. Уроженецъ Константинополя будетъ держаться одного рода убѣжденій, уроженецъ Лондона—другого. Какъ тотъ, такъ и другой поступаютъ сообразно тому, что имъ указано обстоятельствами и случайностію ихъ образованія, и если они оба искренни, то оба правы. Въ томъ и другомъ случаѣ вѣрующій подчиняется извѣстнымъ физическимъ условіямъ, которыя опредѣляютъ его коренныя убѣжденія и надъ которыми власть его такъ же велика, какъ надъ движеніями небесныхъ свѣтилъ или обращеніемъ земли. Взглядъ этотъ, хотя онъ давно усвоенъ мыслителями, едва-ли былъ достаточно распространенъ въ обществѣ прежде настоящаго столѣтія; между тѣмъ его распространенію, въ связи со многими другими, еще болѣе существенными причинами, мы обязаны возрастаніемъ того духа терпимости, о которомъ свидѣлствуютъ не только наша литература, но и наши законы.

Намъ могутъ возразить съ нѣкоторой долей кажущейся справедливости—что хотя вѣрованія наши произвольны, во ихъ наруж-

ное выраженіе, и ихъ формальное и письменное обнародованіе— актъ добровольный и слѣдственно отвѣтственный. Еслибъ я разбиралъ этотъ вопросъ подробно, то я бы прежде всего потребовалъ, чтобы это положеніе было выражено въ болѣе осторожной и опредѣлительной формѣ. Но, чтобы не тратить лишняго времени, предположимъ, что оно вѣрно, и позволимъ себѣ спросить, справедливо ли, чтобы человѣкъ, отвѣтственный передъ собою за обнародованіе своихъ мнѣній, считался отвѣтственнымъ именно передъ тѣми, кому онъ заявляетъ ихъ? Другими словами, въ правѣ-ли законъ или общественное мнѣніе запрещать человѣку обнародованіе мнѣній, которыя противны господствующимъ понятіямъ и на которыя все остальное общество смотритъ какъ на ложныя и вредныя?

Относительно этого пункта доводы Милля такъ полны, рѣшительны, что мнѣ нечего придать къ нимъ отъ себя. Достаточно, если я изложу вкратцѣ главные изъ нихъ; потому что было бы странно, если по прошествіи уже нѣсколькихъ мѣсяцевъ, этотъ прекрасный трактатъ, столь полный ума и мудрости, не находится еще въ рукахъ каждаго, кому дорога будущая безопасность человѣчества и чья мысль способна подняться выше непосредственныхъ интересовъ своего времени.

Тѣ, которые полагаютъ, что нетерпимость къ сочиненіямъ, содержащимъ еретическія или антирелигіозныя мнѣнія, можетъ быть оправдана, должны, безъ сомнѣнія, смотрѣть на такія мнѣнія, какъ на ложныя, потому что въ настоящее время едва-ли кто будетъ такъ безстыденъ, чтобы утверждать, что какое-нибудь справедливое мнѣніе должно быть подавлено лишь потому, что оно столько же необычное, сколько и справедливое. Мы всѣ согласны, что истина—вещь хорошая; во всякомъ случаѣ тотъ, кто думаетъ иначе, едва-ли можетъ быть причисленъ къ разряду разумныхъ существъ, и напрасно стали бы мы тратить слова на просвѣтленіе его темнаго пониманія. Кто утверждаетъ, что правду не всегда должно высказывать и что она годится не для всякаго, тотъ вызываетъ себя просто защитникомъ лжи, и намъ нечего обращать на него вниманія; особенно когда вся цѣль нашихъ сужденій состоитъ въ томъ, чтобы искоренить заблужденіе, мы не можемъ не разсуждать много съ тѣмъ, кто сознательно утверждаетъ, что заблужденіе слѣдуетъ шадить.

И такъ, намъ остается лишь предположить, что тѣ, которые хотѣли бы не давать новымъ мнѣніямъ познаться въ свѣтъ, дѣлаютъ это въ интересахъ истины и съ цѣлью предостеречь нѣкое легкомысленнаго человѣка отъ заблужденія. Намъ враніе доб-

рое; намъ остается всмотрѣться, каковы оно должно оказаться въ исполненіи.

Воцерквѣхъ, мы никогда не можемъ быть увѣрены, что мнѣніе большинства справедливо. Почти всякое мнѣніе, принятое большинствомъ, было въ началѣ мнѣніемъ меньшинства. Если какой-нибудь вѣкъ или народъ утверждаютъ, что извѣстное, принятое ими мнѣніе несомнѣнно справедливо, то они утверждаютъ свою собственную непогрѣшимость, и тѣмъ самымъ нагло присвоиваютъ себѣ привилегію, которой никогда не обладаютъ самыя мудрѣйшіе изъ людей. Слѣдственно, какъ только мы не считаемъ себя непогрѣшимыми, изъятими отъ заблужденій, неспособными къ ошибкамъ—что превышаетъ человѣческую возможность—то обязаны не только дозволить другимъ оспаривать наши мнѣнія, но должны быть еще благодарны имъ за это; ибо если человѣкъ не самообольщается насчетъ своихъ способностей до наглости и безстыдства, онъ не можетъ быть увѣренъ, чтобы все то было истинно, что онъ считаетъ истиннымъ; а потому, если онъ притомъ человѣкъ честный, онъ долженъ считать для себя обязательнымъ исправлять тѣ ошибки, въ которыхъ могъ впасть. Но исторія доказываетъ, что есть только два способа избавляться отъ ошибокъ, именно—путь опыта и разсужденія. Задача разсужденія—показать, какъ нужно смотрѣть на опытъ. Одинъ опытъ никогда не подвигалъ впередъ ни человѣчества, ни отдѣльныхъ личностей. Прежде, чѣмъ онъ можетъ оказать пользу, онъ долженъ быть проверенъ и обобщенъ. А это достигается путемъ разсужденія, которое разъясняетъ значеніе опыта, дѣлаетъ насъ способными пополнить наши наблюденія и приводить ихъ къ одному итогу. Человѣческое сужденіе одолжено факту только тѣмъ, что когда оно неврѣно, онъ доставляетъ ему возможность сдѣлаться вѣрнымъ. Но такъ-какъ это возможно единственно при борьбѣ и столкновеніи противоположныхъ мнѣній, то ясно, что когда эти мнѣнія подавляются, и когда это столкновеніе затрудняется, съ тѣмъ выѣстъ исчезаютъ и средства къ исправленію нашихъ мнѣній, а съ ними исчезаетъ и цѣнность этихъ мнѣній. Потому, чѣмъ болѣе большинство стѣсняетъ мнѣнія меньшинства, тѣмъ менѣе шансовъ у большинства имѣть вѣрные взгляды. Но если, вмѣсто того чтобы стѣснять мнѣнія, ихъ совсѣмъ будутъ останавливать, тогда исчезнутъ и послѣдніе шансы, и обществу не останется другого выбора, какъ отъ худаго идти къ худшему, и его заблужденія будутъ становиться тѣмъ болѣе закоренѣлыми и вредными, чѣмъ долѣе будетъ задержана свобода преній, которыя могли бы способствовать ихъ исправленію.

Здѣсь мы, какъ сторонники свободы, могли бы остановиться съ

нашими доказательствами, предоставляя нашимъ противникамъ одно изъ двухъ: или признать свою собственную неогрѣнимость, или отказаться отъ мысли ретировать противъ свободы суждений. Но мы такъ увѣрены въ нашемъ положеніи, что можемъ оставить въ сторонѣ всѣ предыдущія доказательства и привести въ пользу нашего мнѣнія основанія совершенно иного рода. Мы согласны, предварительно, предоставить нашимъ противникамъ всевозможныя уступки, какихъ только они могутъ желать, и въ придачу, мы, согласно ихъ мнѣнію, примемъ за доказанное, что у націй есть всѣ средства знать, съ абсолютною достовѣрностію, что нѣкоторые изъ мнѣній ея неопровержимо-истинны. И такъ, мы говоримъ, и сейчасъ докажемъ, что признавая даже эти мнѣнія волюнѣ истинными, мы все-таки считаемъ полезнымъ, чтобы они были оспариваемы и чтобы ихъ истинность была отвергаема. На первый взглядъ можетъ показаться безнадежно-парадоксальнымъ утверждать, что мнѣніе, общепринятое огромнымъ большинствомъ, и кромя того, безусловно истинное, имѣеть нужду, чтобы его опровергали, и что люди, которые его оспариваютъ, еще оказываютъ этимъ услугу обществу. Дѣйствительно, это—парадоксъ, если подъ парадоксомъ мы понимаемъ сужденіе, неполучившее право гражданственности; и однако этотъ парадоксъ не только можно не безнадежно доказывать, но въ немъ заключается волюнѣ здравое и вѣрное ученіе, которое, еслибы оно было принято во всей широтѣ, въ высшей степени могло бы ускорить прогрессъ общества.

Пусть извѣстное, общепринятое мнѣніе положительно-истинно. Результатомъ его бесспорнаго признанія и закрѣпленія напередъ на него со всевозможной силою, будетъ то, что оно начнеть становиться болѣе пассивнымъ и безплоднымъ, чѣмъ было бы при другихъ условіяхъ. Примѣромъ этому, какъ замѣчаетъ Милль, служить исторія христіанства. Въ первые вѣка церкви, когда христіанство принуждено было бороться съ безчисленными врагами, оно выказывало энергію и силу, которыя потомъ ослабѣвали въ точной пропорціи съ ослабленіемъ борьбы. Когда неприятель у воротъ крѣпости, гарнизономъ остается неуспѣшнымъ. Но неприятель начинаетъ удаляться — и неуспѣшность смѣняется дремотой; когда же онъ совсѣмъ скроется, между солдатами водворяются одиѣ только формальности дисциплины, которая, не будучи оживляема опасностію, дѣлается тувою и чисто-механическою. Всѣ извѣстныя религіи, будучи разъ утверждены, терпѣли значительную долю своей живучести. Изъ ученія, свободнаго отъ прежнихъ сомнѣній, естественно приводили вѣрующіихъ въ то, что они вѣровали менѣе горяче и далеко не такъ твердо

и отчетливо, какъ было въ началѣ; какъ только ихъ умы переставали изобрѣтаться въ вѣрныхъ преніяхъ, живая истина ображалась въ мертвую догму; какъ только проходило одушевленіе боя, мечи отбрасывались въ сторону, становились негодными къ употребленію, покрывались ржавчиной, и находчивость и одушевленіе бѣйца исчезали. Мы знаемъ, на сколько громъ пуши, сверканіе штыка и звукъ боевой трубы способствуютъ къ тому, чтобы человѣческія фигуры увеличивались въ своихъ размѣрахъ, чтобы ихъ одушевленіе разгоралось, ихъ отвага возрастала, чтобы самый ростъ ихъ увеличивался, такъ что слабыя натуры обращаются въ могучія и способныя дѣлать все и держать на вес.

Такъ оно дѣйствительно и бываетъ. Какой бы истины ни касалось дѣло, всеобщее преклоненіе передъ ней порождаетъ всеобщее равнодушіе. При согласіи взглядовъ на вещи, чѣмъ болѣе согласія, тѣмъ болѣе аватіи. Поэтому честь и слава тѣмъ, кто, возражая противъ истины, предупреждаетъ эту истину отъ уснпленія. Честь и слава тѣмъ отважнымъ и безбоязненнымъ натурамъ, еретикамъ и новаторамъ текущаго дня, которые, пробуждая людей отъ лѣниваго сна, оглашаютъ ихъ уши трубой и набатомъ и заставляютъ ихъ выступать на правильный бой, въ защиту ихъ вѣрованій. Изъ всѣхъ золъ, самое смертельное—это летаргія. Давайте намъ парадоксъ, давайте намъ заблужденіе, давайте намъ что угодно, только спасите насъ отъ застоа. Холодное дѣланіе рутинны—вотъ мрачѣйшая тѣнь нашей натуры. Она садится на насъ, подобно ржавчинѣ, притупляя наши умственные способности, ослабляя наши дѣятельныя силы, дѣлая тѣ и другія лѣнивыми и отвращающимися не только отъ борьбы за истину, но даже отъ того, чтобы потребовать у насъ отчета, во что именно мы вѣримъ.

Примѣрнымъ сказанное въ судьбѣ христіанскаго ученія. Первая проповѣдь о немъ вызвала сильнѣйшія нападенія, и первые христіане, поэтому, стояли за него, проводили его въ свою жизнь и содержали его въ своихъ сердцахъ съ такою силою, какъ тому вовсе не было примѣра въ послѣдующіе вѣка. Всякій христіанинъ признаетъ себя обязаннымъ вѣрить, что быть гониму, преслѣдуемому—для него благо, что богатство—зло, потому что богатому трудно войти въ царствіе божіе; что если у него отнять свертокъ, онъ долженъ отдать и пальто, что когда его ударили въ одну щечу, онъ долженъ повернуться и подставить другую. Эти и подобныя этому догматы первые христіане не только исповѣдывали, но и дѣйствовали на основаніи ихъ. Но это не самое ученіе заключается въ нашихъ библіяхъ, читается въ нашихъ церквахъ, проповѣдуется на нашихъ кафедрахъ. Гдѣ же тѣ, которые

слѣдуютъ ему? И гдѣ причина этого отступленія отъ него, какъ не въ томъ, что когда христіанство было мнѣнью постоянныхъ нападешій, тѣ, которые приняли его, держались за него съ такою увѣрностію, и глядѣли на него съ такимъ одушевленіемъ, котораго нельзя ожидать отъ настоящаго вѣка, когда оно осмѣнено всеобщимъ признаваніемъ его? Въ настоящее время, дѣйствительно, оно не только принято, но состоитъ подъ настояною охраною и ревнивою защитою. За него стоять законъ и общественное мнѣніе, еще болѣе могущественное, чѣмъ законъ. Отсюда мы видимъ и это аналитическое и лишенное жизненности признаваніе его. Мы внимаемъ ему, мы бесѣдуемъ о немъ; но тотъ, кто захотѣлъ бы такъ же строго слѣдовать ему, какъ слѣдовали прежде, убѣдился бы изъ собственнаго опыта, какъ ошибался онъ на счетъ своего времени и какъ велика разница, въ духовной силѣ и практическомъ значеніи, между ученіемъ, которое принимается безусловно, и ученіемъ, которое подвергается безобязательному обсужденію.

Къ подобнымъ возрѣніямъ на свободу, люди постепенно приближались совершенно по мѣрѣ того, какъ возрастали между ними успѣхи знанія и привычки къ правильному мышленію; но Милль первый свелъ эти возрѣнія, съ совершенной послѣдовательностію своего ума, въ одно цѣлое, соединивъ въ одномъ трактатѣ всѣ доводы въ ихъ пользу.

Какъ давно все клонилось уже къ этому результату — должно быть извѣстно каждому, кто изучалъ успѣхи развитія мысли въ Англіи. Какъ бы мы ни глядѣли на вопросъ о постепенномъ упаданіи личности и возрастающей тирании обычая, во всякомъ случаѣ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ религиозныхъ вопросахъ общественное мнѣніе дѣлается все болѣе и болѣе либеральнымъ. Законныя взысканія, установленныя нашими невѣжественными и нетерпимыми предками противъ всякаго, кто не раздѣлялъ ихъ возрѣній, отчасти отмѣнены, отчасти совсѣмъ преданы забвенію. Нетолько перестали мы казнить и питать тѣхъ, кто равномыслилъ съ нами, но, странно сказать — мы даже признали ихъ политическія права, равно какъ ихъ гражданскую равноправность. Допущеніе евреевъ въ парламентъ — эта въ высшей степени справедливая мѣра, наиболѣе осуждаемая вѣковыми и самыми закоренѣлымъ предразсудкомъ, представляетъ рѣзультельное доказательство силы общаго движенія. То же самое мы видимъ въ возрастающемъ желаніи отмѣнить присягу для разновѣрцевъ и номинираться въ государственной жизни со всякаго рода религиозными сектами. Отчасти причиною, отчасти результатомъ всего этого было то, что до сихъ поръ еще не было

періода времени, въ который бы такъ быстро шло распространеніе еретическихъ ученій, не только свѣтлыми людьми, но отчасти даже служителями церкви, — изъ которыхъ наиболѣе смѣливы сами выступаютъ, въ наше время, на обвиненіе заблужденій исповѣдуемой ими системы, и сами пробиваютъ брешь въ своей собственной вѣрѣ.

Неправовѣрный характеръ физической науки также возмущаетъ; многіе изъ ея представителей даже прямо рѣшаются подрывать истину положеній, которыя до сихъ поръ еще признаются самыми существенными и противъ которыхъ, въ бывшее время, никто не могъ возставать, не подвергая себя серьёзной опасности. Въ прежнія времена, подобныхъ людей заставляли молчать в строго наказывали; теперь ихъ уважаютъ и цѣнятъ; творенія ихъ читаются съ жаромъ и кругъ ихъ вліанія постоянно расширяется. Сочиненія подобнаго рода, которыя, благодаря безбоязненнымъ изслѣдователямъ, распространяются въ обществѣ, считаются, по буквѣ нашихъ законовъ, недовольными, и правительство имѣетъ право преслѣдовать ихъ авторовъ. Однако, въ общественномъ мнѣніи произошла такая перемѣна къ лучшему, что подобныя преслѣдованія были бы гибельны для всякаго правительства, которое бы рѣшилось прибѣгнуть къ нимъ. Потому мы ниѣмъ полный поводъ поздравить себя съ тѣмъ, что пережили царство открытаго гоненія. Мы справедливо можемъ вѣрить, что жестокости, которыя наши предки совершали во имя религій, теперь были бы невозможны, и что въ настоящее время нельзя наказывать человѣка за то только, что онъ высказываетъ мнѣнія, признаваемые большинствомъ за нечестивыя и вредныя.

При такихъ обстоятельствахъ и въ виду того, что общій преслѣдовать людей за выраженіе ихъ мнѣній о религиозныхъ предметахъ давно потерялъ силу, всякая попытка воскресить этотъ безславный обычай была бы отвергнута съ негодованіемъ. Она считалась бы столько же неестественной, какъ и кровавой, противной общему направленію дѣлъ и всѣмъ либеральнымъ и гуманнымъ понятіямъ вѣка, который стремится скорѣе къ смягченію наказаній, чѣмъ къ умноженію ихъ. Словомъ, при настоящемъ состояніи англійскаго общества, всякое наказаніе за свободу слова, какъ бы оно ни нарушеніи общественнаго мира, ни преступныхъ посягательствахъ противъ государства, ни распространеніи пасквилей противъ частнаго лица, было бы только бесполезною жестокостію, совершенно чуждою духу нашего времени; и эта жестокость не произвела бы другаго дѣйствія, кромѣ ожесточенія всѣхъ друзей свободы и общей потери уваженія къ судамъ.

(Несмотря на сказанное, Бокль приводит также случай, где жестокий судебный приговор был произнесен над полукомми-нальным человеком за богохульные слова; случай этот он подвергает очень пространному обсуждению, которое здесь, поэтому, вынуждается; въ заключение, Бокль приписывает его только личному жестокосердию и умственной ограниченности судей; затѣмъ продолжаетъ):

Однако, еслибы общественное мнѣніе было вполне ознакомлено съ этимъ дѣломъ, то дурныя качества судей были бы обухданы и неспособны сдѣлать вреда. Потому-то, самымъ лучшимъ и дѣйствительнымъ средствомъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ призвать общее распространеніе здравыхъ понятій о свободѣ слова и печати. Тогда каждому было бы ясно, что всякій имѣетъ полное и неотъемлемое право относиться ко всякой доктринѣ, по своему усмотрѣнію: защищать ее или осмѣивать. Если его защита слаба, ее можно осаривать; если его осмѣяніе глухо, оно можетъ быть перосмѣяно. Это — общее правило, недопускающее исключеній. Дѣла нѣтъ до того, какое это ученіе, и дорого оно или нѣтъ нашему сердцу. Подобно всѣмъ другимъ мнѣніямъ, оно должно испытать всѣ шансы, должно выдержать нападенія, должно подвергнуться дѣйствию различныхъ вкусовъ, должно быть тщательно обсуждено и изслѣдовано. Мы можемъ быть вполне убѣждены, что если известное ученіе дѣйствительно составляетъ великую и драгоценную истину, то противодѣйствіе ему только возвыситъ его цѣну, и мы тѣмъ крѣпче будемъ за него держаться, чѣмъ болѣе оно испытало нападеній, худеній и всякихъ посягательствъ, чтобы быть несироженымъ.

Еслибы я былъ обязанъ указать крайніе предѣлы, до которыхъ можетъ быть допущена эта свобода, то для примѣра я избралъ бы ученіе, которое, по моему по-крайней-мѣрѣ мнѣнію, должно быть признаваемо несравненно важнѣе всѣхъ другихъ доктринъ — ученіе о загробной жизни. Говоря строго, при теперешнемъ, еще раннемъ развитіи человѣческаго ума, нѣтъ такого предмета, который бы мы постигали съ полной достовѣрностью; но вѣра въ будущую жизнь, болѣе всякаго другого вѣрованія, приближается къ этой достовѣрности, и это — одно изъ тѣхъ вѣрованій, которое, въ случаѣ его совершеннаго погашенія, наиболѣе способно повергнуть насъ въ отчаяніе. По этимъ двумъ основаніямъ, ему нѣтъ начега равнаго. Въ пользу его приводятся аргументы болѣе сильныя, чѣмъ всѣ тѣ, какіе могутъ быть приведены въ доказательство какаго бы ни было мнѣнія; и оно, кромѣ того, есть послѣднее и высшее утѣшеніе для всѣхъ обремененныхъ страданіемъ или угнетаемыхъ несправедливостью. Всѣ

вопѣтки опровергнуть его всегда казались мнѣ весьма слабыми, и неустранимыми ни одной изъ дѣйствительныхъ трудностей этого вопроса. Это небогѣе, какъ отрицательные доводы, противопоставляемые доводамъ положительнымъ. Но, если въ метафизическихъ изслѣдованіяхъ отрицательные аргументы могутъ удовлетворять насъ, то какимъ образомъ обойдемъ мы разсужденіе Беркеля относительно несуществованія матеріальнаго міра? На эти разсужденія не было даво еще отвѣта, и онъ явится не прежде, какъ когда знаніе наше будетъ безконечно болѣе совершенно, нежели въ настоящее время. Разсужденія эти гораздо сильнѣе всего, что говорить атенсти; и я могу только удивляться тому, что отвергающіе будущую жизнь, могутъ, однако, вѣрить въ дѣйствительность матеріальнаго міра. Но тотъ, кто отрицаетъ, оправдывается тѣмъ, что онъ обязанъ поступать такимъ образомъ. Нашъ первый и главный долгъ состоитъ въ томъ, чтобы быть искренними въ отношеніи самихъ себя, и ни одинъ человѣкъ не можетъ назваться правымъ передъ самимъ собою, если онъ боится высказать свое мнѣніе. Едва-ли есть другой такой порокъ, который унижалъ бы насъ болѣе въ нашемъ собственномъ мнѣніи, какъ нравственная трусость. И едва-ли существуетъ другая такая добродѣтель, которая возвышала бы насъ болѣе въ нашихъ собственныхъ глазахъ, какъ нравственное мужество. Потому, чѣмъ менѣе популярно какое нибудь мнѣніе, тѣмъ больше заслуга со стороны того, кто его защищаетъ, предполагая, разумѣется, что онъ дѣлаетъ это искусно и по чистому убѣжденію. Съ этой точки зрѣнія, хотя я смотрю на будущую жизнь какъ на главную опору и утѣшеніе человѣчества, и хотя вполне убѣжденъ, что отвергающіе ее дѣлаютъ это лишь потому, что держатся узкихъ и одностороннихъ взглядовъ, необнимающихъ всего поля изслѣдованія, я все-таки глубоко увѣренъ, что чѣмъ сильнѣе будетъ нападеніе на это ученіе, тѣмъ лучше оно будетъ процвѣтать, и что мы тѣмъ живѣе будемъ постигать его значеніе, его глубину и его необходимость.

Я изложилъ эти мысли для того, чтобы доказать справедливость общаго положенія, которое было поставлено въ этомъ очеркѣ. Очевидно, что еслибы общественное мнѣніе не препятствовало смѣлому изслѣдованію подобныхъ предметовъ, и еслибы оно не вооружалось противъ тѣхъ, кто нападаетъ на дорогія для насъ доктрины, тогда весь вопросъ былъ бы понятимъ живѣе и совершеннѣе, и тѣ слабые доводы, какіе приводятся обыкновенно въ его пользу, были бы давно замѣнены другими.

Хотя очеркъ этотъ вышелъ гораздо длиннѣе, чѣмъ я предполагалъ, мнѣ, однако, нежелательно окончить его именно теперь, когда я только-что высказался противъ доводовъ, защищающихъ ученіе, которымъ дорожу болѣе всѣхъ возможныхъ ученій. Въ самомъ дѣлѣ, кто опровергаетъ слабый доводъ, приводимый въ пользу какой нибудь истины, тотъ, несомнѣнно, оказываетъ великую услугу этой истинѣ, заставляя ея приверженцевъ представить аргументъ болѣе сильный; однако, многіе держатся того мнѣнія, что это услуга предательская, и что выставить на видъ слабую сторону какого нибудь дѣла — означаетъ не друга, а переодѣтаго врага. Потому, частію, чтобы предупредить такое ложное толкованіе со стороны тѣхъ, кто всегда готовъ къ ложному толкованію, а частію, чтобы оказать услугу болѣе простосердечнымъ читателямъ, я рѣшаюсь установить здѣсь то, что я считаю наиболѣе здравымъ и несокрушимымъ основаніемъ, на которомъ защитники этого великаго ученія могутъ утвердиться, какъ на своемъ опорномъ пунктѣ.

Это основаніе я вижу въ универсальности любви, въ порваніи каждаго человѣка къ чему-то такому, что внѣ его. Ибо это-то и есть истинный союзъ и печать нашей общей человѣчности; это — золотая цѣпь, которая связуетъ и сохраняетъ человѣческое племя. Въ потребности любить и быть любимымъ, впервые сказываются высшіе инстинкты нашей природы. Потребность эта проявляется и усматривается не только въ хорошихъ и добродѣтельныхъ людяхъ, но, какъ доказываетъ опытъ, она совмѣстна почти со всякою степенью паденія, и почти со всякого рода пороками. Нѣтъ начала болѣе общаго, или болѣе могущественнаго. Оно существуетъ въ самыхъ варварскихъ и свирѣпыхъ обществахъ, и мы знаемъ, что даже кровавыя и возмутительныя преступленія весьма часто не въ состояніи изгладить его изъ сердца преступника: оно согрѣваетъ самые холодные темпераменты, и смягчаетъ самыя черствыя сердца. Какъ бы природа человѣка ни была испорчена и извращена, одна эта любовь способна спасти ее отъ крайнѣйшей порчи и поднять изъ самыхъ глубокихъ безднъ паденія. И если отъ времени до времени, мы слышимъ о субъектахъ, въ которыхъ, повидимому, она совершенно отсутствуетъ, то мы противъ собственной воли чувствуемъ необходимость вѣрить, что и въ этихъ душахъ, она таится незримая; что она задавлена, но не уничтожена, что въ нихъ есть еще какой нибудь уголокъ или складка, гдѣ она спрятана, и что, вопреки самымъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ, чувства въ нихъ не въ такой степени убиты, чтобы

нельзя было пробудить ихъ изъ оцѣненія, и зажечь въ нихъ искру жизни.

Прослѣдимъ теперь проявленія, въ которыхъ обнаруживается это божественное и основное начало нашей природы. Покуда мы находимся съ тѣми, кого мы любимъ, покуда мы спокойны на ихъ счетъ, мы радуемся и обыкновенно забываемъ объ отдаленныхъ послѣдствіяхъ нашей любви; ея боязнь и ея рискъ не принимаются въ расчетъ. Но когда приближаются тяжелые дни, и когда настааетъ минута горести, тогда выступаютъ на сцену другія, не менѣ существенныя стороны нашей любви. И если, случайно, наша борьба была продолжительна и тяжела, если насъ вскушала надежда, когда нужно было оставить всякую надежду, то, при послѣднемъ концѣ, мы тѣмъ болѣе бываемъ истомлены и убиты. Слѣдить за медленнымъ, но роковымъ ходомъ болѣзни, стеречь врага, подкрадывающагося незамѣтно — видѣть, какъ силы мало по малу истощаются, какъ болѣе и болѣе ослабѣваютъ члены, какъ высшія способности постепенно перестаютъ дѣйствовать, глаза гаснутъ и теряютъ свой блескъ, языкъ измѣняется, напрасно силась произнести привычныя слова ласки, и губы едва могутъ улыбнуться съ обычной нѣжностью: видѣть все это — дѣйствительно тяжелое испытаніе и многія, самыя сильныя натуры не выдерживали его. Но когда даже и это миновало, когда исчезли послѣдніе признаки жизни, когда порвана послѣдняя, слабая связь, и не осталось ничего, кромѣ оболочки и праха того, кого мы любили такъ безгранично, въ такую минуту, по истинѣ, еслибы мы вѣрили, что эта разлука — разлука на всегда, какъ могли бы мы пережить ее? Мы поставили все, что у насъ было, на одну карту, и все разомъ потеряли. Туда, гдѣ хранилось все дорогое нашимъ чувствамъ, всѣ наши сокровища, туда врываются вору и все расхищаютъ. Мнѣ кажется, что въ эту минуту отчаянія, лучшей изъ насъ изнемогъ бы подъ этимъ бременемъ, еслибы не глубокая вѣра, что въ сущности не все еще миновало, что доселѣ мы видѣли только одну сторону и что нѣчто осталось позади. Нѣчто позади насъ, нѣчто такое, чего не можетъ разглядѣть умственный взоръ нашъ, но на что устремленъ взоръ нашей любви. Что это за вещь такая, которая, мелькая надъ нами подобно тѣни, останавливается передъ нами печальнымъ видѣніемъ, на которое мы смотримъ? Откуда является въ насъ это чувство таинственнаго сообщества среди полного уединенія, это необъяснимое чувство, угѣшающее скорбящихъ? Отчего происходитъ, что въ такія минуты нашъ духъ сосредоточивается въ самомъ себѣ, и въ этомъ состояніи приходитъ въ предположенію другаго, высшаго состоянія? Если это — обольщеніе, то

оно изъ числа тѣхъ, которыя создаются нашими лучшими привязанностями, и мы должны будемъ допустить, что самыя чистыя и самыя благородныя элементы нашей природы находятся противъ насъ въ заговорѣ, чтобы обманывать насъ. Какъ вѣрно то, что мы теряемъ тѣхъ, кого любимъ, такъ вѣрно и то, что къ нашему горю примѣшивается надежда. Еслибы человѣкъ былъ назначенъ для жизни внѣ общества, онъ могъ бы считать себя смертнымъ; а это могу допустить. Почему? Потому, что при его одиночествѣ, его нравственныя силы оставались бы неразвитыми, а только эти силы могли преподавать ему ученіе о безсмертіи. Нѣтъ нигдѣ — ни въ механизмѣ матеріальной вселенной, ни въ обширной сферѣ науки — что могло бы научить его этому. Человѣческій умъ, какъ онъ ни великолѣпенъ, и какъ ни всемогущъ въ собственной своей области, не знаетъ ничего относительно этого предмета. Потому что область и назначеніе человѣческаго ума заключаются въ томъ, чтобы занимать тѣ ступени и производить тѣ улучшенія, въ теоріи или на практикѣ, которыя ускоряютъ ходъ развитія народовъ и которыми мы одолжены величавымъ строемъ современной цивилизаціи. Но это умственное движеніе, обуславливающее индивидуальное состояніе человѣка, не примѣняется, въ той же степенн, къ общественному состоянію людей. То, что составляетъ могучій рычагъ въ массѣ, терлетъ свою силу въ единичности. Одинъ законъ существуетъ для элементовъ, въ ихъ раздѣльности, другой — для элементовъ, взятыхъ въ ихъ сплоченіи. Умственное начало для насъ проявляется по отношенію къ расѣ, нравственное — по отношенію къ индивидууму. А изъ всѣхъ нравственныхъ чувствъ, украшающихъ и возвышающихъ человѣческую природу, истиннѣе любви, безспорно, есть самый прекрасный, самый могучій и самый общій. И, слѣдственно, если мы даже и расположены доказывать, что эта прекраснѣйшая и драгоцѣннѣйшая принадлежность нашей природы — такого ненадежнаго и обманчиваго свойства, что внушеніямъ ея нельзя довѣряться, то мы все же не можемъ уклониться отъ того заключенія, что такъ-какъ этотъ инстинктъ остается тѣмъ же самымъ во всѣ вѣка, на всѣхъ ступеняхъ знанія, при всѣхъ разнообразіяхъ религій, то онъ носить на себѣ печать истинны и вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ одно изъ условій и послѣдствій нашего бытія.

Такимъ образомъ, я принимаю за наилучшее доказательство дѣйствительнаго существованія будущей жизни то чувство безсмертія, которое вдохновляется намъ любовію. Быть можетъ, существуютъ и другія доказательства, которыя могутъ быть открыты другими людьми и другими вѣками. Но прежде, чѣмъ это бу-

дѣль сдѣлано, весь вопросъ, подлежащій разоблаченію, состоитъ въ томъ, что это можетъ быть обсуждаемо со всею смѣлостью, хотя безъ увлеченія, чего, однако, не можетъ случиться до тѣхъ поръ, пока печать отверженія остается на всѣхъ, кто нападаетъ на нашу вѣру; ибо эти нападатели, угрожаемые дурнымъ приѣмомъ, будутъ въ большинствѣ случаевъ или боязливы или страстны. Какъ вредно и какъ несправедливо подобное отлученіе, это, я полагаю, достаточно доказано, и я не имѣю нужды возвращаться къ этой сторонѣ вопроса. Я опять со всѣмъ настояніемъ обращаюсь къ тѣмъ, кому дорого ученіе о безсмертіи, обращаюсь за тѣмъ, чтобы они не защищали его, какъ они слишкомъ часто дѣлаютъ, аргументами, недостойными этого ученія.

ВЪ ПАМЯТЬ ЛОМОНОСОВУ.

Столѣтняя память М. В. Ломоносову 4 апреля 1865. В. Ламанскій.
Москва. 1864.

Четвертаго апрѣля 1865 года исполнится сто лѣтъ по кончинѣ Ломоносова. На русскомъ обществѣ — если только оно дорожитъ своимъ просвѣщеніемъ и умѣетъ сохранять благодарность къ людямъ, искренно служившимъ этому великому дѣлу — безъ сомнѣнія, лежитъ обязанность достойнымъ образомъ почтить память великаго русскаго академика. Г. Ламанскій въ одушевленныхъ, горячихъ словахъ обращается къ русскому обществу съ воззваніемъ исполнить этотъ долгъ, и заявляетъ, въ чемъ бы, по его мнѣнію, могла выразиться та дань уваженія, которою всѣ мы обязаны Ломоносову. Не можемъ не пожелать возможно большаго распространенія и сочувствія этой живой рѣчи, но вѣстѣ съ тѣмъ, не можемъ не сказать, что русское общество очень мало подготовлено къ тому, чтобы вполне оцѣнить ея правду. Конечно, среди потоковъ современнаго обличенія, только на одного Ломоносова изъ всѣхъ дѣятелей, потрудившихся на пользу русскаго развитія, до сихъ поръ не поднялась ни одна рука; передъ личностью перваго русскаго академика смолкаетъ самое дерзкое невѣжество нашихъ борзописцевъ, а въ его начинающаго готово искать себѣ источникъ всякое направление, существующее въ современномъ нашемъ обществѣ. Тѣмъ не менѣе, мы не можемъ похвалиться, что твердо знаемъ всѣ его услуги для нашего развитія. Справедливо г. Ламанскій говоритъ, что предъидущія намъ поколѣнія очень мало сдѣлали для его оцѣнки. «По-смертныя его бумаги — говоритъ онъ — цѣлыя статьи и записки небрежно растеряны. Русская литература понинѣ не имѣетъ скольконибудь сносно его біографіи и полной критической оцѣнки всѣхъ его трудовъ, ни одного порядочнаго собранія его сочиненій. И нѣкоторыя изъ сохранившихся почти вовсе неизвѣстны огром-

ному большинству русских образованных людей, даже писателей. Сооруженъ ему памятникъ—плохой, и безъ всякой основательной причины, въ Архангельскѣ, гдѣ онъ лишь иногда бывалъ, еще молодымъ парнемъ, по торговымъ и промышленнымъ дѣламъ своего отца. Смѣло можно сказать, что нетолько ни одна большая, но и ни одна маленькая европейская словесность не представляетъ другаго примѣра подобнаго равнодушія и невниманія, столь грѣшнаго пренебреженія къ памяти своего родоначальника и образователя». Чѣмъ объяснить себѣ подобное явленіе? «Мы лѣнны и нелюбопытны», говорилъ когда-то о русскихъ Пушкинъ — и много сиравадливаго до сихъ поръ въ этихъ словахъ. Но есть кой-какія и другія причины, что Ломоносовъ до сихъ поръ не почтенъ какъ слѣдуетъ. Несмотря на всѣ успѣхи русской исторіи въ послѣднее время, мы продолжаемъ сохранять и до сегодня достаточную долю небрежности, въ особенности къ нашему ближайшему прошедшему. Для насъ чужда та тѣсная связь, которая существуетъ между имъ и настоящимъ во всѣхъ отправленияхъ народной жизни. Мы не хотимъ знать его преданій и не дорожимъ его остатками. Оно представляется намъ какою-то безотраднѣю и мрачною бездною, и заглянуть въ нее мало охотниковъ. Съ рѣшительностью невѣжды мы засудили его; но мы очевидно неправы, потому что у насъ нѣтъ и до сихъ поръ достаточныхъ данныхъ для столь строгаго приговора. Въ самыхъ крайнихъ случаяхъ мы отдѣлываемся равнодушіемъ. Такъ и къ Ломоносову, хотя мы и обращаемся довольно бережно съ его славою, наше уваженіе ограничивается только одними фразами. Чтѣ, напримѣръ, сдѣлано русскимъ обществомъ въ виду его предстоящаго юбилея? Повидимому, въ этомъ случаѣ общую небрежность нашу раздѣляетъ даже русское ученое сословіе. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ мы встрѣчали очень мало печатныхъ заявленій и слышали очень мало слуховъ о томъ, чѣмъ, напримѣръ, наши ученые общества хотятъ почтить юбилей челоуѣка, память о которомъ должна быть близка всѣмъ имъ одинаково. Даже наша академія, въ исторіи которой Ломоносовъ есть, конечно, лучшая блестящая страница — и та до сихъ поръ не заявила о своихъ намѣреніяхъ; есть, правда, извѣстіе, что она издаетъ собранные изъ ея же архивовъ матеріалы для біографіи Ломоносова. Хорошо и то. Но, вопервыхъ, указали ей на эти матеріалы люди, къ ней непричастные, а вовторыхъ— этого мало. Русское общество вправѣ было ожидать, что академія предприметъ полное изданіе и опѣнку ломоносовскихъ трудовъ, тѣмъ болѣе лежащая на ея обязанности, что разнообразіе этихъ трудовъ дѣлаетъ недоступной ихъ разработкѣ для от-

дѣльныхъ лицъ. Академія почему-то уклонилась отъ этого. Это доказываетъ, что академія не дорожитъ ломоносовскимъ преданіемъ. Мы сказали, что наше общество чуждается своего прошедшаго—тѣмъ болѣе на нашемъ ученomъ сословіи и передовыхъ людяхъ лежитъ обязанность пробуждать въ обществѣ историческія истинны. Юбилей Ломоносова представляетъ къ этому одинъ изъ лучшихъ случаевъ, потому что его личность можетъ возбуждать самыя разностороннія сочувствія, и притомъ это есть праздникъ высшаго изъ проявленій нашей народной жизни—праздникъ русской мысли. Если наша академія не взяла на себя инициативу этого торжества и не захотѣла почтить его соотвѣтственными учеными предпріятіями, пусть общество выйдетъ изъ своей апатіи и сдѣлаетъ что нибудь съ своей стороны. Пусть оно почтитъ память Ломоносова—какъ знаетъ.

Г. Ламанскій съ своей стороны предлагаетъ вотъ что: онъ совѣтуетъ собрать особый ломоносовскій капиталъ и затратить его на нѣсколько ученыхъ предпріятій первостепенной важности; имѣя въ виду, что въ настоящее время мы переживаемъ экономическій кризисъ, онъ полагаетъ, что достаточно собрать такой капиталъ, который бы пришлось весь, а не одни проценты, затратить на самыя предпріятія; собирать же капиталъ, съ котораго довольно будетъ однихъ процентовъ—въ настоящее время слишкомъ трудно. Съ другой стороны, онъ находитъ не невозможнымъ образованіе ломоносовскаго капитала, особенно въ умѣренныхъ размѣрахъ, — по простому сравненію нашихъ экономическихъ силъ съ ничтожными средствами разныхъ западныхъ и южныхъ славянскихъ племенъ, успѣвшихъ однако образоватъ «матрицы» для поощренія своего просвѣщенія. Самое назначеніе ломоносовскаго капитала, предлагаемое г. Ламанскимъ, достойно сочувствія потому именно, что стоитъ въ связи съ одной стороны съ идеями самого Ломоносова, съ другой — съ существенными нуждами нашего современнаго просвѣщенія. По мнѣнію г. Ламанскаго, необходимо употребить большую часть ломоносовскаго капитала на поощреніе въ Россіи самостоятельныхъ изысканій въ областяхъ естествознанія и филологіи древне-классической—двухъ отдѣлахъ знанія, въ которыхъ мы менѣе всего успѣли и въ которыхъ менѣе всего оригинальны; обѣ области должны быть равно поощрены именно потому, что только совмѣстное ихъ развитіе вполнѣ обезпечиваетъ крѣпость и прочность образованности во всякомъ народѣ. Награды по естественнымъ наукамъ могутъ заключаться въ пособіяхъ молодымъ людямъ, которые, выходя изъ университета, желаютъ идти по ученой части и приготовить самостоятельныя изслѣдованія для ученыхъ степеней; а награды по

филологія должны быть выдаваемы молодымъ ученымъ въ видѣ пособій для совершенія ученыхъ путешествій по Турціи, Греціи и Италіи, съ цѣлю не книжнаго, а нагляднаго изученія мѣстныхъ памятниковъ и самыхъ странъ, бывшихъ поприщемъ жизни двухъ классическихъ народовъ древности. Г. Ламанскій! думаетъ, и совершенно справедливо, что подобныя самостоятельныя изысканія по двумъ важнымъ отраслямъ знанія будутъ крайне плодотворны для русской образованности: она можетъ обновиться ими и сгруппировать себѣ цѣлый строй дѣателей, которые внесутъ не одну оригинальную мысль въ наше сознаніе.

Другая мѣра, предлагаемая г. Ламанскимъ, имѣетъ значеніе общеславянское. Ломоносову принадлежитъ образованіе русскаго литературнаго языка, какъ Данту и Лютеру—образованіе литературнаго языка Италіи и Германіи. Въ память этого событія г. Ламанскій предлагаетъ изъ проектируемаго ломоносовскаго капитала отдѣлить 1000 рублей на установленіе ломоносовской награды славянину любого изъ славянскихъ племенъ, за лучшее сочиненіе по слѣдующей программѣ: «Нуждаются ли народы славянскіе въ общей славянской образованности и въ общемъ, необходимомъ ей органѣ, единомъ литературномъ языкѣ? Или всѣ они, за исключеніемъ русскаго народа, лишены всякой политической самостоятельности, съ своими 8 нарѣчіями и 8 отдѣльными словесностями, могутъ успѣшно соперничать съ народами нѣмецкимъ, италіанскимъ, греческимъ, валахскимъ и мадьярскимъ, наконецъ выйти изъ этой борьбы побѣдителями, т.-е. изъ нынѣшнихъ ингредиентов чужихъ племенъ обратиться въ самостоятельныхъ историческихъ духовныхъ дѣателей человѣчества? Почему славянскія племена, подобно италіанскимъ и германскимъ племенамъ, не могутъ, не должны, рядомъ съ особенными мѣстными словесностями, имѣть одну общую литературу съ однимъ общимъ языкомъ? Этимъ искомымъ языкомъ можетъ и долженъ ли быть языкъ мертвый, древне или церковно-славянскій, или же искусственный, составленный учеными изъ живыхъ славянскихъ нарѣчій, или же, наконецъ, одинъ изъ нынѣшнихъ литературныхъ славянскихъ языковъ? Подробно разсмотрѣть и доказать—почему русскій языкъ (какъ уже неоднократно указывали нѣкоторые славянскіе писатели) можетъ или не можетъ стать общимъ литературнымъ органомъ для всѣхъ народовъ славянскихъ? Съ точностью опредѣлить всѣ дѣйствительныя, наличныя и предполагаемыя возможныя препятствія распространенію русскаго языка въ земляхъ славянскихъ вообще и въ каждомъ славянскомъ племени порознь». Эти тезисы г. Ламанскаго мы не имѣемъ надобности подробно развивать и доказывать; на страницахъ нашего

же журнала они были имъ доказываемы съ очевидною убѣдительностью.

Итакъ, вотъ на какія мысли вызвалъ г. Ламанскаго предстоящій юбилей Ломоносова: если русское общество выражало различными способами свое сочувствіе по случаю юбилея Шиллера и Шекспира и готовится выразить это сочувствіе по поводу предстоящаго юбилея Данта, то г. Ламанскій и всѣ думающіе заодно съ нимъ вправѣ рассчитывать, что русское общество не останется глухо къ предпріятіямъ, предназначеннымъ почтить память основателя русской науки и вмѣстѣ съ тѣмъ дать послѣдней новыя живыя силы. Это ли, или какое-нибудь другое назначеніе будетъ дано собранному капиталу — во всякомъ случаѣ обществу русскому предстятъ случай заявить себя и свое сочувствіе къ величайшему дѣятелю русской мысли.

Прежде всего, оно во всѣхъ концахъ Россіи должно благоговѣнно вспомнить *четвертое апрѣля*.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Цѣль нашей хроники.—Очеркъ положен'я дѣлъ въ Европѣ къ началу 1865 года.—Значеніе польскаго вопроса.—Австрійская политика.—Опасенія въ Европѣ по случаю австро-прусскаго шествія на Давію.—Положеніе Россіи въ датско-нѣмецкомъ вопросѣ.—Потеря національнаго дѣла въ Германіи.—Военный элементъ и конституція въ Пруссіи.—Скандинавское единство.—Положеніе дѣлъ на Востокѣ.—Венеціанскій вопросъ и фриульское движеніе.—Внутренняя жизнь европейскихъ государствъ въ 1864 году.—Стѣсненіе конституціонной свободы и прессы во Франціи.—Развитіе избирательной реформы въ Англіи.—Стремленіе тамошнихъ рабочихъ классовъ къ политической жизни.—Положеніе Австріи и Италіи.—Положеніе Италіи, Бельгійи, Швейцаріи, Гессен-Касселя.—Греція и графъ Сионегъ.—Финансовое положеніе Европы.—Вліяніе вліяніе дефицитовъ.—Мысль о всеобщемъ обезоруженіи.—Итоги нашей гражданской жизни въ 1864 году.—Условія для успѣшнаго водворенія у насъ новыхъ порядковъ — земскаго и судебнаго.—Положеніе дѣлъ по введенію земскихъ учрежденій.—Вліяніе имущественнаго ценза.—Избиратели и гласные Варшавскаго уѣзда.—Общее замѣчаніе.—Участіе общества въ судебной реформѣ.—Участіе это значителѣнѣе, нежели кажется съ перваго взгляда.—Значеніе новыхъ судебныхъ уставовъ.—Сравненіе новаго порядка съ прежнимъ.—Участіе нашихъ гражданскихъ и уголовныхъ кодексовъ.—Ихъ существенные недостатки.—Особые суды до нынѣшней реформы и послѣ нея.—Вліяніе суда присяжныхъ на судебные приговоры.—Мысли о личномъ составѣ будущихъ судебныхъ дѣателей.—Уставъ о гимназіяхъ и прогимназіяхъ.—Журнальная полемика о направленіи этихъ заведеній.—Заявленіе «Дня» въ пользу русскаго классицизма.—Какія гимназіи будутъ у насъ преобладать: классическія или реальныя?—Вопросъ объ обученіи греческому языку.—Значеніе у насъ классическаго и реальнаго образованія.—Университеты и высшія спеціальныя учебныя заведенія.—Сословный откликъ въ новомъ гимназическомъ уставѣ.—Вопросъ о цензурномъ уставѣ.—Пресса и общественные вопросы.—Замѣчаніе о русской цензурѣ газетъ «France» и «Nord».—Англоманія «Московскихъ Вѣдомостей».—Замѣтки «Дня».—Отношенія нашей прессы къ европейской.—Положеніе нашего публициста.—Какъ иногда понимаютъ направленіе газеты?—Кого иногда считаютъ у насъ *красными*?—Вліяніе покоренія Кавказа на общее благосостояніе государства.—Ходъ крестьянскаго дѣла.—Заключеніе.

Съ наступающаго 1865 года, журналъ нашъ будетъ выходить въ мѣсяцъ двумя книжками. Такой порядокъ въ отношеніи къ «Политической Хроникѣ», дастъ возможность сообщать въ ней текущіа событія гораздо скорѣе, чѣмъ это дѣлалось прежде. Вироп
Т. СЛУШ. — Отд. II. 1

чемъ, дѣлъ нашей «Современной Хроникѣ» заключается не въ одной только передачѣ фактовъ, но и въ опредѣленіи ихъ значенія для политической и общественной жизни. При періодическомъ, не въ отдаленные между собою сроки, обзорѣни совершающихся событій, открывається удобство разсматривать ихъ во взаимной ихъ связи, и указывать на тѣ отголоски общественнаго мнѣнія, которые были вызваны ими какъ въ русской, такъ и въ иностранной журналистикѣ. Хроника наша, представляя картину современной жизни, не будетъ довольствоваться одною только внѣшнею стороною событій, но будетъ стараться представлять, по возможности, и критическую оцѣнку тѣхъ мнѣній, которыя были вызваны болѣе важными фактами.

Чтобы составить болѣе точное понятіе о томъ, при какихъ условіяхъ начинается съ новаго года международная и внутренняя политическая жизнь европейскихъ государствъ, необходимо свести въ общій обзоръ тѣ вопросы, которые ближайшимъ образомъ затрoгиваютъ политическіе, умственные и матеріальные интересы народовъ. Въ настоящую пору, у каждаго европейскаго государства, кромѣ внутреннихъ вопросовъ, относящихся къ самостоятельному развитію его гражданской жизни, есть еще общіе международные вопросы, которые прямо или косвенно заставляютъ всѣ государства принимать участіе въ разрѣшеніи ихъ съобща. Болѣе или менѣе неудовлетворительное разрѣшеніе этихъ вопросовъ, исключительное ихъ направленіе въ пользу одной какой нибудь идеи или одного государства, и даже попытка какаго нибудь правительства имѣть преобладающую голосъ не только въ практическомъ, но даже въ теоретическомъ разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ—вызываютъ замѣтное волненіе умовъ, усиленную дѣятельность дипломатіи, либеральныя или респрессивныя мѣры правительствъ и различные отголоски прессы. Этими общими чертами въ достаточной степени очерчивается общій ходъ политическихъ событій въ истекающемъ году, и для измѣненія этого хода въ наступающемъ представляется весьма немного данныхъ, которыя выдавались бы впередъ съ замѣтною рѣзкостью. Въ справедливости нашихъ замѣчаній легко убѣдиться, если обратиться къ тому положенію, въ какомъ Европа встрѣчаетъ новый, наступающій годъ.

1864 годъ принадлежалъ къ тѣмъ годамъ, когда европейскіе кабинеты, народы и партіи всевозможныхъ оттѣнковъ находятся въ напряженномъ, лихорадочномъ состояніи, ожидая громадныхъ событій, которыя рано или поздно должны возникнуть изъ настоящаго, запутаннаго положенія дѣлъ. Главными событіями, которыя должны пресѣчь такое положеніе, считаютъ войну.

Изъ вопросовъ, обращающихъ на себя всеобщее вниманіе, польскій вопросъ былъ въ текущемъ году разрѣшенъ, если не окончательно, то все-таки въ такой степени, что онъ въ кругу дипломатическихъ заботъ и революціонной дѣятельности сошелъ съ перваго мѣста и обратился въ вопросъ, касающійся собственно Россіи

безъ участія въ немъ европейскіхъ кабинетовъ, домогавшихся этого въ 1863 году. Такимъ образомъ, подавленъ одинъ изъ вопросовъ, поднимавшихъ сголько волненій въ Европѣ, и съ большимъ вѣроятіемъ угрожавшихъ ей упорною борьбою. Къ началу 1864 года вооруженное возстаніе въ Царствѣ Польскомъ и въ западномъ краѣ имперіи было уничтожено. Правительство въ обѣихъ мѣстностяхъ имѣло для себя поддержку въ массахъ народныхъ. Надѣленіе крестьянъ землею въ Царствѣ Польскомъ, и особый порядокъ по крестьянскому дѣлу въ западныхъ губерніяхъ—въ которыхъ отозвался польскій мятежъ—упрочивая благосостояніе сельского класса, самаго многочисленнаго, приготовило твердый оплотъ противъ революціонныхъ движеній. Энергическія мѣры, имѣющія значеніе не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, упрочили въ Царствѣ Польскомъ, Литвѣ, Бѣлорусіи, Волынѣ и Подоліи власть правительства до такой степени, что нѣтъ никакого вѣроятія ожидать когда-либо хотя бы самаго слабого повторенія или подражанія тѣхъ событій, которыя нарушили въ этихъ мѣстностяхъ спокойствіе и обычный порядокъ.

Впрочемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, притязающихъ на политическую прозорливость, высказываемому въ печати—польскій мятежъ, уничтоженный во внѣшнихъ его проявленіяхъ, не погасъ еще до такой степени, чтобы можно было совершенно успокоиться въ этомъ отношеніи. Революціонная пропаганда не пріисмирѣла въ виду тѣхъ бѣдствій, которыя навлечены были ею на поляковъ. Крайняя партія не хочетъ отступить отъ своихъ замысловъ, и тамъ, гдѣ она не можетъ дѣйствовать явно, дѣйствуетъ тайно. Предположеніе это кажется вѣроятно, но дѣло въ томъ, въ какихъ размѣрахъ и какимъ путемъ можетъ дѣйствовать нынѣ эта партія, встрѣчая у себя дома на каждомъ шагѣ непреодолимые препятствія?—такъ что въ сущности всѣ ея замыслы и попытки не могутъ породить никакихъ серьезныхъ волненій, а тѣмъ менѣе общаго взрыва. Совершенное разстройство и полное раскрытіе организаціи польскаго революціоннаго правительства, отнятіе всѣхъ матеріальныхъ средствъ и упадокъ нравственныхъ силъ у коноводовъ польскаго движенія и ихъ послѣдователей, поставили польскій вопросъ въ совершенно иныя условія, нежели тѣ, въ которыя онъ былъ поставленъ прежде. Съ полною увѣренностію можно сказать, что настоящій разгромъ революціонныхъ элементовъ въ Польшѣ не приведетъ уже Россію, въ отношеніи къ европейскимъ кабинетамъ, въ то положеніе, въ какомъ она находилась передъ началомъ вооруженнаго возстанія въ Польшѣ.

Поляки неизбежно должны сознать, что если европейскіе кабинеты, на помощь которыхъ они такъ твердо надѣялись, не принялись за ихъ дѣло въ то время, когда они могли рассчитывать на поддержку ихъ требованій и со стороны самой Польши, необ思сленной еще бесплодною борьбою, то нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы они взяли за польское дѣло при нынѣшнемъ порядкѣ,

когда потеряна всякая надежда на уступку со стороны Россіи подъ вліяніемъ иностраннаго вмѣшательства въ дѣла Польши.

Такии образоиъ событія 1864 года должны были привести европейскіе кабинеты къ тому убѣжденію, что польскій вопросъ изъ вопроса международнаго, какимъ онъ казался прежде, обратился теперь во внутрениій вопросъ трехъ сосѣдственныхъ между собою державъ, владѣющихъ областями, составлявшими нѣкогда королевство польское. Весьма важнымъ фактомъ явился въ этомъ случаѣ образъ дѣйствій австрійскаго правительства, которое сначала не только покровительствовало польскому возстанію, но вмѣстѣ съ другими державами обращалось даже къ Россіи съ требованіемъ объ устройствѣ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ на основаніи программы, предложенной съ этою цѣлью тюльрийскимъ кабинетомъ. Въ настоящее время, австрійское правительство, держащее Галицію и Краковскую область на военномъ положеніи, и произносящее въ лицѣ своихъ чиновниковъ смертныя приговоры падъ участниками польскаго возстанія, не можетъ уже стать къ польскому вопросу въ то отношеніе, въ кабое оно умудрилось себя поставить, пока польскій вопросъ считали вопросомъ международнымъ, и пока онъ угрожалъ Россіи вооруженнымъ вмѣшательствомъ со стороны почти что цѣлой Европы.

Образъ дѣйствій со стороны Австріи въ польскомъ дѣлѣ, нанесъ ему, въ смыслѣ международнаго вопроса, рѣшительный ударъ. До настоящаго времени и европейскимъ кабинетамъ, и польскимъ революціонерамъ позволятельно, хотя и неосновательно было разсчитывать на успѣхъ ихъ стараній въ пользу Польши, видя, что даже одна изъ державъ, ближайшимъ образомъ заинтересованная въ польскомъ дѣлѣ, оказываетъ ему свое сочувствіе. Между тѣмъ обстоятельство показало, что на дѣлѣ Австрія далеко отъ того, чѣмъ она казалась, и что, въ случаѣ попытки разрѣшить польское дѣло силою оружія, она, по всей вѣроятности, станетъ на сторонѣ Россіи, такъ что въ этомъ случаѣ военственные замыслы Франціи могутъ встрѣтить коалицію трехъ державъ: Россіи, Австріи и Пруссіи.

Другимъ весьма важнымъ событіемъ 1864 года, угрожавшимъ, повидимому, европейскою войною, была датско-германская распра. Война эта была вызвана тремя побудительными причинами: національными стремленіями Германіи къ единству, борьбою прусскаго правительства съ палатами и соперничествомъ Австріи и Пруссіи, какъ двухъ первенствующихъ германскихъ державъ. Первоначально главнымъ дѣятелемъ по этому вопросу явился герцогъ саксен-кобургскій, патристическому его порыву послѣдовали: Баварія, Саксонія, Виртембергъ и Ганноверъ. Тамошнія правительства очень хорошо понимали, что начавъ хлопотать въ пользу нѣмецкой національности, будто бы угнетенной датчанами, они займутъ въ Германіи видное, если не первое мѣсто. Они, однако, ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Пруссія воспользовалась благоприятнымъ случаемъ стать во главѣ дѣла, которое Германія считаетъ своимъ національнымъ интересомъ. Съ пре-

восходною армією, со всіми потребительными усовершенствованіями она двинулась на слабую Данію. Австрія не могла бы отстать въ этомъ національномъ предпріятіи, не потерявъ своего значенія, и она отправила подвластныхъ ей славянъ на защиту нѣмецкаго національнаго дѣла.

Австро-прусскій походъ на Данію возволновалъ всю Европу. Дипломатія и журналисты предвидѣли грозу и припомнили слова императора французова, что первый пушечный выстрѣлъ на Эбдеръ вызоветъ всеобщую войну въ Европѣ. Дѣйствительно, вопросъ о полунѣмецкихъ, полудатскихъ герцогствахъ, подвластныхъ датской коронѣ, былъ обставленъ въ дипломатическомъ отношеніи такъ, что покушеніе на нихъ со стороны Германіи должно было, повидимому, вызвать неизбежную войну. По лондонскому трактату, Англія, Франція и Россія упрочили за Даніей обладаніе приэльбскими герцогствами. Трактатъ обязывалъ державы, подписавшія его, не допустить Австрію и Пруссію нарушать этотъ договоръ, и такъ-какъ онъ нарушился уже не путемъ дипломатическихъ сдѣлокъ, а военною силою, то и естественно было противопоставить силѣ силу.

Очевидно, однако, что Россія, при всемъ желаніи поддержать ненарушимость трактата, не могла съ своей стороны домогаться этого при томъ положеніи, въ которое она была поставлена Франціей и Англіей по польскому вопросу. Странно и неослѣдовательно было бы сдѣлаться ей союзницею Франціи и Англіи, когда за нѣсколько времени передъ этимъ ей самой угрожали войною обѣ эти державы, и когда съ одной стороны между кабинетами петербургскимъ, а съ другою—тюрингійскимъ и саксенскимъ не былъ улаженъ вопросъ, прямо относящійся къ Россіи.

Такии образомъ ожиданія европейской войны по поводу нападенія нѣмцевъ на Данію не исполнились. Союзники, а вмѣстѣ съ тѣмъ и національное германское дѣло восторжествовало, но результаты оказались не тѣ, какихъ ожидали нѣмецкіе націоналисты. Плодами австро-прусскаго похода воспользовалась Пруссія или, вѣрнѣе сказать, прусское правительство въ лицѣ короля и г. Бисмарка, то-есть тѣ именно лица, которыя національная германская партія желаетъ всего менѣе увидѣть въ ихъ политическихъ предпріятіяхъ.

Исходъ датско-нѣмецкаго дѣла, захваченнаго Пруссіей въ свои руки, поставилъ теперь Германію въ совершенно иное положеніе, нежели то, въ какомъ она находилась въ началѣ нынѣшняго года, когда тамъ на первомъ планѣ были: Саксен-Кобургъ, Саксонія и Баварія, принявшіяся ратовать за національное германское дѣло. Войска всѣхъ этихъ державъ отступили теперь передъ прусскими и даже нѣкоторые нѣмецкіе контингенты попались во свояси околѣннымъ путемъ, чтобъ избавиться отъ ожидаемыхъ ими оскорбленій со стороны азартныхъ пруссаковъ.

Вообще, если когда-нибудь и коронованнче и простые представители національных германских стремлений находились въ положеніи, способномъ возбудить радость враговъ и печаль друзей, то именно въ настоящее время, ровно черезъ годъ послѣ того, какъ они выступали въ полномъ торжествѣ и въ надеждѣ, что германцы будутъ благодарны за ихъ подвиги. Теперь нѣмцы вполне убѣдились, что прусскіе штыки и прусскія пушки пересекли всѣ германскія идеи.

Все, что было выиграно униженіемъ и ослабленіемъ Даниі, пруссаки присвоили себѣ. Пруссія выгоняетъ союзныя нѣмецкія когорты изъ областей, завоеванныхъ во имя германскаго единства. Пруссія надменно и безотчетно устраняетъ вмѣшательство франкфуртскаго сейма въ рѣшеніи участи областей, уступленныхъ ей и Австріи. Чтобы показать свое полномочіе, Пруссія то заявляетъ право оставить герцогства за собою, то ведетъ переговоры съ герцогомъ аугустенбургскимъ объ условіяхъ, выгодныхъ для нея, на основаніи которыхъ она, быть можетъ, заблагоразсудитъ уступить или даже продать ему званіе номинальнаго государя, сдѣлавъ его своимъ вассаломъ. Она старается, да и то не слишкомъ усердно, задобрить одну только Австрію, и затѣмъ выражаетъ полное пренебреженіе къ остальнымъ нѣмецкимъ державамъ.

Обманулась также и либеральная прусская партія, омысливъ, что война съ Данией повлечетъ за собою для прусскаго правительства разныя затрудненія, подъ вліяніемъ которыхъ оно должно будетъ сдѣлать уступки въ пользу конституціоннаго прогресса въ Пруссіи. Въ этомъ отношеніи либеральная прусская партія, и вообще весь прусскій народъ потеряли весьма многое, вслѣдствіе военныхъ успѣховъ правительства. Годъ назадъ, Пруссія была конституціоннымъ королевствомъ, въ парламентѣ ея засѣдала упорная оппозиція. Нынѣ уже не то. Правительство приманило народъ блескомъ легкихъ побѣдъ, и ложная военная слава заставила пруссаковъ позабыть о своихъ гражданскихъ правахъ. Результатомъ событій 1864 года было для Пруссіи то, что въ ней теперь военный элементъ взялъ еще большій верхъ надъ всѣми другими элементами, а при такомъ положеніи дѣлъ трудно думать не только объ успѣшной оппозиціи, но даже и о поддержаніи вѣрнаго конституціоннаго порядка.

Что же касается герцогствъ, то имъ, безъ всякаго сомнѣнія, придется промѣнять мелкія притѣсенія датскаго правительства на тяжелые налоги, военное господство и бюрократическую расправу Пруссіи.

Такимъ образомъ вопросъ о герцогствахъ порѣшенъ въ 1864 году если не окончательно, то все же такъ, что нѣтъ возможности привести его опять въ то положеніе, когда онъ угрожалъ европейскою войною и тѣшилъ бы нѣмцевъ тѣмъ, что они видѣли въ немъ первый шагъ къ національному нѣмецкому движенію.

Во время нападенія австро-пруссаковъ на Дашію, выдвинулся на время одинъ весьма незамѣтный вопросъ, подлюдащій впрочемъ подъ статью главнѣйшимъ европейскимъ вопросамъ. Мы говоримъ о скандинавскомъ единствѣ. Самъ по себѣ этотъ вопросъ, касающійся не болѣе 7,000,000 представителей и представительницъ скандинавской расы, не въ состояніи смутить спокойствіе Европы. Между тѣмъ примѣненіе этого вопроса къ равновѣсію Европы, а отчасти и значеніе его для Россіи могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, придать ему особенную важность. Въ Швеціи, Норвегіи и Даніи, по примѣру Германіи и Италіи, господствуетъ мысль о соединеніи трехъ сѣверныхъ государствъ въ одну державу. Въ половинѣ 1864 года стремленіе это выразилось въ Швеціи съ болѣею очевидностію, нежели когда-либо прежде, но вскорѣ оно стихло. Оно обнаружилось желаніемъ шведовъ помочь единоплеменнымъ съ ними датчанамъ, и сопровождалось сходками, рѣчами и денежными складками въ пользу Даніи со стороны народа, а со стороны правительства вооруженіемъ шведско-норвежскаго флота, который предполагали отправить въ Нѣмецкое море. Но эта вспышка вскорѣ погасла, и скандинавскій вопросъ замеръ, безъ всякой надежды на скорую очередь.

Перечисляя тѣ вопросы европейской политики, которые—если бы они были нушены въ ходъ съ усвоенной для нихъ точки зрѣнія—могли породить въ Европѣ кровавыя столетовенія, нужно остановиться на такъ называемомъ восточномъ вопросѣ. Подъ этимъ вопросомъ разумѣется судьба Оттоманской Имперіи, существованіе или паденіе которой должно значительно измѣнить карту Европы и при томъ измѣнить ее не въ мирѣ и тишинѣ, но послѣ сильныхъ потрясеній. Въ теченіе 1864 года вопросъ этотъ находился въ оцѣпенѣломъ состояніи, онъ не оставилъ послѣ себя за этотъ годъ никакихъ слѣдовъ. Только порою въ англійскихъ, французскихъ, да нѣсколько разъ и въ русскихъ газетахъ говорилось о томъ положеніи, которое занимаютъ на Востокѣ первенствующія европейскія державы, считающія себя покровителями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе или менѣе ближайшими наследниками турокъ въ Европѣ.

Поднятіе этого вопроса провидѣли-было въ движеніи, начавшемся въ Босніи, но такъ-какъ движеніе это не имѣло усилія, а европейскіе кабинеты старались отклонить всякія замѣшательства по дѣламъ Турціи, то и практическій зачатокъ восточнаго вопроса прошелъ бесслѣдно.

Въ предшествовавшихъ нумерахъ нашего журнала мы ознакомили читателей съ современнымъ положеніемъ римскаго вопроса, вслѣдствіе сентябрьской конвенціи; а такъ-какъ съ тѣхъ поръ въ этомъ отношеніи не случилось ничего особеннаго, то мы и считаемъ излишнимъ говорить теперь объ этомъ предметѣ.

Въ дѣлахъ италіанскихъ, кромѣ римскаго вопроса, существуетъ, какъ извѣстно, вопросъ венеціанскій. Въ теченіе 1864 года, онъ не выступалъ наружу въ дипломатической сферѣ, но тѣмъ не менѣе газеты, въ разное время, дѣлали по поводу его различныя ком-

бизація, представлявши въ практическомъ ихъ примѣненіи слишкомъ много затрудненій. Въ концѣ 1864 года казалось, что уже приближается развязка этого вопроса вслѣдствіе фриульскаго революціоннаго движенія, но движеніе это было подавлено въ самомъ началѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ объ участіи Венеціи отошелъ въ сторону на неопредѣленное время.

Всматриваясь внимательно въ то положеніе, въ какомъ застаетъ Италію наступающій годъ, можно сказать съ нѣкоторою увѣренностію, что если въ этомъ году будетъ нарушенъ миръ Европы, то, по всей вѣроятности, это случится изъ-за Венеціи, такъ какъ возможность скорой борьбы Италіи за Римъ значительно отдалена франко-итальянской конвенціей. Слѣдовательно, если въ Италіи, почему либо, усилятся національныя стремленія, то они прежде всего отзовутся на Австрію.

Обращаясь къ событіямъ внутренней жизни европейскихъ государствъ, и начиная этотъ обзоръ съ Франціи, надобно сказать, что французская имперія въ 1864 году не представляла ничего новаго, ничего замѣчательнаго. Внутренній строй Франціи не представлялъ, въ теченіе этого года, никакихъ переменъ. Недавно только заявили газеты о намѣреніи императора Наполеона даровать нѣсколько новыхъ конституціонныхъ правъ національному представительству, но вслѣдъ за тѣмъ другія газеты заговорили другое. Онѣ стали, напротивъ, сообщать о большемъ еще стѣсненіи конституціонной свободы у французомъ отнятіемъ у насъ права представлять адресъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь императора. Адресы, какъ сообщаютъ, будутъ замѣняться петиціями, которыя будутъ обсуживаться не въ полномъ собраніи представителей, такъ что порицаніе правительственныхъ мѣръ будутъ получать при этомъ условіи весьма небольшую огласку.

Въ теченіе 1864 года слышались жалобы на прямое и косвенное вмѣшательство императорскаго правительства въ выборы депутатовъ, а также и на строгости, съ которыми преслѣдуютъ либеральную французскую прессу.

Внутренняя жизнь Англіи не заявила себя никакими особыми фактами, кромѣ обычныхъ митинговъ, да развѣ еще религіозною враждою ирландскихъ католиковъ и протестантовъ, вызвавшею столкновеніе въ Бельфастѣ. Какъ болѣе ясное выраженіе внутренней политической жизни Англіи, былъ реформатскій митингъ, пронесшійся въ концѣ 1864 года въ Брадфордѣ, одномъ изъ самыхъ значительныхъ мануфактурныхъ городовъ графства Йоркскаго. Ораторы этого митинга указывали на то, что нынѣшній парламентъ былъ избранъ въ 1859 году съ порученіемъ принять систему избирательной реформы болѣе обширную, нежели та, которую предлагалъ кабинетъ лорда Дерби. Они упоминали о томъ, что честь и интересы англійскаго народа требуютъ, чтобы нынѣшняя палата депутатовъ не расходилась, не сдѣлавъ послѣднате энергическаго усилія въ этомъ отношеніи во время послѣднихъ засѣданій.

Общій снмелъ рѣчей, произнесенныхъ ораторами брадфордскаго митинга, заключался въ томъ, что избирательная подача голосовъ не должна быть вполнѣ предоставлена рабочимъ классамъ, которые таготивли бы надъ нею своимъ большинствомъ. Но въ то же время ораторы требовали такого расширенія избирательныхъ правъ, которое возвысило бы на степень избирателей значительную часть рабочаго класса. Они требовали также, чтобы въ распределеніи національнаго представительства была принята въ основаніе цифра населенія въ болѣе значительной пропорціи, нежели допускаетъ это нынѣшній законъ.

Речи брадфордскихъ ораторовъ обратили на себя общественное мнѣніе Англіи. Приближеніе выборовъ возбуждаетъ умы и ожидаютъ, что подобныя многочисленные митинги устроятся въ мануфактурныхъ городахъ сѣверной Англіи.

Въобщемъ надобно замѣтить, что рабочіе классы въ Англіи сильно возмущены въ настоящее время и требуютъ, чтобы ихъ допустили къ участию въ политической жизни страны. Государственные люди Англіи понимаютъ, что нынѣ приближается та минута, когда надобно будетъ сдѣлать подобную уступку британскому народу. Между тѣмъ, въ аристократической Англіи всего болѣе опасаются, чтобы подача голосовъ не досталась массамъ. Однако, нелегко опредѣлить, до чего дойдутъ требованія по избирательному закону, и чѣмъ въ этомъ отношеніи удовлетворяется реформатская партія. Само собою разумѣется, что какъ бы ни было расширено избирательное право, все-таки оно, по господствующимъ понятіямъ въ англійской націи, будетъ подчинено имущественному цензу, только цензъ этотъ приметъ меншіе размѣры. Деньги имѣютъ такое важное значеніе въ Англіи, что, какъ надобно полагать, даже изъ среды рабочихъ не раздадутся настойчивыя взгляды противъ самаго ценза.

Въ сдѣланныхъ нами прежде очеркахъ засѣданій итальянскаго австрійскаго парламентовъ, мы представили общее положеніе дѣлъ въ Австрійской имперіи и въ королевствѣ итальянскомъ. Относительно послѣдняго нужно только прибавить, что и къ концу 1864 года разбойничество не было прекращено въ южной Италіи, несмотря на всю строгость и дѣятельность правительства, что же-король Францискъ остался попрежнему въ Рижѣ, и что теперь обь отъѣздѣ его оттуда вѣтъ и помнну.

Что же касается внутренней жизни другихъ второстепенныхъ государствъ Европы, то жизнь эта представила въ 1864 году весьма мало замѣчательныхъ фактовъ.

Въ Испаніи, какъ и всегда, была замѣтна шаткость министерства; въ Бельгіи продолжалась борьба партій, либеральной и клерикальной. Только въ Швейцаріи произошло замѣчательное столкновеніе партій, окончившееся, впрочемъ, безъ смутъ и потрясеній. Въ Гессен-Касселѣ, къ концу 1864 года, снова поднялась давнишняя и, кажется, теперь уже рѣшительная борьба между палатою и правительствомъ. Палата въ особомъ адресѣ, съ полною

отравенностию, выразила предъ курфюрстомъ весьма-важливо ненормальное положеніе страны, испытываемое ею вслѣдствіе отѣмны конституціи 1831 года. Неблагопріятный отвѣтъ на этотъ адресъ со стороны курфюрста далъ понять палатѣ, что всѣ ея представленія не будутъ имѣть въ глазахъ его никакого значенія, и что порядокъ дѣлъ останется прежній. Впрочемъ, палата не отступаетъ отъ своихъ требованій, невыходящихъ изъ предѣловъ конституціонныхъ правъ страны и, какъ видно, вся страна хочетъ поддержать энергію и настойчивость своихъ представителей.

Въ Греціи, повидимому, положеніе дѣлъ значительно улучшилось. Правительство, избавившись отъ безпокойнаго національнаго собранія, проникнутаго духомъ партій, намѣрено созвать первый парламентъ, согласно съ конституціей, въ концѣ января наступающаго года. Англійскіе корреспонденты сообщаютъ что миръ и довольство начинаютъ водворяться въ Греціи, и что торговля и промышленность вновь оживились послѣ долгаго застоя. Высшая торговля Греціи, въ первые десять мѣсяцевъ 1864 года, увеличилась почти на 50 процентовъ сравнительно съ соотвѣтствующимъ періодомъ предыдущаго года. Въ главныхъ городахъ Греціи, революція, низвергшая короля Оттона, почти забыта и общественное мнѣніе благосклонно относится къ существующему нынѣ порядку дѣлъ. Графъ Спонецъ, въ сущности управляющій Греціей, готовитъ мѣры, способныя держать будущій парламентъ въ томъ настроеніи, какое будетъ выгодно для правительства. Въ приготовляемый графомъ Спонецомъ бюджетъ будутъ введены проекты улучшенія путей, устройство желѣзныхъ дорогъ, разработка рудниковъ, заведеніе пароходства вдоль Коринѣскаго залива и Адриатическаго моря, и выкупъ государственныхъ имуществъ.

Общей характеристикой внутреннего быта всѣхъ европейскихъ государствъ, за исключеніемъ весьма немногихъ изъ второстепенныхъ и Англіи, были финансовыя затрудненія. Всюду оказывалась несоразмѣрность доходовъ съ расходами и неизбежный, вслѣдствіе этого, дефицитъ. Впрочемъ, эта обстановка, усложняя и затрудняя дѣйствія правительствъ, не остается въ то же время безъ благихъ послѣдствій. Въ конституціонныхъ странахъ, недостатокъ денежныхъ государственныхъ средствъ заставляетъ министерство, за исключеніемъ развѣ министерства г. Бисмарка, дѣлать уступки палатамъ, и кромѣ того, сдерживаетъ воинственный пылъ въ Европѣ. Дороговизна послѣднихъ двухъ войнъ: восточной и итальянской, а также австро-прусскаго нашествія на слабую Данію, показали, что въ настоящее время для веденія войны необходимы порядочныя капиталы, а такъ-какъ ихъ не имѣется, то и война, къ счастью человечества, дѣлается если не невозможной, то, по крайней мѣрѣ, крайне затруднительной.

Въ Пруссіи палаты уже нѣсколько лѣтъ борются съ правительствомъ за желаніе его организовать армию въ большихъ размѣрахъ. Австрійскій рейхсратъ поговаривалъ тоже о сокращеніи австрійской арміи для сбереженія финансовыхъ средствъ государ-

ства, несмотря на опасное положеніе Австріи со стороны Италіи. Въ итальянскомъ парламентѣ, вопросъ о военномъ бюджетѣ былъ тоже предметомъ преній, хотя положеніе итальянскаго королевства и указываетъ на необходимость имѣть въ распоряженіи правительства сильную армію. Наконецъ во Франціи, однимъ изъ поводовъ къ неудовольствію противъ императорскаго правительства, служатъ чрезмѣрные расходы на военныя потребности.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, не разъ высказывалась мысль о всеобщемъ обезоруженіи, но, конечно, мысль эта едва-ли когда-нибудь осуществится. Во всякомъ случаѣ, благодаря недостатку денежныхъ средствъ, европейская война представляется болѣе или менѣе отдаленнымъ событіемъ.

Сводя итоги нашей гражданской жизни за 1864 годъ, можно сказать, что годъ этотъ, сравнительно съ предъидущимъ, имѣлъ другой отбѣнокъ.

Польское возстаніе и угрозы европейскаго вмѣшательства, вызвали у насъ чрезвычайное патриотическое настроеніе. Къ началу 1864 году, разсѣялись всякія опасенія на счетъ возможности войны съ Франціей и Англіей за Польшу. Польское возстаніе было подавлено, и мы исподоволь пришли въ обычное положеніе. При такомъ положеніи, гораздо яснѣе очертились условія и потребности нашей внутренней жизни, въ которой, въ теченіе 1864 года, прибавилось нѣсколько новыхъ фактовъ, имѣющихъ для Россіи большое значеніе, не столько въ настоящемъ, сколько въ будущемъ. Къ числу такихъ главныхъ фактовъ, надобно отнести изданіе: «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ» и «Судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года». Изданіемъ перваго, значительно обусловливается развитіе нашего гражданского и экономическаго быта; изданіемъ вторыхъ, совершенно переименованъ нашъ юридическій бытъ.

Надобно, впрочемъ, сказать, что въ настоящее время новыя условія и того и другаго быта представляются только въ зародкѣ. Время и опытъ оправдаютъ какъ достоинство новыхъ земскихъ порядковъ и законодательныхъ уставовъ, такъ и укажутъ на тѣ недостатки, которые могутъ потребовать нѣкоторыхъ измѣненій въ практикѣ, несмотря на всю пригодность и всю современность принятыхъ началъ въ совершившихся у насъ реформахъ. Само собою разумѣется, что успѣхъ начинаній будетъ всего болѣе зависѣть отъ самодѣятельности и честныхъ усилій нашего общества, отъ единодушія его дѣйствій и отъ тѣхъ понятій, которыя будутъ въ немъ господствовать и развиваться неуклонно. Только этими путями можно достигнуть осуществленія новаго порядка, и не обратитъ его въ формальность, могущую ослабить, если не уничтожить всѣ хорошія его стороны.

Къ сожалѣнію, какъ замѣтно, общество наше доселѣ съ большимъ равнодушіемъ относится къ новому земскому порядку. Мы уже входили однажды въ подробное разсмотрѣніе тѣхъ причинъ, которыя, по нашему мнѣнію, вызываютъ это неутѣшительное

явленіе. Въ основѣ ихъ лежитъ сословная разрозненность и неотчетливое пониманіе той важности, которую представляетъ собою земство, тѣсно сплотившееся для поддержанія и правильного веденія ближайшихъ къ нему интересовъ. Въ этомъ отношеніи мы не имѣемъ болѣе ничего, что могли бы прибавить къ сказанному нами прежде.

Въ настоящее время, введеніе земскихъ учрежденій исполняется официальнымъ порядкомъ. Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ образованы комиссіи, для составленія списка избирателей, имѣющихъ право непосредственнаго и посредственнаго голоса въ земскихъ учрежденіяхъ. Списки этого рода печатаются въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и, просматривая ихъ, нельзя не убѣдиться въ незначительномъ числѣ тѣхъ наличныхъ силъ, которыя будутъ призваны къ участию въ земскихъ учрежденіяхъ. Ближайшая причина этому — значительный размѣръ ценза. Правда, что въ отношеніи къ уѣзднымъ поземельнымъ собственникамъ, установленный размѣръ ценза прилагается, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, довольно удобно сравнительно съ городами. Но при этомъ надобно замѣтить, что многія изъ тѣхъ лицъ, которыя подходятъ подъ условія ценза, не могутъ принять самаго участія въ земскихъ учрежденіяхъ по разнымъ причинамъ, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ.

Многіе изъ числа внесенныхъ въ списки избирателей съ правомъ непосредственнаго голоса и, слѣдовательно, изъ числа лицъ, имѣющихъ право быть избираемыми въ гласные, не займутъ этихъ должностей или потому, что этому препятствуетъ ихъ возрастъ или полъ, или потому, что они занимаютъ должность, которую не пожелаютъ оставить. Кромѣ того, многіе изъ упомянутыхъ лицъ, какъ собственники въ разныхъ мѣстностяхъ, должны будутъ предпочесть какую-либо одну мѣстность, такъ-что въ этомъ случаѣ послѣдуетъ, по каждому уѣзду, уменьшеніе въ числѣ лицъ, которыя внесены въ относящійся къ уѣзду списокъ избирателей съ правомъ непосредственнаго голоса.

Нужно также имѣть въ виду, что должности мировыхъ судей, тоже обусловленныя имущественнымъ цензомъ, выведутъ значительное число лицъ изъ списковъ по земскимъ учрежденіямъ, такъ-что для послѣднихъ еще болѣе уменьшится размѣръ силъ, призванныхъ принять въ нихъ участіе.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ число избирателей съ правомъ непосредственнаго голоса доходитъ до изумительной крайности. Такъ, наиримѣръ, «Костромскія Губернскія Вѣдомости» сообщаютъ, что по Варнавинскому уѣзду оказалось всего три лица, имѣющихъ, въ силу ценза, право быть непосредственными избирателями. Изъ этихъ трехъ лицъ нужно будетъ выбрать двухъ гласныхъ, но легко можетъ быть, что они принадлежатъ къ разряду тѣхъ поземельныхъ собственниковъ, о которыхъ мы говорили, какъ о лицахъ, неимѣющихъ фактической возможности или желанія

дѣйствовать на пользу земства по Варнавинскому уѣзду, такъ что этотъ уѣздъ легко можетъ остаться и безъ избирателей и безъ гласныхъ. Между тѣмъ, нужно замѣтить, что Варнавинскій уѣздъ ни по территоріальному пространству, ни по цензу, ни по распредѣленію поземельной собственности, ни общему числу населенія не представляетъ какихъ-либо особенныхъ условій. Такихъ мѣстностей, какъ Варнавинскій уѣздъ, найдется у насъ немало. Слѣдовательно, никакъ нельзя ручаться, чтобы подобное явленіе, весьма неотрадное для будущности земскихъ учреждений, не повторилось и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Судебная реформа, для успѣшнаго ея практическаго примѣненія, требуетъ участія со стороны самаго общества гораздо болѣе, нежели сколько это кажется съ перваго взгляда.

Въ силу закона, предсѣдатели, товарищи предсѣдателей и члены окружныхъ судовъ, въ томъ числѣ судебные слѣдователи, а также старшіе предсѣдатели, предсѣдатели департаментовъ и члены судебныхъ палатъ и вообще всѣ лица будутъ опредѣляться къ должностямъ по судебному вѣдомству отъ правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, мировые судьи будутъ назначаться по выборамъ всѣхъ сословій. Учрежденіе мировыхъ судей будетъ ближайшимъ образомъ соприкасаться съ вседневною жизнью общества, а потому и участіе его въ этихъ учрежденіяхъ, правомъ избранія мировыхъ судей, будетъ имѣть значительное вліяніе на развитіе, а тѣмъ болѣе на личный составъ мировыхъ учреждений. Кромѣ того, общество съ своей стороны можетъ принять участіе въ новой юрисдикціи подготовкою лицъ къ должностямъ по судебному вѣдомству и преимущественно къ званію присяжныхъ повѣренныхъ. Нельзя не согласиться, что сочувствіе общества къ новому судебному порядку должно будетъ вызвать на юридическое поприще лучшихъ дѣятелей, тогда какъ равнодушіе среды будетъ отдалять подобныхъ людей отъ этого поприща.

Мы уже имѣли случай говорить о томъ порядкѣ, въ которомъ были составлены «Судебные уставы 20-го ноября 1864 года», а также указали въ общихъ чертахъ и на содержаніе этихъ уставовъ. Что же касается ихъ значенія въ нашемъ юридическомъ бытѣ и ихъ вліянія на отправление правосудія, то на счетъ этого можно отозваться въ слѣдующихъ словахъ.

Изданные уставы, представляя превосходную обработку разныхъ юридическихъ теорій примѣнительно къ современнымъ потребностямъ европейскаго законодательства и обусловленные нѣкоторыми особенностями нашего быта, такъ сказать, предупреждаютъ, во многихъ случаяхъ, умственное и нравственное развитіе массы. Мы имѣли собственно одинъ самородный кодексъ—уложеніе царя Алексѣя Михайловича, конечно, если не считать чуждымъ вошедшія въ него, но уже давно сроднившіяся съ тогдашними понятіями, духовныя и гражданскія узаконенія, перешедшія къ намъ изъ Византіи.

Позднѣйшее наше законодательство составляло кодексы, преимущественно гражданскіе, по иностранному образцу. Формы производства дѣлъ въ нашихъ судебныхъ мѣстахъ, какъ извѣстно, были заимствованы въ прошломъ столѣтіи у иностранцевъ. Такъ, наиримѣръ, все прежнее наше гражданское судопроизводство было въ сущности не что иное, какъ передѣлка стараго общегерманскаго судопроизводства, отличавшагося сложностью и запутанностью формъ. Въ Германіи давно уже оставили этотъ порядокъ, какъ отжившій свое время и несогласный съ тѣмъ, что успѣли выработать судебная практика и юридическія науки.

Положенная въ основу нашего прежняго законодательства нѣмецкая закъвка измѣнялась по временамъ, но не въ общей системѣ, а только въ силу случайныхъ обстоятельствъ, вызывавшихъ новыя законоположенія, нерѣдко даже противорѣчившіе общему духу законовъ.

Введеніе новыхъ статей въ наши прежніе судебные уставы и даже особия изданія такихъ уставовъ весьма мало помогали дѣду. Нерѣдко даже такой порядокъ улучшенія по судебной части приводилъ только къ противоположнымъ результатамъ. Вслѣдствіе разновременнаго измѣненія судебного порядка и только частныхъ, а не общихъ улучшеній, формы дѣлопроизводства усложнились все болѣе и болѣе. Подсудность дѣлъ, лицъ и территорій раздѣлялась между разными судебными и административными учрежденіями. Словесные элементы придавали еще болѣе нестройности нашимъ судебнымъ распоряженіямъ. Возникло множество инстанцій, такъ что вмѣсто трехъ первоначальныхъ инстанцій, принятыхъ обще-германскимъ судопроизводствомъ, у насъ явилось семь инстанцій, начиная съ судебной власти, предоставленной, въ извѣстныхъ случаяхъ, городской или земской полиціи, и оканчивая общимъ собраніемъ государственнаго совѣта. Очень естественно, что послѣдствіемъ такого порядка было разногласіе судебныхъ приговоровъ по одному и тому же дѣлу, переходившему черезъ всѣ инстанціи; къ этому присоединилась чрезвычайная медленность въ ходѣ дѣлъ и бездна формальностей.

Одно время, въ царствованіе Екатерины II, Россія, повидимому, могла ожидать кореннаго переворота въ своемъ юридическомъ бытѣ. Но депутаты, призванные изъ разныхъ сторонъ Россіи, не удовлетворили предложенной имъ задачи. Это—какъ мы полагаемъ, произошло не столько отъ неумѣнія ихъ взяться за дѣло, сколько отъ программы будущихъ законовъ, составленной на основаніи ученія тогдашнихъ французскихъ мыслителей. Нѣтъ сомнѣнія, что наказъ, данный Екатериною комиссіи для составленія «Уложенія», исполненъ высокой гуманности, по бѣда была въ томъ, что возрѣвшіе французскіе философы были слишкомъ неповняты для депутатовъ, прибывшихъ изъ Саратова, Ветлуги, Астрахани и иныхъ мѣстностей, представлявшихъ тогда въ полномъ смыслѣ умственные захолюстыя.

«Уложение о наказаніяхъ», изданное въ 1846 году, оставивъ многія статьи прежнихъ уголовныхъ взысканій, но смягчивъ нѣкоторыя наказанія, и обусловивъ нѣкоторыя преступленія болѣе современнымъ взглядомъ, заимствовало весьма многое изъ иностранныхъ кодексовъ. Гражданское же судопроизводство не подверглось даже и такому общему улучшенію; оно оставалось на прежнемъ уровнѣ и только измѣнилось законоположеніями по особымъ частнымъ случаямъ.

При такой системѣ только видимого, но не существеннаго улучшения законодательства, оно передъ настоящею судебною реформою представляло недостатки, требовавшіе кореннаго преобразованія.

Прежде всего открывался недостатокъ въ системѣ изложенія законовъ судопроизводства. У насъ не было общаго порядка для производства гражданскихъ дѣлъ, такъ-какъ существовало четыре отдѣльные порядка, называемые главными, и шестнадцать особенныхъ родовъ судопроизводства.

Въ формѣ судебного процесса происходили недостатки въ особенностяхъ отъ примѣненія къ нему слѣдственнаго производства, совершенно противнаго существу дѣлъ тяжбныхъ. Въ слѣдственномъ процессѣ нѣтолько направленіе тяжбнаго дѣла совершенно зависитъ отъ судебного мѣста, но даже и самое начало его въ судебномъ мѣстѣ зависитъ весьма часто отъ усмотрѣнія полиціи, препровождающей въ судъ тѣ дѣла, которыя въ ней возникли, но которыя, по мнѣнію ея, подлежатъ судебному разсмотрѣнію.

Прежній слѣдственный процессъ устранилъ судей отъ примаго обращенія къ тяжущимся, такъ-какъ они входили въ переписку съ мѣстами и лицами. Обрядъ слѣдственнаго процесса ослаблялъ въ судѣ то чувство нравственной отвѣтственности, которое должно служить побужденіемъ къ добросовѣстности и осмотрительности. Слѣдственный процессъ развивалъ письменность, формалистиче и канцелярскую тайну, а промежуточные приготовленія въ дѣлу и безконечное множество прошеній усиливали работу судебныхъ мѣстъ и замедляли окончательное рѣшеніе.

При прежнемъ порядкѣ какъ гражданскаго, такъ и уголовного судопроизводства, существовалъ огромный разрядъ дѣлъ, по которымъ присутственныя мѣста и должностныя лица, начальники губерній и министры принимая участіе въ судѣ и даже въ окончательныхъ постановленіяхъ судебныхъ учреждений. Мѣстнымъ административнымъ властямъ предоставлено было вмѣшиваться въ судебное производство подъ предлогомъ наблюденія за скоростію его и прекращенія медленности.

Нынѣ, съ введеніемъ въ наши суды состязательнаго процесса и отдѣленія судебной власти отъ административной, прекратятся тѣ неудобства, на которыя мы указали.

Существованіе. при прежнихъ судебныхъ уставахъ, особыхъ сословныхъ судовъ было слѣдствіемъ разнообразныхъ сословныхъ

отдѣлковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сословные суды входили очень часто въ разсмотрѣніе дѣлъ общихъ. Кромѣ того, существовала неравномерная степень участія сословій по дѣламъ судебнымъ. Нижшія судебныя инстанціи существовали для каждаго сословія; къ такимъ инстанціямъ принадлежали: расправы, ратуши, приказы и магистраты. Въ среднихъ инстанціяхъ, то-есть въ уѣздныхъ судахъ, представители сословій призывались только по дѣламъ ихъ односословниковъ. Судебная реформа сгладила всѣ эти сословныя особенности. Правда, что и въ силу новыхъ уставовъ остаются нѣкоторые особые суды: коммерческіе, крестьянскіе, военные, духовные и инородческіе, но они остались не подъ влияніемъ сословныхъ распределеній, а подъ влияніемъ особаго общественнаго или экономическаго интереса или по необходимости производятъ особый судъ по дѣламъ нѣкотораго рода, независимо отъ принадлежности подсудимыхъ къ тому или другому сословію.

Конечно, крестьянскіе суды имѣютъ какъ-бы видъ судовъ сословныхъ, но въ существѣ ихъ лежитъ другое начало. Они прирѣнены къ практическимъ потребностямъ крестьянства и служатъ скорѣе основой для общаго развитія ихъ самоуправленія, нежели какою-либо судебною сословною инстанціею въ строгомъ смыслѣ этого слова.

До настоящаго времени, въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ принята была теорія доказательствъ, основанная единственно на формальности. Личное убѣжденіе судьи въ виновности или невинности подсудимаго въ расчетъ не принималось. Доказательства оцѣнивались не столько по ихъ убѣдительности, сколько по внѣшнимъ ихъ качествамъ. Осмотръ и показанія свидѣтелей были необходимыми условіями уголовного судопроизводства. Между тѣмъ преступленіе могло быть совершено въ тайнѣ, доказательства уничтожены, а осмотры вели только въ удостовѣренію въ дѣйствительности какаго событія, а не къ обвиненію подсудимаго. Судъ присяжныхъ уничтожилъ эти принадлежности обветшалаго порядка до такой степени, что онѣ, служа пособіемъ къ оправданію или обвиненію подсудимаго, не составляютъ уже неперемѣнныхъ условій уголовного суда.

Учрежденіемъ суда присяжныхъ усгранена прежняя, весьма извротливая форма судебнаго приговора, состоявшая въ томъ, что подсудимаго оставляли въ подозрѣніи, то-есть око чательно рѣшали дѣло только тѣмъ, съ чего оно начиналось, потому что незаподозрѣнный человѣкъ и не могъ бы быть привлеченъ къ суду.

Вообще нельзя не признать, что въ теоретическомъ отношеніи новые судебныя уставы превосходятъ прежніе во всѣхъ отношеніяхъ.

Что же касается пракческаго примѣненія новаго судебнаго порядка, то успѣхъ этого дѣла обуславливается двумя обстоятельствами. Вопервыхъ, тѣмъ, въ какой мѣрѣ освоятся у насъ понятія съ этимъ порядкомъ, и вовторыхъ, до какой степени бу-

дѣть удовлетворителенъ личный составъ новыхъ дѣателей по судебной части. Первое обстоятельство въ сущности не представляетъ особенной важности, такъ-какъ и прежнія формы судопроизводства какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго, невытекавшія изъ народныхъ обычаевъ и понятій, не привились къ значительной части населенія и судъ постоянно казался народу не только чуждымъ, но даже какимъ-то вреднымъ, карающимъ учрежденіемъ.

Второе указанное нами обстоятельство представляетъ болѣе важности. Выборное начало суда, за исключеніемъ только мировыхъ учреждений, нынѣ отмѣнено и, конечно, такой порядокъ могъ заставить въ нѣкоторомъ отношеніи сожалѣть старшій, если бы прежде избираемые судьи не были представителями сословныхъ началъ и не казались бы народу чиновниками, чѣмъ въ сущности они были.

Личный составъ будущихъ судебныхъ дѣателей обусловленъ по мировымъ учрежденіямъ, кромѣ нѣкоторыхъ особыхъ условій, имущественнымъ цензомъ, что, конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ будетъ лишать извѣстное населеніе возможности видѣть мирными судьями тѣхъ лицъ, къ которымъ оно склопается въ особенности. Положенные сроки службы въ извѣстныхъ должностяхъ для полученія мѣстъ въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ будутъ, безъ всякаго сомнѣнія, лишать болѣе или менѣе назначеніе въ эти должности лицъ вполне достойныхъ, такъ-какъ не всякому представится случай, въ-теченіе своей службы, занимать такія должности, которыя провладываютъ дальнѣйшій путь на судебномъ поприщѣ. Нельзя не пожелать, чтобъ въ случаѣ невозможности строго соблюсти постановленныя въ этомъ отношеніи правила, они были бы отмѣнены общимъ законодательнымъ порядкомъ, и чтобы не началось назначеніе исправляющихъ ту или другую должность, какъ это было при прежнемъ порядкѣ. Такой способъ обойти существующее въ законѣ требованіе, ослабляя бы силу закона, и во многихъ случаяхъ служилъ бы уловкою для помѣщенія на должности по судебной части такихъ лицъ, которыя не удовлетворяли бы положительнымъ условіямъ, выраженнымъ въ законѣ.

Надобно, впрочемъ, сказать, что новыя правила судоустройства и судопроизводства по своей простотѣ легко будутъ понятны каждому, и потому, по введеніи уставовъ 20 ноября 1864 года, легче будетъ найти хорошихъ исполнителей закона, нежели можно было найти таковыхъ во время существованія прежняго порядка, чрезвычайно сложнаго и труднаго для изученія. Притомъ, участіе въ судѣ присяжныхъ, публичность суда и гласность его въ печати представляютъ много обезпеченія для правдиваго суда, независимо даже отъ личныхъ качествъ членовъ судебного управленія.

Въ концѣ 1864 года, былъ рѣшенъ законодательнымъ путемъ вопросъ объ устройствѣ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія высочайшимъ утвержденіемъ «Уста-

ва о гимназіяхъ и прогимназіяхъ». Извѣстно, что въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ журналистика наша усердно обсуждала вопросъ о томъ, какое направленіе должны принять гимназіи: реальное или классическое. Въ этомъ случаѣ явились крайніе противники того и другаго направленія. Одни изъ нихъ считали реальное направленіе совершенно бесполезнымъ для гимназій; другіе, напротивъ, находили, что классическое направленіе не соответствуетъ современнымъ практическимъ потребностямъ и не имѣетъ вовсе того общеобразовательнаго значенія, какое приписываютъ ему его сторонники.

Кромѣ того, за нѣсколько дней до обнародованія новаго устава о гимназіяхъ и прогимназіяхъ, «День», соглашаясь съ превосходствомъ классическаго направленія въ этихъ заведеніяхъ, высказалъ мысль о примѣненіи къ этому направленію изученія русскихъ древностей. Безъ всякаго сомнѣнія, такое предложеніе московской газеты можетъ показаться многимъ не только слишкомъ оригинальнымъ, но, пожалуй, и забавнымъ. Въ сущности, однако, нельзя не согласиться съ полезностію этой идеи, но крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени. Изученіе нашего древняго быта со всѣми намятками древностей и въ особенности сравнительное изученіе этихъ предметовъ съ другими славянскими народами можетъ имѣть общеобразовательное значеніе. Древній классическій міръ, греческій и римскій, несмотря на все оставленное имъ богатое наслѣдіе и на разработку этого наслѣдія позднѣйшими учеными, является въ теперешнее время предметомъ, слишкомъ для насъ чуждымъ. Въ виду этого, конечно, нужно было бы сдѣлать нѣкоторую уступку и національнымъ стремленіямъ «Дня» къ изученію русскихъ древностей, но существенное и, можно сказать, неодолимое препятствіе въ данномъ случаѣ заключается въ томъ, что наша древности слишкомъ далеки еще отъ классической разработки и, по всей вѣроятности, онѣ долго еще не дождутся той поры, когда получать такого рода обработку, а тѣмъ болѣе когда наши ученые счѣтутъ сдѣлать ихъ общеобразовательнымъ предметомъ для нашихъ учебныхъ заведеній.

По новому уставу, гимназіи должны служить мѣстомъ для полученія общаго образованія и для приготовленія въ университетъ и высшія спеціальныя заведенія. При этихъ условіяхъ, гимназіи могутъ быть классическія и реальныя. Учрежденіе гимназій съ классическимъ или реальнымъ направленіемъ предоставлено министру народнаго просвѣщенія, сообразно съ мѣстными потребностями. Значитъ, въ практическомъ отношеніи вопросъ о классическомъ или реальномъ направленіи гимназій и прогимназій не рѣшенъ еще окончательно, и для сторонниковъ того или другаго направленія представляется возможность продолжать прежнюю полемику объ этомъ предметѣ. При такихъ условіяхъ еще неизвѣстно, какое направленіе будетъ господствовать вообще въ нашихъ гимназіяхъ и будутъ ли классическія или же реальныя гимназіи исключеніемъ изъ общаго правила.

Изъ программъ преподаванія въ тѣхъ и другихъ гимназіяхъ видно, что въ классическихъ гимназіяхъ будетъ введено преподаваніе греческаго и латинскаго языковъ. Языкъ латинскій будетъ преподаваться во всѣхъ классахъ, а греческій—начиная только съ третьяго. Разсматривая распредѣленія учебныхъ часовъ по предметамъ, многіе, по всей вѣроятности, найдутъ, что въ этомъ отношеніи греческому языку оказано слишкомъ большое предпочтеніе. Нельзя однако не замѣтить, что если уже вводится преподаваніе этого языка, то, по затруднительности его изученія, на уроки его необходимо должно было предназначить значительное количество времени.

Гимназіи остаются въ прежнемъ составѣ изъ семи классовъ, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ изъ нихъ. Прогимназіи будутъ имѣть только четыре класса и въ сущности будутъ параллельными классами гимназій, служа мѣстомъ пріготовительнаго обученія для поступленія въ гимназіи и подраздѣляясь, какъ и онѣ, на классическія и реальныя.

Одѣлывая новое устройство гимназій и прогимназій безъ предвзвѣтой заранѣе мысли въ пользу исключительно реального или классическаго направленія, нельзя не сказать, что едва ли можно было, въ смыслѣ законодательнаго порядка, принять иныя правила, какія приняты уставомъ относительно классицизма и реальности. Съ одной стороны нельзя не имѣть въ виду, что при настоящихъ потребностяхъ общественной жизни, реальное направленіе среднихъ учебныхъ заведеній должно бы быть господствующимъ. Съ другой стороны нельзя не признать, что, для подготовленія къ университетскому образованію, въ настоящемъ значеніи этого слова, необходимо распространеніе классическихъ гимназій, какъ заведеній, болѣе соответствующихъ для университетскаго курса. Съ замѣчаніемъ этимъ легко согласиться, если сообразить, что для высшаго спеціальнаго образованія у насъ существуютъ и, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ открываться еще новыя спеціальныя учебныя заведенія, такъ что въ университетахъ само собою сосредоточится современемъ, по преимуществу, только высшее классическое образованіе. Существованіе академій: военной, медицинской, коммерческой, инженерной, артиллерійской, земледѣльческой, преобразование институтовъ: горнаго, путей сообщенія и технологическаго отрываютъ дорогу къ высшему реальному образованію по всѣмъ его отраслямъ. Между тѣмъ для классическаго образованія, имѣющаго, безъ всякаго сомнѣнія, большое вліяніе на развитіе многихъ спеціальныхъ знавій и эстетическаго вкуса, не существуетъ никакихъ особыхъ заведеній, кромѣ университетовъ. При такомъ условіи гимназіи, какъ заведенія, служащія для пріготовленія въ университетъ, должны будутъ получать классическое направленіе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ для жителей представляется болѣе затрудненій для поступленія въ спеціальныя заведенія, нежели въ университетъ.

Однимъ изъ препятствій къ скорому и болѣе повсемѣстному раз-

вitiю классическаго направлениа въ гимназiяхъ считаютъ недостатокъ учителей греческаго языка. Опасенiе это не лишено основанiй. Съ 1849 года, какъ извѣстно, было прекращено преподаванiе греческаго языка въ нашихъ гимназiяхъ, за исключенiемъ не болѣе пяти или шести изъ нихъ во всей Россiи. Въ 1858 году былъ закрытъ главный педагогическiй институтъ, доставлявшiй съ своего историко-филологическаго факультета преподавателей греческаго языка въ гимназiи. Что же касается университетовъ, то въ нихъ историко-филологическiе факультеты были всегда малочисленнѣе, нежели прочiе и, кромѣ того, при немнѣнiи въ виду практической потребности въ греческомъ языкѣ, изученiе этого языка представляло весьма слабое развитiе.

При введенiи новаго устава, пришлось бы довольно долго ждать преподавателей, способныхъ занять мѣста учителей греческаго языка въ гимназiяхъ, почему естественно рождается вопросъ: откуда взять такихъ лицъ на первое время? Въ этомъ случаѣ можно, кажется, обратиться или къ духовнымъ академiямъ, или къ дерптскому университету, гдѣ древняя филологiя оставалась всегда предметомъ тщательнаго изученiя.

Окончательное образованiе въ гимназiяхъ приводитъ учащихся въ нихъ къ различнымъ правамъ. Классическiя гимназiи открываютъ путь въ университетъ, реальныя освобождаютъ при поступленiи въ высшiя спеціальныя училища отъ испытанiя въ тѣхъ предметахъ, которые преподавались въ гимназiяхъ. Наконецъ, какъ тѣ, такъ и другiя гимназiи предоставляютъ вступающимъ въ гражданскую службу право на чинъ XIV класса безъ различiя по происхожденiю.

Въ этомъ отношенiи права, предоставляемыя гимназическимъ образованiемъ, сдѣлали шагъ впередъ, потому что прежде право на классный чинъ по аттестату, выданному изъ гимназiй, предоставлялось только ученикамъ, принадлежавшимъ къ дворянскому сословию. Вообще сословный вопросъ рѣшенъ въ новомъ уставѣ въ смыслѣ современныхъ понятiй. Жаль только, что сословная разрозненность отразилась въ правѣ поступленiя въ гимназическiе пансионы, содержимыя на счетъ сословiй. По идеѣ устава, всѣ сословiя поставлены въ этомъ случаѣ въ одинаковыя права, такъ-какъ въ гимназическiй пансионъ, содержимый какимъ либо сословiемъ, дѣти, принадлежатiя къ другимъ сословiямъ, могутъ поступать не иначе, какъ съ согласiя представителя того сословiя, которое содержитъ пансионъ на свой счетъ. Между тѣмъ надобно замѣтить, что всѣ существующiе нынѣ пансионы при гимназiяхъ содержатся исключительно дворянствомъ, такъ-что фактически упомянутое право остается единственно за этимъ сословiемъ. Можно, однако, надѣяться, что при удачномъ развитiи земскихъ учрежденiй, въ которыхъ должны сосредоточиться интересы всѣхъ сословiй, и приведенное нами обстоятельство потеряетъ свою силу.

Добавимъ къ сказанному нами, что новый уставъ болѣе, чѣмъ

прежде обеспечивает матеріальныя средства учителей гимназій и, кромѣ того, ставитъ эти лица въ высшій, сравнительно съ прежнимъ, разрядъ чиновниковъ общей гражданской службы.

Но если устройство среднихъ учебныхъ заведеній и находящихся въ связи съ ними университетовъ и разныхъ высшихъ спеціальныхъ училищъ имѣетъ большое вліяніе на движеніе умственныхъ силъ каждаго народа, то едва-ли не большее значеніе должны имѣть въ этомъ отношеніи тѣ условія, въ которыя бываютъ поставлены литература и журналистика въ особенности.

Въ настоящую пору, при общемъ стремленіи образованнаго общества знакомиться съ ходомъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ и при очевидной выгодѣ обсуждать общественныя интересы въ печати, журналистика стала преобладать надъ литературой повсюду, а между прочимъ и у насъ. Понятно, что при этомъ условіи зависимость прессы отъ духа и частныхъ ценсурныхъ уставовъ представляетъ весьма важный, можно сказать, существенный вопросъ въ развитіи умственнаго движенія всѣхъ слоевъ нашего общества. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что вопросамъ о духѣ и частныхъ новаго ценсурнаго устава интересуются у насъ не только редакторы, сотрудники журналовъ и газетъ, и литераторы, но и вообще всѣ люди, которые понимаютъ хоть сколько-нибудь великое значеніе печатнаго слова въ настоящее время.

Безошибочно можно сказать, что общее желаніе какъ журнальныхъ и литературныхъ дѣятелей, такъ и читателей (въ числѣ послѣднихъ, конечно, не безъ исключеній) состоитъ въ томъ, чтобы прессѣ была дана разумная свобода, неподчиняющая мысль личному воззрѣнію на какой-либо предметъ одного или нѣсколькихъ лицъ, но сообразная съ высшимъ уровнемъ умственнаго развитія. Ставить свободу прессы ниже этого уровня, значить осуждать ее на безмолвіе въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ инициатива какого-либо дѣла принадлежитъ образованному меньшинству, и обречь ее на повтореніе рутинныхъ идей, а нерѣдко и избыткѣ фразъ.

Очень понятно, что весьма трудно опредѣлить въ этомъ случаѣ тѣ границы, которыя въ извѣстной странѣ не должно переходить печатное слово, не нарушая порою государственныхъ интересовъ, общественной нравственности, а также чести и выгоды частныхъ лицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, напрасно было стремиться составить такія правила цензуры, которыя вполнѣ бы обеспечивали умѣренность и даже молчаніе прессы, безъ подавленія въ большинствѣ случаевъ той разумной свободы, которая ей необходима для того, чтобы направлять общественное мнѣніе къ истинно-благороднымъ и полезнымъ цѣлямъ.

На будущую судьбу нашей прессы, подъ вліяніемъ новаго ценсурнаго порядка, обращаютъ вниманіе и иностранныя газеты. Такъ недавно газета «la France», передавая извѣстіе о составленіи у насъ новаго ценсурнаго устава, сообщила, что у насъ

можно будетъ, по выбору самого редактора журнала или газеты, и авторовъ отдѣльныхъ книгъ, подвергаться карательной или предварительной ценсурѣ. «Le Nord» опровергъ это извѣстiе, говоря, что насчетъ примѣненiя ценсуры того или другаго рода будутъ постановлены особыя правила, которымъ должны будутъ подчиняться редакторы и литераторы помимо ихъ личнаго выбора.

Изъ русскихъ газетъ, въ послѣднее время поднали опять вопросъ о ценсурѣ «Московскiя Вѣдомости» и «День». «Вѣдомости», страдая, какъ извѣстно, англоманiей, приостановившейся только на время въ своихъ замѣткахъ о нашемъ ценсурномъ уставѣ, указали на способъ составленiя англiйскихъ законоположенiй, гдѣ постепенность составляетъ отличительный характеръ. Такой способъ онѣ желали бы примѣнить и къ предстоящей у насъ ценсурной реформѣ. «Московскiя Вѣдомости» находятъ, что рядъ частныхъ законодательныхъ мѣръ имѣеть то неопѣненное преимущество, что онѣ ведутъ послѣдовательно, шагъ за шагомъ, къ уразумѣнiю истинныхъ потребностей и къ вѣрнѣйшей оцѣнкѣ существующихъ отношенiй. «Московскiя Вѣдомости» говорятъ, что частныя законодательныя мѣры, удовлетворяющiя каждый разъ ясно сознанный потребности, явственно обозначаютъ, какiя правила могутъ имѣть силу, какiя не могутъ и какiя огажутъ на практикѣ дѣйствiя, совершенно противныя мысли законодателя. Послѣ еще нѣкоторыхъ и, конечно, въ иныхъ случаяхъ небезъосновательныхъ похвалъ частнымъ измѣненiямъ, а не общей реформѣ законовъ, «Вѣдомости» заявляютъ, что ни французскiя, ни германскiя постановленiя о печати не могутъ служить намъ образцомъ для законоположенiй о печати: французскiя — потому, что они слагались путемъ столькихъ революцiй и носятъ на себѣ отпечатки борьбы столькихъ партiй, столькихъ династiй, столькихъ формъ правленiя; германскiя — вслѣдствiе той громадной общественной разнородности, какую представляетъ, въ сравненiи съ Россiей, эта страна книгодѣлiя, университетовъ и профессоровъ. Затѣмъ, послѣ такихъ отзывовъ о непримѣнимости у насъ французскихъ и нѣмецкихъ уставовъ по дѣламъ печати, «Московскiя Вѣдомости» берутъ частныя постановленiя: одно изъ прусскаго, другое изъ французскаго кодекса, и отрицаютъ ихъ непрактичность у насъ, не высказываютъ однако своего положительнаго мнѣнiя о томъ характерѣ, какой долженъ принять нашъ будущiй ценсурный уставъ.

Намъ кажется, однако, что въ этомъ случаѣ «Московскiя Вѣдомости» весьма ошибочно взглянули на дѣло. Онѣ желаютъ частныхъ, постепенныхъ преобразованiй по ценсурѣ; но возможно ли это, если прежде существующiй уставъ по этой части не подходитъ къ потребностямъ времени въ своихъ главныхъ основахъ? Что же касается недостатковъ французскаго и германскихъ кодексовъ, то отчего же нельзя, почерпнувъ изъ нихъ то, что подходитъ къ условiямъ нашей жизни, обойти вмѣстѣ съ этимъ все

то, что противорѣчить ей или идти въ разрѣзъ съ нею? Во всякомъ случаѣ, невозможно составить у насъ ценсурный уставъ, отрекшись вовсе отъ того, что выработано въ этомъ отношеніи на Западѣ. Журналистика возникла у насъ не изъ самообитной нашей жизни. Она сама по себѣ составляетъ уже подражаніе чуждому для насъ развитію политической и умственной жизни. Слѣдовательно, развитіе это должно и у насъ продолжаться подъ тождественными основными правилами, измѣняясь лишь на столько, на сколько измѣняются у насъ въ частности условія нашего быта.

Другая московская газета «День»—эта рыная наборника развитія всякаго дѣла изъ нашихъ національныхъ началъ—въ отношеніи ценсурнаго вопроса не отказывается вовсе отъ общенія съ Западомъ, находя, по всей вѣроятности, невозможнымъ развитіе ценсурное дѣло изъ началъ, присущихъ коренной нашей жизни и, слѣдовательно, видя необходимость позаимствоваться въ этомъ случаѣ изъ-чужа.

Обращаясь къ проекту ценсурнаго устава, выработанному года два тому назадъ особою комиссіею и предоставленному правительствомъ на общее литературное обсужденіе, «День» замѣчаетъ, что большинство публики находило этотъ проектъ стѣснительнымъ. Неблагопріятныя для нашей прессы стороны этого проекта «День» приписываетъ тому, что онъ былъ составленъ въ неблагопріятный моментъ, когда, выражаясь нѣсколько высокопарными словами почтенной газеты, много тучъ, черныхъ и грозныхъ, заволакивало нашъ небосклонъ; но теперь, когда всѣ онѣ одна за другою сошли съ неба, ужъ ни что, по мнѣнію «Дня», не должно мѣшать быть воздуху чистымъ и яснымъ, и солнцу свѣтитъ и грѣтъ всѣмъ своимъ животворнымъ свѣтомъ.

Впрочемъ, бромъ такого картиннаго довода, «День» представляетъ и другія, весьма ощутительныя доказательства въ пользу ценсурной реформы на болѣе широкихъ началахъ.

Нельзя не замѣтить, что въ послѣднее время Россія стала предметомъ особеннаго вниманія со стороны европейской прессы. Эта послѣдняя зорко слѣдитъ теперь не только за государственными мѣрами, но и за происшествіями нашей общественной жизни. Почти всѣ главнѣйшія европейскія газеты обзавелись корреспондентами изъ Россіи, которые, по словамъ «Дня», въ угоду ли своимъ патронамъ и принципаламъ, или же по собственной близорукости, сообщаютъ не столько невѣрные извѣстія, сколько невѣрную и неправильную оцѣнку явленій нашего внутренняго, русскаго міра.

Обиліе такихъ корреспонденцій въ иностранныхъ газетахъ, извѣщаетъ, повидимому, западныхъ публицистовъ отъ упрека въ невѣжествѣ, въ незнааніи Россіи, и отъ подозрѣній въ умыленномъ искаженіи истины, но въ нихъ-то, по мнѣнію «Дня», и заключается самая ядовитая ложь, требующая энергическаго противоядія со стороны русскаго, конечно, не офиціальнаго только, но

общественнаго слова. Офіціальныя обвиненія, при всей ихъ убѣдительности, не внушаютъ большаго кредита нашимъ заграничнымъ упрамымъ недругамъ.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ «Дня», что при этихъ условіяхъ, для успѣшнаго опроверженія вслѣдствіи клеветъ, распространяемыхъ на насъ съчетъ въ Европѣ, и почерпнутыхъ будто-бы изъ достовѣрныхъ источниковъ, необходимо, чтобы русская журналистика сумѣла занять почетное мѣсто въ европейской прессѣ, чтобы она снискала себѣ уваженіе и — главное — довѣріе, какъ къ самостоятельному органу общественнаго мнѣнія, чуждому всякихъ внѣшнихъ расчетовъ и соображеній. Только поставленная въ выгодныя условія у себя дома, можетъ она, русская журналистика, приобрести къ себѣ довѣріе за границей и только, приобретя необходимое довѣріе, можетъ она оказать требуемую отъ нея услугу и государству и обществу.

Развивая въ этомъ смыслѣ вопросъ о будущности нашей прессы, «День» указываетъ на общественное мнѣніе, какъ на главный двигатель новѣйшей исторической жизни европейскихъ народовъ. По словамъ «Дня», Россія, перечисляя своихъ сосѣдей великихъ могучихъ союзниковъ или недруговъ, кромѣ четырехъ великихъ державъ Западной Европы, кромѣ Франціи, Англіи, Австріи и Пруссіи, должна признавать, по отношенію къ себѣ, еще пятую великую державу — именно общественное мнѣніе — державу могущественную и наиболѣе къ намъ враждебную. Наши дипломатическія и политическія связи могутъ находиться въ наилучшемъ видѣ, но мы не можемъ и не должны забывать про существованіе этой новой, непріязненной силы, выпадающей на время въ усиленіе, но всегда готовой возстать на насъ съ новою яростью.

Рождается вопросъ, какъ бороться съ этимъ могуществомъ? Противъ него нельзя выслать ни конницы, ни пѣхоты, ни артиллеріи, его не достанешь ни штыкомъ, ни ядрами, его не уловишь въ дипломатическія сѣти. Съ этимъ могуществомъ можно бороться только такою же могущественною силою и на его полѣ, то есть на полѣ общественномъ, полѣ слова и мысли, короче — на полѣ печати. Слѣдовательно, намъ нужно придать нашей печати такую же силу, какою имѣетъ она въ Западной Европѣ.

Въ заключеніе своей статьи, «День» указываетъ на заслуги нашей журналистики, и дѣлаетъ тотъ выводъ, что она не затруднила собою органовъ правительства и не парализовала его благихъ дѣйствій и намѣреній, но являлась напротивъ самой усердной поборницей всѣхъ современныхъ реформъ.

Исчерпывая этотъ вопросъ до дна, нельзя не сказать, что противники разумной свободы прессы, въ опроверженіе послѣднихъ доводовъ «Дня», могутъ, пожалуй, сдѣлать одинъ и, повидному, весьма основательный отзывъ. Они скажутъ, что наша пресса и была таковою, какою изображаетъ ее «День» потому только, что она состояла подъ бдительнымъ надзоромъ цензуры, и что еслибы

забавить ее отъ такого надзора, то она получила бы другой отъѣнокъ.

Позволяемъ себѣ думать въ этомъ случаѣ нѣсколько иначе. Не повторяя то, что уже было говорено объ этомъ, мы замѣтимъ только слѣдующее:

Вопервыхъ, въ настоящее время наши публицисты не сильно заботятся объ основательности своихъ произведеній, очень хорошо понимая, что неполноту и неточность ихъ публика объяснятъ себѣ пропусками и измѣненіями, сдѣланными цензурой. Между тѣмъ нельзя несогласиться, что основательность въ работѣ публициста—дѣло весьма важное. Встрѣчая необходимость представлять публикѣ такія статьи, за которыя единственными отвѣтчиками передъ нею бывають только пишущія ихъ лица, публицисты привыкають въ ровному, постепенному обсужденію каждаго предмета и не встрѣчаютъ надобности прибѣгать къ выходкамъ или уловкамъ, которыя производятъ въ ценсурномъ смыслѣ на публику гораздо худшее впечатлѣніе, нежели тѣ статьи, которыя можно, при вредномъ ихъ направленіи, опровергнуть рациональнымъ образомъ и доказать ихъ нелѣпость или непримѣняемость къ настоящему положенію дѣлъ путемъ разумныхъ доводовъ.

Вовторыхъ, при извѣстныхъ условіяхъ цензуры, публика любитъ придавать какому нибудь ничего незначащему выраженію смыслъ отважнаго нападенія на существующіе порядки, и нерѣдко читаетъ между строкъ то, о чемъ вовсе и не думалъ говорить пишущій. Въ подтвержденіе этого, мы можемъ сослаться на кружокъ одного провинціального общества. Въ одной изъ петербургскихъ газетокъ, самой безвредной въ ценсурномъ отношеніи, воевали, года два тому назадъ, съ *красными*. Что же, однако, вышло изъ этого? Почтенные читатели этой газетки признали ее ультра-либеральной, они дивились ея смѣлости и находили въ ней множество намековъ и аллегорій. Все это произошло оттого, что подъ словомъ *красные* имъ вздумалось разумѣть генераловъ, имѣющихъ подъ плащами красную подкладку! Долгое время дивились они умѣнью редактора маскировать свое зловерное направленіе, а также ослабленію или недогадливости цензуры. Очень понятно, что подобныхъ случаевъ, хотя и не столь рѣдкихъ и не столь забавныхъ, найдется немало, если присмотрѣться къ тому впечатлѣнію, которое производитъ иногда пресса, слишкомъ заботливо охраняемая тонкостями ценсурнаго устава.

1864 годъ ознаменовался окончательнымъ покореніемъ Кавказа. Событіе это важно не только какъ новая слава для нашего оружія, но оно должно имѣть значительное вліяніе и на общее благосостояніе государства. Какъ видно изъ напечатанныхъ при «Сенат. Вѣдом.» росписей государственныхъ расходовъ, Кавказъ не представлялъ самъ собою средствъ для содержанія его администраціи, а тѣмъ болѣе для содержанія находившихся тамъ войскъ. Издержки на кавказскую войну тяжело падали на общія государ-

ственные средства. Нынѣ, съ покореніемъ Кавказа, представлялась возможность не только уменьшить тамошнюю армію, но и воспользоваться естественными богатствами этого края. Можно надѣяться, что съ водвореніемъ на Кавказѣ промышленности и торговли, край этотъ не только не будетъ требовать громадныхъ издержекъ, ослабляющихъ общіе государственные доходы, но даже, напротивъ, современемъ принесетъ Россіи матеріальную выгоду.

Крестьянское дѣло, приближаясь постепенно къ окончательной развязкѣ, представляло въ 1864 году два способа его разрѣшенія. Въ западныхъ губерніяхъ производились обязательный выкупъ и переоцѣнка земли и повинностей, назначенными для этого повѣрочными комиссіями. Въ остальной части Россіи оно представляло только случаи добровольныхъ соглашеній крестьянъ съ помѣщиками по выкупу земли съ пособіемъ или безъ пособія отъ правительства. Особымъ правительственнымъ актомъ по отношенію къ устройству быта крестьянъ, было высочайшее повелѣніе объ освобожденіи отъ вѣршостной зависимости крестьянъ въ Тифлисской губерніи. Ходъ этого дѣла совершается нынѣ въ главныхъ чертахъ на тѣхъ же основаніяхъ, которыя были приняты прежде во внутреннихъ областяхъ имперіи.

Вотъ тѣ факты, выводы и соображенія, которыя мы сочли нужнымъ занести въ нашу «Хронику» для того, чтобъ показать нашимъ читателямъ исходныя точки, съ которыхъ должно начаться дальнѣйшее развитіе нашей гражданской жизни и нашей общественной дѣятельности съ наступающаго года.

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Объясненіе редакціи о значеніи этого отдѣла въ журналѣ. — Мнѣнія Мяттермайера о нашемъ уставѣ уголовного судопроизводства. — Извлеченіе изъ очерка о его жизни, ученыхъ трудахъ и общественной дѣятельности. — О значеніи военно-административной реформы въ Россіи. — Разрѣшеніе вопроса о томъ, самостоятельна-ли эта реформа, или представляетъ копию съ французской системы. — Свѣдѣнія о линіи русскихъ укрѣпленій на Сир-Дарьѣ. — Вопросъ о значеніи флота въ Россіи, и чтѣ дѣлали наши деревянные суда во время грозившей опасности войны. — Значеніе у насъ броненосныхъ судовъ. — Рѣшев ли вопросъ о флотѣ?

Кромѣ журналовъ литературныхъ, хорошо извѣстныхъ читающей публикѣ, и кромѣ специальныхъ ученыхъ изданій, доступныхъ только специалистамъ, издаются у насъ, какъ извѣстно, еще нѣсколько официальныхъ журналовъ, именно: журналы министерствъ: «Юстиціи», «Народнаго Просвѣщенія» и «Государственныхъ Имуществъ», «Морской Сборникъ», «Военный Сборникъ», и нѣсколько другихъ специальныхъ. Изданія эти распространены весьма слабо въ массахъ публики и имѣютъ лишь ограниченный кругъ читателей,

преимущественно между людьми, служащими в тех ведомствах, которыми издаются журналы. Исключительное назначение этих журналов, самая программа их и содержание не могут способствовать их популярности, потому что специальность предмета и серьезная обработка помещаемых в официальных журналов статей, естественно, охлаждают сочувствие к ним дилетанта-читателя, между тем, весьма многие из них вполне заслуживают внимания всякаго просвещеннаго человека, желающаго слѣдить за общественными интересами своего времени. Общих интересов в строгом смысле слова не существует: мы найдемъ, что всякій предметъ самаго всеобъемлющаго свойства непременно составляетъ специальность какой-либо отрасли человѣческаго знанія, точно такъ же какъ всякая тѣсная специальность имѣетъ свою долю всеобщаго интереса. Специальныя изслѣдованія суть самыя основательныя изслѣдованія, и потому только на нихъ могутъ опираться убѣжденія и сознание общества, только съ помощью ихъ могутъ созрѣвать въ обществѣ здравыя и вѣрныя понятія о предметахъ; но для публики всегда тяжелъ и скученъ трудъ специалиста, хотя она охотно пользуется выводами этого труда; особенно наша публика еще слабо проникнута сочувствіемъ и уваженіемъ къ ученой литературѣ. Правда, что и русская наука еще весьма мало сдѣлала для того, чтобы пользоваться авторитетомъ въ обществѣ; русское общество крайне бѣдно знаніями, потому что имѣетъ самую бѣдную ученую литературу; оно учится по трудамъ чужеземныхъ ученыхъ, въ чемъ лежитъ и главная причина непопулярности науки въ Россіи: Даже переводами ученыхъ сочиненій литература наша начала пополняться только въ недавнее время. При этой скудной обстановкѣ дѣлается болѣе или менѣе замѣтнымъ всякій скромный специальный трудъ, являющийся въ нашей печати, особенно когда онъ относится къ предмету, имѣющему практическое общественное значеніе. Такъ напримѣръ, изслѣдованія по русскому праву, даже замѣтки, возбуждающія практическіе или теоретическіе вопросы по этому предмету, имѣютъ теперь несомнѣнный интересъ не только для юристовъ, но и для публики. Послѣдствія произведенныхъ реформъ по народному просвѣщенію, военной администраціи, морскому дѣлу также составляютъ предметъ первой общественной важности; но публика не можетъ себѣ усвоивать полнаго понятія о тѣхъ новыхъ формахъ, въ которыя слагается государственный организмъ подъ влияніемъ совершившихся или только совершающихся преобразованій, если она не будетъ знакомиться теоретически съ духомъ и сущностью этихъ преобразованій и не будетъ видѣть въ статистическихъ выводахъ результата реформъ.

Официальные журналы представляютъ собою единственный источникъ, изъ котораго могутъ быть почерпнаты ближайшія свѣдѣнія, объясняющія настоящее состояніе разныхъ отраслей государственнаго управленія, и научныя теоретическія изысканія по тѣмъ же предметамъ. Мы уже высказали, что находимъ во всемъ этомъ

одинъ изъ важныхъ общественныхъ интересовъ, и потому намѣрены въ настоящемъ «Обозрѣніи» предлагать краткія извлеченія изъ помѣщаемыхъ въ официальныхъ журналахъ статей, которыя найдемъ сообразными съ нашей цѣлю. Ограничивая себя весьма незначительнымъ объемомъ нашей Хроники, мы будемъ имѣть въ виду популяризовать одну лишь сущность и главные выводы статей, которыя будутъ предметомъ нашего обозрѣнія. Въ извлеченіяхъ изъ официальныхъ отчетовъ и статей, имѣющихъ статистическій характеръ, мы не всегда будемъ ограничиваться группировкой цифръ, дѣлаемой въ обозрѣваемыхъ статьяхъ, но намѣрены предлагать и наши собственные выводы и замѣтки, такъ же какъ и вообще предоставляемъ себѣ возможную свободу мнѣній по всѣмъ предметамъ, о которыхъ будемъ говорить.

Направленіе официальныхъ журналовъ, конечно, условливается волей главныхъ начальниковъ тѣхъ вѣдомствъ, которыми издаются журналы; поэтому мнѣнія официальныхъ журналовъ, въ особенности излагаемая въ хроникахъ, слѣдуетъ, разсматривать не иначе какъ исходящими отъ главныхъ начальниковъ вѣдомствъ. Мнѣнія эти, когда они касаются общественныхъ или государственныхъ вопросовъ, не могутъ не быть интересными для публики.

О нашихъ судебныхъ уставахъ покуда нѣтъ еще критическихъ статей ни въ періодической литературѣ, ни въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ. Журналъ Министерства Юстиціи общаетъ, по поводу помѣщенной въ немъ переведенной статьи Миттермайера (*), рядъ статей по вопросамъ, возбужденнымъ знаменитымъ германскимъ ученымъ, гдѣ будутъ разсмотрѣны какъ его замѣчанія, такъ и самыя судебныя уставы. Миттермайеръ, въ одномъ изъ нѣмецкихъ періодическихъ журналовъ, помѣстилъ небольшую критическую статью о проектѣ нашего уголовного судопроизводства. «Въ цѣломъ русской проектъ уголовного судопроизводства—говоритъ Миттермайеръ—представляетъ новый шагъ впередъ, сравнительно съ другими европейскими законодательствами, и, по консеквентности проведенія обвинительнаго начала и устности, стоитъ выше даже многихъ новѣйшихъ законодательныхъ работъ. Въ немъ, кромѣ того, несравненно менѣе замѣтна подражательность предписаніямъ французскаго законодательства; напротивъ, онъ гораздо болѣе держится англійскаго образца. Поэтому въ его предписаніяхъ есть стремленіе къ возможной простотѣ учреждений и устраненію всего того, что можетъ привести присяжныхъ къ ложнымъ выводамъ. Въ постановленіяхъ о предварительномъ слѣдствіи онъ старается ограждать подсудимаго противъ злоупотребленій и вообще опасности инквизиціоннаго начала,

(*) Журн. М. Ю. 1864 г. № 10.

такъ-какъ перѣдко извѣстное чиновничье усердіе можетъ увлечь слишкомъ далеко даже лицъ вполне добросовѣстныхъ; въ самомъ судѣ онъ старается по возможности обезпечить интересы защиты и оградить ее отъ судебныхъ чиновниковъ, признавая основнымъ началомъ равенство оружія обвиненія и защиты и придавая президенту такое положеніе, которое гарантируетъ его полную непристрастность».

При подробной оцѣнкѣ проекта, Миттермайеръ дѣлаетъ о немъ три общія замѣчанія: 1) проектъ страдаетъ иногда весьма опасною краткостью предписаній; 2) изъ общихъ правилъ допущено много исключеній; и 3) многимъ положеніямъ недостаетъ необходимой ясности. Впрочемъ Миттермайеръ, приступая къ оцѣнкѣ проекта, оговаривается, что составить правильный приговоръ о законахъ чужой страны для иностранца—дѣло весьма нелегкое и что вполне вѣрная оцѣнка нашихъ судебныхъ положеній должна быть предоставлена тѣмъ, которые знаютъ политическое и социальное положеніе страны, національный характеръ, степень нравственнаго развитія и образъ возрѣнія народа. Одобряя вообще въ принципѣ краткость закона, авторъ дѣлаетъ намекъ, что въ Россіи это неудобно, между прочимъ потому, что у насъ нѣтъ свободной прессы, которая могла бы распространять повсюду знакомство съ судебными постановленіями. Миѣніе это, конечно, вполне справедливо, но вѣроятно автору не было извѣстно, что у насъ готовится также и реформа законовъ о печати, о чемъ проектъ былъ представленъ въ государственный совѣтъ, и, какъ говорить, переданъ нынѣ на разсмотрѣніе II отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи. Изъ замѣчаній же Миттермайера относительно изъятій изъ общаго правила и неопредѣленности постановленій, главнѣйшія суть слѣдующія: 1) одобряя стремленіе нашихъ уставовъ противодѣйствовать односторонней инквизиціонной дѣятельности при предварительномъ слѣдствіи, выражаемое въ опредѣленіяхъ отношенія прокурора къ слѣдствію, въ допущеніи защитника и въ гласности слѣдствія, авторъ говоритъ, что желательна бы была большая опредѣленность отношеній прокурора къ слѣдственному судѣ; власть же прокурора онъ находитъ вообще недостаточною распространенной; также онъ находитъ необходимымъ болѣе точное законное опредѣленіе правъ полиціи. Весьма легко допустить, говорить онъ, что полицейскія власти въ Россіи будутъ сходны съ французскою и нѣмецкою полиціею и что потому, отчасти въ силу привычки къ чиновничьей дѣятельности, отчасти отъ излишняго чиновничьяго усердія, онѣ будутъ склонны къ превышенію своихъ правъ и будутъ не слишкомъ уважать законныя формы, а между тѣмъ опытъ указываетъ намъ, что изъ этого легко могутъ возникнуть вредныя послѣдствія. 2) Хотя у насъ допускается гласность слѣдствія, но въ то же время предоставлено слѣдователю уничтожать гласность, если онъ находитъ ее вредной для слѣдствія. По поводу этого постановленія Миттермайеръ говоритъ, что можно напередъ предсказать, что судьи, которые и

безъ того склонны къ устраненію гласности, будутъ часто допускать эти изъятія, такъ-какъ положенія закона весьма неопредѣлены; при этомъ онъ замѣчаетъ, на основаніи личнаго разговора съ англійскими судьями, что они высоко ставятъ преимущества допущенія гласности при слѣдствіи. Защитникъ при слѣдствіи, по нашему уставу, также хотя и допускается, но ему запрещено говорить наединѣ съ кліентомъ; въ этомъ Миттермайеръ видитъ еще вліяніе инквизиціоннаго начала, приводя въ примѣръ Брауншвейгъ и Нассау, гдѣ защитникъ можетъ говорить наединѣ съ подсудимымъ, а между тѣмъ изъ этого никакого вреда. 3) Относительно допроса обвиняемаго при слѣдствіи, по мнѣнію автора, также необходимы болѣе точныя предписанія, потому что иначе онъ можетъ сдѣлаться невольнo инквизиціоннымъ: недостаточно одного запрещенія добиваться признанія подсудимаго, но необходимо постановить, что допросъ долженъ ограничиться указаніемъ обвиняемому сущности направленаго противъ него обвиненія, или приведенныхъ доказательствъ и уликъ, чтобы чрезъ это дать ему возможность защиты; затѣмъ указать на противорѣчія и неясность, или недостаточность его показанія и чрезъ это облегчить его дальнѣйшее оправданіе.

Постановленія нашего уголовнаго устава о томъ, что обвинительный актъ долженъ ограничиваться лишь изложеніемъ фактовъ, на которыхъ основывается обвиненіе, обозначеніемъ рода преступленія и приведеніемъ соотвѣтствующихъ законовъ, что права прокурора и защитника въ судѣ уравнины, и что президентъ устрѣщается отъ допроса обвиняемому и свидѣтелямъ, которые допрашиваются сторонами, такъ же какъ и въ Англій— вызвали полное одобреніе знаменитаго криминалиста. Этимъ закономъ гарантируется безпристрастіе президента и равенство правъ обвинителя и защитника.

Въ допущенія нашимъ закономъ чтенія въ судѣ показаній присутствующихъ свидѣтелей, данныхъ при слѣдствіи, въ тѣхъ случаяхъ, когда между этими показаніями и показаніями на судѣ будетъ противорѣчіе, Миттермайеръ видитъ опасность для начала устности. Въ Англій подобное прочтеніе составило бы весьма тяжкое нарушеніе основныхъ началъ судопроизводства, потому что приговоръ присяжныхъ долженъ основываться на показаніяхъ, слышанныхъ ими лично, то-есть въ гласномъ судѣ.

Относительно постановленія вопросовъ присяжнымъ Миттермайеръ дѣлалъ свои замѣчанія по мотивамъ комисіи, составившей проекты судебныхъ уставовъ, и опасался, чтобы въ самомъ законѣ не было неполноты и неясности. Но опасенія эти вполне устраняются: въ статьяхъ 810, 811 и 812 устава уголовнаго судопроизводства опредѣлены съ точностію форма и сущность вопросовъ, которые подлежатъ обсужденію присяжныхъ, форма отвѣтовъ и порядокъ означенія послѣдовавшихъ рѣшеній по каждому вопросу отдѣльно.

Приговоръ присяжныхъ постановляется, по нашему уставу, или единогласно, или по большинству голосовъ (ст. 813). Миттермайеръ предлагаетъ: или требовать, по новому англійскому проекту, большинства 10 голосовъ (противъ 2), или же, какъ это дѣлается въ Брауншвейгѣ, передавать дѣло новымъ присяжнымъ.

Проникнутый гуманными стремленіями, знаменитый криминалистъ заключаетъ свою статью замѣчаніемъ о необходимости предостереженія присяжныхъ въ заключительной рѣчи президента, что они должны объявить подсудимаго невиннымъ, если у нихъ существуетъ еще какое нибудь сомнѣніе. Если это напоминаніе и не допущено нашимъ уставомъ, то едва-ли менѣе гуманности заключается въ томъ объясненіи присяжнымъ, которое долженъ сдѣлать, на основаніи ст. 804-й уголовного устава, предсѣдатель суда. Въ статьѣ этой говорится, что предсѣдатель заключаетъ свое объясненіе напоминаніемъ присяжнымъ, что они должны опредѣлять вину или невинность подсудимаго по внутреннему своему убѣжденію, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла, и что въ случаѣ осужденія подсудимаго, они могутъ, если найдутъ достаточныя къ тому основанія, признать его заслуживающимъ снисхожденія.

Мы обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей на мнѣнія Миттермайера о нашемъ уголовномъ судопроизводствѣ. Его заслуженный авторитетъ въ наукѣ и гуманности даютъ ему первое мѣсто между современными криминалистами. Общій взглядъ его на уголовныя учрежденія, руководящій его мнѣніями, выражается въ желаніи, чтобы въ уголовныхъ учрежденіяхъ развивались элементы, способные защитить съ одной стороны интересъ гражданскаго общества, а съ другой—свободу личности.

Нельзя требовать, чтобы законъ, создающій для страны совершенно новыя учрежденія, былъ бы безукоризненно ясенъ и полонъ; многое должно выясниться и дополниться практическимъ путемъ. Во всякой странѣ, кромѣ закона, существуютъ еще и юридическіе обычаи, такъ-сказать, дополняющіе законъ. Обычаи эти, конечно, начнутъ возникать и у насъ вмѣстѣ со введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ. Трудно сказать напередъ что-нибудь о томъ, какое приметь направленіе наша новая юстиція, но выразить желаніе мы находимъ вполне умѣстнымъ и теперь. Желательно, чтобы наши юристы, то-есть судьи вообще, слѣдователи и присяжные повѣренные, преимущественно старались поддерживать въ уголовныхъ процессахъ свободу личности; интересъ общества и государства имѣютъ столь много защитниковъ, начиная съ закона до его мельчайшихъ исполнителей, что на сторонѣ общества и государства будетъ весьма сильный перевѣсъ, если представители правосудія хотя сколько-нибудь ослабятъ возможную защиту лица. И безъ того уже въ нашемъ обществѣ плохо воспитано уваженіе къ личности; теперь оно можетъ быть поддерживаемо съ публичной трибуны, и это необходимо въ нравственныхъ интересахъ цѣлаго общества.

Нѣтъ сомнѣній, что наши судебные уставы будутъ дѣлаться болѣе и болѣе популярными, потому что большее или меньшее знакомство съ ними, въ ихъ духѣ и сущности, дѣлается необходимымъ для всякаго честнаго гражданина. До каждаго изъ насъ можетъ дойти очередь занять мѣсто на скамьѣ присяжныхъ, для того, чтобы пронести безапелляціонный приговоръ объ участи челоуѣка; для исполненія этой важной обязанности нельзя же явиться совершеннымъ профаномъ. Вообще законы страны должны быть болѣе или менѣе извѣстны всякому гражданину; но тѣ, въ исполненіи которыхъ всякій можетъ быть обязаннымъ принять личное участие, необходимо должны быть извѣстны въ наибольшей степени, такъ что эта обязанность является нѣкоторымъ образомъ дѣломъ совѣсти каждаго. Замѣчательна та торжественность, которую вводитъ нашъ законъ (ст. 817 Устава уголовн. судопроизвод.) въ судебные обряды, при появленіи присяжныхъ послѣ ихъ совѣщанія. Окончательное рѣшеніе есть, конечно, самая главная и самая важная функція суда. Присяжные, приглашенные по очереди изъ среды общества, безъ различія сословія и состоянія, облачаются высшей властью, какая только можетъ существовать, произнести по совѣсти судъ надъ обвиняемымъ въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи, то-есть освободить его отъ каторги, установленной закономъ, или подвергнуть ей, то-есть лишить свободы, правъ и чести. Когда присяжные, послѣ совѣщанія, возвращаются въ залу засѣданія, всѣ находящіеся въ залѣ лица, не исключая и самыхъ судей, обязаны закономъ встать и выслушивать рѣшеніе присяжныхъ стоя. Это—наружное выраженіе цѣлаго общества къ рѣшенію, постановленному присяжными подъ страхомъ одной лишь отвѣтственности—передъ своей совѣстью. Всякому, принимающему участіе въ такомъ рѣшеніи необходимо сознательно и отчетливо понимать свое право и свою обязанность, а для этого всего необходимѣе не быть полными невѣждой въ судебныхъ постановленіяхъ своей страны.

По всей вѣроятности, со введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ юридическая литература выступитъ на первый планъ и, конечно, теорія права будетъ передаваема преимущественно по трудамъ европейскихъ ученыхъ. Имя Миттермайера и его разносторонніе труды, вѣроятно, чаще другихъ будутъ встрѣчаться публикѣ; поэтому мы находимъ нелишнимъ привести здѣсь краткій очеркъ жизни и трудовъ этого замѣчательнаго и симпатичнаго нѣмца, извлекаемый намп изъ отчета кандидата Тагацва, помѣщеннаго въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (*).

(*) Журн. М. Н. П. за октябр. 1864 г.

Карль Миттермайеръ, сынъ аптекаря, родился въ Мюнхенѣ, въ 1787 году, слѣдовательно ему теперь 77 лѣтъ. Въ дѣтствѣ онъ выказалъ способность и страсть къ изученію языковъ, и еще мальчикомъ владѣлъ уже языками: французскимъ, итальянскимъ и англійскимъ и очень порадочно зналъ языкъ древній. Съ 16 лѣтъ, оставшись сиротою, безъ всякой помощи, онъ долженъ былъ самъ отыскивать средства къ существованію и поступилъ домашнимъ учителемъ къ одному изъ извѣстнѣйшихъ юристовъ Баваріи—Центнеру, бывшему въ то время министромъ юстиціи, гдѣ и пробылъ два года до отправленія своего въ ландгутскій университетъ, въ Баваріи. Черезъ три года, проведенные имъ въ университетѣ, онъ поступилъ, по рекомендаціи Центнера, домашнимъ секретаремъ къ Фейербаху, бывшему профессору ландгутскаго университета, прибывшему въ то время въ Мюнхенъ для участія въ законодательной комиссіи. Фейербахъ, какъ криминалистъ-теоретикъ, какъ мыслитель съ отличнымъ философскимъ образованіемъ, не могъ не имѣть сильнаго вліянія на молодого юриста, тѣмъ болѣе, что это время составляло блестящую эпоху въ жизни Фейербаха, занимавшагося тогда составленіемъ уголовного кодекса, имѣвшаго впоследствии огромное вліяніе на Германію. Въ качествѣ секретаря Миттермайеръ выполнялъ многія работы, при которыхъ ему приходилось знакомиться съ иностранными писателями и законодательными, работавшая иногда по источникамъ какой-либо вопросъ, руководствуясь лишь нѣсколькими общими мыслями Фейербаха. Въ это же время Миттермайеръ занялъ мѣсто адвоката въ одномъ изъ мюнхенскихъ судовъ, что давало ему возможность узнать дѣйствительную юридическую жизнь, между тѣмъ какъ занятія при Фейербахѣ развивали его научныя знанія. Черезъ 1½ года Миттермайеръ получилъ отъ баварскаго правительства стипендію по 600 гульденовъ въ годъ, чтобы посѣтить нѣсколько нѣмецкихъ университетовъ и приготовить къ профессурѣ. Для начала онъ выбралъ Гейдельбергъ, гдѣ и сталъ заниматься уголовнымъ правомъ у Мартина и Цахаріэ и гражданскимъ у Тибо. Черезъ годъ, именно въ 1809 году, онъ получилъ приказъ отъ правительства выдержать экзаменъ на доктора, чтобы занять мѣсто приват-доцента въ предполагавшемся тогда открытій университетѣ въ Инсбрукѣ. Приказаніе это было исполнено, но тирольскій университетъ, по причинѣ вспыхнувшаго тамъ возстанія, открытъ не былъ, и Миттермайеръ занялъ мѣсто приват-доцента въ Ландсгутѣ, начавъ читать разомъ нѣсколько предметовъ. Многочисленная аудиторія и статьи, печатаемыя въ «Архивѣ уголовного права», скоро доставили Миттермайеру почетное мѣсто между профессорами, и въ 1811 году онъ былъ сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ, а въ 1812—15 году былъ избранъ три раза въ ректоры университета. Въ 1819 году, уже какъ извѣстный криминалистъ, Миттермайеръ приглашенъ былъ въ новооткрытый университетъ въ Боннѣ на кафедру уголовного пра-

ва и процесса. Кроме докторской диссертации, которая напечатана была в 1809 году, появились первые большие работы Миттермайера в 1809 году — о доказательствах, в 1810 году — учебник уголовного права; затем, в 1819 году — два сочинения, где Миттермайер отважно возстал против теории Фейербаха об утраченности, против замкнутости судебных уставов и вообще против жестокости европейских законодательств, и в особенности баварского. Разбирая формы судопроизводства, он разделил их на два типа: один — гласный, опирающийся на суд присяжных, которому он дает название республиканского, и другой — секретный, письменный, отданный в руки ученых судей — тип монархический; последний тип, господствовавший в то время в Германии, он порицал, доказывая его недостатки, мешающие правильному отправлению правосудия. Высказываемые тогда мысли Миттермайера считались большинством ученых бесплодными, легкомысленными мечтаниями, выполнение которых было бы гибелью правосудию. Это было назад тому 40 лет, и притом во время тяжелой реакции двадцатых годов, когда на защиту гласности и института присяжных, считавшегося плодом революции, оплотом демократии и т. д., смотрели далеко неблагоприятно; но, конечно, тем более велика заслуга Миттермайера, защищавшего лучший порядок. Миттермайер, естественно, стоял в рядах оппозиции, и потому в 1821 году, оставив Пруссию, с удовольствием принял предложение гейдельбергского университета, где с того времени и поныне, то-есть в течение 43 лет, он занимает непрерывно кафедру уголовного права, не ограничиваясь притом одной профессорской деятельностью: в 1829 году он принимал участие в работах баденской законодательной комиссии, в 1831 г. был избран депутатом во вторую палату от города Брухзала, где и оставался до 1845 года, быв президентом палаты в течение 6 лет; он участвовал почти во всех комитетах для составления или обсуждения новых проектов законов, в особенности в обработке гражданского судопроизводства, в борьбе за свободу прав, в законодательстве об общинном управлении и т. п. Одновременно с парламентской деятельностью, Миттермайер совершал путешествия по Италии, Франции, Англии для изучения юридического быта этих стран и знакомства с учеными и практиками. Этим путем он приобрел ближайшие сведения об иностранных учреждениях. Во время научного движения в Германии, в 1846 и 1847 г., Миттермайер был председателем комиссии, обсуждавшей общегерманский вопрос о введении суда присяжных, и составил в пользу этого учреждения обширный реферат, весьма замечательный в отношении статистических данных и теоретических выводов, и принятый огромным большинством собрания, состоявшего из 700 членов.

Революционное движение 1848 и 1849 годов также заносит

въ свою исторію труды Миттермайера: онъ былъ сотрудникомъ и издателемъ «Deutsche Zeitung» и президентомъ нѣмецкаго парламента во Франкфуртѣ, съ закрытіемъ котораго Миттермайеръ окончилъ свое политическое поприще, посвятивъ себя съ 1850 г. исключительно аудиторіи и ученымъ трудамъ, хотя участіе его въ развитіи законодательства Германіи продолжается и понынѣ непрямимъ путемъ: почти всѣ нѣмецкія правительства присылали къ нему новыя проекты законовъ, и его оцѣнки и указанія никогда не оставались безъ вліянія. Такимъ образомъ принималъ онъ участіе въ новомъ баварскомъ законодательствѣ въ 1861 г., вюртембергскомъ—1863 г., баденскомъ—1864 г. и т. д., и еще недавно, съ этой же цѣлью, получилъ онъ проектъ австрійскаго судопроизводства.

По складу ума, Миттермайеръ былъ всегда противникомъ науки для науки; онъ считалъ необходимымъ условіемъ всякаго юридическаго труда—его примѣнимость къ жизни. Практическіе труды Миттермайеръ продолжалъ и въ Боннѣ въ качествѣ университетскаго судьи, и потомъ въ университетской Spruch-Collegium, гдѣ онъ былъ постояннымъ членомъ съ самого поступленія въ университетъ, а съ 1839 г.—президентомъ. Въ сочиненіяхъ Миттермайера видно обширное знакомство его съ юридической литературой и постоянное стремленіе смягчить жестокость законовъ, заставить и въ самомъ преступникѣ уважать человѣка, и дать болѣе прочныя гарантіи личной свободѣ гражданъ въ судѣ.

Ученая литературная дѣятельность Миттермайера подраздѣляется на два главные отдѣла: журнальныя статьи и монографіи. Въ журналѣ «Neue Archiv des Criminalrechts» онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ и соредакторомъ въ теченіе 29 лѣтъ, начиная съ 1818 г.; въ то же время онъ издавалъ съ 1829 г. юридическій журналъ вмѣстѣ съ Цахарію; столь же дѣятельное участіе принималъ онъ въ 5 нѣмецкихъ юридическихъ журналахъ и во множествѣ мелкихъ газетъ. Имя его также встрѣчается во французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ и американскихъ журналахъ. Статьи эти охватываютъ всѣ отдѣлы права и заключаютъ въ себѣ изслѣдованія различныхъ отдѣльныхъ вопросовъ, разборы практическихъ случаевъ, критическіе обзоры иностранной литературы, обзоры законодательной дѣятельности различныхъ странъ и т. д.

Что касается до монографій, то главныя изъ нихъ относятся къ уголовному судопроизводству. Первое обширное сочиненіе его было ученіе о доказательствахъ 1809 г.; затѣмъ слѣдовали «Handbuch des Criminalprocesses» 1810—1813 г., которая вышла дополненною и измѣненной четвертымъ изданіемъ въ 1845 г.; «Strafverfahren», вышедшее четвертымъ изданіемъ; въ 1851 г. онъ издалъ «Englische, Schotische und Nordamericanische Strafverfahren»; въ 1856 и 1860 г. о тюрьмахъ и въ 1862 г. «Über die Todesstrafe». Позднѣйшія его сочиненія суть: «Die Gesetzgebung und Rechtsübung über Strafverfahren» и еще не вполне окон-

ченное: «Erfahrungen über die Wirksamkeit der Schwurgerichte in Europa und America, über ihre Vorzüge, Mängel und Abhülfe». Первый выпуск этого сочинения вышел осенью настоящего года.

Кромѣ того, Миттермайеръ издалъ нѣсколько учебниковъ по уголовному и гражданскому праву.

Несмотря на свои 77 лѣтъ и пятидесятилѣтнюю неутомившую профессорскую и учено-литературную дѣятельность, Миттермайеръ юношески преданъ своему дѣлу и исполненъ огня и стремлени въ дѣятельности. Много поколѣній прошло чрезъ его руки въ эти 50 лѣтъ и многіе криминалисты считаютъ его отцомъ своего развитія, поселившимъ въ нихъ любовь къ наукѣ. Кафедра составляетъ для него половину жизни; читая лекціи, онъ совершенно перерождается, молодѣетъ, дѣлается оживленнѣе, веселѣе и только въ послѣднее время сталъ жаловаться на то, что работа ужь одолеваетъ его, но вслѣдъ затѣмъ онъ обыкновенно прибавляетъ, что долженъ работать, пока живъ, и что съ работою сойдетъ онъ въ могилу.

Такие люди, какъ Миттермайеръ—прибавимъ мы—составляютъ гордость націи, къ которой они принадлежатъ.

«Военный Сборникъ» началъ печатаніе цѣлаго ряда статей, разъясняющихъ подробности совершившейся, на основаніи высочайше утвержденныхъ 6-го августа положеній, военной административной реформы. Въмѣсто прежняго центрального управленія, новыми положеніями введена територіальная система. Управленіе арміей распредѣлено на 10 военныхъ округовъ подъ начальствомъ командующихъ войсками. Управленіе каждаго изъ военныхъ округовъ образовано: изъ военно-окружнаго совѣта, имѣющаго коллегіальный характеръ, окружнаго штаба и изъ управленій интендантскаго (коммиссаріатъ и провіантское вѣдомство), артиллерійскаго, инженернаго, военно-медицинскаго и инспекціи военныхъ госпиталей.

Въ основаніе новыхъ положеній приняты слѣдующія главныя начала: а) въ военномъ министерствѣ сосредоточиваются общее направленіе и главный контроль дѣйствій всѣхъ административныхъ органовъ; б) фактической мѣстной контроль надъ дѣйствіями разныхъ мѣстъ и лицъ военного вѣдомства возлагается на командующихъ войсками въ округахъ, замѣняя собою извѣстный, недѣйствительный контроль министерства, ограничивающійся большею частію одной канцелярскою повѣркою, и в) затѣмъ всѣ чисто-исполнительная часть предоставляется: по войскамъ — начальникамъ дивизій, а по военнымъ учрежденіямъ — непосредственнымъ начальникамъ отдѣловъ военно-окружныхъ управленій, какъ-то: интендантамъ, начальникамъ артиллеріи, инженеровъ и проч. подъ непосредственной ихъ же отвѣтственностью.

Реформа эта достигается главнѣйшимъ образомъ той дѣли, что исполнительная власть военнаго министерства разсредоточивается между мѣстными управленіями, начальники которыхъ, имѣвшіе прежде одно лишь строевое значеніе, дѣлаются теперь и мѣстными администраторами, и самыя мѣстныя управленія, съ расширеніемъ передаваемой имъ отъ министерства власти, дѣлаются самостоятельными, сохраняя связь съ министерствомъ на столько лишь, сколько это нужно для единства въ управленіи.

Особенное вниманіе обращаютъ военно-окружные совѣты, которые суть коллегіальныя установленія, снабженныя значительной степенью административной власти, но остающіяся, впрочемъ, подъ главнымъ направленіемъ и контролемъ министерства и военнаго совѣта. Округные совѣты состояются изъ всѣхъ мѣстныхъ начальниковъ, какъ-то: начальника штаба, окружнаго интенданта, начальника артиллеріи и проч. подъ предсѣдательствомъ командующаго войсками, которому предоставлено право, въ случаѣ несогласія его съ большинствомъ, приостанавливать исполненія, переносить дѣла въ военный совѣтъ и даже предписывать въ исполненію свое мнѣніе подъ своей личной отвѣтственностью. Кромѣ того, въ составъ совѣта входитъ еще одинъ членъ, назначаемый министромъ, на котораго возложена обязанность предварительнаго разсмотрѣнія и соображенія съ законами всѣхъ вносимыхъ въ совѣтъ дѣлъ. Противъ постановленій совѣта членъ министерства можетъ протестовать, донося о своемъ мнѣніи министру, но не останавливая исполненія по рѣшенію совѣта.

Подобнаго коллегіальнаго учрежденія, въ которомъ бы соединились отвѣтственные дѣятели по всѣмъ отраслямъ военнаго управленія, у насъ еще не существовало. Членъ отъ министра уподобляется нѣсколько по своему значенію прокурору.

Съ введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ постановленій, уничтожаются весьма много военно-административныхъ учреждений, какъ-то: главные штабы армій, штабы корпусные, провіантское и коммисаріатское вѣдомства, столь популярныя у насъ, и отдѣльныя военныя казначейства и проч., при чемъ, конечно, уменьшается и расходъ на содержаніе этихъ вѣдомствъ.

Въ особенности предполагается польза отъ децентрализаціи военнаго управленія при обстоятельствахъ, въ которыхъ находились западныя губерніи, гдѣ военные округа образованы еще прежде утвержденія положеній о нихъ.

Новую военно-административную нашу систему многіе сравниваютъ съ французской и даже называютъ ее простой копіей съ этой послѣдней. «Военный Сборникъ» посвящаетъ этому вопросу особую статью, дѣлая сравненіе обѣихъ системъ. Французская система основана на строгой раздѣльности различныхъ отраслей мѣстнаго военнаго управленія; тамъ каждая отрасль управленія имѣетъ свое территориальное раздѣленіе, свои округа, независимые другъ отъ друга; восторныхъ, система эта основана на край-

ней централизаціи или сосредоточеніи всего управленія въ военномъ министерствѣ, при отсутствіи всякой самостоятельности мѣстныхъ учреждений, при отсутствіи взаимнаго соотношенія и согласованія между ними, которое у насъ установлено учрежденіемъ военно-окружныхъ совѣтовъ, принадлежащихъ исключительно нашей системѣ. Власть военного министерства въ Россіи разсредоточена между мѣстными военными управленіями по каждой отрасли администраціи, причѣмъ министерству оставлено только направленіе и контроль мѣстныхъ управленій. Съ помощію этихъ сравненій военный журналъ заключаетъ вполне справедливо, что наша военно-административная система есть самостоятельная русская, и служитъ прочнымъ памятникомъ реформъ нынѣшняго царствованія, и что французская система очевидно уступаетъ нашей во всѣхъ отношеніяхъ и вообще по различію государственныхъ организмовъ Франціи и Россіи ни въ какомъ случаѣ не могла служить для насъ безусловнымъ ориги-наломъ.

Чѣмъ менѣе извѣстна страна, тѣмъ интереснѣе свѣдѣнія о ней. Къ числу такихъ интересныхъ сказаній можно отнести небольшую статейку г. Лобисевича «Сыр-Дарьинская линія» (*) — о которой, впрочемъ, авторъ говоритъ весьма мало, ограничиваясь описаніемъ лишь форта Перовскій, составляющаго пограничный пунктъ русской оборонительной линіи на предѣлахъ средне-азійскихъ ханствъ: бухарскаго, хивинскаго и коканскаго. Авторъ говоритъ, что не только въ Россіи, но и въ Оренбургѣ немногіе имѣютъ вѣрныя свѣдѣнія объ этомъ фортѣ. Дорога туда отъ Оренбурга идетъ, конечно, по пустынной степи, почти содержитсѣ киргизами, станціи не имѣютъ ни мебели, ни отпленія, ни съѣстныхъ предметовъ. Степень цивилизаціи жителей читатель увидитъ изъ слѣдующихъ сценъ: на станціи — разсказываетъ авторъ — человекъ пять киргизовъ вошли къ намъ, съ любопытствомъ осмотрѣли вещи и, безцеремонно усѣвшись на полу, стали поплевывать, по своему обычаю; потомъ киргизы принялись играть въ карты, въ свои козыри, по всѣмъ правиламъ и очень хорошо, что и продолжали до 12 часовъ ночи. (Въ этомъ случаѣ, замѣтитъ ми, киргизы похожи на членовъ здѣшняго благороднаго собранія, которые играютъ въ домино каждагодневно, по крайней мѣрѣ, до 2-хъ часовъ ночи, и также поплеваютъ, особенно при несчастіи). Почт-содержатели киргизы почти никогда не живутъ на станціяхъ, построенныхъ изъ сыраго кирпича и готовыхъ каждую минуту развалиться; гоньбу отправляютъ киргизы-бѣдняки, которые нанимаются содержателями за самую ничтожную плату и не только не кормятъ лоша-

(*) Воен. Сбор. 1864 г. № 3.

дей, но и сами не ѣдят по цѣлымъ суткамъ, вымаливая у проѣзжающаго кусокъ хлѣба; лошадей, за неимѣніемъ веревковъ, привязываютъ хвостами къ экипажу. Гдѣ живетъ самъ содержатель станціи, тамъ видно больше достатка: есть и скотина, и бараны, и пекутъ хлѣбъ, иногда варятъ и барана, разрывая его на части и опуская въ котель. Когда мясо уварится, хозяйка разливаетъ жидкость въ миски и подноситъ каждому; за тѣмъ дѣлятся части баранины, а если есть гости, то угощаютъ сперва ихъ, и въ знакъ особеннаго расположенія, хозяйка и хозяинъ непрерывно отрываютъ куски мяса и своими двумя пальцами кладутъ въ ротъ гостю. Гость беретъ ртомъ мясо и, въ свою очередь, въ знакъ особенной благодарности за любезность, облизываетъ пальцы хозяйки...

Далѣе къ пограничной линіи, сообщенія совершаются на верблюдахъ по голой песчаной степи, около 400 верстъ отъ укрѣпленія Уральскаго до перваго форта на Сыр-Дарьѣ—Казала. Фортъ построенъ изъ необожженнаго кирпича; зданія покрыты камышомъ, за неимѣніемъ въ степи дерева, доставка котораго изъ Оренбурга стоитъ весьма дорого, до 40 рублей за каждое бревно. Гражданское населеніе форта состоитъ изъ нѣсколькихъ бухарскихъ купцовъ, помѣщается въ мазанкахъ, число которыхъ простирается до 25. Подлѣ форта протекаетъ Сыр-Дарья, гдѣ расположена аральская флотилія, то-есть пароходы, лодки, баркасы и баржи. На половинѣ пути до форта Перовскаго есть еще небольшой фортъ Кармакчи, замѣняющій собой станцію для путешественниковъ, гдѣ смѣняются верблюды и истомленный путникъ находитъ отдыхъ. Около этого форта расположено много озеръ, покрытыхъ камышомъ, и потому встрѣчается много дичи: утки, гуси, лебеди, фазаны, сайгаки и тигры, на которыхъ охотятся киргизы; здѣсь встрѣчаются и деревья саксаула — хрупкое и толстое дерево, безъ листовъ, съ одними прутьями, годное лишь для топлива.

Фортъ Перовскій есть столица степи и резиденція управленія сыр-дарьинской линіи. Фортъ имѣетъ большіе размѣры, хорошо вооруженъ и въ немъ находится значительный гарнизонъ; но постройки, тоже изъ необожженнаго кирпича, отъ сыраго грунта и дурнаго матеріала, часто обрушиваются, особенно весной и осенью. Кругомъ форта—слободка поселенцевъ, базаръ, то-есть лавки бухарцевъ и трехъ или четырехъ русскихъ купцовъ. Есть небольшой садъ, изъ пяти или шести аллей финиковаго и джидоваго дерева. Общество довольно большое, но жизнь въ крайнемъ застоѣ. Служба, сплетни и золото суть основныя начала жизни въ фортѣ. Служба, особенно для солдатъ, тяжела, потому что имъ нѣтъ смѣны въ продолженіе восьми-деяти лѣтъ. Работы инженерныя и хозяйственныя не прерываются цѣлый годъ: безпрерывно поправляютъ крѣпость и всѣ зданія, обваливающіяся по причинѣ рыхло-воднистаго грунта. Постройки выдерживаютъ не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ отъ дурнаго качества кирпича и силь-

нѣйшей сырости квартиръ. Люди терять лишенія какъ отъ климата, такъ и отъ крайне-изолированнаго положенія мѣстности отъ населенныхъ и плодоносныхъ пунктовъ. Солдаты бѣдствуютъ безъ женщинъ и связываются съ кочующими близъ форта киргизками, которыя пускаются въ распутство изъ бѣдности, за кусокъ хлѣба; сифилитическая болѣзнь сильно распространена между солдатами. Содержаніе, исключая рыбы, добываемой въ водахъ Сыр-Дарьи, крайне-дорого, потому что все должно быть доставляемо по песчаной степи и издалека. Лѣтомъ тропическій жаръ, слѣзни и комары.

Войско совершаетъ рекогносцировки для изслѣдованія возможности соединить линію сыр-дарьинскую съ линіей сибирской, въ видахъ вѣщаго обезпеченія торговли нашей съ средней Азіей и для защиты каравановъ и киргизовъ, принявшихъ русское подданство. Въ этомъ же заключается, конечно, и вся цѣль нашего преобладанія на границахъ средней Азіи.

Сколько еще предстоитъ Россіи упорнаго труда и лишеній для того, чтобы укрѣпить свое могущество въ этихъ дикихъ пустыняхъ и положить первые камни цивилизаціи на безплодныхъ сипучихъ пескахъ средне-азійской степи! Этотъ скромный, но важный по своимъ послѣдствіямъ трудъ совершается горстью военныхъ людей, несущихъ лишенія и все-таки шагъ за шагомъ расширяющихъ предѣлы, если не фактическаго, то политическаго преобладанія Россіи на ханства средней Азіи. Мы считаемъ долгомъ упомянуть здѣсь о тамошнихъ военныхъ начальникахъ, извѣстныхъ изъ послѣднихъ донесеній объ успѣхѣ нашего оружія: генеральнаго штаба генерал-майоръ Черняевъ, полковникъ Веревкинъ и подполковникъ Мейеръ.

Весьма жаль, что въ нашей текущей литературѣ нѣтъ достаточно полныхъ свѣдѣній о заплѣскомъ краѣ; конечно, военнымъ людямъ, можетъ быть, и некогда удѣлять время на описанія краевъ, но вѣдь отъ нихъ однихъ только и можно ожидать этихъ трудовъ. Нельзя ли какъ нибудь помирить эти крайности? Борьба съ полудикими племенами, обыкновенно, бываетъ упорнѣе и продолжительнѣе, нежели въ цивилизованномъ мѣрѣ, примѣромъ тому служить Кавказъ. Поэтому изслѣдованіе всѣхъ мѣстныхъ условій, политическая оцѣнка успѣховъ нашего преобладанія и степени настоящей и будущей пользы отъ того для Россіи, и даже оцѣнка самой системы дѣйствій, все это имѣетъ весьма важное значеніе и не можетъ не составлять для общества первостепеннаго интереса.

Морской Сборникъ служитъ самымъ обильнымъ источникомъ свѣдѣній и болѣе или менѣе компетентныхъ мнѣній о нашемъ флотѣ. Въ прошедшемъ году даже въ литературныхъ журналахъ трактовали о флотѣ; главнѣйшій вопросъ состоялъ въ томъ,

нуженъ ли намъ флотъ? Сколько помнимъ, конечный выводъ по этому вопросу былъ тотъ, что флотъ нуженъ намъ не болѣе, какъ для обороны береговъ; великой же морской державой Россія быть не можетъ, по недостатку открытыхъ морей. Со времени изобрѣтенія броненосныхъ судовъ значеніе и сила нашего деревяннаго флота, конечно, ослабѣли еще болѣе, такъ что безъ броненосныхъ судовъ наши кронштадтскіе великаны сдѣлались страшными лишь для самихъ себя, потому что представляли не болѣе какъ удобо-воспламеняемый горючій матеріалъ и притомъ беззащитный и неспособный нанести вреда броненоснымъ судамъ. Во время грозныхъ переговоровъ съ Англіей и Франціей по польскому дѣлу, когда возможность войны была до нѣкоторой степени вопросомъ, флотъ нашъ находился именно въ положеніи беззащитности, и всѣ наши лучшія суда высланы были, въ видахъ безопасности, къ американскимъ берегамъ, гдѣ они могли оставаться въ покоѣ, или, въ случаѣ нужды, служить крейсерами. Между тѣмъ въ Россіи возникло броненосное судостроеніе изъ собственныхъ матеріаловъ и собственными средствами; выстроенныя броненосныя суда и усиленное вооруженіе береговыхъ укрѣпленій опять измѣнили значеніе нашего флота, гарантируя его безопасность.

Таковы данныя, которыя неизбежно возбуждаютъ вопросы о томъ, чѣмъ можетъ быть нашъ флотъ и какой долженъ быть составъ его?

Авторъ статьи «Современное значеніе броненоснаго флота», г. Н. Ф.....ъ (*), повидимому, желалъ разрѣшить эти вопросы въ слѣдующихъ положеніяхъ: цѣль существованія нашего флота есть возможное обезпеченіе береговой обороны государства, для чего необходимо: *возможно большее* число броненосныхъ судовъ ба- щинной системы, какъ наиболѣе простыхъ и удобныхъ для защиты нашихъ мелководныхъ и усѣянныхъ островами прибрежій; необходимы также усовершенствованныя пловучія батареи, число которыхъ должно быть строго соображено съ потребностями защиты Кронштадта и Свеаборга, и *нѣсколько* броненосныхъ кораблей и фрегативъ для заграничныхъ посылокъ, которые не должны быть назначаемы для генеральныхъ сраженій съ флотами великихъ морскихъ державъ, а только для большей активности нашей береговой обороны.

Стараясь возбудить общественное сочувствіе къ необходимости флота, авторъ говорить, что будущность русскаго флота тогда только упрочится, когда идея его необходимости сдѣлается народною; иначе самыя глубоко-обдуманная соображенія, самыя настойчивыя, энергическія дѣйствія какихъ бы то ни было администрацій, оставаясь не болѣе какъ паллятивными средствами, принесутъ пользу только временную. Кромѣ того, авторъ тре-

(*) Морск. Сбор. 1864 г. № 4.

буетъ, чтобы, *во что бы то ни стало*, суда наши доведены были до такого состоянія, чтобы ходкостью, поворотливостію, крѣпостію брони, силой артиллеріи, искусствомъ и моральнымъ состояніемъ экипажей, они рѣшительно не уступали самымъ лучшимъ образчикамъ первыхъ флотовъ въ мірѣ, и чтобы разъ навсегда обезпечено было содержаніе нашихъ морскихъ силъ отъ непрерывныхъ колебаній различныхъ мудрствованій, чтобы соотвѣтствующія потребности времени средства являлись заблаговременно, а не въ критическую минуту.

Можетъ быть, самому автору весьма ясно то, что онъ намѣренъ былъ доказать, но мы сомнѣваемся, чтобы цѣль его убѣдить въ томъ же общественное мнѣніе, была достигнута: *возможно большее число* мелкихъ броненосныхъ судовъ, *число* повучихъ батарей, *сообразное съ потребностями защиты* Свеаборга и Кронштадта, *нѣсколько* броненосныхъ кораблей и фрегатовъ и доведенное до совершенства, *во что бы то ни стало*, качество судовъ, едва-ли уясняютъ вопросъ о составѣ нашего флота. Что касается до желанія автора, чтобы идея о флотѣ сдѣлалась народною, то это едва-ли возможно для страны, гдѣ въ народѣ море-океанъ извѣстно только по сказкамъ, а для образованной незначительной части общества по географіи, да по кругосвѣтному плаванію г. Гончарова.

Сколько можно судить изъ отчетовъ «Морскаго Сборника» о броненосномъ кораблестроеніи, вопросъ о неуязвимости брони и всеокрушаемости орудій находится еще въ періодѣ теоретическихъ изысканій и практическихъ опытовъ, почему вопросъ и о постройкѣ броненосныхъ судовъ не можетъ быть избавленъ отъ непрерывныхъ колебаній. Деревянные суда перестали быть надежной защитой при появленіи на свѣтъ броненосцевъ; эти послѣдніе также въ свою очередь могутъ не быть столь грозными, если система, по которой они построены, не столь совершенна, какъ система, основанная на послѣднихъ изысканіяхъ опыта и теоріи, по которой будутъ строиться новые суда; изъ этого слѣдуетъ, что вопросъ объ усовершенствованіи судовъ гораздо важнѣе, чѣмъ вопросъ о самой постройкѣ ихъ. Американцы начали строить суда уже во время войны. Коническія пули, штурцеры съ дальнимъ боемъ и тому подобное, суть изобрѣтенія, современные войнѣ, во время которой они брали верхъ надъ вооруженіями старой системы. Мы думаемъ, что прежде всего нужны имѣть наготовѣ: заводы, строительные матеріалы, высшія научныя и опытные познанія о дѣлѣ и источникахъ для издержекъ.

Во всякомъ случаѣ, мы желали бы наибольшаго уясненія со стороны «Морскаго Сборника» вопроса о нашемъ флотѣ и о средствахъ довести его до такого состоянія, чтобы онъ имѣлъ значеніе несомнѣнной обороны въ случаѣ нужды.

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДЪ.

Размышления о нѣкоторыхъ отечественныхъ самостоятельныхъ открытіяхъ по вопросу о томъ, выжили-ли мы западную цивилизацію. — Характеристика нашихъ критическихъ приемовъ и самоуслаждения пни. — Цѣль предложенныхъ нами обзоровъ дѣятельности заграничей. — Засѣданія въ Батѣ британскаго общества споспѣшествованія наукъ. — Рѣчь Чарльса Лайелля. — Очеркъ нѣкоторыхъ вопросовъ, обсуждавшихся въ специальныхъ отдѣленіяхъ британскаго общества. — Смерть Жюль-Жерара, знаменитаго «истребителя львовъ». — Нѣмецкій ученый, титудованный *à la russe* за послуги наукъ.

Недавно въ вѣнской газетѣ *Botschafter*, было напечатано письмо одного петербургскаго корреспондента, который сообщалъ во все-европейское услышаніе, что «дѣла въ сей странѣ (то-есть Россіи), принимаютъ все болѣе и болѣе печальный оборотъ» и что главная дѣйствующая пружина будто бы такого ухудшенія, заключается ни болѣе ни менѣе какъ въ «тайномъ обществѣ нигилистовъ»! Для насъ, русскихъ, это открытіе, конечно, было болѣе свѣжей новостью, чѣмъ для западныхъ читателей, и остается лишь поспѣловать, что простодушный корреспондентъ вѣнской газеты такъ небреженъ къ дѣйствительнымъ новостямъ окружающей его жизни. До сихъ поръ предполагалось, напримѣръ, что мы не знаемъ Запада, точно такъ же, какъ и Западъ не знаетъ насъ, то-есть что мы взаимно плохо знакомы. Многие жалуются, что мы даже плохо знаемъ самихъ себя, то-есть пружины нашего общественнаго строя, бытъ нашего народа, его положительныя (а не гадательныя) свойства, достоинства и недостатки, свою страну, ея средства и силы. И вотъ въ этомъ-то послѣднемъ отношеніи и сдѣланы въ послѣднее время замѣчательныя открытія, съ которыми не мѣшало бы познакомиться корреспонденту Запада. Такъ редація одного почтеннаго журнала, послѣ долгихъ соображеній о свойствахъ русскаго народа, открыла наконецъ въ немъ одну основную черту, которую такъ долго всѣ напрасно искали.

Какую? — «Смиренномудріе». Эго бы ничего, но та же редація, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлала другія удивительныя открытія, которыя, если и неравносильны открытію петербургскаго корреспондента *Botschafter'a*, во всякомъ случаѣ на столько любопытны, чтобъ быть также занесенными въ его письма за границу. Одновременно съ открытіемъ «Смиренномудрія», та же почтенная редація повторила публикѣ, какъ новость, девизъ славянофиловъ, что мы, русскіе, выжили всю суть западной цивилизаціи, что западная критика для «смиренномудраго» ума, когда онъ захочетъ думать, представляется чѣмъ-то въ родѣ карточнаго домика. Неправда-ли, чрезвычайно любопытное открытіе? и главное — новое, несмотря на то, что оно было высказано въ сороковыхъ годахъ! И если еще г. Д. Минаевъ, основатель новаго Кароагена въ Италіи, упрекаетъ русскіхъ писателей въ отсутствіи самобытности, то въ этомъ

виною отчасти его собственна скромность, отчасти же небрежность къ своимъ содѣлателямъ. Мы можемъ, кромѣ русскаго «смиренномудрія», худосочія «западной цивилизаціи» и т. п., указать ему на замѣчательныя историческія, географическія и статистическія открытія, сдѣланныя у насъ за послѣднее время и, если воздерживаемся, то по собственной уже скромности.

Всѣ эти упоминаемыя и неупоминаемыя нами великія русскія открытія обуславливаются, конечно, тѣмъ, что по недостаточности солидной самостоятельной работы мысли, въ насъ вмѣстѣ съ нѣвѣстной долей дерзости, развились легкость воззрѣній, вслѣдствіе которой мы удивительно храбры, а иногда до наивности близоруки: вдали стоимъ, въ дѣйствительности, громадная глыба, а для насъ — это карточный домикъ. Вмѣсто того, чтобъ подкопаться подъ глыбу, мы прыгаемъ на нее какъ дѣти, дуемъ, плещемъ, свистимъ, и слѣды собственной нерашливости принимаемъ просто душно за развалны Запада. Вотъ почему, можетъ быть, у насъ такъ процвѣтаетъ теперь родъ литературы, который на всѣ предметы неба и земли смотритъ какъ на совершенно сподручныя, сырой матеріалъ для саркастическихъ выходковъ, въ которыхъ писатели любуются сами собою. Все искусство заключается въ томъ, чтобъ погрѣть на поверхности предмета. Еслибы кому-либо вздумалось усвоить преобладающій въ нашей современной литературѣ критическій процессъ, то онъ очень простъ, и можетъ быть прописанъ какъ рецептъ. Вы избираете какой-либо смѣшной пунктъ на поверхности предмета, затѣмъ стараетесь выставить его въ ужасномъ видѣ. Если же вы недовольны первымъ критическимъ приступомъ къ дѣлу, и почему-нибудь вамъ кажется еще, что вы нѣсколько сантиментальны, тогда, не затрудняясь, вы прибѣгаете къ параллелямъ. Параллели полезны: онѣ доказываютъ наше ученичество. Покажется вамъ кто-либо похожимъ на обезьяну или на стрижа, такъ и называйте — обезьяна, стрижь, танцуйте на этихъ именахъ. Не сходитесь вы съ чѣмъ-либо мнѣніемъ, такъ и называйте его возмутительнымъ. Если вы дорожите красотой слога, то говорите о вашемъ литературномъ противникѣ такъ, какъ будто онъ вамъ лично сдѣлалъ ужасное зло. Само собою разумѣется, что личности въ этомъ случаѣ допускаются въ интересахъ самаго стиля; мертвыхъ тоже нечего оставлять въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что они безотвѣтны. Знаете хвостъ какой-нибудь свлетни, поскорѣй раздѣлывайтесь съ нею, и по дорогѣ прибавьте къ ней туловище: можете обратиться для этого съ задняго крыльца къ кухаркѣ вашего противника. Нѣтъ надобности говорить, какъ это забавляетъ публику и возвышаетъ ея мнѣніе о васъ. Словомъ, вы принимаете за правило, что все, съ чѣмъ вы несогласны (чего, конечно, наберется очень много), необыкновенно смѣшно и глупо — такъ и говорите, не стѣсняясь.

Слѣбу увѣрить васъ, что поработавши такъ года два-три, вы приобретете критическій *aplomb*, и вы собственнымъ умомъ начнете доходить до великихъ открытій, въ родѣ «почвы», «смиренно-

мудрія», «работы съ плясками и музыкой», союза мужчины и женщины посредствомъ серединной комнаты, и тому подобныхъ открытій.

Школа необыкновенныхъ открытій и только что изложенныхъ нами критическихъ приемовъ, по послѣдствіямъ своимъ, по вліянію, весьма замѣчательна: она вырабатываетъ намъ дѣателей, влюбленныхъ въ самихъ себя, образъ которыхъ увѣковѣченъ мною древнихъ грековъ — Нарциссомъ. Нарциссъ, по сказанію древнихъ, былъ красивъ собою; но его внѣшнія премуущества потемнѣли презрительнымъ взглядомъ на окружающую дѣйствительность, и гордостью. Такимъ образомъ, любя только самого себя, онъ велъ уединенную жизнь въ лѣсахъ, предаваясь охотѣ съ самымъ ограниченнымъ числомъ товарищей, которые считали его полубогомъ. За нимъ повсюду слѣдовала нимфа Эхо. Однажды, нашъ герой легъ отдохнуть у источника, вода котораго была чиста и прозрачна; увидавъ случайно свой образъ въ водѣ, нашъ герой засмотрѣлся въ него, и до того влюбился въ самого себя, что боялся оторвать глазъ отъ дорогого предмета; но вслѣдствіе неподвижности онъ ослабѣлъ, и впалъ въ смертельное опѣеніе. Послѣ смерти, боги превратили его въ цвѣтокъ, носящій его имя, который разцвѣтаетъ весной, и былъ посвященъ древними подземнымъ богамъ.

Презрительное и саркастическое отношеніе ко всѣмъ предметамъ, не требующее никакихъ усилій ума и никакого корня надъ приобрѣтеніемъ положительныхъ знаній, и вызвало въ нашей литературѣ рядъ нарциссовъ, влюбленныхъ въ самихъ себя. Приобрѣтѣя незавидную извѣстность своими талантами, они въ послѣдствіи засматриваются въ самихъ себя, и не могутъ оторваться отъ приобрѣтеннаго угла воззрѣнія и усвоенныхъ разъ отношеній ко всѣмъ предметамъ бытія. Противорѣчіе раздражаетъ ихъ и потому они скучиваются, уединяются, ища обожанія и безмолвнаго удивленія немногихъ. Это бѣгство отъ самихъ себя въ замкнутый кружокъ ничѣмъ невосполняемыхъ, принятыхъ разъ навсегда воззрѣній, ведетъ неизбежно къ оскуднѣнію мысли; и вотъ нарциссы, усѣвшись на принятое ими «направленіе» такъ плотно, какъ солдаты на дѣтскихъ игрушкахъ, дѣлаются необыкновенно лѣнны на умственную работу, и впадаютъ въ родъ забытья, которое дѣлаетъ ихъ неспособными къ труду, и они, твердя одно и то же, дѣлаются рутинѣрами. Въ зрѣломъ возрастѣ нарциссы обыкновенно обманываютъ возлагавшіяся на нихъ большія надежды. Они заговариваются или ударяются въ «открытія», о которыхъ мы говорили выше. Древніе все скоровреждующее, пустоцвѣтное, безслѣдное посвящали подземнымъ богамъ; мы оставляемъ нарциссовъ въ жертву ихъ собственному разсмотрѣнію.

Эти-то пустоцвѣтность и презрительная безсильная крикливость указываютъ намъ, что теперь болѣе чѣмъ когда нибудь время для насъ внимательнѣе слѣдить за явленіями западной науки, искусства и общественной дѣятельности, и не потому чтобы мы чаяли

тамъ найти всенсѣбляющій бальзамъ отъ нашихъ язвъ и дикостей, но просто ради болѣе тѣснаго знакомства, чтобъ знать, чѣмъ тамъ люди занимаются въ то время, какъ мы пробавляемся вотъ тѣмъ-то. Можетъ быть, если посравнимъ да приглядимся ближе къ явленіямъ дѣйствительно-цивилъзованной жизни, намъ будетъ вѣрится съ трудомъ, чтобъ мы такъ долго и бесплодно любовались собою. Можетъ быть, присматриваясь ближе къ пріемамъ, усвоеннымъ на Западѣ въ отношеніяхъ къ научнымъ и общественнымъ вопросамъ, къ дѣлу жизни и посравнивъ ихъ съ нашими родными, насъ поразятъ контрасты и мы придемъ къ нѣкоторымъ душеспасительнымъ выводамъ. За то, что у насъ считается верхомъ бестыщаго полемическаго слога, въ Англии, напримѣръ, можно насидѣться вдоволь въ тюрьмѣ. Тамъ люди, заваленные государственными дѣлами, находятъ время для трудовъ, которыми гордится литература, и шпуютъ въ этихъ трудахъ отдыха; у насъ люди отживаютъ для дѣла въ нѣсколько лѣтъ и приобрѣтаютъ къ нему отвращеніе. Возразятъ: «условія жизни и т. д.» Но, остается вспомнить наши сороковые года и литературу ихъ, пользовавшуюся вліаніемъ и уваженіемъ въ обществѣ, и умѣвшую держаться выше того уровня, на который низведена она теперь нашими парциссами.

Вотъ почему сверхъ Литературной лѣтописи, въ которой будемъ слѣдить за новыми книгами, мы предположили въ этомъ отдѣлѣ слѣдить за движеніемъ жизни ученой, литературной и общественной на Западѣ.

Читатели намъ извинятъ, что на этотъ разъ мы начнемъ нашъ обзоръ нѣсколько издавна. Важность *извѣстій*, пропущенныхъ нашею литературою, заставляетъ это сдѣлать.

Въ половинѣ минувшаго сентября, въ Батѣ происходило 34-е годовое собраніе британской ассоціаціи споспѣшествованія наукъ. Къ семи часамъ пополудни 14-го сентября, число всѣхъ собравшихся къ открытію засѣданій членовъ ассоціаціи было слѣдующее: старыхъ пожизненныхъ членовъ 215, новыхъ — 28; старыхъ годовыхъ членовъ 137, новыхъ — 82; сообщниковъ 917; женщинъ 930; всего — 2,309. Замѣчательнѣе всего въ этихъ итогахъ, что число женщинъ немногимъ превышаетъ даже число мужчинъ-сообщниковъ, чего не бывало въ прежніе годы. Фактъ этотъ лучше всего говоритъ намъ, что интересъ къ наукѣ поддерживается въ высокой степени между англійскими женщинами. Впрочемъ, намъ не встрѣчалось читать почти ни одного отчета о какомъ нибудь митингѣ въ Англии, съ научной, художественной или политической цѣлью—чтобъ не встрѣтить обычнаго обращенія перваго оратора къ собравшимся: «Почтенные *леди* и *джентльмены!*» На общемъ митингѣ ассоціаціи, происходившемъ въ батской ратушѣ, съѣздъ на будущій годъ назначенъ въ

Бирмингамъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Филиппса — этого «загребнаго весла ассоціаціи», по удачному выраженію сэра Р. Мурчиссона.

По недостатку въ Батѣ на столько большого зданія, чтобъ оно могло вмѣстить всѣхъ членовъ ассоціаціи, подраздѣляющейся для занятій обыкновенно на нѣсколько отдѣленій, соотвѣтственно разнымъ отраслямъ вѣдѣнія, большой митингъ ассоціаціи для выслушанія адреса новаго президента происходилъ въ тотъ же день вечеромъ въ залѣ мѣстнаго театра при огромномъ стеченіи публики! Сцену, великолѣпно убранную и освѣщенную газомъ, занимали наиболѣе почетныя члены ассоціаціи. Многолюдность собранія лучше всего свидѣтельствовала о томъ, съ какой ревностью спѣшатъ жители большихъ англійскихъ городовъ пользоваться подобными случаями удовлетворить свою любознательность.

Сэръ Уильямъ *Армстронъ*, президентъ минувшаго года, первый обратился къ собранію съ слѣдующими словами: «Я очень хорошо знаю, что Батъ имѣетъ и много другихъ правъ (кромѣ уединенности и тишины сравнительно съ Ньюкэстлемъ) (*) на предпочтеніе, оказанное ему въ этомъ случаѣ; но еслибы это былъ и наименѣе предпочтительный для митинга ассоціаціи городовъ Англійи, президенство сэра Чарльса Лайелля, одно, могло бы сообщить ему первенство между городами (рукоплесканія). Мы не знаемъ болѣе высокаго авторитета, чѣмъ сэръ Чарльсъ Лайелль въ той наукѣ, которая доставитъ, по всей вѣроятности, главный матеріалъ для рѣчи, которую онъ почтитъ насъ, и между нами не найдется, конечно, никого, кто бы съ большимъ мастерствомъ умѣлъ передать такимъ яснымъ и блестящимъ языкомъ свои идеи. Я увѣренъ, что всѣ вы нетерпѣливо ждете услышать о наблюденіяхъ сэра, и потому не стану болѣе удерживать васъ своими замѣчаніями, уступая кресло, которое я имѣлъ честь занимать, моему знаменитому преемнику.»

Затѣмъ новый президентъ, сэръ Чарльсъ Лайелль занялъ свое кресло среди громкихъ рукоплесканій, и обратился къ собранію съ адресомъ, который мы и передаемъ здѣсь въ возможно полномъ видѣ.

«Мѣсто, куда мы приглашены въ этомъ году на засѣданія 34-го съѣзда нашей ассоціаціи, представляетъ не совсѣмъ обыкновенный интересъ для занимающихся естествовѣдѣніемъ. Что въ особенности дѣлаетъ Батъ привлекательнымъ пунктомъ для изслѣдователя явленій природы—это его теплыя и минеральныя воды, цѣлительной силѣ которыхъ городъ обязанъ и своимъ происхожденіемъ, и славой. Большой объемъ и высокая температура этихъ водъ дѣлаютъ ихъ не только единственными на нашемъ островѣ, но, кажется, и внѣ параллелей въ остальной Европѣ, если мы примемъ надлежащимъ образомъ въ соображеніе ихъ разстояніе отъ ближайшаго регіона сильныхъ землетрясеній, отъ дѣйствию-

(*) Въ которомъ происходилъ съездъ ассоціаціи въ прошломъ году.

щихъ или потухшихъ вулкановъ. Мѣстность, въ которой онѣ истекаютъ, какъ мы узнаемъ изъ историческихъ и археологическихъ изслѣдованій, представляла глухое и пустынное мѣсто, когда римляне впервые высадились на этотъ островъ, но въ немного лѣтъ она была обращена въ одинъ изъ главныхъ городовъ недавно покоренной провинціи. На мѣстѣ теплыхъ источниковъ было широкое болото, изъ котораго поднимались клубы бѣлаго пара на воздухъ, и здѣсь-то впервые выстроена обширная купальня въ высокомъ орнаментальномъ стилѣ архитектуры, украшенная колоннами, пиластрами и мозаичными полами. Рядомъ съ ней былъ сооруженъ великолѣпный храмъ, посвященный Минервѣ, нѣкоторыя статуи и алтари изъ котораго, съ ихъ надписями и украшениями, до сихъ поръ можно видѣть въ музеумѣ этого города.

«Плотная масса земли и щебня, отъ 10—20 футовъ толщиною, раздѣляетъ теперь уровень, на которомъ стоитъ настоящій городъ, отъ древняго *Aquae Solis* римлянъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что на этой избранной римлянами мѣстности, намъ приходится встрѣчаться со столькими памятниками минувшаго величія, если мы вспомнимъ, какъ долго жили здѣсь императорскія войска и богатые колонисты въ высокой степени цивилизованнаго народа, безпрепятственно владѣя страной въ теченіе столькихъ лѣтъ, сколько прошло отъ перваго открытія Америки до нашего времени.

«Одинъ изъ нашихъ прежнихъ президентовъ, д-ръ Добени (Dobbeny) замѣтилъ, что почти всѣ изъ наиболѣе знаменитыхъ теплыхъ источниковъ въ Европѣ, какъ напр., Аахенъ, Баден-Баденъ, Неаполь, Овернь и Пиринеи, не понизились въ температурѣ со временъ римлянъ, такъ-какъ многіе изъ нихъ удерживаютъ до сихъ поръ столько теплоты, сколько можетъ выдержать человѣческое тѣло; при употребленіи же древними, они также, кажется, не требовали предварительнаго охлажденія искусственными средствами. Это однообразіе температуры, удержанное во многихъ мѣстахъ въ теченіе болѣе чѣмъ 2,000 лѣтъ, вмѣстѣ съ постоянствомъ объема воды, который никогда не измѣняется по временамъ года, какъ въ обыкновенныхъ источникахъ, а также тождественность минеральныхъ ингредиентовъ, содержащихся въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ каждымъ источникомъ въ растворѣ, представляютъ поразительные факты и неудержимо заинтересовываютъ насъ къ изслѣдованію глубокихъ подземныхъ источниковъ тепла и минеральнаго свойства. Какъ долго преобладаетъ это единообразіе? Дѣйствительно ли древніи ключи по отношенію къ исторіи земли, или же, подобно теченію нашихъ настоящихъ рѣкъ или настоящей формѣ нашихъ холмовъ и долинъ, ихъ древность велика только по отношенію къ краткому періоду человѣческихъ лѣтоисей? Или они походятъ на Везувій и Этну, которые, хотя и прибавили къ своимъ бокамъ въ теченіе послѣднихъ 2,000 лѣтъ много потоковъ лавы и ливней золы, остаются однако тѣми же самыми горами по высотѣ и размѣрамъ съ древнѣйшихъ временъ, въ которыхъ мы можемъ отнести ихъ существованіе, и до насъ?»

Основанія этихъ горъ восходятъ за десятки тысячъ лѣтъ, и однако, они образовались въ эпоху, когда Средиземное Море было уже обитаемо тѣми видами морскимъ раковинъ, которыми оно теперь населено; такъ что на эти волканы слѣдуетъ смотрѣть какъ на предметы вчерашняго дня по геологическому календарю.

«Несмотря на всеобщую устойчивость въ характерѣ минеральныхъ водъ и теплыхъ ключей, даже съ того времени, когда они впервые сдѣлались извѣстны намъ, мы находимъ, по изслѣдованіи, что нѣкоторые изъ нихъ, даже въ историческія времена, были подвержены большимъ измѣненіямъ. Это случалось во время землетрясеній, которыя были достаточно могучи, чтобъ возмутить теченіе подземныхъ орошеній и видоизмѣнить форму ращелинъ, черезъ которыя вытекаютъ воды. Такимъ образомъ, во время большаго землетрясенія въ Лиссабонѣ, въ 1755 г., температура источника, называемаго *Источникомъ Королевы* въ Баньер-де-Люшонъ, въ Пиринеяхъ, внезапно возвысилась на 75° по Фаренгейту, видоизмѣнивъ этотъ холодный источникъ въ источникъ 122° Ф. тепла, которое онъ и удержалъ съ тѣхъ поръ. Точно такъ же замѣчено, что горячіе источники въ Баньер-де-Бигорръ, въ томъ же самомъ горномъ хребтѣ, перешли внезапно въ холодные во время большаго землетрясенія, бывшаго въ томъ мѣстѣ въ 1660 году и разрушившаго много домовъ въ городѣ.

«Найдено, что теплые источники Пиринеевъ, Альпъ и многихъ другихъ странъ расположены по линіямъ, вдоль которыхъ произошелъ разрывъ земной коры, и обыкновенно тамъ, гдѣ скалы были вытѣснены или смѣщены. Полагаютъ вообще, что подобныя перемѣщенія въ твердой корѣ земли опредѣлили мѣстности, въ которыхъ прорвались наружу дѣйствующіе и потухшіе волканы; такъ-какъ многіе изъ нихъ часто представляютъ линейное распредѣленіе, то и положеніе теплыхъ источниковъ кажется опредѣленнымъ большими линіями ращелины. Другое соединяющее звѣно между вулканомъ и теплымъ источникомъ примѣчается въ большомъ обилии теплыхъ ключей въ странахъ, въ которыхъ время отъ времени случаются вулканическія изверженія. Въ тѣхъ же межахъ воды достигаютъ случайно температуры кипѣнія, въ то время какъ нѣкоторыя прилежащія трещины выпускаютъ значительное количество пара надъ кипящимъ ключомъ. Но по мѣрѣ того, какъ мы отступаемъ отъ большихъ центровъ огненной дѣятельности, теплые источники встрѣчаются рѣже и показываютъ меньшую среднюю цифру тепла. Исключенія изъ этого правила бывають въ тѣхъ частяхъ Альпъ и Пиринеевъ, которыя были сильно возмущены новѣйшими землетрясеніями.

«Преслѣдуя далѣе наше сравненіе между теплымъ источникомъ и вулканомъ, замѣтимъ, что вода источника представляетъ намъ тѣ же громадные клубы водянаго пара, которые такъ обильно поднимаются по днямъ, а иногда и по недѣлямъ изъ кратеровъ во время изверженія. Но по всей вѣроятности намъ возразить, что если мы и сопоставляемъ дѣятельность двухъ упомянутыхъ

агентовъ, то не можемъ во всякомъ случаѣ не замѣтить недостатка аналогій между ними — въ одномъ отношеніи — именно не можемъ не замѣтить недостатка въ тепломъ источникѣ силы выбрасывать на поверхность земли изъ большихъ глубинъ объемистыхъ массы твердаго вещества, соответствующиыхъ гирдамъ шлаковъ и потокамъ лавы, которые вулканъ изливаетъ на землю. На подобное возраженіе можно отвѣтить, что количество твердыхъ какъ и газообразныхъ веществъ, переносимыхъ источниками изъ внутренности земли на ея поверхность, гораздо значительнѣе, нежели, какъ обыкновенно представляютъ. Теплыя воды Бата далеко не замѣчательны между европейскими теплыми источниками по количеству минеральнаго вещества, содержащагося въ нихъ во отношеніи къ водѣ, дѣйствующей какъ растворяющая жидкость; тѣмъ не менѣе, проф. Рамсэ (Ramsey) вычислилъ, что еслибы серно-кислые известь и натръ, хлористыя соединенія калия и магнія и другіе минеральные ингредиенты, заключающіеся въ водахъ Бата, отвердѣли, они образовали бы въ теченіе одного года квадратную колонну 9-ти ф. въ поперечникѣ и не менѣе 140 ф. высоты. Вся эта масса теперь тихо уносится потокомъ прозрачной воды, въ незамѣтномъ видѣ, въ Эвонъ, а этой рѣкою въ море; но еслибы вмѣсто такого передвиженія, твердое вещество отлагалось вокругъ жерла изверженія, подобно кремнистымъ слоямъ, покрывающимъ кругообразный бассейнъ исландскаго гейзера, мы увидѣли бы чрезъ нѣкоторое время образованіе значительнаго конуса съ кратеромъ посреднимъ; и еслибы дѣятельность источника перемежалась, такъ чтобъ проходило десять или двадцать лѣтъ между періодами наслоеній твердой матеріи, то въ промежутокъ трехъ столѣтій, какъ это было для Везувія между 1306 и 1631 гг., новоотложеніе получилось бы въ такомъ большомъ размѣрѣ, что не могло бы представить никакого повода возражать сравненію теплаго источника съ перемежающимся изверженіями вулкана.

«Dr. Добени, посвятившій мѣсяцъ анализу батскихъ водъ въ 1833 г., свидѣтельствуетъ, что ежедневное развитіе изъ нихъ азотнаго газа достигаетъ не менѣе 250 куб. ф. объема. Этотъ газъ, какъ замѣчаетъ онъ, характеризуетъ не одни теплые источники, но и весьма обильно выдѣляется изъ вулканическихъ кратеровъ во время изверженій. Въ обоихъ случаяхъ, мистеръ Добени, однако, предполагаетъ, что азотный газъ можетъ происходить изъ атмосфернаго воздуха, который всегда растворяется въ дождевой водѣ и, когда эта вода просачивается чрезъ земную кору, уносится ею на значительныя глубины, такъ что достигаетъ разогрѣтой среды. Достигнувъ этой среды, воздухъ можетъ быть подверженъ раскисляющему процессу, и такимъ образомъ азотъ можетъ быть вновь вытѣсненъ наружу расширяющей силой тепла и пара или же гидростатическимъ давленіемъ.

«Углекислый газъ составляетъ другую улетучивающуюся составную часть батскихъ водъ. Dr. Густавъ Бишофъ (Bischoff), въ

своемъ новомъ потонномъ трудѣ о химической и физической геологии, говоря о выдѣленіяхъ этого газа, замѣчаетъ, что они всеобщы и начинаются на большихъ глубинахъ и становятся тѣмъ обильнѣе, чѣмъ глубже спустимся мы отъ поверхности земли. Температура батскихъ водъ видоизмѣняется въ различныхъ источникахъ отъ 117° до 120° Ф. Такая температура замѣчательно высока, какъ мы выше замѣтили, если мы примемъ въ соображеніе большую удаленность Бата отъ ближайшаго региона дѣйствующихъ или недавно потухшихъ вулкановъ и сильныхъ землетрясеній. Теплыя воды Аахена имѣютъ нѣсколько высшую температуру, именно 135° Ф., но онѣ расположены въ сорока миль отъ тѣхъ вулканическихъ конусовъ и потоковъ лавы Эйфеля, которые хотя и прекратили свою дѣятельность раньше древнѣйшихъ историческихъ свидѣтельствъ, тѣмъ не менѣе принадлежатъ къ новѣйшему геологическому періоду. Батъ удаленъ на 400 миль отъ этой части Германіи и на 440 миль отъ Оверня—другаго вулканическаго региона, геологически современнаго по дѣятельности первому. Когда оба эти региона въ Германіи и во Франціи были театрами частыхъ вулканическихъ потрясеній, мы имѣемъ всѣ основанія полагать, что и Англія, въ то время, также была часто потрясаема болѣе сильными ударами, чѣмъ теперь. И потому-то я мало сомнѣваюсь, чтобы батскіе источники, подобно большей части другихъ теплыхъ водъ, не указывали намъ мѣстоположеніе большого сотрясенія и разрыва въ земной корѣ въ какой-либо прежній періодъ и не слишкомъ давній въ геологическомъ смѣслѣ.

«Если мы примемъ теорію, на которую указывали выше, что свободный азотъ происходитъ отъ раскисленія атмосфернаго воздуха, увлекаемаго вглубь земли дождевыми водами, то прилагая ее къ нашему случаю, мы должны предположить, что запасъ минеральной воды доставляется какой-либо возвышенной мѣстностью, можетъ быть и довольно удаленною отъ насъ, и что вода эта нисходитъ по разсѣлинамъ и порамъ скалъ вглубь земли, пока не встрѣчаетъ нѣкоторой массы раскаленнаго вещества, которымъ обращается въ паръ и затѣмъ выгоняется наружу чрезъ отверстія въ землѣ. Въ своемъ теченіи внизъ, эта вода должна принимать по пути сѣрнокислую известь, хлористый кальцій и другія вещества отъ разложенія гнса, солонцоватыхъ, известковыхъ и другихъ составныхъ частей просачиваемыхъ ею скалъ. Большая часть ингредиентовъ батской воды входитъ также и въ составъ морской воды; но анализъ батскихъ источниковъ Меркомъ и Галлоуенъ показываетъ, что относительная пропорція твердаго вещества въ растворѣ ихъ далеко несходна съ пропорціей его въ морской водѣ; хлористый магній въ батской водѣ положительно преобладаетъ, такимъ образомъ, что на галлонъ (*)

(*) Галлонъ—0,86 рус. ведра.

приходится 14 граммов хлористаго магнія на 12 обыкновенной соли, между тѣмъ какъ въ морской водѣ — 27 граммовъ соли, то-есть хлористаго натрія—на 4 гр. хлористаго магнія. Что нѣкоторые минеральныя источники должны получать неистощимый запасъ минеральной воды, чрезъ трещины и пористыя скалы, изъ ложа океана—въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, особенно если мы примемъ, что смежность почти всѣхъ дѣйствующихъ вулкановъ съ моремъ должна имѣть соотношеніе съ доступомъ соленой воды въ подземныя фокусы вулканическаго жара.

«Проф. Роскоѣ изъ Манчестера былъ приглашенъ недавно сдѣлать тщательный анализъ батскихъ водъ, и открылъ въ нихъ три металла, которые до сихъ поръ и не предполагались входящими въ ихъ составъ, именно—мѣдь, стронцій и литій; но онъ напрасно старался найти въ нихъ цезій и рубидій — два новыхъ металла, существованіе которыхъ открыто намъ въ послѣднее время такъ называемымъ *Спектральнымъ анализомъ*. Согласно методу этого анализа, присутствіе неизмѣрно-малыхъ количествъ, которыя не могутъ быть открыты помощью обыкновенныхъ приемовъ, обнаруживается совершенно явственно для глаза дѣйствіемъ свѣта. Такимъ образомъ, напримѣръ, твердое вещество, какъ остатокъ, полученный чрезъ выпариваніе минеральной воды, вводится на платиновой проволоку въ безцвѣтное пламя газа. Твердое вещество, испаряясь, окрашиваетъ своими парами пламя, свѣтъ отъ котораго пропускаютъ чрезъ призму и рассматриваютъ въ небольшой телескопъ или *спектроскопъ*, какъ называютъ его; въ разложенномъ такимъ образомъ свѣтовомъ лучѣ (спектрѣ) замѣчаютъ одну или нѣсколько широкихъ линій или полосъ, которыя, смотря по ихъ положенію, числу и цвѣту, указываютъ на присутствіе различныхъ элементарныхъ тѣлъ.

«Проф. Бунзенъ въ Гейдельбергѣ, первый проложилъ путь, въ 1860 г., въ примѣненіи этого новаго анализа къ разложенію теплыхъ водъ Баден-Бадена и Дюркгейма (Dürkheim) въ Пфальцѣ. Онъ замѣтилъ въ спектрѣ нѣсколько окрашенныхъ линій, о которыхъ онъ не могъ сначала составить никакого опредѣленнаго заключенія, но рѣшился настойчиво преслѣдовать загадку. Это было нелегкое дѣло, потому что ему пришлось выпарить 50 тоннъ (*) минеральной воды, чтобъ получить 200 грамъ твердаго остатка, который состоялъ изъ солей двухъ новыхъ металловъ. Онъ назвалъ одинъ изъ нихъ *цезіемъ*, по синеваго-сѣрымъ линіямъ, представляемымъ имъ въ спектрѣ, и второй—*рубидіемъ*, по краснымъ полосамъ, оставляемымъ имъ въ спектрѣ. Послѣ этихъ удачныхъ опытовъ, въ 1861 г. былъ открытъ г. Круксомъ (Stokes) металлъ *таллій*, названный такъ по зеленому цвѣту его спектральной полосы и, наконецъ, четвертый металлъ, названный, по индиговому цвѣту своей спектральной полосы, *индіемъ*,

(*) 1 тонна—8,02 ру с. ведръ.

былъ открытъ проф. Рихтеромъ въ Фрейбергѣ, въ Саксоніи, въ цинковой рудѣ изъ Гарца. Нѣтъ возможности не догадываться, что чудесная цѣлебная дѣйствительность нѣкоторыхъ минеральныхъ источниковъ, какъ теплыхъ такъ и холодныхъ, съ которой не могутъ соперничать никакія искусственно приготовляемыя воды, не имѣла бы соотношенія съ присутствіемъ одного или нѣсколькихъ изъ этихъ элементарныхъ тѣлъ, остававшихся до весьма недавняго времени неизвѣстными; по всей вѣроятности, нѣкоторые изъ вновь найденныхъ ингредиентовъ, если они будутъ добыты въ большихъ количествахъ, могутъ снабдить медицинскую науку средствами побѣждать болѣзни, насмѣхавшіяся до сихъ поръ надъ всѣми усиліями врачебнаго искусства.

«Въ то время, какъ я преслѣдовалъ свои изысканія надъ батскими источниками, я случайно узналъ, что открытъ теплый источникъ на большой глубинѣ отъ поверхности земли (1350 ф.) въ мѣдной рудонинѣ, недалеко отъ Редруса (Redruth) въ Корнваллсѣ. Проф. Уильямъ Эллен-Миллеръ нашелъ, помощью анализа, что количество твердаго вещества въ этомъ источникѣ превышаетъ болѣе чѣмъ вчетверо пропорцію, содержащую въ такомъ же количествѣ воды батскихъ источниковъ. Отличительной характеристичной чертой минеральной воды редрусскаго источника представляется чрезвычайное обиліе въ немъ металла *литія*, котораго лишь слѣды замѣчены проф. Роскоѣ въ батскихъ источникахъ; металлъ этотъ составляетъ не менѣе одной двадцать-шестой части всего твердаго, содержамаго въ водѣ источника.

«Литій впервые былъ открытъ въ 1817 г. Арфведзеномъ, и считался съ того времени чрезвычайно рѣдкимъ металломъ, пока Бунзенъ и Кирхгофъ, въ 1860 году, не нашли, помощью спектральнаго анализа, что онъ составляетъ одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ элементовъ и существуетъ въ небольшихъ количествахъ почти во всѣхъ минеральныхъ водахъ, въ морской водѣ, въ молокѣ, въ человѣческой крови и въ золѣ нѣкоторыхъ растений. Металлъ этотъ былъ уже употребляемъ въ медицинѣ, и потому мы можемъ надѣяться, что сдѣлавшись болѣе доступнымъ въ большихъ количествахъ и менѣе рѣдкимъ, чѣмъ до анализа редрусскаго источника, онъ окажется въ высокой степени цѣннымъ въ приложеніяхъ.

«Теплые источники, по большей части, снабжены щелочами и другими весьма растворимыми веществами и, по обыкновенію, не содержатъ въ себѣ драгоцѣнныхъ металловъ: золота, серебра, платины, а также мѣди, олова, свинца и многихъ другихъ; легкій слѣдъ мѣди въ батскихъ источникахъ представляетъ исключительное явленіе. Тѣмъ не менѣе предполагаютъ, и довольно упорно, что существуетъ нѣкоторая родственная связь между дѣйствіемъ теплыхъ водъ и наполненіемъ разсѣдинъ металлическими рудами. Составные элементы этихъ рудъ могли, впервыхъ, подняться изъ большихъ глубинъ земли въ парообразномъ

состояніи или въ видѣ раствора, въ сильно нагрѣтой водѣ, и затѣмъ осадится на стѣнахъ трещины, какъ скоро поднимавшіеся пары или жидкость начали терять часть своего прежняго тепла. Почти все, за исключеніемъ щелочныхъ металловъ, кремневой кислоты и нѣкоторыхъ газовъ, могло такимъ образомъ остаться назадъ значительно ранѣе того, какъ источникъ достигъ поверхности земли. Если мы примемъ эту теорію, то необходимо должны отсюда заключать, что металлическая часть трещины, первоначально на тысячи футовъ или саженей глубины, никогда бы не могла обнаружиться въ регионахъ, доступныхъ рудокону, пока бы она не была поднята рядомъ внутреннихъ возмущеній и пока верхнія части той же трещины съ ихъ содержаніемъ и скалами, пронизанными металлическою жилою, не были бы размыты водою. Но за нѣскольکو вѣковъ, прежде чѣмъ эти измѣненія совершились бы, минеральные источники должны бы прекратить свое дѣйствіе; такимъ образомъ недостатокъ тождественности между минеральными ингредиентами теплыхъ источниковъ и содержаніемъ металлическихъ жилъ, вмѣсто того, чтобы возстановлять противъ ихъ тѣсной взаимной связи, говорить намъ въ пользу того, что какъ тѣ, такъ и другія составляютъ взаимно-дополняющіе результаты одного и того же естественнаго процесса.

«Но существуютъ, кромѣ того, отличительныя черты въ строеніи земной коры, болѣе загадочныя по своей природѣ, чѣмъ явленія металлическихъ жилъ, на которыя изслѣдованіе теплыхъ источниковъ пролило свѣтъ—я хочу сказать о метаморфизмѣ осадочныхъ скалъ. Пласты земной коры различной древности, многіе изъ нихъ нѣкогда полные органическими остатками, сдѣлались частью или вполне кристаллическаго сложенія. Вообще принято считать тепло главнымъ виновникомъ въ такомъ расположеніи частицъ матеріи, которое, когда метаморфизмъ достигнетъ полнаго развитія, изглаживаетъ всякіе слѣды залегающихъ въ пластахъ ископаемыхъ. Хотя горныя массы въ нѣсколько миль длины и ширины и въ нѣсколько тысячъ футовъ высоты подверглись такому измѣненію, всегда оставалось труднымъ объяснить, какимъ образомъ извѣстное количество тепла, способное произвести такую полную перемѣну въ молекулярномъ строеніи осадочныхъ массъ, могло начать дѣйствовать, не уничтоживъ совершенно послѣдняго признака наслоенія точно такъ же, какъ и органической структуры пластовъ.

«Разнообразные опыты привели къ заключенію, что минералы, которые входятъ чрезвычайно обильно въ составъ метаморфическихъ скалъ, не были образованы кристаллизацией изъ расплавленнаго состоянія или сухимъ путемъ, но что они произошли изъ жидкихъ растворовъ или мокрымъ путемъ—процессомъ, требующимъ значительно меньшей степени напряженности тепла. Теплые источники, напитанные углекислою и фтористоводородною кислотами (часто находимую въ нихъ въ небольшихъ количествахъ), составляютъ могущественныя причины разложенія и хи-

нитеской реакціи въ скалахъ, чрезъ которыя они процѣживаютъ. Если, слѣдовательно, большія количества горячей воды проникаютъ горныя массы на большихъ глубинахъ, онѣ могутъ, съ теченіемъ времени, сообщить имъ кристаллическое сложеніе; и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, пласты, ниже расположенные и старѣйшіе по образованію, могутъ сохраниться относительно нетронутыми, удерживая свои ископаемые остатки неизгладимыми, между тѣмъ какъ пласты новѣйшаго образованія сдѣлаются метаморфическими. Дѣйствительность такого гидро-термическаго дѣйствія была великолѣпнымъ образомъ подтверждена въ послѣдніе годы опытами и наблюденіями Сенармона, Добре, Делесса, Шерера, Стерри Гонта и др.

Но нѣкоторые геологи, познакомившись съ дѣятельностью въ обширныхъ размѣрахъ воды въ образованіи минераловъ вулканическихъ и гранитныхъ скалъ, въ послѣднее время тѣмъ болѣе еще устраиваютъ дѣятельность напряженнаго тепла по отношенію къ образованію кристаллическихъ и сланцевыхъ породъ. Талъ-какъ вода входитъ въ большихъ размѣрахъ въ кварцевые и нѣкоторые другіе минералы, а слѣдовательно играетъ немаловажную роль въ составѣ земной коры, то отсюда слѣдуетъ, что при плавленіи скалъ должна появиться вода, независимо отъ снабженій дождевой и морской воды, которыя достигаютъ регионовъ подземнаго жара. Но точка, до которой расплавленная матерія должна охладиться, прежде чѣмъ остѣть или кристаллизоваться въ лаву или гранитъ, не представляетъ какой-либо признака степени тепла, которую должна была требовать та же самая матерія, когда она находилась въ расплавленномъ состояніи и могла образовать озера и моря во внутренности земной коры.

Мы узнаемъ изъ опытовъ Бунзена на большомъ исландскомъ ледникѣ, что на глубинѣ только 74 футовъ, на днѣ трубки, гдѣ вода, кажется, могла бы сохранить одинаковое съ остальною состояніе, однакоже имѣетъ 120° тепла по стоградусному термометру или 248° Ф. Чѣмъ, поэтому, не можетъ быть температуръ такой воды на глубинѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ? Она можетъ достигнуть ниже, подъ давленіемъ, температуры бѣлокалильнаго жара; что же касается лавы, тѣ, кто видѣли ея появленіе на поверхности земли, какъ я, напримѣръ, въ 1858 году, изъ юго-западныхъ трещинъ Везувія, съ бѣлою и раскаленною поверхностью, сходною съ поверхностью солнца, и кто чувствовали опалаящій жаръ, лучеспускаемый ею—должны составить высокое представленіе о напряженной температурѣ той же лавы на днѣ вертикальнаго столба въ нѣсколько миль вышиною, и въ сообщеніи съ большимъ резервуаромъ расплавленнаго вещества, которое, еслибы начало остывать и не получало дальнѣйшихъ приращеній тепла, потребовало бы цѣлый геологическій періодъ для своего остыванія. Теплые источники могутъ почтяться въ числѣ наиболее дѣятельныхъ виновниковъ такого долговременнаго остыв-

ванія, медленно отылекая у подземной расплавленной массы тотъ жаръ, который, мы видимъ, уносится въ скрытомъ состоянн въ клубахъ пара изъ вулканическаго кратера во время изверженія или изъ потока лавы въ продолженіе ея остыванія. Болѣе чѣмъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, г. Скропъ (Scrope), въ своемъ сочиненн о вулканахъ, наставлялъ на важной роли, какую играетъ вода въ вулканическомъ изверженн, сообщая, по его мнѣнн, подвижность наиболѣе твердымъ матеріаламъ жидкой массы.

«Точная природа химическихъ переменъ, которыя вызываетъ геотермическое дѣйствіе во внутренности земли, долго будетъ оставаться темной для насъ, потому что регионы, въ которыхъ проходятъ эти переменны, недоступны человѣку; но образъ измѣненія вулканами своего положенія въ продолженіе ряда вѣковъ — они потухали въ одной мѣстности и появлялись въ другой — можетъ, однакоже, объяснить намъ возвышеніе теня но мѣрѣ углубленія внутрь земли, безъ необходимости прибѣгать для этого къ теорн центрального жара или огненной жидкости земнаго ядра.

«Я намекнулъ вначалѣ, что теплые источники Бата могутъ быть невысокой древности въ геологическомъ смыслѣ не потому, чтобъ я могъ утвердить это мнѣнн какими либо положительными доказательствами, но я заключаю о томъ по громаднымъ переменамъ, которыя претерпѣла эта мѣстность съ того времени, какъ британскія моря, рѣки и озера были отбрасываемы уже существующими въ наше время черепокожими. Уже болѣе четверти столѣтн прошло съ тѣхъ поръ, какъ сэръ Родерикъ Мурчиссонъ впервые говорилъ о мэльвернскихъ рукавахъ, подразумевая подъ ними морской рукавъ, отдѣлившій когда-то Уэльсъ отъ Англіи. Что эти морскіе рукава дѣйствительно простирались въ новѣйшій періодъ между лиманами Сѣвернымъ и Ди — недавно подтверждено удовлетворительнымъ образомъ открытн морскихъ раковинъ недавнихъ видовъ въ нанесенныхъ пластахъ, покрывающихъ возвышенность, раздѣляющую эти лиманы. Въ то время, когда эти раковины жили, коствольдовы холмы, у подножія которыхъ расположенъ этотъ городъ, составляли одинъ изъ многочисленныхъ острововъ архипелага, на вторн раздѣлялись тогда Англія, Шотландія и Ирландія. Количество вертикальнаго давленія, чтобъ видоизмѣнить такое относительное положеніе суши и моря, должно быть весьма велико.

«Нигдѣ въ мнрѣ, на сколько намъ извѣстно, очевидность подъема земной поверхности, доказываемая поднятнми вмѣстѣ съ нею морскими раковинами, такъ не поразительна, какъ въ Уэльсѣ. Г. Дарбишейръ нашелъ здѣсь въ наносныхъ возвышенностяхъ не менѣе сорока-четырехъ ископаемыхъ видовъ раковинъ — всѣ изъ нихъ существуютъ и теперь или въ дальнихъ сѣверныхъ, или въ британскихъ водахъ, а одиннадцать исключительно въ арктическихъ моряхъ. Вся фауна этой мѣстности свидѣтельствуетъ о климатѣ, болѣе холодномъ того, который опредѣленъ теперь въ этихъ широтахъ, хотя и не въ такой

чрезвычайной степени холодною, какъ тотъ, который заставляетъ преобладавать фауна нѣкоторыхъ оледенѣвшихъ наносовъ Шотландіи. Упомянутыя раковины добыты на чрезвычайной высотѣ 1,360 ф. надъ поверхностью морскаго уровня; онѣ свидѣтельствуютъ намъ о поднятій на эту высоту морскаго ложа во время живущихъ видовъ черепокожихъ.

«Достоверность существованія періода большого холода въ Англіи и Сѣверной Америкѣ въ упоминаемое нами время такъ всеобща признава геологами, что здѣсь я лишь краткѣ упомяну о вѣроятныхъ причинахъ охлажденія центральной Европы въ занимающую насъ эпоху. Одна изъ этихъ причинъ, впервые заявленная одиннадцать лѣтъ тому назадъ однимъ изъ знаменитыхъ швейцарскихъ геологовъ, не приобрѣла, мнѣ кажется, вполне заслуженнаго вниманія. Когда я предложилъ, въ 1833 г., теорію, что перемѣна въ физической географіи могла повести къ тѣмъ переворотамъ въ климатѣ, которыя испытала земная поверхность въ послѣдовательныя эпохи, многіе возражали, что признаки возвышенія и пониженія земной коры слишкомъ мѣстны, чтобы ихъ можно было принимать въ соображеніе для такихъ общихъ перемѣнъ температуры. Это возраженіе, казалось, имѣло особенное значеніе въ приложеніи къ ледяному періоду по краткости, въ геологическомъ смыслѣ, времени, прошедшаго съ тѣхъ поръ. Но тѣмъ болѣе разсматриваемъ мы памятники вѣковъ, предшествовавшихъ историческому періоду, тѣмъ рѣшительнѣе являются доказательства повсемѣстнаго измѣненія въ положеніи, глубинѣ и высотѣ морей, континентовъ и горныхъ цѣпей отъ начала ледянаго періода. Метеорологи также въ послѣднее время пришли къ убѣжденію, что количество снѣга и льда въ извѣстныхъ широтахъ не зависятъ единственно отъ высоты горныхъ цѣпей, но также отъ расположенія окружающихъ морей и суши даже на значительныя разстоянія.

«Г. Эшеръ (Escher) изъ Лянты высказалъ, въ 1852 г., свое мнѣніе, что если правда, какъ предполагалъ Риттеръ, что большая африканская степь или Сахара была затоплена въ продолженіе послѣ-третичнаго періода, то такое затопленіе можетъ объяснить намъ, почему англійскіе ледники достигали такъ недавно такихъ колоссальныхъ размѣровъ, которые, Венетцъ и Шарпантье, разсуждая о геологическихъ эпохахъ, указали въ нихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Эшеръ высказалъ впервые эту догадку, фактъ, что Сахара дѣйствительно была покрыта моремъ и не въ весьма отдаленный отъ насъ періодъ времени, подтвержденъ уже многими новыми доказательствами. Почтенный швейцарскій геологъ (Эшеръ) самъ только что возвратился изъ экспедиціи по восточной части алжирской степи, гдѣ его сопровождали г. Десоръ изъ Невшателя и г. Мартенсъ изъ Монпелье. Эти три опытныхъ исследователя убѣдились, что Сахара была подъ водою въ продолженіе періода существующихъ видовъ черепокожихъ. Но еще въ 1856 г. мы узнали изъ мемуара г. Шарля Лорана, что пески

Сахары тождественны съ песками ближайшихъ береговъ Средиземнаго моря и содержатъ между другими недавними раковинами и *обыкновенную трѣбенку* (*Cardium edule*); они простираются на обширное пространство этой степи отъ запада къ востоку; упоминаемыя же раковины находимы не только на ея поверхности, но и извлекаются изъ глубины 20 фут. помощью артезианскаго сверла. Эти раковины встрѣчаются на возвышенностяхъ болѣе 900 футовъ надъ морскимъ уровнемъ и въ землѣ на 300 ф. ниже этого уровня, такъ-какъ въ Африкѣ и Западной Азии встрѣчаются пониженія почвы ниже морскаго уровня. Та же самая *трѣбенка* найдена до сихъ поръ живущей во многихъ соляныхъ озерахъ Сахары; поверхностныя наслоенія соли во многихъ мѣстахъ этой степи указываютъ, кажется, также на осушеніе испареніемъ многихъ внутреннихъ морей въ этой степи. Древнее море простиралось, кажется, нѣкогда отъ залива Кэбъ въ Тунисѣ до западнаго берега Африки, на сѣверъ отъ Сенегамби, въ ширину на нѣсколько сотъ миль (800, по соображеніямъ г. Тристрама). Возвышенности берберійскихъ владѣній, включая Марокко, Алжиръ и Тунисъ, были отдѣлены въ этотъ періодъ моремъ отъ остальной Африки. Все, что мы узнаемъ отъ зоологовъ и ботаниковъ, относительно фауны и флоры этой части Африки, благоприятствуетъ нашей гипотезѣ, и, кажется, въ то же время указываетъ на прежнюю связь этихъ странъ съ Испаніей, Сициліей и Южной Италіей.

«Въ какомъ бы направленіи мы ни взглянули, повсюду встрѣчаемъ основанія предполагать, что карта Африки въ ледяной періодъ не болѣе походитъ на наши настоящія карты этого континента, чѣмъ Европа на Сѣверную Америку. Если же—заключаетъ Эшеръ—Сахара была моремъ, намъ станетъ понятно, почему альпійскіе ледники нѣкогда достигли такихъ гигантскихъ размѣровъ, и почему они оставили такія огромныя морены на равнинахъ Сѣверной Италіи и въ нижней части Швейцаріи. Швейцарскіе крестьяне, говоря о таяніи снѣга, выражаются, что солдце ничего не можетъ сдѣлать безъ *фѣна* (*Föhn*)—названіе, придаваемое ими извѣстному *сирокко*. Этотъ вѣтеръ дуетъ иногда цѣлые дни чрезъ Средиземное море, унося съ собою пламенный жаръ Сахары, отъ котораго таятъ снѣга Апеннинъ и Альповъ.

«Г. Дендлеръ, въ мемуарѣ по этому предмету, замѣчаетъ, что фѣнъ дулъ бурно на Алжиръ 17 іюля 1841 г., и затѣмъ, пробѣжавъ Средиземное море, достигнулъ Марсели въ теченіе шести часовъ. Въ послѣдующіе пять часовъ онъ былъ уже въ Женевѣ и въ Вале, поваливъ большое количество лѣса въ послѣднемъ округѣ; между тѣмъ, въ кантонахъ Цюрихъ и Гривонсѣ онъ внезапно превратилъ листья на многихъ деревьяхъ изъ зеленыхъ въ желтые. Въ нѣсколько часовъ свѣжескошенная трава высохла и стала годной для склади въ стоги. Проходя надъ альпійскими снѣгами, сирокко, хотя и поглощаетъ много влаж-

ности, однакоже далеко еще не достигаютъ точки насыщения, когда доходить до подъ-альпійской страны на сѣверъ отъ большой цѣпи. Гг. Эшеръ и Денцлеръ замѣтили, въ разное время, что снѣгъ толщиною въ одинъ футъ исчезалъ въ четыре часа подъ дуновеніемъ этого вѣтра. Нѣтъ ничего удивительнаго, слѣдовательно, что сирокко весьма страшенъ по причинѣ большихъ наводненій, которая оны производить иногда. По наблюденію г. Иршера въ телескопъ изъ нѣвшательской обсерваторіи, снѣжная линія Альпъ ежедневно поднималась весьма значительно, когда дулъ этотъ вѣтеръ. Его вліяніе никоимъ образомъ не ограничивается лѣтнимъ временемъ: такъ зимою 1852 г., сирокко постигъ Цюрихъ на Рождествѣ, и въ нѣсколько дней вся окрестная страна очистилась отъ снѣга, даже въ тѣни и на гребняхъ высокихъ горныхъ хребтовъ. Я самъ могъ лучше одѣлать силу дѣйствія этого вѣтра, бывъ въ 1828 г. лично свидѣлемъ въ Сициліи таинія подъ дѣйствіемъ его въ ноябрѣ мѣсяцѣ снѣговъ, покрывавшихъ тогда вершину и возвышенныя части горы Этны. Я не могъ войти на верхушку горы, пока лился съ нея потокъ воды, но въ продолженіе тридцати-шести часовъ пламенное дыханіе сирокко сняло съ горы весь ея бѣлый снѣжный покровъ, и я могъ уже безъ затрудненія войти на нее.

«Всѣмъ извѣстно уже, что число дней, въ которые преобладаютъ извѣстные вѣтры, изъ года въ годъ, значительно измѣняется. Между 1812 и 1820 г., фѣнь дулъ на Швейцарію меньшее число дней, чѣмъ обыкновенно, и какой же былъ результатъ? Всѣ ледники, въ продолженіе этихъ восьми или девяти лѣтъ, значительно возрасли на высоту и сползли въ долины ниже своихъ прежнихъ предѣловъ. Много подобныхъ примѣровъ можетъ быть приведено въ подтвержденіе чувствительности льда къ малѣйшимъ переѣнамъ температуры. Если одно лишь относительное уменьшеніе числа дней, между 1812 и 1820 г., ежегодно, въ продолженіе которыхъ дулъ сирокко, можетъ произвести такое возрастаніе и движеніе впередъ льда, какъ же велика должна послѣдовать переѣна въ томъ же смыслѣ, если вѣтеръ этотъ совершенно прекратился бы. Но это не можетъ еще дать никакой идеи о томъ, что должно было происходить въ ледяной періодъ, такъ-какъ мы не можемъ предположить, чтобъ дѣйствіе южнаго вѣтра было приостановлено: онъ не оставался празднымъ, но его характеръ былъ совершенно отличный и прямо противоположный настоящему при вышеразсмотрѣнныхъ измѣненіяхъ географическихъ условій. Воверныхъ, вмѣсто того, чтобъ проходить по сухой и накаленной степи, между двадцатой и тридцатъ-пятой параллелями широты, онъ долженъ былъ вполне напитаться влагою, проходя надъ моремъ въ нѣсколько сотъ миль ширины. Затѣмъ, въ движеніи надъ Средиземнымъ моремъ, онъ еще болѣе долженъ былъ обогатиться содержаніемъ водяныхъ паровъ, и когда, послѣ такого полнаго насыщенія ими, онъ ударался въ Альпы, то долженъ былъ подниматься въ болѣе

высокія и болѣе разрѣженныя части атмосферн. Здѣсь воздушный токъ, по охлажденіи, долженъ былъ отдѣляться отъ своей водяной ноши въ видѣ снѣга, такъ что тотъ же самый вѣтеръ, который зовутъ теперь «поглотителемъ снѣга», долженъ былъ въ ту эпоху быть его главнымъ питателемъ.

«Если мы принимаемъ такимъ образомъ теорію Эшера, какъ объясняющую въ удовлетворительной степени объемъ ледниковъ Швейцаріи и Сѣверной Италіи, намъ ничто не мѣшаетъ признать въ то же время и предположеніе Шарпантье, что Альпы въ ледяной періодъ были на 2000 или на 3000 футовъ выше, чѣмъ теперь. Такая разница въ высотѣ могла быть добавочной причиной чрезвычайнаго холода, и кажется наиболѣе вѣроятной теперь, когда мы приобрѣли несомнѣнные доказательства такихъ большихъ колебаній уровня въ Уэльзѣ въ упоминаемый періодъ. Въ свою очередь мы можемъ воспользоваться и другимъ источникомъ охлажденія, который совпадалъ по времени съ затопленіемъ Сахары, именно уклоненіемъ гольфштрома отъ его настоящаго теченія. Видъ Европы и Сѣверной Америки или очертанія земли и моря, такъ много уклонялись сперва отъ вновь установившихся теперь, что мы не можемъ предположить, чтобъ гольфштромъ въ тотъ періодъ совершалъ свое настоящее теченіе чрезъ Атлантическій Океанъ, именно въ сѣверо-восточномъ направленіи. Если теченіе это приметъ нѣкоторое иное направленіе, климатъ Сѣверной Шотландіи долженъ согласно вычисленіямъ г. Гопкинса, претерпѣть уменьшеніе въ средней годовой температурѣ на 12° Ф., въ то время, какъ на Альпахъ потерять 2° Ф. Комбинація всѣхъ перечисленныхъ условій сликомъ достаточна, безъ сомнѣнія, чтобъ произвести такую большую перемену въ климатѣ и объяснить намъ чрезвычайный холодъ, который развился въ относительно новый періодъ исторіи земли. Но даже еслибы мы и приняли одновременное дѣйствіе этихъ трехъ причинъ, мы никоимъ образомъ не истощимъ всѣхъ ресурсовъ, которыми можетъ снабдить насъ вліяніе различія въ географическомъ положеніи земнаго шара. Такимъ образомъ, на примѣръ, мы можемъ предполагать, что высота и количество суши близъ сѣвернаго полюса были значительнѣе въ упоминаемую эру, чѣмъ теперь.

«Огромная механическая сила, которую оказывалъ ледъ въ ледяной періодъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, указываетъ на недостатокъ разнообразія въ суммѣ энергій, съ которой дѣйствовала та же самая естественная причина въ двѣ послѣдующія эпохи. Но разсуждая такимъ образомъ, мы не должны забывать, что здѣсь сила льда замѣняется силой стекающей воды. Одна становится могущественнымъ дѣятелемъ въ передвиженіи огромныхъ глыбъ и въ дробленіи стіраціи и полированіи камней, въ то время, какъ другая остается праздною. Еслибы, на примѣръ, древній ледникъ Роны перенесъ свои морены съ верхняго къ нижнему концу Женевскаго озера, тамъ не могла бы образоваться большая рѣка,

как теперь, образу дельту на нѣсколько миль протяженія и нѣсколько футовъ глубиною на верхнемъ краю озера.

«Чѣмъ болѣе мы изучаемъ и понимаемъ географическія перемѣны ледяного періода и переселенія животныхъ и растений, къ которымъ онѣ новели, тѣмъ болѣе возмнщаются наши представленія о продолжительности того подраздѣленія времени, которое, хотя и огромно, если намѣрять его послѣдовательностью обнимаемыхъ имъ событий— было кратко, если мы вычислимъ его по обыкновеннымъ правиламъ геологической классификаціи. Ледяной періодъ былъ, дѣйствительно, лишь эпизодъ въ одной изъ большихъ эпохъ исторіи нашей планеты, потому что обитатели земель и морей, до и послѣ большаго развитія снѣга и льда, остались почти тѣми же самыми. Хотя до сихъ поръ мы не имѣемъ удовлетворительныхъ свидѣтельствъ, чтобы человѣкъ существовалъ въ Европѣ или гдѣ бы то ни было въ продолженіе періода крайняго холода, но наши изысканія въ этомъ отношеніи находятся пока еще въ младенчествѣ. Въ раннюю пору слѣдовавшаго за ледянымъ періода, человѣкъ, какъ найдено, существовалъ въ Европѣ; и обозначая слѣды его существованія отъ исторической эпохи къ непосредственно предшествовавшей ей и такъ далѣе назадъ къ самымъ древнѣйшимъ временамъ, мы постепенно приближаемся къ несходственному географическому положенію вещей, когда климатъ былъ холоднѣе и когда очертаніе материка значительно отличалось отъ господствующаго теперь.

«Археологи были удовлетворены, что въ центральной Европѣ вѣкъ бронзовыхъ орудій предшествовалъ первому нападенію римлянъ на Швейцарію, а въ вѣкъ, предшествовавшій вѣку свайныхъ построекъ швейцарскихъ озеръ, употреблялись каменные орудія. Датскіе *кухонные остатки* (Kitchenmiddens), кажется, принадлежать къ тому же времени; но вѣкъ, называемый г. Ларте *періодомъ стаявшихъ оленей* въ южной Франціи, предшествовалъ вѣрнѣе этому послѣднему, и имѣетъ близкое соотношеніе съ нѣсколько болѣе холоднымъ климатомъ. Но значительно древнѣе былъ вѣкъ грубыхъ подѣлокъ изъ кремня, подобныхъ найденнымъ въ слобѣ диллувіа, близъ Амьена и Аббевиля, перемѣшанныхъ въ томъ же гравіѣ съ костями исчезнувшихъ четвероногихъ, ваковы слонъ, носорогъ, тигръ и гіена. Въ промежутокъ между этими древнѣйшими слѣдами существованія человѣка и настоящей эпохой, долины углубились и расширились, теченіе подземныхъ рѣкъ видоизмѣнилось, и множество видовъ дикихъ четвероногихъ исчезло. Кромѣ того, въ теченіе этихъ вѣковъ, морское же поднялось, во многихъ мѣстахъ, на сотни футовъ выше прежняго своего уровня, и очертанія многихъ морскихъ береговъ совершенно измѣнились.

«Гг. Де-Вернейль и Луи Ларте нашли недавно близъ Мадрида ископаемые зубы африканскаго слона въ слою, заключающемъ въ себѣ такія же грубыя подѣлки изъ кремня, какъ амьенскія и аббевильскія. Но еще прежде, баронъ Анва представилъ доказа-

тельства о существованіи того же слона въ Сициліи, въ послѣ-третичный періодъ, и въротно, во время періода человѣка. Мы нѣмѣь теперь, слѣдовательно, доказательства объ одновременномъ существованіи человѣка съ тремя видами слона, двумя уже исчезнувшими (именно мамонтомъ и *Elephas antiquus*) и третьимъ, существующимъ до сихъ норъ въ Африкѣ. Что касается до перваго изъ нихъ — мамонта, то я знаю, что нѣкоторые писатели оспариваютъ, чтобъ онъ могъ исчезнуть за много десятковъ тысячелѣтій до нашего времени, такъ-какъ мясо его было найдено въ Сибири сохранившимся во льду въ такомъ свѣжемъ состояніи, что могло идти въ пищу собакамъ, медвѣдямъ, волкамъ; но этотъ аргументъ кажется мнѣ обманчивымъ. Въ 1843 г. Миддендорфъ, разрывъ на нѣкоторую глубину замерзшую почву въ Сибири, напалъ на ледяную массу, заключавшую въ себѣ скелетъ мамонта, сохранившася въ такомъ совершенномъ видѣ, что, между прочимъ, у него былъ взятъ глазной зрачокъ, который и до сихъ норъ сохраняется въ московскомъ музеѣ. Никто не станетъ отрицать, что этотъ слонъ пролежалъ нѣсколько тысячъ лѣтъ въ своей ледяной оболочкѣ, и такъ-какъ онъ лежалъ спокойно, а холодъ возрасталъ въ теченіе мириадъ вѣковъ, мы можемъ совершенно основательно допустить, что замерзшее мясо могло оставаться неповрежденнымъ, пока не прошелъ второй ледяной періодъ.

«Когда мы предаемся соображеніямъ о длинномъ рядѣ событій, случившихся въ ледяной и слѣдовавшей за нимъ періоды, воображеніе можетъ смутиться громадностью времени, которое требуется, чтобъ объяснить памятники этихъ эпохъ, по отношенію къ существующимъ видамъ. Чтобы сократить число столѣтій, вначѣе неизбежное, многими выказано расположеніе преувеличить степень переворота въ доисторическія времена, надѣляя причины, измѣнившія одушевленный и неодушевленный міръ, чрезвычайной и чрезмѣрной энергіей. Рассказываютъ объ одномъ великомъ ирландскомъ ораторѣ нашего времени, что когда онъ хотѣлъ сдѣлать какой-то ничтожнѣйшій взносъ на дѣло благотворительности, но былъ убѣжденъ однимъ другимъ сдѣлать болѣе щедрое приношеніе, то это не помѣшало ему перевозносить свой первый, явный недостатокъ великодушія, говоря, что его прекрасная жизнь была постоянной борьбою съ скудными средствами, и что «тѣ, которые родились въ изобиліи, нелегко могутъ представить себѣ, какъ много нужно употребить времени, чтобъ несомнѣнно отдѣлаться отъ послѣдняго симптома озноба бѣдности». Подобнымъ же образомъ и существующее поколѣніе, когда его просятъ сдѣлать уступку въ нѣсколько тысячъ вѣковъ, для объясненія событій того, что называютъ новѣйшимъ періодомъ въ исторіи земли, естественно, сначала морщится предъ такою, кажется, расточительной тратой прошедшаго времени. Наше первоначальное воспитаніе приучило насъ къ такой строгой экономіи во всемъ, что касается до хронологіи земли и ея обитателей въ

отдаленныя времена, мы такъ смутаны были старыми, традиционными вѣрованіями, что даже, когда нашъ разумъ убѣжденъ, и мы понимаемъ, что должны сдѣлать болѣе либеральную уступку во времени геологу, намъ все-таки трудно отдѣлаться отъ «озноба нашей бѣдности».

«Въ заключеніе я хочу возвратѣ воспутъ двухъ пунктовъ, по которымъ между геологами послѣдняго времени произошло постепенное измѣненіе во взглядахъ. Воверныхъ, имѣла ли мѣсто постоянная послѣдовательность событій въ органическомъ и неорганическомъ мірахъ, ненарушаемая насильственными и всеобщими катастрофами; вовторыхъ, можемъ ли мы приобрѣсть ясную достовѣрность о періодѣ, предшествовавшемъ созданію органическихъ существъ на землѣ. Я достаточно старъ, чтобы припомнить, когда геологи догматизировали по обовимъ этимъ вопросамъ совершенно инымъ образомъ, чѣмъ теперь. Я знаю, что теперь болѣе значительное число изъ нихъ склоняется ко взглядамъ противоположнымъ тѣмъ, которыхъ когда-то держались почти всѣ. Что касается перваго вопроса, слѣдуетъ замѣтить, что хотя вѣрованіе въ внезапные и всеобщіе перевороты потеряло подъ собой почву, точно такъ же, какъ доктрина о крутыхъ переходахъ изъ одного ряда видовъ животныхъ и растеній къ другому, весьма различнаго типа, однако же, цѣлый рядъ свидѣтельствъ въ пользу постепенныхъ переходовъ теперь болѣе, чѣмъ когда либо почитается недостаточнымъ. На переходы, конечно, должно смотрѣть, какъ на болѣе совершенныя ступени, потому что теперь многочисленныя недостатки или пробѣлы уже восполнены и въ новоприбавившихся-радахъ мы находимъ много недостававшихъ звеньевъ и различныя промежуточные градаціи между ближайшими союзными формами, прежде извѣстными въ животномъ и растительномъ мірахъ. Между тѣмъ, весь сводъ памятниковъ, которые мы стараемся разобрать, является болѣе отрывочнымъ, чѣмъ прежде. Что касается до меня, то я соглашаюсь съ г. Дарвиномъ смотрѣть на нихъ скорѣе только какъ на частіцу существовавшихъ когда-то созданій, потому что никогда первоначально не образовалось ни одного приближенія къ совершеннымъ видамъ, въ планъ природы никогда не входило оставить полную лѣтопись всѣхъ ея твореній и производствъ для просвѣщенія разумныхъ существъ, которыя могли бы изучать ихъ въ послѣдующіе вѣка.

«Что касается другаго великаго вопроса, именно начала жизненныхъ явленій на нашей планетѣ, послѣднія открытія въ Канадѣ указали, по крайней мѣрѣ, что извѣстныя теоріи, основанныя въ Европѣ единственно на отрицательныхъ свидѣтельствахъ, были совершенно обманчивы. Во время геологическаго обзора Сѣверной Америки подъ искуснымъ руководствомъ сэра Уильяма Логана (Logan), оказалось, что къ сѣверу отъ рѣки св. Лаврентія идетъ обширный рядъ сланцовыхъ и кристаллическихъ скалъ гнейса, слюдянаго сланца, кварцита и известняка, около 40,000

футовъ толщины, названнаго лаврентьевскимъ. Отъ дровѣтъ, чѣмъ старѣйшіе европейскіе пласты съ ископаемыми остатками, тѣ, къ которымъ опрочетчиво былъ отнесенъ первоначальный терминъ жизни. Вопервыхъ, новѣйшая часть этого громаднаго кристаллическаго слоя несходственна съ древними слоями ископаемыхъ остатковъ или такъ называемыми первоначальными пластами, которые покрываютъ его, а потому этотъ послѣдній былъ подверженъ возмущающимъ движеніямъ прежде, чѣмъ первоначальные образовались. Затѣмъ старѣйшая половина лаврентьевскаго слоя несходна съ новѣйшей его частью. Въ этой нижайшей и древнѣйшей системѣ кристаллическихъ пластовъ, былъ найденъ известнякъ около 1,000 ф. толщиною, содержащій органическіе остатки. Эти ископаемые были осмотрѣны Дг. Даусономъ (Dauson) изъ Монреаля, который усмотрѣлъ въ нихъ, помощью микроскопа, явственное строеніе обширнаго вида *Rizomoda*. Прекрасные образцы этого ископаемаго, названнаго *Evoson Canadense* (*), привезены сэромъ Логэномъ въ Батъ, чтобъ быть представленными членамъ ассоціаціи. Мы имѣемъ всѣ причины предполагать, что слои, въ которыхъ найдены эти животные остатки, такъ же древни, если же древнѣе такъ называемыхъ азоначескихъ формацій Европы, такъ-что они предшествуютъ по времени слоямъ, образованіе которыхъ предполагаютъ совершившимся прежде появленія какого либо органическаго существа.

«Но я не хочу вдаваться въ соображенія касательно «знаменій начала» или «чаяній конца» нашей земной системы — этого обширнаго океана научныхъ догадокъ, на которомъ столько предшествовавшихъ теоретиковъ потерпѣли крушеніе.»

Впрочемъ, во всемъ этомъ замѣчательномъ адресѣ, сэръ Чарльзъ отличается заботливой и, надо сказать, благоразумной осторожностью стать окончательно на сторону одной какой либо изъ теорій, волнующихъ въ настоящее время міръ геологовъ.

Предложивъ собранію вотировать благодарность президенту за адресъ, сэръ Родрикъ Мурчисонъ, расходящійся съ сэромъ Чарльсомъ Лайетлемъ по нѣкоторымъ геологическимъ вопросамъ, тѣмъ не менѣе обратился къ собранію съ заявленіемъ, которое какъ нельзя лучше заканчиваетъ адресъ сэра Лайелля, и можетъ быть весьма назидательнымъ для тѣхъ, которые думаютъ, что люди науки никогда не бываютъ согласны въ вопросахъ, которые ставятся съ ихъ предвзятыми взглядами. «Позвольте мнѣ увѣрить это собраніе — сказалъ Мурчисонъ — что по всѣмъ главнымъ эпохамъ, на которыхъ основывается исторія геологіи, мы совершенно согласны: касательно ли правильной преемственности формацій отъ древнѣйшей до позднѣйшей, прогресса ли отъ низшихъ къ высшимъ типамъ жизни, громадныхъ ли періодовъ, необходимыхъ для образованія слоевъ и ихъ частаго видоизмѣненія

(*) То-есть: разсѣвъ канадской жизни.

въ кристаллическія условія путемъ того метаморфизма, которые такъ искусно изложилъ сэръ Лайелль и, наконецъ, въ доказательствахъ, приведенныхъ имъ, что человекъ долженъ былъ существовать одновременно съ нѣкоторыми изъ болѣе позднихъ ископаемыхъ млекопитающихъ. По всѣмъ этимъ предметамъ я держусь одинаковыхъ съ нимъ мнѣній. Я позволилъ себѣ это объясненіе потому, что мнѣ казалось существенно важнымъ, чтобъ публика не разошлась отсюда съ мыслью, что если геологи случайно и сходятся по нѣкоторымъ теоретическимъ вопросамъ, то между ними существуетъ разногласіе въ мнѣніи о великихъ граугольных камняхъ, на которыхъ зиждется ихъ наука.»

«Британская ассоціація способствованія наукъ» раздѣлилась затѣмъ, на слѣдующій день, на нѣсколько специальныхъ отдѣленій, въ засѣданіяхъ которыхъ и читались записки и труды членовъ по различнымъ отраслямъ точныхъ знаній. Между множествомъ сдѣланныхъ такимъ образомъ сообщеній по разнымъ отдѣленіямъ ассоціаціи, лишь весьма немногія имѣютъ всеобщій интересъ, хотя почти всѣ отличаются специальными достоинствами. Вотъ почему мы опускаемъ наложеніе здѣсь статей, имѣющихъ чисто-спеціальныи характеръ, и ограничимся краткимъ сообщеніемъ содержанія и заключеній нѣкоторыхъ остальныхъ.

Въ отдѣленіи физики, д-ръ Миллеръ читалъ весьма интересную статью *О спектрахъ нѣкоторыхъ небесныхъ тѣлъ*, въ которой обратилъ вниманіе на необходимость различенія результатовъ спектральнаго анализа, смотря по тому, прилагается-ли онъ къ изслѣдованію свѣта планетныхъ тѣлъ, двойныхъ звѣздъ или же туманныхъ пятенъ. Присутствіе металловъ, скрытое помощью этого анализа, въ составѣ планетъ и нѣкоторыхъ звѣздъ, указываетъ на составъ ихъ, аналогичный съ составомъ нашей земли, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ элементахъ, между тѣмъ, какъ туманныя пятна, какъ доказываетъ анализъ г. Гюггинса (Huggins) — тѣла газообразныя, характеръ свѣта которыхъ не допускаетъ въ нихъ присутствія какой-либо твердой матеріи. Во время обсужденія этой статьи, г. Бельфоръ Стьюартъ замѣтилъ, что результаты изслѣдованій г. Гюггинсомъ свѣта туманныхъ пятенъ весьма важны, какъ указывающіе на совершенно новую конструкцію ихъ, чѣмъ та, которая принималась до сихъ поръ.

Г. Клоде (Claudet) читалъ длинную и весьма замѣчательную статью *О фотоскульптурѣ* — изобрѣтенія г. Виллема (Willeme), французскаго скульптора. Этотъ послѣдній замѣтилъ, что если снять фотографіи нѣсколькихъ профилей, одного и того же оригинала въ одно время посредствомъ нѣсколькихъ камеръ, расположенныхъ вкругъ, то онъ можетъ попеременно и послѣдовательно исправлять свою модель, сравнивая профильное очертаніе каждой фотографіи съ соотвѣтствующимъ ему по положенію очертаніемъ модели. Но въслѣдствіи онъ необходимо пришелъ къ заключенію, что, вмѣсто того, чтобъ исправлять такимъ образомъ законченную модель, удобнѣе работать пантографомъ надъ гру-

имъ кускомъ глины, и постепенно обдѣлывать его кругомъ, слѣдя за очерками каждой фотографіи. Предпоживъ, что у него имѣется двадцать-четыре фотографическихъ копій съ оригинала, снятыхъ одновременно съ разныхъ точекъ зрѣнія кругомъ, скульптору остается лишь повертывать грубую, глиняную болванку послѣ каждой операціи на соответствующую каждому фотографическому снимку одну двадцать-четвертую круга, обтесать ее согласно этому снимку, и повторить тотъ же приемъ по всѣмъ двадцати-четыремъ фотографіямъ. Въ результатѣ получается статуя или бюстъ, требующая послѣднихъ штриховъ артиста, чтобъ сдѣлаться совершеннымъ подобіемъ оригинала. Г. Клоде, въ заключение сказалъ, что онъ не могъ иллюстрировать лучше процессъ фотоскульптуры, какъ исполнивъ бюстъ президента, сэра Чарльса Лайелля. Фотографическіе снимки съ этого послѣдняго были сдѣланы 16-го августа; пантографъ сдѣлалъ свое дѣло; скульпторъ сдѣлалъ свои послѣдніе штрихи модели — и вотъ совершенно законченный, поразительнаго сходства, бюстъ былъ представленъ собранію.

Въ отдѣленіи зоологій и ботаники, президентъ отдѣленія, д-ръ Грай (Gray) вошелъ, между прочимъ, въ разсужденіе по вопросу объ *аклиматизаціи животныхъ*. Подъ этимъ выраженіемъ слѣдуетъ понимать прирученіе дикихъ животныхъ къ домашней жизни человѣка и разведеніе домашнихъ животныхъ одной страны въ другой. Авторъ полагаетъ, что едва-ли виды дикихъ животныхъ, предлагавшихся до сихъ поръ къ разведенію въ Англіи, могутъ соперничать по способности къ откорму и питательности съ существующими въ настоящее время въ Англіи породами рогатаго скота. Сочленъ автора по отдѣленію, г. Френсисъ Гальтонъ, въ своей статьѣ по тому же вопросу, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ, относительно условій, необходимыхъ для обращенія дикихъ животныхъ въ домашнихъ: 1) они должны быть дюжи и сильны, 2) имѣть природную склонность къ человѣку, 3) любить покой, 4) слѣдуетъ принять во вниманіе, оказываются ли они полезными для дикарей, 5) быть плодовиты и 6) статны. Первое прирученіе животныхъ было слѣдствіемъ полусознательныхъ, продолжительныхъ попытокъ человѣка, и только постепенно и слѣдя опредѣленному подбору родичей, ему удалось прочно утвердить въ домашнемъ быту нѣсколько видовъ.

Въ отдѣленіи физиологій, д-ръ Дави изложилъ свои наблюденія надъ *температурой половъ*. Мнѣніе Аристотеля, что мужчина обладаетъ большимъ количествомъ теплоты, чѣмъ женщина, было многими оспариваемо; нѣкоторые изъ новѣйшихъ физиологовъ признавали даже, что, напротивъ, женщина обладаетъ нѣсколько высшей температурою предъ мужчиной. Авторъ послѣ многочисленныхъ наблюденій, пришелъ къ убѣжденію, что мнѣніе Аристотеля въ этомъ отношеніи правильнѣе. Г. Дави говоритъ, что среднимъ числомъ температуры самцовъ и самокъ относятся между собою какъ 10,58 къ 10,13. Въ послѣднее время онъ поль-

звался весьма деликатнымъ термометромъ для своихъ наблюдений и нашелъ, что для мужчинъ температура варьируется между 90 и $99\frac{1}{2}$, для женщинъ — $97\frac{3}{4}$ и 98. Наблюденіе надъ другими животными дало нѣсколько высшую температуру для самца, чѣмъ для самки; такъ шесть птицъ дали пропорцію 108,33 для первого, къ 107,79 для второго.

Д-ръ Ричардсонъ прочелъ въ томъ же отдѣленіи весьма любимыя изслѣдованія его надъ *дѣйствіемъ табаку* на организмъ человѣка. Относительно продуктовъ сгаранія табаку, авторъ пришелъ, на основаніи своихъ изслѣдованій по этому предмету, къ убѣжденію, что продукты эти гораздо сложнѣе, чѣмъ предполагали до сихъ поръ. Онъ описалъ приборъ, автоматъ-курильщикъ, который далъ ему возможность испробовать различныя роды табаку, въ сигарахъ и папиросахъ; посредствомъ раздувательнаго мѣха, автоматъ курилъ, авторъ же собиралъ въ каждомъ случаѣ продукты, которые человѣкъ обыкновенно втягиваетъ въ себя ртомъ, и подвергалъ ихъ анализу. Результаты, къ которымъ пришелъ авторъ, указываютъ на слѣдующія тѣла какъ продукты, потребляемые человѣкомъ при куреніи: вода, свободный углеродъ, амміакъ, углекислота, никотинъ, ароматное вещество, смолистый горькій экстрактъ. Вода вдыхается въ видѣ пара, углеродъ—въ видѣ мельчайшихъ частицъ, увлекаемыхъ водянымъ паромъ, онъ-то и сообщаетъ струѣ дыма синеватый цвѣтъ; амміакъ—въ видѣ газа въ соединеніи съ углекислотою; углекислота частью въ соединеніи съ амміакомъ, отчасти свободною. Никотинъ есть тѣло неулетучивающееся и потому остается въ трубкѣ; ароматное вещество улетучивается, но природа его остается до сихъ поръ неизвѣстною; оно-то и сообщаетъ табачному дыму особенный запахъ, весьма сильно пристаётъ къ шерстянымъ издѣліямъ и въ концентрированномъ видѣ такъ противно, что невыносимо для обонанія. Горькій экстрактъ есть смолистое вещество, темнаго цвѣта и сильно горькаго вкуса. Этотъ экстрактъ, по всей вѣроятности—сложное тѣло, имѣющее основаніемъ горькій алкалоидъ; оно не улетучивается, но осаждается въ трубкѣ и чубукѣ. Въ различныхъ видахъ табаку эти элементы являются также въ различныхъ комбинаціяхъ. Простой табакъ, который не былъ подверженъ броженію, доставляетъ весьма мало свободного углерода, много амміаку, много углекислоты, мало воды, весьма слабый слѣдъ никотина, весьма незначительное количество горькой вытяжки. Въ трудекомъ табакѣ много амміаку. Въ гаванскомъ табакѣ всѣ продукты являются въ избыткѣ; въ маниллѣ весьма мало амміаку. Что касается до физиологическихъ дѣйствій упомянутыхъ продуктовъ горькаго табаку, то водяной паръ, конечно, безвреденъ; углеродъ осаждается на слизистую оболочку рта и носа и щекочетъ горло; углекислота дѣйствуетъ наркотически при вдыханіи въ легкія; амміакъ причиняетъ сухость и щиплетъ слизистую оболочку горла и увеличиваетъ отдѣленіе слюны. Поглощаемый въ кровь, онъ разжижаетъ ее и производитъ непра-

вильность кровяных шариковъ; въ большомъ же количествѣ онъ задерживаетъ выдѣленіе желчи и производитъ желтизну кожи; онъ возбуждаетъ сначала и затѣмъ сокращаетъ дѣятельность сердца, у молодыхъ же людей вызываетъ тошноту. Ароматное начало, каже-тся, во всѣхъ видахъ табаку оказывается отрицательнымъ по своему дѣйствию; оно хотя и сообщаетъ табаку характеристиче-скій вкусъ, но портить дыханіе курильщиковъ. Никотинъ вліяетъ только на постоянно держащихъ сигару во рту и дѣйствуетъ весьма вредно на организмъ, произво-дитъ трепетаніе сердца, дрожь и неправильное дыханіе, дрожаніе и вялость мускуловъ и общее изнеможеніе организма. Горькое вытяжное вещество, если погло-щается внутрь, бываетъ причиной тошноты и рвоты; оно вмѣстѣ съ никотиномъ поступаетъ въ ротъ въ видѣ раствора и отчасти непосредственно всасывается покровами рта, отчасти просколь-заетъ со слюною въ желудокъ.

Капитанъ Буртонъ, въ отдѣленіи географіи и этнографіи, со-общилъ весьма любопытныя свѣдѣнія о королевствѣ Дагомэ. Его свѣдѣнія во многомъ противорѣчатъ доселѣ извѣстнымъ объ этомъ королевствѣ, но отличаются ясностью и положительностью. Онъ опредѣляетъ населеніе Дагомэ въ 150,000 ч., изъ котораго не болѣе одной пятой мужчинъ. Извѣстія о кровавыхъ человѣче-скихъ жертвоприношеніяхъ, описываемыя такими страшными крас-ками многими путешественниками, по его словамъ, отличаются «грубыми преувеличеніями» особаго обычая страны, требующаго, въ знакъ родственной привязанности живыхъ къ умершимъ близ-кимъ, сообщать послѣднимъ въ праздничные дни специально отправляемымъ для этого на тотъ свѣтъ посланцемъ о всѣхъ те-кущихъ событіяхъ и обстоятельствахъ. По свѣдѣніямъ капитана Буртона, такихъ курьеровъ на тотъ свѣтъ отправляется не болѣе 85—40 человѣкъ, тяжкихъ преступниковъ или военно-плѣнныхъ—число, чрезвычайно незначительное сравнительно съ данными, со-общаемыми объ убійствахъ въ Дагомэ другими путешественни-ками. Предъ казнью, этихъ несчастныхъ предварительно оглуша-ютъ, какъ быковъ на нашихъ бойняхъ, и затѣмъ ихъ отправля-ютъ въ путь, «изъ котораго нѣтъ возврата», главные министры короля, въ его присутствіи. Кстати припомнить здѣсь, что Жюль Жераръ, знаменитый истребитель львовъ и тигровъ, также посѣ-щалъ короля Дагомэ во время «великаго обычая», какъ называ-ютъ туземцы торжественную рѣзню. Ж. Жераръ сообщилъ о сво-емъ посѣщеніи въ «Times» въ началѣ этого года и, кажется, онъ того мнѣнія, что въ присутствіи англичанъ, черный король ста-рается вести свои черные «обычаи» наиболѣе скромно, такъ чтобъ сообщить имъ нѣкоторый *couleur de rose*, который, можетъ быть, и отразился на свѣдѣніяхъ капитана Буртона. Во всякомъ случаѣ, 40 головъ, отправляемыхъ министрами короля на тотъ свѣтъ въ качествѣ посланцевъ, не умаляютъ печальной славы «великаго обычая».

Капитанъ Буртонъ сообщаетъ, что въ Дагомэ королевская

власть распадается на два составных элемента — женский и мужской. Одинъ — для страны, другой — для столицы; у каждаго есть особый дворъ, мужской и женский. Женский элементъ преобладаетъ. Въ Дагомэ не только существуютъ полчища амазонокъ, но и къ каждому значительному лицу, включая въ это число даже английскихъ путешественниковъ, приставляются, въ качествѣ часовыхъ, двѣ женщины, подъ названіемъ «матерей». Эти «матери» необыкновенно сильны и мускулисты. Изъ нихъ составляютъ четыре гвардейскихъ корпуса: гренадеровъ, охотницъ за слонами, носильщицъ клянковъ (gazog bearers), стрѣльцовъ изъ лука. Точно такъ же подраздѣлены и линейныя войска, но особы, составляющія ихъ, отличаются скорѣе пристрастіемъ къ танцамъ, чѣмъ воинственностью. Всѣ силы этой женской арміи простираются до 2,500 человекъ, изъ числа которыхъ 1,700 присяжныхъ боевыхъ и 1000—гвардіи короля. Команда надъ этой арміей ввѣрена иностранцамъ (въ числѣ которыхъ былъ и самъ капитанъ Буртонъ). Въ заключеніе своего интереснаго сообщенія, этотъ путешественникъ заявилъ мнѣ, что королевство Дагомэ, нѣкогда относительно сильное, въ послѣднее время упадаетъ значительно. Особенно измѣнчива воинственность амазонокъ: 15-го марта 1864 года, настоящій король Дагомэ пожелалъ осуществить свой любимый проектъ — именно атаку на сосѣдній городъ Абе-понтэ, подъ которымъ его отецъ потерялъ и жизнь, и воинскую честь. Попытка была крайне соблазнительна, по словамъ г. Буртона, но результатомъ ея была потеря 1000 убитыхъ и около 2000 раненыхъ амазонокъ!

Мы не исчерпали и десятой части отчетовъ объ интересныхъ засѣданіяхъ британскаго общества споспѣшествованія наукъ, и если сокращаемъ сообщеніе о немъ, то желая занести своевременно въ нашу лѣтопись нѣсколько другихъ замѣтокъ и извѣстій. Впереди у насъ остаются еще засѣданія «Английской національной ассоціаціи споспѣшествованія соціальной наукъ», болѣе извѣстной подъ именемъ: общества лорда Брума, ея предсѣдателя, о которыхъ мы сообщимъ въ слѣдующей книжкѣ. Обѣ ассоціаціи представляютъ два наиболѣе дѣятельныхъ въ Англіи очага распространенія науки и ея практическихъ приложений въ массахъ; это двѣ подвижныхъ академій наукъ, имѣющихъ то неоспоримое преимущество предъ континентальными, стоячими академіями, что существуютъ собственными средствами, не имѣютъ ничего замкнутаго, чиновничьяго, кастоваго въ своемъ устройствѣ, такъ-какъ въ нихъ открытъ доступъ всякому, желающему быть ихъ членомъ, и принимаютъ къ своему обсужденію по преимуществу тѣ вопросы, которые въ данное время или особенно дороги для науки, или для практическихъ приложений ея, вызываемыхъ потребностями общества. Вотъ въ чемъ, по нашему мнѣнію, и заключается весь простой и ясный секретъ ихъ популярности.

Въ началѣ статьи мы упомянули о капитанѣ Спигѣ, котораго

не стало въ самый день открытія засѣданій британской ассоціаціи въ Батѣ. Онъ былъ на охотѣ и случайно застрѣлялъ себя нановаль, въ то время, когда мечталъ отдохнуть на благодарной и признательной родинѣ отъ долгихъ странствованій по знойнымъ пустынямъ Африки, отдохнуть, какъ онъ выражался, «съ женой и семьей, съ садомъ и яхтой, съ ружьемъ и дочкой».

Этотъ воинъ англо-индійской арміи и африканскій путешественникъ родился въ Джордансѣ, въ Сомерсетшейрѣ, въ 1827 г., и до конца жизни гордился своею страной. «Прошу не сомнѣваться, джентльмены, что гордость моимъ графствомъ и моею страной была вожатаемъ въ моемъ предпріятіи», говорилъ Сникъ въ прошломъ году въ Таунтонѣ на обѣдѣ, данномъ въ честь его. Чтò бы съ нимъ ни случалось, «мысль о родинѣ всегда поддерживала его», по его словамъ. Впрочемъ, о немъ было говорено въ «Отч. Запискахъ», которыя скоро познакомятъ публику съ его замѣчательнымъ путешествіемъ. Снику предположень уже къ сооруженію памятника въ Таунтонѣ, главномъ городѣ Сомерсетшейра. Инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ извѣстному Кинглеку.

— У французовъ есть также одна потеря, въ лицѣ знаменитаго Жюль Жерара, о смерти котораго мы узнаемъ изъ отчета о послѣднемъ собраніи французскаго географическаго общества. Этотъ путешественникъ отправился къ западному берегу Африки, снабженный инструкціями отъ королевскаго лондонскаго географическаго общества и денежнымъ пособіемъ отъ многихъ членовъ англійской аристократіи, съ цѣлью изслѣдованія внутреннихъ областей этой страны. Первоначально онъ предполагалъ посѣтить горы Конго въ Сѣверной Гвиней, которыя до него не переходилъ ни одинъ европеецъ. Онъ оставилъ Англію въ концѣ 1863 г. и отправился въ Видагъ (Whydah); отсюда онъ проникнулъ въ королевство Дагомэ, откуда и появилось одно изъ его послѣднихъ писемъ къ герцогу Веллингтону, о которомъ мы упоминали уже, и которое было помѣщено въ *Times's* въ началѣ 1864 г. Напрасно пытаеь проникнуть внутрь Африки черезъ Дагомэ, онъ прибылъ, наконецъ, въ Сьерра-Леоне съ рекомендательнымъ письмомъ къ г. Браузеку, тамошнему французскому консулу, отъ г. Броссаръ де-Корбиньи, командующаго французской эскадрой въ Гвинейскомъ заливѣ. Англичане въ Сьерра-Леоне немедленно снабдили путешественника новыми средствами для продолженія его предпріятія. Англійскій военный корабль, подъ начальствомъ капитана Кохрена, отвезъ его къ берегу по сосѣдству р. Галлиасъ. Спустя нѣсколько дней послѣ его высадки на берегъ, онъ потерялъ весь свой багажъ и нашелъ убѣжище въ области Шерборо у французскихъ резидентовъ, которые снабдили его вновь, чѣмъ могли. Онъ вышелъ отсюда въ минувшемъ маѣ или юнѣ, но на разстояніи двухъ часовъ пути былъ вновь до послѣдняго ограбленъ туземцами и принужденъ возвратиться въ Шерборо, гдѣ прождалъ до наступленія дожд-

леваго времени года, чтобъ возобновить свое путешествіе. Но какъ средства его истощились, то онъ рѣшилъ возвратиться въ Сьерра-Леоне и на этомъ-то пути, переѣзжая р. Хонгъ, подившюся отъ дождей, онъ утонулъ.

— Нѣмцамъ даже и по части благополучнаго окончанія путешествій везетъ; они какъ-то аккуратно путешествуютъ, что требуется открывать, и потомъ почиваютъ на лаврахъ. Д-ру Германну фон-Шлагинтвейту, главѣ ученой экспедиціи въ Индію и Верхнюю Азію, король баварскій пожаловалъ титулъ «Сакулунскаго», въ честь того, что онъ первый изъ европейцевъ перешелъ кунлунскій хребетъ въ 1856 г. и достигнулъ изъ Индіи Туркестана по совершенно неизвѣстной до сихъ поръ европейцамъ горной странѣ. Англичане, вспоминая о «Забалканскомъ», «Эриванскомъ» и др. русскихъ титулахъ, полагаютъ, что баварскій король на этотъ разъ ускуслился русскимъ примѣромъ, а не дѣйствовалъ по собственному вдохновенію; можетъ быть, что и такъ: король Лепольдъ II еще очень юный король.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЮВМЯ ТРУДЫ МАКСА МЮЛЛЕРА.

Лекціи по наукѣ о языкѣ, извѣстнаго оксфордскаго профессора Макса Мюллера, составляютъ капиталѣйшее явленіе въ области филологическихъ знаній за послѣдніе годы. Еще недавно появился первый отдѣлъ ихъ въ англійскомъ подлинникѣ (*) и почти тотчасъ же былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ; нашъ журналъ въ свое время упоминалъ объ этомъ изданіи; въ исходѣ окончившагося года вышелъ прекрасный французскій переводъ того же отдѣла (**), сдѣланный уже съ четвертаго изданія подлинника, и появился на англійскомъ языкѣ второй отдѣлъ лекцій (**); и его передача пофранцузски и понѣмецки уже обѣщана; вромѣ того лекціи Макса Мюллера печатаются въ русскомъ переводѣ. Такое быстрое распространеніе этого сочиненія уже одно свидѣтельствуетъ объ его ученомъ значеніи; поэтому мы считаемъ умѣстнымъ еще разъ обратиться къ этому важному приобрѣтенію науки и въ общемъ очеркѣ познакомить читателей съ

(*) LECTURES ON THE SCIENCE OF LANGUAGE. By *Max Muller* M. A., Fellow of All souls' College, Oxford; correspondant de L'Institut de France London. 1861.

(**) LA SCIENCE DU LANGAGE, par M. *Max Muller*. Ouvrage traduit de l'anglais par MM. *G. Harris* et *G. Perrot*. Paris. 1864.

(***) LECTURES ON THE SCIENCE OF LANGUAGE. By *Max Muller*. Second series. London. 1864.

тѣми результатами, къ которымъ привели Макса Мюллера его глубокія филологическія изслѣдованія.

Въ концѣ прошлаго вѣка, Европа съ удивленіемъ узнала, что современнымъ индѣйскимъ браминамъ извѣстенъ древній священный языкъ ихъ отечества, представляющій поразительное сходство съ греческимъ и латинскимъ. Съ четвертаго вѣка до Р. Х. санскритскій языкъ исчезъ изъ устнаго употребленія въ Индіи, но сохранился въ превосходныхъ памятникахъ религіозной, поэтической и философской литературы; браминны еще владѣли имъ на письмѣ и даже владѣли лучше, чѣмъ современнымъ народнымъ языкомъ Индіи. Основанное въ 1784 году въ Калькутѣ азіатское общество горячо принялось за изученіе этого древняго языка, богатство котораго, какъ вскорѣ оказалось, превосходить сокровища всѣхъ прочихъ извѣстныхъ языковъ. Восемнадцать лѣтъ спустя, Фридрихъ Шлегель пріѣхалъ въ Англію, для изученія санскрита, и въ своемъ сочиненіи о языкѣ и мудрости древнихъ индѣйцевъ, изданномъ въ 1808 году, провозгласилъ фактъ, дотошѣ неизвѣстный ученому міру, что есть коренное сродство между языками Индіи, Персіи, Греціи, Италіи и Германіи, почему и самые эти языки онъ назвалъ индо-германскими. Таковы были событія, которыя, по мнѣнію Макса Мюллера, въ началѣ нынѣшняго столѣтія произвели переворотъ въ языковѣдѣніи. До тѣхъ поръ на языки смотрѣли только какъ на средство, облегчающее международныя сношенія или утверждающее идеи народовъ, которымъ они принадлежатъ. Со времени знакомства съ санскритомъ, стали изучать языки для нихъ самихъ, то-есть стали ихъ сравнивать. Такимъ образомъ возникла новая наука, которая называется *сравнительною филологіею* или *лингвистикою*. Исходный пунктъ ея изслѣдованія—слова и грамматическія формы, но на нихъ она не можетъ остановиться; за словами скрываются понятія, за грамматикой—духъ народа; поэтому сравненіе языковъ повело къ сравненію цивилизацій, и по мѣрѣ того, какъ разрасталась наука, въ ея области стали возникать все болѣе новыя и глубокіе вопросы. Какъ, напримѣръ, объяснить аналогіи между древнимъ священнымъ языкомъ Индіи и языкомъ Софокла и Платона, между ципероновскою латынью и нарѣчіями древнихъ кельтовъ, покоренныхъ римлянами, нарѣчіями германцевъ, которыхъ они никогда не могли побѣдить, скандинавовъ, которыхъ они вовсе не знали, и, наконецъ, славянъ, которые позже другихъ народовъ появились на поприщѣ исторіи. Произвели ли эти сходства отъ международныхъ заимствованій? Но какъ и когда совершились они? Исторія молчитъ на это или старается объяснить немногими, неудовлетворительными намеками. Одни языки могли дать полный отвѣтъ, но нужно было умѣть ихъ спрашивать; требовалась, слѣдовательно, новая метода ихъ изученія.

Въ языкахъ есть свидѣтельство о многихъ фактахъ, но они извѣстны и обыкновеннымъ путемъ исторіи; такъ, напримѣръ, слово «философъ», существующее во многихъ языкахъ, по пре-

исхожденію своему, свидѣтельствуеть, что отечество философій есть Греція; но это извѣстно и изъ другихъ источниковъ. Эга заимствованіе случилось уже на памяти исторіи. Но нужно постараться разяснить посредствомъ языка то, чего не могутъ раскрыть историческія свидѣтельства. Тутъ-то и полезно сравнивать между собою тѣ слова, изъ разныхъ языковъ, которые выражаютъ понятія, предшествующія всякой исторіи и составляющія главную основу цивилизаціи. Такъ, напримѣръ, какъ въ томъ или другомъ языкѣ выражаются понятія о матери, отцѣ, сынѣ, дочери, животныхъ, птицѣ, жилищѣ и проч.? Если они выражаются словами, сходными въ этимологическомъ отношеніи, то стало-быть сравниваемые языки должны быть возведены къ одному общему происхожденію: ибо ни одинъ изъ языковъ не могъ заимствовать ихъ у другого. Никакой народъ не могъ войти въ сношенія съ другимъ народомъ, не имѣя своего собственнаго языка, и никакой народъ не могъ имѣть языка, если онъ не имѣлъ извѣстнаго количества словъ для выраженія первоначальныхъ понятій; наконецъ, владѣя нѣкоторымъ запасомъ словъ, не могъ онъ позабыть ихъ для того, чтобы принять другія слова — чужія. Такимъ путемъ пришли къ идеѣ единства тѣхъ языковъ, которые Шлегель называлъ индо-европейскими, а Максъ Мюллеръ называетъ арійскими. Требуется узнать степени родства этихъ языковъ. Не могъ ли одинъ изъ этихъ языковъ быть родоначальникомъ для всѣхъ прочихъ? Отцы передали дѣтямъ одно нарѣчіе, вполне сложившееся; дѣти разнесли его въ разные концы земли. Именно такимъ образомъ нѣкоторое время объясняли происхожденіе греческаго и латинскаго языковъ отъ санскрита — подобно тому, какъ языки французскій, итальянскій, испанскій и проч. произошли отъ латыни. Но нашлась иная возможность разрѣшить и объяснить этотъ вопросъ. Анализируя грамматическія формы, разсѣкая слова и слоги, выясняя значеніе каждаго изъ звуковъ, наука опредѣлила законы ихъ измѣненія, сочетанія и образованія въ слова; объяснилась и вся постепенность этихъ измѣненій въ строѣ языковъ, и найдены далѣе такъ сказать идеальные типы измѣненій, по которымъ можно судить, на какой степени развитія стоитъ тотъ или другой языкъ. Чтò изъ этого слѣдуетъ? А то, что постепенная внутренняя переработка строя въ каждомъ изъ языковъ совершается самостоятельно, независимо отъ другихъ языковъ, и что, стало-быть, родственные языки представляются въ братской связи, какъ-бы вѣтвями одного дерева. Но гдѣ его стволъ и корень? Здѣсь филологія встрѣчаетъ препятствіе; безъ сомнѣнія, за предѣлами языковъ, доступныхъ изученію, должны были быть попытки языковъ еще болѣе первобытныхъ, но онѣ недоступны наукѣ, которая вслѣдуетъ только данный матеріалъ. Но при пособіи своихъ позднѣйшихъ матеріаловъ, она можетъ заглянуть въ глубину прошедшаго и дѣйствительно находить тамъ народъ, даже неизмѣющій особаго названія; этому народу наука пред-

ставляетъ въ собственность слова, общія всѣмъ языкамъ индоевропейскаго корня, по такимъ словамъ возстановляетъ древнѣйшее мѣстопробываніе, бытъ и вѣрованія этого народа и наконецъ даетъ ему названіе, заимствованное отъ корня *ар*, который на собственномъ его языкѣ означаетъ понятія о земледѣліи, дѣятельности, искусствѣ и благородствѣ. Такимъ образомъ, опредѣляется праотецъ языковъ индоевропейскихъ, языкъ народа арійцевъ.

Но область науки не ограничивается и этимъ: изъ древней исторіи, рядомъ съ арійской семьей языковъ и народовъ, является другая семья, совершенно ей чуждая; во главѣ этой семьи стоитъ языкъ еврейскій, на который, однако, долго (вопреки св. писанію) смотрѣли какъ на первобытный языкъ всего рода человѣческаго; рядомъ съ еврейскимъ представляются языки сирийскій, халдейскій, арабскій, однородные съ первымъ. Далѣе, совершенно отдѣльно отъ прочихъ языковъ, и тоже изъ глубокой древности, является китайскій, крайне странный по своему строю, но, можетъ быть, долженствующій болѣе всѣхъ другихъ облегчить разрѣшеніе задачи о происхожденіи языка. Чѣмъ болѣе распространяется кругозоръ науки, тѣмъ болѣе накапливается у ней матеріала: языки, обладающіе богатою письменностью, и языки, существующіе въ одномъ устномъ употребленіи, языки тюркскіе и финскіе, языки малайскіе, языки полинезійскіе дѣлаются собственностью области знаній. И какъ бы мало еще извѣстны нѣкоторыя группы и семьи языковъ, все-таки ихъ изслѣдованіе приводитъ къ необходимости сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ, которые бы прилагались ко всѣмъ языкамъ, доселѣ извѣстнымъ, и заключали бы въ себѣ основные законы жизни языковъ. Наконецъ, на вершинѣ всѣхъ этихъ изслѣдованій и выводовъ, представляется послѣдній, неизбежный вопросъ, который филологія должна рѣшить сообща съ этнологіею: есть ли родъ человѣческой, со всѣмъ различіемъ своихъ племенъ и народовъ — одна дѣлая семья, или же она составляетъ соединеніе нѣсколькихъ группъ разнородныхъ? По отношенію къ филологіи, вопросъ этотъ долженъ быть поставленъ такъ: «Особенности, замѣчаемыя въ разныхъ семьяхъ языковъ, указываютъ ли на коренное различіе послѣднихъ, или составляютъ только видоизмѣненія одного основнаго типа?»

Вотъ до какихъ глубокихъ задачъ восходитъ изученіе языковъ, при полномъ развитіи своей программы. Наступило ли время касаться этихъ высшихъ задачъ? Максъ Мюллеръ не усомнился въ этомъ, и въ томъ именно и заключается его великая учевая заслуга, что онъ представилъ не только сводъ лучшихъ изысканій по сравнительной филологіи, но попытался дать своей наукѣ общую ея организацію. Конечно, выводы его не представляютъ ничего вполне законченное, неподлежащее никакимъ измѣненіямъ (судьба всякой научной системы, построенной изъ анализа частей — видоизмѣняться и пополняться), но въ его научной системѣ, видна

могущественная зрѣлость мысли, которая должна сдѣлать ее очень прочною.

Замѣчательно самое названіе, которое Максъ Мюллеръ далъ своей наукѣ: *Наука о языкѣ*. Намъ кажется, что другія названія, которыя были ей даваемы, хоть и короче, но не такъ ясны: въ этой наукѣ дѣло не только въ сравненіи языковъ (это только средство), но въ объясненіи самой сущности языка, этого удивительнаго явленія, посредствомъ котораго человѣкъ такъ рѣзко отдѣляется отъ животныхъ. Человѣка называли животнымъ мыслящимъ; это все равно, что называть его животнымъ говорящимъ, такъ-какъ мысль и слово стоятъ въ тѣснѣйшей связи между собою: это понимали еще греки, выразившіе то и другое въ словѣ *λόγος*.

М. Мюллеръ отводитъ наукѣ о языкѣ мѣсто между науками естественными. Съ перваго взгляда, подобное нововведеніе кажется страннымъ. «Филологія — возражаютъ нововводителю — по преимуществу гуманная наука; языкъ есть продуктъ существа свободнаго, слѣдовательно, не можетъ быть поставленъ наряду съ произведеніями слѣпой и бессознательной природы.» Но въ томъ-то и дѣло, что человѣкъ создаетъ языкъ не по своей свободной волѣ, а потому, что онъ обладаетъ даромъ слова, подчиненнымъ извѣстнымъ законамъ разума; разумъ же не принадлежитъ человѣку какъ собственности, которую онъ можетъ произвольно распорядиться; напротивъ того, всѣ его дѣйствія запечатлѣны полнѣйшею безличностью, а, стало быть, таковы и условія жизни языка. Максъ Мюллеръ приводитъ любопытные примѣры того, что никакая могущественнѣйшая человѣческая воля невластна произвести малѣйшее измѣненіе въ языкѣ. Доля свободы въ немъ очень незначительна, и во всякомъ случаѣ, эта свобода собирательная, а не личная. Чѣмъ болѣе наука будетъ раскрывать глубину этой истины, тѣмъ сильнѣе будетъ она поражена параллельнымъ ходомъ дѣятельности разума и языка. Но существуетъ общепотребительное выраженіе: жизнь, развитіе языка; съ тѣхъ поръ, какъ Гораций сравнилъ слова съ растеніями, къ языку прилагается идея растительнаго движенія. На это М. Мюллеръ отвѣчаетъ такъ: Въ наукѣ должно избѣгать всякихъ метафоръ. Строго говоря, языкъ не развивается, не имѣетъ органической жизни. Перевороты, въ немъ совершающіеся, скорѣе походятъ на простое накопленіе или наслоеніе. Слова и грамматическія формы, установившіеся въ извѣстномъ строѣ, такъ сказать, изнашиваются и измѣняются, теряютъ свою физиономію и не могутъ помолодѣть или преобразоваться по своей волѣ. Но есть, однако, особая сокровищница, въ которой языки находятъ средство обновленія; это — нарѣчія, вообще очень многочисленныя въ каждомъ языкѣ. Изъ нихъ языкъ просто обогащаетъ свой составъ, то-есть беретъ себѣ новыя слова, уже вполне сложившіяся. Но это не развитіе, а простое заннствование.

Измѣненіе, которое въ словахъ, однажды сложившихся по из-

вѣстному строю, производить употребленіе — М. Мюллеръ разумѣть подъ названіемъ *фонетической порчи*; новолженіе состава языка онъ называетъ *обновленіемъ изъ нарчій*. Это два главныя явленія въ языкѣ, имѣ открытыя, и свойство и характеръ ихъ таковы, что наука, ихъ наблюдающая, не можетъ не быть поставлена въ ряду наукъ естественныхъ.

Опредѣляя характеръ науки о языкѣ, Максъ Мюллеръ излагаетъ ея исторію; онъ признаетъ въ послѣдней три періода. Такое раздѣленіе свойственно судьбѣ всѣхъ индуктивныхъ наукъ, если не въ смыслѣ хронологическомъ (потому что періоды могутъ быть переижданы), то въ смыслѣ высшемъ, логическомъ и въ отношеніи къ ихъ методу. Первый періодъ — чисто-эмпирическій, продолженіе котораго собираются факты и нисколько не выясняются законы; второй періодъ — время классификацій, продолженіе котораго предметы изученія распределяются по группамъ, по болѣе или менѣе удачно выбраннымъ аналогическимъ чертамъ; третій періодъ — время теорій, когда стараются открыть общіе законы или смыслъ фактовъ. Для науки о языкѣ первый періодъ есть періодъ эмпирической грамматики. Изучается каждый языкъ отдѣльно; анализируются части рѣчи, исчисляются грамматическія формы, наблюдаются способы установленія связи между словами. Это — чистые факты, которыхъ смыслъ не можетъ быть разгаданъ при изученіи одного языка. Но достойна замѣчанія пытливость первыхъ грамматиковъ. Максъ Мюллеръ съ глубокою ученостью излагаетъ исторію грамматики у древнихъ. Поразительна та медленность, съ которою наука о языкѣ переходила ко второму періоду своего развитія. Какъ объяснить себѣ, что со временъ древне-индійскихъ и древне-греческихъ грамматиковъ до прошлаго вѣка не возникла идея о классификаціи языковъ. Какъ, напримѣръ, Цезарь не заподозрилъ родства между языками грековъ и римлянъ съ языками кельтовъ и германцевъ? Максъ Мюллеръ объясняетъ это тѣмъ предубѣжденіемъ, общимъ для древнихъ и новыхъ народовъ, вслѣдствіе котораго они называли другъ друга варварами и нѣмыми. Только уже Лейбницу удалось напасть на болѣе свѣтлую идею. Онъ сказалъ, что языки — лучшее зеркало человѣческой мысли, и что точное изученіе смысла словъ должно лучше всего разъяснить дѣятельность ума. Затѣмъ собраніе матеріаловъ по сравнительной филологіи, составленное по мысли императрицы Екатерины II, и открытіе санскрита даю первыя научныя основы для классификаціи языковъ. За то съ начала нынѣшняго столѣтія наука пошла гигантскими шагами. Сперва была предложена система классификаціи языковъ по степени ихъ родственной связи. Фр. Шлегель указалъ на семью языковъ, которую онъ называетъ индо-германскою. Рядомъ съ нею легко было поставить семью семитическую. Но удобенъ ли оказался принципъ родственности для всѣхъ другихъ языковъ? На это Максъ Мюллеръ отвѣчаетъ отрицательно, хотя самъ рядомъ съ двумя предъидущими семьями, указываетъ на третью — туран-

скую. По его мнѣнію, эта *генеалогическая* классификація не исчерпываетъ всего разнообразія группъ языковъ; съ другой стороны, онъ признаетъ принципъ родственности не имѣющимъ научнаго значенія, такъ-какъ онъ не проникаетъ въ сущность предмета. Родственность языковъ важна для этнологіи, но не раскрываетъ общаго ихъ строя. Въ замѣтъ этой классификаціи Максъ Мюллеръ выставляетъ другую, впрочемъ, тоже не новую, которую онъ называетъ *морфологическою*. Она основывается не на сходствѣ и различіи словъ по ихъ корнямъ и значенію послѣднихъ, а на наблюденіяхъ надъ грамматическими формами, которыя разъясняютъ намъ самые важные вопросы образованія языка. По морфологической классификаціи, всѣ извѣстные языки раздѣляются на три разряда, по *строю* корней. Къ первому разряду принадлежатъ языки, въ которыхъ неизмѣняющіеся односложные корни, отвлеченнаго значенія, равно примѣнимые для образованія глаголовъ, существительныхъ и прилагательныхъ и ставящіе прямо подлѣ другихъ подобныхъ же корней, такъ-что сочетаніе тѣхъ и другихъ и мѣсто ихъ въ предложеніи выражаетъ всевозможныя связи идей; таковъ языкъ китайскій. Во второмъ разрядѣ языковъ туранскихъ, осмысленные и неизмѣняющіеся односложные корни (какъ въ первомъ разрядѣ) служатъ какъ-бы основой рѣченій, которыя образуются посредствомъ накопленія къ корню другихъ слоговъ, неизмѣняющихъ особаго значенія, но служащихъ для выраженія различныхъ отношеній между понятіями. Наконецъ, въ третьемъ разрядѣ, куда относятся языки арійскіе и семитическіе, корни не являются отдѣльно стоящими и потому потеряли свое независимое значеніе; они подвергаются фонетической порчѣ и къ нимъ всегда присоединяются особые звуки, служащіе для образованія формъ склоненія и спряженія. Языки первой степени могутъ быть названы односложными, второй—накопляющими и третьей—флективными. Изъ этой постепенности разрядовъ уже легко выводится исторія образованія языковъ. Они должны были пройти всѣ три ступени.

Объяснивъ значеніе односложныхъ корней и ихъ сочетаній, Максъ Мюллеръ даетъ превосходное ихъ раздѣленіе на такіе, которые указываютъ на предметъ, и на такіе, которые объясняютъ его признакъ, его состояніе. Это, съ одной стороны, въ значительной степени упрощаетъ анализъ частей рѣчи, съ другой—указываетъ на тѣснѣйшую связь мысли со звуками человѣческаго голоса: человѣкъ говоритъ, потому что онъ имѣетъ способность мыслить отвлеченно. Вотъ глубочайшее и вмѣстѣ съ тѣмъ реальнѣйшее и простѣйшее объясненіе задачи о происхожденіи языка, устраняющее всѣ другія гипотезы по этому предмету (каковы, напримѣръ, гипотезы о происхожденіи языка изъ междометій или изъ подражанія крикамъ животныхъ и звукамъ, производимымъ неодушевленными предметами). Въ тѣсной связи съ этимъ вопросомъ стоитъ другой—о единствѣ языка. При всей своей осторожности, Максъ Мюллеръ не побоялся коснуться и

его, но ограничился только загадкой о возможности одвого первобытного языка, общаго для всего человѣчества.

Таковы общіе вопросы науки о языкѣ, которые составили первый курсъ оксфордскаго профессора; ихъ капитальное общеобразовательное значеніе, въ связи съ блестящимъ и очень яснымъ изложеніемъ, придаетъ чрезвычайную важность этому первому курсу. Второй отдѣлъ лекцій болѣе спеціаленъ и потому менѣе богатъ общими интересомъ, но было бы несправедливо осуждать за то автора: ему пришлось углубиться въ подробности грамматическаго ученія о звукахъ, а здѣсь же всякій читатель послѣдуетъ за нимъ такъ охотно, какъ слѣдовалъ въ первомъ курсѣ. Притомъ же во второмъ курсѣ автору пришлось отчасти повторять сказанное въ первомъ отдѣлѣ; такъ, напримѣръ, въ самомъ началѣ втораго курса онъ возвращается къ вопросу о происхожденіи языка, касаясь его впрочемъ преимущественно съ матеріальной, то-есть звуковой стороны. Примѣненіе того или другаго звука къ различнымъ понятіямъ, которое долженъ былъ дѣлать человѣкъ, создавая языкъ, Максъ Мюллеръ объясняетъ вѣотетически—первобытнымъ соотношеніемъ между звуками или корнями и предметами, которые подъ ними разумѣлись. Эта догадка довольно темная, но М. Мюллеръ на ней и не настаиваетъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ теоріи звуковъ. Онъ предполагаетъ, что въ древнѣйшихъ языкахъ количество звуковъ было невелико: богатія азбуки существуютъ только въ тѣхъ языкахъ, которые представляются смѣшеніемъ нѣсколькихъ нарѣчій. По поводу звуковъ М. Мюллеръ распространяется и о письменахъ, ихъ графическомъ изображеніи. Замѣчательно, что ученый профессоръ, филологъ не преимуществу, высказывается въ пользу фонетическаго правописанія—вопросъ о которомъ въ Англіи былъ поднятъ еще гораздо оживленнѣе, чѣмъ у насъ. М. Мюллеръ находитъ, что этимологическое правописаніе отжило свой вѣкъ и должно быть слано въ архивъ, какъ все одряхлѣвшее. Польза отъ его сохраненія только для изучающихъ языкъ исторически, а тѣ, кому грамота нужна для практическаго употребленія, только страдаютъ отъ разныхъ тонкостей этимологической орфографіи, которая имъ приходится усвоивать безъ разумныхъ основаній, одной памятью. Устраняясь отъ всякихъ возраженій, мы должны, однако, замѣтить, что М. Мюллеръ предлагаетъ производить реформу англійскаго правописанія не съ разу, а постепенно. По поводу же письма М. Мюллеръ упоминаетъ и о попыткахъ примѣненія ихъ не къ звукамъ языка, а прямо къ понятіямъ, чтобы такимъ образомъ сдѣлать письмена, грамоту одинаковою для всего человѣчества. Затѣмъ профессоръ переходитъ опять къ вопросу, уже затронутому въ первомъ отдѣлѣ, о соотношеніи словъ съ понятіями, языка съ разумомъ; на этотъ разъ онъ объясняетъ вліяніе перваго на послѣдній, доказывая его разными явленіями, напримѣръ фактами мнѣческаго творчества, которое иногда извлекаетъ свое предствленіе изъ понятія, заключеннаго въ какомъ-нибудь словѣ,

или тѣмъ общезвѣстнымъ обстоятельствомъ, что темнота выражений затрудняетъ всякіе отвлеченные споры; замѣтками о томъ, какъ вырабатывается отвлеченный смыслъ словъ, оканчивается второй отдѣлъ лекцій. Какъ мы уже сказали, содержаніе его бѣднѣе, чѣмъ содержаніе перваго: но зато оригинальная сила мысли Мюллера сказывается въ немъ, можетъ быть, еще сильнѣе. Это заставляетъ насъ желать, чтобы русскій переводъ лекцій Мюллера былъ доведенъ до конца. А между тѣмъ вѣроятно и въ подлинникѣ—появятся новые отдѣлы.

Въ полученныхъ нами журналахъ, мы нашли извѣщенія о слѣдующихъ книгахъ, вышедшихъ въ концѣ 1864 года.

MAN AND HIS RELATIONS; illustrating the influence of the mind on the Body. By S. B. Brittan M. D. (Целовѣкъ и его сношенія; объясненіе вліянія души на тѣло, соч. Бриттана, доктора медицины). New-York.

ESSAIS DE PHILOSOPHIE CRITIQUE, par E. Vacherot. (Опыты критической философіи, соч. E. Вакуро). Paris.

PAEDAGOGISCHE WANDERUNGEN, von Keferstein. (Педагогическія странствованія, соч. Кеферштейна). Cöthen.

L'ESTHÉTIQUE ANGLAISE, ÉTUDE SUR JOHN RUSKIN, par J. Milsant. (Англійская эстетика: Рѣсенья, соч. Мильсанта). Paris.

PLATO AND THE OTHER COMPANIONS OF SOCRATES, by George Grote. (Платонъ и другіе товарищи Сократа, соч. Джорджа Грота). London.

SPINOZA, SEIN LEBENSBILD UND SEINE PHILOSOPHIE, von J. B. Lehmann. (Спиноза, его жизнь и философія, соч. Леманса). Würzburg.

HISTORY OF THE RISE AND INFLUENCE OF THE SPIRIT OF RATIONALISM IN EUROPE, by W. E. H. Lecky. (Исторія успѣховъ и вліянія рационализма въ Европѣ, соч. Лекки). 2 vols. London.

LITERATURE UND CULTUR DES 19 JAHRHUNDERTS, in ihrer Entwicklung dargestellt von J. J. Honegger. (Литература и образованность XIX вѣка, соч. Гоннегера). Leipzig.

THE POETS AND POETRY OF SCOTLAND, FROM JAMES I TO THE PRESENT TIME. With biographical sketches and critical remarks. By the Rev. Andrew Bonar. (Поэты и поэзія Шотландіи съ Якова I до настоящаго времени. Съ биографическими очерками и критическими замѣтками преп. Андрея Бонара). Edinburgh. 1864.

DIE ENTWICKELUNG DER DEUTSCHEN POESIE, VON KLOPSTOCKS ERSTEM AUFSTRETEN BIS ZU GOETHE'S TODE, von J. W. Loebell. 3-tes Band. Lessing, herausgeg. von A. Koberstein. (Развитіе нѣмецкой поэзіи съ перваго появленія Клопштока до смерти Гёте, соч. I. В. Лобелля, 3-й томъ: Лессингъ. Изд. A. Коберштейномъ). Braunsweig.

LEBEN UND WERKE DEUTSCHER DICHTER. Geschichte der deutschen Poesie in den letzten drei Jahrhunderten, von O. F. Guippe. (Жизнь и сочиненія нѣмецкихъ поэтовъ. Исторія нѣмецкой поэзіи въ три послѣднія столѣтія, соч. O. Ф. Гунне). 2 B-de. München.

STUDIEN ZUR FRANZÖSISCHEN CULTUR UND LITTERATURGESCHICHTE, von F. Kreiszig. (Очерки изъ исторіи французской образованности и литературы, соч. Крейсига). Berlin.

LES CONVERSATIONS DE M. DE CHATEAUBRIAND, par J. Daniello. (Бесѣды Шатобриана, соч. Даниелло). Paris.

LA CITÉ ANTIQUE, étude sur le culte, le droit, les institutions de la Grèce

et de Rome, par *Fustel de Coulanges*. (Древній городъ, исследование о градѣ, правѣ и учрежденіяхъ Греціи и Рима, соч. *Фюстеля-Куланжа*). Paris.
 СЛЮБОРАТА, von *Adolf Star*. (Клеоватра, соч. *Адольфа Штара*). Berlin. 1864.

GESCHICHTE DER ARABER BIS AUF DEN STURZE DES SCHALIFATS VON BAGDAD, von *G. Flügel*. (Исторія арабовъ до паденія Багдадскаго Калифата, соч. *Г. Флюгеля*). Leipzig.

THE HOLY ROMAN EMPIRE, by *James Bruce*. (Священная римская имперія, соч. *Джемса Брюса*). Oxford.

LA FRANCE PARLEMENTAIRE (1834 — 1851). Oeuvres oratoires et écrits politiques par *Alph. de Lamartine*. (Парламентская Франція 1834—1851. Речь и политическія сочиненія *А. Ламартина*). 6 vol. Paris.

OEUVRES COMPLÈTES d' *Alexis de Tocqueville*. (Полное собраніе сочиненій *А. Токвилля*). 3 vol. Paris.

TRAVELS AND ADVENTURES IN CENTRAL ASIA IN THE DISGUISE OF A DRUSE, by *Arm. Vambery*. (Путешествія и приключенія въ центральной Азіи, въ одеждѣ друзина, соч. *Арм. Вамбери*). London.

THE ZAMBESI AND ITS TRIBUTARIES (1858—64), by *David and Charles Livingstone*. (Замбези и ихъ дѣтены, соч. *Давида и Чарльза Ливингстоновъ*). London.

THE INDIAN NORDAMERICAN, von *Th. Waits*. (Сѣверо-американскіе индейцы, соч. *Т. Вайца*). Leipzig.

THE DOBBS FAMILY IN AMERICA, by *Our own special correspondent* (Семейство Доббовъ въ Америкѣ, романъ соч. *нашего собственнаго спеціального корреспондента*). London.

DUNMACH, by *Ruth Murray* (Денмара, романъ, соч. *Руот Муррай*). 2 vols. London.

MARGARET DENZIL'S HISTORY (Исторія Маргареты Дензилъ). 2 vols. London.

DER VERLORENEN HANDSCHRIFT, Roman in 5 Büchern, von *Gustav Freytag*. (Потерянная рукопись, романъ въ пяти книгахъ, соч. *Г. Фрейтага*). Leipzig.

JOHANNES GUTENBERG. Cultur-historischer Roman, von *Paul Stein*. (Иоаннъ Гутенбергъ, романъ *П. Штейна*). 3 B-de. Leipzig.

КУРЬОЗЫ.

Мы давно были такого мнѣнія, что не одни литературные труды, честные и исполненные добросовѣстью, заслуживаютъ вниманія въ европейскихъ литературахъ. Они, правда, показываютъ *положительную* сторону стремленій общества, но не менѣе нѣ важна и *отрицательная*, которая показываетъ нечѣжество, грубость, самохвальство литературы, а съ нею вмѣстѣ и общества. Она, эта курьѣзная литература, исконный матеріалъ для сатиры и комедій, такъ же важна въ общественномъ, если не литературномъ отношеніи, какъ и первая. Невѣроятныя книги и статьи

проходится обменовенно молчаніемъ. Критика считаетъ ихъ до того ничтожными, что не упоминаетъ о нихъ; спора литературнаго вызвать онѣ также не могутъ, потому что, кто жь согласится спорить противъ нелѣпости? А между тѣмъ, подобныя явленія все-таки составляютъ фактъ поучительный для общественнаго развитія. Много такихъ фактовъ во всѣхъ литературахъ; слѣдовательно не мало ихъ и въ русской! Мы будемъ указывать на нихъ, большею частію довольствуясь простой перепечаткой, если фактъ нелѣпъ до очевидности, и прибавлять свои замѣчанія, если фактъ потребуетъ ихъ. Если справедливо, какъ говоритъ г. Писемскій въ своихъ «Лгунахъ», что по мотиву, на какой лгутъ въ известное время въ обществѣ, можно судить о состояніи этого общества, то не менѣе справедливо и наше предположеніе, что и курьезы литературныя имѣютъ точно такое же значеніе.

У насъ много накопилось курьезовъ русскихъ, но мы предпочитаемъ начать съ англійскаго. Въ англійской литературѣ, старой и богатой творчествомъ, надоѣло наконецъ выводить въ романахъ героями или героинями *людей*: тамъ выведена героиней *лошадь*, и передъ этимъ фактомъ, мы склоняемся почтительно.

АНГЛІЙСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Конечно, одно заглавіе нашей статьи уже вызвало улыбку на лицѣ каждаго читателя. Кому не случилось видѣть тѣхъ страшныхъ, непостижимыхъ и бессмысленныхъ книгъ и статей о «Московіи», которыми подучаютъ европейскую публику большая часть иностранныхъ писателей. Но безспорно, въ ряду этихъ сочиненій пальма первенства принадлежитъ повѣстямъ и рассказамъ изъ русскаго быта, съ ихъ вѣчными *Ivan, tröika, knut, boyar* и такъ далѣе. Между же этими послѣдними, первое мѣсто, по всей справедливости, займетъ новый романъ изъ русской жизни, написанный однимъ неизвѣстнымъ англійскимъ авторомъ. Выписываемъ полное заглавіе этой курьезной диковины:

Черное и золотое, или Донъ! Донъ! Повѣсть изъ кавказской войны. Съ капитана В. Г. Паттена-Саундерса, европейскаго бойца. 3 тома. Лондонъ. Бентлей. 1864. ()*

Англійская литература, та самая, которая еще такъ гордится первыми въ свѣтѣ романами Вальтер-Скотта, Дикенса, Теккерея, Бульвера, Джорджа Эліота, можетъ также гордиться и романомъ неизвѣстнаго бойца. Это явленіе, однако, такъ интересно для насъ русскихъ, что за неизмѣнимъ подъ руками самой книги, мы познакомимъ съ нею читателей изъ критической статьи, помѣщенной въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ *Saturday Review*. Конечно, это знакомство будетъ неполное, критикъ даже не рассказываетъ всего

(*) Black and Gold, or the Don! the Don! A tale of the Circasian War. By Captain W. H. Patten-Saunders, the European champion athlete. 3 vol. London. Bentley. 1864.

содержанія и притомъ не можетъ, какъ человѣкъ незнакомый съ русской жизнью, исполнѣ понять всю прелесть дикой фантазіи автора, но все же и по представленнымъ образцамъ можно вполнѣ судить, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ невѣдѣнія, безсмысленности и нахальства доходить европейскій боецъ въ своемъ романѣ, обращенномъ къ нашему родному *Дону, Дону*.

«Мы прочли эту книгу — говорить *Saturday Review* — съ какимъ-то смутнымъ чувствомъ, и до сихъ норъ неувѣрены, что поняли ее какъ слѣдуетъ. Самое уже названіе темно до безконечности, хотя, впрочемъ, въ наше время никогда не должно исказъ какойнибудь связи между названіемъ сочиненія и его содержаніемъ. Чтѣ хочеть авторъ связать своимъ званіемъ или титуломъ *европейскаго бойца*? Когда и гдѣ учреждено такое званіе? За что оно дается? Къмъ? Какъ получилъ его капитанъ Паттен-Саундерсъ? Но вѣдь если онъ боецъ, значитъ, борется съ бѣмъ иллубудъ, значитъ, есть бойцы и у другихъ частей свѣта: есть боецъ азіатскій, и боецъ африканскій, и боецъ американскій, и боецъ австраліскій, противъ которыхъ капитанъ Паттен-Саундерсъ выступаетъ какъ защитникъ чести и могущества Европы. Кто же эти бойцы? И гдѣ происходитъ самая борьба, самый бой? Впрочемъ, всѣ эти трудные вопросы, представляющіеся намъ съ перваго взгляда на заглавіе этой книги, ничто въ сравненіи съ непроходимой трясинной, представляемой самымъ содержаніемъ ея. И все же она написана не безъ дарованія, и въ ней есть мѣстами какъ будто какаятосила. Описанія часто очень оживленныя и картинныя, эпизоды охотничьихъ приключеній рассказаны съ энтузіазмомъ и вообще во всемъ сочиненіи чувствуется какаятосвѣжесть и что французы называютъ *abandon*; это и дѣлаетъ романъ сноснымъ чтеніемъ въ свободную минутку. Какъ расходясь объ охотѣ и лошадахъ, сочиненіе это не безъ достоинствъ, потому что въ немъ собрано много интересныхъ данныхъ (??? Замятьте, что это говоритъ одинъ изъ лучшихъ критическихъ журналовъ Англии). Но какъ романъ или поэма (какъ, вѣроятно, автору хотѣлось бы назвать свое произведеніе), онъ ниже всякой критики; невозможно себѣ представить что иллубудъ невѣроятнѣе, фантастичнѣе, безсмысленнѣе. Нѣтъ ни одного характера, который бы былъ очерченъ живо, всѣ дѣйствующія лица автоматы. Разговоры болѣе ничего, какъ смѣсь напыщенныхъ, длинныхъ фразъ, которыя подражатели Вальтера Скотта всегда вкладываютъ въ уста историческихъ личностей, и высокопарной театральной рѣчи съ грубымъ, англійскимъ языкомъ лошадиниковъ и барышниковъ. *Героиня романа* — *старая кобыла*, удивительной красоты, силы и быстроты. Эта великолѣпная лошадь принадлежитъ одному русскому дворянину, который верхомъ на ней и по ея милости совершаетъ чудеса болѣе удивительныя, чѣмъ всѣ другія чудеса, рассказанныя въ этой книгѣ, а это много значитъ. Герой романа, если можно такъ назвать счастливаго обладателя героини, командуетъ отрядомъ иррегулярныхъ (?) казаковъ въ

кавказской арміи и совершаетъ такіа дѣла храбрости, что они на столько же превосходятъ всѣ подвиги Гайливингстона и Ашяса Ли, на сколько тѣ подвиги превосходили всякое вѣроятіе и возможность. Храбрость, мужество, ловкость мужчинъ и ихъ славныя чудеса уступаютъ только передъ красотой женщинъ, описываемыхъ намъ европейскимъ бойцомъ. Но тутъ мы вполне признаемъ право автора поражать насъ какими ему угодно блестящими красками, ибо для этого перенесенъ разсказъ на почву Кавказа, гдѣ авторъ можетъ предаться самымъ дикимъ фантазіямъ о женской красотѣ (?). Этимъ правомъ онъ пользуется очень широко; мы никогда не встрѣчали столько красавицъ въ одной книгѣ. Но тутъ другое горе: сила творчества не угодится за силой воображенія. Такъ, исписавъ цѣлыхъ пять страницъ и въ прозѣ и въ стихахъ о красотѣ одной изъ своихъ героинь, авторъ наконецъ приходитъ къ слѣдующей откровенной исповѣди, съ которой, вѣроятно, согласится всѣ читатели: «Не нужно было прибѣгать къ искусству парижскихъ башмачницъ, такъ ловко помогающихъ природѣ, чтобъ сдѣлать совершенную ножку, которая блистая своею хрупкой красотой, скрывалась въ вышитыхъ туфелькахъ того же цвѣта, какъ и поясъ—туфелькахъ, которыми только веселили взглядъ, не издавая ни малѣйшаго шума при прикосновеніи къ полу. Но всѣ мои несчастныя попытки представить вѣрный портретъ единственнаго въ своемъ родѣ и совершеннѣйшаго образца того, что можетъ быть сотворено по образу и подобию Творца вселенной—столь же оскорбительно похожи на великолѣпный оригиналъ, какъ всѣ старанія мѣдью и бронзой изобразить гениальное вдохновеніе великихъ поэтовъ. Всѣ эти попытки только окончились совершенной, полной и безусловной неудачей.»

Особенно эффектны въ произведеніи капитана Саундерса сцены любви; онѣ написаны съ значительной живостью, но мы должны замѣтить, что авторъ тутъ пренебрегаетъ и презираетъ не только вѣроятностью внѣшней обстановки, но и необходимою разницей, которая должна существовать между дикою женщиной и ея образованными сѣстрами. Вотъ, на примѣръ, отрывокъ изъ объясненія въ любви между *черкескимъ предводителемъ* и *краснокожей индианкой* изъ русской Америки. (Каково? эта сцена происходитъ на рѣкѣ Химъ, находящейся около 68° с. ш.!) Черкесь, да краснокожая индианка, объясняются въ любви на рѣкѣ *Химъ*, около 68°. Помните только, русскіе читатели, всю прелесть этого *около*, все величіе этой сцены изъ русской жизни.

«Есть что-то величественное, говорить черкесь: — въ созерцаніи этого первобытнаго лѣса, въ мысли что поколѣніе миновало за поколѣніемъ, и всѣ видѣли этотъ лѣсъ тѣмъ же неизмѣняющимся, неизмѣненнымъ; но сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь любовался этимъ величественнымъ зрѣлищемъ, при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ, чѣмъ мы, милая Хоши. Сегодня, канунъ нашей торжественной помолвки.

«— Думаешь-ли ты, Терекъ, что твоя любовь будетъ такъ же неизмѣнна, какъ этотъ лѣсъ?»

«— Клянусь въ этомъ, клянусь, Хоши!...

Немного далѣе, краснокожая индианка выражается такъ о своей любви:

«Сердце Хоши никогда не покидало ея, пока оно не отдалось тебѣ навѣки, Терекъ. Оно никогда не слышало клятвъ другаго человѣка, никогда нѣжныя слова любви не раздавались въ ея ухахъ. Если Хоши, какъ ты говоришь, цвѣтокъ, то ты найдешь его дрожащимъ, подъ блестящими каплями утренней росы, во всей непорочной красѣ».

«Изъ этого отрывка читатели видятъ, съ какимъ презрѣнiемъ авторъ смотритъ на мѣстный и національный колоритъ, которыми обыкновенно писатели стараются освѣтить свои картины для большей ихъ вѣрности. (Это глубокомысленное замѣчанiе принадлежитъ «Saturday Review»). Казаки у него настоящие джентльмены, они столь же храбры, какъ и образованы, а что касается до черкесовъ, то если образцы, представленные намъ авторомъ, вѣрны съ оригиналами, то надо только удивляться, отчего русскiе такъ долго возились съ покоренiемъ Кавказа; надо удивляться тому, что они встрѣтили въ черкесахъ какой-нибудь отпоръ. Конечно, намъ представлены тутъ картины сраженiй и битвъ, которыя должны были произвести потрясающiй эффектъ, но въ сущности, передъ нашими глазами дерутся плохiе актѣры на дрюленскомъ театрѣ, а не фанатическiе дикiе горцы, отстаивающiе грудью свои жилища, свои родныя горы.

«Впрочемъ, изъ всѣхъ фантастическихъ несообразностей, которыми кишитъ эта дивовидная книга, всего забавнѣе тѣ мѣста, гдѣ авторъ, чтобъ нѣсколько разнообразить свой поразительный, ужасный разсказъ, старается передать читателю научныя, полезныя свѣдѣнiя. Иногда эти свѣдѣнiя касаются географiи, и о достоинствѣ ихъ можно судить по тому, что арабы представляются кочующими на берегахъ озера *Балкаша*; иногда авторъ поучаетъ исторiи, религию и т. д. Нѣсколько примѣровъ не будутъ лишними:

«Вы найдете тамъ—говоритъ графиня—нѣсколько портретовъ, изображающихъ потомковъ армiи Александра-Великаго, изъ которыхъ значительное количество странствуетъ и нынѣ по вершинамъ Гималая. Мухамедане зовутъ ихъ «Невѣрными въ черной одеждѣ». Бухара съ ея 200,000 жителей, 11 воротами, 260 мечетями, 22 караван-сараями, занимающая 15 миль въ окружности, не представляетъ столько живописнаго, но можетъ служить самымъ обширнымъ, безграничнымъ полемъ для изученiя человѣческихъ расъ. Тамъ вы встрѣтите многихъ потомковъ разсѣявшихся еврейскихъ племенъ; нѣтъ никакого сомнѣнiя, что жида Хорасана, Бухары, Самарканды и *Baltch-Shahr-Sals* (русская графиня говоритъ въ оригиналѣ *Baltch-Shahr-Sals* и потому мы восстанавливаемъ англiйское названiе, чтобы насъ не

заподозрили въ желаніи измѣнить ученую рѣчь этой по истинѣ удивительной русской графини. И гдѣ это скрывается такая ученая, всевѣдущая графиня, ужь не на той же ли рѣкѣ Химѣ около 68° с. ш.), точно также какъ потомки Чингис-хана и ногайскіе татары и племя такъ называемое: Нуфтали (Nuphtali) составляютъ остатки отъ разбросанныхъ по свѣту десяти еврейскихъ колѣбъ. Обитатели же Хивы, безъ сомнѣнія, тѣ самые хурити, которыхъ изгналъ изъ Обѣтованной земли Иисусъ Навинъ; вмѣстѣ съ цыганами и сынами Елама.»

«Вскорѣ послѣдній разсказчикъ остался одинъ въ мраморной залѣ и принялся за писаніе цѣлой бучи писемъ. Зала эта хотя и очень красивая была, очень темная, даже мрачная отъ высокихъ оконъ и черного мраморнаго пола; не то чтобъ самыя окна были малы, но въ нихъ вставлены толстыя, темныхъ цвѣтовъ стекла, особливо въ главномъ восточномъ окнѣ. Въ среднемъ звѣнѣ этого окна представлена прекрасно выполненная фигура во весь ростъ Иродіады, жены Ирода Филиппа, которая бѣжала отъ мужа и вышла замужъ за брата своего перваго мужа, за Ирода Антипу и имѣла дочь Саломію, которая выпросила голову Іоанна Крестителя на блюдѣ. На одномъ же изъ боковыхъ звѣньевъ представленъ также очень артистически Саластій, царь-паслухъ, поборившій Египетъ и бывшій фараономъ въ 1584 г. до Р. Х., и о которомъ говорится, что новый царь не зналъ Іосифа» (Критикъ, приводящій эти отрывки, не упоминаетъ, гдѣ находится эта курьезная зала, и потому мы имѣемъ полное право предположить, ужь не въ Петербургѣ ли? Да ужь коли пошло на вредположенія, то намъ сильно кажется, что краснокожая индианка и русская графиня не составляютъ ли одно и то же лицо, и не въ этомъ ли и надо искать причины непонятнаго свѣдѣнія этой непостижимой графини?).

До сихъ поръ мы перевели слово въ слово статью англійскаго критика, но далѣе онъ пускается въ длинныя разглагольствованія и совѣтуетъ европейскому бойцу бросить всякія претензіи на избращенія характеровъ и нравовъ, а просто писать исторію своихъ чудесныхъ похожденій на Кавказѣ, въ Сибири или гдѣ бы онъ тамъ ни бывалъ, предсказывая ему въ этомъ успѣхъ. Вообще по всему тону статьи замѣтно, что критикъ не совершенно увѣренъ въ полной бессмысленности всего, что разсказываетъ, европейскій боецъ, а только сомнѣвается въ существованіи рѣки Химы около 68-го градуса, краснокожей индианки на этой рѣкѣ и тому подобныхъ мелочей.

Мы съ своей стороны можемъ выразить свое искреннее сожалѣніе, что почтенный критикъ не представилъ намъ болѣе отрывковъ изъ этого курьезнаго явленія современной литературы, ибо признаемся, у насъ никогда не хватитъ смѣлости пуститься самимъ въ страшную трущобу трехтомнаго произведенія автора. Мы спрашиваемъ одно: возможна ли у насъ такая литератур-

ная бессмыслица, такое невѣжество?—Кто будетъ читать наши курьезы, тотъ увидитъ.—Во всякомъ случаѣ приведенный романъ и преимущественно отзывъ англійскаго журнала еще разъ подтверждаютъ продолжающееся невѣжество Западной Европы относительно всего, что касается Россіи.

„СОВРЕМЕННОМУ“.

НА Сорокъ страницъ его полемики противъ «Отч. Записокъ». (Совр. дек. 1864).

Еслибы у кого-нибудь достало терпѣнія читать остроумныя полемическія статьи «Современника», подъ которыми подписывается обыкновенно *Посторонній Сатирикъ*, мы бы не писали этого короткаго отвѣта; онъ не былъ бы необходимъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой-то господинъ, сильно поддѣлывающійся подъ манеру г. Салтыкова (Щедрина), нѣкогда соредактора въ «Современникѣ» — этотъ *посторонній* господинъ, злоупотребляющій чужой манерой писать, умѣлъ наполнить сорокъ страницъ (*ex-sez du reu*) личной бранью на редакторовъ «Отч. Записокъ», главнымъ образомъ по поводу двухъ обвинительныхъ пунктовъ: *вопервыхъ*, зачѣмъ «Отечест. Записки» въ 1865 году будутъ выходить *два раза* въ мѣсяцъ, вмѣсто одного; и *вовторыхъ*, зачѣмъ «Отч. Зап.» въ своей статьѣ «Опытъ о добродѣтели въ полемикѣ», напомнили «Современнику» о должныхъ границахъ приличія въ полемическихъ статьяхъ. Другаго повода, хоть десять разъ пусть читатель перечтетъ сорокъ страницъ «Современника» — не было. Остановимся же на этихъ поводахъ.

До того тронулъ редакцію «Современника» двухнедѣльный выходъ «Отечественныхъ Записокъ», что она исписавъ сорокъ страницъ полемическаго задора, не успокоилась на этомъ; измѣнила прежнее свое объявленіе, и новое начала «такими жалкими» словами, *неизвѣстно къ кому относящимися*:

«Трудно сказать, что будетъ дѣлать новаго наша журналистика въ 1865 году, собирающаяся *дѣлать очень много*, какъ видно изъ того, что *нѣкоторые* (какіе бы это?) журналы сочли нужнымъ *участвовать* сроки выхода книжекъ. Мы съ своей стороны... не учашаемъ срока выхода книжекъ нашего журнала»... и т. д.

Ясно?

Мы были увѣрены, что задуманная нами перемѣна заслужитъ одобреніе публики, когда писали объявленіе; теперь мы можемъ сказать съ полнымъ убѣжденіемъ и доказательствами, что не ошиблись — публика одобрила насъ. Недоставало намъ одобренія

журналовъ. И вотъ явились *дот статьи*, одна длиннѣе другой; обѣ въ враждебныхъ намъ журналахъ, обѣ направленныя *противъ* перемѣны въ «Отеч. Зап.». Еслибы враги наши хвалили насъ, мы пришли бы въ уныніе; значило бы, мы ошиблись. Но теперь они бранятъ насъ, именно во время подписки—значить, мы вполне правы. «Если врагъ твой хвалить тебя, бойся его», извѣстна русская поговорка.

Другой поводъ въ *сорока* страницамъ «Современника» подала статья наша «Опытъ о добродѣтели въ полемикѣ». Но статья эта до того добродѣтельна по своимъ тенденціямъ, что ее успѣлъ уже подкрѣпить общій голосъ публики, который нашелъ полемикѣ «Современника» съ «Эпохой» крайне неприличной, и что хуже—скучной и незанимательной для читателя. Чѣмъ же тутъ огорчаться на насъ? Еслибы «Современнику» мало было этого общаго голоса, то мы сослались бы на мнѣніе одного бойца, которому море по колено, когда онъ входитъ въ азартъ полемики. Этого литературный боецъ—изъ школы того же «Современника», молится тѣмъ же богамъ и сотворилъ себѣ тѣ же кумары, чтѣ и «Современникъ». Мы говоримъ о нѣкоторомъ г. Зайцевѣ, сотрудникѣ «Русскаго Слова», избрѣвшемъ выраженія: «сапоги лучше Шекспира», «Лермонтовъ—поэтъ золотушныхъ барышень» и т. п. Упоминаемъ все это въ тому, что писатель въ родѣ г. Зайцева, непременно долженъ любить крѣпкія полемическія выраженія; но и тотъ выразился о полемическихъ статьяхъ «Современника», своего патрона, такимъ образомъ: «Перебранки, доходящія до такихъ изумительныхъ непристойностей, составляющихъ главную и самую видную часть журналистики, свидѣтельствуютъ о плачевномъ состояніи литературы».

Послѣ такого отзыва, чтѣ остается намъ прибавить о *сорока* страницахъ непристойной брани, уже противъ насъ, а не противъ «Эпохи»? А вотъ чтѣ:

Вопервыхъ, отвѣту на эту брань мы не находимъ нужнымъ удѣлять болѣе страницки, или доскутка пустой бумаги, которая останется за напечатаніемъ другихъ статей нашего журнала. Брань не стоитъ *большаго*. Мы знаемъ, чтѣ такое *Посторонній Сатирикъ* и какой кладезь премудрости кроется въ немъ; къ чему же мы будемъ наводить тоску на читателя, толкуя съ нимъ о томъ, о чемъ уже толковали и перетолковали прежде?

Вовторыхъ, мы желаемъ дать совѣтъ «Современнику»—и имѣемъ право дать этотъ совѣтъ, потому что самъ «Современникъ» на *сорока* страницахъ разсѣялъ много совѣтовъ въ нашу пользу—мы обращаемся къ редакціи «Современника» такъ (*): зачѣмъ

(*) Въ томъ числѣ и г. Салтыкову, хотѣли мы сказать, но заглянувъ на послѣднюю страницку декабрьской книжки «Современника», увидѣли письмо г. Салтыкова, сухо-лаконическое, въ которомъ онъ наотрѣзъ отказывается отъ редакціи «Современника».

вы губите журналъ, пустивъ на свои страницы какого-то *Посторонняго критика*, который не можетъ сказать истинны въ родѣ: «Современникъ» лучше всѣхъ журналовъ», безъ того, чтобы о такой высокой истинѣ не исписать полкниги? Этакой полемикой не оживите журнала, когда въ немъ нѣтъ души, и не займете читателя, когда въ статьѣ одна поддѣлка подъ чужой юморъ. Брань и сильныя выраженія къ вамъ нейдутъ, потому что за вашею бранью не кроется ничего, никакой мысли, вамъ присущей. Вы поете съ чужаго голоса и чужую пѣсню. Рутинна *Посторонняго Сатирика* до того велика, что онъ даже въ размѣрѣ статей несамостоятеленъ. Здѣсь онъ слѣдуетъ примѣру автора «Полемиическихъ Красотъ», какъ въ своемъ насильно-выдавленномъ наборѣ словъ старается поддѣлаться подъ бойкую веселость Щедрина. Но авторъ «Полемиическихъ Красотъ» зналъ, когда нужно остановиться и о чемъ писать, а *Посторонній Сатирикъ* пишетъ обо всемъ, что бы ни попало подъ руку, стрижи — такъ объ стрижахъ, докторскій колпакъ — такъ о докторскомъ колпакѣ... и никогда не останавливается.

Вотъ почему мы не можемъ удѣлить на отвѣтъ вамъ болѣе странички въ нашемъ журналѣ — и мы полагаемъ, что этого довольно.

Что касается до нападокъ «Эпохи» на наши преобразования — нападокъ, о которыхъ мы слышали, но которыхъ еще не читали — то онѣ намъ были бы такъ же лестны, какъ и недобрые отзывы Современника, ибо тоже идутъ изъ вражескаго лагеря. Но, къ сожалѣнiю, «Эпоха» издается «семействомъ», какъ сказано въ программѣ на 1865 годъ, а въ семьѣ не безъ урода, то-есть не безъ исключенiя. Тутъ ужъ другiя соображенiя.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ.

Переводъ «Илиады» лордомъ Дерби; отзывъ о немъ «Times'a». — Что такое борголицецъ по опредѣленію англійскаго журнала «North British Review?» — Смерть Прудона, Гильомена и Мар'Коллоха. — Извѣстіе о построеніи храма и сквинн у морноновъ. — Новѣйшія данныя о развитіи кооперативныхъ обществъ въ Англіи. — Международный конгрессъ въ Амстердамѣ. — Генеральное собраніе въ Веймарѣ всѣхъ отраслей учрежденія въ честь Шиллера (Shillerstiftung). — Дѣятельность шекспировскаго общества — Вопросъ объ университетѣ въ Валлисѣ. — Слухи о новыхъ явленіяхъ французской литературы. — Степень турецкаго эстетическаго пониманія и степень развитія нѣкоторыхъ нравственныхъ общественныхъ потребностей у турокъ. — Новый регламентъ о прессѣ въ Турціи. — Картина Пилоти (Piloty): «Валенштейнъ на пути въ Эгеръ». — Курьезный пропускъ по поводу музыки Вагнера. — Отзывъ Д. Ноола о мюнхенской консерваторіи и мнѣніе его о музыкальной природѣ нѣмцевъ. — Успѣхъ «Генри Дунбара» на парижской сценѣ. — Ожидаемая новая опера Гуно: «Ромео и Юлія». — Отзывъ «Gazette Musicale» о музыкѣ Шумана.

Въ прошлой книжкѣ журнала, въ нашихъ замѣткахъ, мы упомянули, между прочимъ, о томъ, въ чемъ ищутъ отдыха англійскіе государственные люди въ свободные часы отъ государственныхъ дѣлъ и какъ многообильно воздаютъ они своей странѣ вскользь и почти шути за эти прогульные часы, за возможность позабыть на время свой официальный фракъ и отдаться своимъ личнымъ интересамъ и вкусамъ въ своемъ кабинетѣ. Намъ недолго пришлось ждать свѣжаго подтвержденія нашей замѣткѣ: предъ англійскою публикой явился новый литературный дѣлатель изъ числа ея важнѣйшихъ современныхъ государственныхъ людей съ книжкой поэтическаго перевода никогда неувадаемой *Илиады* Гомера. Эта новая книга есть въ то же время новое доказательство совершенства тѣхъ рабочихъ силъ, на плеча которыхъ Англія возлагаетъ всю тяжесть своихъ государственныхъ дѣлъ, если онѣ — эти силы — ищутъ отдыха въ изученіи, переводѣ или критикѣ величайшихъ памятниковъ человѣческаго гевія. «Мы можемъ без-

Т. СLVIII. — Отд. II. 7

опасно сказать — говорить англичане и говорить совершенную правду — что характеристическая черта, въ которой наша страна первенствуетъ предъ всѣми другими, это — что наши руководящіе люди съ высшимъ умственнымъ образованіемъ соединяють самую многотрудную опытность; что погружаясь въ шероховатія подробности практическаго труда, они, въ то же время, просвѣщаютъ и поучаютъ себя наиболѣе полными образцами идеальнаго совершенства. Перечень сочиненій, внесенныхъ на службу классическому и общему образованію нашими государственными людьми за послѣдніе годы, составитъ замѣчательный каталогъ и въ будущемъ послужитъ честью нашему времени.*

Въ числѣ чувствъ, волнующихъ человѣка, слова эти, слова частнаго человѣка, сказанныя откровенно и гордо предъ лицомъ всего міра о руководящихъ людяхъ своей страны, вызываютъ чувство, которое мы не затрудняемся причислить къ числу наиболѣе приятныхъ для гражданина. Въ томъ же перечнѣ, о которомъ упоминаетъ «Times» по поводу перевода «Илиады» лордомъ Дерби, этотъ трудъ займетъ почетное мѣсто какъ по капитальной литературной важности предмета, такъ и по мастерству исполненія, не говоря уже о громадномъ успѣхѣ его въ англійскомъ обществѣ. Между тѣмъ, успѣхъ произведенія по классической литературѣ между образованными англичанами есть дѣло вовсе не легкое: извѣстно, что ни одинъ народъ не щеголяетъ такъ знаніемъ классической древности, какъ англичане. Лордъ Россель, говоря недавно на митингѣ въ Эбердинѣ о политическихъ дѣлахъ, сказалъ, между прочимъ, что Цезарь и большинство римскаго сената были въ пользу казни *смертію* участниковъ въ заговорѣ Катилины. Въ «Times» тотчасъ же было напечатано письмо отъ «Духа Цезаря», въ которомъ этотъ духъ громко протестовалъ противъ ошибки достопочтеннаго графа: «Я горячо говорилъ противъ наказанія смертію заговорщиковъ — замѣтилъ «Духъ Цезаря» — и предлагалъ конфисковать лишь ихъ собственность, самихъ же заковать въ цѣпи по разнымъ городамъ. Я всегда отступалъ предъ пролитіемъ крови за политическія преступленія, и еслибы графъ Россель прочелъ надлежащимъ образомъ *Саллюстія*, онъ не только не сдѣлалъ бы упомянутой ошибки, но увидѣлъ бы, что именно обо мнѣ, противопоставляя мой характеръ Катонову, Саллюстій говорить:

Mansuetudine et misericordia clarus factus (*).

Выборъ предмета для перевода сдѣланъ лордомъ Дерби также, кажется, весьма удачно. Что въ англійской публикѣ существуетъ до сихъ поръ большая потребность въ такомъ переводѣ Гомера, который бы могъ дать вполне удовлетворительную идею о великомъ подлинникѣ, видно изъ огромнаго числа переводовъ Го-

(* То-есть, былъ славенъ протостью и милосердіемъ.)

мера, всевозможныхъ размѣровъ и родовъ, появившихся за послѣднее время въ Англіи. Такой запросъ приводитъ насъ къ заключенію, совершенно противоположному тому, которое слышится въ словахъ почтеннаго лорда въ предисловіи къ его труду, когда онъ говоритъ, что «вкусъ и оцѣнка классической литературы приходятъ въ Англіи въ большой упадокъ.» Не изъ устъ ли англійскаго критика слышимъ мы, что Гомеръ стоитъ въ такомъ же отношеніи къ поэмамъ Теннисона, какъ аттическая колонна къ дорафаэлевской картинѣ, и что если наши чувства пресыщаются одной, то, напротивъ, они освѣжаются строгой и граціозной простотой другой. Вотъ почему англійскіе критики недовольны, между прочимъ, и переводомъ Гомера Попе: его главные красоты и заключаются именно въ сообщеніи оригиналу того яркаго колорита, который пресыщаетъ чувство. Переводъ лорда Дерби, по отзывамъ англичанъ, передаетъ совершенно прозрачно Гомера. Переводчикъ не пытался передать строго-подстрочно подлинникъ, но онъ въ то же время и не взялъ на себя, подобно Попе, вольности поэта отлить гомеровы мысли въ произвольныя подражательныя формы. Онъ думалъ, кажется, что ясный и честный переводъ въ состояніи послужитъ живымъ отраженіемъ гомеровскаго сіянія, когда скромно говоритъ, что былъ бы удовлетворенъ, еслибы строки его труда «вызвали въ комъ нибудь воспоминаніе о слабыхъ звукахъ, услаждавшихъ дни младенчества и еслибы въ переводѣ его сохранился хотя самый слабый слѣдъ благоуханія оригинала.» Лордъ Дерби описываетъ слѣдующимъ образомъ въ предисловіи планъ своего труда:

«Моей постоянной дѣлью было дать переводъ, а не передѣлку; не такой, конечно, переводъ, который удовлетворилъ бы относительно каждаго слова строгія требованія школьной точности, но такой, который открыто и честно передавалъ бы смыслъ и духъ каждаго мѣста и каждой строки, ничего не опускаая и ничего не распространяя, но тщательно стараясь сохранить за всякимъ возможнымъ для перевода греческимъ эпитетомъ его особый и отличительный характеръ.»

По отзывамъ англичанъ, лордъ Дерби какъ нельзя успѣшнѣе выполнилъ свою задачу; англійскаго читателя прежде всего поражаютъ въ переводѣ изящная ясность и грація стіля; Гомеръ отличается силой и сосредоточенной красотой, и потому ясное и скромное отраженіе этой силы и красоты въ переводѣ Дерби даетъ болѣе полное представленіе объ оригиналѣ, чѣмъ многія болѣе честолюбивыя попытки на томъ же поприщѣ. Однимъ словомъ, по отзыву Times'a, переводъ лорда Дерби есть «лучшій представитель гомеровою *Илиады* на англійскомъ языкѣ.»

Такого отзыва достаточно, чтобъ почтять скромность не только диллетанта, но любого профессора классической литературы; а такой скромности, съ какою лордъ Дерби выступилъ предъ англійскою публикою, достаточно, чтобъ ее рекомендовать даже нашимъ самобытнымъ твердамъ.

Кстати объ английской литературѣ. Вотъ какъ отзывается объ одной изъ породъ ея современныхъ дѣателей английскій журналъ «North British Review»:

«Современная английская литература похожа на клочокъ земли, который былъ когда-то прелестнымъ садомъ, но теперь заросъ шведлами, и въ этомъ-то засоренномъ состояніи поощряетъ на подвиги борзописца (penny-a-liner), призваніе котораго состоитъ въ томъ, чтобъ навидываться на всякій свѣжій фактъ и трагтовать о немъ самымъ многословнымъ и отдаленнымъ отъ предмета образомъ. Подобно тугу (*), онъ душитъ жизнь безъ приговора длинной веревкой словъ. Вообще этотъ убійца родного языка имѣетъ самыя поверхностныя понятія о чтеніи по складамъ. Онъ не напишетъ правильно подъ диктовку: «irrelevant» или «veterinary», или даже «separate». Женщины, въ томъ положеніи, которое нѣмцы называютъ положеніемъ «добраго ожиданія» (guter Hoffnung) или «интереснымъ», у него всегда *берьменны* (expectante) (**). Наступаетъ морозъ, убійца торжествуетъ при мысли о возможныхъ случайностяхъ на льду, но его познанія о нулѣ термометра — самыя запутанныя. Иногда онъ вамъ скажетъ, что въ «запрошлую ночь нуль подвѣлся до точки замерзанія, но когда взошло солнце — нуль внезапно упалъ и стала оттепель.» Стоградусный термометръ представляется ему, повременамъ, не шутя, нѣкимъ злокозненнымъ чудовищемъ, какимъ-то дѣшимъ, невзначай набрасывающимся на людей, вслѣдствіе чего онъ и предостерегаетъ своихъ читателей не рисковать никомъ образомъ кататься на льду, пока стоградусный термометръ показываетъ ниже нуля, но обождаютъ, пока они не усмотрятъ, что ихъ старый пріятель Фаренгейтъ спустился ниже точки замерзанія, что доказываетъ, что, по мнѣнію «убійцы», двѣ термометрическихъ лѣсенки служатъ Ормуздомъ и Ариманомъ для катающихся на конькахъ, добрымъ и злымъ началами мороза, между тѣмъ, какъ на дѣлѣ объ эти лѣсенки выражаютъ, хотя и различнымъ образомъ, но совершенно одно и то же. По словамъ «убійцы», всѣ «случаи» непременно «страшны», впрочемъ, чаще онъ предпочитаетъ «катастрофу» — «случаю». Выкинуло огонь изъ трубы — «убійца» сейчасъ кричитъ «пожаръ», да и не просто «пожаръ», а «ужасный пожаръ». Описываетъ онъ лавочку: у него она непременно выйдетъ «обширнымъ заведеніемъ», между тѣмъ въ этомъ заведеніи всѣ занятія производятся парю рукъ какого нибудь стараго инвалида, принимающаго въ починъ старую обувь. При спускѣ корабля онъ весь сіяетъ, но все-таки чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ, пока не опишетъ, какъ «благородное торжество морской архитектурной постройки» — такъ называетъ онъ корабль — «скользнуло подобно молвіи въ свою родную стихію», хотя слѣ-

(*) Такъ называютъ членовъ известной тайной индійской секты думителей.

(**) Здѣсь нарочно искажено слово въ подлинникѣ.

дуетъ замѣтить, что въ кораблѣ нѣтъ ни одной части, для которой бы вода, соленая или свѣжая, была «родной стихіей». Борзописецъ всюду шныряетъ, и немудрено поэтому, если мы встрѣтимъ его объясняющимъ послѣднюю рѣчь королевы, при чемъ онъ не въ состояніи удержаться, чтобъ не заставить королеву говорить о «дружественномъ примиреніи» между враждующими державами, точно примиреніе можетъ быть чѣмъ нибудь инымъ, какъ дружественнымъ. Иногда онъ поднимается даже на воздушномъ шарѣ, по крайней мѣрѣ, по его словамъ, хотя мы и съ трудомъ довѣряемъ ему. Будь мы въ это время на мѣстѣ и облечены, подобно Нерону, неограниченной властью; будь мы, кромѣ того увѣрены, что это *постмдній* изъ несчастной породы—мы безъ малѣйшаго угрызения совѣсти приняли бы такіа мѣры, чтобъ ни воздушный шаръ, ни борзописецъ, поднявшійся въ немъ, никогда не возвратились на землю. Пусть онъ отправлялся бы на луну и описывалъ читателямъ этой планеты землю, но избавилъ бы эту послѣднюю отъ своей особы и своего каляканья. Но, увы! онъ поднялся и спускается обратно и снова болтаетъ о «ветеранѣ-аэронавтѣ» и о нулѣ, поднимавшемся и опускавшемся въ продолженіе его увеселительной прогулки по воздуху!...

Интересно бы знать, что сказали бы почтенный англійскій журналъ, еслибъ ему предложили оцѣнить нѣкоторые изъ цвѣтковъ нашего роднаго борзописанія въ родѣ, напримѣръ, «тепличнаго, ботаническаго лиризма *на выносъ*», или новѣйшую ариеметическую выкладку о 80 миліонномъ народонаселеніи въ Англій?

— Въ два часа пополудни 7-го (19-го) января въ Парижѣ скончался Прудонъ на 56-мъ году отъ рожденія, оставивъ жену и двухъ маленькихъ дочерей. вмѣстѣ съ желѣзнымъ умомъ Прудонъ обладалъ и желѣзнымъ здоровьемъ; но какъ бы ни было могуче здоровье чловѣка, сорокъ лѣтъ лпхорадочнаго труда въ потѣ лица изъ-за насущнаго куска хлѣба, сорокъ лѣтъ труда честнаго пролетарія и нѣжнаго отца, сорокъ лѣтъ жизни таланта, неумѣннаго ни предъ чѣмъ сгибаться, кромѣ собственнаго, искреннаго убѣжденія, сокращаютъ и желѣзное здоровье. Онъ не дожилъ до того почтеннаго термина жизни, на которомъ привыкли оканчивать свою дѣятельность англійскіе лорды, съ маститыми знаніемъ и опытностью въ государственныхъ дѣлахъ, но и съ великолѣпными помѣстьями. Прудонъ жилъ въ Пасси, въ одномъ изъ бывшихъ парижскихъ предмѣстій, въ квартирѣ изъ трехъ небольшихъ комнатъ. Сколько сочиненій, брошюръ, статей написано Прудономъ, довольно громкихъ и извѣстныхъ, и что же? Не оказалось денегъ, чтобъ похоронить его! Друзья и знакомые составили для этого подписку, а общество франк-массоновъ выдало впередъ деньги, необходимыя для погребенія и найма дрогъ... Газета «Temps» сообщаетъ слѣдующія подробности о погребеніи Прудона: «Сегодня 9-го (21-го) января въ часъ пополудни происходили

похороны Прудона въ Пасси при стеченіи многочисленной публики, журналистовъ, литераторовъ, ученыхъ, студентовъ и рабочихъ. Предъ разверстой могилы исчезли всѣ несогласія во взглядахъ и мнѣніяхъ и уступили мѣсто глубокому уваженію къ нравственнымъ качествамъ покойнаго. Даже тѣ лица, которыхъ Прудонъ задѣвалъ неразъ въ своихъ полемическихъ статьяхъ, и тѣ явились отдать послѣдній долгъ покойному и оплатить преждевременную утрату замѣчательнаго писателя и достойнаго человѣка. Толпа народа болѣе часа тѣснилась въ большой улицѣ въ Пасси, какъ появился линейный полкъ, дефилировавшій по улицѣ съ музыкой и барабаннымъ боемъ. Присутствовавшіе, нѣсколько взволнованные незванными гостями, закричали солдатамъ, что тутъ есть покойникъ. Командиръ полка съ величайшей любезностью тотчасъ же приказалъ музыкѣ замолчать и, проходя мимо дома Прудона, салютовалъ шпагой, барабаны же отдали честь. Нѣсколько минутъ спустя, то же самое случилось и съ полкомъ гвардейскихъ гренадеръ. Командиръ этого полка точно такъ же отдалъ салютъ. Въ три часа пополудни останки Прудона были отвезены прямо на кладбище. На могилѣ было произнесено двѣ рѣчи и замѣчаніе одного оратора, что у семейства Прудона не осталось ни одного гроша—никого, конечно, не могло удивить, кто зналъ безкорыстіе покойнаго.

Газета парижскихъ студентовъ «La Rivegauche» вышла въ день смерти Прудона съ черною каймою. Говорятъ, что послѣ Прудона осталось нѣсколько рукописей. Одно сочиненіе касается вопросовъ искусства, другое—разбираетъ политическія способности рабочихъ классовъ. Друзья покойнаго намѣрены скорѣе издать его избранныя сочиненія и сдѣлать его бюстъ. Въ числѣ оставшихся рукописей его называютъ «Исторію Библии», за которую одинъ издатель предлагалъ вдовѣ Прудона 30,000 фр.

— Французская политико-экономическая литература лишилась недавно одного изъ почтенныхъ и даровитыхъ ея дѣателей — Гильомена (Guillaumin), издателя «Journal des Economistes», умершаго внезапно отъ болѣзни сердца. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ основателей французскаго политико-экономическаго общества, существующаго теперь уже 20 лѣтъ, и весьма много содѣйствовалъ своей дѣятельностью распространенію во Франціи изученія экономической науки. Гильоменъ былъ постояннымъ секретаремъ этого общества. Въ 1836 г., онъ издалъ довольно-извѣстный между специалистами *Dictionnaire du Commerce et des Marchandises* (словарь торговли и товаровъ); сочиненіе это выдержало нѣсколько изданій и явилось въ каждомъ новомъ изданіи въ болѣе исправленномъ и увеличенномъ видѣ. Въ 1841 г. онъ основалъ «Journal des Economistes» — извѣстный органъ французскихъ экономистовъ, въ которомъ принимали участіе многіе изъ знаменитыхъ воборниковъ началъ свободной торговли. Съ 1844 г., Гильоменъ сталъ издавать (сначала вмѣстѣ съ Жозе-

фомъ Гарнье) *Annuaire de l'Economie Politique et de la Statistique* (Ежегодникъ политической экономіи и статистики), имѣвшій большой успѣхъ, какъ ежегодная настольная справочная книга экономическихъ и статистическихъ свѣдѣній. Почти въ то же время онъ издалъ *Собрание главныхъ экономистовъ*, въ которое вошли сочиненія всѣхъ главныхъ двигателей экономической науки, отъ Кенэ, основателя школы французскихъ экономистовъ, Тюрго, Вобана и др. до Ж.-Б. Сэ и Адама Смита включительно. Г. Гильомеъ издалъ также по многимъ фактическимъ свѣдѣніямъ весьма полезный *Словарь Политической Экономіи*. Онъ же издавалъ *Библиотеку Современныхъ Экономистовъ и Публицистовъ*, въ которую вошли, между прочимъ, сочиненія Д.-Стюарта Милля, Мак'Коллоха, американца Кэри и др.

По своимъ политико-экономическимъ убѣжденіямъ, Гильомеъ принадлежалъ къ школѣ экономистовъ. По его мнѣнію недуги, тяготящіе надъ народомъ, всегда одинаково тяжки, присваиваетъ ли одна часть населенія продукты труда другой, стремятся ли отдѣльныя личности, составляющія народъ, установить между собою равенство имуществъ и бѣдствій. Отсюда, по его понятію, слѣдуетъ, что неравенство между отдѣльными личностями, изъ которыхъ состоитъ народъ, есть законъ ихъ природы; что слѣдуетъ, насколько возможно болѣе, просвѣщать людей о причинахъ и послѣдствіяхъ ихъ дѣйствій и что наиболѣе благоприятное для всѣхъ видовъ прогресса положеніе есть то, въ которомъ каждый несетъ изду за свои пороки и гдѣ никто не можетъ похитить у другого плодовъ его добродѣтели и трудовъ... Вотъ въ краткихъ словахъ точка зрѣнія, съ которой Гильомеъ относился къ политико-экономическимъ явленіямъ.

— Англія также утратила одного изъ своихъ наиболѣе ученыхъ и извѣстныхъ экономистовъ — Мак'Коллоха. Этотъ ученый нечуждъ и образованію русскаго юношества. Всякому, кому близокъ учебникъ политической экономіи г. Горлова, долженъ быть настолько же близокъ и Мак'Коллохъ, такъ-какъ енига г. Горлова положительно переполнена выдержками изъ мнѣній и взглядовъ этого ученаго.

Мак'Коллохъ родился въ графствѣ Вигтонъ, въ Шотландіи, въ 1789 г., слѣдовательно умеръ на 76 году отъ рожденія. Первоначальное образованіе онъ получилъ отъ своего дѣда, шотландскаго священника. По окончаніи школьнаго образованія, онъ былъ помѣщенъ родителями писцомъ въ мѣстный судъ; но скоро бросилъ свои занятія здѣсь, переѣхалъ въ Эдинбургъ и посѣщалъ публичные лекціи мѣстнаго университета втеченіе двухъ лѣтъ; онъ не приготовлялся, впрочемъ, къ какой либо исключительной профессіи и не получилъ отъ университета никакой ученой степени. Только въ 1817 г. (на 28 году возраста), одна случайная статья Мак'Коллоха, присланная имъ въ *Scotsman*, повела къ сотрудничеству его въ этомъ журналѣ, а нѣкоторое время онъ былъ его издателемъ. Въ слѣдующемъ году, Мак'Коллохъ

напечаталъ рядъ статей въ *Edinburgh Review* и читалъ въ то же время публичныя лекціи политической экономіи. Въ 1820 г., Мак'Коллохъ переѣхалъ въ Лондонъ, участвовалъ здѣсь во многихъ періодическихъ изданіяхъ и продолжалъ публичныя чтенія о политической экономіи. Въ 1828 г., онъ былъ избранъ лондонскимъ университетомъ для занятія катедры политической экономіи; но число студентовъ, посѣщавшихъ его лекціи, было недостаточно, чтобъ взносы ихъ могли удовлетворить его за труды, и потому черезъ три года Мак'Коллохъ оставилъ профессуру. Въ 1838 г., правительство виговъ сдѣлало его контролеромъ лондонскаго *Stationery-Office* — бюро, котораго обязанность — наблюдать за печатаніемъ правительственныхъ бумагъ и заготовленіемъ канцелярскихъ и типографскихъ матеріаловъ и т. п. для англійскихъ административныхъ учрежденій. Получая 1,000 ф. стерл. въ годъ жалованья, Мак'Коллохъ оставался на этомъ мѣстѣ до самой своей смерти. Кромѣ того онъ пользовался ежегодной пенсіей въ 200 ф. с. изъ государственнаго бюджета, назначенныхъ ему саромъ Робертомъ Пилемъ за литературныя заслуги. Мак'Коллохъ былъ компиляторомъ англійскихъ «Синихъ Книгъ». По отзыву англійскихъ газетъ, когда Мак'Коллохъ вступилъ въ свою должность, бюро заготовленій представляло «огіевы стойла». Хотя своей строгой экономіей и неувистью во взяточничеству, Мак'Коллохъ приобрѣлъ себѣ много враговъ, но, какъ громко свидѣтельствовали его отчеты и донесенія парламенту, онъ съ большимъ успѣхомъ очистилъ прежнія «стойла» отъ чиновничьихъ нечистотъ.

Но главнымъ образомъ имя составилъ себѣ Мак'Коллохъ своими литературными трудами — плодомъ сорокалѣтнихъ научныхъ занятій и опытности. Его чтенія въ Лондонѣ часто посѣщались англійскими государственными людьми; сотрудничество же его въ періодической литературѣ было весьма обширно и разнообразно. Въ 1837 г., онъ издалъ *Statistical Account of the British Empire* (Статистику британскаго государства). По отзыву А. Бланки, это — лучшее систематическое сочиненіе по статистикѣ Великобританіи. Оно выдержало послѣдовательно нѣсколько изданій. Другой капитальный трудъ Мак'Коллоха есть его *Dictionnary of Commerce* (Коммерческій Словарь), выдержавшій нѣсколько изданій; нѣкоторыя изъ статей его такъ важны, что представляютъ цѣлыя спеціальныя сочиненія. Этотъ словарь подаль мысль и послужилъ планомъ для Гильоменова Коммерческаго Словаря, о которомъ мы уже говорили выше. Оба сочиненія — самыя капитальныя изъ трудовъ Мак'Коллоха; они были перепечатаны въ Соединенныхъ Штатахъ и переведены на многие европейскіе языки. Труды Мак'Коллоха по отдѣльнымъ экономическимъ вопросамъ были довольно многочисленны и всѣ болѣе или менѣе представляютъ цѣнныя вклады въ сокровищницу политико-экономической науки. Въ 1828 г., онъ издалъ въ 4-хъ томахъ in 8-о Смитову *Wealth of Nations*, съ биографіей автора, введеніемъ, примѣчаніями. Это — лучшее изъ из-

вѣстныхъ изданій знаменитаго труда Адама Смита. Въ 1835 г. онъ издалъ свои *Трактаты и опыты объ экономической политикѣ*, въ которые вошли критическіе очерки учений Кенъ, Адама Смита, Рибардо. Въ томъ же году появилось послѣднее изданіе его *Начала политической экономіи*. Въ 1848 г., онъ издалъ весьма замѣчательный трудъ: *A treatise on the Succession to property, vacant by death etc.* (Трактатъ о правѣ наслѣдованія).

Библіотека Мак'Коллоха была одна изъ самыхъ замѣчательныхъ по полнотѣ. Въ ней собраны были не только почти всѣ появлявшіеся въ Англіи труды по политической экономіи и статистикѣ, но и почти всѣ иностранныя сочиненія по этимъ предметамъ, въ томъ числѣ и всѣ извѣстные памфлеты. Въ 1855 г. онъ издалъ *Библиографію политико-экономической литературы*, съ историческими, критическими и біографическими замѣчаніями—вещь драгоценную для спеціалиста, особенно по отношенію къ *англійской* экономической литературѣ. Два года спустя, онъ напечаталъ частнымъ образомъ, въ нѣсколькихъ оттискахъ, весьма замѣчательный *Толковый каталогъ*, составляющій библиографическую рѣдкость, такъ - какъ немногіе экземпляры его авторъ подарилъ своимъ частнымъ и литературнымъ друзьямъ. Умъ Мак'Коллоха не былъ изобрѣтательнымъ: онъ изслѣдовалъ и объяснял мысли другихъ. Онъ былъ сильнѣе въ статистикѣ, чѣмъ въ политической экономіи; но всѣ его труды отличаются ясностью и отчетливостью изложенія.

— Какъ фактъ изъ той области вѣдѣнія, которой послужили особенно трое упомянутыхъ литературныхъ дѣятелей: Прудонъ, Гильоменъ и Мак'Коллохъ, считаемъ небезъинтереснымъ занести въ наши замѣтки извѣстіе о строеніи храма и скниіи завѣта въ городѣ Большаго Соленаго озера, у мормоновъ. Корреспондентъ издающагося въ Сен-Луи журнала *Republican*, описываетъ слѣдующимъ образомъ эти постройки: Что поражаетъ каждаго наблюдателя при взглядѣ на строящійся храмъ — это весьма замѣчательная солидность каменной кладки: кажется, что строитель рассчитываетъ на тысячелѣтія, впродолженіе которыхъ долженъ оставаться непоколебимымъ на своихъ могущественныхъ основахъ этотъ храмъ. Стилъ архитектуры храма нѣсколько оригиналенъ. Лицевая сторона представляетъ три башни, изъ которыхъ срединная выше двухъ боковыхъ. Задній фасадъ храма представляетъ такіа же три башни. Боковыя стѣны поддерживаются могучими устоями, покрытыми башнями; стѣны высокие; общій видъ зданія весьма импозантный. Излишка въ орнаментальныхъ украшеніяхъ нѣтъ: все солидно, съ достоинствомъ и впечатлительно. Зданіе предназначается не для народныхъ собраний, но для церковной службы. Народныя же собранія будутъ происходить въ другомъ проектированномъ зданіи—въ «скниіи»—возади перваго. По словамъ корреспондента, это будетъ одно изъ оригинальнѣйшихъ по рисунку зданій: оно будетъ имѣть видъ

овала, какъ по наружному очерку, такъ и внутри. Въ настоящее время 52 массивныхъ устоя прочной каменной работы (10 ф. длины на 4 ф. толстоты) указываютъ на будущій наружный очеркъ зданія. На эти устои наложится овальная крыша. Полъ залы также будетъ имѣть овальную форму и покроеся рядомъ возвышающихся одно надъ другимъ, въ видѣ амфитеатра, сидѣній. Стѣны не будутъ сплошными; такъ-какъ зданіе предназначается для обширныхъ собраний, то обращено особенное вниманіе на освѣщеніе и вентиляцію, вслѣдствіе чего почти все зданіе будетъ состоять изъ оконъ и дверей. Оно покрываетъ площадь 32-хъ саж. съ небольшимъ длины и 25 саж. ширины, и рассчитано для вмѣстительности 10,000 человекъ. Здѣсь священники и старѣйшины будутъ просвѣщать народъ. Стоимость этихъ зданій должна быть громадна; но всѣ издержки по постройкѣ вносятся членами мормонской церкви деньгами и трудомъ. На вопросъ корреспондента, во сколько по сметѣ оценены издержки на постройку храма и скинии?—ему отвѣчали съ улыбкой: «Мы не высчитываемъ издержекъ такимъ образомъ. Когда мы рѣшаемъ сдѣлать что-нибудь, то это дѣлается безъ расчета издержекъ, каждый участвуетъ своей частью въ предпріятіи». Президентъ мормоновъ, Браямъ Юнгъ—главный наблюдатель и въ то же время архитекторъ сооружаемыхъ зданій. Онъ самъ осматриваетъ всѣ работы и указываетъ мѣсто каждому камню.

— Пройдши разъ мы обѣщались сообщить читателямъ о заведеніяхъ англійской національной ассоціаціи для распространенія соціальной науки. Президентъ этого общества, восьмидесятишестилѣтній лордъ Брумъ, выразилъ въ началѣ своей рѣчи къ собравшимся членамъ (600 человекъ членомъ и сообщникомъ) сожалѣніе, что ему, старику, еще разъ приходится уступить настойчивому желанію своихъ друзей-сочленомъ и занять президентскія кресла, хотя онъ находитъ болѣе способныхъ и молодыхъ членомъ, достойныхъ занять президентскія кресла. Мы привыкли къ скромности лучшихъ англійскихъ дѣятелей, и потому тотъ горько ошибся бы, кто сталъ бы заключать изъ словъ почтеннаго лорда Брума, что время президентства его прокоидитъ, и что у старика ослабѣваютъ умственные силы, чтобъ держаться съ честью на томъ высокомъ мѣстѣ, на которомъ «настойчиво» удерживаютъ его друзья. Стоитъ лишь пробѣжать пять большихъ столбцовъ «Times'a» самой убористой печати, въ которыхъ выстѣлалась рѣчь лорда Брума, чтобъ оставить за 86-лѣтнимъ старикомъ всѣ права на обширную память, мастерство изложенія и умѣнье въ немногихъ словахъ дѣлать скатше и яснее очерки весьма серьезныхъ и разностороннихъ вопросовъ. Ни одно изъ болѣе или менѣе важныхъ соціальныхъ явленій въ жизни народной и вышней политикѣ государствъ за истекшій годъ не было забыто лордомъ Брумомъ въ его рѣчи. Было бы весьма долго передавать все содержаніе рѣчи почтеннаго лорда, и потому мы оста-

новимся на нѣкоторыхъ болѣе живыхъ вопросахъ, затронутыхъ въ ней. Что можетъ быть, напримѣръ, живѣе вопроса о коопераціи? Безъ сомнѣнія, англійскому законодательству, какъ замѣтилъ лордъ Брумъ, остается еще чрезвычайно много сдѣлать для улучшенія быта рабочаго класса, но во всякомъ случаѣ въ Англии этотъ классъ обладаетъ большою долей свободы дѣлать многое для себя собственной инициативой, и дѣлаетъ многое, какъ доказываютъ слѣдующія цифры: въ концѣ 1863 г. въ Англии и Валлисѣ было 454 кооперативныхъ общества, изъ которыхъ только 72 не имѣли барышей, частью отъ небрежности, частью по непродолжительности времени отъ ихъ основанія; число членовъ остальныхъ 381 было 108,588, изъ которыхъ 22,732 ч. прибыли въ 1863 году; сумма, уплаченная за товары, доходить до 2,370,153 ф. ст.; суммы, полученныя за товары, составляютъ 2,626,471 ф. ст., доставляя такимъ образомъ сообщникамъ барыша 213,623 ф. ст. Данныхъ о кооперативныхъ обществахъ за истекшій 1864 годъ, полученныхъ лордомъ Брумомъ, по его словамъ, показываютъ значительное увеличеніе числа этихъ обществъ, ихъ капиталовъ и оборотовъ. Барыши въ этихъ обществахъ распределяются пропорціонально наемъ участивовъ. Всѣ обороты находятся въ рукахъ самихъ же работниковъ и изъ барышей по большей части отдѣляется извѣстный процентъ на образованіе особаго капитала, который обыкновенно также употребляется на производительныя работы коопераціи. Но задачу большинства этихъ обществъ составляетъ покупка и продажа продуктовъ, потребляемыхъ самими членами. Такимъ образомъ барыши здѣсь наживаются пропорціонально потребленію, и что въ особенности утѣнительно, что наибольшая часть ихъ употребляется на дѣло образованія, на покупку книгъ, журналовъ и на поддержаніе читателей.

Но самый замѣчательный шагъ и, безспорно, чрезвычайно важный по своимъ благотворнымъ послѣдствіямъ для кооперативныхъ обществъ сдѣланъ въ Англии учрежденіемъ генеральнаго агентства отъ всѣхъ англійскихъ кооперативныхъ обществъ, для оптоваго снабженія ихъ товарами. Инициатива въ этомъ важномъ улучшеніи принадлежитъ г. Гринвуду изъ Рочдела, который еще въ мартѣ 1863 г. предложилъ планъ учрежденія агентства на обсужденіе конференціи изъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ кооперативныхъ товариществъ Ланкашира и Йоркшира. Планъ этотъ былъ единодушно принятъ уполномоченными и въ прошломъ году приведенъ въ исполненіе. Въ Манчестерѣ учреждена контора агентства и всѣ издержки, включая покупку и продажу матеріаловъ, покрываются весьма малыми взносами отъ членовъ обществъ, вступившихъ въ сношеніе съ агентствомъ. Всѣ товары, требующіе обществами, закупаются агентствомъ оптомъ у большихъ торговцевъ и доставляются этими послѣдними на счетъ получателей, вслѣдствіе чего товары приобретаются п лучшихъ качествъ и дешевле. Какъ ни важенъ этотъ шагъ для будущности кооперативныхъ обществъ въ Англии, онъ далеко еще не имѣетъ того

выдающагося значенія, которое представляетъ фактъ значительнаго увеличенія этихъ обществъ въ Англїи: вмѣсто 332 обществъ съ 90,000 членовъ въ 1862 г., въ 1863 является уже 454 общества съ 108,000 членовъ; сумма же платежей за товары возвысилась за то же время съ 2,300,000 ф. ст. съ барышомъ въ 145,000 ф. ст. до 2,600,000 съ барышомъ 213,000 ф. ст. Многое въ этомъ успѣшномъ развитіи англійской коопераціи лордъ Бруиъ приписываетъ неутомимой дѣятельности г. Питмана и вліянію на рабочіе классы руководимаго имъ журнала «Кооператоръ». Г. Питманъ посѣщаетъ промышленные центры и читаетъ рабочимъ лекціи о важномъ и благотѣльномъ значеніи для нихъ коопераціи.

Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ тѣхъ сбереженій и барышей, которые выражаются цифрами въ сотняхъ-тысячъ рублей, кооперація оказываетъ чрезвычайно хорошее нравственное вліяніе на рабочихъ. Она развиваетъ ихъ умственные силы, вызываетъ въ нихъ чувство независимости, которое, при извѣстныхъ условіяхъ, лучше всего поднимаетъ нравственное достоинство человѣка. На американскихъ корабляхъ, ведущихъ торговлю съ Китаемъ, вошло въ обычай, что каждый матросъ получаетъ часть барышей отъ рейса, и этому обстоятельству приписываютъ отличное поведение этихъ матросовъ, и рѣдкость столкновеній ихъ съ народомъ и администраціей Китая. Въ самой Англїи издавна существуетъ весьма краснорѣчивый примѣръ вліянія коопераціи на нравственный складъ рабочихъ. Въ Корнуэльсѣ руда эксплуатируется предпринимателемъ съ соучастіемъ самихъ рудокоповъ, которые берутъ обыкновенно извѣстный процентъ съ дѣны добытаго ими минерала. Эта система имѣетъ, конечно, свои невыгоды для рабочихъ, но по вліянію своему на ихъ бытъ и характеръ, она поставила корнуэльскихъ рудокоповъ на передовое мѣсто между англійскими рабочими классами. Рудокопы эти не только развиты умственно весьма высоко, но и очень свѣдущи. Обычное сознаніе себя участникомъ въ предпріятіи сообщило чувству ихъ независимости американскій оттѣнокъ (*). Потому-то нѣтъ ничего удивительнаго, если мы узнаемъ, что рудокопы эти живутъ въ собственныхъ домахъ, построенныхъ на арендуемой ими землѣ на время трехъ поколѣній, то-есть на 99 лѣтъ, и что изъ 300,000 ф. с., внесенныхъ въ сберегательныя кассы Корнуэльса, двѣ-третьи принадлежатъ этимъ рудокопамъ.

— Финансовый итогъ, сдѣланный на послѣднемъ генеральномъ собраніи британской ассоціаціи, о которой мы сообщали въ прошлой книжкѣ журнала, далъ слѣдующіе результаты: 287 старыхъ пожизненныхъ членовъ; 40 новыхъ пожизненныхъ членовъ, 400 ф. с.; 181 старыхъ ежегодныхъ членовъ, 181 ф. с.; 103 новыхъ ежегодныхъ члена, 206 ф. с.; 1119 общниковъ, 1119

(*) По отзыву Д.-Стварта Милла, Др. Вархамы и Самюэля Лэнга.

ф. с.; 1,058 дамъ, 1058 ф. с.; всего внесено 2,964 ф. с., что составить на наши деньги 18,613 р 92 к.

Кромѣ финансоваго итога, въ этихъ цифрахъ особенно интересна цифра дамъ — общницъ британской ассоціаціи. Всѣ прошлогодніе научные конгрессы, впрочемъ, по общимъ отзывамъ, отличались особенно обильнымъ приливомъ женщинъ. Такъ, напри- мѣръ, въ послѣднихъ засѣданіяхъ международнаго конгресса социаль- ныхъ знаній въ Амстердамѣ, число ихъ почти равнялось числу муж- чинъ. Отсюда мы вправѣ заключать, что серьезныя разговоры о научныхъ вопросахъ перестаютъ уже наводить скуку на дамъ, и если теперь остается чего желать въ будущемъ, то это, чтобы дамы съ ученымъ разговоромъ не наводили скуки на мужчинъ.

— Скажемъ кстати нѣсколько словъ о международномъ кон- грессѣ, собиравшемся въ минувшемъ году въ Амстердамѣ. Извѣ- стно, что три года тому назадъ, бельгийцы, по примѣру англи- чанъ, основали ассоціацію, отъкрытую для всѣхъ, къ какой бы кто изъ европейскихъ національностей ни принадлежали; цѣль этой ассо- ціаціи—выяснять и распространять, посредствомъ обсужденія всѣхъ вопросовъ, интересующихъ социальную жизнь, всѣ истины, которыя могутъ содѣйствовать матеріальному и нравственному развитію об- щества. Первое собраніе этой ассоціаціи происходило въ Брюсселѣ, въ 1862 г.; второе въ Гентѣ, въ 1863, и наконецъ третье (26 сен- тября—2 октября) въ Амстердамѣ. Самъ собою приходять въ голову вопросъ: почему бы до сихъ поръ не былъ избранъ для собра- нія международнаго конгресса ни одинъ изъ городовъ Франціи— страны, повелитель которой, какъ извѣстно, такой горячій при- верженецъ политическихъ конгрессовъ? Существуетъ, конечно, много тому причинъ; въ число ихъ, можетъ быть, слѣдуетъ вклю- чить и самое непостоянство горячности Наполеона III въ этомъ дѣлѣ: послѣ того, какъ онъ предлагалъ порѣшить судьбы Польши на международномъ конгрессѣ, судьбы итальянской столицы были порѣшены одной нотой Друэнъ-де-Люиса.

Много близорукихъ утилитаріевъ смотрять на подобные кон- грессы, лишь какъ на случай поговорить, удобный для болтуновъ, отставныхъ политиковъ, утопистовъ, которыхъ никто не хочетъ слушать, и отрицаютъ безусловно, чтобы могло выйти что либо хорошее изъ этихъ сборищъ, гдѣ обо всемъ рассуждаютъ, ни- чего не рѣшая и расходятся безъ всякаго видимаго результата. Но рассуждать такъ, значило бы не понимать цѣли этихъ со- браній. Въ нихъ дѣло идетъ вовсе не о томъ, чтобы въ каіеи нибудь семь-восемь дней изслѣдовать au fond социальныя вопросы, еще менѣе о томъ, чтобы принимать окончательныя рѣшенія по нимъ. Главная ихъ задача состоитъ въ распространенія духа социальнаго изслѣдованія, вкуса къ свободному и мирному обсуж- денію вопросовъ, интересующихъ всѣхъ, духа терпимости и сравненія противоположныхъ мнѣній. Преслѣдованіе этихъ цѣлей не приноситъ немедленныхъ плодовъ, но съѣтъ много благодат-

нихъ зародышей, правда незамѣтныхъ, но они проростутъ въ общественномъ сознаниіи и принесутъ въ свое время плоды.

Международный конгрессъ раздѣлялъ свою программу между нѣсколькими специальными отдѣленіями: 1) сравнительнаго законодательства; 2) образования и воспитанія; 3) искусства и литературы; 4) гигиены и благотворительности; 5) политической экономіи. Утреннія засѣданія посвящались занятіямъ специальныхъ отдѣленій; послѣобѣденныя — попеременно одному изъ специальныхъ отдѣленій; отсюда слѣдуетъ, что болѣе специальныя, техническія обсужденія вопросовъ унадали на утро, ораторскій же элементъ преобладалъ послѣ обѣда. По свидѣтельству очевидцевъ, дни усерднѣе посѣщали послѣобѣденныя, общія засѣданія, хотя нѣкоторые принимали участіе и въ утреннихъ. Въ числѣ посѣтительницъ особенно выдавалась своимъ образованнымъ умомъ одна бельгійская дама, баронесса Кромбрюгге, говорившая во второмъ отдѣленіи.

Какъ въ специальныхъ, такъ и въ общихъ засѣданіяхъ международнаго конгресса въ прошломъ году, первенствующая роль во интересу поднятыхъ вопросовъ и оживленности преній, принадлежала отдѣленіямъ литературы и искусствъ и политической экономіи. Въ первомъ, вопросъ о *христіанскомъ искусствѣ* поглощалъ цѣлыя засѣданія. Нѣкоторые отрицали, чтобъ существовалъ на сколько нибудь цѣнный характеръ искусства, который заслуживалъ бы названіе христіанскаго, утверждая, что искусство есть выраженіе извѣстнаго состоянія общества, но не продуктъ представленной религіи; нѣкоторые говорили даже, что искусство и христіанство враждебны одно другому въ самомъ принципѣ: одно выждется на открытой враждѣ ко всему чувственному и матеріальному, тогда какъ другое — искусство — не можетъ, не самоуничтожая себя, обойтись безъ матеріальныхъ элементовъ и физическихъ ощущеній. Напротивъ, другіе поддерживали ту мысль, что истинное искусство не можетъ существовать внѣ христіанства, вводя, однакоже, подъ опредѣленіе *христіанскій* все, что имѣетъ право на названіе «прекраснаго». Пренія много пострадали оттого, что спорящіе сходились въ смыслѣ, придаваемомъ ими слову «христіанскій». Такъ, напримѣръ, между защитниками, какъ и между противниками христіанскаго искусства, находились такіе, для которыхъ христіанство и католицизмъ представлялись однимъ и тѣмъ же, тогда-какъ другіе были совершенно противоположнаго мнѣнія. Все это естественно запутывало пренія. Безъ сомнѣнія, искусство, точно такъ же какъ и религіозные обычаи, подвержены вліянію и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, служатъ выраженіемъ состоянія общества. Но не признавать первостепенной роли, которую играютъ природа и духъ религіозныхъ вѣрованій въ различныхъ отправленияхъ общественной жизни — значило бы отрицать самую очевидность. Христіанское искусство среднихъ вѣковъ не могло возникнуть, какъ только въ этотъ періодъ; но можно-ли составить себѣ надежанную идею

о средних вѣках вѣ христіанства? Ничто въ мірѣ не повторяется въ пережитыхъ разѣ формахъ; не повторится, разумѣется, и искусство средних вѣковъ, также какъ не повторится значеніе и вліяніе на него, какъ и на весь духовный складъ общества, христіанской церкви этого періода. Переживаемая нами эпоха не представляетъ цѣльнаго, законченнаго момента общественнаго сознанія; это—переходная эпоха, въ которую искусство, наравнѣ съ другими проявленіями духовной дѣятельности современнаго человѣка, ищетъ исхода, опредѣленныхъ формъ, но не нашло еще ихъ. Наше время не выработало еще опредѣленнаго философскаго созерцанія, потому оно не выработало и опредѣленныхъ формъ искусства. Что въ свое время христіанство выразить свое вліяніе на искусство, такъ или иначе — объ этомъ не можетъ быть спора, и что остается неизвѣстнымъ—то это родъ этого вліянія, потому что неизвѣстна та роль, которую готовитъ ему будущее играть въ судьбахъ человѣчества.

Споръ о христіанскомъ искусствѣ въ международномъ конгрессѣ имѣеть чрезвычайно важное фактическое значеніе: онъ нарушилъ установленное конгрессомъ правило обходить обсужденіе религіозныхъ вопросовъ. Правило это принято учредителями международнаго общества, въ видахъ религіозной терпимости, но едва-ли фактически оно можетъ оставаться ненарушеннымъ. Одинъ изъ членовъ конгресса справедливо замѣтилъ по этому поводу, что въ наше время нѣтъ возможности говорить объ изящныхъ искусствахъ, литературѣ, воспитаніи, благотворительности, даже о политической экономіи, чтобъ религіозный вопросъ не появился не только на горизонтѣ, но совершенно вблизи васъ. Вотъ почему во второмъ отдѣленіи конгресса, когда зашла рѣчь о воспитаніи, слышались восклицанія: «Не надо воспитательныхъ монастырей!» «Не надо религіозныхъ корпорацій, которыя выдѣлывали бы молодые умы для своихъ цѣлей!»

Мы минуемъ здѣсь колониальный вопросъ, возбуждвшій много шумныхъ преній въ отдѣленіи политической экономіи, такъ-какъ вопросъ этотъ, въ томъ видѣ какъ онъ разбирался, имѣлъ исключительный интересъ для Голландіи.

Амстердамцы считали долгомъ какъ можно радушиѣе принять своихъ гостей. Король самъ подалъ тому примѣръ: засѣданія конгресса происходили въ его дворцѣ, а принцъ Оранскій, старшій сынъ короля, принималъ участіе въ прощальномъ обѣдѣ, данномъ горожанами членамъ конгресса. Для нихъ былъ открытъ свободный входъ во всѣ музеи, акваріумы, точно также какъ и во всѣ общественные кружки голландской столицы. Каждое изъ засѣданій конгресса радушиемъ амстердамцы заканчивали какимъ-нибудь удовольствіемъ: балами, театральными представленіями, концертами и въ завершеніе — великолѣпнымъ фейерверкомъ. Устраивались общія прогулки въ школы, ремесленныя заведенія, въ Заандамъ, на знаменитую полировальную фабрику брильянтовъ

и т. д. Большое число членовъ конгресса были приглашены осматриваться въ домахъ нѣкоторыхъ амстердамскихъ фамилій.

Такъ встрѣчаютъ въ образованныхъ странахъ представители науки...

— Въ началѣ минувшаго ноября, въ Веймарѣ происходило генеральное собраніе представителей всѣхъ отраслей такъ называемаго «Учрежденія въ честь Шиллера» (Shillerstiftung). Собраніе это было чрезвычайно интересное и оживленное, такъ-какъ представители этихъ различныхъ отраслей учрежденія (числомъ 21: въ Баденѣ, Берлинѣ, Бреславлѣ, Кельнѣ, Данцигѣ, Дармштадтѣ, Дрезденѣ, Франкфуртѣ, Гамбургѣ, Кёнигсбергѣ, Лайбахѣ, Лейпцигѣ, Любенѣ, Майцѣ, Мюльхенѣ, Нисбургѣ, Оффенбахѣ, Нюрнбергѣ, Штутгартѣ, Веймарѣ и Вѣнѣ) по большей части въ то же время и представители современной германской литературы. Всѣ ожидали, что засѣданія шиллеровскаго общества будутъ оживлены, и дѣйствительно, пренія вслѣсь въ немъ весьма одушевлены, и дѣйствительно, пренія вслѣсь въ немъ весьма одушевлены, что весьма естественно для учрежденія, сравнительно недавно основаннаго, и по главнымъ пунктамъ котораго различные члены извѣстны своими противоположными мнѣніями. Учрежденіе въ честь Шиллера существуетъ уже пять лѣтъ, и съ каждымъ годомъ важность его возрастаетъ и возрастаетъ; оно стало сразу, какъ многіе справедливо ожидали, дѣйствительно національнымъ учрежденіемъ, имѣющимъ силы принести много добра для германской литературы и ея дѣятелей. Но какъ Римъ былъ выстроенъ не въ одинъ день, точно такъ же было бы слишкомъ требовательнымъ ожидать, чтобы и въ шиллеровскомъ національномъ обществѣ — учрежденіи и недавнемъ, и первомъ въ своемъ родѣ — дѣла сразу пошли самымъ лучшимъ образомъ. Необходимъ былъ опытъ, искусство, какъ и во всякомъ практическомъ предпріятіи, и пятилѣтній опытъ дѣйствительно доказалъ, что многіе изъ статутровъ и положеній учрежденія тормозятъ и останавливаютъ его свободное и широкое развитіе. Вопросъ о публичности распредѣленія вспоможеній, еще до собранія общества довольно долго занимавшій германскую журналистику, вызвалъ особенно живыя пренія; обѣ оппонировавшія стороны одинаково ловко выставляли свои аргументы. Противники публичности, къ которымъ принадлежали Гутцковъ, секретарь учрежденія, Юнгъ изъ Кельна и Опперманнъ, ссылались на примѣръ Англій и Франціи, гдѣ начало тайны въ случаяхъ подобныхъ установленій, строго соблюдается. Г. Гаазе изъ Бреславля называлъ публичность копьемъ древняго мѣза, которое въ то же время, какъ наносило рану, сообщало и силу выздоровленія. Наконецъ, публичность значительнымъ большинствомъ голосовъ одержала верхъ.

Другой щекотливый вопросъ, возбуждвшій шумныя пренія, касался избранія центральнаго пункта, главнаго мѣстопребыванія учрежденія, которое до сихъ поръ оставалось за Веймаромъ.

Статуты общества опредѣляютъ, чтобъ центральнй пунктъ перемѣнялся каждыя пять лѣтъ, и что одинъ и тотъ же городъ, для этой же цѣли, не можетъ быть избранъ вторично. Если принять въ соображеніе, что имя великаго германскаго поэта и его дѣятельность довольно тѣсно связаны съ Веймаромъ, что въ этомъ городѣ живутъ многіе изъ членовъ совѣта управленія общества, то казалось бы, что этотъ городъ имѣетъ нѣкоторые права остаться центральнымъ пунктомъ для шиллеровскаго общества. Однакоже, вопросу о центральномъ пунктѣ суждено было сдѣлаться камнемъ преткновенія для единодушнаго исхода засѣданій: одному свидѣтелю бурныхъ преній по этому вопросу задалось вполнѣ встать привести почтеннымъ членамъ на память слова Шиллера въ «Телгѣ»: *Seid einig!* (Вудьте единодушны). Въ то время, какъ большинство членовъ подаю голоса за переизбраніе вновь Веймара, въ качествѣ центральнаго пункта учрежденія, отиѣная вмѣстѣ съ тѣмъ вышеупомянутый параграфъ статута, нѣкоторые изъ побочныхъ отраслей учрежденія, какъ, на примѣръ, представители отъ Лейпцига отказались участвовать въ дальнѣйшихъ преніяхъ, и протестовали противу принятаго рѣшенія, объявивъ его незаконнымъ и недѣйствительнымъ. Было обсуждено и рѣшено нѣсколько другихъ интересныхъ вопросовъ. Между прочимъ, о томъ: должно ли общество употреблять свои фонды исключительно для благотворительныхъ цѣлей, ставя, такимъ образомъ, себя «большимъ госпиталемъ для пролетаріевъ отъ пера», какъ выразился Яковъ Гриммъ; или же оно должно также поощрять и вознаграждать въ видѣ признательности и тѣхъ, которые не имѣютъ безусловной необходимости въ денежной поддержкѣ. Послѣдній взглядъ былъ принятъ членами, и такъ-какъ и въ этомъ отношеніи пришлось измѣнить прежній уставъ, то оказывается, что учрежденіе Шиллера возродилось къ лучшему въ свое послѣднее генеральное собраніе.

— Но вотъ и еще одно извѣстіе изъ Веймара: о дѣятельности шекспировскаго общества. Слѣдуетъ припомнить, что общество это образовалась въ день празднованія въ Веймарѣ трехсотлѣтняго юбилея Шекспира; при немъ — распорядительный комитетъ изъ Д-га Ульрича (извѣстнаго британца и комментатора Шекспира), Воденштедта, Делюса (издатель и комментаторъ Шекспира), Экарта, Лео, Дингельштедта, и одного-двухъ другихъ. Въ ноябрѣ прошлаго года всѣ эти лица собирались въ Веймарѣ, и результатъ ихъ совѣщаній какъ нельзя болѣе благоприятенъ для будущности шекспировскаго общества въ Германіи. Судя по количеству взносов въ кассу общества, есть вѣроятность въ предстоящемъ устройствѣ въ Веймарѣ шекспировской бібліотеки и изданіи шекспировскаго альманаха. Проф. Воденштедтъ взялъ на себя изданіе этого альманаха, и статьи, которыя войдутъ въ его первую книгу, обѣщаютъ много привлекательнаго для читателей великаго поэта. Dr. Кобенштейнъ дастъ исторію Шек-

сыра въ Германіи; самъ издатель — отрывки изъ неожиданныхъ мануаровъ г-ни Сиддэксъ, сообщенныхъ ему ея дочерью; затѣмъ нѣсколько эстетико-критическихъ статей другихъ писателей. Кроме того, общество назначило премію во сто фредерикдоръ и новый переводъ, принявшій въ спеціальной постановкѣ «Панболана»; одѣяна такого перевода предоставляется тремъ членамъ комитета, которые не будутъ въ числѣ соискателей, и двухъ директоровъ германскихъ театровъ. Затѣмъ общество признало необходимымъ возвысить изученіе англійскаго языка въ германскихъ университетахъ, гдѣ самое незначительное меньшинство профессоровъ обращаютъ вниманіе на англійскій языкъ и литературу, вслѣдствіе чего англійскій языкъ занимаетъ въ нихъ во степени занятій такое же мѣсто, какъ еврейскій — во крайней мѣрѣ по словамъ доклада, читаннаго въ обществѣ однимъ изъ членовъ.

— Въ Лондонѣ собирався митингъ валлійцевъ для обсужденія вопроса объ учрежденіи въ Валлисѣ университета. Дѣла насъ, конечно, нѣтъ большой важности въ томъ, будетъ или нѣтъ университетъ въ Валлисѣ, но интересно прослѣдить, какимъ образомъ возникаютъ подобныя учрежденія въ Англіи. Какъ и всегда въ этой странѣ, и на этотъ разъ инициатива принадлежитъ обществу, прямо заинтересованнымъ въ дѣлѣ ищущемъ. Оказывается, что вопросъ объ учрежденіи университета занимаетъ уже цѣлый годъ почтенныхъ валлійцевъ; изъ нихъ, многіе друзья высшаго образованія, по первому слову объ университетѣ, подписались на почтенныя суммы, доходившія вмѣстѣ до нѣсколькихъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, и все это дѣлалось прежде, чѣмъ въ печати возбужденъ былъ вопросъ объ университетѣ въ Валлисѣ и не прибѣгая за пожертвованіями къ населенію этого княжества. Г. Морганъ Ллойдъ, одинъ изъ валлійцевъ, сказалъ на митингѣ, что было бы желательно довести подписку до 50,000 ф. с., и когда эта сумма будетъ собрана, тогда валлійцы могутъ явиться въ парламентъ и сказать: «намъ нуженъ университетъ; мы пришли не какъ нишіе, и въ доказательство, что мы серьезно думаемъ объ университетѣ, мы добровольно подписались на 50,000 ф. ст. Вы (то-есть законодатель) много сдѣлали для другихъ частей имперіи: вы учредили образовательныя учрежденія для англичанъ, вы давали деньги на воспитаніе шотландцевъ, вы давали деньги на воспитаніе ирландцевъ, но вы ничего не давали на Валлисѣ и никогда ничего не сдѣлали для Валлиса. Мы желаемъ быть во всемъ равными съ англичанами, и потому просимъ отъ васъ дѣла справедливости — учредить у насъ университетъ». Ораторъ заключилъ свою рѣчь слѣдующимъ предложеніемъ, встрѣченнымъ общими рукоплесканіями присутствующихъ: «Собравшіеся убѣждены, что княжество Валлисъ, населеніе котораго достигло цифры 1,200,000, торговля же и естественныя богатства быстро развиваются, и интересы котора-

ге такъ во многомъ зависитъ отъ распространенія въ немъ англійскаго языка и вообще англійской культуры, имѣеть право на коллегіальныя учрежденія и университетскія привилегіи, подобныя тѣмъ, которыми наслаждаются остальные части Соединеннаго Королевства». Рѣшеніе это было принято единогласно. Между прочимъ, одинъ изъ членовъ, г. Никольсъ, поддерживая это предложепіе, замѣтилъ, что хотя желѣзныя дороги значительно измѣнили положеніе княжества относительно ближайшихъ высшихъ образовательныхъ заведеній собственной Англїи, но что въ каждомъ изъ англійскихъ университетовъ содержаніе воспитанника не обходится менѣе 150 ф. с. въ годъ, а въ итонской школѣ менѣе 250 ф. На это «одинъ изъ оксфордцевъ» отвѣчалъ въ *Evening Mail*, что въ настоящее время, нѣкоторые изъ оксфордскихъ коллегіумовъ содержатъ и обучаютъ студентовъ за весьма низкую сумму вознагражденія, 60 ф. с. въ годъ, а въ другихъ коллегіумахъ 80—90 ф. покрываютъ всѣ издержки. Валлійцамъ, какъ и всѣмъ другимъ подданнымъ Соединеннаго Королевства, открытъ доступъ во всѣ коллегіумы всѣхъ англійскихъ университетовъ, и въ чемъ дѣйствительно нуждаются валлійцы, по мнѣнію «оксфордца», то это въ среднихъ образовательныхъ заведеніяхъ, на основаніе которыхъ имъ и слѣдовало бы обратить свое вниманіе. Кембриджъ и Оксфордъ отстоятъ лишь на нѣсколько часовъ пути отъ любого пункта княжества валлійскаго; на тѣ образовательные дары, которые они такъ щедро расточаютъ англійскому юношеству, они одинаково же щедры были и будутъ къ валлійцамъ, но что, еслибы эти послѣдніе и основали университетъ у себя, было бы слишкомъ смѣло надѣяться, что молодые люди получали бы въ немъ одинаковое образованіе съ тѣми, котораго даютъ старыя университеты, Кембриджъ и Оксфордъ, да и издержки на содержаніе воспитанниковъ въ провинціальномъ коллегіумѣ едва-ли бы не превысили тѣ, которыя необходимы въ старыхъ университетахъ.

— Нѣкоторые изъ слуховъ о предстоящихъ къ появленію въ печати французскихъ литературныхъ новостяхъ довольно интересны: ожидаютъ выхода новаго тома лирическихъ стихотвореній Виктора Гюго, подъ заглавіемъ: «*Chansons des rues et des bois*». «Популярнѣйшій изъ современныхъ французскихъ авторовъ», какъ скромно назвалъ себя недавно Ал. Дюма, получилъ, говорятъ, приглашеніе изъ Америки написать что нибудь романическое по поводу продолжающейся тамъ междоусобной войны. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если кондичіи будутъ выгодны, Ал. Дюма напишетъ «что нибудь» и, пожалуй, даже съ нѣкоторымъ трескомъ напишетъ, но... что за охота американцамъ популяризировать свою рѣзню красками Ал. Дюма? Да притомъ этотъ писатель занять теперь такимъ важнымъ дѣломъ: онъ обнародываетъ свою частную корреспонденцію, съ комментаріями къ письмамъ, адресованнымъ къ нему!

Жерк-Зандъ драматизируетъ одинъ изъ своихъ послѣднихъ романовъ «Valverde» для театра Одсона.

Скоро выйдутъ въ свѣтъ замѣтки и наблюденія французъ надъ Англійей и англичанами, г. Луи-Влана. Луида, знакомна съ парижской и бельгийской прессой, имѣли случай останавливаться за послѣднiе годы на нѣкоторыхъ письмахъ изъ Лондона, издающихся изъ ряда обыкновенныхъ французскихъ корреспондентскіхъ богатствомъ мысли и оригинальностью изложенія. Эти-то письма составятъ основаніе новой книги Луи-Влана.

— Говорятъ, что Шарль Дюноае, недавно умершій французскій публицистъ, оставилъ послѣ себя рукопись: «Исторію второй имперіи», которая будетъ въ скоромъ времени напечатана въ Брюсселѣ за недостаткомъ извѣстныхъ условій для появленія ея въ Парижѣ. Сочиненіе, которымъ Шарль Дюноае приобрѣлъ себѣ извѣстность въ политико-экономическомъ мірѣ — «Свобода труда», доставившее ему мѣсто въ парижской академіи.

— Извѣстная обѣимъ русскимъ столицамъ, трагическая актриса Ристори была недавно въ Константинополь и играла предъ турецкой публикой въ своихъ наиболѣе блестящихъ роляхъ. Она была встрѣчена съ большимъ энтузіазмомъ той частью публики, которая состоитъ изъ иностранцевъ; что же касается до такъ называемаго «общества Пера», то-есть публики аристократической части турецкой столицы, то по отзыву одного изъ англійскихъ корреспондентовъ, она совершенно равнодушна къ представленіямъ Ристори, потому что они «выше ея пониманія».

16-го декабря въ Лондонъ сообщено телеграммой изъ Константинополя: «Обнародованъ весьма строгій законъ о прессѣ». Въ тотъ же день получена въ «Times» корреспонденція изъ османской столицы отъ 5-го (17-го) декабря, которую приводимъ вполнѣ. «Такая мѣра (обнародованіе новаго закона о печати) была въ высшей степени необходима, если принять въ соображеніе, что до сихъ поръ литературная собственность въ Турціи была болѣе или менѣе подвержена случайностямъ. Прежнія правила о прессѣ были основаны на самыхъ суровыхъ и произвольныхъ условіяхъ. Новыя правила отменяютъ многія изъ старыхъ ограниченій, и если будутъ добросовѣстно исполняться, дадутъ значительно болѣе свободы мѣстной прессѣ. Вотъ краткія очерки положеній новаго *регламента*: право обнародованія новыхъ изданій предоставляется всѣмъ, туземцамъ и иностранцамъ, неограниченно пмѣ въ всякихъ условій, которыя могли бы остановить или отсрочить изданіе. Всѣ существующія періодическія изданія вновь подтверждены, съ безусловнымъ сложеніемъ съ нихъ имѣвшихся на нѣкоторыхъ предостереженій.»

Остается обратиться къ области искусства: вотъ что пишутъ изъ Мюнхена въ *Athenaeum* по поводу новой картины Пилота (Piloty): «Всегда бываетъ интересно видѣть новую обработку большимъ художникомъ предмета, съ которымъ связаны его пер-

внѣ попыткѣ въ творчествѣ; такое возвращеніе именно сдѣлать недавно Пилоти къ своей старой тѣмѣ «Валленштейну». Эпизодъ, пріобрѣтшій неувааемый интересъ, благодаря грандіозной поэмѣ Шиллера, и обработанный Пилоти уже два раза въ картинахъ, продолжаетъ, кажется, оставаться неистощимымъ. Посвѣщавшимъ новую мюнхенскую пинакотеку знакома, безъ сомнѣнія, первая изъ картинъ этого живописца: «Сени, нашедшій трулъ Валленштейна»; изъ всѣхъ историческихъ картинъ въ этомъ музеемъ — это одна изъ самыхъ впечатлительныхъ для иностранца. Но послѣдняя, по моему мнѣнію, еще краснорѣчивѣе первой. Она представляетъ Валленштейна на пути къ Эгеру. Онъ — открытый матежникъ; онъ объявилъ свое намѣреніе защищать этотъ городъ противъ императора и сдать его шведамъ. Исторически извѣстно, что онъ страдалъ во время этого путешествія отъ подагры и былъ слишкомъ слабъ, чтобъ ѣхать верхомъ; Пилоти помѣстилъ его на носилки, везомыя двумя мулами. Голова Валленштейна разнится въ этой картинѣ отъ первой; она взята съ вандиковой гравюры въ старой пинакотегѣ и представляетъ этого вонна старымъ и дряхлымъ; онъ опустилъ голову на одну руку и смотритъ на кладбище у края дороги. За носилками свадѣ, ѣдетъ верхомъ на лошади Сени, астрологъ, та же фигура, какъ и въ первой картинѣ, въ высокой шапкѣ и пурпуровомъ плащѣ. Рядомъ за нимъ убійца, Бутлеръ, безстрастный и безъ всякаго выраженія въ лицѣ, ѣдетъ на большомъ черномъ конѣ, не спуская ни на одно мгновеніе глазъ съ Валленштейна. Этотъ пристальный, апатичный взглядъ весьма тонко и правдиво рисуетъ характеръ Бутлера. Если какое нибудь драматическое лицо заслуживаетъ быть поставленнымъ рядомъ съ шекспировымъ Яго, то это именно Бутлеръ, германскій Яго. У него та же тугопуть и та же искренность; онъ точно такъ же закованъ въ солдатскую виѣшность, чувствуетъ себя на мѣстѣ и кажется вѣрнымъ слугою, между тѣмъ какъ на дѣлѣ онъ — соглядатай, врагъ, и что еще болѣе — онъ побуждаемъ тѣми же мотивами, какъ и Яго. Этотъ послѣдній приходитъ ко всѣмъ своимъ преступленіямъ отъ единственнаго желанія отмстить за то, что его обошли въ назначеніи на должность; Бутлеръ побуждается, вопервыхъ, настигнуть Валленштейна и, во вторыхъ, возмѣнить ему — отъказомъ въ титулѣ. Мрачная, безстрастная фигура, созданная Пилоти, отвѣчаетъ какъ нельзя болѣе такому характеру. На лицѣ его Бутлера, ни одинъ мускулъ не выдаетъ сокровенной мысли убійцы. Все это странно истинно и мы видимъ въ Бутлерѣ человѣка, всѣ помыслы души котораго сосредоточены на одной вспишкѣ страсти:

Nur von ihm trennen! Oh, er soll nicht leben!

Весь характеръ картины одинаково мастерски выполненъ. Сверху обрамляетъ ландшафтъ сумрачное, змнее небо, оставляя лишь одну полосу свѣта на дальнемъ горизонтѣ; надъ Эгеромъ же нависла темная, густая облака; сумракъ, въ которомъ тонуть стѣны

Эгера, тяжелыя ворота и башня вблизи нихъ, поднимающаяся надъ ними мрачная масса замка, въ которомъ скоро пробѣзятъ часть совершеннаго кроваваго дѣла; угрюмая молчаливость поѣздъ, болѣе же всего кладбище на переднемъ планѣ, гдѣ два могильщика роютъ свѣжую могилу—все вмѣстѣ представляетъ удачную прелюдію къ заключительной трагедіи. Валленштейнъ взволнованъ видомъ могилы, какъ предзнаменованіемъ, которое его фаталистическая натура не можетъ не принять къ сердцу. Пилоти еще болѣе иллюстрировалъ это предзнаменованіе, обставивъ его причинными девидами. На треснутой и обвалившейся стѣнѣ, отдѣляющей дорогу отъ кладбища, мы читаемъ: «In mediâ vitâ mori»; на желѣзныхъ воротахъ: «Послѣдній непріятель, котораго слѣдовало низложить, мертвъ!» Я чрезвычайно радъ, что могу отнестись только съ одной похвалою въ этому замѣчательному произведенію — пишетъ англійскій корреспондентъ — выполненному въ техническомъ отношеніи точно такъ же безупречно, какъ и въ художественномъ.»

Въ настоящее время въ Штуттартѣ идетъ курьезный процессъ: теноръ, г. Зонтеймъ принесъ жалобу суду на своего директора, который заставляетъ его исполнять музыку г. Вагнера. Нѣмецкій теноръ утверждаетъ въ свою пользу, что онъ заключилъ съ директоромъ условіе, чтобъ исполнять голосовыя партіи, а не надорвать свой голосъ.

— Dr. Лудвигъ Нооль (Nohl), авторъ біографій Моцарта и Бетховена, помѣстилъ недавно въ *Allgemeine Zeitung* весьма неблагоприятный отзывъ о мюнхенской консерваторіи. Г. Нооль, какъ музыкальный авторитетъ, имѣетъ право на рѣшающій отзывъ; онъ напоминаетъ намъ, что Мюнхенъ—одна изъ древнѣйшихъ музыкальных столицъ въ Германіи, что мюнхенская консерваторія—одно изъ первыхъ общественныхъ учрежденій въ этомъ родѣ въ Германіи, и потому заинтересовываетъ невольно каждаго дилеттанта спросить вмѣстѣ съ нимъ: почему же настоящая ступень музыки въ Мюнхенѣ такъ низка и консерваторія даетъ такіе скудные результаты? Онъ полагаетъ, что музыкальная природа германцевъ слишкомъ восприимчива для музыки другихъ націй, и что она не достигаетъ до созданія опредѣленнаго національнаго музыкальнаго стиля. «Наши композиторы—говоритъ г. Нооль—могутъ сочинить что либушь, а наши пѣвцы могутъ спѣть что хотите. Наши капельмейстеры знаютъ всѣ музыкальные стили въ мірѣ, потому что они не только читаютъ всякія партитуры, но и задалбливаютъ и напѣтываются до насущенія, такъ что когда имъ приходится создать что либушь свое, они не знаютъ: тѣ идеи, которыя мельбаютъ въ головѣ—ихъ ли собственныя идеи, или же чужія. Даже нашъ талантливый капельмейстеръ Мендельсонъ не свободенъ отъ этого упрека». Въ Парижѣ, дѣйствительно, мнѣслима національная французская опера; она можетъ быть сочинена и исполнена въ одномъ только Па-

рижѣ; парижская консерваторія есть дѣйствительно школа искусства. Въ Германіи этотъ недостатокъ былъ замѣченъ довольно уже давно и было сдѣлано нѣсколько попытокъ восполнить его; лучшая изъ нихъ — Мендельсона въ 1843 г. — учрежденіе лейпцигской консерваторіи. Эта школа была для сѣвера Германіи тѣмъ же, чѣмъ парижская консерваторія была для остальной Франціи. Въ Германіи едва-ли найдется городовъ въ 8—10 тысячъ жителей, въ которомъ бы не нашлось хорошаго знающаго свое дѣло капелмейстера или учителя музыки; съ учрежденіемъ лейпцигской консерваторіи большинство этихъ музыкантовъ было привлечено въ Лейпцигъ. Мюнхенская консерваторія была основана три года спустя послѣ лейпцигской; она имѣетъ превосходныхъ профессоровъ, но Др. Нооль находить, что школа эта ничего не сдѣлала, не произвела замѣчательныхъ воспитанниковъ, ни одинъ артистъ не распространилъ ея славы ни дома, ни за границей, ни въ Баваріи, ни въ остальной Германіи. Въ ней главнымъ образомъ замѣчается недостатокъ, по мнѣнію г. Нооля, въ драматическомъ образованіи. Въ ней недостаетъ директора, который гармонировалъ бы всю техническую подготовку и вызывалъ бы изъ ней творческіе результаты, между тѣмъ какъ собственными репутаціей и производительной силой привлекалъ бы воспитанниковъ изъ другой страны. Онъ сожалеетъ, что руководители образованія въ консерваторіи, мало обращаютъ вниманія на сцену и сами ограничиваютъ себя однимъ оркестромъ, и предлагаетъ избѣгнуть вредныхъ послѣдствій для композиціи отъ такого метода, практическими драматическими упражненіями воспитанниковъ консерваторій. Др. Нооль многого ждетъ отъ вліянія г. Вагнера, приглашеннаго поселиться въ Мюнхенѣ настоящимъ баварскимъ королемъ. Говорятъ, что Др. Нооль намѣренъ обвародовать вскорѣ полное собраніе писемъ Моцарта.

— Знакомый уже нашимъ читателямъ романъ мистриссъ Брандонъ «Генри Дунбаръ», переложень г. Гоштейномъ для сцены въ пятиактовую драму, подъ заглавіемъ «Лондонская работница», которая уже давалась на сценѣ парижскаго театра l'Ambigu «съ лихорадочнымъ успѣхомъ».

— *Gazette musicale* сообщаетъ, что извѣстный авторъ оперы «Фаустъ», Гуно, готовитъ новую оперу «Ромео и Юлія» на тѣму шекспировой драмы.

— Въ той же газетѣ находимъ слѣдующій отзывъ о *первой* симфоніи Шумана: «Нельзя сказать, чтобъ такого музыканта какъ Шуманъ можно было осуждать не выслушавъ. Кто знаетъ? Можетъ быть, придетъ и его время, согласно той теоріи, что для музыкантовъ извѣстной школы надобно одно лишь время, чтобъ сдѣлать ихъ классическими. По крайней мѣрѣ мы убѣждены, что Шуманъ теперь пока еще не классикъ и что его симфоніей во

второй и третій разъ можно монѣ наслаждаться, чѣмъ съ перваго раза: мы не находимъ въ ней ничего, кромѣ болѣзненнаго и томительнаго стиля, тонкихъ и угрюмыхъ идей и скучнаго вѣдьята».

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Исслѣдованіе г. фон-Бушена о состояніи статистики населенія въ Россіи и объ организаціи собранія статистическихъ матеріаловъ.—Записка коммисіи отдѣленія статистики географическаго общества о состояніи статистики поземельной собственности въ Россіи.—Кратчайшій путь въ Среднюю Азію черезъ Каспійское море.—Этнографическій и географическій очеркъ Хивы и р. Амударьи.—Исслѣдованіе В. П. Безобразова по вопросу объ отищеніи гиръ Дона и азовскихъ портовъ.—Наше мнѣніе по этому предмету.—Новый географическій матеріалъ о графѣ Аракчеевѣ, гдѣ онъ является замѣчательнымъ педагогомъ и, по собственному его убѣжденію, продолжателемъ дѣланій Петра Великаго.

Статистика давно уже сдѣлалась необходимымъ пособіемъ администраціи во всѣхъ образованныхъ государствахъ, но системы собранія и изложенія статистическаго матеріала не вездѣ достигаютъ необходимой въ этомъ дѣлѣ степени совершенства. Россія, относительно статистической системы, отстала неизмѣримо далеко отъ образованнаго міра. «Въ Россіи нѣтъ еще и тѣни статистической системы»—говоритъ секретарь статистическаго отдѣленія географическаго общества, г. фон-Бушенъ, представившій по настоящему предмету весьма полное и подробное исслѣдованіе (*), удостоенное отъ общества преміи. Нѣсколько лѣтъ назадъ, географическое общество возбудило вопросъ о неудовлетворительности существующихъ у насъ статистическихъ приемовъ и назначило на разрѣшеніе этого вопроса конкурсъ, но задача общества осталась безъ отвѣта; въ 1860 г. общество и присоединившійся къ его предпріятію центральный статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ рѣшились возобновить конкурсъ, слѣдствіемъ котораго и было названное нами исслѣдованіе г. фон-Бушена, признанное удовлетворяющимъ цѣли конкурса—вызвать примѣнимый къ государственнѣмъ условіямъ Россіи проектъ новаго устройства статистической части. Такова краткая исторія настоящаго вопроса.

Неоспоримая и громадная важность предмета заставляетъ насъ обратить на него подобающее вниманіе нашихъ читателей, не смотря на то, что русская публика, вѣроятно, по непривычѣ къ

(*) Записки геогр. общ. 1864 г. кн. 3.

предмету, привыкла считать статистику вообще весьма скучной матеріей.

Въ трудѣ г. фон-Бушена намъ напутся наиболѣе заслуживающіи вниманія: объясненіе и критика существующихъ въ Россіи приемовъ по статистикѣ населенія и соображенія автора объ устройствѣ другихъ по возможности вѣрныхъ и рациональныхъ приемовъ.

Зачатками статистической системы въ Россіи можно назвать: народную перепись (ревизію), текущіе свѣдѣнія населенія и метрики. По закону, переписи распространяются только на русскихъ подданныхъ, платящихъ подати, и производится исключительно съ финансовой цѣлью—раскладки податей; все же остальное населеніе государства, то-есть всѣ сословія привилегированныя, иностранцы, инородцы, нерегулярныя войска и т. д., въ перепись не вносятся, почему она, имѣя характеръ неполной, мѣстной и частной мѣры, становится для общей статистики населенія по самой своему принципу бесполезною. Но и исчисленіе податной части населенія достигается переписью крайне неудовлетворительно и приводитъ къ большимъ недоразумѣніямъ, ради финансовой точности и строгости, и потому весь порядокъ ревизій до того запутанъ и многосложенъ, требуетъ столько времени, труда и переписки, порождаетъ столько недоразумѣній, что окончательно дѣлаетъ невозможнымъ дѣйствительное опредѣленіе наличнаго населенія. Кромѣ того, финансовый характеръ ревизій вводитъ въ производство ея весьма важный, но по русскимъ порядкамъ, крайне запутанный и сложный элементъ—переписку, которая, находясь въ постоянномъ противорѣчій съ дѣйствительностью, порождаетъ новыя замедленія, новую переписку и не даетъ никакого результата, если только не считать результатомъ цифры, вполнѣну меньшія противъ дѣйствительности, или относящіяся къ населенію, никогда неживущему въ данномъ мѣстѣ, и не дающія никакого понятія о дѣйствительномъ распредѣленіи и составѣ населенія. Такимъ образомъ финансовый характеръ ревизій есть основаніе ея неудовлетворительности и источникъ неудобствъ. Форма производства нашихъ ревизій по сложности своей неудобна до высшей степени. Въ ревизіи участвуютъ почти всѣ вѣдомства, такъ-какъ сказки составляются ближайшими начальниками, всѣ помѣщики (прежде) и, наконецъ, значительное число частныхъ лицъ, подающихъ сказки отдѣльно отъ себя о своихъ семействахъ. По меньшей мѣрѣ, число сказкоподателей простирается отъ 180 до 190 тысячъ, связанныхъ одною только внѣшнею формою сказокъ. Затѣмъ слѣдуетъ огромное число лицъ, участвующихъ въ переписи только тѣмъ, что принимаютъ сказки и пересылаютъ далѣе, то-есть служатъ какъ-бы станціями при прохожденіи сказокъ отъ мѣста составленія до казенной палаты. Ревизскія коммиссіи, учреждаемыя въ каждомъ уѣздѣ (около 700) и состоящія изъ 4-хъ человекъ, провѣряющихъ только внѣшнюю форму сказокъ, занимаютъ 1800 человекъ. Самая ревизія и весьма сложная повѣрка ревизскихъ сказокъ и сводъ ихъ продолжается обыкновенно око-

до полугода года, при чемъ дѣйствіе ревизіи начинается не одновременно повсюду, а со дня полученія на мѣстахъ высочайшаго указа, также какъ и оканчивается различно, въ продолженіе по крайней мѣрѣ шести мѣсяцовъ, назначаемыхъ, сверхъ годичнаго срока для производства ревизіи, на исключеніе умершихъ и включеніе вновь родившихся по день подписанія сказокъ. Такимъ образомъ, принявъ среднее число родившихся и умершихъ податнаго состоянія мужскаго пола и полагая только одинъ мѣсяць средней разницы между временемъ подачи сказокъ, получается отъ 30 до 40 тысячъ податныхъ душъ менѣе, чѣмъ слѣдуетъ ко дню заключенія сказокъ. Это—минимумъ, который можно предположить. Обратная ошибка должна доходить по крайней мѣрѣ до 50 тысячъ душъ. Повѣрка ревизіонныхъ сказокъ, производимая правительствомъ черезъ чиновниковъ, продолжается годъ. Повѣрка эта крайне сложна, обходится дорого и ведетъ къ весьма незначительному результату. Кромѣ сличенія съ метрическими книгами, дѣлаются распросы въ присутствіи понятыхъ и духовенства, приведеніе къ присягѣ, собраніе міра и проч.; все это сопряжено съ множествомъ безпорядковъ, тратой времени и даже не безъ притѣсненій. Многосложная переписка, сопровождающая повѣрку, производится безъ всякаго опредѣленнаго порядка. Расходы на производство ревизіи г. фон-Бушенъ исчисляетъ по меньшей мѣрѣ въ миллионъ рублей, въ томъ числѣ на заготовленіе бланковъ для ревизіонныхъ сказокъ 60 тысячъ, содержаніе ревизіонныхъ комиссій въ каждомъ уѣздѣ, всего до 700, по 1,000 рублей на каждую—700 тысячъ, и на расходы по повѣркѣ и командированію чиновниковъ и постороннихъ ревизоровъ, по 2,500 руб. на губернію—около 150 тысячъ руб., и т. п. Такова въ общихъ чертахъ наша народная перепись.

Текущіе списки населенія, именно: опредѣляемые актами о состояніяхъ, какъ, напримѣръ, дворянскія родословныя книги и для духовенства—консисторіальные списки; списки фискальные, какъ, напримѣръ, городоваго обывательскія книги, имѣющія цѣлью регистрацію недвижимаго городскаго собственности, окладныя книги для домовладѣльцевъ и проч.; наконецъ, списки полицейскіе, существующіе лишь въ городахъ, вообще представляютъ собою крайне неполный и односторонній статистическій матеріалъ, и даже не болѣе какъ разрозненные и отрывочныя свѣдѣнія. Дворянскія родословныя книги неполны потому, что въ нихъ вносятся только лица, владѣющія населенной недвижимаго собственностью, и потому, что законъ не опредѣляетъ срока для внесенія въ книгу, слѣдовательно, записываніе дворянъ въ книгу не составляетъ ни необходимости, ни обязательства; еще менѣе при этомъ возможно ожидать свѣдѣній объ измѣненіи въ личномъ составѣ дворянства, то-есть о прибылн и убылн. Общій списокъ дворянъ, который долженъ содержаться въ герольдіи, вовсе не заключается въ себѣ женскаго пола. Консисторіальные списки, если они и ведутся исправно, оказываютъ собою для статистики ничтожную услу-

гу. Городская обывательская книга, веденная согласно предписаніямъ закона, могла бы служить прочнымъ основаніемъ статистики городского населенія съ объясненіемъ гражданскаго состоянія, состава семейства, имущества, промысла, мѣстопребыванія каждаго лица, и т. п., но, къ сожалѣнію, указанная для веденія этихъ книгъ правила почти нигдѣ не соблюдаются и своевольно измѣняются; всѣ же прочіе городскіе и сельскіе списки, какъ, наприм., оладныя книги податнымъ сословіямъ, суть извлеченія изъ ревизскихъ сказокъ, съ текущими поправками о происходящихъ перемѣнахъ, и притомъ для одного лишь мужскаго пола. Полицейскіе списки, предназначенные только для городовъ, имѣющіе цѣлю преимущественно контроль паспортовъ, адресныхъ и другихъ билетовъ, видовъ на жительство и т. п., хотя по принципу и могли бы давать матеріалъ о наличности населенія, но для веденія этихъ списковъ не существуетъ постоянныхъ повсемѣстныхъ правилъ и они ведутся не вездѣ, преимущественно лишь въ значительныхъ городахъ. Самая цѣль этихъ списковъ и существующій способъ веденія ихъ не могутъ сдѣлать ихъ годнымъ статистическимъ матеріаломъ. Авторъ настоящаго изслѣдованія прибавляетъ о полицейскихъ спискахъ, что къ улучшенію ихъ, равно какъ и другихъ текущихъ списковъ населенія, служитъ главнымъ препятствіемъ страшная запутанность и непонятный безпорядокъ нашей паспортной системы, безъ радикальнаго преобразованія которой нечего и думать объ улучшеніи списковъ населенія.

Что касается до метрическихъ книгъ, порученныхъ духовенству, то онѣ неодинаковы для всѣхъ вѣроисповѣданій и особенно кратки и сжаты для господствующаго православнаго исповѣданія, и еслибы веденіе этихъ книгъ было вполне исправное, то онѣ не дали бы для администраціи и науки такихъ матеріаловъ, которые, при извлеченіи свѣдѣній и обработкѣ ихъ, не представили бы огромнѣйшихъ затрудненій. Но главный недостатокъ метрикъ состоитъ въ томъ, что онѣ, примѣняясь только къ христіанскому населенію, не касаются весьма значительной части населенія (около 7 миліоновъ), состоящаго изъ магометанъ, евреевъ и азычниковъ, населяющихъ въ значительномъ числѣ Сибирь. Другія неточности метрической регистраціи происходятъ оттого, что, напримѣръ, смѣшанные браки, особенно православныхъ съ католиками, записываются вдвойнѣ, вслѣдствіе двойнаго вѣнчанія; число незаконнорожденныхъ православнаго исповѣданія иногда значительно увеличивается причисленіемъ раскольничьихъ рожденій, считаемыхъ по закону родившимися внѣ брака; мертворожденные записываются безъ всякихъ опредѣленныхъ правилъ, иногда въ книгѣ рожденій, иногда въ книгѣ смертей, а иногда и въ той и въ другой. У протестантовъ рожденія записываются поздно, иногда чрезъ годъ и болѣе. Смерти регистрируются безъ удовлетворительной спеціализаціи причлѣ что, впрочемъ, не вездѣ и возможно; умершіе не на родинѣ считаются вдвойнѣ: по метрикѣ того прихода, гдѣ произошла смерть,

и по водитимъ спискамъ на мѣстѣ приписки. Формы метрикъ различны по каждому вѣроисповѣданію, почему и неудобны при обработкѣ ихъ; наконецъ, всѣ метрики ведутся по приходамъ; приходи же, какъ территориальныя единицы, никогда почти не совпадаютъ съ административнымъ дѣленіемъ, такъ же какъ и благочинія никогда не совпадаютъ съ административными границами и представляють, какъ и приходи, примѣры крайней чрезполосности.

Предоставляемъ читателю самому опредѣлить степенъ достоверности и точности нашего отечественнаго сырого статистическаго матеріала о населеніи. Но какъ необходимость административной статистики признана и у насъ, то несмотря на несовершенство матеріаловъ, наши статистическіе органы, губернскіе статистическіе комитеты, преобразованные въ 1860 г., и центральный статистическій комитетъ, учрежденный въ 1858 г., трудятся надъ разработкой этой огромной массы хаотическаго матеріала и, конечно, приходятъ лишь къ тому отрицательному результату, что сравненіе выводовъ комитетовъ и народной переписи дасть «вопіющую разницу». Къ этому нелюбимымъ будетъ прибавить, что и тѣ и другіе выводы въ свою очередь далеки отъ истины и слѣдовательно и по тѣмъ и по другимъ даннымъ, наше отечество остается вполне terra incognita, и что наши статистическіе органы могли бы скорѣе «сочестъ пески, лучи планеть», чѣмъ дать правительству и публикѣ вѣрный счетъ о составѣ и движеніи населенія въ Россіи.

Трудъ г. фон-Бушена заканчивается общими выводами о мѣрахъ къ преобразованію источниковъ статистики населенія въ Россіи. По мнѣнію автора, вполне доказанному, беспорядочность и недостаточность статистическихъ источниковъ въ Россіи, основывается не на случайныхъ ошибкахъ, а на коренныхъ началахъ нашего управленія, и не трогая этихъ началъ, нѣтъ никакой возможности приступить къ нашимъ статистическимъ источникамъ; преобразование же ихъ, по этимъ причинамъ, не можетъ зависѣть отъ центрального статистическаго органа. Относительно невозможности исправленія существующаго порядка, авторъ выражается такъ: «Класть заплатки на дырявое, старое платье возможно только тогда, когда дыря не слишкомъ велики и ихъ не слишкомъ много. Въ противномъ случаѣ приходится оставить старое и шить новое. То же слѣдуетъ сдѣлать со статистическими источниками. Ихъ нечего исправлять, ихъ приходится создать вновь.»

Изъ этого видно, что г. фон-Бушенъ—смѣлый реформаторъ, не останавливавшійся ни передъ чѣмъ. Предѣлы нашей хроники не дозволяютъ намъ войти въ оцѣнку предложеній г. фон-Бушена, почему мы и ограничиваемся общимъ и краткимъ очеркомъ проектируемыхъ мѣръ для созданія въ Россіи статистической системы, заключающихся въ слѣдующемъ:

1) Осредоточить всѣ статистическія операціи въ одномъ мѣстѣ, центральномъ статистическомъ органѣ. Метрики, текущіе списки

населенія и переписи должны сдѣлаться спеціальнымъ дѣломъ центрального статистическаго комитета. Второй инстанціей статистической администраціи должны быть губернскіе статистическіе комитеты, а третьей—и самой главной, занимающейся непосредственно собираніемъ статистическаго матеріала: въ городахъ—городская полиція, въ селеніяхъ—волостные старшины или выборные волостнаго правленія, и въ инородческихъ управленіяхъ—инородческая полиція.

2) Образовать статистическіе участки, сообразно средней населенности и разбросанности поселеній, среднимъ числомъ по одному на 5,000 душъ, всего до 12,000 участковъ. Для каждаго участка назначить одного регистратора, число которыхъ будетъ простирается для сельскихъ участковъ 10,000 и для городовъ—2,000.

3) Ввести обывательскіе списки съ полнымъ счетомъ юридическаго населенія и съ отмѣткою выбывающихъ и прибывающихъ; гражданскія метрики, одинаковыя для всѣхъ вѣрноподданій, вмѣстѣ всякой связи съ метриками духовнаго вѣдомства; и періодическую повѣрку обывательскихъ книгъ по наличности, то-есть производство переписи при участіи особо-приглашенныхъ счетчиковъ.

4) Настоящую паспортную систему замѣнить другою системою, по которой запись въ обывательскую книгу должна служить вмѣсто паспорта и вида на жительство, копіи съ записи новорожденнаго—вмѣсто его метрическаго свидѣтельства, и такая же копія—свидѣтельствомъ о смерти. Запись браковъ должна служить документомъ для вѣнчанія.

5) На содержаніе статистической администраціи и статистическихъ операцій, назначить особую плату за каждую запись, за выдачу свидѣтельства о рожденіи или смерти, свидѣтельства на вступленіе въ бракъ, равно какъ и за отмѣтку о пережвѣнѣ жительства. Одну часть платы предоставитъ въ пользу регистраторовъ, а другую въ доходъ казны. Плата за запись о рожденіи предположена въ 20 к., за запись о смерти 10 к., за свидѣтельство на вступленіе въ бракъ 1 р. 50 к., и за выдачу копій съ записи въ обывательскую книгу—20 к. Весь сборъ, по расчету автора, долженъ простирается до 1.800,000 руб., изъ которыхъ $\frac{2}{3}$, оставаясь въ пользу регистраторовъ, должны составить вознагражденіе за ихъ трудъ, отъ 150 до 160 руб. въ годъ на каждаго, а $\frac{1}{3}$, то-есть до 600,000 руб. должны поступить въ губернскіе статистическіе комитеты на текущіе расходы и на образованіе губернскихъ статистическихъ суммъ, предназначаемыхъ на производство переписей чрезъ каждые пять лѣтъ.

Въ подрѣбленіе предположенія объ установленіи платы за записи, авторъ указываетъ, между прочимъ, на то, что и теперь народъ платитъ пошлину за паспорта, виды и всякаго рода свидѣтельства, и кромѣ того, безчисленныя взятки, статистика которыхъ, конечно, авторомъ не приведена.

Проектъ г. фон-Бушена долженъ вызвать многосторонній кри-

тическій разборъ относительно примѣнимости его на практикѣ въ Россіи. Важность предмета вполне этого требуетъ, тѣмъ болѣе, что проектъ возбуждаетъ радикальныя перемены многихъ нашихъ порядковъ, глубоко въѣвшихъ въ бытъ и привычки народа. Мы сдѣлаемъ съ своей стороны одно краткое замѣчаніе, не придавая ему, впрочемъ, особаго значенія: проектъ вводитъ особую новую власть въ самую глубь народа, неизмѣющаго никакого понятія ни о цѣли, ни о значеніи статистики, почему едва-ли можно ожидать довѣрія и уваженія со стороны народа къ новымъ создающимся требованіямъ.

Другая отрасль статистики, не менѣе важная, какъ и статистика населенія, есть регистрація поземельной собственности, которой (регистрація) также не существуетъ еще въ Россіи. Чтобы разомъ покончить съ статистическими вопросами, мы рѣшаемъ направить вниманіе читателя на вопросы о поземельной статистикѣ, заимствуя свѣдѣнія объ этомъ изъ доклада комиссіи, избранной статистическимъ отдѣленіемъ географическаго общества для обсужденія программы и состоянія источниковъ поземельной статистики въ Россіи.

Международный и статистическій конгрессъ, съѣзжавшійся въ Берлинъ въ 1862 году, утвердилъ программы для предварительнаго изслѣдованія объ источникахъ для статистики поземельной собственности въ разныхъ государствахъ Европы. Цѣль этихъ программъ—приготовленіе полной международной поземельной статистики. Россійское географическое общество должно было удовлетворить требованіямъ этихъ программъ, и поэтому должно было изучить источники и документы, служащіе нынѣ или могущіе служить для поземельной собственности въ Россіи. Комиссія, занимавшаяся этимъ дѣломъ, пришла къ тѣмъ убѣжденіямъ, какъ и г. фон-Бушенъ, то-есть что у насъ нѣтъ никакихъ источниковъ и документовъ, по которымъ можно бы было дать отвѣты о состояніи поземельной собственности въ Россіи, по программамъ международнаго конгресса. Кадастръ произведенъ не вездѣ, генеральное межеваніе устарѣло и невѣрно, специальное межеваніе не окончено по всѣмъ губерніямъ, инвентари и нынѣ уставныя грамоты даютъ свѣдѣнія только о части помѣщичьихъ земель. Однимъ словомъ, оказалось, что любознательнымъ и хлопотливымъ сынамъ Запада мы можемъ дать одинъ только отвѣтъ, что... отъ Перми до Тавриды и т. д. все наше, но сколько—неизвѣстно. Между тѣмъ, не только для удовлетворенія международныхъ конгрессовъ, но и для нашихъ домашнихъ надобностей, весьма важныхъ и настоячивыхъ, какъ, напримѣръ, земскія учрежденія, выборы и вообще всѣ дѣла будущаго земства, необходимо приведеніе поземельной собственности въ положительную и точную извѣстность.

Въ этихъ видахъ комиссія предполагаетъ ввести такую регистрацію поземельной собственности, которая давала бы отвѣтъ о пространствѣ собственности, цѣности и доходности ея, и юридическомъ качествѣ собственниковъ, при чемъ она должна служить по возможности документомъ на владѣніе и слѣдить за всѣми переходами правъ отъ одного лица къ другому, за верификаціи во владѣніи, раздробленіемъ и соединеніемъ участковъ. Затѣмъ при введеніи внослѣдствіи (?) ипотечной системы, эта же регистрація должна служить и для записыванія частныхъ долговъ.

Чтобы сосредоточить регистрацію, комиссія полагаетъ ввести для каждаго уѣзда книги поземельнаго владѣнія, веденіе которыхъ поручить земскимъ управамъ, а для первоначальнаго составленія книгъ образовать временныя комиссіи изъ члена земской управы, землемѣра, мирового посредника и двухъ выборныхъ изъ землевладельцевъ.

Настоящій вопросъ, разработанный только въ общихъ чертахъ, будетъ обсужденъ подробно отдѣленіемъ статистики географическаго общества. Любопытно знать, какія будутъ выводы возможны и удобнѣшніе мѣры для опредѣленія цѣности и доходности земель, и для правильнаго измѣренія ихъ по всему государству. Намъ кажется, что не нужно обладать большимъ скептицизмомъ, чтобы мало вѣрить въ успѣхъ такого предприятия, какъ задуманная комиссіей регистрація поземельной собственности, имѣющая притомъ характеръ не исключительно статистическій, но и юридическій.

Статистика земельной собственности нужна и для администраціи, и для науки, и нужна какъ можно скорѣе, особенно для дѣлъ земства; но мы думаемъ, что для этого необходима программа болѣе удобнѣшная, чѣмъ книги, предполагаемыя комиссіей. Ни денежныхъ средствъ, ни нормальныхъ цѣнъ для каждой мѣстности у насъ нѣтъ, и создать ихъ, конечно, скоро нельзя.

Ипотечный порядокъ едва ли не болѣе необходимъ, чѣмъ статистическая регистрація, и мы думаемъ, основой земельной статистики должны будутъ послужить ипотечныя книги, а не наоборотъ, какъ полагаетъ комиссія.

Когда настоящій вопросъ будетъ обсужденъ въ географическомъ обществѣ, мы сообщимъ сущность его мнѣнія нашимъ читателямъ.

Въ предыдущей хроникѣ сказано было нѣсколько словъ о линіи укрѣпленій, охраняющихъ торговый путь нашъ въ Среднюю Азію. Неудобство и дороговизна составляютъ отличительную черту этого сообщенія, почему и успѣхи наши къ распространенію этимъ путемъ торговли и влиянія на среднеазіискія ханства, требуютъ громадныхъ жертвъ, упорнаго настойчиваго труда, и

несмотря ни на что, вышки эти столь малы, что возможный оптимистический результат рисуется только в отдаленном будущем. Не удачно ли выбрать именно этот путь, и нѣтъ ли другого болѣе легкаго и выгоднаго пути въ средину Азии — это вопросъ, на который отвѣчаетъ г. Вутиринъ въ «Морскомъ Сборникѣ» отащей: «О самомъ удобномъ пути для торговли съ Средней Азіей» (*). Удобнѣйшимъ путемъ для торговаго развитія, между всѣми освоенными доселѣ путями, всегда будетъ представляться путь водной — говоритъ авторъ. За него торговля хватается какъ за путь, облегчающій барыни предпріятія. Для среднеазиатской торговли, вмѣсто пути караваннаго, въ нѣсколько мѣсяцевъ (съ громадными издержками — прибавимъ мы) чрезъ оренбургскую линію, также существуетъ водной путь: Волгою и Каспійскимъ моремъ, до Красноводскаго залива, откуда до Аму караваннаго пути 10 дней. Но необходимымъ условіемъ для открытія этого пути, по мнѣнію автора, необходимо вначалѣ завязать торговли сношенія съ обитателями степей, лежащихъ между прибрежiami Каспія и кочевьями хивинскими — туркменами, которые считаются весьма опасными разбойниками, хотя мнѣніе это, заимствованное русскими отъ персіянъ, авторъ опровергаетъ, указывая на мнѣніе объ этомъ академика Бера. Подъ вліяніемъ предубѣжденія къ туркменамъ, мы до сихъ поръ не имѣемъ съ нашими сосѣдями туркменами никакихъ торговыхъ оборотовъ и равнодушно смотримъ на то, какъ они ведутъ торговлю съ Персіей и Хивой, тогда какъ объ эти страны сами живутъ чужимъ добромъ, отчасти нашимъ пополамъ съ англійскимъ. Это тѣмъ болѣе странно, что выгода отечественной промышленности должна быть значительна, если устроить прямую торговую связь съ этимъ народомъ. Удобство пути и развитіе по немъ торговли усилитъ сбытъ нашихъ произведеній, а дешевизна доставки передъ товарами, идущими теперь въ Азію чрезъ Индію, ослабитъ конкуренцію послѣднихъ, тѣмъ болѣе, что они составляютъ преимущественно бракъ. Не взирая, однако, на свое плохое качество, англійскіе товары расходятся тамъ единственно отъ недостатка конкуренціи. Англичане издавна оцѣнили азіатскую глѣнь, и извлекаютъ изъ нея себѣ пользу, навизывая азіатцамъ свои произведенія, и не затрудняясь никакими препятствіями доставки. Русскіе, несмотря на сравнительную легкость пути, не рѣшаются везти товаровъ къ своимъ кочевымъ сосѣдямъ, ожидая ихъ самихъ за товарами къ нимъ. Чрезъ оренбургскую линію, вся почти торговля производится нѣсколькими бухарцами, естественно везущими къ себѣ, по трудному степному пути, лишь то, чего не доставляютъ имъ англичане, или доставляютъ уже очень плохо. Наше домогство есть прямая причина, по которой торговля наша чрезъ оренбургскую линію, несмотря на увеличеніе ея, идетъ ежегодно къ дефициту; привозъ товаровъ къ намъ увели-

(*) «Морск. Сборн.» 1864 г. № 9.

чается, а вывозъ нашихъ относительно уменьшается, и въ настоящее время цифра первого стала уже вдвое болѣе послѣд-
 няго. Годовой отнустъ товаровъ по этой линіи, показанъ за
 1862 г., въ 2,787,478 р., а вывозъ — въ 5,018,701 руб. Даже
 Средняя Азія, каліе-нибудь турмены, эксплуатируютъ насъ своей
 торговлей! Разность въ привозѣ и отвозѣ товаровъ составляетъ
 золото, уваемое азіятцами; оно-то и составляетъ главный ихъ
 спросъ, и потому, по мнѣнію автора, необходимо намъ самое
 сильное оружіе противъ нихъ. Стоитъ лишь на годъ запретить
 имъ вывозъ къ намъ товаровъ, и гордый своимъ звѣрствомъ ны-
 нѣшній эмиръ бухарскій покорно склонитъ голову. Не предлага-
 юти въ рынки Азіи, мы теряемъ ежегодно значительное коли-
 чество звонкой монеты, и осуждаемъ себя, подобно азіятцамъ и
 вообще народамъ нецивилизованнымъ, пользоваться трудами бо-
 лѣе цивилизованныхъ сосѣдей. Предлагаемое открытіе новаго
 пути опирается на усиліи сбыта на Востоку нашихъ произве-
 деній, и имѣя въ основѣ своей обширное политическое значеніе,
 оно обязываетъ насъ, по мнѣнію г. Бутыркина, торопиться его
 осуществленіемъ, какъ дѣломъ чрезвычайной важности для оте-
 чественной торговли и общей государственной пользы. Медлить
 открытіемъ пути опасно, потому что англичане уже недалеки
 отъ этой стороны нашихъ границъ. Для состязанія съ ними, намъ
 крайне необходимо имѣть опорнымъ пунктомъ хоть бѣдную Хиву,
 и пароходство по Аму-Дарѣ. Позволивъ предупредить себя и на
 этомъ пунктѣ, мы дадимъ большой просторъ ихъ вліянію въ
 этихъ мѣстахъ, вредящему намъ и теперь въ отношеніяхъ съ
 турменами: вятриги англичанъ въ послѣдніе годы проникли и
 сюда; такимъ образомъ, не встрѣчая преградъ, вліяніе ихъ мо-
 жетъ усилиться до того, что для нашей торговли закроются даже
 рынки Хивы и Туркменіи. При энергіи со стороны русскихъ,
 авторъ находитъ неопаснымъ соперничество англичанъ, везу-
 щихъ въ Туркестанъ свои товары морскимъ путемъ вокругъ мыса
 Доброй-Надежды до Индіи, и потомъ горами и степями, всего
 28,000 верстъ; такъ же, какъ и путь чрезъ оренбургскую ли-
 нію не можетъ соперничать съ путемъ каспійскимъ, потому что
 этотъ послѣдній, кромѣ выгоднаго воднаго сообщенія съ цен-
 тромъ Россіи по Волгѣ и Каспійскому морю, простирается бере-
 гомъ до Аму-Дарьи только на 400 верстъ, а затѣмъ, до Бухары
 водами этой рѣки 350 верстъ. Мѣры къ осуществленію своей
 мысли, авторъ предлагаетъ слѣдующія: открыть караванныя со-
 общенія съ Хивой хоть одинъ разъ. Завести береговую факторію,
 и устроить правильное, постоянное сообщеніе съ бассейномъ рѣки
 Аму-Дарьи, обезпечивъ его хорошими володцами, и привлечь
 турменъ на постоянное кочевье къ нѣкоторымъ пунктамъ. Удоб-
 нымъ для сего мѣстомъ представляется старое русло Аму-Дарьи,
 гдѣ есть мѣста, годныя для пастбищъ скота, и хорошая вода.
 вмѣсто вьючнаго пути, ввести сообщеніе на телегахъ и арбахъ.
 По краю Буханскихъ горъ произвести развѣдки каменнаго угля.

Туркменъ снабжать слѣдующими товарами: хлѣбомъ, свиници для рыбной ловли, и посудой для топленія сала, жира, и семени бараньяго мяса. Имѣть цѣлю основать на рѣкѣ Старой Амударьи постоянный аулъ. Для охраненія сплава товаровъ по Красноводскому заливу долженъ быть посланъ крейсеръ. Все это предпріятіе должно быть основано на частный капиталъ, который, по соображеніямъ автора, долженъ простираться до 50,000 рублей.

Весьма жаль, что авторъ недостаточно выяснилъ всѣ особенности и трудности предлагаемаго имъ пути. Неужели одно только препятствіе въ торговлѣ этимъ путемъ — опасеніе хищничества туркменъ? Трудно допустить, чтобы это затрудненіе служило постояннымъ препятствіемъ съ тѣхъ поръ, какъ торговля съ Азіей сознана весьма выгодной для русскихъ торговцевъ, а сознаніе это существуетъ весьма давно. Краткость береговаго пути (400 верстъ) весьма обольстительна, судоходныя сообщенія по Каспійскому морю существуютъ уже давно, въ послѣднее время пароходство развилось тамъ до значительныхъ размѣровъ, каспійскіе порты снабжены военной силой; все это дѣлаетъ необъяснимымъ коснѣніе торговыхъ сношеній этимъ выгоднымъ путемъ съ сосѣдними кочевыми народами.

Въ дополненіе къ очеркамъ объ оренбургской линіи и о пути въ среднюю Азію черезъ Каспійское море, мы считаемъ необходимымъ извлечь нѣсколько свѣдѣній изъ весьма интересной и любопытной статьи г. Иванова о самой Хивѣ и рѣкѣ Амударьѣ (*). Мѣстность эта столь же мало извѣстна, какъ и центральная Африка, даже менѣе; топографическихъ и археологическихъ изслѣдованій о хивинскомъ ханствѣ вовсе нѣтъ, также какъ и добросовѣстныхъ хорошихъ описаній путешественниковъ, непосѣщающихъ страну вслѣдствіе неудобствъ и дороговизны путешествій по степямъ и подозрительности тамошняго правительства; между тѣмъ ближайшее знакомство съ топографіей и археологіей края могло бы открыть прежніе пути, по которымъ двигалась наша торговля съ средней Азіей, и разъяснить многія мѣста древняго періода нашей исторіи. Хива представляетъ собою такой же оазисъ среди азіатской степи, какъ Египетъ въ африканской, и обязана своимъ плодородіемъ рѣкѣ Аму, какъ Египетъ—Нилу. Въ Хивѣ существуютъ замѣчательныя гидротехническія сооруженія для искусственнаго орошенія полей и садовъ, возникшія въ отдаленныя времена и преимущественно въ эпоху процвѣтанія аравійской торговли и владычества чингисидовъ. Когда выкопаны были въ безводныхъ пространствахъ глубокіе во-

(*) «Морск. Сборн.» 1864 г. №№ 8 — 9.

леды, построены караван-сарай, развалины которыхъ видны и теперь, и проложены пути, удобные для движенія торговли, такъ-же по историческимъ свѣдѣніямъ XIV вѣка, путешествовавшіе изъ Хивы въ Крымъ могли не брать съ собою никакихъ запасовъ, потому что все необходимое находили въ караван-сараяхъ.

Статья г. Иванниа составлена и провѣрена по разсказамъ бывшихъ въ плѣну въ Хивѣ казаковъ оренбургскаго войска, почему она и не можетъ заслуживать полнаго вѣроятія во многихъ отношеніяхъ; но относительно этнографіи, она весьма полна и, по нашему мнѣнію, представляетъ матеріалъ наиболѣе достовѣрный, чѣмъ всякое описаніе туриста, изучающаго край во время кратковременнаго путешествія.

Границы хивинскаго ханства представляютъ вопросъ весьма спорный; самъ ханъ считаетъ свои владѣнія граничащими съ Коканомъ, восточнымъ берегомъ Каспійскаго моря, Персіей и берегомъ Аральскаго моря; но многія изъ мѣстностей, лежащихъ въ этихъ границахъ, суть не болѣе какъ кочевья, только и пригодныя неосѣдлымъ подданнымъ хивинскаго хана, почему онъ, естественно, и не встрѣчаетъ сопротивленія со стороны своихъ сосѣдей—Россіи и Персіи—къ обозначенію умственныхъ границъ ханства естественными рубежами. Авторъ же статьи, не соглашаясь въ этомъ отношеніи съ ханомъ, неизвѣстно въпрочемъ по какимъ причинамъ, говоритъ, что хивинское ханство имѣетъ протяженіе только 350 верстъ отъ сѣвера къ югу, и отъ востока къ западу въ самомъ широкомъ мѣстѣ на 100 верстъ; при чемъ онъ вовсе не означаетъ въ числѣ границъ Хивы—ни восточнаго берега Каспійскаго моря, ни Персіи. Изъ племенъ, живущихъ и кочующихъ на этомъ пространствѣ, совершенно подвластны хивинскому хану только осѣдлые жители низовьевъ р. Аму-Дарья, живущіе на его долинахъ; киргизы, кочующіе по лѣвую сторону низовьевъ и нѣкоторыя племена туркменъ и киргизъ, кочующія къ сторонѣ Каспійскаго моря; остальные же жители, живущіе въ чертѣ, которую хивинскій ханъ считаетъ границей своего владѣнія, состоятъ только подъ его вліяніемъ, и съ переменною хивинскихъ хановъ, переходятъ иногда во владѣніе бухарское или персидское, или дѣлаются вовсе независимыми.

Рѣка Аму-Дарья съ своими многочисленными притоками и каналами представляетъ пѣлюю водную систему, оживляющую пустынный край и обуславливающую весь экономическій бытъ и матеріальныя средства народа. Ширина Аму-Дарьи отъ 200 до 500 саж., а во время разлива—отъ 2 до 5 верстъ. Разливы эти бывають раза 3 или 4 въ годъ и иногда доходятъ до наибольшей высоты отъ $\frac{1}{2}$ до 1 сажени и даже болѣе—выше береговъ. Теченіе рѣки весьма быстро—до 5 верстъ въ часъ, но несмотря на это, плаваніе по ней на плоскодонныхъ судахъ удобно. Долина рѣки по обѣимъ сторонамъ ея прорѣзывается искусствен-

ными каналами и естественными притоками; каналы раздѣляются на государственные или большіе, общинные или средніе и частные или меньшіе. Государственныхъ каналовъ одиннадцать, каждый отъ 25 до 120 верстъ въ длину и отъ 5 до 30 саж. въ ширину, глубина ихъ отъ $1\frac{1}{2}$ аршина до $2\frac{1}{4}$ сажень; каналы эти занимаютъ протяженіе до 700 верстъ; число общинныхъ каналовъ до 50; частныхъ же каналовъ весьма мало—не болѣе 4; число естественныхъ притоковъ, длиною отъ 38 до 80 верстъ, всего до 10. Если принять въ соображеніе, что число осѣдлыхъ жителей хивинскаго ханства не болѣе 800,000, по приближительному вычисленію автора, то протяженіе искусственныхъ каналовъ, очевидно, превышающее 1,000 верстъ, составляетъ замѣчательное явленіе. Лѣсовъ въ ханствѣ мало, и недостатокъ ихъ замѣняется искусственною посадкою деревьевъ цѣлыми рощами. Грунтъ земли на всемъ пространствѣ ханства состоитъ изъ красной и сѣрой, весьма вязкой глины, покрытой мѣстами бѣлыми и желтымъ пескомъ на $\frac{1}{2}$ аршина; черноземъ встрѣчается рѣдко; земли, орошенныя водами Аму-Дарьи, вообще хорошо захламаны, воздѣланы и усажены множествомъ деревъ; мѣсть ненаселенныхъ и невоздѣланныхъ внутри ханства немного. Климатъ въ ханствѣ вообще здоровый; изъ болѣзней чаще всего бываютъ горячки и лихорадки, особенно въ лѣтнее время, что приписываютъ неумѣренному употребленію дынь. Мѣстныхъ заразительныхъ болѣзней не бываетъ. На иностранцевъ климатъ, не оказываетъ вреднаго вліянія. Народъ въ Хивѣ вообще здоровъ и долговѣченъ, многіе живутъ до 100 лѣтъ и болѣе. Зима продолжается отъ ноября до февраля, морозы бываютъ сильныя и рѣка покрывается льдомъ толщиною до полтаршина, но снѣгу выпадаетъ такъ мало, что санной дороги не бываетъ. Изрѣдка случаются землетрасенія. Хлѣба: ишеница, просо, сорочинское пшено и т. п. и нѣжные плоды—родятся въ изобиліи; родятся также хлопчатникъ, изъ сѣмянъ котораго выдѣлываютъ масло для освѣщенія, марена, табакъ, вошедшій нынѣ въ Хивѣ во всеобщее употребленіе. Рыбы и дичи много, рыболовство составляетъ промыселъ. Металлоносныхъ рудъ совсѣмъ нѣтъ; свинецъ, мѣдь, желѣзо и чугуны хивинцы получаютъ изъ Россіи, Персіи, Кована и Бухаріи.

Ханство лежитъ на незначительной высотѣ отъ обыкновенной поверхности рѣки Аму-Дарьи, и во время разливовъ ее могло бы быть затоплено, но это предупреждается высокими насыпями на берегахъ рѣки и каналовъ; насыпи постоянно поправляются и поддерживаются, смотря по мѣстности, вышиною иногда въ человѣчскій ростъ. Несмотря на насыпи, вода иногда при разливѣ просачивается сквозь песчаную почву, затопляетъ не въ время поля и причиняетъ большой вредъ жатвѣ; случается также рѣдко, что стремительнымъ напоромъ вода разрываетъ насыпь на ханскихъ каналахъ, протокахъ или на самой рѣкѣ, и окрестность затопляется. Въ такихъ случаяхъ, всѣ окрестные жи-

тели, по данному знаку, немедленно сбѣгаются и задѣлываютъ прорывъ; въ наиболѣе опасныхъ отъ прорывовъ мѣстахъ, ставятся караулы и наряжаются поочереды рабочіе съ инструментами и матеріалами, необходимыми для задѣлки прорыва.

Такъ-какъ по свойству климата и земли, урожай болѣе всего зависитъ отъ орошенія полей, то копаніе и расчистка каналовъ, посредствомъ которыхъ вода изъ рѣки проводится на всѣ поля, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ работъ жителей, занимающихся земледѣліемъ. Для этихъ работъ каждую весну высылаются собранные со всего ханства рабочіе, по одному съ каждаго дома, платящаго подати, раздѣляются на партіи, изъ которыхъ каждая обязана работать 15 дней, подъ надзоромъ начальниковъ работъ; за лѣность виновные наказываются жестоко, иногда заколачиваются палками на смерть, но вообще эти работы производятся съ необыкновенной дѣятельностью. Желающіе нанять вмѣсто себя работниковъ на эту повинность, платятъ отъ 60 коп. до 4 руб. сер. въ день. У всякаго землевладѣльца каждый участокъ поля или сада окопанъ каналами и огороженъ валами; гдѣ нужно пустить воду, тамъ разрываютъ валъ или открываютъ сдѣланные въ валу деревянные трубы и спускаютъ воду именно на тотъ участокъ, гдѣ это нужно. Хивинцы селятся отдѣльными дворами въ видѣ нашихъ хуторовъ; землевладѣльцевъ, имѣющихъ значительное пространство земли, немного; болѣею частію каждый имѣетъ только одно поле (отъ 3 до 4 десятинъ), которое обрабатываютъ сами съ помощію семействъ или одного или двухъ работниковъ. Около городовъ, которые населены преимущественно чиновниками правительства, купцами и ремесленниками, вмѣсто хуторовъ есть селенія по 20—30 дворовъ. Дома хивинцевъ строятся изъ глины, величиною съ наши крестьянскія избы; въ крышѣ дѣлается отверстіе для свѣта, оно же служитъ и трубой для дыма. Городъ Хива, главный городъ ханства и мѣстопробываніе хановъ, обведенъ двумя глиняными стѣнами; одна изъ нихъ окружаетъ главную часть города. Въ г. Хивѣ 2 дворца, 17 мечетей, 22 училища, одинъ караванъ-сарай, крытые ряды и 260 лавокъ въ разныхъ частяхъ города. Ханъ имѣетъ 4 загородныхъ дома. Другихъ городовъ въ ханствѣ 19; нѣкоторые изъ нихъ съ весьма незначительнымъ населеніемъ. Въ окрестностяхъ г. Хивы много развалинъ, изъ которыхъ замѣчательныя суть развалины города Куна-Ургенса и другія.

Рѣка Аму-Дарья, этотъ Нилъ средней Азіи, назадъ тому лѣтъ 250, впадала въ Каспійское море; это подтверждается, во первыхъ, тѣмъ, что еще видно старое русло рѣки, бывшее когда-то заселеннымъ, чему служитъ свидѣтельствомъ развалина, и во вторыхъ тѣмъ, что отъ рѣки къ морю замѣчается вообще естественный скатъ. Петръ I думалъ, что рѣка заперта плотиною, и потому перестала вливаться въ Каспійское море, и что стоитъ только разрушить плотину, и рѣка снова обратится на прежній путь. Нѣкоторые и теперь полагаютъ, что хивинцы, опасаясь

набѣговъ нашихъ казаковъ, запрудили рукавъ р. Аму, впадавшій въ Каспійское море, и обратили воду въ Аральское. Хивинцы же дѣйствительно опасаются, чтобы рѣка не обратилась въ старому руслу; во время сильнаго наводненія 1834 г., вода прорвалась въ это русло, и они съ тревогою и страхомъ наблюдали за тѣмъ, далеко ли ушла вода, и говорили между собою: «русскіе заводятъ укрѣпленіе на нашей землѣ (бывшее укрѣпленіе Ново-Александровское), теперь Богъ даетъ имъ воду». Но авторъ статьи полагаетъ, что рѣка измѣнила свое теченіе вслѣдствіе поднятія почвы нѣкоторыхъ мѣстъ восточнаго берега Каспійскаго моря отъ подземнаго огня. Вопросъ этотъ, при настоящемъ состояніи научныхъ изслѣдованій береговъ Каспійскаго моря, еще не можетъ быть положительно разрѣшенъ, а если дѣйствительно виновата въ томъ природа, что у Россіи отнять естественный путь воднаго сообщенія съ внутренностью средней Азіи, то ничего болѣе не остается, какъ искать средства возстановить сообщеніе съ Хивой какимъ либо другимъ способомъ; если же, какъ думалъ Петръ 1, и какъ многіе думаютъ и теперь, хивинцы искусственно обратили теченіе рѣки въ Аральское море, то это крайне прискорбно. По хивинскимъ источникамъ, рѣка обратилась въ Аральское море въ XVII столѣтіи, и, какъ можно заключить, по естественной причинѣ, потому что современный этому событію ханъ сожалѣлъ о городѣ Ургенсу, который по отсутствію воды опустѣлъ.

Какова бы ни была причина, по которой воды Аму-Дары оставили наше Каспійское море, но по всей вѣроятности, еслибы хивинцы видѣли пользу въ прежнемъ ея теченіи, то искусственно достигли бы этого, потому что нужны для сего работы были бы ничтожными въ сравненіи съ тѣмъ пространствомъ, на протяженіи котораго вырыты ими и поддерживаются нынѣ искусственные каналы и насыпи, служащія къ оплодотворенію и охраненію страны отъ наводненія. Но едва-ли рѣка Аму-Дары менѣе важна для нашей торговли съ средней Азіей, чѣмъ искусственные каналы нужны для хивинцевъ, и нѣтъ ли какой либо возможности въ *наше время* возстановить прежнее сообщеніе съ Хивой, драгоценнымъ для насъ воднымъ путемъ. Между берегомъ Каспійскаго моря и Хивой — 400 верстъ, не болѣе; но нынѣ возможенъ суэзскій каналъ, идущій чрезъ материкъ, а мы имѣемъ старое русло рѣки, еще существующее. Можетъ быть, оно и опять было бы годно, еслибы вода рѣки въ ея настоящемъ теченіи могла быть поднята искусственно и этимъ способомъ обращена на прежнее теченіе, подобно тому, какъ въ наводненіе 1834 г. рѣка прорвалась въ свое прежнее выѣсталище.

Главное занятіе хивинцевъ — хлѣбопашество и садоводство, затѣмъ слѣдуетъ торговля; въ Хивѣ торгуютъ почти всѣ достаточные люди, и особеннаго купеческаго сословія нѣтъ; мануфактурной же и фабричной промышленности, въ собственномъ значеніи этихъ словъ, въ ханствѣ нѣтъ. Хивинцы обрабатываютъ

хлопчатую бумагу, шелкъ и прочія свои произведенія, каждый у себя дома, для собственнаго употребленія и для мелочной продажи. Судорождство съ недавняго времени стало распространяться въ Хивѣ; но хивинцы покуда еще весьма плохіе мореходы: имъ еще неизвѣстны ни руль, ни паруса, они плаваютъ на веслахъ и на шестахъ по отмелямъ. Суда ихъ плоскодонныя съ расширомъ. Въ ханствѣ нѣтъ рѣзкаго раздѣленія сословія; всѣ пользуются одинаковыми правами, и несутъ одинаковыя обязанности, исключая духовенства, которое имѣетъ привилегію не платить податей и не нести общественныхъ повинностей; духовенства считается до 1,500 семействъ. Ханъ иногда пользуется совѣтами духовенства въ дѣлахъ правленія; но вообще правленіе въ Хивѣ имѣетъ деспотическое; воля хана есть законъ, законовъ же писменныхъ и точныхъ нѣтъ; народъ управляется болѣе преданіями, обычаями и кораномъ. Ханъ не можетъ похвалиться любовью и довѣріемъ своего народа. Чиновники въ Хивѣ весьма навлонны къ лихоимству. Чаше всего случаются преступленія слѣдующія: воровство, обманъ, ссоры, драки и нерѣдко убійства за удержаніе воды въ каналахъ, когда ее мало; случается, что перепруживаютъ каналы, для того, чтобы болѣе пустить воды на свое поле; въ такомъ случаѣ живущіе ниже по каналамъ остаются безъ воды, что и бываетъ предметомъ столкновеній.

Училищъ, содержимыхъ отъ правительства, нѣтъ, но есть школы, которыя по обѣтамъ содержатся частными лицами, въ нихъ мудлы обучаютъ грамотѣ и корану. Грамотность распространена.

Въ военномъ отношеніи Хива особенно слаба. Войско собирается изъ волонтеровъ, неимѣющихъ средствъ къ существованію, но отъ правительства они не получаютъ содержанія даже во время походовъ хана, и оружіе получаютъ отъ хана только отличившіеся; привлекаетъ же хивинцевъ въ военную службу грабежъ. Ружья безъ курковъ, съ фитилями, порохъ самодѣльный, очень плохой. Есть нѣсколько орудій; въ 1838 г. начальникомъ ханской артиллеріи былъ русскій крестьянинъ Василій Лаврентьевъ, взятый въ плѣнъ на Каспійскомъ морѣ и проданный въ Хиву; и вся артиллерійская прислуга состояла изъ русскихъ плѣнныхъ, которые въ 100 шагахъ не попадали въ цѣль, вѣроятно по той причинѣ, что артиллерійская прислуга была еще менѣ свѣдуща въ дѣлѣ, чѣмъ самъ главный начальникъ артиллеріи. Нынѣшній ханъ, для своей потѣхи, дѣлаетъ иногда артиллерійское ученіе и требуетъ только, чтобы звукъ отъ выстрѣловъ былъ сильнѣе, и чтобы скорѣе стрѣляли; на вѣрность же выстрѣловъ не обращаетъ никакого вниманія.

Приволье хана, который иногда безъ дальнихъ околичностей отнимаетъ у своихъ подданныхъ ихъ собственность, внушаетъ хивинцамъ такое понятіе о власти, что они не раздѣляютъ ее отъ власти, чѣмъ, впрочемъ, крайне недовольны, и въ случаѣ войны хивинцы защищаютъ не хана, не отечество, а свою собственность. Каракалпаки и туркмены, при основаніи въ 1834 г. на-

шого укрѣпленія, говорили, что «съ которой стороны вѣтеръ, туда и мы».

Въ заключеніе о Хивѣ и хивинцахъ можно сказать, что ханство находится еще на низкой степени образованія, но земледѣліе, садоводство и гидро-техническія работы въ хорошемъ состояніи. Вообще Хива составляетъ для всякаго сосѣда по всему лакомый кусочекъ, и ея самобытность не кажется вѣчной. Самобытность эта служитъ опроверженіемъ нападковъ на Россію за наклонность къ завоеваніямъ, и нѣтъ сомнѣній, что будь на нашемъ мѣстѣ Франція, Англія, или Пруссія, или Австрія, то присоединеніе Хивы совершилось бы давнымъ давно, подобно Ниццѣ, Савойѣ и Шлезвиг-Гольштейну. Завоеванія такихъ странъ, гдѣ осѣдлость сдѣлалась уже прочнымъ фактомъ народной жизни, но гдѣ нѣтъ еще высшихъ проявленій цивилизаціи, слѣдуетъ предпочитать завоеваніямъ, гдѣ приходится бороться съ упорнымъ чувствомъ независимости, потому что раннія завоеванія не сопровождаются такими успѣхами и жертвами, какъ завоеванія въ послѣднемъ случаѣ. Примѣромъ Кавказъ: энергическія мѣры противъ него назадъ тому 100 лѣтъ набавили бы насъ отъ тѣхъ жертвъ, которыхъ онъ *потребовалъ понаслѣдствіи*.

Въ тѣсной связи съ вопросами о русской торговлѣ вообще, находится вопросъ объ очищеніи Дона и азовскихъ портовъ. Исслѣдованіемъ этого послѣдняго вопроса занимается экспедиція, снаряженная географическимъ обществомъ; очищеніе же гирлъ Дона уже производится. Мы пользуемся отчетомъ секретаря общества, В. П. Безобразова о путешествіи его на Волгу и къ азовскимъ портамъ, чтобы сообщить результаты его наблюденій о товарномъ и коммерческомъ движеніи между бассейнами Волги и Дона, между приволжскими низовыми губерніями и Азовскимъ моремъ, и между прочимъ изученіе результатовъ волжско-донской желѣзной дороги и донскаго пароходства. По замѣчаніямъ г. Безобразова, нивѣ всѣ вывозимые за границу хлѣба и продукты изъ мѣстностей, начиная съ Елатеринштадта (немного выше Саратова) вверхъ идутъ почти исключительно къ Балтійскому морю, и только съ Елатеринштадта внизъ начинается движеніе къ Азовскому морю, но даже и здѣсь это послѣднее движеніе далеко не столь значительно, какъ движеніе къ Балтійскому морю. Нетолько изъ Саратова и прилегающихъ пристаней, но даже изъ Камышина грузы идутъ къ сѣверу. Преобладающее движеніе продуктовъ плодороднаго самарскаго-саратовскаго края къ Балтійскому морю г. Безобразовъ находитъ естественнымъ, потому что край этотъ нетолько географически почти втрое ближе къ Азовскому морю, но сверхъ того сплавное судоходство по Волгѣ значительно удобнѣе и быстрѣе ввоза, и связан-

на съ послѣднимъ доставка товаровъ по системамъ волжско-ладожскихъ искусственныхъ водныхъ путей затруднительна и медленна; во всякомъ случаѣ вывозъ хлѣба изъ низовыхъ приволжскихъ губерній къ Азовскому морю можетъ обходиться дешевле, чѣмъ вывозъ къ Балтійскому морю. Такое неестественное, по мнѣнію г. Безобразова, направленіе нашихъ вывозныхъ продуктовъ къ Балтійскому морю зависить отъ затруднительности воднаго сообщенія съ Азовскимъ моремъ, вслѣдствіе засоренія морскихъ портовъ и донскихъ гирлъ. Мы имѣемъ въ виду возразить ниже на исключительность приводимой авторомъ причины, направляющей къ Балтійскому морю волжскіе продукты, а теперь послѣдуемъ за его выводами. Однимъ изъ важныхъ условій движенія грузовъ по Волгѣ къ Азовскому морю, говоритъ г. Безобразовъ, можетъ служить соединительный путь между Волгою и Дономъ, или между ихъ изгибами, наиболѣе другъ къ другу приближающимися и съ незапамятныхъ временъ служившими однимъ изъ важныхъ всемірно-историческихъ звеньевъ коммерческаго движенія между Западомъ и Востокомъ, Европой и Азіей; затѣмъ общепользность и выгодность волжско-донской желѣзной дороги въ дальнѣйшемъ ея развитіи, чему въ свою очередь могутъ содѣйствовать: усиленіе судоходства собственно пароваго на Дону и развитіе *возвратнаго* (то-есть отъ азовскихъ портовъ и Дона къ Волгѣ) товарнаго и коммерческаго движенія, которое нынѣ почти не существуетъ вовсе. Усиленіе пароходства на Дону составляетъ поэтому первый вопросъ вообще для всего коммерческаго движенія между Азовскимъ моремъ и Волгою. Но важнѣйшее затрудненіе для развитія пароходства и судоходства на Дону составляетъ его мелководье и отмели, уже слишкомъ извѣстныя публикѣ. «Кажется можно сказать безъ преувеличенія—добавляетъ г. Безобразовъ—что нѣтъ вопроса въ юго-восточной Россіи, который бы болѣе занималъ собою умы, нежели вопросъ объ очищеніи Дона, которое дѣйствительно способно придать совершенно иную жизнь не только всему этому краю, но и другимъ обширнымъ краямъ Россіи, находящимся съ нимъ въ коммерческихъ сношеніяхъ или могущимъ съ нимъ вступить. Нужно сказать откровенно, что къ этому вопросу примѣшивается въ сужденіяхъ торгующихъ и производителей не мало раздраженія, которое легко понять и которое происходитъ вслѣдствіе сборовъ безъ всякихъ до сихъ поръ видимыхъ результатовъ, взимаемыхъ на очищеніе донскихъ гирлъ, по добровольному согласію ростовскаго и таганрогскаго купечества, сверхъ общихъ сборовъ на улучшеніе судоходства».

Компанія волжско-донской дороги и пароходства взяла на себя очищеніе Дона; дѣло это поручено весьма знающему и благонадежному офицеру, но авторъ утверждаетъ, что тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя были до сихъ поръ на это назначены правительствомъ, будетъ недостаточно для устраненія препятствій на Дону на продолжительное время. Что же касается до возмож-

ности капитальнаго улучшенія Дона для судоходства, при *значительныхъ* на это пожертвованіяхъ, то самая эта возможность никакъ не *отвергается* многими знающими людьми. Какъ бы то ни было, но желательно, чтобы самое строгое вниманіе было обращено на вопросъ объ очищеніи Дона, съ которымъ связано благосостояніе дѣла огромнаго края Россіи и отъ котораго зависятъ многіе государственные интересы (накова вывозная наша торговля и отертіе рынковъ для хлѣбородныхъ губерній); желательно бы было, чтобы къ разрѣшенію этого вопроса, разнѣющагося, по своей важности, съ сооруженіемъ цѣлой линіи желѣзныхъ дорогъ, были направлены самыя энергическія усилія. Чтобы судить, какія послѣдствія могутъ быть отъ улучшенія судоходства по Дону, достаточно сказать, что стоимость ввезенія иногда болѣе чѣмъ удваивается (съ 3 р. до 6 и 7 р.) чрезъ доставку съ мѣстъ производства, въ приволжскихъ губерніяхъ или въ верховьяхъ Дона, до таганрогскаго рейда, гдѣ они грузятся на иностранные корабли; главная же часть этихъ расходовъ ложится на Донъ, на многократныя перегрузки и на страховую премію, которая, по соображеніямъ торговцевъ, должна обезпечить страшные риски, сопряженные съ этими операціями.

О слабомъ развитіи ввозной торговли чрезъ азовскіе порты г. Безобразовъ говоритъ, что она зависитъ отъ слабости вывозной торговли, слѣдовательно, въ сущности отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, которыя затрудняютъ вывозную торговлю. Авторъ увѣренъ, что успѣхи вывозной торговли сами по себѣ необходимо должны повлечь развитіе ввозной торговли; уже слышно объ иностранцахъ, намѣревающихся заводить въ Ростовъ на Дону и Таганрогъ свои конторы въ виду улучшенія путей сообщенія, какъ главнаго условія успѣха; чрезъ возростаніе же ввозной торговли удешевится доставка по желѣзной дорогѣ вывозныхъ товаровъ, потому что теперь вагоны и донскіе пароходы возвращаются безъ груза и вознаграждаютъ свои потери на товарахъ, отправляемыхъ за границу.

Было бы совершенно излишне распространяться о важности предметовъ, изслѣдованныхъ г. Безобразовымъ, и о тѣхъ вопросахъ, которые онъ разрѣшаетъ. Но, во всякомъ случаѣ, нельзя не замѣтить, что разрѣшенія à priori, какъ это дѣлаетъ г. Безобразовъ, въ подобныхъ вопросахъ можетъ имѣть мѣсто лишь относительно общепользности такого предпріятія, какъ, напримеръ, очищеніе донскихъ гирлъ и азовскихъ портовъ, но относительно жертвъ и издержекъ и сравненія ихъ съ ожидаемыми пользами, по нашему мнѣнію, необходимы выводы, основанные на точныхъ данныхъ. Въ выводахъ г. Безобразова даже и будущая, возможная польза горячо защищаемаго имъ дѣла кажется отчасти сомнительной, потому что авторъ сгруппировалъ лишь обстоятельства, служація къ подрѣзленію его тенденціи, умалчивъ окончательно о тѣхъ сторонахъ предмета, которыя способны возбудить нѣкоторое недовѣріе къ всесторонности и полнотѣ его

ислѣдованія. Авторитетъ древности и даже недавняго прошедшаго о томъ, что переволокъ между Дономъ и Волгой всегда служилъ естественнымъ и лучшимъ торговымъ путемъ, соединяющимъ Востокъ съ Западомъ, Азію съ Европой—едва-ли можетъ имѣть какой нибудь смыслъ теперь. Древность не имѣла другого пути и даже не имѣла искусственной ладожской водной системы, слѣдовательно, не было и другого выбора для сообщенія, какъ промежутокъ между Волгой и Дономъ. Европейскіе рынки, открывшіеся для Россіи весьма недавно чрезъ Балтійское море, также не существовали прежде вовсе. Теперь всѣ данныя, на которыхъ могутъ опираться соображенія объ этомъ торговомъ пути, измѣнились значительно. Сѣверные европейскіе рынки открыты для насъ чрезъ Балтійское море, слѣдовательно, для нашихъ южныхъ портовъ остались лишь рынки, находящіеся на побережьяхъ Чернаго моря, Архипелага и Средиземнаго моря. Англія, Голландія, Швеція, Германія, даже Франція, нуждающіяся въ привозномъ хлѣбѣ болѣе въ сѣверной своей части, чѣмъ въ южной—ближе отъ насъ чрезъ Балтійское море, чѣмъ чрезъ Черное и Азовское. Желѣзная дорога, соединившая посредствомъ Нижняго Новгорода центръ Волги съ балтійскими портами, приблизила къ этой мѣстности сѣверные европейскіе рынки; доказательствомъ можетъ служить приводимый г. Безобразовымъ фактъ, что по нижегородской и николаевской желѣзнымъ дорогамъ начинаютъ доставлять хлѣбъ къ Балтійскому морю, оставляя прежній путь—искусственную ладожскую водную систему. Дорога, которая должна соединить Москву съ Чернымъ моремъ, помимо уже рѣшеннаго вопроса о томъ, чрезъ Кіевъ или Кременчугъ, не можетъ не оказать сильнаго вліянія на нашу вывозную, а также и ввозную торговлю; съ каждой новой линіей желѣзной дороги къ европейскому рубежу неминуемо должны создаваться новые обѣнные рынки какъ внутри Россіи, такъ и въ Европѣ. Все это не можетъ возникнуть абсолютно, безъ вліянія на то, что существовало донынѣ. Мы вѣримъ, что съ каждой новой линіей, съ каждымъ новымъ путемъ должны увеличиваться торговые обороты Россіи, но степень этого увеличенія въ свою очередь не можетъ не повліять на цифры оборотовъ каждаго изъ существующихъ внутреннихъ рынковъ, и повліять неблагоприятно въ частности на каждый прежній рынокъ. Если цифра сбыта чрезъ существующіе торговые пути равняется 3, по 1 на каждый путь, то съ открытіемъ четвертаго пути, если сбытъ и увеличивается на $\frac{1}{2}$, то мы получимъ общую цифру $3\frac{1}{2}$, раздѣленную на 4; слѣдовательно, съ увеличеніемъ общей цифры, въ частности каждый путь долженъ потерять; иначе пришлось бы европейскіе рынки признать всепоглощающимъ жерломъ, а русскіе рынки—неисчерпаемымъ источникомъ поглощаемаго матеріала. Но въ обсужденіи тѣхъ предметовъ, къ которымъ относятся наши возраженія, болѣе или менѣе неизбежны выводы à priori; почему изслѣдованіе г. Безобразова о пути между Дономъ и Волгой можно на-

звать не болѣе, какъ не звалѣ многостороннимъ; что же касается до жертвъ и издержекъ на очистку Дона и азовскихъ портоновъ, то въ этомъ случаѣ всякіе выводы, основанные не на положительныхъ данныхъ, не могутъ и не должны имѣть никакой цѣны и никакого значенія. Какъ велики должны быть издержки? Какъ онѣ относятся къ воображаемой, ожидаемой пользѣ? Чѣмъ и когда покроются эти издержки? Вѣдь нельзя же признавать ихъ безвозвратными, иначе это было бы противно самымъ основнымъ пріемамъ коммерціи и администраціи. Разъясненіе всѣхъ этихъ неизбежныхъ вопросовъ, хотя съ приблизительными цифрами, всё интересующіеся предметомъ, вправдѣ ожидать отъ г. Безобразова.

Въ «Военномъ Сборникѣ» (*) напечатана небольшая статья г. Пѣнкина: «Воспоминанія о военно-учительскомъ институтѣ». Статья эта имѣетъ скромное значеніе біографическаго матеріала о знаменитомъ временникѣ графѣ Аракчеевѣ и раскрываетъ, въ первыхъ, педагогическія воззрѣнія графа Аракчеева и, во вторыхъ, убѣжденіе его о томъ, что онъ былъ двойникъ и продолжатель дѣятельности Петра-Великаго. Посредствомъ чтенія въ училищѣ «Дѣяній Петра-Великаго» соч. Голикова, графъ пріучилъ учениковъ къ сравненію его дѣятельности съ дѣяніями Петра-Великаго. Напримѣръ: 1) «Петръ-Великій преобразовалъ дворянство и государственную администрацію на европейскій ладъ, а графъ Аракчеевъ перестраивалъ бытъ крестьянъ (обращая ихъ въ военныхъ поселенцевъ) также на ладъ иноземный, пересаживая все лучшее по сельскому хозяйству на почву русскую»; 2) какъ дѣйствовалъ графъ Аракчеевъ? Быстро, неумолимо, даже жестоко, какъ и Петръ-Великій.» Благодаря г. Пѣнкину, біографъ графа Аракчеева будетъ имѣть новую черту характера этой личности.

Педагогическая система графа Аракчеева также весьма замѣчательна. Военно-учительскій институтъ былъ любимымъ заведеніемъ графа Аракчеева; онъ имѣлъ въ виду воспитать здѣсь учителей для военныхъ школъ въ поселеніяхъ. Институтъ отличался тѣмъ, что тамъ были запрещены всякія тѣлесныя наказанія и издавался учениками еженедѣльный журналъ: «Семидневный Листокъ», печатаемый ими самими въ походной типографіи Аракчеева. Вѣроятно, этотъ листокъ пропалъ безслѣдно для исторіи русской прессы, потому что издавался въ новгородскомъ поселеніи, конечно, безъ цензуры, почему и «узабоненнаго числа экземпляровъ» не было представляемо въ ценсурный комитетъ. Но рядомъ съ этими порядками, будущихъ учителей, избавленныхъ отъ тѣлеснаго наказанія, обучающихся между прочимъ у Гнѣ-

(*) «Военный Сборн.» 1864 г. № 12.

дича и Н. И. Гр—ча възвѣстному чтенію исторіи Петра I, в издающихъ журналъ, послали съ педагогической цѣлью мести улицы, зажигать фонари, шить солдатскіе штаны въ швальнѣ, копать картофель, лукъ, капусту и т. п. «Я знаю, что это будетъ имъ не нужно, но не худо знать», глубокомысленно говорилъ Арачевъ.

Настоящій биографическій матеріалъ отличается отъ прочихъ извѣстныхъ въ печати матеріаловъ тѣмъ, что авторъ съ неподражаемой наивностью повѣствуетъ о жизни творца военныхъ поселеній, очерчивая его, помимо своего желанія, иногда въ такихъ комическихъ чертахъ, что въ этомъ свѣтѣ фигура графа Арачева является въ первый разъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Начиная нашу русскую литературную лѣтопись въ нынѣшнемъ году, мы должны оговориться, что въ этомъ отдѣлѣ будемъ довольствоваться самыми короткими отзывами о книгахъ. Мы желали бы, чтобы эти отзывы только знакомили читателя съ сущностью новыхъ книгъ. Подробныя же критическія статьи мы будемъ печатать въ первомъ отдѣлѣ нашего журнала. Для полноты лѣтописи, мы будемъ помѣщать и перечни сколько-нибудь замѣчательныхъ книгъ, вышедшихъ въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль. Полагаемъ, что и они не будутъ бесполезны для тѣхъ читателей, которые не имѣютъ случая слѣдить постоянно за книжными извѣстіями.

Король Лиръ. *Трагедія Шекспира, переводъ В. Лазаревского. Спб. 1865.*

Нашу литературную лѣтопись, на новый 1865 годъ, мы начинаемъ чрезвычайно пріятнымъ извѣстіемъ о новомъ переводѣ *Короля Лира*, сдѣланномъ г. Лазаревскимъ — переводѣ самомъ полномъ и добросовѣстномъ, какого у насъ до сихъ поръ не существовало. Переводъ, правда, не отличается блескомъ стиха, за то онъ будетъ очень нелишнимъ, по своей полнотѣ, послѣ сокращеннаго перевода Дружинина. Мы рекомендуемъ его всѣмъ, кто любитъ Шекспира. Изданіе по изяществу и роскоши—рѣдкое у насъ.

Этюды путешественника. Италия, Швейцарія. Путешествіи и путешествіе. Сочиненіе П. Ковалевскаго. Спб. 1864 г.

Большая часть этой книги, именно вся Италия, была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ», и мы объ этихъ увлекательныхъ картинахъ имѣли случай выразить наше мнѣніе въ то время, когда онѣ печатались въ нашемъ журналѣ. Мы и теперь нисколько не переѣняли этого мнѣнія о нихъ, и думаемъ, что описаніе путешествія г. Ковалевскаго, на раду съ «Фрегатомъ Палладою» г. Гончарова, съ «Письмами объ Италіи» г. Боткина, должно быть въ библиотекѣ каждаго русскаго, какъ книга классическая. Другого описанія Италіи, такого художественнаго, у насъ нѣтъ.

Въ отношеніи же къ г. Ковалевскому, мы можемъ только сказать, что это—лучшее его произведеніе. Писалъ послѣ этого путешествія г. Ковалевскій и стихи, и повѣсти, и романы, но все это не имѣетъ ничего общаго съ «Этюдами путешественника».

Исторія Новгорода Великаго отъ древнихъ временъ до паденія. И. Бѣлаева. Москва. 1864.

Исторія Новгорода, очевидно, въ послѣднее время стала предметомъ особеннаго вниманія со стороны нашихъ ученыхъ. Только что г. Костомаровъ успѣлъ издать свою исторію «Сѣверно-русскихъ народоправствъ», гдѣ исторія Новгорода занимаетъ главное мѣсто, какъ вслѣдъ за нею является исторія Новгорода г. Бѣлаева. Повидимому, исторія Новгорода г. Бѣлаева составлять уже избытокъ невызываемый потребностями читающей публики; но въ сущности между двумя книгами большая разница. Вслѣдствіе этого, въ изложеніи нѣкоторыхъ эпохъ, оба автора даже весьма значительно разошлись другъ съ другомъ; особенно это рѣзко бросается въ глаза въ исторіи паденія независимости Новгорода. Какъ извѣстно, г. Костомаровъ не питаетъ особеннаго сочувствія къ московскому періоду русской исторіи; въ этомъ онъ и правъ: московскій періодъ имѣлъ много качествъ совсѣмъ непривлекательныхъ. Но г. Костомаровъ, повидимому, въ своемъ недостаткѣ сочувствія не поставилъ себѣ справедливыхъ границъ. Московскій періодъ, при всѣхъ своихъ дурныхъ качествахъ, развившихся подъ вліяніемъ рабства, имѣетъ громадную заслугу въ собираніи русской земли. Именно къ этому собиранію земли у г. Костомарова и недостаетъ сочувствія, быть можетъ, подъ вліяніемъ его идеи о федеративномъ началѣ въ древней Руси. Потому въ исторіи борьбы между Новгородомъ и Иваномъ Васильевичемъ (III), г. Костомаровъ явнымъ образомъ стоитъ на сторонѣ Новгорода; для него Новгородъ—представитель того начала, которому г. Костомаровъ сочувствуетъ; между прочимъ, для него Новгородъ—представитель кроткихъ и честныхъ нравовъ, а Москва—представительница нравственной

зарезы. Это, конечно, до нѣкоторой степени справедливо. Но Москва—представительница другого начала, начала самостоятельности и независимости, не менѣ важнаго въ исторіи, вслѣдствіе котораго она и перетянула въ спорѣ съ Новгородомъ. Недостатки Москвы не были въ ней всеобщими, не были какинъ-нибудь нормальнымъ явленіемъ; они были случайны и рано или поздно должны были уступить мѣсто другимъ лучшимъ качествамъ, а достоинства ея составляли необходимое условіе бытія русскаго народа, какъ народа независимаго и своеобразнаго. Москва сдѣлала то, что русскій народъ къ концу концовъ не низшелъ на степенъ хлопотъ, какъ онъ низшелъ въ бывшихъ князествахъ полоцкомъ, волынскомъ, галицкомъ и кievскомъ, гдѣ, какъ увѣряютъ нѣкоторые, теперь совсѣмъ ужъ и не Россія, а Польша. Еслибы Новгородъ поддался Польшѣ, то и тамъ теперь было бы что-нибудь похожее. Въ критикѣ историческихъ событій нельзя довольствоваться тѣмъ, чѣмъ мы довольствуемся въ современной жизни; къ ней нельзя прилагать мѣрку нашей обыденной жизни. Въ исторіи нерѣдко погибаютъ прекрасныя учрежденія, которымъ нельзя не сочувствовать; но погибель ихъ ведетъ къ большому добру, нежели существованіе. Лишенная залоговъ развитія, они должны слиться съ другими элементами, чтобы произвести явленія болѣе прочныя и благодѣтельныя. Съ этой точки нужно смотрѣть и на паденіе свободы и независимости Новгорода. Паденіе Новгорода было историческою необходимостью при стремленіи всего русскаго народа къ единству и при относительной слабости Новгорода сравнительно съ Москвою. Еслибы Новгородъ былъ сильнѣе, онъ покорилъ бы Москву, нашелъ бы въ ней самой соучастниковъ, которые держали бы его сторону во имя свободы и промышленности, какъ сторонники Москвы въ Новгородѣ держали сторону великаго князя во имя православія и народности. Но въ этомъ-то и дѣло, что учрежденія Новгорода, какъ ни кажутся они привлекательны въ сравненіи съ учрежденіями Москвы, не имѣли въ себѣ залоговъ прочности и жизни; они точно также деморализировали новгородское населеніе, какъ татарское иго деморализировало Москву. Это была обыкновенная непосредственная демократія, та самая, которая господствовала на римскомъ форумѣ и въ аѳинской экклезіи, гдѣ много шуму, много рѣшеній, но мало исполнителей, гдѣ одинъ другого побуждаетъ къ принятію труднаго рѣшенія, и одинъ за другого прячется при исполненіи этого рѣшенія. Именно это и было въ Новгородѣ; оттого новгородское вѣче въ послѣднее время своего существованія отличается особенно частыми переходами отъ однихъ рѣшеній къ другимъ, совершенно противоположнымъ; оттого вражда партій все усиливалась, а своекорыстіе отдѣльныхъ лицъ все болѣе и болѣе брало перевѣсъ надъ патриотизмомъ гражданъ.—Иванъ III очень ловко понималъ, когда нужно было нанести послѣдній ударъ Новгороду, и нанесъ его съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ. И нельзя

въ Иванѣ III видѣть только лицемеръ, прикрывавшаго личныя стремленія національными цѣлями. Личныя стремленія, конечно, были и у него, но они совпадали съ національными цѣлями, которыя онъ и понималъ и стремился къ достиженію ихъ, а не то, чтобы они тамъ только случайно сошлись. Но г. Костомаровъ видитъ въ немъ только лицемеръ, который прикрываетъ себя маскою миролюбія и права, который лицемерно даже молится, отправляясь въ походъ противъ Новгорода.

Не такъ относится къ этому дѣлу г. Бѣляевъ; онъ, очевидно, принимаетъ сторону самаго князя; для него Новгородъ съ самаго перваго столкновенія съ Иваномъ III вездѣ и во всемъ неправъ; онъ не защищаетъ права свои по старинѣ, напротивъ нарушаетъ права князя, а Иванъ III только заботится о сохраненіи правъ и все столкновеніе произошло только изъ-за-того, что Марѳа Борецкая и ея сторонники не хотѣли потерять своего вліянія въ Новгородѣ; при этомъ г. Бѣляевъ, въ противоположность г. Костомарову, видимымъ образомъ старается представить поступки Ивана III въ болѣе мягкомъ видѣ, опускаетъ безъ вниманія разоренія и убійства, сдѣланныя московскими войсками въ походъ 1471 года; вообще, подобно г. Костомарову, онъ видимымъ образомъ одну сторону старается представить въ лучшемъ свѣтѣ, а другую старается очернить.—Достоинства книги г. Бѣляева такъ велики, что объ этомъ недостаткѣ ея нужно особенно жалѣть. Этимъ недостаткомъ онъ ослабилъ самъ себя; книга его не будетъ пользоваться довѣріемъ читающей публики, которая въ наше время больше нежели когда нибудь желаетъ знать безпристрастную историческую истину. Такимъ образомъ въ своемъ противодѣйствіи одностороннему и поверхностному либерализму, г. Бѣляевъ не достигнетъ цѣли, и противъ самаго себя даетъ весьма сильное оружіе. Да независимо отъ этого и сама историческая истина здѣсь страдаетъ, что тоже немалый недостатокъ въ историческомъ трудѣ. Г. Бѣляевъ впасть въ крайность, противоположную той, въ которую впасть г. Костомаровъ, и имѣетъ, однако, съ нимъ то общее, что оба они очень поверхностно относятся къ предмету: г. Костомаровъ главною причиною катастрофы считаетъ эгоистическія стремленія Ивана III, а г. Бѣляевъ — интриги Борецкихъ. Было бы очень нетрудно знать исторію, еслибы въ самомъ дѣлѣ можно было довольствоваться такими объясненіями историческихъ событій.

Впрочемъ, какъ мы уже сказали, этотъ недостатокъ есть едва ли не единственный въ книгѣ г. Бѣляева, которая представляетъ читателю исторію Новгорода во всей ея полнотѣ, отъ призванія Рюрика до потери независимости. Г. Бѣляевъ начинаетъ древнею географіею Новгорода, которую изображаетъ довольно подробно и весьма толково; затѣмъ описываетъ новгородское общество, церковь и правительство, и потомъ уже переходитъ собственно къ исторіи событій отъ 862 до 1478 г. Книга написана съ осно-

вательностью и умѣньемъ, которыя, безспорно, составляютъ постоянное качество ученыхъ трудовъ г. Бѣльева. Потому для исторіи Новгорода она, вѣроятно, надолго останется монографіею, наиболѣе авторитетною.

Вся книга г. Бѣльева раздѣляется на 12 рассказовъ; такъ, по крайней мѣрѣ, они перенумерованы самимъ авторомъ; но, въ самомъ дѣлѣ, рассказовъ только 11, потому что въ серединѣ одинъ рассказъ (5-й) пропущенъ, именно тотъ рассказъ, который долженъ слѣдовать за описаніемъ внутренней жизни Новгорода и предшествовать рассказу о призваніи Рюрика. Кажется, что это сдѣлано г. Бѣльевымъ не безъ умысла. Онъ, какъ извѣстно, принимаетъ свою собственную и оригинальную теорію начала русскаго государства. Быть можетъ, этотъ пропущенный рассказъ и содержитъ въ себѣ изложеніе древнѣйшей исторіи Новгорода до Рюрика, который печатать г. Бѣльевъ не хотѣлъ почему нибудь теперь. Мы будемъ рады не ошибиться въ этомъ предположеніи, и съ удовольствіемъ увидѣли бы въ печати выработанную вполне теорію г. Бѣльева, когда-то не вполне развитую имъ; а то ужь очень свирѣпствуетъ теперь г. Гедеоновъ въ своей теоріи начала русскаго государства.

Историческая хрестоматія новаго періода русско-й словесности. Томъ II (отъ Карамзина до Пушкина). Составилъ *А. Галаховъ*. Спб. 1864.

Читателямъ, безъ сомнѣнія, извѣстенъ первый томъ этого прекраснаго сборника; цѣль этого изданія—служить пособіемъ при изученіи исторіи русской литературы послѣ-петровскаго періода—пособіемъ не столько для учениковъ, сколько для преподавателей. Русская литература хотя существуетъ давно, однако еще не достигла той степени зрѣлости, которая придала бы многимъ ея произведеніямъ монументальное, общечеловѣческое значеніе; по своей неразвитости, она еще до сихъ поръ въ правѣ называться молодою, и большая часть ея памятниковъ принадлежитъ къ числу явленій, имѣющихъ только относительную историческую важность. Это обстоятельство, съ одной стороны, затрудняетъ изученіе нашей литературы, такъ-какъ оно еще не можетъ быть опредѣлено конечною цѣлью ея развитія, но съ другой стороны, дѣлаетъ подобное изученіе необходимымъ, такъ-какъ ни одно почти русское литературное произведеніе не можетъ быть понято безъ исторической обстановки, которая обусловливала бы его смыслъ. И вотъ книга г. Галахова предназначена служить пособіемъ для такого изученія. Его задачей было—дать характерные образцы каждаго литературнаго явленія послѣ-петровскаго періода, каждаго направленія заявленныхъ литературою идей, каждаго значительнаго иностраннаго вліанія, каждой иностранной попытки создать оригинальныя формы умственного и литературнаго развитія. Г. Галаховъ, какъ извѣстно, опредѣляетъ понятіе о литературѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ, и потому въ его программѣ вошла не

одни поэтическія произведенія, но и сочиненія историческаго, политическаго, философскаго и критическаго содержанія. Такииъ образомъ, здѣсь находятъ себѣ мѣсто все почти умственное движеніе русскаго общества; нельзя не признать выгоду этой точки зрѣнія, если вспомнить, что до сихъ поръ въ литературѣ сосредоточивалось почти все наше общественное развитіе.

Въ литературномъ періодѣ, составляющемъ содержаніе втораго тома «Исторической Хрестоматіи», мы находимъ уже значительный матеріалъ для выясненія умственныхъ интересовъ нашего общества того времени. Уже въ вѣкъ Екатерины наша литература отчасти перестаетъ быть искусственно пересаженнымъ растеніемъ; еще болѣе чувствуются въ ней живыя силы—въ карамзинскій періодъ; хотя и здѣсь она служитъ выраженіемъ образованнаго меньшинства, но въ ней есть уже то цивилизующее начало, то образовательное содержаніе, которымъ она въ свою очередь вліяетъ на общество. Если въ настоящее время мы чувствуемъ живое значеніе литературы, обсуждающей текущіе вопросы и образующей наше общественное сознаніе, то, можетъ быть, первыя шаги ея на этомъ поприщѣ должны быть отнесены въ карамзинскому періоду. Событія екатерининской и александровской эпохи много говорили русскому чувству и не могли не дѣйствовать на русскій умъ; это и отразилось на литературѣ. Видя въ послѣдней выраженіе общества, г. Галаховъ характеризуетъ карамзинскій періодъ чрезвычайно многосторонне: мы находимъ у него и рядъ образчиковъ тогдашняго сентиментализма, и характерныя черты изъ борьбы тогдашнихъ западниковъ съ славянофилами, двухъ общественныхъ направленій, изъ примиренія которыхъ, можно сказать, возникла «Исторія Государства Россійскаго», и завлеченія мистицизма, и образцы тогдашней сатиры, то шуточной, нашедшей себѣ высшее выраженіе въ знаменитомъ произведеніи Грибоѣдова, и туманныя мечтанія романтизма въ произведеніяхъ Жуковскаго, и яркіе проблески античнаго классицизма у Батюшкова. Чтобы дать понятіе о томъ или другомъ писателѣ, г. Галаховъ выбираетъ изъ него нѣсколько небольшихъ произведеній или, въ крайнемъ случаѣ, нѣсколько отрывковъ, но такихъ, которые представляли бы значительную цѣлость; такимъ образомъ, каждая приведенная статья представляется съ опредѣленнымъ и округленнымъ содержаніемъ и легко поддается разбору; самыя отрывки и цѣлыя произведенія выбраны очень удачно, съ глубокимъ пониманіемъ литературной личности ихъ авторовъ. Количество приведенныхъ образцовъ изъ каждаго писателя, конечно, соотвѣтствуетъ большому или меньшему его литературному значенію и таланту; но мы вполне одобряемъ обычай г. Галахова характеризовать литературный періодъ не только главными, но и второстепенными представителями (тавъ, въ разбираемомъ томѣ, кромѣ Карамзина, Дмитріева, Озерова, Жуковскаго, Батюшкова, Мералякова, Гнѣдича, Грибоѣдова, Крылова, кн. Вяземскаго, со- ставитель цитуетъ Каменева, Подшивалова, Шишкова, П. Макаро-

ва, Дашкова, Венитцаго, В. Измайлова, В. Пушкина, ин. Шалкова, ин. С. Шихнатова, Марина, Шатрова, ин. Горчакова, Пинна, Востокова, гр. Растончина, Кривовстаго, С. Глинку, А. Измайлова, Нахимова, Милонова, В. Панаева, Наръшнаго, А. Тургенева, Воейкова, ин. Шаховскаго, Катенина, Колошяна, Хмѣльницкаго, Невзорова, Лабзина, Ѳ. Глинку и нѣсколькихъ духовныхъ писателей (*). Каждая статья снабжена рядомъ разнообразныхъ примѣчаній, объясняющихъ ея главную мысль, подробности ея содержанія, вліяніе приведеннаго произведенія и его отношеніе къ другимъ. Кромѣ того, въ примѣчаніяхъ помѣщены подробности библиографическія и біографическія, между которыми многія замечаны самимъ г. Галаховымъ и впервые являются въ печати. Вообще, со стороны примѣчаній второй томъ намъ кажется богаче перваго. Такимъ образомъ каждая статья обставлена всѣмъ, что только облегчаетъ ея пониманіе, и на обязанности преподавателя, пользующагося хрестоматіей г. Галахова, лежитъ только внимать въ предложенный матеріалъ и усвоить его содержаніе и смыслъ. Вообще хрестоматія г. Галахова представляетъ драгоценнѣйшее пособіе для изученія русской литературы и для того объяснительнаго чтенія ея памятниковъ, которое все болѣе и болѣе распространяется въ преподаваніи. Вѣроятно, преподаватели съ одобреніемъ встрѣтятъ второй томъ прекраснаго труда г. Галахова и вѣстѣ съ нами пожелають, чтобы третій его томъ, заключающій въ себѣ пушкинскій періодъ, не замедлилъ выходить и не уступалъ бы въ достоинствѣ своимъ предшественникамъ.

Учебный Атласъ по Русской Исторіи. Составленъ и изданъ Е. Замысловскимъ. Выпускъ первый. Спб. 1865.

Въ нашей учебной литературѣ не было до сихъ поръ русскаго историко-географическаго атласа. Правда, есть у насъ атласы Ахматова и Павлицева, но они изданы очень давно; наша наука далеко ушла съ тѣхъ поръ, какъ они были составлены. Г. Замысловскому пришла счастливая мысль пополнить этотъ недостатокъ, и результатомъ ея было изданіе атласа, заглавіе котораго выписано выше. Въ составъ его должны войти девять картъ довольно большаго объема, изображающихъ русскую землю въ разные періоды ея существованія: Дѣленіе картъ — говоритъ составитель въ предисловіи — поставлено въ связи съ тѣмъ дѣленіемъ на періоды, которое рѣзко обозначается въ самомъ ходѣ русской

(*) По нашему мнѣнію, г. Галаховъ могъ бы включить въ свою хрестоматію отрывки еще изъ трехъ писателей: 1) И. М. Муравьева-Апостола, автора «Путешествія въ Тавриду» и переводчика Аристофановыхъ «Облаковъ», замѣчательнаго стилиста и одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени; 2) графа Сперанскаго, между преобразованиями котораго не должно забывать, между прочимъ, и преобразование канцелярскаго слога; 3) Вигеля, который по своему направленію и дѣятельности прямо относится къ Карамзинскому періоду, а по литературному таланту не будетъ послѣднимъ между своими современниками.

исторіи, и каждая карта изображаетъ какъ-бы результатъ измѣненій въ русской государственной области, совершившихся въ теченіе того періода, которому она посвящена. Судя по первому выпуску атласа, изданному въ настоящее время, составителю удалось вѣрно схватить тѣ эпохи, которыя дѣйствительно ознаменовались важными измѣненіями въ географическихъ предѣлахъ русской земли. Такъ напримѣръ, первая карта атласа изображаетъ Русь, въ годъ смерти Ярослава Владиміровича; но вмѣстѣ съ тѣмъ, на ней изображено разными красками распредѣленіе племенъ въ восточной Европѣ съ IX по XI вѣкъ, такъ что глядя на эту карту, легко можно видѣть, какія изъ этихъ племенъ вошли въ составъ древнѣйшаго русскаго государства; во второй картѣ, относящейся къ удѣльному періоду, намъ кажется совершенно вѣрнымъ раздѣленіе Руси не на княжества, а на земли; это раздѣленіе, соотвѣтствуя отчасти распредѣленію славяно-русскихъ племенъ, показываетъ связь послѣдняго съ ослабленіемъ удѣльныхъ волостей. Въ третьей картѣ, изображающей Русь въ половинѣ XV вѣка, обиліе географическихъ подробностей въ средней полосѣ Россіи, и бѣдность ихъ въ южной ея части, очень наглядно изображаютъ, что центръ государственной дѣятельности передвинулся къ сѣверу. Вообще карты г. Замословскаго отличаются большою отчетливостью и ясностью, хотя изданы и не роскошно; онѣ предназначены для среднихъ учебныхъ заведеній, но по обилію подробностей годятся и при чтеніи такихъ сочиненій, какъ исторіи Карамзина, Соловьева и проч. По точности нанесенныхъ подробностей можно видѣть, что карты составлены добросовѣстно, и при помощи дѣйствительно всѣхъ тѣхъ пособій, которыя предлагаетъ новая наша наука; это мнѣніе наше подтверждаетъ и тотъ лестный отзывъ объ атласѣ г. Замословскаго, который недавно былъ высказанъ въ этнографическомъ отдѣленіи нашего географическаго общества, г. Калачовымъ. Пока вышелъ только первый выпускъ атласа, состоящій изъ трехъ картъ, и кромѣ того, заключающій въ себѣ очень хорошее дополненіе, перечень водныхъ путей сообщенія въ древней Руси. Второй и послѣдній выпускъ, въ шесть картъ, обѣщанъ къ апрѣлю мѣсяцу. Будемъ надѣяться, что издатель останется вѣренъ своему слову; такимъ образомъ, наша педагогическая литература сдѣлаетъ прекрасное приобрѣтеніе, исполнѣ достойное наибольшаго успѣха.

Опытъ сравнительнаго обзоренія древнѣйшихъ памятниковъ народной повѣсти, германской и славянской. Изсѣдованіе П. Полеваго, писанное на степень маистра русской словесности. Спб. 1864.

Наши ученые диссертации послѣдняго времени представляютъ одну особенность, весьма замѣчательную. Чтобы объяснить читателямъ эту особенность, припомнимъ себѣ, что всякій ученый трудъ имѣетъ двѣ стороны: одну — такъ называемую чернорабочую, состоящую въ отысканіи фактовъ, которая во многихъ

случаяхъ требуетъ только механическаго труда, времени и самой ничтожной головной работы — и другую, болѣе деликатную, которая состоитъ въ пониманіи фактовъ, въ созданіи изъ нихъ системы, того, что составляетъ самую сущность ученаго труда. Наука послѣдняго времени стала на самую лучшую дорогу изученія фактовъ и постройки системъ не иначе, какъ на основаніи этихъ фактовъ. Потому отыскываніе фактовъ, какъ ни мало требуетъ оно силъ умственныхъ со стороны автора, въ наукѣ имѣетъ громадное значеніе; безъ него система вѣчно будетъ уподобляться дому, построенному на пескѣ. Но одни факты безъ осмысленія ихъ, разумѣется, такъ и останутся только фактами, ничего неговорящими, мертвымъ матеріаломъ; потому другая сторона работы, объясненіе фактовъ, постройка на основаніи ихъ системы, имѣетъ ближайшее, болѣе существенное отношеніе къ наукѣ, имѣетъ для нея болшую важность. Разумѣется, ова требуетъ и больше умственныхъ силъ и болшаго образованія.

Нашихъ молодыхъ ученыхъ, обыкновенно, достаетъ только на первую сторону труда, а со второю они справляются обыкновенно очень плохо. Кромѣ тѣхъ доказательствъ этой мысли, которая уже извѣстна нашей читающей публикѣ, г. Полевой представляетъ еще одно. Онъ предположилъ сдѣлать сравнительное обзорѣніе памятниковъ народной поэзіи германской и славянской. Памятники, которыми занимается г. Полевой, слѣдующіе: Семундова Эдда, Саги, Беовульфъ, Пѣсни о Гильдебрандѣ, о Нибелунгахъ, Кудруна; а изъ славянскихъ пѣсенъ — о Судѣ Любуши, пѣснь Краледворской рукописи, Слово о полку Игоревѣ, и Слово о Задонщинѣ. Излагая содержаніе памятниковъ, г. Полевой дѣлаетъ свое дѣло довольно удовлетворительно, хотя далеко не вполне; именно, онъ не вдумался хорошо въ содержаніе, не представилъ его себѣ въ цѣлости и общности, и не изложилъ такъ, чтобы самыя существенныя черты выступали на первый планъ, а второстепенныя стояли потомъ, чтобы весь рассказъ представлялъ ясную картину, въ которой читатель видѣлъ бы и единство предмета, и пропорціональность въ подробностяхъ. Но съ изложеніемъ содержанія, въ трудѣ г. Полевого еще можно помириться; а съ другою половиною его, гдѣ магистрантъ сравниваетъ памятники, философствуетъ объ нихъ, помириться очень трудно. Эту часть г. Полевой начинаетъ классификаціею эпическихъ памятниковъ вообще. «Эпосъ обыкновенно — говоритъ онъ — дѣлать на два главные вида: мнѣшескій и героическій. Но очень трудно подвести всѣ эпическія произведенія подъ эти два разряда. Если разумѣть подъ названіемъ мнѣшескаго тотъ эпосъ, въ которомъ преобладаетъ сверхъестественное надъ естественнымъ, а подъ названіемъ героическаго тотъ, въ которомъ сверхъестественное является на второмъ планѣ, то весь отдѣлъ славянскихъ памятниковъ не подойдетъ ни подъ одинъ изъ этихъ разрядовъ. Они представляютъ собою особый видъ, который легче всего назвать историческимъ эпосомъ, потому что въ основа-

ни славянскаго эпоса постоянно является истинное происшествіе, быль (или то, что народъ считаетъ былью), переданная въ поэтической формѣ». Эта классификація можетъ ввести въ большую ошибку читателя, мало знакомаго съ дѣломъ: онъ подумаетъ, что эпическія поэмы не славянскія, какъ, напримѣръ, пѣснь о «Нибелунгахъ», уже ничего историческаго въ себѣ не имѣютъ, что въ нихъ даже въ основаніи нѣтъ истиннаго происшествія; но эта ошибка. Нетолько пѣснь о Нибелунгахъ или другія героическія поэмы среднихъ вѣковъ или древности, какъ Илиада, но и произведенія миѣнческія, какъ Беовульфъ или Саги или пѣсни Эдды, въ основаніи нерѣдко имѣютъ быль. Если въ историческихъ источникахъ иногда нѣтъ указанія на такія происшествія, послужившія основаніемъ для эпоса, то это еще не даетъ права заключать, чтобъ его дѣйствительно не было. Напротивъ, въ наукѣ принято, въ самыхъ баснословныхъ разсказахъ древности видѣть, или по крайней мѣрѣ не отказываться видѣть, истинную основу. Такъ въ разсказѣ о походѣ аргонавтовъ, видятъ указаніе на древнѣйшія путешествія грековъ къ подножію Кавказа; въ преданіяхъ о тирскомъ Геркулесѣ, видятъ указанія на открытія и завоеванія финикійцевъ по берегамъ Средиземнаго моря и т. д., такъ что истинное происшествіе въ основѣ эпоса не можетъ служить признакомъ для классификаціи его. Дѣлать эпическія произведенія можно и на два вида, и на три, какъ угодно г. Полевому; но только по причинамъ болѣе основательнымъ и опредѣленнымъ; и славянскій эпосъ не тѣмъ отличается отъ германскаго и другихъ, что будто бы въ немъ только одномъ въ основаніи лежала быль. Нѣтъ, въ немъ и основаніе, и развитіе — все имѣетъ характеръ историческій; Игорь или Дмитрій-Донской, или Славой съ Забоемъ, или Ярославъ идутъ противъ враговъ такъ, какъ и въ наше время ходятъ противъ враговъ, и сражаются съ ними такъ, какъ и теперь сражаются. Сверхъестественный элементъ входитъ въ славянскій эпосъ почти исключительно въ лирическихъ отступленіяхъ, или въ указаніи на предзнаменованія. Напримѣръ, Забой и Людень наносятъ другъ другу удары, льютъ кровь, забрызгиваютъ другія; все это такъ, какъ бываетъ на самомъ дѣлѣ. А Беовульфъ сражается съ чудовищемъ, одареннымъ страшною силою, и у него страшная неестественная сила; онъ спускается подъ землю; тутъ все сверхъестественное. Такъ же много сверхъестественнаго и вообще необычнаго и въ Нибелунгахъ. И этимъ-то богатствомъ сверхъестественнаго и необычнаго и отличаются они, напримѣръ, отъ Слова о полку Игоревѣ, которое представляетъ поэтическое изображеніе событія, только съ такими атрибутами сверхъестественнаго, безъ которыхъ не обходились эпическія произведенія даже позднѣйшія. Но основаніе, въ большей части эпическихъ произведеній, даже такихъ, въ которыхъ, очевидно, преобладаетъ элементъ миѣнческій — истинное. Такимъ образомъ, классификація г. Полеваго построена на ложномъ основаніи.

Далее стараюсь выискивать разницу между эпосомъ миенческимъ и эпосомъ героическимъ, г. Полевой совсѣмъ не забываетъ даже о какомъ нибудь основаніи, а все свое разсужденіе основываетъ только на томъ, что ему такъ кажется. «Когда Сигурдъ и Беовульфъ — говорить отъ — борятся со змѣемъ, или Беовульфъ съ чудовищнымъ Гремделемъ, и то и другое событіе намъ кажется почти возможнымъ, чуть не дѣйствительнымъ происшествіемъ въ живомъ разсказѣ обѣихъ эпопей». «Но намъ странно читать въ пѣсни о Нибелунгахъ, извѣстный разсказъ 2-й части о томъ, какъ Гагенъ — этотъ герой грубой средневѣковой дѣйствительности — нечаянно сталкивается съ водяными дѣвами, похищаетъ у одной изъ нихъ платье, принуждаетъ ее предсказывать будущее и т. д.» Отчего же въ одномъ случаѣ намъ сверхъестественное кажется вѣроятнымъ, почти дѣйствительнымъ, а въ другомъ оно вамъ кажется страннымъ и невѣроятнымъ? — Какимъ образомъ, герой средневѣковой дѣйствительности въ народномъ воззрѣніи не можетъ встрѣтиться съ водяною дѣвою? — Очевидно, если для какого времени возможны подобныя разсказы, то для среднихъ вѣвовъ, и высказанное г. Полевымъ воззрѣніе намъ кажется страннымъ. Вѣроятно, здѣсь ошибка его происходитъ оттого, что онъ усиливается найти разницу между тѣмъ и другимъ эпосомъ, но дѣйствительной разницы не находитъ, и потому сочиняетъ такую, которая въ дѣйствительности не существуетъ. Еще разъ онъ принимается отыскивать разницу между эпосомъ миенческимъ и эпосомъ героическимъ, и опять неудачно. «Эпосъ миенческій — говорить онъ — ни о чемъ не разсказываетъ плавно, послѣдовательно; а сосредоточивъ свое вниманіе на одномъ какомъ нибудь событіи, набрасываетъ одну черту за другою, владеть одну за другою яркія краски, даетъ въ немногихъ словахъ ясное, полное понятіе о томъ событіи или характерѣ, которые составляютъ предметъ пѣсни, но не входятъ въ подробности, или по крайней мѣрѣ рѣдко входятъ. Однимъ словомъ, каждая отдѣльная пѣсня миенческаго эпоса представляетъ очеркъ, набросанный смѣлой и сильной рукой». Очевидно, вся эта характеристика есть не что иное, какъ наборъ словъ; каждая черта ея, безъ исключенія, можетъ быть отнесена и къ героическому эпосу, и даже къ историческому. «Изложеніе героическаго эпоса совершенно противоположно изложенію Эдды (то-есть эпоса миенческаго): въ немъ нѣтъ и двухъ словъ безъ связи». А будто въ Эддѣ это есть? Долго было бы выписывать всѣ слабыя мѣста диссертации; поэтому мы и удовольствуемся приведенными выписками. Онѣ вполне подтверждаютъ сдѣланное нами положеніе, что нашихъ молодыхъ ученыхъ достаетъ только на черную работу. И книга г. Полеваго если имѣетъ какое нибудь значеніе, то именно только этою стороною. Впрочемъ, самъ г. Полевой, по видимому, имѣетъ высокое понятіе о своемъ трудѣ, потому что въ предисловіи самъ говоритъ о важности и самостоятельности его.

Въ послѣднее время вышли слѣдующія книги, сколько нибудь замѣчательныя:

Магницкій. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Соч. *К. Осетрѣтскова*. (Цѣна 1 р. 25 к. сер.) Это—отдѣльные оттиски статьи, напечатанной въ «Рус. Вѣстникѣ».

Синъ, разсказъ изъ временъ XVII вѣка. *Н. Костомарова*. Спб. 1865. Ц. 1 р.

Путешествіе по Сибири и прилегающимъ къ ней странамъ центральной Азіи. Составлено *Этцелемъ и Винеромъ*. Переводъ съ нѣмецкаго *Н. Дельпиша*. Спб. 1865.

Краткій учебникъ физиологій *А. Германа*. Переводъ съ нѣмецкаго, просмотрѣнный и дополненный *Съченовымъ*. Выпускъ второй (послѣдній). Спб. 1865. (Ц. за два выпуска 2 р.).

Томъ II сочиненій Державина, съ объяснительными примѣчаніями *Я. Грота*, изд. акад. наукъ, съ рисунками, найденными въ рукописяхъ поэта. Этотъ томъ содержитъ стихотворенія, писанныя отъ 1798 по 1808 годъ, и къ нимъ приложено 237 рисунковъ, изготовленныхъ въ оригиналѣ современными *Державину* художниками. Ц. 3 р.

Ученіе Дарвина «о происхожденіи видовъ», общепонятно изложенное *Фр. Ролле*. Переводъ съ нѣмецкаго *О. А. Усова*. Съ политипажами. Мос. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к. (На русскомъ есть уже переводъ этого сочиненія, но крайне небрежный. Переводъ г. *Усова* исполненъ тщательно). Изд. *А. И. Глазуновъ*.

Слуги желудка, исторія пяти чувствъ. Соч. *Массе*. Вып. I. Описаніе костей, съ рисунками. Спб. 1865 года. Ц. 65 к.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НОВОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

X-й томъ «Этюдъ по исторіи человѣчества», Лорана. — «Вильгельмъ Бранскій», соч. Клоза. — V-й томъ «Исторія Англіи въ XVI и XVII вѣкахъ», Ранке. — «Три лекціи изъ исторіи среднихъ вѣковъ», Кляшнущте. — «Парламентская Франція», Ламартина.

Этюдъ по исторіи челоѣчества (исторія народнаго права и международныхъ отношеній), соч. *Ф. Лорана*. Т. X: *Народности* (*). — Большое историко-философское сочиненіе извѣстнаго профессора гентскаго университета Лорана, съ каждымъ томомъ приобрѣтаетъ все болѣе и болѣе интереса. Недавно вышедшая десятая часть, подъ заглавіемъ «Народности», заслуживаетъ

(*) *ETUDES SUR L'HISTOIRE DE L'HUMANITÉ (histoire du droit des gens et des relations internationales)*, par *F. Laurent*, professeur de droit à l'université de Gand. T. X. *Les Nationalités*. Paris. 1864.

глубокаго вниманія. Какъ извѣстно, Лоранъ — родомъ бельгіецъ и владѣеть обширными учеными средствами; ему одинаково хорошо знакомы языки: нѣмецкій, англійскій, голландскій и итальянскій, и одинаково доступны самыя разнообразныя источники и пособия, на точную и полную разработку которыхъ онъ употребилъ стараніе, вполне заслуживающее удивленія. Главнымъ результатомъ его трудовъ стало именно то сочиненіе, котораго появился теперь десятый томъ. Сперва это сочиненіе называлось «Исторією народнаго права и международныхъ отношеній». Но такъ-какъ съ самаго начала авторъ придалъ слишкомъ широкій смыслъ понятію о народномъ правѣ, безконечная важность котораго, какъ центральнаго пункта въ исторической культурѣ, привела его къ обширному историко-философскому труду, а преждее названіе пришлось измѣнить на то, которое теперь читаемъ на оберткѣ сочиненія. Въ восьмомъ и девятомъ томахъ («Реформація», «Религіозныя войны»), авторъ какъ будто отступилъ отъ самой идеи сочиненія, выражаемой его международной точкою зрѣнія, и впалъ какъ-бы въ непослѣдовательность; но въ только что появившейся части, мы находимъ разъясненіе этихъ сомнѣній: его пріемъ въ восьмомъ и девятомъ томахъ имѣлъ цѣлью сообщить обильный запасъ фактовъ, которые облегчили бы намъ постепенное пониманіе предопредѣленнаго единства жизни человѣчества, путеводной нити Лорана. И это рѣшительное возвращеніе къ первоначальной основной идеѣ сочиненія оживило самое его изложеніе.

Лорана всего болѣе характеризуютъ двѣ черты—совершенная свобода мысли, которая ставитъ его въ независимое отношеніе къ католическимъ догматамъ, и твердая, проникнутая горячимъ одушевленіемъ вѣра въ Божество, управляющее судьбами человѣчества. Оба качества, одно — въ критическомъ, другое — въ положительномъ направленіи, возвышаютъ религіозную сторону земнаго существованія: религія, по мнѣнію автора, есть самая лучшая связь для единства человѣчества—единства, которое, конечно, будетъ достигнуто только посредствомъ будущаго объединенія нынѣшнихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, въ настоящее время нерѣдко враждующихъ между собою, вмѣсто того, чтобы способствовать этому единству.

Лоранъ не признаетъ ни совершенно абстрактнаго, ни христіанскаго космополитизма. Онъ признаетъ единство въ живомъ разнообразіи; различіе національностей не есть кара божія, но скорѣе самое благое дѣло промысла, для соединенія человѣчества: «народности—отъ Бога». Въ феодальныя средніе вѣка, собственно говоря, не было народовъ, точно такъ, какъ и въ древности, которая знала только отдѣльные города и династическія царства. Съ полнымъ признаніемъ человѣческаго достоинства, необходимо связана идея о союзѣ государственномъ, удовлетворяющемъ нравственнымъ требованіямъ человѣка; поэтому созданіе народнаго права принадлежитъ по преимуществу современному человѣку. Идеалу

индивидуального совершенства соответствует, не Лорану, идеалу международного братства; но этот идеал может быть достигнут не вдруг: для этого нужна вѣковая работа исторіи, борьба страстей, лишения, опыты и нарушенія права, въ которыхъ кричатъ нравственное сознание народовъ и индивидуумовъ. Для современной точки зрѣнія были необходимы многія посредствующія ступени, о которыхъ нельзя было умолчать. Всемирная монархія и абсолютная верховная власть, кабинетная политика и завоевательныя войны — это переходные періоды, но не конечныя цѣли движенія. Макиавелли; изображеніе котораго представляетъ образцовое произведеніе этой десятой части, не можетъ быть зеркаломъ, или защитой современнаго патриотизма и всемірнаго гражданства. Кто въ состояніи это выполнить — покажетъ Лорану въ слѣдующей части.

Вильгельмъ Оранскій, основатель голландской свободы, соч. Клоза, по смерти его изданное Вутке ()*. — Исторія отпаденія Нидерландовъ отъ Испаніи такъ блистательно разсказана американскимъ историкомъ Мотлеемъ, что наврядъ-ли новый трудъ о томъ же предметѣ найдетъ много читателей. Одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ, докторъ Клозъ, написалъ подробную монографію о жизни Вильгельма Оранскаго, которую послѣ его смерти издалъ и снабдилъ примѣчаніями его другъ, лейпцигскій профессоръ Вутке. Книга эта, по всей вѣроятности, никогда не сдѣлается популярной. Она написана очень безцвѣтно, и точка зрѣнія автора очень мало разнится отъ точки зрѣнія всѣхъ протестантскихъ историковъ, начиная отъ Шиллера до послѣдняго времени. Все же, однако, какъ результатъ добросовѣстнаго многолѣтняго труда, книга эта, отличающаяся кромѣ того полнѣйшимъ безпристрастіемъ, вполне заслуживаетъ вниманія занимающихся исторіею. Особенно полезно къ ней прибѣгнуть какъ къ лучшему матеріалу для повѣривъ болѣе блестящаго и занимательнаго сочиненія Мотлея. Наконецъ, докторъ Клозъ очень рельефно выставляетъ тѣ трудныя вопросы въ жизни Вильгельма Оранскаго, которые еще все не разрѣшены или разрѣшены только частью. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ Мотлей, казалось, положительно рѣшилъ навсегда; но нѣмецкій ученый снова ихъ подымаетъ и приходитъ къ совершенно другимъ заключеніямъ. Такъ извѣстно, что всего темнѣе, неразгаданнѣе въ исторіи великаго штатгальтера, тѣ событія, въ которыхъ высказывается его хитрость, его недостатокъ правдивости. Прежде всего, Вильгельма упрекаютъ за его неблагородное поведеніе въ дѣлѣ заключенія брака съ несчастной принцессой саксонской Анной, при чемъ онъ далъ слово, что не помѣшаетъ женѣ исповѣдовать протестантскую религію и будетъ воспитывать дѣтей въ этой же религіи, и потомъ нару-

(*) WILHELM VON ORANJEN. Aus dem Nachlasse K. L. Klosses, mit einer Würdigung des Oraniers von H. Wuttke. Leipzig. 1864.

шли свое обѣщаніе. И Мотлей, и Клозъ всѣми силами стараются, хотя на основаніи совершенно противоположныхъ документовъ и фактовъ, доказать, что Вильгельмъ и въ этомъ дѣлѣ велъ себя героемъ. Но это ни одному, ни другому не удается. Тутъ замѣчательно еще то, что Мотлей въ своемъ блестящемъ, можно сказать, страстномъ разсказѣ обмененно ссылается на факты вѣрные, въ примѣчаніяхъ дѣлаетъ ссылки на документы, неоставляющіе никакого сомнѣнія въ достовѣрности его свѣдѣній; но, увлекаясь своими пламенными сочувствіями и антипатіями, онъ приходитъ часто къ заключеніямъ, совершенно противорѣчающимъ его же фактамъ. Напротивъ, нѣмецкій историкъ въ своемъ хладнокровномъ, сдержанномъ изложеніи иногда извращаетъ событія, приводитъ такіе факты, которые уже давно признаны невѣрными, но общія его заключенія и выводы болѣе подходятъ къ истинѣ. Впрочемъ, что касается вопроса о бракѣ Вильгельма, то ни одинъ историкъ не представляетъ ничего новаго, и вопросъ этотъ остается попрежнему темнымъ. То же можно сказать и о другихъ двухъ событіяхъ, поставляемыхъ обыкновенно въ укоръ Вильгельму. Это именно его двойственное, хитрое поведеніе передъ самымъ возмущеніемъ. Извѣстно, что онъ поддерживалъ всѣми силами введеніе тѣхъ самыхъ указовъ Филиппа о преслѣдованіи протестантовъ и введеніи постановленій тридентскаго собора, которые послужили главною причиною взрыва. Другіе патріоты, предчувствуя пагубное вліяніе этихъ указовъ, предлагали ихъ не вводить, но Вильгельмъ одержалъ верхъ, проповѣдуя необходимость послушанія королевской волѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, пожаръ вспыхнулъ, и Вильгельмъ, сбросивъ маску, сталъ во главѣ возстанія. Положимъ, что оба историка совершенно правы, утверждая, что онъ такъ поступилъ изъ патріотизма, но это все-таки не доказываетъ, чтобы онъ не поступилъ въ томъ случаѣ, какъ человекъ коварный. Наконецъ послѣдній спорный вопросъ изъ жизни перваго штатгальтера, именно знаменитое письмо Д'Алавы, которое считаютъ поддѣлкой Вильгельма, также ни мало не разъясняется ни Мотлеемъ, ни новыми изслѣдованіями Клоза. Какъ извѣстно, это письмо Д'Алавы, испанскаго посла въ Парижѣ, къ регентшѣ Маргаритѣ заключало въ себѣ разсказъ о жестокихъ намѣреніяхъ короля противъ нѣкоторыхъ важныхъ лицъ въ Нидерландахъ, и что перехваченное Вильгельмомъ, оно было представлено имъ на дендермондскомъ свиданіи съ предводителями патріотической партіи. Конечно, это письмо побудило самыхъ нерѣшительныхъ приступить къ дѣйствию изъ одного чувства собственной безопасности. Маргарита, въ секретномъ письмѣ къ Филиппу, въ которомъ ей вовсе не было нужды скрываться, прямо объявила, что это подлогъ, сдѣланный Вильгельмомъ. Съ тѣхъ поръ, большая часть историковъ придерживалась этого мнѣнія, но прямого доказательства до сихъ поръ не открыто. Мотлей признаетъ подложность письма, но увѣряетъ, что это сдѣлано однимъ изъ приверженцевъ Вильгельма, который

самъ былъ введенъ въ заблужденіе. Слабость этого довода очевидна. Новый историкъ Вильгельма гораздо смѣлѣе: онъ и его издатель стараются всѣми силами доказать, что это письмо было подлинное, но ихъ мнѣнія основаны на однихъ соображеніяхъ и не подкрѣплены никакими фактами. Изъ этихъ немногихъ примѣровъ читатели видятъ, сколько еще есть темныхъ, неразгаданныхъ фактовъ въ жизни Вильгельма; но намъ кажется, что напрасно историки стараются своихъ героевъ представить незапятнанными образцами добродѣтели. Пускай тѣ упреки, которые дѣлаютъ Вильгельму Оранскому, и совершенно справедливы — это ни чуть не уменьшаетъ уваженія, которое невольно всякій чувствуетъ къ великому дѣлу этого человѣка, освободившаго свою родину отъ тяготѣвшаго надъ нею испанскаго ига.

Исторія Англій въ XVI и XVII столѣтіяхъ, соч. Леоп. Ранке. Т. V (*).—Знаменитый старикъ Ранке съ бодростью молодого человѣка продолжаетъ свою научно-литературную дѣятельность. Не прошло еще года послѣ изданія четвертаго тома его «Исторіи Англій», какъ появился новый томъ, болѣе полный по содержанию и болѣе интересный, чѣмъ предшествовавшій ему. Интересъ этого сочиненія тѣмъ значительнѣе, что по содержанию своему эти томы Ранке совпадаютъ съ извѣстнымъ произведеніемъ Маколея. Это обстоятельство даетъ возможность провести паралель между взглядами и приемами англійскаго и нѣмецкаго историковъ, подобно тому, какъ мы сейчасъ сравнивали Мотлея съ Клозомъ. Какъ извѣстно, время отъ 1675 до 1688, подготовившее паденіе Стюартовъ, богаче и внутренними, и внѣшними событиями, чѣмъ первая половина періода реставраціи. Борьба между прерогативою короны и притязаніями парламента на власть кончилась во вредъ королевской власти. Съ тѣхъ поръ, какъ домогательства парламента окончательно слились съ протестантско-англиканскими стремленіями противъ коварнаго вѣроломства и жестокости двухъ послѣднихъ Стюартовъ, Ранке начинаетъ опредѣленно обнаруживать симпатію къ побѣдоносной сторонѣ. Тѣмъ не менѣе, у него еще замѣтна нѣкоторая слабость къ Карлу II: онъ менѣе осуждаетъ его нравственные недостатки, чѣмъ Маколей. Удерживая за нимъ до послѣдней минуты величіе помазанника, Ранке не только оправдываетъ его нѣжную и впечатлительную натуру, но даже изображаетъ его, въ отличіе отъ другихъ историковъ, ловкимъ и хитрымъ политикомъ, который, несмотря на препятствія, постоянно возраставшія по его собственной винѣ, неутомимо прокладываетъ новые пути, чтобы удержать хоть одну часть своей прерогативы, а именно: законное право наследства своего дома. Когда нельзя было больше слѣдовать тайнымъ католическимъ стремленіямъ, и союзъ съ вѣрною

(*) ENGLISCHE GESCHICHTE VORNEHMILICH IM 16 u 17 JAHRHUNDERT, von L. Ranke. 5 Band. Berlin. 1865.

королю епископальною церковью получилъ для него значеніе, онъ, передъ самой смертью, принимая послѣднее помязаніе отъ бенедиктинца, радовался своему торжеству надъ нею, и такимъ образомъ, до послѣдней минуты сохраняя хладнокровіе, передавалъ своему наслѣднику страшное свое рѣшеніе. За то Ранке отворачивается отъ Іакова II, который былъ мужественнѣе своего брата, но менѣе его благоразуменъ, который, не связывая себя законами, хотѣлъ принудить англійскихъ епископовъ пропнести собственный приговоръ. Съ полнымъ безпристрастіемъ Ранке слѣдитъ за образованіемъ обѣихъ политическихъ партій, торіевъ и виговъ. Дѣлая вѣрныя характеристики государственныхъ людей: Дерби, Кларендона, Сѣндерланда, Шефтсбѣри и Росселя, онъ обращаетъ вниманіе на тѣ противоположныя черты этихъ личностей, которыя, сначала бывъ незамѣтны, обнаружилась во время великихъ катастрофъ—во время іезуитскаго и республиканскаго заговора, во время попытки Монмута и рѣшительнаго прибытія Вильгельма Оранскаго. Лордъ Галифаксъ у Ранке не такъ бросается въ глаза читателю, какъ у Маколей; но тѣмъ не менѣе его высокой талантъ, его искусная политика находятъ себѣ достойную оцѣнку, равно какъ и личность не столь же великаго, но не менѣе почтеннаго доктора Бернета, умѣвшаго примирить въ самый рѣшительный моментъ тѣ противорѣчія, въ которыя обстоятельства ставили его политическіе и религіозные принципы. Два превосходные характера графа Арджилла и юнаго герцога Монмута, который на каждомъ шагу остается Стюартомъ, несмотря на ложную избранную имъ дорогу, обрисованы въ немногихъ неподражаемыхъ чертахъ. Отвратительная личность лорда Джеффри въ дальнѣйшемъ изложеніи не выступаетъ такъ ярко, какъ у Маколей. Описаніе кровавыхъ ассизовъ, которому Маколей посвятилъ цѣлую главу, въ сочиненіи Ранке занимаетъ одиннадцать строкъ.

Говоря вообще, неизбежное сравненіе двухъ знаменитыхъ историковъ, которые говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія, по большей части не въ пользу Ранке; преимущество на сторонѣ Маколей уже потому, что онъ написалъ исторію своего собственнаго отечества и при этомъ относится къ ней, хотя и свободно, но съ живѣйшимъ участіемъ. Тѣмъ не менѣе, и у Ранке есть своя значительная доля своеобразныхъ достоинствъ, особенно обнаруживающихся въ разбираемомъ патомъ томѣ. Выразительная краткость его богатаго мыслью разсказа норовъ можетъ стать на ряду съ очарованіемъ художественнаго маколеевскаго описанія; самая объективность воззрѣнія иностранца точно такъ же имѣетъ свою цѣну, какъ и убѣдительная точка зрѣнія челоуѣка, принадлежащаго въ своей родинѣ къ извѣстной партіи. Маколей умѣетъ представить жизнь цѣлаго народа и съ любовью останавливается на каждомъ народномъ движеніи; напротивъ того, Ранке, оставаясь повѣреннымъ кабинетовъ и дипломатовъ, относится холодно и безъ особеннаго сочувствія къ ан-

гійскому народу, хотя послѣдній въ описываемыхъ событіяхъ принималъ не только страдательное, но и чрезвычайно дѣятельное участіе. Но, несмотря на то, взвѣсивши безпристрастно недостатки великаго соперника Ранке, нельзя не признать, что нѣмецкій историкъ-мыслитель и англійскій историкъ-художникъ своимъ отличительными достоинствами, такъ сказать, дополняютъ другъ друга; соединенные вмѣстѣ, они могли бы составить идеалъ совершеннаго историка. Историческія знанія Ранке такъ богаты, его взгляды на общія европейскія отношенія такъ превосходятъ своей глубиной сужденія Маколея, что именно явленія, которыя или были совершенно пропущены, или неясно изложены въ знаменитомъ англійскомъ сочиненіи, лучше всего разработаны въ сочиненіи Ранке. Перехода отъ одной главы къ другой, вы видите, какъ могущественное величіе Лудовика XIV, затмѣвавшее Европу, все болѣе и болѣе подавляло Англію, когда онъ подкупалъ золотомъ короля или парламентъ, или когда онъ выгонялъ своихъ реформатскихъ подданныхъ и нападалъ на Пфальцъ, преднамѣренно стараясь подавить государственную жизнь Англій и запутать въ свои сѣти обманутаго Іакова II. Единственною личностью, выказавшею ему сопротивленіе, былъ Вильгельмъ Оранскій, высокое значеніе котораго, какъ защитника протестантизма и народной самостоятельности, справедливо признаетъ Ранке. «Былъ на свѣтѣ человѣкъ, котораго съ самыхъ различныхъ сторонъ одинаково сильно затрогивала внѣшняя политика Франціи и внутренняя политика Англій» — такъ начинается Ранке главу, въ которой онъ излагаетъ великое предпріятіе Вильгельма, неизбежное и благодѣтельное какъ для Англій, такъ и для всего Запада. Съ удивительною вѣрностью Ранке раскрываетъ тѣ нити, которыя связывали партіи въ Англій съ генеральными штатами и съ нѣмецкими государями, протестантовъ съ католиками, и которыя привлекли къ себѣ одного союзника въ лицѣ папы Иннокентія XI въ противоположность стюарто-французскому иезуитству.

У насъ и даже въ Англій часто удивляются начитанности Маколея по части памфлетовъ, полемиическихъ сочиненій, дипломатическихъ актовъ и малозвѣстныхъ источниковъ всякаго рода, и смотрятъ на эту начитанность, какъ на нѣчто недостижимое. Ранке съ намѣреніемъ не признаетъ достоинства за мемуарами Граммона и тому подобными современными картинами нравственнаго состоянія общества для изображенія его глубокой нравственной порчи; онъ тоже изслѣдовалъ тѣ матеріалы въ Парижѣ, Гагѣ и Лондонѣ, изъ которыхъ Маколей уже выбралъ все лучшее. Но на сколько можно проникнуть въ его матеріалы, они богаче, чѣмъ у Маколея. Такъ, напримѣръ, Ранке воспользовался извѣстіями французскихъ и бранденбургскихъ дипломатическихъ наятниковъ и нѣкоторыми другими матеріалами, которыми до сихъ поръ не пользовался никто. Мы уже сказали, что внѣшняя сторона сочиненія Ранке не можетъ идти въ сравненіе съ Маколеемъ: Ранке не художникъ; къ этому нужно прибавить еще,

что въ новомъ томѣ замѣтна искусственность и какое-то однообразіе изложенія.

Три лекціи къ исторіи среднихъ вѣковъ, соч. Ф. Кампшulte (*) :—Обращаемъ вниманіе читателей на эти лекціи, замѣчательныя удачнымъ соединеніемъ живаго популярнаго изложенія съ здоровыми историческими идеями. Первая лекція «о характерѣ и развитіи крестовыхъ походовъ», имѣеть цѣлю указать на главнѣйшее явленіе второй половины среднихъ вѣковъ, именно на «постепенное уничтоженіе средневѣковыхъ формъ, постепенное ослабленіе церковнаго вліянія и начало новаго свѣтскаго міросерціанія, которое, переходя изъ рода въ родъ съ возрастающей силой, уже съ раннихъ поръ получаетъ преобладаніе въ крестовыхъ походахъ, все болѣе и болѣе уничтожаетъ ихъ религіозный оттѣнокъ, и наконецъ, преобразуетъ ихъ въ предпріятіе, носящее на себѣ свѣтскій характеръ». Авторъ очень хорошо представилъ, какъ «сначала форма, и потомъ идея крестовыхъ походовъ принимаютъ свѣтскій характеръ». Однако, нельзя согласиться со взглядомъ автора на то вліяніе, которое имѣла самая форма веденія войны. Авторъ хочетъ видѣть главную причину неудачи позднѣйшихъ предпріятій въ томъ, что «свѣтская власть руководила крестовыми походами, ихъ вела и направляла, сдерживала и ограничивала»; поэтому они въ той же степени терли свою внутреннюю силу. «Опытъ, направленный на то, чтобы сковать одушевленіе въ извѣстныхъ формахъ, постоянно наталкивался на трудности». Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что крестовые походы, съ тѣхъ поръ какъ великія власти Запада взяли въ свои руки управленіе, часто дѣлались средствомъ для достиженія чужихъ цѣлей, что, безъ сомнѣнія, влекло за собою вредныя послѣдствія. Но не должно упускать изъ виду, что одно только воодушевленіе многочисленныхъ массъ противъ войскъ Саладина съ трудомъ могло бы что нибудь сдѣлать. Печальныя послѣдствія недисциплинированнаго воодушевленія въ такъ называемомъ крестовомъ походѣ противъ Багдада были слишкомъ очевидны для того, чтобы не заставить подумать о другомъ родѣ веденія войны. Вторая лекція, «Вѣнчаніе Карла-Великаго на царство и всемірная христіанская монархія среднихъ вѣковъ», показываетъ, какъ изъ идеи о римской монархіи и общей церкви развивалась идея о христіанской всемірной монархіи, и какъ коронованіе Карла было формальнымъ выраженіемъ тому, что уже существовало на самомъ дѣлѣ. Между прочимъ, авторъ полагаетъ, что коронованіе Карла, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, должно было быть не возобновленіемъ западной римской имперіи, «а перенесеніемъ цѣлаго нераздѣльнаго *imperium mundi* отъ грековъ къ франкамъ», такъ что существованіе византійской имперіи казалось «аномаліей». Третья

(*) ZUR GESCHICHTE DES MITTELALTERS. Drei Vortrage, von F. W. Kampschulte. Bonn. 1864.

лекція касается одного вопроса изъ мѣстной исторіи нѣмецкаго права и имѣеть спеціальный характеръ.

Парламентская Франція (1834—1851), соч. Альфонса Ламартина. Отдѣлъ первый: 1834—1840; въ двухъ книгахъ (*). — Въ этомъ сборникѣ должны заключаться политическія сочиненія Ламартина и рѣчи, произнесенныя имъ въ представительныхъ собраніяхъ іюльской монархіи и республики—словомъ, все, что относится до политической карьеры Ламартина. Пока вышелъ только первый томъ; въ немъ помѣщены рѣчи, произнесенныя до 1840 года, да кромѣ того въ началѣ сборника помѣщенъ біографическій этюдъ о Ламартинѣ, написанный Л. Ульбахомъ. Луи Ульбахъ—неудруной романистъ, но оказывается прелюхимъ біографомъ. Никогда еще біографъ не прославлялъ своихъ героевъ съ такимъ чрезмѣрнымъ многословіемъ. Пророкъ, государственный человѣкъ будущаго времени, гений свободы—вотъ какого рода иперболами Ульбахъ характеризуетъ Ламартина. Само собою разумѣется, что при этомъ о спокойной оцѣнкѣ человѣка не можетъ быть и рѣчи. Извѣстно, что Ламартинъ во время іюльской династіи находился въ выгодномъ положеніи, внѣ партій. Это величественное уединеніе имѣло ту двойную выгоду, что Ламартину не приходилось отказываться отъ личнаго, болѣе вѣрнаго пониманія вещей, и что онъ могъ разбирать недостатки всѣхъ партій, даже съ видомъ нѣкотораго превосходства. И вотъ его рѣчи, собранныя подъ именемъ *La France parlementaire*, представляютъ превосходную критику ошибокъ и іюльской монархіи, и тогдашней оппозиціи. Но если бы мы спросили себя о положительныхъ политическихъ мнѣніяхъ автора, то пришлось бы сказать, что его уединенное положеніе было не только бесплодно и не только служить плохимъ доказательствомъ его государственныхъ способностей, но что онъ раздѣляетъ самыя пагубныя заблужденія своего народа. Онъ свободенъ только отъ одной предопредѣленной наклонности французовъ: онъ отвергаетъ культъ Наполеона, который такъ страшно отмстилъ за себя Тьеру и другимъ своимъ поклонникамъ. Онъ желаетъ, чтобы на гробницѣ Наполеона было написано: *à Napoleon seul!*—этимъ онъ указываетъ на то, что эпоха Цезарей кончилась. Его воззрѣніе представляетъ удивительную смѣсь легитимистическихъ и республиканскихъ тенденцій. Поэтому онъ не имѣеть понятія о необходимомъ основаніи прочной свободы, о самоуправленіи. Онъ возвышаетъ всемогущество государственной власти такими словами, которыя могъ бы списать Лудовигъ XIV или Наполеонъ: чѣмъ свободнѣе народъ, тѣмъ строже должна быть централизація, тѣмъ заботливѣе должна

(*) *LA FRANCE PARLEMENTAIRE (1834—1851). Oeuvres oratoires et écrits politiques, d'ALPHONSE LAMARTINE. Précédés d'une étude sur la vie et les oeuvres de Lamartine par LOUIS ULBAH. Première série. 1834—1840. II Tomes, Bruxelles. 1864.*

вмѣшиваться администрація во всѣ дѣла народа. На этомъ основаніи онъ защищаетъ центральную сѣть желѣзныхъ дорогъ. Онъ требуетъ свободы торговли и, несмотря на это, поетъ похвальную пѣснь коммунистамъ. Эта партія есть для него идея, а не партія. Онъ отвергаетъ военное господство въ Алжирѣ, но и не задумывается о томъ, что народъ безъ самоуправленія можетъ распространять свои колоніи только посредствомъ военного деспотизма, а не посредствомъ свободного расселенія.

Таковъ Ламартинъ въ своихъ рѣчахъ: но было бы несправедливо судить о немъ, какъ о государственномъ человѣкѣ на основаніи однѣхъ рѣчей; не должно забывать, что виновникъ этихъ многословныхъ дигрессій въ страшныя минуты февральской революціи спасъ свое отечество, благодаря своимъ практическимъ способностямъ и удивительному героическому мужеству. Этюдъ Ульбаха, въ которомъ ясно изложены собственныя воззрѣнія Ламартина, оставляетъ тяжелое впечатлѣніе. Онъ показываетъ, что великій опытъ перваго десятилѣтія имперіи прошелъ почти безслѣдно для значительной части французской демократіи. «Не народныя мастерскія были несчастіемъ для Франціи, но ихъ насильственное закрытіе»; такія крайнія убѣжденія, высказанныя въ 1864 году, могутъ служить доказательствомъ поверхностнаго доктринерства радикаловъ.

Въ послѣднее время появились слѣдующія книги:

NOUVEAUX RÉCITS DE L'HISTOIRE ROMAINE AU IV ET V SIÈCLES. Trois ministres de fils de Théodose. Par *Am. Thierry*. (Новыя рассказы изъ римской исторіи IV и V вѣковъ. Три министра сына Феоодосіа, *Ам. Тьерри*). Paris.

THE GHOSTS AND THEIR REMAINS, ANCIENT AND MEDIEVAL. By *C. W. King*. (Гностики и ихъ слѣды въ древности и среднихъ вѣкахъ. Соч. *К. В. Кинга*). London.

KONIG JOHANN VON BÖHMEN UND BISHOF NANKER VON BRISLAU. Beitrag zur Geschichte des Kampfes mit dem Sclaventhum im deutschen Osten. Von *G. Grünhagen*. (Король Іоаннъ Богемскій и епископъ бреславльскій Нанкеръ. Дополненіе къ исторіи борьбы противъ славянства на нѣмецкомъ востокѣ, соч. *Грюнхагена*). Wien.

LA FRANCE sous LOUIS XIV, par *E. Bonnemère*. 2 vol. (Франція при Лудовикѣ XIV, *Боннера*. 2 т.). Paris.

FRÉRON OU L'ILLUSTRE SÉPULCHRE, par *Ch. Monselet*. (Фреронъ или знаменитый гробъ, соч. *Ш. Монселе*). Paris.

LES NOMS DE MÊME. Etudes littéraires contemporaines, par *G. de la Briquellerie*. (Любимыя имена, очерки современной литературы, *Ж. де ла Брикуллеріа*). Paris.

T. CLVIII. — Отд. II.

1/211

KRITISCHE WANDERUNGEN IN DREI KUNSTGEHIRTEN. Lichten und Schattenbilder zur Geschichte und Charakteristik der deutschen Bühne, moderner Literatur und bildende Kunst, von O. Banck. (Критическія странствованія въ три области искусства. Соч. О. Банка). Leipzig.

L'HISTOIRE PAR LE THÉÂTRE, 1789—1861, par Théodore Muret. 1 série. La Révolution, le Consulat, l'Empire. (Исторія посредствомъ театра (1789—1861), соч. Т. Мюре. Отдѣл I. Революція, консульство, имперія). Paris.

A HISTORY OF CARICATURE AND GROTESQUE IN LITERATURE AND ART, by Th. Wright. (Исторія карикатуръ и уродливо-смѣшного въ искусствѣ и въ литературѣ, соч. Т. Райта).

DICTIONNAIRE GÉNÉRAL DE LA POLITIQUE, par M. Block. T. II. (Политическій словарь М. Блока. Т. II). Paris.

ON CAPITAL PUNISHMENT, by J. M. Moir. (О смертной казни, соч. Д. Мехри Моира.) London.

VILLAGE LIFE IN SWITZERLAND. By S. Delmarc (Деревенская жизнь въ Швейцаріи, соч. С. Дельмара). London.

LA VIE DOMESTIQUE EN PALESTINE, par M. E. Rogers. (Домашняя жизнь въ Палестинѣ, М. Е. Роджерса). Paris.

КУРЬОЗЫ.

I. ПРОЕКТЪ ОБЪЯВЛЕНІЯ ОБЪ ИЗДАВАНІИ ЖУРНАЛА N ВЪ 1866 ГОДУ.

Наступилъ новый годъ, прошелъ весь январь, слѣдовательно, прошло время и журнальныхъ объявленій, подписка состоялась. Теперь, не рискуя никакими приличіями, которыя должны соблюдаться въ литературномъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, теперь можно оглянуться на цѣлый дождь разнообразныхъ журнальныхъ объявленій, всѣхъ видовъ и направленій, и извлечь изъ нихъ нѣчто пригодное для нашихъ курьезовъ.

Въ историческомъ ходѣ нашихъ журнальныхъ объявленій, обыкновенно начинаютъ поражать ваше вниманіе прежде всего темные слухи, пущенные какимъ-нибудь корреспондентомъ—слухи о томъ, что г. Тургеневъ написалъ или романъ, или повѣсть. Слухъ дится недолго, и за нимъ является объявленіе какого-нибудь журнала, которое говоритъ такъ: «Мы имѣемъ обѣщаніе И. С. Тургенева помѣстить въ нашемъ журналѣ *повѣсть*» (*). Какую повѣсть, то-есть какъ она называется—объ этомъ умолчано, по-

(*). См. объявленіе «Библіотеки для Чтенія» на 1865 годъ.

тому что и самъ И. С. Тургеневъ обыкновенно сомнѣвается, написалъ ли онъ повѣсть.

Другой какой-нибудь журналъ, встрѣтятся съ подобнымъ объявленіемъ, поднимаетъ тонъ нѣсколько выше и уже говоритъ: «И. С. Тургеневъ *уведомилъ* насъ, что *первая* написанная имъ повѣсть будетъ помѣщена въ нашемъ журналѣ» (*). Это объявленіе написано, очевидно, въ перебой первому. Тотъ журналъ («Библиотека для Чтенія») просто говорилъ, что будетъ напечатана повѣсть Тургенева; этотъ прибавляетъ, что *первая* изъ повѣстей все-таки будетъ напечатана въ «Эпохѣ».

Публика радуется, что г. Тургеневъ откинулъ въ сторону свою непростительную лѣнь и написалъ уже *два* повѣсти. Когда дѣло находится въ такомъ положеніи, корреспондентъ одной газеты («Русскаго Инвалида») распускаетъ слухъ, что Тургеневъ написалъ не повѣсть, а *Собаку*, и *Собака* эта будетъ напечатана въ дружественномъ журналѣ—«Русскомъ Вѣстникѣ».

Вотъ, наконецъ, думаетъ публика, три вещи, которыя мы имѣемъ право ожидать въ 1865 году; по крайней-мѣрѣ ихъ обѣщали уже *три* журнала. Что г. Тургеневъ можетъ написать повѣсть, тутъ нѣтъ никакихъ особенныхъ недоразумѣній... Но *Собака*... Собака, чтѣ это такое? Корреспондентъ, заинтересовавшій публику, прибавляетъ только, что это *перлъ*—перлъ художественный и фантастическій. Тутъ дѣйствуетъ нѣчто сверхъестественное.

Какъ бы тамъ ни было, но очевидно люди перестаютъ быть героями романовъ. Вотъ дѣйствующее лицо повѣсти г. Тургенева—*Собака*; въ одномъ англійскомъ романѣ, съ которымъ мы уже познакомили публику въ Курьозахъ, героиней была *Лошадь*.

Двигаемся впередъ.

За г. Тургеневымъ второе мѣсто въ объявленіяхъ занимаетъ обыкновенно г. Островскій. Сколько онъ пишетъ комедій въ годъ, если судить по объявленіямъ—непостижимо. Прежде онъ писалъ много-много одну комедію въ годъ, а теперь посмотрите, вотъ чтѣ объявляютъ на 1865 годъ:

Эпоха: «г. Островскій *положительно обещалъ* намъ въ будущемъ году *свою комедію*».

Библиотека для Чтенія: «А. Н. Островскій обѣщавъ намъ къ началу 1865 года *одну изъ своихъ комедій*».

Современникъ: «Въ числѣ матеріаловъ, *затовленныхъ* для Современника, *есть*, между прочимъ, *новая комедія* А. Н. Островскаго».

(*). См. объявленіе «Эпохи» на 1865 г.

Мы сохранили текстъ объявленій, чтобы показать, во первыхъ, игривость варіацій на одну и ту же тѣму, и вовторыхъ, чтобы насъ не заподозрили въ преувеличеніяхъ.

Итакъ, въ 1865 году, мы, кромѣ трехъ повѣстей Тургенева, прочтемъ *три* новыя комедіи г. Островскаго, въ сожалѣнію, *неназванныя*. Отсутствие такой важной вещи, какъ названіе, можетъ повлечь нѣкоторое неудобство. Г. Островскій можетъ равослать свои комедіи не туда, куда слѣдовало, и матеріалы редакціи могутъ перепутаться.

Въ итогѣ до сихъ поръ у насъ: три повѣсти г. Тургенева и три комедіи г. Островскаго. Недурень 1865 годъ!

Продолжаемъ далѣе наши наблюденія. Въ прежнее время такую же роль, какъ гг. Тургеневъ и Островскій, игралъ въ объявленіяхъ г. Гончаровъ. Теперь онъ какъ будто сошелъ со сцены объявленій и въ нынѣшнемъ году нигдѣмъ не былъ помануть. А можно бы!

О нѣкоторыхъ авторахъ журналы объявляютъ, какъ о чемъ-то имъ постороннемъ, хотя они и далеко не посторонніе. Это дѣлается для счету писателей. Такимъ образомъ объявленіе «Эпохи», перечисляя тѣхъ авторовъ, которыми она думаетъ гордиться въ 1865 году, именно тотчасъ послѣ гг. Тургенева и Островскаго, третьимъ нашимъ писателемъ выставляетъ г. Достоевскаго, и объ этомъ *какъ-бы* *постороннемъ* «Эпохѣ» писателѣ, выражаетъ слѣдующее: «*Θ. М. Достоевскій, кромѣ постоянного, непосредственнаго своего участія въ «Эпохѣ», помѣститъ въ ней въ будущемъ году свой романъ».*

Ни для кого не секретъ, особенно послѣ полемики «Эпоха» съ «Современникомъ», что г. Достоевскій не только одинъ изъ постоянныхъ участниковъ въ «Эпохѣ», но и главный руководитель ея. Онъ—ея боецъ и представитель главныхъ «не червивыхъ» идей «Эпохи». Мысль «Эпохи», если она есть, выразилась въ объявленіи, слѣдовательно, нужно полагать, этому объявленію весьма нечуждъ г. Θ. Достоевскій.

А при этихъ условіяхъ какъ-то особенно приятно видѣть, что во-первыхъ, г. Θ. Достоевскій самъ о себѣ говоритъ какъ о постороннемъ лицѣ; вовторыхъ, рекомендуетъ себя публикѣ не съ дурной стороны, именно самъ себя ставитъ рядомъ съ гг. Тургеневымъ и Островскимъ, и втретьихъ, еще пріятнѣй, хотя уже и совершенно непонятно, что даже онъ, и какъ авторъ и какъ редакторъ, не знаетъ, какой романъ помѣститъ въ «Эпохѣ», такъ-какъ заглавіе этого романа ему *еще неизвѣстно*.

Далѣе. Иногда журналы прибѣгаютъ къ отчаяннымъ средствамъ и пишутъ дѣлне ряды повѣстей и романовъ *безъ названія*, которые

у нихъ будутъ помѣщены, хотя имъ и хорошо извѣстно, что все неозаглавленное едва ли еще написано авторомъ и, можетъ быть, никогда не будетъ написано. Къ такому средству прибѣгнувъ «Современникъ» въ 1865 году, объявивъ, что въ немъ будутъ помѣщены: *новая комедія* г. Островскаго, *романъ и рассказы* Н. Щедрина, *повѣсть* г. Слѣпцова, *два повѣсти* (можно сказать: три и четыре, какъ угодно) г. Левитова, *романъ* г. Михайлова, *поэма* г. Некрасова (и г. Некрасовъ, редакторъ «Современника», не знаетъ названія своей поэмы!).

Тутъ видна рѣшимость: повидимому, составители объявленія могли бы очень удобно передѣлать его такъ: будутъ помѣщены: *два* романа Щедрина, *три* повѣсти Слѣпцова, *четыре* рассказа Левитова и такъ далѣе». Это ничего не стоитъ для редакціи.

Какая бы то ни было, но такая затруднительность редакцій, въ изобрѣтеніи общаній, внушила намъ мысль слѣдующаго объявленія на 1866 годъ, которыми всѣ одинаково могутъ воспользоваться, перепечатавъ его. Оно годится для всѣхъ журналовъ и для подписки очень замѣтно. Вотъ оно.

• ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1866 ГОДУ ЖУРНАЛА N.

(Послѣ нѣсколькихъ словъ, гдѣ каждый журналъ похвалитъ свое направленіе и объявитъ публикѣ, что онъ лучше всѣхъ остальныхъ, когда дѣло дойдетъ до объяванія литературныхъ и ученыхъ статей, онъ будетъ продолжать такъ):

«Мы надѣмся помѣстить въ будущемъ году:

«*Пять* романовъ г. Тургенева, въ которыхъ дѣйствующія лица: собака, кошка, лошадь, нѣмецъ и вампиръ.

«*Три* комедіи г. Островскаго, въ которыхъ кушцы представлены свѣтски-образованными людьми: совершенная новость!!!

«*Шестъ* драмъ г. Писемскаго, въ которыхъ убивается семь мужиковъ.

«*Два* путешествія г. Гончарова вокругъ свѣта: одно спереди назадъ, другое сзади напередъ.

«Кромѣ того намъ положительно обѣщали наследники *Вителы* новыя записки, если онѣ отыщутся въ бумагахъ покойнаго.

«Мы имѣемъ положительное увѣреніе отъ г. *Писемскаго*, что романъ его, который еще не написанъ, непременно будетъ переданъ намъ въ скорости.

«Мы получили письмо отъ г. *Гончарова*, въ которомъ онъ насъ положительно увѣдомляетъ, что новыя главы романа «Изъ жизни Райскаго», онъ не намѣренъ печатать, но онѣ будутъ переданы въ наше полное распоряженіе для просмотра.

«Мы отыскали первыя стихотворенія г. *Григоровича*, никому неизвѣстныя—кто-бы думалъ, что онъ писалъ стихи!—и намѣрени подарить ими нашу публку.

«Вотъ художественный запасъ на будущій годъ! Но мы богаты и учеными статьями!

«Г. *Ө. Достоевскій* готовитъ для насъ новыя изслѣдованія о бѣльѣ арестантовъ, содержащихся въ Сибири, съ точнымъ указаніемъ, у кого было кумачное, а у кого холщевое.—Эти интересныя изслѣдованія, которыми авторъ дорожитъ преимущественно, нигдѣ не будутъ напечатаны, кромѣ нашего журнала.

«Сверхъ того намъ обѣщали ученые статьи:

«Г. *Антоновичъ*: «О пакости испорченной материн и силѣ этой пакости» (Глава I. Вліяніе г. Тургенева и его романа: Отцы и Дѣти, на порчу нашей молодѣжи. Глава II. Поправленіе этой молодѣжи съ помощью Capsules Sorahine, какъ послѣдняго средства доброй науки, медицины. Глава III. Выздоровливающій атлетъ или «Современникъ» — самый лучшій журналъ).

«*Примѣч. редакціи*: Нѣкоторыя главы этой интересной статьи, къ сожалѣнію, будутъ нами напечатаны по латыни.

«Статья г. *Лытина*: «Исторія русской литературы», рассказанная преимущественно по даннымъ астрономической науки и новѣйшимъ открытіямъ химіи.

«Статья г. *Лаврова*: «Передовыя печальницы» (женщины-прогрессистки), или начало женскаго труда въ Россіи. Въ видѣ прибавленія къ статьѣ будетъ кратко изложена исторія физико-математическихъ наукъ. Трудъ самобытный.

«Г. *Писарева*: «Ветеринарная наука, какъ главный предметъ преподаванія дѣтямъ отъ восьми до десяти лѣтъ.»

«Г. *Салтыкова*: «Нѣчто о трудѣ съ музыкой и пляской, или мое прощаніе съ редакціей «Современника».

II. КАКЪ ОТЪИСКАВАЕТСЯ «НАПРАВЛЕНІЕ» ДЛЯ ЖУРНАЛА?

Странная фраза поразила всѣхъ въ нынѣшнемъ объявленіи «Эпохи» на 1865. Говорится, что журналъ будетъ издаваться «семействомъ»... Такъ-какъ въ семьѣ бывають и большіе и малые, и очень умные и просто умные, то это «семейное» обстоятельство разъяснило намъ много недоумѣній. Главное вотъ въ чемъ. Программа журнала, издаваемаго семействомъ, выражается такъ: намъ нужно прежде всего любить, любить; а что любить—мы не знаемъ. Слѣдовательно мы такъ и будемъ издавать журналъ.

Вся сущность объявленія въ этомъ; для доказательства приводимъ и подлинныя слова:

«Не хулить, не осуждать, а *любить умѣть*—вотъ что надо теперь наиболѣе настоящему русскому. Потому что, кто способенъ любить—тотъ уже *знаетъ*, что и хулить ему надо: знаетъ безошибочно и чего пожелать, что осудить, о чемъ спросить и чего домогаться надо».

Совершенно справедливо. Мы и ожидали поэтому, что «Эпоха» скажетъ, что именно намъ нужно любить.

Она и сказала: «Но за то мы до сихъ поръ не научились и, вочти сплошь, *не знаемъ того*, что именно должно не бранить на Русь», слѣдовательно—*не знаемъ, что и любить*.

Это называется программа журнала и его направленія.

Понятно, что публика пришла въ нѣкоторое смущеніе. Что любить? зачѣмъ? по какому поводу? И какинъ образомъ такую бессмысленную любовь проповѣдуетъ «семејство»? Публика была изумлена такою же нескладицею, какою поразило ее нѣкогда «Время», заговорившее о почвѣ. Что разумѣло «Время» подъ «почвой»—такъ никто и не могъ добиться толку: такъ и бросили. И только теперь и то совершенно случайно, въ силу несчастнаго обстоятельства, смерти А. Григорьева, главнаго сотрудника «Эпохи», раскрылось дѣло такъ, какъ оно есть.

Оказалось, что мудрые люди попусту ломали голову, донскиваясь мысли въ статьяхъ «Времени», и были блаженны лишь тѣ, кто ни о чемъ не разспрашивалъ этотъ журналъ. По непростительной ошлошности, само же «семејство» напечатало переписку свою съ Григорьевымъ, изъ которой оказались вещи невѣроятныя. Кто бы въ самомъ дѣлѣ могъ подумать, что «семејство», начинавшее издавать «Время», само не знало, куда идти и зачѣмъ идти. То подражало оно «Современнику», хвалило Новаго Поэта, писало обличительныя фельѣтоны, восторгалось статьями «Современника», то вдругъ набрасывалось на «Современникъ» и бранило его. Далѣе, оно то вторило словамъ славянофиловъ, то вдругъ бранило славянофиловъ, какъ людей одностороннихъ и пережившихъ свое время. Кончилось же тѣмъ, что сочинило свою программу изъ нѣкоторыхъ статей «От. Зап.» того времени, что и было ему указано тогда же. Все это вмѣстѣ взятое не помѣшало тому же «Времени» отчаянно нападать на «Отечественныя Записки». Всѣ растерались и не знали, куда идетъ журналъ. Къ довершенію печали «Время» озлилось на «Рус. Вѣстникъ» и начало писать самыя ожесточенныя статьи: недоумѣнію не было конца. Правда, «Рус. Вѣстникъ» нашелся и отвѣчалъ ему фразой, которая совершенно сконфузила новый журналъ. «Вѣстникъ» выра-

зился нѣсколько фигурально, именно: что «Время» щиплетъ его за уши. Острота подѣйствовала такъ сильно на это «смейство» философовъ, что редакція «Времени» съ жестокостью дикихъ выдала сотрудника, написавшаго статью противъ «Русскаго Вѣстника», именно г. Кускова. Всѣ поняли, по крайней мѣрѣ, какой образъ полемикѣ приличенъ со «Временемъ».

Но юркость журнальная «Времени» продолжала еще озадачивать. Чтѣ бы такое принесло съ собою «смейство»? думали литераторы, и никакъ не могли понять. Все повидимому въ журналѣ было старо, а все выдавалось за новое. Публика была точь въ точь въ томъ же положеніи, какъ теперь само «смейство», которое сознается, что оно ничего не понимаетъ, хотя и будеть издавать журналъ.

Но, какъ мы сказали, разгадки самыхъ мудреныхъ загадокъ оказываются всегда простыми до осязательности. Таковы онѣ и должны быть. То, чтѣ казалось глубокомысленнымъ, бойкимъ, задорнымъ, какъ будто бы и во имя идеи, оказалось просто чеваніемъ рукъ, зудомъ въ пальцахъ, которые могли бы быть такъ же хорошо употреблены и на иное дѣло.

«Воспоминанія» А. Григорьева раскрываютъ намъ слѣдующее:

«Смейство» не знало, какую идею проводить, другими словами, какое дать направленіе журналу. А. Григорьевъ сказалъ имъ слѣдующія слова (въ письмѣ къ г. Страхову):

«Я схожусь съ Достоевскими не во всемъ, а во многомъ расхожусь совершенно. По моему мнѣнію, нельзя работать Богу и мамонѣ, нельзя признавать философію, исторію и поэзію и дружитья съ Современникомъ, нельзя, уважая себя и литературу, печатать К... и фельетоны М... нельзя ради дешеваго либерализма держать въ политикѣ Р... нельзя печатать какъ нѣчто хорошее, драму Гербея и т. д.

«Времени», *чтобы быть самостоятельнымъ*, нужно или 1) окончательно *измѣнить насъ и тебя* (Григорьева и г. Страхова) и постараться переманить Ч. или 2) быть послѣдовательнымъ въ своей вѣрѣ въ поэзію и жизнь, *въ идею народности* вообще (въ противоположность *абстрактному чевечеству*)—*воспользоваться* (?) *ошибками славянофильства*, какъ всякой теоріи, и *встать на его мѣсто*» («Эпоха» сент. 1864 г. стр. 26 и 27).

Вотъ вамъ вся разгадка прежняго «Времени». Вотъ отчего одна половина смейства, братья М. и Ѳ. Достоевскіе, тянули къ «Современнику», и старались во всемъ подлаживаться къ нему съ перваго же № «Времени» (1861 года), къ которому относятся и письма Григорьева; а другая половина, Григорьевъ и г. Страховъ, тянули къ славянофиламъ. Отъ этого толки о народности

и въ то же время нападки на славянофиловъ, ничѣмъ немотивированные, и нападки на «Современникъ» во имя народности.

Теперь это все ясно; но зачѣмъ же журналы исписали столько бумаги попусту, года четыре назадъ, толкуя съ «Временемъ» о почвѣ и народности? Чтѣ бы «семейству» тогда же напечатать это письмо Григорьева, и дѣло было бы кончено—и ясно для литературы. Люди собрались издавать журналъ, и не знаютъ, чтѣ дѣлать: хвалить ли «Современникъ» или хвалить «День». Если главные редакторы стояли на этой точкѣ нерѣшимости, то чтѣ сказать о другихъ сотрудникахъ? Когда даже такія понятія, какъ народность и абстрактное человѣчество, были неясны редакторамъ, то чтѣ же могло быть имъ ясно?

Другое письмо Григорьева еще характеристичнѣе. Вотъ оно, тоже изъ Оренбурга, и тоже 1861 года. «А я пишу затѣмъ, чтобы ругаться, ругаться свернословно... Недавно я прочелъ октябрьскій «Отеч. Записокъ», и въ нихъ великолѣпное начало статей Щапова: «Великорусскія области во времена междуцарствія»—начало фактическаго оправданія всего того, чтѣ думаетъ о Руси и ея исторіи Островскій, *чтѣ думалъ и гадательно высказывалъ я по своей чуткости*. Чтѣ же вы, то-есть «Время» ловите... въ родѣ Маслова, и не залучите такого человѣка, какъ Щаповъ, который носитъ въ себѣ цѣлое, *совсѣмъ новое и вполне народное направленіе*? Какъ это журналу, толкующему непрерывно о народности, не сойтись съ нимъ и съ Павловымъ? Или глаза у васъ на затылкѣ? и вы увидите только то, чтѣ будетъ уже позади васъ? Стыдно! А время еще есть. Я увѣренъ, чтѣ Щаповъ такъ, случайно, печатается у Краевского. Вотъ эта статья, да статья Павлова въ новомъ календарѣ — эпохи, а не... повѣствованіе въ водяныхъ стихахъ о «чувствіяхъ»... Тутъ, въ этихъ статьяхъ новымъ вѣетъ и пахнетъ. Оно идетъ, это новое—и въ этихъ статьяхъ, и можетъ быть въ «Миниѣ» Островскаго, идетъ на конечное истребленіе б...словія «Вѣстника», празднословія западниковъ, *суесловія* (какъ скоро!) «Дня», холлословія Костомарова, бусловія «Современника». А вы зѣвайте да печатайте *буйство* Масловыхъ и *грошовой либерализмъ*... Ругательство въ сторону. *Видѣ какую же нибудь цѣль* хотеть имѣть «Время»? *Какую же?*... Иной, кромѣ знамени народности въ широкомъ смыслѣ, ему и имѣть нельзя. *Всѣ другія цѣли: социализмъ, англійское устройство, узкая народность* и проч. и проч. *разобраны*».

Вотъ гдѣ вся сущность: потому что всѣ другія цѣли уже *разобраны*, «семейство» взяло себѣ народность, да и не знаетъ, чтѣ съ нею дѣлать. Григорьевъ по своему любилъ народъ, а г.

Страховъ занимался Гегелемъ, М. Достоевскій переводилъ Шиллера, а г. Ѳ. Достоевскій писалъ сентиментальные романы въ родѣ «Бѣдной Лизы», или романы фельетонные, въ которыхъ нѣтъ жизни, какъ выразился въ той же перепискѣ Григорьевъ. Откуда же вьзаться народности? А между тѣмъ *народность* написана на знамени! Пробовали замѣнить ее *почвою*—выходить хуже... Эта почва, привезенная изъ Москвы отъ славянофиловъ, какъ петербургскіе калачики привозятъ московскія дрожжи въ Петербургъ для калачей—не удалась здѣсь, скислась... Въ Москвѣ увѣряли еще въ сороковыхъ годахъ, что нужно любить, любить, а «что любить» — мы знаемъ, прибавляли славянофилы. Въ Петербургъ привезли эту любовь. «Семейство» думало, что эта любовь вчерашняя, а вышло, что она давнишняя, и въ Петербургѣ не дѣйствуетъ, какъ и старыя дрожжи. А между тѣмъ нужно говорить о народности...

Бываютъ же такіе злые люди въ наше время, которые награждаютъ... направленіемъ.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДЕ.

Новые даровые спириты для больших иъ рождественскихъ праздннкъ.—Александръ Дюма просемькаетъ Францію относительно содержанія его бюро.—Мексиканскія тайны.—Какъ иногда смотритъ англійскій судья на собственностъ и честь женщины.—Посмертныя рукописи Г. Гейне.—Путешествіе г. Ренана въ Египеть, Сирію и Малую Азію.—Письмо президента парижскаго геогр. общества къ президенту лондонскаго геогр. общества по поводу памятника капитану Спиду.—Къ исторіи нравовъ французскаго общества во второй половинѣ XVII вѣка.—Любопытныя данныя о просвѣщеніи во Франціи.—Нѣсколько словъ о дѣятельности Прудона.

У насъ о святкахъ не одна дѣти могутъ разсчитывать на сюрпризы, точно такъ же, какъ не всѣ сюрпризы могутъ разсчитывать отправиться съ ономъ книжныхъ магазиновъ въ дѣтскія. Для большаго, насколько позволила намъ замѣтить наша маленькая наблюдательностъ, открываеся въ это время своего рода неустойчивый источникъ сюрпризовъ, имѣющій то несомнѣнное преимущество предъ дѣтскимъ, что, во первыхъ, не вы бѣжите къ нему, а онъ самъ охватываетъ васъ, куда бы вы ни посмотрѣли: въ кофейную, въ театръ, въ мелочную лавочку, въ окна магазина, даже въ вашу швейцарскую; и воторыхъ, онъ вамъ ничего не стоитъ, тогда какъ подарки дѣтямъ на рождество все же во что нибудь да обходятся. Я хочу сказать, если вы сами еще не догадались, о литературныхъ рекламахъ, появляющихся съ рождественскими праздниками, и съ приглашеніемъ подписаться. Чрезвычайно любопытное время для всякаго наблюдательнаго челоука! Собрать въ одну кучку всѣ объявленія о периодическихъ и ежедневныхъ изданіяхъ съ ихъ «направленіями», «заявленіями», о своемъ *profession de foi*, «нашими знаменами»—это, такъ сказать, собрать въ одинъ маленькій фокусъ всѣ лучи нашей годовой умственной дѣятельности со всѣми ихъ переливами отъ *vert bleu* до ярко-краснаго. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего

удивительнаго и всякое объявленіе во всеобщее свѣдѣніе чего бы то ни было имѣть такой же смыслъ, какъ всякая телеграфическая депеша, всякое письменное увѣдомленіе или извѣщеніе. У васъ родился сынъ, а ваши отецъ, мать и родные живутъ за нѣсколько сотъ верстъ отъ васъ, въ разныхъ мѣстахъ: вы рассылаете письма, поздравляя однихъ съ внукомъ, другихъ съ племянникомъ. У меня составилось опредѣленное воззрѣніе на жизнь и потребности окружающаго меня общества: я думаю, что если бы общественница дѣла велась въ такомъ-то вотъ направленіи и преслѣдуя такіа-то цѣли, то было бы благо, и если меня мучить бѣсъ литературной пропаганды, а въ карманѣ заведось нѣсколько деньжонокъ, то за исполненіемъ разныхъ формальностей, я объявляю объ изданіи новаго органа печатнаго слова по всей широкой и пространной Россіи, стараясь, конечно, объяснить въ своемъ объявленіи, что думаю преслѣдовать «такія и такіа-то цѣли». Новый издатель, конечно, дѣлаетъ то же самое, что всѣ предприниматели, содержатели кафе напр. Но согласитесь, что объявить всегда готовымъ для почтенѣйшей публики въ такомъ-то помѣщеніи обѣдъ въ пять блюдъ изъ свѣжей провизіи — не совсѣмъ одно и то же, что объявить о цѣли періодическаго литературнаго изданія и его направленія. Рассчитывать встрѣтить въ новооткрытомъ кафе пять блюдъ изъ свѣжей провизіи, сами понимаете, не то, что рассчитывать встрѣтить въ каждомъ новомъ номерѣ газеты или журнала пять сочныхъ статей.

По внѣшнимъ редакціоннымъ манерамъ наша журналистика ближе всего подходитъ къ французской: по подписи авторовъ подъ статьями, и по приемамъ публикацій. Во французскихъ изданіяхъ, вы то и дѣло, что натываетесь на *signé* и *contresigné*: сейчасъ же видно, что народъ славный. Объявленія же о періодическихъ изданіяхъ они обыкновенно печатаютъ колоссальнымъ шрифтомъ, съ неизбѣжнымъ приглашеніемъ подписываться какъ можно скорѣе, чтобы не было остановивъ въ высылкѣ.

Приемы англійской журналистики прямо противоположны: въ журналахъ тамъ не бываетъ ни одной подписанной статьи, въ газетахъ подписываются только одни письма въ редакцію; что же касается до объявленій, то они, сравнительно, просто неумовны. Въ Англіи случается такъ, что человѣкъ трудится десять-двадцать лѣтъ въ какомъ-нибудь періодическомъ изданіи; его статьи производятъ извѣстное впечатлѣніе и вліяніе на общество, но кромѣ редакціи, да кружка близкихъ знакомыхъ, онъ для всѣхъ безвѣстенъ. Такъ трудились нѣсколько лѣтъ Маколей, Милль, и др.

Читая иногда нѣкоторыя изъ такъ называемыхъ *руководящихъ статей* «Times'a», невольно спрашиваешь себя: «да кто же эти труженики, которые, безвѣстно для всѣхъ, пишутъ такіа умныя вещи?» Нѣтъ отвѣта: цѣлія фаланги ихъ трудится и умираютъ, кладя скромные камни въ зданіе свободы и силы англійскаго печатнаго слова. Будь извѣстны ихъ имена — сколько изъ нашихъ публицистовъ, кто умѣетъ чувствовать признательность

и благодарность, пришлось бы возносить къ творцу молитвы — за здравіе и за упокой этихъ *insomnis!*

Что же касается до англійскихъ объявленій о періодическихъ изданіяхъ, то вотъ какъ узнаемъ мы о продолженіи существованія въ этомъ году извѣстнѣйшихъ англійскихъ изданій: рядомъ съ объявленіемъ о разныхъ гомеопатическихъ снадобьяхъ, помѣщаются между двумя линейками пять строкъ микроскопическаго шрифта: «The Times, съ доставкой по почтѣ — 17 шилл. за каждое три мѣсяца; «Standart» въ томъ же вечерѣ — 10 шилл. за три мѣсяца; «Guardian», «Illustrated London News» и «Saturday Review» — 4 шилл. 6 пенс. день спустя. У Ашмы Гарвей, изетнаго агента, такая-то улица и домъ. О шести изданіяхъ — въ пяти строкахъ микроскопическаго шрифта! Это уже такъ скромно, что даже скромнѣе «Домашней Бесѣды», которая, кстати, какъ мы теперь только узнали изъ № 18-го «Извѣстій С.-Петербургской Городской Думы», выписывалась на счетъ города, для приходскихъ церквей нашей столицы.

Во Франціи, подобныя дѣла дѣлаются вотъ какъ: Не такъ давно, неутомимый редакторъ и издатель французскаго «Petit Journal», предожилъ, въ качествѣ преміи своимъ подписчикамъ, право взглянуть на г. Александра Дюма. Въ извѣстные часы послѣ полудня, великій Дюма могъ быть видимъ для почетнѣйшей публики, въ конторѣ «Petit Journal», и почетнѣйшая публика приглашалась насладиться вблизи, въ очію, блестящею особою автора «Монтекристо». Кому извѣстенъ простой, безхитростный характеръ Александра Дюма, тотъ можетъ ли повѣрить хоть на минуту, чтобъ эта выставка производилась съ его вѣдома? Правда, онъ оставался извѣстные часы въ редакціи «Petit Journal», но потому, вѣроятно, что публика была любезна и внимательна къ нему. Толпа зѣвала на него, и онъ не огорчался; но опять-таки потому, что Александръ Дюма, по общимъ отзывамъ — добрейшее отъ природы существо, и всегда принимаетъ удивленіе, если почетнѣйшей публикѣ угодно поударить имъ его. Аркадская простота его остается незапятнанной, и еслибы какой-нибудь скептикъ въ этомъ усумнился, то пусть онъ узнаетъ, съ какимъ дѣломудріемъ повѣствуетъ великій Дюма о своей славѣ, и какъ гнушается онъ тѣмъ, чтобъ обращать въ деньги свои сношенія съ великими умершими людьми.

Г. Александръ Дюма отъ всего сердца хлопочетъ о томъ, чтобъ распространять между всѣми классами своихъ согражданъ здоровое чтеніе. Такъ онъ адресовалъ письмо къ сорока-восьми муниципалитетамъ Франціи, чрезъ посредство столбцовъ «Petit Journal», какъ-бы поощряя къ чтенію этихъ столбцовъ. Не простота ли? О содержаніи его письма къ французскимъ муниципалитетамъ, мы можемъ узнать изъ его второго письма въ «Petit Journal» отъ 28-го октября (н. с.). Простодушный Дюма пишетъ:

«Дорогой редакторъ. Позвольте сообщить вамъ, что мое письмо къ сорока-восьми муниципалитетамъ Франціи начало производить эффектъ; муниципальные совѣтники поняли, что для меня невозможно, при самыхъ горячихъ усиліяхъ съ моей стороны, выдать имъ сорокъ-восемь экземпляровъ всѣхъ моихъ твореній. Какъ бы бѣдны ни были общины — при преимуществѣ, которое я предоставляю имъ, уступкой однофранковаго волюма за семьдесятъ сантим. (см. подл.) и разсрочкой уплаты за триста волюмовъ болѣе, чѣмъ на полтора года — не найдется, конечно, такой общины, которая не могла бы на такихъ условіяхъ приобрести мои творенія. Я могу сказать, не хвастаясь, что я одинъ изъ тѣхъ, которые приохотили народъ къ изученію историческихъ событій, въ легкіхъ и занимательныхъ формахъ; и я содѣлалъ — въ этомъ я увѣренъ — три или четыре милліона читателей, которыхъ не было до меня. Позвольте мнѣ, чрезъ посредство вашего журнала, заявить мою признательность меру де-Мирамонсу, въ округѣ Мармонды, въ департаментѣ Ло и Гаронны, который въ тотъ же день, какъ прочелъ мое письмо въ вашей газетѣ, открылъ подписку. Онъ первый открылъ коллективный листъ подписокъ — листъ, который болѣе дорогъ для моей авторской гордости, нежели важенъ для моихъ интересовъ. Тысячу добрыхъ пожеланій посылаю вамъ.

«Алек. Дюма».

Безъ сомнѣнія, найдутся желчныя люди, которые бросать на это предестное письмо презрительный взглядъ, какъ на нахальную рекламу афериста. Пожалуй, за нѣжной заботливостью автора о распространеніи здраваго чтенія между всѣми классами «*belle France*», они способны видѣть прозрачную продѣлку антрепренера, бьющаго на барыши чрезъ переднюю меру. Но подобныя грубыя соображенія приличны мелочнымъ душамъ, которыя не могутъ подняться до тѣхъ высотъ, на которыхъ парить гениальная находчивость кроткаго сердцемъ Александра Дюма; для поэтическихъ же душъ, которыя знаютъ, что значитъ быть вдохновеннымъ при предстоящей уплатѣ пяти франковъ за строку, письмо автора трехсотъ волюмовъ должно быть такъ же душисто, какъ свѣже-скошенное сѣно. Его запахъ почти замѣняетъ запахъ пармской фіалки. Среди шума столичныхъ рынковъ и биржеваго гама, его звуки важутся такъ же мелодичны и музыкальны, какъ звуки па-стушьей свирѣли...

Добрѣйшій А. Дюма полагаетъ, что для блага Франціи необходимо, чтобъ образованіе проникло во всѣ классы. Но что такое образованіе? По мнѣнію А. Дюма, образованіе заключается въ основательномъ знаніи всего А. Дюма. По крайней-мѣрѣ, таково его глубокое убѣжденіе, и по своему великодушію онъ тотчасъ же и предлагаетъ средство помочь горю: купить триста волюмовъ его произведеній, по семидесяти сантимовъ каждый, да еще съ разсрочкой. Чтò за удивительное великодушіе! Въ натурѣ А. Дюма — иногда замечаться о самомъ себѣ подъ вліяніемъ самыхъ лучшихъ побужденій относительно другихъ, но и это по-

нитно: по его мнѣнію, онъ самъ — наиболѣе интересный предметъ для пера. Такъ, напримѣръ, недавно, подъ зліяніемъ тѣхъ же побужденій, которыя заставили его предложить всѣмъ французскимъ общинамъ свои 300 волюмовъ, онъ предложилъ своимъ читателямъ полюбопытствовать, что у него хранится въ письменномъ бюро. Нѣсколько времени назадъ, онъ напечаталъ въ «Petit Journal» *Хронику*, въ которой чрезвычайно мило сталъ рассказывать о своихъ частныхъ знакомыхъ домахъ, гдѣ и какъ онъ проводилъ время. Рассказываетъ, какъ въ теченіе тридцати-четырёхъ лѣтъ онъ любилъ дочь своего стараго пріятеля (Нодье), теперь г-жу Мари Мениссье. Онъ недавно получилъ отъ нея письмо, и вотъ что пишетъ по этому поводу въ своей *Хроникѣ*: «Конечно, оно (письмо) не было писано съ тѣмъ, чтобы его прочелъ кто-либо кромѣ меня; но когда люди такъ замѣчательно хорошо пишутъ, когда у нихъ больше ума, чѣмъ у ш-ше Севанье, и больше сердца, они не имѣютъ права сказать: «Сожги мое письмо и развѣй пепель». И вотъ А. Дюма публикуетъ письмо ш-ше Мениссье въ «Petit Journal»!

Имя Мери вызываетъ у А. Дюма нѣсколько воспоминаній о томъ, какъ онъ проводилъ съ ней когда-то время въ одной студіи въ амстердамской улицѣ; какъ Мери умѣла быстро составлять буриме, и какъ однажды вечеромъ Мери предложила ему нѣсколько рюмъ для стиховъ. Къ счастью, стихи эти сохранились...

«Тс! пишетъ А. Дюма:—мнѣ пришла въ голову прекрасная идея: я предложу слова всѣмъ двумъ-стамъ тысячамъ подписчиковъ и миллиону читателей «Petit Journal»! И вотъ премія: подписчикъ, который лучше всѣхъ составитъ изъ этихъ рюмъ стихи, получитъ въ награду автографъ письма, писаннаго Мери вмѣстѣ со мною!»

Милый А. Дюма! Неголько самъ показывается публикѣ въ видѣ преміи, но и даромъ показывается даже свое бюро, недавно полученные письма, а лучшему рюмоплету обѣщаетъ *собственной* рукой писанное письмо вмѣстѣ съ почеркомъ *любимой* когда-то имъ женщины!

Надѣмся, что факты эти пропадутъ бесслѣдно на нашей почвѣ; мы слава-богу до этого не дожили еще!

— Кому случалось за послѣдніе годы читать блестящія финансовыя отчеты г. Гладстона англійской палатѣ представителей и сравнивать ихъ съ отчетами другихъ европейскихъ министровъ финансовъ, того, конечно, пріятно поражало матеріальное прусиѣніе Англии и издали, можетъ быть, эта страна, гдѣ все такъ быстро богатѣетъ, цвѣтетъ, развивается и крѣпнеть, казалась обѣтованнѣйшей землею для жизни современнаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, когда вамъ министръ финансовъ объявитъ, что вотъ 6 — 8 миллионовоу лишнихъ отъ расходовъ, и потому онъ полагаетъ возможнымъ уменьшить вотъ такія и такія-то пошлины, и такъ годъ, два, три средю—кромѣ уваженія къ такому пре-

красному хозяину, какъ этотъ министръ финансовъ, и въ заво-
нахъ страны, которая даетъ такихъ министровъ финансовъ,
вы невольно проникаетесь какимъ-то неопредѣленнымъ чу-
ствомъ довольства, точно отвоевали у вашего врага захваченны
имъ драгоценности. Фактъ скидки съ государственнаго бюд-
жета нѣсколькихъ милльоновъ выражается голой экономической
формулой: въ народномъ обращеніи прибавится на столько-
то милльоновъ труда — при тѣхъ же самыхъ услугахъ пра-
вительства. Пониженіе пошлинъ увеличиваетъ, конечно, бла-
госостояніе плательщиковъ. Но кромѣ плательщиковъ и ра-
ботниковъ, въ Англіи существуетъ огромный классъ лицъ, во-
торымъ не за что платить, да и нечѣмъ платить, такъ-какъ
имъ нечего работать. Блестящій гладстоновскій отчетъ, отъ ко-
торого плательщикъ пріятно ухмыляется, у этихъ лицъ вызы-
ваетъ обыкновенно тяжелый вздохъ, такъ-какъ они хорошо знаютъ,
что подешевѣтъ трудъ—подешевѣютъ и ихъ надежды на трудъ,
и если другимъ придется меньше платить, для нихъ остаются по-
прежнему одинаково дѣйствительными—холодъ, голодъ и болѣзни.

Благоденствующіе англичане по своему не забываютъ, впро-
чемъ, и этихъ *misirable*'ей. Регулярно каждую зиму, въ концѣ
года, на столбцахъ «Times'a» появляются жалобныя статьи, подъ
заглавіемъ: *Our homeless poor* (Наши безпріютные бѣдняки).
Вслѣдъ за статьями, директоръ управленія благотворительныхъ
учрежденій въ столицѣ присылаетъ напечатать въ «Times» свой
отчетъ, изъ котораго обыкновенно оказывается, что если обще-
ство вспомнить о своихъ несчастныхъ, то и они и онѣ будутъ
чрезвычайно признательны. Третій актъ той же пьесы состоитъ
обыкновенно въ томъ, что «Times» помѣщаетъ длинные списки до-
брохотныхъ дателей, тронутыхъ двумя-тремя жалобными статьями.

Нынѣшній годъ, какъ и всегда, «Times» помѣстилъ нѣсколько
громоздкихъ статей по поводу безпріютныхъ бѣдняковъ, и по
обычаю, стрѣлы британскаго оракула попали въ уязвимую пяту
благоденствующаго гражданства трехъ соединенныхъ королевствъ.
Намъ кажется безынтереснымъ для читателей, пользуясь
правдивыми красками англійскаго глашатая, набросать въ сжа-
томъ очеркѣ положеніе лондонскихъ безпріютныхъ скитальцевъ
нынѣшней зимою, какъ его рассказываетъ «Times» (*): тутъ
преувеличенія быть не можетъ.

Съ наступленіемъ зимы, ежегодно раздается изъ лондонскихъ
пріютовъ (*Refuges*) старый жалобный крикъ о недостаткѣ средствъ
для доставленія ночнаго пристанища безпріютнымъ и голоднымъ.
За небольшимъ промежуткомъ, зима нынѣшняго года въ Лондонѣ
была вообще необыкновенно умѣренная, хотя какъ бы умѣренная
ни была погода, отъ нея ни сытѣе, ни теплѣе несчастныхъ бѣдня-
камъ — умѣренная зима все же зима — и потому сравнительно

(*) «Times» не принадлежитъ къ демократическимъ газетамъ.

теплые дни не дѣлали большой разницы въ числѣ голодных скитальцевъ, осаждавшихъ двери всѣхъ пріютовъ въ Лондонѣ и его окрестностяхъ, за послѣдніе два мѣсяца. Каждую ночь пріюты были переполнены и, за недостаткомъ мѣстъ, поневолѣ оставались глухими къ одной трети, «если не къ половинѣ» дрожащей, алкавшей толпы, которая осаждала каждую ночь ихъ двери, и затѣмъ располагалась близъ нихъ, дорожа даже простымъ сосѣдствомъ дома, въ которомъ можно въ теплое углу, на рокожѣ, расправить окостенѣвшіе члены: надежда рѣдко оставлять человѣка. Но прибавляется нѣсколько градусовъ мороза, зима крѣпчаетъ — тотчасъ же увеличивается число безпріютныхъ скитальцевъ. Прежде всего, какъ мы сказали, начинаются морозы; затѣмъ являются случаи, въ которыхъ полицменъ приводитъ къ судѣ мужчину или женщину, которыхъ онъ нашелъ умирающими, и представляетъ, что онъ понапрасну пытался, чтобъ умирающаго приняли въ какойнибудь богадельнѣ (Workhouse). Въ отвѣтъ на это — какъ гласятъ обыкновенно лондонскіе полицейскіе отчеты — «его благотворіе строго рассудалъ о безчеловѣчій чиновника призрѣнія (relieving officer), и отправилъ констебля разузнать все дѣло». Это — второй актъ. Третій короче, но врядь-ли что можетъ быть краснорѣчивѣе ужаса, которымъ охватываютъ вась краткія строки отчета: «За эту недѣлю снова повторилось пять смертныхъ случаевъ отъ голода». Показаніе коронера: «отъ недостатка насущныхъ потребностей жизни».

Постоянный голодъ дѣлаетъ рабочаго слабымъ для труда. Цѣлая зима лишений ведетъ за собою болѣзнь — такихъ случаевъ насчитываютъ въ Лондонѣ за зиму «тысячами». Въ этой столицѣ находится ежедневно до 30,000 человѣкъ на «опасной для жизни діетѣ».

Но что находятъ бѣдняки въ пріютѣ? Англійскій пріютъ даетъ ночлегъ на голыхъ нарахъ, на которыхъ попадается иногда рокожка, и при этомъ 8 унцій хлѣба на ужинъ, и 8 унцій хлѣба на завтракъ; затѣмъ дѣло призрѣнія превращается. Сравнительно не такъ давно еще въ Лондонѣ существовало два или три подобныя пріюта; теперь ихъ не менѣе 12-ти, но почти въ такой же пропорціи возрасло и число безпріютныхъ бѣдныхъ. Управленія всѣхъ существующихъ въ настоящее время пріютовъ въ Лондонѣ единогласно приходятъ къ заключенію, послѣ долгаго опыта, что «недостатокъ запроса на мужской трудъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ, и сталъ хроническимъ зломъ». На швей, горничныхъ, прачекъ и т. п. работницъ запросъ не прекращается; для мужчинъ совершенно напротивъ: «въ послѣднее время стало почти исключеніемъ, чтобъ мужчина, даже наиболѣе способный къ труду, могъ достать какуюнибудь работу».

«Безъисходная нужда мужчинъ — говорить «Times» — правда, менѣе способна тронуть наше сердце, чѣмъ послѣдняя крайность женщинъ и дѣтей; но какъ бы то ни было, нѣтъ такого человѣка, который вынесъ бы равнодушно зрѣлище этихъ привидѣній

въ рубищѣ, всѣхъ возрастовъ и, прибавитъ, почти изъ всѣхъ общественныхъ положеній, когда они соберутся въ пріютъ сунуть у огня свои локмотья, и который бы выслушалъ сплотивше ихъ такіе и короткіе рассказы о двухъ, трехъ и даже четырехъ дняхъ, проведенныхъ безъ пищи». Изъ числа посѣтителей пріютовъ встрѣчается много большихъ солдатъ, уволенныхъ изъ службы и не находящихъ занятій. Но ихъ превосходятъ люди, лишившіеся частныхъ занятій. По общему свидѣтельству всѣхъ лондонскихъ пріютовъ, для влерковъ, лавочниковъ, мастеровъ, ремесленниковъ, особенно тѣхъ, которые не имѣютъ одобрительнаго атестата, надобно нѣсколько мѣсяцевъ по меньшей мѣрѣ, чтобъ принесть какое нибудь занятіе. Подробности жизни ихъ за эти мѣсяцы бываетъ «тяжело слушать».

«Тишина, господствующая въ мужскихъ палатахъ пріютовъ, обыкновенно нарушается въ женскихъ стонами и глубокими вздохами. Почти со всѣми женщинами повторяется одна и та же старая исторія: тутъ собираются дѣвушки, почти дѣти, оставшіяся круглыми сиротами, у которыхъ нѣтъ работы, нѣтъ пристанища; служанки, которыя остались за болѣзью безъ мѣста и перебивались, продавая съ себя послѣднее платье, пока спускась все ниже и ниже, не остались въ рубищѣ и не очутились въ пріютѣ; жены, брошенныя своими мужьями; бѣломшвейки, работавшія по договору на лавки, которымъ приходится выстрочить 12 дюжинъ наруканниковъ своей бумагой, чтобъ получить 7 пенсовъ (21 в. с.). Эти несчастныя созданія работаютъ съ разсвѣта и до самыхъ сумерекъ—у нихъ нѣтъ средствъ купить свѣчу—и могутъ выстрочить въ день до 5 дюжинъ наруканниковъ, то-есть заработать $3\frac{1}{4}$ пенса ($9\frac{3}{4}$ коп. сер.). Бумага обходится ежедневно въ полпенса ($1\frac{1}{2}$ коп. сер.). Онѣ дѣлаютъ общую складчину, внося каждая по одному пенни (3 коп. сер.) на чай и хлѣбъ для завтрака и по другому—на чай и хлѣбъ для обѣда. Такимъ образомъ въ концу трудового дня у этихъ измученныхъ и голодныхъ несчастныхъ остается $\frac{3}{4}$ пенни ($2\frac{1}{4}$ коп. сер.)!

«Но самую страшную картину нищеты представляютъ въ лондонскихъ пріютахъ комнаты, въ которыхъ укрываются на ночь мальчики—дѣти отъ 5—12 лѣтъ. Въ грязи, изнуренные, еле прикрытыя рубищемъ, обившашные тряпками и локмотьями, съ искаженными голодомъ лицами, съ лукаво-выглядывающими глазами—они возбуждаютъ ужасъ, на нихъ страшно смотрѣть, даже страшнѣе, чѣмъ на тѣхъ, умственныхъ способности которыхъ притупились отъ постоянныхъ лишеній почти до идиотства. Но самый ужасный лондонскій пролетаріатъ встрѣчается въ дѣтскомъ отдѣленіи пріюта ньюпортскаго рынка. Недавно въ него были доставлены полиціей трое дѣтей—пяти, шести и семи лѣтъ, совершенно обнаженныхъ. Ихъ вынули изъ чулана на чердакѣ, пространствомъ въ 12 квадр. фут., въ которомъ жили мужъ съ женою, замужней дочерью и двумя незамужними, да кромя того съ одной вдовой съ пятерыми дѣтьми—мальчиками и дѣвочками и

однѣмъ постолькомъ. Всѣ жили, спали въ этой берлогѣ, буквально не вѣдя, гдѣ преклонить свою голову и прикрыть свой срамъ. Всѣ они были рады, что троихъ дѣтей взяли въ пріютъ: имъ стало просторнѣе. Но что ждать дѣтей въ пріютѣ? Ньюпортскій пріютъ всегда переполненъ жертвами нищеты, гнѣздящейся въ его сосѣдствѣ: мальчиками и дѣвочками всѣхъ возможныхъ возрастовъ; отъ тѣсноты въ пріютѣ не превращаются сцены такого безразборчиваго и неестественнаго разврата, что мы даже не осмѣливаемся намекать о нихъ—говорить «Times» — и подобнымъ-то пріютамъ не хватаетъ суши, нетолко чтобъ расширить свою благотворительную дѣятельность, напримѣръ, устроить для прирѣзываемыхъ дѣтей школу, но даже чтобъ продолжать ее.

— Недавно вышелъ въ свѣтъ второй томъ путешествія барона Мюллера по Мексикѣ. Въ немъ находимъ чрезвычайно интересныя подробности о нравахъ и политическихъ дѣлахъ этой страны. Духовенство составляетъ, по мнѣнію г. Мюллера, главный бичъ мексиканскаго общества.

Во время пребыванія путешественника въ городѣ Мексико, тамъ открыли политическій заговоръ между монахами ордена св. Франциска. Въ наказаніе монахамъ, генераль Комонфоръ, подъ предлогомъ общественной пользы, проведенія новой улицы, приказалъ разрушить ихъ монастырь. Генераль Гадсденъ, полномочный посланникъ Соединенныхъ-Штатовъ въ Мексикѣ, самъ присутствовалъ въ то время, когда власти впервые проникли въ францисканскій монастырь, и вотъ что онъ въ тотъ же день разсказалъ о видѣнномъ имъ германскому путешественнику:

«Едва вошли въ монастырь, какъ очутились въ присутствіи женщинъ, числомъ до тридцати; большинство изъ нихъ были запертыя и исчезли изъ своихъ семействъ за нѣсколько лѣтъ прежде. Родственники положительно потеряли ихъ слѣды и оплакивали ихъ какъ умершихъ, въ то время, какъ францисканскіе монахи держали ихъ въ заперти въ своемъ монастырѣ и оскорбляли. Тамъ же нашли множество мальчиковъ-сиротъ, которыхъ святые отцы набрали во всѣхъ провинціяхъ бывшей республики, и которыхъ они по такъ-называемому христіанскому милосердію приняли подъ свой кровъ. Но достаточно было только взглянуть на этихъ дѣтей, видъ и говоръ которыхъ вызывалъ трепетъ въ свѣжесъ человѣкѣ, чтобъ понять, что они были жертвами ужаснаго преступленія. Въ одномъ углубленіи въ стѣнѣ въ родѣ ниши, нашли замурованнымъ шестидесятилѣтнаго старика. Его одежда почти развалилась, а борода и волосы покрывали грудь. Въ стѣнѣ, отдѣлявшей его отъ живыхъ существъ, было отъяно два отверстія: одно—у основанія стѣны, для стока нечистоты; другое — нѣсколько выше, для подачи заключенному пищи. Старикъ не могъ уже съ точностью опредѣлить числа лѣтъ, проведенныхъ имъ въ этомъ заключеніи; онъ объявилъ только, что былъ заключенъ своими братьями о Христѣ за то,

что уличалъ ихъ во многихъ убійствахъ. Раздраженные монахи, не будучи въ состояніи заставить его замолчать, во приближеніи скандала, рѣшили, на общемъ собраніи, замуровать его въ стѣнѣ.

Баронъ Мюллеръ былъ тронутъ этими разсказами, и на другой же день отправился въ монастырь вмѣстѣ съ генераломъ Гадсденомъ. Ему показались монастырская библиотека весьма богатой рѣдкими манускриптами; комиссаръ отъ правительства предлагалъ ему взять тѣ рукописи, которыя его наиболѣе интересуютъ, но совѣтливый путешественникъ отказался отъ этого предложенія. Его ожидали новыя открытія въ капеллѣ монастыря.

«Когда я подходилъ къ алтарю—говорить г. Мюллеръ—я былъ удивленъ глухимъ звукомъ, который издавали плиты подъ моими шагами. Мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, въ этомъ мѣстѣ подлѣ поломъ существуетъ подземный путь. Я немедленно вошелъ сеноръ Пазъ, губернаторъ столицы. Онъ живо былъ заинтересованъ открытіемъ, которое составляло предметъ нашего разговора, и крикнувъ изъ окна рабочимъ, которые стояли готовѣ приступать къ разрушенію монастыря. Ихъ сбѣжалось тотчасъ же множество съ ломами и топорами. Сначала принялись за самую большую плиту; она уступила усиліямъ рабочихъ и подлѣ нею разверзлась темная пропасть. Въ подземелье спускалась узкая каменная дѣстиница. Никто изъ окружающихъ насъ мексиканцевъ не рѣшился спуститься по ней внизъ; наконецъ мы, Гадсденъ и я, рѣшились и, запасшись каждый восковой свѣчю, сошли двадцать-пять ступеней и вступили въ погребъ, или лучше, въ склепъ, въ которомъ стояли прислоненными къ стѣнѣ, въ большомъ количествѣ, маленькіе гробки. Тѣ, которые отъ времени разрушились, были открыты: они заключали въ себѣ, такъ же какъ и тѣ, которые открыли поздне, скелеты дѣтей, рожденныхъ въ монастырѣ и умершихъ вскорѣ послѣ рожденія.»

Что думать послѣ этого разсказа? Дѣти эти умерли ли естественной смертью, или же погибли отъ руки самихъ тѣхъ, которые вызвали ихъ на свѣтъ? Какъ бы то ни было, дѣтскіе гробки въ потаенномъ склепѣ монастыря очутились вовсе не въ показанномъ для нихъ мѣстѣ, точно такъ же, какъ и тѣ женщины, которыхъ встрѣтили въ монастырѣ, и потому даютъ основаніе къ разнымъ предположеніямъ, которыя гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ всѣ проклятія Пія IX на современное общество.

— Двѣ вѣщи, равныя третьей, равны между собою. На основаніи этой аксіомы можно вывести, что англійскій законъ смотритъ на кражу пары ботинокъ, какъ на равнозначительную преступной похитѣи на честь женщины: по обоимъ этимъ преступленіямъ присуждается одинаковое наказаніе: шесть мѣсяцовъ тюремнаго заключенія.

«Полюбопытствуйте — говоритъ англійскій журналъ «Hard Labour» — открыть «Times» отъ 10-го прошлаго ноября (и. с.). Въ

тамъ найдете въ одномъ и томъ же столбцѣ три примѣра, рельефно рисующихъ ту снисходительность, съ которой относятся наши суды къ самому грубому оскорбленію женщины, и увидите, напротивъ, съ какою строгостью караютъ они преступника противъ собственности. Первый и второй примѣры отождествляютъ цѣнность пары ботинокъ и честь женщины. Приведемъ второй и третій примѣры, которые намъ кажутся какъ нельзя болѣе поучительными.

А. Спалдингъ былъ обвиненъ въ нападеніи съ насиліемъ на личность хозяйки дома. Фактъ былъ неопровержимый. Возвратившись навеселѣ поздней ночью, Спалдингъ хотѣлъ воспользоваться отсутствіемъ мужа и напалъ на хозяйку въ евартиръ. Она зашипѣлась какъ могла, призывая сосѣдей на помощь; но прежде, чѣмъ сосѣди сбѣжались на помощь, Спалдингъ успѣлъ нанести ей побой и позволить себѣ оскорбительныя вольности относительно беззащитной женщины. Присяжные признали обвиненнаго виновнымъ. Судьи приговорили къ заключенію на *шесть мѣсяцевъ съ тяжелой работой*.

Ж. Давсонъ былъ обвиненъ въ кражѣ у Г. Рандоля часовъ цѣною около 12 шил. (3 р. 84 к.), при слѣдующихъ обстоятельствахъ: драка, случившаяся на улицѣ Миль-Энд-Родъ, привлекла, въ числѣ другихъ любопытныхъ, и Рандоля. Замѣтивъ, что изъ жилетнаго кармана что-то вынимается, онъ повернулся; въ эту минуту воръ бросилъ часы, которыми овладѣлъ, но былъ арестованъ полицменомъ. Присяжные объявили обвиненнаго виновнымъ, въ силу чего судъ приговорилъ Давсона къ *годовому заключенію съ тяжелой работой*.

Изъ этихъ приговоровъ суда—замѣчаетъ по этому поводу другой англійскій журналъ «*Examiner*»—мы имѣемъ право заключать, что попытка безъ насилія украсть часы стоимостью въ 12 шил. ровно въ два раза преступнѣе попытки съ насиліемъ лишить женщину чести. Слѣдовательно, этотъ послѣдній проступокъ на половину менѣе важенъ, чѣмъ первый, по крайней мѣрѣ такова пропорціональность между опредѣленными по тому и другому наказаніями. Если мы примемъ во вниманіе денежную стоимость, то увидимъ, что добродѣтель женщины цѣнится нашими судьями только въ половину стоимости дрянныхъ карманныхъ часовъ. Слѣдовательно, цѣломудріе, выставленное намъ романистами и моралистами драгоцѣннѣе всѣхъ соборовищъ, оцѣнивается нашими судьями въ скромной суммѣ 6 шил. Еще немного—и честь нашихъ женъ, какъ вещь вздорная, будетъ отнесена къ категоріи бездѣлицъ: *de minimis non curat lex*. Совершенно иное, когда дѣло идетъ о 12 шиллинговыхъ часахъ: они имѣютъ рыночную цѣнность и потому имѣютъ всѣ права пользоваться спеціальнымъ покровительствомъ. Какъ жаль, что женщина, такъ грубо оскорбленная Спалдингомъ, не употребила въ нашемъ судѣ такого языка: «Оцѣните мою добродѣтель и число полученныхъ мною ударовъ, какъ бы я была шапка или часы, въ 12 шиллинговъ!»

— Сколько гдѣ уже стоустая молва доходила и до наст., что вотъ императоръ Наполеонъ олицетворяетъ свое сочиненіе «Жизни Цезаря». Оливье сталъ имперіалистомъ, Персиньи разъ умеръ и воспрееъ по телеграфу—о «Жизни Цезаря» не было извѣстно ничего положительнаго. Наконецъ, всѣ парижскія газеты прокричали разомъ, что сочиненіе императора появится вдругъ на трехъ языкахъ: французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ; мало того, недавно, турецкій султанъ приказалъ перевести его, немедленно же выхотъ въ свѣтъ, и на турецкій: у султана есть также своя типографія, какъ и у императора Наполеона. Говорятъ, что на заглавной страницѣ сочиненія не будетъ выставлено имени сочинителя; но разъ и безъ того Европа не догадается? Остается немного подождать, тѣмъ болѣе, что долго ждали.

— Австрійское правительство, чрезъ посредство своего посланника въ Парижѣ, приобрѣло отъ вдовы Г. Гейне всѣ посмертныя рукописи ея мужа съ назначеніемъ ей ежегодной пенсія въ 3,000 гульд. (нѣсколько болѣе 1,851 р. сер.).

— Г. Ренанъ съ супругой, на пути въ Сирію и Малую Азію, остановился въ Александріи, откуда отправился въ Каиръ посѣтить своего друга, г. Маріетта, которому египетскій вице-король поручилъ главное наблюденіе надъ археологическими раскопками, дѣятельно продолжающимися въ Египтѣ. Услышавъ о приѣздѣ г. Ренана, Измаиль-Паша сдѣлалъ ему любезный приемъ и отдать въ его распоряженіе паровую яхту для плаванія по Нилу. Г-на и г-жу Ренанъ, во время пребыванія ихъ въ Египтѣ, будетъ сопровождать г. Маріеттъ, которому ученый міръ обязанъ открытіемъ серапіума въ Мемфисѣ и другими важными раскопками. По всей вѣроятности, путешествіе г. Ренана не останется бесплодно и подаритъ читающій міръ какимъ нибудь новымъ его произведеніемъ.

— Г. Д'Авезакъ, президентъ парижскаго географическаго общества, прислалъ къ сэру Родрику Мурчисону, президенту лондонскаго географическаго общества, письмо съ суммой, собранной по подпискѣ на участіе въ издержкахъ по сооруженію памятника, который предполагаютъ воздвигнуть въ честь капитана Слыва. Вотъ переводъ этого письма:

«М. г. Узнавъ, что въ средѣ королевскаго лондонскаго географическаго общества открыта подписка съ цѣлью сооруженія монумента памяти капитана Слика, парижское географическое общество почувствовало желаніе заявить въ то же время, при этомъ случаѣ, одушевляющія его по отношенію къ лондонскому географическому обществу чувства братства и уваженія, съ которыми оно относилось къ заслугамъ путешественника, который первый проложилъ путь чрезъ тѣ страны, гдѣ Нильскриваетъ, кажется, свой главный источникъ.

«Ограничивая десятью фунтами стерлинговъ сумму своей подати, парижское общество надѣется доказать, что оно нисколько не имѣло претензій оказывать матеріальное содѣйствіе своей богатой сестрѣ; единственной его мыслью было засвидѣтельствовать публично, по этому случаю, свою высокую симпатію предпріятію, чтобъ почтить память путешественника, котораго оно само уже вписало на доску своихъ дѣвратовъ...»

— По поводу одного процесса, между литографомъ, занимающимъ квартиру въ улицѣ Старой Комедіи, и домовладѣльцемъ, завязавшагося по поводу поправокъ въ квартирѣ, адвокатомъ испана были сообщены передъ судомъ нѣсколько весьма интересныхъ подробностей о странствованіяхъ актѣровъ труппы «Французскаго Театра» (Theatre Français) въ прежнее время. Королевская труппа комедіантовъ, основанная Мольеромъ, довольно долгое время искала, гдѣ бы пріютиться въ Парижѣ. Въ 1658 г. она заняла квартиры въ Hôtel Petit Bourbon; въ 1660 перешла въ Палероаль, а послѣ смерти Мольера, въ 1673 г. — въ улицу Мазарини. Двѣ соперничающія труппы — королевская и бургонскаго отеля — соединились и основали театръ Французской Комедіи въ улицѣ Генего. Въ 1687 г. онѣ снова были принуждены Коллегіей Четырехъ Націй искать новое помѣщеніе. По этому поводу Расинъ писалъ къ Буало отъ 8-го августа слѣдующее письмо:

«Самая интересная новость дня, это — затруднительное положеніе актѣровъ, которые принуждены оставить улицу Генего, потому что господа Сорбонны, вступивъ въ управленіе Коллегіей Четырехъ Націй, непремѣнно требуютъ, чтобъ актѣры удалились изъ сосѣдства съ коллегіей. Актѣры пробовали искать помѣщенія въ пяти или шести различныхъ кварталахъ города, но куда бы они ни явились — просто удивительно — священники вездѣ кричатъ противъ нихъ. Приходскому священнику въ С.-Жерменъ-д'Оксе-руа удалось даже выхлопотать отъ властей запрещеніе актѣрамъ снятъ по контракту Hotel Sourdis, на томъ основаніи, что на сценѣ могутъ быть слышны церковные органы, а въ церкви — скрипки театральнаго оркестра. Наконецъ, они явились въ Савойскую улицу, которая принадлежитъ къ приходу св. Андрея, но приходскій священникъ отправился къ королю съ жалобой, что если позволять актѣрамъ расположиться въ Савойской улицѣ, то скоро весь приходъ обратится въ винные погреба и кофейни, а церковь совершенно опустѣетъ. Монахи монастыря Большихъ Августинцевъ также ходили къ королю; патеръ Ламбрушонъ, ихъ главный начальникъ, держалъ предъ королемъ по этому случаю рѣчь. Король узналъ, однакоже, еще прежде отъ актѣровъ, что умомянутые августинцы, которые претендуютъ теперь на сосѣдство съ театральной труппой, на дѣлѣ — въ числѣ самыхъ ревностныхъ почитателей театра, и болѣе того, что имъ хочется продать труппѣ нѣкоторые дома, принадлежащіе монастырю, въ улицѣ Анжу, подъ помѣщеніе театра, и что продажа бы состоялась, еслибъ

актеры нашли удобным для себя эти дома. Г. Лувуа приказал Лашапелю начертать планъ дома, который они хотятъ выстроить въ Савойской улицѣ, такъ что имъ остается теперь ждать рѣшенія Лувуа. Въ ожиданіи же, въ городѣ большой шумъ, и жители по соседству съ театромъ находятъ страннымъ, что улица ихъ будетъ загромождена экипажами. Г. Билларъ кричитъ громче всѣхъ, такъ-какъ его домъ придется какъ разъ напротивъ входа въ партеръ, а когда его кто нибудь утѣшаетъ тѣмъ, что ему удобно, когда вздумаетъ развлечься, онъ самымъ трагическимъ голосомъ отвѣчаетъ: «Мнѣ не нужно никакихъ развлеченій!»

Домъ, который подалъ поводъ въ настоящему процессу, былъ въ некоторое время занятъ этими по истинѣ несчастными актерами. Онъ расположенъ напротивъ кафе Рёоре, бывшемъ въ славѣ когда-то, какъ мѣсто сходки литераторовъ. Нижний этажъ дома былъ обращенъ въ бумажную лавку, а первый этажъ былъ попеременно занимаемъ мастерскими живописцевъ: Гроса, Жерара, Ораса Верне. Въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ, второй этажъ былъ отданъ подъ литографію; и какъ помѣщеніе это было старое, то содержатель литографіи, подписавъ контрактъ, просилъ хозяина дома сдѣлать необходимыя поправки, въ которыхъ этотъ отказалъ. Вотъ откуда возникъ процессъ.

— Немного найдется предметовъ, о которыхъ такъ краснорѣчиво и убѣдительно говорили филантропы, какъ о народномъ образованіи: оно довольно давно уже считается самымъ лучшимъ средствомъ вызвать міръ изъ варварства и сдѣлать людей добродѣтельными и счастливыми. Существуетъ мнѣніе, раздѣляемое многими весьма почтенными и благожелательными людьми, что первую обязанность правительства должно составлять бесплатное предоставленіе народу средствъ образованія и строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобы никто изъ подданныхъ не уклонился отъ «ученія—свѣта». Во Франціи въ особенности, «даровое и обязательное образованіе» составляетъ наиболее любимую тему огромнаго большинства такъ-называемой либеральной партіи. Согласно статьѣ 24-й закона 15-го марта 1850 г., первоначальное образованіе предоставлено во Франціи даромъ всѣмъ дѣтямъ, за которыхъ родители не могутъ платить. Какъ всякая полумѣра, законъ этотъ въ 14 лѣтъ не успѣлъ принести видныхъ результатовъ. Парижскіе издатели газетъ имѣютъ обычай посылать съ 1-мъ № своего изданія какой-нибудь подарокъ (*étrenne*), безъ котораго ни одинъ парижанинъ не можетъ обойтись въ день новаго года. Одинъ изъ такихъ подарковъ былъ атласъ изъ 90 картъ: одной—представлявшей общій очеркъ Франціи, каждая же изъ остальныхъ представляла одинъ изъ 89 департаментовъ. Съ боку каждой карты помѣщены краткія статистическія свѣдѣнія о населеніи, нравственности, смертности и т. д. по каждому департаменту. Но вотъ что оказывается изъ рассмотрѣнія этихъ данныхъ:

Во Франціи есть два департамента: Дубскій и Жерскій, изъ которыхъ въ первомъ 206,280 жителей, во второмъ—208,931. Дубскій считается изъ первыхъ, если не самымъ первымъ изъ просвѣщеннѣйшихъ французскихъ департаментовъ; изъ послѣдняго официального отчета французскаго министра народнаго просвѣщенія видно, что этотъ департаментъ удостоился въ прошломъ году большой премии за образованіе и интеллигенцію. Изъ 2,169 браковъ среднимъ числомъ, которыя совершаются въ немъ ежегодно, число лицъ, которые не умѣютъ росписаться за себя въ книгѣ, адѣсь всего 288. Жерскій департаментъ считается самымъ отсталымъ во всемъ, что касается цивилизаціи, тѣмъ болѣе, что это одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ департаментовъ, о которомъ, кажется, всѣ забыли, промѣ его туземцевъ. Въ немъ изъ 2,536 лицъ, вступающихъ въ бракъ, 1,566 лицъ (слѣдовательно значительно болѣе молодыхъ) не умѣютъ подписать своего имени. Въ томъ же департаментѣ, среднимъ числомъ приговаривается къ наказанію ежегодно 780 лицъ за различные преступленія и проступки; между тѣмъ какъ въ Дубскомъ, *самомъ цивилизованномъ*, за тотъ же промежутокъ осуждено 2,200! Фактъ, надъ которымъ невольно останавливаешься. Изъ тѣхъ же таблицъ мы узнаемъ, что средняя человѣческая жизнь въ департаментѣ Сены (включая Парижъ) достигаетъ всего 28 лѣтъ, между тѣмъ какъ въ департаментѣ Шаранты—40, въ Кальвадосѣ—46. «Единственной причиною—нижесть парижскій корреспондентъ «Times'a, свидѣніями котораго мы пользуемся въ этомъ случаѣ—но которой можетъ кто-нибудь усумниться въ достоверности этихъ данныхъ, это—что атласъ, изъ котораго они заимствованы, составляетъ подарокъ на новый годъ, и что по отношенію къ истинѣ; онъ можетъ быть причисленъ къ тѣмъ бездѣлункамъ, которыми французы привыкли обмѣниваться въ новый годъ.» Конечно, это было бы болѣе утѣшительно.

— Въ прошлой книгѣ мы сообщили извѣстіе о смерти и похоронахъ Прудона. На этотъ разъ скажемъ нѣсколько словъ о его дѣятельности. Было время, сороковые года, когда имя Прудона составляло родъ пугала для французской буржуазіи. Она смѣялась въ національномъ собраніи надъ рѣчами Прудона, но за этимъ смѣхомъ скрывался страхъ: «Я весьма сожалѣю, что мои слова возбуждаютъ въ васъ смѣхъ: они васъ убьютъ». Отголосокъ страшной извѣстности не миновалъ и насъ: помнится, одинъ изъ петербургскихъ фельетонистовъ, описывая извѣстную врагу казенныхъ денегъ г. Дорошинскимъ въ Воронежѣ, причисляя этого господина прямо въ послѣдователи Прудона, на томъ простомъ основаніи, что этотъ послѣдній сказалъ: *собственность—кража*. Что, казалось бы, можетъ быть общаго между упомянутымъ петербургскимъ газетнымъ фельетонистомъ и авторомъ *Организации труда*, по ихъ отношеніямъ къ Прудону? Но прослушайте, какъ Луи Бланъ относится къ пугалу ненавистной и

ему самому буржуазии: «Между повесителями (предлагавшейся Л. Бланомъ организаціи труда) нѣтъ ни сорти, я долженъ поставить г. Прудона, *зома безъ доблести, писателя безъ идей, злополучна безъ принциповъ, большого говоруня ничтожественъ и ослербленнѣ, большого шрона въ слова, исчерпаннаго проповѣдничес...* Г. Прудонъ одинъ изъ тѣхъ, которые дѣлають себѣ перикъ изъ одного волоса и дралируются въ одну веревочну! Развонъ.»

Вебще, Прудонъ—такого сорта личность, о которой нельзя составить кѣльняго представленія ни по отзывамъ его друзей, ни по отзывамъ враговъ; съ нимъ слѣдуетъ знаваться самому.

Прудонъ родился въ 1809 г. въ Безансонѣ. Отецъ его былъ бочаръ, со скудными средствами и съ большой семьей, въ которой Пьеръ-Жозефъ былъ старшимъ сыномъ. Первоначально онъ предназначался унаслѣдовать ремесло отца, въ которому, впрочемъ, чувствовалъ мало склонности. Въ свои дѣтскіе годы, Пьеръ уже отличался остротою и живучестью ума, и рѣшительнымъ пристрастіемъ къ чтенію; но вліанію ли своего дѣда, профессора права въ дижонскомъ факультетѣ, или чрезъ покровительство другихъ лицъ, онъ былъ принятъ на вакансію въ королевскую коллегію въ Безансонѣ. Онъ съ любовью принялся за ученіе и оказалъ большіе успѣхи. Но какъ семья его требовала поддержанія, онъ оставилъ коллегію и поступилъ ученикомъ въ типографію. Здѣсь онъ, въ замѣчательно короткое время, сдѣлался искуснымъ наборщикомъ, и посредствомъ упорнаго труда и суровыхъ лишеній успѣвалъ не только поддерживать самого себя и семью, но и находилъ еще время продолжать свои научныя занятія. Его сдѣлали скоро корректоромъ, и онъ на столько зналъ уже латинскій, греческій и еврейскій языки, чтобы читать корректуры на нихъ. Къ нему обратились за содѣяствіемъ при изданіи библии, къ которому онъ сдѣлалъ примѣчанія о началахъ еврейскаго языка. По свидѣтельству одного ученаго духовнаго лица, онъ перепечаталъ сочиненіе аббата Бержье о первоначальныхъ элементахъ рѣчи. Позднѣе же онъ издалъ свое оригинальное сочиненіе: *Отцы особшой грамматики*, которое встрѣчено было съ такимъ вниманіемъ безансонской академіей, что она назначила ему трехлѣтнюю премію, въ 1,800 фр., основанную въ 1838 г. г-жею Смаръ, вдовою писателя, родомъ изъ Безансона. Ободренный такимъ неожиданнымъ успѣхомъ своего перваго литературнаго труда, Прудонъ отправился въ Парижъ и помѣстилъ нѣсколько статей въ періодическомъ изданіи *Католической Энциклопедіи*. Въ это же время онъ послалъ безансонской академіи мемуаръ *Объ учрежденіи субботнаго дня*, съ точенъ рѣшенія нравственности, гнѣсны, семейныхъ и гражданскихъ отношеній. За этотъ мемуаръ Прудонъ получилъ отъ академіи бронзовую медаль. «Я мало заботился объ академическихъ пальмовыхъ вѣтвяхъ—говоритъ самъ Прудонъ—у меня не было досуга, чтобы сдѣлаться ученымъ, еще

менше—литераторомъ или археологомъ. Я тотчасъ же схватился за политическую экономію. Я принялъ правиломъ моихъ суждений, что всядій принципъ, который, если его развивать до крайнихъ послѣдствій, приводитъ къ противорѣчію, долженъ быть отвергаемъ, какъ ложный; и что если этотъ принципъ дать мѣсто учрежденію, то и само учрежденіе должно считаться вымышленнымъ, утопіей. Занявшись такимъ критеріемъ, я избралъ предметомъ опыта то, что нашелъ въ обществѣ самаго древняго, самаго уважаемаго, самаго всемірнаго, менше всего оспариваемаго—собственность. Извѣстно, къ чему я пришелъ». Вопросу о собственности Прудонъ также посвятилъ мемуаръ и представилъ его въ академію нравственныхъ и политическихъ наукъ. «Благосклонный пріемъ, оказанный моему труду академіей, похвалы докладчика, г. Бланки, позволили мнѣ думать—говорить Прудонъ—что академія, не принимая на себя отвѣтственности за мою теорію, была довольна моимъ трудомъ, и я продолжалъ свои изслѣдованія». Второй мемуаръ по тому же вопросу о собственности, Прудонъ посвятилъ г. Бланки. «Замѣчанія, сдѣланныя г. Бланки на мой первый мемуаръ, вовсе не касались противорѣчія, указаннаго мною въ принципѣ собственности—противорѣчія, которое состоитъ въ особенности въ томъ, что съ одной стороны, присвоеніе вещей трудомъ или другимъ образомъ, приводитъ естественно, неизбежно къ учрежденію фермерства, ренты и процента, такъ какъ это прекрасно доказалъ г. Тьеръ въ своей книгѣ *О собственности*, тогда какъ съ другой стороны, фермерство, рента, процентъ, однимъ словомъ, цѣнность ссуды (*prix du prêt*), несовмѣстима съ законами обращенія и непрерывно стремится къ самоуничтоженію. Не входя въ основанія спора, ученый экономистъ удовольствовался противопоставить моимъ разсужденіямъ нежеланіе принять ихъ, которое могло бы быть рѣшительнымъ, еслибъ имѣло какія нибудь основанія. «Что касается собственности—говорилъ г. Бланки—практика самымъ блестящимъ образомъ опровергаетъ теорію. Фактически доказано, что если собственность незаконна въ глазахъ философскаго разума, то она постоянно болѣе и болѣе находитъ поддержку въ разумѣ социальномъ. Необходимо, слѣдовательно, или чтобъ логика была недостаточна и призрачна—что, по увѣренію философовъ, встрѣчалось не разъ; или же, чтобъ социальный разумъ обманывалъ себя, чего нельзя допустить».

Третій мемуаръ по тому же вопросу о собственности, *Предостереженіе собственникамъ*, Прудонъ посвятилъ г. Консидерану. «Диалектика оцѣняла меня: нѣкоторый фанатизмъ, присущій диалектикамъ, охватилъ мой мозгъ, и сдѣлалъ изъ мемуара памфлетъ. Безансонскій судъ счелъ нужнымъ преслѣдовать эту брошюру, я былъ призванъ предъ ассизы Дубскаго департамента, обвиненъ въ нападкахъ на собственность, въ подстрекательствѣ къ неуваженію правительства, въ оскорбленіи религіи и нравовъ. Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобъ объяснить присяжнымъ, какимъ

образомъ при настоящемъ положеніи меркантилизма, полнѣнн дѣйность и мѣровая дѣйность—двѣ вещи несоизмѣримныя и въ безпрерывной оппозиціи между собою, вслѣдствіе чего собственность нестойка, и что вслѣдствіе этой-то причины работники становятся все бѣднѣе, а собственники—менѣе богаты. Судь слишкомъ, кажется, помалъ мои доводы; присяжнне сазали, что эта ученая матерія—внѣ ихъ компетентности, и оправдали меня. Это было въ 1842 г.

Въ періодъ времени 1842—46 г., г. Прудонъ взялъ на себя управление предпріятіемъ по перевозкѣ товаровъ по рр. Сона и Рона. Несмотря на просьбы своихъ хозяевъ, признательныхъ за введенія Прудономъ улучшенія, онъ не согласился сдѣлаться ихъ сотоварищемъ, и отказался принять унадавшую на его долю часть барышей. Его коммерческія занятія не помѣшали ему, однакоже, продолжать свою литературную дѣятельность. Въ 1843 году онъ обнародовалъ въ Парижѣ сочиненіе *Основаніе порядка въ человечествѣ*, въ которомъ развилъ свои прежніе взгляды на политическую организацію общества. Въ 1846 г. онъ издалъ едва-ли не самое капиталное свое сочиненіе: *Систему экономическихъ противорѣчій*. Онъ развилъ въ ней мысль, что въ обществѣ теорія антиноміи есть въ одно и то же время представительница и основа всякого движенія. «Нравы и учрежденія могутъ видоизмѣняться у народовъ такъ же, какъ измѣняются ремесла въ различные вѣка въ разныхъ городахъ: законы, которые управляютъ ихъ развитіемъ (évolutions), непреклонны, какъ алгебра». Антиномическія силы общества, присущія всякому развитію коллективной дѣятельности, какъ и всякому индивидуальному разуму, по мнѣнію Прудона, должны быть удерживаемы въ постоянномъ равновѣсіи, и антагонизмъ, безпрерывно возобновляемый борьбой общества съ личностью—постоянно приводимъ къ синтезу.

Прудонъ трудился надъ этимъ синтезомъ, когда вспыхнула февральская революція. Въ концѣ марта вышли первыхъ два выпуска этого труда, но ихъ едва замѣтили демократы. Изданіемъ ежедневной политической газеты съ апрѣля 1848 г. *Представитель народа*, Прудонъ принялъ въ революціи самое дѣятельное участіе. Популярность его разрослась до такой степени, что въ слѣдующемъ маѣ мѣсяцѣ, онъ былъ избранъ въ національное собраніе 77,094 голосовъ. Вотъ какъ относился Прудонъ къ дѣятелямъ февральскихъ дней и къ самому дѣлу революціи: «Ясно ли теперь—говоритъ онъ въ своихъ *Confessions*— что верховныя права народа не заключаются ни въ дикомъ насиліи, опустошающемъ дворцы, разрушающемъ замки; ни въ томъ фанатическомъ увлеченіи, которое, устроивъ 17-е марта, 16-е апрѣля и 15-е мая, достигаетъ вершины своихъ промаховъ 10-го декабря; ни въ поперебмѣнныхъ угнетеніи большинства меньшинствомъ и наоборотъ. Неправъ ли я былъ, говоря этимъ фабрикантамъ декретовъ: «О, великіе политики, вы грозили кулакомъ капиталу, и вотъ теперь вы про-

стараюсь ницъ передъ монетою во сто су! Вы хотѣли истребить *евреевъ, царей эгоисты*, (*) и вы же поклоняетесь золотому тельцу. Вы говорите, или заставляете говорить, что государство овладѣетъ желѣзными дорогами, каналами, горными и соляными промыслами; что налоги будутъ распределены только на богатыхъ, что вмѣстѣ съ цифрою должностей будетъ уменьшена цифра окладовъ, рентъ, собственности. Вы возбуждаете пониженіе финансовыхъ, промышленныхъ, недвижимыхъ цѣнностей; вы истощаете источники всѣхъ доходовъ, ледаете кровь въ жилахъ торговли, промышленности, и потомъ заклиняете звонкую монету не уходить изъ обращенія; умоляете оторопѣлыхъ богачей не удерживать этой звонкой монеты. Вѣрите мнѣ, граждане-диктаторы, если въ этомъ вся ваша наука, поспѣшите примириться съ царями эпохи; откажитесь отъ террористскихъ демонстрацій, по причинѣ которыхъ капиталы такъ же бѣгутъ за революціей, какъ собаки за городскими сержантами. Возвратитесь въ консервативное *statu quo*, дальше котораго вы ничего не видите и изъ котораго вамъ никогда не выдти, потому что въ вашемъ двусмысленномъ положеніи, если вы прикоснетесь къ собственности, вы погибли.

«То, что вы принимаете за голосъ народа—не болѣе, какъ мычаніе толпы, таковой же невѣжды, какъ вы въ пониманіи народнаго голоса. Уваженіе къ личности, терпимость къ мнѣніямъ, но презрѣніе къ сектамъ, пресмыкающимся у вашихъ ногъ и совѣтующимъ вамъ гибель. Секты — это ехидны революціи: народъ не принадлежитъ ни къ какой сектѣ. Воздержитесь больше всего отъ реквизицій, конфискацій, особенно отъ законодательства. Дайте свѣту самому забрежить вокругъ васъ, и вы заслужите большую признательность отечества».

Представитель Народа былъ запрещенъ въ сентябрѣ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Прудонъ началъ издавать другую газету: *Народъ*, которая раздѣлила участь перваго изданія. Вслѣдъ затѣмъ родились подъ перомъ Прудона и снова погибли двѣ газеты: *Голосъ Народа* и снова *Народъ*. Эти газеты продавались по одному су и имѣли громадное обращеніе въ ремесленномъ класѣ. Въ нихъ не щадили Прудонъ своимъ убійственнымъ сарказмомъ представителей разныхъ политическихъ партій, раздиравшихъ между собою одежды революціи: Ледрю-Ролена, Л. Блана; Пьера Леру, Ламартина, Кабе, В. Консидерана и генерала Кавеньяка. За свои нападки Прудонъ часто былъ призываемъ къ суду присяжныхъ и присуждаемъ къ уплатамъ пенн, но парижане сладчайшей платили за него. Ничто не могло остановить энергіи Прудона: ни краснорѣчіе Тьера, ни ученость Бастиа, ни остроты Карра, ни карикатуры *Шаривари*, ни театральныя комедіи, въ которыхъ онъ выступался въ комичномъ видѣ съ своей знаменитой фразой о собственности. Онъ продолжалъ писать, и его памфлеты раскупались

(*) Намекъ на извѣстный памфлетъ Туссенела на царей биржи, вышедшій въ Парижѣ въ 1847 г. уже вторымъ изданіемъ.

десятью тысячь. Въ 1849 г. онъ предложилъ устроить компанію подъ фирмою «Народнаго Банка», съ цѣлью уничтоженія роста и обращенія всѣхъ капиталовъ къ производству; банкъ этотъ долженъ былъ выдавать ссуды только *производителямъ*, безъ всякаго процента. Но банковыя операціи Прудона были внезапно прерваны судебными преслѣдованіемъ за памфлетъ, и чтобы избѣжать трехлѣтняго тюремнаго заключенія, Прудонъ долженъ былъ бѣжать изъ страны. Банкъ былъ ликвидированъ по распоряженію полиціи. Пробывъ годъ въ Женевѣ, Прудонъ возвратился въ Парижъ и добровольно отдалъ себя въ руки суда. Онъ былъ посаженъ въ тюрьму Сент-Пелажи, и здѣсь въ 1850 г. женился на дочери одного кушача изъ улицы С.-Дени. Время заключенія онъ не провелъ праздно: онъ написалъ здѣсь свои *Признанія*, *Атти революціи*, *Даровой кредитъ* и *Соціальную революцію, доказанную переворотомъ 2-го декабря*. Въ юнѣ 1852 г. онъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы. Въ 1856 г., онъ написалъ *Руководство къ биржевымъ операціямъ*—ѣдкую и сильную сатиру на царей биржи. Поздѣе, въ 1858 г., онъ снова приговоренъ былъ къ трехлѣтнему тюремному заключенію за книгу *о Справедливости*, но спасся въ Бельгію, гдѣ пробылъ до 1862 г. За этотъ промежутокъ времени онъ написалъ много замѣчательныхъ трудовъ: *Война и Миръ* — трактатъ о международномъ правѣ, существованіе котораго онъ отрицаетъ, доказывая, что между народами существовало лишь одно право — *силы*. По силѣ критики, сочиненіе это, въ числѣ другихъ прудоновскихъ, можно поставить наряду съ его *Системою экономическихъ противорѣчій*. Другое: *Литературные майораты*, представляющее полную критику литературной собственности; *Федеративное начало*, *Теорію налога*, и замѣчательную брошюру о Польшѣ.

Познакомить даже вкратцѣ со всѣми этими сочиненіями, невозможно, не злоупотребивъ предѣлами статьи. Въ каждомъ своемъ трудѣ Прудонъ оригиналенъ. Въ то же время едва-ли найдется одинъ писатель, который бы такъ живо и цѣльно воплотилъ въ своихъ произведеніяхъ сомнѣнія и интересы исторической жизни своего народа за извѣстный періодъ. Онъ жилъ въ литературѣ и умеръ совершеннымъ особнякомъ; послѣ себя онъ не оставилъ школы, у него нѣтъ послѣдователей, потому что нѣтъ опредѣленнаго направленія. Онъ былъ одинаково непріятенъ и социалистамъ, и политико-экономистамъ, въ родѣ Бастиа. Онъ преимущественно былъ силенъ какъ критикъ. Никто не можетъ отказать этому человѣку въ могучемъ умѣ и мужествѣ мыслен, горячемъ и благородномъ служеніи истинѣ—хоть иногда и посредствомъ софизмовъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Поднятіе религиозныхъ вопросовъ.—Связь ихъ съ политической жизнью народовъ. — Прусскія палаты.—Ворьба партій. — Значеніе католической партіи въ Пруссіи и въ Германіи вообще.—Очеркъ верхней прусской палаты.—Сравненіе конституціонныхъ учрежденій Англіи и Пруссіи. — Личность Бисмарка.—Образъ его дѣйствій. — Парламентская сессія въ Англіи.—Предметы ея занятій. — Избирательная реформа. — Положеніе сельскихъ рабочихъ. — Бродячія эртели. — Положеніе городского населенія. — Цѣль митинговъ.—Католическая церковь въ Ирландіи.—Отношенія Индіи къ Англіи.—Высочайшій рескриптъ.—Статья газеты «Le Nord» по поводу выборовъ московскаго дворянства.—Замѣтка о ходѣ дѣла по открытію земскихъ учрежденій. — Затихше по вопросу о судебной реформѣ. — Положеніе крестьянскаго дѣла.

Съ самаго начала новаго года европейской политикѣ и газетамъ пришлось заниматься религиознымъ вопросомъ—по поводу такъ-называемой папской энциклики или вселенскаго посланія папы. Поднятіе религиозныхъ вопросовъ и особенно сопоставленіе ихъ съ политической жизнью народовъ, идущей иногда своимъ особымъ путемъ, представляетъ всегда большую или меньшую опасность для развитія дѣлъ, соприкасающихся съ подобными вопросами. Правда, что, благодаря просвѣщенію, Европа, повидимому, далека отъ тѣхъ событій, которыми ознаменовывались, къ прискорбію человечества, разгаръ страстей и волненія умовъ, подъ вліяніемъ религиознаго фанатизма въ былое время. Тѣмъ не менѣе возбужденіе религиозныхъ вопросовъ въ настоящую пору невыгодно для развитія умственной и гражданской жизни Европы въ томъ отношеніи, что политическія партіи извѣстныхъ отгѣнковъ, прикрываясь религиозностью, все-таки могутъ дѣйствовать на массы и проводить въ нихъ свои политическія доктрины.

Мы не будемъ говорить о содержаніи папскаго посланія, извѣстнаго изъ газетъ. Скажемъ только, что отъ него вѣетъ средне-вѣковыми понятіями, что оно идетъ въ разрѣзъ съ настоящими потребностями цивилизаціи и что, поэтому, не можетъ имѣть особаго практическаго значенія. Въ добавокъ, оно исходитъ отъ имени папы, власть котораго нетолько свѣтская, но и духовная, потеряла уже свое прежнее обаяніе даже въ исходной своей точкѣ, въ Римѣ. Посланіе папы важно только въ томъ отношеніи, что оно даетъ благодидный и, повидимому, законный предлогъ клерикальной партіи сосредоточиться около посланія, какъ около своего знамени, и вступить въ явную борьбу за тѣ по-

нiтiя и возрѣнiя, которыя силится защитить эта партiя. Будетъ ли продолжительна и напряженна завязывающаяся нынѣ борьба—это рѣшить трудно, но можно заранѣе предвидѣть вѣроятный ея исходъ и поражение той партiя, которая затѣваетъ эту борьбу.

Ближайшимъ и непосредственнымъ послѣдствiемъ этой борьбы будетъ обращенiе умовъ къ строю современной католической церкви, и при этомъ, конечно, кромѣ однихъ отрицанiй, явится еще разработка многихъ религiозныхъ вопросовъ, остававшихся доселѣ подъ спудомъ. Нетолько противники католицизма, но и люди, оставшіеся до сей поры равнодушными къ религiознымъ вопросамъ, возьмутся за разработку ихъ подѣ напоромъ общественнаго требованiя. Отъ настоящаго состоянiя церкви будетъ сдѣланъ переходъ къ первобытнымъ ея временамъ, отличающимся простотою, отсутствiемъ iерархическаго преобладанiя и общимъ равенствомъ всѣхъ ея членовъ. Были времена христіанской церкви, подѣ перомъ талантливыхъ писателей, кромѣ истинной картины, будутъ представлять еще ту привлекательную простоту церковнаго строя, которая сильнѣе всякихъ богословскихъ доводовъ можетъ дѣйствовать на умы и на религiозныя сердца и, безъ всякаго сомнѣнiя, при такомъ веденiи религiознаго вопроса, величаваая обстановка католической церкви должна будетъ уступить той высокой простотѣ, которую отличалась христіанская церковь въ первые вѣка своего существованiя.

Само собою разумѣется, что такое поставленiе религiознаго вопроса было неумѣстно въ то время, когда еще нетолько массу народа, но и вождей его умственныхъ и нравственныхъ силъ ослѣпляло преимущественно наружное величiе и блескъ iерархической власти, когда чрезмѣрные притязанiя этой власти принимались за истинныя преданiя первобытной церкви. Безъ всякаго сомнѣнiя, въ возникающей нынѣ борьбѣ, противники католицизма употребятъ болѣе дѣйствительныя орудiя для его ниспроверженiя, нежели богословскiя состязанiя и, кто знаетъ, быть можетъ, посланiю Пiя IX суждено неожиданно сдѣлаться первымъ призывомъ къ новой религiозной реформациі среди католическаго міра.

Еслибы поученiя папскаго посланiя могли быть приняты теперь точкою отправленiя для нравственнаго и умственнаго развитiя европейскихъ народовъ, то имъ пришлось бы отодвинуться за вѣсколько вѣковъ назадъ и потерять нетолько то, что выработала для пользы человѣчества наука сама по себѣ, но и тѣ результаты, которыхъ достигъ человѣческiй разумъ подѣ непосредственнымъ влиянiемъ евангельскаго ученiя. Проста и понятна та истина—что вызывая кого-нибудь на бой, необходимо запастись достаточными и матеріальными и духовными силами, иначе поражение вызывающихъ неизбежно. Но что же можетъ представить для своей годдерженн панство?—Скудную ленту св. Петра и армию въ родѣ той, которой предводительствовалъ Ламорьсьеръ,

проклатія, интердикты и рядъ отвлеченныхъ поученій, неприменимыхъ къ практической жизни.

Притомъ надобно сказать, что римская церковь, вопреки и современнымъ стремленіямъ и истинному ученію апостольской церкви, представляетъ родъ церковной аристократіи. Такой аристократіи трудно или, вѣрнѣе сказать, невозможно примириться съ тѣми понятіями, которыя нынѣ упрочиваются повсемѣстно.

Для насъ, русскихъ, папская энциклика имѣетъ значеніе только по отношенію Россіи къ Царству Польскому, и по отношенію къ нѣкоторой, католической части населенія западныхъ областей имперіи. Имѣя это въ виду, мы сочли бы нужнымъ распространиться о томъ приѣмѣ, который должно встрѣтить у насъ папское посланіе, еслибы въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ нашего журнала мы не говорили объ этомъ предметѣ и не показали, что гражданская власть въ Царствѣ Польскомъ и въ Россіи поставлена, въ силу договоровъ съ папскимъ дворомъ, въ такое положеніе, что всѣ папскія поученія могутъ пройти безслѣдно въ предѣлахъ, подвластныхъ Россіи.

Въ то время, когда на Западѣ въ католической Европѣ возникаетъ борьба церкви съ государствомъ, въ протестантской Пруссіи снова начинается раздоръ между правительствомъ и представителями народныхъ правъ и интересовъ. 2-го января послѣдовало открытіе палаты въ Берлинѣ. Король въ тронной рѣчи повторилъ въ сущности то, что Пруссія слушаетъ постоянно отъ его правительства съ 1862 года. Палата депутатовъ отвѣчала на рѣчь короля и на его указанія касательно организаціи прусской арміи тѣмъ, что въ главѣ своей поставила снова самыхъ упорныхъ представителей оппозиціи. Кто возьметъ верхъ въ возродившейся борьбѣ — рѣшить трудно. Г. Бисмаркъ положительно обвиняетъ палату депутатовъ въ незаконномъ противодѣйствіи королевской власти; объявляетъ ей, что король по вопросу о военной организаціи, не сдѣлаетъ никакой уступки изъ своихъ требованій, и совѣтуетъ палатѣ избрать какой-нибудь другой пробный камень для ея представительныхъ правъ. Въ свою очередь палата не склоняется къ уступкамъ и, вѣроятно, развязкой этой борьбы будетъ — распушеніе палаты.

Борьба партій въ прусскихъ палатахъ обрисовалась тотчасъ послѣ открытія нынѣшней сессіи, и рѣчь, произнесенная президентомъ нижней палаты, г. Грабовымъ, была иронична тѣмъ же духомъ, какимъ отличалась слова его въ прошлогодней распрѣ палаты съ правительствомъ. Избраніе г. Грабова и вступительная его рѣчь, успокоили опасенія прусскихъ либераловъ, которые въ уклоненіи его отъ званія президента видѣли признакъ разлада среди представляемой имъ партіи. Такимъ образомъ, горько ошиблись тѣ, которые предполагали, что большинство народныхъ представителей, такъ усердно хватающихся за идею германскаго единства, прельщенные побѣдами пруссаковъ, совер-

женными въ нѣмецкихъ герцогствахъ во имя этого единства, перемѣнить образъ дѣйствій и ставить на сторонѣ министерства.

Лишь только заговорили въ палатѣ объ организаціи предстоящихъ ей занятій и о повѣркѣ выборовъ, какъ тамъ уже началось замѣтное волненіе партій, а пренія объ адресѣ приняли видъ сильной парламентской бури. Консервативная партія, поддерживающая министерство, составила планъ адреса королю, но партія либераловъ отвергла этотъ проектъ. Набралось только 37 подписей подъ проектируемымъ адресомъ. Въ то же время въ палатѣ составила особая католическая партія, которая изъявила намереніе просить въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ о возвращеніи Пруссіи конституціонной свободы.

Католическая партія въ прусскихъ палатахъ, въ Пруссіи и во всей Германіи, вообще представляетъ такую политическую корпорацію, надъ значеніемъ которой, какъ внутренней политической силы, нельзя не остановиться при настоящемъ случаѣ. Положеніе этой партіи, или вѣрнѣе сказать партіи ультрамонтановъ, бываетъ обыкновенно въ высшей степени враждебно къ конституціоннымъ правамъ народа какъ въ Пруссіи, такъ и въ другихъ государствахъ Германіи. Къ этой партіи принадлежатъ, обыкновенно, всѣ нѣмецкіе феодалы, и только повременамъ, и то въ силу особыхъ расчетовъ и соображеній, она обнаруживаетъ расположеніе къ интересамъ народа; но расположеніе это, какъ рассчитанное и своекорыстное, бываетъ крайне ненадежно. Поэтому каждое слово, произнесенное въ палатѣ этой партіей, принимается большинствомъ не только несочувственно, но даже и съ выраженіемъ недовѣрія насчетъ искренности въ пользу тѣхъ принциповъ, которые она иногда желаетъ защитить. Подъ вліяніемъ этого чувства, проектъ адреса католической партіи былъ отвергнутъ очень легко безъ особыхъ преній.

Такимъ образомъ, адресъ отъ второй палаты въ отвѣтъ на тронную рѣчь короля не состоялся.

Что же касается верхней палаты, то тамъ въ этомъ отношеніи господствовало полное единодушіе. Адресъ былъ составленъ безъ всякихъ противорѣчій. Въ этомъ адресѣ члены палаты благодарили короля за попеченія его о благѣ Пруссіи, и превозносили успѣхи прусскаго оружія въ Даніи. Чтобы уяснить положеніе и ходъ дѣлъ въ прусскомъ парламентѣ, необходимо ознакомиться съ личнымъ составомъ этого учрежденія, замѣтно отличающагося отъ состава; не только великобританскаго парламента, но и австрійскаго рейхсрата.

Нынѣ дѣйствующая въ Пруссіи конституція введена въ 1850 г. Въ силу этой конституціи, верхней палатѣ принадлежитъ весьма важное значеніе. Она служитъ какъ-бы посредницей между королевскою властію и стремленіями нижней палаты, имѣя право подавать свой голосъ по дѣламъ, подлежащимъ какъ вѣдѣнію короля, такъ и вѣдѣнію нижней палаты. Но личный составъ верхней прусской палаты не даетъ ей членамъ полной самостоятель-

ности, такъ-какъ бѣльшая часть изъ нихъ назначается пожизненно королевскою властію. Правда, что въ верхней прусской палатѣ засѣдаютъ представители знатнѣйшихъ родовъ въ Пруссіи, но такимъ наследственнымъ правомъ пользуются весьма немногіе личностей, какъ-то: принцы крови и медиатизированные, нѣкогда владѣтельные графы и князья бывшей Римско-нѣмецкой имперіи, и за тѣмъ слѣдуетъ 90 членовъ, назначаемыхъ королемъ пожизненно изъ числа лицъ, выбранныхъ и представленныхъ ему собраніями графовъ и другихъ знатныхъ и богатыхъ землевладѣльцевъ, земли которыхъ въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, ста лѣтъ постоянно находились во владѣніи ихъ рода, или же хотя и переходили изъ одного рода въ другой, но невначе, какъ на основаніи какого нибудь особаго королевскаго постановленія, или въ силу фамиліагнаго договора, благопріятныхъ для сохраненія нераздѣльности помѣстій.

Большое смѣшеніе замѣчается и въ отношеніи къ лицамъ, назначаемымъ въ палату королевскою властію, а также и къ тѣмъ ея членамъ, которые служатъ представителями прусскихъ университетовъ и 29 знатнѣйшихъ городовъ королевства. Наконецъ, третью категорію членовъ верхней палаты составляютъ преимущественно юристы, а также и другія лица, назначаемыя въ верхнюю палату пожизненно, по особому къ нимъ довѣрію короны. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что собственно народъ не придаетъ верхней палатѣ такого значенія, какое придаетъ ей конституція. Это, между прочимъ, видно изъ того, что многіе городовые магистраты пренебрегаютъ дарованнымъ имъ правомъ представлять изъ своей среды кандидатовъ въ верхнюю палату на утвержденіе короля, и обходятся по нѣсколько лѣтъ безъ своего представителя. Это видно и изъ того, что въ маѣ 1855 года понадобился законъ, которымъ отмѣнено прежде постановленіе о томъ, что для законности рѣшенія верхней палаты необходимо присутствіе большинства ея членовъ, и опредѣлено, что для этого достаточно присутствіе всего 60 человекъ.

Сторонники парламентскихъ учрежденій, развившихся въ Англіи, замѣчаютъ въ составѣ верхней прусской палаты много недостатковъ, и приписываютъ личному ея составу то слабое значеніе, которое она имѣетъ въ практикѣ.

Упомянутые сторонники замѣчаютъ, что верхняя прусская палата неспособна къ той роли, которую предназначили ей конституціонные уставы, вслѣдствіе того, что она не вмѣщаетъ въ себѣ людей, пользующихся дѣйствительнымъ вліяніемъ и авторитетомъ, и что для достиженія этого необходимо, чтобы въ верхней палатѣ засѣдали исключительно знатные и богатые люди, которые живо сочувствовали бы интересамъ націи и ея нуждамъ, и сами раздѣляли бы ея симпатіи и антипатіи.

Въ подтвержденіе этого ссылаются, какъ на образецъ, достойный подражанія, на значеніе англійскихъ лордовъ, засѣдающихъ въ верхней палатѣ, которая будто бы только въ силу своего

личнаго состава, служить краеугольнымъ камнемъ всего государственнаго здания этой страны, не столько по значенію своихъ прерогативъ, сколько по общественному положенію и вліянію на народъ своихъ членовъ, и по ихъ живымъ связямъ съ націею. Англійская газета «Saturday Review», сравнивая англійскую палату лордовъ съ прусскою палатою господъ, замѣчаетъ, что англійскіе лорды, стоящіе и по своему богатству, и по своему общественному положенію, гораздо выше членовъ прусской палаты господъ, несравненно болѣе ихъ дорожатъ согласіемъ съ нижней палатою. «Еслибы — продолжаетъ упомянутая газета — верховная палата въ Англии вовлеклась какимъ-нибудь несчастнымъ образомъ въ борьбу съ палатою общинъ, то вожди палаты лордовъ употребили бы всѣ свои усилія для того, чтобы возстановить между ними взаимное согласіе.»

Съ предположеніемъ этимъ, конечно, можно согласиться, но такой образъ дѣйствій со стороны палаты лордовъ не происходилъ бы вовсе изъ отношеній ихъ къ націи, и въ особенности не проискалъ бы изъ того, что они богаты и знатны, но возникалъ бы совершенно изъ другихъ причинъ. Еслибы палата лордовъ состояла изъ лицъ однокачественныхъ съ тѣми, которыя засѣдаютъ въ верхней прусской палатѣ, то и тогда, безъ всякаго сомнѣнія, палата лордовъ поступала бы въ такомъ духѣ, какой ей приписываетъ «Saturday Review»; такъ-какъ она была бы возбуждена къ этому не только отношеніемъ англійской короны къ народному представительству, но и другими конституціонными порядками, установившимися въ Англии, независимо отъ личныхъ качествъ англійскихъ лордовъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, да при томъ и въ словахъ англійской газеты, на которую мы ссылаемся, проглядываетъ, что перевѣсъ народнаго представительства, а слѣдовательно, и фактической силы находится на сторонѣ палаты общинъ, такъ что для палаты лордовъ гораздо выгоднѣе съ одной стороны, не расходиться съ палатою общинъ, посредствомъ которой она находитъ для себя поддержку въ націи, а съ другой стороны — поддерживать королевскую власть, отъ которой она заимствуетъ свой наружный блескъ и свое высшее обаяніе. Очень повлито, что при необходимости опираться въ одно и то же время на двѣ враждующія, и почти равныя между собою силы, всего благоразумнѣе стараться примирить ихъ для того, чтобъ въ прочности ихъ найти собственную свою поддержку.

Совсѣмъ другія условія представляетъ положеніе верхней прусской палаты въ отношеніи къ верховной власти. Непродолжительное еще существованіе конституціонныхъ порядковъ въ Пруссіи, и болѣе твердая и обширная власть короля прусскаго, нежели королевы англійской, побуждаютъ верхнюю палату поддерживать прежде всего права короны, такъ-какъ въ сущности, на этихъ правахъ покоится значеніе самой палаты. Въ происходящей вѣнѣ въ Пруссіи конституціонной распрѣ между правительствомъ и

народными представителями, очевидный перевѣсъ остается за первымъ. Слѣдовательно, если не прямое благоразуміе, то эгонстическій расчетъ требуетъ, чтобы верхняя палата держалась въ этой распрѣ стороны правительства, тѣмъ болѣе, что члены этой палаты имѣютъ болѣе общихъ интересовъ съ ними, нежели съ націей. Въ виду этого, никакъ нельзя ручаться, чтобы тѣ же самые англійскіе лорды, пересаженные изъ Англіи въ Пруссію, не дѣйствовали бы тамъ точно такъ же, какъ дѣйствуютъ теперь члены верхней палаты и, кто можетъ поручиться, что англійскій аристократизмъ, видя въ выгодахъ народа упадокъ своего собственнаго значенія, не дѣйствовалъ бы еще упрямѣе, нежели дѣйствуетъ прусскій юнкертузмъ. Образъ дѣйствій нельзя подчинить однимъ личнымъ только стремленіямъ людей, но нужно при этомъ взвѣшивать и тѣ обстоятельства, среди которыхъ придется имъ дѣйствовать.

Нельзя также въ настоящей борьбѣ прусской палаты депутатовъ съ министерствомъ, упускать изъ виду и ту обстановку, при которой она происходитъ, а именно — національныя стремленія нѣмцевъ. Удовлетворяя этимъ стремленіямъ, прусское правительство значительно задержало, а быть можетъ, и въ будущее время счумѣетъ сдерживать общее неудовольствіе, и тѣмъ самымъ уменшить силу той партіи, на которую можетъ опираться палата депутатовъ. Въ Англіи нѣтъ ничего подобнаго этому. Палата лордовъ не можетъ рассчитывать на такой образъ дѣйствій со стороны великобританскаго правительства, и потому прусской верхней палатѣ представляется гораздо болѣе вѣроятности на успѣхъ со стороны правительства, нежели депутатовъ. Она смѣлѣе и окончателнѣе можетъ высказаться въ его пользу. Безъ сомнѣнія, что еслибы въ конституціонномъ быту Пруссіи возникли тѣ обстоятельства, которыя существуютъ теперь въ Англіи, то прямымъ расчетомъ верхней палаты — изъ какихъ бы лицъ палата эта ни состояла — было бы сдѣлаться посредницей между правительствомъ и націей, и почерпнуть въ этомъ посредничествѣ новое для себя значеніе. Никакъ нельзя ручаться, что еслибы и прусская верхняя палата видѣла не перевѣсъ правительства, а перевѣсъ народнаго представительства, или по крайней мѣрѣ, колебаніе враждующихъ между собою силъ, то она и въ настоящемъ своемъ составѣ предпочла бы угождать и той и другой сторонѣ, и заботиться о взаимномъ ихъ сближеніи. Въ настоящее же время, ей, конечно, удобнѣе держаться безусловно той стороны, за которой, по всей вѣроятности, останется окончательная побѣда, то-есть держаться стороны правительства.

Главою прусскаго министерства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и главною силою, противодѣйствующею второй палатѣ, явился опять графъ Бисмаркъ. Онъ представляетъ одну изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ личностей въ средѣ современныхъ политическихъ дѣятелей. Онъ — главный боецъ за права короны, и умѣетъ не только поддерживать эти права противъ стремленій народныхъ представителей,

но и управлять конституционнымъ государствомъ безъ ихъ содѣйствія. Всякій другой министръ легко могъ бы погибнуть въ подобной борьбѣ, но Бисмаркъ сумѣлъ выдержать самый сильный ея разгаръ, не заплатившись даже потерей своего министерскаго поста.

Палата отвергала вносимые имъ проекты законовъ, она отказывала на дѣлаемые имъ предложенія о субсидіяхъ правительству, она рѣзко отказывалась на счетъ образа дѣйствій со стороны министра, она не утверждала бюджета, и все это однако прошло, не произведя сколько волненій, но даже и министерскаго кризиса. Правда, что и съ своей стороны г. Бисмаркъ шелъ слѣшкомъ смѣлыми шагами. Онъ замѣнялъ законы временными распоряженіями королевской власти и даже министерскими предписаніями; права, которыхъ не предоставляла палата, онъ бралъ почти-что силою; тѣ средства, въ которыхъ ему отказывали, онъ замѣнялъ другими подставными средствами. По его внушенію, была объявлена война Даниі, и по его указаніямъ былъ заключенъ миръ, окончившій эту войну. Главная причина его успѣховъ заключается въ той неуступчивости и въ той стойкости, съ какою онъ ведетъ дѣло, захваченное однажды въ его руки. Онъ продолжаетъ систему своей политики и внутри и извнѣ, не заботясь о томъ, что говорятъ и пишутъ о немъ. Между прочимъ, по увѣренію многихъ газетъ, онъ въ ту минуту, когда вновь собралась неподатливая палата, заговорилъ передъ нею съ прежнею энергіею о верховныхъ правахъ короны и о повиновеніи, которыми обязанъ ей парламентъ.

Дѣйствуя, однако, смѣло и рѣшительно въ отношеніи палаты, вернующійся министръ короля Вильгельма старается въ то же время ладить съ страню. Онъ сильно льститъ интересамъ и національному самолюбію пруссаковъ и предоставляетъ Пруссіи, взявъ конституціонныхъ правъ, политическое значеніе въ Германіи, обаяніе военной славы, хотя и дешево купленной, а также и надежду на значительное расширеніе прусской территоріи. Всѣмъ этимъ болѣе или менѣе довольствуется страна, не осваившаяся еще окончательно съ духомъ конституціонныхъ учрежденій. Такимъ образомъ положеніе настоящаго прусскаго министра вовсе не такъ шатко на самомъ дѣлѣ, какъ это кажется, если только посмотрѣвъ на отношенія его къ палатѣ, обратитъ вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе и на тѣ обстоятельства, которыя служатъ для ней поддержкой въ массѣ пруссаковъ. Немало между ними такихъ, которые, забывая и о правѣ выборовъ и о государственномъ бюджетѣ, восхищаются, смотря на дѣйствія г. Бисмарка, мыслью, что въ скоромъ времени Рейдсбургъ сдѣлается прусскою крѣпостью, Киль — прусскимъ арсеналомъ, и шлезвиг-гоштинская армія станетъ подъ прусскія знамена.

Обращаясь къ настоящему подоженію распри между палатою и правительствомъ, можно сказать, что главнымъ образомъ распри эта идетъ по двумъ вопросамъ: во-первыхъ, за права палаты

имѣть надзоръ за финансовымъ управленіемъ страны и дѣтельно участвовать въ распредѣленіи государственныхъ доходовъ и расходовъ, и въ вторыхъ, за организацію арміи. По обоимъ этимъ вопросамъ правительство съ своей стороны выдвигаетъ такіе факты, которые, повидимому, оправдываютъ его прежній образъ дѣятельности и представляютъ ручательство въ будущемъ. Многие искренно убѣждены въ Пруссіи, что преобразование прусской арміи принесло несомнѣнную пользу въ послѣдней войнѣ, забывая неравенство силъ воевавшихъ сторонъ, а также и то, что неуспѣхъ для Пруссіи въ этой борьбѣ былъ положительною невозможностію. Кроме того, для людей, хотя и понимающихъ, какъ должно, походъ пруссаковъ въ Данію, кажется, что преобразование прусской арміи должно принести Пруссіи еще большія выгоды при настоящихъ ея честолюбивыхъ замыслахъ -- стать въ главѣ Германіи. Къ этому нужно прибавить, что этимъ честолюбивымъ замысламъ, конечно, въ виду будущаго національнаго единства Германіи, сочувствуетъ большинство нижней палаты какъ подъ влияніемъ спеціальнаго прусскаго, такъ и подъ влияніемъ общаго нѣмецкаго патріотизма.

Министерство Бисмарка умѣло очень ловко воспользоваться этимъ настроеніемъ. Оно успѣло поставить Пруссію въ очень выгодное отношеніе къ великимъ европейскимъ державамъ, показавъ ей, что эти державы не считаютъ удобнымъ вмѣшиваться въ внѣшнюю политику берлинскаго кабинета. Министерство Бисмарка благополучно и, пожалуй, слишкомъ торжественно окончило датскую войну, согласно даже съ желаніемъ самой палаты депутатовъ, и теперь всѣми силами старается извлечь для Пруссіи изъ этой легкой для нея войны всѣ тѣ выгоды, которыхъ желаетъ общественное мнѣніе страны.

Конечно, при всемъ этомъ была весьма важна финансовая сторона дѣла. Но ведя войну, министерство не отяготило Пруссію ни военною повинностію, ни новыми налогами; оно не прибѣгло ни къ займамъ, ни къ чрезвычайнымъ финансовымъ операціямъ; оно даже ничего не истратило на войну изъ того займа, который былъ заключенъ правительствомъ на постройку желѣзныхъ дорогъ. Короче, въ финансовомъ отношеніи г. Бисмаркъ такъ искусно обставилъ все дѣло, что устранилъ всѣ поводы къ нареканію на правительство за самовольныя издержки по военной части. Само собою разумѣется, что такую финансовую исправность нельзя отнести безусловно къ личнымъ дѣствіямъ министерства. Оно очень хорошо поняло, что еслибы траты на войну съ Даніей обезсилили финансы Пруссіи и еслибы оно попыталось покрыть военныя издержки болѣе или менѣе отяготительными финансовыми мѣрами, то дѣло могло принять иной оборотъ, и лавры Дюпеля и Альзена цѣнились бы въ Пруссіи весьма дорого. По поводу всего этого, депутатъ Твистенъ весьма справедливо замѣтилъ въ одномъ изъ палатскихъ засѣданій, что если датская война обошлась безъ займовъ, то это случилось не потому, что

министерство не желало заключить засѣвъ для войны, но потому, что палата не дала на это своего согласія.

Исходъ датской войны доставилъ берлинскому кабинету рѣшительный перевѣсъ передъ Австріей среди государствъ Германскаго Союза. Въ Пруссіи очень хорошо знаютъ, что вся нивидѣя этого дѣла принадлежитъ г. Бисмарку, который стремится господствовать надъ событіями, требуетъ отъ незначительныхъ нѣмецкихъ государствъ или добровольнаго содѣяствія Пруссіи, или безусловнаго слѣдованія прусской политикѣ. Въ этомъ случаѣ г. Бисмаркъ дѣйствовалъ такъ искусно и такъ энергически, что удержать за Пруссіей Австрію и подчинить расчеты вѣнскаго кабинета, вопреки его желанію, требованіямъ своей политики. Нынѣ г. Бисмаркъ заявляетъ, что обязанность его политики заключается въ томъ, чтобы упредить приобрѣтеніе Шлезвиг-Гольштейна учрежденіями, облегчающими лежаній на Пруссіи долгъ чести—покровительствовать этой странѣ. Истинный смыслъ этихъ словъ состоитъ въ стремленіи Пруссіи упредить свою верховную власть, въ видѣ покровительства, надъ тѣмъ лицомъ, которое получить державныя права въ герцогствахъ.

Такимъ образомъ, прочное въ сущности положеніе г. Бисмарка и упорство палаты противъ заявленій, сдѣланныхъ королемъ и его первымъ министромъ, еще болѣе продлятъ парламентскую распрю, такъ-какъ силы обѣихъ сторонъ нетолько не вполнѣ исчерпаны, но даже не измѣрены окончательно.

Въ то время, когда въ Пруссіи происходятъ засѣданія палаты, въ Англій началась тоже парламентская сессія. Парламентъ былъ открытъ 7-го февраля (26-го января) тройной рѣчью королевы. Мы нетолько не приводимъ полнаго текста этой рѣчи, но даже не говоримъ вообще объ ея содержаніи, такъ-какъ она уже извѣстна изъ газетъ и притомъ, бывъ составлена по всегдашнему образцу подобныхъ рѣчей, не представляетъ ничего новаго и особеннаго, что опредѣлило бы ходъ вѣдшей политики сент-джемскаго кабинета и указывало бы въ опредѣленныхъ чертахъ на внутреннее положеніе дѣлъ въ Великобританіи. Для насъ гораздо интереснѣе будетъ обратиться къ отголоскамъ англійской журналистики на счетъ предстоящихъ занятій парламента, и въ особенности на счетъ избирательной реформы, которая должна произвести значительную перемѣну въ правахъ народнаго представительства въ Англій.

Къ числу главнѣйшихъ предметовъ, на которые придется обратиться особенное вниманіе палаты въ настоящую сессію, надобно отнести слѣдующіе. Принятіе мѣръ къ соединенію въ одно общее зданіе всѣхъ высшихъ судебныхъ учреждений, существующихъ въ Лондонѣ; устройство, или лучше сказать, нѣкоторыя измѣненія въ отправленіи правосудія въ земледѣльческихъ округахъ Англій, неподходящихъ подъ общія условія съ тѣми округами, въ которыхъ развилась преимущественно промышленная и мануфактурная дѣятельность. Едва-ли не важнѣе этого

будетъ наръшеніе особой слѣдственной комиссіи по вопросу о школьномъ обученіи средняго, весьма многочисленнаго, класса сельскихъ и въ особенности городскихъ обывателей. Въ парламентскихъ засѣданіяхъ будетъ также разсмотрѣнъ докладъ слѣдственной комиссіи касательно подписокъ, открытыхъ англійскими духовенствомъ на содержаніе церквей.

Кромѣ того, по всей вѣроятности, въ парламентъ будетъ возбужденъ весьма важный для Англій, а отчасти и для всей Европы, вопросъ о нынѣшней системѣ устройства и управленія желѣзныхъ дорогъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ будетъ предложенъ скорѣе въ видѣ статистическаго и экономическаго изслѣдованія, а не въ видѣ какаго-либо законодательныхъ предположеній. Къ этому перечню парламентскихъ занятій нужно еще прибавить проектъ объ улучшеніи быта рабочихъ классовъ въ графствѣ Ланкастерскомъ.

Въ виду всёхъ этихъ вопросовъ надобно сказать, что предстояща засѣданія англійскаго парламента будутъ имѣть характеръ экономическій и юридическій, такъ-какъ министерство намерено вносить нынѣшній разъ въ палаты ни одного проекта, который могъ бы возбудить политическія пренія.

Впрочемъ, если министерство и будетъ въ этомъ отношеніи дѣйствовать сдержанно, то едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что оппозиція, навагунѣ общихъ выборовъ, будетъ искать случая къ преніямъ болѣе оживленнымъ. Поводомъ къ нимъ могутъ служить разныя предмѣты, отъ обсужденія которыхъ уклоняется министерство, такъ, напримѣръ, война въ Новой-Зеландіи и законъ о банкротствахъ. Законъ этотъ, при огромномъ развитіи торговой дѣятельности въ Англій, долженъ потребовать обширной и тщательной обработки, такъ что по всей вѣроятности, въ настоящее время можетъ послѣдовать только предварительный приступъ къ этимъ работамъ.

Кромѣ того ожидаютъ преній по вопросу о сѣверо-американскихъ дѣлахъ, а также о весьма важномъ и щекотливомъ вопросѣ—объ учрежденіи верховнаго апелляціоннаго суда для англійской церкви. Но, конечно, всѣ эти пренія будутъ блѣдны сравнительно съ тѣми преніями, которыя непременно возбудятся въ палатѣ общинъ и которыя главнымъ образомъ будутъ имѣть въ виду предстоящую избирательную борьбу.

Избирательная реформа представляетъ, въ настоящее время, едва-ли не самый жизненный вопросъ въ конституціонной системѣ Англій, и вмѣстѣ съ тѣмъ она обнаруживаетъ во многихъ случаяхъ несостоятельность порядка, существующаго въ Англій по этой части. Кромѣ практическаго примѣненія возбужденнаго вопроса, онъ имѣетъ еще и нравственное значеніе, показывая сторонникамъ англійскихъ парламентскихъ учреждений, что учрежденія эти далеко не удовлетворяютъ потребностямъ и стремленіямъ той страны, въ которой развились они изъ самаго корня. Можно также безошибочно сказать, что способъ разрѣшенія из-

бирательнаго закона въ Англіи отзывается восхвальною образом болѣе или менѣе чувствительно къ конституціоннымъ учрежденіямъ всей Европы, подражающей въ этомъ отношеніи Англіи.

Замѣчаніе это справедливо въ томъ отношеніи, что конституціонныя учрежденія Англіи считаются во всей Европѣ образцами, достойными подражанія. Англійская конституція, преимущественно предъ прочими европейскими конституціями, благоприятствуетъ развитію вліанія на общественныя дѣла со стороны богатыхъ собственниковъ. Притомъ стойкость англійскихъ учреждений придаетъ всѣмъ происходящимъ въ нихъ измѣненіямъ видъ необходимости, основанной на долготѣвѣннѣмъ опытѣ. Измѣненіе какова либо установленнаго порядка въ Англіи признается общественнымъ измѣненіемъ неизбежною уступкою духу времени и ходу событій. Къ этому надобно добавить, что талантливые англійскіе писатели и вліятельная на Европу англійская публицистика, обыкновенно восхваляющіе свои исконныя порядки, успѣли представить государственныя строенія Англіи чѣмъ-то весьма привлекательными.

Въ настоящее время, какъ кажется, начинается пора разочарованія. Положеніе низшихъ классовъ въ Англіи въ дѣйствительности далеко отъ того, чѣмъ оно-представляется издали. Движеніе къ конституціонной реформѣ начинается именно въ этихъ классахъ, состоящихъ преимущественно изъ земледѣльцевъ и фабричныхъ рабочихъ. Еще весьма недавно, какихъ нибудь лѣтъ двадцать тому назадъ, работники-земледѣльцы пользовались многими удобствами жизни, обеспеченными для нихъ со стороны землевладѣльцевъ. Большая часть земледѣльцевъ-поденщиковъ жила весьма хорошо въ коттеджахъ, устроенныхъ для нихъ близъ фермъ. Теперь въ Англіи заводятся другіе порядки. Владѣльцы земель не заботятся о томъ, какъ будутъ жить рабочіе, не строятъ для нихъ помѣщеній, но отдаютъ полевныя работы оному подрядчикамъ. Съ своей стороны подрядчикъ, дѣлающійся въ этомъ случаѣ посредствующимъ лицомъ, думаетъ прежде всего о своихъ собственныхъ барышахъ. Съ этою цѣлью онъ отыскиваетъ въ составляемую имъ, на скудномъ содержаніи, артель самыхъ плохихъ но дешевыхъ рабочихъ, очень часто даже изъ бродягъ, нечревыкшихъ вовсе къ земледѣльческому труду и даже неимѣющихъ о немъ никакого понятія. Составляющіяся такимъ образомъ артели перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного графства въ другое, терпятъ голодъ и лишенія всякаго рода, и живутъ въ сараяхъ и баракахъ, и мужчины и женщины вмѣстѣ. Такой переворотъ въ системѣ столь восхваляемаго англійскаго сельскаго хозяйства разстроиваетъ благоденствіе земледѣльческаго класса. Фермеры и богатые землевладѣльцы, желая пользоваться дешевымъ трудомъ, начинаютъ предпочитать наемныхъ рабочихъ постояннымъ работникамъ. Вслѣдствіе этого, осѣдлые земледѣльцы лишаются заработковъ, и видя опасный для себя перевѣсъ въ умножающихся все болѣе и болѣе артеляхъ кочующихъ земледѣльцевъ, оставляютъ свои прежнія селитбы и вступаютъ въ эти подвижныя артели.

Легко можно предвидѣть, что въ скоромъ времени всѣ земледѣльцы попадутъ въ руки подрядчиковъ, и что такимъ образомъ уничтожится фермерство, такъ много содѣйствовавшее экономическому развитію Англій. Земледѣльцы обратятся въ какое-то кочевое населеніе, а при такомъ порядкѣ пролетаріатъ въ сельскомъ населеніи будетъ неизбѣженъ.

Что касается положенія фабричнаго класса въ Англій, то оно уже давно извѣстно. Рабочіе на фабрикахъ стали теперь понимать, что всѣ тѣ неудобства и притѣсненія, которыя имъ приходится испытывать, происходятъ отъ корыстолюбивыхъ расчетовъ богатыхъ собственниковъ, которые имѣютъ въ палатахъ слишкомъ сильный голосъ, заглушающій требованія рабочаго класса. Подъ вліяніемъ этой мысли, фабричное населеніе Англій стремится къ расширенію своихъ политическихъ правъ, и обстоятельство это служитъ главнымъ двигателемъ избирательной реформы.

Наконецъ, городское населеніе, находящееся въ нѣкоторой зависимости отъ владѣльцевъ городовъ и мѣстечекъ, стало также сознавать невыгоду преобладанія голосовъ этихъ лицъ въ парламентскихъ постановленіяхъ, и въ концѣ прошлаго года англійскія газеты, благопріятствующія избирательной реформѣ, указывали на все зло существующаго нынѣ порядка по избирательному праву. Газеты эти приводили, между прочимъ, въ примѣръ объявленіе о продажѣ одного значительнаго мѣстечка Бриджвортъ. При исчисленіи предметовъ стоимости этого мѣстечка входило, между прочимъ, въ расчетъ и число избирательныхъ голосовъ, которыми можетъ располагать въ свою пользу тотъ, кто приобрететъ продаваемое мѣстечко. Случай этотъ достаточно обнаруживаетъ преобладающее въ Англій вліяніе богатыхъ собственниковъ на парламентскія дѣла, и горожане съ своей стороны силатся ослабить или даже уничтожить вовсе это вліяніе, столь неблагопріятно отзывающееся на положеніи низшихъ слоевъ городского населенія.

Совокупность всѣхъ этихъ явленій, какъ кажется, ручается за то, что прежній конституціонный строй Англій готовъ пошатнуться въ главной своей основѣ—въ избирательномъ правѣ, основанномъ на размѣрѣ имущественнаго ценза. Вопросъ объ избирательномъ правѣ составляетъ въ настоящее время въ конституціонныхъ учрежденіяхъ Англій, если не болное, то все же весьма чувствительное мѣсто. Вопросъ этотъ такой, котораго, какъ выразился Брайтъ на одномъ изъ митинговъ, нельзя уложить спать, а тѣмъ болѣе нельзя похоронить. Въ отдѣльности государственные люди Англій понимаютъ и оцѣниваютъ всю важность и всю жизненность этого вопроса, тѣмъ не менѣе верхняя палата, въ особенности же министерство стараются обходить его сколь возможно далѣе, а въ тронной рѣчи о немъ не было даже помину. Точно такъ же не встрѣчается онъ и официально въ перечнѣ тѣхъ очередныхъ вопросовъ, которые будутъ предло-

жени на обсужденіе настоящей сессіи. Притомъ, еслибы были о реформѣ послѣдовали со стороны министерства, то онъ былъ бы встрѣченъ въ массѣ народа съ недоувѣріемъ и, по всей вѣроятности, остался бы безъ вліянія на новые выборы.

Впрочемъ, депутаты Бенксъ и Лон-Кинъ приготовили свои образженія по избирательной реформѣ. Сущность ихъ предложенія заключается въ уменьшеніи избирательнаго ценза, въ городахъ до 6 фунтовъ, а въ сельскихъ общинахъ до 10 фунтовъ стерлинговъ наемной платы или ренты. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что вопросъ объ избирательной реформѣ выскажется со всею силою при новыхъ выборахъ, и тогда займетъ собою исключительное вниманіе парламента въ будущую его сессію.

Органъ лорда Пальмерстона «Morning Post» заявляетъ, что вообще отъ нынѣшней сессіи нельзя ожидать ничего особеннаго, и трудно предполагать, чтобы нижняя палата, которой въ настоящемъ ея составѣ остается существовать менѣе года, вздумала поднимать такой обширный вопросъ, каковъ вопросъ объ избирательной реформѣ.

Между тѣмъ, въ настоящее время вопросъ этотъ въ практикѣ получаетъ громадное значеніе. Многолюдные митинги, собирающіеся въ промышленныхъ городахъ, имѣютъ главною цѣлю обсуждать начала избирательной реформы. Въ главѣ реформатской агитаціи стоятъ самые замѣчательные люди современной Англіи—Брайтъ и Гладстонъ; къ нимъ применуль и молодой виконтъ Амберлей, сынъ графа Росселя. Рѣчь его по поводу избирательной реформы на митингѣ, бывшемъ въ Лидсей, произвела въ англійской журналистикѣ большое впечатлѣніе. Судя по всему сказанному нами о потребностяхъ избирательной реформы и о положеніи этого вопроса въ массѣ англійскаго населенія, надобно полагать, что несмотря на уклончивость королевы, министерства, верхней палаты и даже большинства непопулярныхъ членовъ палаты общинъ, нѣкоторые изъ членовъ, дорожащіе своею популярностію или желающіе пріобрѣсти ее, поднимутъ жгучій вопросъ объ избирательной реформѣ. Само собою разумѣется, однако, что реформа эта не перейдетъ въ общую подачу голосовъ, къ чему стремится крайняя партія реформистовъ. Хотя избирательный цензъ и долженъ будетъ значительно понизиться подъ напоромъ общественнаго мнѣнія, желающаго расширенія избирательныхъ правъ среди англійскаго народа, но все же практическіе англичане до такой еще степени поборники собственности, что и уменьшенный размѣръ въ отношеніи избирательнаго ценза не обратитъ избирательное право во всеобщую подачу голосовъ.

Обращаясь затѣмъ къ отзыву первенствующей англійской газеты «Times» о положеніи внутреннихъ дѣлъ въ Англіи, надобно замѣтить, что упомянутая газета смотритъ на всѣ эти дѣла, а въ числѣ ихъ и на избирательную реформу, съ особенной точкой зрѣнія. Въ умолчаніи тронной рѣчи объ этой реформѣ «Times»

видитъ ружательство въ томъ, что реформа эта не представляетъ вовсе такого вопроса, который волновалъ бы сильно общественное мнѣніе страны. «Times» приходитъ къ такому заключенію на томъ основаніи, что если въ странѣ, обладающей всѣми способами для свободнаго выраженія своихъ потребностей, не дѣлается никакихъ заявленій насчетъ ожидающихъ ея волненій, если на поверхности этого моря, ничѣмъ нестѣсненнаго въ своемъ волненіи, господствуетъ совершенная тишь, то значить, что страна всѣмъ довольна и что, слѣдовательно, нѣтъ повода предвидѣть какія либо тревоги и опасности. Впрочемъ, «Times» выражается такимъ образомъ, какъ противница Брайта, главнаго двигателя вопроса объ избирательной реформѣ.

Другимъ важнымъ государственнымъ вопросомъ въ Англій, является вопросъ объ устройствѣ католической церкви въ Ирландіи. Вопросъ этотъ въ настоящее время получаетъ особенное значеніе и по тому еще отношенію, въ какое становится теперь католичество къ государственной власти и къ развитію либеральныхъ учрежденій на материкѣ Европы. Министерство дало ирландскимъ католикамъ знать подъ рукою, чтобы они готовились къ встрѣчѣ билля объ измѣненіи положенія государственной церкви въ Ирландіи. Въ этомъ отношеніи, министерство Пальмерстона готово къ либеральнымъ уступкамъ. Надобно сказать, что исторія такъ-называемой «ирландской государственной церкви» представляетъ весьма печальныя несправедливости англійскаго правительства къ Ирландіи. Неблагопріятствуя ирландскому католицизму, и даже преслѣдуя его съ большимъ и меньшимъ ожесточеніемъ, англійское правительство передало въ Ирландіи собственность католической церкви протестантскому духовенству, переселенному туда изъ Англій. Поселившееся въ Ирландіи духовенство, образовало свои приходы изъ прозелитовъ. Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что хотя до настоящаго времени, большинство населенія въ Ирландіи состоитъ изъ католиковъ, но католическое духовенство не имѣло въ этой странѣ права на церковную собственность, между тѣмъ, какъ протестантское духовенство владѣетъ огромными имуществами, прибрѣтенными на счетъ католической паствы. Нѣкоторыя англійскія газеты, совершенно чуждыя католическихъ тенденцій, и даже вообще враждебныя имъ, выражаютъ, однако, ту мысль, что всякій билль, клонящійся къ исправленію старыхъ грѣховъ англійскаго правительства въ Ирландіи, будетъ принятъ протестантскою Англіей и, въ особенности, нижней палатой съ сочувствіемъ, какъ одна изъ самыхъ либеральныхъ мѣръ, могущихъ хоть немного сбавить тягости, лежащія на ирландскомъ населеніи.

Впрочемъ, какъ далеко зайдутъ предстоящія въ виду измѣненія по устройствѣ католической церкви въ Ирландіи — это еще пока неизвѣстно.

Отношенія Англій къ индійскимъ ея владѣніямъ сдѣлались тоже въ послѣднее время предметомъ разсужденій англійской прессы.

Такая газета «Daily News» посвятила на своих столбцах довольно обширную статью, характеризующую английское войско въ Ост-Индіи, и его отношенія въ Англіи. Главная мысль этой статьи заключается въ томъ, чтобы военныя силы англійскаго правительства въ Индіи состояли изъ синаевъ, такъ-какъ въ послѣднее время усилѣлись затрудненія исполнять индійскую армію европейскими рекрутами, вслѣдствіе значительнаго уменьшенія населенія въ Ирландіи, а также возвышенія задѣльной платы во всемъ Соединенномъ Королевствѣ, почему рабочій классъ теперь менѣе, нежели прежде, доставляетъ охотниковъ опредѣляться на службу въ индійскія войска.

Остановившись на положеніи дѣлъ въ Пруссіи и Англіи, нельзя найти въ Европѣ ничего такого, что бы выдалось впередъ изъ обычнаго теченія событій, хотя вообще самое положеніе Европы, и безъ особенныхъ событій, представляетъ весьма много интереснаго, если разбирать ходъ ея дѣлъ въ подробностяхъ, и вникать въ ихъ сущность, не останавливаясь на однихъ только поверхностныхъ явленіяхъ.

Перехода къ обзорѣ внутреннѣхъ нашихъ событій, мы должны остановить вниманіе читателей на слѣдующемъ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ 29-го января, на имя г. министра внутреннихъ дѣлъ:

«Петръ Александровичъ. Происходившіе въ началѣ сего января мѣсяца, въ московской губерніи, очередные губернскіе выборы не состоялись. Вслѣдствіе признанной правительствующимъ сенатомъ неправильности собранія предводителей и депутатовъ, относительно правъ участія нѣкоторыхъ дворянъ въ дѣлахъ губернскаго собранія, всѣ постановленія сего собранія, до закрытія онаго имъ принятія, не имѣютъ законной силы. Но имѣе безызвѣстно, что во время своихъ совѣщаній московское губернское дворянское собраніе вошло въ обсужденіе предметовъ, прямому вѣдѣнію его неподлежащихъ, и вознудилось вопросовъ, относящихся до вѣмѣненія существенныхъ началъ государственныхъ въ Россіи учрежденій.

«Благополучно совершившіяся, въ десятилѣтнее мое царствованіе, и нынѣ по моимъ указаніямъ еще совершающіяся преобразованія достаточно свидѣтельствуютъ о моей постоянной заботливости улучшать и совершенствовать, по мѣрѣ возможности и въ предопредѣленномъ мною порядкѣ, разныя отрасли государственнаго устройства. Право вчинанія, по главнымъ частямъ этого постепеннаго совершенствованія, принадлежитъ исключительно мнѣ и неразрывно сопряжено съ самодержавною властью, Богомъ мнѣ вѣренною. Прошедшее, въ глазахъ всѣхъ моихъ вѣрноподанныхъ, должно быть залогомъ будущаго. Никому изъ нихъ не предоставлено предупреждать мои непрерывныя о благѣ Россіи попеченія, и предпрѣшать вопросы о существенныхъ основаніяхъ ея общахъ государственныхъ учрежденій. Ни одно словіе не имѣетъ законнаго права говорить именемъ другихъ

сословій. Никто не призванъ принимать на себя, передъ мною, ходатайство объ общихъ пользахъ и нуждахъ государства. Подобныя уклоненія отъ установленнаго дѣйствующими узаконеніями порядка, могутъ только затруднять меня въ исполненіи моихъ предначертаній, ни въ какомъ случаѣ не способствуя къ достиженію той цѣли, къ которой они могутъ быть направляемы. Я твердо увѣренъ, что не буду встрѣчать впередъ такихъ затрудненій со стороны русскаго дворянства, въковыя заслуги котораго предъ престоломъ и отечествомъ мнѣ всегда памятны, и къ которому мое довѣріе всегда было и нынѣ пребываетъ непоколебимымъ.

«Поручаю вамъ поставить о семъ въ извѣстность всѣхъ герал-губернаторовъ и губернаторовъ тѣхъ губерній, гдѣ учреждены дворянскія собранія, или имѣютъ быть учреждены собранія земскія».

Рескриптъ этотъ помѣщенъ въ 24 номерѣ «Сѣверной Почты», а въ слѣдующемъ номерѣ мы встрѣтили слѣдующую статью:

«Въ виду толковъ, возбужденныхъ въ нашей публикѣ по поводу собранія московскаго дворянства, считаемъ нелишнимъ привести нѣсколько мѣстъ изъ письма петербургскаго корреспондента въ редакцію издаваемой въ Брюсселѣ газеты «Le Nord».

«Неоспоримо—пишетъ корреспондентъ—что мысли, высказанныя въ Москвѣ, довольно распространены въ Россіи. Весь вопросъ заключается въ своевременности, свойствѣ и объемѣ учреждений, которыя предполагается создать. Вотъ гдѣ мыслящая масса дѣлится на безконечныя отгѣнки. Нѣкоторые хотѣли бы броситься, зажмуривъ глаза, въ западный парламентаризмъ, какъ бросаются въ воду, учась плавать. Другіе хотѣли бы, чтобы свободныя учрежденія возникли сами собою, естественно, изъ самыхъ ядръ живыхъ и народныхъ силъ страны. Иные же считаютъ ее не довольно зрѣлою для подобныхъ учреждений. Они возражаютъ, что изъ числа ушедшихъ далѣе впередъ націй, ни одна, за исключеніемъ Англии, не могла вынести этихъ учреждений. Они желали бы продолжительной отсрочки, подготовки и постепеннаго развитія, рассчитаннаго согласно съ свойствами духа народа, вся исторія котораго свидѣтельствуетъ, что онъ, впервыхъ, по существу своему охранителемъ и мало склоненъ къ нововведеніямъ, а затѣмъ, что онъ вовсе не торопится, будучи увѣренъ въ своей громадной будущности.

«Я не стану говорить о крайнихъ партіяхъ; онѣ лишены серьезнаго значенія и корней въ странѣ. Но вы легко поймете, на какое безконечное множество отгѣнковъ, даже въ отношеніи къ умѣреннымъ либеральнымъ учреждениямъ, подраздѣляется мыслящій классъ, въ средѣ котораго зрѣетъ будущность Россіи. Московское дворянство занимаетъ здѣсь очень важное мѣсто. Его обвиняютъ въ томъ, что оно противопоставляетъ правительству свои конституціонныя стремленія, вслѣдствіе недовольства оти́вою вѣрнопоставаго права. Тутъ есть и правда и неправда. Дво-

рянство, у котораго однимъ вычеркомъ вѣра отчуждена часть ея собственности, приняло это рѣшеніе. Но оно стало домогаться, чтобы въ отношеніи къ тому, что у него осталось, его права собственности было ограждено отъ произвольныхъ преобразованій. Отсюда мысль о гарантіяхъ.

«Но не однимъ этотъ путь привелъ къ такому заключенію. Общее положеніе страны, неопредѣленность законовъ, социалистскія стремленія, распространенныя извѣстными классомъ, важное замѣшательство, произведенное въ трудѣ отрицаніемъ вѣрности права, недостатокъ кредита и финансовыя затрудненія сильно содѣйствовали къ распространенію желанія болѣе широкихъ преобразованій. Такъ-какъ правительство само дало толчокъ этому преобразовательному движенію, покинувъ колею прежняго бюрократическаго деспотизма и призвавъ страну къ завѣдыванію общественными дѣлами, то послѣдствія настоящаго переходнаго положенія побудили даже самыхъ благоразумныхъ людей желать скорѣйшаго по возможности выхода изъ этого порядка вещей и предложить правительству содѣйствіе всѣхъ разумныхъ силъ націи.

«Вотъ, я думаю, истинное начало обнаружившагося въ Москвѣ движенія. Собраніе дворянства было проникнуто общераспространеннымъ желаніемъ; оно думало, что кому-нибудь надо первому выйти изъ области неясныхъ стремленій и вступить на поприще политической дѣятельности.

«Не ищите иной причинъ для демонстраціи, которую оно попыталось произвести. Не ищите здѣсь ни заговора, ни революціонной попытки, ни даже проявленія сильно сплоченныхъ партій, вступающихъ въ борьбу съ правительствомъ. Скорѣе тутъ было увлеченіе. Нѣсколько убѣжденныхъ людей хотѣли первие осуществить на дѣлѣ чувство, принадлежащее очень многимъ, даже рискуя повредить себѣ лично въ виду сомнительности успѣха.

«Итакъ не должно осуждать слишкомъ строго это увлеченіе, даже и не раздѣляя его. Но слѣдуетъ ли одобрить его? Есть ли въ этомъ поступкѣ доля практической мудрости и политической зрѣлости, соответствующая чувству, которое внушило этотъ поступокъ, и способная съ пользою послужить дѣлу, которое имѣлось въ виду?

«Я не думаю. Впервыя, собранію не слѣдовало допускать, чтобы это выраженіе желанія исходило отъ дворянства—класса, стоящаго особнякомъ въ русскомъ обществѣ. По нынѣшнимъ временамъ—это анахронизмъ. Если дворянство хотѣло обнаружить свою жизненность и доказать, что оно не считаетъ себя умершимъ въ качествѣ отдѣльной корпораціи, то оно могло выбрать иное поприще. Для такого предпріятія было мало вѣроятности успѣха, но, по крайней мѣрѣ, дворянство причинило бы вредъ только самому себѣ.

«Если московское дворянство думало возвыситься, поставивъ себя, посредствомъ этой демонстраціи, во главѣ либеральнаго движенія, то и тутъ оно ошиблось въ расчетѣ. Ему предстояло

довольно дѣла на томъ пути, который былъ открытъ ему Самимъ Государемъ — въ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ, гдѣ призваны участвовать посредствомъ выборовъ не только дворяне, но всѣ классы общества. Здѣсь дворянству было отведено мѣсто и указана роль. Оно должно было, по своему естественному вѣсу, стать во главѣ собраній, приспособить ихъ къ согласію въ дѣйствіяхъ, научить ихъ своимъ примѣромъ спокойному и достойному обсужденію дѣлъ, законности въ возбужденіи новыхъ вопросовъ, дѣятельности практической и сдержанной. Когда же эти собранія показали бы себя такимъ образомъ на дѣлѣ, тогда желанія, которыя они заявили бы Государю съ должнымъ согласіемъ и зрѣлостью, получили бы въ его глазахъ неоспоримую цѣну. Потому что нѣтъ ничего несправедливѣе, какъ предполагать, что правительство противится мысли объ участіи законныхъ интересовъ въ дѣлахъ, ихъ касающихся, путемъ представительства, основаннаго на выборномъ началѣ. Оно не хочетъ для Россіи только буйнаго парламентаризма вностранной выдѣлки, того адвокатскаго парламентаризма, котораго не могла вынести Франція, который затрудняетъ Пруссію теперь, въ блестящую впрочемъ эпоху ея исторіи. Нигдѣ этотъ парламентаризмъ не былъ бы такъ губеленъ, какъ въ Россіи, гдѣ нужны не слова, а дѣло. Что же касается представительства серьезнаго, практическаго, чистой пробы, укрѣпленнаго своими корнями въ нѣдрахъ общества, въ средѣ живыхъ и законныхъ интересовъ — то русское правительство далеко не противъ него. Самъ государь заложилъ его основы созваніемъ выборныхъ губернскихъ и уѣздныхъ собраній.

«Демонстрація же, произведенная теперь въ Москвѣ, скорѣе похожа на парламентскія пренія Запада, гдѣ разгоряченныя собранія позволяютъ ораторамъ, упивающимся звуками своихъ собственныхъ словъ, увлекать себя на дѣла необдуманная, несвоевременная, практически-безполезная, даже вредная.

«Какое заключеніе будетъ выведено изъ этого? Я говорю не о крайнихъ партіяхъ, прирожденныхъ врагахъ умѣренной свободы, а о людяхъ благоразумныхъ и здравомыслящихъ. Изъ этого заключать, что если собраніе, составленное изъ отборнаго дворянства и общества, обнаружило такъ мало практическаго политическаго смысла, то значить, что Россія не созрѣла для серьезныхъ представительныхъ учреждений.

«Что произойдетъ изъ этого?—Что правительство будетъ мнѣ расположено ускорить развитіе сѣмянъ, которыя оно посѣяло, и что такимъ образомъ собраніе московскаго дворянства, вмѣсто того, чтобы приблизить, отдалило осуществленіе дѣла, подвигнуть которое его побудилъ патриотизмъ.

«О такомъ результатѣ всѣ должны сожалѣть. Однако, можно надѣяться, что прискорбныхъ послѣдствій не будетъ. Съ одной стороны, здравый смыслъ публики, а съ другой — непоколебимая твердость, съ которою правительство идетъ по либеральному пути,

служать вѣрнымъ ручательствомъ, что движеніе Россіи впередъ не будетъ серьезно задержано излишествами рвенія».

Въ виду открывающихся земскихъ учрежденій, въ которыхъ должны сойтись представители всѣхъ земскихъ сословій и интересовъ земства, сословный, можно сказать, угасающій нынѣ вопросъ представляетъ важность не самъ по себѣ, но какъ одно изъ главныхъ условий для объединенія силъ земства. Выборы въ гласные производятся въ совокупности отъ всѣхъ сословій; но кромѣ этого новаго выборнаго начала, болѣе или менѣе общаго для всѣхъ сословій, права выборовъ предоставлены и другимъ сословіямъ въ отдѣльности. У насъ существуютъ выборы въ сословіяхъ: дворянскомъ, купеческомъ, мѣщанскомъ и крестьянскомъ. Кромѣ того, въ послѣднее время, нѣкоторые духовныя мѣстныя власти обратили вниманіе на выборное начало, предоставленное духовенству по закону и по духу церкви, но впоследствии ослабленное, и можно даже сказать, совершенно уничтоженное вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, преимущественно же вслѣдствіе равнодушія самаго духовенства къ правамъ, имъ предоставленнымъ.

Такимъ образомъ, у насъ въ настоящее время два рода выборовъ: выборы общіе для всего земства, и отдѣльные для каждаго сословія. Различная степень правъ въ этомъ отношеніи, и неодинаковость ихъ примѣненія въ практикѣ, представляютъ особенную, заслуживающую вниманія сторону нашего гражданскаго и общественнаго быта. На выборное начало надобно смотрѣть, какъ на одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ нашего земскаго строя.

Несмотря на юридическую равноправность, которую даровало всѣмъ сословіямъ «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ» по дѣламъ земства, въ этихъ учрежденіяхъ будетъ на первыхъ порахъ преобладать въ сущности голосъ дворянства, прежде всего въ силу поземельнаго ценза, перевѣсъ котораго остается предпочтительно за лицами изъ этого сословія. Поэтому самому, дворянскіе выборы, на которыхъ съ особенною ясностію иррадируются внаружу сословные дворянскіе интересы и понятія, служатъ если не точнымъ мѣриломъ, то достаточнымъ признакомъ будущей организациі земскихъ учрежденій, и намедаютъ на то положеніе, которое займетъ въ нихъ дворянство. Они даютъ основаніе для соображеній, въ какой мѣрѣ интересъ этого сословія, нѣкогда отдѣльные и нынѣ значительно переназначенные вслѣдствіе уничтоженія крѣпостнаго права, сольются съ общими интересами всего земства, представляющаго въ своей совокупности дѣйствительныя силы нашей народной жизни.

Предрѣшать заранѣе всѣ эти вопросы нѣтъ никакой возможности. О ходѣ дѣлъ по предстоящему открытію земскихъ учрежденій имѣется еще весьма мало свѣдѣній, да и тѣ, будучи отрывочны, не даютъ способа представить его въ общемъ очеркѣ, тѣмъ болѣе, что при этомъ являются порою мѣстныя, весьма характеристическія черты, которыя нельзя обобщить съ полною увѣ-

ренностию въ ихъ неизмѣняемости. По свѣдѣнiямъ, полученнымъ изъ одной мѣстности, оказывается, что главныя земскiя силы, явившияся въ лицѣ избирателей, принадлежатъ къ крестьянскому сословию. во другия свѣдѣнiя — къ помѣстному дворянству. Но кромѣ положительныхъ фактовъ, относящихся къ устройству земскихъ дѣлъ, надобно имѣть въ виду различныя, неустановившияся взгляды на этотъ важный предметъ. Сообразивъ все это, мы легко поймемъ, что въ настоящее время никакъ нельзя сказать ничего положительнаго о томъ, какъ сложатся наши новыя земскiя учрежденiя и какъ примутся они за дѣла, предоставленныя ихъ вѣдѣнiю. Поэтому мы находимъ болѣе удобнымъ отложить наши замѣтки объ этомъ предметѣ на будущее время, до тѣхъ поръ, когда земскiя учрежденiя обрисуются съ большею опредѣленностию.

Что касается судебной реформы, то очень понятно, что послѣ бывшихъ о ней толковъ, для ней наступило временное затишье, хотя безъ всякаго сомнѣнiя подготовка къ новому юридическому порядку и идетъ своимъ чередомъ какъ въ официальной сферѣ, такъ и въ частныхъ кружкахъ, составленныхъ изъ тѣхъ лицъ, которыя готовятся выступить на юридическое поприще при новомъ порядкѣ. Съ своей стороны газеты наши уже ознакомили публику, въ предѣлахъ возможности, съ будущимъ значенiемъ и примѣненiемъ новыхъ судебныхъ уставовъ, такъ что вообще все это дѣло въ настоящее время затихло до тѣхъ поръ, пока оно не сопркоснется съ дѣйствительною нашею жизнью и не возбудить снова общественнаго вниманiя и говора.

Крестьянское дѣло не представляетъ теперь никакихъ особенностей. Постановленiя губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствiй обсуживаютъ только частныя случаи, большинство которыхъ относится къ вопросамъ о владѣнiи крестьянъ землею, числящеюся за помѣщиками и на которую крестьяне представляютъ свое то шаткое, то основательное право. Впрочемъ, въ общемъ ходѣ крестьянскаго дѣла обращаетъ на себя вниманiе официальное заявленiе министерства внутреннихъ дѣлъ, напечатанное въ «Сѣверной Почтѣ» и положительно опровергающее тѣ ложныя слухи, которые были распространены на счетъ обязательнаго выкупа крестьянскихъ угодiй въ великороссiйскихъ губернiяхъ, примѣнительно къ тому порядку, какой былъ принятъ въ этомъ отношенiи по губернiямъ западной полосы, вслѣдствiе особыхъ совершившихся тамъ событiй.

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Исслѣдованіе о наслѣдственныхъ правахъ мужчинъ и женщинъ по русскому законодательству. — Общіе выводы о всероссийской московской выставкѣ сѣвскаго хозяйства. — Можетъ ли быть доступна вольному экономическому обществу инициатива въ вопросѣ о наилучшей организаціи выставокъ въ Россіи? — Настоящее значеніе и силы этого общества. — Образецъ его дѣятельности и ораторы общества. — Нѣсколько словъ о будущности общества. — О трудѣ П. Л. Даврова «Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ».

Женскій вопросъ, занявшій неослѣднее мѣсто въ текущей литературѣ, къ великому прискорбію нашихъ журнальныхъ эмансипаторовъ, подвигается впередъ весьма медленно; общія мѣста и безконечныя варіаціи на одну и ту же тему — равноправность половъ, суть отличительныя черты литературы женскаго вопроса; весьма естественно, что этимъ неввиннымъ способомъ нельзя и подвигать впередъ такого вопроса, который имѣетъ своимъ основаніемъ всю исторію человѣчества и, такъ сказать, пріорось къ этой исторіи, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ ея періодовъ. Кромѣ обычая, который, конечно, можетъ болѣе или менѣе колебаться и подъ вліяніемъ журнальной пропаганды, во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ играетъ весьма важную роль положительное законодательство. Чтобы обратиться къ этому источнику, устанавливающему общественныя отношенія страны, нужно спеціализировать вопросъ, и въ тѣсныхъ предѣлахъ спеціальности изслѣдовать сущность и смыслъ закона. Труды такого рода подвигаютъ общую разработку вопросовъ наиболѣе, чѣмъ самыя краснорѣчивыя изліянія литературной діалектики.

Въ журналѣ министерства юстиціи (*), помѣщена статья г. А. Любавскаго объ уравненіи наслѣдственныхъ правъ мужчинъ и женщинъ, въ которой авторъ подкрѣпляетъ свой выводъ доказательствами того, что установленная у насъ закономъ неравноправность мужчинъ и женщинъ относительно наслѣдства имѣетъ чисто случайное происхожденіе и не выражаетъ собою никакой опредѣленной дѣли. Столь смѣлому доказательству соотвѣтствуютъ столь же основательныя изслѣдованія какъ нашего законодательства, такъ и другихъ странъ. Исторія нашихъ законовъ о правахъ женщинъ на наслѣдство, конечно, составляетъ наиболѣе интересную для публики часть труда г. Любавскаго, почему мы и останавливаемся преимущественно на ней.

Устраненіе женщинъ отъ наслѣдства впервые узаконили Русскія Правды, для всей страны, кромѣ Пскова, гдѣ по псковской судной

(*) 1864 г. № 5.

граматѣ, наслѣдство предоставлялось безъ различія кола тому, кто жилъ съ умершимъ. Дочери, какъ непрочные члены семьи, оста- вляющіе ее съ замужествомъ, не наслѣдовали имѣніемъ отца, а получали лишь приданое; вдовы также получали обезпеченіе изъ имѣнія мужа, но не наслѣдовали частью; отступленіе отъ этихъ началъ составляло право дочерей бояръ и княжеской дружины— *наслѣдовать* послѣ отца, если у него нѣтъ сыновей. По судеб- нику Іоанна III наслѣдуетъ сынъ, а если нѣтъ сыновей, то и дочь, и затѣмъ ближніе родственники. Въ судебникѣ Іоанна IV повторено то же самое правило, но съ прибавленіемъ, что послѣ сыновей и дочерей прежде прочихъ ближайшихъ родственниковъ къ наслѣдству призываются внуки отъ сыновей и дочерей. Въ 1650, 1676 и 1677 г. принято за правило, что одно лишь муж- ское потомство братьевъ устраниваетъ отъ наслѣдства ихъ сестеръ; если же послѣ братьевъ останется женское потомство, то вмѣстѣ съ нимъ призываются къ наслѣдству и сестры умершихъ. Петръ I установилъ, что по смерти послѣдняго въ родѣ, недвижимыя его имѣнія могутъ быть отдаваемы родственникамъ его по женскому колѣну не далѣе внучатыхъ.

Но относительно наслѣдованія въ *помѣстьяхъ* существовали особенныя правила, изъ которыхъ были извлечены позднѣйшіе за- коны о наслѣдованіи дочерей. Такъ-какъ помѣстья раздавались служилымъ людямъ вмѣсто жалованья, то въ строгомъ смыслѣ къ помѣстнымъ землямъ и не могли имѣть никакого примѣненія на- чала наслѣдованія, особенно къ женщинамъ; но для обезпеченія сиротъ, остававшихся послѣ служилыхъ людей, стали оставлять помѣстья сыновьямъ до тѣхъ поръ, покуда они будутъ въ состоя- ніи служить, а вдовѣ и дочерямъ до смерти, замужества или по- ступленія въ монашество. Такимъ образомъ къ помѣстьямъ стали косвенно примѣняться нѣкоторыя начала наслѣдованія. Съ 1611 г. жена и несовершеннолѣтнія дѣти, сыновья и дочери помѣщи- ковъ стали получать помѣстья своихъ мужей и отцовъ, для обез- печенія ихъ существованія, въ прожитокъ. Въ уложеніи 1649 г. было постановлено, что вдова получаетъ на прожитокъ $\frac{1}{7}$ часть помѣстья мужа, дочь — $\frac{1}{14}$ часть.

Въ 1714 г. произошелъ внезапно переворотъ въ русскомъ законодательствѣ, относительно правилъ законнаго наслѣдованія, вслѣдствіе изданія Петромъ I *указа о единомаслѣднн*. Мотивъ изданія этого закона былъ опредѣленъ слѣдующемъ образомъ: 1) Если недвижимое имѣніе будетъ всегда отдаваемо одному сы- ну, а прочимъ только движимое, то государственныя доходы бу- дутъ исправнѣе, ибо съ большаго господина всегда довольнѣе будетъ; 2) фамиліи не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славныя и великія дома; и 3) про- чіе (т.-е. потомки владѣльцевъ) не будутъ празды, ибо при- нуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торго- ваніи и прочимъ. И то все, что оныя сдѣлаютъ для своего проши- танія, государственная польза есть.

По этимъ соображеніямъ Петръ I запретилъ продажу недвижныхъ имѣній и постановилъ, что недвижимыя имѣнія должны непременно переходить или по духовному завѣщанію, или по порядку законнаго наслѣдованія къ одному лицу въ родѣ; за неимѣніемъ сыновей, наслѣдовали и дочери. Но законъ этотъ, конечно, могъ удержаться только въ такомъ случаѣ, еслибы тогдашніе помѣщики поппмали его политическое значеніе; правда, что онъ противорѣчилъ вообще народнымъ началамъ, но, по нашему мнѣнію, несогласному съ мнѣніемъ автора, одного этого не могло быть достаточно для отмѣны закона; во-крайней-мѣрѣ ни одна страна, гдѣ водворились аристократическія начала, не представляетъ подобнаго примѣра: несмотря на то, что народъ даже, напримѣръ, въ Англіи, вовсе нерасположенъ поддерживать, а скорѣе готовъ подрывать аристократическія начала, законы, поддерживающіе эти начала, продолжаютъ существовать и вопреки народному чувству. Но такъ или иначе — императрица Анна Иоанновна, въ 1731 г., отмѣнила законъ Петра о единонаслѣдіи, постановивъ въ то же время, что дочь получаетъ менѣе на половину противъ матери, т. е. $\frac{1}{14}$ изъ недвижимаго и $\frac{1}{8}$ изъ движимаго имѣнія.

Установленныя этимъ закономъ начала остаются и въ нынѣ дѣйствующемъ законодательствѣ, по которому дочери при сыновьяхъ имѣютъ равное съ ними послѣдними участіе въ наслѣдствѣ только тогда, если за выдѣломъ указныхъ частей дочеримъ сыновнія части будутъ менѣе; и еще въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, гдѣ нынѣ дѣйствуютъ относительно наслѣдства правила литовскаго статута, дочери уравнены въ правахъ съ сыновьями при наслѣдованіи имѣніемъ послѣ матери; во всѣхъ же другихъ случаяхъ дочери имѣютъ только указную часть; въ боковыхъ же линіяхъ — сестры при братьяхъ и ихъ потомкахъ вовсе не имѣютъ права на наслѣдство.

Кромѣ весьма извѣстныхъ доказательствъ того, что неравноправность женщинъ и мужчинъ противорѣчитъ *естественному праву*, авторъ развиваетъ въ своемъ изслѣдованіи, что нынѣ дѣйствующіе законы наши о наслѣдствѣ не оправдываются и историческимъ развитіемъ ихъ, потому что постановленія объ указныхъ доляхъ дочерей, вознишія при *помѣстной* системѣ и имѣвшія смыслъ, условливавшійся именно этой формой владѣнія, примѣнены были къ *вотчинной* системѣ, съ которой не имѣли ничего общаго. Когда дочери вовсе не наслѣдовали при сыновьяхъ, то *видѣлъ* имъ указной части, не въ собственность, а только для обезпеченія существованія, какъ было при помѣстной системѣ, былъ понятенъ; если же новѣйшее законодательство допускаетъ *наслѣдованіе* дочерей, то почему именно только въ $\frac{1}{14}$ изъ недвижимаго и въ $\frac{1}{8}$ изъ движимаго имѣнія — это ничѣмъ не объясняется; но во всякомъ случаѣ права наслѣдованія лицъ женскаго пола въ нисходящей линіи въ извѣстной мѣрѣ признаны; въ боковыхъ же линіяхъ остались непризванными, хотя по-

слѣдовательность требовала распространить нововведеніе и на боковыя линіи. Юридическая точка зрѣнія также нисколько не оправдываетъ неравноправность женщинъ и мужчинъ въ наслѣдствѣ, потому что въ сферѣ гражданскаго права всѣ юридическія лица, какъ субъекты правъ, должны быть безъ различія пола поставлены въ одинаковое положеніе въ имущественныхъ отношеніяхъ. Если уже русское законодательство уравнило женщинъ съ мужчинами во всѣхъ другихъ имущественныхъ правахъ и обязательствахъ, устанавливая для нихъ одни и тѣ же способы пріобрѣтенія имущества, какъ дарственные, такъ и обоюдные, то постановленія о наслѣдованіи, основанныя на различіи половъ, находятся со всею остальною системою гражданскихъ законовъ въ явномъ противорѣчій. Что касается экономическихъ соображеній, то они ни въ какомъ случаѣ не оправдываютъ принципа, по которому женщина, при меньшемъ доступѣ къ пріобрѣтенію средствъ для жизни, получаетъ наименьшее чѣмъ мужчина обезпеченіе при наслѣдствѣ. А болѣе всего экономическая точка зрѣнія не допускаетъ той матеріальной зависимости, въ которой женщина часто находится отъ мужчины, при незначительности наслѣдственныхъ долей женщинъ.

Одни лишь политическія и государственныя соображенія могутъ допустить неравенство правъ наслѣдованія; но въ этомъ случаѣ, съ отмѣной закона Петра I, постановленія наши о наслѣдствѣ не достигаютъ никакой цѣли и даже вовсе не предполагаютъ ее. Если законодательство имѣетъ въ виду охранить недвижимыя имущества отъ раздробленія, то оно устанавливаетъ переходъ ихъ къ одному въ родѣ и при томъ къ лицу мужскаго пола, ибо женщина при замужествѣ теряетъ имя и переноситъ имущество въ чужой родъ. Таковы англійскіе законы, охраняющіе нераздробляемость поземельной собственности. У насъ же имущество дробится раздѣломъ его между всѣми дѣтьми мужскаго пола поровну и выдѣломъ въ пользу женщинъ указныхъ частей; относительно же движимаго имущества указная часть не имѣетъ даже примѣра и въ тѣхъ законодательствахъ, гдѣ привилегія наслѣдства на земельную собственность принадлежитъ одному лицу мужскаго пола.

Кромѣ того, что неравенство правъ обоихъ половъ въ общемъ порядкѣ законнаго наслѣдованія находится въ противорѣчій съ понятіями вѣка и принципами новѣйшаго законодательства и не можетъ быть оправдано ни съ какой точки зрѣнія, въ немъ лежитъ начало злоупотребленій, подлоговъ и т. п., какъ, напри- мѣръ, выдачи родителями дочерямъ безденежныхъ документовъ, для уравниванія наслѣдствомъ въ родовомъ имѣніи съ сыновьями.

По отношенію къ сословіямъ, влаждующимъ по преимуществу поземельной собственностью, необходимо замѣтить, что въ быту крестьянъ, которые, по Положенію 19-го февраля, будутъ составлять въ Россіи огромное сословіе мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, выдѣлъ дочерямъ $\frac{1}{14}$ части вовсе и не можетъ

имѣть приложенія къ наслѣдственнымъ правамъ по закону, такъ какъ $\frac{1}{14}$ часть изъ душеваго крестьянскаго надѣла никому не будетъ нужна; по отношенію же къ помѣщикамъ, какъ уже сказано выше, законъ объ указныхъ частяхъ нисколько не предупреждаетъ раздробленіе имѣній и даже, напротивъ, нерѣдко способствуетъ этому, и притомъ вводитъ въ бытъ наиболѣе образованнаго и эмансипированнаго сословія грубый патріархальный принципъ, унижающій женщину въ средѣ семейства, гдѣ она не можетъ пользоваться одними и тѣми же имущественными правами съ другими членами семьи, стоящими наравнѣ съ нею во всѣхъ другихъ гражданскихъ правахъ.

Если трудно было объяснить смыслъ и цѣль нашихъ законовъ о правахъ наслѣдства, то еще труднѣе придетъ въ какому либо заключенію о томъ, чему обязаны эти законы за свое неволебное существованіе до послѣдняго времени. Дворянскія населенныя имѣнія съ каждымъ днемъ превращаются, за выкупомъ крестьянами земель, въ неоселенныя земли, которыя суть не болѣе, какъ представители цѣнности, въ родѣ банковаго билета и т. п.; слѣдовательно, наименьшая или наибольшая раздробленность ихъ имѣетъ такое значеніе, какъ и дробленіе денежныхъ капиталовъ и всякой другой движимости. Лишняя сотня десятинъ земли не можетъ увѣковѣчить рода и имени, и притомъ всякая подобная тенденція родоначальника можетъ быть осуществляема его волей при жизни, или духовнымъ завѣщаніемъ, если не относительно родовой земли, то относительно родовыхъ капиталовъ, которые въ сущности важнѣе и доходнѣе земли. Такимъ образомъ нѣтъ никакой возможности объяснить причины и опоры существованія нашихъ законовъ о наслѣдствѣ. Между тѣмъ, отиѣна неравенства наслѣдственныхъ правъ мужчины и женщины имѣла бы весьма важное значеніе и для нравственности принципозъ нашего законодательства.

Въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества» (*), мы находимъ статью г. Черняева о московской всероссійской выставкѣ сельскаго хозяйства. Особенное вниманіе обращаетъ на себя механическій отдѣлъ этой выставки, гдѣ можно видѣть изобрѣтенныя улучшенныя сельско-хозяйственныя орудія, приспособляемыя къ условіямъ и особенностямъ страны. Судя по количеству изобрѣтеній, можно заключить, что наши хозяева весьма заняты вопросами о механическихъ пособіяхъ въ дѣлѣ хозяйства, которыя, естественно, съ уничтоженіемъ вѣрпостнаго труда, составляютъ нынѣ необходимое условіе сельско-хозяйственной дѣятельности въ Россіи. Итакъ наше хозяйство начинаетъ вступать въ *машинный* періодъ своей исторіи, оставляя безвозвратно перво-

(*) 1865 г. январь. Т. 1.

бытій характеръ безыскусственности, который преобладалъ въ немъ донинѣ. Нѣтъ сомнѣній, что будущія всероссійскія выставки будутъ выраженіемъ постепенно возрастающей у насъ механической дѣятельности; въ виду этого обстоятельства самыя эти выставки должны пріобрѣсти наиболѣе важное практическое значеніе, нежели онѣ имѣли до сихъ поръ. Авторъ названной нами статьи, обращая вниманіе на будущность сельско-хозяйственныхъ выставокъ въ Россіи, говоритъ, что въ сожалѣнію, въ нашихъ правлѣяхъ столичныхъ выставокъ, повторяющихся безъ всякихъ измѣненій, недостаетъ программъ и систематическаго распредѣленія премій, что препятствуетъ истинной оцѣнкѣ представляемыхъ экспонентами предметовъ. По существующимъ правиламъ, за исполнѣніе удовлетворительнаго произведенія должны выдаваться медали большія и малыя золотыя, и большія и малыя серебряныя, и похвальные листы. При распредѣленіи же этихъ премій оказывается, обыкновенно, невозможнымъ присуждать ихъ только за одни качества предмета, выдать, напримѣръ, за *прекрасный* локомобиль, и *прекрасную* маслобойку, одну и ту же золотую медаль, почему самой полезной и остроумно-изобрѣтенной маслобойкѣ присуждается только похвальный отзывъ. Для такихъ орудій, которыя, по характеру производимой ими работы, или по самому устройству орудія, имѣютъ въ хозяйствѣ второстепенное значеніе, а по совершенству изобрѣтенія суть лучшіе снаряды въ своемъ родѣ, необходимы менѣе значительныя премія, но выражающія первостепенное значеніе премированаго предмета, и называемыя первыми преміями. При такомъ разнообразіи премій, самое присужденіе ихъ производилось бы правильнѣе и скорѣе, что особенно важно для экспонентовъ, потому что публика на самой выставкѣ уже будетъ видѣть вредметы, удостоенныя отличій. Такой порядокъ, по мнѣнію г. Чернаева, можетъ быть допущенъ только въ такомъ случаѣ, если выставкамъ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ придадутъ характеръ конкурса, состязаній. Что же касается до дѣли московской выставки, то она заключалась, по программѣ тамошняго сельско-хозяйственнаго общества, въ томъ, чтобы нагляднѣе выказать состояніе сельскаго хозяйства и сельской промышленности въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. «Общество — какъ сказано въ отчетѣ — намѣрено было воспользоваться выставкой для разработки сельско-хозяйственныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ не останется безъ вліянія на успѣшное развитіе этой важной отрасли промышленности въ нашемъ отечествѣ». Для достиженія этой дѣли необходимо, чтобы на выставку представляемы были не только улучшенныя и достойныя распространенія орудія, но и наши доморощенныя сохи, еловыя бороны, и т. п., потому что эти-то орудія и могутъ выразить рельефно состояніе нашего хозяйства. При выполненіи программы общества, чѣмъ могли быть привлекаемы экспоненты, которые представляли бы, напримѣръ, полную коллекцію мѣстныхъ орудій, характеризующихъ дѣйствительно мѣст-

ное хозяйство, и какую награду, не существующихъ правилъ, могли получить такіе экспоненты? Они не могли получать никакихъ наградъ, потому что награды выдаются только за вполне удачные творительные предметы, и ничѣмъ не были бы привлечены на выставку. Общество, не привлекая на выставку подобныхъ коллекцій, конечно, не могло и преслѣдовать той цѣли, которую для себя предположило, и въ распредѣленіи наградъ удержало честнo-конкурсный характеръ, не имѣя при томъ возможности удовлетворить конкурентовъ, по неудобству существующихъ правилъ для раздачи премій. При всемъ этомъ, распредѣленіе премій сдѣлано послѣ выставки. Это послѣднее обстоятельство, по мнѣнію г. Чернилова, служитъ причиною слабого сочувствія нашей публики и неуспѣхности у насъ выставокъ, организуемыхъ вообще весьма недостаточно и неудовлетворяющихъ справедливыхъ ожиданій экспонентовъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что собраніе моделей мѣстныхъ орудій, или гербарій хозяйственныхъ растеній мѣстной флоры, не имѣютъ безусловно важнаго значенія для сельско-хозяйственной промышленности; но если они допущены программой выставки, то и должны быть поощряемы. На лондонской всемірной выставкѣ встрѣчались также предметы, которые, по выраженію отчета о наградахъ на московской выставкѣ, «хотя и выдаются изъ общаго уровня, но представляютъ однѣ изъ тѣхъ случайностей, которыми всегда болѣе или менѣе богаты выставки, не могли по мнѣнію комитета выставки заслужить отзыва, достаточнаго для присужденія награды». На эти предметы, какъ допущенные на выставку, жюри обратили свое вниманіе, потому что они имѣютъ значеніе инструктивное или научное. Въ отчетѣ о присужденіи наградъ на лондонской выставкѣ можно встрѣтить сломъ и рядомъ слѣдующее выраженіе: «за инструктивное значеніе коллекцій или предмета».

Если присяжные лондонской выставки, имѣвшей, по преимуществу промышленное значеніе, признали справедливымъ вознаграждать труды экспонентовъ за представленіе коллекцій и предметовъ научнаго и инструктивнаго характера, то, безъ сомнѣнія, на московской выставкѣ, поставившей одною изъ главныхъ задачъ привести въ извѣстность современное положеніе различныхъ отраслей сельскаго хозяйства и ознакомить съ нимъ нагляднымъ образомъ нашихъ хозяевъ, экспоненты, содѣйствовавшіе этой цѣли, заслуживали поощренія. Но, конечно, при соблюденіи этого принципа, безъ предварительныхъ измѣненій правилъ о преніяхъ, могло бы видѣти, что орудія, негодныя для хозяйства, получили бы также преміи наравнѣ съ вновь изобрѣтенными.

Вторая цѣль выставокъ—*способствовать сбыту произведителей съ потребителями*—вообще на нашихъ выставкахъ также не вполне достигается. При томъ огромномъ числѣ земледѣльческихъ орудій и машинъ, которыя мы встрѣчаемъ въ настоящее время на выставкахъ, чрезвычайно трудно хозяину, не-

имѣющему возможности слѣдить за успѣхами механики, отличить и выбрать дѣйствительно хорошія машины. Незнакомый хозяинъ теряется въ лабиринтъ выставленныхъ машинъ, не знаетъ на чемъ остановить свое вниманіе. Опытный въ обращеніи съ машинами хозяинъ также затрудняется оцѣнить многія изъ нихъ безъ предварительнаго испытанія. Въ подобныхъ случаяхъ выставки много помогаютъ хозяину, обозначая болѣе достойные предметы соответствующими наградами и предоставляя хозяевамъ возможность видѣть машины въ работѣ. Публичныхъ испытаній болѣе части машинъ на московской выставкѣ не было, а на тѣхъ испытаніяхъ, которыя производились экспертами, публики не была допускаема (?). Награды, какъ уже было замѣчено, розданы по окончаніи выставки, слѣдовательно хозяинъ при выборѣ машинъ могъ руководствоваться только собственными впечатлѣніями.

Экспоненты орудій и машинъ, при такомъ порядкѣ, не могли воспользоваться выставкой не только для полученія заказовъ на премированные вещи, но и продать выставленные. На всѣхъ сельско-хозяйственныхъ выставкахъ за границей, главное условіе состоятъ въ раздачѣ премій, если не въ первые же дни открытія выставки, то по крайней мѣрѣ въ послѣдніе. Раздача премій во время самой выставки имѣетъ огромное вліяніе какъ на ознакомленіе публики съ улучшенными орудіями, такъ и на полученіе экспонентами заказовъ.

Если на нашихъ выставкахъ правило это рѣдко и съ трудомъ можетъ быть выполнено, то это зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что испытанія орудій и машинъ производятся безъ программы и весьма часто имѣютъ въ виду разрѣшеніе чисто-теоретическихъ вопросовъ, а не пракческаго значенія предмета. На нашихъ выставкахъ хлопочутъ обыкновенно о производствѣ точныхъ динамометрическихъ испытаній, которыя за поспѣшностью и недостаткомъ времени, не приводятъ часто ни къ какимъ результатамъ; на каждой новой выставкѣ мы нерѣдко повторяемъ тѣ же самыя опыты съ тѣми же самыми орудіями, которыя испытывались на предъидущей выставкѣ, и весьма часто получаемъ совершенно другіе результаты. При первомъ (смотрѣ выставленныхъ орудій и машинъ на московской выставкѣ можно было положительно сказать, что всѣхъ ихъ испробовать не было никакой физической возможности, при томъ времени и тѣхъ средствахъ, которыми располагали эксперты; между тѣмъ испытанія продолжались, награды не были присуждены на выставкѣ и кончилось все-таки тѣмъ, что болѣшая часть орудій и машинъ была оцѣнена по одному осмотру. Если допустить испытанія орудій и машинъ на подобныхъ общихъ выставкахъ, то только испытывать такія, которыя представляютъ совершенно новую конструкцію или значительно измѣненную старую; вынѣ достоинства болѣе части сельско-хозяйственныхъ машинъ на столько оцѣнены многочисленными испытаніями за границей, что испытывать ихъ на каждой выставкѣ совершенно

наличне. Если испытаніе орудій и оцѣнка ихъ экспертами могутъ принести нѣкоторую практическую пользу, то единственно на конкурсахъ специальныхъ, при которыхъ только и можно испытать орудія въ болѣе продолжительный срокъ времени и при различныхъ условіяхъ.

Въ извлеченныхъ нами мнѣніяхъ г. Черняева сдѣланъ весьма строгій приговоръ прошедшей московской выставкѣ, которую въ общихъ словахъ можно назвать существовавшей лишь для самой себя, потому что общественная польза ея представляется весьма незначительной и даже сомнительной. Но къ московской выставкѣ нельзя относиться слишкомъ строго, потому что она страдаетъ недостаткомъ, общимъ для всѣхъ подобныхъ выставокъ въ Россіи. Мы затрудняемся высказать мнѣніе о томъ, кому должна принадлежать инициатива и отъ кого можно ожидать болѣе пользы въ разрѣшеніи общихъ вопросовъ, касающихся сельско-хозяйственныхъ выставокъ въ Россіи. Конечно, было бы всего справедливѣе требовать специальной и тщательной разработки этого предмета отъ вольнаго экономического общества, какъ учрежденія центрального и весьма немалочисленнаго по своему личному составу, но мы сомнѣваемся, чтобы это общество способно было на подобный трудъ какъ изслѣдованіе и опредѣленіе цѣли и внутренней организаціи нашихъ выставокъ.

Для образца дѣятельности вольнаго экономического общества приводимъ журналъ *чрезвычайно общаго* собранія общества, 17-го декабря 1864 г., напечатанный въ первомъ томѣ «Трудовъ» за январь 1865 года.

Присутствовали въ этомъ чрезвычайномъ общемъ собраніи: секретарь А. И. Ходневъ, 38 членовъ и 6 сотрудниковъ; президента и вице-президента, «по случаю болѣзни и отсутствія», не было, и собраніе, заявивъ о причинахъ *неприсутствованія отсутствующихъ*, просило старѣйшаго изъ присутствовавшихъ членовъ, Д. К. Тарасова, заступить мѣсто председателя, на что г. Тарасовъ изъявилъ свое согласіе и занялъ президентское кресло.

За тѣмъ начался докладъ. Доложено обществу отношеніе комитета всероссійской выставки сельскихъ произведеній въ Москвѣ о томъ, что на всѣ три преміи, назначенныя вольнымъ экономическимъ обществомъ для выдачи на выставкѣ, подходящихъ предметовъ не оказалось, и что изъ нихъ на третью премію, назначенную за самое полное собраніе и въ достаточномъ, при томъ, количествѣ образцовъ сѣмянъ дикорастущихъ въ южной Россіи кормовыхъ травъ, которыя могутъ быть разводимы хозяйственнымъ способомъ, съ описаніемъ, если возможно, опытовъ этого разведенія, а также почвъ и способовъ культуры, могли конкурировать только два экспонента: кандидатъ харьковскаго университета Л. В. Черняевъ и помѣщикъ харьковской губерніи

г. Гордѣнко; первый представилъ неполную коллекцію и безъ всякаго описанія, второй—коллекцію съ описаніемъ и съ указаніемъ на производимыя имъ въ широкихъ размѣрахъ опыты. Комиссія экспертовъ выставки признала эту послѣднюю коллекцію заслуживающею преміи, хотя коллекція и не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ преміи общества. Совѣтъ общества согласился съ мнѣніемъ экспертовъ; но дѣло въ томъ, что когда совѣтъ разсматривалъ этотъ вопросъ, одинъ изъ членовъ совѣта, Н. В. Чернявъ, не присутствовалъ; въ чрезвычайномъ же и полномъ собраніи общества членъ сей могущественно опровергъ заключеніе дѣлаго совѣта; затѣмъ вопросъ подвергнутъ баллотировкѣ, по которой мнѣніе совѣта отвергнуто большинствомъ 21-го противъ 16. Что можно вывести изъ этого факта? По нашему мнѣнію, ни болѣе ни менѣе, какъ то, что или совѣтъ общества и эксперты выставки были далеко некомпетентны въ дѣлѣ, или чрезвычайное общее собраніе состояло изъ людей еще болѣе некомпетентныхъ; мы не рѣшаемся сдѣлать предположенія о компетентности общаго собранія въ настоящемъ вопросѣ, потому что совѣтъ и эксперты были поставлены ближе къ предмету, о которомъ разсуждали, и во всякомъ случаѣ были спеціалисты, общее же чрезвычайное собраніе, кажется, состояло болѣе изъ дилеттантовъ, какъ увидимъ ниже.

Послѣ этого мнѣнія совѣтъ общества представлялъ на разсмотрѣніе чрезвычайнаго общаго собранія вопросъ о награжденіи, «*во вниманіе ревностныхъ и исправныхъ занятій по обществу*» вахтера Шабалина 22 р., сторожа Авдѣева 20 р., пяти другихъ сторожей и дворника (имена которыхъ, къ сожалѣнію, потеряны для столѣтней исторіи общества) по 15 руб. каждому, истопника (не поименованъ) 6 р. и служанки при оспонрививальнѣ (тоже неназвана) 7 рублями. Въ этомъ представленіи совѣтъ общества былъ счастливѣе, чѣмъ по вопросу о присужденіи преміи за коллекцію сѣмянъ, и компетентность совѣта и чрезвычайнаго общаго собранія, въ дѣлѣ оцѣнки «*ревностныхъ занятій по обществу*» означенныхъ дворниковъ и служанки, оказались равносильны. Нѣтъ сомнѣнія, что награждать за *ревностныя занятія по обществу* лицъ, участвовавшихъ въ полезныхъ для отечества трудахъ его, вполнѣ похвально, но мы не можемъ пропустить безъ вниманія тотъ фактъ, что совѣтъ или кто либо изъ административныхъ лицъ общества не уполномочены своей властью наградить истопника 6 рублями, и вопросъ объ этомъ долженъ обсуждаться чрезвычайнымъ и общимъ собраніемъ.

За тѣмъ, доклады и пренія собранія обращаются къ предметамъ *высшихъ* интересовъ общества. Г. Леонтьевъ излагаетъ передъ лицомъ чрезвычайнаго и общаго собранія вольнаго экономическаго общества письменно свое мнѣніе о необходимости со стороны общества увѣковѣчить высочайшій указъ 20-го ноября 1863 года о судебной реформѣ, учрежденіемъ вѣчной стипендіи, хотя на одного студента, по юридическому факультету

изъ крестьянскаго сословія. Совѣтъ общества исполнѣ раздѣляетъ мнѣніе г. Леонтьева объ учрежденіи стипендіи, но лишь сомнѣвается нѣсколько въ томъ, что *юридическій факультетъ* подойдетъ къ предмету дѣятельности общества, и потому полагаетъ, что слѣдуетъ назначить стипендію для одного студента петровской академіи, вышедшаго изъ крестьянскаго сословія. Г. Водовъ поддерживаетъ предложеніе г. Леонтьева, полагая, что стипендія должна быть учреждена непременно по юридическому факультету, такъ-какъ петровская агрономическая академія не имѣетъ никакого отношенія къ судебной реформѣ. Г. Тарасенко-Отрѣшковъ (весьма извѣстный и дѣятельный членъ общества) доказываетъ, что судебная реформа касается всѣхъ сословія, что потому въ назначеніи стипендіи нельзя дѣлать предпочтенія крестьянскому сословію, и что юридическій факультетъ относится къ предметамъ дѣятельности общества, вопреки мнѣнію совѣта. Г. Великопольскій возстаетъ противъ всякой регламентаціи относительно выбора факультета и сословія стипендіата. Г. Леонтьевъ настаиваетъ на томъ, чтобы стипендія была непременно для крестьянскаго сословія, такъ-какъ этимъ способомъ экономическое общество увѣковѣчитъ разомъ и судебную реформу, и событие 19-го февраля 1861 г. Г. Фуксъ доказываетъ, что 19-е февраля 1861 г. уже поздно увѣковѣчивать, такъ-какъ оно увѣковѣчилось само собою (то-есть безъ участія вольнаго экономическаго общества), и находитъ, что судебная реформа также можетъ обойтись безъ экономическаго общества. Послѣ нѣкоторыхъ преній на счетъ круга занятій вольнаго экономическаго общества, г. Лялинъ (членъ) предложилъ, по важности разсматриваемаго вопроса, отложить окончательное рѣшеніе его до ближайшаго общаго собранія. Собраніе раздѣлилось на два равночисленныя лагеря, и только голосъ предсѣдательствовавшаго, старѣйшаго изъ присутствовавшихъ, рѣшилъ вопросъ въ пользу того, чтобы отложить его до слѣдующаго засѣданія. Нельзя не показать, что остается неизвѣстнымъ мнѣніе другой половины собранія, несогласавшейся съ этимъ рѣшеніемъ. Хотѣли ли эти члены собранія, чтобы вопросъ рѣшенъ былъ безотлагательно, или вовсе не допускали необходимости возбуждать подобнаго вопроса послѣ ста лѣтъ существованія общества, находя, что пора уже обществу привыкнуть къ предметамъ своей дѣятельности? Все это, къ несчастію, остается неизвѣстнымъ. Конечно, нельзя сравнивать во всемъ натуру и свойства отдѣльнаго человѣка съ свойствами и натурой корпоративныхъ единицъ, но нельзя не замѣтить, что отдѣльный человѣкъ къ ста годамъ обыкновенно начинаетъ многое забывать, и теряетъ способность различать предметы, свойственные потребностямъ и обязанностямъ человѣка. Можетъ быть, нѣчто подобное случается и съ корпораціями, возросшими на нашей почвѣ.

Изъ журнала этого же засѣданія мы узнаемъ, что собраніе исключило изъ сметы производившіяся донныя расходи, въ 1,000 руб. ежегодно, «на выборку матеріаловъ» для исторіи общества.

Такимъ образомъ, экономическое общество, весьма ревнивое къ своей исторіи, теряетъ возможность собирать о самомъ себѣ новыя историческія матеріалы, и слѣдовательно имѣть полную свою исторію. Объ этомъ нельзя не пожалѣть.

На вольномъ экономическомъ обществѣ, весьма естественно, не могъ не отразиться характеръ общаго теченія дѣлъ въ Россіи, характеръ перехода къ новому складу жизни. Общество, то-есть свойство его дѣятельности и личный составъ его, находится въ такомъ же переходномъ состояніи, какъ и самыя предметы его дѣятельности: сельское хозяйство, сельско-хозяйственная промышленность и проч. Въмѣсто поименованныхъ ораторовъ надо ожидать участія людей, болѣе или менѣе спеціально знакомыхъ съ предметомъ, людей, постытившихъ свою дѣятельность практическому или научному труду по той или другой отрасли сельскаго хозяйства, а также и людей, заинтересованныхъ непосредственно въ успѣхахъ этого дѣла; со стороны послѣднихъ, какъ отъ большинства, можно ожидать матеріальной поддержки обществу для его трудовъ и вообще для всякой его дѣятельности.

Нѣтъ сомнѣнія, что недалеко это время обновленія и оживленія общества, когда настоящіе его члены-ораторы, наполняющіе собою пустоту переходной эпохи общества, уступятъ мѣсто другимъ дѣятелямъ, истинно полезнымъ для дѣла, и сами затеряются на заднемъ планѣ. За дальнѣйшую судьбу экономическаго общества нельзя опасаться; оно не можетъ обратиться въ бесполезную говорильню, потому что дѣятельность общества прежде всего касается матеріальныхъ, практическихъ интересовъ огромнаго числа землевладѣльцевъ, нуждающихся въ указаніяхъ, совѣтахъ и руководствѣ въ хозяйственномъ дѣлѣ.

«Морской Сборникъ» (*) началъ печатаніе статьи г. П. Л. Лаврова: «Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ». Самое заглавіе это достаточно выражаетъ громадность труда, но кромѣ того авторъ предъувѣдомляетъ, что, въ томъ объемѣ, который онъ назначилъ для этой работы, и въ Европѣ нѣтъ сочиненія, вполне удовлетворяющаго поставленной имъ задачѣ. Планъ свой авторъ обѣщаетъ изложить по окончаніи труда, а также указать и разобирать источники его. Задача, поставленная авторомъ, выражается въ напечатанномъ нынѣ вступленіи къ «Очерку исторіи физико-математическихъ наукъ». Мы передадимъ здѣсь мысли автора по избранному имъ предмету.

Знаніе, научное пониманіе въ обществѣ и въ единицахъ подчинено закону *постепеннаго развитія* и требуетъ постоянного упражненія. Долгіе періоды должны были проходить до того, пока человѣкъ усвоилъ самыя простыя истины, пока перешелъ отъ

(*) Январь 1865 г.

нихъ къ другимъ болѣе сложнымъ, и пока истины, усвоенныя единицами, сдѣлались достояніемъ большинства. Человѣчество научно развивалось только вслѣдствіе упражненія, и каждое упражненіе въ томъ, что было приобрѣтено предыдущими періодами, подготовило новый шагъ на пути научнаго развитія. Но, нетолько истины научныя сами по себѣ могутъ представить интересъ для любознательности, но еще и способъ ихъ накопленія, ихъ исторія. Въ этой исторіи мы замѣтимъ, что есть вопросы, которые составляютъ какъ-бы узлы науки: къ нимъ долго готовятся умы рядомъ предыдущихъ работъ; сотни нитей идутъ къ нимъ отъ прошедшаго; когда же человѣчество ихъ достигло, изъ нихъ рождается цѣлый рядъ новыхъ открытій, новыхъ взглядовъ; отъ нихъ тянутся въ будущее сотни новыхъ нитей, и области мысли, повидимому имѣющія съ ними даже весьма слабую связь, получаютъ отъ нихъ новое освѣщеніе, новую жизнь. Какъ теоретически весьма интересно ознакомиться съ подобными основными фактами исторіи науки, такъ и практическое значеніе ихъ довольно велико. Исполнивъ свое дѣло въ исторіи человѣчества, они продолжаютъ оказывать свое вліяніе на развитіе отдѣльных личностей: какъ въ данную эпоху они освѣтили своимъ появленіемъ цѣлыя области наукъ, такъ и въ умственномъ развитіи личностей они становятся необходимыми элементами развитія. Другая практическая польза, представляемая изученіемъ исторіи наукъ, заключается въ изученіи тѣхъ способовъ, которыми счастливыя, занявшія первыя мѣста въ этой исторіи, устранили затрудненія, непреодолимыя для ихъ предшественниковъ; въ связяхъ съ тѣми недостатками въ научной критикѣ, которые такъ долго останавливали развитіе знаній, такъ долго пытались человѣческую мысль. Наконецъ, исторія человѣческой мысли можетъ служить еще для одной цѣли, хотя и не давая столь опредѣленныхъ результатовъ, какъ въ предыдущихъ случаяхъ. Она можетъ указать направленіе, въ которомъ человѣческое розсужденіе приводило къ прочному и непрерывному движенію впередъ, и другое направленіе, на которомъ лучшіе умы всегда заблуждались или, по крайней мѣрѣ, тратили понапрасну свои труды; слѣдовательно можетъ указать, гдѣ вѣроятность успѣха и для будущихъ изслѣдователей остается наибольшею и гдѣ она весьма мала. Исторія внѣшняя, т.-е. исторія войнъ, династій и т. п., отступаетъ на второй планъ передъ борьбой идей, передъ измѣненіями во взглядѣ общества на природу и человѣка; словожъ, исторія, бывшая во время оно преимущественно политической, въ наше время становится преимущественно исторіей культуры. Исторія научнаго развитія занимаетъ важное мѣсто въ исторіи культуры, и изученіе первой важно по отношенію къ изученію послѣдней.

Итакъ, исторія научнаго развитія человѣчества должна составить предметъ труда, но въ широкомъ смыслѣ исторія эта была бы исторіей *умственного развитія чловѣка, или исторіей чловѣческой ми-*

сли, и это выходило бы за предѣлы плана, опредѣленнаго для избраннаго авторомъ труда. Даже наука *въ тѣсномъ смыслѣ*, т.-е. съ гипотезами, всегда дополняющими то, чего не послѣдовалъ человекъ; философій, представляющей систематизированныя мировоззрѣнія человека, выходитъ изъ предѣловъ «Очерка исторіи физико-математическихъ наукъ».

Все сущее можетъ быть разсматриваемо человекомъ какъ *явленіе стѣпняго міра*. Изслѣдованіе предметовъ съ этой точки зрѣнія составляетъ задачу особой группы наукъ, и объ этой-то точкѣ зрѣнія и будетъ идти рѣчь въ трудѣ г. Лаврова. Научное изслѣдованіе всего сущаго, какъ предметовъ внѣшняго міра, составляетъ предметъ естествознанія въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, и это научное изслѣдованіе требуетъ помощи математики.

Такимъ образомъ науки математическія и естественныя опредѣляютъ область, исторію которой авторъ взялъ на себя трудъ разсмотрѣть; но какъ и въ нихъ есть утвержденія, еще не вполне оправданныя, то авторъ ограничивается областью математико-физическихъ наукъ на столько, на сколько знанія эти могутъ доказать свои права на непроизвольность и неизмѣняемость своихъ законовъ и на точность своихъ методовъ изслѣдованія. Исторія наукъ физико-математическихъ въ этомъ объемѣ и составитъ предметъ труда.

Если бы мы ограничились указаніемъ лишь на изложенныя нами общія черты плана г. Лаврова, то мы опредѣлили бы не вполне характеръ этого труда. Авторъ находитъ, что если исторія наукъ математико-физическихъ составляетъ отдѣлъ исторіи науки вообще, послѣдняя же входитъ какъ часть въ исторію человѣческой мысли, а эта въ свою очередь въ исторію вообще, то представляется необходимымъ излагать не только послѣдовательное развитіе наукъ физико-математическихъ самихъ въ себѣ, но сдѣлать выводъ о вліяніи историческихъ событій вообще и событій въ исторіи мысли въ особенности на отдѣлъ наукъ разсматриваемыхъ. Но какъ ни научныя истины, ни историческія событія вообще не происходили сами собою безъ участія человѣческихъ личностей, и личности, являющіяся главными дѣятелями въ исторіи мысли, носятъ на себѣ не только отпечатокъ тѣхъ общихъ понятій, которыя для нихъ формулируются какъ духъ современной намъ эпохи, но и свою личную характеристику, обособляющую ихъ отъ другихъ ихъ современниковъ и опредѣляемую рядомъ событій ихъ частной жизни, ихъ біографіей — то, по мнѣнію автора, нельзя не брать въ соображеніе человѣческихъ личностей при осуществленіи общаго закона развитія человечества, который осуществляется не иначе, какъ при посредствѣ человѣческихъ личностей. Кромѣ біографическаго элемента, не исключается изъ исторіи науки и біографія ея.

Такимъ образомъ исторія математико-физическихъ наукъ должна бы показать: какимъ образомъ историческія обстоятельства

въ данную эпоху подготовили почву для совершоннаго шага въ наукѣ; какія побужденія изъ прочихъ областей жизни ускорили этотъ шагъ; какіе предъидущіе научные успѣхи сдѣлали его возможнымъ; какія преграды поставила эпоха ясному пониманію открытой истины и вытекающихъ изъ нея слѣдствій; съ какими препятствіями должна была бороться эта истина, чтобы укорениться сначала въ умѣ ученаго, потомъ въ сферѣ признанной науки, наконецъ, въ обществѣ; какъ обстоятельства жизни данной личности и ея умственное развитіе позволили именно этой личности уловить эту истину и утвердить за нею ея мѣсто въ наукѣ, но въ то же время позволили ученому понять открытую имъ истину и ея слѣдствія въ опредѣленной мѣрѣ. Далѣе слѣдовало бы указать, въ какихъ формахъ истина, открытая данною эпохой, представлялась умамъ предшествовавшихъ періодовъ; какъ она проявлялась то въ формѣ догадки, то въ связи съ искажавшими ее заблужденіями, въ сочиненіяхъ прежняго времени; какъ она постепенно уяснялась тому самому, кто, наконецъ, овладѣлъ ею; какіе выводы изъ нея принадлежать ему, и какіе—его преемникамъ на поприщѣ науки; наконецъ, какое вліяніе имѣло данное открытіе на послѣдующія событія въ исторіи мысли и въ исторіи вообще.

Конечно—оговаривается г. Лавровъ—это далекая задача, которую во всей ея строгости и полнотѣ не можетъ себѣ поставить въ наше время изслѣдователь, даже при самой обширной рамкѣ своего труда, какъ по недостатку подготовительныхъ частныхъ работъ, такъ и по недостатку самихъ матеріаловъ. Тѣмъ менѣе можно ожидать что либо подобное отъ очерка. Указавъ то, что *желательно* бы сдѣлать на этомъ поприщѣ, авторъ намѣренъ воспользоваться тѣми подготовительными трудами, которые уже совершены, чтобы въ поставленныхъ для труда предѣлахъ набросать общія черты великаго движенія физико-математическихъ наукъ, которое въ его дѣлности и въ поставляемыхъ границахъ не имѣло еще ни одного историка. Къ числу сдѣланныхъ авторомъ изъятій и оговорокъ принадлежитъ уклоненіе его отъ «слишкомъ большой древности» и отъ исторіи народовъ древняго Востока, Африки, Америки и Океаніи.

Предметъ труда г. Лаврова и самая попытка осуществить его составляютъ уже событіе въ нашей литературѣ; какъ исполнить авторъ свою задачу, найдетъ ли онъ необходимыя для труда матеріалы—это вопросъ, на который можно будетъ отвѣчать тогда лишь, когда по крайней мѣрѣ большая часть труда ляжетъ въ печати. Что касается до плана и вообще всей обстановки, которой намѣренъ окружить г. Лавровъ исторію физико-математическихъ наукъ, то намъ важутся они едва-ли исполнимыми. Строго ограничивая главную цѣль одной лишь исторіей тѣхъ знаній, которыя могутъ доказать свои права на непроницаемость и неизмѣнимость законовъ и на точность методовъ изслѣдованія, г. Лавровъ связываетъ исторію движенія физико-

математическихъ наукъ съ общимъ движеніемъ человѣческой мысли, науки вообще и политической исторіи, даже съ массой частныхъ вліяній отдѣльныхъ личностей, почему и вводитъ въ свой трудъ даже біографическій матеріалъ. Исторія философіи, исторія религіи, исторія положительныхъ законовъ, исторія преемственности наслѣдія цѣлыхъ народовъ и поколѣній—все это, по плану г. Лаврову, должно войти въ его трудъ. Какого метода изслѣдованія и изложенія этого необъятнаго матеріала будетъ придерживаться авторъ—это неизвѣстно; будетъ ли онъ въ этой части труда ограничиваться результатами и выводами, усвоенными каждой наукой, или допустить положенія, такъ сказать, новомодныя, еще незнавшія въ наукѣ прочнаго мѣста—все это разрѣшить намъ самый трудъ. Но во всякомъ случаѣ невольно хочется замѣтить, что собственно исторія физико-математическихъ наукъ должна занять въ этомъ трудѣ, согласно плану, не особенно видное мѣсто, потому что побочныхъ вопросовъ слишкомъ много, и самое изложеніе ихъ по сравненію съ изложеніемъ фактовъ собственно исторіи точныхъ знаній, должно занять наибольшую часть труда.

Мы желаемъ, чтобы г. Лавровъ вышелъ побѣдоносно изъ той громады матеріала, которую онъ захватилъ для своего труда; желаемъ, чтобы онъ сохранилъ строгую критику въ оцѣнкѣ и разработкѣ источниковъ и счастливо завершилъ свой трудъ, который во всякомъ случаѣ будетъ небывало-смѣлой попыткой въ исторіи русской литературы... если онъ будетъ оригинальнымъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НОВЫЕ РОМАНЫ НѢМЕЦКІЕ И ФРАНЦУЗСКІЕ.

Новый годъ не принесъ европейскимъ литературамъ богатой жатвы повѣстей и романовъ; попрежнему мы не видимъ явленій, которыя служили бы полнымъ поэтическимъ выраженіемъ тревожной жизни современнаго общества, и попрежнему должны довольствоваться только произведеніями второстепеннаго достоинства, едва лишь намекающими на всѣ тѣ трудныя задачи, которыя современная жизнь предлагаетъ художникамъ, стремящимся ее воспроизвести. А что задачи эти страшно трудны — въ томъ едва-ли кто усумнится. Никогда еще интересы европейскаго общества не были сложнѣе, чѣмъ нынѣ; различные политическіе вопросы, время отъ времени прорывающіеся въ громкихъ за-

явленіяхъ, и никогда несомокающіе вполнѣ, борьба религиозно-философскихъ потребностей личности съ преданіями, притязательно сокращаемыми людьми извѣстной касты, явленія общественнаго и частнаго быта во всемъ разнообразіи національныхъ отбѣнковъ, глубина науки—вотъ тотъ огромный матеріалъ, который долженъ быть приведенъ въ ясное сознаніе художникомъ, рѣшающимся взяться за картину современнаго общества. Размѣры шекспировскаго или байроновскаго гениа едва достаточны, чтобы вполнѣ овладѣть всей сущностью такой задачи, и потому понятно, что иныя дарованія, хотя и сильныя, далеко ее не исчерпываютъ.

Мы уже не разъ говорили о бѣдности поэтическихъ талантовъ въ современной нѣмецкой литературѣ; теперь мы снова должны повторить то же самое, и притомъ еще съ бѣльшимъ сознаніемъ, такъ-какъ имѣемъ на лицо значительный запасъ новыхъ образцовъ этой посредственности (*). Одно изъ главныхъ направленій современной нѣмецкой беллетристики есть направленіе, такъ-называемое, культурно-историческое. Оно стремится стать въ соотвѣтствіе съ современными требованіями отъ исторіи, какъ науки, и воспроизводить результаты историческихъ изслѣдованій, явнче, быть вѣрнымъ исторической истинѣ, не только въ общей идеѣ предмета, но и въ подробностяхъ. Основа его—дать подкладку общественной пользы тому роду романа, который въ рукахъ Вальтер-Скотта имѣлъ исключительно свободный художественный характеръ; поэтому, въ герои культурно-историческаго романа всегда избирается личность, имѣвшая прогрессивное вліаніе въ свое время, и ее представляютъ какъ образецъ общественнаго дѣятеля; такимъ образомъ роману вмѣняется въ непремѣнный долгъ имѣть образовательное вліаніе на умъ и сердце читателя, который въ удобопонятной формѣ узнаетъ историческіе факты и вмѣстѣ съ тѣмъ научается благородно мыслить и чувствовать. Очевидно, что при такихъ условіяхъ, тщетно было бы искать у культурно-историческихъ романистовъ настоящей исторической истины; неспособные понять ее, они ограничиваются подборомъ однѣхъ внѣшнихъ подробностей и, разумѣется, очень далеки отъ вальтер-скоттовскаго проникновенія въ характеръ изображаемой эпохи; ихъ дѣйствующія лица строго раздѣляются на прогрессивныхъ и обскурантовъ, и между тѣмъ какъ первые рисуются въ самыхъ ровныхъ краскахъ, на послѣднихъ обрушивается надлежащая доля авторскаго негодованія. Такимъ образомъ, прошедшее представляется въ подобныхъ романахъ не въ

(*). Исключеньемъ изъ числа этихъ произведеній новыя романы Г. Фрейтага: «Потерянная рукопись»; онъ намъ еще неизвѣстенъ.

своей объективной реальности, а только съ той пошлой точки зрѣнія, съ которой на него способны взглянуть культурные романисты. Скрытая цѣль сочинителей—поставлять интересное и полезное чтеніе низшимъ слоямъ грамотной публики—особенно ясно высказывается въ томъ, что нѣкоторые сочинители въ герои подобныхъ романовъ избираютъ даже живыхъ современныхъ дѣятелей, какъ императора Наполеона или Гарибальди (романъ о Гарибальди былъ даже переведенъ на русскій языкъ и напечатанъ въ «Современникѣ», какъ оригинальное произведеніе нѣкого русскаго автора, и не какъ романъ притомъ, а какъ истинная біографія); за то другіе авторы обращаются за матеріаломъ въ глубину сѣдой древности. Такъ, напримѣръ, недавно появился романъ Георга Эберса: *Дочь египетскаго фараона* (*), изображающій бытъ древняго Египта. Это еще одинъ изъ лучшихъ опытовъ въ своемъ родѣ, но и объ немъ можно сказать только то, что онъ хорошъ лишь въ отношеніи внѣшнихъ бытовыхъ подробностей; во внутреннюю жизнь Египта авторъ не проникъ нисколько, и еслибы его дѣйствующимъ лицамъ дать новыя имена, въ нихъ никто бы не узналъ древнихъ египтянъ. За то значительное количество ссылокъ на источники подрѣзываетъ археологическія описанія Эберса. Еще гораздо слабѣ другой культурно-историческій романъ Павла Штейна, героемъ котораго служитъ *Иоаннъ Гутенбергъ* (**); въ немъ нѣтъ даже скудныхъ достоинствъ романа Эберса. Изъ хорошей исторіи изобрѣтенія книгопечатанія—какихъ есть нѣсколько—самый малообразованный читатель извлечетъ лучшее понятіе о Гутенбергѣ, чѣмъ изъ этого дюжиннаго произведенія.

Рядомъ съ культурно-историческимъ направленіемъ существуетъ въ нѣмецкой беллетристикѣ другое, такъ-сказать, социальное. Оно стремится раскрыть основы общественнаго быта Германіи и привязать общее сочувствіе къ тѣмъ слоямъ народа, которые составляютъ истинную силу страны въ настоящее время; а такъ-какъ въ послѣдніе годы въ Германіи чувствуется значительное торговое и промышленное оживленіе, то социальныя романисты обыкновенно проводятъ въ своихъ произведеніяхъ мрачный и враждебный взглядъ на родовую аристократію и во что бы ни стало идеализируютъ представителей денежнаго класса. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подобный тонъ для социальныхъ романовъ былъ

(*) EINE AEGYPTISCHE KÖNIGSTOCHTER. Roman von Georg Ebers. 3 B-de. Stuttgart.

(**) JOHANNES GUTENBERG. Kultur-historischer Roman von Paul Stein. 3 B-de. Leipzig.

данъ талантливымъ Густавомъ Фрейтагомъ, но съ тѣхъ поръ онъ успѣлъ уже опомнѣть у подражателей автора «Прихода и Расхода»; о новыхъ явленіяхъ въ ряду социальныхъ романовъ, произведеніяхъ Луизы Эрнести: *Аристократка и фабрикантъ* (*), и Георга Гезебіеля: *Четыре дворянчика* (**), можно сказать только то, что они не хуже и не лучше другихъ сочиненій той же школы.

Но какъ бы ни были слабы подобныя образцы социальнаго направленія, за всѣми ими есть то достоинство, что въ отношеніи литературномъ они остаются на реальной почвѣ; ниже мы будемъ имѣть случай указать на два-три произведенія, въ которыхъ этотъ реализмъ облекается даже въ довольно художественные образы, но теперь обращаемъ вниманіе читателей на произведеніе совершенно противоположнаго характера: графиня Ганъ-Ганъ все еще пишетъ романы, и все въ томъ же идеалистическо-романтическомъ направленіи, въ которомъ писала лѣтъ тридцать назадъ. Ея недавновышедшій *Перегринъ* (***) есть романъ полемическій, направленный противъ современнаго реализма, исполненный мистическихъ идей и написанный надутымъ, возвышеннымъ слогомъ; чтобы опредѣлить его характеръ, довольно упомянуть, что дѣйствующія лица «Перегрина» называются не иначе, какъ Алариками, Колумбами, Гелиадами и т. д. Переходимъ теперь къ *Старшинъ Рыку*, роману Эдмунда Гёфера (****), который можетъ быть названъ относительно лучшимъ произведеніемъ нѣмецкой беллетристики за послѣдніе мѣсяцы. Это — типически вѣрная и лишённая жизни картинка изъ жизни торговаго нѣмецкаго городка въ началѣ нынѣшняго вѣка. Обычная растянутость и рѣзкость нѣмецкаго романа соотвѣтствуютъ здѣсь важному старомодному быту нѣмецкихъ бюргеровъ, и подробная рисовка автора здѣсь такъ же умѣстна, какъ въ произведеніяхъ голландской живописи, дающей намъ лучшее поватіе о жизни голландцевъ XVII вѣка. Изображеніе самого старшины, въ характерѣ котораго вужно было примирить довольно рѣзкія противоположности, свидѣтельствуетъ о тонкой наблюдательности и оригинальномъ до нѣкоторой степени талантѣ автора. То же умѣнье изображать почвенныхъ представителей нѣмецкой народности, отличаетъ и Леопольда Комперта, издавашаго новыя сборники своихъ повѣстей

(*) DIE ARISTOKRATIN UND DER FABRIKANT. Ein Roman von *Luise Ernesti*. 2 Bde. Jena.

(**) VIER JUNKER. Roman von *Georg Hesehiel*. 3 Bde. Berlin.

(***) PERGRIN. Ein Roman von *Ida Gräfin Hahn-Hahn*. 2 Bde. Mainz.

(****) ALTERMANN RYKE. Eine Geschichte aus dem Jahre 1806, von *Edmund Hofer*. Berlin.

подъ заглавіемъ *Разказы изъ одной улицы* (*). Нельзя не отдавать справедливости подобнымъ произведеніямъ; при слабости ихъ въ отношеніи художественномъ, они по крайней мѣрѣ имѣютъ достоинства этнографическаго матеріала; но съ другой стороны, конечно, подобныя достоинства очень узки для произведеній, къ которымъ читатель обращается съ обычными своими требованіями отъ хорошей повѣсти или романа. Тутъ онъ не найдетъ ни зеркала своего собственнаго внутренняго бытія, ни выраженія горькой прои́и жизни, ни идеаловъ, которыхъ онъ ищетъ; и вотъ въ этомъ-то смыслѣ даже и при большемъ живописномъ талантѣ авторовъ, исключительно бытовые разказы не могутъ быть поставлены въ рядъ тѣхъ литературныхъ явленій, которыя если не удовлетворяютъ, то стараются удовлетворить высшимъ потребностямъ развитаго читателя нашего времени. Произведеній же этого высшаго разряда современная нѣмецкая бельетристика совершенно не имѣетъ.

Строго говоря, немного богаче ими и литературы французская и англійская; но по крайней мѣрѣ послѣднія съ большей смѣлостью ставятъ свои задачи. Между тѣмъ какъ въ Германіи социальное направленіе бельетристики есть почти новостъ, во Франціи и Англии романъ давно уже черпаетъ свой матеріалъ изъ общественной и частной жизни страны; но за то, благодаря посредственности талантовъ, писаніе подобныхъ романовъ сдѣлалось ремесломъ и тѣмъ убило ихъ значеніе. Поэтому отличительною чертою новѣйшей французской и англійской бельетристики является уже не стремленіе показать современное общество въ какомъ-нибудь новомъ свѣтѣ, а просто желаніе приискать новыя заманчивыя пружины романтической завязки, выставить характеры не слишкомъ избитые и надоевшіе читателю и, наконецъ, блеснуть остроуміемъ своихъ случайныхъ замѣтокъ; иной же разъ случается, что авторы ограничиваютъ всю оригинальность своихъ произведеній какою-нибудь новою формою, въ которую имъ вдумалось облечь ихъ скудное содержаніе. Такъ, напримѣръ, въ послѣднее время во французской литературѣ пошла въ моду форма маленькихъ повѣстей, которыя авторъ издаетъ въ видѣ сборника, иногда связывая ихъ какою-нибудь общою мыслью или единствомъ основныхъ мотивовъ завязки. Недавно появилось нѣсколько подобныхъ сборниковъ, и о большей части ихъ французскіе журналы отзываются съ большими похвалами. Но мы уже не разъ говорили, что на похвалы французской критики можно полагаться только условно. Французская литература въ высшей степени

(*) *Geschichte einer Gasse, von Leopold Kompert. 3de. Berlin.*

національна и рѣзко выражаетъ особенности своего народа, но тѣмъ не менѣ иностранецъ, особенно русскій, находитъ и въ искусствѣ, и въ эстетическихъ сужденіяхъ французовъ такъ много натянутого, что нерѣдко не можетъ помириться съ благосклонными отзывами ихъ критики о разныхъ литературныхъ явленіяхъ, просто оскорбляющихъ его чувство дѣйствительности и реальной красоты. Такъ, напримѣръ, что французъ называетъ граціознымъ, намъ кажется изысканнымъ, что для него—паеосъ страсти, для насъ—неискренняя риторическая болтовня, и т. д. Стало быть, въ художественномъ отношеніи не можетъ быть полного единства вкуса и взгляда между требованіями французской и русской критики. Съ другой стороны, еще менѣ можно довѣрять французскому критику тамъ, гдѣ онъ судитъ о міросозерцаніи разбираемаго имъ автора и о его отношеніи къ изображаемымъ явленіямъ. Здѣсь различіе народныхъ особенностей высказывается уже слишкомъ явно, и распространяться о немъ излишне. Стало быть, здѣсь еще болѣе нужно держать себя насторожѣ; такъ, напримѣръ, если французскій критикъ хвалитъ юморъ, сарказмъ какого-нибудь повѣствователя или нравоописателя, не ожидайте что и васъ вполне удовлетворитъ это поверхностное отрицаніе, такъ-какъ оно въ сущности — только легкая шутка, ловкій маневръ ума, выводящій человѣка изъ недоразумѣнія, но большей мѣрѣ — торжество здраваго смысла надъ страстнымъ порывомъ. Нельзя не признать, что французскому сарказму принадлежитъ въ извѣстной степени даже мировое значеніе; тѣмъ болѣе нельзя отвергнуть, что этотъ сарказмъ въ высшей степени націоналенъ — но все же нельзя имъ упиваться и наслаждаться до того, чтобы видѣть въ немъ одно изъ высшихъ проявленій творчества. И самое отрицаніе у разныхъ народовъ имѣетъ свои національныя особенности; стало быть, и мы, русскіе, знающіе, что такое «зримый смѣхъ сквозь незримы слезы», нивга не отнесемъ къ французскому, часто безсодержательному юмору, строго критически.

Въ числѣ новостей французской бельетристики есть именно и такой сборникъ, который метитъ на юмористическое направленіе; онъ называется *Сороковка* (*), потому что въ немъ сорокъ главъ, и написанъ онъ въ сорокъ дней; авторъ его — молодой бельгіецъ, Мишель Беранъ; въ его «Сороковкѣ» читатель находитъ и рядъ повѣстей, и рядъ маленькихъ статей, наиполнейшихъ полусерьезной, полшутливой болтовней о разныхъ матеріяхъ важныхъ, какъ напримѣръ о французскомъ и англійскомъ

(*) LA QUARANTAINE, par M. Berand. Paris.

краснорѣчія, о мудрости пословицы, о томъ, какая нація—умнѣйшая въ мірѣ, какимъ образомъ писатель выражается въ своемъ слогѣ, и т. д. Болтовня эта до того понравилась критикамъ, что одинъ изъ нихъ даже вспоминаетъ, по поводу ея, о Вольтерѣ, Монтанѣ и Поль-Луи Курье; а другой описываетъ ея впечатлѣніе въ слѣдующихъ неудобопонятныхъ словахъ: «юмористическія выходы Берана очень утонченны, и повѣсти его отличаются какою-то странностью, такъ что изъ книги вообще выносятся впечатлѣніе, которое трудно опредѣлить: васъ постоянно извѣять иглами, которыя авторъ терпѣливо изострилъ; васъ постоянно поражаетъ неожиданность фразъ, мыслей, начинающихся серьезно и кончающихся шуткой; вы почти постоянно раздражаетесь, чувствуя себя не въ безопасности и не встрѣчая потоковъ свободнаго и чистаго воздуха», и т. д. Но иначе дѣйствуетъ книжка Берана на читателя непредубѣжденнаго. Онъ уменъ, это правда, но мало того—онъ хочетъ показывать свой умъ и умничаеть: этимъ-то онъ и надоедаетъ. Его напряженный юморъ становится утомителенъ съ третьей страницы, а замѣчанія о разныхъ предметахъ, претендующія на глубину и оригинальность мысли, теряютъ всякое значеніе при повѣркѣ ихъ результатами болѣе строгаго изученія; такъ напримѣръ, онъ строитъ цѣлую новую теорію пословицы, и все это на основаніи нѣсколькихъ фактовъ, которые давно признаны невѣрными. Болѣе живыхъ чертъ дарованія Беранъ обнаруживаетъ въ тѣхъ именно частяхъ книги, на эффектъ которыхъ онъ меньше рассчитывалъ: въ его повѣстяхъ видна новизна чувства, умѣнье выбирать драматическія положенія и умѣнье тонко анализировать живые характеры.

Другой молодой писатель Виллеманъ, авторъ *Несподобныхъ странъ* (*), ухитрился соединить интересъ сборника повѣстей съ интересомъ одного господствующаго сюжета. Онъ рассказываетъ происхожденія какого-то молодого человѣка и между ними эпизодически вставляетъ посторонніе рассказы; но этимъ рассказамъ придано преобладающее значеніе и на нихъ по преимуществу останавливается читатель. И Виллеманъ претендуетъ на рѣзкую оригинальность (что, между прочимъ, выражено и въ заглавіи книги), но она не всегда ему удается: нѣкоторые его рассказы только повторяютъ мотивы, не разъ развитые другими повѣствователями; за то другіе обнаруживаютъ значительную самостоятельность. Виллеману хорошо удаются простонародные типы, къ которымъ онъ относится не иронически, а съ теплымъ участіемъ, непреходящимъ однако въ чувствительность.

(*) *Récitons insommes, par J. Villemain. Paris.*

Разказы для Ниноны составляютъ первый дебютъ нѣкого Эмиля Золя (*). На его произведеніяхъ замѣтно вліяніе Виктора Гюго, Альфреда Мюссе, Гофмана и Гейне — вліяніе, которымъ опредѣляется и отличительный характеръ его поэтическихъ разсказовъ — тонкое смѣшеніе граціозной фантазіи съ остроумною и ядовитою насмѣшливостію; но такое вліяніе не обезличиваетъ его, а только воспитываетъ его самобытный талантъ; — это доказывается тою художественною соразмѣрностію образовъ, которая отличаетъ «Разказы для Ниноны». Ихъ грація и юморъ — невнѣтаны и неизысканы, противъ обычая дюжинныхъ французскихъ талантовъ. Главная повѣсть сборника: *Великанъ Сидуанъ и малютка Медерикъ*, напоминаетъ отчасти философскія повѣсти Вольтера; въ ней много намековъ на общественныя уродливости нашего вѣка и много злой, но изящной сатиры.

Вторая жизнь — тоже бельетристическій сборникъ, послѣднее произведеніе недавно умершаго Сентина (**). Его меланхолическій талантъ доставилъ нѣкогда успѣхъ его «*Picciola*»; «*Вторая жизнь*» — едва-ли не лучшее произведеніе Сентина послѣ этого романа. Это, такъ сказать, лѣтопись сновъ, рядъ картинъ, составленныхъ изъ сновидѣній. Авторъ видитъ во снѣ дѣянія происшествія и разсказываетъ ихъ съ искусствомъ опытнаго повѣствователя. Сны его очень разнообразны; между ними есть и эпизоды изъ путешествій, и любовныя похождения, и забавныя фантастическія повѣсти, и наконецъ, случайныя встрѣчи съ разными оригинальными личностями. Въ концѣ одна глава посвящена объясненію того, что такое — сонъ. Книжка вообще занимательна и читается легко.

Наконецъ, къ числу разбираемыхъ бельетристическихъ сборниковъ должно причислить и книгу О. Лакруа, неизмѣющую особаго заглавія, но тоже заключающую въ себѣ нѣсколько повѣстей (**); характеръ ихъ по преимуществу историческій; авторъ подражаетъ Просперу Мериме и недурно воспроизводитъ характеръ разныхъ странъ и временъ.

Таковы представители моднаго жанра во французской литературѣ; какъ ни относительно отличающія ихъ достоинства, этихъ произведеніямъ принадлежитъ первое мѣсто въ бельетристикѣ послѣдняго времени. Такого успѣха, каковой заслужилъ, напримѣръ, Эмиль Золя, не имѣли даже опытные романисты: Ульбахъ, Фе-

(*) *Contes à Ninon*, par *Emile Zola*. Paris.

(**) *La seconde vie*, par *X. B. Saintine*. Paris.

(***) *Padre Antonio, Mathurink, l'Appel au roi, Un Chevalier de Malte, Suzanne de Clairvaux*, par *O. Lacroix*. Paris.

валь, Мармье, только что издавшіе по новому роману. Поэтому ограничиваемся лишь упоминаніемъ о нихъ (*). Да и дѣйстви-тельно, больше сказать — нечего.

Зато вотъ книга, которая хотя и не романъ, но по своему заглавію способна возбудить большое любопытство въ публикѣ. *Тайны французской полиціи*, сочиненіе неизвѣстнаго (**), представляющее очень занимательное и поучительное чтеніе. Это — не пошлая спекуляція на пикантный сюжетъ, а добросовѣстно обработанное повѣствованіе о дѣяніяхъ французской полиціи, какъ до революціи, такъ и послѣ нея — но, разумѣется, не въ царствованіе нынѣшняго императора. Во второмъ томѣ этихъ тайнъ, читатель, между прочимъ, найдетъ свѣдѣнія о томъ истинномъ происшествіи, изъ котораго Дюма почерпнулъ сюжетъ своего «Монте-Кристо». Изъ сличенія того и другаго оказывается, что почтенный фабрикантъ романовъ потратилъ очень мало фантазіи, чтобы сочинить эту сказку, достойную «Тысячи и одной ночи», и которою онъ, можетъ быть, хотѣлъ бы гордиться, какъ драгоцѣннѣйшимъ дѣтищемъ своего плодovitаго воображенія. Иронія судьбы не совсѣмъ пріятная!

Въ послѣднее время явились слѣдующія книги:

AN ESSAY ON THE HISTORY OF ENGLISH GOVERNEMENT AND CONSTITUTION FROM THE REIGN OF HENRY VII TO THE PRESENT TIME, by *John Earl Russel*. (Опытъ объ исторіи англійскаго правительства и конституціи съ Генриха VII до настоящаго времени, соч. графа *Джона Росселя*). London.

HISTORICAL STUDIES, by *H. Merivale*. (Историческіе этюды, *Г. Меривалла*). London.

HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ESSAYS, by *W. Nassau Senior* (Историческіе и философскіе опыты, соч. *Нассау Сениора*). London.

RECHERCHES SUR LA MONNAIE ROMAINE, DEPUIS SON ORIGINE JUSQU'À LA MORT D'AUGUSTE, par *P. P. Bourlier, baron d'Ailly*. Т. I. (Исслѣдованія о римскихъ монетахъ съ древнѣйшихъ временъ до смерти Августа, соч. *П. П. Булле барона д'Айли*. Т. I). Paris.

DIE AUSGRAVUNGEN AUF DEN HOMERISCHEN PERGAMOS, von *Hahn*. (Раскопки въ Гомеровомъ Пергамѣ, соч. *Гана*). Leipzig.

DIC TIIONNAIRE DES ANTIQUITÉS CHRÉTIENNES, par *l'abbé Martigny* (Словарь христіанскихъ древностей, сост. *аббатомъ Мартини*). Paris.

FRAGMENTS DE LITTÉRATURE MORALE ET POLITIQUE, par *P. Faugère*. (Нравственныя и политическія отрывки, соч. *Фажера*). Paris.

(*) LOUISE TARDY, par *L. Ulbach*. Paris.

ROBERT BONTEMPS, par *P. Féval*. Paris.

MÉMOIRES D'UN ORPHÈLİN, par *X. Marmier*. Paris.

(**) LES MYSTÈRES DE POLICE, 3 vols. Paris.

Т. CLVIII. — Отд. II.

TUSCAN SCULPTORS, THEIR LIVES, WORK AND TIMES, by *Cl. Perkins*. (Тосканскіе ваятели, ихъ жизнь, произведенія и время, соч. Ч. Перкинса). London.

EIN SKIZZENBUCH VON BEETHOVEN, beschrieben und in Auszügen dargestellt von *Nottebohm*. (Записная книга Бетховена, описана и въ извлеченіи изложена *Ноттебомомъ*). Leipzig.

LA QUESTION AMERICAINE, par le marquis de *Lothian*. (Американскій вопросъ, соч. *Маркиза Лотіана*). Paris.

DE L'ALIMENTATION PUBLIQUE SOUS L'ANCIENNE MONARCHIE FRANÇAISE, par *Ch. Louandre*. (Объ общественномъ продовольствіи въ дореволюціонной Франціи, соч. *Ш. Луандра*). Paris.

BEITRÄGE ZUR GESCHICHTE, STATISTIK UND ZOOLOGIE VON MEXICO, von *J. M. von Müller*. (Дополненія къ исторіи, статистикѣ и зоологіи Мексики, соч. *Мюллера*). Leipzig.)

MADAGASCAR, par *Germain* sous-ingénieur hydrographe. (Мадагаскаръ, соч. *Жермена*). Paris.

OUR TROPICAL POSSESSIONS IN MALAYAN INDIA, by *Kameroon*. (Наша тропическія владѣнія въ малайскай Индіи, соч. *Камерона*). London.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Тронная рѣчь императора Наполеона.—Неудовлетворенное любопытство Европы эту рѣчью.—Характеръ нынѣшней рѣчи и сравненіе ея съ прежними.—Замѣченныя въ ней пропуски.—Причины, вызвавшія ихъ.—«Желтая Книга».—Отчеты, помѣщенные въ «Голубой Книгѣ».—Вопросъ о положеніи рабочихъ въ Пруссіи.—Значеніе этого вопроса въ Англіи и Франціи.—Ученіе Адама Смита и его послѣдователи.—О правѣ стачекъ между рабочими.—Мнѣнія за и противъ этого права.—Французская и англійская система по устройству быта рабочихъ.—Попытка къ сліянію обѣихъ системъ въ Пруссіи.—Привлечіе прусской палатой депутатовъ предложенія Шульце-Делича.—Привычка наша смотрѣть вдаль, а не осматриваться около себя.—Какое значеніе имѣть у насъ вопросъ о положеніи рабочихъ классовъ?—Наши сельскія рабочія силы.—Топографическая замѣтка.—Переимѣна въ судьбѣ рабочихъ классовъ вслѣдствіе уничтоженія крѣпостнаго права.—Различныя виды крѣпостныхъ рабочихъ силъ.—Попытка организовать сельскія рабочія силы въ извѣстномъ смыслѣ.—Расчеты князя Васильчикова и предложеніе г. Герсеванова.—Учрежденіе преміи.—Рабочія силы на нашихъ фабрикахъ и заводахъ въ былое и настоящее время.—Отношенія, установленныя закономъ между хозяевами фабрикъ и рабочими.—Статья закона о стачкахъ между фабричными рабочими.—Замѣтки.—Положеніе нашихъ ремесленниковъ.—Заключеніе.

Если обыкновенно случается, что каждый фактъ бываетъ болѣе важенъ по своимъ послѣдствіямъ, нежели по своему началу, то этого никакъ нельзя сказать относительно открытія французской законодательной сессіи. Приступъ къ ней императорскою рѣчью возбудилъ и въ журналистикѣ, и въ общественномъ мнѣніи гораздо болѣе толковъ, нежели сколько могутъ возбудить ихъ, по всей вѣроятности, занятія законодательнаго корпуса и результаты этихъ занятій. Народное представительство Франціи имѣетъ въ настоящее время такое слабое значеніе, что высказываемыя имъ требованія опредѣляются заранѣе тою программой, которая бываетъ предложена, на этотъ случай, правительствомъ. Оппозиція въ законодательномъ корпусѣ не имѣетъ такой силы, чтобы взывать тѣ вопросы, которые не жаждетъ поднимать самъ императоръ, а тѣмъ менѣе рѣшить ихъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ угодно рѣшить ихъ правительственной власти.

Эти условия конституціоннаго порядка въ современной Франціи придаютъ императорскимъ рѣчамъ, произносимымъ при открытіи законодательныхъ сессій, то значеніе, какое не могутъ имѣть тронныя рѣчи другихъ государей. Всѣ очень хорошо знаютъ, что основныя положенія, высказанныя императоромъ, должны служить руководительною нитью для предстоящихъ трудовъ законодательной сессіи; что нельзя отступить отъ этихъ положеній, и даже значительно уклониться отъ нихъ. Слѣдовательно, въ сущности занятія законодательнаго корпуса, хотя бы внослѣдствіи, и съ нѣкоторыми болѣе или менѣе шумливыми эпизодами — будутъ только исполненіемъ воли самаго императора, и развитіемъ плановъ его правительства. При такомъ положеніи дѣлъ, императорская рѣчь становится краеугольнымъ камнемъ всей парламентской дѣятельности въ нынѣшней Франціи, къ этой рѣчи должны приурочиваться всѣ постановленія законодательной сессіи.

Мы не будемъ говорить здѣсь въ подробностяхъ объ открытіи палаты, и сообщать, гдѣ размѣстились кардиналы, министры, члены тайнаго совѣта, маршалы, и всѣ прочіе высокіе сановники имперіи, а также гдѣ расположились депутаты; довольно сказать, что все было исполнено по обычному церемониалу. Въ торжествѣ открытія палаты принимали косвеннымъ образомъ участіе и гренадеры, и кирасиры императорской гвардіи, составляя воинственную обстановку императора, на томъ пути, по которому онъ ѣхалъ въ зданіе законодательнаго корпуса, окруженный блестящей свитой, и сопровождаемый выстрѣлами изъ пушекъ дома инвалидовъ...

Извѣстно, что императоръ Наполеонъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ политическихъ ораторовъ настоящаго времени. Всѣ рѣчи его, въ отношенія слога, бывають блестящи, и оставляють впечатлѣніе въ слушателяхъ. Нынѣшняя рѣчь не отставъ по своей отдѣлкѣ отъ предшествовавшихъ ей рѣчей, и должна получить такое же значеніе, каковымъ пользовались вообще всѣ тронныя рѣчи императора Наполеона до тѣхъ поръ, пока слова его не соприкасались съ дѣйствительностію.

Такъ-какъ рѣчь императора была напечатана вполне во всѣхъ нашихъ газетахъ, то мы и считаемъ излишнимъ помѣщать текстъ ея въ нашемъ «Обозрѣніи»; точно такъ же мы не будемъ говорить подробно о тѣхъ отзыввахъ, которые были сдѣланы на счетъ ея въ разныхъ, какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ газетахъ. Скажемъ только, что французскія газеты, по усвоенному ими со временъ имперіи обычаю, отозвались о тронной рѣчи съ полнымъ сочувствіемъ, а нѣкоторыя даже и съ тою утонченною любезностію, къ которой такъ способны французы. Отзывы англійскихъ газетъ представляютъ нѣкоторое разнообразіе, но и они вообще скорѣе благопріятны, нежели враждебны тѣмъ взглядамъ на положеніе политическихъ дѣлъ Европы, который былъ выраженъ императоромъ французамъ. Дѣйствительно, что можно сказать противъ словъ первенствующаго въ Европѣ государя,

когда онъ общается ей миръ, а подвластной ему странѣ сулить лучшее устройство и развитіе гражданской свободы? Что касается нѣмецкихъ газетъ, то дѣлаемы ими комментаріи императорской рѣчи во. представляютъ ничего заслуживающаго вниманія.

Обратимся теперь къ главному содержанию императорской рѣчи.

Рѣчь императора Наполеона распадается на двѣ части: первая содержитъ краткій отчетъ о той внѣшней политикѣ, которой держалось французское правительство въ прошедшемъ году; другая заключаетъ въ себѣ виды на будущую, преимущественно внутреннюю дѣятельность императорскаго правительства.

Упомянувъ о несостоявшемся конгрессѣ, о нейтралитетѣ Франціи въ борьбѣ Даніи съ Германіей, при чемъ французское правительство — по словамъ императора — ограничилось тѣмъ, что опиралось на принципъ національностей, и на право народовъ быть вопрошаемыми о рѣшеніи своей судьбы—императоръ перешелъ къ сентябрьской конвенціи, и высказалъ на счетъ ея ту мысль, которая была постоянно выражаема въ дипломатическихъ ноткахъ тюльрийскаго кабинета. Далѣе было сказано объ упорченіи новаго императорскаго престола въ Мексикѣ, о дѣйствіяхъ соединенныхъ флотовъ въ Японіи, о подавленіи возстанія въ Алжирѣ безъ кровавыхъ казней и бесполезныхъ строгостей.

Затѣмъ императоръ заявилъ, что всѣ военныя экспедиціи французовъ приближаются къ концу. Онъ сказалъ: «наши сухопутныя силы оставили Китай; одного флота достаточно для сохранения нашихъ кохинхинскихъ владѣній; наше африканское войско будетъ скоро возвращено; наша армія, дѣйствовавшая въ въ Мексикѣ, уже возвращается во Францію; римскій гарнизонъ скоро возвратится, и мы, закрывая храмъ войны, съ гордостію можемъ сдѣлать на новыхъ триумфальныхъ нашихъ воротахъ слѣдующую надпись: «во славу французскихъ войскъ, за побѣды, одержанныя въ Европѣ, Азіи, Африкѣ и Америкѣ».

Этимъ оканчивается и отчетъ, и программа французской политики. Полагаясь на слова императора, надобно ожидать, что не только сама Франція не вызоветъ войны, но что нельзя даже ожидать ее и гдѣ либо въ Европѣ. Императоръ какъ будто находить, что всѣ политическіе вопросы, угрожающіе спокойствію Европы, разрѣшены такъ, что въ ближайшемъ будущемъ они не могутъ впадать никакихъ кровавыхъ столкновеній.

Императоръ умалчиваетъ, однако, о вопросѣ венеціанскомъ, обходить совершенно судьбу Польши, тогда какъ въ прошлогодней его рѣчи польскій вопросъ былъ самымъ энергическимъ мѣстомъ. О восточномъ вопросѣ также нѣтъ никакого помину, точно такъ же, какъ и о междоусобной борьбѣ въ Америкѣ — борьбѣ, имѣющей близкое отношеніе къ интересамъ Франціи. По поводу умолчанія обо всемъ этомъ, приходится теряться въ догадкахъ, если не сдѣлать двухъ простыхъ и, какъ намъ кажется, весьма основательныхъ предположеній.

Надобно, вопервыхъ, думать, что императоръ Наполеонъ, на ученный опытомъ послѣднихъ лѣтъ, убѣдился, въ какое ложное и щекотливое положеніе ставить онъ себя, предвѣшая такіе вопросы европейской политики, разрѣшить которые онъ чувствуетъ себя не въ силахъ, несмотря на все свое видимое могущество. Обижданное имъ, и доселѣ неисполненное освобожденіе Италіи до Адриатическаго моря, неудавшаяся попытка вѣннательства въ польское дѣло, несостоявшееся предположеніе объ европейскомъ конгрессѣ, пассивная роль Франціи въ датско-германской распрѣ, и временная шаткость дѣлъ въ Мексикѣ должны были показать ему, что теперь уже не такъ легко завлечь заранѣе свои шаны по такимъ дѣламъ, исходъ которыхъ кажется сомнительнымъ.

Вовторыхъ, надобно предположить, что императоръ, сознавая очень хорошо, что единственно онъ по своей волѣ располагаетъ тѣми средствами, которыми имѣетъ Франція — считаетъ какъ-бы излишнимъ поставлять подвластную ему страну въ извѣстность на счетъ своего образа дѣйствій, и смотреть на свою тронную рѣчь не болѣе, какъ на исполненіе обычной формальности, которая должна не только не вызвать общественныхъ пересудовъ на счетъ его плановъ, но, напротивъ, положить конецъ такимъ пересудамъ по самымъ щекотливымъ для него вопросамъ.

Очень понятно, что въ виду водворяющагося мира, естественнѣе всего обратиться къ заботамъ о внутреннемъ благоустройствѣ страны, и въ этомъ отношеніи рѣчь императора является болѣе подробною, болѣе обстоятельною, нежели въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она касалась внѣшней политики. Такой характеръ императорской рѣчи не требуетъ многихъ объясненій. Императоръ, чувствуя достаточно силы для исполненія своихъ намѣреній внутри государства, можетъ заявлять объ нихъ съ полною увѣренностію, что они осуществляются и слѣдовательно онъ, въ этомъ случаѣ, не будетъ поставленъ въ затрудненіе между невозможностію исполненія и принятыми имъ на себя нравственными обязательствами, какъ это легко можетъ случиться въ дѣлахъ внѣшней политики.

Настоящія отношенія высшаго французскаго духовенства къ императорской власти, дали императору поводъ коснуться такого предмета, о которомъ онъ никогда не упоминалъ прежде. Онъ опредѣлялъ современное положеніе этого сословія во Франціи, сказавъ, что католическое духовенство, даже внѣ своей церковной дѣятельности, пользуется законнымъ вліяніемъ. Въ силу учебныхъ уставовъ, оно содѣйствуетъ образованію французскаго юношества; въ силу избирательнаго закона, оно можетъ войти въ составъ общинныхъ совѣтовъ; въ силу конституціи, оно за сѣдаетъ въ сенатѣ. Вмѣстѣ съ этимъ императоръ напомнилъ объ обязанностяхъ духовенства — уважать основные законы государства, и своему долгу — хранить неприкосновенныя права свѣтской власти, сославшись въ этомъ случаѣ на примѣры своихъ предшественниковъ, начиная со временъ Лудовика-Святаго.

Дѣйствительно, католическая церковь во Франціи, или такъ называемая галликанская церковь, находится въ духовной зависимости отъ папскаго престола, въ то же время пользуется нѣкоторою самостоятельностью сравнительно съ католическою церковью въ другихъ странахъ. Такъ, галликанская церковь признаетъ въ своемъ управленіи двѣ власти: духовную и свѣтскую, и взаимную независимость ихъ одной отъ другой; она не признаетъ непогрѣшимости папы, какъ одного лица, но допускаетъ его непогрѣшимость только тогда, когда святой отецъ находится во главѣ собора епископовъ; она признаетъ высшую духовную власть только за вселенскими соборами и католическими уставами. Ученіе объ освободеніяхъ галликанской церкви возникло во французскихъ богословскихъ школахъ, и развилось преимущественно въ Сорбонѣ. Вслѣдствіи, въ 1682 году, оно было выражено въ деклараціи французскаго духовенства, составленной знаменитымъ Боссюетомъ. Господствующая мысль этой деклараціи заключается въ томъ, что церковь должна быть управляема на основаніи католическихъ уставовъ, что св. Петръ и его временники получили отъ Иисуса Христа власть только не дѣлать духовнымъ, что духовенство должно подчиняться законамъ, устанавливаемымъ въ государствѣ верховною властью, что декреты и судебные приговоры папы не могутъ быть выполняемы только въ томъ, въ чемъ согласна съ ними церковь.

Что же касается Лудовика IX, на котораго сослался въ своей рѣчи императоръ, что онъ извѣстенъ своею правотою и благочестіемъ. Въ 1297 году, онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ. Лудовикъ IX основалъ Сорбону, въ которой, какъ мы замѣтили, развилось преимущественно ученіе о независимости, во многихъ случаяхъ, католической церкви во Франціи отъ папскаго престола. Въ 1269 году, Лудовикъ IX издалъ такъ-называемую прагматическую санкцію, въ которой объявивъ, что только одинъ Богъ воздвигаетъ величіе Франціи, предоставилъ исключительно себѣ право назначать епископовъ и прелатовъ, и ограничилъ размѣръ подарковъ, которые собирались во Франціи въ пользу папской казны. Надобно впрочемъ замѣтить, что историческая критика отвергаетъ подлинность этой санкціи, и основною правъ галликанской церкви считаетъ прагматическую санкцію, данную въ 1438 году въ Буржѣ, королемъ Карломъ VII. Эта санкція выражаетъ необходимость соборовъ для разрѣшенія первостепенныхъ церковныхъ вопросовъ и превосходство такихъ соборовъ передъ папою; она предоставляетъ верховной власти полную свободу назначать епископовъ и аббатовъ, пресѣкаетъ подачу апелляцій папамъ, и ограничиваетъ послѣдствія папскихъ олученій и интердиктовъ. Конкордіи, заключенныя: въ 1616 году—между папою Львомъ X и королемъ Францискомъ I, а также въ 1801 году—между первымъ консуломъ Бонапарте и папою Пиемъ VII, дали во Франціи окончательный перевѣсъ свѣтской власти надъ духовною по дѣламъ галликанской церкви.

Далѣ въ тронной рѣчи императора говорится о проектѣ закона, имѣющаго цѣлью распространить элементарное образованіе; потребность этого образованія, связана въ рѣчи съ гражданскими правами французовъ. По замѣчанію Наполеона, каждый гражданинъ долженъ умѣть читать и писать въ странѣ, гдѣ установлена всеобщая подача рѣдосовъ.

Замѣчательны затѣмъ слова императора о стараніи его каждый годъ уменьшить стѣсненія, такъ давно имѣвшіяся во Франціи свободному развитію личной инициативы. Изъ подлинной рѣчи нельзя заключить, объ инициативѣ какого рода здѣсь говорится. Между тѣмъ, примѣненіе этихъ словъ можетъ быть слишкомъ обширно, такъ-какъ свободное развитіе личной инициативы можетъ быть отнесено ко всемъ видамъ матеріальной и умственной дѣятельности, начиная съ торговлѣхъ и промышленныхъ предпріятій, и кончая тѣми интересами, которые ближайшимъ образомъ сопрягаются съ политическою и гражданскою жизнью страны. Эти слова императора могутъ быть одинаково отнесены и къ облегченіямъ по устройству разныхъ акціонерныхъ компаній, товариществъ, а также и по устройству учебныхъ заведеній, и даже къ свободѣ прессы.

Обращаясь къ закону о стачкахъ рабочихъ, утвержденному въ прошломъ году, императоръ замѣтилъ, что благодаря этому закону, тѣ, которые работаютъ, и тѣ, которые даютъ работу, научились улаживать свои споры сами, не рассчитывая на постоянное вѣзвѣдательство правительства, неизмѣннаго возможности опредѣлять такіа извѣщиваема отношенія, какъ отношенія между запросомъ и предлагаемой платой. Вмѣстѣ съ этимъ, императоръ выразилъ, что представленные палатѣхъ проекты законовъ дадутъ болѣшую свободу торговымъ ассоціаціямъ и разрушатъ преграды, препятствовавшія образованію такихъ обществъ, которыя могутъ улучшить положеніе рабочихъ классовъ.

Далѣ императоръ коснулся: децентрализаціи внутренняго управленія и предоставляемаго общинамъ права рѣшать свои дѣла на мѣстѣ, свободной торговли, постройки желѣзныхъ дорогъ, устройства каналовъ и путей сообщенія, выражая надежды, что Франція, употребляя на работы этого рода государственныя капиталы, не прибѣгнетъ къ займамъ, соблюдая строгую бережливость. Устройство торговаго флота и вѣзвѣшная торговля, были тоже предметами тронной рѣчи, хотя объ этомъ и было сказано очень кратко.

Указывая на проекты законовъ, императоръ упомянулъ о тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ цѣлью обезпечить личную свободу. Одинъ изъ проектируемыхъ законовъ долженъ будетъ разрѣшить временное освобожденіе изъ-подъ стражи съ ручательствомъ или безъ него, даже въ дѣлахъ уголовныхъ, и уменьшить строгости предварительнаго тюремнаго заключенія. Проектъ другаго закона имѣетъ въ виду отиѣнить личное задержаніе во дѣлахъ гражданскимъ и торговымъ. По словамъ императора, это нове-

введеніе есть только возобновленіе весьма стариннаго принципа, такъ-какъ еще въ первыя времена Рима было рѣшено, что обезпеченіемъ долга должно служить имущество, а не личность должника.

Вообще эта часть тронной рѣчи имѣетъ практическое значеніе, выражая взглядъ императора на устройство внутренней администраціи во Франціи, и на развитіе въ ней законодательныхъ идей. Рѣчь заключается обычнымъ приглашеніемъ, сохранять миръ извнѣ, и трудиться внутри государства, дѣлаясь пламенными поборниками полезныхъ реформъ, и твердо поддерживая основы конституціи.

Въ этой рѣчи, кромѣ отсутствія намековъ на внѣшнюю политику Франціи въ будущемъ, видно отсутствіе замѣчаній на счетъ финансоваго положенія имперіи. Это едва-ли не самый существенный недостатокъ всей рѣчи, такъ-какъ финансы служатъ необходимымъ рычагомъ каждаго политическаго и хозяйственнаго предпріятія. Нѣкоторыя газеты сообщаютъ, что этотъ недостатокъ императорской рѣчи произвелъ весьма неблагоприятное впечатлѣніе на биржи. Въ умолчаніи на счетъ бюджета имперіи, видятъ даже воинственныя намѣренія императора, который потому именно и не касается этого предмета, что военныя случайности непременно должны будутъ произвести слишкомъ очевидный разладъ между дѣйствительнымъ положеніемъ финансовъ французской имперіи, и тѣми заявленіями, какія-бы долженъ былъ сдѣлать на счетъ ихъ императоръ, еслибы онъ, заявляя о наступленіи для Франціи мирнаго времени, былъ вполне увѣренъ, что военныя обстоятельства не нарушатъ его финансовыхъ соображеній.

Какъ бы то ни было, но теперь уже исполнилось то, чего съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали и пресса, и дипломатія, и общественное мнѣніе. Императоръ Наполеонъ высказался передъ Франціей и Европой, но отъ этого дѣла Европы не пришли въ ясность. Франція собственно узнала новаго — только о двухъ прекрасныхъ законахъ, а до слуха Европы не дошло никакихъ новостей, такъ-какъ объ участіи Франціи въ шлезвиг-голштинскомъ вопросѣ и о сентябрьской конвенціи, ей было уже давно извѣстно и безъ тронной рѣчи императора французова.

Но если, какъ мы видѣли, рѣчи этой, по ея сдержанности и пробѣламъ, нельзя приписать никакого особаго политическаго значенія; если въ ней нельзя видѣть, какъ это впрочемъ и слѣдовало ожидать, какую-то политическую ежегодную исповѣдь императора, то все же рѣчь его заслуживаетъ вниманіе, если подвергнуть ее психологическому анализу. Личный характеръ императора и то положеніе, которое онъ занимаетъ въ Европѣ, должны придавать особый вѣсъ каждому его слову; въ то же время, эти условія должны внушать ему крайнюю сдержанность, и самую осторожную разсчетливость. Умолчаніе о нѣкоторыхъ важныхъ европейскіихъ вопросахъ должно, какъ кажется, быть принято не болѣе, какъ

за благоразумную уклончивость, а не за признание ихъ, что тѣхъ или другихъ вопросовъ не существуетъ вовсе въ настоящее время. Каждое высказанное по поводу ихъ слово, могло поднять тревогу въ дипломатическомъ мѣрѣ, породить въ извѣстныхъ партияхъ, быть можетъ, несбыточные надежды, и надѣлать много шуму, поставить на сторожѣ тѣхъ, которыхъ гораздо выгоды, или усыпить молчаніемъ, или, по крайней мѣрѣ, привести въ недоразумѣніе, обойдя безусловно все то, что можетъ возбудить надежды и опасеніе.

Притомъ, еслибъ императору Наполеону и вдумалось въ тронной рѣчи объясниться съ полнымъ чистосердечіемъ, то кто бы повѣрилъ искренности его словъ? Не надобно забывать, что политика его постоянно имѣетъ двузначный характеръ, что даже наканунѣ такихъ великихъ событій, каковы были восточная война и походъ въ Италію, нельзя было проникнуть его политическихъ плановъ и что, наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда внимательство съ его стороны въ дѣла Европы казалось совершенно невозбужденнымъ, онъ оставался совершенно безучастнымъ, доводя, повидимому, дѣло до послѣдняго исхода. Положительно можно сказать, что если императору Наполеону суждено править Франціей еще нѣсколько лѣтъ, то тронныя его рѣчи будутъ постепенно терять свой прежній характеръ. Умалчиваніе о дѣлахъ внешней политики, и привлеченіе общественнаго вниманія на внутреннія дѣла Франціи, будутъ ихъ отличительною чертою. Европа перестанетъ прислушиваться къ нимъ съ тѣмъ тревожнымъ вниманіемъ, съ какимъ она прислушивалась въ нимъ въ былое время. На нихъ станутъ смотрѣть какъ на конституционную обрядность, и онѣ будутъ только предметомъ мимолетнаго любопытства, а не темой для политическихъ комбинацій. Любители словопрений поймутъ тогда, что напрасно искать въ этихъ рѣчахъ разрѣшенія вопросовъ, волнующихъ Европу, и угадывать въ нихъ предназначеніе императорской политики, надъ которою, точно такъ же какъ и надъ всякимъ человѣческимъ разсчетомъ, тяготѣетъ прежде всего неотразимая сила обстоятельствъ.

Дополненіемъ и объясненіемъ въ тронной рѣчи императора Наполеона, могутъ служить двѣ розданныя членамъ законодательнаго собранія книги: одна — «Желтая», другая — «Голубая». Первая изъ нихъ представляетъ сборникъ дипломатическихъ документовъ, вторая — отчетъ о положеніи французской имперіи. Такимъ образомъ, обѣ книги объясняютъ и внешнюю политику Франціи, и положеніе ея домашнихъ дѣлъ, конечно, съ тѣхъ точекъ зрѣнія и въ томъ размѣрѣ, которые сочло нужнымъ принять въ этомъ случаѣ само правительство. Говорили, что въ Желтой книгѣ не будутъ помѣщены ни отвѣтъ французскаго министра внутреннихъ дѣлъ на ноту генерала Ла-Маршера отъ 8-го ноября прошлаго года, ни денеша того же министра къ французскому посланнику въ Римѣ, г. Сартину, по поводу навсего письма папскаго нунція, кардинала Каджи, къ епископамъ

Орлеанскому и Пуатьескому. Молва эта оказалась, однако, несправедливою.

По отношенію къ итальянскому вопросу, въ «Желтой Книгѣ» встрѣчается нѣсколько особенно-любопытныхъ и до сихъ поръ еще неизвѣстныхъ документовъ, касающихся сентябрьской конвенціи и папскаго посланія. Изъ этихъ документовъ видимъ тѣ инструкціи, которыя были даны французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ представителямъ Франціи въ Вѣнѣ и въ Римѣ, по поводу вопросовъ о томъ, какъ они должны объяснить тѣмъ дворамъ, при которыхъ они акредитованы, сентябрьскую конвенцію, составленную и подписанную безъ вѣдома австрійскаго императора и папы.

Инструкціи, данныя въ этомъ случаѣ г. Друен-де-Люи, отличаются рѣшительнымъ тономъ и совершенно согласны съ тѣми началами, которыя были высказаны по поводу итальянскихъ дѣлъ французскимъ правительствомъ, усвоившимъ себѣ на это дѣло особый взглядъ, несходный съ тѣми возрѣніями, какія приняты въ Туринѣ и въ Римѣ. Въ депешѣ, отправленной въ Туринъ, г. Друен-де-Люи положительно говоритъ, что, по мнѣнію императорскаго правительства, Римъ и наслѣдіе св. Петра не составляютъ вовсе необходимой принадлежности для единства Италіи. «Я не сомнѣваюсь—добавляетъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ—въ томъ, что итальянское правительство приметъ всѣ мѣры, которыя предложены ему для исполненія взятыхъ имъ на себя обязательствъ, и что оно позволитъ намъ сообразоваться съ тѣми условіями, которыя мы съ нимъ заключили.» Въ депешѣ же, адресованной на имя г. Сартиза, г. Друен-де-Люи замѣчаетъ, что поженіе, принятое св. престоломъ, не позволяетъ надѣяться, что папа дастъ прямое и формальное согласіе на счетъ условій, постановленныхъ въ сентябрьской конвенціи.

Что же касается Вѣны, то изъ депеши г. Друена-де-Люи въ тамошнему французскому посланнику герцогу Грамону видно, что австрійское правительство знало о сентябрьской конвенціи только по слуху. Говоря о ней, французскій министръ поручаетъ герцогу передать въ Вѣнѣ, что эта неизвѣстная тамъ конвенція не измѣняетъ сущности римскаго вопроса и положенія Италіи, что она только выдвигаетъ способъ покровительства, которое императоръ оказываетъ папскому престолу въ продолженіи шестнадцати лѣтъ. Къ этому г. Друен-де-Люи прибавляетъ, что перенесеніе столицы итальянскаго королевства въ другой городъ и обязательство итальянскаго правительства не посягать на папскія владѣнія обезпечиваетъ существованіе папскаго престола. Въ заключеніе г. Друен-де-Люи уваживаетъ на то, что Франція, признавъ итальянское королевство, имѣетъ полное право вступить съ нимъ, какъ съ самостоятельнымъ государствомъ, въ какіе ей угодно договоры, безъ всякаго участія со стороны другихъ державъ.

Депеша по поводу письма кардинала Киджи коротка; въ ней г. Друен-де-Люи, не заявляя по обычаю сочувствія Франціи къ свѣт-

своей власти папы, прямо говорить, что представитель ее при тюрингскомъ дворѣ сильно скомпрометировалъ то знаніе, въ которомъ онъ находится, двумя своими письмами: однимъ къ епископу Орлеанскому, и другимъ—къ епископу Пуатьескому. Оцѣнивая образъ дѣйствій французскихъ епископовъ въ отношеніи къ императорскому правительству и направляя ихъ дѣйствія, папскій нунцій, по словамъ г. Друен-де-Лон, нарушаетъ тѣ права, которыя предоставлены посланнику въ силу французскихъ законовъ. Посланникъ—продолжаетъ министр—забываетъ свой долгъ, если онъ своимъ одобреніемъ поощряетъ сопротивленіе уставамъ той страны, гдѣ онъ находится, и хвалитъ моральное того правительства, при которомъ онъ состоитъ. Въ заключеніе депеши г. Друен-де-Лонъ выражаетъ надежду, что папское правительство не допуститъ повторенія подобныхъ выходовъ, которыхъ, впрочемъ, не намѣрено переносить и французское правительство.

Кромѣ документовъ, относящихся къ итальянскому вопросу, въ «Желтой Книгѣ» заключаются дипломатическіе документы по приэльбскимъ герцогствамъ, по присоединенію Ионическихъ острововъ къ Греціи, по придунайскимъ княжествамъ, по дѣламъ Сирія, по проритію Суэзскаго перешейка, по дѣламъ Туниса и Японіи, а также по дѣламъ торговымъ. Короче, «Желтая Книга» служитъ весьма важнымъ пособіемъ для объясненія современной политики Франціи, хотя, въ сожалѣнію, и умалчиваетъ о многихъ вопросахъ, которыхъ, какъ мы замѣтили, не коснулся императоръ въ своей тронной рѣчи. Обстоятельство это должно вызвать рядъ самыхъ разнородныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и бесполезныхъ догадокъ.

Что же касается «Голубой Книги», то она представляетъ собраніе отчетовъ всѣхъ министровъ по ввѣреннымъ имъ отраслямъ государственнаго управленія и представляетъ дополненіе къ тронной рѣчи, развивая съ большою подробностію, во все же съ замѣтною сдержанностію, тѣ вопросы, которыхъ коснулась самая рѣчь. Такой способъ изложенія французской политики и внутренняго управленія имперіи представляетъ ту выгоду, что императорское правительство можетъ отъ имени министровъ, съ большимъ удобствомъ и съ большою свободою, пускать въ обращеніе идеи самого императора и его практическія соображенія. При такомъ способѣ устраняется та щекотливость и та неловкость изложенія, которыя были неизбежны, еслибъ многое изъ того, что встрѣчается въ «Голубой Книгѣ», говорилося отъ лица самого императора. Въ случаѣ какихъ либо нападеній оппозиціи и журналистики на заявленія, дѣлающія этой книгой, или дипломатическихъ запросовъ, личность императора совершенно устраняется: приходится терпѣть и отвѣчать только министрамъ. Эта видимая сторона дѣла, во въ сущности дѣло выходитъ иначе, такъ-какъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что во всемъ высказанномъ отъ имени министровъ проведены идеи самого импе-

ритора. Мы не ошибемся, если скажемъ, что «Голубой Книгъ» предназначено заступитъ мѣсто тѣхъ политическихъ брошюръ, которыя издавались прежде въ такомъ значительномъ количествѣ подъ руководствомъ императора, и которыя должны были вызывать отголоски общественнаго мнѣнія по поводу той или другой императорской идеи.

Изъ «Голубой Книжки» оказывается, что французское правительство старалось разрѣшить шлезвиг-голландскій вопросъ въ духѣ миролюбиваго соглашенія; что оно ни минуты не колебалось назначить своего представителя на лондонскую конференцію, хотя и ограничивалось въ дѣйствительности переговорами, еслибы они ограничались однимъ вопросомъ. Очевидно, что императоръ добивался конгресса не по одному шлезвиг-голландскому дѣлу, но хотѣлъ, пользуясь конгрессомъ, поднять и другіе европейскіе вопросы, и тѣмъ самымъ заставить Европу забыть ту неудачу, которую онъ испыталъ, предлагая отъ себя составленіе конгресса. Причиной датской войны «Голубая Книга» считаетъ неудобное распредѣленіе національностей, изъ которыхъ состояла датская монархія, и стремленіе Германіи доставить нѣмцамъ подданнымъ датской монархіи національное существованіе.

Развитіе вопроса о національностяхъ важно въ настоящемъ случаѣ въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, какъ понимаетъ французская политика этотъ принципъ при самыхъ затруднительныхъ условіяхъ. Французское правительство настаивало съ своей стороны на такомъ разграниченіи герцогствъ, при которомъ всѣ датчане, живущіе въ герцогствахъ, перешли бы къ Даниі, а всѣ нѣмцы соединились бы съ Германіей. Что же касается частей герцогствъ, гдѣ обѣ національности смѣшаны, то, по мнѣнію императорскаго правительства, эти части слѣдовало оставить за Данией, какъ за такой стороной, которой приходилось принести самыя тяжелыя жертвы.

Далѣе отчетъ г. Друена-де-Люи прямо говоритъ, что рѣшеніе шлезвиг-голландскаго вопроса несогласно съ желаніями, выраженными Франціей—несогласно потому, что у народонаселенія герцогствъ не было спрошено, желаютъ ли они отдѣлиться отъ Даниі?—а также потому, что шлезвигскіе датчане перешли во власть Германіи, и, вслѣдствіе этого, сама Германія стала въ такое же точно ложное положеніе, которое она такъ долго ставила въ упрекъ воненгагенскому кабинету. Заключительныя слова отчета по шлезвиг-голландскому вопросу высказываютъ опасеніе за будущее этого дѣла, которое можетъ повредить европейскимъ интересамъ и усложнить положеніе дѣла.

Отчетъ «Голубой Книжки» по итальянскому вопросу не представляетъ ничего новаго и не выясняетъ нѣсколько тѣхъ соображеній, которыя дѣйствительно имѣлись въ виду у французскаго правительства при заключеніи сентябрьской конвенціи. «Голубая Книга» ограничивается въ этомъ случаѣ перифразомъ конвенціи и саркастическими ея дипломатическими нотъ.

Относительно прочих событий, «Голубая Книга» дѣлаетъ слѣдующіе отзывы. Она очень благосклонно говоритъ о секуляризаціи греческихъ монастырей въ ирландскихъ княжествахъ, оправдывая вполне дѣйствіе князя Куэн. Заявляетъ полное сочувствіе предпріятію г. Лессона по прорытію Суэскаго перешейка, и говорить о намереніяхъ императорскаго правительства поддерживать, въ собственныхъ интересахъ Франціи, независимость тунисскаго бея. Довольна сдѣланный тронною рѣчью пропускъ объ американскихъ событіяхъ. «Голубая Книга» заявляетъ о строгой нейтралитетѣ Франціи въ междоусобной американской борьбѣ, но въ то же время упоминаетъ вождѣ о южныхъ штатахъ какъ о самостоятельной республикѣ, добавляя только, что единственно вслѣдствіе особаго ихъ положенія, Франція не имѣетъ съ ними дипломатическихъ сношеній.

Что касается Мексиканской имперіи, то она, какъ это впрочемъ и въ дѣйствительности, представляется въ «Голубой Книгѣ» какъ созданіе Франціи; при этомъ отчетъ г. Друена-де-Лви выражаетъ надежду, что мексиканское правительство сочтетъ первымъ долгомъ исполнить свои обязательства въ отношеніи къ Франціи. Въ чемъ, однако, заключаются эти обязательства—это никому неизвѣстно, а съ своей стороны «Голубая Книга» не считаетъ нужнымъ знакомить съ ними своихъ читателей.

Къ числу важнѣйшихъ социальныхъ вопросовъ настоящаго времени принадлежитъ вопросъ объ организаціи и улучшеніи быта рабочихъ классовъ. Въ предшествовавшемъ «Обозрѣніи», мы уже имѣли случай говорить о значеніи этого вопроса въ Англіи, гдѣ онъ, кромѣ социальнаго, получаетъ еще и политическое значеніе. Императоръ Наполеонъ въ тронной рѣчи упомянулъ о положеніи рабочаго класса во Франціи; но во Франціи этотъ классъ, при существованіи общей подачи голосовъ, не имѣетъ вовсе въ политическомъ отношеніи той важности, какую представляетъ онъ въ Англіи. Заботы объ устройствѣ рабочихъ классовъ во Франціи могутъ имѣть преимущественно, если даже не исключительно, только социальный характеръ. Замѣчательную особенность представляетъ въ этомъ отношеніи Пруссія, въ которой теперь вопросъ объ устройствѣ рабочихъ классовъ сдѣлался предметомъ продолжительныхъ и жаркихъ преній въ палатѣ депутатовъ, и гдѣ вопросъ этотъ, послѣ вопроса объ организаціи арміи, занимаетъ едва-ли не самое видное мѣсто. Въ преніяхъ по этому вопросу онъ получаетъ въ прусскихъ палатахъ двойственный характеръ, такъ-какъ къ социальной его важности придаютъ еще политическое значеніе. Подъ этотъ вопросъ борисъ разныхъ партій ставятъ свои политическія тенденціи и комбинаціи, и потому онъ заслуживаетъ особаго вниманія, какъ одно изъ рѣзко-выдающихся впередъ политико-социальныхъ условій современнаго быта Европы.

Пренія по вопросу объ устройствѣ рабочихъ классовъ шли въ палатѣ депутатовъ въ продолженіе нѣсколькихъ засѣданій, и не-

сметри на второстепенное, производному, значеніе, подали поводъ къ обсужденію великихъ социальныхъ и политическихъ вопросовъ. Еще за сто лѣтъ до настоящаго времени, знаменитый экономистъ Адамъ Смитъ обратилъ серьезное вниманіе на отношенія между рабочими и тѣми, кто пользуется ихъ трудомъ. Основанная имъ школа была всегда того мнѣнія, что рабочіе вправе имѣть стачки для предотвращенія монополіи предпринимателей, всегда имѣющихъ возможность существовать даже при стачкахъ, процентами со своихъ капиталовъ, между тѣмъ какъ рабочіе, не обезпеченные ничѣмъ въ своемъ дневномъ прожитіи, лишены этой возможности. При вышеизложенъ условіи промышленности, капиталъ, обращенный на промышленныя предпріятія, даетъ слишкомъ высокій процентъ его владѣльцу, а между тѣмъ этотъ процентъ не соответствуетъ заработной платѣ, на маломъ размѣрѣ которой и основаны главнымъ образомъ всѣ огромныя выгоды капиталистовъ-промышленниковъ. Такое положеніе дѣлъ даетъ, по мнѣнію послѣдователей Адама Смита, рабочимъ еще большее право на стачки, съ цѣлью оградить свои выгоды противъ своекорыстныхъ расчетовъ капиталистовъ. Всѣ ученые авторитеты признаютъ, что несоразмѣрность между барышами, получаемыми предпринимателями, и скудной заработной платой, получаемой рабочими, не достигла еще крайнихъ предѣловъ; что несоразмѣрность эта должна увеличиваться все болѣе и болѣе, и что слѣдовательно тѣмъ чаще и тѣмъ упорнѣе должны быть въ будущемъ стачки рабочихъ, какъ производящее этой обидной и вредной для нихъ несоразмѣрности.

О томъ, какъ и когда должны пользоваться рабочіе правомъ стачекъ, существуетъ много теорій, но всѣ эти теоріи приходятъ къ тому заключенію, что подобное право должно увеличить заработную плату и, слѣдовательно, имѣть влияние на улучшение быта рабочихъ, распредѣляя капиталы съ большою соразмѣрностію между владѣльцами разныхъ промышленныхъ заведеній и состоящими при нихъ рабочими.

Представители крайней прогрессистской партіи добиваются права стачекъ даже для сельскихъ рабочихъ. Между тѣмъ представители другихъ партій смѣются въ этомъ случаѣ надъ невѣжествомъ своихъ противниковъ, замѣчая, что ни въ какой странѣ законодательство не запрещало и не запрещаетъ стачекъ между сельскими рабочими, что такія стачки не могутъ существовать сами по себѣ на притягивъ и что, поэтому, напрасно вынуждать такой вопросъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть примѣненія. Въ опроверженіе этого замѣчанія указываютъ на попытки, предпринимаемыя въ конституціонныхъ государствахъ ввести феодализацию поземельной собственности, вслѣдствіе чего сельскіе рабочіе, сдѣлавшись какъ-бы вассалами землевладѣльцевъ, будутъ находиться въ полной ихъ зависимости; они тогда образуютъ между собою корпораціи, для которыхъ стачки сдѣлаются возможными и даже необходимыми для улучшения ихъ поло-

женія. Какъ на примѣръ возможности такъихъ отношеній сельскихъ рабочихъ къ землевладѣльцамъ указываютъ на усвоенныя-ищаея постепенно въ Германіи феодальныя отношенія между фабричными рабочими и владѣльцами фабрикъ.

Хотя по существующимъ теоріямъ, стачки рабочихъ должны вести къ увеличенію заработной платы, но въ практикѣ такіе расчеты бывають ошибочны, и нерѣдко подобные случаи означиваются въ ущербъ самимъ же рабочимъ. Въ подтвержденіе этого, нѣмецкіе публицисты есылаются на извѣстную стачку берлинскихъ типографскихъ наборщиковъ, вслѣдствіе которой была увеличена ихъ заработная плата, такъ что они, повидимому, остались отъ стачки въ выигрышѣ, но на дѣлѣ, однако, потеряли весьма много. Съ увеличеніемъ въ Берлинѣ платы типографскихъ наборщикамъ, типографщики стали искать болѣе дешевыхъ рабочихъ въ Баваріи, и начали устраниать изъ своихъ типографій притязательныхъ берлинцевъ, которые, вслѣдствіе этого, остались ни при чемъ. Косвеннымъ образомъ воспользовались стачкою берлинскихъ наборщиковъ баварскіе наборщики, такъ-какъ въ Баваріи, вслѣдствіе ихъ перехода въ Пруссію, заработная плата наборщикамъ нѣсколько возвысилась.

Защитники права стачекъ опровергаютъ подобные безполезные результаты стачекъ тѣмъ, что при этой рѣчь идетъ не о практикѣ, но объ идеѣ. Они говорятъ, что сущность вопроса объ увеличеніи заработной платы должна состоять въ томъ, чтобы наше поколѣніе работало для будущихъ поколѣній. Оно должно терпѣть само для того, чтобы приготовить лучшую будущность потомству. Мы, говорятъ они, строимъ домъ, въ которомъ не будемъ жить сами, но который, послѣ насъ, займутъ другіе.

Въ отношеніи устройства быта рабочихъ классовъ существуютъ двѣ главныя системы, англійская и французская, введенная собственно или, по-крайней-мѣрѣ, значительно замѣненная Наполеономъ III. Основоу англійской системы служатъ устраненіе пособій рабочимъ классамъ со стороны правительства и развитіе самовспомощенія. Такой порядокъ приноситъ съ одной стороны ту пользу, что рабочіе, не рассчитывая на постороннюю помощь, дѣйствуютъ въ своихъ интересахъ гораздо самостоятельнѣе; но за то подобное положеніе рабочаго класса въ Англии сопровождается частнымъ превращеніемъ фабричныхъ работъ, неизбежнымъ бѣдствіемъ рабочихъ, остающихся безъ дѣла и, наконецъ, разореніемъ хозяевъ во вредъ самимъ же рабочимъ. Хотя правительство въ Англии и не обезвечиваетъ отъ себя рабочаго класса пособіемъ на счетъ казны, тѣмъ не менѣе, въ Англии, въ случаѣ разлада между хозяевами и рабочими, обѣ стороны прибѣгаютъ къ несенатору фабрикъ, и въ этомъ лицѣ, назначенномъ отъ правительства, ищутъ посредника, который мирно-быво согласилъ бы домогательства спорящихъ между собою сторонъ.

Во Франціи по улучшенію быта рабочихъ классовъ существуетъ другая, совершенно противоположная система. Тамъ рабочій классъ

получаетъ поддержку отъ казны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и подчиненъ строгому надзору правительства. Въ прошломъ году надзоръ этотъ ослабѣлъ относительно разбирательства взаимныхъ споровъ между подрядчиками и рабочими, но тѣмъ не менѣе надзоръ правительства во Франціи за рабочимъ классомъ весьма ощутителенъ. Что же касается пособій, оказываемыхъ тамъ со стороны правительства рабочимъ классамъ, то ихъ многіе сравниваютъ съ гарантіею процентовъ съ заработной платы, получаемой рабочими.

Переходя къ вопросу объ устройствѣ быта рабочихъ классовъ въ Пруссіи, можно на счетъ этого сообщить слѣдующее.

Прусскіе законы обезпечиваютъ какъ за хозяевами, такъ и за рабочими возможность отнѣяться существующія подрядными условіями въ тѣхъ случаяхъ, которые предусмотрены закономъ, по предварительномъ заявленіи о томъ въ срокъ не очень продолжительный. Этой свободѣ было до сихъ поръ въ Пруссіи очень достаточно для справедливаго соглашенія взаимныхъ интересовъ хозяевъ и рабочихъ. Послѣдствіемъ такого порядка было постепенное возвышеніе заработной платы въ Пруссіи безъ особыхъ волненій и домогательствъ со стороны рабочаго класса. По свидѣтельству одного изъ депутатовъ, неоспариваемому и его соговариваема по званію, никогда еще рабоче ословіе въ Пруссіи не пользовалось болѣе благоприятными условіями для придачіи своему труду настоящей его стоимости, безъ возвышенія ея стачками и оставленіемъ работъ. Притомъ въ Пруссіи законъ предоставляетъ рабочимъ право собираться для обсужденія своихъ интересовъ, если только эти собранія не противорѣчатъ общему уставу о нарушеніи общественнаго порядка. Крімъ того, въ практикѣ рабочій классъ пользуется правомъ дѣлать заявленія о своихъ нуждахъ непосредственно королю, и въ иннѣшнихъ засѣданіяхъ второй прусской палаты разбирался одинъ изъ такихъ случаевъ, бывшій въ Вильбургѣ на фабрикѣ депутата Рейхенгейма.

Извѣстный своею заботливостію объ устройствѣ быта рабочаго класса, депутатъ Шульце-Деличъ признавалъ справедливыми такіа замѣчанія о положеніи рабочаго класса въ Пруссіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ и на то, что нѣкоторые депутаты, признавая невыгоду стачекъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, особенно напирала на то, что право стачки дѣйствуетъ съ безусловнымъ успѣхомъ на возвышеніе заработной платы, и что это право не воспрепятствуетъ естественному влиянію на установленіе заработной платы, но дастъ рабочимъ болѣе возможности облегчить примѣненіе къ ихъ дѣлу главнѣйшихъ экономическихъ законовъ. Шульце-Деличъ извѣстенъ какъ основатель обществъ взаимнаго вспоможенія рабочихъ классовъ. Ученіе его развилось въ Германіи и проникло даже въ Англію, но, къ сожалѣнію, какъ показываютъ опыты, система Шульце-Делича не достигаетъ волигъ предположенной имъ дѣли, такъ-какъ при бѣдности рабочаго класса, распорядителями обществъ, устроенныхъ по этой системѣ, остаются въ

сущности богатые промышленники и держатели мастерских. Эти люди извлекают всего больше выгоды для себя изъ тѣхъ обществъ, въ которыхъ они преобладаютъ.

Между тѣмъ одинъ изъ депутатовъ, г. Вагенеръ, не довольствуясь настоящимъ положеніемъ рабочаго класса въ Пруссіи, предложилъ сличить французско-имперіалистской системы, то-есть правительственной поддержки и контроля съ англійской системой, то-есть съ самовспоможеніемъ. Слѣдуя послѣдней системѣ, г. Вагенеръ предлагаетъ учредить въ Пруссіи, по примѣру Англіи, званіе инспектора фабрикъ, но въ то же время, предоставляя ему, вопреки дѣлаемаго образца, право начальственного контроля, а не посредничества между рабочими и хозяевами, онъ обращаетъ инспектора фабрики въ полицейскаго надзирателя. Вообще г. Вагенеръ и его партія отвергаютъ законъ историческаго развитія въ положеніи ремесленнаго класса, и думаютъ упрочить, или, по своему, даже улучшить его бытъ введеніемъ въ Пруссію подражательныхъ установленій по этому вопросу. Депутатъ Вагенеръ желаетъ въ сущности устранить установленіе заработной платы путемъ взаимныхъ соглашеній между работниками и хозяевами, и хотя онъ не одобрялъ вмѣшательства французскихъ префектовъ въ спорныя дѣла хозяевъ и рабочихъ, но на дѣлѣ, вмѣшательство придуманнаго имъ инспектора будетъ еще неудобнѣе. Съ своей стороны депутатъ Вагенеръ предлагалъ устраивать между рабочими настоянныя союзы, которые обезпечивали бы ихъ самостоятельность во всякое время; привести въ исполненіе законъ объ инспекторахъ фабрикъ, назначаемыхъ отъ правительства; учредить на счетъ государства фабрики на артельномъ основаніи, а также учредить на счетъ государства бесплатныя школы для дѣтей изъ рабочаго класса и, наконецъ, опредѣлить число рабочихъ часовъ. Вообще Вагенеръ давалъ правительству обширное право на устройство быта рабочихъ и на вмѣшательство его въ ихъ дѣла.

Что же касается г. Шульце-Делича, то онъ говоритъ противъ правительственной поддержки рабочаго класса, представляя всю практическую невыгоду подобной системы. По мнѣнію его, разрѣшеніе социальнаго вопроса о правѣ стачекъ между рабочими лежитъ въ возвышеніи личнаго житейскаго и общественнаго положенія рабочихъ классовъ. Этотъ вопросъ — сказать Шульце-Деличу — не выдѣляется изъ прочихъ, и потому нѣтъ никакой возможности разрѣшить его какими либо специфическими средствами, такъ-какъ рѣшеніе его совпадаетъ съ историческимъ развитіемъ человѣчества вообще.

Отрѣшавшася отъ общихъ соображеній, приводимыхъ по этому дѣлу представителями тѣхъ и другихъ партій, существующихъ въ прусскихъ палатахъ, и останавливаясь на практическомъ разрѣшеніи вопроса о правѣ стачекъ между рабочими, нельзя не сказать, что въ этомъ отношеніи весь ходъ упомянутаго дѣла представляеть весьма замѣчательную странность. Либеральная партія

стремится въ этомъ случаѣ только къ отиѣннѣ тѣхъ стѣсненій, которыя препятствуютъ стачкамъ между рабочими, но въ то же время, изъ опасенія правительственнаго перевѣса, отстраняетъ по себѣ рабочимъ классамъ отъ правительства и уклоняется отъ разсмотрѣннѣ такихъ частныхъ по вопросу объ улучшеніи быта рабочихъ, подробное разсмотрѣннѣ которыхъ могло бы весьма много способствовать къ достиженію цѣли, преслѣдуемой либеральной партией. Съ своей стороны консервативная партія и сочувствующее ей вполнѣ министерство Бисмарка относятся, повидимому, къ вопросу о положеніи рабочаго класса гораздо либеральнѣе и выказываютъ большую о немъ заботливость. Они объявили себя въ пользу всесторонняго разсмотрѣннѣ вопроса, поднятаго во второй палатѣ самими либеральными ея членами, но при этой видимости, въ сущности вся ихъ цѣль заключается въ томъ, чтобы не вынуститъ вопроса о рабочихъ изъ рукъ правительства и не дать въ этомъ дѣлѣ перевѣса частной инициативѣ. Съ этою цѣлью и министерство и поддерживающая его консервативная партія идутъ далѣе либераловъ относительно свободы стачекъ, обѣщая, въ дополненіе къ такой свободѣ, еще и помощь со стороны государственной казны. Въ то же время они стремятся стѣснить право стачекъ, въ такихъ случаяхъ, когда стачки почему либо могутъ получить политическій оттѣнокъ, и хотятъ предоставить правительству право надзора за собраніями рабочихъ.

Предложеніе Шульде-Делича, пренятствующее подробному обсужденію вопроса объ устройствѣ быта рабочихъ классовъ, было принято большинствомъ палаты, и такимъ образомъ этотъ вопросъ далеко еще не исчерпанъ. Борьба партій, придавшихъ ему скорѣе политическое, нежели социальное значеніе, должна будетъ невыгодно отразиться на положеніи рабочаго класса, участь котораго могла бы быть гораздо болѣе обезпечена, еслибы взаимнымъ уступкамъ партій не препятствовалъ духъ политическаго раздора. Въ виду всего этого нельзя не сказать, что при такомъ рѣшеніи вопроса, остались собственно въ накладѣ одни рабочіе, такъ-какъ ихъ интересы были пожертвованы для преслѣдованія каждой партией своей особенной, а не общей социальной и экономической задачи.

Обыкновенно мы предпочитаемъ или, вѣрнѣе сказать, находимъ болѣе удобнымъ рассматривать разныя социальныя вопросы изъ прекраснаго далеко, не останавливаясь на томъ, что дѣлается у насъ дома и съ чѣмъ слѣдовало бы намъ ознакомиться гораздо ближе и основательнѣе, нежели съ чужими порядками. Эти мысли приходили намъ въ голову, когда мы говорили о положеніи рабочихъ классовъ въ Англій, Франціи и Пруссіи. Но что же дѣлается у насъ по этой части? Что можно сказать о положеніи нашихъ рабочихъ классовъ? Предметъ этотъ, сколько намъ извѣстно, не былъ еще у насъ затронутъ вполнѣ, такъ-какъ газетными статьями или останавливались на немъ мимоходомъ, или касались только нѣкоторыхъ его частныхъ. Между тѣмъ вопросъ о по-

ложеніи у насъ рабочихъ классовъ представляетъ много заимствительнаго, хотя, конечно, онъ и въ сущности и въ частности является вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ представляется на Западѣ. У насъ онъ не достигъ еще социальнаго значенія, не говоря уже о политическомъ, и представляется вопросомъ чисто-экономическимъ, но за то вопросомъ, имѣющимъ едва-ли не первостепенную важность.

При маломъ развитіи, сравнительно съ Англіей, Франціей и даже Пруссіей, мануфактурной дѣятельности, рабочій классъ состоитъ у насъ преимущественно изъ земледѣльцевъ, хотя и есть мѣстности, гдѣ преимущественно даже предъ земледѣльцемъ, развиты мануфактурные и рукодѣльные промыслы среди крестьянства, сосредоточенные на фабрикахъ или распространенные въ видѣ кустарничной промышленности. Этотъ видъ рабочей дѣятельности, замѣтаемый и между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, придаетъ ей особый своеобразный видъ и ставитъ ее во многихъ случаяхъ въ меньшую зависимость отъ фабрикантовъ сравнительно съ тою зависимоцію, въ которой находится рабочій трудъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ по преимуществу развивалась фабричная промышленность. Особенною чертою въ русской рабочей средѣ является артельный способъ работы, и мы сочли бы нужнымъ заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ артельнаго начала, весьма важнаго для обезпеченія, въ нныхъ случаяхъ, выгоды нашихъ рабочихъ классовъ, еслибы въ недавнее время предметъ этотъ не былъ разработанъ г. Калачовымъ въ самыхъ удовлетворительныхъ подробностяхъ. Сочиненіе г. Калачова весьма точно указало на значеніе у насъ артелей, а также на ихъ выгоды и невыгоды, какъ одного изъ главныхъ двигателей нашей рабочей силы. Въ виду историческихъ и современныхъ свѣдѣній о русскихъ артеляхъ, слѣдуетъ только, смотря по мѣстнымъ условіямъ и развитію того или другаго рода занятій, стараться или о примѣненіи артельнаго начала, или объ устраненіи его. Мы думаемъ, что никакъ нельзя предрѣшать этого вопроса безъ практическаго его примѣненія. Вообще же замѣтимъ, что артель во многихъ случаяхъ облегчаетъ и взятіе работы въ заказъ, и взаимные расчеты между нанимателями и нанимающими, хотя противъ внутреннихъ порядковъ нныхъ, существующихъ у насъ артелей и можно сказать многое.

Главные массы рабочихъ силъ направлены у насъ на земледѣліе; но, конечно, нѣтъ никакой возможности даже приблизительно исчислить число рукъ, употребляемыхъ на это занятіе. Примѣнительные по этой части выводы къ общему числу сельскаго населенія въ Россіи не могутъ служить вѣрнымъ мѣриломъ, потому что при этомъ необходимо знать распредѣленіе сельскихъ обывателей по возрастамъ, до чего, однако, не дошла еще наша статистика. Кромѣ того, слишкомъ большое число лицъ, принадлежащихъ по статистическимъ росписямъ къ сельскому населенію, вовсе не занимается земледѣліемъ, или находится въ бо-

лѣе или менѣе продолжительныхъ или даже постоянныхъ отлучекъ, или, оставаясь на мѣстѣ жительства, какъ напримеръ въ губерніи Владимірской, занимается приготовленіемъ какихъ либо надѣлій. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но въ виду другихъ статистическихъ данныхъ никакъ нельзя отвергать справедливости высказаннаго нами положенія относительно преимущественнаго у насъ обращенія рабочихъ рукъ на земледѣльческій трудъ.

Слѣдя далѣе за распредѣленіемъ рабочихъ классовъ, можно сказать, что за исключеніемъ столицъ и весьма немногихъ губернскихъ или уѣздныхъ городовъ, рабочія силы городскихъ обывателей направлены преимущественно на ремесла, между тѣмъ какъ рабочія силы сельскихъ обывателей на кустарничьи промыслы, а отчасти и на фабричныя занятія. Было бы очень долго останавливаться здѣсь на топографическихъ условіяхъ существующей у насъ кустарничьей и фабричной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что распредѣленіемъ ея не обуславливаются въ значительной степени общія характеристическія черты положенія нашихъ рабочихъ классовъ. Въ этомъ отношеніи важны только сѣверовостокъ Россіи, гдѣ развились въ огромномъ размѣрѣ горно-заводскіе промыслы и гдѣ поэтому почти вся масса сельскаго населенія поставлена въ зависимость отъ хода этихъ промысловъ, отъ принятыхъ тамъ хозяйственныхъ распоряженій и отъ уменьшенія или увеличенія заработной платы. Какъ кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что вообще только въ упомянутой, впрочемъ весьма раскинутой мѣстности, да во Владимірской губерніи, около села Ивановна, рабочій классъ поставленъ въ чувствительную зависимость отъ заводчиковъ и фабрикантовъ на сплошномъ пространствѣ, тогда какъ этого не замѣчается въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ вообще или мало находится фабрикъ или заводовъ, или гдѣ тѣ и другіе такъ незначительны по числу занимаемыхъ ими рукъ, что не могутъ оказывать сплошнаго вліянія на развитіе или упадокъ благосостоянія мѣстныхъ сельскихъ жителей. Только нѣкоторые города представляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе, такъ-какъ отъ существованія въ нихъ фабрикъ и заводовъ зависитъ въ значительной степени размѣръ заработковъ, приобретаемыхъ мѣстными городскими жителями.

Посмотримъ теперь, въ какія отношенія поставлены у насъ сельскіе работники, фабричные и заводскіе люди, а также и ремесленники не къ тѣмъ, которые только посредственно пользуются ихъ произведеніями, но къ тѣмъ, которые располагаютъ и пользуются ихъ трудомъ, имѣя въ виду получать отъ этого труда денежныя выгоды.

До уничтоженія крѣпостнаго права, главная масса сельскихъ рабочихъ силъ, въ общей сложности до 20,000,000, была поставлена въ самое невыгодное положеніе. По существовавшимъ до 19-го февраля 1861 года законамъ, владѣлецъ могъ налагать на своихъ крѣпостныхъ людей всякія работы, взимать съ нихъ оброкъ и требовать исправленія личныхъ повинностей, съ тѣмъ

тально, чтобы они не претерпевали через это разорение, и чтобы положенное закономъ число дней оставалось было на исправленіе ихъ собственныхъ работъ. Крестьяне были обязаны работать на своего помещика три дня въ недѣлю, за исключеніемъ воскресеній, а также двенадцатыхъ и тринадцатыхъ въ каждомъ селѣ празднично. Отъ усмотрѣнія владѣльца зависѣло переводить своихъ крестьянъ во дворъ, и дворовыхъ на паншю. Онъ имѣлъ право употреблять своихъ крѣпостныхъ людей только для его личныхъ услугъ и работъ, но и отдавать ихъ постороннимъ лицамъ въ услуженіе. Запрещалось только отдавать ихъ въ работы на горные заводы по условіямъ, собственно отъ лица его заключеннымъ. Кромѣ того, были установлены нѣкоторые ограничительныя правила для западнаго края по отдачѣ помещичьихъ крестьянъ въ земляныя и другія черныя работы, а также для сплава судовъ въ заграничные порты. Введеніемъ въ юго-западныхъ губерніяхъ инвентаря, опредѣливъ повидному съ болышею точностію отношеніе рабочихъ силъ крестьянства къ праву владѣльца распоряжаться ими по своему произволу, въ сущности весьма мало ограничивали этотъ произволъ.

Вотъ та небольшая, но слишкомъ печальная программа дѣятельности для главной массы нашихъ рабочихъ силъ въ прежнее время. Мы не говоримъ уже о томъ, какъ исполняли на дѣлѣ тѣ законоположенія, которыя относились къ защитѣ самостоятельнаго труда крестьянина на родной его землѣ. Довольно было и тѣхъ правилъ, которыя подчиняли этотъ трудъ чужой волѣ, чужимъ выгодамъ.

Другой видъ крѣпостнаго труда, правда, въ меньшемъ размѣрѣ по числу рабочихъ рукъ, но за то едва-ли еще не болѣе тягостный, чѣмъ крѣпостной земледѣльческій трудъ, представляли работы на посессионныхъ фабрикахъ. На правѣ посессионныхъ, возникшемъ впервые при царѣ Алексѣй Михайловичѣ, состояли тѣ заведенія, къ коимъ были отводимы отъ казны земли и строенія и приписаны мастеромъ крестьяне, или кои получили право на покупку крестьянъ, на которую владѣльцы фабрикъ не имѣли права по своему званію, равномерно и тѣ, кои были учреждены на счетъ суммъ, отпущенныхъ съ этою цѣлью въ пособіе отъ казны безъ возврата. Владѣлецъ посессионной фабрики могъ для производства работъ употреблять: 1) приписныхъ казенныхъ крестьянъ, за которыхъ отъ содержателей были заплачены деньги; 2) приписныхъ казенныхъ крестьянъ, отданныхъ въ распоряженіе его безъ всякой платы, и 3) купленныхъ изъ помещичьяго владѣнія содержателями, по даннымъ имъ привилегіямъ. Вообще прежнее законодательство смотрѣло на закрытіе рабочихъ силъ съ своей точки зрѣнія. Такъ въ 1808 году, для поощренія владѣльцевъ солдатскихъ суконъ, дозволено было купцамъ и другому званію лицамъ покупать на фабрикахъ крестьянъ съ тѣмъ, чтобы они оставались крѣпостными заведенію, къ которому куплены на двадцать лѣтъ, а по истеченіи этого срока не принадлежали ни

покупщицу, ни фабригъ, а дѣлались бы свободными. Возможность пользоваться такою кабалою труда и личности продолжалась до 1816 года.

Приписные и купленные люди хотя по закону и составляли собственность не владѣльца, а фабрики, однако безъ дозволенія владѣльца не могли избрать другой родъ жизни. Законъ предоставлялъ владѣльцу фабрики надъ крѣпостными рабочими тѣ же права, какія имѣлъ помѣщикъ надъ крѣпостными крестьянами, и только замѣчали, что запрещается содержателямъ посессионныхъ заведеній дѣлать притѣсненія состоящимъ при фабрикахъ и приписнымъ къ нимъ людямъ и употреблять ихъ въ иные работы, кромѣ фабричныхъ. Распредѣлять же работы содержатели обязаны были такимъ образомъ, чтобы изъ количества годныхъ въ работѣ половина всегда находилась въ заводской работѣ.

До уничтоженія крѣпостнаго права, и казна владѣла на крѣпостномъ правѣ многими фабриками и заводами.

Такимъ образомъ значительная часть какъ сельскихъ, такъ и фабричныхъ рабочихъ силъ находилась въ такомъ отношеніи къ лицамъ, извлекавшимъ выгоды изъ этихъ силъ, что всякая правильная ихъ организація была невозможна.

Манифестъ 19-го февраля измѣнилъ это тягостное положеніе рабочаго класса. Мы не будемъ говорить здѣсь о тѣхъ отношеніяхъ, которыя онъ установилъ между освобожденными крестьянами и бывшими ихъ владѣльцами по работѣ первыхъ въ пользу послѣднихъ. Скажемъ только, что съ этой поры и особенно съ увеличеніемъ числа крестьянъ-собственниковъ, наши сельскія рабочія силы стали приходить въ нормальное положеніе и, конечно, въ этомъ отношеніи остается сдѣлать еще многое, но во всякомъ случаѣ уже на всегда уничтожены тѣ тягостныя условія, въ которыхъ находились сельскіе рабочіе, состоя въ крѣпостной зависимости.

Вновь водворившейся порядокъ по организаціи сельскихъ рабочихъ силъ вызвалъ заботы по этому предмету со стороны тѣхъ лицъ, которыя при прежнемъ ходѣ дѣлъ пользовались выгодами крѣпостной работы. Въ нѣкоторыхъ обществахъ сельскаго хозяйства заговорили о томъ, какъ бы при происшедшемъ переворотѣ удержать по возможности вліяніе землевладѣльцевъ на сельскія рабочія силы. Въ этомъ смыслѣ появлялись также и статьи въ газетахъ, желавшихъ поддержать исключительно выгоды помѣтнаго класса. Воля возвышенія заработной платы и приписывая нашему сельскому сословію лѣнь, пороки и распущенность, нѣкоторые землевладѣльцы стали предлагать выписывать иностранныхъ рабочихъ, но такая затѣя, какъ извѣстно, не удалась, и потому пришлось довольствоваться на нашия наличными рабочими силами. Въ первое время послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, задѣльная плата по сельскимъ работамъ подымалась значительно. Въ этомъ случаѣ была своего рода борьба между рабочими и землевладѣльцами—борьба, нецѣлѣвая при такомъ важномъ кризисѣ,

который произошел въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ вслѣдствіе отиженія обязательнаго труда. Исподоволь, однако, и при томъ въ срокъ не слишкомъ продолжительный, дѣло нѣсколько установилось: землевладѣльцы сдѣлались уступчивѣе, работники менѣе притязательны, отдача крестьянамъ земель въ кортому весьма много содѣйствовала болѣе правильному, болѣе стойкому порядку по организаціи сельскихъ рабочихъ силъ.

Въ то же время изъ среды землевладѣльцевъ раздались голоса объ организаціи сельскаго труда на началахъ для нихъ болѣе выгодныхъ и болѣе стѣснительныхъ для сельскаго рабочаго класса. Такъ г. Герсевановъ предлагалъ подчинять вольнонаемныхъ рабочихъ полицейской расправѣ тѣхъ помѣщиковъ, въ которыхъ они поступаютъ въ работу, съ правомъ преслѣдованія и задержки на пути такихъ, которые отлучились отъ своей работы, не исполнивъ ея оовчательно. Въ с.-петербургскомъ обществѣ сельскихъ хозяевъ, князь Васильчиковъ указывалъ на множество праздничныхъ дней, въ которые рабочіе остаются праздными, вычислялъ—конечно, фантастически—что, вслѣдствіе гуляногъ, сельское населеніе наноситъ ежегодно Россіи дефицита на $337\frac{1}{2}$ миліоновъ рублей по сельской производительности, и что, единственно вслѣдствіе этого, отечество наше отстаетъ въ каждое столѣтіе на 13 лѣтъ $8\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ сравнительно съ другими просвѣщенными государствами Европы.

Въ виду такого положенія дѣлъ, князь Васильчиковъ выразилъ въ своемъ докладѣ упомянутому обществу, чтобы были предложены нѣкоторыя мѣры для огражденія хозяйственныхъ интересовъ Россіи, несмотря на то, что мнѣние ревнители пользы народа могутъ, пожалуй, назвать эти мѣры «драконовскимъ законодательствомъ», замѣчая также, что, впрочемъ, и немнѣжные ревнителямъ пользы народа нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ могутъ показаться нѣсколько стѣснительными, но что во всякомъ случаѣ отъ нихъ «можетъ уклониться только малодушіе»... Сущность этихъ мѣръ заключается въ томъ, чтобы отнять у крестьянъ возможность «истощать свои и наемныя земли грубой культурой, размножать число протульныхъ дней, и устранять всякое заступничество за неисправнаго работника противъ взыскательнаго хозяина.»

Особенно много надеждъ для установленія извѣстнаго порядка до пользованію сельскими рабочими силами возлагается на будущій институтъ мировыхъ судей, который, «будучи поставленъ въ народу ближайшею властью, соединяющею въ себѣ административную и судебную функцію, долженъ будетъ употребить всю предоставленную ему власть для предотвращенія зла, господствующаго въ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ распорядкахъ настоящаго времени».

Въ засѣданіяхъ императорскаго вольнаго экономическаго общества происходили не разъ жаркія пренія по поводу предложенія организовать сельскія рабочія силы въ извѣстномъ смыслѣ, а

одинъ изъ членовъ общества предложилъ значительную премию за составленіе такого изслѣдованія по этому предмету, которое соотвѣтствовало бы взгляду, принятому лицомъ, учредившимъ премию.

Короче, если вникнуть во всѣ отдѣльныя заявленія по вопросу объ организаціи сельскихъ рабочихъ силъ, то окажется, что эти заявленія въ общей своей совокупности представляютъ довольно тщательную разработку упомянутаго вопроса, при тѣхъ способахъ печатной и словесной гласности, которые могутъ быть употреблены для этого.

Что касается отъѣны крѣпостнаго состоянія по отношенію къ рабочимъ на посессионныхъ заводахъ, то она отозвалась всего замѣтнѣе на сѣверо-востокѣ Россіи, гдѣ, какъ мы замѣтили, такого рода заводы существовали въ большомъ числѣ и въ огромныхъ размѣрахъ. Изъ свѣдѣній, напечатанныхъ въ «Горномъ журналѣ» за прошедшій годъ, видно, что рабочіе на металлическихъ заводахъ, получивъ личную свободу, потребовали возвышенія задѣльной платы. На иныхъ заводахъ требованія эти были такъ значительны, что управляющіе ими, въ виду вѣроятныхъ убытковъ при возвышеніи платы, предпочли остановить дѣйствіе заводовъ. Такое положеніе дѣлъ было, однако, непродолжительно. Рабочіе, не имѣя возможности переселиться съ выгодой для себя въ другія мѣста, и не находя въ ближайшихъ мѣстностяхъ заработковъ, сдѣлались уступчивѣе, управляющіе заводами обратились къ экономіи рабочихъ силъ и такимъ образомъ потери заводчиковъ были устранены. Въ настоящее время главные вопросы по устройству быта заводскихъ крестьянъ состоятъ въ надѣлѣ ихъ землею и въ правѣ пользоваться топливомъ.

Перехода затѣмъ къ положенію вольнонаемныхъ рабочихъ на казенныхъ и частныхъ фабрикахъ и заводахъ, мы находимъ въ современномъ нашемъ законодательствѣ достаточную опредѣленность по этому предмету.

Всякому лицу податнаго состоянія, получившему узаконенный паспортъ, дозволяется наниматься для фабричныхъ работъ; но ему воспрещается оставлять заведеніе, на которое онъ поступилъ, ранѣе договорнаго срока, безъ согласія хозяина фабрики. Ему воспрещается также требовать, до окончанія договорнаго срока, какой-либо прибавки платы, сверхъ условленной. Начальства, выдавшія паспорта, не имѣютъ права отзывать или-требовать обратно съ фабрики подрадившагося работника ранѣе договорнаго срока, если этотъ срокъ истекаетъ прежде паспортнаго, кромѣ случаевъ прикосновенности рабочаго къ дѣламъ слѣдственнымъ или уголовнымъ и законныхъ распоряженій въ случаѣ, еслибы рекрутскій наборъ былъ назначенъ въ необыкновенное время.

Такимъ образомъ, а также при несуществованіи никакихъ особыхъ сборовъ съ вольнонаемныхъ рабочихъ на фабрикахъ, рабочіе эти пользуются полною свободою своего производства, и только неудовлетворительность нашей паспортной системы и широкая прикосновенность къ разнымъ слѣдственнымъ и уголовнымъ дѣ-

нать лишать рабочихъ пользоваться волюгѣ предоставленнаго имъ по закону правомъ.

Обезпечивая за хозяиномъ фабрики поступившія въ распоряженіе его рабочія силы, законъ обезпечиваетъ въ то же время и положеніе работника отъ произвола хозяина. Хотя отъ хозяина не отнимается право отпустить отъ себя работника до истеченія договорнаго срока, по причинѣ невыполненія рабочимъ его обязанностей или за дурное поведеніе, но объ этомъ онъ обязанъ объявить рабочему за двѣ недѣли до его отъпуска, и притомъ удовлетворить заработными деньгами по условію. Если же, однако, хозяинъ фабрики самовольно понизитъ заработную плату или будетъ принуждать работниковъ, вмѣсто слѣдующей имъ плати деньгами, получать ее товарами, хлѣбомъ или какими-либо другими предметами, то онъ подвергнется за это условному штрафу отъ ста до трехсотъ рублей, и, кромѣ того, обязанъ вознаградить убытки, понесенные черезъ это рабочими. Взаимныя отношенія хозяевъ и рабочихъ опредѣляются или письменными договорами, или выдачею рабочимъ расчетныхъ листовъ, въ которые вносятся выдача денегъ, вычеты за прогулы или причиненіе вреда хозяину. Кромѣ того, въ законѣ установлены разныя формальности, касающіяся къ тому, чтобы рабочіе могли знать тотъ порядокъ, который установленъ на фабригѣ.

Дальнѣйшія статьи закона обезпечиваютъ право владѣльца фабрики надъ состоящими у него по найму рабочими. Такъ въ случаѣ явнаго неповиновенія фабричныхъ и заводскихъ людей владѣльцу или управляющему заводомъ, оказаннаго дѣломъ артелью или толпою, виновные подвергаются наказаніямъ, опредѣленнымъ за «возстаніе противъ властей, установленныхъ правительствомъ». Конечно, здѣсь можно возразить противъ строгой примѣнимости подобнаго закона, но надобно замѣтить, что онъ былъ изданъ въ ту пору, когда одновременно съ вольнонаемнымъ трудомъ существовалъ на нашихъ фабрикахъ крѣпостной трудъ, и когда, по-этому, неповиновеніе вольнонаемныхъ фабричныхъ могло соединяться съ сопротивленіемъ крѣпостныхъ людей ихъ владѣльцамъ. Иначе трудно объяснить такое примѣненіе понятій о власти къ понятію о положеніи лицъ, вступившихъ въ добровольное соглашеніе съ другимъ частнымъ лицомъ. Какъ кажется, подобное нарушеніе порядка можетъ быть отнесено въ настоящее время къ другимъ видамъ преступленій, менѣе тяжкихъ, нежели тотъ, къ которому оно примѣнено было прежде.

Стачки между работниками съ дѣлью прекратить работы на фабригѣ или заводѣ прежде истеченія условленнаго срока, для того, чтобы принудить хозяевъ къ возвышенію заработной платы, предусмотрѣны нашимъ законодательствомъ. За такія стачки виновные подвергаются аресту: зачинщики на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, а прочіе отъ семи дней до трехъ недѣль.

Третью категорію рабочаго класса составляютъ у насъ ремесленники. Опредѣленіе отношеній этихъ лицъ къ хозяевамъ, можетъ

имѣть значеніе только для Петербурга, и еще для Москвы, такъ какъ только въ обѣихъ столицахъ существуютъ мастерскія большаго размѣра. Затѣмъ въ большей части губернскихъ и, положительно можно сказать, во всѣхъ уѣздныхъ городахъ, ремесленное производство составляетъ одиночную работу, такъ что тамъ ремесленники не составляютъ такой корпораціи, которая представляла бы затрунительный вопросъ по ея устройству.

Мы считаемъ излишнимъ останавливаться на подробностяхъ «Ремесленнаго устава», но посмотримъ только, въ какія отношенія поставлены имъ рабочіе къ своимъ хозяевамъ. «Мастеръ — говоритъ «Уставъ» — имѣетъ въ домѣ своемъ право хозяина, какъ надъ подмастерьями своими, такъ и надъ учениками; онъ обязанъ содержать ихъ исправно, и во всей точности производить имъ слѣдующую плату». Юридическое право хозяина весьма неопредѣленно, и въ патріархальномъ смыслѣ оно придаетъ большое значеніе хозяину, какъ главѣ дома. Изъ дальнѣйшихъ статей «Ремесленнаго Устава» открывається, что и законъ имѣетъ цѣлю какъ можно болѣе распространить власть мастера надъ его челядинцами. Надобно, впрочемъ, сказать, что существованіе у ремесленниковъ съ давнихъ поръ собственного разбирательства, безъ полицейскаго во многихъ случаяхъ вмѣшательства, установило въ средѣ этого сословія болѣе точныя правила по взаимнымъ отношеніямъ мастеровъ и работающих у нихъ людей, нежели положительныя узаконенія. Главныя условія для улучшенія быта ремесленнаго класса тамъ, гдѣ онъ многочисленъ, какъ напримѣръ въ Петербургѣ, заключаются въ томъ, чтобы устроить мастерскія на лучшихъ гигиеническихъ основаніяхъ, и обезпечить старость дряхлыхъ ремесленниковъ, остающихся безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Изъ всего сказаннаго нами легко заключить, что въ настоящее время главный интересъ по устройству у насъ быта рабочихъ классовъ, долженъ сосредоточиваться на сельскихъ работникахъ, поставленныхъ въ главной своей массѣ въ весьма-неопредѣленное положеніе.

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ.

Г. Лайрдъ объ исторіи искусства.—Виданіе фотографій на живопись и скульптуру.—Проектъ экспедиціи къ сѣверному полюсу капитана англійской службы, г. Шерарда Осборна.—Ожидаемый новый трудъ Д.-С. Милля.—Данныя о литературной дѣятельности въ Лондонѣ за 1864 г.—Ливингстонъ.—Фуко—членъ парижской академіи наукъ.—Музей римскихъ военныхъ древностей императора Наполеона III.—Нѣсколько замѣтокъ о личности Прудона.—Положеніе англійскихъ рудокоповъ.—Что можетъ стоить застроенная земля въ Парижѣ?—Опытъ Плато.—Новый электромагнитъ.—Годичное засѣданіе бельгійской академіи наукъ.—Письмо Либиха объ утилизаціи сточныхъ нечистотъ.—Голоранты «Уиредженія въ честь Шиллера». — Смерть Шарраса и Вудке.

Членъ англійскаго парламента, и товарищъ секретаря иностранныхъ дѣлъ, г. Лайрдъ, предъ открытіемъ настоящей парламент-

своей сессии, подарилъ лондонскую публику публичной лекціей объ исторіи искусства. Какъ по глубокому знанію предмета, такъ и по мастерству изложенія, г. Лайярдъ имѣлъ за себя всѣ условія, чтобъ привлечь на свои лекціи многочисленныхъ слушателей. Никто, кажется, изъ современныхъ дѣателей въ той же области, не содѣйствовалъ такъ много и успѣшно разработкѣ и открытію матеріаловъ для болѣе полного возстановленія исторіи древняго искусства, какъ г. Лайярдъ. Благодаря его простѣщеннымъ и неутомимымъ трудамъ, великая Ниневія перестала для насъ быть фантомомъ, мелькающимъ на страницахъ древней исторіи, приобрѣла очевидность и реальность, и сдѣлалась центральной фигурой между гигантами развитія жизни древняго міра. Пока не были разрыты валы древней Ассиріи, въ исторіи древняго искусства ощущался большой пробѣлъ, и можно сказать почти утвердительно, что двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, подобный исннй и отчетливый очеркъ прогресса въ искусствѣ, какой сдѣлалъ г. Лайярдомъ, былъ невозможенъ.

Г. Лайярдъ указалъ на два главныхъ источника, къ которымъ можемъ быть отнесено все новѣйшее искусство: Египетъ и Ассирію. Большія рѣки служили самыми ранними проводниками цивилизаціи человѣка; его первое образованіе началось на берегахъ Нила, Тигра и Ефрата. Великая африканская рѣка, кажется, первая способствовала къ замѣчательнымъ результатамъ развитія, выведи человѣка изъ дикаго состоянія: по крайней мѣрѣ, древнѣйшіе памятники человѣческаго искусства сохранялъ намъ Египетъ. Совершалось ли развитіе человечества въ дельтѣ Ефрата одновременно съ тѣмъ, которое имѣло мѣсто въ долинѣ Нила — остается одной изъ проблемъ, пока неразрѣшенныхъ, но точный отвѣтъ на которую безнадѣженъ. Имѣются всѣ данныя предполагать, что объ цивилизаціи, африканская и азіатская, начали оказывать взаимное вліяніе еще въ весьма отдаленный періодъ. Этотъ предметъ, однако же, пока еще также остается для насъ въ туманѣ, и мы, такъ сказать, временно лишь можемъ допустить гипотезу, что ассирійское искусство имѣло туземное и независимое развитіе, а не было попыткой подражанія египетскому.

Въ самомъ началѣ своей рѣчи г. Лайярдъ замѣтилъ, что «изящныя искусства» никогда, ни у одной націи, достигшей хотя нѣкоторой утонченности въ цивилизаціи, не составляли исключительной принадлежности особаго класса народа; онъ привелъ въ примѣръ грековъ, которые такъ всецѣло были проникнуты художественнымъ чутьемъ, что все, что они ни создавали, до самыхъ простыхъ орудій, отличалось изяществомъ. Истинное искусство, по опредѣленію г. Лайярда, состоитъ въ совершенномъ пониманіи и сочетаніи формы и цвѣта. Нѣкоторыя націи обладаютъ пониманіемъ одной, нѣкоторыя же пониманіемъ другаго; но ни одна нація безъ умѣнья сочетать оба эти элемента, никогда не была великой въ искусствѣ. Мексиканцы, перувианцы и другіе южно-американскіе народы, китайцы, японцы, обладаютъ тонкимъ по-

ниманіемъ цвѣта, но лишены пониманія формы. Ассиріане и египтяне, первые соединили въ себѣ пониманіе обоихъ элементовъ искусства; все созданное ими, заключаетъ элементы красоты; всѣ художественныя произведенія, обладаемыя нами, и теперь представляютъ лишь развитіе означенныхъ элементовъ искусства. Египетское искусство достигло апогея своего развитія за 1700 лѣтъ до Р. Х., ассирійское за 1200 или 1000 лѣтъ. Въ XVI, XV и XIV столѣтіяхъ до Р. Х., египетское искусство стало понемногу уже приходить въ упадокъ. Не существовало ли болѣе древнее ассирійское или халдейское искусство, превосходившее по свѣжести и силѣ то, о которомъ свидѣлствуютъ намъ развалины Ниневія, въ томъ же отношеніи, какъ творенія временъ древней египетской монархіи превосходятъ созданія 18 и 19-й династій? Во всякомъ случаѣ, кажется, что то было подвижнѣе ассирійское искусство, образцы котораго позаимствовали греки; между тѣмъ, какъ въ Египтѣ, благодаря сухому климату этой страны, они впервые познакомились съ самыми древними памятниками египетскаго творчества.

Творчество націи, какъ замѣтилъ г. Лайярдъ, зависитъ отъ характера народа, и воплощаетъ въ себѣ его отличительныя черты и исключительныя обстоятельства. Въ подтвержденіе своей мысли, онъ сослался на несходство ассирійскаго и египетскаго искусствъ. Египетское искусство, отличавшееся массивностью и однообразіемъ, соответствовало характеру исключительнаго, неподвижнаго, кастоваго народа, имѣвшаго въ неограниченномъ распоряженіи каменные матеріалы; между тѣмъ, какъ ассирійское искусство было представителемъ воинственнаго, честолюбиваго народа, склоннаго къ ассимиляціи характеристическихъ чертъ различныхъ народовъ, съ которыми приходилъ въ столкновеніе.

Отъ этихъ двухъ народовъ, какъ уже сказано, греки заимствовали главныя черты своихъ искусствъ. Правда, что греки были въ сношеніяхъ съ финнікіянами; но на сколько намъ извѣстно объ искусствѣ у этого послѣдняго народа, оно не было самороднымъ, и представляло смѣшеніе тѣхъ же первоначальныхъ элементовъ — ассирійскаго и египетскаго; іудейское искусство было всецѣло заимствовано отъ ассиріянъ. Въ греческомъ искусствѣ было два руководящихъ стиля: іонійскій и дорійскій. Послѣдній, въ которомъ былъ построенъ аѳонскій Партедонъ и образцы котораго мы можемъ видѣть до сихъ поръ въ развалинахъ храмовъ Пестума — очевидно заимствованъ изъ архитектурныхъ образцовъ, принадлежащихъ къ древнѣйшимъ временамъ египетской исторіи. Іонійцы, бывшіе въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ азіатскими народами, выработали свой особый стиль, главныя черты котораго легко напоминаютъ намъ развалины Ниневія: труды г. Лайярда по раскопкамъ памятниковъ этого города, блестящимъ образомъ подтвердили предсказаніе Нибура, что рано или поздно будетъ найдено, что іонійское искусство имѣло восточное происхожденіе.

Персы почти всецѣло приняли искусство побѣжденной ими страны, и образцы его, въ развалинахъ Персеполя и другихъ городовъ Малой Азіи, отличаются очевидными слѣдами ассирійскаго происхожденія.

Перехода къ очерку искусства италическаго, г. Лайярдъ замѣтилъ, что этрусское и римское искусства были только воспроизведеніемъ греческаго. Единственный родъ искусства, въ которомъ были превосходны римляне—архитектура, и г. Лайярдъ видитъ источникъ этого — въ величїи римскаго государства, и воинственности народа. «Со всей нашей цивилизаціей — замѣтилъ онъ — мы никогда не приближались къ римлянамъ въ этомъ отношенїи. Величественные храмы, воздвигнутые римлянами въ нѣкоторыхъ дальнихъ колонїяхъ, были въ числѣ чудесъ свѣта; мы (англичане), несмотря на могущество нашей монархіи и многочисленность нашихъ колоній, не можемъ похвалиться ничѣмъ подобнымъ.» Противу этого, конечно, ничего нельзя было бы возразить, еслибъ г. Лайярдъ не утверждалъ въ своей рѣчи, что для процвѣтанія искусства необходимо процвѣтаніе свободы, и что вездѣ съ упадкомъ этой послѣдней, приходило въ упадокъ и искусство. Паденіе греческаго искусства, справедливо, было современно покоренію Греціи Александромъ Македонскимъ; но этого мало, чтобъ объяснить этотъ упадокъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы должны скорѣй искать въ раскрытіи содержанія греческой жизни за этотъ моментъ, на сколько позволяетъ намъ это исторія. И здѣсь-то мы увидимъ, что въ эпоху покоренія Александромъ-Великимъ Греціи, ни душа ни тѣло эллинскаго міра не были въ здоровомъ состоянїи, что внутренняя и внѣшняя жизнь грековъ были въ разладѣ, потому что потеряна была общая, связующая нить стремленій народныхъ, и недоставало высшихъ цѣлей. Гармоническаго развитія духа и плоти, составляющаго единственную прочную основу для развитія искусства, недоставало уже въ послѣдніи грековъ — современниковъ Александра. Религія — а кто не знаетъ, какую громадную роль играла она во всѣхъ родахъ греческаго искусства? — сдѣлалась мертвой массой преданій и суевѣрныхъ обрядовъ, надъ которыми давно уже невѣріе и скептицизмъ начали свою разлагающую дѣятельность. То былъ современникъ Александра, сицилійскій грекъ Эвмеръ, который осмѣялъ въ своей «Священной исторїи» всю греческую мифологію, и котораго впоследствии Плутархъ прокинулъ, какъ «разрушителя древнихъ вѣрованій». Въ теченіе какого-нибудь вѣка, весь міръ Александра говорилъ погречески, но нигдѣ уже нельзя было въ это время встрѣтить стариннаго греческаго духа, простыхъ эллинскихъ нравовъ прежняго времени; всѣ силы современнаго грека направлены были на исключительно матеріальные интересы, къ которымъ подготовилъ материализмъ эллинической школы, а самое удовлетвореніе представилъ завоеванный Востокъ, съ его несметными богатствами. Нечего было и искать познн на почвѣ золота: Обокрнть, величайшій изъ греческихъ поэтовъ, от-

вернулся от тогдашней греческой жизни, и бѣжалъ въ горы къ пастухамъ, спасая чистоту вкусовъ и стремлений отъ разлагающей атмосферы греческихъ городовъ. Не Александръ погубилъ вмѣстѣ со свободой греческое искусство: его загрѣлъ червь сомнѣнія и разлада въ жизни самихъ эллиновъ.

Вотъ почему едва-ли можно согласиться съ г. Лайардомъ, что «свободныя учрежденія *необходимо* благоприятны развитію искусствъ»; можно даже сомнѣваться, чтобъ существовала какая либо солидарность между любовью къ свободѣ и любовью къ искусству: лучшимъ примѣромъ тому могутъ послужить сами же англичане, и ихъ соплеменники сѣверо-американцы. Англосаксонская раса, какъ доказываетъ ее художественное творчество, и какъ засвидѣтельствовала сравнительно такъ недавно еще лондонская всемірная выставка, стоитъ назади многихъ націй, относительно пониманія красоты формы и артистическаго вкуса; между тѣмъ, надобно ли говорить еще, на сколько чутка она, даже прихотлива въ дѣлѣ свободы.

Продолжая далѣе свой очеркъ исторіи искусства, г. Лайардъ сдѣлалъ бѣглый обзоръ состоянія искусствъ между арабами и тевтонами. Арабы, связанные, подобно евреямъ, религіозной щекотливостью въ изображеніи человѣческому образу, не достигли свободного, самостоятельнаго развитія искусства. Тевтонское или готическое искусство воспроизводило, хотя и въ значительно измѣненныхъ чертахъ, главныя формы греческаго, ассирійскаго и египетскаго искусствъ. Его можно сравнить съ прививнымъ плодомъ, сохранившимъ болѣе крупныя характеристическія черты оригинальнаго. Въ эпоху возрожденія, итальянцы усвоили готическое искусство, и выработали его своеобразно, согласно своимъ требованіямъ. Первый великій классическій архитекторъ Италіи, времямъ возрожденія, былъ Николай Пицано; первый великій христіанскій художникъ былъ Джіотто (въ XIII столѣтіи); первымъ фундаментомъ, положеннымъ новѣйшему итальянскому искусству, г. Лайардъ считаетъ церковь *Assisi*; стѣны которой Джіотто призванъ былъ украсить эпизодами изъ жизни св. Франциска (Въ этомъ мѣстѣ своей лекціи г. Лайардъ былъ прерванъ *рукоплесканіями*). До высшаго развитія христіанское искусство было доведено Гирландайо, хотя, по мнѣнію г. Лайарда, оно едва-ли когда нибудь достигало совершенства, вслѣдствіе упадка свободы въ Италіи, послѣ войны съ французами и нѣмцами и распространенія ложно-классическаго вкуса. Этотъ упадокъ сказался въ произведеніяхъ Рафаэля, позднѣйшая манера котораго уступаетъ его первой манерѣ. Даже великій Мигель-Анжело не могъ противостоять перемѣнѣ. Венеція, наиболѣе долго сохранявшая свою свободу, долѣе другихъ итальянскихъ областей сберегла преданія истиннаго искусства; но послѣдній ударъ итальянскому искусству былъ нанесенъ иезуитами. Электическая школа, наиболѣе блестящими представителями которой были Доминикино и трое Караччей, утратила свою славу, когда было

доказано, что она не зиждилась на національномъ чувствѣ, и что она дала лишь образцы фальшиваго искусства.

При обзорѣ новѣйшихъ школъ искусства, г. Лайардъ остановился главнымъ образомъ на англійской школѣ, и сказать объ это — самое интереснѣйшее и наиболѣе замѣчательное мѣсто всей его лекціи. Въ Англій — говоритъ г. Лайардъ — въ искусствѣ отражаются характеристическія черты, политическое и социальное положеніе народа: оно менѣе находится подъ вліяніемъ небольшого исключительнаго класса, чѣмъ было въ большей части своихъ предыдущихъ фазисовъ развитія. Поворотъ художниковъ въ Англій — народъ, у нихъ нѣтъ ни Набуцодоносора, ни Августа. Потому въ Англій незначительный запросъ на колоссальныя статуи, или мраморныя дворцы, но гораздо значительнѣй спросъ на станціи желѣзныхъ дорогъ, кристаллыныя дворцы для выставокъ и публичныя залы. Два столѣтія тому назадъ еще не существовало истинно англійскаго искусства, по мнѣнію г. Лайарда, за исключеніемъ архитектуры, которая все была заимствованной. Національная школа искусства возникла во время Рейнольдса, но классическое образованіе преобладающаго класса за послѣднюю четверть прошлаго столѣтія и начало нынѣшняго, заразило всѣ англійскіе монументы классицизмомъ, и проливало, такимъ образомъ, ложное искусство по отношенію къ британскому климату и обычаямъ. Такимъ образомъ, напримеръ, британскій музей, предполагавшійся какъ мѣсто постоянной выставки образцовъ искусства и другихъ замѣчательныхъ предметовъ, былъ сооруженъ по модели греческаго храма — эданія, въ которомъ мракъ составляетъ характеристическую черту. Что же касается до скульптурныхъ изображеній фронтона, то невозможно отгадать, что они выражаютъ, хотя одинъ остражъ и предполагалъ, что они говорятъ намъ о перемѣнахъ, совершавшихся въ британскомъ поваренномъ искусствѣ. Одинаково строго отнесся г. Лайардъ въ англійской національной галлерей, къ монументу Нельсона, къ статуи въ трафальгарскомъ скверѣ и въ зданіи парламента, включая сюда и новыя фрески современной англійской знаменитости г. Герберта. Отдавая справедливую дань таланту этого художника, онъ указалъ, однакоже, на главный недостатокъ въ немъ — отсутствіе идеальности: Моисей и Ааронъ въ гербертовомъ фрескѣ — просто обденные арабы, которыхъ можно встрѣтить ежедневно на Востокѣ.

Успѣхи англичанъ, особенно послѣ всемірной лондонской выставки, завоевать себѣ болѣе почетное мѣсто въ области искусствъ, вмѣстѣ съ ихъ быстрыми успѣхами въ дѣлѣ вкуса, даютъ право г. Лайарду надѣяться, что въ будущемъ его соотечественники вознаградятъ съ избыткомъ прошлую небрежность. Но нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ рѣзкихъ аномалій въ исторіи развитія англійскаго искусства; такъ, напримеръ, Рейнольдсъ, Генсборо и Гогартъ явились, кажется, во время, самое неблагоприятное съ точки зрѣнія г. Лайарда, для процвѣтанія искусства; между тѣмъ

настоящая Англия — свободная, наслаждающаяся миромъ, богатая, нищюющая, кажутся, весь досугъ и средства, необходимы для творчества, несмотря на всё свои щедрыя усилія, не можетъ дать ни одного художника, который равнялся бы по силѣ таланта ея прошедшимъ знаменитостямъ. Поневолѣ приходится согласиться съ одной старой греческой поговоркой, которую привелъ Сократъ въ разговорѣ съ Гиппиемъ: «Прекрасное трудно!»

Къ сожалѣнію, г. Лайардъ пропустилъ въ своей рѣчи оцѣнку бесспорнаго вліянія на современное искусство одного дѣятеля — фотографин. Это вліяніе, вопреки многимъ недоброжелательнымъ отзывамъ, положительно благотворно для искусства: для живописи, и въ послѣднее время для скульптуры. Фотографія, нельзя не согласиться, воспитала и будетъ продолжать воспитывать глазь публики въ болѣе строгихъ требованіяхъ отъ искусства — дѣлкатности рисунка и правды деталей: нерешившіи рисунокъ сдѣлался нетерпимъ. Она окончательно погребла цѣлый классъ второстепенныхъ миниатюрныхъ живописцевъ, между тѣмъ, какъ истиннымъ художникамъ даетъ драгоценную возможность всегда исправить размахъ своей кисти по правдивымъ указаніямъ солнечнаго свѣта; наконецъ, берегаетъ весьма много времени на подготовку грубыхъ, первыхъ матеріаловъ для композицій картинъ.

Въ первой анварской книжкѣ, мы упомянула о новомъ изобрѣтеніи г. Вильяема — *фотоскульптуръ*, и рассказали вкратчѣ о процессѣ. Въ Парижѣ и въ Лондонѣ устроились въ настоящее время двѣ компаніи для производства фотоскульптурныхъ работъ: тамъ — подъ руководствомъ самаго изобрѣтателя, г. Вильяема, здѣсь — подъ управленіемъ г. Кледе, известнаго англійскаго скульптора. Надо надѣяться, что и скульптору также придется многому поучиться отъ указаній камер-обскуръ: онъ увидитъ, что эффектъ цѣлаго никогда не потеряется, если вѣрны будутъ природѣ всё частности; что жизнь скульптурному изображенію можетъ быть сообщена лишь сохраненіемъ въ немъ всѣхъ характеристическихъ чертъ оригинала. Большинство скульпторовъ слѣдуютъ избитой манерѣ въ драпировкѣ статуй: они облачаютъ ихъ обыкновенно въ широкія мантии или плащи, складки которыхъ, правда, могутъ быть весьма искусно разбросаны, но за ними пропадаетъ почти весь характеристическій оттѣнокъ фигуры. Наполеонъ I-й въ императорской мантии, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ — блѣдая фигура, ничего неговорящая намъ объ этой личности; совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ на насъ Наполеонъ въ вандомской колонны, въ своемъ пальто и знаменитой трехуголкѣ. Воспоминаніе о человѣкѣ на столько же запечатлѣвается въ насъ его лицомъ, какъ и его обычнымъ костюмомъ, его повитурой. Въ чемъ же и можетъ артистъ отыскать вѣрныя и простые штрихи для художественнаго воспроизведенія известной личности, какъ не въ этихъ мелкихъ, но типичныхъ подробностяхъ? И въ этомъ-то отношеніи фотоскульптурѣ предстоитъ оказать чрезвычайно большія услуги, оставая, конечно, на долю

артиста художественное изображение всего *ensemble* фигуры, в чемъ фотографія всегда останется назади истиннаго искусства.

— Въ засѣданіи лондонскаго географическаго общества, въ половинѣ минушаго января, капитанъ Шерардъ Осборнъ внесъ проектъ новой экспедиціи къ сѣверному полюсу и послѣдованіи этого полярнаго региона.

Въ опроверженіе принятую мнѣнію, что результаты полярныхъ экспедицій были весьма скудными сравнительно съ тѣми затратами въ деньгахъ и людяхъ, которыя они поглощали, г. Осборнъ замѣтилъ, что съ 1818—54 г. Англія потеряла въ сорока-двухъ послѣдовательныхъ экспедиціяхъ всего два корабля и 128 челвѣкъ. Въ поискахъ за однимъ Франклиномъ, пѣшія партіи исследли около 40,000 англійскихъ миль и, однакоже, ни одна изъ этихъ партій не погибла. Равнаго успѣха по объему географическихъ открытій нигдегда еще не было совершенно въ мѣрѣ съ такимъ малымъ числомъ человеческихъ жертвъ. Г. Осборнъ считаетъ ложнымъ взглядъ, что будто арктическія экспедиціи ничего болѣе не принесли до сихъ поръ, какъ прибавили лишь на географическихъ картахъ нѣсколько бесполезныхъ очертаній берега. Открытія, сдѣланныя въ разныхъ физическихъ наукахъ впроделаніе этихъ экспедицій, имѣютъ практическую важность. Въ арктическомъ регионѣ была уловлена нить законовъ тѣхъ тиниственныхъ теченій, которыя струятся черезъ пустыни олеана, подобно двумъ могущественнымъ рѣкамъ—*Голембурова* и *Шерригскаго теченія*. Въ Востин (Boothia) оба Росса достигли магнитнаго полюса— центральнаго пункта, вокругъ котораго арктическая мореходная зона на цѣлой колоннѣ сѣвернаго полушарія; и цѣлая масса наблюденій, собранныхъ англійскими путешественниками у арктическаго полюса, весьма много способствовала болѣе правильному пониманію законовъ склоненія и наклоненія магнитной стрѣлки.

Для достиженія сѣвернаго полюса могутъ быть избраны два пути, по мнѣнію г. Осборна: одинъ черезъ Шницбергенъ, другой—черезъ сѣверную Гренландію. Эдмунтова Голова на Шницбергенѣ отстоитъ ровно на 600 англійскихъ миль отъ сѣвернаго полюса. Парусныя суда доходили въ этомъ направленіи до 500 миль отъ полюса, а капитанъ Парри, 22 іюля 1827 года, стоялъ отъ него на плавающемъ льду ровно на разстояніи 435 англійскихъ миль. Онъ принужденъ былъ оставить свое помыту единственно потому, что люди его не въ силахъ были править свои шлюпки къ сѣверу нанерерѣзъ стремительно бѣжавшимъ на югъ лдынямъ. То было въ самой срединѣ арктическаго лѣта; мнѣнью тѣмъ, опытъ послѣднихъ двадцати лѣтъ указалъ, что вмѣсто того чтобъ выступать въ путь въ іюнѣ, Парри долженъ бы былъ, прозимовавъ на Шницбергенѣ, подняться къ полюсу въ февралѣ. Путь черезъ Шницбергенъ имѣетъ, однакоже, то неудобство, что неизвѣстно къ сѣверу отъ этого острова подъ его

меридіаномъ никакой твердой земли, на которой можно бы было устроить складочныя мѣста для провизіи. Смитовъ Зундъ, въ сѣверной Гренландіи, представляетъ болѣе удобный и выгодный пунктъ отправленія. Онъ на 120 миль ближе къ полюсу; кромѣ того, есть основаніе предполагать дальнѣйшее протяженіе материка или существованіе острововъ по направленію къ сѣверу. Такъ заставляетъ думать, по крайней мѣрѣ, природа скопляющагося здѣсь льда: онъ является въ видѣ ледяныхъ горъ, а такого рода образованія составляютъ принадлежность суши и имѣютъ начало въ ледникахъ. Смитовъ Зундъ изобилуетъ ледяными горами, что не имѣло бы мѣста, еслибъ суша рѣзко ованчивалась у Гумбольдтова Ледника. Этотъ фактъ указываетъ намъ на существованіе далѣе къ сѣверу большихъ материковъ съ высокими горами и глубокими долинами, удерживающими въ себѣ влажность и скопленіе снѣговъ за цѣлыя вѣка, и общаетъ, что непрерывно простирающійся къ сѣверу ледяной покровъ моря дастъ путешественникамъ достигнуть сѣвернаго полюса. Капитанъ Осборнъ недовѣряетъ частнымъ экспедиціямъ въ такомъ дѣлѣ. Въ англійскихъ арсеналахъ, говорить онъ, гнѣютъ деревянные военные корабли. Всѣ старыя леди въ окрестностяхъ портовыхъ городовъ варятъ свой чай на дубовыхъ щепкахъ отъ бѣдныхъ отставныхъ напоирскихъ лодокъ. Капитанъ Осборнъ не требуетъ трехдечныхъ судовъ, хотя и они нашлись бы. Мы будемъ болѣе скромны, говорить онъ, и попросимъ что нибудь нѣсколько меньшее деревяннаго линейнаго корабля. Естественно, полагаетъ онъ, нечего ожидать отъ англійскаго адмиралтейства инициативы въ подобныхъ предметахъ. Безсмертный Кузь никогда бы не совершилъ своего кругосвѣтнаго плаванія; безсмертная имени Франклина, Парри и Росса никогда бы ничего не прибавили къ лѣтописямъ славы, еслибъ ждаты, пова прежнія адмиралтейства приняли бы на себя инициативу въ ученыхъ изслѣдованіяхъ и географическихъ изысканіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что люди науки и люди, думающіе, что флотъ существуетъ для болѣе благородныхъ цѣлей, чѣмъ исключительно военныя, найдутъ, что его свѣтлость герцогъ Сомерсетъ (*) ровно на столько же подчиненъ доводамъ разума и здраваго убѣжденія, на сколько были и прежніе первые лорды адмиралтейства. Адмиралтействъ-совѣтъ, подобно другимъ административнымъ учрежденіямъ страны, долженъ, въ качествѣ добраго служителя публики, сдѣлать то, что попроситъ его сдѣлать образованная часть публики, и потому г. Осборнъ надѣется главнымъ образомъ на вліяніе общественнаго мнѣнія страны въ пользу новой полярной экспедиціи. Положимъ, что эта экспедиція состоится и два корабля будутъ готовы къ отплытію весною 1866 г. Они направятся, по мнѣнію г. Осборна, къ Бафинову заливу и достигнутъ мыса Йоркъ въ августѣ. Затѣмъ, одинъ корабль остановится у мыса Изабеллы или близъ него, оставивъ

(*) Настоящій первый лордъ адмиралтейства.

для своихъ надобностей не болѣе 25 человекъ; другой корабль, съ 95 человекъ, станетъ подвигаться вдоль западнаго берега по направленію къ мысу Парри, стараясь не удалиться отъ своего товарища далѣе 300 миль. Осенью того же года южный корабль долженъ соединиться съ сѣвернымъ кораблемъ, приготовить общую стоянку; сѣверный же, въ свою очередь, отгравляясь на стоянку, долженъ оставить позади себя депо по направленію къ полюсу для облегченія весеннихъ операцій слѣдующаго 1867 г. Въ этомъ же и слѣдующемъ 1868 г., должны выступить экспедиціонныя партіи на саняхъ и въ шлюпкахъ къ полюсу, чрезъ неизвѣстную ледяную площадь; въ 1869 г. экспедиція должна воротиться, провести такимъ образомъ двѣ зимы и три лѣта въ арктическомъ полярѣ. На географическихъ картахъ, площадь въ 1,131,000 кв. миль вокругъ полюса остается до сихъ поръ бѣлымъ мѣстомъ, и потому было бы чрезвычайно важно въ географическомъ отношеніи удостовѣриться: пространство это—безмолвная ли ледяная пустыня, или же площадь земли и воды, полная жизни, какъ думаютъ нѣкоторые. Не менѣе интересны этнологическія проблемы, разрѣшенію которыхъ могла бы содѣйствовать полярная экспедиція, такъ-какъ есть большая вѣроятность предполагать, что человекъ долженъ существовать гораздо сѣвернѣе, чѣмъ предполагалось до этого времени, и что образъ существованія его въ этихъ регионахъ долженъ быть весьма похожъ на тотъ, который вели наши отдаленнѣйшіе предки въ Европѣ, употреблявшіе кремневыя орудія въ ту эпоху, когда Британія и большая часть континента имѣла арктической климатъ. Найдется много метеорологическихъ проблемъ самаго высокаго интереса, которыя могутъ быть разрѣшены только рядомъ точныхъ наблюденій искусныхъ лицъ въ самихъ крайнихъ широтахъ. Но одна изъ самыхъ капитальныхъ услугъ, которую могла бы подобная экспедиція принести наукѣ, состоитъ въ измѣреніи дуги меридіана въ арктическомъ полярѣ—желаніе, обратившее на себя недавно вниманіе лондонскаго королевскаго общества, въ связи съ предположенною шведскою экспедиціею для той же цѣли на Шницбергенъ. Генералъ Себинъ (Sabine), президентъ королевскаго общества, въ своемъ адресѣ 30 ноября 1863 г. свидѣтельствовалъ, что онъ указывалъ англійской публикѣ на важность и цѣну такого измѣренія сорокъ лѣтъ еще тому назадъ, и предначерталъ способы къ осуществленію задачи, предполагая лично привести свой планъ въ исполненіе. Эта великая услуга—измѣреніе четырехъ градусовъ меридіана—можетъ быть съ удобствомъ оказана партіей съ кораблемъ, который, по просяту г. Осборна, останется на лѣтнее время у мыса Изабеллы, въ то время, какъ сѣверный корабль будетъ на пути къ полюсу.

Генералъ Себинъ, президентъ королевскаго общества, бывшій въ засѣданіи географическаго общества, поддерживалъ проектъ, предложенный капитаномъ Шерардомъ Осборномъ. Онъ соглашался съ этимъ офицеромъ, что весьма важно въ мирное время

доставлять морскимъ офицерамъ удобные случаи къ осуществленію какого нибудь морскаго предпріятія, что онъ не знаетъ лучшаго поля для такой дѣятельности, какое представляетъ изслѣдованіе арктическаго пояса. Въ этой школѣ закаляли себя многіе изъ лучшихъ и наиболѣе извѣстныхъ англійскихъ моряковъ. Едва-ли встрѣтится, говорилъ генералъ Себинъ, время благоприятнѣе настоящаго для осуществленія новой полярной экспедиціи, «когда опытные участники прежнихъ арктическихъ экспедицій живутъ еще среди насъ (англичанъ), и готовы примкнуть къ предпріятію.» Со стороны же королевскаго общества, по словамъ генерала Себина, нѣтъ недостатка въ предметахъ высшей научной важности, которые требуютъ изслѣдованія посредствомъ подобной экспедиціи, и онъ увѣрежъ, что королевское общество съ величайшей охотой присоединитъ свой голосъ во всякомъ обращеніи для этой дѣли къ правительству за содѣйствіемъ.

— У лондонскихъ издателей-книгопродавцевъ Лонгмана и К^о въ настоящее время печатается «Изслѣдованіе философіи сэра Уильяма Гамильтона и вопросовъ, обсуждаемыхъ въ его твореніяхъ», Джона-Стюарта Милля.

— По словамъ лондонской «Literary Gazette», въ 1864 г. въ Лондонѣ появилось 3,553 новыхъ сочиненія и новыхъ изданій, со включеніемъ памфлетовъ. Изъ этого числа: религіознаго содержанія—715; по біографіи и исторіи—233; по географіи, топографіи и путешествіямъ—151; изъ области вымысла, со включеніемъ дѣтскихъ книгъ—842; по поэзіи и всеобщей литературѣ—565; ежегодниковъ и новыхъ сборниковъ—166; по юриспруденціи и парламентарной системѣ—79; медицинѣ и хирургіи—124; европейской и классической филологіи, со включеніемъ переводовъ—132; англійской филологіи и педагогіи—177; по морскому, военному и инженерному искусствамъ—52; политикѣ и вопросамъ дня—56; земледѣлію, садоводству и скотоводству—46, искусству, архитектурѣ и т. п.—52; коммерціи—41; точнымъ наукамъ и естественной исторіи—122. Слѣдовательно, преобладающая литературная дѣятельность англійской столицы за прошлый годъ принадлежала области вымысла и дѣтскихъ книгъ—23⁰/₁₀₀, затѣмъ спасенію духовному—20⁰/₁₀₀, а затѣмъ поэзіи и всеобщей литературѣ—15⁰/₁₀₀.

— Ходятъ слухи, что извѣстный путешественникъ Ливингстонъ снова хочетъ посвятить себя изслѣдованію Африки; что теперь онъ занятъ проектомъ экспедиціи съ восточнаго берега Африки для изслѣдованія области, лежащей между крайнимъ сѣвернымъ пунктомъ, до котораго доходилъ сперва онъ близъ озера Ніассы, и самымъ южнымъ пунктомъ, до котораго достигали Буртонъ и Спикъ у озера Танганейки.

— Французскій физикъ Фуко, извѣстный своимъ остроумнымъ способомъ доказательства вращенія земли, избранъ недавно въ члены парижской академіи наукъ, хотя честь эта давно уже принадлежала этому ученому за его заслуги наукѣ. Но и на этотъ разъ академическія кресла у г. Фуко едва-едва не отбилъ полковникъ Фаве — адъютантъ императора. Что вродѣ баллотировки былъ сомнителенъ, лучше всего доказываетъ волненіе почтенныхъ академикомъ, когда стали послѣ окончательной баллотировки считать голоса, а затѣмъ — ихъ до такой степени одобрительными ура, что президенту приходилось призывать старыхъ академикомъ къ порядку! Радость почтенныхъ академикомъ понятна: у нихъ гора свалилась съ плечъ. «Moniteur» вскользь замѣтилъ, что полковникъ Фаве избралъ пушку; замѣтилъ эта сама стоила пушечнаго выстрѣла: академія четыре раза баллотировала обоихъ претендентовъ, чтобъ добиться опредѣленнаго результата. Какая деликатная нерѣшительность! За то французское правительство отличается черезчуръ уже большою рѣшительностію: если вѣрить слухамъ, въ Парижѣ ожидаютъ на дняхъ декрета, которымъ число членомъ академіи будетъ увеличено еще на 10 человекомъ, избраніе которыхъ будетъ принадлежать уже самому правительству.

— Думаютъ, что авторъ «Исторіи Цезаря» самъ обольщенъ честію быть академикомъ. Чтобъ не пропустить случая познакомиться съ тѣмъ, что значитъ быть въ одно и то же время императоромъ и авторомъ, замѣтимъ, что Наполеонъ III, съ цѣлю основательнаго изученія военной практики римлянъ во времена Цезаря и чтобъ писать свое сочиненіе со всѣмъ возможнымъ для ученаго комфортомъ, поручилъ одному способному и ученому артиллерійскому офицеру составить подробное и точное описаніе римскихъ военныхъ костюмовъ временъ Цезаря, оружія, снарядовъ, убранства, включая сюда даже всѣ осадныя орудія и средства, и воспроизвести все это въ самомъ совершенномъ видѣ въ моделяхъ, не шая, конечно, издержекъ. Въ Тюльери образовался такимъ образомъ музей римскихъ военныхъ древностей, воспроизведенныхъ въ такомъ совершенствѣ и полнотѣ, на сколько доставляютъ для этого средствъ археологія, скульптурная изображенія, надписи, рисунки и т. п. Конечно, вмѣстѣ съ *liste civile*. Здѣсь были палатки, колесницы, знамена, сумки, ремни, рѣчныя суда, понтонныя мосты, заступы, баллисты, катапульты, мечи, копья, щиты и т. п. Все это тщательно выполнено и приваровлено къ употребленію, такъ что, когда автору хотѣлось видѣть трибуна, центуріона, декуріона или простаго солдата, какими ихъ видѣлъ Цезарь, стояло только кликнуть одного изъ гвардейцевъ и облечь его въ римскіе доспѣхи.

Говорятъ, что слѣдующій трудъ, которымъ французскій императоръ подаритъ публику, будетъ исторія Генриха IV.

— Нѣсколько посмертныхъ извѣстій о послѣднихъ минутахъ Прудона и о его частной жизни, сообщаемыхъ г-жею Евгенией

Туръ изъ Париза, небезынтересны. Требования Прудона отъ жизни были скромны и невелики: «Лишь бы мнѣ заработать здѣсь (въ Безансонѣ, его родиѣ) вѣрный кусокъ хлѣба, да быть въ состояніи отъ времени до времени напечатать брошюру въ Парижѣ — и я буду доволен!» говаривалъ онъ. Въ частной жизни, въ разговорахъ, Прудонъ всегда стоялъ за принципы порядка и строгой нравственности, и стоялъ за нихъ тѣмъ упорнѣе и смѣлѣе, чѣмъ болѣе старѣлъ. Когда онъ издавалъ газету *Народный Голосъ*, то выручалъ много денегъ: газета расходилась на расхватъ; но себѣ онъ оставлялъ изъ прибыли лишь 5 фр. въ день, остальное отдавалъ бѣднымъ. Случались дни, когда газета продавалась въ числѣ ста тысячъ экземпляровъ, но и тогда Прудонъ не оставлялъ себѣ болѣе пяти франковъ. Приговоренный къ трехлѣтнему тюремному заключенію въ Сен-Пелажи, Прудонъ повстрѣчалъ молодую дѣвушку, дочь бакромщика, и поговорилъ съ нею. Ея отвѣты ему понравились. Онъ спросилъ ея имя и не выдалъ ее въ продолженіе цѣлаго года. Черезъ годъ онъ послалъ одного изъ друзей своихъ съ предложеніемъ къ отцу ея; этотъ согласился. Бракъ состоялся, но только гражданскій, съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ закономъ правилъ. Жена Прудона — женщина полная, крѣпкая, румянолицая и съ виду добрая. Болѣзнь Прудона была мучительна, но онъ терпѣливо переносилъ свои страданія, скрывая ихъ отъ жены, нѣжно его любившей. Онъ сохранилъ всю свою твердость, все присутствіе духа, и говорилъ, что если выздоровѣетъ, то будетъ учиться медицинѣ, чтобъ знать, что такое въ немъ дѣлается. «Я не хочу умереть внезапно — говорилъ онъ своему доктору — такъ я не узнаю, что такое смерть. Я бы желалъ, чтобъ она пришла ко мнѣ медленно, чтобъ я могъ испытать, что она такое.» Его желаніе исполнилось. Смерть подкрадывалась къ нему медленно, заявляя свое приближеніе мучительными кризисами и припадками. Агонія длилась цѣлые три дня. На третій день больной выбылъ изъ силъ и не могъ не сказать слабымъ голосомъ: «Когда же это кончится?», но увидѣвъ жену, поспѣшилъ прибавить: «Когда же я выздоровлю?» Всѣ знали, что смерть близка, кромѣ жены, которая не хотѣла допустить этой мысли, и была неутѣшна, когда увидѣла, что мужъ испустилъ послѣдній вздохъ. Говорятъ, что въ числѣ рукописей, оставшихся послѣ Прудона, находится «Жизнь Иисуса Христа», написанная съ жной точки зрѣнія, чѣмъ книга Ревана.

— Выводы изъ статистическихъ данныхъ о смертности по занятіямъ, давно указали англичанамъ, что средній терминъ жизни рудокоповъ весьма малъ, между тѣмъ какъ тотъ же терминъ для рабочихъ на угольныхъ вошахъ весьма удовлетворителенъ. Отчего такая разница въ жизни людей, казалось бы одинаково проводящихъ ее въ подземныхъ работахъ? Чтобъ разрѣшить эту проблему, англійское правительство назначило особую комиссію, оставивъ ей цѣлью «изыскать наиболѣе практическія средства

и способы къ улучшенію гигиеническихъ условій жизни и безопасности рудоконовъ.»

Исслѣдованія коммиссіи продолжались довольно долго; члены ея не оставляли безъ посѣщенія ни одного округа, въ которомъ добывается руда, во всей Великобританіи, подвергая въ каждомъ рабочихъ строгому осмотру и наслѣду всѣ условія, при которыхъ производится ими работы. Результатъ этихъ наслѣдованій подтверждалъ указанія статистики. Выразивъ мѣру смертности въ каждый періодъ жизни между мужчинами, неработающими въ рудовоенныхъ, цифрой 100, оказывается, что мѣра смертности между рудокомами Корнваллиса опредѣляется: для возраста отъ 15 до 25 лѣтъ цифрой 126; между 25 и 35—115; между 35 и 45—150, и между 45 и 56—238. Въ сѣверныхъ графствахъ: между 15 и 25 годами возраста, смертность выражается 126; между 25 и 35—135; между 35 и 45 — 174; между 45 и 55 — 205. Огромнѣйшее большинство рабочихъ умираетъ постоянно отъ болѣзней легкихъ. Въ недавнее время коммиссія для наслѣдованія условій жизни рудоконовъ обнаруживала результаты своихъ трудовъ въ двухъ тонахъ in-folio, раскрывающихъ много чрезвычайно интересныхъ и важныхъ подробностей изъ жизни класса труженниковъ, добывающихъ цѣною своей жизни самые могущественные источники богатства англійскихъ промышленниковъ.

Въ Англійи положительно не существуетъ другаго класса рабочихъ, заврость на которыхъ былъ бы такъ постояненъ, какъ на рудоконовъ. Точно такъ же такъ едва-ли существуетъ классъ рабочихъ, въ которомъ бы такъ усердно держалось въ быстро снѣжающемся пологѣннѣхъ ремесло предка и сохранялось бы съ такимъ строгимъ соблюденіемъ зашнанныхъ техническихъ приемовъ, какъ у рудоконовъ. Въ Корнваллисѣ и Кумберландѣ существуютъ цѣлая семья, которыхъ можно безпримѣчно считать прямыми потомками самыхъ древнѣйшихъ британскихъ рудокоповъ. Результатъ этой преемственности тотъ, что ювона-рудокопъ вступаетъ въ трудовую жизнь съ надорваннымъ на половину здоровьемъ. Ему вѣсть съ ремесломъ передаются и всѣ болѣзненные, поразенные соки предковъ, передаются почти всѣ нагубныя вліянія, равно сломившія жизнь его отца, дѣда, прадеда, и отпечатлѣваются на его здоровьѣ точно такъ же, какъ они отпечатлѣвались и на ихъ силахъ. Ребенкомъ рудокопъ не выходитъ обыкновенно съ плохой пищи, а мало-мальски подростъ, мальчикъ ли, дѣвочка ли, родители уже шлютъ въ мину. Правда, что до двѣнадцатилѣтняго возраста дѣти употребляютъ на работы обыкновенно на поверхности земли, сортируютъ, «нарезаютъ» руды, но не слѣдуетъ забывать, что эта работа требуетъ безпрерывнаго употребленія воды и потому одежда на дѣтахъ почти всегда мокра. Двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ берутъ уже въ подземелья и имъ приходится выносить здѣсь суровый трудъ—взбираться по отвѣснымъ лѣстницамъ изъ большихъ глубинъ—подвергаться всѣмъ вреднымъ послѣдствіямъ вдыханія воздуха,

по большей части бѣднаго кислородомъ. Зачастую рудокопъ живетъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мины—въ двухъ-трехъ миляхъ; вслѣдствіе чего, такъ-какъ рудоконни расположены въ самыхъ днѣхъ мѣстностей страны, и на пути на работы и возвращаясь съ нихъ, рудокопъ подвергается всѣмъ атмосфернымъ перемѣнамъ. Часто онъ приходитъ въ мины промоченный дождемъ; здѣсь мѣняетъ одежду на свой специальный костюмъ, весь сухой еще отъ вчерашней работы. Затѣмъ, онъ спускается въ подземелье и въ продолженіе 8 часовъ сверлитъ и высѣкаетъ утрамня скалы, въ скатомъ уголку, гдѣ воздухъ насыщается продуктами его собственного дыханія, горѣнія свѣчей и пороховымъ дымомъ. Кончивъ свою дневную работу, рудокопъ снова взбирается на свѣтъ, но уже въ состояніи крайняго изнеможенія. Дома онъ комфорта не найдетъ, такъ-какъ жены и матери рудокоповъ, работая съ малолѣтства до выхода въ замужество, на такъ называемыхъ «сортировочныхъ полахъ», не имѣютъ случая позавѣять домашнимъ хозяйствомъ, и потому оно всегда въ семьяхъ рудокоповъ остается въ большомъ запущеніи.

Таковъ обыкновенный порядокъ существованія англійскихъ рудокоповъ; у нѣкоторыхъ хозяевъ онъ лучше, у другихъ хуже. У нѣкихъ въ миныхъ устроены паровыя подъемныя машины для опусканія и подъема рабочихъ, работы освѣщаются газомъ, имѣются предохранительныя лампы Деви, теплыя помѣщенія для переодеванья; у большей части хозяевъ ничего этого неустроено.

Изъ отчета коммиссін мы узнаемъ, что въ Корнваллисѣ и Девонширѣ мины чрезвычайно глубоки. Большое число ихъ разрабатывается на глубинахъ 1200—1800 ф. (отъ 171 слишкомъ сажени до 257 съ небольшими) подъ поверхностью земли, и вездѣ почти постоянная температура весьма высока. По показаніямъ работниковъ, обыкновенно она колеблется между 80° и 90° Фар. Въ амальгамныхъ клиффордскихъ миныхъ люди работаютъ со всѣмъ почти нагими, въ атмосферѣ, перемежающейся между 110° и 120° Фар. Въ этой температурѣ рудокопы могутъ работать склюшъ не болѣе 20 минутъ, и во все время работы ихъ обливаютъ холодною водою; затѣмъ они удаляются на боковой подъемъ съ температурой 80°—90° Фар. «Нерѣдко встрѣчались люди, терпѣвшіе къ концу такой дневной работы 8—10 фунтовъ вѣса», гласитъ краснорѣчиво отчетъ коммиссін. Въ Уэльсѣ и сѣверныхъ округахъ Англій мины не такъ глубоки; тѣмъ не менѣе, это обстоятельство почти не уменьшаетъ въ нихъ смертности рабочихъ сравнительно съ другими округами, потому что смертность эта главнымъ образомъ зависитъ отъ общаго всѣмъ рудникамъ условія — *злочащестности вдыхаемаго рабочими воздуха*.

Др. Энгельсъ Смитъ анализировалъ 328 образцовъ воздуха изъ рудоконей въ различныхъ мѣстахъ Англій и Уэльса. Онъ нашелъ, что въ рудникахъ Корнваллиса и Девоншира 26% изъ вятыхъ образцовъ приходится на нечистый воздухъ и около 63% на

воздух «крайне худой». На сѣверѣ Англїи: $24\frac{1}{2}$ ‰ изъ образцовъ — на воздухъ «рѣшительно нечистый» и около 63 ‰ — на «крайне худой». Злокачественность воздуха вездѣ въ рудникахъ происходитъ отъ недостатка кислорода и избытка углекислоты. Въ сухихъ минахъ образуется пыль отъ пробуриванїя и откалыванїя скалъ; къ ней присоединяются порокисные газы отъ взрывовъ скалъ; кромѣ того каждый человѣкъ работаетъ со свѣчой, которая поглощаетъ кислородъ, а взамѣнъ портитъ воздухъ продуктами своего горѣнїя; рабочий же, вдыхая въ себя всѣ эти мїазмы, выдыхаетъ углекислоту, объемъ которой въ подземельяхъ увеличивается иногда еще отъ свойствъ почти разрабатываемого слоя, наконецъ вснарина, отдѣляемая въ большемъ обыкновеннаго количествѣ тѣломъ работниковъ—все это дѣлаетъ воздухъ положительно ядовитымъ для дыханїя.

По тщательномъ разсмотрѣнїи всѣхъ добытыхъ свѣдѣнїй и исследований, коммиссія пришла къ заключенїю, что чрезмѣрная болѣзненность и смертность у рудокоповъ большею частью происходитъ отъ дурной вентилацин въ минахъ, и что кромѣ того много другихъ причинъ, общихъ и мѣстныхъ, способствуютъ разстройству здоровья рабочихъ, именно: рѣзкіе переходы ихъ изъ крайнихъ температуръ, изъ одной въ другую, вдыханїе ѣдкой пыли, восхожденїе по вьющимся лѣстницамъ изъ большихъ глубинъ, случайности и т. п. Къ сожалѣнїю, коммиссія совершенно пропустила въ своемъ «докладѣ» вопросъ объ образованїи дѣтей рудокоповъ, и въ сборникѣ свѣдѣнїй, приложенномъ къ докладу, только двѣ страницы посвящены этому важному вопросу; но изъ этихъ двухъ страницъ мы узнаемъ одинъ утѣшительный фактъ, что вѣто г. Бомонъ, владѣлецъ алленгидскихъ рудъ, построилъ при нихъ школы для дѣтей рудокоповъ и самъ заботится о прїисланїи и вознагражденїи учителей; въ большей же части случаетъ, «дѣти послѣ своей дневной работы не чувствуютъ охоты къ ученїю».

— Нѣкоторое понятїе о громадной стоимости застроенной земли въ Парижѣ можно составить изъ того факта, что владѣлецъ *Балмазо Отеля* на бульварѣ Капуциновъ запросилъ 24 милїона франковъ за сносъ небольшой части отеля, маскирующей видъ зданїя Новой оперы.

— Вопросъ о томъ, можетъ ли быть удержана на воздухѣ намагниченная игла посредствомъ взаимно противоположнаго дѣйствїя двухъ магнитовъ, недавно обратилъ на себя вниманїе известнаго физика Платѣ. Онъ прїступилъ къ рѣшенїю вопроса математическимъ путемъ и пришелъ къ заключенїю, что совершенно невозможно достигнуть такого равновѣсія иглы, сколько бы на нее магнитовъ ни дѣйствовало и какъ бы они ни были расположены. Такимъ образомъ известная легенда о Магометовомъ гробѣ теряетъ всякое основанїе.

— Недавно одинъ парижскій физикъ, г. Карлье, задалъ себѣ вопросъ: необходимо ли покрывать проволоку электромагнитовъ шелкомъ, хлопчатой бумагой, гуттаперчей и т. п. дурными проводниками электричества? и приступилъ прямо къ опытамъ надъ дѣйствіемъ электромагнитовъ, проволока которыхъ не была ничѣмъ покрыта. Но прежде чѣмъ сообщить о результатахъ изслѣдованій этого физика и другаго, Дюмонселе, по этому вопросу, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что такое электромагнитъ, и какія условія полагаются до сихъ поръ для его дѣйствія. Электромагнитами называются чрезвычайно сильные магниты, получаемые, какъ показываетъ самое названіе ихъ, чрезъ посредство электричества. Они состоятъ изъ мягкаго желѣза, согнутаго на подобіе подковы. Около каждой половины такого снаряда обвивается покрытая шелкомъ мѣдная проволока, образующая два большіе мотка, у которыхъ обороты проволоки идутъ въ противоположныхъ направленіяхъ. Когда нѣсколько значительный токъ проходитъ чрезъ эту проволоку, желѣзо намагничивается и дѣлается очень сильнымъ магнитомъ, но какъ только токъ прекращается, признакъ магнитнаго состоянія желѣза исчезаетъ.

Сила электромагнитовъ зависитъ отъ ихъ величины, числа оборотовъ проволоки и силы тока. Самое важное изъ приложений электромагнитовъ къ практикѣ представляютъ пока электрическіе телеграфы. Многіе физики старались приложить вѣроятнѣйшую силу электромагнитовъ къ машинамъ. Академикъ Якоби первый устроилъ въ 1838 г. подобнаго рода машину, съ помощію которой лодка съ 12 человекъ могла плыть противу теченія Невы. Съ тѣхъ поръ электромагнитныя машины были во многомъ видоизмѣнены; но всѣ онѣ имѣютъ то неудобство, что употребленіе цинка и кислотъ въ гальваническихъ батареяхъ, обходится гораздо дороже, чѣмъ употребленіе топлива въ паровыхъ машинахъ.

Такъ-какъ сила электромагнитовъ считалась прямо пропорціо-
нальной длинѣ проволоки, то-есть средѣ, чрезъ которую проходить гальваническій токъ, то вотъ почему такъ тщательно старались до сихъ поръ уединить обороты проволоки одинъ отъ другаго, желая, такъ сказать, удлинитъ дѣйствіе тока.

Но вотъ что сообщилъ 19 января (н. с.) г. Дюмонселе въ парижскую академію наукъ: что результатъ, полученный опытами г. Карлье, необыкновененъ; что сила электромагнитовъ, дѣйствующихъ съ непокрытой проволокой, такъ велика, что онѣ едва могъ вѣрить собственнымъ опытамъ. Вотъ приводимыя имъ по этому поводу данныя: полоса желѣза $4\frac{1}{2}$ сантиметровъ длины и 7 миллиметровъ въ діаметрѣ, покрытая спиралью обнаженной проволоки 0.277 м. въ діаметрѣ, при пропусканіи чрезъ проволоку тока двухъ малыхъ бунзеновскихъ элементовъ, держала тяжесть въ 3,9 килограммъ, (*) съ изолированной проволокою — только 2,4

(*) 1 килограммъ = 2,44 рус. фунтамъ.

килограмма. Эффектъ дальняго притяженія новыяъ элетромагнитомъ еще болѣе замѣчательнъ: на разстоянн 1 миллиметра и съ Давилевымъ столбомъ изъ 26 элементовъ, притяженне выражалось слѣдующими цифрами:

Въ сферѣ	Новый магн.	Стар. магн.
0 километр.	33	12
10 „	12	3
20 „	4	0

Необходимое условие, чтобы достигнуть такихъ эффектовъ, состоитъ въ томъ лишь, чтобы ярусъ проволоки отдѣлялся одинъ отъ другаго кускомъ бумаги, и чтобы внутренность катушекъ также была покрыта какимъ нибудь уединяющимъ веществомъ.

Преимущества новой системы элетромагнитовъ очевидны, и первое — что они уменьшаютъ ихъ стоимость. Для достиженія тѣхъ же самыхъ эффектовъ, которые добывались элетромагнитами стараго устройства, новыя представляютъ значительную выгоду тѣмъ, что будутъ значительно меньшихъ размѣровъ, а слѣдовательно стоить дешевле.

— На происходившемъ недавно годичномъ собранн бельгійской королевской академн наукъ, д-ръ Спрингъ прочелъ мемуаръ *О человѣческихъ останкахъ изъ Аюасиса и Шово*. Воздавъ должную дань профессору Шмерлингу, открытн котораго оставались неизвѣстными или, по-крайней-мѣрѣ, незамѣченными въ теченне цѣлой четверти столѣтн, онъ сдѣлалъ ватѣмъ краткн очеркъ вѣроятной исторн древнѣйшихъ пернодовъ нашей планеты, на сколько даютъ къ тому средствъ новѣйшн изысканн въ геологн, этнологн и археологн. Онъ заключалъ свою рѣчь слѣдующими словами: «моей главной цѣлью въ этомъ очеркѣ была классификацн. Споръ, возбужденный между европейскими ученими, вслѣдствне недавнихъ изслѣдованн о древности челоуѣа, далъ мнѣ поводъ представить вамъ сравненне открытн, сдѣланныхъ въ другихъ странахъ, съ тѣми, которыя сдѣланы въ нашей странѣ. Порядокъ преемственности различныхъ пернодовъ *каменнаго вѣка* представляется въ слѣдующемъ видѣ: 1) *Доледниковой или мнволомическнй пернодъ*. Челоуѣа существовалъ вмѣстѣ съ *Etheras meridionalis* и вообще съ большими пресмыкающимися, перекрнвыми третичными эпохи. Къ этому перноду принадлежатъ челоуѣческн останки, найденные въ Сен-При (St.-Priest) и въ Денисѣ (Denise). 2) *Последниковой или героическнй пернодъ*: раса люду со ступами длинноголоваго (долгогоцефалическаго) типа существовала современно съ большими толстоковыми и шерстными медвѣдами. Въ это время рѣки не были заключены въ настоящн русла и британскн острова соединялись съ континентомъ Европы. Скандинавн была покрыта ледниками. Останки, найденные въ Авлсѣ, Мулен-Киньонѣ, Клиши, Кент-Горѣ, Бригзамѣ и т. д., принадлежатъ къ этому перноду. 3) *Диалувнальный или пернодъ прометидовъ*. За эту эпоху волками централь-

ной Европы потухли, моря же и рѣки заняли ихъ настоящее положеніе. Къ этому періоду принадлежатъ человѣческіе останки, найденные въ Шово близъ Намюра, пещерные обитатели Средней Франціи и Пиринеевъ, и древнія озерныя постройки въ Швейцаріи и въ Ирландіи и люди «кухонныхъ остатковъ» Данин. 4) *Силлясттій или кельто-германскій періодъ*: каменные орудія и домашняя утварь перемѣшаны съ бронзовыми и желѣзными орудіями. Призмѣромъ памятниковъ этого періода можно указать на обдѣланные камни изъ аллювіальныхъ пластовъ въ провинціяхъ Эно (Hainaut) и Намюръ. Обитатели озерныхъ построекъ въ Восточной Швейцаріи принадлежатъ къ этому періоду.»

— Въ концѣ января, въ Лондонѣ состоялось экстренное собраніе общиннаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ лорда-мера, для выслушанія письма барона Либиха, извѣстнаго химика и президента мюнхенской королевской академіи наукъ, объ утилизаціи продуктовъ, доставляемыхъ сточными трубами англійской столицы. Письмо это было отвѣтомъ на просьбу, съ которой обратилось лондонское городское управленіе къ знаменитому земледѣльческому химику. Считаемо небезинтереснымъ познакомить читателей съ существеннымъ содержаніемъ этого письма.

«Кто знакомъ съ исторіей земледѣлія—пишетъ Либихъ—тому извѣстно, что въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія, практика нашла средства, помощью разведенія клевера и другихъ кормовыхъ травъ, положить конецъ трехпольной системѣ и начать новую, плодоперемѣнную. Результатомъ такой перемѣны было увеличеніе земледѣльческихъ продуктовъ, которые до тѣхъ поръ регулярно уменьшались. Сущность новопринятой системы выражалась въ слѣдующемъ афоризмѣ: «Чѣмъ болѣе кормовыхъ травъ, тѣмъ болѣе мяса; чѣмъ болѣе мяса, тѣмъ болѣе навоза; чѣмъ болѣе навоза, тѣмъ болѣе зерна». Въ то время никто не имѣлъ еще правильнаго представленія о причинахъ плодородія почвы, да и нѣкому въ голову не приходило, чтобъ плодородію клеверныхъ полей могъ когда нибудь прійти конецъ. Вся система фермерства была основана на производствѣ фермерскаго навоза, посредствомъ кормовыхъ травъ. Что клеверное поле не можетъ составлять исключенія изъ общихъ законовъ, но что должно быть подчинено тѣмъ же условіямъ, какъ и хлѣбное поле, было довольно ясно; и что, слѣдовательно, должно настать время, когда для одного, точно такъ же какъ и для другаго, удобреніе слѣзуется одинаково необходимымъ для поддержанія производительности. Для хлѣбныхъ посѣвовъ, хлѣвное удобреніе было необходимо, но для клеверныхъ не имѣлось въ виду ничего. Проходили года и извѣстныя странныя особенности сами собою обнаружались въ посѣвахъ кормовыхъ травъ; на многихъ клеверныхъ поляхъ травы вымерли; турнеземъ также не увеличивалъ своего урожая. Подлинное выраженіе: «болѣзнь клевера» указывало, что въ этомъ случаѣ причина предполагалась не въ истощеніи

почвы, какъ для хлѣбныхъ полей, но въ болѣзни почвы. Въ высшей школѣ фермерства, въ Гогенгеймѣ принималось догмой, что производительность фермы можетъ быть всегда сохранена надлежащимъ сѣвооборотомъ безъ всякой надобности прибѣгать къ удобренію. Въ анализѣ гогенгеймскаго хозяйства онъ — Либихъ — имѣлъ возможность указать въ прошломъ году, что въ періодѣ 1852—60 гг. количество хлѣбнаго навоза составляло на одну треть (560) тоннъ болѣе, а количество зерна и сурьбинныхъ травъ менше, въ пропорціи одной четверти на одну треть, чѣмъ въ періодѣ 1832—40. Сама практика доказала, что такая система хозяйства не имѣетъ основанія; что «много зерна» не соответствуетъ большому количеству навоза. Таковы были заключительные результаты новой системы фермерскаго хозяйства и употребленія одного хлѣбнаго намета; въ однихъ мѣстахъ истощались кормовыя травы, въ другихъ — хлѣбные урожаи. Къ концу прошлаго столѣтія практика нашла въ гипсѣ (сѣрникоислой извести), а впоследствии въ костяномъ порошокѣ средства, которыми можетъ быть остановлено уменьшеніе продуктовъ отъ поспѣловъ кормовыхъ травъ и хлѣбныхъ, и восстановлена прежняя производительность почвы. Затѣмъ вошли въ употребленіе фосфорнокислая известь и перувианское гуано, и многие фермеры были убѣждены, что трудно поддерживать въ одинаковомъ положеніи масшине и хлѣбные продукты безъ употребленія гуано. Каковъ будетъ урожай, когда прекратится доставка гуано — о томъ никто не хотѣлъ думать, такъ-какъ фермеры вообще мало склонны думать о завтрашней дѣлѣ; по ихъ мнѣнію, «утріе само бо собою печется». Но, однакоже, они узнали причины дѣятельности фосфорнокислой извести и перувианскаго гуано. Они узнали съ достовѣрностью, что причина плодородія заключается въ нѣвѣстныхъ составныхъ частяхъ почвы, которые служатъ къ образованію ствола растений, корней, листьевъ и плода; что количество этихъ составныхъ частей весьма ограничено, и что человекъ, несмотря на все искусство и ловкость, не въ силахъ вызвать плода изъ почвы, въ которой недостаетъ этихъ составныхъ частей. Эти вещества, пока находились въ землѣ, названы были «питательными веществами», но уже помило ея «удобреній». Оба названія означали, впрочемъ, одну и ту же вещь. Теперь уже стало ясно, что въ продуктахъ, которые фермеръ везетъ на рынокъ, онъ продаетъ часть дѣятельныхъ агентовъ своихъ полей, и что, поэтому, жатвы должны постепенно оскудѣвать, ровно въ той самой пропорціи, въ какой уменьшаются условія для ихъ производительности. Роль фосфорнокислыхъ удобреній и гуано заключалась въ томъ, чтобы восстановить въ почвѣ два условія ея плодородія — фосфорную кислоту и азотъ, которые она потеряла за цѣны вѣка обработки и распаханія. Производительность почвы уменьшается вмѣстѣ съ убываніемъ этихъ запасовъ, которые, если будутъ возвращены почвѣ, обращаютъ ее въ прежнее состояніе. Разумъ говоритъ имъ, что

естественное явленіе не можетъ возвращаться съ постоянствомъ, если причины его будутъ колебаться, и что поле не можетъ давать постоянно урожан, если условія, благопріятныя для роста посѣвовъ, постоянно уменьшаются. Нѣтъ странъ, въ которой бы правда этого простаго закона природы была такъ очевидна, какъ въ Англій. Англійскій фермеръ имѣлъ возможность собирать съ своихъ полей такіе урожан, которые превосходили получаемые когда нибудь съ такого же пространства, и не потому, впрочемъ, чтобъ онъ былъ искуснѣе или прележнѣе сельскаго хозяйства въ другихъ европейскихъ странахъ, но потому, что онъ дѣйствовалъ болѣе согласно съ закономъ, отъ котораго зависитъ производительность. Ни въ одной странѣ, кромѣ Англій, фермеръ не удѣлялъ съ такой готовностью долю своихъ барышей на покупку удобреній; нигдѣ не были болѣе убѣждены, что безъ прибавленія къ почвѣ этихъ удобреній невозможно сохранить на долгое время настоящую большую производительность своихъ полей. Но большіе урожан, смотря на средства, которыми они приобрѣтались, не были признаками продолжительнаго запаса ихъ условій въ поляхъ, но служили симптомами истощенія почвы. Британскій фермеръ смотрѣлъ на издержку для удобренія не какъ на сомнительную затрату, но какъ на помѣщеніе капитала за хорошій процентъ. Чтò отличало фермера отъ мануфактуриста—это что первый не привыкъ такъ разсчитывать, какъ послѣдній. Мануфактуристъ зналъ точно, что онъ покупалъ, и аккуратно высчитывалъ сырой матеріалъ, который онъ желалъ выдѣлать на своихъ машинахъ; между тѣмъ какъ фермеръ, въ выборѣ питательныхъ для почвы удобреній, былъ руководимъ неопредѣленными представленіями, которыя онъ называлъ своимъ опытомъ. Онъ долженъ былъ дожидаться жатвы, чтобы увидѣть, правъ ли онъ былъ въ выборѣ удобренія. Истинная сельско-хозяйственная экономія, которая связала бы ему, какого удобренія и въ какомъ количествѣ требуетъ его поле, остается до сихъ поръ незнакомою ему, и въ этомъ-то и кроется причина, вслѣдствіе которой онъ никогда не могъ надлежащимъ образомъ оцѣнить достоинство матеріала, доставляемаго сточными трубами. Конечно, онъ дастъ цѣну этому удобрительному матеріалу въ послѣдствіи, когда опытъ уважетъ ему на его результаты. До сихъ поръ фермеры были убѣждены, что хлѣбный помѣтъ, фосфорновислая соли и перувианскій гуано достаточны для поддержанія ихъ полей въ состояніи плодородія. Это можетъ быть справедливо для нѣкоторыхъ полей и на нѣкоторое число лѣтъ, но снабженіе перувианскимъ гуано должно въ послѣдствіи кончиться, анализъ же золы, костей и гуано показываетъ, что въ одномъ нѣтъ поташу, въ другомъ же—одни слабыя слѣды его—нѣтъ ингредиента, составляющаго важную и наиболѣе дѣйствительную составную часть хлѣбнаго помета и совершенно необходимаго для поддержанія урожаевъ хлѣбныхъ и кормовыхъ травъ. Матеріалъ сточныхъ трубъ особенно богатъ амміакомъ и поташомъ, недостаточнымъ въ существующихъ въ

продажъ удобреніяхъ, и только когда этотъ матеріалъ войдетъ въ употребленіе, возможна будетъ рациональная система земледѣлія».

На этомъ мѣстѣ чтеніе письма Либиха было прервано предложеніемъ депутата Шеллинга передать это письмо въ лѣтній и финансовый комитетъ, которому поручено разсмотрѣніе вопроса объ утилизаціи матеріала, доставляемаго сточными трубами, съ тѣмъ, чтобы оно было напечатано и разослано между членами общиннаго союзу. Прочтена всего одна треть письма Либиха; но если оно появится въ печати вполнѣ, мы постараемся своевременно познакомить читателей съ остальнымъ его содержаніемъ.

— Во второй (январской) книгѣ этого журнала мы сообщили, что на бывшемъ въ концѣ минувшаго года въ Веймарѣ генеральномъ собраніи представителей всѣхъ отраслей учрежденія въ честь Шиллера, было рѣшено, чтобы имена лицъ, получающихъ гонораріи или вспоможенія отъ общества, были публикуемы во всеобщее свѣдѣніе. Изъ появившагося въ печати отчета г. Франца Дингельштедта, мы узнаемъ теперь нѣкоторыя, весьма любопытныя подробности въ этомъ отношеніи. Въ числѣ полученныхъ гонораріи, мы встрѣчаемъ имена нѣкоторыхъ изъ наиболее выдающихся дѣятелей современной германской литературы: Юліуса Моизена, Эдуарда Мѣрике, Виллибальда Алексиса, Отто Людвига и Карла фон-Голтеннъ, также имена вдовъ Деламотта-Фуке и Вильгельма Гауффа. Временные гонораріи были опредѣлены Герману Лингу, Роберту Пруцу, Мельхиору Мейру (Meur) и др.; также внукъ Гердера, дочери Музеуса, вдовамъ или дѣтямъ Германна Марграфа, Теодора Мюгге и Отто Руппиуса. Эти пенсіи доходятъ отъ 150 — 300 талеровъ (отъ 133 р. до 451 р.) ежегодно; но было положено двѣ болѣе широкихъ пенсіи: одна — Гутцлову, бывшему секретарю «учрежденія», другая — Ауэрбаху. Нельзя сказать, чтобы эти факты указывали на хорошее матеріальное обезпеченіе лучшихъ изъ современныхъ германскихъ литературныхъ дѣятелей. Г. Дингельштедтъ приходитъ въ концѣ отчета къ слѣдующему заключенію: что занятіе литературой сдѣлалось профессіей въ Германіи и что эта профессія можетъ быть поддерживаема только такими благотворительными учрежденіями, какъ «шиллеровское». Онъ свѣтуетъ и указываетъ, что будто бы изученіе нѣмецкаго языка и литературы все болѣе и болѣе упадаетъ въ другихъ странахъ. Въ этомъ случаѣ г. Дингельштедтъ едва-ли справедливъ. Что же касается до причинъ тѣхъ фактовъ, которые указалъ отчетъ, ихъ слѣдуетъ искать не въ равнодушій германской публики къ литературѣ, но въ малой популярности нѣвѣстной и иногда лучшей части ея дѣятелей. Въ Германіи литературные дѣятели рѣзче чѣмъ гдѣ нибудь раздѣляются на два исключительныхъ лагеря: ученихъ и профессоровъ, имѣющихъ традиціонную манеру писать книги такъ, что одолѣть иное нѣмецкое сочиненіе

считается чуть не заслугой, и—популярныхъ авторовъ, иѣвѣющихъ въ виду публику, а не ученыхъ собратьевъ и факультеты. Публика, при всемъ уваженіи въ своей литературѣ, знаетъ и чувствуетъ только этимъ послѣднимъ, и только эти послѣдніе и могутъ встрѣтить въ наибольшей ей массѣ всегдашнюю готовность поддержки. Вообще въ умѣнны популярнымъ образомъ трактовать объ ученыхъ предметахъ, иѣмнамъ остается еще многому поучиться, напримѣръ, хотя бы у англійскихъ авторовъ.

— Въ минувшемъ январѣ, въ Базелѣ скончался полковникъ французской службы Шаррасъ, противникъ нивѣшняго французскаго правительства, но болѣе извѣстный своимъ замѣчательнымъ сочиненіемъ о кампаніи 1815 г., въ которомъ весьма мастерски опровергнувъ извѣстныя ссылки Наполеона I на измѣну, неспособность, неповиновеніе своихъ генераловъ, и доказавъ, что главная причина неуспѣха кампаніи заключалась въ упадкѣ нравственныхъ силъ и таланта самаго Наполеона. Сочиненіе это подверглось запрещенію во Франціи. За нѣсколько времени до своей смерти, Шаррасъ окончилъ другой свой трудъ— исторію кампаніи 1813 г., который, по слухамъ, уже готовится къ печати—новость, безъинтересная для военныхъ людей.

— Въ январѣ же скончался въ Парижѣ Булье, извѣстный лексикографъ, историческій и географическій словарь котораго составляетъ до сихъ поръ одну изъ лучшихъ справочныхъ книгъ. Большую часть своей дѣятельности, Булье посвятилъ преподаванію литературы въ разныхъ коллегіяхъ французскаго университета. Въ 1850 г. онъ былъ назначенъ почетнымъ членомъ университетскаго совѣта, а затѣмъ генерал-инспекторомъ публичнаго просвѣщенія. Литературная же извѣстность его составила гораздо раньше. Еще въ 1826 г. онъ издалъ *Классическій словарь священныхъ и мірскихъ древностей* по плану Ламприера. Лучшее изъ его извѣстныхъ сочиненій, *Словарь исторіи и географіи*, появился въ свѣтъ въ 1842 г. въ толстомъ томѣ in-8avo въ два столбца, компактной, но четкой печати въ 2000 стр. Немного книгъ подобныхъ размѣровъ достигло такой быстрой и всеобщей популярности. Словарь этотъ признавъ былъ скорѣй самой удобной и необходимой настольной книгой каждаго образованнаго человѣка. Хотя этотъ словарь былъ одобренъ парижскимъ архіепископомъ, но все же не избѣгнулъ нападовъ ультрамонтановъ въ *Univers's*. Къ большому изумленію Булье, книга его была занесена въ Index Expurgatorius! Булье отправился въ Римъ и здѣсь успѣлъ не только снять отверженіе, тяготѣвшее на его сочиненіи, но и выхлопать одобреніе этой книги отъ святаго престола. Не правда ли курьёзно? — Словарь Булье выдержалъ съ тѣхъ поръ, если не ошибаемся, до 18 изданій. Въ видѣ дополненія къ этому труду, въ 1854 г. Булье издалъ въ томъ же форматѣ *Словарь наукъ, литературы и искусствъ*, который также выдержалъ нѣсколько

изданій. Этотъ словарь для *предметовъ* то же, что первый для *именъ*, и представляетъ полную классическую энциклопедію. Крепкіе этихъ канитальныхъ сочиненій, Булье издалъ съ примѣчаніями произведенія Цицерона и Сенеки, переводъ твореній Вонона и *Emscades* Плотина, и сверхъ того участвовалъ своими статьями во многихъ біографическихъ, литературныхъ и ученыхъ изданіяхъ. Булье умеръ 66 лѣтъ, уважаемый всѣми, кто зналъ его.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Недалекое прошлое. Повѣсти и рассказы Николая Дмитриева. Спб. 1865.

Повѣсти и рассказы г. Дмитриева собственно нашимъ читателямъ должны быть знакомы, потому что они, болшею частію, были помѣщены предвартельно въ этомъ журналѣ. Поэтому, нашимъ читателямъ должно быть извѣстно также, что общее заглавіе *Недалекое Прошлое*, данное авторомъ своимъ повѣстямъ и рассказамъ, не вполнѣ идетъ къ нимъ и не составляетъ ихъ существенной характеристики. Дѣйствительно, они всѣ относятся къ прошлому, такъ-что ни одинъ рассказъ автора не можетъ быть передвинуть, напримѣръ, вплоть къ нашему времени; но какъ у автора, при написаніи каждаго рассказа въ отдѣльности, не было задачи—быть изобразителемъ какой-нибудь эпохи, такъ и совокупность его рассказовъ не составила характеристики какового бы ни было даннаго времени. Взглядъ автора менѣе широкъ, проницательность его, какъ наблюдателя, болѣе ограничена, а мысль его гораздо скромнѣе, чѣмъ какъ бы требовалось для того, чтобы быть рисовальщикомъ какихъ-нибудь существенныхъ сторонъ дѣйствительной жизни въ опредѣленное время. Но наши читатели могутъ вспомнить, однако, и могутъ повѣрить сами на себѣ, что эти повѣсти и рассказы не остались для нихъ незамѣченными, и что они прочитали ихъ съ удовольствіемъ и даже и послѣ, при случаѣ, вспоминали о нихъ, какъ о чемъ-то хорошемъ, и отчасти оригинальномъ. Они могутъ припомнить еще, что одна изъ этихъ повѣстей—*Ляса*, напечатанная въ этомъ журналѣ, была потомъ, спустя значительное время, вспомянута другимъ журналомъ чрезвычайно лестнымъ образомъ; она была названа «литературнымъ явленіемъ, просмотрѣннымъ нашей критикой», и критика того журнала, притомъ расположеннаго къ намъ не весьма дружелюбно, успѣшила исправить общую журнальную ошибку, и воздала повѣсти

должны полагать: Давали ли себя отчеты читатели—почему им нравились повести г. Дмитриева, и почему для одной из них были даруемы даже журнальный эскизъ, и позволенный хвалить ничего лучшего? Они нравились, они не проходили незамеченными по причинам, как: новизны, или контраста съ каждадневными и однородными имъ явленіями; (въ нихъ, впрочемъ того, читатель узнавалъ что-то такое, что для него въ свое время было очень знакомо, но съ чѣмъ онъ радовался давно, какъ будто безъ надежды когда-нибудь встрѣтиться, и наконецъ встрѣтился. Даже въ томъ отношеніи среди всаго разгара реальности стараго направленія въ нашей литературѣ, г. Дмитриевъ явился романтикомъ дѣйствительной прозы. Факты его расказовъ—все романтическіе случаи, повѣстивыя, и всегда хорошо обдуманное лицо, съ которымъ случаются эти факты— все исключительныя, и опять исключительныя въ смыслѣ романтическомъ. Этого было бы слишкомъ мало, если бы полагать, и наконецъ можно во, если бы г. Дмитриевъ еще подѣйствія своихъ расказовъ помещалъ на владбищахъ, какъ въ балладахъ, и онъ избиралъ сюжеты дѣйствія, такіа, которыя дають возможность обнаруживать ему уже дѣйствительный и замѣтательный талантъ— описательный; въ немъ есть то такое понимание природы, и наблюдательная способность наблюдать ее, (вслѣдствіе чего) его описанія часто бывають мастерскими, и вполне выразительными, и это въ особенности можно сказать о его повѣстяхъ «Вода» и «Лѣва». Вѣрно, одинъ уже эти названія заставили читателей припомнить ту прохладу и свѣжесть, которыя еще ощущаешь при чтеніи этихъ повѣстей. Нужно еще замѣтить, что авторъ остается въ высшей степени искреннимъ въ своемъ направленіи; онъ какъ будто не подозреваетъ переворота въ нашей литературѣ, или не хочетъ признавать его, и эта самонаправленность опять приятно изумляетъ васъ, какъ все общее и оригинальное. Критика можетъ даже рекомендовать любителямъ легкаго чтенія книгу этого автора, подобно тому, какъ она была рекомендована уже тѣмъ самымъ, что все содержаніе въ ней расказовъ и повѣстей первоначально были помещены въ разныхъ журналахъ.

Сочиненія Майн-Рида—Охотничьи расказы. Изъ жизни африканскихъ и американскихъ обитателей. 2 тома. Спб. 1864.

Изданіе «Охотничьихъ расказовъ» Майн-Рида съдѣлано нашимъ извѣстнымъ книгопродавцемъ и издателемъ г. Вольфомъ. Много издательскихъ грѣховъ должно отступиться г. Вольфу за это древосходное изданіе. До сихъ поръ г. Вольфъ, бывши почти монопольнымъ издателемъ во части дѣтской литературы, обнаружилъ свою издательскую эгоистичность только въ одномъ отношеніи, именно въ томъ, что онъ угадалъ потребность времени. Но взглядъ его на удовлетвореніе этой потребности былъ крайне односторонень; люди, невосдержимые въ азартъ не одни

разъ утверждали, что г. Вольфъ смотрѣлъ на указанную имъ потребность, какъ на свое открытіе, а свое открытіе разсматривалъ только какъ средство для полученія хорошей прибыли. Съ этими людьми невозможно не согласиться, если не считать г. Вольфа человѣкомъ, плохо понимающимъ свое дѣло. Но теперь г. Вольфъ обнаруживаетъ проникновенность и съ другой стороны: онъ сдѣлалъ дѣйствительно полезное и прекрасное наданіе (онъ, конечно, сдѣлалъ это печально), за которое ему должно быть признательны всѣ воспитатели, какъ за весьма добрую услугу. Послѣ Плутарха для юношества, который, однако, у насъ не въ ходу, «Охотничьи рассказы» Майн-Рида рѣшительно выше всего, что только обнимаетъ дѣтская литература на всѣхъ языкахъ. Знаменитый «Робинзонъ Крузо» известнѣе всякой другой книги въ этой области литературы; но все содержаніе его исчерпывается, и даже слишкомъ, однимъ превосходнымъ рассказомъ Майн-Рида, подъ заглавіемъ «Жилище въ пустынѣ»; всѣ же остальные рассказы, на долю которыхъ остается еще полтора тома, составляютъ уже чистое преимущество книги Майн-Рида. Рассказовъ въ двухъ томахъ этой книги четыре: первый называется «Дѣти Лѣсовъ», сцена дѣйствія и описанія—Кавская область, второй — «Приключенія молодыхъ бойцовъ», сцена — бассейнъ Оранжевой рѣки, третій—«Жилище въ пустынѣ», известной подъ именемъ «Великаго пустынного водоёма» или «Великой американской пустыни», и четвертый — «Охотникъ за растениями», которая сцена — въ долинахъ Гималайскаго хребта. Ознакомленіе съ флорой и фауною и вообще съ общимъ характеромъ избранныхъ мѣстностей, любознательнѣйшихъ на земномъ шарѣ, составляетъ видную, учебную цѣль рассказовъ, которая и достигается ими въ полнотѣ, какая только возможна для человѣка науки и художника, соединенныхъ въ одномъ лицѣ. Но они имѣютъ, кромѣ того, обширное воспитательное значеніе: прочтанные подъ хорошимъ руководствомъ, рассказы Майн-Рида способны сдѣлать изъ юныхъ читателей маленькихъ натуръ-философовъ и отчасти социальныхъ мыслителей, для которыхъ будетъ осмыслена, какъ вообще мировая жизнь нашей планеты, гдѣ на низшихъ ступеняхъ развитія все живетъ для того, чтобы ѣсть, такъ и сложная задача человѣческой жизни, гдѣ не живутъ для того, чтобы ѣсть, а ѣдятъ для того, чтобы жить. Съ рѣдкимъ мастерствомъ и, повидному, самымъ невнимымъ образомъ авторъ наводитъ молодые умы на эти задачи и рѣшаетъ ихъ не холодными и отвлеченными разсужденіями, а нагляднымъ образомъ, живыми и правдивыми изображеніями, схваченными на самомъ ловѣ природѣ. При этомъ, если замаскированіе учительской и наставительной тенденціи составляетъ достоинство воспитательныхъ книгъ, то достоинство проявилось въ «Охотничьихъ рассказахъ» въ высшей степени: въ нихъ нѣтъ и тѣни учебнаго педантизма; ихъ форма вполне беллетристическая. Каждый рассказъ вращается вокругъ человѣческихъ личностей, постав-

ленныхъ, какъ это бываетъ съ героями романовъ, въ какое-нибудь трудное положеніе, и повидимому все дѣло идетъ о приключеніяхъ съ этими личностями; а между тѣмъ это только нить, на которую авторъ нанизываетъ драгоценныя жемчуги знаній, всегда притомъ отрывая широкое поле для собственныхъ размышленій юнаго читателя. Самое баллетристическое значеніе разсказовъ—очень высокое, такъ-что нѣкоторыя подробности въ нихъ можно признать вполнѣ художественными. Мы позволимъ себѣ рекомендовать эту книгу всѣмъ нашимъ читателямъ, на которыхъ лежатъ только воспитательскія обязанности.

Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Изданіе императорской академіи наукъ; томъ II. Съ рисунками, найденными въ рукописяхъ поэта. Стихотворенія. Часть II. С.-Петербург. 1865.

Академическое изданіе Державина имѣло несчастье навлечь на себя гнѣвъ глубокомысленныхъ и высокообразованныхъ рецензентовъ «Современника» и «Русскаго Слова», и сіи почтенные мужи, въ особенности рецензентъ «Современника», потратили значительное количество бумаги для доказательства того, что нашей академіи наукъ не слѣдовало предпринимать такое роскошное изданіе. Мы же имѣемъ ни малѣйшаго желанія походить на вышеупомянутыхъ рецензентовъ, и полагаемъ, что издаваемый академіей Державинъ есть предпріятіе вовсе лишнее и притомъ прекрасно исполняемое; но вмѣстѣ съ тѣмъ, вспоминая предстоящій юбилей Ломоносова и тѣсныя отношенія послѣдняго къ академіи, мы твердо убѣждены, что она поступила не совсѣмъ основательно, взявшись за изданіе Державина прежде, чѣмъ Ломоносовъ изданъ у насъ достойнымъ образомъ. Кромѣ всякихъ другихъ причинъ, къ изданію сочиненій Ломоносова должно было побуждать академію и то обстоятельство, что для нашего времени литературная дѣятельность Ломоносова имѣетъ гораздо болѣе поучительное значеніе, чѣмъ дѣятельность Державина. Сама академія, повидимому, чувствовала нѣкоторую неловкость своего предпріятія, и въ предисловіи къ первому тому сочиненій Державина пыталась-было дать оговорку: тамъ говорилось именно, что одновременно съ изданіемъ Державина разработывается въ академіи и Ломоносовъ, но что изданіемъ перваго нужно было воспользоваться, чтобы воспользоваться богатыми матеріалами, которые были доступны академіи. Нельзя, однако, сказать, чтобы эти доводы были особенно убѣдительны; во первыхъ, какъ это видно изъ протоколовъ и отчетовъ II отдѣленія за послѣдніе годы—большая часть тѣхъ богатыхъ матеріаловъ, которыми академія располагаетъ теперь, издавая Державина, приобрѣтены ею вслѣдствіе ея стараній, уже послѣ того, какъ предпріятіе было задумано ею и стало приводиться въ исполненіе; слѣдовательно, еслибы такіа же старанія были употреблены такимъ авторитетнымъ учрежденіемъ, какъ академія,

но воспроизводить их мысль—большую частью въ другихъ образахъ, нарочно для нихъ придуманныхъ поэтомъ и его друзьями. По стилю своему, нѣсколько манерному, несвободному отъ ложноклассическихъ приѣмовъ, эти рисунки превосходно соответствуютъ поэзии Державина, въ которой тоже естественные порывы творчества борются съ условными понятиями поэтики его времени.

Намъ нѣчего распространяться о содержаніи самаго текста, такъ роскошно объясненнаго трудами г. Грота. Между тѣмъ, какъ первый томъ наданія заключалъ въ себѣ стихотворенія поэта, принадлежащія къ царствованію Екатерины, второй томъ содержитъ въ себѣ стихотворенія, написанныя въ теченіе царствованія Павла и въ первый семь лѣтъ царствованія Александра. Стихотворенія павловой эпохи рѣзко отличаются отъ стихотвореній екатерининскихъ. Съ кончиною императрицы поэтъ заиѣтно теряетъ опредѣленный тонъ своего лиризма въ стихотвореніяхъ, вызванныхъ событіями политическими и общественными: то онъ высказываетъ свѣтлыя ожиданія въ виду новыхъ явленій государственной жизни, то обращается съ своею лирой къ народу, въ которому «счастье съ грознымъ смѣхомъ повернуло свой хребетъ», то, наконецъ, съ радостью останавливается на герояхъ прошлаго, призванномъ снова къ трудамъ — Суворову. За то съ 1797 года, какъ признаетъ г. Гротъ, особенно усиливается дѣятельность Державина по анакреонтической поэзии. Такъ всякое искреннее творчество, въ самой внутренней своей жизни, подчиняется вліянію вѣншихъ условій.

Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи.

I. Магницкій, соч. *Е. Феоктистова. С. Петербургъ. 1865.*

Г. Феоктистовъ имѣлъ возможность ознакомиться съ нѣкоторыми официальными бумагами, касательно администраціи нашего просвѣщенія въ царствованіе императора Александра Павловича; изъ этихъ бумагъ онъ извлекъ свѣдѣнія объ одномъ изъ главныхъ дѣятелей того времени по учебной части, Магницкомъ, и предлагаетъ ихъ читателю въ настоящемъ своемъ сочиненіи. Личность Магницкаго пользуется всеобщимъ извѣстностью, основанною на томъ, что онъ былъ главнымъ тормазомъ русскаго просвѣщенія въ свое время. Онъ задумалъ и, въ качествѣ попечителя казанскаго учебнаго округа (1819—1826), имѣлъ возможность принести въ исполненіе цѣлый рядъ стѣснительныхъ мѣръ противъ свободы университетскаго образованія. Онъ умѣлъ приобрести довѣріе тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, князя Александра Николаевича Голицына, и опирался на него, думалъ распространить свои идеи на всю учебную часть въ Россіи. Какъ извѣстно, послѣ 1815 года духъ самой крайней реакціи распространился во всей Европѣ; противъ университетскаго преподаванія въ Германіи принимались строжайшія мѣры; въ странахъ католическихъ образованіе сосредоточивалось въ рукахъ іезуитовъ. Россія, вѣрная своему подражательному на-

правленію, и въ этомъ случаѣ должна была повторить у себя то, что дѣлалось на Западѣ. Выразителемъ этой крайней реакціи у насъ былъ Магницкій. Въ наше время, говорилъ онъ, учебное просвѣщеніе, сбросивъ съ себя скромное покрывало философіи, стоитъ уже посреди Европы съ поднятымъ княжаломъ; его должно истребить съ корнемъ,—закрыть учебныя заведенія, въ которыхъ вредное направленіе находить себѣ убѣжище, и основать новыя, въ которыхъ весь духъ преподаванія опирался бы «на актъ священнаго союза». «Время уже явиться въ цѣль правительства, которое кочетъ, и хочетъ непреоборимо, положить единымъ основаніемъ просвѣщенія—*благочестіе*. Время стать наряду съ просвѣщеннѣйшими народами, кои не стыдятся уже свѣта откровенія. Въ Парижѣ продается новый переводъ пророчества Исаія; вся Англія учится оригинальному языку Библии; Германія, благодаря Канту, пришедшему чрезъ лабиринтъ философіи къ просвѣщенію крама вѣры, ищетъ мудрости въ одной Библии—и мы ли одни останемся полвѣкомъ назади? Начальство требуетъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ благочестивыхъ; ученость же безъ вѣры въ Бога откровеннаго не токмо не нужна ему, но и почитается имъ вредною». Formulированныя въ этихъ словахъ идеи Магницкій осуществилъ въ университетѣ, который былъ ему подвѣдомъ. Въ нѣсколько лѣтъ, это учрежденіе совершенно преобразилось; лучшіе профессора были удалены подъ предлогомъ неблагонадежности; оставшіеся преподавали свои предметы въ какомъ-то извращенномъ видѣ; учебныя пособія пришли въ беспорядокъ; бібліотека нетолько не пополнялась, но была запечатана; студентовъ содержали въ дисциплинѣ, достойной іезуитскихъ семинарій; сплетни, интриги, шпіонство, доносы наполнили жизнь всѣхъ лицъ, причастныхъ университету. Магницкій былъ вполне доволенъ такимъ порядкомъ вещей, и на одномъ актѣ университета произнесъ хвалебную ему рѣчь.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что Магницкій былъ наивнымъ фанатикомъ obscurantизма. Исторія срываетъ съ него и эту послѣднюю тѣнь оправданія. Онъ не вынулъ даже въ глубь своей собственной задачи; когда онъ возвышалъ свой голосъ противъ пагубнаго вліянія современной философіи, онъ могъ опереться только на два-три примѣра, на нѣсколько фразъ изъ какой-нибудь лекціи или книги и впадалъ въ постоянныя противорѣчія. До своего поступленія въ министерство народнаго просвѣщенія, онъ былъ ближайшимъ повѣреннымъ Сперанскаго въ первый періодъ его административной дѣятельности и, стало быть, служилъ вовсе не такому темному началу, котораго представителемъ сдѣлался послѣдствіемъ. Мы привели слова Магницкаго, изъ которыхъ видно, что онъ старался связать свои идеи съ общимъ ходомъ тогдашней европейской реакціи. Изъ общаго характера его дѣятельности можно заключить, что избранный имъ образъ мысли и дѣйствія былъ просто аферой, маневромъ, посредствомъ котораго онъ хотѣлъ выслужиться и выйти въ люди. Что онъ

искалъ только власти да богатства, видно из того, что онъ допускалъ чрезвычайный провозъ въ своей служебной дѣятельности и оказался самымъ корыстолюбивымъ казноградомъ. Восторженный поклонникъ благочестія, онъ былъ челоуѣкъ самой тяжелой безнравственности; низкомыслиемъ и предъ случайными людьми, пока имѣлъ въ нихъ надобность, и вредилъ имъ, когда падало ихъ значеніе; любопытѣйшимъ памятникомъ его лютого характера осталось одна его письмо къ Аракчеву, въ которомъ онъ описываетъ пророческій сонъ, видѣнный имъ во время его пребыванія въ Грузіи; въ этомъ онъ заключался, будто бы, апогея высокаго дѣянія временщика.

Магницкаго въ свое время звали «нравственнымъ феноменомъ». Въ этихъ словахъ заключается приговоръ: по преимуществу его частнымъ, индивидуальнымъ свойствамъ. Гораздо важнѣе судить объ немъ, какъ о челоуѣкѣ общественномъ. Разматриваемая съ этой стороны дѣятельность Магницкаго представляетъ очень характерный эпизодъ въ исторіи нашей администраціи.

Книжка г. Θεоктистова не заключаетъ въ себѣ полной біографіи Магницкаго; она рассматриваетъ его преимущественно какъ администратора; этого довольно, чтобы указать на ея интересъ.

Путешествіе игумена Даниила по святой землѣ, въ началѣ XII-го вѣка (1113—1115). *Издано Археологическою комиссіею подъ редакціею А. С. Норова, съ его критическими замѣчаніями. (Съ приложеніемъ карты Палестины, плана Иерусалима и снимковъ съ рукописей). Спб., 1864.*

Это изданіе старѣйшаго изъ русскихъ путешествіииковъ въ святую землю, ископанное какъ по вѣнностямъ, такъ и по своимъ превосходнымъ приложеніямъ, имѣетъ значеніе преимущественно для изученія средневѣковой географіи Палестины. Образованнѣйшій игуменъ Даниилъ обнимаетъ всю святую землю и описываетъ ее съ большою подробностью; явныя описанія, выходящія изъ общаго, такъ писавшихъ немного, раньше Даниила, тѣмъ и извѣстнаго, вожде того. Но вслѣдствію естественнаго его миши видѣнія, что онъ, въ чемъ не жалѣлъ для того, чтобы имѣть лучшія приложенія; каждую свою побывку онъ записывалъ въ видѣ отдѣльной главы, вѣроятно на свѣжей памяти; этимъ объясняется точность и отчетливость его описаній, дающихъ богатый матеріалъ для историко-географическихъ и археологическихъ изслѣдованій. Съ этой стороны преимущественно памятныя разработки настоящихъ его издателей; и дѣйствительно, комментарий г. Норова въ историко-географическомъ и археологическомъ отношеніи, превосходящій. Мѣсто, удивлительна, филологическая сторона, выходящая изъ текста, замѣтка, не возстановленія, но требованія, филологической критики, а только передачу на основаніи худшаго изъ списковъ, съ изъясненіемъ измѣненій. Богатство этого изданія, дающее поводъ для историка, географа, и историка литературы, въ исторіи языка не найдеть въ немъ настоящаго языка XII вѣка.

Братская история русской словесности. Учебник для гимназий и женских учебных заведений. Спб. 1865.

Такая часть русской учебной литературы все еще продолжает нуждаться въ хорошемъ руководствѣ по исторіи русской словесности, что нельзя пренебрегать безъ вниманія ни одну попытку такого рода. Изъ соображеній, питающихъ заглавіе которой выписываю выше, нисколько не удивительно встретить требованій, осуществленіе которыхъ желательно въ учебникѣ. Въ самомъ своемъ внѣшнему построенію, разбираемое руководство не отличается той необходимостью систематичности, той тѣсной связью частей, которая дѣлаетъ учебникъ нагляднымъ и легко-доступнымъ юношескому пониманію. Читая эту книгу, чувствуешь, что авторъ не развиваетъ ясно осознанную идею своего предмета, а просто комментируетъ изъ разныхъ источниковъ, періодическія противоположенія между собою. Относе у него, вообразилъ, некаждарся значительныя противорѣчія, которыхъ, факты, наисусло, рибраны и дурно сгрунированы; много дварно лившатовъ; о нѣкоторыхъ явленіяхъ, которыхъ требовали довольно подробнаго объясненія, или сказано мало, или вовсе умолчано; оттого жерина; воняты, попадаютя оужденія совершенно промолвлено. Объяснить все это примѣрами. Въ небольшомъ введеніи, авторъ начинается сочиненіе, авторъ пытается опредѣлить путь, по которому словесность развивается въ каждомъ изъ предъидѣвшихъ превращеніе, но исполненіе его явкудаче годятся. Заговоривъ о словесности и ея составныхъ частяхъ, жовинъ и красно-рѣчивъ; авторъ не даетъ имъ однако опредѣленія. Проводится различіе между поэзіею безъискусственною и художественною, но первая тоже не опредѣлена; во все, о второй сказано, что ея цѣль является чувствомъ лирическимъ (въ чемъ, однако, состоитъ это угоденіе не объяснено). Затѣмъ объявляется, какъ поэзія безъискусственная превращается въ художественную. Это явленіе авторъ приписываетъ развитію литературы болѣе развитой, чѣмъ и чудной, на литературу менѣе развитую. Тутъ уже мы встречаемъ съ мѣткостью произвольнымъ. Очевидно, авторъ изводитъ все на судьбахъ литературы русской, но нельзя возводить это на общій законъ. Факты другихъ литературъ говорятъ противное: на примѣръ, въ литературѣ греческой переходъ отъ нравственности къ искусственности совершился совершенно самостоятельно; даже въ литературахъ западно-европейскихъ, художественное, то есть, импровизаторство возникло не изъ одного подражанія, а какъ слѣдствіе усвѣданъ общей образованности, причемъ изъ наивнѣйшей общедарствленія широкое развитіе стали выдѣляться различныя мѣткія и творческія. Укажу общія черты литературнаго развитія, авторъ прилагаетъ къ исторіи словесности русской. Сдѣлавъ, мы встрѣчаемъ съ общей характеристикой послѣдней и народныя въ ней сближенія (наименѣе жадомъ) слова «Подражательный періодъ русской литературы» — «законодательный» и «примѣрный» — «называется» —

шенія русскихъ. Вмѣстѣ съ этимъ великимъ событіемъ, явилась у насъ литература богословскаго содержанія, сколокъ съ византійской. Затѣмъ *послѣдовали историческія и другія сочиненія въ томъ же духѣ....* (На чемъ основано мнѣніе, что наша древняя историческая литература отличалась византійскимъ характеромъ? Не болѣе ли похожи наши лѣтописи на хроника западно-европейскія?). На поэзіи вліяніе византійской литературы мало отразилось.... (Несправедливо: оно несомнѣнно видно на духовныхъ стихахъ, легендахъ и житіяхъ святыхъ). Жизнь нашихъ предковъ подъ вліяніемъ татаръ сложилась иначе, поэтому и *сфера сестіе ея—народная, безыскусственная поэзія—приняла восточный элементъ....* (Въ чемъ онъ видѣнъ? Старое мнѣніе, давно опровергнутое критикой). Поднявшись *формъ* польской словесности, русскіе не сочувствовали *духу* ея, напротивъ берались съ ними. Изъ этого вытекала *необходимость новизны формъ, дружка образцовъ для подражанія....* (Отчего же потребовались новыя формы, когда различіе было не въ нихъ, а въ духѣ: напротивъ того, нѣкоторыя литературныя формы, заимствованныя нами въ XVII вѣкѣ изъ Польши, сохранились и въ XVIII, при измѣнившемся духѣ). *Образцомъ нашимъ прежде всего* (т. е. при Петрѣ) сдѣлался передовой народъ на Западѣ въ научномъ отношеніи—*немцы* (Петръ вовсе не отдавалъ преимущества нѣмцамъ передъ другими европейцами). *Краснорѣчіе также поднималось изъ славянью* (несправедливо: ни Ломоносовъ, ни Тредіаковскій, ни Татищевъ, ни духовные писатели не подражали нѣмецкимъ прозаикамъ). *Но поэзія изъ была слишкомъ глубокомысленна* (нѣмецкаго поэзія въ началѣ XVIII вѣка, до Клопштока!) не по силамъ молодому на поприщѣ образованія народу...» и т. д., все въ томъ же родѣ. Итакъ, введеніе очень неудачно; но оно еще хуже оттого, что дальнѣйшее изложеніе вовсе не подтверждаетъ разныхъ высказанныхъ имъ мнѣній. Заглянемъ, однако, и въ глубь книги. И она оказывается не болѣе привлекательною. Вовверныхъ, авторъ разбиваетъ литературу на крупныя періоды и совершенно отдѣльно рассматриваетъ въ каждомъ изъ нихъ поэзію и краснорѣчіе; при такомъ порядкѣ нѣтъ никакой возможности услѣдить за связью и преемственностью явленій. Вовторыхъ, большая часть текста наполнена изложеніемъ содержанія разныхъ произведеній и массою именъ и заглавій. Лишь кое-гдѣ авторъ дѣлаетъ замѣчанія и характеристики; нѣкоторыя изъ нихъ, тѣ именно, въ которыхъ авторъ близко слѣдуетъ своимъ источникамъ, еще терпимы; но за то страшнѣйшій диссонансъ съ ними составляютъ другія, выражающія самостоятельныя сужденія автора: тутъ есть курьезы высшаго достоинства. Такъ, напримеръ, при обзорѣ древняго періода литературы, нѣсни, былевыя и бытовыя, отнесены авторомъ къ безыскусственной народной поэзіи, а заговоры, пословицы, сказки (даже мифическія) онъ считаетъ принадлежащими къ поэзіи искусственной; о былевыхъ нѣсняхъ не сказано, что онѣ называются былинами; о бытовыхъ

не дано никакого понятія; о поэтическомъ чудесномъ находить слѣдующее глубокоемысленное замѣчаніе: «Въ подражательные періоды литература богата чудеснымъ. Тогда въ млодахъ собственной фантазіи народа принимается то чудесное, которое она заимствуетъ въ литературахъ, ставшихъ для нихъ образцовыми». Въ новомъ періодѣ наложеніе немного лучше, потому что авторъ близко слѣдуетъ Бѣлинскому; но по этой же причинѣ являются у него и нѣкоторые недостатки: онъ почти обходитъ всѣ тѣ явленія, которыя объяснены наукой послѣднихъ пятнадцати лѣтъ; какъ, напримѣръ, сатирическіе журналы, дѣятельность масоновъ; о Державинѣ и въ особенности Ломоносовѣ сказано слишкомъ мало; о Тредиаковскомъ упоминается только въ отдѣлѣ краснорѣчія, но и въ отдѣлѣ поэзіи — какъ будто онъ поэтъ; драматическіе писатели перетасованы въ какомъ-то невѣроятномъ безпорядкѣ, такъ что о Кукольникѣ, Шаховскомъ, Полевомъ и Хмѣльницкомъ говорится раньше, чѣмъ о Фен-Визанѣ, Жуковскомъ, Грибоѣдовѣ, Пушкинѣ, и т. д.

Въ книгѣ довольно опечатокъ. Авторъ скрылъ свою фамилію, но за то фамилію издателя мы читаемъ и въ пензенской печати, en toutes lettres: это — Барнумъ нашего книжнаго дѣла, М. О. Вольфъ: ex ungue leonem.

Путешествіе по степямъ и горамъ Сибири и со-
сѣднымъ землямъ средней Азіи. *По сочиненіямъ* Аткин-
сона, Миддендорфа, Раде, Маака и др., *составлено* А. Этцелемъ
и Г. Вагнеромъ. *Переводъ съ нѣмецкаго* Деппиша. *Со 125 ри-*
сунками. Изданіе книгопродавца и типографа М. О. Вольфа.
1865.

Сочиненіе о Сибири! объ этой любопытной, заманчивой странѣ, да еще общедоступное, стало быть, предназначенное для чтенія и старца, и юноши... Сочиненіе, богато снабженное рисунками... Вотъ пріятная новинка, думали мы, услышавъ о новой книгѣ, заглавіе которой только-что вписано нами. И, разумеется, мы поспѣшили достать книгу и думали прочесть ее съ удовольствіемъ. Правда, мелькала въ головѣ и та мысль, что книга пи-
сана нѣмцами; что странно какъ-то видѣть общедоступную нѣ-
мецкую книгу объ Россіи, переводимую для русскихъ же! Добро
бы еще какое ученое сочиненіе... Неужели, думалось, русскимъ
приходится даже общедоступныя разсказы о себѣ слышать отъ
иностранцевъ? Неужели, думалось также, не странно передавать
такого рода книги на русскій языкъ: въ нихъ вѣрно же есть
промахи или же и престо вещи, новыя для чужеземцевъ и до
пошлости извѣстныя намъ, русскимъ? стало быть — лишнія. Но
мы все-таки усновывали себя слѣдующими рассужденіями: была
бы хороша вещь — а тамъ, нусвай-себѣ она и изъ-за границы...
Что же касается передачи на русскій языкъ, то, думали также
мы, вѣрно, такой достаточный и такъ ловко поставленный кни-
гопродавецъ, какъ г. Вольфъ, вѣрно онъ уже позаботился пропу-

данную г. Вольфомъ: они найдутъ въ ней даже отчетливо сдѣланный планъ такого сельскаго жилья; да кстати ужъ и рисунокъ русской телеги, и не спереди, и не сбоку, а даже à vol d'oiseau.

Итакъ русскіе приобрѣли то свѣдѣніе, что въ Пермской губерніи сельскія жилища по большей части деревянные—фактъ, заставляющій прийти въ тому заключенію, что въ Россіи, можетъ быть, много и такихъ мѣстностей, въ которыхъ сельскія обиталища—каменные. Какъ пріятно доходить, постепенно, до знанія своего отечества! Нѣмцы—мастера раскрывать истинны поведенію и исподоволь; а то, если сказать, что почти во всей Россіи избы деревянные же, или изъ глины съ соломою, то, пожалуй, и испугаются... и не поверятъ.

Но что еще удивительнѣе, такъ это то, что у обитателей *русскаго сельскаго жилища* англичанинъ Аткинсонъ нашелъ кюбице рейнвейна, мадеры, малаги, всякихъ наливокъ и, между прочимъ, мамуровки; а въ заключеніе выпилъ съ русскимъ сельскимъ обитателемъ и три бутылки шампанскаго! Вотъ, если тѣ, кому возажется легкимъ дуковно побѣждать страшнѣйше-великана, и если онъ отправится бродить по русскимъ сельскимъ жилищамъ, да станетъ исвать у носелянъ шампанскаго и рейнвейна, такъ и окажется, что духовныя завоеванія въ Россіи не такъ-то легки. Натнешься, чего добраго, не на жилище разжившагося управляющаго заводомъ, а просто на дѣйствительное сельское жилище, на избу крестьянина, и вмѣсто рейнвейна и шампанскаго попадешь на простой хлѣбушекъ. Разъ такъ и случилось съ Аткинсономъ... Его, гдѣ-то, на Перми же, стали угощать похлебкой изъ общей чашки... и онъ ужасно скандализировался неукусною трапезою и бѣдностію помѣщенія. Но вѣдь это и было принято имъ, повиданному, какъ исключеніе; онъ—любознательный иностранецъ—и не сталъ описывать такой исключительный сельскій бытъ, а занялся описаніемъ общаго явленія—русскаго сельскаго быта съ шампанскимъ и рейнвейномъ.

Глава третья, въ семнадцать страницъ, занята описаніемъ восхожденія Аткинсона на Кашканаръ (одну изъ значительныхъ горныхъ вершинъ въ среднемъ Уралѣ). Въ этомъ отдѣлѣ популярнаго описанія Сибири, русское юношество должно, между прочимъ, узнать, какъ забавлялся Аткинсонъ, охотясь за тетеревами, какъ онъ прозябъ и захворалъ лихорадкой, какъ въ приекатеринбургскихъ мѣстахъ, Уралъ похожъ своимъ внѣшнимъ видомъ на Брокенъ. А восхожденіе на Кашканаръ напоминаетъ восхожденіе на Брокенъ же, но только тѣхъ временъ, «когда на вершинѣ Брокена не существовало еще заоблачнаго домика, и когда путешественники еще лишены были возможности находить пристанище въ жилищахъ торфокопателей, на Герриковой высотѣ.» Далѣе—мѣстные рассказы изъ уральской охотничьей жизни...: одна старуха отстегала суковинной медвѣди, принявъ его за свою бурую корову... Но вотъ начинается широкимъ, смѣлымъ перомъ описаніе Урала на сѣверѣ (на одной страницѣ, 203). Уралъ съ 67°

теряет раскитительность; но зато сейчас же, вмѣсто растительности, является отдаленный Березовъ! И на полуостранницѣ слѣдуетъ болтовня о самомъ пушномъ звѣрѣ и о Меншиковѣ; и тутъ же, все на той же полуостранницѣ, является и «русскій исторіографъ Бантишъ-Каменскій», который, въ 1825 году, настоятельно приказываетъ разрыть могилу Меншикова, и Моншиковъ, о, диво, является негнѣннымъ, несмотря на долгое пребываніе въ землѣ... Разумѣется, если дѣлать такіа *alto mortale* съ береговъ Чусовой въ Березовъ, то и забудешь о промерзшей насквозь березовской тундрѣ, и негнѣніе Меншикова, несмотря на долгое пребываніе въ землѣ, покажется дивомъ, просто недопускающимъ объясненій.

И сколько еще диковинъ узнаешь русское юношество въ богато иллюстрированнаго вольфовскаго изданія о Сибири! Узнаешь оно, напримѣръ, что русскія дѣвушки забавлялись качаніемъ на огромнѣйшихъ качалахъ: «подобныя качели состоятъ изъ совершенно простой доски (совершенно простой — поучайтесь и замѣчайте!), длиною въ семь аршинъ; а середина ея укрѣплена на полукруглой подворкѣ, около шести дюймовъ ширины...» Узнають, что «въ иныхъ деревняхъ русскихъ еще до сихъ поръ сохранились плесовыя пѣсни, въ которыхъ восхваляютъ побѣды надъ турками, одержанныя при императрицѣ Екатеринѣ II»; узнають русскіе юноши, что, по слухамъ, въ Россіи до 70 раскольничьихъ сектъ, и раскольники, чудакъ, подтруниваютъ другъ надъ другомъ, стараюсь представить другъ друга въ смѣшномъ или дурномъ видѣ. «Такъ членовъ одной изъ сектъ прочіе называютъ «сусленскими», производя это названіе отъ суслы, и намекая на то, что члены этой секты приводятъ себя въ духовный экстазъ употребленіемъ значительнаго количества пива.» А вотъ и молоканы... Молоканы — это ужасные люди... кровь холодѣетъ при одномъ видѣ молоканъ... вотъ что рассказываетъ объ нихъ — все то же живописное путешествіе по Сибири: «Молоканы принадлежатъ къ самымъ ярмъ фанатикамъ, и про нихъ рассказываютъ исторіи, которые напоминаютъ фанатизмъ индійскихъ факировъ...» Умъ мутится... перо выпадаетъ изъ рукъ!

Въ послѣднее время появились слѣдующія книги:

Томы II и III Сочиненій лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакцію *Н. Гербеля*. 1864 и 1865 гг. С.-Пб. — (Цѣна тому по 1 р. 25 к.)

У насъ не стѣсняются критическими замѣчаніями наши собиратели переводовъ. Вотъ такъ, между прочимъ, и г. Гербель печатаетъ все, что попадетъ подъ руку. Сойдетъ — думаетъ онъ; публика наша ничего не понимаетъ; давай ей, что угодно — она все купитъ. И задавшись такою мыслію, г. Гербель продолжаетъ

подписаны одних переводъ въ другому. Это болѣе перешитное, чѣмъ литературное искусство—оно и низиваетъ *редакцией* помянутого собранія сочиненій. Такимъ образомъ въ третьемъ томѣ сочиненій Байрона перевелъ Чарльзъ Гарольдъ въ переводѣ г. Миасева, хотя этотъ переводъ подвергся самымъ основательнымъ порицаніямъ; и переводчики были помянуты съ поличнымъ, что они переводятъ не съ англійскаго, а съ каваго-нибудь другаго языка, который тоже плохо знаетъ; и что они нисмыслимо вѣдоужаютъ переводчицъ поэтовъ и еще лучше понимаютъ его (*). Но что на излодо всего этого г. Гербеау: они подписываютъ и подписываютъ одну посылку другой. Уолкъ изданія Шиллера показался такъ приблывшимъ, что литературныя требованія можно было бросить и въ сторону.

(И ничего нѣтъ легче, какъ издавать подобныя разныя собранія. За г. Гербеау на этомъ копирѣ слѣдуетъ г. Вейнбергъ, издающій одновременно «полное собраніе сочиненій Гёте», «полное собраніе сочиненій Гейне», и наконецъ—что долго думать—«полное собраніе соимъ влосекко», древнѣе новыиъ греческихъ, латинскихъ, англійскихъ, вѣмецкихъ, французскихъ, португальскихъ, венгерскихъ, тирольскихъ, шотландскихъ, финскихъ, латовскихъ, казанскихъ, встраханскихъ, обдорскихъ, и иныхъ странъ и земель...

Первый томъ сочиненій Гёте уже вышелъ подъ редакціей г. Вейнберга. Въ немъ помѣщена: 1) Клавико — переводъ Струбовицкова; 2) *Оталія*, романъ — переводъ Кроненберга, и двадцать пять великихъ стихотвореній г. Дрезева (?), Гербеау, Жуковскаго, Миллера, Михайлова, Струбовицкова, Яковлева. (Ц. 1 р. 25 к.)

Мнолаго собранія сочиненій Гейне вышелъ уже *четвертымъ* томъ подъ редакціей того же г. Вейнберга, и объявлено, что черезъ нѣсколько дней выйдетъ *пятый*. Вообще редакціонная работа г. Вейнберга—нипить.

Мидль, Джон-Стартъ. Разсужденія и изслѣдованія политическія, философскія и историческія. Часть I. Статьи историческія. 1864. Статьи политическія и политико-экономическія. Выпускъ 1. С.-Пб. 1865 г. (192 стр.) Ц. 75 к. за выпускъ.

Помаловскій, Н. Г. Повѣсти, разказы и очерки. Два тома. С.-Пб. 1865 г. (Ц. 2 р. 60 к.)

Въ это изданіе вошли и неоконченныя сочиненія автора.

Растопчина, гр. Е. П. Везрять Чадкаго въ Москву, продолженіе комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума». СПб. 1865 г. 140 стр. Ц. 75 к.

Это продолженіе комедіи Грибоѣдова, написанное еще въ 1856 г., издано теперь неизвѣстно для чего и для кого. Довольно сказать, что гр. Растопчина считала себя *способною* писать въ одинъ томъ съ Грибоѣдовымъ!

(*). Нѣсколько новыхъ, безвѣднтересныхъ подробностей на этотъ счетъ, читатель найдетъ въ нашихъ *Бурюагахъ* въ этой же самой директѣ журнала.

Не сюда, а въ курьозы должны бы мы занести новое произведение г-жи Е. Улыбышевой: «Послѣдняя пѣснь лебеда». Русскія и французскія стихотворенія. Москва. 1864 года. 79 стр. Ц. 75 коп.

Почему-то г-жа Улыбышева напоминаетъ намъ тѣхъ генерал-губернаторовъ старинныхъ временъ, которые могли исправлять свою должность не зная порусски. Точно такое же впечатлѣнiе производятъ на насъ русскіе писатели, создающіе себѣ славу французскими стихами.

И. Д. Боворыкинъ. Въ путь дорогу!... Романъ въ трехъ томахъ Ц. 3 р. с.

Объ этомъ романѣ было столько публикацій въ «Библіотекѣ для Чтенія», гдѣ онъ печатался; раздавался онъ сверхъ того столько разъ въ приложеніяхъ къ журналу, что мы считали бы всякое новое извѣщеніе о немъ излишнимъ. Но, можетъ быть, онъ всѣмъ извѣстенъ только по заглавію, и никому—по содержанію. Для такихъ мы можемъ указать на статью «Отеч. Зап.», помѣщенную года два тому назадъ (а можетъ быть, и три, можетъ, и четыре—романъ начался такъ давно, что начало его теряется во мракѣ неизвѣстности). Тамъ было сказано все, что можно сказать объ этомъ романѣ.

Шауэнштейна. Руководство къ изученію судебной медицины для врачей и юристовъ. М. 1865 г. Ц. 3 р. 50 к.

В. С. М...ой. Село Михайловское или помѣщикъ XVIII столѣтія. Ц. 3 р. Романъ, написанный еще въ тридцатыхъ годахъ, читанный авторомъ въ рукописи Пушкину и похваленный имъ. Но кто знаетъ снисходительность Пушкина къ авторамъ, тотъ этой похвалою не долженъ увлекаться.

Бытъ студентовъ въ Германіи. Изъ заграничныхъ писемъ Л. Модзелевскаго, съ 10-ю картинками. СПб. 1865 г. Ц. 1 р. 50 к.

Положеніе правосудія во Франціи, въ особенности о результатахъ примѣненія уголовного закона и о ссылѣ въ Каенну. Двѣ публичныя лекціи, читанныя въ Берлинѣ, въ 1869 г., профессоромъ Ф. Гольдендорфомъ. Перев. Языкова. Ц. 40 к.

О значеніи формъ русскаго глагола. Соч. И. Некрасова. Ц. 1 р. 50 коп.

Человѣкъ и развитіе его способностей, или опытъ общественной физики. Соч. А. Кетле. Т. I. Ц. 1 р. (Переводъ).

Исторія Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ. Неймана. Выпускъ I. Ц. 75 к.

Положеніе женщинъ въ Америкѣ. Соч. Коллачена. (Переводъ). Ц. 50 к.

Овъ организованныхъ тѣлахъ, существующихъ въ атмосферѣ. Опроверженіе ученія о самопроизвольномъ зарожденіи. Съ двумя таблицами рисунковъ. А. Пастера. Ц. 75 к.

Опроверженіе на выдуманную жизнь Иисуса. Сочиненіе Эрнеста Ренаа, съ тройственной точки зрѣнія библейской экзегетики, исторической критики и философіи, составленное аббатомъ Гете (что нинѣ православный священникъ отецъ Владиміръ). Ч. II. Переводъ съ французскаго. К. Темковскаго. (За обѣ части 1 р. 20 к.).

Исторія революціи 1848 г.. Гарнье Пажеса. Т. III. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

II. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

КУРЬОЗНОЕ СОЧИНЕНІЕ МИШЛЕ (*)

Незадолго до новаго года появилось въ Парижѣ новое произведение Мишле съ очень громкимъ заглавіемъ «Библія человѣчества». Оно заключаетъ въ себѣ нѣчто въ родѣ философіи исторіи разныхъ человѣческихъ религій и вызвано, повидимому, возбужденіемъ религіозныхъ вопросовъ въ западной Европѣ въ послѣднее время. Но по своему направленію и характеру, эта книга не примыкаетъ ни къ одной изъ группъ новѣйшихъ историко-религіозныхъ сочиненій. Тѣмъ не менѣе имя Мишле настолько извѣстно и популярно, что его произведение не могло не возбудить значительнаго интереса въ публикѣ. Однако, интересъ этотъ былъ непродолжителенъ, такъ-какъ всѣ скоро замѣтили, что въ «Библіи человѣчества», Мишле болѣе, чѣмъ когда-нибудь вышелъ изъ коленъ своего истиннаго дарованія. Такимъ образомъ, въ результатѣ впечатлѣній новой книги, какъ и всѣхъ другихъ послѣднихъ произведеній Мишле, оказалось смутнымъ, неудовлетворяющимъ. Къ тому же критика произнесла ему приговоръ очень строгій. И дѣйствительно, сочиненіе Мишле такъ слабо, что много говорить о немъ самомъ было бы излишне. Но если взглянуть на него въ связи съ тѣмъ новымъ отщепенствомъ въ пониманіи христіанства, который проявляется въ послѣднее время въ западно-европейской литературѣ, то является замѣчательное противорѣчіе между вѣнгомъ Мишле и новыми идеями. Въ нашемъ обзорѣни мы постараемся стать на эту точку зрѣнія, и для того воспользуемся лучшею изъ критикъ на книгу Мишле, статью Шарля Мазеда въ первой февральской книгѣ «Revue des deux Mondes» нынѣшняго года.

Какъ въ жизни тѣхъ представителей католическаго духовенства, которые были свидѣтелями великаго переворота конца прошлаго вѣка и до него совершенно чуждались остального общества, а послѣ него, захваченные бушующей общественной волной, увлеклись во всѣ тревоженія міра—въ жизни Мишле есть два періода, раздѣленные строгою гранью. Въ молодости, онъ, какъ монахъ, заключенный въ стѣнахъ монастыря, много трудился—въ тиши, въ негромкой извѣстности, весь преданный изученію библіолога. Извнѣ ничто его не занимало, даже не достигало до него, и онъ былъ богатъ живой и искренней проникательностью интеллектуальнаго ученяго и откровеннаго, какъ человѣка, который много говорить съ самимъ собою. Тогда историческій трудъ былъ для него какинъ-то священнодѣйствіемъ; онъ такъ живо начерталъ картину Франціи въ эпоху ея собиранія, что изъ географиче-

(*) LA BIBLE DE L'HUMANITÉ, par I. Michelet. Paris. 1864.

скихъ подробностей сдѣлалъ чуть что не драму; съ набожнымъ восторгомъ разсказывалъ онъ жизнь Іоанны д'Аркъ; онъ чувствовалъ непобѣдимое влеченіе къ среднимъ вѣкамъ. Но вотъ однажды, съ нимъ какъ-будто случилось нѣчто чрезвычайное: черный воронъ ударилъ крылами въ его окно; этотъ черный воронъ былъ іезуитъ, и его визанное появленіе тревожно разбудило скромнаго ученаго. Правда, онъ не бросилъ совсѣмъ свои книги, но все же пересталъ читать ихъ съ прежнимъ вниманіемъ. Онъ захотѣлъ узнать, что дѣлается въ мірѣ, сталъ прислушиваться къ своему успѣху, мірскіе соблазны его очаровали, и онъ сталъ другимъ человѣкомъ. Это случилось около 1845 года, во время самаго сильнаго разгара тогдашнихъ ученыхъ и религіозныхъ волненій во французскомъ университетѣ. Мишле кинулся въ борьбу со всею страстностью своей нервной, раздражительной природы, сталъ усиливаться проникнуть не только въ исторію, но и въ тайны, въ болѣзни современнаго общества, сталъ неуклонно преслѣдовать мучившій его образъ чернаго ворона, который онъ видѣлъ всюду—какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ, и задался мыслью освободить отъ него человѣчество. Порою ему удавались его попытки, но порою онъ терялся въ мелочахъ и падалъ подъ тяжестью давившаго его кошмара. Онъ былъ страстенъ въ эпоху своей сосредоточности, онъ сталъ еще страстнѣе въ пылу увлеченій. У него вышло какое-то притязаніе быть именно не тѣмъ, чѣмъ бы ему слѣдовало: его дарованіе отличается преимущественно тонкостью, искренностью, самобытною изобрѣтательностью художника—а ему захотѣлось рѣшать широкіе вопросы, ясно истолковывать великія явленія въ исторіи человѣчества и формулировать религіозныя стремленія своего вѣка. Онъ сталъ метаться отъ предмета къ предмету, отъ прошедшаго къ настоящему, отъ нравственной психологіи къ жизни природы, отъ естественныхъ явленій къ религіознымъ вопросамъ. Такимъ образомъ, Мишле дошелъ до того, что сталъ писать такія многорѣчивыя книги, какъ «Колдунья», и какъ «Библія человѣчества». Въ этихъ произведеніяхъ почти ступшевываются его изящныя дарованія, а недостатки возрастаютъ до страшныхъ размѣровъ.

Странныя противоположности совмѣщаются въ личности Мишле. Умъ его—развить до высшей утонченности, и рядомъ съ этимъ онъ впадаетъ въ грубѣйшую распущенность, которую влачить за собою, какъ грязную и неудобную одежду на стройномъ тѣлѣ. Повременамъ ему легко дается высшее безпристрастіе, воспитанное строгимъ изученіемъ и безкорыстнымъ созерцаніемъ прошедшаго, и вслѣдъ затѣмъ вы видите его въ принадлежѣ крайняго пристрастія, ожесточенной, несмягчающейся ненависти. По природѣ своей, Мишле—человѣкъ умѣренный и врагъ крутыхъ переворотовъ, и тѣмъ не менѣе ему случается вдаваться въ революціонный амфазъ. Онъ религіозенъ до мистаизма, онъ чуетъ его въ прошедшемъ и чувствуетъ къ нему влеченіе въ

настоящемъ—и тѣмъ не менѣ порою имъ овладѣваетъ духъ прони, и онъ смѣется надъ святynieю. Онъ богато одаренъ чувствомъ нравственнаго изящества и въ то же время погружается въ дивинны. Онъ поражаетъ своей подвижностью, своей способностью перерождаться. Въ чемъ же тайна этого характера? Какая преобладающая способность можетъ объяснить всѣ эти противорѣчя и метаморфозы, всѣ эти метаня по вѣдомымъ и невѣдомымъ путямъ? Способность эта — воображенiе, воображенiе нервное, тревожное, трепетное, блуждающее и впечатлительное до изумительной степени; воображенiе дѣлаетъ изъ Мишле то историка, то естествоиспытателя, то философа; воображенiе разъ и навсегда наложило на него печать поэзи.

Однако, не ширина и разнообразiе дарованя Мишле затрудняютъ его характеристку. Въ мирѣ мысли не разъ появлялись умы, которые охватывали самыя разнообразныя явленя мировой жизни и гармонически уловляли ихъ тайную связь и соотношенiе. Но эти умы пользуются своимъ воображенiемъ, какъ могущественнымъ и свѣтозарнымъ пособiемъ. Напротивъ того, Мишле, со всей своей универсальностью, есть рабъ, жертва своего воображеня: онъ покорно идетъ по тому пути, на который оно его увлекаетъ. Нельзя не признавать въ немъ большой учености и наблюдательности, онъ изучалъ и знаетъ весьма многое: одной метко выхваченной чертой онъ характеризуетъ цѣлую личность; нѣсколькими легкими, но вѣрными штрихами онъ изображаетъ цѣлое столѣтiе. Но дѣло въ томъ, что его воображенiе перерабатываетъ, пересоздаетъ и, часто, извращаетъ всѣ результаты его знаня. Мишле не владѣетъ, а одержимъ своимъ воображенiемъ.

Благодаря этой творческой силѣ, въ каждомъ произведенiи Мишле встрѣчаются блестящя, поэтическя страниця; онъ есть и въ «Библии челоѣчества». Но этого мало, даже при значительной фактической канвѣ, для рѣшеня того огромнаго вопроса, который Мишле задалъ себѣ въ этомъ сочиненiи, именно вопроса о происхожденiи и сущности религiя. И что это, въ самомъ дѣлѣ; за книга вышла изъ-подъ его пера? Это—не ученое сочиненiе, хотя Мишле и пользовался выводами новѣйшей науки; научная критика, безъ сомнѣня, нашла бы многое въ его толкованяхъ подлежащимъ исправленiю; это—и не философская теорiя, такъ-какъ Мишле совершенно лишентъ способности выводить изъ фактовъ общяя заключеня и теряетъ въ отвлеченностяхъ. Это не болѣе, какъ произведенiе фантазiя, въ родѣ прежнихъ книгъ Мишле: «Птица», «Насѣкомое», «Море»,

Посмотримъ же, какаго именно рода фантазiя заключаются въ «Библии челоѣчества». Въ 1863 году Мишле впервые нигдѣ случай прочесть вполнѣ древнюю индiйскую поэму *Рамаяну*, и она произвела на него такое чарующее впечатлѣнiе, что онъ провозгласилъ ее «книгой по преимуществу» и рѣшился написать на нее нѣчто въ родѣ толкованя; оно-то и заключается

въ разбираемомъ сочиненіи, составляющемъ апологію религіозныхъ преданій индо-европейцевъ. «Моя книга — говорить Мишле — являетъся на свѣтъ солнца, среди нашихъ предковъ, сыновъ свѣта, арійцевъ, индійцевъ, персовъ и грековъ, въ отношеніи къ которымъ римляне, кельты и германцы суть младшіи вѣтви. *Высокій разумъ арійцевъ создалъ типы вещей необходимыя и живительныя для человечества*». Въ «Рамаѳанѣ», какъ выраженіи древней Индіи (а отчасти даже раньше, въ «Ведахъ»), Мишле находитъ всѣ коренныя элементы развитія человечества — гуманныя основы быта семейнаго, свободнѣйшія начала быта общественнаго, и свѣтлое воззрѣніе на природу; въ ней «чистота, умиротвореніе, молодость и сила». Поэтому Мишле съ восторгомъ и полнымъ убѣжденіемъ повторяетъ главныя слова самой поэмы: «кто читаетъ Рамаѳану, освобождается отъ грѣховъ». Выразивъ такимъ образомъ свое исключительное сочувствіе къ древней Индіи, Мишле изъ всего остальнаго человечества рѣшается поставить близъ нея только родственныя ей Персію и Грецію. Онѣ представляютъ какъ-бы развитіе того, что завѣщено Индіей. «Персія — говоритъ Мишле — своимъ величіемъ, силой, творческой доблестью, которымъ могло бы позавидовать наше просвѣщенное время, научаетъ героическому труду. Греція, кромѣ всѣхъ прочихъ искусствъ, обладала высшимъ искусствомъ создавать человека — безконечно плодотворное могущество, властвующее и презирающее тѣмъ, что было послѣ». Въ Греціи, сохраняющей высокое древне-арійское понятіе о семьѣ, воспитывается гуманность, идеаль человека, выражаемый греческими богами. Въ прочихъ народахъ арійскаго происхожденія Мишле признаетъ хорошимъ только то, что ими унаслѣдовано отъ грековъ; всѣ же остальные племена рода человеческого онъ называетъ сынами мрака или полумрака: семьи не знаютъ истиннаго семейнаго начала; представитель ихъ, еврей, есть рабъ по преимуществу; ихъ женщина только наложница. Вліяніе семитическаго востока на индо-европейскій западъ, шедшее преимущественно черезъ женщинъ и ими вырабатываемое, было только пагубно для человечества. Поэтому, пропуская весь христіанскій періодъ, Мишле видитъ лучи новаго свѣта только въ концѣ прошлаго вѣка: идеи 89 года онъ приводитъ въ прямую связь съ основами древне-индійскаго быта. «Отъ Индіи къ 89 году исходитъ потокъ свѣта, потокъ права и разума! Это ты, глубокая древность! И твое порожденіе — 89 годъ. Средніе вѣка — начало чуждое. Справедливость не вчера только найдена; она ховаяка, наслѣдница, которая возвращается въ домъ свой, настоящая госпожа его. Кто же былъ до нея? Она можетъ сказать: я зародилась на зарѣ, при блескѣ Ведъ. При угрѣненіи свѣтѣ Персія, я была чистой энергіей героическаго труда, я была духомъ Греціи и создала свободу силой словъ: «Θεμιδα есть Юпитеръ, Богъ — сама справедливость. Отсюда — Римъ, и тѣ законы, которымъ ты слѣдуешь понинѣ.» Средніе вѣка — начало чуж-

дое потому, что они озарены христіанскимъ вѣрованіемъ; отсюда прямой выводъ: «Нужно круто повернуть и живо, искренно обратиться спиной къ среднимъ вѣкамъ, къ этому смертоносному прошлому, которое хотя ужъ и не дѣйствуетъ, но все еще имѣетъ ужасное вліаніе, какъ смертельная зараза. Нечего ни бороться противъ него, ни разбирать его; должно его забыть. Забудемъ и пойдёмъ впередъ. Пойдемъ на встрѣчу наукамъ жизни, въ музей, въ школу, во французскій коллегіумъ. Пойдемъ на встрѣчу наукамъ историческимъ и гуманнымъ, восточному языкознанію. Допросимъ духъ древности, согласный съ такимъ множествомъ недавнихъ путешествій. Тамъ, мы найдемъ *смыслъ человечества*. Будемте, ради-бога, людьми, обогатимся новымъ, неслыханнымъ величіемъ—величіемъ человечества. Тридцать столѣтій, задержанныхъ въ своемъ ходѣ, внезапно выступили наружу благодаря новой научной оптикѣ и могуществу методовъ, которые завтра еще удвоятся. Тридцать вѣковъ, прикинутыхъ къ древности, множество памятниковъ, языковъ, религій, множество забытыхъ міровъ являютъся, чтобы судить міръ нашъ. Огромный свѣтъ, съ перекрещивающимися лучами, страшно могущественный (силыѣ свѣта электрическаго), разрушая всѣ главные мудрованія прошедшаго, указываетъ на побѣдное согласіе двухъ сестеръ—науки и сознанія. Исчезла всякая тѣнь. Тожественная во всѣ вѣка, на прочной основѣ природы и исторіи, сияетъ вѣчная справедливость».

Вотъ въ немногихъ словахъ содержаніе «Библии человечества». Оно вышло очень темно въ нашемъ изложеніи, но было бы несправедливо приписывать эту темноту намъ: смыслъ книги очень смутенъ и во всей полнотѣ подлинника; таково объ ней общее мнѣніе критиковъ. И это происходитъ оттого, что Мишле, вообще столь мало способный къ строгимъ и точнымъ научнымъ выводамъ, не беретъ рѣшать въ ней труднѣйшія изъ историческихъ задачъ и, самъ сознаваясь въ недостаточности своихъ знаній, судить, раять, хвалить, осуждаетъ—въ увѣренности, что вноситъ свѣтъ въ разбираемые вопросы, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ только плодитъ новыя призванія ученой фантазіи. Въ своихъ увлеченіяхъ Мишле такъ легко обращается съ своимъ предметомъ, что заслуживалъ бы самыхъ рѣзкихъ упрековъ, если бы онъ не былъ вполне наивно и искренно увѣжденъ въ своей правотѣ. Но, отдавая справедливость его искренности и наивности, нельзя ни на минуту стать на его точку зрѣнія. Къ сдержанности и неподатливости побуждаетъ серьезнаго читателя именно то поразительное легкомысліе, съ которымъ Мишле строитъ свои гипотезы и выводы и всѣ свои заключенія основываетъ на какихъ-то личныхъ пристрастіяхъ.

О христіанствѣ онъ говоритъ не иначе, какъ свысока. Когда, въ историческомъ обзорѣ разныхъ религій, онъ достигаетъ Іудей, то называетъ эту страну «сухою», представляющею какой-то «пепельный видъ». Мы уже говорили о той ненависти, которую Мишле питаетъ къ «безплодному» періоду среднихъ вѣковъ. Онъ

съ такимъ ужасомъ и отвращеніемъ разсказываетъ о томъ, какъ средневѣковая Европа ожидала наступленія тысячнаго года, что является сомнѣніе — исполнѣ ли онъ увѣренъ, что эта эпоха минула окончательно. Разумѣется, ни христіанство, ни средніе вѣка не нуждаются ни въ чьей защитѣ противъ разлагательствованій Мишле; но, признаемся, странно читать подобныя вещи у ученаго писателя, историка, уважающаго и свою науку, и то общество, для котораго онъ пишетъ. Средніе вѣка, противъ которыхъ еще борется Мишле, давно уже умерли, со всѣми своими идеями и формами, и то, что творится вокругъ насъ, по видимому не общаетъ ихъ возрожденія. А если взглянуть на средніе вѣка исторически, если обсудить тѣ учрежденія, тѣ законы, тѣ явленія искусства, которыя ими созданы, то средніе вѣка вовсе не представляются эпохою безплодною. Напротивъ того, они окажутся дѣятельнымъ періодомъ образованія народностей новой Европы, и здѣсь вліяніе христіанства явится въ полномъ блескѣ, такъ-какъ именно оно было главнымъ двигателемъ этой новой развивающейся жизни. Не признать этого не можетъ и самъ Мишле. А если онъ хотѣлъ только сказать, что намъ не должно искать насильственныхъ связей съ прошедшимъ, то для этого ему нечего было рисовать столь грозные образы. И религія, и историческіе періоды обсуживаются по своимъ результатамъ: что случилось съ тѣми религіями, которыхъ плодотворныя красоты открылъ Мишле? что сдѣлали онѣ изъ странъ, въ которыхъ господствовали? И что, напротивъ того, вышло изъ среднихъ вѣковъ, изъ этого безплоднаго тысячелѣтія, изъ этого періода бѣдствій и смерти? Немного — новая Европа, которая, въ концу этого періода, оказалась на столько сильною, что вступила на путь цивилизаціи, съ каждымъ днемъ растущей и возобновляющейся.

Нелегкая вещь — искоренить изъ какой нибудь цивилизаціи то, что составляетъ ея сущность и силу. Какъ бы много ни тратилъ Мишле своей судорожной фантазіи, онъ не доставитъ торжества новому ученію, потому что прежнее не истощено, но, напротивъ того, каждый день находитъ себѣ новое плодотворное приложеніе, потому что все въ новомъ мірѣ отъ него беретъ свое начало. То, что Мишле называетъ прогрессомъ, «согласіемъ современной мысли съ глубокой древностью», есть нѣчто очень пошлое и давно отжившее свой вѣкъ; между тѣмъ какъ христіанство вѣчно юно и жизненно и кладетъ свою свѣтлую печать на все, что творится въ мірѣ. Да, напримѣръ, на тѣхъ самыхъ идеяхъ 89 года, которыя Мишле противопоставляетъ христіанству, развѣ нѣтъ христіанскаго вліянія? Все, что дѣлаетъ французскую революцію явленіемъ всемірнымъ, что изъ нея уцѣлѣло и разошлось по всему міру, какъ, напримѣръ, идеи равенства и братства — все это возникло именно изъ христіанства; напротивъ того, уничтожились, разрушились разныя попытки революціонной эпохи искусственно возродить древность; разныя празднества въ античномъ

вкусъ и постановленія въ духъ Спарты. Въ наше время западную Европу волнуетъ вопросъ о раздѣленіи власти свѣтской и духовной, и этому вопросу евангельское ученіе даетъ прямое разрѣшеніе, уничтожая смѣшеніе обѣихъ властей и освобождая совѣсть отъ посягательствъ силы внѣшней. Вообще, наше время гораздо болѣе проникнуто идеями христіанства, чѣмъ это кажется и ему самому, и Мишле, и наконецъ, тѣмъ, которые считаютъ его возмущившимся противъ христіанства. Напротивъ того, оно стремится не отречься отъ христіанства, а довершить завѣщанное имъ.

Замѣчательно и то, что христіанство не только даетъ общій тонъ современной цивилизаціи, но что оно живетъ даже въ тѣхъ самыхъ людяхъ, которые думаютъ, что совершенно покончили съ нимъ. Это видно на самомъ Мишле. И на его образѣ мыслей есть отпечатокъ христіанской тонкости и возвышенности чувства; мало того, въ Мишле видны даже опасныя крайности религіознаго вліянія: въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ походитъ на страстнаго, фанатическаго католика; подобно католическимъ монахамъ, онъ—тонкій казуистъ, упорный блюститель человѣческой совѣсти, исповѣдникъ, стремящійся проникнуть въ глубочайшія тайники души. Онъ изучалъ человѣка во всѣхъ его страстяхъ и соблазнахъ; въ извѣстіяхъ своего анализа онъ иногда напоминаетъ католическіе учебники нравственнаго богословія. Мало того: въ немъ есть смѣлый цинизмъ... разстриги. Все это необходимо принять въ расчетъ, произнося приговоръ надъ его новой книгой.

Итакъ, въ концѣ концовъ, что же такое «Библия человѣчества»? Это не что иное, какъ созданіе раздраженнаго воображенія, которое тревожатъ разные призраки, особенно призраки чернаго ворона, и которое по своей безумной подвижности блуждаетъ по всѣмъ крайностямъ нравственнаго міра, между истиннымъ своимъ направлениемъ и тѣми ложными путями, на которые оно норовитъ попасть — сочиненіе причудливаго мечтателя, котораго обстоятельства сдѣлали полемическимъ писателемъ—сочиненіе, претендующее на чрезвычайную глубину, но въ сущности чуждое трезвой мысли и истинной науки.

Мы признаемъ вполне и глубоко уважаемъ свободу научнаго изслѣдованія, но позволимъ себѣ думать, что каждый человѣкъ, понимающій значеніе науки, вправѣ спроситъ изслѣдователя: куда онъ насъ ведетъ съ результатами своихъ изысканій? Мишле не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, съ которымъ вправѣ обратиться къ нему всякій читатель его книги. Спрашивается: что за человѣкъ будетъ по библии Мишле? По всей вѣроятности, у него будетъ много тонкости, много изящества, много воображенія, богатаго метафорой; но онъ будетъ лишенъ способности къ практической дѣятельности, лишенъ даже чувства дѣйствительности, и между тѣмъ какъ онъ станетъ блуждать въ чадѣ своихъ галлюцинацій, дѣйствительность наполнится господствомъ физической силы и рабскихъ страстей.

«Жалкая религія!—воскликаетъ французскій критикъ: — люди, дѣлающіе попытки подобныхъ нравственныхъ переворотовъ, видно, не знаютъ, какъ много силъ и бодрости человѣкъ находитъ въ христовомъ ученіи, какъ глубоко впечатлѣнъ въ его душѣ возвышенный образъ Иисуса, и какая ужасающая пустота тамъ останется, если имъ удастся ихъ дѣло».

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Босфоръ и Константинополь, съ очеркомъ прилегающихъ мѣстностей, соч. П. Чихачева (*).—Г. Чихачевъ — очень почтенный ученый и путешественникъ; но, къ сожалѣнію, имя его не настолько популярно у насъ, на сколько онъ того заслуживаетъ, и вообще менѣе извѣстно, чѣмъ за границей; впрочемъ, такъ-какъ онъ пишетъ большею частію пофранцузски, то самъ какъ-бы отрывается отъ соучастія въ русской литературѣ; поэтому и мы заносимъ его сочиненіе—въ иностранную литературную лѣтопись.

Г. Чихачевъ описываетъ Константинополь и его окрестности и какъ простой путешественникъ, и какъ ученый изслѣдователь. Онъ считаетъ берега Босфора столь же достойными обозрѣнія, даже для обыкновеннаго туриста, какъ горы и долины Швейцаріи или благословенные края Италіи. Описаніе г. Чихачева начинается съ топографическаго обзора материка и острововъ пролива и очерка водъ, ихъ орошающихъ. Въ этой главѣ особенно любопытны извѣстія о средствахъ, употребленныхъ нѣкогда римскими императорами, а послѣ нихъ-турецкимъ правительствомъ, для снабженія Константинополя прѣсною водою. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе естественныхъ произведеній страны по всѣмъ тремъ царствамъ природы. Наиболѣе подробны свѣдѣнія о домашнихъ животныхъ: собакъ, овецъ, ангорской козъ, быкъ, верблюды, лошади, ослы и мулы—свѣдѣнія, для пополненія которыхъ г. Чихачевъ обращается и къ древнимъ писателямъ, такъ-какъ въ настоящее время содержаніе домашнихъ животныхъ въ прибосфорской мѣстности въ чрезвычайномъ упадкѣ. Описаніе охотъ и рыбныхъ ловель даетъ ему случай сказать о дикихъ животныхъ, изъ которыхъ нынѣ близъ Константинополя осталось только три или четыре породы, да и тѣ удалялись въ близъ-лежащія горы. Въ древности Черное Море славилось обиліемъ рыбы и съѣдобныхъ моллюсковъ; въ наше время приложеніе пріемовъ современной промышленности могло бы значительно увеличить естественную производительность его, оскудѣвшую близъ Босфора. То же самое можно сказать относительно садоводства, огородничества и земледѣлія; послѣднее на первобытной степени, и огромныя пространства земли остаются необработанными. Минеральныя богатства также ожидаютъ искусствен-

(*) *Le Bosphore et Constantinople, avec une perspective des pays limitrophes, par P. de Tchihatcheff. Paris.*

ной разработки; богатѣйшая, можетъ быть, мѣстность Европи остается непронизываемой, вслѣдствіе порядка вещей, который вредитъ развитію въ ней промышленной дѣятельности. Изъ метеорологическихъ таблицъ, сообщаемыхъ г. Чихачевымъ, видно, что климатъ края пріятенъ и здоровъ, хотя холодъ невременимъ достигаетъ до того, что Черное Море у береговъ покрывается льдомъ. За то вслѣдствіе низкаго уровня цивилизаціи мѣстныхъ жителей, жизнь представляетъ тамъ для иностранца много неудобствъ, отъ которыхъ европеецъ давно уже отвыкъ. Люди, которые не чувствуютъ потребности въ суетныхъ городскихъ развлеченіяхъ и которые въ дикихъ швейцарскихъ долинахъ ищутъ благороднаго наслажденія природой, могли бы съ пользою посѣтить берега Босфора, но не иначе какъ лѣтомъ, когда недостатокъ комфорта менѣе чувствителенъ. Здѣсь путешественникъ долженъ любоваться природой, то ѣзда верхомъ, то хода пѣшкомъ, въ пыли, подъ лучами знойнаго солнца. Онъ долженъ нѣтъ при себѣ сѣстное и долженъ или возвращаться къ ночи домой, или почевать на свѣжемъ воздухѣ; только случайность можетъ доставить ему гостепримство въ убѣжищѣ какого-нибудь пастуха. За исключеніемъ Перы, Буюк-Дере и еще двухъ или трехъ мѣстъ, на берегахъ Босфора нигдѣ нѣтъ гостиницъ, такъ-какъ нельзя же называть этимъ именемъ отвратительные притоны, въ которыхъ путешественникъ предается на двойную жертву кровожаднымъ насѣкомымъ и корыстнымъ трактирщикамъ, измученнымъ долгимъ воздержаніемъ. Точно также, путешественникъ не найдетъ на Босфорѣ никакихъ общественныхъ развлеченій; турки не знаютъ нашихъ салоновъ и театровъ, у нихъ нѣтъ того, что мы называемъ обществомъ. Иностранецъ, пріѣзжающій на Босфоръ, поневолѣ долженъ проводить время въ уединеніи и найти себѣ какое нибудь занятіе. Такой путешественникъ, какъ самъ г. Чихачевъ, не можетъ въ этомъ отношеніи служить примеромъ для всѣхъ; онъ посвящалъ свое время ученымъ изслѣдованіямъ, и результаты ихъ изложены во второй части настоящаго его сочиненія; здѣсь мы находимъ первое подробное геологическое описаніе босфорскихъ береговъ, сдѣланное европейскимъ ученымъ, который самъ все видѣлъ и изучилъ, отъ песковъ Чернаго Моря до базальтовъ Карибдіе.

Помпеи и помпейцы, соч. Марка Моннье (*). Это—очень интересное и популярное описаніе древняго города, нѣкогда разрушеннаго изверженіемъ Везувія. Книга начинается съ исторіи Помпей, отъ ея основанія, до дня гибели; затѣмъ, Моннье рассказываетъ весь ходъ раскопокъ, которыя съ 1748 года до нашихъ дней успѣли обнаружить только третью часть всего города. Со времени Джона Мура, который посѣщалъ Помпею въ 1773 году, работы подвинулись очень мало; Вурбони не считали нуж-

(*) *POMPEI ET LES POMPEIENS*, par M. Marc Monnier. Paris.

нимъ объ нихъ заботиться. Больше сдѣлано было Мюратомъ и дѣлается теперь, при правительствѣ Витора-Эммануила. Благодаря желѣзному пути — одного часа довольно путешественнику, чтобы перенестись изъ Неаполя въ Помпею; Моннье можетъ служить ему хорошимъ путеводителемъ. «Вы видите передъ собою — говоритъ онъ — дѣльный городъ, или, по крайней мѣрѣ, третью часть древняго города, нисколько непохожаго на нынѣшніе, и составляющаго нѣчто совершенно полное и особенное, чему нѣтъ подобнаго. Здѣсь нѣтъ перестроеннаго Капитолія, нѣтъ Пантеона, посвященнаго христіанскому Богу, нѣтъ Акрополя, стоящаго надъ баварскимъ или датскимъ городомъ; въ Помпеѣ все древнее. Улицы не перепошены, высокія панели не понижены современными каменотесами; мы ступаемъ по камнямъ, по которымъ нѣкогда ходили купецъ Серикъ и рабъ Эпафрасъ. Входя въ эти улицы, мы невольно покидаемъ нашъ вѣкъ и переносимся въ другое время и въ другой міръ: древность поглощаетъ насъ, и, хотя бы на часокъ, мы превращаемся въ римлянъ. Мало того, какъ я уже не разъ говорилъ, Везувій не разрушилъ Помпею, а сохранилъ ее; разрытыя постройки въ нѣсколько мѣсяцевъ портятся больше, чѣмъ онѣ испортились подъ пепломъ въ теченіе восемнадцати вѣковъ. Когда расчистили расписанныя стѣны, краски изображеній поражали своей свѣжестью; каждая картина становилась достояніемъ археологій, сообщая намъ какую-нибудь новую подробность нравовъ, костюма, обычаявъ, вѣрований, преданій, словомъ — древней жизни. Находимыя утварь, произведенія искусства, хозяйственныя принадлежности раскрываютъ намъ тайны домашняго быта; какая-нибудь корзинка, и та что-нибудь да говоритъ намъ: вотъ колонна съ надписью, напаранною какимъ-нибудь помпейцемъ, которому нечего было дѣлать; вотъ край наружной стѣны, на которомъ выставлено огромными буквами объявленіе о театральномъ спектаклѣ или о кандидатурѣ такого-то гражданина на государственную должность. Не говорю уже о скелетахъ, которыхъ положеніе яркимъ образомъ указываетъ на ужасную катастрофу и ожесточенную борьбу со смертью.»

Послѣ этого общаго очерка Моннье ведетъ насъ на форумъ, въ храмы, бани и другія общественныя зданія. Съ нимъ мы ходимъ по улицамъ, посѣщаемъ лавны, разсматриваемъ фрески, присутствуемъ при туалетѣ древней помпейской дамы и при ужинѣ ея супруга, наконецъ посѣщаемъ театръ, и смотримъ на кровавыя игры цирка. Въ заключеніе рассказывается въ подробности знаменитое изверженіе Везувія, поглотившее городъ, и описываются трупы, которыхъ пластическое изображеніе было воспроизведено въ 1863 году, по слѣдующему оригинальному способу: въ твердыхъ массахъ окаменѣлой лавы находятъ пустоты, происшедшія отъ залитыхъ ею нѣкогда труповъ; въ эти пустоты, которыя образовали нѣчто, подобное литейнымъ формамъ, вливаютъ гипсъ, и такимъ образомъ получаютъ воспроизведенныя изображенія людей, которыхъ постигло изверженіе лавы.

Вообще книжка Моннье, хотя и не отличается большою серьезностью, но читается легко и не безъ удовольствія.

Домашняя жизнь въ Палестинѣ, г-жи Мери-Элизы Роджерсъ (*).

Г-жа Мери Роджерсъ — есть милая путешественница, которая описываетъ съ большою простотою все, что она видѣла, и дневникъ которой наполненъ множествомъ самыхъ интересныхъ подробностей. Она сопутствовала своему брату, который былъ англійскимъ вице-консуломъ въ городѣ Гаифѣ. Четырехлѣтнее пребываніе ихъ въ Палестинѣ коротко познакомило ее съ нравами страны, и, повидимому, рассказы г-жи Роджерсъ носятъ на себѣ печать самой строгой точности. Благодаря положенію Роджерса, его сестра могла вполне удовлетворить своей любознательности, такъ-какъ дипломатическіе агенты находятся въ сношеніяхъ со всѣми главными представителями тѣхъ разныхъ племенъ, изъ которыхъ состоитъ народонаселеніе Палестины. Конечно, исполненіе ихъ обязанностей подвергаетъ ихъ нѣкоторымъ опасностямъ, вслѣдствіе безпрестанныхъ ссоръ, возникающихъ какъ отъ фанатизма населенія, такъ и отъ жумъныя и дурнаго управленія властей. Но за то они пользуются покровительствомъ центрального турецкаго правительства; къ тому же г-жа Роджерсъ имѣла много того мужества, которое англичане почерпаютъ въ чувствѣ своего національнаго достоинства. Несмотря на опасность путешествій, она сдѣлала нѣсколько поѣздокъ внутрь Палестины, не пропуская ни одного удобнаго случая, чтобы узнать поближе восточную жизнь, и пользуясь гостепримствомъ, которое ей оказывали то англійскіе миссіонеры, то православные монахи, то жидаы, то турки. Ея привѣтливый характеръ и ласковое обращеніе располагали туземцевъ въ ея пользу. Всѣ гаремы были ей доступны; она даже вошла въ короткость со многими тамошними женщинами, и въ этомъ отношеніи дневникъ ея представляетъ много любопытныхъ подробностей. Кромѣ домашней жизни, она насъ знакомитъ и съ общественнымъ положеніемъ страны. Останавливаясь часто въ очень плохихъ хижинахъ, она скоро забывала отсутствіе комфорта, который замѣнялся радушнымъ пріемомъ; она рѣшилась довольствоваться немногимъ, находя много прелести въ библейскихъ воспоминаніяхъ, воскресавшихъ передъ нею на каждомъ шагу, и безпрестанно отиѣчаетъ какую нибудь черту, которая доказываетъ, что въ Палестинѣ еще сохранилось много древнихъ обычаевъ, объясняющихъ разныя указанія древнихъ писателей. Вообще свѣжесть впечатлѣній и правдивость, съ которою написанъ этотъ дневникъ, дѣлаютъ его чтеніе очень занимательнымъ.

(*) LA VIE DOMESTIQUE EN PALESTINE, par *Mary Eliza Rogers*. Paris.

НОВЫЯ КНИГИ.

LE SCEPTICISME. OENÉSIDÈME. PASCAL. KANT. Etudes pour servir à l'histoire critique du scepticisme ancien et moderne, par *Emile Saisset*. (Скептицизмъ. Энесидемъ, Паскаль, Кантъ. Очерки критической исторіи скептицизма въ древніи и новыи времена, соч. *Эм. Сессе*). Paris.

ANTÉCÉDENTS DE L'ÉPIGÉLIANISME DANS LA PHILOSOPHIE FRANÇAISE. DOM DESCHAMPS, son système, son école, d'après un manuscrit et des correspondances inédites du XVIIIe siècle, par *Beaussire*. (Зачатки гегелианства во французской философіи XVIII вѣка; соч. *Боссюра*). Paris.

LES HOMMES DE LA RÉVOLUTION: MIRABEAU, DANTON, VERGNAUD, par *A. de Lamartine*. (Люди революціи: Мирабо, Дантонъ, Верньо, соч. *Ламартина*). Paris.

MIRABEAU, SA VIE, SES OPINIONS ET SES DISCOURS, par *A. Vermorel*. (Мирабо, его жизнь, убѣжденія и рѣчи, соч. *Верморель*). 2 vols. Paris.

HISTOIRE DE ROBESPIERRE, d'après des papiers de famille, des sources originales et de documents entièrement inédits, par *Ernest Hamel*. (Исторія Робеспьера по семейнымъ бумагамъ, подлиннымъ источникамъ и совершенно неизвестнымъ документамъ, соч. *Эрнеста Гамеля*). Paris.

L'EUROPE ET LE SECOND EMPIRE, par le comte de *Carné*. (Европа и вторая имперія, соч. гр. *Карне*). Paris.

LES PRINCIPES DE 1789 EN AMÉRIQUE, par *J. Caicedo*. (Принципы 1789 года въ Америкѣ, соч. *Кайцедо*). Paris.

ESSAIS SUR L'HISTOIRE DE LA LITTÉRATURE FRANÇAISE, par *J. J. Weiss*. (Очерки по исторіи французской литературы, соч. *Вейса*). Paris.

JOSEPH, SAULE ET NOUVEAU YVESNET, par *Amédée Durandé*. (Жозефъ, Карлъ и Орасъ Верне, соч. *Ам. Дюранда*). Paris.

LES RÉFORMES DANS L'ENSEIGNEMENT SECONDAIRE, par *E. Labbé*. (Реформы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, соч. *Э. Лаббе*). Paris.

ÉTUDES ÉCONOMIQUES SUR LE DANEMARK, LE HOLSTEIN ET LE SCHLESWIG, par *E. Tisserand*. (Экономическіе очерки Даніи, Шлезвига и Гольштейна, соч. *Тиссерана*). Paris.

LA BELGIQUE MATÉRIELLE, par *A. de Laveleye*. (Матеріальная Бельгія, соч. *А. Лавеле*). Paris.

КУРЬОЗЫ.

ЧЕТВЕРГАЯ ПѢСНЬ ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Съ достоинствами перевода первыхъ трехъ пѣсней «Чайльд-Гарольда» наши читатели уже знакомы (*). И потому, что они знакомы съ этимъ предметомъ, мы предполагаемъ въ нихъ высшую степень любопытства познакомиться съ красотами перевода и четвертой, послѣдней пѣсни. Эта пѣснь, подобно тому какъ и три первыя, прежде чѣмъ войти въ прекрасное и добросовѣстное

(*) См. «Отеч. Зад.» сентябрь, 1864.

изданіе г. Гербеля, была помѣщена предварительно прекраснымъ и добросовѣстнымъ переводчикомъ на страницахъ прекраснаго «Русскаго Слова». И ей не было, повидимому, причины быть лучше или хуже тѣхъ трехъ, которыхъ достоинства хорошо извѣстны нашимъ читателямъ. Но поощренный нашими полезными замѣчаніями, переводчикъ «Русскаго Слова» рѣшился превзойти и себя и «Русское Слово». И превзошелъ... Слова нѣтъ, хорошъ былъ его Аполлонъ дельфійскій, котораго онъ принялъ за одну изъ девяти музъ; хорошъ былъ Семистоклъ, о которомъ онъ полагалъ, что это одинъ изъ семи мудрецовъ; хороша была богиня Аенна, обращенная имъ въ «Аенны — городъ величавый»; хорошъ былъ «царь звѣрей» или лѣсовъ, о которомъ онъ думалъ, что такъ называется двурогая скотина—быкъ; хороши были «стѣны Кароагена», стоявшія и павшія, по его мнѣнію, въ Италіи; хороши были всѣ другія красоты и открытія, на которыя мы указали въ свое время, хотя далеко не подробно; но если въ то время, когда мы указывали, ктонибудь подумалъ, что ужъ лучше и быть ничего не можетъ, тотъ ошибался. Напримеръ: Понтъ Эвксинскій можетъ быть обращенъ въ горный пикъ, котораго вершина уходитъ въ облака, а сряду, по обѣ стороны, хлещутъ волны :

Вотъ океанъ, нашъ другъ любимый!
За нимъ слѣдили долго мы
До мѣсть, гдѣ *выросла* изъ тѣмъ
Эксинъ для насъ *неуловимый*,
Гдѣ и прозрачна и сильна,
Вабъгала на берегъ волна. (CLXXIV).

Развѣ это не лучше? Но интересъ можетъ возрастать и еще. Рѣка Дунай можетъ быть обращена въ рѣку Двину. «Умиравшій гладиаторъ», столь извѣстный намъ по стихотворенію Лермонтова на байроновскую тѣму; можетъ вспоминать въ свой предсмертный часъ не берега Дуная, а Двины:

Онъ умираетъ безъ сожалѣнья,
Но живы въ немъ были сны,
Его несетъ воображенье
На берега родной Двины. (CXLI).

Желательно, чтобы «Русское Слово» объяснило, которую *Двину* разумѣетъ оно съ своимъ переводчикомъ въ этомъ случаѣ: Сѣверную или Западную. Умиравшій гладиаторъ былъ, безспорно, не кто другой, какъ военнопленный. Будучи жителемъ береговъ Дуная, будучи притомъ сыномъ дакіянки, какъ онъ называется въ подлинникѣ, онъ могъ сдѣлаться военнопленнымъ римлянъ; и напротивъ, такой возможности вовсе не существовало, еслибы онъ былъ обитателемъ береговъ которойнибудь *Двины*, особенно—Сѣверной. Но «Русское Слово», и его переводчикъ, усомнившись въ историческихъ знаніяхъ Байрона, и вообще въ правдивости исторіи, допустили эту невозможную возможность. Слѣд-

ственно, на нихъ лежитъ прямая обязанность — объяснить, по крайней мѣрѣ, что они разумѣютъ подъ именемъ *Двина*: балканскій хребетъ или пиренейскія горы? И если г. Гербель дѣлаетъ свое изданіе «Байрона въ переводѣ русскихъ поэтовъ» съ примѣчаніями, то отчего бы ему не примѣтить чего-нибудь, при словѣ *Двина*?

Но интересъ и опять можетъ возрастать. Сцена троянской войны можетъ быть перенесена на берега Лаціума, и Эней превращенъ въ Траяна:

Въ долині ридомъ—блескъ Альбано;
Тамъ Тибра плещется волна.
Тамъ блещетъ лоно овсана,
А здѣсь троянская война
Когда-то жарко разгаралась,
И здѣсь надъ Римомъ закигалась
Звѣзда Траяна; здѣсь лежатъ
Остатки Тулли и проч. (CLXXIII).

Въ подлинникѣ говорится объ «эпической войнѣ», бывшей на лаціумскомъ берегу, и «о мужѣ», котораго «вновь восходящая звѣзда загоралась надъ судьбами имперіи», слѣдственно, воспоминаніе Байрона относится къ подвигамъ героя Энеиды. Почему воображенію переводчика вмѣсто Энеиды представилась *Иліада*—это еще можно объяснить: его могла ввести въ заблужденіе «эпическая война»; и для его просвѣщеннаго ума все еще хорошо, что онъ подъ этою войною разумѣлъ, по крайней мѣрѣ, ту, которая воспѣта въ *Иліадѣ*, а не въ *Полтавѣ*. Хорошо это и для «Русскаго Слова», такъ-какъ оно поэтовъ не признаетъ, а исторію отрицаетъ; хорошо это и для издателя Байрона, такъ-какъ, съ одной стороны, онъ издалъ уже Шиллера, а съ другой, намѣренъ издать Шекспира. Но откуда переводчикъ взялъ Траяна? Пока г. Гербель не разрѣшитъ этого въ своихъ примѣчаніяхъ, мы считаемъ вѣроятнымъ такое объясненіе: впервыхъ, въ предъидущихъ строфахъ упоминалось о добродѣтеляхъ Траяна, и его колоннѣ, и переводчикъ могъ подумать: эта колонна не имѣетъ ли отношенія къ этой «эпической войнѣ»? Вовторыхъ, на эту догадку, при его несомнѣнномъ незнаніи языка подлинника, могъ навести переводчика и французскій переводъ, гдѣ, съ небольшимъ отступленіемъ отъ подлиннаго текста, роковое мѣсто переведено такимъ образомъ: plus loin... le vaste océan baigne cette plage du Latium où commença la guerre érique *du Troyen*. Переводчикъ думалъ: этотъ *Troyen* ужели не Траявъ? Такъ думало, конечно, и «Русское Слово»; съ нимъ согласился и г. Гербель.

Но интересъ все растетъ и растетъ. Нимфа Эгерія, вдохновительница римскаго царя, обращается въ одно изъ маленькихъ итальянскихъ государствъ, въ родѣ княжества Монаво, и называется «прекраснымъ, дивнымъ уголкомъ». Байронъ, въ своей поэмѣ, вспомнилъ про Нуму-Помпилиа, пожалѣлъ, что его мудрое царствованіе не было болѣе продолжительнымъ, и тутъ же, съ свойственною ему

стремительностью, начинается строфу: «Эгеріа! милое созданіе сердца, ненаходившаго нигдѣ на землѣ такого очаровательнаго мѣста-отдохновенія, какъ твоя идеальная грудь». Переводчикъ дошелъ до этой Эгеріи и тоже себѣ восклицаетъ:

Эгеріа! созданіе грезы,
Прелестный, дивный уголокъ,
Гдѣ забывать земныя слезы
Сынъ праха въ упоенія могъ. (СХV).

Далѣе интересъ идетъ равносильно, и уже не возрастаетъ, потому что трудно, да и едва-ли возможно. За то недостатокъ прогрессиивнаго возрастанія интереса наверстывается у переводчика другими красотою. Объяснимъ это примѣромъ, какой попадетсѣ. Раскрыли; читаемъ:

Тѣхъ урнъ Флоренція не знаетъ.
Но тѣмъ замѣтнѣе она,
Такъ бюста Брута лишена
Статуя Цезаря слушаетъ
Римлянъ и ихъ великій сынъ
На умъ приходитъ имъ одинъ. (LIX).

Это значить, что хотя прахъ знаменитыхъ людей благодарной Флоренціи и не покоится на ея кладбищѣ, но *они* отъ этого тѣмъ болѣе замѣтны: «такъ нѣбогда отсутствіе изображенія Брута при парадныхъ похоронахъ Цезаря тѣмъ сильнѣе напоминало Риму о лучшемъ изъ сыновъ его». — Пусть эти строки наши дадутъ замѣтить г. Гербелю, какъ неполны его примѣчанія и какъ еще много остается непреодолимыхъ трудностей для читателя въ его прекрасномъ и добросовѣстномъ изданіи Байрона — въ переводѣ прекрасныхъ русскихъ поэтовъ.

Раскрываемъ еще разъ. Попадаетсѣ картина заходящаго солнца:

Но вотъ на горы тѣнь ложится,
День умираетъ. Такъ, порой,
Дельфинъ предъ смертью шевелится
И каждый разъ иной игрой
Дѣтвонъ различныхъ онъ сверкаетъ;
Когда жъ кончается жизнь дельфинъ,
Тогда бываетъ мигъ одинъ
Онъ краснымъ дѣтвомъ заиграетъ,
Но смерть придетъ, застынетъ кровь,
Тогда онъ сѣрымъ станетъ вновь. (XXIX).

Очень хорошо. Можно сказать даже, какъ говорили древніе, что переводъ едва-ли не превосходитъ оригинальныхъ твореній «Русскаго Слова».

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТО-ПЯТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМАГО ТОМА в. 1-2 ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

	Стр.
НЕДАВНЕЕ. Романъ въ четырехъ частяхъ. <i>Часть первая, вторая и третьей</i> главы I—III. В. КРЕТОВСЕАГО (автора романа «Въ ожиданіи лучшаго»). 1, 213, 395 и 644 ✓	
ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЦОВЫ. Романъ въ шести частяхъ. <i>Часть третья.</i> Два уголовныя дѣла. В. В. КРЕТОВСЕАГО. Главы I—XVII. 29, 245 и 521 ✓	
РУССКІЕ ЛГУНЫ. Очерки. Главы I—VII. А. О. ПИСЕМСЕАГО. 88 и 483 ✓	
МНѢНІЯ БОКЛЯ О СОЧИНЕНІЯХЪ МИЛЛЯ. <i>Дѣтъ статьи.</i> 117 и 716 • ✓	
О МНОЖЕСТВѢ ОБИТАЕМЫХЪ МІРОВЪ. К. ФЛАМАРЬОНА , проф. астрономіи въ Парижѣ. Н. Х. . . . 138 ✓	
НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ. Романъ ЧАРЛЬЗА ДИЕНСА. Книга вторая. Главы VII—XII. 169 и 307 ✓	
ТАЙНЫ ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ НЕАПОЛѢ. Записки ЭНРИЕТТЫ КАРАЧЧОЛО. Главы I—XII. 278, 548 и 675 ✓	
ЗАКОНЪ ОБРАЗОВАНІЯ ПОЛОВЪ У РАСТЕНІЙ, ЖИВОТНЫХЪ И ЧЕЛОВѢКА. Профессора женевской академіи ТЮРИ. 324	
НАРОДНЫЕ ТИПЫ ВЪ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ. Критическій этюдъ. По поводу «Полнаго собр. сочиненій гр. Л. Толстаго». Е. Л. МАРКОВА. <i>Дѣтъ статьи.</i> . . . 334 и 455 ✓	
ВЗГЛЯДЪ Г. СОЛОВЬЕВА НА РЕФОРМУ ПЕТРА. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. XIV. М. К. . . . 497 ✓	

	Стр.
✓ ПРОГУЛКА ПО ЭРМИТАЖУ. <i>Статья первая.</i> Д. В. ГРИГОРОВИЧА.	581
✓ ГЛУХІЯ МѢСТА. Разсказъ. Главн І—VII. В. А. МАРКОВА.	602
ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЛИТЕРАТУРНОМУ ОБОЗРѢНІЮ. О качествѣ и количествѣ прогреса въ новѣйшемъ движеніи нашей литературы. <i>Изосcripto.</i>	694
✓ ВЪ ПАМЯТЬ ЛОМОНОСОВУ. По поводу столѣтняго юбилея.	742

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.	1, 183 и 229
ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.	26, 112 и 204
ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ.	43, 89, 163 и 253
ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.	71, 133, 219 и 276
КУРЬОЗЫ.	80, 155 и 305
«СОВРЕМЕННОМУ», НА СОРОКЪ СТРАНИЦЪ ЕГО ПОЛЕМИКИ ПРОТИВЪ «ОТЕЧ. ЗАПИСОКЪ».	86

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви
въ Санктпетербургѣ.

COMPOSITIONS MODERNES ET BRILLANTES POUR PIANO SEUL.

HELLER, St. Erlkönig von Fr. Schubert	— r. 75 c.
SCHUMANN, R. Nachtstück, op. 23. № 4.	— » 30 »
EGGHARD, J. Profond amour. Melodie op. 167.	— » 60 »
SCHUMANN, R. Träumerei	— » 30 »
DREYSCHOCK, A. Sur l'eau op. 132. № 1.	— » 60 »
JUNGMANN, A. Alpenrose Melodie op. 180.	— » 60 »
SPINDLER, Fr. Rhapsodie op. 153. № 1.	— » 60 »
LEWY, Ch. Marche Persane de Jean Strauss	— » 85 »
MAGNUS, D. Impromptu-Mazurka op. 98.	— » 75 »
HÄNDEL, G. F. Allemande	— » 30 »
PACHER, J. A. Grace et Coquetterie op. 18.	— » 60 »
— Gesang der Meermädchen aus Oberon op. 22.	— » 60 »
— Variations faciles sur Freischütz op. 32. № 1.	— » 75 »
— Il Trovatore, Fantaisie op. 33.	— » 85 »
— Le Ruisseau, Etude de Salon op. 34.	— » 70 »
— Romance de l'opera Dom Sébastien op. 36. № 1.	— » 60 »
— Thème de C. M. Weber varié op. 40. № 3.	— » 60 »
— Douze études mélodiques op. 50 liv. 1, 2 à 1	» 15 »
— La Nayade, Morceau de salon op. 51. •	— » 75 »
— Tendresse, Morceau mélodieux op. 53.	— » 60 »
— Romance de Hoel de l'opera: Le Pardon de Ploërmel op. 54. № 2.	— » 50 »
— Le Pardon de Ploërmel, Grande Fantaisie op. 56. 1	» 50 »
— Les Eclairs, Melodie et Etude op. 62. †	— » 75 »
— Cavatine de l'opera «Ernani»	— » 50 »
SPINDLER, Tr. Tonblüthen Charakterstücke op. 43.	
— № 1. Alpenröslein	à — » 45 »
— » 2. Vergissmeinnicht	— » — »
— » 3. Veilchenstrauß	— » — »
— » 4. Auf blühender Flur	— » — »
— » 5. Lilie	— » — »
— » 6. Verschmachtende Blume	— » — »
— Polka brillante de Salon op. 53.	— » 60 »
— Perles mélodiques op. 55.	— » 75 »
— Boutons de fleurs op. 56.	— » 60 »

SPINDLER, Gazouillement d'oiseaux op. 75 № 1.	— р. 60 с.
— Polka di bravura op. 82.	— » 60 »
— Nuit de Printemps op. 97.	— » 75 »
— Auf der Haide op. 100. № 3.	— » 30 »
— Wanderlied op. 100. № 4.	— » 50 »
— Glöckchenspiel op. 116 № 1.	— » 50 »
— Wilde Rose op. 120. № 1.	— » 60 »
— Fr. Spinnlied aus dem Fliegenden Holländer op. 122. № 1.	— » 75 »
— Tyrolienne brillante op. 72.	1 » — »
— Duftendes Veilchen op. 123. № 2.	— » 45 »
— Stücke aus Wagners Tannhäuser op. 94. № 2, à	— » 60 »
Matrosenchor aus dem Fliegenden Holländer op. 122	— » 60 »

Итальянскія струны лучшаго достоинства.

КВИНТЫ падуанскія, четырехъ-жильныя, четырехъ-навяз-	р. к.
ныя, за бунтъ 7 р., за струну	— 30
СЕКУНДЫ за бунтъ 6 р., за струну	— 20
ТЕРЦИ за бунтъ 7 р., за струну	— 30
1 БАСОКЪ скрипичный	— 25
1 БАСОКЪ скрипичный, серебряный шлифованный	— 60
1 АККОРДЪ струнъ для АЛЬТА	1 —
1 струна G для АЛЬТА	— 25
1 — C то же	— 30
1 АККОРДЪ струнъ для ВИОЛОНЧЕЛИ	1 75
1 струна A для ВИОЛОНЧЕЛИ	— 30
— D —	— 50
1 — G —	— 50
1 — C —	— 70
1 — невитаа для КОНТРБАСА	1 45
1 — витаа для КОНТРБАСА	2 85
1 аккордъ струнъ для шестиструнной ГИТАРЫ	1 50
1 аккордъ струнъ для семиструнной ГИТАРЫ	1 70
1 басокъ вѣнскій для ГИТАРЫ	— 25
СТРУНОМЪРЫ въ футлярахъ по	1 50

Въ этомъ же магазинѣ можно получать *все музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя или объявленныя* въ какомъ либо каталогѣ. Выписывающіе вотъ на три руб. сер. получаютъ 20 процентовъ уступки; на пять руб. 25 проц.; на десять руб. 30 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, кромѣ того не платятъ за пересылку. Требования гг. иногородныхъ исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

А. ВИТНЕРЪ.

17

312

750

